

А К А Д Е М И К

В. В. БАРТОЛЬД

СО Ч И Н Е Н И Я

II

часть 1

Академик
В.В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

Т О М

II

ЧАСТЬ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1963

Академик
В.В. БАРТОЛЬД

⊙ II ⊙

(1)

ОБЩИЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

⊙

РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ КАВКАЗА
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Ю. Э. Брегель, И. Н. Винников,
Б. Г. Гафуров (председатель), А. Н. Кононов (зам. председателя),
М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова,
И. И. Умяков**

Ответственный редактор тома

Б. Г. Гафуров

1-я часть II тома подготовлена к изданию

В. А. Ромодины и Б. Я. Ставискиж

Редактор издательства

Ю. Э. Брегель

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первую часть II тома «Сочинений» академика В. В. Бартольда включены обобщающие работы по истории Средней Азии, а также работы по истории Кавказа и Восточной Европы.

Изучение истории Средней Азии занимало главное место в разносторонней научной деятельности В. В. Бартольда. В составленной в 1927 г. для широких кругов читателей «Автобиографии» В. В. Бартольд, характеризуя причины, побудившие его уже в студенческие годы к выбору основной тематики своих исследований, писал: «Мне казалось вполне естественным, что русского востоковеда-историка привлекает область, географически и исторически более близкая России, чем другие восточные страны, область, где русский ученый располагает материалом, гораздо менее доступным западноевропейскому»¹.

В. В. Бартольд вместе с тем занимался и многими вопросами истории народов Кавказа. Продолжая традицию русского востоковедения, он неоднократно обращался к восточным источникам, содержащим сведения по истории славян, древней Руси, народов Поволжья и Восточной Европы в целом. В этой области В. В. Бартольд написал несколько ценных работ, мимо которых не может пройти ни один исследователь истории народов СССР.

В начале I-й части II тома «Сочинений» В. В. Бартольда помещен «Очерк истории Семиречья». Это одна из самых ранних его работ, опубликованная впервые в 1898 г. в Верном (ныне Алма-Ата)². Ее созданию предшествовала статья В. В. Бартольда о христианстве в Средней Азии и несколько других³, написанных им в связи с открытием Н. Н. Пантусовым и Ф. В. Поярковым несторианских кладбищ

---

¹ Бартольд, *Автобиография*, стр. 14.

² Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, изд. 1-е. ПКСОСК за 1898 г., стр. 74—175; также отдельный оттиск. Переиздан в 1943 г. в г. Фрунзе, под ред. и со вступит. статьей А. Н. Бернштама. Английский перевод В. Ф. Минорского и Т. А. Минорской: V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*, transl. by V. and T. Minorsky, vol. I, Leiden, 1956, pp. 73—171 (переиздано в 1962 г.). Более подробные сведения о всех изданиях работ В. В. Бартольда, помещенных в этом томе, а также о рецензиях на них см. в конце книги, в разделе «Библиографическая справка», стр. 881—884.

³ См. *Очерк истории Семиречья*, изд. 2-е, стр. 4—5 (вступит. статья А. Н. Бернштама).

под Пишпеком (ныне город Фрунзе) и Токмаком. Статьи эти были основаны на разработке В. В. Бартольдом письменных источников по истории Семиречья.

В 1893—1894 гг., совершая поездку в Семиречье, он побывал в Аулие-Ата (ныне город Джамбул), в Пишпеке, на Иссык-Куле и в долине р. Или, а в 1897 г. опубликовал отчет об этой поездке⁴. В нем В. В. Бартольд не только сопоставил описания путей, оставленные средневековыми географами, с современными маршрутами и изложил свои наблюдения над памятниками древности, но привел также большой материал по истории Семиречья, извлеченный им из письменных источников, и издал в качестве приложения персидский текст и русский перевод главы о тюрках из сочинения Гардизи (XI в.).

Основываясь на всех этих подготовительных работах, В. В. Бартольд написал «Очерк истории Семиречья», занимающий видное место в оставленном им научном наследии. Сам В. В. Бартольд высоко ценил эту свою раннюю работу и в дальнейшем неоднократно отсылал к ней читателя в своих последующих трудах (например, в труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия») в связи с упоминанием вопросов, более подробно рассмотренных уже в «Очерке истории Семиречья»⁵. За прошедшие после опубликования «Очерка истории Семиречья» шестьдесят пять лет в научный обиход был введен очень большой археологический материал, а также некоторые новые источники на персидском и арабском языках, продолжалось и исследование китайских источников, что дает возможность внести уточнения в отдельные вопросы, рассматриваемые в этом очерке. Однако работа В. В. Бартольда прочно сохраняет свое научное значение, оставаясь самым полным и систематическим обзором политической истории Семиречья с древних времен и до середины XVIII в. н. э.⁶

Дополнением к «Очерку истории Семиречья» служит написанная В. В. Бартольдом уже в советское время работа «Киргизы. Исторический очерк», выполненная им по просьбе Акцентра Киргизской АССР⁷. Очерк написан В. В. Бартольдом в период между 26 сентября

⁴ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию* (см. наст. изд., т. IV).

⁵ См. *Очерк истории Семиречья*, изд. 2-е, стр. 5 (вступит. статья А. Н. Бернштама).

⁶ Ныне территория бывшей Семиреченской области входит в состав Казахской ССР (районы, прилегающие к оз. Балхаш с востока, в частности бассейн р. Или) и Киргизской ССР (центральные, северные и северо-западные районы Тянь-Шаня, включая оз. Иссык-Куль и большую часть Чуйской долины).

⁷ Мысль о том, чтобы обратиться к В. В. Бартольду с просьбой о написании им работы по истории киргизского народа, возникла уже на первых порах деятельности Научной комиссии, существовавшей при Отделе народного просвещения Киргизской Автономной области со времени создания этой области. Впоследствии Научная комиссия была преобразована в Академический центр (Акцентр) Наркомпроса Киргизской АССР, на котором лежало руководство научной жизнью республики до организации Киргизского филиала Академии наук СССР (КирФАН).

1925 г. и декабрем 1926 г. и издан впервые в городе Фрунзе в 1927 г.⁸

В этой работе впервые был дан последовательный обзор ряда отдельных периодов истории киргизов с древних времен до 70-х годов XIX века. Этот обзор, в сжатой форме обобщены основные сведения письменных источников по истории енисейских и Тяньшаньских киргизов, не потерял своей ценности и поныне, оставаясь настольной книгой для исследователей, занимающихся изучением прошлого киргизского народа⁹. В числе вопросов, рассматриваемых В. В. Бартольдом в очерке по истории киргизов, имеется несколько важных и до сих пор окончательно не решенных проблем, связанных с этногенезом киргизского народа, как, например, вопрос о времени появления киргизов на Тянь-Шане и распространении этнонима «киргиз» на занимаемых ими землях. Для окончательного решения таких вопросов известные до настоящего времени письменные источники содержат недостаточно материала. К сводке этого материала, представленной в работе В. В. Бартольда и отличающейся большой тщательностью и научной объективностью, постоянно обращаются и впредь долго еще должны будут обращаться исследователи этих вопросов уже потому, что после В. В. Бартольда не было пока открыто ни одного нового восточного письменного источника, содержащего сколько-нибудь обстоятельные сведения по истории киргизов и Киргизии в средние века. Проведенная в последние десятилетия работа привела лишь к частичному уточнению некоторых положений В. В. Бартольда.

В советское время В. В. Бартольд опубликовал еще два очерка истории отдельных народов Средней Азии: таджиков (в 1925 г.) и туркмен (в 1929 г.). Эти три очерка положили начало дальнейшему исследованию истории отдельных народов Средней Азии, прежде очень мало разработанной. Они послужили надежной основой для последующего изучения истории Средней Азии в национальных республиках, где за последние десятилетия созданы университеты и академии наук и выросли местные кадры ученых-историков.

Превосходные исследования по истории народов Средней Азии, в которых отражены результаты многолетних изысканий такого знатока первоисточников, каким был В. В. Бартольд, он сам, со свойственной ему скромностью, оценивал лишь как подготовительные работы для дальнейшего изучения прошлого Средней Азии. Выпуская в свет в 1929 г. «Очерк истории туркменского народа», он писал в предисловии: «Составленный мною очерк относится к области подготовительных работ, которых в данной области еще нет и без которых немислимо выполнение широких научных задач. Насколько он в этом отношении

⁸ Переиздано в 1943 г. в г. Фрунзе, под ред. и со вступит. статьей А. Н. Бернштама.

⁹ См. вводную статью А. Н. Бернштама ко 2-му изданию работы: Бартольд, *Киргизы. Исторический очерк*, стр. 7.

достигнет цели, покажет будущее»¹⁰. С тех пор, как были написаны эти строки, прошло несколько десятилетий. Наши представления о прошлом туркмен и их страны значительно расширены результатами изысканий археологов, а также в связи с опубликованием переводов восточных источников и изучением архивных документов. На этой основе был создан ряд исследований отдельных авторов и коллективных трудов. И когда в результате большой подготовительной работы в 1957 г. впервые увидел свет сводный труд историков Туркменской ССР, они отдали должное В. В. Бартольду, указав на его научные заслуги в изучении прошлого Средней Азии и особо отметив значение написанного им в 1929 г. очерка истории туркменского народа. Труды В. В. Бартольда, как указывается во введении к I тому «Истории Туркменской ССР», «во многом послужили исходным пунктом для дальнейшей работы в области научного изучения истории туркмен и их предков»¹¹.

Ряд интересных сведений, а также попыток наметить решение некоторых спорных и недостаточно ясных вопросов истории таджикского народа содержится и в работе В. В. Бартольда «Таджики. Исторический очерк», вместе с которой мы публикуем русский перевод статьи В. В. Бартольда «Таджики», помещенной им в «Энциклопедии ислама»¹².

Кроме очерков, посвященных отдельным народам Средней Азии, В. В. Бартольд опубликовал две обзорные работы по истории Средней Азии в целом, которые также включены в I-ю часть II тома нашего издания: это «История Туркестана» (курс лекций, прочитанных в Туркестанском университете, издан в 1922 г.)¹³ и «История культурной жизни Туркестана» (издана в 1927 г.).

В первой из этих работ дан сжатый обзор истории, в основном политической, народов Средней Азии с древних времен до XIX в., а также сообщаются некоторые сведения, относящиеся к XIX веку. Значение этого обзора состоит, прежде всего, в том, что в нем В. В. Бартольд подытожил и обобщил результаты своих многолетних исследований по отдельным проблемам и периодам истории Средней Азии. Автор приводит в нем и новый материал по некоторым частным вопросам. Поэтому опубликованный В. В. Бартольдом курс лекций интере-

¹⁰ См. ниже, стр. 547.

¹¹ *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 10.

¹² Аналогичные статьи из «Энциклопедии ислама» о киргизах и туркменах будут помещены в V томе «Сочинений», наряду со всеми другими статьями из «Энциклопедии ислама», посвященными отдельным тюркским народам.

¹³ Английский перевод опубликован В. Ф. Минорским и Т. А. Минорской в 1956 г. под названием «Краткая история Туркестана» (Barthold, *Four studies*, vol. I, pp. 1—68; переиздано в 1962 г.). Мы оставляем за этой работой название, принятое автором в 1-м русском издании.

сен не только для студентов и более широких кругов читателей, но и для специалистов-историков.

По своей тематике краткую «Историю Туркестана» дополняет и развивает большая работа «История культурной жизни Туркестана», написанная В. В. Бартольдом в годы гражданской войны, в Петрограде, но изданная только в 1927 г. В. В. Бартольд рассматривает здесь ряд вопросов истории культуры в широком смысле этого слова, уделяя большое внимание истории местных школ и обучения как в средние века, так и в XIX в., а также некоторым вопросам истории религий, а наряду с этим и общей истории — отчасти экономической и этнической, а более всего — политической (например, дает очерк истории узбекских ханств в эпоху позднего феодализма и их завоевания в XIX в. царской Россией).

О тех областях культуры и событиях истории, которым уделил внимание В. В. Бартольд, в этом его труде собран обширный материал, чем и объясняется тот факт, что до сих пор советские исследователи многих специальностей обращаются к нему за справками по самым различным вопросам, как к богатейшему своду разнообразных сведений. Особенно большую научную ценность имеют обстоятельные экскурсии по истории различных терминов, относящихся к хозяйственной, социальной и культурной жизни Средней Азии и всего так называемого мусульманского Востока. К несомненным достоинствам «Истории культурной жизни Туркестана» принадлежит также и то, что она написана ясно и живо; видимо, В. В. Бартольд стремился придать этой книге, не снижая ее научного уровня, научно-популярный характер в изложении, что ему и удалось. Поэтому «История культурной жизни Туркестана» сохраняет и поныне значение полезной в познавательном отношении книги для широкого круга читателей.

Все это дает основания считать «Историю культурной жизни Туркестана» одной из самых интересных работ II тома «Сочинений», несмотря на то что по ряду причин, часть из которых упомянута самим В. В. Бартольдом в авторском предисловии к первому изданию, этот труд не свободен от серьезных недостатков. Многие области материальной и духовной культуры, без освещения которых современному читателю трудно себе представить работу по истории культурной жизни народов, давших человечеству Ибн Сину, Алишера Навои, Махтум-Кули и ряд других выдающихся людей науки и деятелей культуры, В. В. Бартольдом здесь совсем не рассматриваются или относящиеся к ним факты лишь вскользь упоминаются. В частности, В. В. Бартольд не ставил своей задачей освещение истории художественной литературы и устного народного творчества народов Средней Азии, по-видимому не считая себя специалистом в этой области. То же самое относится и к истории науки.

Из числа недостатков «Истории культурной жизни Туркестана» обратим также внимание читателя на неравноценность отдельных глав

как по богатству фактического материала, так и по глубине изложения. Так, например, значительно беднее других глав по приведенному материалу глава, посвященная казачьей и крестьянской колонизации. Вопрос о взаимоотношении оседлого и кочевого хозяйства в дореволюционной Средней Азии рассмотрен весьма бегло; в нем почти совершенно не использованы данные, имевшиеся по этому вопросу в русских источниках и литературе второй половины XIX — начала XX в., а несколько односторонний подбор материала может вести к выводам, сводящимся к отрицанию пользы от перехода кочевников к оседлости¹⁴.

В первой части II тома помещена также обобщающая работа «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», в которой рассматривается в основном история кавказских и североиранских областей, прилегающих к Каспийскому морю, — прежде всего Азербайджана, но также Дагестана, Мазандерана и Гургана. Значение этой работы заключается в первую очередь в том, что в ней впервые последовательно изложена история Азербайджана с древнейших времен до нового времени включительно и в связи как с соседними с Азербайджаном прикаспийскими областями, так, отчасти, и с лежащей за морем Туркменией. В. В. Бартольд прослеживает и давние взаимосвязи Азербайджана с более отдаленными областями Средней Азии, а на севере — с Поволжьем, через Волгу — с Россией¹⁵. Более всего ценного материала в работе «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», как и в других трудах В. В. Бартольда, содержится в разделах, посвященных истории средних веков:

«Краткий обзор истории Азербайджана» представляет собой предназначенный для более широкой аудитории сжатый конспект курса лекций, положенного в основу работы «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира». Кроме этих двух работ, в I-й части II тома помещено несколько статей и заметок В. В. Бартольда по более частным вопросам истории Азербайджана и других стран и областей Кавказа. Среди них — четыре статьи из «Энциклопедии ислама»: «Абхазы», «Аланы», «Ширваншах» и «Шамиль». Кроме того, здесь же помещены две статьи из «Энциклопедии ислама» — «Славяне» и «Буртасы», — относящиеся к истории Восточной Европы.

Большой интерес для историков Руси сохраняют публикуемые в I-й части II тома две работы В. В. Бартольда: «Новое мусульманское известие о русских» (впервые изданная в 1896 г.) и «Арабские известия о русах» (опубликованная впервые в 1940 г., после смерти В. В. Бартольда).

Значительную ценность для специалистов имеют публикуемые здесь

¹⁴ См. ниже, стр. 295—296.

¹⁵ В некоторых разделах этой работы частично повторяется материал из других сводных работ В. В. Бартольда (главным образом из «Туркестана» и «Арабских известий о русах»), однако он изложен в тесной связи с историей прикаспийских областей.

рецензии на общие работы по Средней Азии: книгу Ф. Х. Скрайна и Э. Д. Росса, книгу В. И. Масальского «Туркестанский край» и сборник «Азиатская Россия». В частности, рецензия на книгу Скрайна и Росса интересна для историков с методической стороны, так как в ней В. В. Бартольд высказывает свою точку зрения на принципы написания сводных исторических трудов.

Заканчивая на этом замечания, характеризующие состав работ, вошедших в 1-ю часть II тома «Сочинений» В. В. Бартольда, напомним, что, как уже было сказано в редакционном предисловии, напечатанном в I томе, в ряде случаев распределение публикуемых нами работ В. В. Бартольда между смежными по содержанию томами в той или иной мере условно¹⁶. В отношении 1-й части II тома следует добавить, что в ее состав не вошел ряд обзорных работ В. В. Бартольда, в большей или меньшей мере непосредственно связанных с историей Средней Азии, например лекции В. В. Бартольда по истории тюрко-монгольских народов, а также статьи из «Энциклопедии ислама», посвященные тюркоязычным народам и отдельным областям и городам Средней Азии (Бухаре, Хорезму и др.). Такие работы войдут главным образом в V и III тома нашего издания. При определении состава работ, включенных в 1-ю часть II тома, отнюдь не ставилась задача добиться сосредоточения здесь всех трудов В. В. Бартольда, связанных с историей Средней Азии; здесь объединены преимущественно обобщающие и обзорные работы, охватывающие или историю Средней Азии в целом, или отдельных ее народов.

В обзорных работах В. В. Бартольда — таких, как «История Туркестана», «История культурной жизни Туркестана» и «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», — особенно ясно отразились исторические концепции автора, сильные и слабые стороны его подхода к объяснению исторических явлений. Не останавливаясь здесь подробно на характеристике взглядов В. В. Бартольда как историка, освещенных в общих чертах А. Ю. Якубовским, напомним, что, изучая историю средневекового Востока, В. В. Бартольд «приближался в ряде вопросов по своим выводам к марксистским работам»¹⁷. С влиянием идей исторического материализма был связан постоянный интерес В. В. Бартольда к вопросам истории хозяйства, а также внимание, которое он уделял (впервые после русской революции 1905 г., а затем в советское время) изучению народных движений, классовой борьбы на средневековом Востоке. В трудах В. В. Бартольда, посвященных средневековой истории народов Востока, содержится много существенных

¹⁶ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 9—10 (От редакционной коллегии по изданию «Сочинений» академика В. В. Бартольда).

¹⁷ Якубовский, *Проблема*. Подробнее характеристику взглядов В. В. Бартольда, содержащуюся в этой работе А. Ю. Якубовского, см. в предисловии от редакционной коллегии — наст. изд., т. I, стр. 6—7.

обобщений, основанных на большом фактическом материале и в значительной своей части принятых и разработанных далее советскими исследователями¹⁸.

В. В. Бартольд относился с глубоким уважением к народам Востока, к их богатому прошлому, к вкладу, внесенному ими в историю культуры, а, с другой стороны, «никогда не унижал своего пера» апологетикой царизма, колониальных завоеваний и колониальной политики¹⁹. В заключительных словах к переиздаваемой здесь работе «История культурной жизни Туркестана», опубликованной в 1927 г., В. В. Бартольд отчетливо выражал признание роли СССР в изменениях к лучшему в судьбах народов Востока, а также свое сочувствие освобождению Афганистана и освободительной борьбе народов Индии; он видел намечавшееся крушение колониальной системы в целом, называя колониальные завоевания (причем прежде всего имел в виду царскую Россию и английских завоевателей) «мрачными страницами прошлого»²⁰.

Глубокие мысли, свидетельствующие о широте кругозора и обширных познаниях во всеобщей и русской истории, нередко высказывались В. В. Бартольдом в его рецензиях. Обращаем внимание читателей, в качестве примера, на то место в рецензии на трехтомное издание «Азиатская Россия», где В. В. Бартольд, осуждая субъективный подход и модернизацию, проявленные при характеристике Ермака, а также Пояркова и других «сибирских землеискателей» XVI—XVII вв., писал: «Деятелей прошлого приходится брать такими, какими они были...»²¹.

Конечно, далеко не со всеми обобщениями, оценками событий и характеристиками исторических личностей, встречающимися в трудах В. В. Бартольда, можно сейчас согласиться. Как уже неоднократно отмечалось в советской исторической литературе, В. В. Бартольд в ряде случаев переоценивал значение географических условий, торговых путей, а также таких факторов, как культурные влияния и заимствования, завоевания и т. д. В примечаниях составителей к переиздаваемым работам В. В. Бартольда многие такие случаи отмечены. Остановимся здесь на наиболее характерных и часто встречающихся в публикуемых в 1-й части II тома обзорных работах В. В. Бартольда неверных или устарелых общих положениях, характеристиках и формулировках.

Недостатком обзорных трудов В. В. Бартольда является сведение

¹⁸ Сб этом см. в предисловии к I тому «Сочинений», написанном И. П. Петрушевским, стр. 26—32.

¹⁹ Там же, стр. 32.

²⁰ См. ниже, стр. 433. Правда, там же В. В. Бартольд высказал неверное мнение, будто бы в прошлом «выполнение исторических задач было «неизбежно связано с подчинением одних народов другим». Ср. также стр. 623.

²¹ См. ниже, стр. 646; ср. также наст. изд., т. I, стр. 526 (о Чингиз-хане).

их содержания в основном к истории правителей и завоеваний; истории народов, трудящихся масс уделяется в таких работах, как правило, очень мало внимания. При этом в некоторых случаях, как, например, при объяснении отношения местного населения к царским властям колониального Туркестана, В. В. Бартольд не учитывал социально-экономических условий и ограничивался ссылкой на личные качества отдельных царских администраторов²². Такого рода слабых мест больше всего в тех разделах сводных работ В. В. Бартольда, которые посвящены новой истории.

Преувеличение роли географических условий и торговых путей приводило иногда В. В. Бартольда к ошибочным прогнозам (опровергнутым впоследствии самой жизнью), например о будущности Туркестана²³. Следование распространенной среди буржуазных историков концепции «извечного феодализма» отразилось в отождествлении (неправильном, как неоднократно отмечалось в советской литературе) общественного строя древней Средней Азии и средневековой Средней Азии²⁴. Преувеличение роли культурных влияний и заимствований мы видим в ряде работ В. В. Бартольда, помещенных в 1-й части II тома²⁵.

Как уже отмечалось в предисловии и в комментариях к I тому²⁶, В. В. Бартольд во многом неправильно оценивал роль монгольского завоевания и его последствия для покоренных стран и народов, в частности в вопросах, связанных с историей России, с образованием Московского государства²⁷.

Следует обратить внимание читателя также на требующие критического отношения высказывания В. В. Бартольда по вопросам, касающимся современного ему положения в Средней Азии в первые годы после Октябрьской революции. Нередко в таких высказываниях отражалась зависимость взглядов автора в те годы от взглядов большей части представителей буржуазной интеллигенции, которая шла на сотрудничество с советской властью, но придерживалась в отношении к ней выжидательной позиции. В качестве примера сошлемся на высказывание в «Истории культурной жизни Туркестана», характеризующее отношение В. В. Бартольда к политике советской власти в области школьного образования в Средней Азии в первые годы революции.

²² См. ниже, *История культурной жизни Туркестана*, стр. 380.

²³ См. ниже, *История Туркестана*, стр. 165—166.

²⁴ См. ниже: *История Туркестана*, стр. 117; *История культурной жизни Туркестана*, стр. 173; *Таджики. Исторический очерк*, стр. 456.

²⁵ См. ниже: *История Туркестана*, стр. 113; *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, стр. 653; особенно — *Кавказ, Туркестан, Волга*, стр. 789, где «перенесение начал культуры из одной страны в другую» объявляется «основным содержанием истории».

²⁶ См. гл. IV, прим. 1 к стр. 530 I тома.

²⁷ См. ниже, *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, стр. 714, 717, 719.

Здесь автор, сравнивая отношение царизма перед революцией к религиозной мусульманской школе с политикой советской власти, писал: «С победою революции консервативные стремления в области школы, как во всех других областях, уступили место иным, еще не давшим определенных результатов»²⁸. Подобно многим другим представителям буржуазной интеллигенции, В. В. Бартольд в первые годы после Октябрьской революции не видел реальности иного пути дальнейшего исторического развития Средней Азии, кроме капиталистического, что, кажется, достаточно ясно показывает заключение к «Истории Туркестана»²⁹.

Более всего устарелых формулировок и неверных толкований фактов и событий содержится в работе В. В. Бартольда «История культурной жизни Туркестана», что объясняется прежде всего тем, что в этой работе затронуто много вопросов политики и экономики XIX — начала XX в. Приведем еще несколько примеров. В некоторых случаях В. В. Бартольд применяет термин «беспорядки» в отношении революционных событий 1905 года в России, а также восстания 1916 года в Средней Азии, которое он именуется «мятежом». Не видя различия между уголовной преступностью и выступлениями трудящихся, хотя бы и имевшими «разбойный» характер, но направленными против социального и национального угнетения, В. В. Бартольд не мог дать правильного анализа рассматриваемых им статистических сведений об увеличении случаев «разбоев и грабежей»³⁰. Вот почему, будучи объективным историком и понимая значение социально-экономических условий и несоответствие фактам объяснений царских чиновников, приписывавших рост преступности освободительному движению, т. е. революции 1905 года, В. В. Бартольд и сам по существу поддерживал в данном случае глубоко неверную точку зрения³¹.

Необходимо обратить внимание читателя также на то, что В. В. Бартольд в ряде случаев пользовался распространенной в свое время, но ныне устаревшей и неточной научной терминологией. Применяя термины «коммунизм» и «коммунистический» при характеристике народных движений и идеологии древности и средних веков, он пользовался этим термином в более широком значении, чем принято ныне. Так, в «Истории культурной жизни Туркестана» В. В. Бартольд применял термин «коммунистические идеи» в отношении маздакитов³². Здесь, как и в ряде других мест этой работы, а также в работе «Место прикаспийских областей»³³ В. В. Бартольд применял к первобытнообщинным (доклассовым) представлениям термин «коммунистический». Подобная

²⁸ См. ниже, стр. 317—318 и прим. 67.

²⁹ См. ниже стр. 166 и прим. 5.

³⁰ См. ниже, стр. 385—386.

³¹ См. ниже, стр. 385.

³² См. ниже, стр. 217.

³³ См. ниже, стр. 669.

терминологическая неточность была вообще свойственна нашей научной литературе 20-х — начала 30-х годов.

Термин «турки» (и, соответственно, «турецкий») В. В. Бартольд употреблял для обозначения всех тюркоязычных народов, т. е. в том смысле, как ныне употребляется термин «тюрки»³⁴; словом «турки» теперь называют только малоазиатских тюрок — тюрок-османов.

Пользуясь русскими документами XIX—начала XX в., а нередко и в других случаях, В. В. Бартольд и в советское время продолжал употреблять термины дореволюционного времени. В частности, для обозначения местного населения окраин России В. В. Бартольд до конца 20-х годов продолжал применять привычный для него и традиционный в старой русской литературе термин «туземцы», который тогда уже совсем выходил из употребления; конечно, он не имел в виду придать ему сколько-нибудь оскорбительный оттенок.

В тексте «Сочинений» многие этнические названия оставлены в устаревшей к нашему времени форме, в которой их писал автор. Оставляя термин «казак» вместо современного «казах», составители сочли целесообразным дать во многих случаях пояснения. В русской терминологии в прошлом (не позднее, чем с начала XVIII в.) существовала путаница: казахи назывались киргиз-кайсаками, впоследствии киргиз-казаками или, чаще, киргизами, а настоящих киргизов русские именовали «кара-киргизами». Кроме того, этническое имя «казак» могло смешиваться с русским названием военного сословия (казаки уральские, сибирские, семиреченские и т. д.). Истинное самоназвание казахского народа — «казак» — сохраняется в казахском языке и в других языках советского Востока. В русском языке с 30-х годов XX в., во избежание терминологической путаницы, название этого народа стали писать «казах». Во времена В. В. Бартольда неудобства, связанные с многозначностью слов «казак» и «киргиз», были настолько велики, что даже в его работах иногда название «киргиз» применялось в качестве собирательного имени и для киргизов и для казахов (в языках местного населения, эти два этнических термина никогда не смешивались).

В примечаниях к работам В. В. Бартольда не преследовалась цель дать все возможные частные поправки к его положениям (а только наиболее существенные); составители в основном стремились указать читателю новую литературу, в которой можно найти современные данные по вопросам, рассматриваемым В. В. Бартольдом³⁵.

Изучение истории Средней Азии и Закавказья после смерти

³⁴ См. особенно ниже, стр. 453, где В. В. Бартольд пытается обосновать свою точку зрения по этому вопросу. В ранних работах (в том числе в *Туркестане*) Бартольд писал «тюрки».

³⁵ Примечания ни в какой степени не содержат исчерпывающих библиографических указаний; более полные списки литературы читатель может найти в работах, помещенных во втором разделе Библиографии («Библиографические пособия», см. ниже, стр. 948).

В. В. Бартольда (1930 г.) достигло больших успехов. Огромный фактический материал был получен в особенности благодаря работам археологов, широко развернувшимся с 30-х годов. В результате этих работ открыто много памятников культуры и искусства, а также памятники письменности древней и раннесредневековой Средней Азии и был освещен по-новому ряд вопросов, которых В. В. Бартольд из-за ограниченности известного в его время материала вынужден был касаться только вскользь. Обширный материал накоплен также по позднему средневековью и новому времени благодаря выявлению и публикации новых письменных источников на восточных языках, в частности документальных, изучению русских архивов в Москве, Ленинграде и республиках советского Востока, а также благодаря интенсивной работе этнографов. Именно по этим периодам (древняя история, позднее средневековье и новое время) пришлось дать больше всего примечаний к работам В. В. Бартольда, вошедшим в I-ю часть II тома.

В результате длительной работы по выявлению и систематизации фактического материала по всем периодам истории народов советского Востока и исследования этого материала с позиций марксистско-ленинской методологии были созданы условия для написания обобщающих трудов по истории отдельных народов Средней Азии, в которых рассматриваются их судьбы с древнейших времен и до наших дней: *История Узбекской ССР*, т. I—II, Ташкент, 1955—1957; Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, М., 1955 (изд. 3-е); *История Туркменской ССР*, т. I—II, Ашхабад, 1957; *История Киргизии*, т. I—II, Фрунзе, 1956; *История Казахской ССР*, т. I—II, Алма-Ата, 1957—1959; *История таджикского народа*, т. I, М., 1963 (остальные четыре тома готовятся к изданию). Обобщающие труды по истории других республик советского Востока, к которым в большей или меньшей степени относятся включенные в I-ю часть II тома работы В. В. Бартольда, были изданы также в Азербайджанской ССР, Грузинской ССР, Армянской ССР, в Дагестане, Татарии и т. д.

Несмотря на опубликование этих обобщающих трудов и множества книг и статей по истории народов советского Востока, обзорные труды В. В. Бартольда, как и его работы по частным проблемам, входящие в I-ю часть II тома «Сочинений», остаются необходимейшими пособиями для историков и всех специалистов, занимающихся изучением прошлого этих народов.

По фактическому материалу работы В. В. Бартольда устарели лишь в незначительной своей части, в отдельных вопросах. В целом исторические труды В. В. Бартольда сохраняют в течение многих десятилетий свою свежесть и ценность прежде всего потому, что они основаны на червоклассном, нестареющем материале источников, которыми автор пользовался продуманно, критически, умея оценивать и отбирать содержащиеся в них сведения и тщательно их анализировать.

Библиография книг и статей по истории народов советского Востока, вышедших в свет после смерти В. В. Бартольда, исчисляется тысячами названий. Объем материала, который следовало учесть, и разнообразие вопросов, стоивших перед составителями при подготовке к печати 1-й части II тома «Сочинений», вызвали необходимость привлечь к участию в работе многих специалистов — историков, археологов, филологов, лингвистов и библиографов.

Текст 1-й части II тома подготовлен к изданию В. А. Ромодиным и Б. Я. Стависким под редакцией Б. Г. Гафурова. В. А. Ромодиным и Б. Я. Стависким составлена также большая часть примечаний (помещенных в угловых скобках с инициалами, соответственно, *В. Р.* и *Б. С.*). Примечания к работе В. В. Бартольда «Очерк истории туркменского народа», а также отдельные примечания к другим работам написаны Ю. Э. Брегелем (инициалы — *Ю. Б.*) и к статье «Абхазы» — З. В. Анчабадзе (инициалы — *З. А.*).

Статьи из «Энциклопедии ислама» переведены с немецкого Д. Е. Бертельсом (примечания переводчика обозначены инициалами *Д. Б.*).

При подготовке к печати текста и составлении примечаний была учтена текстологическая и комментаторская работа над прежними изданиями трудов В. В. Бартольда, вошедших в 1-ю часть II тома: А. Н. Бернштама (2-е издание очерка «Киргизы»³⁶, А. П. Ковалевского (издание работы «Арабские известия о русах») и В. Ф. Минорского (публикация английских переводов «Истории Туркестана», «Очерка истории Семиречья» и «Очерка истории туркменского народа»). Большинство примечаний, составленных этими учеными, перепечатаны и в нашем издании и обозначены, соответственно, инициалами: *А. Б.*, *А. К.* и *В. М.*

При подготовке к печати 1-й части II тома большую помощь оказали своими консультациями, а также любезно предоставили составителям материал для примечаний по отдельным вопросам: С. М. Абрамзон (по вопросам этнографии), В. А. Лившиц (по истории иранских языков), Б. И. Панкратов, Б. Л. Рифтин и В. С. Колоколов (по транскрипции китайских имен, географических названий и терминов). Составители выражают искреннюю благодарность этим лицам, а также другим специалистам, помогавшим при подготовке издания к печати своими консультациями, отдельными справками и критическими замечаниями: О. Ф. Акимушкину, Ю. А. Заднепровскому, Б. А. Каррыеву, С. С. Қакабадзе, С. Г. Кляшторному, Е. И. Кычанову, О. Э. Ливотовой,

---

³⁶ Оценку текстологической работы, проведенной редакцией 2-го издания очерка В. В. Бартольда «Киргизы», сверившей текст этого очерка с подлинной рукописью автора, хранящейся в Центральном Республиканском Государственном архиве Киргизской ССР, см. Крачковский, *К переизданию трудов В. В. Бартольда*, — И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 430.

Л. Н. Меньшикову, Р. Р. Орбели, И. П. Петрушевскому, В. Б. Португалию, А. С. Чеишвили и К. Н. Юзбашяну.

Во многих вопросах, в частности при составлении «Библиографической справки», весьма существенную помощь оказала пока еще не опубликованная «Аннотированная библиография работ академика В. В. Бартольда», составленная проф. И. И. Умняковым; по любезному разрешению которого мы смогли пользоваться ею по корректурному экземпляру.

Текст работ В. В. Бартольда печатается без изменений и сокращений. В тексте исправлены только очевидные опечатки; при этом пропущенные в предыдущих изданиях слова внесены в текст только в случаях, не вызывавших сомнений, и даны в угловых скобках. Работа В. В. Бартольда «История Туркестана» для удобства чтения разделена на главы, чего не было в первом издании. Названия этих глав, принятые редакцией, поскольку они не принадлежат самому В. В. Бартольду, заключены в угловые скобки. При установлении названий глав редакция старалась не отходить далеко от того, что могло бы быть предложено самим В. В. Бартольдом, учитывая характер разбивки на главы других его трудов по истории Средней Азии, а также, в некоторых случаях, принимая во внимание названия разделов, которые ввел в издание английского перевода «Истории Туркестана» В. Ф. Минорский.

В большей части обзорных работ В. В. Бартольда — либо ввиду их научно-популярного характера («История культурной жизни Туркестана», «Таджики»), либо вследствие того, что это были конспекты или записи лекций («Место прикаспийских областей», «История Туркестана») — почти полностью отсутствуют сноски и даже не всегда названы источники, цитируемые автором в тексте. Составители не стремились создать заново отсутствующий у автора научно-ссылочный аппарат, ограничившись отдельными справочно-библиографическими примечаниями. Исключение сделано только для тех глав «Истории культурной жизни Туркестана», которые посвящены XIX—XX вв. Здесь сам В. В. Бартольд дал значительное число ссылок на использованные им источники, и составители пополнили и расширили ссылочный аппарат в этих главах, раскрывая «глухие» ссылки на источники и литературу везде, где это оказывалось возможным.

В. Ромодин

РАЗДЕЛ 1

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
СЕМИРЕЧЬЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

С величайшим удовольствием я принял предложение Комитета написать для издаваемой им «Памятной книжки» краткий очерк истории страны и хронологический указатель важнейших событий. Самый факт проявления интереса к местной истории в Семиречье в высшей степени отраден для исследователя истории Средней Азии, который понимает, что полное и всестороннее изучение этой истории возможно только при деятельном участии местных сил. Дошедшие до нас письменные источники часто отрывочны и неполны и нуждаются в дополнении археологическим материалом. Собрание этого материала для лиц, приезжающих в страну на короткий срок и потому не имеющих возможности приобрести доверие туземцев, представляет почти непреодолимые трудности; только люди, постоянно живущие на месте, могут производить такие изыскания в более обширных размерах и обогащать науку действительно ценными открытиями. Такие открытия делались и в Семиреченской области (укажем на открытие несторианских кладбищ около Пишпека и Токмака), но до сих пор имели более или менее случайный характер. Значительная часть археологического материала пропадает без всякой пользы для науки; так, мне известно, что в русле старых арыков около Бураны жители Токмака находили множество монет, но существует ли где-нибудь собрание этих монет, я не мог узнать. Как всякое другое дело, дело исследования памятников местной старины может вестись успешно только при правильной организации¹. Позволяем себе поэтому выразить надежду, что и в Семиречье со временем

---

¹ <Систематические археологические исследования на территории Семиречья, вошедшей в состав Казахской и Киргизской ССР, развернулись только в советское время. Основные результаты этих исследований отражены в сводных трудах: *История Киргизии*, т. I, Фрунзе, 1956 и *История Казахской ССР*, т. I, Алма-Ата, 1957. Данные о прошлом Семиречья, полученные советскими исследователями, использованы в издании: *Археологическая карта Казахской ССР*, Алма-Ата, 1960. Свод археологических материалов см. в работах: *Чуйская долина*; Бернштам, *Археологический очерк*; его же, *Историко-археологические очерки*; Иванов, *Материалы по археологии*; Заднепровский, *Изучение котловины Иссык-Куля*; Кожемяко, *Города Чуйской долины*. Библиографию по археологии южной части Семиречья см. Амитин-Шапиро, *Библиографический указатель*; библиографию по археологии Восточного Казахстана и Северной Киргизии см. *Советская археологическая литература*; дореволюционную русскую литературу о древностях Иссык-Кульской котловины см. Амитин-Шапиро, *Библиография*.— В. Р.>

для этой цели будет образовано общество с определенными задачами и правами, наподобие существующего теперь в Туркестанском крае, уже обогатившего науку такими ценными открытиями, как найденные в долине Таласа древнетюркские и уйгурские надписи².

Собиранием археологического материала, конечно, не исчерпывается та польза, которую в деле исследования истории страны могут принести местные силы. Личное знакомство со страной необходимо для отождествления древних географических названий с современными, также для полного выяснения зависимости истории страны от географических условий. Нет надобности распространяться о значении для историка этнографических данных, при собирании которых местные деятели также находятся в более выгодных условиях.

Мы надеемся, что предлагаемый труд принесет некоторую пользу лицам, желающим работать на указанных поприщах. По доступным нам печатным и рукописным источникам мы постарались собрать в одно целое известный до сих пор исторический материал о Семиречье, причем обращали особенное внимание на известия о бытовых условиях, в которых находилась страна в различные периоды ее исторической жизни. Мы не имели в виду написать историю страны в настоящем смысле слова, удовлетворяющую современным научным требованиям; для такого труда еще не наступило время; много вопросов, без разрешения которых невозможно понимание хода исторической жизни страны, мы могли только наметить, не решаясь дать на них какой-нибудь ответ. Предлагаемый очерк должен служить только материалом для будущего историка и исходной точкой для дальнейших исследований. В какой степени он удовлетворяет этой цели, судить не нам.

---

² Обращаем особенное внимание наших читателей именно на эту находку, так как изложенные ниже исторические факты дают полное основание надеяться, что такие же надписи будут найдены в Семиречье.

I

УСУНИ¹

Древнейшие исторические известия о Семиречье мы находим в китайских источниках; у более ранних греческих и римских писателей мы находим только несколько имен народов, живших за Сыр-Дарьей, без определения жилищ каждого из них. Китайцам Семиречье сделалось известным только в конце II века до н. э., когда китайское правительство, ища союзников против могущественных хуннов, отправило посольство в западные страны. К числу побежденных хуннами народов принадлежали усунь, первоначально кочевавшие в области между хребтом Нань-шань и рекой Булунцзир; здесь их царь погиб в сражении с хуннами; его новорожденного сына хуннский царь взял к себе на воспитание и впоследствии, когда он отличился в походах, возвратил ему народ его отца. Усунь приняли участие в преследовании своих прежних соседей, тоже разбитых хуннами, — юечжийцев, народа, по всей вероятности, тибетского происхождения². Во время своего движения на запад юечжийцы вытеснили из Семиречья народ сэ, имя которого обыкновенно отождествляют с названием народа саков, часто упоминаемого в греческих и персидских известиях о Средней Азии, хотя в пользу такого сближения нельзя привести никаких доказательств, кроме сходства звуков. В свою очередь юечжийцы были вытеснены усунями, которые в эпоху первых китайских посольств господствовали в Семиречье, хотя в стране осталась жить также часть обоих

---

¹ По китайским известиям, собранным в книге: Бичурин, *Собрание сведений*. <Ныне, кроме второго издания этой книги, переводы китайских текстов об усунях см. также в работе: Кюнер, *Китайские известия*, стр. 68—100. Современные взгляды на историю усуней см.: *История Киргизии*, т. I, стр. 53—65; *История Казахской ССР*, т. I, стр. 40—52. Новейшие археологические материалы по истории усуней см.: Акишев, *Отчет о работах*; Кибиров, *Археологические работы*; Агеева, *К вопросу о типах древних погребений*. — Б. С.>

² <Юечжи — кочевники, завоевавшие во II в. до н. э. основные земли Средней Азии и создавшие около рубежа н. э. огромное среднеазиатско-индийское государство — кушанскую державу. Ныне юечжи признаются племенами, говорившими на языке восточноиранской группы. Ср. Лившиц, *Иранские языки*, стр. 142—143. См. также: *История таджикского народа*, т. I, стр. 335—393; там же указана основная литература. — Б. С.>

упомянутых народов³. Здесь усуньский царь Лецзяоми, носивший титул *гуньмо*, скоро достиг такой степени могущества, что совершенно перестал подчиняться хуннам. На востоке его владения непосредственно соприкасались с владениями хуннов (точного определения границ владений того и другого народа китайцы не дают); на юг от страны усуней находились искони оседлые владения Восточного Туркестана, на юго-запад — Фергана, на запад — владения кочевого народа кангюй (может быть, тюркский народ канглы). Так как усуней жили к северо-востоку, кангюйцы — к северо-западу от Ферганы⁴, то граница между их владениями приблизительно совпадала с границей между Семиречьем и Сыр-Дарьинской областью. Что касается происхождения усуней, то от их языка до нас дошли только собственные имена и титулы, притом только в китайской транскрипции, до сих пор не исследованные ни одним лингвистом⁵ (мы можем обратить внимание только на часто повторяющееся окончание *ми*); о их наружности мы имеем только следующее свидетельство позднейшего (VII в. н. э.) китайского писателя Ши-гу⁶: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев западного края. Ныне тюрки⁷ с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их»⁸. Конечно, этого слишком мало для решения вопроса, были ли усуней арийцами, как полагали прежние ориенталисты, начиная с Абель-Ремюза и Клапрота, или тюрками, как полагают академик В. В. Радлов⁹ и автор новейшего исследования о тюрках Н. А. Аристов¹⁰.

Кочевья усуней занимали главным образом равнинную часть Се-

³ Народ сз образовал три владения, которые китайцы называют Гибинь, Хюсюнь и Гуаньду <в совр. чтении Цзибинь, Сюсюнь и Цзюаньду>. Эти владения находились в горах Гиндукуш и в долине Кабула; греческие писатели называют эти владения индоскифскими, так что тожество народа сз со скифами, или саками, можно признать несомненным. <Гибинь (Цзибинь) обычно отождествляют с областью Кабула или с Кашмиром. О разных точках зрения на локализацию Гибини ныне см.: Nagai, *The Indo-Greeks*, pp. 135—137; Мандельштам, *Материалы*, стр. 51—52. Хюсюнь (Сюсюнь), скорее всего, следует помещать в Алайской долине, Гуаньду (Цзюаньду) — к западу и юго-западу от Кашгара; см. Мандельштам, *Материалы*, стр. 55—57.— Б. С.>

⁴ Бичурин, *Собрание сведений*, III, 5—6. <О Кангюе (современное чтение — Канцзюй) и кангюйцах ср. ниже, стр. 175. О локализации Кангюя см. Ставицкий, *О северных границах*, стр. 113.— Б. С.>

⁵ <См. работы Ю. А. Зуева: *О языке усуней; К этнической истории усуней*. — Б. С.>

⁶ <Янь Ши-гу>. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 65.

⁷ Этим словом о. Иакинф Бичурин постоянно переводит китайский термин *ху* ('варвар').

⁸ Несколько иначе во французском переводе: «Ils avaient les yeux bleus (ou verdâtres), la barbe rousse, et ressemblaient à des singes, dont ils tiraient leur origine» (Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs*, p. 32).

⁹ *К вопросу об уйгурах*, стр. 126.

¹⁰ *Этнический состав*, стр. 17.

миречья, так как китайцы называют их землю ровной и травянистой; говорится также о дождливом и холодном климате страны. Горы были покрыты хвойным лесом. Численность народа определяется в 120 000 семейств или 630 000 душ; усунь могли выставить 188 800 человек войска. Столица или, вернее, главная ставка усуней, Чигу, по-видимому, находилась на юго-восточном берегу Иссык-Куля, так как китайцы помещают ее в 610 ли на северо-запад от Аксу, в 2000 ли на северо-восток от столицы Ферганы и в 5000 ли от границы кангюйских владений¹¹. Город Чигу упоминается также в китайском маршруте VII в. н. э., притом всего на расстоянии 50 ли от перевала Бедель; но этот маршрут вообще очень сомнителен и нуждается в новом исследовании со стороны какого-нибудь синолога¹². На чем основывается убеждение г-на Аристова, что Чигу находился именно на берегу Кызыл-су, мы не знаем. С другой стороны, нельзя не согласиться с мнением г-на Аристова¹³, что отыскивать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, каким были усунь, совершенно бесполезно. Нет также основания приписывать усуням, как это делается иногда еще теперь¹⁴, все памятники древности, сохранившиеся на берегах Иссык-Куля или на дне его. Мы увидим, что на Иссык-Куле были города и крепости в такое время, когда самое имя усуней давно исчезло.

Около 105 г. до н. э. к усуням прибыл китайский посол Чжан Цянь и предложил им вернуться на восток, чтобы в союзе с китайцами возобновить борьбу против хуннов. План Чжан Цяня не нашел себе сочувствия среди усуней, и прием, оказанный послу в ставке гуньмо, не был благоприятен; но когда усуньский посол, отправленный в Китай для сопровождения Чжан Цяня, рассказал своему повелителю о блеске и могуществе Китайской империи, авторитет Китая несколько возвысился. К тому же китайские послы после Чжан Цяня отправлялись на запад через Восточный Туркестан и Фергану, вследствие чего усунь лишались отправлявшихся с такими посольствами щедрых даров. Вследствие этого гуньмо отправил в Китай новое посольство, с просьбой выдать за него китайскую царевну, и с ним 1000 лошадей в качестве сговорных даров. Просьба его была исполнена, но царевна была сделана только младшей супругой гуньмо, тогда как дочь хуннского

¹¹ Последняя цифра, вероятно, преувеличена, так как в другом месте (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 6) столица кангюйцев также помещается в 2000 ли к северо-западу от столицы Ферганы. Ли — около $\frac{1}{2}$ версты. Расстояние в 610 ли от Аксу не подтверждает мнения о. Иакинфа (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 70), который помещает Чигу к северо-востоку от озера. <Для древнего и средневекового периодов ли равнялось примерно $\frac{1}{3}$ км. См. Бартольд, *Туркестан — наст. изд.*, т. I, стр. 134, прим. 7; ср. Чжу Кэ-чжен, *Вклад китайских ученых*, стр. 72. — Б. С.>

¹² Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 31. <О локализации Чигу см. Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 97. — Б. С.>

¹³ *Этнический состав*, стр. 26.

¹⁴ Дьячков, *Урочище Кайсара*, стр. 12.

шаньюя, тоже в это время выданная за престарелого царя усуней, была объявлена старшей супругой. Привыкшая к иному образу жизни, царица тосковала в степи и изливала свое горе в стихах, жалуясь, что ее выдали за «усуньского царя, который живет в круглой хижине, обтянутой войлоками, питается мясом, пьет молоко»¹⁵. Во время похода китайцев на Фергану (102 г.) усунь по желанию китайского правительства отправили вспомогательный отряд в 2000 человек, который, однако, занял выжидательное положение и не принимал участия в военных действиях¹⁶.

Перед смертью гуньмо потребовал, чтобы царица по степному обычаю вышла за его внука и преемника Гюньцзюми, носившего титул *сэньцзу*; царица не хотела, но китайское правительство убедило ее подчиниться обычаям народа¹⁷. После сэньцзу остался только малолетний сын (от хуннской царицы) Ними; престол временно, до совершеннолетия Ними, занял двоюродный брат сэньцзу, Унгуйми, который женился на китайской царице, вдове своего предшественника (это была уже вторая царица, выданная за сэньцзу; вдова Лецзяоми умерла раньше). Унгуйми, по-видимому, был талантливым правителем и сумел поднять как внутреннее благосостояние, так и внешнее могущество своего народа. В 71 г. до н. э. Унгуйми по соглашению с китайцами предпринял победоносный поход против хуннов, увел в плен до 40 000 людей и захватил до 70 000 голов скота. Он вмешивался также в дела Восточного Туркестана; его второй сын был сделан владельцем Яркенда, его старшая дочь была выдана за владельца Кучи. Унгуйми умер в конце 60-х годов до н. э.; ему наследовал Ними, с титулом Куан-вана.

Куан-ван женился на вдове своего предшественника и, несмотря на ее возраст (более 50-ти лет) имел от нее сына, но не жил в согласии с женой и не пользовался также народной любовью. Когда в Чигу прибыло китайское посольство, царица уговорила послов созвать пир, на котором Куан-ван должен был быть убит. План не удался; Куан-ван был только ранен и ускакал. Сын царя, Сисэньсэу, во главе войска осадил Чигу, очевидно, находившийся в руках царицы и китайцев. Китайское правительство поспешило загладить вину своих послов; они были привезены в Китай и казнены; к царю были посланы подарки и врач для исцеления его раны; царица на допросе отрицала свою вину. Неудовольствием народа против Куан-вана воспользовался Уцзюту, сын Унгуйми от хуннской царицы; он удалился в «северные горы» (Алатау), объявил, что ждет помощи от хуннов, собрал вокруг себя народ, неожиданно напал на Куан-вана, убил его и занял престол. Китайцы не могли допустить торжество хуннской партии и готовились

¹⁵ Бичурин, *Собрание сведений*, III, 67.

¹⁶ Там же, 30.

¹⁷ Там же, 68.

к походу на Семиречье; но благодаря одной китайке, вышедшей замуж за усуньского вельможу, было достигнуто примирение. Уцзюту принял титул младшего гуньмо; старшим был объявлен Юаньгуйми, сын УнгуЙми. Старшему гуньмо досталось 60 000 семейств, младшему — 40 000. В качестве союзника китайцев Уцзюту даже воевал с хуннами, но неудачно; более успешны были его действия против китайцев¹⁸.

При таком двоевластии неизбежно должны были произойти беспорядки и междоусобия. На некоторое время порядок был восстановлен энергией старшего гуньмо Цылими, внука Юаньгуйми; его правление возвратило стране «тишину и мир» времен УнгуЙми. Между прочим он «обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах»¹⁹; по-видимому, это указывает на существование в стране усуней запрещенных пастбищ или, как они впоследствии назывались у тюрков и монголов, *куруков*²⁰. Цылими погиб от руки убийц, подсланных младшим гуньмо, после чего китайцы возвели на престол его внука Ичими, сына китайской царицы. Вообще китайцы в борьбе старших гуньмо с младшими принимали сторону первых. Когда младший гуньмо Аньлими с согласия китайского правительства был низложен и убит хуннами и на его место посажен китайский ставленник (11 г. до н. э.), дядя его Бихуаньчжи с 80 000 человек удалился на север, к китайцам, и оттуда производил нападения на обоих гуньмо, вследствие чего последние теснее сблизились с Китаем. В 1 г. до н. э. Ичими приезжал в столицу Китая, где ему был устроен торжественный прием; в одно время с ним в столице был шаньюй хуннов; Бихуаньчжи, наконец, был убит китайским наместником «посредством нечаянного нападения» (вероятно, также посредством подсланных убийц).

Около 8 г. н. э. Восточный Туркестан снова перешел во власть хуннов; сношения китайцев с «западным краем» прекратились и возобновились только с 73 г.; в 97 г. отряд китайцев, отправленный полководцем Бань Чао, доходил до Каспийского моря. Эти события, по-видимому, совсем не отразились на Семиречье, об истории которого мы для этой эпохи не имеем никаких известий. Говорится только, что усуни во II в. «совершенно отторглись»²¹ от Китая. Также мы ничего не знаем о движении через Семиречье хуннов, во время выселения их из Монголии на запад, которое приняло широкие размеры в конце того же II в. н. э. С половины II в. в истории Китая наступил смутный период и сношения с западным краем не возобновлялись до V в.

Место хуннов в Монголии заняли сяньбийцы, народ, по всей вероятности, тунгусского происхождения. Сяньбийский владетель Тань-

¹⁸ Там же, 68—74.

¹⁹ Там же, 75.

²⁰ Нершахи, пер. Лыкошина, 40.

²¹ Бичурин, *Собрание сведений*, III, 108.

шихай (181 г.) покорил все земли на запад до владений усуней²². Принадлежавший уже к другой сяньбийской династии владетель Юйлюй в начале IV в. покорил, между прочим, «древние усуньские земли»²³. С конца IV до половины VI в. первенство в Средней Азии принадлежало жужаням, которых обыкновенно также считают тунгусским народом. Набеги жужаней заставили усуней окончательно переселиться из равнинной части Семиречья в горы Тянь-Шаня²⁴. В 425 г. некоторые западные владетели, между прочим усуньский, отправили послов в Северный Китай, где в то время господствовала сяньбийская династия Юань Вэй, или Бэй Вэй; таким образом возобновились сношения Китая с западными народами. В 436 г. к усуням было отправлено китайское посольство; впоследствии усунь ежегодно отправляли в Китай посольство с дарами. После этого мы в истории уже не встречаем имя усуней как самостоятельного народа; как известно, это имя сохранилось только в названии Большой киргиз-казацкой орды²⁵ (уйсуны)²⁶.

²² Там же, I, 169. <Совр. транскрипция — Тянь Ши-хуай.>

²³ Там же, 193.

²⁴ Там же, III, 162.

²⁵ <Казахского Старшего жуза.>

²⁶ <Отождествление названия *усунь* с поздним казахским *уйсун* спорно. Название *усунь* также сближалось (не менее гипотетично) с киргизами; см.: Аристов, *Опыт выяснения*; его же, *Этнический состав*. Аристов предполагал, что значительную часть усуней во время их передвижения в Западный Тянь-Шань во II в. до н. э. составляли племена енисейских киргизов, и считал даже, что «истинным народным именем усуней было кыргыз». Подробная аргументация взглядов Аристова по этому вопросу содержится также в неопубликованной его работе *Западный Тянь-Шань*, рукопись которой хранится в Архиве ВГО. — В. Р.>

II

ТЮРКИ¹

В VI в. в Средней Азии возникла новая кочевая империя. Новые завоеватели, тюрки, вышедшие из Алтая, в короткое время подчинили себе все народы от Великого океана до Черного моря. Основатель империи, Или-хан Тумынь, умер в 553 г.; после смерти хана Тобо (581 г.) империя распалась на два государства, восточное и западное; центром последнего, как и большинства последующих кочевых государств в западной части Средней Азии, была прежняя земля усуней, т. е. Семиречье. В истории Семиречья период владычества тюрков имеет чрезвычайно важное значение. Центр кочевой империи всегда представлял большую притягательную силу для купцов из разных стран, находивших здесь выгодный сбыт своим товарам, особенно тканям, главному предмету ввоза к кочевникам как со стороны Китая, так и со стороны Западной Азии. Вместе с происходившими в VII в. в Фергане смутами, продолжавшимися несколько десятилетий, это обстоятельство содействовало передвижению на север главного торгового пути из Западной Азии в Китай. Минуя Фергану и Кашгар, путешественники отправлялись из Самарканда на северо-восток, через Ташкент и Аулие-Ата² в Семиречье, к берегам Чу, оттуда по южному берегу Иссык-Куля и через перевал Бедель в Аксу. Этот путь впервые, насколько нам известно, упоминается у буддийского паломника VII в. Сюань Цзана и в китайской «Истории династии Тан»; последнее сочинение написано в XI в., но сообщенные в нем данные относительно западного края все относятся к VII или VIII вв. Мы не находим в китайских маршрутах

¹ Сведения об этих тюрках мы, кроме собранных о. Иакинфом китайских исторических известий (см. гл. I), находим еще в рассказе о путешествии Сюань Цзана (пер. Жюльена, т. I—II), в биографии этого паломника (*Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена) и в рассказах византийских послов (*Corpus script. hist. Byz.*, pars I). На последних мы здесь не останавливаемся, так как послы, хотя и проезжали через Семиречье, не сообщают о нем никаких сведений. О быте тюрков византийцы сообщают некоторые любопытные данные; на русском языке их рассказы подробно изложены в книге Д. И. Иловайского *Разыскания*. <См. также: Кюнер, *Китайские известия*, 182—194; Chavannes, *Documents*; Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten*. Ср. *Очерки истории СССР. III—IX вв.*, стр. 378—396. — Б. С.>

² <Ныне город Джамбул Казахской ССР.>

подробного описания пути через Семиречье; все-таки эти данные дают нам возможность утверждать, что по крайней мере в Чуйской долине уже в VII в. несомненно существовала земледельческая культура и что эта культура была принесена сюда выходцами из Мавераннахра (т. е. культурной области между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей), подобно тому как в новейшее время такие же колонии были основаны жителями Кокандского ханства. При Сюань Цзана вся страна между Аму-Дарьей и Чу в культурном отношении представляла одно целое; одежда жителей, письмена и язык везде были одинаковы. Алфавит, вероятно сирийского происхождения, состоял из 32 знаков; писали сверху вниз; были уже исторические сочинения. Наиболее распространенной религией, вероятно, было манихейство³. О наружности жителей говорится, что они соединяли волосы и оставляли макушку открытой; некоторые совершенно брили голову и закрывали лоб куском шелка. Половина жителей занималась земледелием, другая половина — торговлей; центром торговли был «город на реке Суй-е» (Чу), который, как мы увидим дальше, в более поздних мусульманских источниках носит название Суяб и помещается непосредственно к югу от перевала Кастек. В Суябе уже в VII в. жили купцы из различных стран. К западу от него было несколько десятков городов, из которых каждый имел отдельного правителя, независимого от других, но все правители подчинялись тюркам.

В окрестностях Суяба обыкновенно находилась орда кагана⁴ западных тюрков; здесь же произошла встреча Сюань Цзана с одним из этих каганов⁵. Каган носил зеленый шелковый плащ; волосы его были распущены, лоб, как и у местного оседлого населения, закрыт куском шелка длиной в 10 футов, который несколько раз был обернут вокруг головы. В отличие от кагана у всей его свиты волосы были заплетены. Каган жил в большом шатре, в котором было множество золотых вещей. В шатре на кошмах в два ряда сидели вельможи, все в шелковых одеждах; за ними стояли телохранители кагана. «Хотя это был варварский государь, живущий в войлочном шатре, все-таки на него нельзя было смотреть без удивления и почтения». Когда отшельник находился еще в 30 шагах от шатра, каган вышел ему навстречу, поклонился ему, сделал ему несколько вопросов через переводчика и велел принести для него железное кресло. Тюрки не употребляли деревянных седалищ, что Сюань Цзан объясняет почитанием огня, будто бы заключающегося в дереве. В шатре находились также послы из Китая и из Гаочана (т. е. Уйгурии, области, где теперь города Урумчи, Турфан и Хами). Начался пир при звуках музыки; несмотря на дикость звуков,

³ Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 3—5.

⁴ Тюркский титул, из которого посредством сокращения образовалось слово *хан*. Правильность формы *каган*, встречающейся в русских летописях, подтверждается орхонскими надписями; мусульманские авторы обыкновенно пишут *хаган*.

⁵ *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, 55—58.

они «услаждали слух и восхищали душу и сердце». Гости ели мясо и пили вино; отшельнику была предложена растительная пища и молоко. После пира отшельник по приглашению кагана произнес проповедь в духе буддийского учения; по окончании ее каган поднял руку, совершил земной поклон и объявил, что с верой принимает наставления. Когда учитель через несколько дней собрался уезжать, ему дали в провожаемые молодого человека, несколько лет жившего в городе Чанъань (Сианьфу) и потому отлично говорившего по-китайски.

При кагане Шаболо Хилиши (634—638) западно-тюркский народ был разделен на десять поколений, пять к западу и пять к востоку от реки Чу; первые назывались Нушиби, вторые — Дулу. Скоро после этого империя западных тюрков распалась на два государства, разделенные между собой рекой Или. Постоянно происходили междоусобия среди членов царствующего дома, в которые вмешивались китайцы. Некоторым каганам удавалось на короткое время восстановить единодержавие; таков был в 651 г. каган Ашина Хэлу. В 657 г. китайцы, за четверть века перед тем подчинившие себе восточно-тюркское государство, привели к такому же подчинению западных тюрков, князья которых теперь получили китайские титулы и считались кигайскими наместниками⁶. Иногда тюркские князья восставали против китайцев и заключали против них союз с тибетцами, овладевшими в это время частью Восточного Туркестана. В 704 г. каган Ашина Хуайдао снова подчинил себе все десять поколений; но со смертью его сына и преемника Ашина Синь, убитого в городе Кулане⁷, пресекся западно-тюркский царствующий дом (около 740 г.).

Еще прежде усилилось одно из поколений Дулу, именно тюргеши, кочевавшие между Чу и Или; главная орда их князя находилась в Суябе, младшая орда — на берегу Или. Самым могущественным из тюргешских князей был Сулу (ум. в 738 г.); фактически его могущество даже затмевало блеск западно-тюркского престола, который в то время занимал Ашина Хуайдао, выдавший за Сулу свою дочь; кроме того, Сулу породнился с восточно-тюркскими каганами и с владетелями Тибета. В 738 г. он был убит одним из тюргешских князей, носившим титул Мохэ-дагана. На престол был возведен сын Сулу; Мохэ-дагань, однако, в союзе с владетелями ферганским и ташкентским разбил его при Суябе и взял в плен. В 740 г. Мохэ-дагань сделался правителем тюргешей и велел убить последнего западно-тюркского кагана; но и его собственное правление не было продолжительным. Наступило смутное время; в 748 г. китайский наместник Восточного Туркестана Ван Чжэнсянь взял и разрушил до основания Суяб. В следующее десятилетие тюргеши лишились всякого могущества. Западная часть Семиречья те-

⁶ Бичурин, *Собрание сведений*, I, 360—361.

⁷ Ныне станция Тарты (Луговое) в Сыр-Дарьинской области. Ср. Каллаур, *Археологическая поездка*, стр. 7.

перь находилась в зависимости от города Таласа, а Талас — от ташкентского владетеля. Насколько вся местность должна была страдать от постоянных междоусобий, видно из слов китайского летописца, что «землепашцы здесь ходят в латах и захватывают друг друга в неволю»⁸.

Распадение западно-тюркской империи много содействовало успехам арабов в Мавераннахре; оттого на этот факт должны были обратить внимание и арабские летописцы, которые приурочивают его к 119 г. хиджры (737 г. н. э.). По словам арабов⁹, последний тюркский каган жил в городе Невакете (в Чуйской долине, к востоку от Токмака); здесь у него были запретный луг и запретная гора, к которым никто не смел приблизиться; стада, пасшиеся на лугу, и дичь горы должны были служить провиантом при военных походах. Каган причинил много вреда арабам и за это получил от них прозвание Абу Музахим (собств. 'толкающий, бодающийся', т. е. бык или слон). В одной битве в Тохаристане (область на юг от Аму-Дарьи, к востоку от Балха) тюрки, однако, были разбиты арабами; по возвращении на родину каган был убит из личной мести тюркешским князем Курсулем. После этого тюрки рассеялись в разные стороны. Сам Курсуль, достигший преклонного возраста, в 739 г. был взят в плен арабами на берегу Сыр-Дарьи; в качестве выкупа за себя он предлагал 1000 лошадей и 1000 верблюдов, но арабский наместник Наср все-таки велел его убить. Труп был сожжен, чтобы тюрки не могли унести кости на родину; по словам арабского историка, это огорчило их еще более, чем самая смерть Курсуля. От сближения арабских известий с китайскими, мы, ввиду отрывочности и сомнительной достоверности тех и других, предпочитаем воздержаться.

⁸ Бичурин, *Собрание сведений*, III, 244—245.

⁹ Табари, II, 1593—1613, 1689—1691.

III

КАРЛУКИ¹

Китайские, арабские и персидские источники дают нам возможность составить себе довольно точное представление о группировке тюркских племен после падения западно-тюркской империи. Племена, основавшие империю, кроме названия тюрк, носили еще как на востоке, так и на западе общее имя огузов или токуз-огузов (собств. 'девяти огузов'), несмотря на китайское известие о делении западных тюрков на десять поколений. Тюрков шато (собств. 'степных'), основавших государство в самой отдаленной части Восточного Туркестана, китайцы выводят из западно-тюркского государства²; у арабов именно эти тюрки известны под названием тугузгузов, т. е. токуз-огузов. Другая ветвь огузов удалилась на запад и основала государство, центром которого были низовья Сыр-Дарьи. Память о пребывании в Семиречье сохранилась в сказании огузов, по которому местопребыванием мифического Тюрка, сына Яфета, были берега Иссык-Куля³.

¹ Китайские источники дают нам некоторые сведения только о событиях VIII в. Известия о положении Семиречья в IX и X вв. мы находим главным образом в сочинениях арабских географов, изданных голландским ориенталистом de Goeje (*Bibliotheca geographorum arabicorum*, 8 tt., t. VI с французским переводом). Некоторые географические сочинения, содержавшие наиболее подробные сведения о Средней Азии, как труд Джейхани и большой труд Ибн Хордадбега, утрачены: но ими пользовались персидские авторы, как неизвестный автор сочинения X в., найденного в Бухаре А. Г. Туманским (*Новооткрытый персидский географ*), и историк XI в. Гардизи, отрывок из сочинения которого издан мною в приложении к моему *Отчету о поездке в Среднюю Азию*. <*Худуд ал-'алам* издан в факсимиле В. В. Бартольдом, с вводной статьей и указателями, в 1930 г.; английский перевод этого источника, с обширными комментариями, опубликован В. Ф. Минорским в 1937 г. Другие издания восточных письменных источников, содержащих сведения по истории Средней Азии и Семиречья в VIII—X вв., см. в Библиографии к I тому наст. издания. Сводку сведений по истории передвижения карлуков в Среднюю Азию и их расселения см. в статье: Шаниязов, *Из истории*. Этнографические данные о карлуках в связи с проблемой этногенеза узбеков см. Кармышева, *О некоторых древних тюркских племенах*. — В. Р.>

² Бичурин, *Собрание сведений*, I, 452.

³ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, II, 9; Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 9; <см. также новое изд. *Родословной туркмен* А. Н. Кононова, 39>. Древнейшая редакция этой легенды находится в персидском сочинении XII в. *Муджмал ат-таварих*, единственная рукопись которого хранится в Парижской нацио-

В Семиречье остались только тюргеши, разделившиеся на два поколения — на тохсийцев и азийцев (чтение этих названий сомнительно; возможно, что азийцы тождественны с упоминаемым в орхонских надписях народом аз). Главенство в Семиречье во второй половине VIII в. перешло к народу карлуков, главная масса которых теперь выселилась из Алтая (передовая ветвь карлуков еще в начале столетия достигла берегов Аму-Дарьи). В 766 г. карлуки заняли Суяб и перенесли сюда свою столицу; их государь носил титул *джабгу*, несомненно тождественный с часто встречающимся в орхонских надписях титулом *ябгу*⁴. Таким образом, Семиречье и после падения тюркской империи осталось в руках тюркских народов и не было завоевано ни арабами, ни китайцами. Вмешательство китайцев в дела Западного Туркестана прекратилось после поражения, нанесенного им в 751 г. арабским полководцем Зиядом б. Салихом. Арабы ограничились тем, что в конце VIII в. вытеснили карлуков из Ферганы; на северо-востоке мусульманские завоеватели, насколько известно, никогда не заходили дальше Таласа.

Гораздо больше влияния на судьбу тюрков, чем успехи мусульманского оружия, оказало мирное распространение мусульманской культуры посредством торговых сношений. Население Мавераннахра всегда отличалось торговой предприимчивостью и еще до появления ислама основало торговые колонии в разных местностях Средней Азии; согдийские колонии были даже в самой отдаленной части Восточного Туркестана, в области токуз-огузов⁵. Что согдийцы играли некоторую роль в Семиречье, видно из того, что, по словам персидского географа X в., селение Беклиг, или (по другому чтению) Беклигиг, находившееся к северу от перевала Кастек, на согдийском языке носило название Семекна⁶. За купцами, как всегда, следовали миссионеры различных религий, распространенных в Мавераннахре, среди которых были и христиане несторианского толка. Во многих городах Туркестана, по свидетельству мусульманских писателей, были христианские церкви; об одном из кочевых народов Семиречья, именно о живших около Иссык-Куля джикиялях, говорится, что среди них были христиане⁷.

нальной библиотеке, Ancien fonds persan, 62, л. 64. <Ныне известны еще две рукописи — в Стамбуле и Гейдельберге; см. Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 2, p. 1229. Текст *Муджмал ат-тавйрйх* издан в 1939 г. Бехаром; см. Библиографию — Ю. Б.>

⁴ Китайцы обозначают оба титула одним и тем же словом (о правильном чтении этого слова см. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 59). <Говоря о несомненном тождестве титулов джабгу и ябгу, Бартольд мог опираться, в частности, на прямое указание в *Худуд ал-'алам*, л. 17 б, где говорится: «в старые времена падишахов халлухских называли джабгуй, а также ябгу». — В. Р.>

⁵ *Худуд ал-'алам*, л. 17 а.

⁶ *Худуд ал-'алам*, л. 18 б.

⁷ Григорьев, *Об арабском путешественнике*, стр. 27—28. О жилищах джикияль см. ниже.

Мусульманские авторы подробно описывают торговый путь из Западной Азии в Китай через Семиречье и упоминают на этом пути несколько городов, но чтение большей части этих названий сомнительно⁸. Около Пишпека⁹, вероятно на месте селения Аламедин, находился город Джуль (может быть, тюркское слово *чуль* 'степь'); здесь с дорогой из Тараза (Талас, Аулие-Ата) соединялась дорога из Ахсикета (т. е. из Наманганского уезда, через перевал Каракол¹⁰). Крупным торговым городом в Чуйской долине был Невакет, или Невикет, где дорога разделялась на две ветви; одна шла через ущелье Джиль-арык¹¹ к берегам Иссык-Куля, другая — на север в Суяб. Расстояние между Джулем и Невакетом было 15 фарсахов, т. е. около 90 верст; поэтому Невакет можно поместить в том месте, где от дороги, проходящей по левому берегу Чу, отделяется дорога на Карабулак¹². Вся эта местность принадлежала карлукам; берега Иссык-Куля большей частью составляли владения отделившегося от карлуков народа джикилей. Между Невакетом и ущельем было еще большое торговое селение Керминкет (по другому чтению — Кумберкет), принадлежавшее карлукскому поколению лабан; владетель носил титул *кутегин-лабана*¹³. Ущелье уже в то время носило название Джиль; историк Гардизи замечает, что это слово значило 'тесный'. В 12 фарсахх к югу от ущелья находился город Яр, который мог выставить 3000 воинов; здесь была столица джикильского владетеля, носившего титул *тексина*; по указанным расстояниям город должен был находиться уже на берегу Иссык-Куля, именно на южном берегу, так как озеро оставалось влево от дороги. В 5 фарсахх от Яра был город Тон, очевидно в долине речки этого имени, где и теперь видны значительные развалины. В трех днях пути от Тона находился Барсхан; между этими двумя городами встречались только шатры джикилей. Название города, вероятно, со-

⁸ Об этом пути см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 30—32, 114; также Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 15—17.

⁹ <Ныне город Фрунзе, столица Киргизской ССР. Подробнее о Пишпеке см. ниже, стр. 533, прим. 36.>

¹⁰ *Худуд ал-‘алам*, л. 18.

¹¹ <Впоследствии (и поныне) — Боамское ущелье (так на современных картах; правильно: Боомское). Название Джиль (Джиль-арык) сохранилось за местностью у входа в Боамское ущелье со стороны Чуйской долины. — В. Р.>

¹² <По расстоянию — ок. 90 км от Джуля — Невакет (Навикат) находился, как, по-видимому правильно, отмечено Бернштамом, в районе селения Орловка, где сохранились «развалины большого поселения, значительная часть которых скрыта под современными постройками»; см. *Чуйская долина*, стр. 19, а также стр. 21, 25. К этому следует добавить, что в селении Орловка был очень большой холм, представлявший собой, по-видимому, остатки какого-то отдельного крупного сооружения. Подробный перечень источников, в которых упоминается название Невакет (Навикат), см. Лившиц, *Согдийские документы*, стр. 27—28, прим. 48. — В. Р.>

¹³ *Муджмал ат-таварих*, л. 273. Слово Лабан, несомненно, не тюркского происхождения, хотя автор *Худуд ал-‘алам* называет это поколение карлукским. <Возможно *Alban. — В. М.>

хранилось в названии речки Барскаун. По словам географа Кудамы, город состоял из целой группы поселений — четырех больших и пяти малых. Владетель носил титул *манака*, по другому известию¹⁴ — титул *тебин-барсхана*; город мог выставить 6000 воинов. Барсханский манак, по словам персидского географа X в., происходил из карлуков, но впоследствии жители перешли на сторону токуз-огузов¹⁵. Как центр торговых сношений между Восточным и Западным Туркестаном, город имел важное значение; в генеалогических сказаниях тюрков один из сыновей Тюрка носит имя Барсхан¹⁶.

В Барсхан вел также прямой путь из Ферганы, именно из Узгенда¹⁷ через перевал Ясы (Джасы), долину Арпа и долины рек Каракоина, Атбаша и Нарына¹⁸. Около впадения Каракоина в Атбаш на холме стоял город Атбаш (ныне развалины Кошой-курган), на одинаковом расстоянии (6 дней пути) от Ферганы, от Барсхана и от границы тибетских владений (в Восточном Туркестане); дорога в тибетские владения, вероятно, шла через перевал Туругарт. Между Атбашем и Барсханом не было ни одного селения. Южная часть Семиречья была занята народом ягма (передовой ветвью токуз-огузов), которому принадлежал также Кашгар; границей между владениями карлуков и ягма считался Нарын¹⁹.

Наконец, с Барсханом соединялся еще кружный путь из Невакета через Суяб. Суяб находился к северу от Чу, в земле тюргешей, у подошвы гор на расстоянии 3 фарсахов от Невакета, по-видимому на месте нынешнего селения Карабулак. Владетель был братом одного из тюркских ханов, но носил арийский титул *ялан-шаха*, т. е. «царя героев»; город мог выставить до 20 000 воинов. По дороге в Суяб, на расстоянии 1 фарсаха от Невакета, был еще город Пенджикет, выставивший 8000 воинов; около Суяба было еще три селения, из которых каждое имело особого владетеля. Горы, через которые проходил перевал (Кастек), считались у тюрков священными; по их верованию, здесь было местопребывание божества. К северу от перевала был город Беклиг, или Беклилиг, владетель которого по одному известию носил титул *Бадан-Сянгу*, по другому — тюркский титул *Иинал-тегина*; у него было 3000 воинов; кроме того, город составлял 7000 воинов²⁰. Путь из Суяба в Барсхан караваны проходили в 15 дней, тюркская почта — в 3 дня.

¹⁴ *Муджмал ат-таварих*, л. 273 <*Manaf? — В. М.>.

¹⁵ <В. Ф. Минорский считает такую интерпретацию текста неправильной, предлагает следующую: «хотя дихкан — карлук, обитатели [живут] в полном согласии с токуз-огузами» Ср.: *Худуд ал-'алам*, пер Минорского, 98; Minorsky, *Tamim*, p. 297. — В. Р.>

¹⁶ *Муджмал ат-таварих*, л. 61.

¹⁷ <Ныне город Узген, районный центр Ошской области Киргизской ССР.>

¹⁸ Об этом пути см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 41 и сл.

¹⁹ *Худуд ал-'алам*, лл. 96, 17 а—17 б.

²⁰ *Худуд ал-'алам*, л. 186; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 125—126; *Муджмал ат-таварих*, л. 273.

Вероятно, имеется в виду путь через Кастек, Верный, вдоль северного склона Заилийского Алатау и через перевал Кызыл-кия (на возвышенности Сан-таш) в Каракол; для расстояния от Токмака до Каракола по северному берегу Иссык-Куля указанное арабами число дней слишком велико. Однако и на северном берегу Иссык-Куля во владениях джикилей, на границе с владением карлуков, находился большой торговый город Сикуль, вероятно тождественный с городом Иссык-Куль, который, как мы увидим дальше, существовал еще при Тимуре²¹.

Из всех тюркских народов наибольшему влиянию мусульманской культуры, конечно, должны были подвергнуться карлуки. Известие, будто карлукский джабгу еще при халифе Махди (775—785) принял ислам²², сомнительно; но во всяком случае в X в. в нескольких городах к востоку от Таласа уже были соборные мечети²³. Влияние культуры отразилось также на образе жизни карлуков, среди которых кроме кочевников и охотников были также земледельцы²⁴. Но карлуки часто подвергались нападениям других тюркских народов, особенно токуз-огузов²⁵, которые в X в. считались самыми могущественными из всех тюрков; по религии большинство токуз-огузов вместе с ханом были манихеями, но среди них были также христиане, буддисты и мусульмане²⁶. Мы видели, что в руках токуз-огузов в X в. находился принадлежавший прежде карлукам город Барсхан²⁷; кроме того, о городе Пенчуле (чтение сомнительно), или нынешнем Аксу, говорится, что город находился во владениях карлуков, но владетель его был в зависимости от токуз-огузов; потом им завладели киргизы²⁸. Киргизы жили в то время на верховьях Енисея, куда к ним, по китайским известиям, еще в VIII в. каждые три года отправлялись из Кучи арабские караваны с шелком. Торговые сношения сблизили киргизов с арабами, карлуками и тибетцами²⁹; возможно, что теперь киргизы выступили в качестве союзников карлуков против токуз-огузов и заняли часть Семиречья, своей теперешней родины. Во всяком случае главная масса киргизов переселилась в Семиречье значительно позже. Если бы киргизы жили в Семиречье уже в эпоху Караханидов, то они, несомненно, приняли бы ислам в X или XI вв.; между тем мы увидим дальше, что они еще в XVI в. считались язычниками.

Наконец, и центр карлукских владений, Чуйская долина, перешла

²¹ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 59—60.

²² Я'куби, *Та'рих*, II, 479

²³ Макдиси, 275.

²⁴ *Худуд ал-'алам*, л. 17 б.

²⁵ <Т. е. уйгуров Восточного Тянь-Шаня. — В. М.>

²⁶ Flügel, *Mani*, S. 105—108; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 115.

²⁷ <По мнению Минорского, это утверждение Бартольда основано на ошибочной интерпретации текста *Худуд ал-'алам*; см. выше, стр. 38, прим. 15. — В. Р.>

²⁸ *Худуд ал-'алам*, л. 17 б.

²⁹ Бичурин, *Собрание сведений*, I, 449.

в руки их врагов. Около 940 г. какие-то «языческие тюрки» овладели городом Баласагуном³⁰, игравшим большую роль в XI и XII вв.; из географов X в. о нем говорит только Макдиси³¹, называющий его «большим, многолюдным и богатым городом». В другом месте³² я постарался доказать, что Баласагун находился в Чуйской долине; точных данных о его местоположении мы не имеем. Народ, овладевший в это время Чуйской долиной, по всей вероятности, тождествен с тем, из которого вышла династия Караханидов, еще в том же X в. объединившая под своей властью всю западную половину Средней Азии. К истории этой династии мы теперь и перейдем.

³⁰ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 35.

³¹ Макдиси, 275.

³² Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 33 и сл. Таково же мнение Н. А. Аристовой (*Этнический состав*, стр. 39).

IV

КАРАХАНИДЫ¹

Историки не говорят нам, к какому именно тюркскому народу принадлежали Караханиды; но есть основание полагать, что этим народом были ягма, государь которых носил титул Богра-хана², очень обыкновенный у Караханидов. В таком случае вторжение новых завоевателей в Чуйскую долину на этот раз произошло с юга. В Чуйской долине Караханиды скоро приняли ислам. Об этом событии до нас дошли только легендарные известия. По одной легенде, рассказанной у Ибн ал-Асира³, ислам впервые принял Шабук (или Сатук) Караханакан, который увидел во сне, что к нему спустился с неба человек и сказал ему на тюркском языке: «Прими ислам для своего спасения в этом и в будущем мире». По другой легенде, древнейшая версия которой находится в сочинении Джемаля Карши⁴, из ханов этой династии первый принял ислам Сатук Богра-хан Абд ал-Керим, умерший в 344/955-56 г. В обеих легендах несомненно имеется в виду одно и то же

¹ Термин придуман Григорьевым (см. *Караханиды*) и кажется нам наиболее подходящим. Как Григорьев, так и остальные ученые, писавшие о Караханидах, основывались главным образом на сочинении Ибн ал-Асира, известия которого, однако, далеко не всегда подтверждаются рассказами более ранних и лучше осведомленных авторов, именно Утби (арабский текст издан на востоке <Утби — Манини>, я пользовался преевосходной рукописью Аз. муз. 510 <новый шифр С 342>), Гардизи (единственная рукопись хранится в Оксфорде <вторая рукопись в Кембридже — см. Бартольд, *Туркестан*, наст. изд., т. I, стр. 66—67. — В.Р.>) и Бейхаки (изд. Морлея <новые издания см. в Библиографии, ниже, стр. 899>); все трое писали в XI в. Драгоценные сведения дает также Джемаль Карши, который в 1282 г. перевел с арабского на персидский словарь ал-Джаухари и в первые годы XIV в. написал к нему «прибавления» (*мулхақāt*), известные пока только в одной рукописи Аз. муз. 430 а <издание текста: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 128—152>, полученной академиком К. Г. Залеманом от В. П. Наливкина. Ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 21 и сл. <Из новых работ о Караханидах см.: Pritsak, *Karachanidische Streifragen*; idem, *Die Karachaniden*; Давидович, *Нимизматические материалы для хронологии Караханидов*; значительный материал из письменных источников приведен Са'идом Нафиси в комментариях к его изд. *Та'рих-и Бейхақӣ* (т. III). Другие издания источников и исследования по истории Караханидов см. в Библиографии к т. I наст. изд. — В.Р.>

² *Муджмал ат-таварих*, л. 273; <ср. ниже, стр. 553, прим. 35>.

³ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI. 54.

⁴ Джемаль Карши, лл. 35—37; <Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 130—132>.

лицо, так как оба автора называют этого хана прадедом илека (тюркский титул Насра, завоевателя Мавераннахра). Еще внук Абд ал-Керима, Харун, у одного современного ему автора носит титул Богра-Кара-хана⁵.

Упомянутый Харун, столицей которого был Баласагун, умер в 992 г.⁶, на обратном пути из Мавераннахра, откуда болезнь заставила его отступить. Дело завоевания Мавераннахра окончил в 999 г. илек Наср. Дальнейшие успехи Караханидов были приостановлены газневидским султаном Махмудом (998—1030), подчинившим своей власти Афганистан, восточную половину Персии и часть Индии. 4 января 1008 г. тюрки «с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, малым количеством волос [на бороде], с железными мечами, в черной одежде», как их описывает Утби⁷, потерпели полное поражение около Балха и с тех пор уже не возобновляли походов за Аму-Дарью⁸.

Империя Караханидов уже в начале XI в. была разделена на уделы, степень зависимости которых от главы империи определялась исключительно личными качествами последнего. Скоро начались также неизбежные при удельной системе междоусобия, особенно среди двух главных ветвей Караханидов, т. е. потомков двух внуков Сатук Богра-хана, Али (отца Насра) и Харуна. Наши сведения о ходе этой борьбы и о том, в чьих руках в разное время находилось Семиречье, очень скудны и иногда противоречивы. По словам Утби, илек враждовал со своим братом, Туган-ханом кашгарским, которого он подозревал в сношениях с Махмудом; илек умер в 403/1012-13 г., и престол его перешел к Туган-хану⁹. Сомнительно, чтобы Туган-хан владел Мавераннахром; но он, несомненно, правил в Семиречье, вероятно, также в Восточном Туркестане, откуда его постепенно вытеснил Кадыр-хан Юсуф, сын Богра-хана Харуна. Утби и Ибн ал-Асир называют Кадыр-хана владетелем хотанским: из точных данных¹⁰ мы знаем, что он уже в 404/1013-14 г. правил в Яркенде, в 405/1014-15 г.—также в Кашгаре.

В 408/1017-18 г. Семиречье подверглось нашествию кочевых наро-

⁵ Са'алиби. *Найтма*, извеч. в пер. Барбье де Менара, 340.

⁶ Так в Гардизи (оксфорд. рук., л. 134) и Бейхаки (изд. Морлея, 234); неверно у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 67—68).

⁷ Утби, рук. Аз. муз., л. 99.

⁸ Рассказ Ибн ал-Асира о походе 410/1019-20 г. не подтверждается другими источниками.

⁹ История Караханидов по Ибн ал-Асиру, которой, в свою очередь, больше всего пользовался сочинением Утби, в последний раз изложена в книге В. В. Радлова *К вопросу об уйгурах*, стр. 122—125. Махмуд, носивший прозвание Йемин ад-дауля, здесь по ошибке назван Саманидом.

¹⁰ Пользуюсь еще не вышедшим в свет каталогом мусульманских монет Императорского Эрмитажа, составленным А. К. Марковым, который любезно сообщил мне его. <Издан литографским способом в 1896 г., см. Марков, *Инвентарный каталог*>.

дов с отдаленного востока, в числе которых были и китаи, владевшие в то время Северным Китаем и восточной частью Средней Азии и, как известно, давшие свое имя Срединному государству. Неверные¹¹ были уже на расстоянии 8 дней пути от Баласагуна, когда получили известие, что Туган-хан идет на них с большим войском. Они отступили: хан преследовал их три месяца, наконец достиг их и нанес им полное поражение.

По словам Угби, Туган-хан умер скоро после этой битвы, и ему наследовал его брат Арслан-хан. Из рассказа Бейхаки, который будет приведен ниже, мы, однако, узнаем, что Туган-хан правил в Семиречье до 1025 г. Арслан-хан Мухаммед б. Али, судя по монетным данным, владел главным образом северо-восточной частью Сыр-Дарьинской области, хотя монеты с его именем чеканились и в Бухаре.

В 1025 г. Кадыр-хан Юсуф и султан Махмуд одновременно предприняли поход на Мавераннахр, где в то время господствовал Али-тегин, брат Насра, Туган-хана и Арслан-хана. Недалеко от Самарканда произошло свидание между главой Караханидов и султаном, подробно описанное у Гардизи¹². Обмен вежливостей между обоими монархами был произведен по точному церемониалу, с тщательным соблюдением полной равноправности. Замечательно, что тюркский хан оказался лучшим мусульманином, чем Махмуд, и не пил предложенного ему вина. Был заключен договор, по которому дочь Махмуда должна была быть выдана за Яган-тегина¹³, второго сына Кадыр-хана, а дочь Кадыр-хана — за Мухаммеда, сына Махмуда; Махмуд обязался помочь Яган-тегину отнять у Али-тегина Мавераннахр. Под предлогом похода в Индию Махмуд потом уклонился от этого обязательства, вследствие чего и предположенные браки не состоялись. Мавераннахром продолжал владеть Али-тегин, но его брат Туган-хан был вытеснен войсками Кадыр-хана из Баласагуна.

Владения Кадыр-хана Юсуфа в год его смерти, последовавшей в 1031 или 1032 г.¹⁴, обнимали, кроме Восточного Туркестана, Семиречье и восточную часть Сыр-Дарьинской области, именно уезды Аулиеатинский и Чимкентский; столицей его был Кашгар. Восточный

¹¹ Численность их в мусульманских источниках указывается различно, и цифры, очевидно, совершенно гадательны.

¹² Оксфорд, рук., л. 153. О свидании и его результатах говорит также и Бейхаки (изд. Морлея, 82, 255, 655).

¹³ Вероятно, мы имеем здесь тюркское слово *яган* 'слон' по аналогии с титулами Богра ('двуголый верблюд') и Арслан ('лев'). <Подробнее о таких титулах в связи с тотемными онгонами племен в караханидском государстве см. Pritsak, *Karachanidische Streifragen*, S. 210—212. — Ю. Б.>

¹⁴ По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 211) — в 423/1032 г., по Джемалю Карши (л. 37) — в начале мухаррема 424 г. х. (с 7 декабря 1032 г.). Бейхаки в одном месте (изд. Морлея, 89) говорит, что Кадыр-хан умер через два года после вступления на престол Мас'уда, в другом (изд. Морлея, 656) — через год.

Туркестан и Семиречье достались его старшему сыну Богра-тегину Сулейману, принявшему титул Арслан-хана; в Таласе (ныне Аулие-Ата) и Исфиджабе (ныне Сайрам, около Чимкента) стал править, с титулом Богра-хана, второй сын, Яган-тегин Мухаммед¹⁵. Оба брата сносились с газневидским султаном Мас'удом, сыном Махмуда; был возобновлен план отнять Мавераннахр у Али-тегина и отдать его Богра-хану¹⁶; но и на этот раз план не осуществился. Упоминается еще¹⁷ какой-то Лешкер-хан, владетель секманский (?); едва ли слово Секман тождественно со словом Семекна, согдийским названием города Беклига (см. выше, стр. 36).

Отношения между Арслан-ханом и его братом скоро приняли враждебный характер. Ибн ал-Асир в одном месте говорит, что Арслан-хан в 435/1043-44 г. разделил свои владения между своими родственниками, причем оставил себе только Кашгар, Баласагун и верховную власть над остальными землями¹⁸. В такой форме это известие, конечно, неверно; удельная система существовала в то время уже около полвека; но очень вероятно, что в эту эпоху, благодаря слабости Арслан-хана, авторитет главы империи пал окончательно. Богра-хан около 1056 г. взял в плен Арслан-хана и захватил его владения, но уже через 15 месяцев был отравлен своей женой. Ибн ал-Асир относит смерть Богра-хана к 439/1047-48 г., что, однако, опровергается показанием современника этих событий, Бейхаки¹⁹, по которому хан умер только в 449/1057-58 г. Убиение его было вызвано тем, что он хотел назначить наследником своего старшего сына Чагры-тегина Хусейна, тогда как царица желала возвести на престол своего малолетнего сына Ибрахима. Последний сделался ханом, но скоро погиб в войне с барсханским владетелем Инал-тегином. После этого в Кашгаре и Баласагуне в течение 16 лет (451—467/1059—1074) правил другой сын Кадыр-хана, Тогрул-Кара-хан Юсуф, совместно со своим братом, Богра-ханом Харуном. Они вели войну с Шемс ал-мульком Насром, владетелем Мавераннахра (внуком первого илека Насра); война кончилась миром, по которому границей между Мавераннахром и владениями туркестанских Караханидов был признан Ходженд, т. е., вероятно, река Сыр-Дарья.

После Тогрул-хана два месяца правил его сын Тогрул-тегин; после него Богра-хан Харун еще 29 лет (467—496/1074—1102-03) владел Кашгаром, Баласагуном и Хоганом²⁰. Для этого Богра-хана в

¹⁵ Бейхаки, изд. Морлея, 525—526, 655—656. Имена у Ибн ал-Асира, где Мухаммед неправильно назван Махмудом (правильное чтение — на монетах и у Ауфи, см. ниже).

¹⁶ Бейхаки, изд. Морлея, 418.

¹⁷ Там же, 660.

¹⁸ Ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 23, где вместо <Ибн ал-Асир, изд. Торнберга> XI, 356 следует читать IX, 356.

¹⁹ Изд. Морлея, 230.

²⁰ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 211—213.

462/1069 г., т. е. когда он был только соправителем своего брата, в Кашгаре была написана дидактическая поэма *Кутадгу билик*, первое литературное произведение на тюркском языке; автор поэмы был уроженцем Баласагуна²¹.

В 1089 г. сельджукский султан Меликшах захватил Самарканд и дошел до Узгенда; кашгарский хан (вероятно, Харун) также должен был признать себя его вассалом. После ухода Меликшаха в Самарканде произошло восстание тюркских наемников из джикилей; джикили призвали Я'куб-тегина, владельца Атбаша и брата кашгарского хана. Я'куб овладел Самаркандом, но при приближении Меликшаха бежал в Атбаш. Здесь на него напало войско его брата, Атбаш был разграблен кашгарцами, и сам Я'куб взят в плен. Меликшах снова дошел до Узгенда и потребовал от хана выдачи Я'куба. Хан медлил исполнить это требование, противоречившее его понятиям о чести; наконец, он отправил к Меликшаху своего сына, велел ему взять с собой Я'куба, оставить его в одной крепости и ослепить; только если султан этим не удовольствуется, царевич должен был отвезти Я'куба в Узгенд. В это время Кашгар был осажден другим владельцем, Тогрулом, сыном Йинала, местопребывание которого находилось в 80 фарсах (около 500 верст) от Кашгара; может быть, Тогрул был владельцем Барсхана и сыном упомянутого выше Йинал-тегина. Хан был взят в плен; когда весть об этом дошла до его сына и спутников последнего, Я'куб уговорил их отпустить его. Меликшах заключил договор с Я'кубом и ушел из Узгенда, предоставив Я'кубу продолжать войну с Тогрулом²². Об исходе этой борьбы мы не имеем никаких известий; вероятно, Харун освободился из плена, так как он, как мы видели, правил Кашгаром до начала XII в.

В 1102 г., т. е. тотчас после смерти Богра-хана Харуна, на Мавераннахр сделал нашествие владелец Баласагуна и Таласа Кадырхан²³ Джибраил, сын Кара-хана Омара и внук Богра-хана Мухаммеда²⁴. Войско Кадыр-хана состояло не только из мусульман, но и из

²¹ До последнего времени была известна только одна рукопись этого произведения, хранящаяся в Вене; по этой рукописи было сделано издание Вамбери, с очень ненадежным немецким переводом (Лейпциг, 1870), и изд. Радлова, в факсимиле (СПб., 1870) и в транскрипции (1891). В нынешнем <1896> году найдена еще вторая рукопись в Каире. <Впоследствии в Фергане был обнаружен третий список этого сочинения, известный как «наманганский». О списках, сочинении и его авторе см. Валитова, *Юсуф Баласагунский*; новые издания текста см. в Библиографии к т. I наст. изд. — В. Р.>

²² Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 112—116.

²³ Ибн ал-Асир в одном месте (изд. Торнберга, IX, 213) называет его Туган-ханом.

²⁴ Так у Ауфи, писателя XIII в. <см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 84> (о рукописях его сочинения см. Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских*, 262; <см. ниже, стр. 805>); другой автор называет его внуком Тогрул-хана (Нершахи, пер. Лыкошина, 22).

неверных; он овладел всей страной до Аму-Дарьи, но на берегу этой реки был разбит сельджукским султаном Синджаром, взят в плен и убит²⁵. После этого мы не имеем никаких известий о Семиречье до нашествия кара-китаев.

Что касается внутренней истории страны в эпоху Караханидов, то о ней мы не имеем почти никаких известий. Как первые мусульманские династии в стране тюрков, Караханиды, несомненно, должны были способствовать распространению ислама, и в этом отношении период их господства имеет большое значение в истории Средней Азии. Ибн ал-Асир²⁶ рассказывает, что в 349/960 г. принял ислам какой-то тюркский народ, в числе 200 000 кибиток; это известие несомненно относится к жителям Семиречья или Восточного Туркестана, вероятно к первым, так как число кочевников в Восточном Туркестане никогда не было велико. Осенью 1043 г. мусульманами сделались также тюрки, кочевавшие в нынешних киргизских степях²⁷; по словам Ибн ал-Асира, эти тюрки, в числе 10 000 кибиток, летом жили по соседству с землей болгар, зимой — около Баласагуна²⁸. К сожалению, историки не сообщают нам ничего о борьбе ислама с другими культурными элементами. Восточный Туркестан всегда находился под влиянием китайской культуры; некоторые караханидские владетели, даже в Мавераннахре, еще в первой половине XI в. принимали титул Табгач-ханов или Тамгач-ханов, который еще в орхонских надписях VIII в. прилагается к китайским императорам; с 459/1067 г. мы на монетах Караханидов встречаем титул *малик ал-маширик ва-с-сйн* ('царь востока и Китая')²⁹. Подобный факт может быть объяснен только обаянием китайской культуры и китайского двора³⁰; не говоря уже о собственном Китае, даже пограничная с Китаем часть Восточного Туркестана, с городами Урумчи, Турфан и Хами, едва ли когда-нибудь входила в состав империи Караханидов, так как в этой области ислам не приобрел господства до XV в. Наконец, надписи на монетах Караханидов свидетельствуют о том, что в их государствах кроме общемусульманского (арабского) алфавита употреблялся также уйгурский, т. е. алфавит сирийского происхождения, принесенный в Среднюю Азию, как обыкновенно полагают, несторианами. Некоторые культурные термины, встречающиеся в поэме *Кутадгу билик*, сходны с употреблявшимися у монголов и, несомненно, заимствованы как Караханидами, так и монголами у уйгуров. Ветвь этого тюркского народа, поселившаяся в пограничной

²⁵ Ибн ал Асир, изд. Торинберга, X, 239.

²⁶ Там же, VIII, 39б.

²⁷ <Т. е. в казахских степях.>

²⁸ Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 22.

²⁹ Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 125.

³⁰ <Подобного рода титулы иногда применялись для указания на то, что данный правитель находился на границе с какими-нибудь немусульманами. — В. М.>

с Китаем части Восточного Туркестана, уже в V в. н. э. достигла значительной степени культуры. Как мы увидим дальше, христианские и буддийские уйгуры в эпоху монгольского владычества были самыми опасными соперниками мусульман; в Средней Азии такое соперничество, вероятно, происходило и раньше, но фактических данных о нем мы не имеем.

КАРА-КИТАИ¹

В начале X в. н. э. китаи, которых обыкновенно считают народом тунгусского происхождения с примесью некоторых монгольских элементов², основали обширную империю, простиравшуюся от Великого океана до Байкала и Тянь-Шаня. Местопребыванием династии был Северный Китай; у китайских историков эта династия носит название Ляо. Вследствие продолжительности своего владычества в Китае дом Ляо подвергся большому влиянию китайской культуры, чем предшествовавшие ему инородческие династии. В 1125 г. другой тунгусский народ, чжурчжэни, в союзе с южнокитайской династией Сун положили конец владычеству китаев; остатки их под начальством одного из членов царствующего рода, Елюй Да-ши, двинулись на запад, где основали новое государство.

Движение китаев произошло по двум путям; часть их направилась через Восточный Туркестан, но потерпела поражения от Арслан-хана Ахмеда кашгарского, сына Табгач-хана Хасана и внука Арслан-хана

¹ О восточной империи китаев подробнее всего говорится в сочинении проф. В. П. Васильева *История и древности*. Попытки составить свод известий о кара-китайской империи мы находим в трудах Опперта (Oppert, *Presbyter Johannes*) и Царнке (Zarncke, *Der Priester Johannes*). Компилятор XV в. Мирхонд, рассказ которого приведен у Опперта, заимствовал свои сведения у историка XIII в. Джувейни, который говорит о кара-китаях подробнее, чем остальные мусульманские писатели; но мы находим в его рассказе множество противоречий, так что пользоваться им приходится с величайшей осторожностью. Я пользовался двумя рукописями Имп. Публ.-б-ки (рук. IV, 2, 34 и рук. Ханьков, 71). Французский перевод главы Джувейни о кара-китаях помещен в первом томе труда д'Оссона *Histoire des Mongols*, p. 441 sq. <См. новую работу: Wittfogel—Fêng Chia-shêng, *Liao*; о киданях см. также Думан, *К истории*; Рудов, *Кидани*. Из источников, введенных в научный обиход благодаря переводам на европейские языки, см. ценные данные китайских путешественников о китаях в работе: Spavannes, *Voyageurs chinois*. — В. Р.>

² <Киданьский язык как «сильно палатализованный монгольский» рассматривал Пельо (Pelliot, *A propos des Sotans*, p. 14). Современные японские ученые полагают, что китаев ошибочно рассматривали в качестве тунгусских племен и что определить точно, каков был их язык, пока нет возможности, но есть основания утверждать, что он был связан с монгольским (Honda — Ceadel, *A survey*, p. 87). По вопросу о предполагаемых этнических связях китаев с тунгусами см.: Залкинд, *Кидани*; Васильевич, *К вопросу о киданях и тунгусах*. — В. Р.>

Сулеймана³. Ибн ал-Асир относит эту битву, в которой пал сам предводитель китаев, к 522/1128 г.; на самом деле она, вероятно, произошла несколькими годами позже, так как в письме султана Синджара к багдадскому правительству, написанном в июле 1133 г., о ней говорится как о недавнем событии⁴. Китайские источники знают только это движение китаев и связывают с ним образование империи «западных Ляо». Поэтому становится сомнительным, действительно ли основатель кара-китайского государства тождествен с Елюй Да-ши китайских источников⁵.

Все мусульманские источники согласны между собой в том, что первым из мусульманских владетелей подчинился киталям хан баласагунский. По Ибн ал-Асиру⁶, часть китаев, в числе 16 000 кибиток, поселилась в Семиречье еще при Арслан-хане (вероятно, Сулеймане). Они сначала были поселены на границе между Китаем и владениями Караканидов и обязались защищать горные проходы; за это им были отведены участки земли и назначено определенное жалованье. Однажды они остановили богатый караван и потребовали от купцов, чтобы они указали им хорошие пастбища; купцы направили их в сторону Баласагуна, т. е. в Семиречье. Неизвестно, из какого источника один из компиляторов XVI в.⁷ заимствовал известие, что это переселение произошло в 433 г. х. (1041-42 г.) и что Арслан-хан потребовал от переселенцев принятия ислама; они решительно отказались, но во всем остальном оказывали хану полное повиновение, так что он решил оставить их в покое. Ибн ал-Асир говорит только, что Арслан-хан часто нападал на них и навел на них большой страх. При нашествии китаев на Семиречье поселенцы присоединились к своим соплеменникам и вместе с ними завоевали Туркестан.

По Джувейни, китаи, или, как их называют мусульманские писатели, кара-китаи («черные китаи»), через землю киргизов дошли до Эмиля и здесь построили город; от последнего уже в XIII в. оставались только следы. Таким образом, они первоначально поселились в области

³ Так у Джемаля Карши (см. гл. IV).

⁴ Бартольд, ЗВОРАО, т. X, стр. 221. <Вторжение Елюй Да-ши в Восточный Туркестан относят к весне 1130 г., основные события — к 1131 г. и завершение успешных военных действий, во всяком случае в Восточном Туркестане, — к 1133 г. См. Wittfogel—Fêng Chia-shêng, *Liao*, p. 622. — В. P.>

⁵ Современные авторы не разделяют этого сомнения Бартольда; См. Wittfogel—Fêng Chia-shêng, *Liao*, pp. 621—622. — В. P.>

⁶ Изд. Торнберга, XI, 55—56.

⁷ Нершахи, изд. Шефера, 234. Компиляция XVI в.; о которой здесь идет речь и которую не мог определить Шефер, есть *Та'рих-и Хайдарӣ*, сочинение Амин-Ахмеда Рази, жившего в Персии в конце XVI в. <Не Амин б. Ахмеда Рази, а Хайдера Рази; ср. ниже, стр. 630. — Ю. Б.> Это сочинение до сих пор было известно только в одной рукописи, находящейся в Берлине (по каталогу Перча № 418); ср. о нем Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 271. Изданный Шефером текст буквально совпадает с соответствующими главами берлинской рукописи.

нынешнего Чугучака. Число их дошло здесь до 40 000 кибиток. Баласагунский владетель, происходивший из династии Караханидов (имя его не называется), призвал их против притеснявших его тюркских племен, именно канглов и карлуков; кара-китаи заняли Баласагун и, устранив слабого владетеля, основали собственное государство, простиравшееся от Енисея до Таласа. После этого они покорили канглов, подчинили себе Восточный Туркестан, в 1137 г.⁸ разбили при Ходженде Махмуд-хана, владетеля Мавераннахра, в 1141 г. в Катванской степи (к северу от Самарканда, между Каменным мостом и Яны-Курганом) нанесли полное поражение войску сельджукского султана Синджара. Особый отряд был отправлен для подчинения Хорезма.

Таким образом, Семиречье вместе с Туркестанским краем вошло в состав империи кара-китаев. Глава империи носил титул *гурхана*⁹, который по толкованию мусульманских писателей значил «хан ханов»¹⁰; некоторые европейские ученые со времени Григорьева сближают его с монгольским словом *гурган* ('зять')¹¹; такой титул, впоследствии, как известно, принятый Тимуром и его преемниками, кара-китайские государи могли носить в качестве родственников восточной династии Ляо. Трудно сказать, насколько это мнение основательно и объясняется ли разница между формами гурхан и гурган диалектическими особенностями языка кара-китаев. Первый гурхан, по словам Ибн ал-Асира, отличался красивой наружностью, носил одежду из китайского шелка и по обычаю царей этого народа закрывал лицо покрывалом; по религии он был манихеем. Среди своих подданных он пользовался большим авторитетом и поддерживал в своем войске строгую дисциплину. Грабить страну было строго запрещено; после занятия какого-нибудь города кара-китаи ограничивались тем, что брали с каждого дома по одному динару¹², т. е. принесли с собой из Китая издавна господствовавшую там систему подворного обложения. За прелюбодеяние (т. е. за нарушение семейного права местного населения) воины, однако, не наказывались. Своим помощникам гурхан не раздавал уделов и никому не отдавал под начальство (кроме, разумеется, кратковременных походов) более сотни всадников. Местные владетели, выразившие покорность гурхану, в знак подчиненности должны были носить на поясе серебряную дощечку. Число таких вассальных владетелей было довольно значительно. Под непосредственным управлением

⁸ О военных действиях в Мавераннахре и о личности первого гурхана подробнее всего говорит Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 55—57).

⁹ <Об этом титуле см. Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 2, 109, прим. 1. См. специальную работу: Menges, *Der Titel*. — В. Р.>

¹⁰ <*Gür*, как теперь считают, означало 'всеобщий, всемирный'. — В. М.>

¹¹ Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. I, стр. 398. <Объяснение Григорьева несостоятельно. — В. М.>

¹² Ценность этой золотой монеты приблизительно равнялась 13 франкам (около 4 р. 50 коп.); ср. Kremer, *Culturgeschichte*, Bd I, S. 15.

гурханов находились, насколько известно, только южная часть Семиречья, Кульджинский край и северо-восточная часть Сыр-Дарьинской области; главная ставка гурхана находилась к западу от Или, на берегу Чу, вероятно недалеко от Баласагуна, и носила название Хосун-орду¹³ (букв. 'Сильная орда') или Хото¹⁴ (букв. 'Дом'). Часть Семиречья к северу от Или принадлежала карлукским ханам, столицей которых был город Каялык, находившийся несколько западнее Копала, в равнине¹⁵. Мавераннахром и Восточным Туркестаном продолжали править Караханиды. Мы находим в государстве гурханов, по крайней мере впоследствии, те же три степени зависимости вассальных владетелей от главы империи, как в истории монгольского владычества в России¹⁶: карлукский хан, подобно владетелю Самарканда, должен был терпеть у себя присутствие постоянного представителя гурхана; к другим, как к хорезмшаху, только посылались в определенные сроки сборщики дани; наконец, некоторые, как глава бухарского духовенства, на некоторое время сосредоточивший в своих руках и светскую власть, получили право сами собирать дань для кара-китаев¹⁷.

Первый гурхан, по словам Ибн ал-Асира, умер в начале 1143 г.¹⁸; на престол была возведена его дочь, но она скоро умерла; правление перешло к ее матери, вдове гурхана, и к его сыну Мухаммеду. По китайским известиям, правление гурхана Елюй И-ле, сына основателя империи, и регентство его матери были раньше, чем правление его сестры; это подтверждается рассказом Джувейни, по которому во главе кара-китайского государства в 70-х годах XII в. стояла дочь гурхана. Елюй И-ле произвел перепись населения в своих владениях; число населения было определено в 84 500 семейств¹⁹; очевидно, это относится только к числу кочевого населения в непосредственных владениях гурхана. Его сестру китайцы называют Бусоуань; один мусульманский писатель начала XIII в.²⁰ дает ей титул «хана ханов»; по Джувейни, фактическим правителем при ней был ее муж. По китайским известиям, царица убила своего мужа и стала открыто жить с любовником; произошло восстание, вызванное отцом убитого; когда толпа мятежников окружила дворец, царица вышла к ним и на их глазах убила своего любовника; это спасло ей жизнь. Джувейни рас-

¹³ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 36.

¹⁴ Бекран *Джахан-наме*, рук. Нац. б-ки, лл. 205—206. (Об этом сочинении см. Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 302—303; <факсимиле ленинградской рукописи *Джахан-наме*, с разночтениями по парижской, издано в 1960 г. Ю. Е. Борщевским. — В. Р.>.)

¹⁵ О его местоположении см. Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 44.

¹⁶ Соловьев, *История России*, кн. I, стр. 1157 и сл.

¹⁷ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 170.

¹⁸ <См. Marquart, *Komanen*, S. 237. — В. М.>

¹⁹ Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 145.

²⁰ Равенди, извлеч. в изд. Шефера, 21, 37 (перевод Шефера в этом месте, как и во многих других, ошибочен).

сказывает о вдове гурхана, что она вместе со своим любовником была убита мятежниками; вдова гурхана, вероятно, названа здесь по ошибке вместо его дочери, о которой Джувейни в своем обзоре истории кара-китаев не упоминает, хотя в другом месте, как мы видели, сам говорит о ее правлении. После смерти Бусохуань на престол был возведен второй сын гурхана Елюй И-ле, Чжэлугу, который, по словам Джувейни, убил своего старшего брата. В некоторых мусульманских источниках последний гурхан назван Мани, в других — Куманом²¹.

Частые регентства женщин и в особенности личная жизнь семиреченской Марии Стюарт должны были ослабить авторитет престола; рассказы мусульманских писателей заставляют думать, что могущество некоторых кара-китайских вельмож мало уступало могуществу самого гурхана. При таких условиях не мог быть поддержан на долгое время тот порядок в управлении, который мы описали выше и которым империя кара-китаев, еще на своей прежней родине усвоивших себе все плоды китайской цивилизации, резко отличалась от прочих государств кочевников. Как замечает Джувейни, кара-китайские сборщики податей, в противоположность прежнему времени, сильно притесняли народ; высокомерие послов гурхана оскорбляло вассальных владетелей; наконец, владычество неверных оскорбляло религиозное чувство мусульман, составлявших едва ли не большинство населения их империи. Трудно сказать, какой религии придерживались сами гурханы и был ли первый гурхан действительно манихеем, как уверяет Ибн ал-Асир, или христианином, как полагают Опперт и Царнке, отождествляющие его со «священником Иоанном» средневековых европейских легенд. В пользу последнего предположения нельзя привести никаких достоверных данных; даже свидетельство компиляторов XV в., по которому дочь последнего гурхана была христианкой, не подтверждается более ранними источниками. Ислам не подвергался притеснениям; мусульманские писатели хвалят справедливость первых гурханов и их уважение к исламу; последний только утратил положение господствующей религии и должен был довольствоваться равноправностью с прочими культами, которые, с своей стороны, воспользовались этой свободой для увеличения числа своих последователей. Несторианский патриарх Илья III (1176—1190) основал митрополию в Кашгаре; кашгарский митрополит носил титул «митрополита Кашгара и Невакета», т. е. в состав кашгарской митрополии вошла также южная часть Семиречья. К эпохе господства кара-китаев относятся древнейшие несторианские могилы токмакского и пишпекского кладбищ²². Успехи христианства могли быть одной из причин, способствовавших религиозному возбуждению мусульман и, вместе с упомянутыми политическими

²¹ Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 27. <«Fu-ta — тзятъ»? — В. М.>

²² Там же, стр. 26, 29.

условиями, вызвавших одно из самых обширных мусульманских движений в истории Средней Азии.

Гурхан, по-видимому, с самого начала понимал всю опасность этого движения и те размеры, которые оно должно было принять. Движение началось восстанием хотанского владетеля; гурхан тотчас возымел подозрение против своего ближайшего мусульманского вассала, Арслан-хана карлукского, и потребовал от него присылки вспомогательного отряда. Этим он хотел заставить его или открыто принять участие в восстании, или принять участие в войне с мусульманами; в последнем случае он надеялся под каким-нибудь предлогом избавиться от опасного вассала. Хан исполнил требование своего государя. Он имел друга среди кара-китайских вельмож, по имени Шамур-Табангу; последний предупредил его о намерениях гурхана и прибавил, что если эти намерения осуществляются, то гурхан истребит весь его род; поэтому, если он дорожит будущностью своего потомства, то пусть он предупредит гурхана и сам примет яд; тогда будет возможно передать престол его сыну. Арслан-хан, не видя другого исхода, последовал этому совету; Шамур-Табангу действительно возвел на ханский престол его сына, который и стал править в Каялыке вместе с представителем гурхана²³.

В борьбе со своими мятежными мусульманскими вассалами кара-китайское правительство вначале имело полный успех; положение изменилось только тогда, когда восточную границу империи перешли шайки кочевников, вытесненных Чингиз-ханом из Монголии; во главе их стоял Кучлук, сын последнего хана найманов, самого могущественного из западномонгольских племен. По одним известиям, Кучлук после своего прибытия в Семиречье (около 1209 г.) добровольно явился к гурхану, по другим²⁴ — был взят в плен кара-китайскими войсками, но сумел приобрести расположение гурхана, получил от него позволение собрать рассеянные отряды своего племени и воспользовался этим для восстания против своего благодетеля. Совершенно невероятен рассказ Джувеини о договоре, будто бы заключенном между Кучлуком и самым могущественным из восставших мусульманских владетелей, хорезмшахом Мухаммедом; по этому договору Восточный Туркестан, Кульджинский край и Семиречье должны были перейти к тому из них, кто первый разобьет гурхана. Историк Несеви²⁵, близко знакомый с делами хорезмийского двора и лично знавший одного из послов Мухаммеда к Кучлуку, говорит только, что Кучлук заключил союз с Мамду-ханом

²³ Сколько нам известно, этот характерный рассказ Джувеини (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 25; <изд. Казвини, I, 56>) до сих пор не был приведен ни одним европейским ученым.

²⁴ Оба предания приведены у Джувеини.

²⁵ Сочинение Несеви издал в тексте (PELOV, IIIe série, vol. IX, Paris, 1891) и во французском переводе (ibid., vol. X, Paris, 1895) французский ориенталист Houdas <Сират Джелаль ад-дин, текст, 7; пер., 12>.

карлукским, сыном Арслан-хана²⁶, т. е. пользовался поддержкой мятежных мусульман в Семиречье. Кучлук разграбил казну гурхана, хранившуюся в Узгенде; в то же время (1210 г.) хорезмшах в союзе с самаркандским ханом Османом напал на кара-китайское войско в равнине Иламиш, около Таласа; битва была нерешительна, так как в обоих войсках было разбито правое крыло; но предводитель кара-китаев Таянку-Тараз был взят в плен мусульманами, и его войско должно было отступить. Под влиянием этого успеха мусульман, преувеличенного молвой, жители Баласагуна, не сомневаясь в скором прибытии хорезмшаха, заперли ворота перед кара-китаями. Тщетно Махмуд-бай, богатый мусульманин, находившийся на службе у гурхана, убеждал их покориться. После шестнадцатидневной осады город был взят и подвергся трехдневному грабежу, причем погибло до 47 000 мусульман. Таким образом, надежды семиреченских мусульман на помощь со стороны хорезмшаха не оправдались; Мухаммед ограничился утверждением своей власти в Мавераннахре. Кучлук также был разбит кара-китаями около Баласагуна; казна гурхана очутилась в руках кара-китайского войска. Когда гурхан потребовал возвращения этих денег, то это вызвало военное восстание среди самих кара-китаев, которым воспользовался Кучлук, чтобы стать во главе мятежного войска; покинутый всеми, гурхан должен был сдать своему врагу. Кучлук оказал ему внешний почет и оставил ему престол, который он продолжал занимать еще два года, до своей смерти; но фактическая власть, конечно, всецело перешла в руки Кучлука.

Все это произошло, по всей вероятности, в 1212 г.²⁷ Еще раньше, в 1211 г., в северной части Семиречья появился монгольский отряд, под начальством Хубилай-нойона, одного из полководцев Чингиз-хана; Арслан-хан карлукский (вероятно, сын упомянутого выше Арслан-хана и брат Мамду-хана) велел убить кара-китайского наместника в Каялыке и признал себя подданным Чингиз-хана²⁸. В Кульджинском крае во время мусульманского движения образовалось новое владение; мусульманин Бузар²⁹, первоначально бывший атаманом шайки разбойников и конокрадов, наконец усилился настолько, что мог овладеть главным городом местности, Алмалыком, где принял титул Тогрул-хана. Он также признал себя вассалом Чингиз-хана.

²⁶ Несеви, *Сйрат Джелаль ад-дин*, пер., 12—13.

²⁷ <Кучлук захватил в свои руки власть в 1211 г., гурхан умер в 1213 г.; см. Wittfogel — Fêng Chia-shêng, *Liao*, pp. 652—653. — В. Р.>

²⁸ Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 132; III, пер., 14. <О подчинении Чингизхану Арслан-хана карлукского ср. Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 2, 153, 163.>

²⁹ Так пишет это имя Джемаль Карши, близко стоявший к потомкам Бузара. Джувейни называет этого хана Озаром (ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 28—29; высказанные там сомнения в том, что Озар был мусульманином, несомнательны).

Успехи монголов на западе были замедлены начавшейся в 1211 г. войной с Китаем, отвлекшей их силы в другую сторону, так что Кучлук мог утвердить свою власть на развалинах империи гурханов. Прежде всего он должен был вступить в борьбу с мусульманским движением, которым, как мы видели, он прежде пользовался для своих целей. С религиозной точки зрения мусульмане так же мало могли примириться с господством Кучлука, как и с господством гурхана. Подобно большинству найманов, Кучлук первоначально был христианином (несторанином); но потом он женился на знатной кара-китайке, бывшей невесте гурхана³⁰, которая совратила его в идолопоклонство (вероятно, в буддизм). Кроме того, главный вождь мусульманского движения, хорезмшах Мухаммед, несправедливо обвинял Кучлука в том, что он воспользовался плодами побед хорезмийских войск над кара-китаями и отнял у мусульман верную добычу. Посольства хорезмшаха к Кучлуку сопровождались угрозами, которые, однако, не имели никаких последствий³¹; хорезмшах не только должен был оставить в руках Кучлука восточную часть империи гурханов, но даже отказался от своих владений на правом берегу Сыр-Дарьи (кроме некоторых крепостей) и сам опустошил их, чтобы они не достались Кучлуку.

Столь же мало Мухаммед мог помешать Кучлуку утвердить свою власть в Восточном Туркестане. Не предпринимая завоевательного похода в эту область, Кучлук три или четыре года кряду производил на нее опустошительные набеги в период жатвы; разоренные жители наконец выразили ему покорность. Ввиду упорного сопротивления мусульман победитель принял самые решительные меры против ислама и потребовал от мусульман, чтобы они приняли или христианство, или буддизм, или по крайней мере внешним образом отказались от своей религии и носили китайскую одежду. Для достижения этой цели он прибег к той же мере, как Людовик XIV против гугенотов, т. е. к военному постою; воины Кучлука были размещены по домам мусульман и получили самые широкие права над непокорными. Публичное мусульманское богослужение и преподавание были совершенно прекращены.

В северо-восточной части своих владений Кучлуку удалось взять в плен Бузара во время охоты; убив своего врага, войско Кучлука осадило Алмалык, но должно было отступить ввиду приближения монголов, движение которых на запад возобновилось в 1217 г. В 1218 г. против Кучлука был послан отряд в 20 000 человек под начальством Джэбэ-нойона. Войско Кучлука сняло осаду Алмалыка и отступило; Джэбэ посадил в Алмалык Сукнак-тегина, сына Бузара. Вступив в пределы владений Кучлука, монгольский полководец объявил, что каждый по-

³⁰ Так у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 133; <изд. Казвини, I, 48>). Джемал Карши также называет Кучлука христианином.

³¹ Об этих посольствах говорят Несеви (*Сйрат Джелаль ад-дин*, пер., 13—15) и Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 179).

лучит право свободно исповедовать религию отцов; этого было достаточно для того, чтобы вызвать восстание мусульман против гонителя их веры. В одном из горных проходов Семиреченской области Кучлук сделал попытку отразить монголов, но был разбит и бежал в Кашгарию³². Баласагун, по-видимому, был занят монголами без сопротивления, так как получил от них название Гобалыка, т. е. хорошего города; такие прозвания монголы вообще давали городам, сдававшимся им добровольно³³. В Кашгарии мусульмане перебили воинов Кучлука, размещенных по их домам, и встретили монголов как избавителей; вследствие редкой дисциплины, господствовавшей в монгольской армии, мирные жители не потерпели никакого вреда. Кучлук бежал в Сарыкол, где был настигнут и убит монголами³⁴.

³² Об этой битве см. Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 160 (на основании известия Плано Карпини).

³³ Ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 29—30. <Куз-балык или Гуз-балык? — В. М.>

³⁴ В своем рассказе об этих событиях Джувейни ссылается на слова жителей Кашгара. О бегстве Кучлука в Сарыкол говорит также Джемаль Карши. <Согласно Джувейни (изд. Казвини, I, 50), Кучлук был убит в Бадахшане. — В. М.>; <ср. Бартольд, *Туркестан* — наст. изд., т. I, стр. 470, прим. 3.>

VI

МОНГОЛЫ ДО РАСПАДЕНИЯ ЧАГАТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Мы видели, что Семиречье вместе с Восточным Туркестаном подчинилось монголам добровольно и потому, в противоположность Китаю, Мавераннахру и Западной Азии, нисколько не пострадало от монгольского нашествия. Путешественники², посетившие Семиречье в следующие годы после прибытия монголов, описывают его как страну с цветущей культурой. К числу таких путешественников принадлежит китайский министр Елюй Чу-цай, сопровождавший Чингиз-хана в 1212 г. в его походе на запад; он упоминает об Алмалыке, когорому были

---

¹ Главные источники для истории монголов перечислены в предисловии к моему *Отчету о поездке в Среднюю Азию*. Лучшим пособием пока остается названная выше (см. гл. V) книга д'Оссона. Д'Оссон излагает преимущественно историю Китая и Персии и мало говорит о среднеазиатских монголах; но о них так же мало говорится в последующих сочинениях. Главу Джувейни о Чагатае и его преемниках, текст и франц. перевод, см. Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери. Что касается среднеазиатской исторической литературы этого периода, то из нее, кроме упомянутого (гл. IV) сочинения Джемали Карши, до нас дошли только некоторые извлечения, сохранившиеся у писателей XV в., именно: во введении к истории Тимура Шереф ад-дина Йезди (не вошедшем ни во французский перевод Пети де ля Круа, ни в калькуттское издание 1887—1888 гг.), в генеалогической истории монголов <Му'изз ал-ансāб>, составленной неизвестным автором в 1426 г. (пользуюсь парижской рукописью Ancien fonds persan 67), в сочинении Мусеви *Та'рих-и хайрāt*, написанном в Персии около 1414 г. (рукописи хранятся в Лондоне и Оксфорде; я пользовался третьей рукописью, находившейся некоторое время в Азиатском музее <В. В. Бартольд на самом деле пользовался рукописью сочинения Му'ин ад-дина Натанзи [так наз. «аноним Искендера»]. — Ю. Б.>), и в «Истории четырех улусов» Улугбека; последнее сочинение дошло до нас только в позднейшем сокращении, переведенном на английский язык (см. *Шаджарат ал-атрīк*, пер. Майлса). <После В. В. Бартольда не появлялось монографических исследований, посвященных истории Семиречья рассматриваемого здесь периода. История Туркестана в целом в первые десятилетия после смерти Чингиз-хана (до 1269 г.) посвящена опубликованная в I томе «Сочинений» В. В. Бартольда V глава *Туркестана*; в Библиографии к I тому указаны некоторые новые работы, имеющие отношение к этому времени. Из новых работ, посвященных более позднему периоду истории чагатайского государства, см.: Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати*; Массон, *Исторический этюд*. — В. Р.>

² О них см.: Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 9—108; Чаң-чунь, пер. Кафарова.

подчинены 8 или 9 других городов; везде было множество плодов; жители, подобно китайцам, возделывали все пять родов хлебных растений. К западу от Или, на пути к Таласу, была столица западных Ляо, Хосун-орду, который были подчинены несколько десятков городов.

В 1220 г. к Чингиз-хану на запад был отправлен Ву-гу-сунь в качестве посла от чжурчжэньского императора. По его словам, из каракитаев в его время оставались немногие, и те приняли обычаи и одежду хой-ху. Этим термином китайские писатели иногда обозначали мусульман, иногда тюрков, в особенности уйгуров; здесь термин, вероятно, употреблен в первом значении; усиление ислама было естественным следствием указанных выше обстоятельств, которыми сопровождалось монгольское завоевание. Семиреченские мусульмане отличались гораздо большей воинственностью, чем остальные, вероятно христианские представители местной культуры; жадности и жестокости мусульманских хой-ху Ву-гу-сунь противопоставляет нравы тех хой-ху, которые жили на Или; последние отличались слабым и мягким характером, избегали убийства и строго соблюдали посты.

В 1221 г. Чингиз-ханом был вызван в Западную Азию китайский отшельник Чан-чунь, принадлежавший к даосской секте. Он проехал через Уйгурию в Кульджинский край. В Алмалыке вместе с местным владельцем правил представитель монгольской власти (*даругачи*); земледельцы орошали поля водопроводами; кувшины для воды носили на голове. Реку Или Чан-чунь переехал 17 октября на судне, на расстоянии четырех дней пути от Алмалыка (вероятно, недалеко от устья Чарына); на юг от реки, к северу от гор (Богуты), был небольшой город. Проехав через перевал Кастек, путешественник в конце месяца прибыл в небольшой мусульманский город; здесь выпало снега на фут, но после восхода солнца он растаял. 1 ноября переехали реку Чу по дощатому мосту и достигли подошвы Александровского хребта. В стране между Чу и Таласом, где прежде было местопребывание западных Ляо, жители кроме земледелия занимались также шелководством и виноделием; плоды были те же, как в Китае; вода была проведена на поля посредством каналов. На обратном пути, в 1223 г., Чан-чунь переехал реку Или всего на расстоянии 100 ли с небольшим (около 30 верст) от Алмалыка; когда он прибыл в Алмалык, его пригласили в орду Чагатая, находившуюся к югу от реки, но, спеша домой, отшельник не последовал этому приглашению.

Рассказ Чан-чуня показывает, что еще при жизни Чингиз-хана его сыновьям были отведены особые уделы. По понятиям кочевников империя являлась собственностью всего ханского рода, и каждый член последнего имел право на пользование частью этой собственности. Поэтому Чингиз-хан еще при жизни выделил своих трех старших сыновей, назначив каждому из них удел (*инджу*), т. е. определенное количество кочевых орд (*улус*), обязанных поставлять военные отряды, и доста-

точное для их содержания пространство земли (*юрт*). Границы юртов были определены только в самых общих чертах. Первым был выделен старший сын, Джучи, который около 1207 г. получил от своего отца так называемые «лесные народы» от низовьев Селенги до Иртыша³; на берегу Иртыша, по свидетельству Рашид ад-дина, находилась его главная орда. Предназначая старшему сыну, вероятно по требованию обычая, самую отдаленную часть своих владений, Чингиз-хан заранее присоединил к его уделу все земли, которые будут завоеваны на западе; в год смерти Чингиз-хана в состав юрта Джучи входили северная часть Семиречья, все нынешние киргизские степи⁴, Хорезм и даже Мазандеран. Юрт Чагатай простирался от Уйгурии до Самарканда и Бухары и от южного Алтая до Аму-Дарьи. Главная орда Угэдэя находилась в Тарбагатае, на берегах Эмиля и Кобука; границы его юрта не указываются⁵. Младший сын, Тулуй, не получил удела, так как по степному обычаю должен был наследовать войско и коренной юрт отца. Каждый из трех старших сыновей получил по 4000 монгольского регулярного войска; разумеется, в их распоряжении, кроме того, находились значительные отряды из покоренных народов.

Итак, мы видим, что, несмотря на обширность империи, орды трех старших сыновей Чингиз-хана первоначально находились очень близко одна от другой. Уже это одно показывает, что уделы в то время не были, как впоследствии, полунезависимыми государствами. Земли, отведенные членам ханского рода, должны были служить для них только источником дохода и оставались подчиненными власти главы империи. При покорении культурных областей доходы с них не отдавались в собственность (*инджу*) одному царевичу, но распределялись между всеми⁶; таким же источником дохода считались ремесленники в покоренных городах; их отдавали в распоряжение царевичам, которые по своему усмотрению поселяли их в том или другом городе и поручали им известные работы⁷. Вмешиваться в дело сбора податей царевичам было запрещено; для этого, как вообще для управления оседлым населением, назначались особые наместники от главы империи. Такой порядок, однако, не мог быть поддержан на долгое время. Авторитет наместников великого хана в странах, отдаленных от центра империи, не мог выдержать борьбы с авторитетом местных царевичей, в распоряжении которых находилась военная сила; постепенно в руки

³ Чан-чунь, пер. Кафарова, 132.

⁴ <Казахские степи.>

⁵ О разделении империи на уделы подробнее всего говорит Джувейни, <изд. Кавини, I, 31>.

⁶ Наиболее характерный пример: *Юань-ши*, пер. Бичурина, 260.

⁷ Ср. рассказ Рубрука о немецких оружейных мастерах, принадлежавших чагатайскому царевичу Бури и поселенных им в Таласе; впоследствии, после казни Бури, великий хан Мункэ переселил их в город Пулад в долине Боротага (Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 34, 40).

последних перешла вся власть, и империя распалась на несколько самостоятельных государств.

В царствование преемника Чингиз-хана, Угэдэя (1229—1241), единство империи еще не было поколеблено. Принцип совместного господства рода в это царствование был проведен с наибольшей последовательностью; для выработки мероприятий, касавшихся всей империи, глава каждого улуса назначал своего уполномоченного; при военных походах от каждого улуса назначали по одному царевичу; после покорения новых областей при наместнике, назначенном от великого хана, находились уполномоченные царевичей. Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на постановлениях, изданных по соглашению членов ханского рода⁸ и касавшихся главным образом установления нормы податей, учреждения почтового сообщения для перевозки послов и гонцов и орошения безводных степей (посредством колодцев) для увеличения числа пастбищ.

В самой слабой зависимости от главы империи находились, конечно, владения Джучи; еще сам Джучи обнаруживал стремление к независимости, и только его смерть помешала возникновению войны между ним и его отцом. В состав владений Джучи и его преемников входила также, как мы видели, часть Семиречья. Ставка старшего сына Джучи, Орды, еще в 1246 г., когда страну посетил Плано Карпини, находилась около озера Ала-куль; несколько западнее, в бывшей земле кара-китаев, может быть также в Семиречье, находилась ставка другого сына Джучи, Шейбана⁹.

Второй сын Чингиз-хана, Чагатай, как старший в роде и как назначенный еще Чингиз-ханом блюститель Ясы (монгольского обычного права) пользовался большим авторитетом во всей империи. Летней резиденцией Чагатая было место Куяш (букв. 'Солнце') в долине реки Или, по соседству с Алмалыком, вблизи высоких гор Кок; зиму он проводил в месте Мераурик (или Мераузик)-Ила, вероятно также находившемся на берегу Или. Около Куяша Чагатай устроил селение Кутлуг ('Счастливое')¹⁰. Из рассказа Чан-чуня мы знаем, что орда Чагатая была на южной стороне Или; вероятно, там же находилась орда его преемников, которую Джувейни называет Улуг-Иф (или Ик). Джемаль Карши называет область, составлявшую главную часть владений Чагатая, Иль-Аларгу (встречается и прилагательное Иль-Аларгави); главным городом ее был Алмалык.

⁸ Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 63 и Чан-чунь, пер. Кафарова, 158—159; <ср. также Бартольд, *Туркестан* — наст. изд., т. I, стр. 535—537. — В. Р.>

⁹ Плано Карпини, изд. Языкова, 26—29. Издатель ошибочно принимал упомянутое у Плано Карпини озеро за Байкал. <Об имени старшего сына Джучи (Орда ~ Орду ~ *Ордү) см. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 29—33; имя пятого сына Джучи правильной читать Сыбан ~ Шибан (см. *ibid.*, pp. 44—47, а также Barthold, *12 Vorlesungen*, S. 165). — Ю. Б.>

¹⁰ Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 66.

На почве Ясы происходили частые столкновения между Чагатаем и мусульманским населением Средней Азии. Подобно всем шаманистам, монголы отличались безусловной веротерпимостью и относились с одинаковым уважением к духовенству всех религий, которое было освобождено ими (за исключением раввинов) от всяких податей и повинностей. Если религиозный мир, на основании полной равноправности всех исповедовавшихся в империи учений, не мог быть сохранен, то это произошло исключительно вследствие соперничества враждовавших между собой представителей разных религий, стремившихся привлечь на свою сторону монгольских ханов и очернить перед ними своих соперников. Из представителей культурных народов, за немногими исключениями, только мусульмане (главным образом таджики) и уйгуры играли роль в управлении вне пределов своей родины и имели влияние на ханов. Уйгуры, исповедовавшие частью христианство, частью буддизм, были самыми ожесточенными врагами мусульман¹¹. Религиозная вражда и политическое соперничество между представителями различных религий и культур должны были принять особенно ожесточенный характер в Средней Азии, где силы обеих партий были приблизительно равны. Ислам в то время не был религией большинства в области на восток от Кульджинского края¹²; кроме того, и в мусульманских областях было значительное число иноверцев, между прочим и в Семиречье. Пишпекское и токмакское кладбища указывают на существование несторианских поселений в Чуйской долине; в северной части Семиречья в 3 французских милях (Piene), т. е. около 13½ верст, к северу от Каялыка, Рубрук в 1253 г. посетил селение, жители которого все были несторианами и имели здесь свою церковь¹³. Наконец, на берегу Иссык-Куля, в селении того же имени, еще в XIV в. был армянский монастырь, где, по преданию, хранились мощи св. апостола Матфея¹⁴.

Чагатай оказывал покровительство христианам; Марко Поло¹⁵ даже приводит легенду, по которой он сам принял христианство. С другой стороны, мусульмане возбуждали его неудовольствие тем, что некоторые правила шариата оказались несовместимыми с предписаниями Ясы. Так, у монголов было запрещено входить в текущую воду, что затрудняло мусульманские омовения; таким же образом было запрещено перерезывать горло убиваемым животным. Вследствие этого мусульманские писатели приписывают Чагатаю непримиримую вражду к исламу и мусульманам. В одном стихотворении на смерть Чагатая¹⁶ говорится: «Тот, из страха перед кем никто не смел входить в воду,

¹¹ Ср. Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 61.

¹² Ср. Чан-чунь, пер. Кафарова, 303.

¹³ Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 45.

¹⁴ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 60.

¹⁵ Изд. Юла, I, 191; пер. Минаева, 69.

¹⁶ Приведено у Джувейни <изд. Казвини, I, 228>.

погонул в обширном океане [смерти]». Один современник¹⁷ уверяет, что никто при Чагатае не смел произносить имя какого-нибудь мусульманина без ругательств; по словам другого, позднейшего писателя¹⁸, Чагатай давал балыш золота (т. е. 500 динаров, около 2000 руб.) каждому, кто извещал его о казни какого-нибудь мусульманина. По приказанию Чагатая в 626/1229 г. был убит известный мусульманский ученый Абу Я'куб Юсуф Секкаки, гробница которого еще в XVI в. находилась на берегу Текеса¹⁹.

Мы знаем, однако, что среди наиболее приближенных к Чагатаю лиц были и мусульмане. Самым влиятельным из них был Кутб ад-дин Хабаши-Амид, вероятно принадлежавший к числу богатых мусульманских купцов, вообще имевших большое значение в монгольской империи; историк Вассаф прославляет его богатство. Даже представители владетельных династий вступали в родство с ним²⁰; сами монголы выдали за него дочь хорезмшаха Мухаммеда, тогда как другая дочь досталась Чагатаю²¹. Представители мусульманского духовенства не были довольны правлением Хабаши-Амида; знаменитый суфий (мистик) Сейф ад-дин Бахарзи в стихотворном послании к всемогущему министру²² очень резко выражает свое неудовольствие по поводу того предпочтения, которое оказывалось неопытным юношам перед старцами, известными своей ученостью и святостью жизни, и вообще по поводу вмешательства светской власти в дела духовенства: «Когда дворец становится минбаром (кафедрой имама), то лучше, чтобы минбара не было совсем».

В конце правления Чагатая при его дворе возвысился один китаец, который первоначально служил у китайского лекаря Чагатая, потом поступил на службу в качестве пастуха к монгольскому вельможе Хошук-нойону. Здесь он имел случай обнаружить основательное знание походов Чингиз-хана, о которых у него была составлена подробная записка; Чагатай, очень ценивший подобные знания, приблизил его к себе. Видя его значение при дворе Чагатая, Угэдэй дал ему имя Везира.

¹⁷ Джузджани, пер. Раверти, II, 1146.

¹⁸ Исфизари, автор написанной в конце XV в. истории Герата (пользуюсь рукописью Аз. муз. 574 agh <С 472>). <Сочинение Исфизари издано в 1959—1960 гг. в Тегеране. — В. Р.>

¹⁹ Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 71—72. Дата смерти ученого приведена у Джемали Карши. <См. Бартольд, *Туркестан* — наст. изд., т. I, стр. 542—544. — В. Р.>

²⁰ Вассаф, <бомбейское изд., 288> (Кутб ад-дин керманский выдал за Хабаши-Амида свою сестру).

²¹ Джувейни, <изд. Казвини, II, 200>.

²² Оно приведено в сборнике стихотворений (*Бутхйне*), экземпляр которого хранится в Оксфордской библиотеке (Cod. Elliot 32). Текст его, как и другие неизданные тексты, на которые я здесь ссылаюсь, будет приведен в моем исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» <см. *Туркестан*, ч. I, стр. 102, а также наст. изд., т. I, стр. 541>.

Везир был человеком небольшого роста и невзрачной наружности, но отличался умом, смелостью и красноречием; в совете он говорил смелее всех; однажды он прикрикнул на жену Чагатая: «Ты — женщина; об этом деле тебе нечего говорить». В другой раз он самовластно казнил невестку Чагатая; на вопрос последнего он ответил: «Как можно, чтобы твоя невестка совершала непохвальные поступки и позорила честь [ханских] жен?». Чагатай согласился с ним. Взгляд современника на правление Везира виден из следующих слов, будто бы сказанных им Чагатаю: «Ради тебя я не сохранил дружбы ни с одним творением, после тебя никто меня не пожалеет»²³.

Чагатай только на несколько месяцев пережил Угэдэя, умершего в декабре 1241 г.²⁴ Чрезмерно преданный наслаждениям, но великодушный и гуманный Угэдэй умел смягчать как непреклонную строгость своего брата, так и интриги должностных лиц, из которых каждый стремился погубить своих соперников. Его преемники всецело подчинились влиянию этих интриг; начался ряд отвратительных процессов и казней, вследствие которых «ехать в орду» часто значило ехать на мучительную смерть. Нельзя винить в этих ужасах только варварство монголов; история показывает²⁵, что почти все эти процессы были вызваны интригами представителей культурных народов; часто монголы ограничивались тем, что выдавали осужденного обвинителю; в последнем случае участь несчастного отнюдь не была легче, чем участь замученных самими монголами.

Чагатай еще при жизни, с согласия Угэдэя, назначил своим преемником своего внука Хара-Хулагу; вдова Чагатая Есулун и Хабаш-Амид теперь объявили этого царевича главой чагатайского улуса. Таким образом, Хабаш-Амид сохранил свое значение и в новое царствование, которое началось казнью врачей, неудачно лечивших Чагатая, именно упомянутого Везира и мусульманского врача Меджд ад-дина. Кроме того, в орде Хара-Хулагу за непочтительные слова о царице Есулун был казнен уйгур Куркуз, буддист, долгое время управлявший монгольскими владениями в Персии.

Престол каана (великого хана) оставался незанятым до 1246 г., когда был созван курултай (сейм), на котором был провозглашен кааном старший сын Угэдэя, Гуюк. В кратковременное царствование Гуюка (1246—1248), получившего христианское воспитание и проникнутого такой же враждой к исламу, как Чагатай, христиане получили первенство во всей империи. В чагатайском улусе по приказанию Гуюка Хара-Хулагу был низложен, и на престол возведен личный друг нового каана, Есу-Мункэ, сын Чагатая. Есу-Мункэ, по словам Рашид ад-

²³ Рашид ад-дин, <изд. Блоше, 196—197>.

²⁴ Джемаль Карши относит его смерть к 642/1244-45 г.

²⁵ Относительно русской истории к этому выводу пришел еще Соловьев (*История России*, кн. I, стр. 833).

дина, был до такой степени предан вину, что не мог заниматься не только государственными делами, но и делами своей орды; всем заведовала его жена Тукаши. Вступление на престол нового хана повлекло за собой падение Хабаш-Амида.

Хабаш-Амид еще при жизни Чагатая приставил к каждому из сыновей хана одного из своих сыновей, очевидно для того, чтобы таким образом обеспечить власть за собой и всем родом. К Есу-Мункэ он приставил усыновленного им Беха ад-дина Маргинани, сына наследственного шейх ал-ислама ферганского; со стороны матери он происходил от Караханидов. Есу-Мункэ ненавидел Хабаш-Амида как сторонника Хара-Хулагу и на его место назначил везиром Беха ад-дина; тот принял назначение, но постарался смягчить ненависть хана к Хабаш-Амиду и спас ему жизнь. Джувейни, лично видевший Беха ад-дина, говорит, что он соединял в себе знание духовных и светских наук, что дом его был средоточием всех еще оставшихся в живых выдающихся ученых и что при нем мусульманская наука вернула себе свое значение²⁶.

От присяги Гуюку уклонился глава улуса Джучи, Батый; весной 1248 г. Гуюк отправился против него с большим войском; скрывая свою настоящую цель, каан объявил, что идет в свою родовую орду, к берегам Эмиля, для восстановления своего расстроенного здоровья. Предупрежденный о намерениях каана, Батый, с своей стороны, отправился на восток с большим войском; но еще в месте Ала-камак, в 7 днях пути от Каялыка (т. е. в южной части Семиречья, около гор Алатау), он получил известие о смерти каана; остановившись в Ала-камаке, Батый, как старший в роде, созвал к себе остальных царевичей для решения вопроса о престолонаследии. Все обязались подчиниться решению Батыя; выбор последнего остановился на Мункэ, старшем сыне Тулуя. Это вызвало горячий протест со стороны внуков Угэдэя, считавших себя обойденными; на их стороне была большая часть чагатайских царевичей, между прочим и Есу-Мункэ. Только в 1251 г. в Каракоруме был созван курултай, на котором произошло торжественное восшествие на престол Мункэ. Потомки Угэдэя со своими сторонниками прибыли на курултай вооруженными, с намерением произвести восстание в свою пользу; заговор был открыт, и виновные были задержаны без сопротивления; 77 вельмож были казнены; царевичи были отправлены в отдаленные области, где некоторые из них потом были тайно умерщвлены. Есу еще находился в своей орде; к нему явились послы каана с требованием, чтобы он, если не принимал участия в заговоре, немедленно явился в ставку каана и принес присягу. По рассказу Джемаля Карши, Хара-Хулагу, с самого начала принявший сторону Мункэ, оказал влияние на своего брата Бури, стоявшего во главе войска в чага-

²⁶ Ср. Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери, 401—405; <изд. Казвини, I, 232>.

тайском улусе. После прибытия к Мункэ Есу Тукаши и Бури немедленно были задержаны; Тукаши была выдана Хара-Хулагу, который произвел над ней суд в присутствии ее мужа и велел ее растоптать копытами лошадей. Есу и Бури были отправлены в орду Батыя, который казнил Бури, своего давнишнего врага, а Есу отпустил на родину, где он потом погиб жертвой мести Эргэнэ²⁷, вдовы Хара-Хулагу²⁸. Последнему Мункэ возвратил главенство над чагатайским улусом, но по дороге в свой юрт он умер. Падение Есу-Мункэ имело следствием возвращение к власти Хабаш-Амида, которому Хара-Хулагу велел выдать Беха ад-дина со всем его семейством и имуществом; Хабаш-Амид подверг своего соперника варварской казни.

Чтобы окончательно уничтожить своих врагов, Мункэ отправил на запад многочисленное войско, которое должно было занять пространство между Каракорумом и Бишбальком и соединиться с отрядами Джучидов, расположившимися в местности между Каялыком и Оттаром, под начальством Хункирана (или Хункурана), сына и преемника Орды. Все военачальники в чагатайском улусе, заподозренные в сочувствии заговорщикам, были казнены.

Итак, единство империи на этот раз было сохранено только посредством разгрома двух улусов, и вместо господства всего ханского рода, как было при Угэдэе, теперь наступило двоевластие. Значение Батыя, как старшего в роде и как главного виновника вступления на престол Мункэ, несколько не уступало значению самого каана. Сам Мункэ говорил Рубруку: «Как солнце всюду распускает свои лучи, так власть моя и Батыева простирается на все страны»²⁹. Желая выразить полное согласие между ним и Батыем, каан употребил следующее сравнение: «Два глаза в одной голове, но, хотя их два, вид их один, и куда один направляет свой взор, туда и другой»³⁰. Граница между «сферами влияния» (если можно так выразиться) каана и Батыя проходила несколько восточнее Таласа; Рубруку даже казалось, что во владениях Батыя представителям великого хана оказывали меньше почета, чем наоборот³¹. Семиречье, таким образом, было подчинено каану. Непосредственное заведование чагатайским улусом было поручено вдове Хара-Хулагу, Эргэнэ, при которой первыми лицами были Хабаш-Амид и его сын Насир ад-дин. Эргэнэ, по словам Вассафа³², сама придерживалась буддизма, хотя оказывала исламу всякое

²⁷ <По мнению В. Ф. Минорского, принятое В. В. Бартольдом написание Эргэнэ — ошибочно, следует — Оркына. — В. Р.>

²⁸ Не упомянутые у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, pp. 257—271) подробности об этих событиях заимствованы из сочинения Джувеини, <изд. Казвини, II, 229—232>.

²⁹ Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 307.

³⁰ Там же, 361.

³¹ Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 41.

³² Вассаф, изд. Хаммера, <текст, 29>; пер., 30.

покровительство; Джемаль Карши называет ее мусульманкой. В 1254 г. она принимала у себя в Алмалыке брата каана, Хулагу, отправленного с войском для покорения Западной Азии. Войско Хулагу медленно прошло через Семиречье и Сыр-Дарьинскую область и только осенью 1255 г. достигло Самарканда.

Рубрук, проехавший через Семиречье в ноябре 1253 г., дает нам еще некоторые известия о положении страны в царствование Мункэ³³. Переправившись через реку Или, Рубрук видел разрушенное укрепление с глиняными стенами; около развалин были пашни. Несколько дальше был значительный город, населенный мусульманами, говорившими по-персидски; Рубрук дает городу латинское название Equius. Вероятно, он тождествен с Илибалыком, который часто упоминается в китайских источниках; армянский царь Гайтон, бывший здесь в начале 1255 г., называет город Илан-балыком³⁴. На следующий день Рубрук переехал через небольшую горную цепь и прибыл в великолепную равнину, орошенную множеством рек, вытекавших из гор и впадавших в Балхаш. Здесь был большой город Кайлак (Каялык), в котором жило множество купцов. В той же равнине прежде было много городов, но в то время города большей частью были разрушены татарами, которых привлекли сюда превосходные пастбища.

Итак, рассказ Рубрука свидетельствует о некотором упадке земледельческой культуры и об обращении части прежних культурных земель в пастбища. Известие о занятии северной части Семиречья монгольскими кочевниками подтверждается словами Джувейни, что каан Мункэ отдал сыну Арслан-хана карлукского Узгенд (а не Каялык).

Часть Семиречья между Или и Чу описывает китаец Чан Дэ, проехавший здесь в 1259 г. в качестве посла от каана к Хулагу. Он называет эту местность Иду; она имела многочисленное население, но в то же время здесь было много древних валов и других развалин³⁵, так что и здесь в XIII в., вероятно, уже начался тот процесс, который привел к постепенному исчезновению в Семиречье оседлой культуры, возобновленной, как известно, только в XIX в. сартовскими и русскими переселенцами. Главной причиной такого явления, конечно, были превосходные семиреченские пастбища, всегда привлекавшие кочевников.

Мункэ умер в 1259 г., во время похода на Китай. На этот раз спор за престол произошел между двумя его братьями, и в 1260 г. в монгольской империи в первый раз были одновременно провозглашены каанами два претендента: войско, стоявшее в Китае, присягнуло Хубилаю; в Каракоруме провозгласил себя кааном младший брат, Арик-Бука. Правительница чагатайского улуса была на стороне Арик-Буки; чтобы произвести в чагатайских владениях восстание в свою пользу,

³³ Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 42—45.

³⁴ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 70.

³⁵ Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 129.

Хубилай отправил туда царевича Абишку, сына Бури; по дороге царевич был перехвачен приверженцами Арик-Буки и убит. По примеру брата Арик-Бука отправил от себя на запад внука Чагатая, Алгуя, сына Байдара; между прочим Алгуй, по словам Рашид ад-дина, должен был позаботиться о снабжении Монголии хлебом из Туркестана, так как Хубилай прекратил подвоз хлеба из Китая, вследствие чего в столице начался голод.

Алгуй действовал в Туркестане очень энергично, но не в пользу Арик-Буки. Он привлек на свою сторону членов чагатайского рода и их приверженцев; мы видим у него на службе Сулейман-бека, сына Хабаш-Амида; сам Хабаш-Амид, по словам Джемала Карши, умер в самом начале правления Алгуя, в 1260 г. Эргэнэ удалилась к Арик-Буке. Алгуй изгнал джучидских наместников из западной части чагатайских владений и подчинил своей власти даже такие земли, которые никогда не были под властью чагатайского дома, как Хорезм и северная часть Афганистана. Скоро он вступил в открытую войну с Арик-Букой. Последний в это время был вытеснен из Монголии войсками Хубилая и отступил к берегам Енисея, но дальнейшие успехи Хубилая были замедлены беспорядками в Китае, и Арик-Бука мог обратиться против Алгуя. В 1262 г. Алгуй около озера Сайрам разбил авангард Арик-Буки, но весной 1263 г. был разбит в Илийской долине и должен был бежать в Восточный Туркестан. Войска Арик-Буки расположились на зимних квартирах в Кульджинском крае; Семиречье, вероятно, также было занято ими, так как прибывшая с Арик-Букой Эргэнэ могла провести лето 1263 г. в горах около Атбаша³⁶.

Войско Арик-Буки захватило в плодородной долине Или столько хлеба, что лошадей в течение зимы кормили пшеницей. Такие грабежи вызвали в стране страшный голод и принесли вред самому войску; весной 1264 г. лошади, привыкшие к пшенице, стали заболеть и погибать от подножного корма. В таком положении Арик-Бука был покинут большей частью своих военачальников, не любивших его за его жестокость; узнав, что Алгуй идет на него, Арик-Бука послал к нему Эргэнэ, а сам отправился с выражением покорности к Хубилаю. Эргэнэ согласилась выйти за Алгуя.

Хубилай был признан кааном во всей империи, но только номинально. Хулагу в Персии, Алгуй в Средней Азии и Беркай (брат Батая) во владениях Джучидов были фактически вполне самостоятельными государями; притом первые два находились в открытой войне с третьим. Беркай имел союзника в Средней Азии в лице внука Угэдэя, Хайду.

Судя по результатам его деятельности и по отзывам о нем мусульманских писателей, Хайду был одним из самых замечательных

³⁶ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 45.

монгольских властителей; к сожалению, мы о его жизни и правлении имеем мало фактических сведений. Судя по словам Джемала Карши, он родился около 1235 г.; его отец, Хаши, умер от пьянства в молодых годах, еще до появления на свет сына, который был воспитан в орде каана. Со стороны матери он происходил из бекринов, или мекринов, горного племени неизвестного происхождения; Рашид ад-дин³⁷ говорит о бекринах, что они «не монголы и не уйгуры». По наружности Хайду во всяком случае был настоящим монголом; вместо бороды у него, по словам Рашид ад-дина, было только девять отдельных волос.

В смутное время 1260—1264 гг. Хайду находился в войске Арик-Буки. Когда последний отправился к Хубилаю, Хайду не последовал его примеру, но остался в Средней Азии. Он полагал, что имеет больше прав на первенство в империи, чем Хубилай, ссылаясь на существовавшее у монголов предание, будто Чингиз-хан завещал своим потомкам не отдавать престола никому другому, пока останется в живых хотя бы один потомок Угэдэя. В распоряжении Хайду не было ни одного отряда из наследия его деда³⁸; ему предстояло самому создать для себя военную силу; это удалось ему в такой степени, что храбрость и дисциплина его войска вошли в поговорку³⁹. С дарованиями полководца Хайду соединял дарования правителя и умение пользоваться обстоятельствами; интересам войска не приносились в жертву интересы населения, благосостояние которого в его царствование достигло высокой степени. Замечательно, что этот сын и внук алкоголиков отличался едва ли не от всех Чингизидов тем, что никогда не пил ни вина, ни кумыса.

Прежде всего Хайду привлек на свою сторону племя своей матери; бекрины всегда считались самыми полезными воинами при действиях в горной стране. Кроме того, он воспользовался войной между Алгуем и Беркаем, чтобы предложить свои услуги второму. Беркай посоветовался со своими астрологами, которые предсказали Хайду великую будущность. С помощью Джучидов Хайду составил себе небольшое владение и разбил один из отрядов Алгуя; против него тогда было выслано большое войско, в битве с которым он потерпел поражение⁴⁰; его спасла, однако, смерть Алгуя.

Алгуй умер в конце 1265 или в начале 1266 г.⁴¹ В марте 1266 г., по рассказам Джемала Карши, в Ахенгеране, т. е. в долине Ангрена, был провозглашен чагатайским ханом Мубарек-шах, сын Хара-Хулагу

³⁷ Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 129.

³⁸ Рашид ад-дин, изд. Березина, III, пер., 146; <изд. Блоше, 7—8>.

³⁹ Вассаф, изд. Хаммера, <текст, 133>; пер., 127.

⁴⁰ Об этих событиях говорит только Мирхонд (пользуемся тегеранским литографированным изданием); <лакнауское изд., V, 65>.

⁴¹ Так по Джемало Карши <см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 138>; хронология как у Рашид ад-дина <изд. Блоше, 188>, так и у Вассафа <изд. Хаммера, текст, 29—30; пер., 30—31> сбивчива и неверна.

и Эргэнэ, первый из потомков Чагатая принявший ислам. Таким образом, в Средней Азии впервые вступил на престол монгольский государь без назначения со стороны каана; Хубилай не мог примириться с этим и отправил в Туркестан другого чагатайского царевича, Борака⁴², двоюродного брата Мубарек-шаха. Борак сначала скрыл ярлык, полученный им от Хубилая, явился в Среднюю Азию в качестве ищущего убежища и испросил позволения собрать своих людей; с согласия Мубарек-шаха Борак и его братья удалились в свой родовой юрт, в долину Сурхана. Постепенно Борак привлек на свою сторону монгольские отряды, у которых были частые столкновения с местными жителями, причем Мубарек-шах всегда принимал сторону населения. В сентябре 1266 г. Мубарек-шах был разбит и взят в плен около Ходженда, после чего Борак в Узгенде провозгласил себя ханом и овладел всеми сокровищами Алгуя и Эргэнэ⁴³. Такой же успех ему удалось одержать в Восточном Туркестане в войне с кааном⁴⁴, который, видя, что Борак не остается послушным орудием в его руках, выслал против него войско.

Этими смутами воспользовался Хайду, чтобы овладеть Семиречьем и восточной частью Сыр-Дарьинской области. Между ним и Бораком произошло столкновение, причем Хайду выступил защитником интересов населения, страдавшего от трабежей, производившихся войсками Борака с согласия последнего. В 1268 г. Хайду, по одному известию (приведенному у Рашид ад-дина) — с помощью главы Джучидов, Менгу-Тимура, разбил своего соперника на Сыр-Дарье, но не преследовал его, а предложил ему съехаться следующей весной на курултай и покончить дело миром. Весной 1269 г. был созван первый курултай в Средней Азии, на берегах Таласа. Здесь, под главенством Хайду, состоялось соглашение между среднеазиатскими монгольскими владетелями; Хайду и Борак назвали друг друга андами — слово, обозначающее самую тесную дружбу. Яйлак и кышлак (летние и зимние кочевья) Борака были точно определены; вообще царевичи обязались жить в горах и степях, не выпускать своих стад на пашни, не брать с жителей ничего, кроме законных податей и доходов с принадлежавших им ремесленников⁴⁵.

Таким образом, в Средней Азии образовалось особое монгольское государство, причем были приняты меры для ограждения интересов населения. О местопребывании главы этого государства, Хайду, мы не имеем прямых известий; из того, что он был похоронен между Чу и

⁴² <Правильнее — Барак.>

⁴³ Вассаф, изд. Хаммера, <текст, 134>; пер., 126. <У Вассафа приведена дата — начало 663 г. х., что соответствует концу 1264 г. — В. Р.>

⁴⁴ О ней говорят Рашид ад-дин <изд. Али-заде, текст, 107—108; пер. Арендса, 70; пер. в изд. ИВАН, II, 13, 93>.

⁴⁵ Cp. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, pp. 430—431.

Или, можно заключить, что его орда находилась в Семиречье. Мусульманские писатели хвалят справедливость Хайду и покровительство, оказанное им исламу; Вассаф⁴⁶ с удивлением отмечает факт, что Хайду, располагая отличным войском, не предпринимал никаких завоевательных походов и ограничивался обороной своих владений от притязаний трех других монгольских государств. Борьба с последними велась с большим успехом, особенно после того, как ему удалось устроить порядок в своих собственных владениях, много страдавших от смут среди чагатайских царевичей. Борак после курултая 1269 г. не изменил своего поведения; еще более население было разорено смутами, наступившими после его смерти (1271 г.), против которых первые чагатайские царевичи, поставленные Хайду во главе своего улуса, были бессильны. Спокойствие было восстановлено только тогда, когда выбор Хайду пал на даровитого Туву⁴⁷ (или Дуву), сына Борака (1282 г.)⁴⁸. Во все продолжение царствования Хайду Тува оставался его верным союзником и принимал участие в войнах Хайду с другими монгольскими государствами. Столкновения с войсками Хубилая преимущественно происходили в Монголии; более значения для Семиречья имели столкновения с улусом Джучи, преимущественно с его восточной ветвью, во главе которой стоял правнук Орды, Баян. Ханы этой так называемой «Белой» (по другим источникам — «Синей») орды фактически были совершенно независимы и не ездили на курултай к золотоордынским ханам, хотя номинально признавали себя их подданными. Против Баяна возмутился его троюродный брат Куйлюк и с помощью Хайду и Тувы изгнал Баяна. Баян обратился за помощью к главе Джучидов, Тохте (1290—1312); Тохта не мог оказать ему деятельной поддержки, так как сам должен был воевать с мятежным военачальником Ногаем; но он дал Баяну ярлык на главенство в улусе Орды и отправил послов к Хайду и Туве с требованием выдачи Куйлюка. Требование не было исполнено; Баян еще в XIV в. вел войну с Куйлюком и союзными с ним войсками Хайду и Тувы; до первых годов XIV в. между ними произошло 18 битв⁴⁹. В самом конце XIII в. в Китай ко двору преемника Хубилая, каана Тэмюра, прибыли послы Баяна с предложением коалиции против Хайду и Тувы; предполагалось, что против них одновременно двинут войска Тохта и Баян с северо-запада, владетель Персии Газан-хан с юго-запада, бадахшанский владетель с юго-востока и ки-

⁴⁶ Иад. Хаммера, <текст, 134>; пер., 128.

⁴⁷ По правописанию Вассафа и монгольского письма, о котором см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 588.

⁴⁸ Так по Джемалю Карши (681 г. х.); это подтверждается словами Рашид ад-дина и Вассафа (ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 458), что Бухара, разоренная в 674/ <1275-76> г., была восстановлена через семь лет.

⁴⁹ Об этих событиях говорится у Рашид ад-дина при обзоре генеалогии Джучидов, <изд. Блоше, 96>.

тайский император с востока. Однако по совету своей матери Тэмур дал послам уклончивый ответ⁵⁰.

По примеру Чингиз-хана Хайду образовал отдельные отряды под начальством своих сыновей; им он в последние годы своей жизни поручил защиту пограничных областей своего государства. На границе с Китаем начальствовал Урус, на границе с владениями Джучидов — Байкечер, в Афганистане, откуда отряды Хайду и Тувы постепенно вытесняли отряды Хулагидов, — Сарбан. Какую роль при жизни отца играл его старший сын и преемник, Чапар, об этом мы не имеем известий. В долине реки Чу, где в то время было еще много селений⁵¹, жила дочь Хайду, Хутулун-чага⁵²; после его смерти она заведовала охраной его могилы. Храбрая и энергичная девица принимала личное участие в походах отца и не желала выходить замуж. Наконец, в народе распространился слух, что Хайду любит ее не как дочь и потому ни за кого не хочет ее выдать; Хайду тогда потребовал от нее, чтобы она выбрала себе мужа. Несмотря на то, что она прежде дала персидскому хану Газану обещание выйти замуж только за него, царевна теперь дала свою руку главному столынику ее отца, по происхождению китаецу⁵³.

О смерти Хайду до нас дошли противоречивые известия. По словам Рашид ад-дина, в Персии весной 1303 г. была получена весть, что незадолго перед тем войско Хайду и Тувы было разбито войском каана, что Хайду пал в битве, а Тува был тяжело ранен и с того времени оставался неизлечимо больным. Из сочинения среднеазиатского современника событий, Джемаля Карши, мы знаем, что Хайду умер осенью 1301 г.; итак, весть из восточной части Средней Азии дошла до Персии только через полтора года; уже этот один факт показывает степень достоверности сообщенных Рашид ад-дином подробностей. Иначе рассказывает о смерти Хайду Вассаф⁵⁴. По его словам, Хайду в битве с войском каана остался победителем, но потом заболел и поручил своему сыну Урусу отвести войско в такое место, где бы оно могло найти достаточное количество воды и корма для лошадей. Во время этого по-

⁵⁰ Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 515. <Рашид ад-дин, изд. Блоше, 611>.

⁵¹ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 37.

⁵² <Хутулун-Чаха, см. Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, II, 13, 15. В полулегендарном изложении рассказ о подвигах этой дочери Хайду, которую звали «по-татарски — Ангиарм, что по-французски значит „светлая луна“», см. Марко Поло, пер. Минаева, 315—317. — В. Р.>

⁵³ Рашид ад-дин <пер. в изд. ИВАН, II, 15—16: «Хутулун-Чаха стала женой некоего Абтакула из [рода] курлас». Как отмечено в примечаниях к переводу, в некоторых рукописях и в изд. Блоше Абтакул назван «китаецем». Однако, как указал В. Ф. Минорский, в изд. Блоше, 12 имеется только *шахс-и хит'а'и*, т. е. «человек из Северного Китая». — В. Р.>

⁵⁴ Вассаф, <бомбейское изд., 450>. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 516 sq.

хода Хайду умер. Самым авторитетным лицом теперь был Тува, главный сподвижник Хайду; по словам Вассафа, сам Хайду завещал Урусу во всем повиноваться Туве. Собрав царевичей вокруг гроба Хайду, Тува уговорил их признать своим государем отсутствовавшего тогда Чапара, старшего сына Хайду, затем тело Хайду было отвезено в его родовой юрт и похоронено на высокой горе Шивлык, между Чу и Или⁵⁵. Чапар принял имя Хайду; торжество его вступления на престол произошло, по словам Джемаля Карши, в Эмиле весной 1303 г. Замедление, вероятно, было вызвано тем, что значительная партия, к которой принадлежала и Хутулун, хотела возвести на престол Уруса. В первые годы XIV в. в Персии ходили слухи, что раздоры среди сыновей Хайду уже приняли характер вооруженной борьбы.

О характере Чапара мы мало знаем (по наружности он, по словам Рашид ад-дина, походил на русского или черкеса); по-видимому, он всецело находился под влиянием Тувы, кипучая деятельность которого мало подтверждает слова Рашид ад-дина о его неизлечимой болезни. Джемаль Карши называет Туву главным столпом власти Чапара. Положение государства, ослабленного наступившими после смерти Хайду смутами, было очень трудным. Тохта возобновил требование выдачи Куйлюка; получив отказ, он отправил два тюмена на помощь Баяну. В начале февраля 1303 г., по рассказу Рашид ад-дина, в Багдад прибыли послы Баяна и известили о его намерении выступить в том же году в поход против Чапара и Тувы, чтобы соединиться с войском каана; задачу помешать такому соединению еще Хайду возложил на своих сыновей Байкечера и Шаха, на Туда-Тимура, внука каана Мункэ, и на Мелик-Тимура, сына Арик-Буки. По словам послов, большая часть улуса Орды еще находилась во власти Баяна, а не Куйлюка; но постоянные войны ослабили войско Баяна, и только часть воинов имела лошадей. Вероятно, эти войны вызвали перемещение центра улуса Орды из северной части Семиречья, где он, как мы видели, находился в половине XIII в., к низовьям Сыр-Дарьи.

В те же годы по инициативе Тувы возникла мысль восстановить единство монгольской империи в той форме, в которой оно тогда только и было возможно, т. е. в форме федерации. Главы отдельных государств должны были обязаться жить в мире друг с другом, под номинальным главенством каана; торговля на всем пространстве империи должна была быть совершенно свободной. План был прежде всего предложен каану, который вполне одобрил его; в августе 1304 г.⁵⁶

⁵⁵ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 38.

⁵⁶ Дата приведена неизвестным продолжателем Рашид ад-дина (о его сличении см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, exposition, p. XLII). <Под «неизвестным продолжателем Рашид ад-дина» В. В. Бартольд имеет в виду автора дополнения к списку *Джами ат-таварих*, рук. ИНА D 66, лл. 425 а—509 б; по-видимому, это — Хафиз-и Аbru. — В. Р.>

послы каана вместе с послами Чапара и Тувы прибыли в Персию; и здесь, как и при дворе Джучидов, осуществление идеи Тувы не встретило препятствий. Договор был заключен, но вследствие событий, наступивших в Средней Азии⁵⁷, остался мертвой буквой.

В 1305 г. в Мавераннахре произошло столкновение между войском Чапара и некоторыми чагатайскими царевичами; последние потерпели неудачу. Тува отправил послов к Чапару, извиняясь за «легкомысленных юношей», бывших, по его словам, виновниками печального события, и предлагая решить все споры третейским судом. Предложение было принято; с обеих сторон были назначены посредники, которые должны были собраться в Ташкенте. Перемирие, однако, было нарушено царевичами (среди них были потомки не только Чагатая, но и Угэдэя), которые в местности Чок-Балык произвели нападение на войско брата Чапара, Шаха. Видя многочисленность врагов, Шах хотел пробиться сквозь их ряды и напасть на них с тыла; в это время на его войско неожиданно напали с другой стороны военачальники Тувы, проводившие зиму в южной части Семиречья, в долине Арпа; Шах бежал с остатками своего войска (7000 человек) и соединился с своим братом Байкечером. Победители разорили «золотую орду» Шаха в долине Таласа и разграбили соседние города. Чапар в это время воевал около Иртыша и Алтая с военачальниками каана, которых Тува уговорил открыть враждебные действия. Вследствие измены своего войска и царевичей Чапар, около которого осталось только 300 всадников, был вынужден отправиться к Туве, который ласково принял его и отвел ему особый юрт; братья Чапара также выразили покорность победителю. Собственные владения (инджу) Чапара были переданы Байкечеру; Тюкме, правнук каана Гуюка, получил юрт своего прадеда; войска Хайду, кроме ушедших с Мелик-Тимуром к каану, были распределены между Тюкме, Байкечером и Шахом; последнему был оказан особенный почет.

Все эти события произошли, по замечанию Вассафа, в течение одного года. По словам Вассафа, Тува умер в 1307 г. от паралича; по словам продолжателя Рашид ад-дина, смерть его последовала от воспаления мозга, и известие о ней достигло Персии еще в последние дни 1306 г. Царевичи возвели на престол его сына Куньджека, который был призван из Баркуля (собств. Барс-куль, т. е. 'Озеро барса') и возведен на престол около Алмалыка, в месте Себкун-Бала. Уже в 1308 г. он умер в Юлдузе⁵⁸. При нем также произошло восстание царевичей; в битве при Бурибаши (местность с этим названием упоминается в ис-

⁵⁷ Эти события подробно изложены у Вассафа (рук. ГПБ V, 3, 24 <ПНС 69>, л. 355 и сл.); у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 519) о них говорится очень кратко.

⁵⁸ Этих сведений нет у Вассафа, <бомбейское изд., 509—521>; мы заимствуем их из сочинения продолжателя Рашид ад-дина.

тории походов Тимура⁵⁹ и находилась в восточной части Сыр-Дарьинской области или в западной части Семиречья) мятежники сначала одержали верх, но потом вследствие измены своего войска были разбиты; их предводитель, царевич Курсебе (потомок Угэдэя), был убит во время бегства.

Престолом теперь овладел царевич Талику, внук Бури (убитого в 1251 г.). Он уже достиг преклонных лет⁶⁰; будучи сыном керманской царевны, он исповедовал ислам; его мусульманское имя было Хизр⁶¹. Царевичи были недовольны им за слишком явное покровительство исламу и за меры, принятые им против сыновей Тувы и их эмиров; сыновей Тувы многие считали законными преемниками престола; на их стороне был другой внук Бури, Урюк, и брат Чапара, Шах; по слухам, их подстрекал сам Чапар. Когда Талику созвал царевичей на той (пир), т. е. на курултай⁶², Урюк и Шах отказались явиться и подняли восстание. В сражении Урюк и его сыновья были убиты. Шах был взят в плен. Столь же успешны были действия отрядов Талику против других мятежников. Не будучи в состоянии бороться с ханом в открытом поле, сторонники сыновей Тувы явились на той и составили заговор с целью убить хана; ночью Кебек, сын Тувы, с 300 всадниками неожиданно вторгся в ханский шатер и убил Талику. По Вассафу, это произошло еще в 708/1308-09 г.; автор генеалогической истории монголов относит возведение на престол Талику к 709/1309-10, а его смерть — к 710 гг.

Смуты в чагатайском улусе возбудили в Чапаре надежду восстановить свою власть. В союзе с Тюкме, Байкечером и сыновьями Уруса он пошел на Кебека, но был разбит к югу от реки Или. С согласия Тюкме Чапар перешел через Или и вступил в его владения; здесь между ними произошла ссора; Чапар разбил Тюкме, разграбил его юрт и ушел на восток, к каану; Тюкме во время бегства встретил отряд Кебека и в сражении с ним был убит. Государство страшно пострадало от этих междоусобий, которые нанесли сильный удар земледелию и торговле⁶³. Кебек созвал царевичей на курултай (по Вассафу, еще

⁵⁹ Шериф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, II, 35.

⁶⁰ Так говорит Вассаф <однако ср. Рашид ад-дин, изд. Блоше, 165. — В. М.>; хронологически это едва ли возможно. Очень вероятно, что отец Талику, согласно древнейшим рукописям Рашид ад-дина и вопреки свидетельству других источников, был сыном не Бури, а самого Чагатая.

⁶¹ Приведено в генеалогической истории <Му'изз ал-анс'аб. — В. М.>

⁶² О значении тоя в государстве Чагатайдов см. Ибн Баттута, III, 40.

⁶³ Так говорит Вассаф, <бомбейское изд., 519>. Вероятно, к этому времени относится большая часть развалин, о которых упоминает Мухаммед-Хайдер в *Та'рих-и Рашидй* (ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 17, 38). Писатель первой половины XIV в. Омари пишет со слов человека, лично посетившего страну: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома со-

в начале 709 г.); было решено возвести на престол старшего брата Кебека, Эсен-Буку, который в то время находился на востоке, во владениях каана. Большая часть владений Хайду теперь перешла к чагатайским царевичам; из сыновей Хайду только Шах получил особую тысячу и особый юрт.

Эсен-Буке удалось до некоторой степени восстановить в своих владениях внутреннее спокойствие; но неудачные внешние войны, которыми наполнено его царствование, не могли не отразиться на благосостоянии страны. Столкновение с пограничным караулом войск каана, стоявших зимой на берегах Кобука, летом у реки Есун-мурэн (один из притоков Иртыша), вызвало войну⁶⁴, во время которой начальник этого караула опустошил пространство на 3 месяца пути, другое войско каана — пространство в 40 дней. Войска каана разграбили даже ставки самого Эсен-Буки, зимнюю (около Иссык-Куля) и летнюю (около Таласа). Первые попытки Эсен-Буки заключить союз против каана с Узбеком, стоявшим с 1312 г. во главе джучидского улуса, были неудачны; только в 1315 г. между ними произошло некоторое сближение на почве общей вражды к владетелю Персии, Улджэйтү⁶⁵. В Персии чагатайские войска вследствие измены царевича Ясаура также не достигли никаких результатов⁶⁶.

Год смерти Эсен-Буки у историков не приводится; вероятно, он умер около 1318 г., так как его брат Кебек, правивший 8 лет, умер, по монетным данным, в 726/1326 г.; историки ошибочно относят его смерть к 721 г. х. Арабский путешественник Ибн Баттута, бывший в Средней Азии в 1333 г., слышал здесь некоторые рассказы о Кебеке; в этих рассказах Кебек является справедливым государем, который заботился о благе подданных и оказывал покровительство мусульманам, хотя сам оставался шаманистом⁶⁷. Заботы Кебека о благосостоянии страны отмечают и историки; Мусеви противопоставляет его в этом отношении Эсен-Буке. Внимание Кебека, однако, было обращено почти исключительно на Мавераннахр и Афганистан; его столицей был город Нахшеб, получивший с того времени название Карши, т. е. «дворец» (Кебек выстроил для себя дворец на расстоянии 2¹/₂ фарсахов, т. е. около 15 верст от этого города)⁶⁸.

По словам историков, Кебек умер естественной смертью; по Ибн Баттуте⁶⁹, он был убит своим братом Тармаширином⁷⁰. После смерти

вершено пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием» (Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 257—258).

⁶⁴ О ней говорит продолжатель Рашид ад-дина, рук. Аз. муз. а 566 <D 66>, л. 473 и сл.

⁶⁵ D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 574.

⁶⁶ Ibid., p. 563 sq.

⁶⁷ Ибн Баттута, III, 31—32.

⁶⁸ Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 95.

⁶⁹ Ибн Баттута, III, 42.

⁷⁰ <По-видимому, имя санскритского и буддийского происхождения — Dharmā-śrī.—

Кебека, до воцарения Тармаширина, правили короткое время два других сына Тувы, Ильчигидай и Дурра-Тимур. При Ильчигидае началась успешная пропаганда католичества в Средней Азии, где действовал доминиканец Фома Мангазола⁷¹. В 1329 г. Фома возвратился в Авиньон; папа Иоанн XXII отправил его обратно в Среднюю Азию в качестве епископа самаркандского (итак, при Ильчигидае, как при Кебеке, главная роль в государстве принадлежала Мавераннахру) с письмом к Ильчигидаю, которого в то время, судя по монетным данным, уже не было в живых.

Дурра-Тимур до своего вступления на престол, вероятно, был удельным князем в одной из восточных областей; в китайских летописях сохранилось известие о денежной помощи, посланной ему из Китая в 1315 г. ввиду постигшей его область засухи⁷².

Тармаширин, вступивший на престол, вероятно, в конце 1326 г., принял ислам и получил мусульманское прозвание Ала ад-дин ('Величие веры')⁷³. Принятие ислама и пренебрежение к народным обычаям восстановило против него монголов. Тармаширин не созывал царевичей на той, собиравшийся прежде каждый год; он воевал в Афганистане и ходил с войском в Индию⁷⁴, но совершенно пренебрегал восточной частью своего государства и в течение четырех последних лет своего царствования совсем не посещал Алмалыка и восточных областей. Приведенные выше известия о Мубарек-шахе и некоторых других ханах указывают на то, что неудовольствие монголов против ханов, обнаруживавших слишком большое пристрастие к мусульманской культуре, находилось также в связи с экономической борьбой между кочевым и оседлым населением. Против Тармаширина, как против нарушителя Ясы, в 1334 г. было поднято восстание⁷⁵, во главе которого стоял Бузан, сын хана Дурра-Тимура. Бузан, по свидетельству Ибн Баттуты (вопреки словам Шереф ад-дина и Улугбека⁷⁶), также был мусульманином, но в большей степени придерживался народных обычаев. Тармаширин должен был бежать на окраину своего государства, в Газну; по дороге он был схвачен правителем Балха Янги, сыном Кебека, выдан Бузану и убит.

О Бузани Ибн Баттута говорит, что он был несправедлив к подданным, обижал мусульман и позволил христианам и евреям восстановить свои храмы. По словам Шереф ад-дина⁷⁷ и Мусеви, он казнил

⁷¹ Мосхейм, 110—111; appendix № LXIV.

⁷² Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 14.

⁷³ Принятие ислама Тармаширином вызвало широкое развитие торговых сношений с Западной Азией (Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 238).

⁷⁴ <Рассказы об этом походе несколько противоречивы. См. Mahdi Husain, *The rise*, pp. 100—107. — В. М.>

⁷⁵ О нем и о последующих событиях довольно подробно говорит Ибн Баттута (III, 39—43 и 47—51).

⁷⁶ *Шаджарат ал-атрак*, пер. Майлса, 371.

⁷⁷ Пользуюсь рукописью *Аз. муз.* с 568 <С 393> (лл. 167—168).

множество царевичей и эмиров. Судя по монетам, его царствование не было продолжительно, и ему в том же 1334 г. наследовал внук Тувы, Дженкши, сын Эбугэна. Дженкши также не был сторонником ислама; Мусеви называл его покровителем буддийских жрецов. Еще до своего вступления на престол, в 1332 г., Дженкши имел сношение с китайским правительством; в 1332 г. он отправил в Китай 172 русских пленных и получил за это денежное вознаграждение⁷⁸. Хан, по-видимому, жил преимущественно в Алмалыке; сюда в его царствование была перенесена католическая пропаганда⁷⁹. Францисканец Николай, отправленный в качестве архиепископа в Китай, был хорошо принят при дворе Дженкши; вельможи Карасмон и Юханан (очевидно, несториане) пожертвовали в пользу назначенного папой епископа большое имение около Алмалыка, где была выстроена прекрасная церковь. Скоро после этого мы видим в Алмалыке епископа Ричарда из Бургундии, монахов Франциска и Раймунда Руфа из Александрии, священника Пасхалиса из Испании, братьев-мирян Петра из Прованса и Лаврентия из Александрии. Им удалось вылечить хана, за что они получили позволение крестить его семилетнего сына, который был наречен Иоанном. Пасхалис в 1338 г. проехал в 5 месяцев из Куня-Ургенча в Алмалык; ему пришлось часто останавливаться, так как в стране происходили смуты, во время которых Дженкши был убит своим братом. По Мусеви, Дженкши был убит ночью, и виновник убийства остался неизвестным; свидетельство Пасхалиса, однако, подтверждается рассказом Улугбека⁸⁰, по которому убийцей Дженкши был его брат Есун-Тимур. Есун-Тимур потом лишился рассудка от угрызения совести и вырезал обе груди у своей матери, которая уговорила его совершить братоубийство.

О чуме, которая, судя по несторианским надписям, в 1338 и 1339 гг. свирепствовала в Семиречье⁸¹, мы не находим известий ни у Пасхалиса, ни в исторических источниках.

Есун-Тимур был низложен угэдэйским царевичем Али-султаном, мусульманином. При нем произошло кровавое гонение против христиан, в котором приняла участие мусульманская чернь; все упомянутые католические миссионеры погибли мученической смертью в 1339 г. Вероятно, от этого гонения пострадали также семиреченские несториане, из которых некоторые занимали важные государственные должности⁸². Али-султан, по-видимому, свирепствовал не только против христиан; мусульманские историки также называют его жестоким тираном. Его сменил Мухаммед-Пулад, внук хана Куньджека; Мухаммеду наследовал сын Ясаура Казан.

⁷⁸ Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 81.

⁷⁹ Мосхейм, 114—115, appendix № LXXIX—LXXX, XCII.

⁸⁰ *Шаджарат ал-атрак*, пер. Майлса, 372—373.

⁸¹ Хвольсон, *Дополнения и поправки*, стр. 306; Chwolson, *Grabinschriften*, S. 33.

⁸² Хвольсон, *Дополнения и поправки*, стр. 307; Chwolson, *Grabinschriften*, S. 53.

Ибн Баттута не называет ни одного из этих ханов. По его рассказу, против хана Бузана восстал сын Ясавура Халиль, с помощью гератского царя Мелик-Хусейна; его союзником и везиром был Ала алмульк Худавенд-заде термезский. Во время битвы Бузан собственными воинами был выдан врагам и казнен посредством задушения; Халиль овладел Мавераннахром и пошел на Алмалык. Татары выбрали себе другого хана и выступили против Халиля, но были разбиты; Халиль занял Алмалык, дошел до границ Китая и взял города Каракорум и Бишбалык; китайский император выслал против него войско, но потом заключил с ним мир. Халиль оставил в Алмалыке Худавенд-заде с большим войском, а сам вернулся в Самарканд. Завистникам удалось возбудить в Халиле подозрение против Худавенд-заде; Халиль отозвал своего везира и после его возвращения велел его убить. После этого произошла ссора между Халилем и Мелик-Хусейном; Халиль был разбит и приведен к гератскому царю, который даровал ему жизнь и назначил ему хорошее содержание. Халиль еще оставался в Герате, когда Ибн Баттута весной 1347 г. проехал через этот город на обратном пути из Индии.

Трудно решить, какая доля истины заключается в этом рассказе. Халиль, который, судя по изложенным здесь фактам, не тождествен с Казаном, не упоминается у историков, но сохранились монеты 743 и 744/1342-1344 гг. с его именем. Ссору и примирение с Хусейном историки приписывают победителю Казана, тюркскому эмиру Казагану.

Казан сделал попытку восстановить авторитет ханской власти, ослабленный междоусобиями, и вступил в борьбу с тюркскими эмирами; борьба была для него неудачной; в 1347 г. он пал в битве с эмиром Казаганом. Последующие чагатайские ханы в Мавераннахре были только подставными лицами: фактическая власть всецело находилась в руках тюркских эмиров.

VII

МОГОЛИСТАН¹

Полная победа тюркских эмиров, т. е. мусульманской партии, на западе побудила монгольских эмиров в восточной части государства возвести на престол своего хана. Самым могущественным из этих эмиров был Пуладчи, область которого, непосредственно граничившая с владениями тюркских эмиров, получила теперь название Манглай-Субе (букв. 'Авангардная область'); в состав ее входили часть Восточного Туркестана от Кашгара до Кучи и часть Семиречья к югу от озера Иссык-Куль.

Эмир Пуладчи в 1348 г. привез из Кульджинского края в Аксу, через проход Музарт, восемнадцатилетнего царевича Туклук-Тимура, объявил его внуком Тувы и заставил всех признать его ханом. Раньше Туклук-Тимура считали сыном одного из монгольских эмиров; теперь было объявлено, что его мать была замужем за Эмиль-ходжей, сыном Тувы, после смерти царевича осталась беременной и родила Туклук-Тимура уже в доме своего второго мужа; оттого его считали

---

¹ Главным источником для этого периода является *Ta'riḫ-i Raiḫdī*, сочинение Мухаммед-Хайдера Дуглата, написанное в половине XVI в. и недавно изданное в английском переводе; на русском языке можно найти обширные выписки из этого сочинения во второй части книги В. В. Вельяминова-Зернова *Исследование о Касимовских царях*. Много существенных дополнений и поправок к известиям Мухаммед-Хайдера дают Бабур (цитую его «Записки» по английскому переводу Лейдена—Эрскина) и историки Тимура и Тимуридов: Мусеви, Шереф ад-дин Йезди, Хафиз-и Абру (оксфордские рукописи Fraser 115 и Elliot 422) и Абд ар-Раззак самаркандский (рук. СПб. ун-та № 157); некоторые отрывки из сочинения последнего сообщены во французском переводе (частью также в тексте) Катрмером (*Notices et extraits*, t. XIV, pt. 1); наконец, китайские известия, приведенные в *Mediaeval researches* д-ра Бретшнейдера. <Новых исследований по истории Моголистана, которые могли бы заменить ее обзор, содержащийся в этой главе «Очерка истории Семиречья», ни при жизни В. В. Бартольда, ни после его смерти не появилось, но из использованных им источников многие переиздавались и исследовались. О новых публикациях и переводах *Бабур-наме* см. Библиографию к I тому наст. издания, там же о публикациях текстов сочинений Шереф ад-дина Йезди, Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака. Издано также не упомянутое здесь Бартольдом сочинение историка Низам ад-дина Шами (см. изд. Тауэра, 1937—1956). — В. Р.>

сыном последнего². Рассказывается еще другое предание³ о том, как Пуладчи нашел этот отпрыск ханского рода.

Таким образом, подлинность возведенного монголами на престол царевича была более чем сомнительна; тем не менее выбор оказался очень удачным. Туклук-Тимур в 1360 г. даже подчинил себе тюркских эмиров; только после его смерти, последовавшей в 764/1362-63 г., войска его сына Ильяс-ходжи были вытеснены из Мавераннахра. Туклук-Тимур был похоронен в Алмалыке; его гробница, сохранившаяся до настоящего времени, находится в 8 верстах от Алимту и в 1 версте от таранчинского⁴ селения Хорин-Мазар⁵.

В состав государства, основанного Пуладчи и Туклук-Тимуром, кроме искони культурного Восточного Туркестана, входила обширная страна, населенная кочевниками и простиравшаяся с севера на юг и с востока на запад на семь или восемь месяцев пути⁶ — от Иртыша и Эмиля до Тянь-Шаня и от Баркуля до Ферганы и Балхаша; Балхаш носил название Кукча-тенгиз и считался границей между Моголистаном и Узбекистаном, т. е. владениями Джучидов. Трудно сказать, насколько эта страна в этнографическом отношении отличалась от западной половины бывших чагатайских владений, т. е. насколько монголы и здесь подчинились влиянию тюркских элементов; в бытовом отношении различие между кочевым востоком и оседлым мусульманским западом во всяком случае было очень велико, и восстановить единство чагатайского государства не мог даже Тимур. Антипатия к исламу и мусульманской культуре была гораздо сильнее у народа, чем у его правителей; уже Туклук-Тимур принял ислам, и его преемники носили мусульманские имена; между тем их подданные большей частью остались неверными, и только во второй половине XV в. их западные соседи нашли возможным признать их мусульманами⁷. В государстве Тимура и Тимуридов жителей Моголистана называли ругательным словом *джете*⁸ ('разбойники')⁹; термин «страна джете» часто употребляется историками в том же значении, как термин Моголистан.

Пуладчи умер еще раньше, чем Туклук-Тимур; его наследником был его малолетний сын Худайдад. Брат Пуладчи Камар ад-дин возму-

² Так по генеалогической истории (см. гл. V) <Му'изз ал-анс'иб. — В. М.>.

³ Мухаммед-Хайдер (6) и Бабур (пер. Лейдена — Эрскина, 11) называют Туклук-Тимура сыном хана Эсен-Буки, что, конечно, хронологически невозможно.

⁴ <Таранчи — так в дореволюционное время называли уйгуров, переселившихся в Семиречье в 80-х годах XIX в. из Илийского края. — В. Р.>

⁵ См. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 65.

⁶ Описание ее см. Мухаммед-Хайдер, 360 и сл.

⁷ Там же, 156.

⁸ Там же, Введение, 75.

⁹ <Впоследствии В. В. Бартольдом было принято несколько иное истолкование этого термина от монгольского *джете* — в значении 'вольница', ср. тюркский термин *казак*. См. ниже, стр. 154 и 265; ср. также Петрушевский, *Земледелие*, стр. 42, прим. 9. — В. Р.>

гился против преемника Туклук-Тимура, Ильяс-ходжи; Ильяс был убит; его царствование было настолько кратковременно, что в монгольских преданиях он совсем не упоминался¹⁰. Камар ад-дин захватил в свои руки власть и старался истребить всех родственников Туклук-Тимура. Пользуясь этим смутным временем, эмир Тимур, подчинивший себе в это время западное государство Чагатаидов, предпринял несколько походов на Моголистан. По словам Мусеви, Тимур еще в 772/1370-71 г. доходил до Кочкара. В начале 1375 г.¹¹ он выступил из Сайрама и дошел до Чарына. Лагерь Камар ад-дина находился в горах Кок-тепе; он отступил в труднодоступное урочище Берке-и Гуриян¹², состоявшее из трех узких ущелий, через которые протекали три большие реки. Однако и здесь его настиг и разбил Тимур, который после этого пошел в Байтак; трое эмиров по его приказанию преследовали врагов вдоль берега Или. Тимур пробыл в Байтаке 53 дня; его сын Джехангир в это время преследовал Камар ад-дина в горах и разбивал монгольские отряды в местности Уч-Ферман (в Восточном Туркестане); ему удалось взять в плен жену и дочь Камар ад-дина. Из Байтака Тимур через перевал Кара-Касмак (Кастек) пришел в Атбаш, оттуда в долину Арпа, где отпраздновал свою свадьбу с дочерью Камар ад-дина, и через перевал Ясы (Джасы) вернулся в Узгенд.

В следующем, 1376 г.¹³ Камар ад-дин во время похода Тимура на Хорезм вторгся в Фергану, но отступил к Атбашу, как только узнал о приближении Тимура. Тимур последовал за ним; Камар ад-дин на пути устроил ему засаду, но потерпел поражение и вторично был разбит при Секиз-Игаче¹⁴, где был ранен. Тимур через Ата-Кум вернулся к берегу Сыр-Дарьи и оттуда в Самарканд.

В 1377 г.¹⁵ Тимур снова отправил войско против Камар ад-дина, которое настигло и разбило его в степи Курату. В том же году Тимур

¹⁰ Мухаммед-Хайдер, 23.

¹¹ Об этом походе см. Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 252 и сл. Чтение названий урочищ, упоминаемых в истории походов Тимура, далеко не везде могло быть установлено с достоверностью, хотя я, кроме перевода Пети де ля Круа, пользовался также подлинником в печатном (калькутском) издании и в трех рукописях Азиатского музея, тюркским переводом *Зафар-наме* (по принадлежащей мне рукописи) и переводом *Та'рих-и Рашидй*.

¹² В тюркской рукописи — Берке-и Кузган; в тюркском переводе *Та'рих-и Рашидй* (см. Мухаммед-Хайдер, 41) вместо этого стоит Аршал-Атар. На карте Рената (о ней см. ниже, глава о калмыках) название Бангарбан-Бенке носят две реки, впадающие в Чарын около поворота реки на север.

¹³ Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 265 и сл.; <калькут. изд., I, 268>. Абд ар-Раззак (рук. ун-та, л. 69) относит этот поход к 1377 г.

¹⁴ Т. е. 'Восемь деревьев' <или 'Восемь фарсахов'. — В. М.>. Во всех персидских рукописях перед буквой к, однако, стоит еще н (так же у Пети де ля Круа и у Мухаммед-Хайдера).

¹⁵ Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 274; <калькут. изд., I, 273>. По Абд ар-Раззаку (рук. ун-та, л. 70) — в 1378 г.

с другим войском сам произвел вторжение в Семиречье; авангард разбил Камар ад-дина в Боамском ущелье; Тимур дошел до Кочкара и через местность Ойнагу вернулся в Узгенд.

Новый поход Тимура произошел в 1383 г.¹⁶ Было отправлено в Семиречье несколько отрядов; когда другие отряды прибыли в Ата-Кум, авангард уже вернулся туда, разбив врагов. Соединенные отряды прошли мимо Иссык-Куля в горы Кок-тепе, но не нашли Камар ад-дина и вернулись в Самарканд.

Все эти неудачи должны были ослабить Камар ад-дина. Его племянник Худайдад, правивший в это время в Кашгаре, спас от Камар ад-дина царевича Хизр-ходжу, сына Туклук-Тимура, который в год смерти отца был еще грудным младенцем; во время могущества Камар ад-дина царевич был тайно воспитан в горах между Кашгаром и Бадахшаном и потом в течение 12 лет жил на крайнем юго-востоке государства, около озера Лоб-Нор. Трудно сказать, насколько достоверны эти сведения¹⁷ и не был ли царевич найден Худайдадом таким же образом, как его отец нашел Туклук-Тимура; во всяком случае, он около 1389 г. был признан ханом.

В том же 1389 г.¹⁸ Тимур предпринял новый поход на Моголистан. Из Ал-Кошуна он через Бурибашу и Тюпелик-Карак достиг горного прохода Орнак (или Ознак, Ортак); на дальнейшем пути его упоминаются местности Аткан¹⁹-Сүри (где, несмотря на летнее время, еще был лед и снег), Тогра-Отлаг, равнина Айгыр-Ялы ('Грива жеребца'), равнина Улан-Чарлыг, Чапар-Айгыр ('Скачущий жеребец'); здесь была разбита монгольская конница под начальством Анга-тюри, одного из военачальников Хизр-ходжи. Анга-тюря находился в это время в Уренг-Яре; против него был отправлен авангард. На следующий день войско Тимура заметило, что заблудилось, но через Каян (или Кыян)-Казы вернулось на дорогу, вечером прибыло в Кок-Сали, а на следующий день в Аягуз²⁰. Так как Тимур вследствие искания дороги потерял три дня, то он решил, что враги уже узнали о его приближении и рассеялись; поэтому он разделил свое войско на два отряда. Сам он через Шире, Шиберту²¹, Кой-Марат, Кураган и Буюрлагу отправился в Кара-Гучур (на карте Рената это название носит западная часть хребта Тар-

¹⁶ Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 363.

¹⁷ По Мухаммед-Хайдеру (54), Хизр-ходжа родился в 770/⟨1368-69⟩ г., т. е. через 6 лет после смерти Туклук-Тимура.

¹⁸ Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, II, 35 и сл.

¹⁹ В тюркском переводе *Зафар-наме* — Атын.

²⁰ Первое место на этом пути, местоположение которого можно определить с некоторой точностью. Исследование маршрута Тимура значительно затрудняется тем, что Шереф ад-дин ничего не говорит о месте переправы его через большие реки, как Чу и Или.

²¹ Собств. 'Глинистое место' — географическое название, очень обыкновенное у монголов <Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 472. — В. М.>.

багатай); Омар-шейх, сын Тимура, с другим отрядом настиг Анга-тюрю на берегу Кобука и разбил его; Анга-тюря бежал в Какма-бурджи; Омар-шейх вернулся к Тимуру и встретился с ним в местности Ахта-Диктур; после этого он еще прошел через равнину Ала-куля, носившего также название Ит-Ичмес ('Собака не пьет'), и вернулся в Кара-Гучур. Тимур в Кара-Гучуре дал оправиться своему войску и послал один отряд на Иртыш; пленные были отправлены в Самарканд, а сам Тимур пошел в Эмиль-Гучур и остановился в ханской ставке Сарай-Ордам. Из Эмиля Тимур сделал распоряжение о выступлении из разных мест его государства отрядов для опустошения южной части Моголистана; все отряды должны были соединиться в Юлдузе, куда двинулся и сам Тимур. Между прочим, эмиры, стоявшие в Туркестане, на границе между владениями монголов и узбеков, должны были пройти через Ур-Дабан, реку Или, мимо озера Сют-куль (Сайрам) и через местности Чичеклик ('Цветник') и Балай-Каз; по дороге оттуда в Юлдуз они встретили войско Хизр-ходжи; после двухдневной нерешительной битвы войска разошлись по договору. Тимур из Эмиля через Улуг-Кул ('Главное войско'; очевидно, здесь была стоянка главных монгольских военных сил), проход Сычкан-Дабан (собств. 'Мышиные ворота') и реку Кунгез прибыл в Юлдуз, оттуда еще преследовал Хизр-ходжу на некоторое расстояние за Чалыш (Карашар), отправил Омар-шейха²² в Фергану через Восточный Туркестан, а сам 8 августа 1389 г. быстро двинулся из Большого Юлдуза в обратный путь по ближайшей дороге и 30 августа уже был в Самарканде; караваны проходили этот путь в два месяца.

В 1390 г.²³ Тимур снова отправил войско для опустошения Моголистана и для преследования Камар ад-дина, бежавшего на Иртыш. Войско прошло из Ташкента в Иссык-Куль, оттуда в горы Кок-тепе, через горный проход Арджату²⁴ в Алмалык (вероятно, имеется в виду город Алматы, нынешний Верный)²⁵, через реки Или и Каратал и через равнины Ични-Бучни и Укер-Китчи; когда оно прибыло на Иртыш, Камар ад-дин уже бежал оттуда на север, в страну Тюлес, где было много соболей и горностаев. На обратном пути войско прошло

²² <Омар-шейх, очевидно, продвинулся до Турфана (Кара-Ходжа, Хара-Хочо); см. Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 477. — В. М.>

²³ Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, II, 66 и сл.; <калькут. изд., I, 494>.

²⁴ Т. е. Аршату (букв. 'Место теплых ключей'); часто встречающееся географическое название.

²⁵ <Алмалык (ср. в Северной Киргизии — Алмалуу) и Алматы — 'Яблочное' или 'Яблоневое'. При переименовании Верного после революции в Алма-Ата (ныне столица Казахской ССР) городу было возвращено его старое местное название, но в искаженной форме. О названиях Алматы, Алмалык ~ Алмалы см. Пантусов, *Город Алмалык*, стр. 171; об Алматы см. также ниже, стр. 341—342. — В. Р.>

через урочище Алтун-Кюрге и мимо большого озера Атрак-куль (Балхаш).

Камар ад-дин после этого, вероятно, уже не возвращался в Моголистан; по монгольскому преданию, рассказанному в *Та'рих-и Рашид-ди*²⁶, он в конце своей жизни заболел водянкой и пропал без вести в лесах во время одного из нашествий Тимура. Занятый войнами на западе, Тимур не мешал Хизр-ходже утвердить свою власть в Моголистане. В 1397 г.²⁷ Хизр-ходжа отправил послом к Тимуру своего старшего сына Шам'-и Джахана ('Светоч мира'); Тимур через него просил руки его сестры Тевеккель-ага, которая и была прислана к Тимуру и получила при его дворе титул «малой госпожи»²⁸ (Кичик-ханым).

Хизр умер в 1399 г.; после его смерти наступили междоусобия между его четырьмя сыновьями (Шам'-и Джахан, Мухаммед-оглан, Шир-Али и Шах-Джахан); этим воспользовался правитель Ферганы мирза Искендер, сын Омар-шейха, чтобы разграбить Восточный Туркестан²⁹. Между прочим, он осадил Аксу; чтобы откупиться от него, жители выдали ему находившихся в их городе богатых китайских купцов со всем их имуществом. Из этого видно, что, несмотря на смутное время, торговые сношения с Востоком не прерывались.

Об отношении Тимура к сыновьям Хизр-ходжи мы ничего не знаем³⁰. Часть Моголистана после смерти Хизра, по-видимому, подчинилась самому Тимуру; увведенное им из Малой Азии племя черных татар Тимур поселил на берегу Иссык-Куля, откуда они, впрочем, бежали тотчас после его смерти; туда же он сослал одного из провинившихся вельмож. Готовясь к походу на Китай, Тимур в 1404 г. подчинил северную часть Моголистана ташкентскому наместничеству, во главе которого номинально стоял малолетний внук Тимура Улугбек, а Восточный Туркестан — ферганскому³¹.

После смерти Тимура Шам'-и Джахан, старший сын Хизр-ходжи, некоторое время мечтал о завоевании Мавераннахра и в 1407 г. с этой целью просил помощи у китайцев³², но уже в 1408 г. он умер, и ему наследовал его брат Мухаммед-хан. Он в начале своего царствования отправил посольство к сыну Тимура, Шахруху, с выражением покорности; тем не менее он вмешивался в происходившие в Мавераннахре смуты и оказывал поддержку мятежным эмирам; вследствие этого он

²⁶ Мухаммед-Хайдер, 50—51.

²⁷ Шереф ад-дин Йезди, пер. Петри де ля Круа, II, 421, 427.

²⁸ Так по генеалогической истории <Му'изз ал-ансѳб. — В. М.>

²⁹ Шереф ад-дин Йезди, пер. Петри де ля Круа, III, 215 и сл.; <калькют. изд., II, 218>. Мусеви и Абд ар-Раззак относят этот поход к 1377 г. и приписывают его Омар-шейху.

³⁰ Согласно Мухаммед-Хайдеру (54), Хизр-ходжа пережил Тимура.

³¹ Шереф ад-дин Йезди, пер. Петри де ля Круа, IV, 203—204; <калькют. изд., II, 633>.

³² Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 239.

в 1416 г. лишился Кашгара³³. По Мухаммед-Хайдеру³⁴, Мухаммед-хан усердно заботился о распространении ислама в своих владениях; все монголы должны были носить чалму; непослушным вбивали в голову гвозди. Ему приписывается также постройка знаменитого здания Таш-Рабат на северном берегу озера Чатыр-куль.

В 1416 г. как к Шахруху, так и в Китай прибыло посольство от нового монгольского хана Накш-и Джехана, сына³⁵ Шам'-и Джехана. К тому же году китайцы относят смерть Мухаммед-хана; по Абд ар-Раззаку³⁶, он умер еще в 1415 г. Накш-и Джехан еще в начале 1418 г. был убит сыном Шир-Али³⁷, Вейс-огланом. В 1420 г. в Моголистане происходила междоусобная борьба между Вейс-ханом и Шир-Мухаммед-огланом, которого генеалогическая история называет сыном Шах-Джехана, Мухаммед-Хайдер — сыном Мухаммед-хана. Трудно определить, на чьей стороне находился Худайдад, глава монгольских эмиров; во всяком случае, он имел сношение с Улугбеком, управлявшим тогда Мавераннахром в качестве наместника своего отца; вероятно, по его побуждению Улугбек предпринял поход на Моголистан; но еще по дороге к нему прибыли монгольские эмиры с изъявлением покорности, и поход был отменен³⁸. Шахрух в том же году отправил свое знаменитое посольство в Китай; послы прибыли в Моголистан в начале мая. Вследствие происходившей в то время борьбы между Вейс-ханом и приверженцами Шир-Мухаммеда послы опасались за свою безопасность; их успокоил Худайдад, встретившийся с ними на пути к Вейсу. 4 июня послы переправились через Кунгез, 5-го виделись с правителем местности Мухаммед-беком, 8-го были уже в Юлдузе; 20-го узнали, что сыновья Мухаммед-бека ограбили посла Вейс-хана; это заставило их ускорить путь³⁹. Шир-Мухаммед наконец бежал в Самарканд, где находился в почетном плену; в октябре он сделал попытку спастись оттуда бегством, но неудачно; в декабре Улугбек, однако, сам отпустил его. Шир-Мухаммед вернулся в Моголистан; в 1421 г. ему удалось победить своих врагов и сделаться единоподержавным правителем⁴⁰. Так как он не подчинялся Улугбеку, последний в 1425 г. произвел нашествие на Семиречье⁴¹. Войска Улугбека 5 марта разбили монгольское войско около Аксу (притока Чу); Улугбек переправился через Чу и через Чарын; здесь к нему с

³³ Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 296.

³⁴ Мухаммед-Хайдер, 58.

³⁵ По Мухаммед-Хайдеру (57) — брата.

³⁶ Пер. Катрмера, 277.

³⁷ Генеалогическая история <Му'изз ал-ансѡб> (как и Шереф ад-дин) называет Шир-Али братом, Бабур и Мухаммед-Хайдер — сыном Мухаммед-хана.

³⁸ Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 218.

³⁹ Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 388—389.

⁴⁰ Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 223.

⁴¹ Там же, лл. 230—231.

выражением покорности явился Худайдад. В той же местности в мае был разбит сам Шир-Мухаммед; отряды, отправленные Улугбеком, преследовали врагов до Или; сам Улугбек отправился в Юлдуз, главный яйлак Моголистана. На обратном пути оттуда, в местности Карши, был взят знаменитый «синий камень» (*кок-таш*); по преданию, еще Тимур хотел увезти его в Самарканд, но не мог⁴².

Шир-Мухаммед умер, по словам Мухаммед-Хайдера⁴³, естественной смертью; власть снова перешла к Вейс-хану, который, однако, уже в 1428 г. был убит на берегу Иссык-Куля в сражении с Сатук-ханом; последний носил титул хана в Самарканде, где фактически правил Улугбек, который наконец низложил хана и отправил его в Моголистан⁴⁴.

В царствование Вейс-хана Моголистан начал подвергаться нашествиям восточных, языческих монголов, среди которых в конце XIV в. возвысился союз четырех поколений (чорос, хошут, торгут и хойт). В 1399 г. ойратский предводитель Угэчи-Хашага убил монгольского каана Элбэка; это событие новейший историк восточных монголов, г-н Покотилов⁴⁵, считает началом ойратской гегемонии. В 1408 г. новый каан Улджэй-Тэмур был возведен на престол в Бишбалыке⁴⁶, обыкновенно принадлежавшем моголистанским ханам, а в то время, очевидно, захваченном восточными монголами. Еще Мухаммед-хан готовился к войне с ойратами, или, как их называли мусульмане, калмыками; по просьбе ойратов китайское правительство отправило к нему посольство с целью отговорить его от этого намерения⁴⁷. Вейс-хан, по китайским известиям, перенес свою главную ставку из Восточного Туркестана на запад, в Илибалык, т. е. на берега Или, в Семиречье. Описывая страну в этот период, китайцы уже не говорят, подобно путешественникам XIII в., о городах и цветущих селениях; Семиречье в XV в. было населено исключительно кочевниками, жившими в войлочных шатрах и питавшимися мясом и кумысом; по одежде они походили частью на ойратов, частью на мусульман⁴⁸. На берегах Или Вейс-хан много раз сражался с военачальником Эсен-тайчжи, сыном главного ойратского предводителя того времени, Тогона⁴⁹. Вейс дал калмыкам 61 битву, из которых только в одной одержал победу; два раза он был взят в плен

⁴² <Речь идет о нефрите, из которого было впоследствии сделано надгробие Тимура. Ошибка В. В. Бартольда, назвавшего здесь (а также в статье *Хафизи-Абру*) этот камень *кок-таш*, позднее была исправлена им самим — см. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 31 — Ю. Б.>

⁴³ Мухаммед-Хайдер, 65.

⁴⁴ Там же, 72.

⁴⁵ *История восточных монголов*, стр. 15.

⁴⁶ Там же, стр. 33.

⁴⁷ Мухаммед-Хайдер, Введение, 45.

⁴⁸ Bretschneider, *Researches*, vol. II, pp. 241—242.

⁴⁹ Покотилов, *История восточных монголов*, стр. 53.

калмыками и против своего желания должен был выдать за Эсен-тайчжи свою сестру⁵⁰.

Сатук-хан не мог утвердиться в Моголистане и скоро был убит в Кашгаре. После этого монгольские эмиры разделились на две партии; одна хотела возвести на престол старшего сына Вейс-хана, Юнуса, другая — второго сына, Эсен-Буку; оба царевича еще были малолетними. Партия Эсен-Буки одержала верх; Юнус был увезен своими сторонниками в Мавераннахр к Улугбеку, который отправил его в Персию; по Бабуру⁵¹, это произошло в 1434 г. Юный Эсен-Бука не пользовался большим авторитетом среди своих соплеменников, и в первую половину его царствования каждый из монгольских эмиров правил в своей области совершенно самостоятельно. Таков был Мир Мухаммед-шах, сын Худайдада, в Атбаше; другой эмир, Мир Керим-Берды, построил себе крепость на Алабуге и стал совершать оттуда набеги на Фергану; третий, Мир Хакк-Берды Бекичек, основал укрепление в месте Кой-Суй, на острове среди Иссык-Куля; здесь он поместил свое семейство, ввиду опасности от набегов калмыков, а сам стал совершать набеги на Туркестан и Сайрам⁵². Внук Худайдада Са'ид-Али отнял у Тимуридов Кашгар⁵³.

Таким образом, калмыки в своих набегах уже в то время доходили до Иссык-Куля; через несколько лет после этого они проникли даже в Сыр-Дарьинскую область. После смерти Эсена, последовавшей в 1455 г., могущество ойратов на востоке пало, и в китайских источниках они в течение двух столетий почти не упоминаются. Мусульманские источники называют еще сына Эсена, Амасанчжи-тайчжи⁵⁴, и другого вождя, Уз-Тимура-тайчжи; последний между 1452 и 1455 гг.⁵⁵, по другому известию⁵⁶ — в 1457 г., разбил узбеков на Сыр-Дарье. В конце 1459 г. султан Абу Са'ид принимал в Герате калмыцкое посольство⁵⁷.

Еще раньше, в конце 40-х годов XV в., Эсен-Бука восстановил свою власть и милостивым правлением старался приобрести популярность. Для Тимуридов он оставался беспокойным соседом и часто совершал

⁵⁰ Мухаммед-Хайдер, 65—67.

⁵¹ Бабур (*Бабур-наме*, пер. Лейдена — Эрскина, 11) говорит, что Юнус прибыл в Шираз за 5—6 месяцев до смерти сына Шахруха, Ибрахима; последнее событие, по Абд ар-Раззаку (рук. ун-та, л. 245), произошло в шаввале 838 г. х. (май 1435 г.).

⁵² Мухаммед-Хайдер, 78—79; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 42, 49.

⁵³ Мухаммед-Хайдер, 75—76.

⁵⁴ Там же, 79, 91.

⁵⁵ Howorth, *History of the Mongols*, pt II, p. 688; Аристов, *Этнический состав*, стр. 40.

⁵⁶ Автор написанного в начале XVI в. сочинения *Нусрат-наме* (рук. Аз. муз. 590 <В 745; есть также список Брит. муз. Ог. 3222>, л. 66) говорит, что царевич Махмуд-султан (род. в 858/1454 г.) трех лет от роду попал в плен к калмыкам и оставался у них 7 лет.

⁵⁷ Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 322.

набеги на их области; наконец, султан Абу Са'ид предпринял поход на Моголистан и разбил монголов при Ашпаре⁵⁸. Кроме того, он вызвал из Персии Юнуса и отправил его в Моголистан, заставив его предварительно отказаться от всяких притязаний на Мавераннахр⁵⁹ (по Мухаммед-Хайдеру, в 1456 г.⁶⁰). Некоторые эмиры, как Мир Керим-Берды и Мир Ибрахим (преемник Хакк-Берды), присоединились к Юнусу, но вследствие привычки к независимости дурно служили ему; в сражении с ханом Юнус был разбит и поселился в городе Джетыкенте, на границе между Ферганой и Семиречьем, который был пожалован ему Абу Са'идом⁶¹. Эсен-Бука умер ханом в 1462 г.

Царствование Эсен-Буки замечательно еще тем, что при нем в Семиречье, именно на берегах Чу, поселились нынешние обитатели значительной части страны, казаки⁶². По Мухаммед-Хайдеру, их было до 200 000 человек; их предводители Гирей и Джанибек поссорились с узбецким ханом Абулхайром и были приняты Эсен-Букой⁶³.

После смерти Эсен-Буки западная часть Моголистана перешла в руки Юнуса; в городе Аксу и в стране к востоку от него до 873/1468-69 г. правил сын Эсен-Буки, Дост-Мухаммед. После его смерти Юнус занял Аксу; сын Дост-Мухаммеда Кебек-султан удалился в Турфан, где правил еще четыре года; наконец, он был убит своими собственными подданными, и голова его отправлена к Юнусу.

Таким образом, около 1472 г. все государство объединилось под властью Юнуса. Новый хан еще меньше, чем его предшественники, походил на своих подданных и пользовался у них еще меньшей популярностью. Он родился в 818⁶⁴ или 819⁶⁵ (1415—1417) г.; в молодости он, как мы видели, был привезен в Персию; здесь он получил основательное мусульманское образование и, между прочим, учился у знаменитого историка Шереф ад-дина Йезди. Когда один казий из Мавераннахра должен был представиться Юнус-хану, он ожидал увидеть человека с чужностью и манерами «степного тюрка» и очень удивился, когда хан оказался вполне культурным человеком⁶⁶. Естественно, что он не мог примириться с кочевой жизнью; всю свою жизнь он старался поселиться в каком-нибудь городе и побудить к тому же по крайней мере часть своих подданных; по Мухаммед-Хайдеру, им руководила также религиозная цель; он понимал, что без изменения образа жизни

⁵⁸ Так по Бабуру (пер. Лейдена — Эрскина, 11—12); по Мухаммед-Хайдеру (78), битва произошла около Таласа.

⁵⁹ Мухаммед-Хайдер, 83—84.

⁶⁰ По Бабуру — несколько раньше, так как Юнус провел в Персии 17—18 лет.

⁶¹ Мухаммед-Хайдер, 86—87.

⁶² <Казахи.>

⁶³ Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 139.

⁶⁴ Так по Мухаммед-Хайдеру, 115.

⁶⁵ Там же, 84.

⁶⁶ Там же, 97—98.

его подданные не сделаются настоящими мусульманами⁶⁷. Все его усилия оказались тщетными; городская жизнь казалась монголам хуже тюрьмы; чтобы не быть покинутым своими подданными, хан не раз был вынужден менять город на степь.

В 1472 г. Семиречье подверглось нашествию упомянутого калмыцкого военачальника Амасанчжи-тайчжи, оставившего свою родину вследствие внутренних смут. Юнус был разбит на берегу Или и бежал на Сыр-Дарью, где провел зиму; здесь он разбил узбекского хана Буруч-оглана, но следующей весной был взят в плен ташкентским наместником. Через год наместник был убит; Юнус был освобожден и отправлен в Моголистан; калмыки к тому времени уже очистили страну⁶⁸.

Еще до смерти Абу Са'ида, последовавшей в 1469 г., Юнус возобновил набеги на области Тимуридов и старался овладеть Ферганой, но безуспешно⁶⁹. Впоследствии он вмешивался в междоусобия, происходившие среди сыновей Абу Са'ида (Ахмед-мирзы и Омар-шейха), и благодаря этому в 1482 г. присоединил к своим владениям Сайрам, в 1485 г. — Ташкент. Любовь к городской жизни окончательно одержала верх над ним; он остался жить в городах Мавераннахра, несмотря на то что большая часть его подданных отделилась от него и признала своим государем его второго сына Ахмеда, получившего степное воспитание. В Восточном Туркестане эмир Абу Бекр образовал независимое владение и успешно отразил все нападения Юнуса⁷⁰.

Юнус умер в 1487 г. от паралича; в качестве государя западной части страны и номинального главы всего государства ему наследовал его старший сын Махмуд, родившийся в 868/1463-64 г. Подобно своему отцу, он был культурным человеком и писал стихи, хотя и плохие⁷¹; Бабур⁷² признает в нем много достоинств, но совершенно отрицает в нем военные способности; столь же мало он, судя по рассказу Мухаммед-Хайдера⁷³, умел управлять своими подданными.

Махмуд остался в Мавераннахре и всячески старался расширить здесь свои владения, сначала не без успеха; но с 1500 г. начались быстрые успехи узбекского хана Мухаммеда Шейбани, внука Абулхайра. По словам Мухаммед-Хайдера⁷⁴, хан первоначально поддерживал Шейбани; в 1488 г. он уступил ему Туркестан, вследствие чего пос-

⁶⁷ Там же, 156.

⁶⁸ Там же, 91—95; Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 143.

⁶⁹ Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 349.

⁷⁰ Мухаммед-Хайдер, 104—114.

⁷¹ *Бабур-наме*, пер. Лейдена—Эрскина, 102. <Кажется, он только допускал некоторые вольности в тюркоких стихах; ср. *Бабур-наме*, пер. Беверидж, I, 154. — В. М.>

⁷² *Бабур-наме*, пер. Лейдена—Эрскина, 59, 97.

⁷³ Мухаммед-Хайдер, 181.

⁷⁴ Там же, 118—120.

сорился с казаками, в 1500 г. помог ему овладеть Бухарой и Самаркандом; но скоро Шейбани обратил свое оружие против самого хана последний не мог справиться с ним и должен был просить помощи у своего младшего брата.

Ахмед, родившийся в 870/1465-66 г., нисколько не походил на своего брата. По описанию его племянника Бабура⁷⁵, это был настоящий сын степи: человек крепкого телосложения, суровый и храбрый воин, предпочитавший саблю всякому другому оружию. Он носил монгольскую одежду; его вооружение и вооружение его коня также вполне соответствовали монгольским обычаям. Ахмед в двух битвах разбил калмыцкого предводителя Тайчжи-Эсена; его подвиги навели на калмыков такой страх, что они дали ему прозвище Алача или Алачи, т. е. 'убийца'. Кроме того, он сражался с мятежными эмирами и с казаками, возмущившимися против его брата и разбившими его в двух сражениях; Ахмед три раза разбил казаков. Только его попытка снова овладеть Кашгаром и Яркендом кончилась неудачно.

Призванный своим братом на помощь, Ахмед оставил в Моголистане своего девятнадцатилетнего сына Мансура, а сам с двумя другими сыновьями отправился в Ташкент. Шейбани в 1503 г. при Ахсикете напал врасплох на монгольское войско и взял в плен обоих братьев, которых он, однако, отпустил в Моголистан, отняв у Махмуда Ташкент и Сайрам. Братья провели следующую зиму вместе в Аксу, где Ахмед умер от паралича⁷⁶. Предоставив Аксу и восточную часть Моголистана своим племянникам, Махмуд поселился в Джетыкенте. В Аксу остался Мансур-хан; его брат Халиль-султан удалился в Семиречье, к киргизам, и стал во главе этого племени⁷⁷.

Насколько нам известно, это — первое упоминание о киргизах (т. е. о наших кара-киргизах) на их теперешней родине⁷⁸, хотя часть их, как мы видели, вероятно поселилась здесь еще в X в. Мухаммед-Хайдер⁷⁹ не признает этнографического различия между киргизами и монголами и считает киргизов отделившейся частью монгольского народа; главную причину бывшей между ними вражды он видит в том, что монголы приняли ислам, а киргизы оставались язычниками.

К Халилю скоро присоединился его брат Са'ид, бывший с отцом в Мавераннахре (ему в то время было 13 или 14 лет⁸⁰, следовательно, он родился около 1490 г.) и бежавший из узбекского плена. Некоторое время он провел у дяди в Джетыкенте, но не мог смотреть равнодушно

⁷⁵ *Бабур-наме*, пер. Лейдена—Эрскина, 106—112.

⁷⁶ Мухаммед-Хайдер, 121—123. Ср.: *Бабур-наме*, пер. Лейдена—Эрскина, 124—125; Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 223.

⁷⁷ Мухаммед-Хайдер, 181—182.

⁷⁸ <По вопросу о первых упоминаниях киргизов в Семиречье и на Тянь-Шане и о времени их появления там см. ниже, прим. на стр. 509, 512 и 513. — В. Р.>

⁷⁹ Мухаммед-Хайдер, 148.

⁸⁰ Там же; *Бабур-наме*, пер. Лейдена—Эрскина, 106.

на его дурное управление и бежал к брату. Братья провели вместе четыре года и в это время находились в открытой вражде со своим дядей. Для примирения их прибыл в Моголистан Мансур; он устроил свидание между дядей и племянником, но скоро междоусобия возобновились. Махмуд был до такой степени стеснен своими врагами, что вернулся в Мавераннахр и передался Шейбани, по приказанию которого он в 1508 г. был убит вместе со всеми своими сыновьями на берегу Сыр-Дарьи. После этого при Алматы, т. е. около Верного (в другом месте сказано, что битва произошла при Чарын-Чалаке, т. е. около Чарына), Мансур сразился с братьями и разбил их. Халиль бежал в Фергану, где был убит по приказанию узбекского правителя области, Джанибека; Са'ид провел несколько месяцев в лесах около Нарына; по понятиям монголов, в этом не было ничего необыкновенного; считалось похвальным, чтобы храбрые воины в своей молодости провели некоторое время в уединении, в пустынях, горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от обитаемых мест, питаясь мясом дичи и одеваясь в шкуры убитых зверей. Местность в то время много страдала от набегов отрядов Абу Бекра кашгарского; Са'ид против желания, по требованию своих спутников, отправился в Фергану и прибыл туда двумя месяцами после смерти Махмуда и за месяц до смерти Халиля. Его также взяли в плен, но потом он бежал и благополучно достиг Кабула, где в конце того же 1508 г. поступил на службу к Бабуру⁸¹.

Действия отрядов Абу Бекра в Семиречье, под начальством эмира Вели, были настолько успешны, что Мансур-хан не мог удержаться в стране и отступил, причем увел с собой в Чалыш (Карашар) киргизов; значительная часть их была истреблена; некоторым удалось вернуться в Моголистан; Абу Бекр позволил им кочевать на южной стороне Иссык-Куля⁸². В северной части Семиречья господствовал казачий хан Касим, умерший в 924/1518 г. Его зимняя ставка находилась на Каратале. Около 1510 г. он разбил Шейбани; в 1512 г. взял Талас и Сайрам и разграбил окрестности Ташкента. По мнению Мухаммед-Хайдера, казачий народ заключал в себе в то время около миллиона человек; до Бабуру, у Касима было до 300 000 войска. Осенью 1513 г. на берегу Чу произошло свидание между Касим-ханом и Са'идом, находившимся в то время на службе у Бабура; Касиму в то время было уже более 65 лет. Са'ид был принят им с большим почетом и до конца жизни не мог забыть этого приема в ставке степного вожда⁸³.

В 1514 г. Са'ид, покинув Бабура, решил завоевать Кашгарию; с горстью людей (4700 человек) он вторгся в страну из Семиречья (по-

⁸¹ Мухаммед-Хайдер, 125, 181—191, 222.

⁸² Там же, 125, 319—320.

⁸³ Там же, 273—277; Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 150—167, 230—260.

видимому, через перевал Туругарт) и начал войну с могущественным Абу Бекром. Несмотря на безумную смелость предприятия, оно увенчалось полным успехом⁸⁴. Завоевание Кашгара и Яркенда Са'идом имело следствием восстановление полного мира в Восточном Туркестане; в 1516 г. в Арбате, между Аксу и Кучей, состоялось свидание и полное примирение между Мансуром и Са'идом. Мансур остался непосредственным владельцем Турфана и Карашара и верховным владыкой всего Восточного Туркестана; другой брат, Эмиль-ходжа⁸⁵, получил Уч-Турфан и Аксу; третий, Бабачак-султан,— Бай и Кучу. Таким образом, торговые сношения опять сделались безопасными; на пространстве между городами Хами (в Китае) и Андижаном (в Фергане) с купцов не взимали никаких пошлин⁸⁶.

Владея Кашгаром, Са'ид подчинил своему влиянию также южную часть Семиречья. Киргиз Мухаммед, оказавший хану большие услуги во время войны с Абу Бекром, был поставлен во главе своего народа. Еще до свидания с Мансуром Са'ид, расстроивший свое здоровье неумеренными пиршествами, по требованию врачей провел одно лето в Моголистане. Осенью 1516 г. он пошел в Семиречье для возобновления войны с узбеками в Фергане; на берегу Чатыр-куля он имел свидание со своим братом Бабачаком; в долине Арпа все братья, кроме Мансура, устроили общую охоту и провели зиму в непрерывных пиршествах, причем Са'ид, по-видимому, совершенно забыл о первоначальной цели своего похода.

Между тем киргизы под начальством Мухаммеда производили постоянные набеги на Туркестан, Ташкент и Сайрам. Взяв в плен двоюродного брата Шейбани, Абдуллу, правителя Туркестана, Мухаммед потом отпустил его с подарками; это привело к войне между ним и Са'идом, хотя в другом месте⁸⁷ Мухаммед-Хайдер говорит, что Са'ид выступил в качестве защитника мусульман против Мухаммеда, опустошившего мусульманские земли. Осенью 1517 г. Са'ид двинулся из Кашгара, Эмиль-ходжа через перевал Сарыг-Ат-Ахури (собств. 'Ясли желтой лошади') — из Аксу; оба отряда сошлись в местности Кафир-Яры, откуда Са'ид направился через долину Барскауна, Эмиль-ходжа — через долину Джууки; лагерь Мухаммеда находился около устья Барскауна. Мухаммед был выдан собственными людьми и уведен в Восточный Туркестан; его табуны и стада баранов и верблюдов сделались добычей воинов; всем пленным киргизам была возвращена свобода. К началу зимы хан вернулся в Кашгар⁸⁸.

⁸⁴ Мухаммед-Хайдер, 304 и сл.

⁸⁵ Так, по всей вероятности, надо читать вместо *Aiman Khwaja* английского перевода (конечное *л* и *н* в мусульманских рукописях часто смешиваются).

⁸⁶ Мухаммед-Хайдер, 126—127, 134, 343.

⁸⁷ Там же, 134.

⁸⁸ Там же, 341—351.

Новый поход был предпринят в 1522 г. И на этот раз Мухаммед-Хайдер приписывает хану намерение прекратить набеги киргизов на мусульманские области, хотя тут же приводит истинную причину похода: пастбища Восточного Туркестана не могли прокормить табуны и стада монголов. Во главе войска номинально был поставлен тринадцатилетний сын хана, Рашид (собств. Абд ар-Рашид); с ним был послан также Мухаммед, освобожденный из плена и вновь назначенный начальником киргизов. Для упрочения своей власти монголы основали постоянный лагерь в долине Кочкара⁸⁹; киргизы большей частью подчинились Мухаммеду, хотя некоторые из них бежали в самые отдаленные части страны. Зимой на Кочкар прибыл сам хан; Рашид и Мухаммед по его приказанию прошли до «самых отдаленных пределов Моголистана»; им удалось собрать рассеянные орды киргизов. После этого хан каждый год на короткое время появлялся на Кочкаре, чтобы поддержать авторитет своего сына. В 1524 г. к хану на Кочкаре прибыл правитель северной части Семиречья, казахский хан Тахир, племянник и второй преемник Касима (первым был сын Касима, Мумаш-хан). Тахир искал сближения с монголами против своих собственных подданных, ненавидевших его за его жестокость, и против узбеков и ногайцев (мангытов); прием, оказанный ему в монгольской ставке, превзошел его ожидания; его сестра была выдана за Рашида.

Вслед за тем Мухаммед снова был обвинен в сношениях с узбеками и отправлен в Кашгар; где остался до смерти Са'ида. Дело поддержания порядка в стране было поручено историку Мухаммед-Хайдеру, который сам признается, что его усилия были тщетны и что киргизы большей частью присоединились к Тахиру. В 1525 г. хан в конце лета был на берегу Иссык-Куля; здесь он получил известие о приближении к границам Моголистана калмыков. Еще раньше, зимой 1523/24 г., Рашид совершил успешный поход против калмыков и за это получил прозвище *гази* (т. е. воителя против неверных). Теперь хан, оставив свое семейство на Иссык-Куле (вероятно, на упомянутом выше острове), пошел на калмыков и дошел до места Кабикалар (или Кабилкакла), на расстоянии 10 дней пути от Иссык-Куля. Здесь он получил известие о смерти ташкентского хана Суюнчука, дававшей возможность возобновить войну с узбеками. Хан быстро вернулся на Иссык-Куль, оттуда через Конур-Улен вторгся в Фергану, но без большого успеха должен был вернуться в Моголистан, именно в место Утлук, где находилось его семейство. Скоро после этого он возвратился в Кашгар.

Во время следующей зимы Тахир расположился лагерем недалеко от Кочкара; половина киргизов тотчас присоединилась к нему; Рашид должен был отступить к Атбашу. В начале 1526 г. к нему присоединил-

⁸⁹ <В киргизском произношении — Кочкор, в узбекском — Кучкар. — В. Р.>

ся сам хан; тем не менее казаки беспрепятственно прошли через все Семиречье до Каша и Кунгеза. Остатки киргизов, кочевавшие около Кочкара и Джумгала и еще не успевшие присоединиться к Тахиру, были уведены монголами на Атбаш. Для переговоров с Тахиром была отправлена его мачеха, дочь Юнус-хана, жившая в Кашгаре; о результатах этих переговоров нам ничего неизвестно. Саид-хан находился на Аксае; узнав о ссоре между казаками и киргизами, он отправился против них, прибыл в Ак-Куяш и оттуда в Арышляр; на дальнейшем пути монголы натолкнулись на трупы воинов разбитого киргизами Бабачака кучинского. Вероятно, под влиянием этого события монголы решили очистить Семиречье, ограничившись тем, что угнали 100 000 киргизских баранов, вследствие чего поход получил у народа прозвание «бараньего» (*кой-черики*). Ранней весной 1527 г. на Атбаше появился Тахир и увел оттуда киргизов вместе с оставленными там монгольскими табунами⁹⁰.

После отступления монголов Семиречье осталось в руках казаков и киргизов. Согласие между обоими народами продолжалось недолго; еще в 1526 г. Тахир, за то что убил своего брата Абд ал-Касима, был покинут всеми казаками, тогда как киргизы остались ему верны. В 1529 г. Тахир уже снова стоял во главе 20 000 или 30 000 казаков. Время смерти Тахира неизвестно; по Мухаммед-Хайдеру, он умер в бедственном положении. Едва ли после него был хан, под властью которого находился весь казахский народ, хотя Мухаммед-Хайдер в качестве преемника Тахира называет его брата Буйдаша⁹¹.

Власть монголов в Семиречье на короткое время была восстановлена при преемнике Са'ида, Рашиде (1533—1565-66)⁹². Для борьбы с общим врагом Рашид заключил союз с узбеками Мавераннахра, также враждовавшими с казаками из-за набегов последних на Ташкент; кроме того, на казаков с северо-запада нападали мангыты (ногайцы). В 944 г. х. (1537 или 1538 г.) Рашид нанес казакам страшное поражение, при котором пали их хан Тугум, брат Тахира, и с ним 37 султанов; вследствие этой битвы в более отдаленных странах распространился слух о совершенном уничтожении казахского народа. По примеру Са'ида, Рашид оставил в Семиречье своего сына Абд ал-Лятифа. Монголы продолжали действовать в тесном союзе с узбеками; в 951/1544-45 г. на берегу Иссык-Куля произошло свидание между Рашидом и ташкентским ханом Науруз-Ахмедом (Бараком). Несмотря на это,

⁹⁰ Мухаммед-Хайдер, 367—379; Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 192—202.

⁹¹ Мухаммед-Хайдер, 273, 379, 388; Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 201, 219.

⁹² <Поправка Бартольда (опубл. в ПКСО на 1900 г.): «По *Та'рих-и Хайдарӣ*, Рашид умер в 978/1570-71 г.; ему наследовал его сын Абд ал-Лятиф, который 29 лет от роду пал в битве с Хакк-Назаром (год его смерти не приводится)».>

казакам скоро удалось вернуть себе господство в Семиречье. Абд ал-Ляtif еще при жизни отца пал в битве с сыном Касима Хакк-Назаром, ханом казацким и киргизским; около 1558 г. казаки, по свидетельству Дженкинсона, снова угрожали Ташкенту, киргизы — Кашгару; оба народа совершенно прекратили сухопутные торговые сношения между Китаем и Западной Азией⁹³.

---

⁹³ Мухаммед-Хайдер, 146, 273; Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 220, 274, 330—333; Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 228, и Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 487.

VIII

КАЛМЫКИ¹

О положении Семиречья во второй половине XVI в., после окончательного падения монгольского владычества, мы почти ничего не знаем. Некоторые интересные сведения дает нам до сих пор никем не исследованное турецкое сочинение, написанное в 990/1582 г. Сейфи и сохранившееся, насколько нам известно, только в одной рукописи; последняя хранится в библиотеке Лейденского университета². По словам этого автора, калмыки в то время продолжали одерживать успехи в Средней Азии; главу калмыков он называет Алтан-ханом; вероятно, имеется в виду могущественный государь племени тумэтов, образовавший в то время обширную империю в восточной части Средней Азии и в 1552 г. покоривший ойратов³. Казацкий хан Тевеккель, сын Шигая и племянник Тахира⁴, произвел набег на страну калмыков; вследствие этого страна казаков подверглась опустошительному нашествию неверных. Тевеккель бежал в Ташкент, где еще был ханом Науруз-Ахмед (умерший в 1556 г.); Тевеккель предложил ему союз против врагов, но Науруз-Ахмед ответил, что даже десять таких царей, как они оба, не справились бы с калмыками.

Дальше автор дает краткое описание киргизов и казаков. Киргизы, по его словам, «родственны монголам; царя у них нет, а есть только

¹ Главные источники: Бичурин, *Историческое обозрение*; Ренат, *Карта*; Унковский, *Посольство*; Позднеев, *К истории Зюнгарских Калмыков*; Howorth, *History of the Mongols*, pt I. <История Семиречья во второй половине XVI и в XVII в. остается почти неразработанной. События конца XVII — первой половины XVIII в. в некоторой степени освещаются в кашгарских источниках; ряд сведений из них, относящихся к казахам и киргизам, извлек Ч. Ч. Валиханов (*Сочинения*, стр. 79 и сл.); см. также Мухамед-Садик Кашгари, извлеч. в пер. Салахетдиновой. Извлечения из китайских источников по истории калмыков см. Pelliot, *Notes critiques*. Сводку материала о позднейших походах военачальников джунгарского государства в связи с историей киргизов см. Ромодин — Кондратьев, *Опыт сопоставления сведений*, стр. 128—132; ср. Петров, *Очерки*, стр. 55—67. — В. Р.>

² Рук. № 917, лл. 12, 14—16, 21—23. Отрывки из труда Сейфи были изданы во французском переводе Шефером, в качестве приложения к переводу сочинения Абд-ал-Керима Бухари. <Ср. Kahle, *Islamische Quelle*. — В. М.>

³ Howorth, *History of the Mongols*, pt I, p. 418.

⁴ Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 367.

беки, которых называют *кашка*. Они не кафиры и не мусульмане; живут на крутых горах, в которых есть проходы. Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют свои семьи в глубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел. Действуя камнем *яда*⁵, они заставляют снег падать на идущее против них войско и производят такой холод, что воины не могут действовать ни руками, ни ногами. Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов. Умерших они не зарывают в землю, но кладут в гробах на высокие деревья; кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются⁶. Соседи киргизов — казаки; их — 200 000 семейств; они мусульмане, придерживаются толка Имама А'зама (Абу Ханифы); у них много баранов и верблюдов; их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей шерсти; они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атласные кафтаны; их отправляют в Бухару и там покупают по той же цене, как атласные, до того они красивы и тонки. Из той же шерсти делаются у них плащи от дождя; шерсть совершенно непромокаема; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которыми питаются бараны».

В 1594 г. Тевеккель отправил посла в Москву, предлагая свое подданство царю Феодору; в деле об этом посольстве хан назван «царем казацким и калмыцким», из чего можно заключить, что ему подчинились некоторые калмыцкие роды⁷. В 1598 г., в год своей смерти, Тевеккель овладел Туркестаном и Ташкентом⁸; эти города оставались во власти казаков до 1723 г.; в связи с этим фактом, по мнению В. В. Вельяминова-Зернова, находится распадение казацкого народа на три орды⁹. Туркестан и Ташкент в XVII в. были центром могущества казаков, тогда как из Семиречья их постепенно вытеснили калмыки. Последние в начале XVII в. произвели нашествие на Хорезм¹⁰ и дошли уже до берега Волги¹¹. Около того же времени чоросский хан Хара-Хула старался объединить под своей властью весь ойратский союз и, несмотря на упорное сопротивление удельных князей (тайчжи), в конце своей жизни достиг цели. В 1634 г. ему наследовал его сын Батур, принявший титул хун-тайчжи. При нем государство ойратов

⁵ Этим камнем, по общетюркскому поверью, можно было вызывать снег, дождь и бурю.

⁶ Это сведение, вероятно, заимствовано автором из книжных источников (ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 111) и едва ли относится к современным ему киргизам.

⁷ Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 104.

⁸ Там же, стр. 345 и сл.

⁹ Там же, стр. 382 и сл. <Термин «орда», применявшийся в старых русских источниках в отношении объединенных казахских племен, ныне не употребляется, вместо него принят казахский термин *жуз*. — В. Р.>

¹⁰ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 296.

¹¹ Веселовский, *Передовые Калмыки на пути к Волге*, стр. 369.

или джунгаров (собств. 'левого крыла') получило определенное устройство; в 1640 г. в его орде был создан курултай, на который явились даже владетели удалившихся в Россию калмыков¹²; здесь было обнаружено знаменитое калмыцкое «степное уложение». Кочевья самого хун-тайчжи первоначально находились около верхнего Иртыша, несколько выше озера Зайсан¹³. Батур вел упорную войну (с переменным счастьем) против казацкого хана Ишима, брата и преемника Тевеккея¹⁴.

Батур умер в 1653 г., и его смерть вызвала ослабление единства власти в ойратском союзе. Русские источники называют его преемником его сына Сэнгэ, который, однако, по исследованию проф. Позднеева¹⁵, «никогда не был, подобно своему отцу, владыкою ойратского союза; можно думать, что спустя шесть-семь лет после смерти Батурхун-тайчжия он сделался правителем зюнгарских¹⁶ родов, но выше этого его значение никогда не поднималось». Титул хун-тайчжи одновременно с Сэнгэ носили несколько князей; у верховьев Иртыша кочевал старший сын Батура Сэцэн-хан.

В 1671 г.¹⁷ Сэнгэ был убит; из Тибета прибыл его брат Галдан-Бошокту-хан и скоро вступил в борьбу со своим братом Сэцэн-ханом; в 1676 г. Сэцэн-хан был побежден около перевала Талки и озера Сайрам и должен был подчиниться Галдану. Подобно своим предшественникам, Галдан воевал с казаками и киргизами. В 1681 и 1683 гг. он ходил на Сайрам; в 1683, 1684 и 1685 гг.— против киргизов и ферганцев; в 1684 г. Сайрам был взят и разрушен его полководцем Рабтаном¹⁸. С тех пор власть калмыков в Семиречье, насколько известно, никем не оспаривалась и многочисленные войны их с казаками, монголами и китайцами не имели отношения к этой области. Насколько известно, Галдан первый из калмыцких хун-тайчжи кочевал главным образом в долине Или, хотя иногда проводил зиму на берегу Иртыша. Вероятно, с этого времени нынешние округа Или и Куркара-Усу стали считаться личной собственностью хун-тайчжи¹⁹. Из тюркских народов только буруты (киргизы); по свидетельству Унковского²⁰, еще в XVIII в., кочевали около Иссык-Куля.

Желая утвердить единодержавие в своем государстве, Галдан преследовал своих родственников; одному из них, племяннику Галдана, — Цэван-Рабтану, в 1678 г. удалось бежать в Турфан. Когда Галдан в 1688 г. предпринял поход в Монголию, Цэван-Рабтан в том же или

¹² Бичурин, *Историческое обозрение*, 50, 62.

¹³ Спафарий, *Путешествие*, стр. 19.

¹⁴ Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 378—379.

¹⁵ *К истории Зюнгарских Калмыков*, стр. 245.

¹⁶ <Джунгарских, ойратских.>

¹⁷ Так по проф. Позднееву (*К истории Зюнгарских Калмыков*, стр. 247).

¹⁸ Там же стр. 248—250.

¹⁹ Бичурин, *Историческое обозрение*, стр. 135

²⁰ *Посольство*, стр. 193.

в следующем году вернулся на родину и поселился в долине Боротала, откуда постепенно подчинил себе всю страну²¹. Галдан уже не вернулся в свое государство; его военные действия в Монголии были очень неудачны, и в 1697 г. он кончил жизнь самоубийством²². После смерти Галдана Цэван-Рабтан сделался единственным правителем государства и скоро стал для китайцев таким же опасным врагом, каким был раньше его дядя. Внешний мир с Китаем, впрочем, был сохранен до 1714 г., когда Цэван-Рабтан открыл военные действия разграблением Хами²³. В том же 1714 г. император Канси издал указ, в котором он, перечисляя проступки Цэван-Рабтана, требовал, чтобы хун-тайчжи возвратил джунгарским князьям отнятые у них права и земли и с этой целью созвал князей на сейм, с участием делегатов от китайского правительства. Между прочим, «кочевья у гор Алак» (Алатау) должны были быть предоставлены хойтам; что касается самого хун-тайчжи, то ему предоставлялся «лишь один уголок по течению Иртыша». Само собой разумеется, что Цэван-Рабтан не мог согласиться на такие требования и должен был начать войну. Китайцы хорошо знали слабые стороны калмыцкого государства и постоянную опасность, угрожавшую им от казаков и бурутов, вследствие чего на границе с владениями этих народов приходилось содержать значительную военную силу. В своих донесениях китайские послы уверяли, что калмыки, ожидая нашествия китайцев, массами откочевывают вниз по Или²⁴.

Этими трудными обстоятельствами калмыков хотело воспользоваться русское правительство, чтобы уговорить их принять русское подданство. С таким предложением в 1719 г. приезжал к калмыкам казацкий голова Иван Чередов²⁵. Еще раньше, в 1717 г., Цэван-Рабтану на берегу реки Харкир, около Музарта, представлялся тобольский дворянин Велянов, который в следующем году простился с хун-тайчжи в его обычной зимней ставке около Хоргоса, у подошвы горы Талки²⁶. Гораздо более подробные сведения мы имеем о посольстве капитана Унковского. Унковский в ноябре 1722 г. прибыл в ставку хун-тайчжи, находившуюся на южной стороне Или, в нескольких верстах к востоку от Чарына, и пробыл при дворе калмыцкого государя до сентября 1723 г., перекочевывая вместе с ордой с места на место до рек Тюп и Джаргалан. Политических результатов это посольство не имело, тем более что после смерти императора Канси (1722 г.) опасность со стороны Китая уменьшилась. К тому же в 1723 г. калмыки одержали крупную победу над казаками и овладели Сайрамом, Ташкентом и Туркестаном²⁷.

²¹ Позднеев, *К истории Зюнгарских Калмыков*, стр. 251—253.

²² Бичурин, *Историческое обозрение*, 87.

²³ Там же, стр. 90.

²⁴ Макшеев, *Карта Рената*, стр. 260—263.

²⁵ Там же, стр. 111.

²⁶ Ренат, *Карта*, 11.

²⁷ Макшеев, *Карта Рената*, стр. 193; Левшин, *Описание*, ч. II, стр. 69.

По Унковскому, калмыки могли выставить до 100 000 войска. Хунтайчжи, пользовавшийся среди своих подданных большой популярностью, ничего не предпринимал без совета зайсанов, т. е. начальников отдельных родов; главный из них, Цэрэн-Дундук, двоюродный брат хун-тайчжи, кочевал по берегу Лепсы и Каратала. Прежде, лет тридцать перед этим, у калмыков совсем не было пашен; теперь не только пленные бухарцы (сарты), но и многие калмыки занимались земледелием и число пашен постоянно увеличивалось. Сарты имели небольшой городок близ устья Хоргоса. Калмыки вели торговлю с русскими, с китайцами (в мирное время), с тангутами, с Индией и Мавераннахром²⁸.

Военным и культурным успехам калмыков много содействовал шведский унтер-офицер Ренат, захваченный калмыками зимой 1715/16 г. вместе с конвоем, предназначенным для отправленной в 1715 г. вверх по Иртышу экспедиции Бухгольца. Ренат пробыл в стране калмыков до 1733 г., научил их искусству лить пушки и некоторым ремеслам, даже устроил у них типографию²⁹. На карте Джунгарии, составленной им после возвращения на родину³⁰, подробно обозначены ставки кочевников, которые, как и следовало ожидать, располагались главным образом у подошвы гор, по верхнему течению рек. В Семиречье такие ставки находились: 1) вдоль семиреченского Алатау и верховьев рек, текущих к Балхашу; 2) между Алтын-Эмелем и Койбыном; к северу от Или между Кок-талом и Кок-тереком; 3) по северному берегу Кегена и от Чарына к востоку вдоль северного склона гор Кетмень; 4) у верховьев Чилика и его притоков; 5) по берегу Тюпа, на южном берегу Иссык-Куля, у западной оконечности озера, и на северном берегу, между реками Койсу и Аксу; 6) в долине Большого Кебина³¹ и на верховьях рек, впадающих в Чу, до Карагаты. Главную ставку хун-тайчжи Ренат помещает к юго-востоку от перевала Талки, около нынешней Кульджи.

Цэван-Рабтану наследовал его сын Галдан-Цэрэн (1727—1745). Он также вел войну на востоке с китайцами и по миру, заключенному в 1739 г., лишился почти половины своих владений³²; зато на западе ему после этого удалось фактически подчинить себе казаков, хотя последние номинально считались русскими подданными³³. Из-за дел

²⁸ Макшеев, *Карта Рената*, стр. 30, 194—196.

²⁹ Ренат, *Карта*, 5.

³⁰ <В действительности это была вывезенная им калмыцкая карта; см. ниже, стр. 527. — В. Р.>

³¹ <Чонг Кемин, на современных советских картах — Чонкемин. — В. Р.>

³² Бичурин, *Историческое обозрение*, стр. 101.

³³ Левшин, *Описание*, ч. II, стр. 145—157. <В годы правления Галдан-Цэрэна калмыки совершали походы на юг — в горные районы Тянь-Шаня и в Бадахшан. О походе 1732 г. в Кетмень-тубе см. Потанин, *О караванной торговле*, стр. 24—25; об уходе в ставку Галдан-Цэрэна на р. Или сына бадахшанского правителя в качестве задолжника см. *Та'рих-и Бадахшан*, лл. 20 б—21 а. — В. Р.>

казаков к нему были отправлены несколько русских посланцев. Один из них, плац-майор Угрюмов (1732—1733 гг.), кочевал вместе с Галдан-Цэрэном в апреле и в мае от урочища Коджигер вниз по реке Или, в конце мая и в летние месяцы по Темерлику, Кегёну, Каркаре и Текесу, в сентябре и всю зиму до последних чисел марта по реке Или: «сперва вниз, а потом паки вверх, где обычай имеет при урочище Кочигир (Коджигер) продлиться до мая»³³.

После Галдан-Цэрэна правил его сын Цэван-Дорджи (1745—1750); он был убит своим братом Лама-Дорджи. После этого в государстве калмыков наступили смуты, во время которых возвысился племянник Галдан-Цэрэна, Амурсана. С помощью казаков он овладел берегами Эмилия и верхнего Иртыша и в 1754 г. поддался китайцам, прося у них помощи против своих врагов. В 1755 г. на запад были отправлены два многочисленных китайских войска, которым в три месяца, почти без пролития крови, удалось подчинить все государство калмыков. В том же году произошло восстание Амурсаны, которое в следующем году было усмирено китайцами; Амурсана бежал к казакам. В 1757 г. Амурсана снова на короткое время появился на Или, но должен был бежать, так как казацкий хан Аблай хотел выдать его китайцам. Амурсана спасся в русские владения, где в том же 1757 г. умер от оспы. Так кончилось существование последней кочевой империи в Средней Азии. В 1758 г. китайцы снова отправили в страну войско, которое произвело страшное избиение калмыков³⁴.

Как известно, казаки и киргизы после падения джунгарского государства вернулись в Семиречье, где номинально некоторое время считались китайскими подданными; линия китайских укреплений приблизительно совпадала с нынешней границей между русскими и китайскими владениями. До утверждения в стране русской власти казаки и киргизы фактически были совершенно независимы.

³³ <Унковский, *Посольство*, 234.>

³⁴ Бичурин, *Историческое обозрение*, стр. 109—125. <Данные Вэй Юаня о походе, предпринятом в 1757 г. цинскими властями, и о судьбах калмыцкого населения см. в кн.: Думан, *Аграрная политика*, стр. 72—73. — В. Р.>

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- II в. до н. э. Занятие Семиречья усунями; народ сз удаляется на юг.
Ок. 105 г. до н. э. Посольство китайцев к усуням.
Ок. 51 г. до н. э. Разделение усуньских владений на два государства.
11 г. до н. э. Удаление части усуней на северо-запад.
1 г. до н. э. Прибытие усуньского царя Ичими в столицу Китая.
Начало V в. н. э. Вытеснение усуней жужанями из равнинной части Семиречья.
425. Посольство усуней в Китай.
436. Китайское посольство к усуням.
VI в. Завоевание Семиречья тюрками.
581. Распадение тюркской империи на два государства.
VII в. Путешествие Сюань Цзана. Древнейшие известия о земледельческой культуре в Семиречье.
657. Подчинение Семиречья китайцам.
Ок. 740. Падение западно-тюркского государства.
748. Разрушение Суяба китайцами.
751. Поражение китайцев при Таласе.
766. Занятие Суяба карлуками.
Ок. 940. Завоевание Чуйской долины Караханидами.
960. Принятие ислама семиреченскими тюрками.
992. Смерть Богра-хана Харуна.
1017—1018. Нашествие восточных кочевников на Семиречье.
1025. Вытеснение Туган-хана из Семиречья.
1031-32. Смерть Кадыр-хана Юсуфа. Арслан-хан Сулейман.
1043. Принятие ислама кочевниками киргизских <=казахских> степей.
1056. Низложение Арслан-хана.
1057-58. Смерть Богра-хана Мухаммеда.
1059—1074-75. Тогрул-Кара-хан Юсуф.
1069. Появление поэмы *Кутагду билик*, первой на тюркском языке.
1074-75—1102-03. Богра-хан Харун.
1090. Разграбление Атбаша кашгарцами.
1102. Поражение и смерть Кадыр-хана Джибраила.
1125. Переселение кара-китаев на запад.

- Ок. 1130. Поражение их в Восточном Туркестане.
1137. Победа их при Ходженде.
1141. Победа в Катванской степи.
1142. Смерть первого гурхана.
1179—1190. Патриарх Илья III; несторианская митрополия в Кашгаре и Семиречье.
1208-09. Прибытие Кучлука в Семиречье.
1210. Поражение кара-китаев при Узгенде и при Таласе.
1211. Подчинение северной части Семиречья монголам.
1212. Низложение гурхана; воцарение Кучлука.
1218. Покорение Семиречья монголами.
1219. Путешествие Елюй Чу-цая.
1220. Путешествие Ву-гу-суня.
1221—1223. Путешествие Чан-чуня.
1227. Смерть Чингиз-хана.
1229—1241. Угэдэй.
1229. Убиение Абу Я'куба Юсуфа Секкаки.
1242. Смерть Чагатая.
1242—1246. Хара-Хулагу.
1246—1248. Гуюк.
1246—1251. Есу-Мункэ.
1246. Путешествие Плано Карпини.
1248. Батый в Семкречье.
1251—1259. Мункэ.
1251. Разгром чагатайского улуса.
1251—1260. Правление Эргэнэ.
1253. Путешествие Рубрука.
1254-55. Поход Хулагу.
1255. Путешествие Гайтона.
1259. Посольство Чан Дэ.
1260. Избрание Хубилая и Арик-Буки.
1260—1265-66. Алгуй.
1260. Смерть министра Хабаш-Амида.
1262. Победа Алгуя около озера Сайрам.
1263. Поражение его в Илийской долине.
1264. Отступление Арик-Буки.
1266. Избрание Мубарек-шаха. Прибытие Борака; поражение и низложение Мубарек-шаха.
1268. Победа Хайду над Бораком при Сыр-Дарье.
1269. Курултай на Таласе.
1271. Смерть Борака.
1282. Восстановление спокойствия в чагатайских владениях.
1301. Смерть Хайду.
1303. Провозглашение ханом Чапара. Посол Баяна в Багдаде.

1304. План федерации монгольских государств.
1305. Война между Чапаром и Тувой.
1306-07. Смерть Тувы.
1308. Смерть Куньджека.
1308-09. Талику.
1310—1318. Эсен-Бука.
1315. Сближение между Эсен-Букой и Узбеком.
1318—1326. Кебек.
1326. Ильчигидай; успехи католической пропаганды в Средней Азии.
Дурра-Тимур.
1326—1334. Тармаширин.
1333. Путешествие Ибн Баттуты.
1334. Бузан.
1334—1338. Дженкши. Католические миссионеры в Алмалыке.
1338—1339. Чума в Семиречье.
1339. Гонение на христиан.
1347. Уничтожение власти чагатайских ханов в Мавераннахре.
1348—1362-63. Туклук-Тимур.
1360. Подчинение им Мавераннахра.
1370-71. Тимур доходит до Кочкара.
1375. Поход Тимура на Семиречье.
1376. Новый поход Тимура; поражение Камар ад-дина.
1377. Новый поход Тимура; Камар ад-дин разбит в Боамском ущелье.
1383. Нашествие тюркских эмиров.
1389—1399. Хизр-ходжа.
1389. Поход Тимура до Иртыша и Юлдуза.
1390. Поход тюркских эмиров до Иртыша.
1397. Брак Тимура с дочерью Хизр-ходжи.
1399. Междоусобие в Моголистане.
1399—1408. Шам'-и Джехан.
1404. Подчинение части Семиречья Тимуру.
1405. Смерть Тимура.
1407. Посольство Шам'-и Джехана в Китай.
1408—1416. Мухаммед-хан.
1416—1418. Накш-и Джехан.
1418—1421. Вейс-хан.
1420. Междоусобие в Моголистане. Проезд послов Шахруха через Семиречье.
1421. Воцарение Шир-Мухаммед-хана.
1425. Нашествие Улугбека.
1428. Смерть Вейс-хана в битве с Сагук-ханом.
1428—1434. Междоусобия в Моголистане.
1434—1462. Эсен-Бука.
1434—1456. Пребывание Юнус-хана в Персии.

- 1456—1462. Юнус-хан в Джетыкенте.
1462. Воцарение Юнус-хана в западной части Моголистана.
1469. Смерть султана Абу Са'ида.
Ок. 1472. Объединение Моголистана под властью Юнуса.
1472. Нашествие калмыков на Семиречье.
1482. Отпадение большинства монголов от Юнуса.
1487—1508. Махмуд-хан.
1503. Поражение Махмуд-хана и его брата Ахмед-хана в битве с Шейбани. Смерть Ахмеда.
1504—1508. Халиль во главе киргизов.
1508. Битва при Алматы между Мансуром и его братьями Халилем и Са'идом.
1513. Свидание между Са'ид-ханом и Касим-ханом казацким на берегу Чу.
1514. Завоевание Кашгарии Са'ид-ханом.
1516. Восстановление спокойствия в Восточном Туркестане. Первый поход Са'ид-хана в Семиречье.
1517. Поход Са'ид-хана и его брата Эмиль-ходжи против Мухаммеда киргизского.
1522. Подчинение Семиречья монголам. Лагерь на Кочкаре.
1524. Свидание между Са'ид-ханом и Тахир-ханом казацким.
1525. Нашествие калмыков на Семиречье; поход против них Са'ид-хана. Отступление монголов к Атбашу.
1526. Отступление монголов из Семиречья. Тахир-хан покинут казаками.
1527. Тахир-хан на Атбаше.
1529. Примирение части казаков с Тахир-ханом.
1533—1565-66. Рашид-хан монгольский.
1537-38. Победа его над казаками. Восстановление монгольского владычества в Семиречье.
1544-45. Свидание между Рашид-ханом и Науруз-Ахмедом ташкентским на берегу Иссык-Куля.
1552. Покорение ойратов Алтан-ханом.
1552—1556. Победа калмыков над Тевеккель-ханом казацким.
1594. Посольство Тевеккель-хана в Москву.
1598. Завоевание им Туркестана и Ташкента. Смерть его.
1634—1653. Батур хун-тайчжи.
1640. Издание калмыцкого уложения.
1671. Убиение Сэнгэ.
1676. Победа Галдан-Бошокту-хана над Сэцэн-ханом.
1681. Поход Галдан-Бошокту-хана на Сайрам.
1683. Поход его на Сайрам; поход против киргизов и ферганцев.
1684-85. Разрушение Сайрама; походы против киргизов и ферганцев.
1688. Поход в Монголию; Цэван-Рабтан в Джунгарии.

1697. Смерть Галдана.
1697—1727. Цэван-Рабтан.
1714. Война калмыков с китайцами: указ императора Канси.
1716—1733. Пребывание Рената в Джунгарии.
1717—1718. Дворянин Велянов при дворе хун-тайчжи.
1719. Посольство Чередова.
1722. Смерть императора Канси.
1722—1723. Посольство капитана Унковского.
1723. Завоевание калмыками Сайрама, Туркестана и Ташкента
1727—1745. Галдан-Цэрэн.
1732—1733. Плац-майор Угрюмов при дворе хун-тайчжи.
1739. Мир между калмыками и китайцами.
1745—1750. Цэван-Дорчжи.
1754. Подчинение Амурсаны китайцам.
1755. Поход китайцев в Джунгарию.
1756. Восстание Амурсаны; бегство его <к казахам>.
1757. Смерть Амурсаны в Тобольске.
1758. Опустошение Джунгарии китайцами; истребление калмыков.

ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНА

(КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ)

< ТУРКЕСТАН В ДРЕВНОСТИ ¹ >

Туркестан расположен южнее других частей России и раньше всего вошел в круг культурного общения. О греческих городах на северном берегу Черного моря мы располагаем более ранними сведениями, чем о Туркестане, но эти города были иноземными колониями и не оказали прочного влияния на местную культурную жизнь. В Закавказье только некоторые пограничные местности могли подвергнуться влиянию ассирийской культуры; из закавказских народностей в числе подданных персидских царей упоминаются только армяне, жившие тогда преимущественно не в пределах современной России, а в пределах Персии и Турции; первые известия об албанцах и иверах были добыты только во время походов Помпея (I в. до н. э.).

Древнее население Туркестана, как оседлое (парфяне и бактрийцы в Закаспийской области, где к Бактрии причислялась местность по Мургабу, хорезмийцы на низовьях Аму-Дарьи и согдийцы на Зеравшане), так и кочевое (саки), принадлежало к тому же иранскому племени, как персы, основатели первой в истории мировой монархии. Вопрос о родине иранцев остается спорным; большая часть данных говорит за то, что движение иранцев, как впоследствии движение турок, происходило в направлении с востока на запад и что как в Восточную Европу (черноморские скифы), так и в Персию иранцы пришли из Средней Азии. Остатки доиранского населения Персии рано исчезают на северо-востоке и дольше всего сохраняются на юго-западе; по-видимому, можно предполагать родство этого населения с так называемым

¹ < Многие вопросы, рассматриваемые в этой работе, более подробно освещены в *Истории культурной жизни Туркестана* (см. ниже, стр. 169 и сл.). Библиографию основных исследований и источников по истории Средней Азии в древности и средние века см.: *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 506—542; Гафуров, *История*, стр. 501—538; *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 2, стр. 403—486; см. также Библиографию к т. I, наст. изд. (там же — сведения о публикациях и переводах отдельных восточных источников по истории Средней Азии VII—XV вв., вышедших в свет после смерти В. В. Бартольда). Работы по археологии Средней Азии см. в кн.: *Советская археологическая литература*; библиографии по археологии Казахстана и Киргизии указаны выше, в прим. 1 к стр. 23. О библиографиях работ по истории Средней Азии в XVI—XIX вв. см. ниже, прим. 1 к стр. 163. — В. Р. >

мыми яфетидами, т. е. несемитическим населением Передней Азии, остатком которого теперь являются грузины и некоторые другие кавказские народности. Загадочным остается недавно установленный факт существования яфетидского языка в одной из областей к югу от Гиндукуша, в Канджугте²; не выяснено, следует ли признать этих яфетидов аборигенами данной области или переселенцами с запада.

В Западной Персии иранцы подвергались влиянию народов, имевших государственность и письменность, и как в том, так и в другом отношении оказали влияние на своих восточных соплеменников. Можно провести аналогию между движением иранцев на Переднюю Азию и движением германцев на Римскую империю, где пришельцами из Германии, франками, была усвоена на западе, в Галлии, и потом принесена на восток, в Германию, идея государственного объединения.

В первоначальной, самостоятельной культурной жизни между среднеазиатскими иранцами выдающееся значение имели хорезмийцы; в последнее время приводятся доказательства в пользу хорезмийского происхождения зороастризма или маздеизма, сделавшегося потом национальной религией иранцев. Из слов Геродота (III, 117) видно также, что до образования персидской монархии Хорезм имел в Средней Азии первенствующее политическое значение. Такой факт находился бы в соответствии с общим историческим явлением — первоначальным развитием культуры в местностях по низовьям больших рек (сравните движение культуры вверх по Евфрату и Нилу).

Впоследствии Хорезм уступил культурное первенство Бактрии, где жили наместники персидских царей — Ахеменидов и откуда распространялось культурное влияние Индии.

Греческие сведения о Средней Азии до Александра Македонского крайне скудны; в персидских надписях Дария только перечисляются покоренные персами области, без сообщения каких-либо подробностей о их покорении и вообще о происходивших в них событиях (кроме Парфии и Бактрии). Зато в барельефах гробницы Дария представители входивших в состав его империи народностей, в том числе и среднеазиатских, изображены в своих костюмах, вследствие чего мы имеем здесь «своеобразный и ценный этнологический музей»³.

В походе Ксеркса на Грецию принимали участие хорезмийцы и индийцы; во время Александра в Хорезме и Индии были независимые от персов владетели, из чего видно, что границы империи на востоке подверглись некоторому сокращению.

Походам Александра мы обязаны первыми географическими сведениями о Туркестане, но только об области между Аму-Дарьей и

² <Бурушаски — язык Хунзы и Нагара — может быть сопоставлен с кавказскими языками только по некоторым синтаксическим конструкциям. — В. М.>

³ Слова Вейсбаха (*Die Keilinschriften*). Барельефы, например, см. Sarre—Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*.

Сыр-Дарьей, притом только вдоль среднего течения этих рек; о низовьях обеих рек у греков и впоследствии было неправильное представление, обе считались притоками Каспийского моря. По степени культурного развития восточные иранцы значительно уступали западным; согдийцы стояли в этом отношении еще ниже бактрийцев⁴, но и у согдийцев были города, хотя и в небольших размерах: Александру преимущественно приходилось брать «укрепления» (егумата), т. е. замки местной землевладельческой аристократии. Название одного из городов, Мараканды, сохранилось в современном Самарканде. Говорится о культуре риса в Бактрии; о том, какие растения возделывались в Согдиане, сведений нет. За Сыр-Дарьей, по-видимому, не было ни городов, ни земледельческих культур. В географических подробностях многое остается неясным вследствие того, что до нас не дошли ни составленные по приказанию Александра походные дневники, ни вообще первоисточники по истории его войн.

При Александре и его преемниках в Азии, Селевкидах, в Туркестане было построено несколько новых городов — Александрий, Антиохий, Селевкий и т. п. Одна из Антихий была построена за Сыр-Дарьей; две Антихии возникли на Мургабе, впоследствии верхний Мерв, или «Мерв реки» (Мерверруд, ныне Бала-Мургаб в пределах Афганистана), и нижний, или главный Мерв. Мервский оазис при Антиохе Сотере (280—261) для защиты от набегов кочевников был окружен длинными стенами — первое сооружение этого типа в Средней Азии⁵. Основание новых городов продолжалось и после образования в Средней Азии (в середине III в. до н. э.) самостоятельного греко-бактрийского царства, в состав которого входила и Согдиана; царство Евкратиды (II в. до н. э.) называли «царством тысячи городов». Успехам культуры должны были способствовать значительно оживившиеся со времени Александра сношения с Индией, куда направлялись и завоевательные стремления греко-бактрийских царей.

В середине II в. до н. э. произошло завоевание северных, впоследствии и южных, областей греко-бактрийского царства среднеазиатскими кочевниками, завоевавшими потом также некоторые области Индии и известными в греческой литературе под общим названием скифов. В том же II в. начались сношения между Средней Азией и Китаем; падение греко-бактрийского царства — первое событие мировой истории, о котором говорят как западные (греческие), так и дальневосточные (китайские) источники.

Почти все, что мы знаем о Средней Азии со II в. до н. э. до VII в.

⁴ <Археологические работы последних десятилетий показали, что В. В. Бартольд преуменьшал степень экономического и культурного развития восточных иранцев в древности. — В. Р.>

⁵ <Остатки этих стен были обнаружены советскими археологами; см. Вязигин, Стена Антиоха Сотера. — В. Р.>

н. э., извлечено из китайских источников; свод этих сведений на русском языке дал монах Иакинф Бичурин («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», 1852 г.). Китайцам мы обязаны первыми сведениями о Фергане, о культурных областях нынешнего Восточного, или Китайского, Туркестана и о кочевниках среднеазиатских степей. Как греки в Согдиане, так китайцы в Фергане и Восточном Туркестане уже застали земледельческую культуру и городскую жизнь. Из Ферганы китайцы заимствовали культуру винограда и люцерны; кроме того, в Фергане, вследствие близости к кочевникам, процветало коневодство — была особая порода лошадей, ради которых китайцами предпринимались даже военные походы. От китайцев ферганцы научились выделывать сосуды из золота и серебра и оружие из железа: эти отрасли промышленности процветали в Фергане еще в первые века ислама.

Из кочевых народностей две — усунь в Семиречье, в Кульджинском крае, и большие юечжийцы на Аму-Дарье — пришли в Туркестан незадолго перед тем, в связи с передвижением народов, вызвавшим падение греко-бактрийского царства. Об участии в этом передвижении кангюйцев, западных соседей усуней и северных соседей юечжийцев, китайцы ничего не говорят, не сообщают также, были ли кангюйцы коренными обитателями страны или, подобно своим соседям, недавними пришельцами. Теперь доказано⁶, что *юечжи*, или, вернее, *юеши*, — китайское произношение названия народа кушей или кушанов, упоминаемого на местных монетах и в западных источниках. Часть того же народа, «малые юечжийцы» китайских источников, осталась в Восточном Туркестане, в местности к востоку от Хотана; как большие, так и малые юечжийцы назывались также тохарами; по-видимому, термин *куши*, или *кушаны*, имел более политическое, термин *тохары* — более этнографическое значение. От тохаров получила название область Тохаристан, как называлась в мусульманский период, в тесном смысле, область Северного Афганистана между Балхом и Бадахшаном, в обширном смысле — совокупность областей верхних притоков Аму-Дарьи, как левых, так и правых. Тохары, по-видимому, были арийцами, на что указывает язык памятников буддийской литературы, найденных в местности к востоку от Хотана, где жили тохары⁷; вопрос об этнографическом происхождении усуней и кангюйцев остается спорным. Китайцы описывают их как кочевников, но кроме того упоминаются пять малых

⁶ <Это остается еще спорным. — В. М.>

⁷ <Как показали исследования последних десятилетий, язык тохаров, завоевавших Бактрию во II в. до н. э., относится, по всей вероятности, к сакской группе восточноиранских языков. Он, таким образом, не является близко родственным диалектом так называемого «тохарского» языка (стоящего особняком среди индоевропейских языков), памятники которого были найдены в Китайском Туркестане (см. ниже, стр. 116, прим. 16 и 17, а также: Бартольд, *К вопросу об языках*; Фрейман, *Тохарский вопрос*). — В. Р.>

кангюйских владений, по-видимому, подчиненных кочевникам земельческих областей; эти области оказались в местности около Ташкента, в Хорезме, на Зеравшане, около Катта-Кургана и Бухары, и на Кашка-Дарье около Шахрисябза. Самарканд не упоминается в китайских источниках до V в., чем подтверждаются слова греческих источников, что Мараканда была разрушена Александром; по-видимому, вследствие этого события местность у Самарканды на несколько веков утратила свое прежнее значение и центром культурной жизни долины Зеравшана сделалась местность у Катта-Кургана. В пользу этого вывода, основанного на греческих и китайских источниках, есть и археологические данные.

Открытый во II в. до н. э. караванный путь из Китая в Переднюю Азию сделался впоследствии главным путем вывоза китайского шелка; тем же путем привозились в Китай с запада, из греко-римского мира, стекло и хрусталь; под влиянием Запада в Средней Азии возникла стеклянная промышленность, как под влиянием Востока — металлургическая. Выгодами торговых сношений с Китаем больше всего воспользовалась Персия, сначала под властью парфянской династии Аршакидов, потом под властью персидской династии Сасанидов, всячески препятствовавшая прямым сношениям между Китаем и Римской империей, чтобы сохранить за собой выгодную роль торгового посредника. При Сасанидах в руки персов перешли важнейшие пути мировой торговли на суше и на море; влияние сасанидской Персии, вместе с остатками греко-бактрийской культуры и влиянием Китая и Индии, отразилось на повышении культурного уровня среднеазиатских иранцев, особенно согдийцев.

Политическая жизнь в Средней Азии за этот период определялась войнами между собой местных владетелей, особенно в Восточном Туркестане, набегами и завоевательными походами кочевников, с которыми иногда, кроме местных владетелей, вступали в борьбу также китайцы. В V в. южная часть Туркестана была завоевана хайталами⁸ — эфталитами византийских источников, народом по всей вероятности также иранского происхождения, на который было перенесено название «кушаны»⁹. Эфталитам подчинялись и согдийцы; главная ставка их была в Бадахшане; движение их в сторону Индии кончилось неудачно¹⁰. В VI в. как указывают — между 563 и 567 гг., государство эфталитов было завоевано турками, образовавшими самую обширную из

⁸ <Haytal — арабская форма этого названия, однако *Habtal было бы более верным чтением. — В. М.>

⁹ <Как считает В. Ф. Минорский, это остается сомнительным. Название кушан, по его мнению, возможно, сохранилось в географическом термине Гиндукуш. О смешении терминов кушан, эфталиты и др. см. Тревер, Кушаны. — Б. С.>

¹⁰ <После крупных, но непрочных военных успехов, в результате которых Северная Индия была временно подчинена правителям эфталитов. — В. Р.>

существовавших до тех пор кочевых империй, простиравшуюся от границ Китая до границ Персии и Византии; оттого мы об этой империи, кроме китайских известий, имеем также персидские, греческие и армянские. Кочевые иранцы к этому времени <были> окончательно вытеснены из Средней Азии; мусульмане в VII в. их уже не застали. Оседлые среднеазиатские иранцы, согдийцы, сумели использовать обширность и могущество турецкой империи для своих целей; торговые интересы согдийцев, сосредоточивших в своих руках торговлю шелком, были причиной разрыва турок с персами и обмена посольствами между турками и Византией. Значительно развилась также торговля с Китаем; восточные ворота Самарканда назывались «китайскими»; на всех путях в Китай, начиная от самого южного, через Хотан и южную часть Восточного Туркестана к Лоб-Нору, до самого северного, через Семиречье, возникали колонии согдийцев¹¹. В Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области, где китайцы во II в. до н. э. застали только кочевую жизнь, путешественник VII в. (629—630 гг.) Сюань Цзан видел обработанные поля и торговые города. Вообще китайские источники для VII в., когда Китай при династии Тан (с 618 г.) достиг высшей степени внешнего могущества, сообщают более подробные сведения о материальной и духовной культуре Туркестана, чем для более ранних эпох. Говорится о возделывании риса в долинах Кашка-Дарьи и Зеравшана, о возделывании проса и пшеницы. В трех владениях, в том числе Фергане, были золоченые престолы в виде баранов, в Бухаре в виде верблюда, и китайские известия подтверждают тем, что византийские послы видели в орде турецкого хана позолоченный трон, подерживаемый четырьмя золотыми павлинами, и серебряные изваяния животных, не уступавшие византийским. Трон и изваяния, очевидно, были сделаны не турками, а подчинившимися им среднеазиатскими иранцами. Даже в мусульманскую эпоху, в X в., на самаркандских площадях еще стояли деревянные изображения коней, быков, верблюдов и диких зверей. Около города Кушании (в нынешнем Катта-Курганском уезде, в местности к северу от реки Зеравшана) было здание со стеной живописью, где на северной стене были изображены китайские императоры, на восточной — индийские брахманы и турецкие ханы, на западной — персидские цари и римские императоры.

От среднеазиатских иранцев турками была заимствована письменность; турецкие послы, ездившие в Константинополь в 567 г., привезли с собой грамоту, написанную «скифскими письменами». Самый старый турецкий алфавит дошел до нас в целом ряде надписей, из которых

¹¹ <О колонизационной деятельности согдийцев см. Pelliot, *Le «Cha tchezi tou [tou] fou t'ou king»*. См. также более новые работы: Бернштам, *Согдийская колонизация; Чуйская долина*, стр. 71—83; Pulleyblank, *A Sogdian colony*; Klyachtorniy, *Сүгд бәгдәһәр бидараа илүс*; Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье*; его же, *Согдийцы в Центральной Азии*. — Б. С.>

самые обширные — датированные надписи 732 и 735 гг. на берегах Орхона, в Монголии; благодаря этим надписям датскому ученому В. Томсену удалось разобрать алфавит, которому, вместе с языком надписей, присвоено в русской науке название «орхонского». Не датированные, но, судя по характеру букв, более древние надписи (вероятно, VII века) были найдены на Енисее. Небольшие орхонские надписи были найдены и в Туркестане, в долине Таласа, в местности к югу от Аулие-Ата¹². Доказывают, что этот алфавит происходит от «согдийского», т. е. от шрифта среднеазиатских иранцев, древним памятником которого являются торговые документы, найденные в одной башне китайской пограничной стены близ Дуньхуана. Более доказано согдийское происхождение второго по времени турецкого алфавита, уйгурского, названного так по имени первых оседлых жителей Восточного Туркестана турецкого происхождения. Алфавиты согдийский и уйгурский известны нам по памятникам религиозной литературы, буддийским, манихейским и христианским, относящимся к периоду около VII в. Так называемые согдийские памятники написаны все на одном и том же языке, с диалектическими различиями; ни язык, ни диалекты не могут быть приурочены к определенной местности¹³. Находки были сделаны в Восточном Туркестане¹⁴, где рукописи сохранились благодаря исключительной сухости климата и куда они могли быть привезены из других мест. Особенности языка и некоторые термины, как названия месяцев, совпадают с тем, что мы знаем из сочинения мусульманского автора XI в. Бируни о согдийском языке. Греки называли Согдианой область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, мусульманские географы понимали под Согдом только бассейн Зеравшана¹⁵; но как далеко на север и на восток был распространен тот согдийский язык, о котором говорит Бируни, хотя бы в качестве литературного, об этом сведений нет.

¹² <Аулие-Ата — ныне город Джамбул Казахской ССР. О древнетюркских надписях, найденных в долине Таласа на территории современной Киргизии, см. последний сборник статей: «Новые эпиграфические находки в Киргизии». — В. Р.>

¹³ <Диалектальные различия, обнаруживаемые в памятниках согдийской письменности, весьма незначительны: отличия манихейских и христианских текстов от буддейских объясняются тем, что буддисты-согдийцы сохраняли принципы исторической орфографии, тогда как в манихейских и христианских текстах (написанных соответственно манихейским и сирийским письмом) орфография довольно близка к реальному произношению VIII—IX вв. н. э. По мнению В. А. Лившица, в основу согдийского письменного языка, как показывают согдийские «старые письма» (начала IV в. н. э.) и документы с горы Муг, был положен самаркандский диалект. — В. Р.>

¹⁴ <Ныне памятники согдийской письменности найдены и на территории собственно Согда. Наиболее важные из них — документы из раскопок замка на горе Муг (первая четверть VIII в. н. э.); см. Согд. сб. Полная публикация этих документов (транскрипция, перевод и комментарии): Лившиц, *Согдийские документы*; Боголюбов — Смирнова, *Согдийские документы*. — Б. С.>

¹⁵ <Географы X—XII вв. понимали под Согдом не только бассейн Зеравшана, но также долину Кашка-Дарьи. — Б. С.>

Представители различных религий пользовались различными алфавитами. У согдийцев буддисты приняли местный алфавит, манихеи и христиане применили к местному языку свои алфавиты. У тюрк-уйгуров мы видим тоже примеры употребления буддистами санскритского алфавита; но потом представители всех трех религий перешли к одному и тому же уйгурскому алфавиту. Некоторые манихейские памятники дошли до нас в двух редакциях, из которых одна написана манихейскими, другая — уйгурскими буквами. На двух известных литературных языках Восточного Туркестана, северном (в местности около Кучи) и южном (к востоку от Хотана), до нас дошли до сих пор только памятники буддийской литературы. Северный язык, по недоразумению получивший в немецкой и французской науке название «тохарский», принадлежит к числу индоевропейских, но не является ни иранским, ни индийским; какому исторически известному народу он принадлежит и какое место занимал этот народ в истории передвижения индоевропейцев, еще не выяснено¹⁶. Южный язык, имеющий, по видимому, больше прав на название «тохарский», по грамматическому строю принадлежит к иранским, по словарному составу больше примыкает к индийским¹⁷.

Среди находок, сделанных в Восточном Туркестане, до сих пор не было памятников той религии, которая была национальной религией иранцев как в Персии, так, по крайней мере, и в западной части Средней Азии — зороастризма. От зороастризма сасанидской Персии туркестанский зороастризм отличался некоторыми местными особенностями; на одну из таких особенностей указывают туркестанские оссуарии — глиняные гробики небольших размеров, с фигурными, частью рельефными изображениями, куда складывались кости трупа после отделения их от мяса (земля не должна была быть осквернена разложением трупа). Такие оссуарии были найдены только в пределах Русского Туркестана, от Катта-Кургана на Зеравшане до Пишпека в Семиречье; изображения представляют интерес как для истории религии, так и для истории искусства, указывая на сохранение традиций греческого искусства и на влияние искусства сасанидской Персии.

О религиозной жизни домусульманского Туркестана мы имеем и некоторые письменные известия, преимущественно для главного города, Самарканда; общины зороастрийцев, манихеев и христиан были в Самарканде еще в X в.; буддизм из Самарканда и других областей

¹⁶ <См. выше, стр. 112, прим. 7. Подробнее см. сборник «Тохарские языки». — Б. С.>

¹⁷ <Этот язык, большинство памятников которого найдено в районе Хотана и относится к периоду VII—X вв. н. э., в науке именуется обычно хотано-сакским. Это — язык саков, оставшихся на территории Центральной Азии близкий, по видимому, к диалекту саков-тохар, продвинувшихся в Бактрию. См. стр. 112, прим. 7, а также Bailey, *Languages of the Saka*. — В. Р.>

был вытеснен еще в домусульманский период, но оставался господствующей религией в Тохаристане (в обширном смысле слова) до победы ислама.

В своей политической жизни Туркестан распадался на множество мелких владений; самым сильным владельцем был самаркандский князь, носивший, подобно князю Ферганы, титул *ихшид*. Даже ихшиды были только первыми дворянами-землевладельцами и, подобно им, назывались *дихканами*. Дихканы жили в укрепленных замках, остатками которых являются так называемые жилые курганы, сохранившиеся во многих местностях Туркестана, и вполне сохраняли свое господствующее положение. В этом отношении Туркестан в VII в. н. э., несмотря на успехи торговли и промышленности, мало отличался от Туркестана IV в. до н. э.¹⁸ Размеры городов были невелики; об этом одинаково свидетельствуют письменные известия, китайские и мусульманские, и археологические памятники — городища. Городище Афрасиаб, соответствующее домусульманскому Самарканду, главному городу всей страны, занимает пространство меньше двух квадратных верст. Больших успехов достигла городская жизнь в буддийском Тохаристане: второстепенный Термез по пространству был равен Самарканду; Балх, древние Бактры, по всей вероятности, был значительно больше. Этим объясняется то значение, которое имел Балх в первые века ислама для культурной жизни не только Туркестана, но и всего мусульманского мира.

Князья находились в сильной зависимости от турецких ханов, иногда также от китайских императоров. В состав сасанидской Персии входила только часть нынешней Закаспийской области с Мервом; в некоторых местностях (в Самарканде, Бухаре и Хорезме) чеканились монеты сасанидского типа. Через посредство сасанидской Персии проявлялось влияние римской строительной техники; об этом свидетельствует такое сооружение, как самаркандский «свинцовый проток» (*джү-и арзиз*) — свинцовая водопроводная труба, проложенная под крышами базаров, каменной аркой и городским рвом, посредством которой вода была проведена в город.

¹⁸ <С этим утверждением В. В. Бартольда, отдававшего дань распространенной среди буржуазных историков концепции «извечного феодализма» на Востоке, нельзя согласиться. См. также ниже стр. 173 (*История культурной жизни Туркестана*), где В. В. Бартольд высказывает предположение о том, что общественный строй Согды в IV в. до н. э. был тот же, что и в VII в. н. э. Предположение В. В. Бартольда объясняется и слабой изученностью в его время древней истории Средней Азии. Советские исследователи придерживаются мнения, что в наиболее развитых в социально-экономическом отношении областях Средней Азии с VI—V вв. до н. э. по III—IV вв. н. э. господствовали рабовладельческие отношения, а в IV—V вв. н. э. происходил переход к феодализму. Последнюю дискуссию по этому вопросу см. МОНС, стр. 413—568, 585. — Б. С.>

<АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ТУРКЕСТАН
ПРИ САМАНИДАХ >

Арабское завоевание — первое после Александра и Селевкидов нашествие на Туркестан с запада — вновь присоединило часть Туркестана в политическом отношении к Передней Азии. К Хорасану, как называлась восточная окраина сасанидской Персии, арабами были присоединены области за Аму-Дарьей — Мавераннахр, букв. 'то, что за рекой', Заречье. Главным городом всего хорасанского наместничества был Мерв; главным городом Мавераннахра — Самарканд. Главными военными событиями были походы наместника Кутейбы ибн Муслима (705—715), взявшего в 712 г. Самарканд — одно из немногих событий истории арабского завоевания, о которых до нас дошли не только арабские, но и местные известия (в письме самаркандского князя в 712 г. китайскому императору) ¹. За помощью против арабов местные владельцы иногда обращались к турецким ханам и китайским императорам. В конце 30-х годов победы арабов над турками на Сыр-Дарье привели к окончательному распадению турецкой кочевой империи, хотя арабы и не преследовали кочевников в их степях; в 751 г. победа над китайцами в долине Таласа решила вопрос, которой из двух культур, переднеазиатской — мусульманской или дальневосточной — китайской, будет принадлежать господство в Туркестане. Сами арабы смотрели на Туркестан как на область, отнятую у китайских императоров.

Арабские походы простирались до Кашгара ² и до восточной части Сыр-Дарьинской области, завоевания — до восточных границ Ферганы, до долины Чирчика и Хорезма, вообще до границы культурных земель со степью. Для защиты от набегов кочевников долины Чирчика

¹ <См. Бартольд, *К истории арабских завоеваний*. Новые данные по истории арабского завоевания Средней Азии получены в результате исследования согдийских документов, найденных в 1932—1933 гг. на горе Муг, а также древнетюркских рунических надписей. См.: Крачковская — Крачковский, *Древнейший арабский документ*; Фрейман, *Датированные согдийские документы*; Лившиц, *Согдийский посол*; его же, *Два согдийских документа*; его же, *Согдийские документы*; Кляшторный, *Из истории*. См. также О. Смирнова. *К истории самаркандского договора*. — В. Р.>

² <Доходили ли арабы до самого Кашгара, остается неясным. — В. М.>

были построены в VIII в. длинные стены; такими же длинными стенами защищалась, например, область Самаркандская, т. е. Согд, в тесном смысле слова; некоторые остатки этих стен, в виде валов, сохранились до сих пор. Хорасанский наместник, или «эмир», назначался непосредственно халифом или верховным наместником восточной части халифата; наместники большей частью сменялись быстро, но пользовались своим кратковременным господством для приобретения недвижимой собственности, остававшейся потом в руках их потомков. Местные княжеские династии долгое время продолжали существовать и при арабском господстве, но находились в полном подчинении у хорасанского эмира; иногда в одной и той же области рядом с туземным князем был и арабский эмир.

В половине VIII в. из Хорасана вышло движение, которое привело к падению одной халифской династии — Омейядов, и воцарению другой — Аббасидов. Отряды из хорасанцев, т. е. среднеазиатских иранцев, впоследствии также из турок, составляли главную восточную опору аббасидских халифов; вельможи хорасанского происхождения занимали главные должности как в центре халифата, так, в особенности, на восточной окраине. Род Бармакидов, полновластных министров при первых аббасидских халифах, в IX в. получивших от халифа в управление отдельные области Мавераннахра, с 900 г. сделавшихся эмирами всего Хорасана, также происходил из Балха³, что указывает на значение этой области среди других. Бармак, предок Бармакидов, и Саманхудат, предок Саманидов, выдвинулись еще при хорасанском наместнике Асаде: в 725 г. Бармак по поручению Асада восстановил разрушенный при арабских завоеваниях Балх, куда были переведены жители построенного арабами соседнего города Барукана, едва ли не единственный в истории мусульманства пример, что построенный мусульманами город был покинут ради восстановления города домусульманского происхождения. Характерно, что такое торжество культуры побежденных над победителями было одержано именно в буддийской части Ирана; на тот же буддийский Иран указывают известия о возникновении типа мусульманской высшей богословской школы — медресе, о родине первых в Средней Азии мусульманских мистиков — суфиев, о возрождении в Средней Азии персидского языка и литературы. С другой стороны, буддийским, вообще среднеазиатским Ираном были усвоены в мусульманский период иранские государственные традиции, представителями которых считались как Бармакиды, так и Саманиды. Основа-

³ <В этой фразе, очевидно, пропуск. Речь идет не только о Бармакидах, но и о Саманидах (ср. ниже, стр. 222). Именно Саманиды получили в IX в. от халифа в управление отдельные области Мавераннахра, а с 900 г., после победы бухарского правителя Исма'ила над Амром б. Лейсом Саффаридом, Саманиды стали эмирами всего Хорасана. Новые данные о происхождении династии Саманидов см. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов.* — В. Р.>

тель могущества саманидской династии, Исма'ил (892—907), еще как правитель Мавераннахра жил в Бухаре, а не в главном городе Мавераннахра, Самарканде; Бухара оставалась местом пребывания Саманидов и после подчинения им областей к югу и западу от Аму-Дарьи, так что центр управления бывшим хорасанским наместничеством теперь был перенесен в область за Аму-Дарьей.

X век, век Саманидов, был периодом высшего расцвета арабской географической литературы. Главные произведения ее вошли в серию *Bibliotheca geographorum arabicorum* (BGA), издававшуюся голландским ориенталистом де Гук (8 томов); мы находим в них подробное описание всех областей мусульманского мира, с перечислением и описанием городов, рек, систем искусственного орошения, со сведениями о торговле, промышленности, обычаях, верованиях, даже о диалектических особенностях. Наши сведения о жизни Туркестана при Саманидах отличаются, таким образом, исключительной полнотой не только в сравнении с предшествующими, но и в сравнении с последующими эпохами.

Только благодаря арабским географам оказалось возможным опровергнуть теорию об изменении в Средней Азии климатических условий вследствие процесса высыхания. Подробные сведения о Туркестане X века показывают, что распределение культурных и степных областей тогда было приблизительно такое же, как теперь, т. е. что процесс высыхания, если он вообще происходит, совершается так медленно, что период в тысячу лет не имеет для него значения.

Из тех же сведений видно, что первые века ислама были для Туркестана эпохой быстрого прогресса. Туркестан VII века н. э. мало отличался от Туркестана IV века до н. э. и по степени развития культуры не мог бы выдержать никакого сравнения с сасанидским Ираном; Туркестан X века в этом отношении уже мало отличался от старых культурных областей. Особенно характерны факты, указывающие на значительное увеличение размеров городов, на успехи промышленности и торговли.

Арабы в Туркестане не строили новых больших городов, как в Персии (Шираз и Кум) и Закавказье (Гянджа, или Елисаветполь)⁴, но при них значительно увеличились размеры прежних. Сопоставление письменных известий с сохранившимися остатками прошлого дает ясную картину постепенного расширения таких городов, как Мерв, Самарканд и Бухара. Точно определяется первоначальное домусульманское городское поселение — шахристан (городище Гяур-кала в Мерве, городище Афрасиаб в Самарканде, внутренняя возвышенная часть Бухары), цитадель — *диз* 'крепость', или *кихендиз* 'старая крепость', отсюда *кундуз*, иногда внутри шахристана (как в Мерве и Самарканде), иногда вне его (как в Бухаре), предместья — *рабад*, окруженные

⁴ <Ныне город Кировабад Азербайджанской ССР.>

внешней стеной города (вал Гилякин-Чильбурч в Мерве, вал Дивар-и Киямат в Самарканде, современная стена Бухары).

Самарканд оставался и после перенесения столицы в Бухару самым многолюдным городом Туркестана, центром промышленности и торговли. От китайцев, взятых в плен в битве 751 г., самаркандцы научились выделывать тряпичную бумагу; из Самарканда бумага постепенно распространялась на запад и вытеснила как в мусульманском мире, так и в христианском прежний писчий материал — пергамент и папирус; с запада оказала влияние на Персию и через Персию на Туркестан текстильная промышленность; в Самарканде, Бухаре и Хорезме выделывались ткани, получившие название от египетских городов и городов персидской области Фарс. Известностью пользовались также ведарийские хлопчатобумажные ткани, выделывавшиеся в небольшом городе Ведаре, к северо-востоку от Самарканда, средоточии арабских поселенцев; из этого видно, что из арабов переселились в Туркестан не только воители за веру. Больше влияния на распространение городской жизни и промышленности имело, по всей вероятности, переселенческое движение из Персии: только им может быть объяснено исчезновение из равнинного Туркестана согдийского языка⁵, сохранившегося только в долине горной речки Ягноб, в двух говорах. Согдийский язык уступил место таджикскому, мало отличающемуся от языка Персии. Тазиками, или таджиками, первоначально называли арабов, по названию племени тай, одного из племен Северной Аравии; турки, по-видимому, понимали слово *таджик*⁶ в смысле 'мусульманин', 'человек мусульманской культуры' и применили его как этнографический термин к большинству известных им мусульман, т. е. к иранцам, <не> отличая от таджиков арабов. От жителей равнины по языку и в особенности по бытовым условиям резко отличались горцы гарча, или гальча⁷, от слова *гар* 'гора'; область горцев называли Гарчистаном. Как мало отличался в X в. язык Туркестана, по крайней мере язык образованного сословия, от языка Персии, видно из того, что поэты туркестанского происхождения, как Рудеки, могли занять выдающееся место среди

⁵ <В. В. Бартольд, по-видимому, переоценивал роль переселенцев из Персии в распространении персидско-таджикского языка в Средней Азии. Точных указаний на массовые переселения такого рода в источниках пока не обнаружено. Как отмечает В. А. Лившиц, можно считать установленным, что персидский язык на территории Средней Азии распространялся (из Хорасана) еще до арабского завоевания. Согдийский язык раньше исчезал в городских центрах; в сельских местностях согдийские диалекты удерживались, по-видимому, вплоть до монгольского завоевания. — В. Р.>

⁶ <Вопрос о происхождении этнического названия «таджик» от *tāzī* (араб.) и о связи между терминами *тази* (в значении 'араб') и *таджик* в применении к восточным иранцам окончательно не решен. Некоторые возражения взглядам Бартольда см. Боровков, *Филологические заметки*, стр. 50—53. Ср., однако, Лившиц, *Согдийские документы*, стр. 87—88. — В. Р.>

⁷ <О гарча, или гальча, в XIX в. по этнографическим данным см. ниже, стр. 457—459. — В. Р.>

персидских поэтов. В Хорезме народ еще продолжал говорить на своем языке, непонятном для прочих иранцев и употреблявшемся даже в письменных документах⁸; по-видимому, этот язык впоследствии был вытеснен не персидским, а турецким. Одна из особенностей хорезмийского костюма — высокие шапки — сохранилась у северных хивинцев и туркмен; остатком хорезмийского языка являются, несомненно, некоторые термины в области искусственного орошения (*арна* — большой канал, *яб* — малый канал), также сохранившиеся только у хивинцев и туркмен.

Уже в IX в. Мавераннахр считался чисто мусульманской страной и население принимало участие в священной войне с неверными; тогда же было положено начало местной богословской школе и преобладанию ханифитского толка; ученый Абу Хафс бухарский, умерший в 832 г., считается, как написано на его гробнице, «наставником ученых в Мавераннахре». Кроме еврейских общин, существующих и теперь, в X в. существовали общины зороастрийцев и христиан и небольшая община манихеев в Самарканде. Самаркандские зороастрийцы (*муги*) должны были наблюдать за исправностью «свинцового протока» и за это были освобождены от уплаты подушной подати, налагавшейся в мусульманских государствах на иноверцев; еще в XI в. упоминаются зороастрийцы в Бухаре и Хорезме. В X в. было христианское селение к югу от Сыр-Дарьи, на границе культурной полосы с Голодной степью; был также большой христианский монастырь к югу от Самарканда, в местности около Ургута, где в последнее время были найдены христианско-сирийские надписи; число христиан, однако, уже тогда уступало числу евреев. Среди самих мусульман сохранялись остатки прежних воззрений и обычаев; поэт Рудеки выражал в своих стихах чисто языческий взгляд на небо и землю, как на отца и мать людей; в Бухаре до половины X в. открыто продавались глиняные статуэтки, первоначально служившие идолами. В сельских местностях еще до сего времени сохранились остатки двоеверия, и среди народных масс, наряду с правоверным исламом, было распространено шиитство; одно из шиитских движений, вероятно из вражды к аристократии и союзному с ней духовенству, принял под свое покровительство саманидский эмир Наср (914—943), что было причиной его низложения.

Вообще установившийся при Саманидах новый строй жизни в X в. еще не одержал полной победы над старым: предместья, где находились базары и сосредоточивалось торгово-промышленное сословие, уже были многолюднее старых шахристанов, но везде по традиции настоящим «городом» продолжал считаться шахристан. Самостоятельность

⁸ <Документы на этом языке исследованы в работах А. А. Фреймана и В. Б. Хеннинга (см.: Фрейман, *Хорезмийский язык*; Henning, *Mitteliranisch*, S. 56 sq.). Ср. Оранский, *Введение*, стр. 210—212 и 420—421 (библиография). Об изучении хозяйственных документов конца III — начала IV в. н. э. см. ниже, стр. 459, прим. 20. — Б. С.>

князей и землевладельческой аристократии уступила место деспотическому строю переднеазиатского типа и бюрократической централизации; в столице Саманидов, Бухаре, вокруг площади Ригистан были расположены присутственные места, диваны, числом до десяти; но в некоторых местностях, как в Хорезме, оставались наследственные правители династий домусульманского происхождения; оставались и влиятельные дикканы; так, в Тункете (в долине Ангрена, к югу от Ташкента) жил сильный диккан, хотя уже не имевший политической власти, но все же продолжавший оказывать влияние на народ. По примеру аббасидских халифов Саманиды окружили себя гвардией из турецких рабов, составлявших их главную военную опору, но еще не было строго проведено, как впоследствии, разграничение между войском и народом; население еще сохраняло остатки своего прежнего воинственного быта и продолжало носить оружие. Из народных масс выходили отряды добровольцев, «борцов за веру», своего рода казачья вольница, защищавшая границы мусульманских владений против набегов турок, но в то же время представлявшая опасность для внутреннего порядка; об этих отрядах говорится, что они были в одно и то же время «опорой власти и предметом ее беспокойства». Беспокойным считалось и население главного центра городской жизни, Самарканда; по распоряжению правительства, из-за мятежного настроения жителей были разрушены ворота внешних стен этого города. На свою турецкую гвардию Саманиды также не могли вполне полагаться, особенно во время борьбы с войсками турецких ханов. Завоеванию турками государства Саманидов в конце X века содействовали измена предводителей турецкой гвардии и дикканов и пассивное отношение народных масс, также не сочувствовавших, по-видимому, ни деспотическим стремлениям Саманидов, ни бюрократической централизации, тем более, что содержание гвардии и чиновников было невозможно без увеличения налогов.

Новому завоевательному движению среднеазиатских варваров на культурные области предшествовало, как всегда, некоторое вовлечение варваров в сферу влияния культуры. Торговля с кочевниками приносила выгоду и культурному населению, получавшему от кочевников продукты скотоводства, особенно мясо и лошадей; еще более нуждались кочевники в произведениях своих культурных соседей — в хлебе и, в особенности, в предметах одежды. Везде, где происходила торговля кочевников с оседлыми народами — на границах Китая, мусульманского мира и России — кочевники сами пригоняли свои стада к пунктам пограничной торговли, не дожидаясь, пока торговцы приедут в их степи. Кроме нужных им товаров, кочевников привлекали удобные для зимовок местности вдоль берегов больших рек, поросших камышом. Приход кочевников для торговли на зимовку мог обращаться в грабительский набег, против чего принимались меры в виде постройки рабагов (не смешивать со словом *рабад*) — укрепленных жилищ погранич-

ной казачьей вольницы, борцов за веру. Саманидское правительство даже отвело по среднему течению Сыр-Дарьи земли для турецких поселенцев, обязавшихся защищать границу против своих языческих соплеменников. Кроме того, торговцы из мусульманского Туркестана знакомили с мусульманской культурой отдаленные⁹ области, отчасти пользуясь теми путями, которые были проложены до них согдийцами. Главными путями по-прежнему оставались пути в Китай, от которых отходили пути на север, к ставкам некоторых кочевых ханов: от Таласа (ныне Аулие-Ата) шли 81 день до главной ставки кимаков на Иртыше; из местностей около Турфана шел путь в сторону киргизов, в бассейн верхнего Енисея. Из китайских источников известно, что в первой половине X в. мусульманские купцы проникали даже в Восточную Монголию, на Орхон. В ставку кимаков вел еще другой путь, от низовьев Сыр-Дарьи; эта местность не входила в состав саманидских владений, но там были основаны торговые колонии переселенцами из государства Саманидов, по-видимому частью из местности по среднему течению Сыр-Дарьи, где пограничным укреплением саманидского Мавераннахра был Сауран, частью из Хорезма. Хорезм был обязан своим богатством исключительно торговле с кочевниками, по-видимому получившей при исламе значительное развитие; эта торговля сосредоточивалась в северной части Хорезма, с городом Гурганджем (ныне Куля-Ургенч), составлявшей в X в. особое владение, независимое от домусульманской династии хорезмшахов, в руках которой оставалась только южная часть области. Торговцами из Гурганджа ислам и мусульманская культура были перенесены на берега Волги, где волжские болгары сделались мусульманами, а в стране хазар была гвардия из мусульман-хорезмийцев. По-видимому, хорезмийцы и до окончательного утверждения в их стране ислама поступали на службу к хазарам, так как во время набега хазар на мусульманские владения за Кавказом в 764 г. во главе хазарского войска стоял хорезмиец. Как тесна была связь между государством Саманидов и Поволжьем, видно из того, что халифское посольство 921—922 гг., путешествие которого было описано Ибн Фадланом, ездил на Волгу из Багдада не ближайшей дорогой, через Кавказ, а круглым путем, через Бухару и Хорезм¹⁰. Благодаря выгодной торговле с кочевниками эмиры Гурганджа усилились настолько, что овладели в конце X в. южной частью Хорезма и перенесли титул хорезмшахов на свою династию. Несколько лет спустя династия Саманидов погибла в борьбе с мусульманскими турками.

Успехи мусульманской торговли в то время не всегда сопровождались успехами ислама как религии. В отличие от буддизма, христианства и манихейства ислам тогда еще не был миссионерской религией;

⁹ <В первом издании, по-видимому, опечатка: «отдельные». — Ю. Б.>

¹⁰ <О причинах выбора такого маршрута см. ниже, стр. 833, прим. 36.>

распространение его считалось делом государства, а не отдельных лиц; мусульмане, совершавшие путешествие с торговой целью, не вели религиозной пропаганды. В VIII в. на китайском языке была литература буддийская, христианская и манихейская, мусульманской же литературы не было, хотя известия письменных источников показывают, что приезжих мусульман в Китае тогда было не меньше, чем представителей других переднеазиатских религий. Таким образом, успехами мусульманской торговли в Средней Азии больше, чем мусульмане, воспользовались для миссионерских целей христиане и манихеи; главные успехи обеих религий среди народов Средней Азии относятся уже к мусульманскому периоду. Пропаганде ислама подвергались преимущественно ближайшие соседи мусульманского мира, в связи с политическим и культурным влиянием мусульманских держав. Независимо от государственных целей, велась пропаганда ислама мистиками-дервишами, едва ли не единственными представителями миссионерства, внешнего и внутреннего, в мусульманском мире. Шейхи дервишских орденов всегда имели большие успехи в степи, чем в культурных областях, но довольствовались своими успехами в ближайших степях и не совершали обширных миссионерских путешествий.

По представлению географов первой половины X в., границы распространения ислама на северо-востоке совпадали с границами саманидского государства. Турки везде противопоставляются мусульманам, за исключением турок на Сыр-Дарье, принявших ислам и вместе с тем сделавшихся подданными Саманидов. Пунктом пограничной торговли на северо-востоке оставался Талас, на реке того же имени, завоеванный Саманидами еще в 893 г., причем была обращена в мечеть «главная церковь», из чего видно, что пропаганде ислама здесь предшествовала пропаганда христианства. Едва ли, однако, вполне соответствуют действительности слова географа Ибн Хаукаля, что никто из мусульман не проникал дальше Таласа, так как за этим городом начинаются кочевья турок-карлуков. Совершенно иную картину рисует географ второй половины X в. Макдиси: в поселениях к востоку от Таласа тогда уже были мечети; в Мерке, как некогда в Таласе, в мечеть была обращена церковь; около того же поселения одним из саманидских вельмож был выстроен рабат. К 960 г. историки относят первый пример принятия ислама многочисленным турецким народом (200 000 шатров), причем ничего не говорится о войне за веру; по-видимому, можно установить связь между этим фактом и пребыванием при дворе турецкого хана именно в то время мусульманского ученого из Хорасана, Келимаги. Известие о принятии ислама турками и о путешествии Келимати относится, вероятно, к тому турецкому ханству, с городами Баласагуном, в долине реки Чу, и Кашгаром, откуда произошло в конце X в. нападение на государство Саманидов. Южная часть Семиречья и северо-западная часть Восточного Туркестана, хотя и разделены высоким снеж-

ным хребтом, у кочевых народов часто входили в состав не только одного государства, но и одного удела, так как в Восточном Туркестане нет необходимых для кочевников пастбищ. Высокие горы были, однако, преградой для движения войск; как все другие нашествия кочевников на культурные области Туркестана, нападение турок на государство Саманидов было произведено с северо-востока, из Семиречья, а не из Кашгара. В истории Кашгар чаще подвергался завоеванию из Ферганы, чем наоборот.

<III>

<КАРАХАНИДЫ, СЕЛЬДЖУКИ, КАРА-КИТАИ И ХОРЕЗМШАХИ>

Турецкий народ, завоевавший владения Саманидов, не сохранил достоверных преданий о том, как и при каких условиях им был принят ислам; о первом государе, принявшем ислам, Сатук Богра-хане, могилу которого до сих пор показывают в одном селении к северу от Кашгара, существуют только легендарные известия. Так же быстро были утрачены этими турками все воспоминания о своем домусульманском культурном прошлом. Некоторое время наряду с арабским алфавитом продолжали употреблять унаследованный от домусульманских времен уйгурский; потом этот алфавит был забыт; употребление его возобновилось только в период владычества монголов, получивших его от немусульманского населения Восточного Туркестана. В государственной терминологии, особенно в ханских титулах, сохранялись некоторые следы степных и вообще домусульманских традиций; так, некоторые мусульманские ханы называли себя китайскими императорами (по-турецки *табгач-хан*, или *тамгач-хан*), хотя их владения не простирались ни на Китай, ни даже на пограничные с Китаем области. Но литература мусульманских турок сложилась всецело под влиянием мусульманских, особенно персидских, образцов; более раннее ознакомление турок с китайской культурой, буддизмом, манихейством и христианством не оставило в этом отношении никаких следов. Этим и объясняется сухость, бессодержательность и слабое распространение в народе турецких подражаний по сравнению с их образцами. Достаточно сравнить дидактическую поэму *Кудатку* (или *Кутадеу*) *билик*, составленную в 462/1069-70 г. Юсуфом Баласагунским для кашгарского хана (автор говорит, что его произведение было первой книгой на турецком языке, тогда как у арабов и персов книг было много), с написанным в 1082 г. дидактическим произведением *Қабус-наме*, впоследствии трижды переведенным на турецкий язык. Персидский автор излагает свои поучения в живом рассказе и подкрепляет их примерами из истории, значительно увеличивающими интерес его книги; в *Кутадеу билик* действующие лица — безжизненные аллегорические фигуры (справедливость олицетворена в лице государя, счастье — в виде везира, ум — в виде сына

везира, довольство — в виде брата везира). До сих пор приведено в известность очень небольшое число списков *Кутадгу билик*¹; однако находка, сделанная в 1909 г. в Сарайчиковском поселке при устье Урала (глиняный кувшин с надписями, заключающими в себе перифраз некоторых стихов *Кутадгу билик*), заставляет полагать, что это произведение было все же несколько популярнее, чем можно было бы думать по количеству дошедших до нас списков.

Завоевание государства Саманидов мусульманскими турками началось с северо-востока; прежде всего был занят округ Исфиджаба, т. е. нынешний Чимкентский уезд; в 992 г. турецкие войска в первый раз вступили в Бухару, откуда, однако, в тот же год были вынуждены уйти. По договору 996 г. Саманиды были вынуждены уступить туркам все свои владения к северу от бассейна Зеравшана; в 999 г. во власть турецкого хана перешли также Самарканд и Бухара; последний саманидский претендент погиб в 1005 г., после нескольких неудачных попыток восстановить власть своей династии. Как далеко на восток простиралось господство этих турок, в источниках не говорится. Еще в 998 г. кашгарский хан Арслан-хан Али погиб «мучеником» в борьбе за веру; место его гибели теперь еще указывают к северо-востоку от Янги-Хисара; из этого можно сделать вывод, что область распространения ислама и господство мусульманских турок в то время кончались в небольшом расстоянии к востоку от Кашгара.

В X и XII веках области по обе стороны главного хребта Тянь-Шаня были объединены под властью одной династии, известной в истории под названием Караханидов, или илек-ханов, но не под властью одного правителя. Как все государства кочевых и полукочевых народов, государство Караханидов разделялось на уделы, скоро превратившиеся в самостоятельные владения, границы которых постоянно менялись и между которыми происходили частые войны. Уже в XI в. исчезают все признаки хотя бы номинальной верховной власти главы династии; в разных городах правят одинаково независимые владельцы, с одинаково громкими титулами. В первое время после завоевания правитель Западного Туркестана носил титул *илек*, считавшийся, по-видимому, ниже титула *хан*. Первый илек жил и был похоронен в Узгенде, пограничном городе Ферганы; потом, после укрепления власти турецких завоевателей, илеки перенесли свое местопребывание в центральный город области, Самарканд, где еще в XI в. приняли ханский титул. Узгенд, при Саманидах сравнительно небольшой город — он равнялся $\frac{2}{3}$ Оша (теперь селение Андижанского уезда², хотя и не лишенное торгового значения), был, таким образом, некоторое время местопребыванием владельца всего Мавераннахра; после переезда илеков в

¹ <См. выше, стр. 45, прим. 1.>

² <Ныне город Узген, районный центр Ошской области Киргизской ССР.>

Самарканд он оставался местопребыванием владетеля Ферганы до постройки монголами в конце XIII в. Андижана. К этой лучшей поре Узгенда относятся сохранившиеся в нем до сих пор постройки, в том числе минарет высотой в 9 сажен. Близ него находится мазар, т. е. надгробный мавзолей, где будто бы, по местному преданию, похоронены первый илек и даже сельджукский султан Санджар (ум. в 1157 г.), гробница которого в действительности находится в Мерве. Из надписи на мавзолее видно, что он построен несколько позже, в конце XII в.; во всяком случае узгендские постройки представляют интерес ввиду немногочисленности сохранившихся в Туркестане памятников домонгольской эпохи. Владетель Ферганы большею частью был независим от Самарканда, хотя самаркандские ханы имели притязание на верховную власть над всем Мавераннахром и в конце XII в. называли себя «султанами султанов». Бухара, столица Саманидов, при Караханидах не была ханским городом, хотя некоторыми ханами и там воздвигались постройки, из которых наиболее известен минарет Арслан-хана (высотой в 52 м), построенный в 1127 г.

Завоевание страны турками и принесенная завоевателями удельная система сравнительно мало отразились на состоянии культуры; перерыва в культурном развитии не было; исторические процессы, которые можно проследить в саманидскую эпоху, получили дальнейшее развитие при Караханидах. Падение саманидского государства на короткое время подняло значение землевладельческой аристократии, дикканов; об этом свидетельствует появление монет илакского диккана, при Саманидах не имевшего владельческих прав, и упоминание, в рассказах о войнах Караханидов, особого отряда дикканов Мавераннахра. Но вскоре дикканы утратили даже то значение, которое еще сохраняли при Саманидах; в рассказах о политических событиях XII и XIII вв. дикканы уже больше не упоминаются; во время обороны Туркестана от монгольского нашествия такой рыцарской конницы, судя по молчанию источников, уже не было. Вероятно, дикканы принимали участие в той борьбе между престолом и военной аристократией (главными представителями последней были начальники турецкой гвардии), которая при Караханидах велась с большим ожесточением, чем при их предшественниках; ханы пользовались против аристократии поддержкой народных масс, аристократия имела на своей стороне духовенство. Особенно характерно низложение и убиение в 1095 г. начальниками турецкой гвардии, по приговору духовенства, популярного среди народных масс самаркандского хана Ахмеда. На разложении сословия дикканов должны были также отразиться дальнейшие успехи городской жизни, торговли и промышленности. В XI в., при Караханидах, завершился начавшийся со времени завоевания процесс перехода жизни из старых «шахристанов» в пригороды, где находились базары, обращение прежних «городов» в «предместья» и «предместий» в «города»; города

получили тот вид, который они сохранили до настоящего времени, с главными улицами от ворот к центру, базарными лавками вдоль этих улиц и центральным куполом рынка (*чарсу*) в месте их пересечения. Тот же процесс мы видим в тех городах нынешнего Туркестана, которые в состав владений Караханидов не входили, например в Мерве. В Бухаре образовалась своего рода аристократическая городская республика, во главе которой стояли садры, т. е. духовные сановники, из «дома Бурхана», представлявшие интересы богатого класса. Власть садров была уничтожена в начале XIII в. не ханами, а народным движением, во главе которого стоял человек из класса ремесленников.

Происходившие в государстве Караханидов внутренние междоусобия были использованы внешними врагами, вследствие чего династия уже в XI в. утратила свою независимость, хотя сохранила свое существование до начала XIII в. При падении государства Саманидов часть его, расположенная к югу от Аму-Дарьи, перешла под власть другой династии, прежде находившейся в вассальной зависимости от Саманидов и получившей в истории название «Газневиды», по имени своего главного города, Газны (в нынешнем Афганистане, к югу от Кабула). Главному представителю этой династии, султану Махмуду (998—1030), удалось отразить нападение Караханидов на области к югу от Аму-Дарьи, сохранить под своею властью Балх и до некоторой степени подчинить себе тяготевшие к Балху восточные области современной Бухары; таким же образом им был завоеван подчинившийся прежде Саманидам Хорезм. Преемники Махмуда были вытеснены из Персии и северной части Афганистана нашествием другого турецкого народа, туркмен, живших прежде на низовьях Сыр-Дарьи, откуда они еще в X в. двинулись на юг и в XI в. перешли через Аму-Дарью. Туркмены находились на более низкой степени культуры, чем завоеватели саманидского Туркестана, до принятия ислама не имели письменности и совершили свое завоевательное движение не под главенством ханской династии; в Персию сначала пришли разрозненные толпы туркменского народа, потом отряды под начальством беков (князей), потомков туркменского предводителя Сельджука. Царский титул был принят ими уже в Персии, где они стали называть себя «шахами» и «султанами»; этот последний титул (первоначально означавший не единоличного правителя, но коллективное понятие правительственной власти) был впервые введен ими в официальный обиход и в надписи на монетах, в чем им потом подражали Газневиды и Караханиды. Эти «сельджукские турки», или «турки-сельджуки», постепенно подчинили себе всю мусульманскую Азию. Уже после укрепления своей власти в Персии и Месопотамии они обратились на восток, завоевали Хорезм и те области по нижнему течению Сыр-Дарьи, откуда они некогда вышли, и подчинили своей верховной власти Караханидов, до кашгарского хана включительно.

Ими была создана идея «султана ислама» как верховного светского правителя всего мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой мусульман, освящающим власть султана своим религиозным авторитетом.

Однако в империи сельджукских султанов, несмотря на все старания их персидских министров, в особенности знаменитого Низам аль-мулька (убит в 1092 г.), не был проведен принцип государственного единства. Родственники султана получали в управление обширные области, передавали в них власть по наследству и не всегда подчинялись власти главы династии; иногда титул султана носили в одно и то же время несколько лиц. Султан Санджар (1118—1157) при жизни своих братьев, Баркьярука и Мухаммеда, был правителем Хорасана и жил на востоке, чаще всего в Мерве, и после того как сделался главой династии. На западе в то время носили титул султана другие царевиичи; власть Санджара над этими областями была только номинальной, хотя попытки открытого мятежа им успешно подавлялись; в то время, когда в Багдаде и в Западной Персии правил его племянник-султан Мас'уд (1133—1152), Санджар не заходил на запад дальше Рея (к востоку от Тегерана). При таких условиях «султан ислама» был вынужден уступить верховную власть над владениями Караханидов новым завоевателям, пришедшим с Дальнего Востока, и Туркестан впервые после распространения в нем ислама подчинился власти мусульманского народа.

С начала X в., после падения Танской династии, северные области Китая вновь перешли во власть инородческих династий, принимавших китайский императорский титул. Первой из таких династий был дом Ляо (916—1125), вышедший из народа китаев, которому обыкновенно приписывают тунгусское происхождение, но приводились также доводы в пользу мнения, что китаи были монголами³. Уже первые правители из дома Ляо прочно утвердили свою власть в Маньчжурии, Монголии и Северном Китае и подчинились влиянию китайской культуры. От народа китаев Поднебесная империя получила новое название, удержавшееся до сих пор у монголов и русских; мусульмане и, по их примеру, западные европейцы прилагали название Кета (Хита) или Ката (Хата) только к Северному Китаю, сохранив за Южным Китаем, оставшимся до монгольского завоевания под властью национальных династий, старое название Чин (у арабов Син). Владычество китаев имело существенное влияние на этнографический состав населения Монголии (вытеснение из этой страны турецких элементов и занятие ее монголами) и на бытовые условия жизни кочевых народов (замена прежнего культа востока китайским культом юга, с обращением в эту сторону жилищ кочевников).

³ <О взглядах современных ученых на происхождение кара-китаев и на их язык см. выше, стр. 48, прим. 2. — В. Р.>

Еще в XI в. туркестанским мусульманам приходилось отражать нашествие немусульманских народов с востока, причем среди этих народов называют и китаев. Более значительное движение китаев на запад произошло после завоевания в 1125 г. государства Ляо другими выходцами из Маньчжурии, чжурчжэнями⁴. Часть китаев, или, как их называли мусульмане, кара-китаев (черных китаев), под предводительством одного из родственников прежней династии покинула свою родину и перешла в западную часть Средней Азии. В письме султана Санджара везиру халифа, написанном в июле 1133 г., говорится о победе кашгарского хана в нескольких днях к востоку от Кашгара над «кафиром», пришедшим несколькими годами раньше из «отдаленнейшей части Туркестана»; сам предводитель кафиров был взят в плен. Речь идет о победе владетеля Кашгара Арслан-хана Ахмеда над войском кара-китаев; историк Ибн ал-Асир относит эту битву к 1128 г.; вероятно, она произошла несколькими годами позже. Движение кара-китаев через Восточный Туркестан, таким образом, потерпело неудачу; зато увенчалось успехом движение северным путем, через области к северу от Тянь-Шаня. После оставления своей родины кара-китаи впервые прочно обосновались в Тарбагатае, где ими был построен город Эмиль, близ современного Чугучака; численность их в то время доходила до 40 000 шатров. Первым мусульманским владетелем, которому пришлось иметь с ними дело, был баласагунский хан, обратившийся к ним с просьбой о помощи против враждебных ему турецких предводителей. Кара-китаи победили врагов хана, но овладели Баласагуном для себя и лишили местного правителя ханского титула. Долина реки Чу оставалась и после местопребыванием кара-китайского государя, носившего титул гурхан; по словам мусульманских авторов, это слово значило «хан ханов»⁵. Китайские историки причисляют гурханов к китайским императорам, приводят китайские названия «годов правления» каждого из них и называют их династию «западными Ляо». Насколько известно, это — единственный в истории пример сохранения китайского императорского титула за инородческой династией, вытесненной из пределов Китая; в XIV в. династия Юань, как официально называли в Китае монгольскую династию, считалась прекратившейся после вытеснения монголов из Китая, хотя прямые потомки последнего императора этой династии еще некоторое время господствовали в Монголии.

С берегов Чу гурхан постепенно подчинил своей власти Караханидов как Восточного, так и Западного Туркестана. О битвах с кашгарским ханом сведений нет; сын Арслан-хана Ахмеда, Ибрахим-хан, называется «мучеником» (*шахид*); возможно, что он пал в сражении с

⁴ <Ср. выше, стр. 49, прим. 4 и далее.>

⁵ <Ср. выше, стр. 50, прим. 9 и 10.>

кара-китаями. Гурхану подчинились и немусульманские области восточного Тянь-Шаня. Самаркандский хан Махмуд уже в 1137 г. был разбит кара-китаями при Ходженде, но кара-китаи по каким-то причинам не воспользовались тогда своим успехом для завоевания Мавераннахра. В 1141 г. гурхан вмешался в междоусобия в Мавераннахре, как прежде в Баласагуне, только на этот раз он принял сторону турецкой военной аристократии, так как Махмуд-хан обратился за помощью к своему дяде, султану Санджару. 9 сентября 1141 г. войско султана было разбито в Катванской степи, к северу от Самарканда; мусульмане будто бы потеряли убитыми до 30 000 человек. Самаркандский хан бежал вместе с султаном в Хорасан; его брат и преемник Ибрахим сделался данником гурхана.

Слухи о поражении могущественнейшего мусульманского султана в битве с немусульманами дошли до крестоносцев, сражавшихся тогда с мусульманами в Сирии и северной Месопотамии, и вызвали появление легенды о христианском царе-священнике Иоанне⁶; полагали, что христианский царь, нападающий на мусульман с востока, дойдет до Иерусалима и там поможет своим единоверцам одержать окончательную победу над врагами христианства; уже в 1145 г. рассказывали, что он дошел до Тигра. В действительности кара-китаи не задавались широкими завоевательными целями и довольствовались подчинением ближайших мусульманских областей, до Бухары и Хорезма включительно. Даже город Термез, на правом берегу Аму-Дарьи, оставался в руках сельджукского султана.

Государство кара-китаев во многом отличалось от обычного типа кочевых империй. Кара-китаи продолжали вести кочевой образ жизни, но в большей степени, чем другие кочевые завоеватели, восприняли китайскую культуру; в их государстве господствовала китайская система подворного обложения: с каждого дома взимали по одному динару (около 5 руб.). Кроме того, о первом гурхане говорится, что он никому не раздавал уделов и никому не отдавал под начальство более 100 человек. И впоследствии мы в государстве гурханов не видим признаков существования удельной системы, но не было и единства государственного управления: везде продолжали существовать, в качестве вассалов гурхана, прежние местные династии, причем наблюдаются в одно и то же время все три формы вассальной зависимости, которые мы находим впоследствии в разных периодах истории монгольского владычества в России. Во многих местностях рядом с местным владельцем был постоянный представитель гурхана; в некоторые области, например в Хорезм, представители гурхана приезжали только от времени до времени для сбора дани; наконец, бухарский садр в кача-

⁶ <Библиографию основных работ, посвященных этой легенде, см. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 498—499. — В. Р.>

ле XIII в. сам отвозил дань в орду турхана, как впоследствии московский князь в Золотую Орду (в половине XII в. в Бухаре был наместник турхана, которому было предписано во всем поступать по совету садра).

Во второй половине XII в. пределы господства кара-китаев, по сравнению с эпохой султана Санджара, несколько расширились; их верховной власти подчинился теперь не только Термез, но и Балх. Но вообще кара-китаи не заботились о дальнейших завоеваниях и даже не принимали мер против усиления войн мусульманских вассалов и соседей⁷, которыми потом поднималось знамя войны за веру. Со смертью султана Санджара (1157 г.) прекратилось могущество сельджукской династии на востоке; в Средней Азии после этого были склонны считать «султанами ислама», в обязанности которых входило освобождение, по мере возможности, мусульман от владычества неверных, сначала сельджукских султанов Западной Персии, потом — усилившуюся в Афганистане династию Гуридов, наконец — хорезмшахов, наследственных сельджукских наместников Хорезма.

Конец XII века и начало XIII века — существенный период в истории Хорезма, когда эта область сделалась ядром сильного государства и когда ее правители могли предъявлять притязание на первенство в мусульманской Азии. Уже хорезмшах Текеш⁸ (1172—1200) одержал победу над своими мусульманскими соперниками; в битве с ним пал в 1194 г. последний сельджукский султан Западной Персии Тогрул. Текеш и его предшественники несколько раз начинали войну с кара-китаями, но без особенного успеха; даже сын и преемник Текеша, Мухаммед (1200—1220), в первые годы своего царствования, во время борьбы с Гуридами, продолжал платить дань кара-китаям и пользовался их помощью. Впоследствии он, однако, объявил себя освободителем мусульман от владычества неверных и в 1210 г. на берегу Таласа разбил войско кара-китаев. Победа не была решительной; тем не менее она доставила громкую славу султану, который после этого принял титул «второго Александра» и «султана Санджара» и стал мечтать о завоевании Китая и образовании мировой империи. Эти мечты о мировом владычестве не осуществились как вследствие противодействия внешних врагов, так и потому, что не встретили сочувствия среди мусульманских подданных султана. Идея великодержавия в то время вообще не была популярна в мусульманском мире. В истории мусульманского мира мы не находим той связи, как впоследствии в истории Западной Европы, между возвышением политического могущества и успехами торговли и культуры. Внутри мусульманского мира политическое распадение несколько не ослабило культурных связей между

⁷ <Так в тексте В. В. Бартольда. Имеются в виду, очевидно, войны между Караханидами — вассалами кара-китаев — и Сельджукидами и хорезмшахами. — Ю. Б.>

⁸ <Тәкеш, возможно — Түкиш. — В. М.>

отдельными областями. Не было больше единого политического и культурного центра, каким был Багдад, но образование целого ряда соперничавших между собой столиц, причем каждый местный князь старался окружить себя деятелями литературы и науки и этим возвысить блеск своего двора, только содействовало успехам культуры⁹. Внешний мир уже не мог быть для мусульман целью военных предприятий, но мусульманские торговцы и культурные деятели без всякой правительственной поддержки проникали гораздо дальше, чем могли бы проникнуть мусульманские военные отряды. В XII в. представители мусульманской военной касты были на службе в одно и то же время и у Половцевских ханов южной России, и у маньчжурских императоров Северного Китая. Победители среднеазиатских мусульман, кара-китай, не приняли ислама, но и при дворе их государей имели успех деятели мусульманской культуры; министром последнего гурхана был мусульманский купец Махмуд-бай. Мусульманские купцы ездили в Восточную Монголию; в их руки перешла даже торговля между Монголией и Китаем. Торговля была меновой и, по-видимому, не пострадала от расстройства денежной системы в Мавераннахре¹⁰, где с XI до XIII в. дирхемы (так называлась серебряная монета) чеканились из меди, т. е. были введены своего рода медные ассигнации. Деятельность мусульманских специалистов по искусственному орошению создала в монгольском эпосе образ богатыря Сартактая (*сартактай* по-монгольски значило 'иранец', представитель мусульманской культуры), строителя чудесных запруд и плотин.

Султан Мухаммед не приобрел расположения даже освобожденных им жителей Туркестана. В Бухаре он принял сторону представителей аристократии; предводитель народного движения, Мелик (князь) Санджар был увезен из Бухары в Хорезм; глава аристократии, садр, мог вернуться в Бухару, но впоследствии садр тоже был низложен и отправлен в Хорезм. Еще хуже было отношение Мухаммеда к Караханидам. Хорезмский гарнизон, оставленный в Самарканде, вызвал против себя такое раздражение, что «султан султанов» Осман, в полном согласии со своим народом, восстал против своих освободителей и вновь сблизился с кара-китаями. Мухаммеду пришлось усмирять потоками крови только что освобожденное им население; династия Караханидов, сохранявшая свою власть при кара-китаях, была истреблена. Жители города Баласагуна в Семиречье после битвы при Галасе ждали

⁹ <Отмечая здесь важный исторический факт развития культуры в странах и областях, приобретавших все большую самостоятельность в связи с упадком власти халифов, В. В. Бартольд односторононе отмечает только образование ряда столиц и меценатскую деятельность правителей как обстоятельства, содействовавшие успехам культуры, не указывая на развитие экономики (в частности, рост городов — не только столиц — как хозяйственных и культурных центров), на роль возрождения местных традиций и т. д. — В. Р.>

¹⁰ <См. Давидович, *Город*. — В. Р.>

к себе освободителя и закрыли ворота перед кара-китайскими войсками, но Мухаммед обманул их ожидания, и город был взят кара-китаем. Около того же времени в Семиречье и Кашгарии появились отряды «татарских» кочевников из Монголии, под влиянием смут, происходивших там в начале XIII в. и закончившихся объединением страны под властью Темучина, принявшего титул Чингиз-хан.

< IV >

< МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ >

Образование империи Чингиз-хана было связано не только с политической борьбой между отдельными народами и племенами, но и с сословной борьбой между степной аристократией и народными элементами. Чингиз-хан был представителем аристократии; простой народ объединялся вокруг его соперника Джамухи, принявшего титул *гурхан*, вероятно в подражание кара-китаем. Джамуха возбуждал против Чингиз-хана одного врага за другим; Чингиз-хан и его сторонники вышли победителями из всех этих войн; по монгольским преданиям, Джамуха был взят в плен и казнен после победы Чингиз-хана над жившими в Забайкалье мергитами зимой 1204/5 г.; мусульманский историк Джувейни говорит, однако, о каком-то богатыре Гурхане¹, который ушел от Чингиз-хана к мусульманам и был убит при взятии монголами Бухары в 1220 г. Из этого можно заключить, что Джамуха после своих неудач в Монголии нашел убежище в Туркестане.

Под влиянием происходивших в Монголии событий произошло движение в степи Туркестана «татар» — слово, которое тогда было народным названием монголов; так впоследствии одинаково называли монгольских завоевателей китайцы, мусульмане и европейцы. Борьба в Монголии окончилась только в 1208 г., когда были окончательно разбиты мергиты и жившие в Западной Монголии найманы; те и другие сначала направились на юг, в страну уйгуров, откуда издавна вел торговый путь в Монголию; кроме того, найманы находились под культурным влиянием уйгуров; в их стране Чингиз-хан ознакомился с уйгурской письменностью, которую ввел среди своего народа.

Тем не менее глава уйгуров, носивший титул *идикут*, в 1209 г. выступил против беглецов, нанес им поражение, отложился также от кара-китаев, от которых прежде находился в вассальной зависимости, и изъявил покорность Чингиз-хану. Находившийся во главе найманов Кучлук тогда перешел в непосредственные владения кара-китайского гурхана, вероятно в южную часть Семиречья; мергиты направились более северным путем и впоследствии, в 1216 г., были уничтожены вой-

¹ <Вариант: Гбк-хан. — В. М.>

сками Чингиз-хана в Тургайской области². С преследованием мергитов, вероятно, было связано появление отряда этих войск в северной части Семиречья в 1211 г.; мусульманский владетель этой местности, Арсланхан карлукский, последовал примеру языческого уйгурского идикута, отложился от кара-китаев и подчинился Чингиз-хану. Дальнейшие успехи монголов на западе были задержаны на несколько лет начавшейся в том же 1211 г. войной между Чингиз-ханом и владевшей Северным Китаем династией Цзинь. Благодаря этому могло просуществовать несколько лет государство, образованное в Средней Азии Кучлуком.

По некоторым известиям, Кучлук сначала сблизился с гурханом, которым был принят, как сын; есть также известия, что он находился в союзе с султаном Мухаммедом и другими представителями мусульманского движения. Его дальнейшие действия во всяком случае свидетельствуют о разрыве как с гурханом, так и с мусульманами. Гурхан был им взят в плен и фактически низложен, хотя продолжал до своей смерти пользоваться внешними почестями государя, а Кучлук действовал от его имени.

Столкновение с Мухаммедом произошло, по-видимому, на почве раздела империи кара-китаев; враждебные действия происходили на Сыр-Дарье и в Кашгарии. Снова до крестоносцев дошли вести о нападении на мусульман с востока; на этот раз враг мусульман действительно был христианин: Кучлук, и по мусульманским источникам, вместе с большинством найманов, исповедовал христианство, хотя в империи кара-китаев совратился в идолопоклонство, вероятно в буддизм или китайский государственный культ. При таких условиях вполне естественно, что на Кучлука была распространена легенда о царе-священнике Иоанне. Тем же рассказам крестоносцев мы обязаны вполне правдоподобным известием, что с Кучлуком, через посредство нестрианского патриарха, искал сближения сам глава ислама, багдадский халиф Насир, на почве общей вражды к «султану ислама», который, подобно своим предшественникам, требовал от халифа, чтобы он в самом Багдаде отказался в пользу султана от светской власти.

Кучлук вел борьбу с мусульманами и внутри своей державы. В то время, когда он еще считал мусульман своими союзниками, он освободил из заключения кашгарского хана, которого называл своим другом и который был посажен в тюрьму гурханом, очевидно, во время мусульманского восстания; по прибытии в Кашгар хан был убит местной аристократией; мстя за своего друга, Кучлук четыре года сряду опустошал Кашгарскую область и, наконец, заставил жителей покориться.

После этого он уже выступил врагом мусульман; в первый и по-

² <К востоку от Аральского моря. — В. М.>

следний раз со времени распространения в Средней Азии мусульманства ислам подвергся гонению. Публичное мусульманское богослужение было запрещено; от мусульман требовали, чтобы они приняли или христианство, или идолопоклонство, или, по крайней мере, переменили мусульманскую одежду на китайскую. Некоторые наказывались военным постоем, т. е. применялась та же мера, как при Людовике XIV против гугенотов; приводится один из случаев казни мусульманского духовного лица, шейха Ала ад-дина Мухаммеда хотанского, который был пригвожден к дверям построенного им медресе.

На крайнем северо-востоке тогдашнего мусульманского мира, в Кульджинском крае, где тогда главным городом был Алмалык, к северо-западу от современной Кульджи, во время смут царствования последнего гурхана образовалось новое мусульманское владение, под властью Бузара, бывшего атамана шайки разбойников. Он также враждовал с Кучлуком; подобно кашгарскому хану, он изъявил покорность Чингиз-хану. Кучлуку удалось захватить и убить Бузара во время охоты, но Алмалык, где приняла начальство вдова Бузара, успешно продержался до прибытия помощи, посланной Чингиз-ханом.

При таких обстоятельствах становится понятным, что ни султан Мухаммед не мог предпринимать шагов для осуществления своих честолюбивых планов, ни Кучлук не мог думать о наступательной войне против султана. Из бывших владений Караханидов Мухаммед был вынужден отказаться в пользу Кучлука от Ферганы и областей к северу и к востоку от нее, в том числе от культурной полосы Чирчика и Арыси. Мусульманские историки говорят, что султан сам опустошил эти области, чтобы они не достались Кучлуку; проехавший там в 1221 г. китаец Чан-чунь упоминает, однако, о лежавших на его пути городах и не говорит ни о каких следах опустошения. Границей Мухаммеда сделались берега Сыр-Дарьи от Ходженда до устья; в состав его государства входило и течение реки ниже Саурана, не принадлежавшее ни Саманидам, ни Караханидам, в том числе и область с городом Сыгнаком (ныне развалины Сунак-курган), находившаяся еще во второй половине XII в. во власти немусульманских кипчаков, тогда как не только выше, но и ниже по течению реки ислам уже в начале XI в. приобрел полное господство. Мухаммед несколько раз посещал низовья Сыр-Дарьи и предпринимал оттуда походы на север; во время одного из этих походов, летом 1216 г. в Тургайской области произошло столкновение между его войском и войском старшего сына Чингиз-хана, Джучи, преследовавшего мергитов; после битвы с султаном монголы ночью отступили.

Обе стороны, по-видимому, смотрели на эту битву как на случайное недоразумение; ею не была уничтожена возможность мирных сношений между обоими государствами, начавшихся еще раньше, причем инициатива принадлежала султану; его посол был принят Чингиз-ханом

еще в Пекине, т. е. в 1215 г. (год взятия Пекина монголами) или в начале 1216 г. (год возвращения Чингиз-хана в Монголию). Источники говорят об одной только причине этого посольства: до султана, мечтавшего о завоевании Китая, дошло известие, что его предупредили; это известие должен был проверить посол. Можно предполагать и другие причины, политические и экономические; султан мог надеяться найти в Чингиз-хане союзника против Кучлука; кроме того, вследствие разрыва с Кучлуком был закрыт обычный торговый путь в Китай через Восточный Туркестан; завоевания Чингиз-хана, доходившие в то время до северной части Семиречья, давали возможность установить новый путь. К Чингиз-хану, действительно, одновременно с посольством или вскоре после него прибыл караван; к сожалению, ни маршрут посольства, ни маршрут каравана не приводятся; о караване мы даже не знаем, где он был принят Чингиз-ханом. Маршрут Чингиз-хана во время похода 1219 г. заставляет предполагать направление в северную часть Семиречья и оттуда на Иртыш; таков же был, по всей вероятности, маршрут посольства и каравана, прибывших из Монголии во владения султана весной 1218 г., что, конечно, было ответным шагом Чингиз-хана на действия султана.

Во главе посольства стояли трое находившихся на службе у Чингиз-хана мусульман; насколько известно, послы предлагали султану только установление мира и безопасных торговых сношений; султан дал им благоприятный ответ, хотя и был оскорблен тем, что Чингиз-хан обращался к нему, как к «сыну», т. е. как бы называл его своим вассалом. Вскоре после отъезда послов в пограничный город владений Мухаммеда к востоку от Сыр-Дарьи, Отрар, прибыл караван из 450 купцов, которые все были мусульманами; с купцами было 500 верблюдов, нагруженных товарами. В Отраре купцы были задержаны в качестве шпионов и перебиты, товары их были разграблены; спасся бегством и вернулся в Монголию только один погонщик верблюдов. Источники дают несколько противоречивые сведения о том, как произошла эта катастрофа, какая доля ответственности падает на отрарского наместника и какая на самого султана. Во всяком случае, султан принял на себя ответственность за своего наместника, когда велел убить одного или (по другому известию) всех трех послов Чингиз-хана (на этот раз послы были не из мусульман), прибывших к нему с требованием удовлетворения и выдачи виновного. Сопоставление этих фактов показывает, что поход монголов на Туркестан был прямым последствием действий султана; ничем не подтверждается известие, принятое с доверием многими учеными, будто монголов призвал против султана халиф; гораздо более правдоподобно приведенное выше известие о сношении халифа с непосредственным соседом султана, врагом Чингиз-хана, Кучлуком.

В 1218 г., по-видимому уже после отрарской катастрофы, Чингиз-

хан послал против Кучлука полководца Джэбэ-нойона; несмотря на вражду Кучлука к исламу, в походе против него принимал участие с небольшим отрядом (300 человек) другой враг ислама, уйгурский идикут. Монгольский полководец выступил защитником религиозной свободы и объявил, что каждому будет дана возможность исповедовать веру отцов; оттого занятие южной части Семиречья, Ферганы и Кашгарии произошло почти без пролития крови. Мусульманские подданные и вассалы Кучлука (среди последних был правитель Ферганы, уроженец Баласагуна) перешли на сторону монголов; население перебило размещенных по его домам воинов Кучлука; кашгарцы впоследствии говорили историку Джувеини, что для них приход монголов был милостью божьей. Кучлук бежал из Кашгара в Сарыкол³, где был настигнут и убит. В противоположность мерам Кучлука, остатки каракитаев (вероятно, также найманов) слились с мусульманами и приняли мусульманскую одежду. Дело освобождения мусульман от притеснения кафиrow, оказавшееся не по силам султану ислама, было успешно выполнено языческим полководцем.

Вследствие этих событий Мухаммеду было трудно сплотить вокруг себя народ и войско во имя защиты мусульманского мира от нашествия кафиrow. Еще прежде султан раздражал представителей религии враждебными действиями против халифа; гибель в горах Курдистана, от снегов и партизанских действий курдов, посланного им в 1217 г. на Багдад отряда была истолкована как божья кара за нечестивый поход. Кроме того, султан находился во вражде с турецкой военной аристократией, сплотившейся вокруг его матери Туркан⁴-хатун, управлявшей Хорезмом; султан еще в 1216 г. велел убить, как сторонника Туркан-хатун, популярного шейха Меджд ад-дина Багдади, ученика шейха Неджм ад-дина Кубра, основателя существующего и теперь дервишского ордена кубреви. Наконец, избиение в Отраре мусульманских купцов, за которых мстил Чингиз-хан, должно было устранить всякую возможность солидарности между султаном ислама и представителями мировой мусульманской торговли. Сопоставление событий XIII века с китайскими событиями начала XX века наглядно показывает, как мало общего было в средневековой мусульманской истории, в противоположность новейшей европейской, между успехами торговли и политическим могуществом тех народов, к которым по своему происхождению принадлежали торговцы.

Мусульманские купцы сопровождали Чингиз-хана во время похода на государство султана и были для него надежными советниками; им он, конечно, был обязан тем подробным знакомством с географическими условиями, о котором свидетельствует выполнявшийся им план кампании. Осенью 1219 г. к нему присоединились в северной части

³ <По Джувеини — в Бадахшан. — В. М.> <Ср. наст. изд., т. I, стр. 470, прим. 3.>

⁴ <Точнее — Теркен; ср. наст. изд., т. I, стр. 400, прим. 4. — Ю. Б.>

Семиречья со своими отрядами два мусульманских правителя: Арсланхан карлукский и Сукнак-тегин алмалыкский; туда же прибыл со своим отрядом уйгурский идикут Баурчик. Перед этим Чингиз-хан провел лето на берегах Иртыша. Чингиз-хан некогда велел передать султану, что считает его государем Запада, как себя государем Востока; это высокое мнение о военных силах противника проявилось и в характере его приготовлений к войне: при войске, как и в 1211 г., во время похода на Китай, находился сам Чингиз-хан со всеми своими сыновьями. Султан, конечно, знал о приближении врага, но не мог принять никаких действительных мер для его встречи. Государство султана, вследствие вражды между ним и его матерью, не представляло стройного целого; была уничтожена даже бюрократическая централизация, и должность везира, как главы бюрократии, была заменена коллегией из шести сановников; народ не выиграл от этой перемены и находил, что удовлетворить одного все-таки было легче, чем удовлетворить шестерых. Для войны были собраны некоторые средства; в течение одного года были взысканы подати за три года вперед, но деньги не могли быть истрачены по назначению. Султан решил было построить длинные стены вокруг Самарканда и его пригородов, но эту работу не удалось даже начать. Целесообразной организации сопротивления препятствовала крайняя непопулярность самого государя и его династии среди войска и населения. Султан знал, что в случае сосредоточения в одной местности, например на линии Сыр-Дарьи, его многочисленных военных сил, эта сила после победы над внешним врагом направилась бы на своего государя; оттого войска были размещены по разным местностям и городам. Этим объясняется, что монголам, в противоположность прежним нашествиям кочевников, удалось завоевать Туркестан без всякой битвы с врагами в открытом поле. Приходилось только осаждать города, причем эту задачу успешно выполняли даже незначительные отряды; отряд, посланный из Отрара вверх по Сыр-Дарье, состоял всего из 5000 человек.

Кроме этого отряда, Чингиз-хан, когда в конце 1219 г. он подошел к Отрару, отделил от своего войска еще два других: один, под начальством сыновей Чингиз-хана Чагатая и Угэдэя, был оставлен для осады Отрара; другой, под начальством старшего сына, Джучи, был послан вниз по Сыр-Дарье. Оба отряда выполнили свою задачу к апрелю 1220 г. Чингиз-хан с главными силами прошел из Отрара через пустыню Кызылкум к Нур-Ата и оттуда к Бухаре и Самарканду. Бухара была взята в феврале 1220 г.; из этого видно, что возможность перехода через пустыню объясняется временем года; высказывавшееся мнение, что этот переход свидетельствует об изменении с тех пор физико-географических условий, лишено основания. К Самарканду Чингиз-хан подошел в марте 1220 г.; здесь к нему присоединились его два сына, взявшие Отрар; часть их отряда после падения Самарканда была послана на Ходженд, где монголы со стороны наместника Тимур-мелика

встретили самое упорное сопротивление. В осаде принимали участие 20 500 монголов и 50 000 пленных. Эти цифры характерны для излюбленного монголами способа ведения войны: при осаде городов они гнали перед собой пленных, захваченных ими окрестных сельских жителей, употребляя их в качестве щита против стрел осажденных и заставляя их пролагать путь монгольскому войску; иногда пленных выстраивали военными отрядами и раздавали им знамена, чтобы осажденным монгольское войско казалось многочисленнее, чем оно было на самом деле. Когда Тимур-мелик был вынужден покинуть город, он поплыл на судах вниз по Сыр-Дарье, прорвался через монгольские отряды, занимавшие берега реки, и, покинув суда, верхом прибыл в Хорезм.

Лето Чингиз-хан провел в Карши, осенью взял Термез, весной 1221 г. переправился через Аму-Дарью и занял Балх; обратная переправа произошла только в октябре 1222 г. В 1221 г. корпуса Джучи, Чагатая и Угэдэя завоевали Хорезм; младший сын Чингиз-хана, Тулуй, в том же году взял и разрушил города Хорасана, в том числе Мерв. Отряды, посылавшиеся еще в 1220 г. через Аму-Дарью для преследования султана Мухаммеда, проникли еще дальше на запад, в 1223 г. разбили русских при Калке и вернулись к Чингиз-хану через степи к северу от Каспийского моря, причем значительная часть этих отрядов погибла в засаде, устроенной волжскими болгарами.

Мусульмане не только оказали во многих местах энергичное сопротивление монголам, но иногда им удавалось на короткое время изгнать монгольские отряды из занятых ими местностей. Тимур-мелик еще в 1220 г. совершил из Хорезма поход через степи, прилегающие к восточному побережью Арала, и вытеснил отряд корпуса Джучи из города Шехркента (ныне развалины Джанкент), недалеко от устья Сыр-Дарьи; в 1222 г. из освободившегося на короткое время от монгольского владычества Мерва был совершен удачный поход на Бухару. К 1223 г. это сопротивление было окончательно подавлено; Чингиз-хан со своими сыновьями находился в степи Кулан-баши, в восточной части Сыр-Дарьинской области, медленно направляясь на родину.

Султан Мухаммед и представители его династии принимали во всех этих событиях только слабое участие. Султан в начале 1220 г. занимал своим отрядом Келиф (до XVIII в. находившийся не на правом берегу реки, как теперь, а на левом), по-видимому, надеясь защитить линию Аму-Дарьи, но после падения Самарканда, еще до прибытия монгольских отрядов, покинул берег реки; после бесцельного блуждания по Персии он нашел убежище на острове у юго-восточного берега Каспия, где умер еще в том же 1220 г. Известие о бегстве султана заставило и его мать Туркан-хатун покинуть Хорезм, хотя Чингиз-хан, знавший о вражде между матерью и сыном, старался привлечь ее на свою сторону и убедить ее, что он только мстит султану за убийство купцов в Отраре и не тронет области, находившейся под управ-

лением царицы. Покинув Хорезм, Туркан-хатун со своими приверженцами заняла две крепости в Мазандеране; обе крепости еще летом 1220 г. были взяты; из членов династии царевичи были перебиты, царица и царевны взяты в плен и после окончания похода уведены в Монголию. С султаном на острове были трое его взрослых сыновей; после смерти отца они прибыли в Хорезм; старший, Джелаль ад-дин, был провозглашен султаном, но мятежное настроение войска заставило сначала Джелаль ад-дина, а потом и его братьев покинуть область. Достаточно было отъезда представителей династии, чтобы всякие междоусобия прекратились; один из родственников Туркан-хатун был провозглашен султаном; столица Гургандж была взята монголами только после упорного сопротивления, за что гарнизон и жители, кроме уведенных в плен ремесленников, молодых женщин и детей, были подвергнуты поголовному избиению. Султан Джелаль ад-дин в 1221 г. сражался с монголами в Афганистане, но только на берегу Инда решился вступить в бой с главными силами Чингиз-хана (24 ноября); с остатками разбитого войска ему удалось бежать в Индию, впоследствии вернуться и еще играть некоторую политическую роль (до 1231 г.) в Персии и Закавказье, но ни в Туркестане, ни в Хорезме он уже не появлялся. Память о Джелаль ад-дине совершенно вытеснила среди монголов память о его отце; все, что знали о султани, было отнесено к Джелаль ад-дину, в том числе и избиение каравана в Отраре.

Благодаря путешествию китайского отшельника Чан-чуня, вызванного Чингиз-ханом на запад, мы имеем рассказ очевидца о состоянии Туркестана тотчас после монгольского погрома. Чан-чунь провел зиму 1221/22 г. в Самарканде, весной 1222 г. отправился к Чингиз-хану в Афганистан, летом снова жил некоторое время в Самарканде, осенью опять был в Афганистане и в октябре того же года вместе с Чингиз-ханом совершил обратную переправу через Аму-Дарью. Монголы, при помощи находившихся на их службе мастеров, привели в исправность дороги, находившиеся тогда в лучшем состоянии, чем теперь. В проходе Талки, около озера Сайрам-Нор, где дорога несколько раз переходит с одного берега речки на другой, было построено 48 деревянных мостов; Чан-чунь переправлялся через Чу по деревянному мосту, через Талас по каменному; на Аму-Дарье был плавучий мост. Постройка и исправление мостов были делом второго сына Чингиз-хана, Чагатая; большая часть областей Средней Азии должна была войти в его удел, и он уже при жизни отца до некоторой степени осуществлял здесь государственную власть. Орда Чагатая находилась в Кульджинском крае, на южной стороне Или; таким значением Кульджинского края объясняется, что именно в Алмалыке, рядом с местным князем, был представитель монгольской власти. Из мусульманских городов только Самарканд находился под управлением не мусульманина, а наместника из кара-китаев. Против местного мусульманского населения в Самарканде, хотя и не на почве религиозного гонения, были приняты

меры, отчасти напоминающие меры Кучлука; мусульмане могли владеть недвижимой собственностью только сообща с кара-китаями, китайцами и тангутами. Было много китайских ремесленников, очевидно, пришедших с монголами. Город, однако, по обстановке жизни оставался чисто мусульманским; по пятницам мужчины и женщины, в то время еще имевшие доступ к общественному богослужению, спешили в мечеть; не исполнявшие этой обязанности даже подвергались наказанию, из чего видно, что низшая полицейская власть оставалась в руках мусульман. Чан-чуню говорили, что в городе до монгольского погрома было более ста тысяч семейств, а после погрома осталась только четвертая часть. Продолжалась, однако, прежняя жизнь, на базарах много было товаров; сады показались Чан-чуню даже лучше китайских, но было много голодных, которым Чан-чунь после возвращения в Самарканд роздал остатки данных ему припасов; в окрестностях действовали разбойничьи шайки, образовавшиеся из разоренных крестьян, и из города часто видно было зарево пожаров.

< V >

< ЧИНГИЗИДЫ >

Как видно и из рассказа Чан-чуня, монголами тотчас после окончания военных действий принимались меры для восстановления благосостояния завоеванных областей. Мнение, будто монголы не понимали культуры и, если бы могли, обратили бы всю землю в пастбище, опровергается фактами; по крайней мере, монгольские правители не могли не понимать, что с горожан и землевладельцев они получают больше дохода, чем с кочевников. Столь же ясно было, что без ущерба для доходов казны нельзя поручить управление культурными землями монголам или вообще кочевникам, тем более что доходы казны рассматривались как общая собственность ханского рода. Понятие о родовой собственности было перенесено из области частного права в область права государственного; империя принадлежала всему роду: за каждым царевичем и царевной признавалось право на участие в пользовании доходами, но управление империей было общим делом, причем способы организации управления изменялись в зависимости от обстоятельств. Когда во главе рода, как было при жизни Чингиз-хана, стояло лицо, авторитет которого признавался всеми, все вопросы решались его единоличной волей; при преемнике Чингиз-хана, Угэдэе (1229—1241), единоличное управление было заменено совещанием представителей всех ветвей ханского рода; Угэдэй не наследовал ни гениальных способностей, ни могучей воли отца, но по своим душевным качествам более других мог служить тем объединяющим центром, в котором нуждались династия и империя.

На всем пространстве империи действовала от имени великого хана одна и та же общегосударственная власть, несмотря на то что Чингиз-хан еще при жизни назначил особый удел каждому из своих сыновей. И в этом отношении принцип был заимствован из области частноправовых отношений; старших сыновей отец выделял при жизни, младшему оставлял свое собственное, первоначальное имущество; так, младший сын Чингиз-хана, Тулуй, получил в наследство Монголию и главную массу монгольского регулярного войска. Степень отдаленности других уделов соответствовала возрасту сыновей; оттого удел старшего сына, Джучи, по мере расширения пределов империи, пе-

редвигался все дальше на запад; в год смерти Чингиз-хана и Джучи (оба умерли в 1227 г., сын несколько раньше отца) он заключал в себе земли от Иртыша до тех пределов, «куда доходили копыта монгольских коней»; из культурных земель Средней Азии в состав удела Джучи входили низовья Сыр-Дарьи и северная часть Хорезма со столицей этой области; Гургандж, или, как его называли монголы, Ургенч, вскоре после монгольского погрома был восстановлен на новом месте, близ старого, и снова сделался крупным торговым центром. С уделом Джучи на Аму-Дарье, на Сыр-Дарье и в Семиречье граничил удел Чагатая; Угэдэю были назначены Западная Монголия с Тарбагатаем. Несмотря на огромное пространство империи, орды трех выделенных сыновей находились в сравнительно близком расстоянии одна от другой: орда Джучи — на Иртыше, орда Угэдэя — у Чугучака, орда Чагатая — на Или. Угэдэй после своего провозглашения великим ханом жил не в своем уделе (куда, однако, после его смерти было отвезено его тело), но в коренных владениях отца, на Орхоне, где в городе Каракоруме, развалины которого находятся близ современного монастыря Эрдени-цзу, при нем и его преемниках строились дворцы мусульманскими и китайскими архитекторами, с участием мастеров западно-европейских и русских. Казалось бы, что раскопки в местности, где на небольшом пространстве (путешественник Рубрук сравнивает Каракорум с парижским предместьем С.-Дени) и в течение короткого времени (Каракорум утратил значение столицы империи с 1260-х годов) воздвигались постройки представителями самых разнообразных культур, дадут драгоценный материал для изучения культурной истории не одной только Средней Азии; но первые попытки раскопок (в 1912 г.) не оправдали этих надежд; других попыток пока не было¹.

Представители мусульманской культуры при монгольском дворе большею частью, конечно, происходили из городов Мавераннахра; этой областью в царствование Угэдэя управлял назначенный самим великим ханом Махмуд Ялавач, выходец из Хорезма, живший в Ходженде. При нем в 1238 г. в оправившейся от погрома 1220 г. Бухаре произошло крестьянское восстание, направленное как против монголов, так и против местной аристократии; после усмирения восстания заступничество Махмуда спасло город от угрожавшей ему расправы. Не вполне ясны отношения между Махмудом и мусульманским министром Чагатая, Хабаш-Амидом, происходившим, по одним известиям, из Отрара, по другим — из Кермине; подобно Махмуду, он принадлежал к числу богатых торговцев. Чагатай считался ревнителем монгольского обычного права и врагом ислама; тем не менее и при нем был культурный советник из мусульман. Конечно, советник был выбран им не из ревнителей мусульманского благочестия; обращенное к Хабаш-Амиду

¹ <О позднейших раскопках в Монголии, в частности в Каракоруме, см. Киселев, *Древние города.* — В. Р.>

послание влиятельного бухарского шейха Сейф ад-дина Бахарзи полно упреков за недостаточное покровительство исламу; Хабаш-Амида считали даже виновником казни некоторых представителей духовенства — Юсуфа Секкаки и Беха ад-дина маргинанского; все-таки о нем говорится, что он был похоронен (в 1260 г.) в построенной им ханаке, из чего видно, что им воздвигались благочестивые постройки.

Махмуд Ялавач вскоре после 1238 г. был вынужден покинуть Мавераннахр вследствие столкновения с Чагатаем и был назначен губернатором Пекина, где умер в 1254 г. Угэдэй примирился с таким нарушением прав своих и принял извинение брата; но еще при Угэдэе сын Махмуда, Мас'уд-бек, был назначен верховным правителем всех культурных областей Средней Азии, от области уйгуров до Хорезма, и сохранил за собой эту должность до своей смерти (1289 г.), несмотря на все перевороты, происшедшие за эти полвека. Его утвердил сын Угэдэя Гуюк (1246—1248), считавшийся врагом мусульман; он удержал власть и после переворота 1251 г., когда верховная власть над империей перешла от потомства Угэдэя к потомству Тулуя и, вместе с родом Угэдэя, подвергся разгрому также род Чагатая по обвинению в заговоре против вновь возведенного на престол великого хана Мункэ (1251—1259), старшего сына Тулуя. Уделом Чагатая в это время номинально управляла вдова его внука, Эргэнэ²; фактически власть над империей делили между собой потомки Джучи и Тулуя; местность, где кончалась сфера влияния Батыя, сына Джучи, и начиналась сфера влияния Мункэ, находилась несколько восточнее Таласа; правительственная власть в Мавераннахре осуществлялась Батыем, а после его смерти — его братом Беркаем, принявшим ислам, вследствие чего на его стороне было мусульманское духовенство; Эргэнэ также называли покровительницей мусульман, иногда даже мусульманкой. Полномочия Мас'уд-бека как правителя культурных областей признавались в обеих половинах империи; в 1251 г. он был в области уйгуров, в 1255 г. — в Самарканде, где угощал брата Мункэ, Хулагу, отправлявшегося тогда во главе войска для завоевания Передней Азии. Также в 1250-х годах им было построено большое медресе в Бухаре, по-видимому на Ригистане, получившее название по его имени «Мас'удийе»; такое же «Мас'удийе» было построено им в Кашгаре. Еще более замечательно пожертвование средств на постройку другого медресе в Бухаре (получившего название «Ханийе») ханшей-христианкой, матерью Мункэ и Хулагу; в каждом из этих двух учебных заведений было до 1000 студентов; по-видимому, таких больших медресе в Туркестане до монгольского периода не было. Бухарское «Мас'удийе» было разрушено в 1273 г. при взятии города персидскими монголами, но потом, по-видимому, восстановлено, так как в 1289 г. в нем мог быть похоронен сам строитель.

² <Оркына. — В. М.>

На Мас'уд-бека опирался и внук Чагатая, Алгуй, воспользовавшийся в начале 1260-х годов междоусобиями среди сыновей Тулуя, чтобы восстановить в Средней Азии власть своего дома. К огорчению мусульман и в особенности шейхов, наместники Беркая были изгнаны из городов Мавераннахра; сын шейха Сейф ад-дина Бахарзи был убит, тогда как сын Хабаш-Амида примкнул к Алгую; последним городом, отвоеванным при Алгую у Беркая, был Отрар, сделавшийся к этому времени снова большим торговым городом; завоевание Отрара было совершено на средства, собранные Мас'уд-беком. После Алгуя, в 1266 г., ханом сделался сын Эргэнэ Мубарек-шах, мусульманин; возведение его на престол состоялось не в обычной орде, на Или, но ближе к мусульманским культурным центрам, на Ангрене,— факт, показывающий, что и среднеазиатские монголы к этому времени начали подчиняться влиянию мусульманской культуры. Мусульманином был и следующий хан, Борак³, умерший в 1271 г., хотя и погребенный по языческому обряду. Борак, также привлечший к себе на службу Мас'уд-бека, был вынужден признать над собой верховную власть внука Угэдэя, Хайду, которым была прочно установлена самостоятельность монгольского государства в Средней Азии. Для решения вопросов, связанных с его устройством, в 1269 г. был созван сейм на Таласе; было постановлено, чтобы царевичи жили в горах и степях и не подходили к культурным землям; управление культурными областями и собиране доходов в пользу царевичей было возложено на особое лицо по назначению главы государства, Хайду, выбор которого также пал на Мас'уд-бека. После смерти Мас'уд-бека ему наследовали, один за другим, его три сына: первые два еще при Хайду (умершем в 1301 г.), третий, имевший местопребывание в Кашгаре,— при сыне и преемнике Хайду, Чапаре.

Из всего этого видно, что в Средней Азии дольше, чем в других завоеванных монголами странах, сохранили силу основные черты государственного устройства империи Чингиз-хана. В 1250-х годах империя еще считалась одним целым; несмотря на фактический дуализм, монеты на всем пространстве империи, даже в государстве Батыя и Беркая, чеканились от имени Мункэ-хана. До Мункэ имя монгольского хана чеканилось на монетах только в редких случаях; появление такой монеты в большом количестве, вероятно, находится в связи с переходом монголов именно в это время от системы сбора податей натурой, преобладавшей при Угэдэе, к денежной подати. Последствием событий 1260 г. было превращение монгольского великого хана в китайского императора (с перенесением столицы из Каракорума в Пекин) и образование самостоятельных монгольских государств в России (Золотая Орда), Персии и Средней Азии. В Золотой Орде и Персии быстро установилось некоторое единство государственного управления и, как

³ <Правильнее: Барак. — В. М.>

символ его, государственная монета, с именами местных ханов. В Средней Азии монгольский хан долгое время оставался главой кочевников, не вмешивался непосредственно в управление культурными землями и не создавал для этого государственного аппарата, не исключая и монеты. Кроме верховного правителя всех культурных областей, назначавшегося ханом, были наследственные правители (мелики) в отдельных городах, чеканившие свою монету; исторические тексты, надписи и монеты говорят о меликах в Бухаре, Отраре, Шаше (Ташкенте), Ходженде, Фергане (с главным городом Узгендом), Таласе и даже в Алмалыке, несмотря на близость этого города к ханской орде на Или. В Кашгаре мелика, по-видимому, не было, но был садр, стоявший во главе гражданского управления; в Кашгар удалился и садр из Алмалыка, изгнанный меликом; вообще борьба между аристократией и демократией, представителями которых были садр и мелик⁴, продолжалась и при монголах. Бухарой некоторое время управлял китаец Чожан-тайфу; этим объясняется такой исключительный в истории Средней Азии факт, как чеканка в Бухаре медной монеты с двуязычными надписями — арабской и китайской.

В Средней Азии было труднее, чем в других монгольских государствах, примирить интересы кочевников с интересами оседлого населения. Монгольское завоевание не было переселением народов и не было связано с исканием новых земель⁵; завоевания Чингиз-хана не имели почти никакого влияния на границу этнографического распространения монгольского племени; подавляющее большинство монголов осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингиз-хан и где жили его преемники. Из общего числа монгольского регулярного войска — 129 000 — младший сын, Тулуй, вместе с Монголией получил 104 000; три других сына Чингиз-хана получили каждый по 4000 (остальные 13 000 были розданы другим членам династии). Но последствием монгольских походов не могло не быть некоторое передвижение кочевых народов с востока на запад, вообще усиление в Средней Азии кочевого элемента. При отсутствии в Средней Азии от смерти Чагатая (1242 г.) до воцарения Хайду (1269 г.) сильной ханской власти, соседство кочевников, в руках которых была вся военная сила, отразилось на благосостоянии культурных земель, особенно на городской жизни, гораздо

⁴ <Трактовка Бартольдом меликов как представителей демократии неубедительна: неясно, что разумеет он здесь под демократией. — В. Р.>

⁵ <В. В. Бартольд, имея здесь в виду только собственно Монголию и монголов, вместе с тем не учитывает фактов переселений монгольских племен (хезарейцы и кайтаки), а также совершенно отделяет монголов от тюрков. В действительности многие монголо-тюркские родо-племенные группировки (которые В. В. Бартольд далее упоминает под нарицательными названиями «кочевые народы», «кочевой элемент» и т. д.) были смешанными. Они совершали в больших масштабах переселения, непосредственно связанные с завоеваниями Чингиз-хана и его преемников и сопровождавшиеся захватом земель, пастбищ и т. п. О пересмотре взглядов В. В. Бартольда на масштабы передвижений монголов см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 42—43. — В. Р.>

сильнее, чем опустошения, произведенные во время монгольского нашествия. В части Семиречья, к северу от Или, почти не пострадавшей от военных действий, уже к 1253 г., как видно из рассказа миссионера Рубрука, много городов исчезло и уступило место пастбищам; большое число развалин видел также китайский путешественник Чан Дэ в 1259 г. в Чуйской долине.

Эти сведения относятся, по-видимому, к городам меньшей величины; более значительные города еще долго успешно сопротивлялись напору степняков. Рубрук проехал через «саррацинский», т. е. через мусульманский, город Кинчат (Кенджек) на большой реке Таласе, севернее города того же имени; к северу от Или был «хороший город», где жили «саррацины, говорящие по-персидски», еще несколько севернее был «большой город» Кайлак (Каялык), в котором Рубрук впервые встретил буддистов, имевших в этом мусульманском городе (он некогда был столицей Арслан-хана карлукского) три кумирни; в небольшом расстоянии за Каялыком был поселок с исключительно христианским населением и христианской церковью; перед этим путешественники «давно не видали церкви». Из этого видно, что Рубрук при проезде через Чуйскую долину миновал поселок тех христиан, которым принадлежит кладбище с надгробными надписями близ Пишпека⁶ и Токмака; в местности, где находилось упомянутое им селение, таких памятников христианства до сих пор найдено не было. Европейцы в то время еще не пользовались торговыми путями через Среднюю Азию; пионерами европейской торговли в этих странах были, по-видимому, венецианцы, братья Николо и Маттео Поло, прибывшие в 1262 г. из золотоордынского ханства в Бухару и в 1265 г. отправившиеся оттуда в Китай.

Для Бухары 1270-е годы были самым бедственным временем за всю многовековую историю этого города; в 1273 г. Бухара подверглась опустошительному погрому при вторжении персидских монголов; три года спустя город снова пострадал от местных смут и после этого семь лет оставался в запустении; о его восстановлении позаботился Мас'удбек, по поручению Хайду. При Хайду был построен также новый город — Андижан, остававшийся потом, до начала XVIII в., главным городом Ферганы, из чего видно, что место для постройки города было выбрано удачно. Андижан представляет редкий в Средней Азии пример города, построенного государем не для себя (ни Хайду, ни его преемники в нем не жили), но, по-видимому, исключительно для развития торговли.

Монгольская империя соединила на некоторое время в одно государство культурные страны Дальнего Востока и Передней Азии; на западе в состав одного политического целого вошли такие области, как Хорезм и бассейн Волги, между которыми прежде была только куль-

⁶ <Пишпек с 1925 г. — город Фрунзе, ныне столица Киргизской ССР.>

турная и экономическая связь. Все это должно было благоприятно отразиться на международных отношениях; с другой стороны, упрощению торговых связей препятствовали начавшиеся в 1260-х годах междоусобия в ханском роде. Эти междоусобия не отражались, конечно, на морской торговле между Китаем и Персией — странами, где правили представители одной и той же ветви потомков Чингиз-хана, поддерживавшие между собой тесные союзные отношения; более всего страдало от смут среднеазиатское монгольское государство, благосостояние которого зависело от караванной торговли. Этим объясняется, что из Средней Азии в 1304 г., вскоре после смерти Хайду, всем монгольским государям было сделано предложение восстановить единство империи в единственной форме, в которой оно тогда было возможно — в форме федерации государств, под номинальным главенством китайского императора, с установлением между государствами свободы торговли. Договор был заключен, но не мог быть приведен в действие, так как уже с 1305 г. начались внутренние смуты среди самих среднеазиатских монголов: от потомков Угэдэя главенство снова перешло к потомкам Чагатая. С тех пор установился термин «чагатайское государство»; «чагатаями» называли себя кочевники, составлявшие военную силу династии, и это название осталось за ними даже тогда, когда ханов из потомства Чагатая больше не было; «чагатайским» был назван даже сложившийся в эту эпоху среднеазиатский литературный язык. Ни одному из других имен, связанных с монгольским завоеванием, не была суждена такая громкая слава. В золотоордынском ханстве народным названием сделалось не имя Джучи и не имя Батые, но имя их потомка Узбека (1312—1340), при котором в ханстве впервые прочно утвердилось господство ислама и его культуры.

В чагатайском ханстве решительный шаг в сторону подчинения если не исламу как религии, то традициям мусульманской культуры и государственности был сделан в царствование Кебека (1318—1326). Кебек первый из ханов после Мубарек-шаха и Борака поселился в Мавераннахре. На этот раз выбор хана остановился на местности около города Нахшеба в долине Кашка-Дарьи; в двух фарсах (12—16 верст) от Нахшеба для Кебека был построен дворец, от которого получил название город Карши (*карши* по-монгольски 'дворец'); городу домонгольской эпохи соответствуют развалины Шуллуку-тепе, городу XIV—XV вв. — развалины Зохак-и Морон, около железнодорожной станции. Кебеку принадлежит введение в чагатайском ханстве общегосударственной монеты, причем была принята та же монетная система, как в Персии и Золотой Орде. Чеканились динары и дирхемы, причем динарами назывались не золотые монеты, как прежде, а большие серебряные: Дирхемы были мелкими серебряными монетами весом в $\frac{1}{2}$ золотника; динар равнялся шести дирхемам; в Средней Азии эти монеты потом, по имени Кебека, назывались *кебеки*. Исчезновение медных дирхемов и восстановление в Средней Азии серебряной валюты

относится ко второй половине XIII в. Очень вероятно, что Кебеком же было введено деление страны, по образцу Персии, на мелкие административные и податные округа — тюмени. В Фергане и Кашгарии вместо термина *тюмень* употреблялся термин *орчин*.

Кебек не принял ислама (это не помешало потом построить над его могилой мавзоль мусульманского типа), но считался справедливым государем и покровителем мусульман. Его брат, Тармаширин (1326—1334), также живший около Карши, сделался мусульманином, что, по словам современника, отозвалось благоприятно на торговле с мусульманским миром; зато переход ханов в города и разрыв с монгольским обычным правом, требовавшим сохранения кочевой жизни, имел неблагоприятные последствия для государственного единства. Из китайских известий видно, что в восточных областях одновременно с Тармаширином правил его брат Дурра-Тимур, которого китайцы считали государем всего ханства. Сын Дурра-Тимура, Бузан, стал во главе недовольных действиями Тармаширина, который был низложен и убит; начались смуты, продолжавшиеся более десяти лет и нанесшие последний удар городской жизни в Семиречье. Писатель того времени дает со слов путешественников картинное описание страны, покрытой развалинами: «Издали виднелось хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием». В Чуйской долине городов во второй половине XIV в. уже не было; на Таласе еще оставался город Яны ('Новый'), куда Тимур назначал своих наместников; в XV в. и здесь прекратилась городская жизнь, и уже в XVI в. не могли определить, к каким именно городам относятся отдельные группы развалин на Чу и Таласе.

Во время смут Мавераннахр на некоторое время снова подчинился ханам, жившим на востоке; предпринимались также походы на восток ханами, жившими в Мавераннахре; наконец, в 1340-х годах, при хане Казане, в самом Мавераннахре произошла борьба между ханами и турецкой родовой аристократией. Казан-хан также жил около Карши; его дворец Зенджир-сарай находился в двух днях пути к западу от этого города. Рядом с ханом главные кочевые роды также владели определенными территориями в Мавераннахре и соседнем Афганистане; этих родов было четыре, по числу четырех тысяч, данных Чагатаю Чингиз-ханом: джалаиры у Ходженда, барласы на Кашка-Дарье, каучины в бассейне верховьев Аму-Дарьи и арлаты в Северном Афганистане. Таким образом, прежняя удельная система, основанная на распределении областей между членами ханского рода, уступила место другой — распределению областей между главарями сильных родов. Попытка Казан-хана восстановить в Мавераннахре сильную ханскую власть привела к его низложению (1346 г.), после чего вся власть перешла к «эмирам» главных родов; этим арабско-персидским терми-

ном передавалось турецкое *бек* и монгольское *нойон*; эмир, становившийся главой государства, назывался улусным эмиром (*улус* — племя, народ, государство); право на ханский титул признавалось только за потомками Чингиз-хана, из которых и возводились на престол подставные лица. Такой же порядок установился в восточной части бывшего чагатайского ханства, где главным родом были дуглаты, владевшие западной частью Кашгарии и южной частью Семиречья до Иссык-Куля. Судьба эмиров в той и другой части ханства, однако, была различная; в Мавераннахре из среды эмиров выдвинулся такой правитель, как Тимур, оставивший власть своим потомкам, при которых прекратилось возведение на престол даже подставных ханов; в Кашгарии ханы оказались более даровитыми людьми, чем эмиры, и установилась ханская династия, с постепенным устранением власти дуглатских эмиров и с восстановлением прежней удельной системы, при которой во главе уделов стояли члены ханского рода. Традиции монгольской государственности, однако, более хранились на западе, чем на востоке; с другой стороны, кочевники востока больше дорожили традициями монгольской национальности. Кочевники Мавераннахра только себя называли «чагатаями» и смотрели на своих восточных соседей, как на разбойничью вольницу — *джете*; в чагатайском ханстве термины *чагатай* и *джете* противопоставлялись друг другу в том же смысле, как в золотоордынском ханстве термины *узбеки* (ханское войско) и *казаки* (ушедшая из-под власти законных ханов вольница). В то же время кочевники Кашгарии и Семиречья называли себя *моголами* (так произносится народное название монголов и теперь у афганских «моголов», последних потомков монгольских завоевателей, сохранивших свое имя и язык), а своих западных соседей — *караунасами*, т. е. метисами, людьми смешанного происхождения.

Монгольским государственным и национальным традициям противопоставлялась идея ислама и мусульманского права — шариата. Ее иногда старались использовать в своих интересах даже монгольские государства, принимая ислам; еще чаще ею пользовались как оружием против монголов. Мусульманами были и чагатаи, и моголы, как и представители монгольской государственности в Персии и Золотой Орде; но в государственной и национальной жизни кочевников религиозным началам принадлежало только второстепенное место; оттого падение монгольского государства могло рассматриваться как победа религии.

По мере распада монгольской империи в различных областях стали возникать местные мусульманские династии, причем на их монетах, вместо имен правителей, иногда чеканились только религиозные формулы; среди них встречается надпись «царство принадлежит богу», чем подчеркивалась теократическая идея и отрицательное отношение к государственности, не связанной с религией. Монеты с такими надписями чеканились и в Хорезме, который в 1360-х годах, после распа-

дения чагатайского государства и начала смут в Золотой Орде после смерти хана Джанибека (1357 г.), снова объединился в самостоятельное государство, хотя и под властью правителей, происходивших из отуреченного монгольского рода кунгратов. Когда окрепшее под властью Тимура чагатайское государство хотело вернуть себе южную часть Хорезма, правитель Хусейн Суфи ответил послу Тимура: «Ваше царство — область войны (т. е. владение неверных), и долг мусульман сражаться с вами». Чагатаи, таким образом, в глазах хорезмийцев не были мусульманами, как и сами чагатаи, в свою очередь, продавали в рабство пленных моголов, не признавая их мусульманами.

На Хорезме и его столице Ургенче больше всего отразились успехи караванной торговли при монгольском владычестве. Земледельческая культура стояла значительно ниже, чем в домонгольскую эпоху и в настоящее время; на пути из Ургенча в Бухару арабский путешественник Ибн Баттута в 1333 г. не видел ни одного поселения, кроме Кята (ныне Шейх-Аббас-вели⁷); зато Ургенч описывается как «самый большой, значительный и красивый» город в турецких странах; на его базарах была такая давка, что трудно было проехать. Европейские путешественники также говорят об Ургенче как о большом торговом городе, где все товары имели хороший сбыт. После монгольского погрома город был восстановлен так скоро, что даже не были прерваны культурные традиции домонгольской эпохи: основанная там в начале XII в. школа богословов-рационалистов — «мутазилитов» продолжала существовать до конца XIV в. В Хорезме и по нижнему течению Сыр-Дарьи уже в XII в. была литература на турецком языке в духе мусульманского благочестия; такое же значение имели эти области для турецкой литературы в XIV в., когда они входили в состав золотоордынского ханства. Писатели этих областей по времени предшествовали писателям чагатайского ханства, хотя турецкому литературному языку потом было присвоено название «чагатайский». Хорезм привлекал к себе также ученых и художников, оказавших потом влияние на развитие наук и искусств в государстве Тимура. Очень вероятно, что сохранившиеся в развалинах старого Ургенча великолепные постройки первой половины XIV в. имели влияние как на постройки Тимура, так и на постройки в городах золотоордынского ханства, например в Болгаре; установить это влияние в подробностях можно будет только после тщательного изучения этих хорезмийских памятников, в особенности лучшего из них — мавзолея Тюрябек-ханым⁸. На торговые связи с бассейном Волги и Кавказом мог оказать влияние вполне установленный в настоящее время факт, что Аму-Дарья после монгольского

⁷ <Впоследствии Шаббаз — районный центр Кара-Калпакской АССР, ныне — Бируни.>

⁸ <Об Ургенче и его памятниках см.: Якубовский, *Развалины Ургенча*; Пилявский, *Ургенч и Миздалкан*. Датировка и определение мавзолея «Тюрябек-ханым» ныне оспариваются М. Е. Массоном. См. Массон, *О датировке*, стр. 86—87. — Б. С.>

нашествия вновь проложила себе путь в Сарыкамышскую котловину и оттуда по руслу Узбоя в Каспийское море⁹. Приводится название селения при впадении реки в Каспий, говорится о плавании судов от этого селения вверх по реке, но установлению сплошного судоходного пути от старого Ургенча до Каспия препятствовали водопады на Узбое, достигавшие высоты четырех сажен. Есть известие, что и Сыр-Дарья в начале XV в. впадала не в Арал, а в Аму-Дарью: подтверждением этого можно признать факт опустения существовавших еще в середине XIV в. городов на нижнем течении Сыр-Дарьи, хотя этой местности, насколько известно, не пришлось пострадать ни при походах Тимура, ни при других военных событиях.

---

⁹ <Подробнее об этом, с аргументацией, подкрепляющей взгляды В. В. Бартольда, см. ниже, стр. 725—727, а также в работе В. В. Бартольда *Сведения об Аральском море*. Работы В. В. Бартольда не решили окончательно вопроса об Аму-Дарье и русле Узбоя. Продолжение дискуссии см.: Толстов, *По следам*, стр. 296—316; *Низовья Аму-Дарьи*, особенно стр. 5—34 и 267—347. — Б. С.>

<VI>

<ТИМУР И ТИМУРИДЫ>

Тимур происходил из рода барласов, родился в окрестностях Шахрисябза и впервые выдвинулся в 1360 г., когда он перешел на сторону могольского хана Туклук-Тимура, на короткое время подчинившего себе Мавераннахр, и благодаря этому сделался князем барласского удела. В следующие годы он сражался то в союзе с моголами, то против них, вместе с другими чагатайскими эмирами. Один раз, в 1365 г., когда чагатайские эмиры, в том числе и Тимур, покинули страну на произвол моголов, власть в Самарканде перешла в руки предводителей народного движения; им удалось отразить внешних врагов, но в следующем году они пали жертвой вероломства эмиров, сначала объявивших им благодарность за успешную защиту города и полное доверие, и этим усыпивших их бдительность. Такие же способы борьбы применялись эмирами при их столкновениях между собой; такими же действиями было достигнуто и торжество Тимура. Восстания против улусного эмира вызывались той же основной причиной, как прежде восстания против хана, а именно стремлением верховного правителя перенести свое местопребывание и в особенности свою казну в укрепленный город, чтобы чувствовать себя независимым от своих соплеменников. Так хотел поступить и предшественник Тимура, эмир Хусейн, избравший для этой цели город Балх. Тимур отговаривал его, указывая на пример его дяди Абдуллы, против которого восстали чагатаи, когда он захотел сделать своей столицей Самарканд. Хусейн не послушался; предсказание Тимура оправдалось, причем во главе недовольных стал сам Тимур; Хусейн был низложен и убит, и власть в 1370 г. перешла к Тимуру, который тотчас же после достигнутого успеха сделал то же самое, за что он обвинял своего предшественника. Еще прежде им были построены укрепления в Шахрисябзе и Карши; теперь он создал для себя укрепленную столицу в Самарканде и поместил казну в построенной им самаркандской цитадели.

Убиению низложенного Хусейна был придан характер законности; на основании признанного Кораном права кровомщения убийство совершил эмир Кайхусрау, брат которого десятью годами раньше был убит Хусейном. Два года спустя обстоятельства изменились, и закон

кровомщения был обращен против самого Кайхусрау, обвиненного в измене Тимуру: убить его было поручено людям, имевшим право мстить за кровь Хусейна.

Такими же способами Тимур и его сторонники старались придать характер законности своим дальнейшим действиям. Подобно своим предшественникам, Тимур возводил на престол подставных ханов из дома Чингиз-хана и прикрывал свои действия их именем; в действительности эти ханы не пользовались даже внешними почестями, связанными с верховной властью. В пользу Тимура, в действительности не имевшего никаких наследственных прав на власть, была создана легенда, будто его предки на основании договора, возобновлявшегося несколько раз и забытого в смутный период, были полновластными эмирами при потомках Чингиз-хана. Посредством брака со вдовой эмира Хусейна, дочерью хана Казана, Тимур породнился с ханским домом и получил право на титул *гурган* ('зять'), дававший ему преимущество перед другими эмирами. Тимур старался использовать для своих целей идею и традиции монгольской империи, в частности, чагатайского ханства. Чагатаи составляли его главную военную силу; по внешнему виду это войско более походило на монголов (воины носили косы), чем на мусульман; отношения между Тимуром и его сподвижниками определялись традициями и обычаями военного быта. В действительности опорой Тимура из чагатаев были преимущественно барласы, самыми упорными врагами Тимура — джалаиры, в 1376 г. по распоряжению Тимура подвергшиеся участи, соответствующей нашему представлению о расформировании военной части: улус джалаиров был объявлен уничтоженным, а остатки его были распределены по отрядам различных эмиров.

Сравнительно с монгольскими военными традициями традиции ислама и мусульманской культуры имели для Тимура только второстепенное значение, но и этими традициями он умел пользоваться для оправдания своих действий и для возвышения блеска своей державы. В Туркестане на стороне Тимура было преимущественно высшее мусульманское сословие, во главе которого стояли самаркандские шейх ал-исламы и термезские сейиды; переход одного из термезских сейидов в 1371 г. на сторону врагов Тимура был случайным недоразумением, не имевшим никаких последствий ни для Тимура, ни для самих сейидов. К этому же классу принадлежал сейид Береке, пришелец из Мекки, получивший от Тимура в удел город Андхой в Афганистане и впоследствии похороненный рядом с Тимуром. По преданию, Тимур видел своих духовных покровителей и в некоторых шейхах-подвижниках, более близких народным массам, особенно в шахрисябзском шейхе Шемс ад-дине Кулале, своем первом наставнике, и в хорасанском шейхе Зейн ад-дине Тайабади; но Шемс ад-дин умер в начале царствования Тимура, а Зейн ад-дин упоминается в истории Тимура

только один раз, в 1381 г., и не оказал никакого влияния на действия Тимура. Характерно полное отсутствие сведений о какой-либо близости между Тимуром и бухарскими дервишами, хотя современником Тимура был один из самых влиятельных бухарских шейхов, Бега ад-дин Накшбанд, основатель широко распространенного и в настоящее время ордена накшбандиев. Особенное значение должны были иметь для Тимура те мусульманские святые, культ которых соединялся с национальными традициями кочевников. Характерно, что единственная выдающаяся постройка Тимура вне его родного Шахрисябза и его столицы Самарканда — мавзолей в городе Туркестане над могилой шейха XII в. Ахмеда Ясеви, одного из просветителей турок.

В чужих странах ревность к вере была для Тимура только предлогом для достижения политических целей. В Сирии, где он выступал мстителем за обиды, некогда причиненные дому пророка, его считали ревностным шиитом; но в шиитском Мазандеране он выступал мстителем за оскорбление, шиитами памяти спутников пророка. Таким же предлогом было восстановление порядка и спокойствия, нарушенных политическим распадением Персии, главного предмета завоевательных стремлений Тимура. Истинной причиной его походов было честолюбие завоевателя¹; ему приписываются слова, выражающие, по-видимому, его действительную мысль: «Все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей». Тем же несколько болезненным честолюбием объясняется стремление поражать мир грандиозностью своих действий — как разрушительных, так и созидательных, причем силе внешнего впечатления придавалось большее значение, чем прочности результатов. Походы Тимура обнимали огромную территорию — от Ельца, в России, до Дели, от Смирны до Большого Юлдуза (к северу от Кучи); но, за исключением Ирана и Месопотамии, где Тимур создал уделы для своих сыновей и внуков, эти походы были только опустошительными набегами. В свою столицу, Самарканд, Тимур отовсюду привозил добычу, в том числе писателей и ученых, которые должны были придать блеск столице мирового завоевателя. Мнение, будто Тимур всюду, кроме Самарканда, выступал разрушителем, преувеличено; им были произведены грандиозные оросительные работы в таких отдаленных от Самарканда местностях, как долина Кабула и Муганская степь². Но Самарканд, по мысли Тимура, должен был сделаться первым городом в мире; внешним выражением этой мысли была постройка вокруг Самарканда ряда селений, получивших назва-

¹ <Вряд ли только честолюбием можно объяснить даже субъективные побуждения Тимура, толкавшие его на завоевательные походы. — В. Р.>

² <В. В. Бартольд преувеличивает созидательную деятельность Тимура в завоеванных странах, ибо крупные оросительные работы, о которых он здесь говорит, ограничиваются немногими случаями и их результаты несоизмеримы с разрушениями, вызванными завоеваниями Тимура. — В. Р.>

ния по главным городам мусульманских стран: Багдада, Дамаска, Мисра (Каира), Ширази и Султани.

Тимур посвятил свою молодость исключительно военным упражнениям и не обладал образованием, не знал даже грамоты, тем не менее он не был чужд культурной жизни своего двора. Посредством бесед с учеными (кроме своего родного турецкого языка, он говорил по-персидски) он приобрел некоторые познания в науках и своими познаниями в истории мог удивить историка Ибн Халдуна; играл в шахматы с лучшими игроками того времени; архитекторы при возведении построек должны были руководиться художественными замыслами самого Тимура. Некоторые постройки были связаны с определенными походами; так, дворец Ак-сарай в Шахрисябзе был выстроен в 1380 г. руками пленных мастеров, увезенных в 1379 г. из Хорезма; самаркандская соборная мечеть, известная теперь под названием мечети Биби-ханым, была начата постройкой в 1399 г., после возвращения Тимура из Индии. Мечеть Биби-ханым может быть признана характерным примером строительства Тимура; грандиозное по художественному замыслу здание в техническом отношении было построено так небрежно, что еще при жизни Тимура с него падали камни и присутствие на богослужении считалось опасным.

Из культурных областей от походов Тимура больше всего пострадал Хорезм, несколько раз восстававший против завоевателя. Самый город Ургенч в 1388 г. был сравнен с землей (конечно, за исключением мечетей, минаретов и т. п.), и все жители его переселены в Самарканд; в 1391 г. Тимур разрешил восстановить город, но только в размерах одного квартала. Против северных и восточных соседей Мавераннахра Тимур совершил несколько походов, но только для того, чтобы отомстить степнякам за прежние набеги и уменьшить опасность от этих набегов в будущем. Прочное умиротворение степи было возможно только при условии колонизационного движения в сторону степи, которого при Тимуре не было; только в последние годы его царствования, когда им был задуман поход на Китай, им были выдвинуты вперед пограничные посты. Была построена крепость на Ашпаре (ныне пограничная река между Сыр-Дарьинской областью и Семиречьем) и приняты меры для восстановления там земледелия; другая крепость была построена на Иссык-Куле. Результаты этих действий Тимура принадлежали к числу самых недолговечных. В 1404 г. для похода на Китай были собраны значительные силы на Сыр-Дарье, от Шахрухия (города, получившего это название по имени сына Тимура; ныне развалины Шаракия, недалеко от впадения в Сыр-Дарью Ангрена) до Саурана; но в самом начале этого похода, 18 февраля 1405 г., в Отраре умер Тимур; еще в том же 1405 г. были покинуты как крепость на Иссык-Куле, так и пост на Ашпаре и с моголами был заключен договор, по которому им были возвращены все завоевания Тимура. Через не-

сколько лет после окончания вызванных смертью Тимура смут, когда верховная власть над государством Тимура перешла к его сыну Шахруху и представителем Шахруха в Самарканде сделался его сын Улугбек, границей чагатайского государства на северо-востоке снова была признана Ашшара. Впоследствии Улугбек, по примеру деда, совершил поход в глубь Моголистана (1425 г.), посетил и крепость, построенную Тимуром на Иссык-Куле, и привез из верхней части долины Или два больших куска нефрита, которые были положены на гробницу Тимура (другим памятником похода Улугбека является надпись в Джиланутинском ущелье, между Самаркандом и Джизаком); но и поход Улугбека не имел никаких прочных результатов, не привел ни к умиротворению степи, ни к восстановлению оседлости и городской жизни.

Самарканд в правление Улугбека (1409—1449, до 1446 г. от имени Шахруха) еще оставался блестящей столицей, хотя глава династии, Шахрух, жил в Герате. Улугбек привлекал к своему двору ученых и художников, воздвигал великолепные постройки, в том числе медресе на Ригистане, построил в северных окрестностях города обсерваторию, сам производил астрономические наблюдения и писал астрономические труды; современники сравнивали его, как ученого на трестолу, с царственным учеником Аристотеля, Александром Великим. В противоположность Герату, где при Шахрухе получило преобладание мусульманское благочестие (сам Шахрух хотел быть только мусульманским султаном и халифом и совершенно отвергал законы Чингиз-хана), в Самарканде при Улугбеке продолжалась прежняя культурная и веселая жизнь, в которой принимали участие шейх ал-исламы, но не могли принимать участие ни народные массы, ни их духовные вожди — дервиши, еще менее сочувствовавшие Улугбеку, чем Тимуру, и в то же время не испытывавшие перед ним такого страха, как перед его дедом. Из их среды, из ордена накшбендиев, еще при жизни Улугбека выступил политический деятель, ходжа Ахрар, с именем которого связана победа в Туркестане религиозной реакции над утонченной светской жизнью и городской культурой.

Несчастия, преследовавшие Улугбека во вторую половину его правления, неудачные действия его во время смут после смерти Шахруха и легкомыслие его младшего сына Абд ал-Азиза лишили его всякой популярности; власть перешла к его другому сыну, Абд ал-Лятифу, не остановившемуся перед убийством отца и брата. Начавшаяся еще при Абд ал-Лятифе религиозная реакция была прервана на короткое время в 1450 г.; Абд ал-Лятиф пал жертвой военного заговора, а возведенный на престол заговорщиками племянник Улугбека, Абдулла, был продолжателем традиций своего дяди; но в 1451 г. Абдулла пал в битве с другим потомком Тимура, ставленником ходжи Ахрара, Абу Са'идом. Победа Абу Са'ида была одержана с помощью степняков — узбеков, утвердившихся в то время, под главенством хана Абулхайра,

на нижнем течении Сыр-Дарьи. И здесь, как было несколько раз в мусульманском мире (например, в Испании), религиозная реакция нашла в варварах союзников против светской культуры.

Во второй половине XV в., в противоположность эпохе Шахруха и Улугбека, ученые, поэты и художники находили более благоприятные условия для своей деятельности в Герате, чем в Самарканде и Бухаре. Герат при султанах Хусейне (1469—1506), под властью которого находились также Закаспийская область и Хорезм, сделался блестящим центром умственной деятельности; несмотря на отсутствие в Герате турецкого населения, с Гератом связан даже высший расцвет среднеазиатско-турецкой поэзии; главный ее представитель, Мир Али-Шир, был везиром султана Хусейна. Мир Али-Шир старался доказать своими произведениями, что на турецком языке может быть создана такая же литература, как на языке сартов. Слово *сарт*, индийского происхождения, первоначально употреблялось турками в смысле 'купец'; при монголах оно, сначала в форме *сартактай* и *сартаул*, стало обозначать вообще представителей мусульманской культуры, преимущественно иранцев, т. е. употреблялось в том же значении, как слово *таджик*. Уже при узбеках, по мере отуречения туркестанских иранцев, сартами стали называть оседлое население Туркестана, говорившее по-турецки, в отличие от таджиков, сохранивших иранский язык. Как таджиками были сперва одни арабы, потом арабы и персы вместе, потом одни персы, так сартами были сперва одни персы, потом персы и турки вместе, потом одни турки³.

По-видимому, султан Хусейн и его сподвижники сумели придать своей деятельности такой характер, что она не вызвала противодействия и со стороны представителей религиозных кругов; но после смерти султана наступили обычные междоусобия, и культурная работа была нарушена внешним завоеванием.

³ <О значении термина *сарт* см. ниже, стр. 196—197 и 460—462, а также Barthold, *Sart* (EI, IV). — В. Р.>

< VII >

< УЗБЕЦКИЕ ХАНСТВА >

В начале XVI в. узбекский хан Шейбани, внук Абулхайра, завоевал все владения потомков Тимура в Туркестане и Хорасане, в том числе и бывшее государство султана Хусейна². Шейбани в 1510 г. пал при Мерве в битве с шахом Исмаилом, основателем новоперсидского государства. На короткое время Бухара и Самарканд снова перешли в руки одного из потомков Тимура, султана Бабура, записки которого являются одним из лучших произведений турецкой прозы; но в 1512 г. племянник Шейбани, Убейдулла, своей победой над Бабуром восстановил и упрочил господство узбеков в Туркестане. Из Хорезма персы около того же времени были изгнаны другими узбекскими ханами, основавшими там особую династию. Султан Бабур ушел в Индию, где им было основано одно из самых блестящих мусульманских царств, по традиции также считавшееся «чагатайским», хотя никаких потомков Чагатая в нем не было.

Убейдулла-хан (ум. в 1539 г.) считался идеальным правителем в духе мусульманского благочестия. При нем и его преемниках политическое первенство постепенно перешло от бывшей столицы Тимура и его потомков, Самарканда, к Бухаре. С Бухарой была тесно связана и деятельность Убейдуллы, и деятельность главного представителя династии Шейбанидов, Абдулла-хана (1559—1598), и деятельность ханов XVII в., происходивших из династии Аштарханидов, или Джанидов. Абдулла завоевал Хорасан и Хорезм, совершил поход в глубь степи:

---

¹ <Библиографию основных работ по истории Средней Азии в XVI—XIX вв. см. Иванов, *Очерки*, стр. 234—246; из новых изданий источников по этому периоду, не вошедших в библиографию, упомянутые выше, стр. 109, прим. 1, см.: Мухаммед-Юсуф Мунши; Мухаммед-Амин-и Бухари; Абд ар-Рахман Тали; Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова; *Та'рих-и Бадахшан*; Мухаммед-Казим, факс.; Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова; Васафи, изд. Болдырева; Абд ал-Азим Сами. Библиографию трудов А. А. Семенова и П. П. Иванова, внесших наиболее крупный вклад в изучение истории Средней Азии в XVI—XIX вв., см.: Якубовский, *Павел Петрович Иванов*; Вороновский, *Библиография*. — В. Р.>

² <Лучшая работа, посвященная этим событиям: Семенов, *Шейбани-хан*. — В. Р.>

и, по примеру Улугбека, оставил об этом походе надпись в Джиланутинском ущелье. С именем Абдуллы, как с именем Тимура, в народной памяти связано представление о строителе по преимуществу; Тимуру и Абдулле, кроме действительно воздвигнутых ими сооружений, приписываются и многие другие, как арки от моста на Зеравшане у Самарканда (мост был построен при Шейбани).

Вообще узбекское завоевание не привело к полному прекращению культурной работы. Почти совершенно варварской была жизнь узбекского ханства в Хорезме, так высоко стоявшем в культурном отношении в XIV в.; когда хан Абулгази (1643—1663), проживший десять лет в Персии и потому превосходивший своих земляков образованием, задумал составить историю своей династии, он не нашел никого, кому бы он мог поручить эту работу, и был принужден выполнить ее сам. С другой стороны, на Зеравшане именно при узбеках впервые была создана богатая историческая литература (историки Тимура и его потомков почти все, по происхождению или по месту деятельности, принадлежали Персии). Некоторые постройки того же времени, например медресе Ширдар в Самарканде, построенное в 1619 г., мало уступают постройкам Тимура и Улугбека. В состав узбекского ханства входила и северная часть Афганистана с Балхом; вследствие географической близости к начинавшемуся за Гиндукушем блестящему царству индийских «Великих Моголов» (потомков Бабура), Балх сделался центром светской культурной жизни; в 1640-х годах призванный из Балха в Бухару хан Надир-Мухаммед вызвал среди своих подданных неудовольствие перенесением в суровую и благочестивую Бухару балхских нравов.

XVIII век был для всей мусульманской Азии веком политического, экономического и культурного упадка. Главной причиной этого явления, еще не вполне объясненного, было, вероятно, начавшееся еще в XV в. развитие морских торговых путей, находившихся в руках западных европейцев, и упадок караванной торговли³. В Туркестане временем политических смут в узбекских ханствах еще в XVI в. пользовались их степные соседи, на западе — туркмены, на востоке — казаки, часть узбеков, еще в XV в. отделившаяся от главной массы народа и потому не принявшая участия в завоевании государства потомков Тимура; казаков потом по недоразумению называли киргизами. От смут XVIII в. особенно пострадали Самарканд и Хива, куда еще в XVII в., после поворота Аму-Дарьи к Аральскому морю, была перенесена из Ургенча

³ <Указанное В. В. Бартольдом обстоятельство было важной, но не единственной причиной отмечаемого упадка. Более полно об этой и других причинах упадка Средней Азии в позднем средневековье и в начале нового времени см. Иванов, *Очерки*, стр. 6—7, 89. О причинах отставания других стран Востока, находившихся в этот период в сходных со Средней Азией условиях, см. Рейснер, *К вопросу об отставании*. — В. Р.>

столица Хорезма, еще до основания, недалеко от Хивы, нового Ургенча, к которому перешло торговое значение старого. Самарканд и Хива на некоторое время совершенно опустели. К концу XVIII в. удалось восстановить сколько-нибудь прочный порядок, с образованием новых ханских династий — мангытской в Бухаре и кунгратской в Хиве. Несколько раньше установилась династия Минг в Фергане, где беки в XIX в. приняли ханский титул, вследствие чего к двум прежде существовавшим узбекским ханствам, Бухарскому и Хивинскому, присоединилось третье, Кокандское, по имени нового города Коканда, созданного новой династией.

В XIX в., после окончательного установления культурного первенства Европы, Туркестан, как самая отдаленная от Европы часть мусульманской Азии, в культурном отношении стоял ниже других мусульманских стран. Туркестан до прибытия русских не знал ни типографий, ни литографий, тогда как в Турции и Персии печатание давно было известно. В государственной и общественной жизни Турции и Персии мы уже в XVIII в. видим признаки европейского влияния; Туркестан оставался в этом отношении совершенно средневековой страной, и только возобновление, впервые после монгольского нашествия, чеканки золотой монеты свидетельствовало о некоторых экономических связях, через посредство Персии, с Западной Европой.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, что русские завоеватели застали в Туркестане одно варварство и не нашли там никакой культурной работы, которую они могли бы продолжать. Экономическое благосостояние большей части Туркестана в момент русского завоевания было значительно выше, чем столетием раньше; Хива и Самарканд снова были значительными городами. В противоположность XVI и XVII векам, мы в XIX в. видим в ханствах Хивинском и Кокандском более оживленную культурную деятельность, литературную⁴ (особенно в области историографии) и строительную, чем в Бухарском. Фергана в первый раз сделалась ядром обширного государства, в состав которого вошел почти весь бассейн Сыр-Дарьи; кокандским ханам удалось подчинить себе и часть степняков в восточной части Сыр-Дарьинской области и в западной части Семиречья; впервые после нескольких веков было возобновлено колонизационное движение в степь и под защитой кокандских укреплений возобновилось земледелие. В самой Фергане города в том виде, как их застали русские, — Коканд, Андижан и новый город Наманган (еще в XVII в. бывший деревней), — всецело были созданы кокандскими ханами; ими же были созданы обширные оросительные системы, с использованием вод Кара-Дарьи и Нарына, каких не было в Фергане даже в лучшую эпоху культурного прошлого Туркестана. Фергана впервые заняла первенствующее эко-

⁴ <О литературе в Кокандском ханстве см. Каюмов, *Кукон адабий мухити*. — В. Р.>

номическое положение в Туркестане и вполне сохранила его при русских. Таким же наследием периода узбекских ханств является возвышение нынешнего главного города Туркестана, Ташкента, который еще при Абдулла-хане занимал гораздо меньшее пространство, чем теперь, и имел для культурной жизни Туркестана только второстепенное значение.

Будущность Туркестана, как всякой страны, зависит от того, какое положение будет принадлежать ему в мировой торговле. Торговое значение Туркестана, как капиталистической страны⁵, всецело зависит от развития железнодорожных путей, восстановивших значение сухопутной торговли рядом с морской. Былое значение Туркестана для торговли с Дальним Востоком едва ли когда-нибудь будет восстановлено; мало вероятно, чтобы рядом с сибирской дорогой когда-нибудь был создан еще другой рельсовый путь в Китай через Туркестан⁶; но остается еще не решенным вопрос о будущем европейско-индийском рельсовом пути и о том, какое место в этом железнодорожном сообщении будет принадлежать Туркестану.

Вследствие этого Русский Туркестан имеет не только прошлое, но и будущее, тогда как Восточный или Китайский Туркестан, который по физико-географическим причинам никогда не будет иметь значения для железнодорожной сети, является исключительно страной прошлого⁷.

Важнейшая литература по археологии и истории Туркестана указана в книге: Масальский, *Туркестанский край*, стр. 794 и сл.; там же (стр. 273 и сл.) краткий очерк истории Туркестана; ср. рецензию на эту книгу: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII⁸. Более новые труды: Бартольд, *Орошение*; Бартольд, *Улугбек*⁹.

⁵ <Это утверждение Бартольда в курсе лекций, прочитанных им в начале 20-х годов, показывает, что тогда он, разделяя взгляды значительной части буржуазной интеллигенции, еще не видел возможности иного пути развития, кроме капиталистического. Впрочем, не исключено, что в данном случае В. В. Бартольд применял термин «капиталистическая страна», подразумевая развитие современной индустрии, техники и т. п. и отвлекаясь от вопросов социально-политического строя. — В. Р.>

⁶ <Ныне железнодорожные пути, проходящие через Восточный Казахстан, соединяют не только Сибирь со Средней Азией, но и СССР с КНР. — В. Р.>

⁷ <Жизнь изменилась, и мрачные прогнозы Бартольда, основанные на преведении роли географического фактора, не оправдались. — В. Р.>

⁸ <См. ниже, стр. 635—642.>

⁹ <См. также выше, стр. 109, прим. 1.>

ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
ТУРКЕСТАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк первоначально был задуман в виде небольшой работы, которая должна была быть посвящена «Культурному уровню и потребностям населения Туркестана» и войти в состав «Монографии по Туркестану» объемом в 65—70 печатных листов, подготовлявшейся Туркестанским отделом КЕПС, работавшим под руководством Д. И. Мушкетова. Монография должна была распадаться на девять отделов; каждый отдел был поручен автору-специалисту. Уже в отчете о деятельности АН за 1919 год сказано, что из девяти отделов три закончены, именно: первый (В. И. Юферев, Хлопководство в Туркестане), второй (В. И. Масальский, Водное хозяйство и земельные улучшения) и восьмой (он же, Народное хозяйство Туркестана); по отделу, порученному мне, была исполнена тогда только часть работы («окончательно составлена часть историческая, посвященная домусульманскому периоду; собран материал по истории Туркестана в мусульманский период, причем установлены многие новые факты в этой области»). Предполагалось закончить всю монографию к 1 января 1920 г. В отчете о деятельности АН за 1924 г. сказано, что «совершенно закончена в отчетном году под редакцией проф. Д. И. Мушкетова монография по Туркестану, впервые всесторонне освещающая этот богатейший край. Выпуск ее предполагается приурочить к 200-летию РАН». Как известно, это намерение не могло осуществиться. В списке изданий КЕПС, вошедшем в «Систематический указатель изданий Академии Наук СССР 1917—1925», упоминается только работа В. И. Юферева «Хлопководство в Туркестане» (1925, стр. 160); как находящиеся в печати названы еще две работы, первоначально задуманные как части предполагавшейся монографии: Л. И. Прасолов, *Почвы Туркестана*; Б. А. Федченко, *Очерки растительности Туркестана*¹. В отчете о деятельности АН за 1925 г. уже ничего не говорится ни о Туркестанском отделе, ни о монографии по Туркестану; упоминается только о подготовлявшейся к изданию одновременно с монографией, под редакцией Л. С. Берга, библиографии Туркестана, часть которой выходит теперь в свет в изданиях другой академической

---

¹ В настоящее время оба труда отпечатаны. *Прим. ред.* <к 1-му изданию>.

комиссии². Труд Д. И. Мушкетова «Физико-географическое и геологическое описание Туркестана» в заседании Общего собрания АН 6 ноября 1926 г. был принят для напечатания в изданиях КЕПС.

При издании в свет в виде отдельной книги настоящий очерк требовал более существенных изменений, чем другие отдельные части предполагавшейся монографии. Задачи очерка, посвященного «культурному уровню и потребностям населения», гораздо менее ясны и определены, чем задачи обзоров хлопководства, водного хозяйства и т. п.; составителю такого очерка было труднее дать законченный труд, который бы мог сохранить одинаковое значение, независимо от времени и условий своего появления в свет. Кроме того, в переживаемые нами годы такой очерк должен был быстро устареть. Было необходимо изменить заглавие и в связи с этим отчасти содержание очерка. Говорить теперь о «культурных потребностях» можно было бы только в связи с целями советского строительства, в которые пишущий эти строки недостаточно посвящен; культурный уровень населения также должен был существенно измениться, и с этими изменениями мне тоже не пришлось подробно ознакомиться, хотя я имел возможность дважды (в 1920 и 1925 гг.) посетить Туркестан при советском строе; наконец, для полного и объективного обзора культурной жизни советского Туркестана еще не настало время. Очерк получил характер исторического обзора культурной жизни прежнего, дореволюционного Туркестана³, без прямого отношения к современной жизни и ее задачам; связь очерка с современной жизнью определяется только той пользой, которую может принести современным деятелям знакомство с прошлым.

Перемены и переделки должны были отразиться на цельности содержания и стройности изложения; на том и другом, вероятно, отразились и тяжелые условия жизни тех лет, когда писался очерк. Подвергнуть его полной переработке, с использованием всех тех возможностей, которые есть у ученого, работающего в Ленинграде теперь, и которых не было тогда, у меня не было времени. Насколько очерк и при таких условиях может принести пользу и заслуживал издания, пусть решит критика.

² В настоящее время в издании ГИОА отпечатана библиография по хлопководству Туркестана и в издании КЕПС печатается библиография по животному миру Туркестана. *Прим. ред. <к 1-му изданию>*.

³ <Библиографию по вопросам, рассматриваемым В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана», см. в общих работах: Гафуров, *История*, стр. 492—538; *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 504—542; кн. 2, стр. 464—495; *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 2, стр. 403—486; *Народы Средней Азии*, I, стр. 685—704; II, стр. 699—707. См. также выше, стр. 109, прим. 1, и стр. 163, прим. 1. — В. Р.>

ДОМУСУЛЬМАНСКИЙ ПЕРИОД

В отличие от других присоединенных к России мусульманских областей, особенно Приволжья и Западной Сибири, в Средней Азии в состав России вошли области, где мусульманская культура достигла высокой степени развития задолго до принятия русским народом христианства и где население в эпоху принятия им ислама уже имело за собой продолжительный период культурной жизни. Древнейшие известные нам культурные народности Средней Азии, согдийцы на Зеравшане и хорезмийцы по нижнему течению Аму-Дарьи, принадлежали к иранскому племени; их области входили в состав первой известной в истории мировой монархии, персидского государства Ахеменидов. Царь Дарий (522—486 гг. до н. э.) в своих надписях называет согдийцев и хорезмийцев среди подчиненных ему народностей; на знаменитом барельефе у гробницы Дария близ развалин Персеполя среди представителей народностей, поддерживающих трон царя, изображены также согдиец и хорезмиец. Отряды согдийцев и хорезмийцев принимали участие в походе Ксеркса на Грецию; хорезмиец Артаикт был назначен начальником города Сеста на европейском берегу Дарданелл.

Достоверных известий о том, когда и как произошло присоединение областей согдийцев и хорезмийцев к персидской монархии, мы не имеем. Движение иранцев происходило, по-видимому, с северо-востока на юго-запад, из Средней Азии в Персию; отдельные народности, как впоследствии германцы во время великого переселения народов, шли независимо одна от другой и селились в различных местностях.

Во время этого движения иранцы еще не достигли степени культурного развития, необходимого для создания определенного государственного строя; государственная жизнь получила развитие только у самых западных иранских народностей, мидян и персов, под влиянием их более культурных западных соседей; созданной персами, может быть еще до них мидянами, государственности были вынуждены подчиниться народности, отставшие от них во время движения на запад и поселившиеся в более восточных областях. В этом отношении, по-

видимому, можно провести аналогию между значением персов в истории иранского и франков в истории германского мира. Очень вероятно, что среднеазиатские иранцы подчинились персидской государственности так же неохотно, как народности средней и северной Германии — франкской. Известия о походе Александра Македонского показывают, что в это время Хорезм уже не был, как при Дарии и Ксерксе, персидской провинцией, но самостоятельным владением; о том, когда и как хорезмийцы вернули себе независимость, мы ничего не знаем. Согдийцы оставались подданными «великого царя» и принимали участие в войне с Александром еще со времени битвы при Гавгамеле (331 г.); но действия их показывают, что персидская государственность не пользовалась их сочувствием и что они радовались ее крушению. Согдийцы поддерживали Бесса в его восстании против Дария III, но покинули его и выдали его Александру, когда Бесс принял царский титул и имя «Артаксеркс»; восстали и против Александра, когда убедились в его желании прочно подчинить себе области бывшей персидской империи.

Историками походов Александра отмечается факт низкого культурного уровня среднеазиатских иранцев по сравнению с мидянами и персами; нравы бактрийцев и согдийцев мало отличались от нравов кочевников, причем бактрийцы, жившие к югу от Аму-Дарьи, в культурном отношении все же стояли несколько выше своих северных соседей. Однако и в стране к северу от Аму-Дарьи в то время, кроме земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении (при описании области по Зеравшану отмечается факт зависимости культуры от присутствия воды), существовала и городская жизнь. Главный город согдийцев на Зеравшане по местоположению и названию (Мараканды) приблизительно соответствовал современному Самарканду. Есть известие, вероятно преувеличенное, что город занимал пространство до 70 стадиев в окружности. Величина стадия определялась различно; по исследованиям одного из современных ученых, стадий Эратосфена, главного представителя вызванной македонскими завоеваниями географической литературы, равнялся 157,5 метра; 70 стадиев в таком случае составляли бы более 11 километров; таких больших городов потом не было в Туркестане до арабского завоевания; пространство города, построенного Александром на Сыр-Дарье, равнялось 6 римским милям или 48 стадиям (7,56 километра). Отдельно упоминается цитадель города, окруженная особой стеной. На той же реке, ниже по течению, у согдийцев был еще другой «царский» город, название которого не приводится; неизвестно также, следует ли относить выражение «царский» к каким-нибудь местным владетелям¹. Из

¹ <Единственное сообщение о «царском городе» (Басилейе) в Согде содержится в «Анабасисе Александра» Арриана (IV, 5, 3). В этом сообщении слово «Басилейя» появилось, скорее всего, в результате позднейшего искажения текста (вместо названия местности — Басиста). См. Мочадокая, *О «царском городе»*. — Б. С.>

других городов самым значительным был город, уже в бассейне Сыр-Дарьи, основание которого приписывалось Киру (558—530) и который упоминается под греческим названием «Кирополь». Город находился, по-видимому, на месте селения Шахристан, к югу от Ура-Тюбе; македонцы проникли в него по руслу притока или канала, в летнее время пересыхавшего; вслед за тем, по недостатку воды, сдалась и цитадель города. Кирополь был главным городом всей местности, но число его жителей, по-видимому, значительно уступало числу жителей современных больших городов Туркестана; в его стенах в то время находилась и часть населения соседних городов, спасшаяся бегством при взятии этих городов македонцами, и все-таки число защитников Кирополя доходило только до 15 000 человек. Между македонским лагерем на Сыр-Дарье (по-видимому, близ современного селения Нау) и Шахристаном было пять городов, причем приводится название только одного из них, Газы, ближайшего к лагерю Александра. Газу сближают с Газаком арабских географов, находившимся на пути из Шахристана в Ходженд, приблизительно в одинаковом расстоянии от обоих (несколько ближе к первому), может быть в долине Босманды-су, где теперь селение Газан-Дарак².

Наряду с городами упоминаются укрепленные деревни; Бесс был покинут согдийцами и взят в плен македонским отрядом в небольшой деревне, окруженной стеной с воротами, в местности к северу от Аму-Дарьи, в четырех днях пути от места переправы Александра (переправа произошла, по всей вероятности, у Келифа). Говорится также об «укреплениях» (εγυματα), куда бежали варвары во время опустошения македонцами местности по Зеравшану. От народных масс отличаются «первенствующие» (proteuontes), с которыми вел переговоры Александр. Очень вероятно, что общественный строй в IV в. до н. э. был тот же, который застали в VII в. н. э. арабы — господство землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках³.

Земледельцам-согдийцам противопоставляются кочевники-саки, по происхождению также иранцы. Точных сведений о распределении территории между оседлым и кочевым элементом, вообще о границах между возделанными пространствами и степью, не приводится; даже представление о Сыр-Дарье как северной границе области согдийцев, может быть, основано только на том, что на берегу этой реки, близ Нау, произошла битва между саками и Александром. Столь же мало сообщается о характере земледельческой культуры. Говорится о культуре риса в Бактрии и о сортах винограда на Мургабе, но о произведениях области согдийцев мы не находим в греческой литературе никаких сведений.

² <О Кирополе и Газе ныне см. Негматов, *Усрушана*, стр. 16—23. — Б. С.>

³ <Об этом предположении В. В. Бартольда см. выше, стр. 117, прим. 18. — Б. С.>

Греческое владычество (с IV до II в. до н. э.) не могло не оказать некоторого влияния на дальнейшее развитие культуры, в особенности городской жизни. Города строились как Александром, так и его преемниками — Селевкидами, владевшими почти всею азиатскою частью его империи, и греко-бактрийскими царями, отложившимися около середины III в. до н. э. от Селевкидов, владевшими кроме Бактрии также областью согдийцев и значительно распространившими пределы греческих завоеваний в сторону Индии. Об Александре говорится, что он разрушил Мараканды и некоторые другие города, но построил ряд других городов, не менее семи. Селевку I (312—280) и его сыну Антиоху I Сотеру (280—261) приписывается основание целого ряда «Селевкий» и «Антиохий»: одна из Антиохий находилась по ту сторону Сыр-Дарьи, в стране скифов (саков). Более всего были облюбованы Антиохом берега Мургаба, где уже Александром был построен город, названный по обыкновению Александрией. Город был разрушен «варварами»; вместо него Антиохом была выстроена «Селевкия», получившая впоследствии название «Антиохии», по-видимому на месте позднейшего Мерва. Весь культурный оазис, середину которого занимал этот город, был окружен длинными стенами (до 1500 стадиев, т. е. более 235 километров в окружности) — первой постройкой этого типа в Средней Азии; следы этих стен были видны еще в первые века ислама. Царство одного из позднейших греко-бактрийских царей, Евкратиды (во II в. до н. э.), называлось «царством тысячи городов»; к сожалению, неизвестно, были ли им построены города также в пределах Туркестана.

Движением Александра и греко-бактрийских царей в сторону Индии была установлена более тесная, чем прежде, культурная связь между этой страной и среднеазиатскими областями. Боевые слоны, с которыми Александру впервые пришлось иметь дело в бассейне Инда во время войны с Пором, теперь получили широкое распространение в Передней Азии; некоторым числом слонов владел и греко-бактрийский царь Евтидем, но по договору 206 г. был вынужден отдать их Селевкиду Антиоху III Великому (223—187). Договор был заключен после продолжительной осады Антиохом столицы Евтидема, Бактрии. Интересен рассказ об этих переговорах, наглядно свидетельствующий о значении кочевников в истории Средней Азии. Евтидем грозил, что в крайнем случае призовет кочевников, что повлечет за собой разорение всей страны, не только государства Евтидема, но и государства Антиоха.

Во II в. до н. э. культурные области Средней Азии подверглись нашествию более отдаленного кочевого народа, в связи с образованием первой известной в истории кочевой империи на границах Китая и вызванным этим передвижением нескольких народностей с востока на запад. Кочевая империя была создана народом, название которого в

китайской транскрипции приводится в форме *хунну* и который несколько веков спустя под именем гуннов прославился в Европе. Народы, в первой половине II в. до н. э. побежденные хуннами и оттесненные ими далеко на запад, упоминаются в китайских источниках под названием усунь и юечжи, вернее юеши. Из них усунь заняли нынешнюю Семиреченскую область, оттеснив дальше на запад юечжийцев, которыми раньше были вытеснены саки; юечжийцев китайцы в конце II в. нашли на северной стороне Аму-Дарьи, в пределах бывшего Бухарского ханства, откуда они в следующем столетии передвинулись еще дальше на юг и уничтожили последние греческие владения в пределах Афганистана и Индии.

Транскрипция *юеши*, по мнению некоторых исследователей, передает народное название *куш* (имен. пад. ед. числа *куши*), которое в форме множественного числа — *кушан* — получило впоследствии известность на западе. Тот же народ назывался еще тохарами (в китайской транскрипции *тухоло*); тохары упоминаются и в греческих источниках среди завоевателей греко-бактрийского царства; местность по верхнему течению р. Аму-Дарьи получила от них название Тохаристан, существовавшее как географический термин еще в первые века ислама, когда его этнографическое происхождение было давно забыто. Слово Тохаристан заставляет полагать, что название *тохары* употреблялось самим народом; впоследствии, когда этот народ принял буддизм и перевел на свой язык часть буддийской религиозной литературы, этот литературный язык также назывался «тохарским». Очень вероятно, что название *тохары* было более этнографическим, название *куши*, или *кушаны*, — более политическим. Данные о языке тохаров показывают, что этот народ принадлежал к иранскому племени⁴.

Не выяснено до сих пор происхождение усуней, занимавших во II в. до н. э. обширную территорию на восток до Эби-Нора и местности к северу от Карашара, на запад до Ферганы. На своей первоначальной родине, в бассейне р. Булуцзир (в китайской провинции Ганьсу) юечжийцы и усунь были непосредственными соседями; в Туркестане китайцы помещают между владениями тех и других, к северо-западу от Ферганы, область народа, название которого известно только в китайской транскрипции — *кангюй*⁵. В иранской религиозной литературе встречается название Канга, но только как географический термин, не как этнографический; страну *Kangha* помещают на среднем течении Сыр-Дарьи, т. е. именно там, где, по китайским известиям, жили кангюйцы⁶. Подобно юечжийцам и усуням, кангюйцы вели кочевую

⁴ <Поправка В. В. Бартольда: «Под „языком тохаров“ здесь понимается так называемый „язык II“ (язык Хотана), а не „язык I“ (язык Кучи), к которому теперь относят термин „тохарский“ немецкие и французские ученые.»>

⁵ <Совр. транскрипция — *канцзюй*.>

⁶ <Такая локализация Кангюя оспаривается С. П. Толстовым, который отожд-

жизнь; не говорится, пришли ли они в Туркестан одновременно со своими соседями или жили там еще до них. То же самое относится к китайским сведениям о другом кочевом народе — *яньцай*, жившем к северо-западу от кангюйцев, в местности у Аральского и Каспийского морей. Китайцы упоминают о «переименовании» этого народа в *аланья*, из чего видно, что речь идет об аорсах или аланах классических авторов, одном из иранских народов; слово *аланы* появляется и в классической литературе только с I в. н. э.

«Открытие» китайцами «западного края», т. е. Туркестана, было вызвано желанием найти там союзников против хуннов; оттого главное внимание их было обращено на кочевые народы, от которых скорее, чем от оседлого населения, можно было ожидать такой помощи. Приводятся, однако, довольно подробные сведения о культурной области, до которой не доходил Александр и о которой ничего не говорится греческими авторами, именно о Фергане. Уже во II в. до н. э. в Фергане было до 70 городов, т. е. вероятно селений, так как культура была исключительно земледельческая; готовить изделия из золота и серебра и выделывать оружие из железа ферганцы научились только от китайцев (если это сообщение соответствует действительности, то из него можно было бы сделать вывод, что Фергана в эпоху греко-бактрийских царей не подвергалась греческому влиянию). Кроме хлебопашества — сеяли рис и пшеницу — ферганцы занимались виноградарством и культурой люцерны; из винограда готовилось вино. Интересно, что китайцы нашли в Фергане тот же способ хранения вина, как греки на Герируде; китайцы говорят о хранении вина без порчи «несколько десятков лет», греки — о «непокрытых смолою сосудах» (бочках), в которых вино могло сохраняться до третьего поколения. Сами китайцы впервые ознакомились с виноградарством и культурой люцерны в Фергане, которая таким образом, может быть, была первой после Индии страной, оказавшей влияние на культурную жизнь Китая. Главным «городом» Ферганы был тогда Гуйшань, т. е. Касан, в северной части области, сохранявший такое значение еще в эпоху арабского завоевания⁷.

Как греки в Бактрии и в области согдийцев, так и китайцы в Фергане нашли в нравах жителей сходство с нравами кочевников; ферганцы были вооружены стрелами и копьями и «искусны в конной стрель-

дествляет Кангюй с Хорезмом; см.: Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 20—25; его же, *По следам*, стр. 145 и сл.; *Работа ХАЭЭ 1949—1953 гг.*, стр. 72—73. Однако локализация Кангюя на среднем течении Сыр-Дарьи и ныне многими исследователями признается более убедительной. О разных точках зрения на локализацию Кангюя см. Ставиский, *О северных границах*, стр. 113. — Б. С.>

⁷ <Во II—I вв. до н. э. столицей Ферганы (Давани), судя по сообщениям китайских источников, был город Эрши; выдвижение же города Гуйшань (Кушания — Касан) относится к более позднему периоду. См.: Бернштам, *Древняя Фергана*, стр. 9—19; его же, *Историко-археологические очерки*, стр. 217, 222—230, 232—244. — Б. С.>

бе». Из этого можно сделать вывод, что земледельческая культура в Фергане была сравнительно недавнего происхождения⁸. Число населения области составляло, по китайским сведениям, 300 000 душ; если бы можно было признать эту цифру достоверной, то она указывала бы на незначительную сравнительно с настоящим временем плотность населения.

В Фергане была особая порода лошадей, которую китайцы называли «небесной» и которой, по-видимому, не было даже у кочевников; китайский император получил большое количество лошадей от усуней и все-таки обращался к ферганскому владельцу с просьбами прислать «небесных» лошадей. На этой почве происходили даже военные столкновения между Ферганой и Китаем; среди известий об этих событиях интересен рассказ о том, как китайцы отвели воду от главного города (Касана)⁹ и как туда же «из царства Цинь» прибыли люди, умевшие копать колодцы, которых в городе раньше не было; из этого рассказа видно, что в Средней Азии, как в Индии и впоследствии в Европе и в мусульманском мире, название династии Цинь (255—206), первой исторической династии, объединившей под своей властью весь Китай (во II в. до н. э. правила уже следующая, Ханьская династия), сделалось географическим термином для обозначения Китая как страны.

Гораздо более скудны известия китайцев о земледельческой культуре на Зеравшане и в других местностях Туркестана. В стране усуней не было, насколько известно, никакого земледельческого населения; но к земледельческим областям должно быть, несомненно, отнесено известие о пяти подчиненных кангюйцам «малых владениях»: Сусе, Фуму или Фумо, Юни, Ги и Юегянь¹⁰. Как указывают китайские ученые более позднего периода, под этими терминами древнейших китайских источников следует понимать Шахрисябз, Кушанию на Зеравшане, близ Катта-Кургана, Ташкент, Бухару и северную часть Хорезма с городом Гурганджем (где ныне Куня-Ургенч). Эти сближения приняты и европейской наукой¹¹. Таким образом, большая часть согдийского

⁸ <Новый материал о древности земледелия Ферганы см. Заднепровский, *Древнеземледельческая культура Ферганы*. — Б. С.>

⁹ <В. В. Бартольд повторяет здесь ошибочное утверждение позднего китайского комментатора, который называет столицей Ферганы (Давани) во II в. до н. э. город Касан (Гуйшань); см. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 4, прим. 2. Согласно же сообщениям древних китайских авторов, во время упоминаемого похода (конец II в. до н. э.) столицей Давани был город Эрши. См. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 24—29. Ср. Кюннер, *Китайские известия*, стр. 122—129. См. также выше, прим. 7. — Б. С.>

¹⁰ <Совр. транскрипция последних трех названий: Юйни, Цзи и Юецзянь.>

¹¹ <Из всех этих отождествлений ныне общепризнанным можно считать лишь одно — Юецзянь = Гургандж = Хорезм. Локализация остальных четырех владений спорна; возможно, что их следует помещать в районе среднего течения Сыр-Дарьи. См. Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 208—216. — Б. С.>

народа перешла из-под власти греко-бактрийских царей под власть кочевников кангюйцев, подчинивших себе также хорезмийцев, хотя сам кангюйский народ не обладал политическим единством и подчинялся на юге юечжийцам, на севере хуннам. Через некоторое время кангюйцы, оставаясь в тесном союзе с юечжийцами, достигли, по-видимому, большого политического значения. По китайской «Истории старших Хань» (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.), военные силы народа яньцай (аланов) превосходили силы кангюйцев; «История младших Хань» (25—220) говорит, наоборот, о подчинении аланов кангюйцами¹². В том, что главный город подчиненного кангюйцам владения на Зеравшане находился не на месте Самарканда, но близ Катта-Кургана, можно видеть подтверждение греческого известия о разрушении «Мараканд» Александром.

Часть страны, ныне входящей в состав Туркестана, именно Туркмения, находилась под властью парфян, упоминающихся в китайских источниках под названием Аньси; этой транскрипцией (первоначальное произношение соответствующих иероглифов, по словам некоторых синологов, было *ансак*) передается название династии Аршакидов. Китайцам было известно, что государство Аньси было могущественнее прочих, что оно граничило с владениями юечжийцев и кангюйцев, но о военных столкновениях между парфянами и их соседями китайцы ничего не говорят; только из греческих источников мы узнаем, что парфянский царь Артабан II уже в 124 г. до н. э. воевал с тохарами и что впоследствии парфяне отняли у тохаров, как прежде у греко-бактрийцев, несколько областей. Прием, оказанный китайским послам во владениях Аршакидов, соответствовал великодержавному могуществу этой династии; навстречу посольству был выслан отряд в 20 000 человек. Парфяне лучше других народов сумели воспользоваться открывшимся во II в. до н. э. караванным путем из Китая в Переднюю Азию и сохранили за собою выгодную роль посредников в торговле между Китаем и Римской империей. Замечательно, что сношения Аршакидов с Римом начались при том же государе Митридат II (124—87), которым было принято китайское посольство. Митридат II парфянский был первым в мировой истории государем, имевшим сношения как с великой державой Дальнего Востока, так и с мировой империей Запада. О торговых интересах парфян свидетельствует и факт, что о судоходстве на Аму-Дарье говорится в китайских источниках не в рассказах о юечжий-

¹² <Это утверждение В. В. Бартольда неточно. Сведения о том, что силы Яньцай превосходят кангюйские, содержатся не в «Истории старших Хань», а в «Исторических записках» (*Ши-цзи*) (см. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 6). По сообщению же «Истории старших Хань» (см. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 56 и 59), Кангюй имел 120 000, а Яньцай — 100 000 войск. Таким образом, Яньцай уже в то время был слабее Кангюя. О подчинении Яньцай кангюйцами см. сообщение «Истории младших Хань» — Бичурин, *Собрание сведений*, III, 121. — Б. С.>

цах и других, но только в рассказе о парфянах, владения которых доходили до Аму-Дарьи, вероятно близ Чарджуя.

Падение греко-бактрийского царства положило начало новому периоду в истории Туркестана, который можно назвать «индо-скифским», по не совсем удачной терминологии греческих авторов, называющих индо-скифами кочевников среднеазиатского («скифского») происхождения, направлявших свои завоевательные походы в сторону Индии. Главными фактами истории этого периода было передвижение нескольких народов с севера на юг, более тесные сношения с Индией и установление караванной торговли между Китаем, с одной стороны, Передней Азией и Европой — с другой, что не могло не иметь влияния на развитие промышленности и торговли в самом Туркестане.

Движение народов с севера на юг через культурные области Туркестана было, как всегда, только последствием более частого и значительного передвижения кочевников через степи с востока на запад; далеко не все кочевые орды, появлявшиеся в среднеазиатских степях, передвигались оттуда на юг, и политические последствия этого последнего движения были сравнительно незначительны. Первые китайские посольства застали главную орду юечжийцев на северном берегу Аму-Дарьи; впоследствии владетели юечжийцев жили в Афганистане и в Индии; главная ставка их северных соседей, кангюйцев, передвинулась из местности к северу от Ферганы, где ее помещают первые китайские известия, до области Шахрисябза, где она находилась в эпоху китайской династии Цзинь (265—419). Но граница между владениями юечжийцев и кангюйцев, по-видимому, оставалась прежняя; область Шахрисябза и во II в. до н. э. находилась в зависимости от кангюйцев¹³; местность к северу от Аму-Дарьи, т. е. восточная часть бывшего Бухарского ханства, оставалась под властью юечжийцев и после завоевания ими областей Афганистана и Индии, так как с владениями юечжийцев граничила на юге Фергана. В I в. до н. э. происходили войны между кангюйцами и их северо-восточными соседями усунями; кангюйцы приняли к себе отряд хуннов в 3000 человек, надеясь с их помощью победить усуней; вследствие этого китайцы, враги хуннов и союзники усуней, в 36 г. до н. э. совершили поход в страну кангюйцев и истребили хуннов. Кангюйцы оставались и впоследствии врагами китайцев; в конце I в. н. э. они оказали военную помощь кашгарскому владетелю против китайского полководца Бань Чао.

Главная масса хуннов продолжала свое движение через среднеазиатские степи на запад и к концу I в. дошла до восточных пределов Европы. Если хунны, согласно свидетельству китайцев, были предками

¹³ <Это утверждение В. В. Бартольда спорно, так как основано лишь на гипотетическом отождествлении одного из подчиненных Кангюю владений — Сусе — с Шахрисябзом; ср. выше, стр. 177, прим. 11. — Б. С.>

появляющихся в VI в. турок, то западная граница их кочевий проходила в это время между Уралом и Волгой; Птолемею Волга известна только под ее финским названием — Ра, Урал — под турецким названием Даикс (Яик) ¹⁴. Часть хуннов осталась в киргизских степях; эти хунны, жившие еще в IV и V вв. в стране к северу от усуней, носят у ней Азии до XV в. включительно. Прямых известий о движении юебань-стояли выше других кочевников; в китайских известиях о них мы впервые встречаем легенду о волхвах, умевших вызывать дождь и бурю; тот же легендарный мотив (колдовство объяснялось действием камня *яда*, т. е. нефрита) мы встречаем в рассказах о событиях истории Средней Азии до XV в. включительно. Прямых известий о движении юебаньцев на юг нет, но было высказано мнение, что из их среды вышли хиониты классических писателей и иранского священного писания (Авесты), дошедшие до границы Персии и упоминающиеся в IV и V вв. то как враги персов, то как их союзники в борьбе с римлянами. Юебаньцы могли быть постепенно оттеснены на юг враждовавшим с ними восточноазиатским народом, название которого приводится китайцами в форме *жужань*, или *жуань-жуань*. Жужаньцы распространили свои владения далеко на запад и, между прочим, вытеснили усуней из равнинной части Семиречья в горы. Под давлением жужаньцев произошло также в том же V в. движение на юг народа, известного у греков под названием эфталитов или *абделов*, у китайцев под названием *еда* ¹⁵, впоследствии у арабов под названием *хайтал*. На тот же народ, вероятно по причинам политического характера, было распространено название *хунны*; часто встречающийся термин «белые хунны» показывает, что в этнографическом смысле эфталитов и хуннов не считали одним и тем же народом. Очень вероятно, что эфталиты вышли из среды оставшихся на востоке соплеменников юечжийцев; царь Кидара, по имени которого римский писатель V в. Приск называет эфталитов «кидаритскими хуннами», упоминается в китайской истории как предводитель юечжийцев; таким же образом классическими авторами было распространено на эфталитов название *кушаны*. Подобно юечжийцам эфталиты облюбовали берега Аму-Дарьи; их столица находилась в Бадахшане, откуда они распространили свои владения на юг до Кабула и Инда; в 544 г. они были разбиты союзом индийских князей. Замечательно, что и индийцы, подобно грекам и римлянам, называют эфталитов хуннами (*хуна*). Среди подчиненных эфталитами народов китайцы называют кангюйцев; из греческих источников видно, что согдийцы оставались подданными эфталитов до падения их государства, что

¹⁴ <Географическим познаниям Птолемея и других античных авторов о Восточной Европе, Кавказе и Средней Азии ныне посвящена специальная работа: Ельницкий, *Знания древних*. — Б. С.>

¹⁵ <Правильно: *яда*. — Ю. Б.>

произошло между 563 и 567 гг., после чего подчинились победителям-туркам¹⁶.

Турки, около середины VI в. сменившие в Монголии жужаньцев, основали самую могущественную из всех кочевых империй домонгольского периода; уже в том же VI в. турецкие войска действовали в одно и то же время на границах Византии, Персии и Китая. В государственном отношении турецкая империя не представляла, однако, такого сплоченного целого, как впоследствии империя Чингиз-хана. Уже основателями империи были два брата, фактически независимые один от другого; после них империя быстро распалась на несколько государств. В Средней Азии турки, в противоположность юечжийцам и эфталитам, оставались в степях, в бывших владениях усуней, хотя подчинили себе культурные области и в некоторых из них посадили князей турецкого происхождения; тем не менее в эпоху наибольшего могущества турок, около 630 г., их господство, как прежде господство эфталитов, простиралось до Инда. Границей между турецкой кочевой империей и иранским государством династии Сасанидов считалась река Аму-Дарья; области за Аму-Дарьей сделались для иранцев Туркестаном, собственно Туркистаном, т. е. «страною турок». Владычество турок в Средней Азии было уничтожено китайцами; после ряла поражений, нанесенных туркам китайскими войсками, все бывшие турецкие владения в Средней Азии, в том числе и культурные области Туркестана, номинально были приведены в зависимость от Китая¹⁷. К концу VII в. в Туркестане вновь появились независимые турецкие каганы, но в это время началось уже первое после греков завоевательное движение с запада, движение арабов, которым в VIII в. удалось одержать полную победу как над турками, так и над китайцами.

Движение нескольких народов в сторону Индии не могло не отразиться на сближении с индийской культурой; главным последствием этого сближения было распространение буддизма. Насколько известно, буддизм в эпоху нашествия юечжийцев не был распространен ни в областях к северу, ни в областях к югу от Аму-Дарьи; греки впервые ознакомились с ним в местности к югу от Гиндукуша. Созданное греками буддийское искусство называют гандхарским, по имени Гандхары, области по нижнему течению Кабула, впоследствии находившейся под властью юечжийцев и эфталитов. Политическое могущество юечжийцев способствовало, как полагают, распространению в Средней Азии этого искусства, вместе с одним из индийских шрифтов (*харошти*)¹⁸ и индийских наречий; последнее сделалось языком официального делопроизводства в местности от Хотана до Лоб-Нора. Первое известие

¹⁶ <Ныне о хионитах и эфталитах см.: Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*; Эпоки, *Nationality*. Ср. *Очерки истории СССР. III—IX вв.*, стр. 338—353. — Б. С.>

¹⁷ <Подробнее о тюрках см. выше, стр. 31 и сл. — Б. С.>

¹⁸ <Карошти.>

о буддизме среди юечжийцев — рассказ о прибытии в Китай во 2 г. н. э. юечжийского посла, устно сообщившего текст нескольких буддийских сутр; но этот рассказ приводится в сравнительно позднем источнике (в конце III или начале IV в.) и вызывает сомнение. Время царствования того юечжийского царя, Канишки, с именем которого буддисты впоследствии связывали главные успехи своей религии, до сих пор остается спорным. Древнейший из найденных до сих пор в Средней Азии буддийских документов относится к 269 г. н. э.; на несколько более раннее время указывают буддийские постройки (уже со следами влияния гандхарского искусства), в которых были найдены монеты китайской Ханьской династии, прекратившей свое существование в 220 г. «История младших Хань» говорит только о буддизме в Индии. Вообще китайские известия о религиозных верованиях населения Туркестана чрезвычайно скудны; первые известия о буддизме в Самарканде относятся к началу VII в., когда уже началось вытеснение буддизма религиями западноазиатского происхождения; в 630 г. паломник Сюань Цзан видел в Самарканде два буддийских монастыря, но оба стояли пустыми; не было также буддистов в других областях Туркестана, кроме бывших непосредственных владений юечжийцев по обе стороны Аму-Дарьи, где буддизм, по-видимому, был вытеснен только исламом¹⁹. В главном городе эфталитов было много буддийских храмов и обелисков; но сами эфталиты не были буддистами; те турки, к которым перешло от эфталитов господство в Туркестане, насколько известно, совершенно не были затронуты буддийской пропагандой. Вопрос о том, насколько сближение с Индией отразилось на других сторонах жизни, в особенности на земледельческой культуре, совершенно не выяснен. Известия V в. впервые говорят о культуре риса на Кашка-Дарье и на Зеравшане, но едва ли можно сомневаться в том, что она существовала гораздо раньше. Из Средней Азии была принесена в Китай культура хлопка, но об этой культуре говорится только при описании областей нынешнего Китайского Туркестана; о возделывании хлопка в областях, входящих ныне в состав туркестанских республик, мы для домусульманского периода не располагаем никакими сведениями.

Больше значения для успехов материальной и духовной культуры в Туркестане имел, по-видимому, открывшийся во II в. до н. э. караванный путь между странами Дальнего и Ближнего Востока. Первым вещественным памятником этих сношений являются деловые документы на одном из среднеазиатских иранских наречий, относящиеся к первым десятилетиям I в. н. э. и найденные путешественником Штейном в местности по Булунциру, где в то время заканчивалась в сто-

¹⁹ <В результате работ советских археологов в разных районах Средней Азии открыто около десятка буддийских памятников. См.: Кызласов, *Ак-Бешим*; Зяблин, *Второй буддийский храм*; Булатова-Левина, *Буддийский храм*. — Б. С.>

рону бассейна Лоб-Нора великая стена²⁰. Язык этих документов сближают с языком гораздо более поздних (их относят к VII в.) памятников религиозной литературы буддийской, манихейской и христианской, найденных в Средней Азии; в науке этот язык получил название «согдийский», по имени одного из двух домусульманских литературных языков Туркестана, о которых говорит мусульманский ученый XI в. Бируни. Бируни сообщает сведения о календаре согдийцев и хорезмийцев, причем термины согдийского календаря оказались совпадающими с терминами найденных в Средней Азии памятников. Местом этих находок до сих пор были только области Китайского Туркестана²¹; покойным французским иранистом Готье было высказано мнение, что согдийский язык был распространен во всех областях от Самарканда до Китая. Для периода, непосредственно предшествовавшего арабскому завоеванию, мы располагаем как китайскими, так и мусульманскими известиями о колониях, основанных согдийцами в собственном смысле слова, т. е. населением берегов Зеравшана, в таких отдаленных местностях, как берега Лоб-Нора и долины восточной части системы Тянь-Шаня²².

Алфавит древнейших согдийских документов принадлежит к числу алфавитов семитического, точнее арамейского происхождения, постепенно распространявшихся из Передней Азии через Персию на восток. От иранских народностей это письмо перешло к туркам. Древнейшие известные нам датированные памятники турецкой письменности — надписи турецких ханов VIII в., найденные в Монголии; есть основание полагать, что некоторые из недатированных надписей относятся к VII в. Доказывают, что первообразом письма этих надписей является среди известных нам арамейских шрифтов письмо аршакидских монет²³; в этом можно найти подтверждение свидетельства китайских источников о том значении, которое имели парфяне в истории торговых сношений Китая с Передней Азией. Находят также сходство между древнейшим турецким письмом и древнейшим согдийским, но только сходство, указывающее на происхождение от общего источника. Более тесно связано с согдийским алфавитом второе по времени турецкое письмо, так называемое уйгурское, распространение которого относится, по-видимому, к VIII и IX вв. Распространение арамейских шрифтов среди иранцев и турок Средней Азии, как некогда распространение финикийского

²⁰ <Как установлено В. Хеннингом, документы, о которых идет речь, относятся к началу IV в. н. э.; см. Henning, *The date.* — Б. С.>

²¹ <Об обнаружении памятников согдийской письменности на территории собственно Согда см. выше, стр. 115, прим. 14. — Б. С.>

²² <О согдийской колонизации см. выше, стр. 114, прим. 11. — Б. С.>

²³ <Ныне открыты и исследуются хозяйственные документы I в. до н. э. из Нисы, написанные арамейскими письменами. См. Дьяконов — Лившиц, *Документы из Нисы*; там же библиография вопроса. — В. Р.>

шрифта вдоль берегов Средиземного моря и Индийского океана, было, конечно, связано с развитием торговых отношений; впоследствии принятие того или другого алфавита находилось также в зависимости от религиозной пропаганды, причем, однако, ни индийские алфавиты, принесенные буддистами, ни курсивный арамейский шрифт манихеев, ни первоначальное общее письмо христиан-сирийцев (эстрангело), ни вероисповедные алфавиты сирийцев-несториан и яковитов не могли вытеснить возникшей независимо от религиозной пропаганды согдийско-уйгурской грамоты, получившей применение при записывании религиозных текстов — буддийских, манихейских и христианских. Только много веков позже эта грамота была вытеснена на западе арабским алфавитом, на востоке — тибетским; последним следом существовавших некогда торговых сношений являются алфавиты монгольский и маньчжурский, причем маньчжуры своей грамотой обязаны монголам, монголы — уйгурам, уйгуры — согдийцам. Культурная деятельность последних и их мусульманских потомков — сартов — вдоль караванных путей Средней Азии мало уступает культурной деятельности финикийян вдоль путей морской торговли. Замечание покойного В. П. Наливкина, что сарты по своей «малой подвижности» не могли сделаться «среднеазиатскими финикийцами», основано на неправильном перенесении черт современной жизни народа в его историческое прошлое.

В истории Средней Азии наблюдается постепенное передвижение главных торговых путей с юга на север, от пути мимо Лоб-Нора на Хотан, Яркенд и через горы в Афганистан, открытого китайцами во II в. до н. э. (до тех пор китайские товары проникали в Среднюю Азию через Индию), до современной сибирской железной дороги. Соответственно с этим изменялась и степень участия в этой торговле отдельных народностей.

В последние века домусульманского периода роль посредников в караванной торговле между Востоком и Западом постепенно переходит от населения Ирана и Афганистана к согдийцам и более северным народностям. Главным предметом вывоза из Китая был шелк. Известия о путях торговли шелком начинаются с эпохи династии младших Хань (25—220 гг. н. э.); история старших Хань (206 г. до н. э.— 25 г. н. э.) о шелке еще не упоминает. Отмечается стремление парфян сохранить за собой роль посредников и сделать невозможными непосредственные торговые сношения между Китаем и Римской империей. По-видимому, это стремление имело успех. Один и тот же пункт, по местоположению приблизительно соответствующий современному Кандагару, является конечным восточным пунктом маршрута через парфянское царство, известного нам по греческому источнику начала нашей эры, и в то же время конечным пунктом описанной историками Ханьской династии «южной дороги» из Китая в западные страны. К концу I в. н. э., когда китайцам удалось на короткое время распространить свои владения до

Памира, относится, по-видимому, рассказ о непосредственных торговых сношениях между Римской империей и Китаем, извлеченный Птолемеем (во II в.) из сочинения своего предшественника Марина тирского; Марин в свою очередь ссылается на записку, полученную им от македонского купца Маэса, носившего также латинское имя Titianus, который будто бы посылал в Китай за шелком своих приказчиков и с их слов описал пройденный ими путь. Птолемей вынес впечатление, что сам Марин относился к рассказу купцов с недоверием; есть, действительно, основание полагать, что приказчики Маэса на основании расспросных сведений, полученных ими в Парфии или Бактрии, составили для своего хозяина маршрут, будто бы пройденный ими самими. Прибытие торгового каравана всегда рассматривалось в Китае как «посольство»; таким «посольствам» придавали большое значение, и маловероятно, чтобы официальная «История младших Хань» могла умолчать о посольстве из «страны Дацинь», как называли Римскую империю. В той же официальной истории говорится о «послах» римского императора, прибывших в Китай в 166 г. через Индию и Аннам, хотя с этими купцами были только товары индийского происхождения и ни одного из товаров, вывозившихся вообще из Римской империи. Очевидно, речь идет о торговцах, целью которых первоначально была только Индия и которые уже после прибытия в эту страну воспользовались благоприятными условиями для путешествия в Китай; именно к этому времени относятся успехи морской торговли между Индией и Китаем, отразившиеся на распространении в Китае буддизма. Очевидно, такой же рассказ о «посольстве» появился бы в официальной истории в том случае, если бы благоприятными условиями политического момента (успехами китайского оружия, выдвинувшими границу Китая далеко на запад) воспользовались приказчики Маэса. Политические события, во всяком случае, должны были отразиться на сношениях между Китаем и теми местностями, до которых доходили люди Маэса, и облегчить им соби́рание сведений.

Маршрут людей Маэса несколько отличается от маршрута начала нашей эры; вместо пути к «Антиохии на реке», т. е. к Мерверруду на верхнем Мургабе, и оттуда на юг к Герату и Кандагару, теперь описывается путь к «Антиохии Маргианской», т. е. к Мерву, оттуда на юго-восток к Бактрам (Балху), из Бактр на север через горную страну комедов, которые причисляются к сакам. В этой стране с дорогой из Бактр соединялась дорога из Согдианы; дальше проходили через ущелье, в конце которого, при выходе на равнину, стояла каменная башня; на 5° восточнее этой башни, на той же широте, Птолемей помещает «отправной пункт» (hormeterion) в страну серов (китайцев).

Страна «комедов» есть, конечно, Кумед мусульманских географов, Цзюймито китайских путешественников. Мусульмане помещают эту область на реке Вахше, ниже Каратегина; в состав ее входили, вероятно,

Дарваз и северная часть Бадахшана, так как, по свидетельству китайцев, через Кумед проезжали на пути из Хутталя (область между Пянджем и Вахшем) в Шугнан. Вероятно, и в I в. из Бактр в Кумед ездили через Хутталь; на это указывает упомянутый у Птолемея как самый восточный из городов по Аму-Дарье город Хольбисина, который можно отождествить с Хульбуком арабских географов, находившимся несколько южнее Куляба. «Каменную башню» обыкновенно помещают около Дараут-Кургана, у выхода из гор в долину Алай. «Отправной пункт в страну серов» находился, очевидно, уже в пределах Китайского Туркестана.

Из текста Птолемея можно вывести заключение, что участие согдийцев в торговле с Китаем тогда было второстепенным. Говорится о присоединении караванов из Согдианы к караванам из Бактр в горных областях бассейна верхней Аму-Дарьи; но прямой путь из Мерва через Чарджуй, Самарканд и Фергану и более северные дороги остались грекам неизвестны, хотя уже «История старшего дома Хань» рядом с южной дорогой знает «северную» — из Кашгара в Фергану и оттуда к кангюйцам и аланам²⁴. Представление Птолемея о городах Средней Азии и их местоположении было крайне смутно; «Мараканды» помещены им не в Согдиане, а в Бактрии, притом к югу от главного города этой области, Зариаспы. Птолемей отличает Зариаспу от Бактр и помещает Зариаспу под 44°, столицу Бактрии под 41°, Мараканды под 39° северной широты. Довольно точное определение широты Самарканда при таких условиях должно быть признано случайным совпадением и, вопреки иногда высказывавшемуся мнению, едва ли указывает на производство кем-либо астрономических наблюдений в самом Самарканде, тем более что самый факт существования в эту эпоху города на месте Самарканда остается сомнительным.

Предметом вывоза из «страны серов», кроме шелка, было железо, названное у Плиния (в I в. н. э.) лучшим; под влиянием Китая возникло оружейное производство и вообще металлическая промышленность в Фергане, существовавшие еще в первые века ислама. Торговля с Западом положила начало стеклянной промышленности в Средней Азии, что засвидетельствовано как археологическими находками, так и китайскими известиями. «Цветные стекла» упоминаются в «Истории младших Хань» среди предметов вывоза из Римской империи; более поздние источники, начиная с V в., говорят о производстве стекла в стране юечжийцев, причем это стекло «блеском своим превосходило стекло, вывозимое из западных стран». О производстве стекла в более северных областях Средней Азии китайцы не упоминают.

Почти столь же скудны сведения о торговле шелком и о возникновении, под влиянием этой торговли, шелководства в Средней и Западной

²⁴ <Сообщения античных и китайских авторов о древних путях из Средней Азии в Китай подробно разобраны в работе: Мандельштам, *Материалы*, стр. 26—85 (там же библиография). — Б. С.>

Азии. Лингвисты доказывают, что славянское *шелк* не может быть произведено от греческого *serikon*, но возможно, что оба слова восходят к одному и тому же названию шелка, заимствованному из какого-нибудь восточного языка. Этот лингвистический факт указывает на существование торгового пути из Китая через среднеазиатские степи в Восточную Европу; первое достоверное письменное свидетельство об этом относится к V в. Оживлению этого пути способствовало движение народов с востока на запад, так как ушедшие на запад кочевники иногда сохраняли сношения со своими оставшимися на востоке соплеменниками. Так, в V в. говорится о частых поездках купцов из страны тех хуннов, которые покорили аланов (т. е. гуннов европейских), во владения дома Бэй Лян²⁵, династии хуннского происхождения, столица которой находилась на месте современного города Ланьчжоу в провинции Ганьсу. Несколько южнее, по Желтой реке, в нынешних провинциях Шэньси и Хэнань, находились владения другой инородческой династии, Юань Вэй, или Бэй Вэй²⁶, враждовавшей с домом Бэй Лян; в эту область прибыли в 30-х годах V в. послы девяти владетелей, из которых отдельно названы восемь: государи трех кочевых народов — аланов (очевидно, имеется в виду государь хуннов или его вассал), юебаньцев и усуней — и владельцы областей Китайского Туркестана от Кашгара к востоку. Культурные области современного Туркестана не принимали участия в этом посольстве, из чего можно заключить, что торговый путь из Восточной России проходил севернее этих областей, через киргизские степи²⁷ и Семиречье. Та же династия Юань Вэй, однако, имела сношения по более южным дорогам с Персией, хотя единственным свидетельством о таких сношениях является рассказ о неудовольствии императора против хотанского владетеля, под предлогом набегов (вероятно, жужаньцев) задержавшего у себя китайское посольство, возвращавшееся из Персии с подарками от персидского государя — «обученным слоном и другими дорогими вещами».

Первые известия о прибытии в Китай персидских посольств относятся к VI в. Персия переживала в то время, под властью династии Сасанидов (III—VII вв.), один из самых блестящих периодов своей политической жизни; персы стали одерживать верх над Римом как в политической, так и в экономической борьбе; Римская империя была оттеснена от берегов Каспийского моря, что не могло не отразиться на ее участии в караванной торговле; на море прекратились непосредственные сношения между гаванями империи и Индией, и вся морская торговля между Индией и Китаем перешла в руки персов. Всем этим было положено начало переходу культурного первенства от европейских народов к переднеазиатским, окончательно определившемуся в мусульманский период.

²⁵ <'Северная Лян'.>

²⁷ <Казахские степи.>

²⁶ <'Северная Вэй'.>

Культурное влияние сасанидской Персии на Среднюю Азию и пути распространения этого влияния можно скорее определить по археологическим находкам (клады с сасанидскими монетами и такими предметами производства, как сасанидские блюда), чем по скудным известиям письменных источников; но и рассказы китайской официальной истории о культурных областях Туркестана показывают, что страна жила в эти века иной жизнью, чем прежде. Начиная с V в. китайские известия о Туркестане постепенно становятся подробнее; в китайской транскрипции приводятся для бассейнов Сыр-Дарьи, Зеравшана, Кашка-Дарьи и Аму-Дарьи те же географические названия, которые мы находим потом у мусульманских географов. *Рустаки*, т. е. волости мусульманского периода, были в то время отдельными княжествами. Несмотря на малый размер таких княжеств, китайские известия VII в. о дворе и столицах их владельцев показывают, что они располагали значительными средствами; говорится о золотых престолах, золотых изваяниях богов и т. п. Сообщаются сведения о земледельческой культуре; сюда относятся первые по времени известия о посевах проса и пшеницы в области Ташкента (о культуре риса в местностях к северу от бассейна Зеравшана не упоминается). Кроме того, приводятся данные о минеральных богатствах; интересно сообщение о залежах красной (каменной) соли на Кашка-Дарье, известных и теперь. В некоторых случаях китайцы приписывали местное происхождение привозным товарам; так, говорится о добывании янтаря в V в. в области хорезмийцев; это известие указывает, по-видимому, на существование в то время балтийско-каспийского торгового пути, имевшего до IX в. несравненно больше значения, чем путь балтийско-черноморский. О дальнейшем развитии караванной торговли свидетельствуют такие подарки турфанского владетеля китайскому императору (в VII в.), как собачки византийской породы и меха чернобурых лисиц²⁸.

Среди отдельных княжеств по своему политическому и экономическому значению выдавались княжества бассейна Зеравшана. В V в. впервые после эпохи Александра вновь упоминается город Самарканд, но еще не называется главным городом всей местности. По-видимому, тогда первенство принадлежало княжеству Маймуург с городом Ривдадом, в местности к югу от Зеравшана, в небольшом расстоянии от Самарканда (по мусульманским сведениям, от Самарканда до Ривдада был всего один фарсах, т. е. 6—7 верст); в Ривдаде и в мусульманский период находились замки «согдийского ихшида», т. е. верховного владетеля всей области согдийцев. Маймуург граничил на северо-востоке с Сутрушаной (эта область вообще соответствовала местности между Ходжентом и Джизаком, но очень вероятно, что и тогда, как в

²⁸ <Новые материалы по истории международных связей Средней Азии этого периода см. Ставский, *О международных связях*. — Б. С.>

мусульманский период, в состав ее входили верховья Зеравшана)²⁹, на юго-западе — с областью Шахрисябза. О политическом значении Маймурга свидетельствует факт, что только из Маймурга в V в. (в 451 г.) было отправлено посольство в Китай. Еще мусульманским географам <было> известно, что в состав Маймурга первоначально входило селенье Варагсер («голова плотины», ныне Рабат-и Ходжа), где получают начало главные каналы, орошающие местность к югу от Зеравшана, в том числе и канал Даргам, от которого всецело зависят город Самарканд и его окрестности. Этим вполне объясняется первенствующее значение Маймурга среди других княжеств Зеравшанского бассейна. В начале VII в. говорится, однако, о подчинении Маймурга самаркандскому князю, верховная власть которого кроме местностей по Зеравшану простиралась также на области по Кашка-Дарье и даже на некоторые местности к югу и к западу от Аму-Дарьи, как Анджой и Чарджуй; в эпоху арабского завоевания титул «согдийского ихшида» также принадлежал владельцу Самарканда³⁰.

Политическое возвышение Самарканда, по-видимому, было связано с теми успехами согдийской торговли и культуры, о которых свидетельствуют как письменные известия, греческие, китайские и арабские, так и археологические находки. Первые известия о согдийцах как главных посредниках в сухопутной торговле между Китаем и Передней Азией принадлежат грекам. Говорится о попытках согдийцев, тотчас после перехода их области из-под власти эфталитов под власть турок (победа турок над эфталитами была одержана между 563 и 567 гг.), найти рынок для сбыта китайского шелка, сначала в Персии, потом, после неудачи этой попытки, в Византии. По-видимому, это были первые попытки согдийцев завязать торговые сношения с западными странами; для них было новостью, что как в Персии, так и в Византии в то время было уже собственное шелководство. Согдийские купцы вместе с турецкими послами были в Константинополе в конце 567 г.; ответное византийское посольство проехало, между прочим, через область согдийцев,

²⁹ <Как свидетельствуют работы советских исследователей, в частности изучение согдийских документов, найденных на горе Муг в Таджикистане, и результаты археологических работ в верховьях Зеравшана, эти районы в VII—VIII вв. не входили в состав Сутрушаны (Усрушаны), а были связаны с согдийскими владениями средней части долины Зеравшана. См. Ставиский, *Основные этапы*, стр. 44—46, 49. — Б. С.>

³⁰ <Рассматривая сведения китайских и мусульманских авторов о Маймурге, В. В. Бартольд допускает некоторые неточности. Посольство 451 (вернее — 452) года (ср. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 165) было направлено в Китай владельцем княжества Мими, отождествлять которое с Маймургом нет оснований. Маймург под названием владения Ми, Мимо и Мимохе впервые упоминается китайскими авторами лишь в связи с событиями начала VII в. н. э. Анализ всех известных ныне письменных источников, вопреки мнению Бартольда, не позволяет говорить о преобладании Маймурга над Самаркандом в V—VI вв. См. Ставиский, *Исторические сведения*. — Б. С.>

но в рассказе о нем нет никаких сведений ни обо всей области, ни об отдельных городах, ни о населении³¹.

Следующий по времени рассказ — отчет китайца Вэй Цзе, посла императора Ян-ди (605—617), — более определенно говорит о Самаркандской области как средоточии оживленной торговой деятельности: «жители все — искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей». Рассказ другого китайца, буддийского паломника Сюань Цзана, проехавшего через Среднюю Азию в 630 г., свидетельствует о значительном развитии городской жизни по сравнению с прежними веками. В Семиречье, в долине реки Чу, где раньше жили только кочевники, теперь был город, в котором собирались купцы различных царств; название этого города, Суяб, сообщают нам мусульманские источники. К западу от Суяба было несколько десятков городов; в каждом был свой начальник, независимый от других, но все начальники подчинялись туркам. Об одном из этих городов, Таласе (у мусульман Тараз), приблизительно на месте нынешнего Аулие-Ата³², также говорится, что в нем жили «купцы различных стран». Сюань Цзан соединяет в одно целое всю страну от Чу до Железных ворот, к югу от Шахрисябза, и дает этой стране название Сули, в чем видят китайскую транскрипцию слова Сулик, диалектического видоизменения народного названия «согдийцы». Форма *Сулик* перешла в языки санскритский и тибетский и соответствует особенности восточных и южных диалектов так называемого «согдийского» языка (об этом термине еще будет речь ниже), в которых первоначальный зубной звук, сохранившийся в диалектах северных и западных, заменяется плавным.

Если это объяснение правильно, то развитие городской жизни в Средней Азии было связано с колонизаторской деятельностью согдийцев, как в новейшее время, в эпоху Кокандского ханства, ряд таких же поселений был образован в степи их мусульманскими потомками, которых до последнего времени называли сартами. Существование таких согдийских колоний вполне подтверждается другими известиями. Найденные в Дуньхуане китайские документы говорят об основании в VII в. четырех согдийских городов в местности к югу от Лоб-Нора, существовавших и в VIII в. Персидский географ конца X в. помещает в нынешней Турфанской области пять «селений бегтегина» (титул князя — турецкий), принадлежавших согдийцам, где жили христиане, зороастрийцы и сабии (буддисты или манихеи); из последне-

³¹ <Подробный разбор сведений об этих посольствах см.: Пигулевская, *Византийская дипломатия*, стр. 209—214; ее же, *Византия на путях в Индию*, стр. 204—211. — Б. С.>

³² <Теперь город Джамбул Казахской ССР.>

го видно, что эти селения были основаны до принятия согдийцами ислама.

Тот же автор говорит об одном из селений в северной части Семиречья, что оно кроме своего местного (турецкого) названия носило также другое название «на согдийском языке». О значении Самарканда как культурного центра свидетельствуют слова Сюань Цзана, что жители Самарканда «относительно правил нравственности и приличия служили образцом для соседей». Какое значение имела для Самарканда торговля с Китаем, видно из того, что в эпоху арабского завоевания восточные ворота Самарканда назывались «китайскими». Торговая деятельность жителей Зеравшанской долины не сосредоточивалась исключительно в Самарканде; в Бухарской области был такой же оживленный торговый город, Пейкенд, «город купцов», жители которого, по словам мусульманского автора, вели торговлю с Китаем и даже морскую торговлю.

Местность около нынешнего Катта-Кургана, где находился город Кушания и где до восстановления Самарканда сосредоточивалась культурная жизнь долины Зеравшана, сохраняла некоторое значение и в VII в. Интересен китайский рассказ о здании в Кушании, где на северной стене были «написаны красками» китайские императоры, на восточной — владетели турецкие и индийские, на западной — персидские и римские. Такого города, где в одном и том же здании находились бы изображения государей Рима, Персии, Средней Азии, Китая и Индии, наверное, не было ни в какой другой стране.

Торговой и колонизаторской деятельностью согдийцев объясняется факт находки в пределах Китая большого числа памятников религиозной литературы — буддийской, христианской и манихейской, — относящихся к времени не ранее VII в. и написанных на том иранском наречии, которое мусульманскими авторами называется «согдийским». Ученному XI в. Бируни мы обязаны сведениями о согдийском календаре; те же названия месяцев и те же лингвистические формы мы находим в открытых археологическими экспедициями литературных отрывках. Так как эти стрывки до сих пор были найдены только в китайских владениях, то было высказано мнение, что так называемый «согдийский» язык в действительности был языком всех иранцев на пространстве от Самарканда до Китая; но возможно, что по указанным причинам согдийский язык сделался литературным языком для иранцев нынешнего Китайского Туркестана, как впоследствии, при исламе, язык Персии сделался литературным языком и для среднеазиатских иранцев. Только в бассейне Зеравшана, в долине Ягноба, сохранилось до сих пор наречие, примыкающее по своему грамматическому строю и словарному составу к литературному «согдийскому» языку, хотя и не являющееся прямым его потомком; некоторые иранисты предлагают называть наречие ягнобцев новосогдийским, так как его отношение к языку

«согдийских» памятников такое же, как отношение современного новоперсидского языка к среднеперсидскому, т. е. к языку Персии эпохи от Александра до ислама³³.

Из таких данных о торговой и литературной деятельности согдийцев мог бы быть сделан вывод, что Туркестан жил в VII в. н. э. совершенно иной жизнью, чем при Александре, что туркестанские города этой эпохи по размерам и торговому значению если не превосходили городов настоящего времени, то, по крайней мере, не уступали им. Такой вывод был бы, однако, ошибочен. Как сведения письменных источников, китайских и арабских, так и результаты археологических исследований показывают, что даже такие центры городской жизни VII в., как Самарканд, Бухара и Пейкенд, не могли бы выдержать сравнения с главными городами современного Туркестанского края. Городище Афрасиаб, соответствующее Самарканду VII в., главному городу всей страны, занимает пространство несколько меньше 2 квадратных верст; в Бухаре городом тогда была только возвышенная площадь к востоку от цитадели, составляющая только незначительную часть современного города; длина стен старого Пейкенда — 678 сажен в окружности. То же самое относится к главным городским поселениям таких культурных местностей, как Фергана и долина Чирчика. Главный город области Чач, соответствовавшей нынешнему ташкентскому району, имел по китайским сведениям всего 10 ли (ли — тогда $\frac{1}{3}$ версты) в окружности, главный город Ферганы, Касан, — всего 4 ли. В последнем случае показание китайцев подтверждается размерами городища Муг-курган, соответствующего, по-видимому, домусульманскому Касану или его цитадели и состоящего из трех небольших площадок (в 500, 2000 и 3200 кв. саж.). Вполне естественно, что развитие городской жизни в домусульманскую эпоху не изменило характера общественного строя. Как в IV в. до н. э., так и в VII в. н. э. господство принадлежало землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках. К тому же этой аристократии не приходилось, как прежде, считаться с сильной монархической властью; местные князья были только первыми дворянами-землевладельцами; один и тот же термин, *дикан*, прилагался как к представителям класса землевладельцев, так и к местным княжеским династиям иранского и турецкого происхождения.

Все это постепенно изменилось после арабского завоевания, сначала встретившего упорное сопротивление и закончившегося только в IX в. Туркестан вступил в более тесное общение с переднеазиатским культурным миром, особенно с Персией. В том же IX в. власть перешла к персидско-мусульманскому роду Саманидов, происходившему из

³³ <О ягнобском языке см. Лившиц и Писарчик, Предисловие редакторов в кн.: Андреев — Пещерева, *Ягнобские тексты*, стр. 5—10; там же см. о работах Боголюбова и других исследователей. — Б. С.>

Балха³⁴ и правившему сначала в Самарканде, Чаче (Ташкенте) и Фергане, потом в Бухаре, куда была перенесена столица династии, под властью которой находились также Северный Афганистан и Хорасан, иногда и другие персидские области. Согдийское наречие как литературный язык было вытеснено персидским; поэты, жившие в X в. при дворе Саманидов в Бухаре, принадлежат к числу создателей новоперсидской литературы. Хорезмийцы еще в XI в. продолжали говорить и писать на своем наречии, непонятном для остальных иранцев и исчезнувшем, по-видимому, только под влиянием постепенного отуречения Хорезма³⁵.

³⁴ <Новые соображения и данные о среднеазиатском (таджикском) происхождении династии Саманидов см. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*. — В. Р.>

³⁵ <См. выше, стр. 122, прим. 8.>

II

ТУРКЕСТАН ПРИ ИСЛАМЕ

Саманиды правили Туркестаном до последних лет X века. Благодаря арабским географам, мы располагаем о состоянии страны в эту эпоху подробными сведениями, каких не имеем ни для предшествующих, ни для последующих эпох. К этому времени уже в значительной степени успели сгладиться бытовые особенности, отличавшие домусульманский Туркестан от других областей Передней Азии; во многом жизнь Туркестана уже тогда походила на жизнь других стран мусульманского мира, особенно Персии. Процесс перехода от старого к новому в X в. еще не успел завершиться ни в Туркестане, ни в Персии; предшествующие и последующие стадии развития этого процесса, насколько они вообще могут быть установлены, иногда определяются для Туркестана, Персии и вообще мусульманских стран одними и теми же хронологическими датами. Установлению общего литературного языка предшествовали в IX в. и в Персии, и в Туркестане попытки создания поэзии на местных диалектах. Бухарский историк говорит о песнях на бухарском диалекте, в которых воспевалась любовь арабского полководца к бухарской царице; арабский географ IX в. сохранил нам два стиха среднеазиатского поэта, в которых упоминаются Самарканд и Шаш (Чач), с какими-то намеками на неизвестные нам исторические события. Арабский язык в государственном делопроизводстве и в литературе постепенно уступал место персидскому, дольше всего сохраняя свое значение, конечно, в литературе богословской; в Туркестане и в этой области в X в. было положено начало литературе на персидском языке. Составленный на арабском языке, по почину туркестанского духовенства и по распоряжению саманидского правительства, самаркандским ученым катехизис по повелению того же саманидского правителя был переведен на персидский язык¹; таким же образом, с одобрения духовенства, был переведен на персидский язык с арабского большой комментарий на Коран, составленный в Баг-

---

¹ <Имеется в виду сочинение Абу-л-Касима Исхака ибн Мухаммеда Самарканди (ум. в 342/953-54 г.); возможно, что оно датируется 320/932 г. См. Л. Смирнова, *Язык «Тар'рих-и Систан»*, Введение, стр. 7 и прим. 6; Дополнение, стр. 141. — В. Р.>

даде ученым Табари²; тогда же появилось в Хорасане оригинальное сочинение на персидском языке по той же отрасли богословия — *тафсиру* (толкованию Корана). В общем, однако, арабский язык оставался и после языком богословской литературы как в Персии так и в Туркестане.

Процесс слияния арабских завоевателей с местным населением продолжался как в Персии, так и в Туркестане еще долгое время после X в. В Туркестане в X в. уже не было городов, в которых арабы составляли бы большинство населения, как в Персии в городе Куме; в качестве средоточия арабского населения называется несуществующее теперь селение Ведар в местности к северу от Самарканда, имевшее тогда некоторое промышленное значение: там выделялись хлопчатобумажные ткани, высоко ценившиеся даже в Ираке, т. е. в древней Вавилонии, в местности по нижнему течению Евфрата и Тигра. Характерны слова арабского автора, что при нем из прежнего оставалось «немногое», но по этому «немногому» еще можно было получить представление о прежнем «многом». Это селение, не существующее теперь, сохраняло некоторое значение еще в XII в.; в нем были укрепления, соборная мечеть и минарет. В той же местности, несколько ближе к Самарканду, было селение Хартенг, где в 870 г. умер и был похоронен бухарец по происхождению Мухаммед ибн Исма'ил Бухари, автор сборника хадисов (преданий о пророке и приписанных ему изречений); эта книга, составленная в Бухаре, является теперь в глазах мусульман-суннитов едва ли не самым авторитетным источником для разрешения вопросов веры после Корана. В XII в. здесь был «рабат» (об этих постройках см. ниже) с гробницей автора сборника хадисов; гробница сохранилась и теперь, и по ней селение носит название «Ходжа Исма'ил» (в народном предании имя самого Бухари почему-то было вытеснено именем его отца). Некоторый процент арабского населения был в главных городах. В Бухаре жители при сдаче города в 712 г. должны были уступить арабам половину своих домов и имений; сохранились сведения о распределении города между отдельными арабскими племенами, по которым в X в. носили названия некоторые из ворот, улиц, мечетей и т. п. (более всего «домов арабов» было в квартале, прилегавшем с востока к цитадели). Но о том, насколько потомки этих арабов отличались в то время по языку и образу жизни от остальных жителей, ничего не сообщается. Приведенные выше сведения о Ведаре показывают, что среди переселенцев-арабов в Туркестане, кроме воинов, были ремесленники, представители текстильной промышленности; в Бухаре мастерская, где выделывались ковры и ткани, пользовавшаяся в свое время громкой известностью, находи-

² <Тафсир (комментарий к Корану) Табари и обширное историческое сочинение того же автора были переведены с арабского на персидский язык по приказанию саманидского эмира Мансура б. Нуха (961—976).—В. Р.>

лась в квартале у восточных ворот цитадели, где преимущественно находились «дома арабов». В Самарканде ихшид, по некоторым сведениям вместе со всеми жителями, должен был совершенно покинуть город и уступить его арабам; тем не менее Самарканд не сделался по составу населения арабским городом. В Самарканде с именем одного из арабских племен была связана местность на окраине тогдашнего города (нынешнего городища Афрасиаб), около гробницы двоюродного брата пророка, Кусамы ибн Аббаса, о пребывании которого в Туркестане имеются только противоречивые, частью явно легендарные сведения. Столь же скудны сведения о дальнейшей судьбе арабов в Туркестане³; крайне шатки и едва ли достоверны цифры, установленные переписью 1897 г. По изданному в 1901 г. в Ташкенте путеводителю, арабов в Самаркандской области было около 20 000, по переписи арабский язык был языком всего 10 человек, из них 7 в городе Пенджикенте, тогда как даже в Сыр-Дарьинской области, куда арабы во время завоевания, несомненно, пришли в меньшем числе, их по переписи 634. В бывшем Бухарском ханстве арабы до сих пор сохранили свои племенные названия; среди них, между прочим, есть представители племени корейшитов, в долине Ях-су, на границе Дарваза; корейшиты прежде жили и в городе Бухаре, но утратили свой язык и говорят по-узбеки; главное отличие их от остального населения — рисунки на выделываемых ими из шерсти паласах и одеялах, как вообще в орнаменте тканей часто сохраняются следы происхождения населения, утратившего свой прежний язык.

Северо-восточные соседи арабского полуострова еще в III в. н. э. распространили на всех арабов название жившего ближе всего к ним племени таи. Из Персии это название, вероятно в произношении *таджик*, проникло в Среднюю Азию и в Китай (в китайской транскрипции *даши*). В персидской литературе в X в. это слово употреблялось в более новой форме — *тази* в смысле 'араб, арабский', также 'мусульманин, мусульманский'⁴; в первые века ислама эти понятия еще не различались; в рассказе историка Табари об успехах ислама в 728 г. бухарским дикханам приписываются слова, что все люди сделались «арабами». В XI в., может быть и раньше, турки в Средней Азии употребляли слово *таджик*, в турецком произношении *таджик*, как этнографическое название для обозначения того народа, к которому принадлежало большинство известных им мусульман, т. е. иранцев; «таджицкий» язык противопоставлялся как турецкому, так и арабскому. По-видимому, к этому термину восходит слово *тат*, как теперь называют оседлых жителей Туркестана туркмены. В турецкой литературе XI в. встречается также слово *сарт*, но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле 'купец'. В турецкой буддийской литературе

³ <См. Винников, *Арабы в СССР*. — В. Р.>

⁴ <Ср. выше, стр. 121, прим. 6.>

встречается слово *сартбау*, искаженное санскритское *sarthavaṇa* или *sarthaḥaṇa* 'предводитель каравана'; по-видимому, это слово, на почве так называемого лингвистического осмысления, было изменено турками в *сартбаши* — 'начальник сартов', откуда образовалось слово *сарт* в смысле 'купец'. Монголы в XIII в. употребляли образованные от этого корня слова *сартак* и *сартаул* в смысле 'таджик' и 'мусульманин', причем называли «сартаками» не только иранцев, но и турок-мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане в конце XV в. употребляли слово *сарт* в смысле 'таджик', противопоставляя язык и литературу сартов языку и литературе турок. Степняки-узбеки, завоевавшие Туркестан в начале XVI в., стали называть «сартами», в противоположность «узбекам», всех оседлых жителей — как иранцев, так и говоривших по-турецки; впоследствии, когда языком большинства оседлого населения сделался турецкий, слово *сарт* стало употребляться в литературе (например, у кокандских историков), отчасти и в жизни, в смысле горожанин или сельский житель, говорящий по-турецки, в противоположность таджику, сохранившему свой язык иранцу. По чертам быта, сартам, как типичным горожанам и земледельцам, теперь противопоставляются не узбеки, большею частью перешедшие к оседлому образу жизни, а «казаки». Слово *сарт* пережило, следовательно, такую же эволюцию, как слово *таджик*: таджиками называли сперва одних арабов, потом — арабов и иранцев, как мусульман, наконец одних иранцев, как большинство мусульман; сартами — сперва одних иранцев, потом иранцев и турок, как оседлых жителей, потом — одних оседлых турок, как большинство оседлого населения. По-видимому, в некоторых местностях, как в Бухаре, и теперь отличают сартов от таджиков не по языку, но по бытовым чертам, относя термин *сарт* по преимуществу к горожанам, термин *таджик* — к сельским жителям⁵. Название *таджик*, но не название *сарт* распространяют иногда и на горцев — гальчей⁶. Слово *гальча* в литературе домонгольского периода всегда пишется *гарча* и происходит от слова *гар* 'гора' (упоминается также диалектическая форма *гарч*). Гарчиستانом (у арабов также Гаршистан, с обычной заменой звука *ч* звуком *ш*), т. е. областью горцев, называлась в X в. по преимуществу область верхнего Мургаба (в пределах Афганистана), составлявшая особое владение; но говорится также, по крайней мере в XII в., о «самаркандском Гарчистане», под которым, очевидно, надо понимать область верхнего Зеравшана и его притоков. Точных определений терминов *гарча* и Гарчистан мы в литературе не находим; географ начала XIII в. Якут понимает под «Гаршем» или «Гаршистаном» только горную область к востоку от Герата, к западу от Гура, к северу от Газны и к югу от Мерверруда, хотя сам говорит

⁵ <Подробнее о термине *сарт* см. Barthold, *Sart* (EI, IV). — В. Р.>

⁶ <Подробнее о термине *гальча*||*гарча* см. ниже, стр. 457—459. — В. Р.>

в другом месте, со слов автора XII в. Сам'ани, о самаркандском Гарчистане.

В эпоху арабского завоевания этнографическая граница между иранцами и турками, культурная — между оседлым и кочевым населением и политическая — между мусульманской империей и «областью неверных» приблизительно совпадали. Кочевники нетурецкого происхождения были вытеснены из степей в предшествующий период. В мусульманский период продолжали употреблять слово «Тохаристан» как географический термин, но происхождение этого термина не было известно, и о тохарском народе не имели никаких сведений. В истории арабского завоевания еще упоминается хайтальский народ (эфталиты), но только в рассказах о событиях, происходивших в пределах Афганистана или на крайнем юге Туркестана, около Термеза. С другой стороны, в культурных местностях Туркестана были династии турецкого происхождения, но, по-видимому, еще не было оседлого населения, говорившего по-турецки. Даже в пределах нынешнего Китайского Туркестана, как показали археологические открытия последних десятилетий, турецким по языку было только население местности к востоку от Кучи.

Арабским завоевателям приходилось иметь дело не только с местными турецкими династиями, но и со степными турками, даже со степным великодержавием; как представители великодержавия, «каганы» становились рядом с римскими «кесарями» и персидскими «хосроями». Победы, одержанные арабами на Сыр-Дарье в 737 и 739 гг., привели к уничтожению каганства в пределах нынешних туркестанских республик; степь распалась на несколько владений, но не была подчинена власти арабских наместников, принимавших только меры для защиты культурных областей от набегов степняков. Как римский *limes* на западе и китайская великая стена на востоке, так и в Туркестане преградой против таких набегов должны были служить длинные стены-валы⁷. Наиболее совершенные сооружения этого рода относятся к эпохе Сасанидов; до сих пор сохранились остатки стены из жженого кирпича, построенной, по историческим сведениям, в V в. в местности от Каспийского моря к востоку и от реки Гюрген к северу, и другой стены из того же материала, построенной на восточной окраине Мазандерана от моря до гор, очевидно после того, как персидским царям пришлось отказаться от защиты линии Гюргена. Историк Табари говорит даже о стене из тесаного камня, но это известие не подтверждается остатками стен и объясняется, по всей вероятности, смешением этих стен со стеной, защищавшей Дербентский проход. В противоположность дербентской стене, стены к востоку от Каспийского моря в мусульманский период, насколько известно, не поддерживались; нет также

⁷ <О роли длинных стен в борьбе с кочевниками в Хорасане и Мавераннахре см. Якубовский, ОИТН, стр. 35—39. См. также Мухамедов, *Мудофаа иншоотлари*. — В. Р.>

сведений о ремонте стен, построенных в III в. до н. э. для защиты Мервского оазиса, от которых в X в. сохранялись только следы. В период арабского владычества, приблизительно в одно и то же время, во второй половине VIII в., были построены длинные стены в двух местностях — вокруг культурной полосы города Бухары и к северу от культурной полосы Чирчика, от Сыр-Дарьи до гор. В обеих местностях остатки стен сохранились до сих пор, причем сравнительно подробно исследованы остатки бухарских стен — земляного вала со сторожевыми укреплениями из сырцового кирпича⁸. По историческим известиям, бухарские стены были построены по образцу таких же стен домусульманского происхождения, защищавших Самаркандскую область; остатки этого вала, называвшиеся, как и в других местностях, «старушечьей стеной» (Кампыр-дивар), упоминаются в вакуфном документе 1786 г., при определении северной границы земель селения Сиюганчи к северо-западу от Самарканда, где находилась могила святого Мухлис-Ата⁹. В 840 г. самаркандский правитель Нух ибн Асад завоевал Исфиджаб, т. е. культурную полосу Арыса, и построил там также длинные стены; судя по единственному дошедшему до нас известию об этой постройке, стенами были защищены только ближайшие окрестности города Исфиджаба (вероятно, находившегося на месте нынешнего Сайрама); говорится о постройке стены вокруг «виноградников жителей этого города и их пашен»; эта стена, по-видимому, исчезла бесследно¹⁰. От постройки и поддержания длинных стен впервые отказался Саманид Исма'ил, правивший в Бухаре с 874 до 907 г.; историк приписывает ему слова: «Пока я жив, я буду стеной для Бухарской области». Как бухарские стены, так и стены у Чирчика получили от народа название «старушечьего вала» (Кампыр-дувал), причем такое отношение к длинным валам прежнего времени не составляет особенности Туркестана; остатки длинных стен, некогда защищавших культурную полосу Египта, также назывались «стеной старухи» (*хй'ит ал-'аджйз*). Впоследствии длинные стены, окружавшие несколько городов и селений, строились только в редких случаях; русские завоеватели застали только одно сооружение этого типа — стену, окружавшую «города Шар (Шахрисябз) и Китаб с некоторыми другими кишлаками и курганчами» (крепостцами)¹¹.

⁸ <Перечень источников, содержащих сведения о стене Бухарского оазиса, см. Нершахи, пер. Фрая, 127—128, прим. 146. — В. Р.>

⁹ Вяткин, *Материалы*, стр. 50 и указатель.

¹⁰ <Летом 1925 г. М. Е. Массоном были обнаружены остатки стены в 7,5 км от центра кишлака Сайрам; возможно, что это часть стены, защищавшей окрестности Исфиджаба. См. Массон, *Старый Сайрам*, стр. 38—39 и табл. к стр. 40—41. — В. Р.>

¹¹ Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 502. Даже факт существования этих стен не может считаться вполне установленным. <О стене («Чим») вокруг Шахрисябза и Китаба см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр. 29—30. — Ю. Б.>

В противоположность этим длинным валам, городские стены имели уже в арабский период не столько военное, сколько полицейское значение. В рассказе о постройке стен вокруг города Бухары (постройка была закончена в 849 или в 850 г.) жителям приписываются следующие доводы в пользу необходимости этой постройки: «нашему городу нужны стены, чтобы по ночам закрывать ворота и быть в безопасности от воров и разбойников». Такое же значение придавалось городским стенам в новейшее время; пишущему эти строки пришлось слышать от стариков-туземцев жалобы, что после уничтожения, при русском владычестве, городских стен с запиравшимися на ночь воротами и отмены запрещения выходить на улицу после захода солнца население не может так спокойно спать по ночам, как прежде. Цели внутренней охраны осуществлялись еще легче в городах того типа, который возник в Передней Азии, как полагают, только при арабах (характерный пример представляет Дамаск, столица первой халифской династии), в связи с арабскими племенными делениями и с обычаем отводить в завоеванных или вновь построенных городах особое место каждому племени: стены с воротами строились не только вокруг всего города, но и вокруг отдельных кварталов. Города этого типа существуют в Персии и теперь; так, в городе Хамадане, по словам одного русского путешественника, «кварталы отделяются друг от друга воротами, которые на ночь запираются. Непрерывной отдельной оградой вокруг города не имеется; но ворота, ведущие в улицы за город, тоже запираются на ночь». Судя по некоторым сведениям о Мерве последних веков до монгольского нашествия, города этого типа были в Закаспийской области, теснее всего связанной с Персией; ясных сведений о стенах вокруг отдельных кварталов в других туркестанских городах мы не имеем, не исключая Бухары, где приводятся сведения о разделении города между отдельными арабскими племенами.

В состав пространства, окруженного бухарскими стенами, кроме первоначального городского поселения — *шахристана* — входили предместья — *рабад*, т. е. обширное пространство, присоединенное к городу в мусульманский период. Рабадом назывались и самые стены, причем этот арабский термин употреблялся и персидскими авторами. В Бухаре стены рабада оставались городскими стенами и впоследствии, когда исчезли еще существовавшие в X в. стены и ворота шахристана, т. е. когда домусульманское поселение утратило свое значение «города» по преимуществу и присоединенные при исламе кварталы перестали считаться «предмествами». В некоторых других случаях пространство, окруженное стенами рабада, было слишком значительно для города в тесном смысле слова, и такие стены не могли выполнять свое полицейское назначение; оттого, когда «городом» вместо шахристана сделались кварталы, возникшие при исламе, таким «городом» была признана и окружена особой стеной только небольшая часть прежнего рабада.

Так, в Мерве стенам рабада X века соответствуют остатки вала, известные теперь под названием Гилякин-Чильбурч, окружавшего пространство в 40 квадратных верст; шахристану — городище Гяур-кала; предместью, окончательно признанному «городом» и окруженному особой стеной в XI в., — городище Султан-кала (около 4 кв. верст). В Самарканде глинобитные стены рабада, известные теперь под названием Дивар-и Киямат ('Стена судного дня') или, на юге, Дивар-и Кундаланг (последнее название связано с турецко-монгольским словом *кундалан* в значении 'шатер', 'ханская ставка' и, вероятно, было дано местности, расположенной около стен, уже в монгольский период), тянулись на 40 верст и окружали пространство приблизительно в 10 000 десятин; «городом» признавалось в XII в. только пространство к югу от шахристана, т. е. от городища Афрасиаб, приблизительно соответствующее нынешнему туземному или «азиатскому» Самарканду. Очень вероятно, что в этом случае стены рабада, в отличие от бухарских, были выстроены не для внутренней охраны, но для защиты от внешнего врага. О причинах постройки мервского рабада известий нет; самаркандский рабад был выстроен Абу Муслимом (виновником падения Омейядов и воцарения новой халифской династии Аббасидов), управлявшим тогда Хорасаном, в 134 г. х., т. е. в 751 или 752 г., непосредственно после усмирения восстания в Самарканде и Бухаре. По некоторым сведениям, Абу Муслим только возобновил постройку домусульманского периода, иногда приписывавшуюся Александру Великому, причем Александр будто бы хотел, «чтобы во время враждебных действий войск и войн между царями жители окрестностей этого города собирались внутри стен, соединялись с жителями города и, помогая друг другу, были в безопасности». На военную цель самаркандских стен указывает также название селения Рабат-и Газиян (букв. 'Станица борцов за веру'), как называется еще теперь селение у северо-восточного конца стен близ западного подножия возвышенности Чопан-Ата. «Газии», как мы увидим ниже, признавались элементом опасным не только для внешнего врага, но и для внутреннего спокойствия государства Саманидов; кроме того, Самарканд вообще считался в эту эпоху средоточием мятежных элементов, по словам географа Ибн Хаукаля, сведения которого относятся к царствованию эмира Мансура (961—976), притом к первой половине этого царствования; Ибн Хаукаль начал свои путешествия в 943 г. (год его выезда из Багдада) и закончил свой труд в 973 г.; последние годы перед окончанием книги провел на западе. Временем его переезда из восточных областей ислама в западные был 969 г.; в этом году он был на берегах Гюргена и в том же году «в последний раз» был в Мосуле на Тигре; в 972 г. он был в Сицилии. При нем в самаркандских стенах уже не было запиравшихся ворот; ворота были удалены по распоряжению саманидского правительства, вследствие происходивших в городе волнений.

Для целей священной войны, кроме стен и валов, в Туркестане, как и в других пограничных областях мусульманского мира, строились *рибаты* (таково правильное арабское произношение), или *рабаты* (так произносится это слово, которое не следует смешивать со словом *рабад*, в Туркестане). По объяснению автора XII в., рабатов называлось «место, где привязывали коней» (таково и этимологическое происхождение термина); рабат предназначался для *газиев* (борцов за веру), так как они, когда поселялись в пограничном пункте, «жили там лицом к лицу с врагами, отражая их козни и их нападения на мусульман». По своему назначению рибаты, или рабаты, соответствовали, таким образом, нашим казачьим станицам; их внешний вид был иной, так как они не устраивались для постоянных поселенцев и их семейств, но служили казармами для кочевых отрядов. Слово *рибат* и соответствующая глагольная форма (<*rābata*>, по-видимому, в значении 'сражаться в рибатах') встречаются уже в Коране; но из текста не видно, говорится ли только о выставлении отрядов конницы или о постройке для них особых зданий; некоторые из толкователей Корана даже старались доказать (вопреки точному смыслу слов Корана, VIII, 62 — *ribāt al-ḥayl* 'рибат коней'), что в эпоху пророка рибаты на войне еще не применялись и что слова Корана относятся не к священной войне, но к творению молитв и подвижничеству, как впоследствии рядом с «рибатами» газиев были «рибаты» подвижников; обитатели этих рибатов, по выражению одного из египетских историков, спасали страну от бедствий своими молитвами, как обитатели военных рибатов — оружием. По словам того же историка, в христианском мире монашество явилось на смену прежнего «свидетельствования», т. е. мученичества. Люди, отдававшие свою жизнь за веру, назывались и у мусульман, как у христиан, «свидетелями» (арабское *шахид* по своему этимологическому значению вполне соответствует греческому *martyr* или *martyr*); но для мусульманина, по характеру его учения, это «свидетельствование» было не пассивным мученичеством, но активной борьбой, притом не только с внешними врагами; уже в I в. ислама под «борьбой за веру» стали понимать также восстание против нечестивых и несправедливых правителей. При таких условиях в мусульманском мире с самого начала должна была установиться та идейная связь между религиозным братством и братством по оружию, которая в истории христианства выразилась в духовно-рыцарских орденах. Во II в. х. из «рабага», основанного религиозным подвижником в южной части Сахары, на границе с Суданом, вышла династия «Алморавидов» (*мурабитов*, т. е. 'живущих в рабатах'), завоевавшая Северную Африку и Испанию; мурабитами (по-французски «*marabouts*») называются и теперь в Африке члены религиозных братств, уже не имеющих больше военного значения. В Туркестане и в Персии сближение рабатов со зданиями иного назначения иногда вызывалось сходством плана

и устройства здания. Историками мусульманской архитектуры отмечено внешнее сходство между *ханом* (гостиницей, караван-сараяем) и *медресе* (высшей школой); зданиями того же казарменного типа, причем комнаты расположены вокруг двора, были также *рабаты* и *ханаки* — обители религиозных подвижников. Принесенный завоевателями тип рабата был настолько сходен с типом существовавших ранее странноприимных домов и обителей, что естественно произошло сближение, отразившееся и на употреблении термина *рабат*. Возможно, что в некоторых случаях для рабатов были приспособлены готовые здания, подобно тому как в мусульманские мечети обращались храмы прежних религиозных общин, тем более что постройка рабата признавалась таким же богоугодным делом, как постройка мечети. Строителем мечетей и рабатов называется, между прочим, происходивший из дома Бармакидов (известных аббасидских министров, низложенных Харуном ар-Рашидом) Фазл ибн Яхья, управлявший Хорасаном в течение короткого времени в конце VIII в.

Рабаты, имевшие военное значение, строились, конечно, преимущественно на границе со степью. Таким пограничным пунктом был, например, в Бухарской области торговый город Пейкенд, на пути из Бухары в Мерв; по словам бухарского историка, в окрестностях Пейкенда «до 240 г.» (854-55 г.) было более 1000 рабатов «по числу бухарских деревень; жители каждой деревни построили там рабат, посылали туда людей и давали средства на их содержание. Зимой, когда происходили нападения неверных, из каждой деревни сюда приходило много людей и подвизались в войне за веру, каждый в своем рабате». В связи с какими событиями рабаты прекратили свою деятельность в половине IX в., не говорится. Географ конца X в. Макдиси еще видел в Пейкенде «около 1000» рабатов, частью еще населенных, частью уже опустевших. В XII в. от рабатов, как и от самого города Пейкенда (на месте его жило только небольшое число туркмен), оставались только развалины; посетивший эту местность автор слышал, что рабатов было до 3000 и что они были построены для чтецов Корана. Военное значение рабатов, о котором ясно говорит бухарский историк, было, таким образом, совершенно забыто.

Слова о «тысяче рабатов» показывают, что рабатов в этом случае называлось каждое отдельное здание, предназначенное для небольшого числа людей. В некоторых других случаях рабат представлял пограничную крепость, окруженную стеной, иногда несколькими рядами стен, и достигавшую размеров небольшого города. Таков был, например, рабат Феравы, где ныне город Кызыл-Арват (собств. Кызыл Рабат, т. е. «Красный рабат»), или рабат Дихистан, ныне развалины Мешхед-и Мисриян — городок, занимающий пространство в 120 десятин, со стеной из жженого кирпича. Остатки Дихистана, существующие до сих пор, относятся к началу XIII в.; в конце X в. этот рабат не

имел стен, так как они были разрушены по распоряжению правительства.

В X в. в самаркандском «рабате борцов за веру» местные ученые Абу Мансур Матуриди и Абу-л-Касим Самарканди видели Хизра (мифического пророка, с культом которого связано мусульманское подвижничество), который научил одного из них богословию, другого — философии. Из этой легенды видно, что рабат, о первоначальном назначении которого свидетельствует его название, тогда служил для иных целей. Иногда рабаты строились с самого начала для целей религиозного культа или преподавания; так, живший еще в VIII в. мервский ученый и подвижник Абдаллах, сын Мубарека, пользовавшийся одинаковой популярностью среди представителей двух противоположных направлений, изучавших хадис (предание) и изучавших фикх (религиозное право), построил в Мерве для каждого из этих направлений по рабату. Встречаются рабаты, связанные с культом домусульманских пророков, упоминаемых в Коране; так, у Келифа на южном берегу Аму-Дарьи был рабат Зу-л-карнейна, т. е. Александра Македонского (Коран, XVIII, 82 и сл.), на северном — рабат Зу-л-кифля (Коран, XXI, 85 и XXXVIII, 48). Культ Зу-л-кифля был впоследствии перенесен из Келифа в Термез, где автор XVIII века помещает на острове среди Аму-Дарьи «мазар пророка Зу-л-кифля, от которого разливается свет». Остров от этого мазара получил название Арал-Пейгамбер («Остров пророка»); в XIX в. он назывался Орта-Аралом, т. е. средним островом. Покойный И. Т. Пославский в 1895 г. слышал, что на Арал-Пейгамбере имеется какое-то старинное большое сооружение, кажется что-то вроде медресе, в котором живут постоянно местные шейхи и куда правоверные являются иногда на поклонение¹². В настоящее время, по полученным мною сведениям, «старинное» сооружение заменено новым; живут ли на острове теперь шейхи, мне пока установить не удалось. В рабате Зу-л-карнейна в X в. была мечеть. Об Александре до сих пор рассказывается легенда, что река у Келифа протекает по тому месту, где был похоронен завоеватель «со всеми своими богатствами», причем «никто не знает, где собственно находится могила Искендера (Александра), и Аллах откроет эту тайну только новому покорителю всего мира».

Очень вероятно, что в этих случаях к мусульманскому религиозному культу были приспособлены прежние местные святыни. Несмотря на то, что переправа Александра через Аму-Дарью совершилась у Келифа и что на южном берегу был лагерь македонского войска, едва ли есть основание видеть в этой легенде отголосок преданий, сохранившихся в Туркестане со времени Александра. Существование таких преданий до сих пор не может быть доказано; озеро Искандер-

¹² Пославский, *О развалинах Термеза*, стр. 95.

культ вообще не упоминается в средние века под этим названием; легенда о происхождении от Александра бадахшанских и других местных князей не встречается ранее XIII в. Христианские и мусульманские версии романа об Александре приводили Александра к «источнику жизни», вытекавшему, по некоторым известиям, из рая; одной из четырех райских рек, наравне с Евфратом и Тигром, признавалась Аму-Дарья, получившая вследствие этого название Джейхун (Гихон). Рабат Зу-л-карнейна был у истоков Тигра; естественно, что с именем Зу-л-карнейна был связан также рабат на Джейхуне. «Хорошие рабаты» были также на правом берегу Аму-Дарьи, в Фарабе, в том числе один рабат, построенный саманидским правителем Насром ибн Ахмедом (914—943), где предлагалось угощение странникам, т. е. странноприимный дом или караван-сарай. Караван-сараям, по всей вероятности, был также рабат, построенный в XII в. турецким владельцем Арслан-ханом в бухарском селении Искиджкенте «для иностранцев».

Прямые известия о приспособлении к мусульманскому культу прежних зданий мы имеем только для мечетей; так, первые соборные мечети в Бухаре (в цитадели) и в Самарканде (в шахристане, рядом с цитаделью) первоначально были храмами идолов (*бутхане*). В переднеазиатских областях соборная мечеть была не только местом богослужения, но и средоточием государственной и общественной жизни; там хранилась государственная казна, производился суд, решались общественные дела, читались лекции преподавателями и т. п. Географ Истахри отмечает разницу в этом отношении между переднеазиатскими и восточноиранскими областями; из мечетей Хорасана, Мавераннахра, Сеистана и Джибала (средней Персии, древней Мидии) можно было постоянно видеть больше всего народа в гератской мечети, потом — в балхской, потом — в сеистанской (т. е. в мечети главного города Сеистана, Зеренджа, где теперь крепость Над-и Али). Только в этих трех мечетях собирались кружки факихов (законоведов) и вообще постоянно толпились люди, как в Сирии и пограничных округах; остальные мечети этого края наполнялись народом только по пятницам, т. е. в часы богослужения. Впоследствии преподавание происходило и в некоторых других мечетях; так, в мервской соборной мечети читал лекции по фикху (законоведению) на персидском языке ученый, убитый при разграблении города турками-гузами в 1153 г. Все же население Туркестана и восточных областей Персии мало нуждалось в мечетях во внебогослужебное время, так как для целей преподавания и вообще для целей, связанных с религиозным культом и различными отраслями общественной жизни, существовали особые здания.

Для выяснения вопроса о типе зданий, служивших в домусульманском Туркестане для религиозных и общественных целей, необходим еще целый ряд исследований в области изучения письменных источников, лингвистических, этнографических и археологических данных. Со

сравнительно обильными сведениями мусульманских авторов необходимо сопоставить скудные данные, которые можно извлечь из так называемых согдийских текстов; без такого сопоставления трудно судить о том, насколько термины, употребляемые авторами мусульманского периода, соответствуют местной терминологии. В мусульманский период даже авторы туркестанского происхождения писали или на арабском, или на общеперсидском литературном языке и в последнем случае, конечно, употребляли персидские термины независимо от того, были ли эти термины известны местному населению: только в редких случаях ими приводятся отдельные слова согдийские, бухарские, хорезмийские и т. п. Возможно, что некоторые из таких слов до сих пор сохранились в местных наречиях, но до сих пор такие местные термины отмечены только в области ирригации. В некоторых случаях слова иранского происхождения, забытые местными иранцами, сохранились в турецких наречиях. Археологические открытия доставили нам некоторые сведения о жилищах туркестанской землевладельческой аристократии (так называемые «жилые курганы», которых особенно много в долине Ангrena, где дольше всего сохраняло свое значение дикханство) и о местных погребальных обрядах (так называемые оссуарии, найденные на пространстве от Самарканда до Аулие-Ата)¹³, но этот материал до сих пор не находит себе достаточного объяснения в письменных источниках (мы даже не знаем, как назывались укрепленные замки и оссуарии местным населением в различных областях Туркестана). В этнографическом отношении особенный интерес представляло бы изучение Хорезма, где сохранились до сих пор некоторые бытовые особенности, как хуторское хозяйство и первоначальный тип арбы, которые прежде были характерны для населения всего Туркестана; об этом свидетельствует сходство хорезмийских бытовых черт с бытом горных таджиков и кашгарцев. Некоторые внешние бытовые черты хорезмийцев, отмеченные географами X в., как высокий головной убор, сохранились до сих пор. Мусульманский Хорезм отнюдь не жил изолированной жизнью и имел тесные торговые сношения с другими странами; но в окруженном пустынями Хорезме, как в окруженной морями Англии, вся жизнь носила своеобразный уклад, и даже заимствованные извне черты обнаруживали особую живучесть.

В некоторых персидских словарях слову *хане* 'дом' в смысле 'частное жилище' противопоставляется слово *сарай* в смысле 'гостиница, общественное здание'. Приводится стих поэта Кудси: «Не пускай в дом чужого, а не то назови дом сараем». Под *сараем* как общественным

¹³ <Об оссуариях в Средней Азии после В. В. Бартольда появилась многочисленная литература в связи с новыми находками. Из более ранних работ см. например: Вязигин, *Оссуарии*; Ставский и др., *Панджикентский некрополь*. В последние годы опубликованы: Ремпель, *Некрополь*; Ершов, *Некоторые итоги*; Ставский, *Оссуарии*; Рапорт, *Об изображении*. — В. Р.>

зданием, в противоположность *хане*, понимали и царский дворец, и присутственное место, и гостиницу («караван-сарай»), и торговое помещение, и место для склада хозяйственных припасов (отсюда значение слова «сарай» в русском языке). *Сараями* или *миян-сараями* (с присоединением слова *миян* 'середина') назывались также отдельные постройки, входившие в состав мечети; *сарай* мог служить и для целей преподавания; в Самарканде упоминается *сарай* Джаузания, или Джаузаниян, о котором существовало поверье, что каждый, кто обучался там наукам, становился благочестивым и ученым человеком; впоследствии об этом здании говорили как о «мечети Джаузания» или «медресе Джаузания» и помещали его на территории нынешнего города, к востоку от медресе Ширдар. *Сарай* мог быть частью укрепленного замка, как жилища князя или представителя высшей землевладельческой аристократии. У арабов такие укрепления чаще, чем арабскими словами *хисн* и *хисар*, обозначались заимствованным из латинского языка словом *каср* (*castellum* или *kastron* — греческая форма единственного числа, образованная от латинского *castra*); в персидском языке ему соответствовали слова *ках* или, чаще, *кёшк*. Ках, по-видимому, был более значительным сооружением, чем кёшк; кахами назывались преимущественно жилища владетельных князей, как замки владетелей Бухары, бухар-худатов, в бухарской цитадели¹⁴ и в селении Варахше близ Рамитана, замок соперника бухар-худата, вардан-худата, владетеля Варданы (впоследствии селение Варданзи, засыпанное песками) и построенные при исламе дворец Сахля ибн Ахмеда Дагуни (в IX в.) в бухарском селении Искиджкет и дворец турецкого хана Шемс ал-мулька (в XI в.) в южном предместье Бухары. В последнем случае ках был построен внутри окруженного стеной запретного пространства (по-турецки *курука*), протяжением в одну милю (около 2 верст). Ках бухарской цитадели опирался на семь каменных столбов, подобно семи звездам Большой Медведицы; в этом кахе помещался «сарай гарема и казны», по-видимому, как отдельное входившее в состав его здание. О кахе Варахши говорится, что один из бухар-худатов был убит в этом кахе, в своем кёшке; возможно, что в этом случае под кёшком надо понимать одно из зданий каха. Интересно также, что саманидский правитель Исма'ил (874—907) предлагал местным жителям обратить этот ках в соборную мечеть. Кёшками назывались небольшие укрепления, вероятно башни, в горных деревнях нынешнего Афганистана¹⁵; еще

¹⁴ Упоминается и кёшк бухар-худата «у ворот цитадели, на Ригистане» (Нершахи, изд. Шефера, 63).

¹⁵ Ср. кёшк к западу от крепости Порсу-кала в мервском районе, представляющий «солидную четырехугольную башню, сильно кругом занесенную и засыпанную песком» (Самойлович, *Мервские воспоминания*, отд. отт., стр. 7, прим. 41); у Алиханова (*Мервский оазис*, стр. 94) «Кошюк»; на картах (в том числе на карте при брошюре Алиханова) «Минара» (минарет, башня).

яснее значение 'башня' в рассказе о битве у Термеза, после которой победоносный арабский предводитель воздвиг два «кёшка» из голов убитых врагов. Очень вероятно, что «кёшками» назывались также те два «касра», один из золота, другой из серебра, которые, по рассказу арабского историка, вместе с другими дарами были поднесены арабскому наместнику в 738 г. Слово *кёшк* соответствует, однако, арабскому *каср* и в тех случаях, когда имеется в виду укрепленное жилище владельца обширной земельной собственности; так «крепость» (*хисн*) на Мургабе, завоеванная арабским предводителем Ахнафом, получила после этого название «замок» (*каср*) Ахнафа, и принадлежавший к ней *рустак* (совокупность селений) стал называться «рустаком Ахнафа»; арабское *каср* в переводе сочинения географа Истахри передается словом *кёшк*. Кёшками назывались жилища бухарских купцов, которые, вместо того чтобы уступить арабам половину своих домов в шахристане, предпочли совершенно покинуть шахристан и устроиться на новом месте, в северо-западной части нынешнего города. Здесь возникло 700 замков (кёшков), причем вокруг каждого замка были расположены дома слуг (чакиров) и подчиненных владельца; у ворот каждого замка было отведено место для сада (*бустан*) и поляны (*сахра*); на воротах каждый владелец сделал изображение своего «идола» (*бут*); в половине VIII в. «700 замков» по числу населения превосходили шахристан. При описании жилищ государей и вельмож сад (*бустан*) часто является принадлежностью сарая или кёшка, как в арабских текстах это же самое персидское слово *бустан*, принятое и арабами, сопоставляется со словом *каср*. Для обозначения сада употребляется также слово *баг*¹⁶, только с представлением о *бустане* связано представление о цветах и их запахе, с представлением о *баге* — представление о плодовых деревьях. *Баг* также упоминается как принадлежность *сарая*, иногда вместе с *бустаном*; так, при описании местности Джу-и Мулиян в Бухаре, где находился дворец Саманидов, говорится о «сараях, садах (*баг*), рощах (*чемен*) и цветниках (*бустан*)». Считалось желательным, чтобы *баг* окружал *сарай* со всех сторон; такой *баг* назывался *чарбагом* (букв. 'четыре сада'): так, о Бу Насре, одном из сановников газневидского султана Мас'уда (1030—1040), говорится, что у него был *сарай* в Нишлалуре, к которому с трех сторон примыкал *баг*; он хотел прикупить еще земли, чтобы получился «сарай с чарбагом» (впоследствии слово *чарбаг* употреблялось и в другом значении; так, в Исфахане *чарбагом* называется главный бульвар города, обсаженный с обеих сторон тополями). *Баг* со своими деревьями больше, чем *бустан*, соответствовал древнему *пардесу* — древесной ограде частных жилищ и парку (в нем содержались и звери для охоты) царей и вельмож; из рассказов о похо-

¹⁶ *Баг* и *бустан*, как слова одинакового значения, приводятся в географическом словаре Якута (*Му'джам*, I, 677).

де Александра Македонского видно, что такие парки были и в Туркестане; соответствующее слово перешло из древнеперсидского языка в греческий и некоторые семитические, где оно служило также для обозначения райского сада и до сих пор сохранило это значение в нескольких языках (франц. paradis). В мусульманский период это слово в живой речи уже не употреблялось ни в Персии, ни в Туркестане; в литературе оно встречается, в чисто книжной форме *фирдаус*, только в смысле 'рай'.

Приведенные выше слова о «замке Ахнафа» показывают, что собственник каха или кёшка иногда владел целым рустакон, т. е. группой селений. Чаще живший в замке представитель землевладельческой аристократии владел только одним селением, как в Персии о мифическом царе Менучехре, будто бы положившем начало «дихканству», существовало предание, что он «назначил для каждого селения дихкана, сделал жителей селения его слугами и рабами, одел их в одежду унижения и велел им повиноваться ему». Мы видели, что дома слуг, *чакиров*, были расположены вокруг замка землевладельца. Исторические тексты показывают, что под чакирами надо понимать военную силу, которой располагали князья и вельможи; из чакиров состояло в домусульманскую эпоху войско самого могущественного из местных владетелей, самаркандского ихшида; некоторые арабские наместники, в подражание туземной аристократии, тоже окружали себя отрядами из чакиров или, по арабскому произношению, *шакиров*. Вокруг замка были тоже дома остальных «подданных». В одном из текстов, относящихся также к Бухаре, рядом со «слугами» дихкана называются его *кедиверы*. Последний термин образован от иранского *кед* (*кет*) или *кеде*, означавшего 'дом' в несколько более обширном смысле, чем *хане*. *Хане*, как арабское *бейт*, было отдельным жилым домом в тесном смысле слова; *кед*, или *кеде*, передается арабским *дар*; в это понятие, кроме собственного жилища главы дома, входили жилища его отделенных сыновей и других родственников, хозяйственные постройки и т. п., причем все эти постройки находились внутри одной общей ограды. Сюда относится и хорезмийское слово *кат*, как называли в Хорезме¹⁷ пространство в степи, окруженное стеной (или валом), хотя бы внутри этого пространства ничего не было (теперь в Туркестане такие остатки старых укреплений называются *турткулями*). Кедиверы были членами и обитателями кеда; во главе кеда стоял *кедхуда* (*кетхуда*), букв. 'господин кеда'. Учреждение этого звания приписывалось мифическому царю Феридуну, деду Менучехра. С понятием о *кедхуда* первоначально связывалось понятие о власти над семьями и потомством; в мусульманский период идеального кедхуду представляли себе в виде заботливого хозяина. В этом смысле государь называется «кедхудой мира». Представление о кед-

¹⁷ <В первом изд. ошибочно: «Хорасане». — Ю. Б.>

худе соединяется, однако, не только с представлением о власти и собственности: кедхудой является также лицо, исполняющее обязанности хозяина по полномочию собственника, т. е. домоуправитель. В государственной терминологии кедхудой назывался гражданский администратор при военном наместнике, чиновник при полководце, обязанный заботиться о продовольствии и снаряжении войска, и т. п. В значении, близком к первоначальному, термин *кедхуда* до сих пор употребляется у туркмен, называющих кедхудами своих родовых старшин¹⁸.

Географы X в. при описании Туркестана приводят большое число названий, сложных с *кет* и *кед*, причем эти названия, еще не встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Зеравшана и в значительно большем числе в бассейне Сыр-Дарьи, особенно в районе Ангрена и Чирчика. Географ Истахри дает для области Илак, т. е. культурной полосы Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с *кет*; для области Чач, т. е. культурной полосы Чирчика, — 27 названий, из них 14 сложных с *кет*. Из этих названий видно, что один и тот же термин применялся к городу и селению, как в Коране «селением» (*қарйа*) назван и такой большой город, как Мекка. В связи с распространением персидского литературного языка слова *кент* и *кет* были заменены словом *дих*; присоединенная к Фергане при Саманидах местность на восточной окраине этой области, где возникли семь селений, получила название Хефт-дих ('Семь деревень'). К городу слово *дих* уже не применялось; так, о жителях Пейкенда, придававших значение признанию Пейкенда «городом» наравне с Бухарой, говорится, что они никому не позволяли называть Пейкенд «дыхом» (деревней). Казалось бы, что только в городах, а не в селениях могло проводиться различие между собственно городом — *шахристан*, или *шаристан*, и цитаделью — *кухен-диз*, букв. 'старая крепость', отсюда слитное *кундуз*; но бухарский историк упоминает о «шахристане» и «кундузах» также при описании селений. Слово *кент*, утраченное и забытое местным иранским населением, перешло в турецкие наречия; по мере перехода кочевых турок к оседлости слово *кышлак*, первоначально означавшее 'зимовку', повсеместно в Туркестане, даже у горных таджиков, стало употребляться в смысле 'селение', хотя еще в конце XVI в. «живущие в селениях» (*дих*) отличались от «живущих в зимовках» (*кышлак*). Употребление слова *кент* в смысле 'селение' сохраняется до сих пор в Хорезме¹⁹ и в Кашгарии²⁰.

¹⁸ О кетхудах как старшинах, напр., Семенов, *Очерки*, стр. 31. По Алиханову (*Мервский оазис*, стр. 30), кетхудами в Мерве назывались старшины, заведовавшие отдельными каналами (каждый канал носил название колена, которому он принадлежал), но не имевшие никакого отношения к другим делам народа. Таких старшин было сто человек. <О применении термина *кедхуда* у туркмен в XIX в. см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 123—125, также указатель. — В. Р.>

¹⁹ Кун, *От Хивы до Кунграда*, стр. 203.

²⁰ Корнилов, *Кашгария*, стр. 277. <Поправка В. В. Бартольда: «Слово „кент“

Терминами, сложными с *кеде* и *хане*, обозначались и языческие храмы, называвшиеся «домами огня» (*атешкеде* или *атешхане*) и «домами идолов» (*буткеде* или *бутхане*). Первый термин относится, конечно, к зороастризму, по всей вероятности остававшемуся до мусульманского завоевания религией большинства населения, несмотря на распространение буддизма, манихейства и христианства. Описания местных зороастрийских храмов мы не имеем; не найдено также остатков таких сооружений²¹; совершенно неизвестно, насколько храмы туркестанских зороастрийцев в эпоху мусульманского завоевания отличались от древних четырехугольных башен огня, найденных около развалин Пасаргад и Персеполя и известных под названием «Ка'ба Зороастра» (Ка'ба-и Зердушт), и от более новых восьмиугольных сооружений с куполом, как «атешкеде» близ Исфахана. Общины зороастрийцев в Туркестане существовали еще в X и XI вв., причем они называются *маджусами* в арабских источниках и *мугами* в персидских. Говорится о бухарских мугах, об общине мугов в Самарканде; на последних, взамен налаженной на иноверцев подушной подати, была возложена повинность охранять и исправлять свинцовую водопроводную трубу, посредством которой была проведена вода в шахристан. В Хорезме в XI в., по словам Бируни, были только «остатки маджусов, не отличавшихся ревностью к своей вере, довольствовавшихся знанием ее внешних обрядов, не исследуя ее сущности и ее идей». О том, когда исчезли следы зороастризма, данных нет. Народ в Туркестане до сих пор приписывает много развалин «мугам», причем другой термин, распространенный в Персии, *гебр* (от этого слова, а не от слова *кафир* образовано слово *гяур*), в Туркестане, по-видимому, известен только туркменам и хивинцам. Только в Туркмении²² и Хорезме²³ крепости домусульманского происхождения называются крепостями «гебров» или «гяуров»; в остальных местностях Туркестана, особенно в бассейне Сыр-Дарьи, говорится о «крепостях» и

в смысле „селение“ употребляется и в Бухаре, где считается узбекским, а не таджикским словом («Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I, стр. 66).>

²¹ <В течение последних десятилетий было открыто и исследовано много остатков доисламских культовых построек в Средней Азии. Среди них буддийские и христианские постройки выделяются вполне точно, определение других зданий, например храмов Пенджикента, как зороастрийских, пока еще не является общепризнанным. Последняя обобщающая работа по этому вопросу: Воронина, *Доисламские культовые сооружения* (с обширной библиографией). — Б. С.>

²² Ср. известное мервское городище Гяур-кала, у Фрезера Gubg-kala; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 95.

²³ Например, Гяур-кала близ Ходжейли; Кун, *От Хивы до Кунграда*, стр. 217. На 10-верстной карте еще Гяур-кала на одном из старых русел Аму-Дарьи, к югу от развалин Шах-Сенем. В географической номенклатуре остальной части Туркестана слово *гебр* представлено, кажется, только в названии не существующего теперь, но существовавшего в XV в. селения Габристан в Катта-Курганском уезде (Вяткин, *Материалы*, стр. 49, где дан перевод «становище гебров, огнепоклонников»).

«домах» мугов. Название «ворот Мугкеде» в Оше показывает, что термин *муг* употреблялся в Туркестане в живой речи и в X в. Слово *мугкеде*, как нарицательное, не встречается в литературе; в позднейшей географической номенклатуре (XV века) мы встречаем его еще в названии местности около Пенджикента на Зеравшане, причем исследователь исторической географии Самаркандской области В. Л. Вяткин²⁴ переводит его «храм огнепоклонников», т. е. понимает его в смысле *атешкеде* или *атешхане*. Были ли еще в XV в. зороастрийцы в Пенджикенте и Габристане или эти названия указывали только на прежнюю религию жителей, неизвестно. В настоящее время «домами мугов» в Туркестане называются не храмы огня, но постройки так называемого «циклопического типа»²⁵, т. е. насыпи из камня, которые один из специалистов по археологии Туркестана называет «могилами»²⁶. Зороастризм не допускал погребения в собственном смысле слова, т. е. зарывания трупов в землю; все же тела умерших были предметом некоторых обрядов, для которых воздвигались сооружения. Как установил один из русских исследователей²⁷, различались *ката* («временное помещение для трупа до вынесения на дахму»), *дахма* («место, куда выставляют трупы» на съедение птицам или собакам) и *наус* («место хранения омытых и очищенных костей», или «костехранилище»; кости, после того как в течение года обмывались на дахме и очищались от трупного мяса, съедавшегося зверями и птицами, считались чистыми и должны были храниться в месте «недоступном для собаки, лисицы, волка, для дождевых вод»). Слово *наус* есть греческое *ναος* 'храм', употребляющееся в Новом завете в смысле «святая святых храма» и передаваемое в Коране словом *михраб*, имевшим у арабских христиан значение 'алтарь' (в мечетях *михраба* при Мухаммеде еще не было); у зороастрийцев сасанидского периода и первых веков ислама им обозначались надгробные сооружения, служившие местом окончательного успокоения костей умершего. Персы-зороастрийцы в определенный день в году «ставили пищу в наусы умерших и напитки на крыши домов; они утверждали, что души умерших выходят в эти дни из мест, где подвергаются награде или наказанию, и приходят к домам с истощенными силами и жаждой; они обкуривают свои дома лекарственными растениями, чтобы мертвые испытали наслаждение от этого запаха». Тот же автор говорит о согдийцах, что они в определенные дни «оплакивали своих древних мертвецов, причитали над ними, надрезывали себе лицо и ставили для них пищу

²⁴ *Материалы*, стр. 25.

²⁵ О них Рудановский, *Сообщение в заседании ТКЛА*, стр. 234, где «ханэ-и-муг»; также: М. Андреев, *Местности Туркестана*, стр. 21 и сл.; Иностранцев, *Погребальные обычаи*, стр. 117; Веселовский, *Заметка о курганах*, стр. 221, где Мук-хонэ; киргизское выражение *мугтын уйи* — Джетбысбаев, *Слово «муг»*, стр. 29.

²⁶ Веселовский, *Заметка о курганах*, стр. 221.

²⁷ Иностранцев, *Погребальные обычаи*.

и напитки, подобно персам»; о хорезмийцах, что они, «подобно персам, ставили пищу в наусы для душ умерших». Наусы, следовательно, были и у хорезмийцев; что они были и у согдийцев, видно из рассказа историка Табари, по которому арабский наместник в 722 или 723 г. велел убить около города Ребинджана (несколько западнее нынешнего Катта-Кургана) взятого в плен местного предводителя и распять труп на наусе, причем жителям под угрозой контрибуции было запрещено снимать труп. В рассказе о военных действиях между Кешем (Шахрисябзом) и Самаркандом, происходивших в 112 или 113 г. х. (730—732 г.), говорится о четырех арабских воинах, укрывшихся в наусе. Из этого можно сделать вывод, что наус был сооружением значительных размеров; возможно, что туда помещали «оссуарии», т. е. глиняные урны, четырехугольные или овальные, с костями умерших, найденные в Туркестане, причем ни одну из этих находок не удалось сохранить нетронутой до осмотра места находки специалистами. Оссуарии украшены орнаментом, фигурными изображениями и изваяниями; таких оссуариев до сих пор нигде вне Туркестана найдено не было, из чего видно, что кости умерших были в Туркестане предметом большей заботливости, чем у других зороастрийцев. Слово *наус* не сохранилось теперь ни в Туркестане, ни вообще на иранской почве, но, странным образом, только в семитической Аравии, где им обозначаются сооружения, похожие по внешнему виду на туркестанские «дома мугов». Никаких других доказательств, что «дома мугов» в действительности были наусами и служили помещением для оссуариев, мы не имеем.

От «дома огня», как можно судить по некоторым рассказам, отличали «дом идолов», понимая под этим последним термином, по всей вероятности, буддийский храм. Особенно характерен рассказ Нершахи о «доме идолов», привезенном в бухарское селение Рамитан из Китая вместе с китайской царевной. Тот же Нершахи в своем рассказе о торговле идолами, производившейся около мечети Маха, относит происхождение этого обычая, сохранявшегося в мусульманской Бухаре в виде пережитка, к тому времени, когда «жители Бухары были идолопоклонниками»; тогда в том месте, где впоследствии была построена мечеть, сидел на престоле сам царь и поощрял своим присутствием торговлю идолами. Впоследствии «это место сделалось домом огня; в день торговли, когда собирались люди, они все входили в дом огня и почитали огонь. Тот дом огня сохранялся до времени ислама; когда мусульмане усилились, они построили на том месте ту мечеть»²⁸. В этом рассказе,

²⁸ <От Памира и припамирских областей до Инда «дома огня» в пережиточной форме долгое время сосуществовали с мечетями, у некоторых племен и народностей сохраняя свое прежнее название. В новое время, насколько можно судить по этнографическим материалам XIX—начала XX в., они сохранялись в качестве зданий общественного значения — места сходок мужчин, коллективных трапез и т. д. Об «алоу-хона» (букв. 'дом огня') в Восточной Бухаре см.: Арандаренко, *Дирваз и Каратегин* стр. 310;

по-видимому, также проводится различие между почитанием идолов и почитанием огня. Табари говорит о бухарском селении Тававис, что в нем были «дом огня и дом богов», т. е. идолов; и в этом случае зороастрийский храм отличается от храма «идолопоклонников». Однако из слов Нершахи о «замках мугов», что на воротах каждого замка было изображение «идола» владельца, можно вывести заключение, что «идолы» были и у «мугов». Остается поэтому спорным, действительно ли упоминаемые в Туркестане «дома идолов», например храмы Самарканда и Бухары, впоследствии обращенные в мечети, принадлежали буддистам и вообще незороастрийцам. Кроме того, одна религия могла влиять на другую; на это указывают слова историка XIII в. Джувейни, что слово *бухар* значило «на языке мугов» — 'собрание науки', а «на языке идолопоклонников уйгурских и китайских» употреблялось для обозначения их храмов, где помещались их «идолы». Имеется в виду санскритское *вихара*, как назывались в Индии буддийские монастыри, первоначально состоявшие не из особых построек, но из ряда вырубленных в скалах пещер²⁹. В новоиндийском и персидском это слово является в форме *бехар*; так называется до сих пор область в Индии по Гангу к востоку от Бенареса, где получил начало буддизм и было особенно много монастырей. На иранской почве особенной известностью пользовался Наубехар, т. е. «новый бехар», здание в южном предместье Балха, описываемое некоторыми арабскими авторами как постройка «идолопоклонников», людей той веры, которой придерживались также владетель Кабула, индийские и китайские цари, хотя другие авторы называют балхский Наубехар «домом огня». Что здание действительно было буддийским монастырем, доказывается словами китайского паломника Сюань Цзана, посетившего Балх в VII в., около 630 г. Сюань Цзан называет монастырь «новой сангарамой»; монастырь находился к юго-востоку от города; к северу от монастыря была высокая ступа, где хранились

М. Андреев, *По этнографии таджиков*, стр. 163—165; Кондауров, *Община у ягнобцев*; Кисляков, *Следы*, стр. 115—119; Кисляков, *Патриархально-феодальные отношения*, стр. 160. Об «атеш-хане» у афганского племени гильзаев см. Мухаммед-Хаят-хан, пер. Пристли, стр. 68, 175. О «михман-хане» у дурани см. там же, стр. 175; о «худжре» у юсуфзаев см.: Bellew, *General report*, p. 201 sq.; James, *Report*, p. 41; Conolly, *Notes*, p. 928. Ср. данные о «михман-хане» у таджиков и «хиджре» у ягнобцев: Кондауров, *Некоторые материалы*, стр. 106—107. — В. Р.>

²⁹ Так по Horowitz, *Indian literature*, p. 72. По дополнительным примечаниям Д. Н. Анучина к переводу книги Р. Пишеля *Будда* (стр. 219), вихары первоначально были простые маленькие шалаши из ветвей или плетня, обмазанные глиной и служившие кельями для монахов, но потом их стали строить из камня со сводами, соединяя их в целые ряды. Ср. там же (стр. 51) слова проф. Пишеля о вихарах как «хижинах или закрытых сараях», где Будда со своими учениками «выдерживал дождливое время»; индийские вихары позднейшего времени, также строившиеся первоначально только для дождливого периода. «были часто богато убраны и снабжены всеми удобствами, как, например, приспособлениями для теплых ванн и крытыми галереями для прогулок» (стр. 165).

мощи святого, к югу — вихара, куда собирались «отдаленные народы и люди с выдающимися дарованиями», где было много людей, достигших высшей святости. *Вихара*, таким образом, отличалась от *сангарамы*, или монашеского общежития в тесном смысле слова; под вихарой понимали место, где рассматривались учеными вопросы веры и совершались подвиги подвижничества. В персидский язык рядом со словом *бехар* (*вихара*) перешли и слова *санджар* (*сангарама*) и *санджаристан*. В словарях *санджар* объясняется как 'человек в состоянии экстаза', *санджаристан* — как 'ханака (обитель; объяснение слова см. ниже) и то место, где люди доходят до экстаза и пляски под музыку'. Со словом *санджар*, вероятно, связано название селения и сельского округа Санджарфеган, впоследствии Зенджирбаг, к юго-востоку от Самарканда; в последней части этого названия мы, вероятно, имеем слово *фаг* или *баг* — 'бог', которым обозначалось в иранском мире божество, преимущественно низшее, но и высшее; мусульманство отвергло это название и отнесло его только к идолам, хотя в христианских текстах оно употреблялось и для обозначения понятия «бог» в смысле христианского единобожия. В языческую эпоху слово *баг*, или *фаг* (диалектически также *фуг*), подобно слову *худа* (или местному *худат*), употреблялось в Иране и иранской Средней Азии также в смысле 'царь', в связи с установленным со времени Александра Македонского обожествлением царской власти; так, в Хорезме термином, сложным с *фаг*, обозначался переход царя из летнего местопребывания в зимнее. Тем же словом переводилось китайское название небесного божества; китайский император, как «сын неба», назывался *багпуром* или *фагфуром* (*пур* — 'сын'), причем последнее слово приводится иногда в словарях как «ферганское» (можно предполагать также произношение *пагпур*; арабской буквой *ф* часто передается персидское *п*).

Употребление рядом терминов *вихара* и *сангарама* до сих пор установлено в Средней Азии только в турецких буддийских текстах; слово *сангарама* было переделано турками в *сангарам*, *вихара* передается через *вахар* или чаще *вархар*; мусульманские авторы, арабские и персидские, пишут *фархар*. Бируни связывает понятие о *бехаре*, или *фархаре*, с понятием о шаманах, как называли в Хорасане приверженцев «Будасфа», т. е. буддистов (от санскритского, *сгамапа* — 'отшельник'). По словам Бируни, «следы их, бехары их идолов и их фархары» были видны в пограничных округах Хорасана, прилегавших к Индии. Анонимный персидский географ конца X в. говорит о тибетском городе Курсанге, что «в нем находятся большие дома идолов; его (дом идола) называют большим фархаром»³⁰. Европейскими иранистами было высказано мне-

³⁰ <Худд ал-‘алам, л. 166; пер. Минорского, 94. По Минорскому: «К.рсанг (Усанг) относится к Тибету. В нем находятся большие храмы идолов. Это (местность?) называют Большой Фархар». — В. Р.>

ние, что согдийское *фархар* соответствовало южноиранскому *бехар*; слово *бехар*, однако, было перенесено, по крайней мере в мусульманскую эпоху, в пределы Туркестана, как показывает название «Наубехарских» ворот в Самарканде и Бухаре. Замечательно, что «Наубехарские» ворота Бухары соответствуют по местоположению нынешним «Мазарским», получившим свое название от «мазара», или могилы, главного бухарского святого, жившего в XIV в., Беха ад-дина Накшбенда. «Бехар», от которого получили свое название ворота, был, по-видимому, индийским монастырем, так как селение, из которого вышел Беха ад-дин, называлось прежде «замком индийцев» (Каср-и Хиндуван). Мусульманским авторам было известно, что «шаманы» распространили свою веру в Туркестане еще раньше манихеев; но манихейская община существовала в Самарканде еще в X в., тогда как уже китайский паломник Сюань Цзан, проехавший через Туркестан незадолго до арабского завоевания, нашел буддийские монастыри только в местности к югу от «Железных ворот» (ныне проход Бузгала), считавшихся границей между областями, тяготевшими к Самарканду, и «Тохаристаном», или областями, тяготевшими к Балху. К буддизму и буддийской литературе относятся, по-видимому, слова автора XII в. Сам'ани об округе города Вашджирда (ныне Файзабад, между Кафирниганом и Вахшем), где сохранились «удивительные памятники и буквы, бывшие там в начале ислама, известные, записанные в книгах».

Из религий переднеазиатского происхождения с Туркестаном особенно тесно было связано манихейство, возникшее в III в. н. э.; характерно, что названия дней недели были принесены в Китай манихеями в согдийской форме, христианами — в персидской. По преданию, еще сам Мани, происходивший из Вавилона, совершил путешествие в Хорасан, Индию и Китай; после его казни его приверженцы были вынуждены покинуть владения персидского царя и переселиться за Аму-Дарью. После завоевания Персии арабами они получили возможность вернуться в Персию и Вавилон, но уже в VIII в., начиная с царствования халифа Махди (775—785), они стали подвергаться кровавому гонению и со стороны мусульманского правительства и снова должны были удалиться на восток; последнее и окончательное выселение их относят ко времени халифа Муктадира (908—932). По словам Бируни, в его время (в XI в.) в мусульманских владениях оставалась только одна манихейская община в Самарканде, где манихеев называли «сабиями», прилагая к ним термин, встречающийся в Коране и распространенный впоследствии мусульманами на все религии, кроме мусульман, христиан, евреев и зороастрийцев. По словам ан-Недима, автора составленного в конце X в. библиографического труда *Фихрист*, манихеев в Самарканде было всего человек 500. По словам анонимного персидского географа конца X в., в Самарканде была *ханака* манихеев, которых называли *нигошаками*. *Ханака* есть согдийская форма персидского *хане* 'дом'; по-видимому,

этим словом, впоследствии заимствованным мусульманскими дервишами, называли в домусульманском Согде келью отшельника, буддийского и манихейского. *Нигошак* собственно значит 'слушатель'; термин *нигошак*, в латинском переводе *auditor*, обозначает у манихеев мирянина, в противоположность подвижнику, так что упоминание о «нигошаках» в связи с «ханакой» возбуждает некоторое недоумение. Подобно буддизму, манихейство проводит резкое различие между подвижниками, все помыслы которых направлены к спасению и которые поэтому не могут заниматься никаким физическим трудом, и мирянами, к которым религия предъявляет менее строгие требования и которые своим трудом содержат подвижников. Впоследствии из среды манихеев, однако, вышло движение, связанное с полным отрицанием частной собственности и семейной жизни и установлением одинаковых требований для всех людей³¹. Основатель этого движения в Иране, Маздак, живший в конце V и в начале VI в., подобно Мани, запрещал употребление убойной пищи, но вместо основания отдельных общин из людей, отказавшихся от личной собственности и половой жизни, требовал от всех людей отказа от всяких исключительных прав в той и другой области; он признавал необходимым восстановить равноправие всех людей по отношению к предметам собственности и женщинам, считая нарушение этого равноправия делом демонов зависти, гнева и жадности. Учение Маздака нашло в Персии большое число приверженцев, особенно среди низших классов; сторонником Маздака сделался сам царь Кавад (488—531), и благодаря этому коммунистические идеи получили фактическое применение³²; но в 528 г. наследник престола, будущий царь Хосрой Ануширван, воздвиг кровавое гонение на маздакитов. Подобно манихеям, маздакиты нашли убежище в Средней Азии; им удалось распространить свое учение в Самарканде, Илаке и Чаче. Манихейские и маздакитские идеи оказали влияние на учение мусульманских шиитских и исмаилитских сект; из вождей таких движений особенный успех имел в Туркестане Муканна, выступивший во второй половине VIII в., называвший себя воплощением божества, преемником ветхозаветных пророков, Иисуса, Мухаммеда и Абу Муслима. После долгой борьбы движение было подавлено войсками халифа Махди; но в качестве тай-

³¹ <Утверждение Бартольда о «полном отрицании семейной жизни» маздакитами спорно. Скорее всего «общность жен» у маздакитов, если даже верно все, что приписывалось маздакитам по этому поводу, следует рассматривать как протест против гаремной полигамии высших слоев населения Ирана и как стремление маздакитов вернуться к старым, родовым формам брачных и имущественных отношений. О разных взглядах историков на «общность жен» у маздакитов см. М. Дьяконов, *Очерк*, стр. 410—411, прим. 153. — В. Р.>

³² <Термин «коммунистические идеи» применительно к маздакизму, как и другим народным уравнилельным движениям средневековья, советскими учеными сейчас не употребляется. — В. Р.>

ной секты приверженцы Муканна³³, которых называли «людьми в белых одеждах»³³, еще долго сохранялись в некоторых местностях, особенно в бухарских деревнях и на Ангрене. Мусульманские авторы сближают «людей в белых одеждах» с зиндиками, т. е. с манихеями. Нершахи говорит о «людях в белых одеждах», что женщины у них считались общими; человек, приходивший к чужой жене, на время своего пребывания у нее оставлял какой-нибудь знак на дверях дома, как у маздакитов в таких случаях оставялась на дверях шапка. Из массы населения выделялся в каждой деревне один начальник, за которым признавалось *jus primae noctis*. «Люди в белых одеждах» не совершали ни намаза, ни омовения и не соблюдали постов, но называли себя мусульманами.

Манихеи как в христианском, так и в мусульманском мире только в исключительных случаях могли открыто исповедовать свою веру; этим вполне объясняется скудость сведений о манихейском внешнем культе. По словам блаженного Августина, манихеи не признавали ни храмов, ни алтарей; храмом божества должен был быть каждый отдельный член общины верующих. Таким же образом французские манихеи (катары или альбигойцы XI и XII вв.) устраивали свои собрания не в храмах, а в погребах и других подземных помещениях, иногда в частных домах и ремесленных заведениях. С другой стороны, мусульманский автор говорит о молитвенных зданиях восточных (хорасанских) манихеев, причем употребляет тот же термин (*би'а*), которым обозначались христианские церкви. Некоторые сведения о культе восточных манихеев могут быть извлечены из вновь открытых памятников манихейской литературы; так, один из китайских текстов различает в манихейском монастыре пять зал: 1) зал для священных книг и картин; 2) зал для поста и объяснения; 3) зал для поклонения и покаяния; 4) зал для преподавания; 5) зал для больных монахов. Из этого был сделан вывод, что манихейский монастырь, в противоположность буддийскому и христианскому, не был общежитием и не имел келий для постоянного проживания монахов; подвижники собирались в монастырях только для богослужения и изучения своей веры, также для общей трапезы, но, за исключением больных, ночевали в другом месте, чаще всего у мирян. Раскопками в Турфанской области было обнаружено существование манихейских часовен; в текстах упоминаются особые здания, *чайданы*, для отправления поста. Этот термин, подобно многим другим, был заимствован манихеями у буддистов и соответствует индийскому *чайтья* (зал собраний); такие собрания первоначально устраивались в Индии «в пещерах, стены которых украшались вытесанными священными изображениями»; впоследствии воздвигались особые храмы³⁴. Во многих

³³ <Об этом движении см.: Айни, *Исьёни Муқаннағ*; Якубовский, *Восстание Муканна*; Moscati, *Studi storici*; Sadighi, *Les mouvements*, pp. 163—186. — В. Р.>

³⁴ Пишель, *Будда*, стр. 220.

других случаях буддистами заимствовались манихейские термины; так, турецкий и впоследствии монгольский буддизм под влиянием манихейства заменили имя индийского Индры именем иранского Ормузда (у монголов Хурмуста-тенгри); от манихеев перешло к буддистам также название священных книг — *ном*. Монгольское *субурган*, соответствующее индийскому *ступа*, есть иранское *супурган* (собств. 'дом совершенства'), как назывались у манихеев постройки, куда ставились трупы. Из текстов видно, что трупы оставались в этих постройках одетыми, но не в гробах, и не зарывались в землю. Согдийские манихейские тексты относят ко времени не ранее VII в.; в конце того же столетия манихейство проникло в Китай; в VIII в. уже существовала манихейская литература на китайском языке, причем терминология китайских манихеев (например, названия дней недели) обнаруживает явные следы согдийского влияния. В Китае с манихейством ознакомились во второй половине VIII в. турки; манихейство сделалось господствующей религией в некоторых турецких государствах, и еще в X в. турецкий хан-манихей заступался перед Саманидами за своих самаркандских единоверцев. О судьбах манихейства в Средней Азии с III до VII в. и после X в. мы не располагаем никакими сведениями.

Почти столь же мало известно о судьбах христианства. Подобно манихейству, христианство проникло в Туркестан сначала к иранцам, потом к туркам из семитической Передней Азии через Персию. Манихеи применили к транскрипции звуков иранского и турецкого языков свое письмо арамейского происхождения; по словам мусульманского автора, «люди Мавераннахра и Самарканда» писали этим письмом «книги веры» и называли его «письмом веры». Такое же применение получило письмо христиан-сирийцев, первоначально выработанное в месопотамской Эдессе, родине сирийской христианской литературы; впоследствии каждое из трех вероисповеданий, на которые распалась сирийская церковь, — мелькиты (православные), несториане и яковиты — выработало свое письмо. Из этих вероисповеданий несторианство, принятое в конце V в. персидскою церковью, естественно получило и в Средней Азии наиболее широкое распространение; все же несториане не были единственными христианами в Туркестане. По словам Бируни, в Мерве был мелькитский «митран» (митрополит); тот же автор говорит о мелькитах в Хорезме. Интересно, что в рассказе о завоевании Хорезма мусульманами в 712 г. говорится, что владетель Хорезма (хорезмшах) созвал «своих царей (т. е. вассальных князей), своих книжников и своих дихканов»; в тексте употреблено слово *хабр*, во множественном числе *ахбār*. *Хабр* есть еврейское *хабер* и сирийское *хабро* — 'ближний, собрат по сословию, товарищ'. Еврейские и христианские ученые, вероятно, называли так своих коллег; под влиянием частого употребления этого слова в кругу ученых оно стало употребляться посторонними в значении 'цеховой ученый, член ученого содружества', подобно тому как теперь люди, стоя-

щие вне социалистических партий, употребляют (с оттенком насмешки, которого не было у арабов, не знавших точного значения заимствованного ими слова) немецкое «Genosse» и русское «товарищ» в смысле «социалист». В арабских текстах словом *ахбар* чаще всего обозначаются еврейские ученые, как в еврейской мишне строго соблюдающий правила ритуальной чистоты *хабер* противопоставляется простому народу. В Коране хабры в V суре названы рядом с раввинами; сочетанием обоих слов обозначаются все вообще еврейские ученые (в переводе Саблукова «раввины и книжники»); в IX суре евреи и христиане упрекаются в том, что избрали себе господами вместо бога своих хабров и монахов; по-видимому, почитание хабров ставится в вину евреям, почитание монахов — христианам (в переводе Саблукова «книжники и подвижники»). Было высказано мнение³⁵, что и в рассказе о завоевании Хорезма имеются в виду еврейские раввины, хотя никаких сведений о существовании в хорезмийских городах, в средние века или теперь, еврейских общин мы не имеем; в рассказе одного источника об основании города Хорезма «Нарсе, сыном еврейки», вопреки высказанному в печати мнению, нельзя видеть «кобвенного указания» на существование такой общины, так как речь идет о персидском царевиче, сыне сасанидского царя Йездигерда I (399—420), действительно женившегося на еврейке: Нарсе в царствование своего брата Бехрама Гура (420—438) был наместником Хорасана; ничего не говорится о том, чтобы он нашел в Хорезме или привел туда единоверцев своей матери. В настоящее время «бухарские евреи», кроме Бухары, живут в Самарканде и некоторых других туркестанских городах, тогда как «в Хиве их, по-видимому, вовсе нет»³⁶. В X в. в восточноиранских областях (в Хорасане и Мавераннахре вместе) было больше евреев, чем христиан. Географические названия свидетельствуют о существовании многолюдных еврейских общин в северной части Афганистана; достаточно упомянуть о городе Йехудии на месте Меймене и о «воротах евреев» в Балхе; но на существование евреев в Хорезме географическая терминология не дает указаний. Хорезмийский автор Бируни приводит сведения о евреях, их летоисчислении и т. п. исключительно по книжным источникам, тогда как в своих рассказах о христианском календаре упоминает о «хорезмийских христианах». Более вероятно поэтому, что и в рассказе о завоевании Хорезма имеются в виду христианские ученые, к которым также применялись термины *хабр* и *ахбар*; так, Табари говорит, что Юлиан Отступник велел «разрушить церкви и перебить епископов и хабров христиан»³⁷. Встречу с христианином в Хорезме имел в конце XII в. известный мусульманский ученый Фахр ад-дин Рази, но из расска-

³⁵ Иностранцев, *О до-мусульманской культуре*, стр. 294.

³⁶ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 412. Ср. Муравьев, *Путешествие*, ч. II, стр. 30: «В Хиве есть издревле поселившиеся жиды, принявшие магометанскую веру».

³⁷ Табари, пер. Нёльдеке, 6: «die Bischöfe und christlichen Priester».

за об этом не видно, был ли этот христианин постоянным местным жителем.

В X в. упоминается христианское селение к северу от Голодной степи и к югу от Сыр-Дарьи, вероятно на месте современного урочища Урумбай, и христианский монастырь к югу от Самарканда и к северо-западу от нынешнего Ургута, причем в этом случае употребляется термин *умр* (сирийское слово), как назывался монастырь, расположенный в населенной местности, в противоположность *дейру* — монастырю, построенному вдали от жилья (ср. русское «пустынь»), хотя это различие между «дейром» и «умром» соблюдалось не всегда. Самаркандский монастырь описывается географом Ибн Хаукалем, посетившим его в 60-х годах X в.; Ибн Хаукаль встретил в келиях этого монастыря некоторых иракских (вавилонских) христиан, которых привлекли туда хорошие климатические условия, уединенное и красивое местоположение; с монастыря открывался вид на большую часть Согда. Монастырь владел недвижимой собственностью.

До нас дошли переводы новозаветных текстов на согдийский язык, причем эти тексты написаны другими письменами (христианскими сирийскими) и на другом наречии согдийского языка, чем манихейские; доказывают, что характерное свойство манихейских текстов — замена зубного звука плавным (например, форма *сулик* вместо *согд*) — соответствует южным и восточным диалектам, лингвистические особенности христианских текстов — диалектам северным и западным; сведений о географическом расселении согдийских манихеев и христиан, которыми подтверждался бы этот лингвистический вывод, пока не добыто³⁸. В списках епархий сирийской церкви упоминаются и епископы среднеазиатских городов; но среди деятелей сирийской литературы мы не видим ни одного туркестанца, за исключением некоторых мервских несторианских иерархов: епископы Феодор в VI в. и Илья в VII в., митрополит Иосиф в конце VIII в.; из Мерва происходили также писатели IX в. Иса, автор сирийского словаря, и Ишодад, автор толкования на Новый завет. Установлено, что местопребывание мервских несторианских епископов находилось на нижнем течении канала Маджан, протекавшего через нынешнее городище Султан-кала. Нет никаких сведений о существовании в Туркестане, не исключая и Мерва, монастырских школ или других христианских учебных заведений.

С экономическим прогрессом Туркестана и других восточноиранских областей в первые века ислама связано деятельное участие туркестанцев и их ближайших соседей в культурной работе. Крайний восток тогдашнего мусульманского мира не только подвергался влиянию более культурных областей Передней Азии, но и сам оказывал влияние на характер общемусульманской культуры. С запада на восток, кроме рас-

³⁸ <Ср. выше, стр. 115, прим. 13.>

пространения ислама, шло распространение персидского литературного языка и вообще традиций сасанидской Персии. Предания о Сасанидах теперь были связаны с местностями, находившимися за пределами бывшей сасанидской державы; даже балхский Наубехар иногда называли «постройкой хосроев», т. е. сасанидских царей. В области образования мы еще долгое время видим в Персии и Туркестане один и тот же персидский термин для обозначения низшей школы, школы грамотности — *дабиристан*; очень вероятно, что этот термин, заимствованный мусульманским Ираном от зороастрийского, был перенесен в Туркестан из Персии, где письменность и грамотность, по всей вероятности, были более распространены. В области высшего образования, науки и искусства восток иранского мира первоначально имел большее влияние на запад, чем наоборот, благодаря традициям греко-бактрийского государства, буддизма и манихейства. Особенно заметно в первые века ислама влияние такого культурного центра, каким был Балх (древние Бактры), впоследствии утративший почти всякое значение. Не из городов сасанидской Персии, но из Балха вышли обе династии, с которыми связано возрождение иранской культуры в мусульманском мире, — династия Бармакидов, министров аббасидских халифов Багдада, и династия Саманидов, владетелей Средней Азии. В буддийских монастырях Индии изучались не только вопросы веры, но также вопросы философии и точных наук; этим, может быть, объясняется то влияние, которое оказали уроженцы Балха, Мерва, Хорезма и других восточноиранских местностей на первые успехи у арабов, при халифе Мансуре (754—775) и его преемниках до Мамуна включительно, астрономии и математических наук, особенно на ознакомление арабов с индийской математикой. Автор древнейшего дошедшего до нас арабского математического труда, Мухаммед ибн Муса, современник халифа Мамуна, был уроженцем Хорезма; отсюда его прозвание ал-Хорезми, от которого образовано слово «логарифм»³⁹; по трудам этого ученого европейский мир впервые ознакомился не только с понятием о логарифме⁴⁰, но вообще с алгеброй, в которой Мухаммед ибн Муса считался высшим авторитетом в Европе до эпохи Возрождения и которая получила в Европе арабское название, хотя основы ее были заимствованы арабами у индийцев. Привлечение восточноиранских ученых ко двору халифов связано с той ролью, которая принадлежала «хорасанцам» в деле низложения омейядской династии и вручения власти Аббасидам. «Хорасанцы» долго оставались главной силой, на которую опирались халифы как в военном отношении, так и при организации государственного управления. Уроженцам восточноиранских областей поручались важнейшие должности даже в тех

³⁹ <Алгоритм.>

⁴⁰ <С индийской позиционной системой цифр и с алгеброй; понятие о логарифме было разработано европейскими математиками в позднем средневековье. — В. Р.>

областях халифата, где не было персидского населения; так, один из Саманидов в 827 г. был назначен правителем египетской Александрии. В области точных наук восток иранского мира дал тогда западу все, что мог; ученые, привлекавшиеся в Багдад, не возвращались к себе на родину и не оставляли там учеников.

Впоследствии случилось, что отдельные просвещенные среднеазиатские владетели привлекали к своему двору ученых, в том числе и представителей точных наук, большею частью выходцев из Багдада и городов Западной Персии. Были и ученые среднеазиатского происхождения, обязанные своими сведениями приезжавшим с запада учителям или сами ездившие учиться на запад; к числу их принадлежал и величайший мусульманский ученый Бируни, живший в XI в., по происхождению хорезмиец, пользовавшийся, подобно многим другим представителям науки, покровительством просвещенного хорезмшаха Мамуна (убит в 1017 г.). Но даже деятельность таких людей не привела к установлению местных научных традиций. В Туркестане упрочилась только богословская научная школа; мы не видим примера, чтобы в Туркестане, как иногда в Багдаде и Западной Персии, «записывающим хадисы» (предания, связанные с вопросами веры) противопоставлялись изучающие литературу и предметы светского образования, высшей духовной школе — школа для преподавания светских наук. Есть указания на более значительное и продолжительное влияние восточноиранских областей на Переднюю Азию в области искусства. На крайнем востоке мусульманского мира сильнее всего должно было сказываться влияние китайской живописи, о котором достаточно свидетельствует факт, что искусство китайских живописцев вошло у персов в поговорку; славой знаменитого живописца пользовался также Мани, будто бы научившийся своему искусству в Китае. О заботливости, с которой украшались миниатюрами манихейские рукописи, говорят как христианские, так и мусульманские писатели. Найденные в последнее время в Китайском Туркестане манихейские иллюстрированные рукописи, вероятно, позволят прийти к более точным выводам о происхождении манихейской живописи (в ней видят соединение иранских, индийских и «монгольских»⁴¹, т. е., вероятно, китайских элементов), о ее влиянии на мусульманскую и об отличии этого влияния от влияния более поздних восточноазиатских элементов, принесенных в Туркестан и другие мусульманские страны монгольским завоеванием. Как долго продолжалось в этом отношении влияние Туркестана на Переднюю Азию, видно из того факта, что при султани Баязиде II (1481—1512) мастер узбекского происхождения Баба-Наккаш первый принес искусство живописи в Турцию⁴².

Представители богословской науки в Туркестане также ездили

⁴¹ Так Kühnel, *Ausstellung*, S. 188.

⁴² Jacob, *Östliche Elemente*, S. 65.

учиться в Багдад и другие города, но обыкновенно возвращались на родину и там устным преподаванием и письменными трудами передавали свои познания следующим поколениям. Создавались местные традиции, в которых помимо черт, характерных для всего мусульманского мира, проявлялись и местные особенности. Вообще мусульманское богословское преподавание, хотя оно происходило почти исключительно на арабском языке, находилось, подобно другим отраслям мусульманского просвещения, под влиянием более культурных иноверцев и инородцев, особенно сирийцев и иранцев. Персидское слово *устад* ('учитель') вошло в арабский язык и постоянно встречается как вообще в научной, так и в богословской литературе; кроме того, тем же словом, помимо преподавателя и научного руководителя, называли «мастера», обучавшего своих учеников искусству или ремеслу, также авторитетного советника правителей; в последнем смысле персидское слово вошло в государственную терминологию даже такой арабской области, как Египет. Противопоставлявшееся слову *устад* в области искусств и ремесл слово *шагирд* ('ученик') гораздо реже применялось к научному преподаванию и в этом смысле обыкновенно заменялось сирийским *тильмиз*.

Устройство сирийской богословской высшей школы нам известно довольно хорошо⁴³. Эта школа еще долго продолжала жить и развиваться в эпоху господства ислама. Были примеры открытия новых христианских школ в городах, основанных мусульманами; так, в 832 г. была открыта школа в Багдаде. Тем не менее христианская школа оказала мало влияния на мусульманскую; греческое слово «школа» (*σχολή*), перешедшее в сирийский язык, как и в языки западноевропейские, и принятое также арабскими христианами (в форме *искуль*), не было принято арабами-мусульманами. Из преподавательских должностей заимствована мусульманской школой от сирийской христианской только должность учителя чтения, по-сирийски *макреяна*, по-арабски *мукри*. В мусульманской школе *мукри*, в Туркестане теперь *кары*⁴⁴, является ассистентом при настоящем преподавателе (мударрисе); ассистент не получает особого содержания; там, где такой ассистент (вообще довольно бесполезный) признается необходимым, эта обязанность возлагается на одного из старших учеников. В современных туркестанских школах против преподавателя садится кары, как наиболее успевающий и лучше других читающий по книге. Провозгласивши краткую молитву и проведя концами пальцев по лицу, преподаватель предлагает читать изучаемую книгу. Кары читает предложение и останавливается, а преподаватель начинает объяснение прочитанного предложения в смысловом и грамматическом отношениях⁴⁵. Понятие

⁴³ А. Дьяконов, *Типы высшей богословской школы*.

⁴⁴ *Кары* и *мукри* — арабские слова одного корня; *кары* <*kārī*> буквально значит 'читающий', *мукри* — 'заставляющий читать'.

⁴⁵ Из статьи: Остроумов, *Мадрасы*, стр. 16.

о преподавании в высшей школе обозначалось семитическим корнем *дрш* (у евреев и сирийцев) или *дрс* (у арабов); отсюда арабские термины *дарс* ('лекция, преподавание'), *дарсхане* ('аудитория'), *медресе* ('место преподавания, высшая школа') *дарис* или *мударрис* ('преподаватель, профессор'). Распространенный теперь термин *медресе* не встречается в литературе раньше X в., притом в это время он, по-видимому, употреблялся только в восточных областях и только во второй половине XI в. был перенесен на запад. Более раннего происхождения слово того же корня *мидрас*, которому в словарях придается значение 'место, где читается Коран'. В еврейском этому слову соответствует *мидраш* — 'учение, толкование закона', отсюда *бет-хам-мидраш* — 'дом учения', школа; в сирийском — *мадраше* 'поучения в стихах, оды'. Есть основание полагать, что слово *мидрас* было известно арабам еще до ислама. Автор IX в. Ибн Са'д приводит известие о прибытии к пророку в Медину из христианского города Неджрана в Йемене «Абу-л Хариса, их епископа, их книжника (*хабр*), их имама и их сахиб-мидраса»; в переводе немецкого ученого *ihr Bischof, Rabbiner* (речь, однако, идет о христианине), *Imam, Schulvortsteher* ⁴⁶.

В преданиях о времени Мухаммеда, включенных Табари в его труд по толкованию Корана, говорится также о еврейском бейт-мидрасе в Медине. Текстов, в которых бы говорилось о мидрасе, как мусульманском учреждении, мне не приходилось встречать; часто говорится о чтении лекций (*тадрис*) и об устраивавшихся для этой цели собраниях (*меджлис-тадрис*), большею частью в мечетях, иногда в частных домах. Географ конца X в. Макдиси говорит о двух способах, к которым прибегали ученые для распространения своих трудов: или они устраивали у себя в течение долгого времени «собрания для чтения лекций» (*меджлис-тадрис*), куда старались привлечь иностранцев, чтобы эти ученики потом разносили по разным областям славу своего учителя, или они посвящали свой труд какому-нибудь знатному лицу. Приобретший уже известность ученый мог рассчитывать, что при приезде в какой-нибудь большой город ему будет предоставлена возможность собирать вокруг себя слушателей. Так, говорится о прибытии в Несеф (Нахшеб, около современного Карши) мутазилитского вождя Абу-л-Касима Ка'би (происходил из Балха, но принадлежал к багдадской школе мутазилитов, умер в 931 г.); он остановился в одном из рабатов; ему устроили аудиторию для «диктования» (*имля'* — термин, часто заменяющий слово *тадрис* и указывающий на характер преподавания). Помимо устройства аудиторий для отдельных ученых, в X в. заботились и о преемственности преподавания, устраивая постоянные курсы при больших мечетях (своего рода богословские факультеты, существующие и теперь при многих мечетях Передней Азии, в том числе

⁴⁶. <См. Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, IV, S. 19.>

при Ка'бе) или особые училища — медресе. Первое по времени событие, по поводу которого упоминается о медресе — бухарский пожар 937 г.; среди зданий, сгоревших во время этого пожара, упоминается «медресе Фарджека» в северной части города. Макдиси говорит о медресе, имамах и шейхах Мавераннахра, об «изящных медресе» Нишапура, о медресе Мерва, в которых каждому преподавателю было назначено содержание. Из последних слов можно заключить, что рядом с частными медресе уже в то время были медресе, получавшие средства от правительства. На частные средства, очевидно, существовали медресе, находившиеся в руках еретических сект; так, в Самарканде еретики мутазилиты и керрабийцы, с которыми боролось официальное правоверие, под руководством шейхов Абу Мансура Матуриди и Абу-л-Касима Самарканди, имели 17 медресе. Среди мер, принимавшихся саманидским правительством против распространения ересей, упоминается составление и распространение в народе правоверного катехизиса; но нет известий о насаждении правоверия путем открытия большого числа правительственных медресе, что было сделано в Персии во второй половине XI в. Как мы увидим ниже, медресе, подобно обителям подвижников, первоначально создавались в мусульманском мире не правителями, но оппозиционными элементами.

Первые известия об отдельных медресе, основанных по прямому распоряжению правительства, относятся к началу XI в., к эпохе, сменившей Саманидов династии Газневидов; эти медресе являются также первыми по времени, описание которых дошло до нас. Медресе было учреждено при соборной мечети, построенной султаном Махмудом (998—1030) в Газне после его 12-го индийского похода (1018-19 г.). Говорится, что «к мечети было присоединено обширное медресе, помещения которого от поверхности земли до расстояния потолка были наполнены сочинениями прежних имамов (выдающихся ученых) по наукам людей древних и новых. Эти сочинения были вывезены из сокровищниц (библиотек) царей как добыча, взятая от областей Ирака и местностей всех стран света». В медресе «по очереди приходили законоведы и ученые столицы для чтения лекций и исследований по богословским наукам, причем нуждавшиеся из них были обеспечены от забот назначением обильного содержания и готового продовольствия». Тот же автор (историк Утби) описывает медресе, построенное в Нишапуре братом Махмуда Насром, наместником Хорасана, ревностным последователем ханифитского толка. Для ученых этого толка он велел построить медресе в Нишапуре «по соседству с [домом] казия Абу-л-Ала Са'ида ибн Мухаммеда, истратил денег на постройку и определил доходы для тех, кто нашел там прибежище и читал лекции, диктуя сведения по наукам на дворе медресе. Медресе осталось памятником о том, что для него (Насра) наука была завтраком и ужином; и прославляют это медресе вечер и утро». Упоминаются еще некоторые дру-

гие медресе той же эпохи; Утби говорит о «медресе Сабуни» в Нишапуре, где хранился экземпляр огромного коллективного труда по толкованию Корана, составленного собранными для этой цели учеными по распоряжению сеистанского правителя Халафа (943—1003), истратившего на это 20 000 динаров (более 100 000 рублей). Другой газневидский историк, Бейхаки, говорит о назначении ученого Бу Садика Тебани, вскоре после возвращения Махмуда из 16-го индийского похода (1025 г.), главным казием области Хутталян (впоследствии Кулябское бекство), причем прибавляет, что в этой области было более 20 медресе с вакуфами. Очевидно, эти медресе с вакуфами были государственными или признанными государством, о чем свидетельствует их зависимость от казая. Факт, что такое большое число медресе было в области, тяготевшей к Балху, заставляет предполагать связь между медресе и буддийским монастырем. В печати были указаны⁴⁷ следующие черты сходства между бытом медресе в Туркестане и бытом вихары в Сиаме: 1) обязательное чтение закона; 2) аскетический характер и запрещение входа женщинам; у мусульман, где безбрачия нет, студенты женатые могут только раз в неделю ночевать вне медресе; 3) устранение персонала религиозного учреждения от управления его доходами и совершение всех денежных сделок особо назначенным для этой цели светским лицом (в медресе мутеваллий); 4) обязательная физическая праздность. Из этих бытовых черт первая и вторая характерны и для христианского монастыря, но третья и четвертая существенно отличаются медресе и вихару, с одной стороны, от христианского монастыря — с другой. Кроме непосредственного влияния буддизма, туркестанский ислам мог подвергаться влиянию тесно связанного с буддизмом, особенно в восточно-иранских областях, манихейства. Выражения историка не дают ясного ответа на вопрос, были ли тогда в медресе, как теперь, жилые помещения, как в буддийских обителях, или в медресе, как в манихейский монастырь, приходили только для совместного чтения священных книг и обсуждения религиозных вопросов. Во всяком случае, и в мусульманском мире, как в христианском, буддийском и манихейском, подвижничество (*зухд*) и ученость (*'илм*) соединялись в одном лице; только впоследствии установилось различие между медресе, как закрытым учебным заведением, и ханакой, как обителью подвижников-дервишей.

С христианским монашеством арабы были знакомы еще до ислама; монах им был более знаком, чем священник; в Коране христианский священник обозначается сирийским словом, представляющим перевод греческого *пресвитер* (собств. 'старший'), тогда как для обозначения монаха существовало чисто арабское слово *рāхīb* (мн. ч. *рухбāн*), причастие глагола *рахāба* 'бояться'; «боящийся» (бога) про-

⁴⁷ Калмыков, *Основные вопросы*, стр. 99.

гивополагался «развратнику» (*фāсиқ*). От однозначашего персидского глагола *терсиден* ('бояться') было образовано слово *терса* (по среднеперсидски *терсак*), как называли в Персии всех христиан; ввиду несомненного влияния персидской церкви на распространение христианства среди арабов возможно, что арабское слово было переводом с персидского. С понятием о монахе связывалось, однако, в Аравии не понятие о монастыре, но понятие о келье одинокого отшельника, также обозначавшейся арабским словом — *саума'а*; доказывают, что коренное значение этого слова — 'высокая, остроконечная постройка'. В мусульманском мире слово *саума'а* впоследствии иногда употреблялось в смысле 'минарет'; так, путешественник XII в. Ибн Джубейр говорит о трех *саума'а* мечети пророка в Медине. *Саума'а*, однако, отличалась от башни; по словам Ибн Джубейра, из мединских минаретов только один, в восточном углу, близ киблы, имел вид *саума'а*; два других, меньшей величины, имели вид башен (*бурдж*). В минаретах при больших мечетях (например, при мечети Дамаска) иногда устраивали себе кельи мусульманские подвижники, чем, вероятно, и объясняется применение к минарету термина *саума'а*. Слово *саума'а* встречается в Коране только один раз во множественном числе, в стихе (XXII, 41), где говорится о храмах различных религий (в переводе Саблукова «монастыри»). Толкователями Корана были высказаны различные мнения о том, имеются ли в виду кельи мусульманских, христианских или языческих подвижников. Помещение отдельного монаха в монастыре обозначается по-арабски сирийским словом, заимствованным, как русское «келья», из латинского (*cella*) через посредство греческого (*kellion*); так же назывались у сирийцев отдельные комнаты в закрытом высшем учебном заведении, у мусульман *худжра* (арабское слово, которым в эпоху Мухаммеда обозначались как отдельные хижины, так и комнаты в более значительном здании). Случаев употребления в этом смысле слова *саума'а* мне не приходилось встречать ни в рассказах о христианах, ни в рассказах о мусульманах, хотя по-арабски словам *савāми'* может обозначаться также ряд одинаковых помещений в большом здании; таков был «замок келий» (*каср ас-савāми'*) в Самарре на Тигре, развалины которого теперь носят название Каср ал-Ашик ('Замок влюбленного') и состоят из ряда погребообразных сводчатых помещений. В мусульманском Туркестане под *саума'а* понимали жилище или помещение отдельного подвижника, имевшее, вероятно, то же назначение, как теперь *чилляхане*. Так, у Нершахи говорится о бухарском имаме Абу Хафсе как основателе ученой школы своего города, умершем в 832 г.: «он был и подвижником, и ученым; благодаря ему Бухара сделалась куполом ислама; он был причиной того, что жители Бухары сделались учеными и наука там получила распространение». Дом Абу Хафса уже в середине века⁴⁸ больше не существовал, но следы (разва-

⁴⁸ <В первом изд.: «в средние века» (очевидно, опечатка). — Ю. Б.>

лины) его еще были видны; сохранилась также «саума'а, бывшая в том доме». Около кургана, в котором был похоронен Абу Хафс, также находились «мечети и саума'а». Слово *саума'а*, теперь едва ли употребляющееся в живой речи (в литературном языке оно встречается даже в сочинениях XIX в.⁴⁹), по-видимому, имело прежде более широкое распространение. В науке было высказано мнение⁵⁰, хотя едва ли правдоподобное, что с арабским словом связано монгольское (употребляющееся также в турецких текстах) *сюмэ*, как называются «кумирни, или молитвенные храмы, буддистов», в частности, «те монастыри, братия которых не живет при монастырских кумирнях постоянно, а кочует в различных частях степей и собирается к своему монастырю только в праздники и в дни, назначенные для великих хуралов (=богослужений)»⁵¹.

Первыми представителями мистицизма в исламе были отдельные подвижники, к которым приходили отдельные поклонники, становившиеся их учениками и продолжателями их дела. В рассказах об этих мистиках фактические сведения заслонены явно легендарными подробностями; часто встречаются анахронизмы, особенно там, где говорится о отношениях подвижников между собою. Все же предания о первых мистиках позволяют установить, кроме влияния христианских городов и монастырей, особенно в бассейне Евфрата и Тигра, влияние восточно-иранского города, где прежде процветал буддизм,— Балха. Из Балха происходил один из первых мистиков, Ибрахим ибн Адхам, умерший около 160 г. мусульманской эры (776-77 г. н. э.). Легенда называет его «царем» Балха, покинувшим все, подобно Будде Шакьямуни, чтобы предаться жизни отшельника. Вступив на путь отшельничества, Ибрахим ушел из Балха и, насколько можно судить по биографическим сведениям о нем, не возвращался на родину; все его подвиги как подвижника были совершены в Мекке и других переднеазиатских областях, хотя в Хорасане, в горе около Нишапура, еще в XI в., при шейхе Абу Са'иде, показывали пещеру Ибрахима ибн Адхама, служившую кельей (саума'а) этому святому. Он умер и был похоронен, по одним сведениям, в Суре на Евфрате, по другим — в одной из византийских крепостей или на одном из островов Средиземного моря. Тем не менее он имел ряд преемников в Балхе, из которых первый, Шекик Балхи, по преданию, видел Ибрахима в Мекке. Жизнь и деятельность Шекика более тесно, чем жизнь Ибрахима, была связана с Балхом и восточными областями; в преданиях о нем, кроме путешествий на запад, где он в Багдаде видел халифа Харуна ар-Рашида (786—809), говорится о его путешествиях на восток. Еще до вступления на путь отшельничества, когда он еще был купцом, он ездил в «Туркестан», посетил там

⁴⁹ Ср. Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, стр. 250.

⁵⁰ Huart, *Le texte turc-oriental*, p. 218.

⁵¹ Позднеев, *Очерки быта*, стр. 1 и сл.

«капище идолов» и имел разговор с буддийским монахом, носившим красную одежду; впоследствии у него был «меджлис» в Самарканде; в Балхе он принимал участие в защите города от нападения кафиров; в 810 г. он пал в битве при Кулане (ныне Тарты⁵² в Сыр-Дарьинской области, в местности к северу от Александровского хребта⁵³). Учеником Шекика был Хатим Асамм ('Глухой')⁵⁴, умерший в 237/851-52 г., «один из главных шейхов Балха»; учеником Хатима — Ахмед Хизруя, умерший в 240/854-55 г., женившийся на дочери балхского эмира и имевший до 1000 учеников, которые все могли «ходить по воде и летать по воздуху». Учеником Ахмеда в Балхе был Мухаммед ибн Фазл, изгнанный из Балха, живший потом в Самарканде и умерший там в 319/931 г.; его учениками считались самаркандские ученые Абу Мансур Матуриди (ум. в 333/944-45 или в 335/946-47 г.) и Абу-л-Касим Самарканди (ум. в 953 г.), хотя в то же время учителем Абу-л-Касима Самарканди называли другого «друга» Ахмеда Хизруи, Абу Бекра Варрака, умершего в 290/903 г. Предание, однако, называет Абу Бекра Варрака, жившего в Балхе, учеником и сотрудником Мухаммеда ибн Али термезского, жившего и похороненного в своем родном городе Термезе, где на его надгробном памятнике как дата его смерти указан 255/869 г. Мухаммед ибн Али, имевший сношения также с Ахмедом Хизруей, был основателем не существующего в настоящее время дервишского ордена *хакими*, одного из двенадцати толков мистицизма, перечисленных писавшим в XI в. историком суфизма Джуллаби. Среди этих двенадцати толков упоминается еще один толк среднеазиатского происхождения, теперь также не существующий, именно толк *сейяри*, получивший название от Абу-л-Аббаса Сейяри (ум. в 342/953-54 или в 344/955-56 г.). Говорится о двух общинах этого толка, в городах Неса (ныне аул Багир близ Асхабада, ныне Полторацка⁵⁵) и Мерве; между ними происходила переписка по разным вопросам, с которой автор имел возможность ознакомиться в Мерве. Джуллаби замечает, что из всех представителей суфизма только сейяри сохранили свое первоначальное учение, так как в городах Неса и Мерве всегда имели руководителей, заботившихся о сохранении учения основателя ордена в его первоначальной чистоте. Но о самом возникновении этой школы и вообще о

⁵² <Теперь населенный пункт Луговое в Казахской ССР.>

⁵³ <Современное название — Киргизский хребет.>

⁵⁴ О нем говорили, что он притворился глухим, чтобы избавить от смущения старуху, пустившую ветер в разговоре с ним, и после в разговорах со всеми другими продолжал притворяться 15 лет, до смерти старухи, чтобы она не узнала о его обмане.

⁵⁵ <Ныне Ашхабад. В непосредственной близости от современного туркменского селения Багир находится городище Старая Неса (вернее, Ниса), развалины столицы древней Парфии. Развалины средневекового города Неса (Ниса), который здесь имеет в виду В. В. Бартольд, расположены в нескольких километрах от Багира. См. Массон, *Городища Нисы*. — В. Р.>

судьбах мистицизма в Мерве до X в. мы располагаем еще меньшим числом данных, чем о представителях балхской школы. Из Мерва происходили и двое из суфиев древнейшего периода, Фузайл ибн Ияз (ум. в 187/803 г.) и Абдаллах ибн Мубарек (ум. в 181/797 г.). Первый сначала стоял во главе шайки разбойников, действовавшей между Мервом и Абвердом; но вся его деятельность как подвижника относится к переднеазиатским областям; в Мекке он виделся с Харуном ар-Рашидом; даже со своим земляком Абдаллахом ибн Мубареком он, по-видимому, встречался только на западе. Персидский министр Низам ал-мульк в XI в. приписывал Фузайлю ибн Иязу изречение: «если <бы> моя молитва была действительна, я молился бы только за справедливого султана, так как с его благополучием связано благополучие рабов [божиих] и процветание мира». Деятельность Абдаллаха ибн Мубарека оказала больше влияния на его родной город, где он, как мы видели, пользовался популярностью среди ученых двух противоположных направлений, для которых им были выстроены рабаты. Но и этот подвижник после своего возвращения в Мерв вторично уехал на запад и поселился в Мекке, откуда, по-видимому, уже не возвращался на родину. Несмотря на деятельность Абдаллаха ибн Мубарека, Абу-л-Аббас Сейяри называется «первым человеком, говорившим в Мерве слова о божественных истинах». Непосредственным учителем Сейяри был Абу Бекр Васити (ум. после 320/932 г.), прибывший в Мерв с запада, хотя происходивший, по некоторым известиям, из Ферганы. Сейяри был похоронен в Мерве, где его могила была предметом культа. В настоящее время ни могила этого подвижника, ни память о нем не сохранились.

Абу Бекр Васити и другие подвижники, действовавшие в Хорасане (к которому тогда причислялась нынешняя Туркмения), принадлежали к числу учеников багдадского суфия Джунейда (ум. в 298/910-11 г.). Джунейд считался представителем «трезвого» направления в мистике; тем не менее мы среди суфиев его школы уже видим такое явление, как пляски дервишей. Против Джунейда и его товарищей в Багдаде было возбуждено обвинение в приверженности к манихейской ереси; говорили, что появились люди, «поющие песни, пляшущие, говорящие слова неверия, по целым дням предающиеся развлечениям (*тамаша*), скрывающиеся в погребах и там беседующие». В Хорасане врагами приверженцев Джунейда были представители в то время широко распространенного керрабийского толка, хотя сами керрабийцы не только не отвергали подвижничества, но даже способствовали его распространению и основали целый ряд обителей на всем пространстве от Иерусалима до восточных областей бывшего Бухарского ханства.

Возникновение в исламе подвижничества было тесно связано с политической оппозицией, если не активной, то пассивной, в смысле отказа от всяких сношений с властями. Врагами существовавшего по-

рядка становились, под влиянием своих религиозных убеждений, представители самых различных направлений — ревнители правоверия и еретики. В этом смысле позднейшие мистики могли считать своими единомышленниками основателей всех четырех правоверных толков: маликитов, ханифитов, шафиитов и ханбалитов. Объединение всех ревнителей веры для борьбы на два фронта — против нечестивого государства и нечестивых ересей — было связано с большими трудностями; независимо от общей борьбы с врагами веры представители различных богословских направлений вступали в борьбу между собою; не отвергалась и помощь представителей грубой силы, законных властей, завоевателей и мятежников, когда эта помощь могла доставить одному направлению торжество над другими. В такой религии, как ислам, было бы еще труднее установить границу между пропагандой словом и пропагандой делом, чем в истории средневекового христианства. Едва ли можно было бы подтвердить историческими фактами мнение⁵⁶, что такие политические движения, как кавказский мюридизм или африканский дервишизм, были «уклонением от истинного суфизма, этой религии мирных искателей бога», как «властолюбивые стремления многих воинствующих прелатов христианской религии» были «весьма далеки от основных идеалов христианства». Первой общиной суфиев, о которой знает история, были приверженцы Абу Абд ар-Рахмана Суфи в египетской Александрии, которые во имя предписаний религии вели борьбу с правительством и в 816 г. оказали вооруженную помощь пришельцам из Андалузии при захвате ими Александрии. Суфизм впоследствии высоко чтит память основателя самого фанатичного и воинствующего из четырех правоверных толков, Ахмеда ибн Мухаммеда ибн Ханбаля (780—855), семья которого происходила из Мерва и который сохранял привязанность к родине своих предков; со слов одного из спутников пророка, похороненного в Мерве, Бурейды, им приводится приписанное Мухаммеду изречение, в котором прославляется Мерв как город, основанный и благословенный Зу-л-карнейном. Отшельником был непосредственный ученик Ибн Ханбаля, Ибрахим ал-Харби, умерший в 285/898 г.; впоследствии к ханбалитскому толку присоединились многие из светил суфизма, как в XII в. Абд ал-Кадир Гиляни, основатель ордена казириев. Из ранних суфиев ученик Шекика Балхи, Ибн Абу Асим ан-Набиль (ум. в 287/900 г.), был приверженцем еще более фанатичного толка захиритов, не допускавших уклонения от буквы священного писания⁵⁷. Буквальное понимание некоторых мест Корана, где говорится о лице и руках Аллаха и т. п., приводило к представлению бога в человеческом образе, к ереси антропоморфизма, в которой и обвиняли многих ханбалитов и захиритов; непримиримая ненависть

⁵⁶ Семенов, *Мусульманский мистик*, стр. 111 и сл.

⁵⁷ Подробности об этом толке в статье бар. В. Р. Розена, *Образчик*, стр. 173 и сл.

ко всяким новшествам сближала их с одной из политических партий раннего ислама, хариджитами. Этим объясняется, что область Средней Азии, в которой нашло убежище хариджитство, Сеистан, в то же время была в IX в. средоточием «борцов за веру» и родиной Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Керрама, основателя воинствующего правоверного толка керрамейцев. По отзыву историка мусульманских сект Шахри-стани, Мухаммед ибн Керрам приобрел славу отшельника; большими книжными познаниями он не обладал; составленная им книга была беспорядочным соединением в одно целое положений, извлеченных из разных толков; его учение имело успех в Хорасане, среди простого народа, особенно среди горцев западной части Афганистана — областей Гур (на верховьях Герируда и Хильменда) и Гарч (на верховьях Мургаба). В его книге, носившей название «Наказание в могиле⁵⁸ по отношению к описанию господ», встречались выражения, за которые его обвиняли в антропоморфизме. Ибн Керрам слушал лекции в Балхе, Мерве, Герате и Нишапуре, совершил паломничество в Мекку, где провёл пять лет, после своего возвращения в Нишапур был подвергнут продолжительному заключению по приказу правителя Мухаммеда ибн Тахира (862—873), покинул Нишапур в 865 г. и поселился в Иерусалиме, где умер в 869 или 870 г. Керрамейцы и впоследствии сохраняли связь с Иерусалимом, где у них в конце X в. были ханаки. Иерусалим был, по-видимому, самым западным пунктом распространения керрамейского толка; сами керрамейцы утверждали, что у них было до 700 ханак в Магрибе (Северной Африке), но приводящий это известие географ Макдиси называет их утверждение ложным и уверяет, что там не было ни одной керрамейской ханаки. По словам автора XV в. Макризи, в Иерусалиме некогда было до 20 000 (?) керрамейцев, «предававшихся богопочитанию и подвижничеству»; в восточных областях их было «так много, что нельзя перечесть»⁵⁹. В биографии шейха Абу Са'ида (см. ниже) число керрамейцев в Нишапуре также определяется в 20 000. В Средней Азии у керрамейцев, по словам Макдиси, были ханаки в Фергане, Хуттале, Гузганане, одна ханака в Мерверруде, одна ханака в Самарканде; в другой редакции того же труда Макдиси в этом месте вместо слова *ханака* употреблено, в единственном и множественном числе, слово *медресе*. Центром керрамейского толка был Нишапур, где жил «шейх и имам» хорасанских керрамейцев, Абу Я'куб Исхак ибн Мамшад, умерший в 993 г., ревностный подвижник и красноречивый проповедник, успешно распространявший мусульманскую веру; ему приписывается обращение в ислам более 5000 христиан, евреев и зороастрийцев обоего пола. Приводится место из его проповедей, где

⁵⁸ Речь идет об ангелах Накире и Мункаре, подвергающих грешника, по верованию мусульман, допросу и наказанию в могиле, тотчас после погребения.

⁵⁹ Медников, *Палестина*, т. II, стр. 667.

он советовал своим слушателям справиться в Медине о дворцах и садах пророка, его современников и преемников, об украшениях и драгоценных камнях его дочери Фатимы и прибавлял: «Ничего подобного вы там не найдете; вы поймете, что вы находились в заблуждении, стремясь к благам этого мира». По стопам его следовал его сын Абу Бекр Мухаммед ибн Исхак. Керрабийский толк при нем на некоторое время сделался правительственной партией благодаря покровительству султана Махмуда Газневидского (998—1030), во владения которого входила и часть Туркестана, именно Туркмения и восточные области бывшего Бухарского ханства. Когда Нишапур в 1006 г. на короткое время перешел в руки турецких завоевателей Средней Азии, они увезли с собой проповедника, опасаясь его влияния на население; ему удалось спастись бегством из плена, что еще более увеличило расположение султана к проповеднику, пострадавшему от его врагов. Абу Бекр был правой рукой султана в деле преследования еретиков-шиитов; нося шерстяную одежду (*сүф*) подвижника, он в то же время сделался начальником (реисом) Нишапура; для его сподвижников, принимавших взятки от лиц, обвиненных в ереси, процессы еретиков сделались источником дохода. Влияние Абу Бекра было подорвано столкновением между ним и другим представителем религии. Ученый казий Нишапура Абу-л-Ала Са'ид ибн Мухаммед, учитель двух сыновей султана, Мухаммеда и Мас'уда, после своего возвращения из паломничества в Мекку в 1012 г. обвинил керрабийцев в антропоморфизме; чтобы отомстить казию, Абу Бекр некоторое время спустя возбудил против него обвинение в мутазилитстве. Казий был привлечен к суду жившего в Газне главного казая, куда был вызван также обвинитель, и оправдан благодаря заступничеству покровителя ханифитских ученых (к ним, вероятно, принадлежал казий), брата султана, Насра, наместника Хорасана; но после этого вернувшийся в Нишапур Са'ид удалился от дел и выходил из своего дома только для выполнения религиозного долга или для чтения лекций, тогда как влияние Абу Бекра еще усилилось; его партия продолжала пользоваться процессами еретиков для покушения на имущество и честь своих противников, вызвав этим, наконец, общее возмущение. После долгих колебаний султан был вынужден низложить своего любимца; у Абу Бекра отняли имущество, его сторонников подвергли заключению в крепость; самим правительством был теперь выдвинут принцип, на котором раньше настаивали представители благочестия, — что звание религиозного подвижника несовместимо со стремлением к высоким должностям и вообще к земным благам. Так рассказывает автор официальной истории султана Махмуда, Утби; из других источников видно, что как опала подвижника, так и вражда между ним и представителем богословской учености были только временными явлениями. Шейх суфиев из последователей Джунейда, Абу Са'ид Мейхени (967—1049), по рассказу его по-

томка и биографа, подвергся в Нишапуре гонению со стороны Абу Бекра и казия Са'ида, действовавших, по этому рассказу, в полном согласии. Приводится донос, посланный керра미йцами в Газну, составленный в следующих выражениях: «Сюда пришел человек из Мейхене, называющий себя суфием, устраивающий собрания, во время которых он с минбара читает стихи, а не толкует Корана и не приводит хадисов. Постоянно он предъявляет притязание на пышность, устраивает музыкальные сеансы, молодые люди пляшут, едят сладкие блюда, жареную курицу и разного рода плоды; он называет себя подвижником, но это не образ жизни подвижников и не признаки суфиев. Народ сразу обратил лицо к нему и сбивается с пути; среди большей части простого народа возникли смуты; если не принять мер, то смута скоро сделается всеобщей». Султан поручил имамам двух главных толков, шафиитского и ханифитского, расследовать дело; Абу Бекр и Са'ид готовили суфиям кровавую расправу и заранее радовались своему торжеству, но шейх Абу Са'ид наглядно доказал им обоим, что ему известно все сокровенное, после чего они взяли свое обвинение и выразили раскаяние. Абу Бекр велел передать шейху, что он разбил выступившее против него воинство: Абу Бекра ибн Исхака Керрами с 20 000 приверженцев, казия Са'ида с 30 000, султана с сотней тысяч и 750 слонами. В рассказе историка Бейхаки о въезде в Нишапур в 1030 г. нового султана Мас'уда говорится о милостях, оказанных им как казию Са'иду, так и Абу Бекру.

Рассказ биографа Абу Са'ида показывает, что гонению со стороны ревнителей правоверия подвергались не только еретики-шииты, но и такие суфии, как Абу Са'ид, придерживавшиеся правоверного шафиитского толка. Тот же источник говорит о гонении, которому подвергались в то время суфии в перешедшем под власть турок Мавераннахре. При жизни шейха Абу Са'ида, «в то время, когда Богра-хан захотел перебить суфиев Мавераннахра», несколько шейхов из этой области тайком бежали в Мерв. О религиозном гонении при Богра-хане рассказывает и источник Ибн ал-Асира, который относит это гонение к 436/1044-45 г., но называет жертвой его только шиитов. По этому источнику, прибывшие из Египта эмиссары с успехом уговаривали народ присягнуть фатимидскому халифу Мустансиру; хан сделал вид, что принимает их сторону, усыпил этим их бдительность, потом произвел избиение шиитов в своей столице и послал соответствующее распоряжение в другие города. Из биографии Абу Са'ида видно, что турецкие ханы, подобно султану Махмуду, подвергали гонению как еретиков не только шиитов, но и правоверных суфиев. Взгляд на этих суфиев как на еретиков мог быть основан, во-первых, на их образе жизни, во-вторых, на их связях с представителями догматического богословия, которым в то время приходилось вести войну на два фронта. Ведя войну с вольнодумцами во имя веры, они сами были вольнодумцами в глазах

ревнителей буквы, так как всякая попытка к обоснованию религиозного учения доводами разума неизбежно приводила к отступлению от буквального понимания священных текстов. Мы видели, что нарушением традиции правоверного ислама представлялись такие явления, как пляски и песни дервишей, явления, которые мы встречаем даже в обителях суфиев «трезвого» направления, представленного Джунейдом и его школой. Насколько жизнь этих обителей в других отношениях отличалась от жизни обителей керра미йцев, мы не можем сказать, так как внутренний строй керрамийских обителей нам совершенно неизвестен; сведения о жизни в ханаках мы находим главным образом в биографиях шейхов; литература керрамийского толка исчезла, по-видимому, бесследно, тогда как из биографии, например, шейха Абу Са'ида мейхенийского мы получаем некоторое представление о тех ханаках, где жил или куда приезжал шейх со своими последователями.

Ханаки предназначались не столько для постоянного населения, сколько для приезжих; в ханаке Абу Са'ида в Нишапуре было 120 суфиев, из них 40 постоянных жителей и 80 странников. Выражение *ханаках-и мусафирпенах* ('ханака, убежище странников') в документе XV в. показывает, что ханака и впоследствии должна была служить странноприимным домом. Отдельная келья в ханаке обозначалась термином *завия*; говорится и о *саума'а* главного шейха ханаки, но не видно, чтобы этот последний термин мог прилагаться к каждой келье. В состав ханаки входил и «дом мечети» (*месджид-хане*). По-видимому, шейхи могли останавливаться и жить в кельях таких обителей со своими женами. Так, рассказывается, что сын шейха Абу-л-Хасана Харагани (ум. в 1033 г.) был схвачен и убит в ту ночь, когда к нему должны были привезти его молодую жену; убийцы подбросили голову молодого человека к дверям кельи (*саума'а*) отца; Абу-л-Хасан вышел из кельи, когда раздался призыв на утренний намаз, наткнулся на голову и позвал свою жену, мать молодого человека, чтобы принести светильник. Около того же времени в ханаку Абу-л-Хасана прибыл шейх Абу Са'ид Мейхени; для него поставили особый дом (*хане*), чтобы он в нем мог устроить себе келью (*завия*). Шейха Абу Са'ида сопровождала в путешествии одна из его жен; шейх Абу-л-Хасан каждое утро подходил с приветствием к дверям дома и справлялся о здоровье жены Абу Са'ида.

Биограф шейха Абу Са'ида отмечает связь между распространением суфизма школы Джунейда и распространением шафиитского толка. Отклоняя от себя всякое подозрение во враждебном отношении к ханифитскому толку и его основателю Абу Ханифе, он тем не менее настаивает на том, что все шейхи и представители мистического «пути» (*тарикат*), жившие после Шафи'и, придерживались шафиитского толка, что после вступления на «путь» к этому толку примыкали даже те, кто раньше придерживался другого. Главной заслугой шафиитских

богословов он считает победоносную борьбу против «новшества» мутазилитов и называет имена четырех ученых, деятельность которых простиралась, однако, только на сравнительно небольшой район нынешней Туркмении и северной части Хорасана от Феравы (ныне Кызыл-Арват) до Серахса; один из этих ученых, факих Абу Али Захир ибн Ахмед серахский, учитель Абу Са'ида, умер в 389/999 г., другой шафиитский богослов, которого также слушал Абу Са'ид и деятельность которого относилась к Мерву, Абу Бекр ал-Каффаль, умер в 417/1026 г. Из этих дат можно заключить, что в некоторые местности Туркестана шафиитство проникло раньше, чем в северные округа Хорасана; так, распространителем шафиитства в Шаше (Ташкенте) был Абу Бекр Мухаммед Каффаль, умерший в 366/976-77 г. Несмотря на все попытки некоторых богословов установить общепризнанное теперь равноправие четырех правоверных толков—ханифитов, шафиитов, маликитов и ханбалитов,—столкновения, иногда кровавые, между представителями различных толков продолжались еще несколько веков. Особенно резко проявлялась вражда остальных толков к шафиитам. Существенных различий между толками не было ни в обрядах, ни тем более в догматике; но к шафиитскому толку примкнуло высшее общество, тогда как ханифиты и другие толки стояли ближе к простой вере народных масс, не допускавшей никаких рассуждений, так как никакая догматическая система, хотя бы ее целью была защита предписаний религии, не могла быть примирена с буквальным пониманием священных текстов. По примеру создателя правоверной догматики, шафиита Аш'ари, шафииты часто старались доказать, что предписания религии понимаются ими так же буквально и соблюдаются так же строго, как другими толками, даже самыми крайними, но им отказывались верить. Кроме того, некоторые из шафиитских ученых в своих рассуждениях шли дальше правоверной догматики; даже Каффалья ташкентского обвиняли в склонности к мутазилитству; шейх Абу Са'ид находился в дружественных отношениях с представителем еще более вольнодумного направления, нечестивым в глазах правоверных философом Абу Али ибн Синой (Авиценной). Ввиду отсутствия связи между «основами», т. е. догматами религии, и практическими предписаниями, составлявшими ее «ветви», можно было быть еретиком-мутазилитом в догматических вопросах и в то же время по вопросу о практических предписаниях примыкать к одному из правоверных толков. Так, об известном государствоведе Маверди (ум. в 1058 г.) говорили, что он был «шафиитом в ветвях и мутазилитом в основах». Характерно, что та туркестанская область, где шафиитство еще в начале XIII в. пользовалось официальным покровительством, в то же время была страной господства мутазилитства, которое принес туда из Исфахана ученый Абу Мудар Махмуд Дабби (ум. в 1113 г.) и которое имело представителей в Хорезме еще в конце XIV в., при Тимуре, когда в других мусульманских областях ученых

этого направления давно уже не было. В конце XII и в начале XIII в. мутазилиты имели в Хорезме такую власть, что несогласному с ними ученому было трудно там оставаться, как прежде представители правоверия не хотели терпеть в своей среде еретиков-мутазилитов. Из правоверных толков самым распространенным в Хорезме, как вообще в Туркестане, был ханифитский; шафиитами были только жители Хивы, но приверженцы шафиитского толка стояли во главе правительства. Везир Низам ал-мульк Мас'уд, убитый в 1199 г., был строителем шафиитской мечети в Мерве; министр Шихаб ад-дин Хиваки, погибший в 1220 г. во время монгольского нашествия, устроил в шафиитской соборной мечети города Гурганджа библиотеку, «подобно которой не было ни раньше, ни после». В Мерве слишком большое величие шафиитской мечети вызвало волнения; здание было разрушено чернью по подстрекательству шейх ал-ислама, главы ханбалитов, за что виновные потом были подвергнуты большому штрафу.

При династии Саманидов, официально придерживавшейся ханифитского толка, шафииты не подвергались никаким стеснениям. После падения господства династии один из ее потомков, Насир ад-дауля Абу-л-Хасан Мухаммед ибн Ибрахим, жил в главном городе Хорасана, Нишапуре, где пользовался влиянием, по-видимому, только как частный человек, благодаря своей знатности и богатству. По просьбе местных ученых, он вызвал из Рея ученого Ибн Фурека, боровшегося там с еретиками; в Нишапуре для Ибн Фурека устроили дом и медресе из ханаки Ибн ал-Хасана Бушенджи; но перед султаном Махмудом, представителем турецкой династии Газневидов, этого врага еретиков обвинили в еретическом учении, что пророческая миссия Мухаммеда прекратилась вместе с его жизнью, и вызвали для допроса в Газну; ему удалось оправдаться, но на обратном пути в Нишапур он был отравлен своими врагами (1015 г.). Во второй половине того же XI в. турецкими султанами Сельджукидами было перенесено на запад правоверное ханифитское богословие; вместе с еретиками подверглись ожесточенному преследованию также догматики школы Аш'ари. Преследование, как говорят историки, прекратилось при султানে Алп-Арслане (1063—1072), при котором везир Низам ал-мульк, шафиит, выстроил в больших городах ряд медресе для ученых своего толка; но, по словам самого Низам ал-мулька, Алп-Арслан также был ревностным ханифитом и врагом шафиитов; он часто выражал недовольство, что его везир — приверженец не одобрявшегося им направления.

III

ТУРКЕСТАН И ТУРКИ

Из приведенных фактов видно, что переход власти от иранцев к туркам сопровождался усилением строгости и нетерпимости в делах веры. Вообще в Туркестане, по его географическому положению и связанному с этим составу его населения, политические кризисы обыкновенно приводили к культурной реакции; реакционные элементы, особенно в делах веры, находили поддержку в культурно отсталых горах и степняках, в большей степени, чем жители городов и равнин, сохранявших свои военные качества и во время кризисов пользовавшихся этим преимуществом для захвата власти. В этом отношении роль турок в Средней Азии во многом походила на роль берберов в Северной Африке и Испании.

Для культурных областей Средней Азии торговля с кочевниками-турками всегда имела большое экономическое значение. Для кочевников эти торговые сношения были еще более необходимы, чем для культурного населения; кочевникам было еще труднее обходиться без произведений культурной промышленности, снабжавшей их одеждой, чем культурному населению без продуктов степного скотоводства; оттого кочевники, как везде, сами пригоняли свои стада для сбыта этих продуктов к границам культурных областей, не дожидаясь, чтобы купцы из этих областей приехали в степь для закупки скота, мяса, шерсти и т. п. Но и культурное население извлекало из торговли с кочевниками большие выгоды. Уже в X в., как теперь, мусульманский Туркестан благодаря своим кочевым соседям получал лошадей и мясо в большем количестве и по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при иных условиях. Пограничные посты были обеспечены конским составом в изобилии; в местности около Ташкента и в Фергане приходилось от 100 до 500 лошадей на каждого мужчину. О цене мяса говорится, что по соседству со степью, на Сыр-Дарье, за дирхем (около 25 коп.) можно было купить 4 мины чистого мяса, освобожденного от костей (более 6 фунтов). Впоследствии цены на мясо бывали иногда еще дешевле, но тогда уровень благосостояния населения стоял ниже, и соответственно понизились цены на все предметы. Из продуктов скотоводства турками кроме того доставлялись кожи, преимущественно в Чач

(область Ташкента); более северный пограничный город Исфиджаб (Сайрам, к востоку от Чимкента) был главным невольничьим рынком. Ввоз турецких рабов был связан, конечно, с происходившими в степи войнами между отдельными турецкими народностями; кроме того, привозились славянские рабы, главным образом в Хорезм, где вообще сосредоточивалась торговля мусульманского мира с областями нынешней Европейской России; сюда же доставлялись меха пушных зверей. В обмен за свои товары турки получали ткани: хлопчатобумажные из Чача, хлопчатобумажные и шерстяные из Хорезма, шелковые из Самарканда; кроме того, был базар хлопчатобумажных тканей в Исфиджабе. Сбыт, обеспеченный в степи для произведений местной промышленности, содействовал развитию благосостояния; о жителях Хорезма говорится, что всем своим благосостоянием они были обязаны торговле с турками. В противоположность согдийской торговле, хорезмийская, по-видимому, получила развитие главным образом в мусульманский период. Хорезмийские отряды, находившиеся на службе у хазарского кагана, состояли всецело из мусульман; успехи ислама в стране волжских болгар были тесно связаны с успехами хорезмийской торговли; вообще распространение влияния туркестанской культуры в северо-западном направлении было тесно связано с распространением ислама, и нет никаких сведений о том, чтобы мусульманской пропаганде в этом направлении, как в восточном и северо-восточном, предшествовала пропаганда религий домусульманского Туркестана. Исключительно мусульманским было также население колоний, основанных туркестанцами на нижнем течении Сыр-Дарьи; из них определено местоположение двух—Дженда (развалины Хишт-кала, в урочище Тумар-уткуль, к западу от Сыр-Дарьи, в 25—30 верстах от Перовска) и Нового поселения (развалины Джанкент, в 4—6 верстах южнее стоящей на берегу Сыр-Дарьи, в 22 верстах ниже Казалинска, хивинской крепости Джан-кала)¹. Что основание этих городов было связано с успехами мусульманской торговли, а не с успехами мусульманского оружия, видно из того, что они не входили в состав государства Саманидов; власть в них находилась в руках местных турок. Из Туркестана в мирное время возили по Сыр-Дарье хлеб до Нового Поселения, из чего можно заключить, что размеры возделанного пространства вокруг городов были недостаточны для прокормления населения. Откуда население получало продовольствие в другое время, когда доставка хлеба по Сыр-Дарье становилась невозможной; были ли эти города исключительно торговыми колониями или, если нет, каково было отношение торгового населения к земледельческому и промышленному,— обо всем этом мы не имеем сведений; не говорится также ничего о происхождении жителей; можно только

¹ <Согласно С. П. Толстову, Дженду соответствуют развалины Джан-кала (Толстов, *По следам*, стр. 60—61). — Ю. Б.>

предполагать, что по крайней мере часть их происходила из Хорезма. Наш единственный в этом случае источник, географ Ибн Хаукаль, только указывает расстояние от Нового Поселения до Хорезма (10 переходов) и до Фараба или Отрара (20 переходов).

В северо-восточном направлении, где мусульманам проложили путь согдийцы, мы при Саманидах, кроме распространения влияния мусульманской культуры, видим также распространение пределов мусульманской империи оружием. Самые прочные успехи в этом направлении были достигнуты уже при первых представителях династии; сюда относятся завоевание Исфиджаба в 840 г. при Нухе ибн Асаде и завоевание Таласа (ныне Аулие-Ата) в 893 г. при Исма'иле ибн Ахмеди; в последнем случае говорится об обращении «главной церкви» города в мечеть. Вся местность до Таласа включительно вошла в состав Исфиджабской области, оставшейся при Саманидах под управлением особой турецкой династии; владетель даже не вносил в саманидскую казну никаких податей; но ислам утвердился прочно, и было построено большое число «рабатов» для «борьбы за веру»; обязанность вести борьбу за веру, может быть, и послужила поводом для освобождения Исфиджабской области от всяких денежных взносов. Талас (арабы писали Тараз)² оставался и в X в. пограничным пунктом мусульманского мира: по словам Ибн Хаукаля, Талас был «местом торговли для мусульман со стороны турок»; дальше Таласа никто из мусульман не ездил; там были только шатры кочевников-карлуков. К западу от Таласа, на пути к пограничному городу, тоже было пустынное пространство в два перехода, где не было никаких построек, не исключая рабатов, и никаких возделанных участков. Берег Таласа, однако, был не только внешним образом присоединен к мусульманскому миру, но мусульманами разрабатывались и местные минеральные богатства. В Таласском Алатау, где был небольшой город Шельджи и несколько селений, были серебряные рудники, которые, по-видимому, могли выдержать соперничество с рудником в долине Ангрена (несколько лет тому назад вновь найденным местными исследователями), где еще при Аббасидах был монетный двор. По крайней мере, географ конца X в. при перечислении богатств страны говорит о вывозе серебра из Шельджи и совершенно не упоминает об ангренском руднике. Какое значение придавали серебряным рудникам Таласского Алатау (до сих пор, насколько известно, вновь не найденным)³, видно из того, что в неболь-

² <До арабов упоминался в форме *Талас* Менандром Протектором в VI в. н. э. (FHG, 4, 228). В позднем средневековье, наряду с формой *Талас*, в тюркских источниках название это встречалось в форме *Талаш* (Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, 45 и др., см. указатель); в сходной форме — «Талаш» и «Талаша» — его знают и русские источники (см. МИУТТ, 266). — В. Р.>

³ <Об этих рудниках см.: Массон, *Из результатов поездки в долину Таласа*; Иванов, *К истории горного промысла*; Бубнова, *Средневековые мастерские*; ее же, *К истории*; ее же, *Извлечение серебра*. — Б. С.>

шом городе Шельджи было большое число иностранцев; по рассказам (конечно, явно преувеличенным) одних исфаханцев было до 10 000. Несмотря на такое большое число временных посетителей, Шельджи не сделался многолюдным городом; автор XII в. говорит о нем только как о «селении, похожем на небольшой город». Серебро-свинцовые месторождения в долине Кан-сай, в 40 верстах к северо-западу от Ходжента, считающиеся теперь самыми обильными в Туркестане⁴, в то время, по-видимому, не были известны. В Таласе уже в первой половине X в. был особый «дихкан», находившийся в вассальной зависимости от саманидского правительства. Во второй половине X в. влияние саманидского правительства простиралось, по-видимому, и на местность к востоку от Таласа: один из представителей саманидской гвардии Фаик (он происходил из Испании и, вероятно, вошел в состав саманидской гвардии в качестве купленного раба), приближенный эмира Мансура (961—976), занимавший влиятельное положение и при его преемниках, умерший в 999 г., строитель великолепной мечети в Мешхеде, построил также рабат в окрестностях Мерке. Кроме того, говорится, что соборная мечеть этого города, как соборная мечеть Таласа, первоначально была церковью. Местности за Таласом и дальше к востоку имели для мусульман значение потому, что находились на караванном пути в Китай; о каких-либо специальных экономических интересах мусульман именно в этих областях ничего не говорится. Неизвестно также, только ли военными или еще другими соображениями объясняется некоторое расширение пределов государства Саманидов в X в. со стороны Ферганы, где у турок была отнята одна из местностей близ Узгенда⁵. От низовьев Сыр-Дарьи и от Таласа отходили пути к кочевым народам, жившим дальше на север, именно на Иртыш к кимакам, от которых в обмен за соль получали меха пушных зверей; от городов Китайского Туркестана отделялись пути на север, к киргизам на верховья Енисея, и на юг, в Тибет; главным предметом ввоза от этих обоих народов был мускус.

Сношения с мусульманами и китайцами не могли не отражаться на образе жизни турок, хотя в X в., по-видимому, еще ни один из турецких народов не отказался совершенно от кочевой жизни. Сравнительно наибольшей высоты культуры достигли те турецкие народности, которые жили вдоль караванного пути из мусульманского мира в Китай, именно карлуки (персидские источники вместо *карлуқ* пишут *халлух*) и токуз-огузы. От границы мусульманских владений в Фергане до восточных границ земель карлуков считали более 30 дней пуги. Карлуки были соседями мусульман также в Сыр-Дарьиноской области; кроме Мерке, им также принадлежало находившееся еще западнее селение

⁴ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 177.

⁵ <Ныне город Узген, районный центр Ошской области Киргизской ССР.>

Кулан, ныне Тарты. Область карлуков считалась самой населенной и богатой из турецких областей; среди карлуков, кроме звероловов и кочевников, были также земледельцы, были деревни и города; среди других турок карлуки выдавались красотой и высоким ростом. Много городов было также у восточных соседей карлуков, токуз-огузов, которым принадлежали остальные области на пути в Китай. Несомненно, что быт этих соседей Китайской империи ближе всего подходил к оседлой жизни; по словам одного арабского автора, управление там было лучше, чем у всех прочих турок, но и среди них были кочевники; та ветвь токуз-огузов, которая отделилась от главной массы народа, получила название ягма ('отряды, совершающие набеги') и отняла у карлуков часть их владений с городом Кашгаром. Ягма в культурном отношении стояли ниже карлуков: о них говорится, что у них было только небольшое число пашен; главное богатство их составляли лошади и бараны; народ отличался воинственностью. Приблизительно таков же был культурный уровень остальных семиреченских турок, именно джикилей (выходцев из карлуков), которым принадлежал северо-восточный берег Иссык-Куля, и их западных соседей — тухсийцев, или тюргшей. У джикилей было «небольшое число городов и селений»; несколько селений упоминается и в области тухсийцев.

Ниже стояли в культурном отношении северные и северо-западные турки. У кимаков был только один город; самая западная ветвь кимаков, кипчаки, превосходила своей дикостью остальную часть народа; ни у одной ветви киргизов не было ни городов, ни деревень; у гузов, живших по нижнему течению Сыр-Дарьи и дальше к западу до Каспийского моря и Волги, не было ни одного города⁶. Тем не менее мусульманская культура оказывала притягательную силу и на эти народы. Несмотря на отдаленность главных ставок кимаков (на Иртыше) и киргизов (на верхнем Енисее), кочевья обоих народов во второй половине X в. вплотную подошли к пределам мусульманского мира. Кимаки вместе с гузами упоминаются в местности по Сыр-Дарье, по соседству с Саураном; киргизы владели городом, соответствовавшим нынешнему Уч-Турфану в Китайском Туркестане, и были соседями племени ягма в Кашгаре. Гузы, несомненно, составляли главную часть тех турок, которые приняли ислам, подчинились саманидскому правительству и получили земли на Сыр-Дарье, с обязательством защищать эту пограничную местность против остальных турок; главным поселением их был город Сюткенд на левой стороне реки, развалины которого существуют и теперь. Помимо торговых целей и набегов, кочевники искали в пограничных культурных землях удобных мест для зимовок,

⁶ <Полемизируя с В. В. Бартольдом, С. П. Толстов выступил с утверждением о том, что у гузов существовали крупные укрепленные постоянные поселения — «города». См. об этом ниже, стр. 560, прим. 10. — В. Р.>

обращаясь иногда с соответствующими просьбами к государям и их наместникам. Приход кочевников на зимовку часто соединялся с грабежами и заставлял местные правительства принимать меры предосторожности.

Несмотря на некоторые успехи в борьбе с турками, Саманиды были вынуждены примириться с тем, что верховья и низовья реки Сыр-Дарья, протекавшей в своем среднем течении через несколько мусульманских областей, оставались вне пределов мусульманского мира. По отношению к туркам ислам нарушил предписание Корана — сражаться с неверными, пока они не заплатят дани «в унижении». Ислам на границе с турками перешел от наступления к обороне; самому пророку (едва ли знавшему о существовании туток) было приписано изречение: «Оставьте [в покое] туток, пока они вас оставляют [в покое]». Турки были одним из первых народов, среди которых ислам, отказавшись от пропаганды оружием, имел успех путем убеждения. Известия о ходе этой религиозной пропаганды и о постепенном устранении стоявших на ее пути препятствий крайне скудны. Есть известие, что туркам ислам первоначально казался религией, не подходящей для кочевников: посол халифа Хишама (724—743) будто бы получил от турецкого хана, которому он предлагал принять ислам, такой ответ: «Нет среди туток ни цирюльников, ни сапожников, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут исполнять предписания ислама, чем же они будут питаться?»

Мы знаем, однако, что в том же VIII в. среди туток имели успех религии, еще менее соответствовавшие воинственному быту кочевников; до нас дошли на турецком языке произведения религиозной литературы буддийской, манихейской и христианской, из которых некоторые, несомненно, относятся еще к VIII в., тогда как первые сведения о мусульманской литературе на турецком языке относятся к XI в.⁷ О принятии манихейства в 762 г. турками-уйгурами в Монголии говорится и в надписи, поставленной одним из уйгурских ханов в IX в., причем проповеднику новой веры приписывается пожелание, «чтобы страна с варварскими нравами, где лилась кровь, превратилась в страну, где питаются овощами; чтобы государство, где совершались убийства, преобразовалось в царство, в котором побуждают к добру». Один из арабских авторов IX в. уверяет, будто принятие манихейства отразилось на военных качествах токуз-огузов, утративших, под влия-

⁷ К более раннему времени, судя по языку, может быть отнесен турецкий комментарий на Коран, приобретенный в 1914 г. Азиатским музеем Академии наук (Валидов, *О собраниях рукописей*, стр. 249). В рукописи не указано ни время составления этого комментария, ни место, ни имя автора. См. об этом сочинении теперь мою статью: *Ein Denkmal*. <Об этом списке тюркского тафсира (рук. ИНА С 197) и о датировке сочинения см. Дмитриева, *Рукописи*, стр. 37—38. Исследование о лексике этого тафсира: Боровков, *Лексика* (литература см. там же, стр. 3, прим. 2). — В. Р.>

нием религии воздержания и мира, свою храбрость, тогда как прежде они имели власть над карлуками, хотя те превосходили их численностью больше чем вдвое. Мы знаем, однако, по другим примерам, что черты характера народа оказывают больше влияния на религию, чем наоборот; религия мира и любви, когда ее принимал воинственный народ, становилась религией войны. Манихейство в этом отношении не представляло исключения. Уйгурский хан — манихей — пользовался своим военным могуществом, чтобы защищать своих единоверцев против притеснений со стороны китайского правительства; хан токуз-огузов отстаивал интересы своих единоверцев как перед владыками Китая, так и перед владыками Туркестана. Во всем мусульманском мире Самарканд был единственным местом, где манихейство не подвергалось преследованию; саманидское правительство хотело отнять у манихеев и это последнее убежище, но отказалось от своего намерения под влиянием угрозы хана токуз-огузов ответить репрессалиями против мусульман, которых в его владениях было гораздо больше, чем манихеев во владениях Саманидов. Имеются в виду, вероятно, приезжие мусульмане-торговцы, а не принявшие ислам подданные хана. Торговцы, по-видимому, не занимались миссионерством, и потому успехи мусульманской торговли не сопровождались успехами ислама как религии. Не только на турецком, но и на китайском языке уже в VIII в. существовали литературы буддийская, манихейская и христианская, тогда как никаких попыток создавать на этом языке мусульманскую литературу не делалось. Мусульманские историки несколько раз упоминают о принятии ислама карлукскими князьями и даже владыками Тибета, но эти рассказы не могут быть признаны достоверными. Мы не знаем также, как образовалось мусульманское турецкое государство с городами Баласагуном в Семиречье, в Чуйской долине, и Кашгаром, которому потом удалось положить конец государству Саманидов, и как исламу удалось одержать победу в этой области, где до него, несомненно, были распространены другие культурные религии.

Мы имеем только легендарные известия о принятии ислама первым представителем этого ханского рода, могилу которого до сих пор показывают в селении Артыш к северу от Кашгара, причем древнейшая версия легенды относит смерть этого хана к 955 г.; при его деде будто бы произошло завоевание Саманидами Исфиджаба (что, как мы видели, имело место в 840 г.), с чем предание связывает первые успехи ислама среди турецкого народа. Историк Ибн ал-Асир говорит о принятии ислама многочисленным турецким народом (до 200 000 шатров) в 960 г. К этому же времени относится деятельность единственного мусульманского ученого богослова X в., о котором мы знаем, что он отправился к туркам, — хорасанца Абу-л-Хасана Мухаммеда ибн Суфьяна Келимати; он занимался законоведением (фикхом) и догматическим богословием, покинул Нишапур в 340/951-52 г., прожил не-

сколько лет в Бухаре, оттуда отправился ко двору «хана ханов», где умер до 350/961 г. Ввиду такого хронологического совпадения можно предполагать некоторую связь между деятельностью Келимати и тем событием, о котором рассказывает Ибн ал-Асир, но никаких подробностей об этой деятельности мы не знаем. Ничего неизвестно также о результате деятельности богословов, происходивших из Исфиджаба и соседних с ним селений, из которых один, Абу-л-Хасан Са'ид ибн Хатим Усбаникети, незадолго до 380/990 г. ездил в страну турок.

Турки-мусульмане, овладевшие в конце X в. культурными областями Туркестана, несомненно, принадлежали к одной из тех турецких народностей, которые упоминаются географами X века в Семиречье; персидский везир Низам ал-мульк, упоминая о походе своего султана Меликшаха на Самарканд и Узгенд (1089-90 г.), говорит о джикилиях и жителях Мавераннахра, как о местном населении; по словам Ибн ал-Асира, из джикилей состояло войско самаркандского хана. Во всяком случае, завоеватели пришли с северо-востока, со стороны Исфиджаба. Первый турецкий хан культурного Мавераннахра и его ближайшие преемники жили в пограничном Узгенде, и только последующие ханы перенесли свое местопребывание в самый многолюдный город страны, Самарканд.

Узгенд оставался после этого главным городом Ферганской области и сохранял это значение до второй половины XIII в. К этому периоду, именно к XII в., относятся лучшие из сохранившихся в Узгенде средневековых построек.

Вообще от эпохи турецких ханов Мавераннахра или, как их называют русские ученые, Караханидов, на поверхности земли сохранилось гораздо больше памятников, чем от предшествующей саманидской эпохи. Датированных построек эпохи Саманидов нет совершенно, и мнение о саманидском происхождении некоторых построек, например, так называемой гробницы Исма'ила Самани в Бухаре, основано только на местном предании⁸. В остальных случаях строительные памятники X в. обнаруживались только при раскопках, например постройка на Афрасиабе близ Самарканда, раскопанная пищиком эти строки в 1904 г., в которой видят основание минарета. К караханидской эпохе, кроме узгендских построек, среди которых выдается минарет высотой в 25 аршин, можно отнести с полной достоверностью минарет в Бухаре, высотой в 52 метра, построенный Арслан-ханом Мухаммедом в 1127 г., и «царский рабат» (Рабат-и Мелик) в степи Мелик к востоку от Бухары, построенный ханом Шемс ал-мульком Насром в 471/1078-79 г. Повидимому, не сохранился до настоящего времени, но существовал еще

⁸ <Связь этой постройки с Саманидами ныне считается установленной; см. Ремпель, *Архитектурный орнамент*, стр. 148—152 и прим. 42, 43 на стр. 579. О памятниках времени Саманидов см.: Воронина, *К характеристике*; Пугаченкова, *Мавзолей Араб-ята*. — Б. С.>

в XVI в. рабат, построенный тем же ханом на пути из Самарканда в Ходженд, в небольшом расстоянии к северу от Джизака. Не имеет отношения к Караханидам, но относится к той же эпохе один из минаретов Куня-Ургенча, воздвигнутый, по надписи на свинцовой плите, найденной в его основании, в 401/1010-11 г. Домонгольскому периоду принадлежит еще соборная мечеть в рабате Дихистан (ныне развалины Мешхед-и Мисриян, в Туркмении), построенная, по сохранившейся на ней надписи, султаном Мухаммедом ибн Текешем (1200—1220), и гробница султана Санджара в Мерве (ум. в 1157 г.). Наконец, вне пределов Туркестана, но вблизи их, на Гюргене, находится древнейший сохранившийся памятник мусульманской персидской архитектуры, башня Кабуса, построенная в 397/1006-07 г.

Исчезновение памятников саманидской эпохи нельзя объяснять разрушениями, произведенными во время монгольского нашествия, так как от этих разрушений в такой же степени должны были страдать памятники эпохи Караханидов. Большое значение имел, вероятно, тот факт, что в XI в. и позже, с развитием городской жизни, при постройках меньше, чем прежде, пользовались древесным материалом. Тесно застроенная Бухара в X в. считалась городом, опасным в пожарном отношении, что указывает на широкое распространение деревянных построек; из дерева была возведена даже верхняя часть минарета соборной мечети; минарет обрушился в 1068 г. во время борьбы за престол между двумя претендентами, когда местность, где находилась мечеть, подверглась обстрелу горючими веществами из цитадели, и был заменен новым, построенным всецело из жженого кирпича. Сравнение Мерва последних веков домонгольского периода с более древним городищем (Гяур-кала) показывает, что из кирпича в этот период строили больше, чем прежде. Жженный кирпич иногда употребляли и при постройке городских стен; в небольших городах стены иногда возводились сплошь из жженого кирпича (таковы были, например, стены рабата Дихистан); в Бухаре в 1165 г. был возведен из жженого кирпича фундамент городских стен, для чего был использован материал от фундамента цитадели и башен, разрушенных незадолго перед тем, в 1144 г., при нашествии врагов.

Из этих фактов видно, что завоевание страны турками не остановило естественного процесса культурной эволюции, каковы бы ни были последствия этого завоевания для общих условий культурной жизни. Не мог, конечно, оставаться без влияния самый факт перехода власти к степному народу. В этом отношении конец X в. имел решающее значение для всей дальнейшей истории Туркестана; с тех пор одни завоеватели сменялись другими, но к туземному иранскому элементу власть уже больше не переходила. Неблагоприятные последствия должна была иметь и утрата политической связи с культурным Ираном. Это особенно отразилось на непривычной для Туркестана идее государственной

централизации, которую пытались осуществить Саманиды. В Передней Азии эта идея, под властью утвердившейся в XI в. турецкой династии Сельджукидов, сделала даже некоторые успехи; в Туркестане государство Караханидов оставалось типичным кочевым государством, разделенным на уделы, скоро обратившиеся в самостоятельные владения, несмотря на то, что пришедшие с Караханидами турки в культурном отношении стояли выше пришедших в Персию с Сельджукидами туркмен. На их государственных идеалах, кроме турецкого представления о верховном государе — кагане, отразилось иранское представление о «царе царей» (на это указывают такие титулы, как «хан ханов» и «султан султанов») и китайская императорская власть; не владея никакими областями с китайским населением, Караханиды, тем не менее, принимали титул *табгач-хан*, или *тамгач-хан*, как назывался у турок китайский император (на караханидских монетах этот титул встречается и в арабском переводе — *мелик ас-Син* — 'царь Китая'). Но эти титулы не давали носившим их никаких фактических прав. Единственная успешная попытка восстановить в Средней Азии сильную государственную власть была сделана из Хорезма, области, которая с начала XI в. была отделена от остальной части Туркестана и жила одной политической и культурной жизнью с Персией (об особых условиях культурной жизни в Хорезме свидетельствует приведенный выше факт существования хорезмийской школы богословов-рационалистов); только владельцы Хорезма могли пытаться осуществить в свою пользу созданную Сельджукидами идею «султана ислама» как стоящего рядом с халифом верховного светского государя всего мусульманского мира. Это стремление встретило упорное сопротивление со стороны багдадского халифа, воспользовавшегося упадком могущества Сельджукидов для восстановления своей светской власти; борьба между халифом и султаном еще не была закончена ко времени монгольского нашествия, сокрушившего сначала султана, потом и халифа.

Монгольское нашествие было самым крупным по своим последствиям завоевательным движением из Восточной Азии в Западную; этому движению предшествовал ряд других, менее значительных, но также отразившихся на политической жизни Туркестана. Завоеванию государства Саманидов предшествовало культурное завоевание турок исламом, вследствие чего это событие не произвело на современников того впечатления, которое мы привыкли связывать с нашествием иноплеменных. Попытка саманидского правительства организовать народное сопротивление завоевателям потерпела полную неудачу. Идея единства мусульманского мира, успеху которой содействовали и сами Саманиды, всегда выступавшие в качестве верноподданных халифа, успела вытеснить к тому времени национальный и местный патриотизм; население послушалось своих духовных вождей, убеждавших его, что там, где происходит только борьба за власть между различными мусуль-

манскими владыками, людям нет основания ради одной из двух властей подвергать опасности свою жизнь, особенно когда поведение завоевателей, как в данном случае, с точки зрения требований религии не вызывает никаких упреков. К этому современник прибавляет: «Это было одной из главных причин победы ханской династии, бегства Саманидов и прекращения их господства. Представители ханской династии вступили в Бухару, вели себя хорошо и были милостивы к подданным». Представители аристократии еще менее были склонны поддерживать правительство, стремившееся к государственной централизации, и с самого начала находились в соглашении с завоевателями.

Землевладельческая аристократия, однако, ошиблась в своих расчетах и только на короткое время, под непосредственным влиянием падения династии, могла извлечь выгоду из создавшегося положения. После этого кратковременного перерыва начавшийся при Саманидах процесс упадка сословия дихканов продолжался и закончился при Караханидах. В начале XI в. еще упоминаются дихканы как рыцарская конница; в XIII в., при описании военных действий, связанных с монгольским нашествием, о дихканах уже нет речи. Нет также известий о ходе этого процесса и причинах, вызвавших его ускорение. Возможно, что смуты, связанные с удельной системой, оказали влияние на обесценение земельной собственности, но документально засвидетельствован только один факт в этом роде — падение ценности городской земли в Бухаре. С упадком сословия дихканов крупная земельная собственность исчезла в Туркестане почти совершенно. При турецких династиях, до новейших узбекских, как и в других мусульманских странах, завоеванных турками, действовала своего рода ленная система, но, как везде, предметом пожалования была не самая земля, но земельная рента. Лица, получавшие в качестве вознаграждения за военную службу доход с определенных земельных участков, жили в столице при дворе ханов и не имели никакого отношения ни к управлению деревнями, доходы с которых поступали в их распоряжение, ни даже к хозяйственной эксплуатации земли.

Города, по-видимому, не пострадали от установления турецкого господства; возможно, что, как в средневековой Европе, беспорядки, связанные с политическими смутами, отразились на притоке населения из сел в города. Главный город, Самарканд, не мог сохранить тех размеров, какие он имел в X в. вместе с пригородами, но все же оставался большим городом, каких до последнего времени в Туркестане больше не было; по словам китайца Чан-чуня, посетившего Самарканд непосредственно после монгольского нашествия, в городе в это время было всего около 25 000 семейств, но до нашествия монголов населения было вчетверо больше, т. е. около 100 000 семейств, или около 500 000 душ. Путешественниками XI и даже XIII века Самарканд описывается как город с богатыми базарами и значительными библиотеками. Как в

Персии, так и в Туркестане в XI в. окончательно установился тип города, с тех пор не подвергавшийся существенным изменениям, с базарными улицами, пересекавшими город в направлении с запада на восток и с юга на север, с базарной площадью и центральным куполом (*чарсу*) в месте их пересечения.

До эпохи монгольского владычества мы не видим в истории Туркестана фактов, которые бы указывали на упадок городской жизни. Бывали случаи разрушения города во время военных действий; кроме того, под влиянием местных причин город мог обратиться в село, село — в город. В Фергане Маргинан в X в. был небольшим городом, в XII в. причислялся к «известным городам», тогда как Риштан, бывший в X в. городом более значительным, чем Маргинан, сделался «деревней в окрестностях Маргинана». В жизни главных городов, по-видимому, происходили те же явления, какими вообще сопровождается рост городской жизни. В долине Зеравшана, где тогда по преимуществу сосредоточивалась жизнь, отношение главных городов, Бухары и Самарканды, к правительственной власти находилось в зависимости от местопребывания правительства. При Саманидах население Бухары считалось опорой правительства, Самарканд (как снова впоследствии, в XIX в.) — средоточием мятежных элементов; Караханиды, напротив, опирались на население Самарканды, тогда как в Бухаре ханская власть по временам совершенно не признавалась. В Бухаре в XII в. выдвинулся знатный род, получивший название «семья Бурхан» (главные представители этого рода носили прозвание Бурхан ад-дин 'Аргумент веры'); из этого рода происходили реисы ('начальники')⁹ и хатибы (проповедники в соборной мечети) бухарских ханифитов, носившие громкий титул *садр-джехан* ('опора мира') и обладавшие большими материальными средствами. Поэты того времени ставили этих «имамов», носивших чалмы, наравне с эмирами (светскими правителями), носившими «венцы». В XII в. в Бухаре то воздвигались постройки самаркандскими ханами, то единственным представителем власти был садр-джехан; о борьбе, которой должны были сопровождаться такие колебания, мы не имеем известий, но характерен факт, что все садры, кроме первого, считались «мучениками», т. е. погибли насильственной смертью. В начале XIII в. садр-джехан Бурхан ад-дин Мухаммед ибн Ахмед непосредственно отвозил дань верховному владыке Средней Азии, государю языческих кара-китаев, т. е. был совершенно независим от самаркандского хана. Известия об огромном богатстве садров заставляют полагать, что в их лице возвысились представители богатого класса горожан; это вполне подтверждается тем, что после устранения ханской власти против садров возникло народное движение, во главе которого стоял человек из ремесленного

⁹ С представлением о реисе тогда еще не соединялось представление о полицейской власти, носителем которой было другое должностное лицо, мухтасиб.

класса, сын продавца щитов, причем изгнанию и преследованию подверглись не только садры, но вообще «почетные люди». «Люди чалмы», представители мусульманской учености, отправились с жалобой в орду языческих владык Туркестана, получили необходимые грамоты, но не могли ими воспользоваться ввиду последовавшего в это время крушения империи кара-китаев.

В Самарканде ханы вели борьбу с духовенством и турецкой военной аристократией, опираясь на народные массы, как впоследствии узбекские правители нередко опирались на «сартов» в своей борьбе с узбекской родовой знатью. Самый сильный удар был нанесен ханской власти в 1095 г., когда низложенный турецкими предводителями хан Ахмед был казнен по приговору духовенства по обвинению в ереси. В Самарканде хан пользовался такой любовью населения, что никакое восстание не могло бы иметь успеха; чтобы выманить хана из столицы, заговорщики подговорили одного из ферганских военачальников поднять восстание; хан двинулся в поход против мятежника и во время этого похода был схвачен мятежными предводителями своего войска. Борьба ханов с турецкими предводителями и духовенством продолжалась и в XII в.; среди врагов ханской власти упоминается и самаркандский реис, из чего можно сделать вывод, что самаркандские события, по крайней мере отчасти, вызывались теми же причинами, как бухарские. Любовью народа пользовался и последний из самаркандских Караханидов, хан Осман, низложенный и убитый хорезмшахом Мухаммедом в 1212 г.

Принимавшее участие в этой политической борьбе высшее бухарское и самаркандское духовенство по своему образу жизни не имело ничего общего с тем дервишизмом переднеазиатского происхождения, который в XII в. проник в Туркестан и оказал более прочное влияние на народную жизнь, чем прежние дервишские организации. В Туркестане, как и в других мусульманских странах до Марокко, до сих пор распространен дервишский орден кадириев, последователей Абд ал-Кадир Гилиани (ум. в 1166 г. в Багдаде), моралиста-проповедника, старавшегося оживить дервишизм посредством предъявления к нему более строгих нравственных требований, в религиозной догматике придерживавшегося строгого правоверия. Такого же направления придерживался его старший современник Юсуф хамаданский (умер в 1140 г., похоронен в окрестностях Мерва), по совету которого Абд ал-Кадир в 1127 г. впервые решился выступить с публичной проповедью. Юсуфом была создана школа среднеазиатского дервишизма, к которой принадлежал ряд шейхов, прославившихся в Хорезме и оказавших влияние на распространение ислама среди турок, как Хаким-Ата, или Сулейман Бакыргани¹⁰, и Сейид-Ата; Неджм ад-дин Кубра, основатель распростра-

¹⁰ Ср. Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*.

ненного до сих пор в Хорезме ордена кубреви; святой города Туркестана, Ахмед Ясеви (Ясы — старое название этого города), живший в XII в., турецкие стихи которого получили широкое распространение среди турок Средней Азии; ташкентский святой Шейх-Антаур (собственно Хавенд-и тухур — 'Господин чистоты')¹¹, впоследствии также бухарский святой Беха ад-дин Накшбенд, современник Тимура, основатель широко распространенного не только в Туркестане ордена накшбендия, и его последователи, к числу которых принадлежал знаменитый ходжа Ахрар, глава дервишства сначала в Ташкенте (его родиной было селение Ташкентской области Багустан), впоследствии в Самарканде. Кроме последнего, ни один из этих шейхов не вступал в столкновение с правительственной властью; только ученик Неджм ад-дина Кубра, Меджд ад-дин Багдади, был убит по приказанию хорезмшаха Мухаммеда, по-видимому за то, что находился в соглашении с матерью хорезмшаха, стоявшей во главе мятежно настроенной турецкой гвардии. Небесной карой за это убийство является в дервишском предании монгольское нашествие.

Известия о шейхе Ахмеле Ясеви и его учениках свидетельствуют о том значении, которое имели среднеазиатские дервиши в деле распространения ислама в степи, как и теперь представители дервишизма, ишаны, имеют больше последователей среди кочевников, чем среди оседлого населения. После 960 г. следующее известие о массовом принятии ислама населением степи относится к 1043 г. и принадлежит тому же историку Ибн ал-Асиру; речь идет в этом случае о менее многочисленном народе (всего около 10 000 кибиток), жившем зимою по соседству с Чуйской долиной в Семиречье, летом — в степях близ страны волжских болгар. Окончательное присоединение нынешних киргизских¹² степей к мусульманскому миру произошло, однако, значительно позже; еще в начале XIII в. мусульманские владетели Хорезма должны были воевать с немусульманскими кипчаками на Сыр-Дарье, где средоточием их был город Саганак, или Сугнак (ныне развалины Сунак-курган), и в Тургайской области.

В культурных областях Туркестана пришельцы из степи должны были подвергаться влиянию местной культуры и переходить к оседлости, причем они, благодаря своей многочисленности, не только сохраняли свой язык, но распространяли его и среди туземцев; начинается не закончившийся и до сих пор процесс постепенного отуречения края. Первым городом, получившим турецкое название вместо прежнего иранского, был, по-видимому, Ташкент; это название, вместо названия Бинкет, как у географов X в., упоминается уже в XI в. Еще до монгольского нашествия географические названия турецкого происхожде-

¹¹ О нем — Семенов, *Шейх-Антаур*.

¹² <Казахских.>

ния начинают встречаться на Зеравшане (Кара-куль) и в Хорезме, где местное иранское наречие было вытеснено не персидским языком, как в долине Зеравшана, но турецким; этот процесс, по-видимому, закончился в XIII в., при монголах.

Носителями мусульманской культуры в Средней Азии по-прежнему оставались *сарты* — термин, которым в этнографическом смысле обозначали до XVI в. иранцев; самое слово, индийского происхождения, первоначально имело значение 'торговец', но монголы этот термин, в формах *сартак*, *сартактай* (с приставкой, служившей для обозначения лиц мужского пола) и *сартагул*, употребляли не столько по признаку национальности и языка, сколько по признакам быта и культуры; поэтому Чингиз-хан назвал «сартактаем» карлукокого князя Арсланхана, правившего в северной части Семиречья. Отголоском культурного значения сартов являются монгольские легенды, распространенные до Хангая, о богатыре Сартактае, воздвигавшем чудесные плотины и тому подобные сооружения. Первое известие о проникновении мусульманских торговцев в Монголию относится к 924 г.; в этом году основатель империи китаев А-бао-цзи¹³ (916—927) посетил город Каракорум на Орхоне и там принял «посольство» от *даши*, т. е. от арабов или мусульман (известно, что китайцами прибытие торгового каравана всегда рассматривалось как прибытие посольства). С успехами мусульманской культуры было связано образование значительных городов в северной части Семиречья и в Кульджинском крае, где раньше, насколько можно судить по мусульманским и китайским источникам, городской жизни не было. Первые достоверные сведения о городах этой местности относятся к XIII в.; в 1253 г. францисканец Рубрук к северу от реки Или проехал через город, населенный мусульманами, говорившими по-персидски. Не заботясь о пропаганде своей религии, мусульманские купцы, как представители культуры, занимали выдающееся положение даже при дворе языческих правителей, покорявших мусульманские области. Туркам-мусульманам несколько раз удавалось отражать нашествия «неверных» кочевников с востока; но в XII в. китаем, или, как их называли мусульмане, «черным китаем» (кара-китай), народу монгольского происхождения¹⁴, вытесненному из Северного Китая (получившего от них свое название) тунгусским народом, удалось подчинить себе мусульманских владетелей Семиречья и Китайского Туркестана, разбить в 1137 г. при Ходженде войско самаркандского хана, в 1141 г. в степи Катван, к северу от Самарканда, войско могущественного сельджукского султана Санджара, после чего мусульманские правители Средней Азии оставались до начала XIII в. вассалами каракитайских верховных правителей, «гурханов». Кара-китай принесли

¹³ <В первом изд., видимо, опечатка: «Аба оки». — Ю. Б.>

¹⁴ <См. выше, стр. 48, прим. 2.>

с собою усвоенную ими на их прежней родине китайскую культуру и ввели в покоренных областях китайскую систему подворного обложения (с каждого дома взимали по динару, т. е. по одной золотой монете, ценностью около 5 руб.); тем не менее и это государство подчинилось мусульманскому влиянию; везиром последнего гурхана был мусульманский купец Махмуд-бай. В начале XIII в. в руках мусульманских купцов находилась даже торговля между Монголией и Китаем; в орде Чингиз-хана жили мусульманские купцы еще до его выступления из Восточной Монголии.

Падение государства кара-китаев было вызвано частью движением из Монголии народа найманов, вытесненного Чингиз-ханом, частью мусульманским восстанием против господства неверных; во главе этого мусульманского движения стал хорезмшах Мухаммед. Победители вступили между собою в борьбу из-за дележа добычи; кроме того, Мухаммед воспротивился освобожденным им мусульманам Туркестана и был вынужден в 1212 г. усмирить потоками крови восстание против хорезмийцев, поднятое самаркандским ханом Османом в полном согласии со своим народом. По мусульманским источникам, хорезмшах был вынужден отказаться в пользу Кучлука найманского от областей за Сыр-Дарьей, причем предварительно опустошил эти области и увел население с собою на юго-запад. По-видимому, это известие несколько преувеличено; по крайней мере, китаец Чан-чунь, проехавший здесь в ноябре 1221 г., упоминает о городе Сайраме и еще о двух городах между этим городом и берегом Сыр-Дарьи и не говорит ни о каких следах опустошения.

Кучлук найманский, несколько лет владевший Семиречьем, частью Сыр-Дарьинской области и Кашгарией, подобно большинству своего народа был христианином; в империи кара-китаев он совратился в идолопоклонство, вероятно в буддизм. В его царствование, в первый и в последний раз в истории Средней Азии, произошло гонение против ислама, по крайней мере в Восточном Туркестане; говорится о казни одного из главных имамов в Хотане и о полном запрещении мусульманского общественного богослужения; мусульманам было приказано принять одежду кара-китаев и для наблюдения за этим были размещены солдаты по их домам. Очевидно, новый властитель, несмотря на раздоры среди бывших мусульманских подданных кара-китаев, видел в исламе опасность для своей державы и боялся, что и против его господства, как прежде против господства гурхана, будет поднято восстание во имя веры. Естественно, что мусульманское большинство населения государства Кучлука (по известиям XIII в., район преобладания ислама начинался тогда на восточной границе Кульджинского края) приняло отряд, посланный в 1218 г. Чингиз-ханом, как освободителей, перебило размещенных по домам жителей воинов Кучлука и много способствовало быстрому успеху монголов.

Остается еще обратить внимание на одно явление истории Туркестана за последние века домонгольского периода, явление, о котором не говорят историки и о котором мы можем судить только по дошедшим до нас вещественным памятникам, именно на расстройство денежной системы. В Туркестане в XI в. начался серебряный кризис¹⁵, постепенно распространившийся на всю мусульманскую Азию,— со включением входившей в ее состав если не в политическом, то в экономическом и в культурном отношении христианской Грузии. Вместо прежних серебряных монет, дирхемов, стали чеканить медные, которым также было присвоено название «дирхем», из чего видно, что они должны были иметь значение кредитной монеты. Чеканка медных дирхемов в Передней Азии началась позже и прекратилась раньше; еще до монгольского нашествия дирхемы там стали чеканить из серебра; в Средней Азии медные дирхемы чеканились еще при монголах, и только во второй половине XIII в. происходит постепенное восстановление серебряной валюты. Кроме медных монет, с XI в. чеканились и золотые, динары, тогда как в X в. в государстве Саманидов продолжала господствовать унаследованная от домусульманских времен серебряная монетная система; деньгами считались исключительно серебряные монеты, и золото принималось только как товар, т. е. на вес; таким же образом в прежних византийских областях продолжала господствовать византийская золотая система. При чеканке золотых и серебряных монет предполагалось, что за один динар будут давать 20 дирхемов; фактически отношение ценности золота к ценности серебра в разное время было различное. Какое впечатление произвела на современников замена серебряной монетной системы в Персии и Средней Азии золотой, неизвестно; во всяком случае динары, чеканившиеся в этих областях в XI в. и позже, по весу и пробе значительно уступали халифским и египетским динарам и не могли, как, например, динары египетских Фатимидов, служить международной монетой наравне с византийскими солидами. Расстройство денежной системы, по-видимому, не отражалось на размерах внешней торговли, которая охватывала все более обширный район и оказывала все более влияния на жизнь народов, находившихся в сношениях с культурной Передней Азией; так, город Болгар на Волге, еще в X в. бывший в сущности ставкой кочевников, в монгольскую эпоху был каменным городом с населением не меньше чем в 50 000 человек. Но характер торговли, конечно, должен был измениться; торговля все более становилась меновой, тогда как до начала XI в., как показывают археологические находки, в России в большом количестве оставались восточные серебряные деньги.

¹⁵ <О денежном обращении и хозяйственной жизни городов Средней Азии в период так называемого серебряного кризиса (XI—XIII вв.) см. Давидович, *Город.*— В. Р.>

Турецкие князья в завоеванных ими областях подчинялись, конечно, влиянию местной культуры, не только имели при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи. В коренных культурных областях Туркестана мы в домонгольскую эпоху не видим никаких попыток создать литературу на турецком языке; такие произведения, как стихи Ахмеда Ясеви и изречения Сулеймана Бақыргани, принадлежали к мусульманской миссионерской литературе, создававшейся для турецкого простонародья распространителями ислама, без воздействия или поддержки каких-либо правительственных властей. В период монгольского нашествия для последнего хорезмшаха Джелаль ад-дина (в самом Хорезме, впрочем, не правившего) была составлена грамматика турецкого языка, в чем, конечно, можно видеть некоторое проявление внимания к тому народу, к которому принадлежал этот государь по рождению. В Кашгаре еще в XI в. была составлена уроженцем Семиречья на турецком языке, но без всякой связи с историческими преданиями турецкого народа, исключительно в духе персидской морали и мусульманского благочестия, дидактическая поэма *Кутадгу билик*. До последнего времени были известны только два списка этой поэмы, гератский XV века, вывезенный потом в Константинополь, где с ним ознакомились европейцы, и каирский; в последнее время был открыт третий список в Намангане; в 1909 г. в Сарайчике на Урале был найден глиняный кувшин с надписями, среди которых оказались стихи из *Кутадгу билик*, из чего можно заключить, что поэма получила более широкое распространение, чем можно было бы думать по ограниченному числу списков. Несмотря, однако, на такое увлечение иранской культурой, правители Туркестана не утратили связи со своими соплеменниками и их языком. Представители династии Караханидов до конца ее существования носили турецкие титулы; кроме того, в официальной терминологии к титулу «султан султанов» и даже к слову «везир» (министр) прибавлялось турецкое прилагательное *улуг* ('великий').

IV

МОНГОЛЬСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО

Монголы, завоевавшие Туркестан в XIII в., были язычниками, совершали человеческие жертвоприношения и вообще находились на гораздо более низком уровне культуры, чем в X в. Караханиды. Монгольское нашествие сопровождалось разрушением городов и страшными опустошениями; но не действия монгольских войск были главной причиной того культурного упадка, который мы наблюдаем в эпоху монгольского владычества и после. От военного разгрома города и целые области оправлялись сравнительно скоро; мы знаем примеры, что города, которые за упорное сопротивление, за убийство монгольского царевича или посла подвергались особенно тяжелой участи и как бы стирались с лица земли, потом восстанавливались и продолжали жить еще несколько столетий, тогда как в местностях, где жители добровольно покорялись завоевателям и потому сохраняли свои города в неприкосновенности, городская жизнь через несколько десятилетий приходила в полный упадок. Из городов по нижнему течению Сыр-Дарьи особенно пострадал во время завоевания Сугнак, где за убийство монгольского посла было перебито все население; между тем в этом городе уже в первой половине XIV в. вновь чеканилась монета, и Сугнак как город существовал еще в XVII в., когда другие города той же области, города, меньше пострадавшие при завоевании, давно уже находились в запустении. С другой стороны, совершенно не пострадали от завоевания города Семиречья и восточной части Сыр-Дарьинской области, где монголы не встретили никакого сопротивления и ни один город не подвергся разгрому; между тем уже в 50-х годах XIII в., через три десятилетия после прихода монголов, отмечается исчезновение некоторого числа городов и увеличение на их счет пастбищ кочевников¹; в XIV в. города на Или, в Чуйской долине, между Чу

¹ <В. В. Бартольд справедливо подчеркивает здесь тот факт, что нередко завоевания кочевников, в данном случае монголов, приводили к превращению цветущих оазисов в степи и к гибели городов не столько непосредственно в результате разрушений во время завоевания, сколько вследствие экономических причин. В обобщающей форме на это указано К. Марксом, отмечавшим, что у кочевников «для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием» (К. Маркс,

и Таласом и на Таласе пришли в полный упадок; в XVI в. от них оставались только развалины, причем уже тогда не имели сведений о точном местоположении отдельных городов и не могли оказать, какому именно городу соответствует та или иная группа развалин. Для благосостояния городов приход сильных завоевателей имел менее губительные последствия, чем постоянное соседство кочевников, хотя бы ничтожных по числу и могуществу, если вследствие политических смут и вообще отсутствия сильной власти городское население не находило защиты против грабителей². Таким же медленным процессом засилья кочевников, без громких завоевательных походов, было вызвано впоследствии исчезновение городской жизни в прилежавших к степи культурных местностях Туркмении, где этот процесс закончился только в XVIII в. Таким образом, культурный упадок объясняется не столько опустошениями, произведенными во время монгольского завоевания, сколько связанным с приходом монголов передвижением кочевых народов и неудачей попыток создать в Средней Азии сильную государственную власть.

Образование монгольской империи не было связано, как вторжение германцев в римские области, с переселением народов³. Подавляющее большинство монгольского народа и после образования империи осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингиз-хан и где его преемники построили для себя столицу на Орхоне. Империя считалась собственностью всего ханского рода, и Чингиз-хан, как глава рода, распоряжался ею как хозяин; выделил при жизни на счет завоеванных земель своих старших сыновей и оставил в наследство младшему свой основной *юрт*, т. е. коренные монгольские земли. Вместе с тем младший сын получил 101 000 монгольского регулярного войска из общего числа 129 000. При выделенных сыновьях были оставлены только небольшие отряды; из них к Туркестану имеют отношение оба старших сына, Джучи и Джагатай (собств. Чагатай), из которых каждый получил по 4000. Степень отдаленности уделов была пропорциональна возрасту царевича; оттого удел старшего сына, Джучи, по мере расширения монгольских завоеваний передвигался все дальше на запад, где в состав его должны были входить все земли, «до которых доходили копыта монгольских коней». Ставка (орда) Джучи находилась на Иртыше, хотя, по некоторым известиям, он провел последние годы своей жизни дальше к западу, в стране кипчаков (половцев); последнее подтверж-

Введение к «Критике политической экономии», — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 188). — В. Р.>

² <В этом рассуждении В. В. Бартольда сказались недооценка им губительных последствий монгольского завоевания, а с другой стороны — влияние несоответствующих исторической истине традиционных в буржуазной науке представлений о кочевниках только как о грабителях. — В. Р.>

³ <Ср. выше, стр. 150, прим. 5.>

дается тем, что его могилу показывали в бассейне Сары-су, на границе между нынешними областями Акмолинской и Тургайской. Орда Чагатай была в Кульджинском крае, к югу от Или; его потомки, подчиняясь влиянию мусульманской культуры, постепенно переносили свое местопребывание в бассейн Сыр-Дарьи и дальше к западу, на Зеравшан, Кашка-Дарью и Аму-Дарью. Ни Джучи, ни Чагатай, ни их преемники не были владельцами сплоченного государства. Чингиз-хан не оставил распоряжений о точном разграничении уделов; столь же мало были определены права главных представителей обеих ветвей по отношению к другим потомкам Джучи и Чагатай и права великого хана, главы всей империи, по отношению к членам всего ханского рода. Как в Римской империи после Диоклетиана, так и в монгольской империи мы видим соединение идеи единства империи с одновременным существованием нескольких носителей верховной власти, с той разницей, что у монголов такой порядок вытекал из идеи родовой собственности. Как род, так и его собственность составляли одно целое; управлять общей собственностью могло одно лицо, если его авторитет признавался всеми, как было при жизни Чингиз-хана, или совещание из нескольких представителей рода и их уполномоченных, как было при преемнике Чингиз-хана, Угэдэе (1229—1241); независимо от границ уделов, этим лицом или этим совещанием назначались правители культурных областей, составлявших главный источник доходов династии; получая свои полномочия от верховной власти, эти правители тем не менее должны были считаться с местными царевичами. По мере ослабления единства рода авторитет местного царевича, часто имевшего возможность распоряжаться местной военной силой, становился сильнее, чем авторитет отдаленного великого хана; ставки местных царевичей становились столицами государств, иногда признававших над собой, хотя бы номинально, верховную власть великих ханов (с 60-х годов XIII в. перенесших свое местопребывание из Монголии в Китай), иногда обходившихся и без такого признания.

Первые признаки ослабления единства империи проявились еще при жизни Чингиз-хана, который собирался идти войной на Джучи, слишком самостоятельно распоряжавшегося в своих владениях; приготовления к походу были остановлены известием о смерти Джучи, последовавшей за полгода до смерти его отца (1227 г.). Верховная власть над уделом Джучи перешла к его второму сыну, Батыю, действовавшему в согласии с преемником Чингиз-хана, Угэдэем. Поход на Россию и Западную Европу был общеимперским предприятием, в котором принимали участие не только потомки Джучи, но представители всех ветвей ханского рода. Среди участвовавших в походе царевичей произошли раздоры; на этот раз междоусобная война была предотвращена беспристрастием Угэдэя, принявшего сторону Батыя против своего собственного сына Гуюка. В кратковременное царствование Гуюка (1246—

1248) произошло движение войска Гуюка на запад, войска Батыя на восток, очевидно с враждебными намерениями друг против друга; Гуюк умер до столкновения войск, по-видимому в местности около реки Урунгу; Батый со своим войском находился в это время в долине реки Или. Под влиянием Батыя верховная власть перешла в род младшего сына Чингиз-хана, Тулуя; партии, совершившей переворот, удалось расправиться со своими врагами из потомков Чагатая и Угэдэя, не прибегая к военным действиям. Царевичи были схвачены в Монголии, на сейме в 1251 г., по обвинению в заговоре; искусное распределение отрядов потомков Джучи на пространстве от Сыр-Дарьи у Отрара до северной части Семиречья и отрядов потомков Тулуя на пространстве от Каракорума на Орхоне до Гучэна в Восточном Туркестане заставило остальных среднеазиатских царевичей покориться без сопротивления. Фактически в империи теперь распоряжались два лица, великий хан Мункэ, сын Тулуя, и Батый и после него его брат Беркай, хотя на монетах и на западе чеканилось имя Мункэ; идея единства империи поддерживалась и во внешних предприятиях, как при совершившемся в это время завоевании Передней Азии.

В 1260-х годах единству империи был нанесен окончательный удар. Произошла вооруженная борьба за престол между двумя братьями Мункэ, из которых один был провозглашен в Монголии, другой в Китае; оба старались подчинить себе Среднюю Азию и посылали туда чагатайских царевичей, не без успеха стремившихся укрепить там монгольскую государственную власть, но, конечно, не в интересах посылавших их, но в своих собственных. Чагатайским царевичам пришлось, однако, уступить верховную власть внуку Угэдэя Хайду, которым на сейме 1269 г., на берегу Таласа, было организовано в Средней Азии особое монгольское государство, обыкновенно находившееся во враждебных отношениях к трем другим, образовавшимся в Китае, Персии и Восточной Европе.

В начале XIV в. сын и преемник Хайду, Чапар, был низложен потомком Чагатая, Тувой, после чего слово *чагатай* сделалось официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского государства. Чагатаями назывались, по имени предка династии, кочевники, составлявшие военную силу «чагатайского» государства; «чагатайским» впоследствии был назван и турецкий литературный язык Средней Азии, окончательно сложившийся уже в государстве Тимура и его преемников. Ни один из других сыновей Чингиз-хана не оставил по себе таких прочных следов в памяти народа; во владениях потомков Джучи, по-видимому, продолжало употребляться в качестве географического и политического термина, как наследие домонгольского периода, слово *кипчак*; впоследствии образовавшийся в восточной части этих владений турецкий кочевой народ назвал себя «узбеками», по имени того хана из потомков Джучи, при котором окон-

чительно установилось господство ислама⁴. Первый по времени документ о границах чагатайского государства по отношению к его соседям — китайская карта 1331 г. На этой карте к чагатайскому государству отнесены южная часть Хорезма с городами Дарганом и Кятом (северная со старым Ургенчем принадлежала потомкам Джучи), берега Сыр-Дарьи до Отрара включительно, остальные культурные области Русского (кроме Туркмении) и Китайского Туркестана с Кульджинским краем до Лукчуна включительно; город Камул, или Хами, находился уже в китайских владениях.

До начала XIV в., несмотря на ряд политических переворотов, управление культурными областями Средней Азии оставалось в руках одного и того же мусульманского семейства, происходившего из Хорезма, вероятно из торговцев этой области. Есть известие, что Махмуд Ялавач и его сын Мас'уд-бек поступили на службу к Чингиз-хану только после завоевания Хорезма монголами, т. е. в 1221 г.; более правдоподобно, что Махмуд Ялавач — тот же Махмуд хорезмийский, который еще в 1218 г. ездил послом от Чингиз-хана к хорезмшаху Мухаммеду (слово *ялавач* значит по-турецки 'посол'); возможно даже, что Махмуд Ялавач — одно и то же лицо с Махмуд-баем, министром последнего кара-китайского гурхана. После монгольского завоевания Махмуд Ялавач некоторое время управлял Мавераннахром, имея местопребывание в Ходженде. Очень вероятно, что его сыну Мас'уду принадлежит надпись, выбитая на скале в ущелье около Ходженда от имени «эмира Мас'уда», с датой «сафар 624 г.» (январь — февраль 1227 г.). Чагатай насильственно удалил Махмуда из его области, чем были нарушены верховные права его брата, императора Угэдэя; считаясь с влиянием Чагатая как старшего в роде после смерти Чингиз-хана и Джучи, Угэдэй довольствовался формальным извинением брата и перевел своего наместника в Пекин, где он умер губернатором в 1254 г. Культурными областями Средней Азии от имени великого хана управлял сын Махмуда Мас'уд-бек, которому были подведомственны области от Гучэна в Китайском Туркестане до Хорезма. Назначенный правителем в конце царствования Угэдэя, Мас'уд-бек сохранял свою власть и после переворота 1251 г. во время двоевластия потомков Тулуя и Джучи; под его управлением были соединены области, находившиеся в сфере влияния великого хана Мункэ, с областями, где государями признавались Батый и после него его брат Беркай. В 60-х годах того же Мас'уд-бека утвердили в его должности сначала чагатайские царевицы, пытавшиеся

⁴ <Ныне признается, что происхождение этнического названия *узбек* еще окончательно не выяснено. Верность предположения о происхождении этого названия от имени золотоордынского хана Узбека остается под вопросом (см. Семенов, *О происхождении и составе узбеков*, стр. 9 и 35—36). О тюркских племенах, по-видимому называвшихся узбеками в конце XIV и в XV в., см. *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 373—375. — В. Р.>

создать в Средней Азии самостоятельное монгольское государство, потом Хайду, осуществивший эту задачу в 1269 г. Мас'уд-бек умер в 1289 г. в Бухаре и был похоронен в построенном им медресе этого города; после него правителями были один за другим его три сына, из которых последний, вступивший в должность в 702/1302-03 г., уже при преемнике Хайду, Чапаре, жил в Кашгаре.

Сеймом 1269 г. были приняты меры для защиты культуры от кочевников. Никем не оспаривалось право каждого члена ханского дома получать свою долю от поступлений с пашен в селах и с ремесленных заведений в городах; стремились только к тому, чтобы эти доходы собирались для царевичей, но чтобы царевичи не вмешивались в их соби́рание и вообще в управление культурными областями, довольствовались своими летовками и зимовками в горах и степях и не подходили к пашням. Еще в начале XIV в. соблюдался порядок, по которому во главе управления всеми культурными областями в совокупности стояло лицо из мусульманского купечества, по назначению главы государства; кроме того, в отдельных областях и городах были свои автономные правители из наследственных княжеских родов домонгольского происхождения (*мелики*) или из высшей аристократии (*садры*). Даже в местности, ближайшей к орде чагатайских царевичей, в Кульджинском крае, продолжала править местная наследственная династия в городе Алмалыке (к северо-западу от Кульджи). По распоряжению Хайду и стоявшего во главе чагатайских царевичей Тувы был построен город Андижан — наглядное доказательство, что высшим правительством монгольского среднеазиатского государства в то время принимались меры для поддержания городской жизни. Насколько жизнь вновь основанного города отличалась от жизни прежних городов, неизвестно; в конце XV в. Андижан отличался от большинства ферганских городов преобладанием турецкого языка. Место во всяком случае было выбрано удачно, так как Андижан сделался главным городом Ферганы и сохранял это значение до XVIII в. К началу XIV в. еще не успела исчезнуть городская жизнь и в Семиречье; так, еще существовал Баласагун; но о каких-либо мерах для поддержания еще существовавших городов и восстановления исчезнувших ничего не говорится.

XIV век положил конец этой сравнительно счастливой эпохе в истории среднеазиатской культуры: Туркестан подвергся той участи, которой подверглась бы Россия, если бы золотоордынские ханы, не довольствуясь взиманием дани, поселились в пределах русских княжеств. Мусульманская культура давно уже оказывала притягательную силу на среднеазиатских ханов; мусульманином был правнук Чагатая; Мубарек-шах, правивший короткое время в 1266 г.; характерно, что провозглашение этого царевича главой чагатайской ветви состоялось на берегу Ангрена, т. е. в одной из коренных областей культурного

Туркестана, а не в тех менее затронутых культурой областях, где находилась орда Чагатая и большинства его преемников. Преемник Мубарек-шаха, отнявший у него престол, Борак⁵-хан, был обладателем наследственного удела в одной из коренных мусульманских областей, именно в Чаганиане (долине Сурхана), но принял ислам только в конце своей жизни, зимой 1270/71 г., в Ташкенте. После этого в течение почти полвека не было попыток чагатайских ханов утвердить свое местопребывание в Мавераннахре; только ханом Кебеком (1318—1326) была облюбована долина Кашка-Дарьи, где уже Чингиз-хан провел лето 1220 г. и где впоследствии был лагерь начальника монгольских военных сил. Кебек выстроил для себя дворец, от которого получил свое название город Карши, прежний Нахшеб, или (у арабов) Несеф (*карши* — слово, заимствованное монголами у уйгуров в значении 'дворец'); городу XIV в. соответствуют развалины Зохаки и Морон, к югу от современного города; дворец, построенный Кебеком, находился от этого города в 2 фарсах, т. е. около 12 верст. Нахшебу домонгольского периода соответствуют развалины Шуллак-тепе, в 16 верстах к северо-западу от современного Карши. Кебек прославляется историками как справедливый государь и покровитель мусульман, хотя сам не принявший ислама; но от его царствования, по всей вероятности, ведет начало тот строй жизни, который мы видим в эпоху возвышения Тимура и который существенно отличается от строя начала XIV в. Местная автономия была вытеснена государственной централизацией, внешним выражением которой была общегосударственная монета, чеканившаяся от имени хана, а не, как прежде, от имени местных меликов. Была введена та же серебряная монетная система, которая раньше была у персидских монголов; прежнее название золотой монеты — динар — было присвоено крупной серебряной, равнявшейся шести мелким (дирхемам); вес дирхема был $\frac{1}{3}$ золотника, вес динара — 2 золотника. По имени Кебека эти монеты и в эпоху Тимура носили название *кебеки*. В управлении система централизации, однако, не была проведена, власть оставалась в руках местных наследственных правителей, с той разницей, что туземных меликов и садров заменили главари пришлых турецко-монгольских родов. Переселяясь в культурную страну и строя для себя дворец, хан порывал со степными традициями, чем естественно вызывалось мятежное настроение среди кочевников; чтобы успокоить недовольных и привлечь на свою сторону представителей главных родов, хан должен был уговорить их последовать его примеру и устроить так, чтобы это было им выгодно. Этим объясняется возникновение в чагатайском государстве, как впоследствии в узбекском, новой удельной системы, существенно отличавшейся от прежней тем, что уделы назначались теперь не представителям хан-

⁵ <Барак.>

ского рода, но главным из турецко-монгольских родов, составлявших военную силу государства. Как и другие сыновья Чингиз-хана, кроме Тулуя, Чагатай получил от своего отца 4000 коренного монгольского войска; начальник одной тысячи был из племени барлас, начальник другой — из племени джалаир; происхождение двух других тысяч автор единственного источника, где говорится об этом разделении, Рашид ад-дин, не мог выяснить. Этим же самым родам, джалаир и барлас, в половине XIV в. принадлежали уделы в Мавераннахре, причем удел джалаиров был в бассейне Сыр-Дарьи, с главным городом Ходжендом, удел барласов — в долине Кашка-Дарьи, с главным городом Шахрисябзом. Упоминаются еще два других рода, по всей вероятности происходившие от начальников двух других тысяч Чагатая. Эти роды были каучины в восточной части бывшего Бухарского ханства, на северной стороне Аму-Дарьи, и арлаты на южной стороне той же реки.

Действия Кебека и его преемников, из которых Тармаширин (1326—1334) сделался мусульманином и окончательно установил господство ислама в монгольском среднеазиатском государстве, должны были вызвать отчуждение между родами, переселившимися с ханом в Мавераннахр, и частью кочевников, оставшейся в восточной части государства. Последствием были смуты, низложение Тармаширина и перенесение местопребывания ханов лет на десять снова на восток. Эти смуты, по-видимому, нанесли окончательный удар городской жизни в Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области. Страна пришла в то состояние, о котором дают наглядное представление слова современника и очевидца: «Издали видим хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаемся в надежде встретить жителей, но находим дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

В 40-х годах XIV в. мы снова видим чагатайских ханов в Мавераннахре. Один из них, Халиль, дервиш ханского происхождения, сначала действовал против монголов в союзе с представителями высшего мусульманского общества, термезскими сейидами, потом разошелся с ними. Брат Халиля, Казан-хан, по примеру Кебека построил для себя дворец в окрестностях Карши, в несколько более значительном расстоянии от города (в 2 переходах, по направлению к западу). Скоро после этого хан был низложен восстанием главарей родов, поселившихся в Мавераннахре; около того же времени в восточной части чагатайского государства возвысились главари рода дуглатов, в состав удела которых входили Кашгария и часть Семиречья к югу от Иссык-Куля. Как главари родов Мавераннахра, так и дуглатские беки возводили на престол подставных ханов; делавшиеся как с запада, так и с востока попытки вновь объединить в одно целое области бывшего чагатайского государства не приводили к прочным результатам; даже Тимуру не удалось подчинить себе восточные области.

Носителями государственной идеи считали себя роды, поселившиеся в Мавераннахре, где кочевники, составлявшие военное сословие, продолжали называть себя чагатаями, даже когда уже не возводились на престол, хотя бы номинально, ханы из потомков Чагатая. Себе, как настоящему ханскому войску, чагатаи противопоставляли кочевников восточных областей как *джете* — монгольский термин, соответствовавший турецкому *казак* и означавший разбойничью вольницу, порвавшую с державой, родом и племенем. С своей стороны, кочевники восточных областей только себя признавали верными хранителями монгольских кочевых традиций, называли себя моголами, свою страну Моголистаном; чагатаи были в их глазах *караунасами*, т. е. метисами, сбродом людей смешанного происхождения, как впоследствии хивинские узбеки называли воинов бухарского эмира таджиками.

Чагатаи и моголы были, таким образом, хранителями степных традиций с двух различных точек зрения — государственной и этнографической, или бытовой. Те и другие, но, конечно, чагатаи в большей степени, должны были считаться со стремлениями, чуждыми степи, именно с мусульманской государственной идеей и мусульманской культурой, причем и мусульманские идеалы понимались различно людьми города и деревни, высшим обществом и народными массами. Действие всех этих элементов можно проследить довольно отчетливо в истории Тимура и его преемников. В дни молодости Тимура хан моголов Туклук-Тимур воспользовался смутами среди чагатайских родов, чтобы на короткое время подчинить себе Мавераннахр. Поражением и бегством чагатайских главарей в борьбе с моголами были вызваны демократическое движение в главном городе Туркестана, Самарканде, и переход власти на короткое время к студентам и рабочим, сумевшим отразить нашествие моголов⁶; чагатайские главари воспользовались этим, чтобы вернуться в Мавераннахр. Демократическое движение было подавлено не открытой силой, а хитростью; руководителям движения было объявлено, что правительство вполне одобряет их действия и питает к ним полное доверие; этим удалось усыпить их бдительность, заманить их в лагерь чагатаев и расправиться с ними. В то же самое время Хорезм воспользовался разложением государств джучидского и чагатайского для восстановления своей политической самостоятельности; образовалась местная династия из отуреченного монгольского рода кунграт; представители этой династии опирались не на кочевые традиции, но на мусульманскую идею. Монеты чеканились с надписью «власть принадлежит богу», без имени местного правителя, чем подчеркивалась мусульманская теократическая идея; той же мусульманской идеей оправдывался отказ подчиниться чагатаям, которых не при-

⁶ <О движении сербедаров в Самарканде в 1365 г. см. Бартольд, *Народное движение в Самарканде*. — В. Р.>

знавали настоящими мусульманами, как сами чагатаи не считали мусульманами моголов. Влиянию мусульманской культуры и связанных с нею идеалов скоро стали подчиняться и сами чагатаи; их главные эмиры или беки, возводившие на престол подставных ханов и фактически распоряжавшиеся государством, один за другим старались создать себе опорный пункт в городе и окружить его стенами; этим пользовались их соперники, чтобы выступить защитниками кочевых традиций, но в случае успеха восстания следовали примеру низложенного ими предшественника. Так поступал и возвысившийся из рода барласов Тимур, построивший укрепления сначала в городах долины Кашка-Дарьи, Шахрисябзе и Карши, потом, после утверждения своего единовластия, в Самарканде. Тимур опирался на чагатайскую военную силу, но преимущественно на свой род барласов, с устранением соперничавших с ним родов; вместо той удельной системы, при которой обладателями уделов были главные чагатайские роды, Тимур восстановил деление государства на уделы между представителями одного правившего рода, причем в Туркестане составляла особый удел и управлялась не из Самарканда обыкновенно только Фергана. Тимур оставался верен степной государственной идее и возводил на престол подставных ханов; для него была придумана легенда, будто такая же власть принадлежала его предкам при Чингиз-хане и его первых преемниках. В то же время Тимур старался привлечь на свою сторону культурное население, особенно его высшие классы и тех из представителей духовенства, которые по своему значению соответствовали садрам XII—XIV веков. Все его завоевательные стремления были направлены в сторону культурной Передней Азии; только там он принимал меры для прочного утверждения своей власти и назначал уделы членам своей семьи; его походы на степные области имели только характер набегов; только в последние годы своего царствования, в связи с задуманным им походом на Китай, он предполагал создать такие уделы в Моголистане. Тимур старался, чтобы его созидательная деятельность, выражавшаяся в постройках и оросительных работах, так же поражала современников, как разрушительная. Увлечение Тимура мусульманской городской культурой наглядно проявилось в том, что построенные им вокруг Самарканда селения получили название по главным городам Передней Азии и Египта: Султании, Ширазу, Багдаду, Дамаску и Мисру (Каиру).

Смерть Тимура (1405 г.) расстроила все его политические планы в Средней Азии, в том числе и план похода на Китай; но объединение Мавераннахра с некоторыми областями Персии под властью потомков Тимура продолжалось еще несколько десятилетий. При некоторых из этих правителей, в особенности при сыне Тимура Шахрухе, мусульманская государственная идея получила решительный перевес над степной; Шахрух хотел быть по возможности для всего мусульманского мира халифом и «султаном ислама», которому сам бог вручил власть над

мусульманами для их блага и для проведения в жизнь предписаний веры и за это спросит с него ответ на страшном суде. Такой идеал был ближе народным массам, чем культурным слоям общества, в том числе и представителям недоступного для масс книжного богословия. Выразителями этого идеала были богословы-подвижники, дервиши правоверных орденов, утвердившихся в Туркестане с XII в. Из среды ордена накшбендиев вышел энергичный политический деятель, ходжа Ахрар, действия которого имели решающее влияние на дальнейшую судьбу Туркестана. «Деревенский шейх», как называли его сторонники городской культуры, вступил в борьбу с культурной, но не вполне согласной с предписаниями религии жизнью, насаждавшейся внуком Тимура Улугбеком при содействии вызванных им в Самарканд ученых и местных представителей книжного богословия; для проведения своих идей ходжа Ахрар выдвинул другого претендента на престол из потомков Тимура; этому претенденту удалось одержать победу с помощью степняков-узбеков, окончательно утвердившихся в это время на нижнем течении Сыр-Дарьи. После 1469 г. Туркестан больше не объединялся с областями Персии под управлением одних и тех же князей, что повело еще к большему упадку культуры. Вместо Самарканда средоточием культурной работы сделался Герат; даже из поэтов, создававших в это время «чагатайскую» поэзию в подражание персидской, самые даровитые жили в Герате, несмотря на отсутствие в Хорасане турецкого городского населения. Обсерватория, построенная Улугбеком в Самарканде, прекратила свою деятельность тотчас после смерти своего строителя. Известия об экономическом состоянии Туркестана свидетельствуют о значительном упадке по сравнению с домонгольским периодом; так, о Фергане говорится, что «при хорошем управлении» доходы с нее были достаточны только для содержания отряда из 3000—4000 человек; не упоминается ни о металлической промышленности, ни о добывании каменного угля. Несколько лучше были условия культурной работы в Хорезме, после Тимура вновь получившем отдельное от Самарканда управление и в то время входившем в состав гератского владения; но и Хорезм страдал от нападения степняков-узбеков, против которых распавшаяся на отдельные княжества держава Тимуридов оказалась бессильной.

УЗБЕЦКИЕ ХАНСТВА

Узбеки окончательно утвердили свою власть в Туркестане в XVI в. После некоторого перерыва, вызванного гибелью в борьбе с персами (1510 г.) первого завоевателя, Шейбани-хана, покорившего и Мавераннахр, и Хорезм, образовались два узбекских государства, разделенных на уделы, одно в Мавераннахре, с главным городом Самаркандом, другое в Хорезме, где главным городом сначала был старый Ургенч. В обеих странах в основу государственной жизни были положены степные традиции; государство считалось собственностью всего ханского рода, члены которого назывались султанами и одного из своей среды, как главу рода, провозглашали «ханом»; преимущественное право на ханство имел старший в роде, но это правило нередко нарушалось; кроме того, бывали случаи, что в царствование того или другого хана ханский титул принимали также могущественнейшие из султанов. Удельная система, господствовавшая в то время в Мавераннахре, ближе всего напоминает порядки удельной Руси XIV и XV веков. Государство было разделено на несколько крупных княжеств, дробившихся в свою очередь на более мелкие уделы; из самых мелких уделов князь по мере смерти своих старших родственников переходили в более крупные. Самарканд считался ханским городом по преимуществу, как Владимир на Клязьме — великокняжеским; но провозглашенный государем всех узбеков владетель не всегда переезжал в Самарканд; иногда он находил для себя более выгодным оставаться в своем прежнем уделе, где в его распоряжении находились достаточные, притом более надежные, силы. Столичное положение Самарканда не мешало ханам, от имени которых чеканились монеты для всего государства, иногда жить в Балхе, Ташкенте и в особенности в Бухаре, как русские великие князья, даже когда значение великокняжеского города еще сохранялось за Владимиром, могли жить в Твери и в особенности в Москве. Постепенно значение столицы Туркестана перешло к Бухаре, с которой еще в XVI в. связали свое имя самые могущественные из узбекских ханов.

В Бухаре военный строй кочевого государства не наложил такого резкого отпечатка на всю жизнь страны, как в Хорезме. Продолжались

литературные работы на персидском языке; историческая литература Средней Азии при узбеках по качеству и количеству стояла даже выше, чем в прежние века; продолжались также работы по созданию переводной и подражательной литературы на турецком языке, в том числе и исторической. На государей оказывали влияние не только идея кочевой державы, но и мусульманская государственная идея; уже основатель узбекского владычества Шейбани называл себя на своих монетах «халифом Милосердного, имамом эпохи». С этой идеей было связано стремление управлять государством в духе религиозного законодательства — шариата, стремление, более сближавшее государей с народными массами и ее идейными представителями, дервишами, чем с высшим сословием. С этой точки зрения идеальным правителем в духе мусульманского благочестия признавался Убейдулла-хан (правил в Бухаре с 1512 г., стоял во главе всех узбеков с 1533 г., умер в 1539 г.). Строй государства оставался строем кочевой державы, но в нем, наряду с родовыми главарями кочевников, занимали почетное место представители религии; так, при возведении на престол нового государя соблюдался языческий, унаследованный от монголов обряд вознесения на войлоке, но в выполнении этого обряда принимали участие дервишские шейхи. Частые смуты и борьба между князьями за уделы не давали, однако, возможности отдельным правителям осуществлять идеал справедливого и сильного государя, заботящегося о благе своих подданных и защищающего их против всяких врагов. Единственным исключением было правление Абдулла-хана (владел Бухарой и фактически был главой узбеков с 1557 г., был провозглашен ханом в 1583 г., умер в 1598 г.), которому удалось объединить под своей властью не только все узбекские княжества в Мавераннахре, но также Хорезм и Хорасан, создать сильную власть, хотя и крайне жестокими средствами, и соединить военную славу со славой устроителя своей страны. Им принимались меры для восстановления и улучшения монетного дела, оросительных систем, общепользных построек и т. д.; в настоящее время народным преданием остатки всех сколько-нибудь выдающихся сооружений связываются или с именем Тимура, или с именем Абдулла-хана.

Государственные стремления Абдулла-хана не имели прочных результатов; созданное им государство распалось тотчас после его смерти; прекратилось и господство рода Шейбани; власть перешла к новой династии Аштарханидов, или Джанидов. При первых Аштарханидах мы видим ту же удельную систему, как раньше, с делением государства между членами ханского рода. В рассказе о делении государства, произведенном основателем новой династии Джан-Мухаммед-ханом, говорится только о делении на шесть уделов со включением Самарканда, который хан взял себе; остальные пять уделов были Бухара, Сагардж (к северо-западу от Самарканда, верстах в 4 к западу от современного большого селения Яны-Курган), Ура-Тюбе, Шахрисябз и Хузар. Это

перечисление уделов наглядно показывает, насколько сократились пределы ханства в связи с падением династии Шейбанидов. Утрата северных и восточных областей объясняется возобновившимся еще в XVI в. движением степняков на культурные области. Еще в конце царствования узбекского хана Абулхайра (1428—1468) возмущившиеся против этого хана и ушедшие на восток кочевники получили название «казаков», и это слово, первоначально означавшее разбойничью вольницу, постепенно сделалось народным названием. Несмотря на свое название, казаки не отвергали ни традиций степной государственности, ни прав потомков Чингиз-хана. Как среди узбеков, так и среди казаков потомки Чингиз-хана назывались «султанами», но вместо отдельных династий мы видим в степи многочисленное сословие султанов, называвших себя «белой костью» и противопоставивших себя «черной кости» — народным массам. От времени до времени среди казаков появлялись могущественные ханы, которым иногда удавалось подчинить себе и восточных соседей казаков — киргизов (потом известных под названием кара-киргизов), но ни казакам, ни киргизам не удалось достигнуть прочного политического объединения, возможного для кочевников только при условии обширных завоеваний в культурных странах. Казахские ханы могли подчинить себе только пограничные местности культурного Туркестана, причем и за эти местности им постоянно приходилось вести борьбу с узбекскими ханами, иногда и с местным населением, во главе которого становились представители сословия ходжей, о которых будет упомянуто дальше. В своих степных кочевьях казаки и киргизы¹ были стеснены калмыками, образовавшими в XVII в. сильную кочевую державу, последнюю в истории Средней Азии. Завоевания калмыков коснулись и Туркестана; с 1723 г. им в течение некоторого времени был подчинен Ташкент.

О царствовании некоторых ханов XVII в., до Абд ал-Азиз-хана (1645—1680) включительно, впоследствии вспоминали, как о времени твердой власти, порядка и благосостояния. Правительственная власть все больше сосредоточивалась в Бухаре; по временам бухарским ханам удавалось подчинить себе области бассейнов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, но вообще эти области жили своею жизнью. Такой сильной личности, как Абдулла-хан, на престоле больше не было; власть все больше переходила из рук ханов в руки главарей узбекских родов. Представители этой военной аристократии, с *аталыком* во главе, не-

¹ <Выражение «степные кочевья» правильно в отношении казахов, но вряд ли применимо к киргизам XVI—XVII вв. Тогда киргизы жили, как и впоследствии, в горах и предгорьях Тянь-Шаня и пасли свой скот не на степных, а на горных пастбищах. Примечательно, что в сочинении *Бадай ат-таварих*, написанном одним из садров при хане Абд ал-Азизе, встречается разъяснение названия *киргиз*, позволяющее предполагать, что во всяком случае в XVII в. термин *киргиз* употреблялся в Средней Азии в значении 'горец'. См. об этом подробнее ниже, стр. 510, прим. 26. — В. Р.>

редко пользовались членами ханского рода, как орудием для достижения своих целей; борьба с такими правителями заставила нескольких ханов уступить престол при жизни своим наследникам. Некоторые аталыки располагали огромными средствами и оставили по себе больший след своими постройками, чем ханы. Таков был аталык Ялантуш-бий, из рода алчин, происходивший из местности по нижнему течению Сыр-Дарьи и в двенадцатилетнем возрасте поступивший на службу к Дин-Мухаммед-хану. Выдававшиеся им ассигновки ценились наравне с ассигновками казны; ежегодно ему посылались ценные дары из Индии, Кандагара, Хорасана, от киргизских, калмыцких и казацких главарей, от кашгарских ханов и даже из Тибета. Всеми этими средствами он пользовался для содержания войска и для построек. Благодаря набранной им военной силе он в три похода покорил Ташкент и Туркестан, тогда как Абдулла-хан достиг той же цели только после седьмого похода и получил в свое распоряжение только опустошенную страну. Из построек Ялантуш-бия особенно выдаются медресе Ширдар и Тилля-кари в Самарканде, мало уступающие зданиям, построенным могущественными властителями Средней Азии. Сооружение таких зданий в XVII в. показывает, что культурная жизнь Туркестана в это время еще не находилась в полном упадке. О продолжении культурной работы свидетельствуют и литературные труды того времени; составлялись обширные труды по истории и мусульманскому праву, свидетельствующие если не о творчестве в области научной мысли, то об основательном знакомстве с трудами прежних ученых; характерен самый факт, что бухарский ученый XVII в. мог писать о перипатетиках и стоиках.

С упадком династии Аштарханидов для страны наступили более тяжелые времена. Главари из кочевых родов из ханских наместников сделались наследственными удельными князьями; как в XIV в., деление на уделы между членами ханского рода сменилось делением на уделы между отдельными родами. Вражда между соседними и могущественными родами иногда переходила из поколения в поколение и наносила существенный вред благосостоянию страны; особенным упорством отличалась вражда между мангытами в Карши и кенегесами в Шахрисябзе. Многие из таких *хакимов* или *беков* (по киргизскому² произношению — *биев*) фактически не подчинялись ни хану, ни аталыку; кроме того, казаки воспользовались смутным временем для своих набегов. Из всех городов Туркестана более всего пострадал от смут XVIII века Самарканд. Когда в 1722 г. Ибрахим-бий, главарь кенегесов, встал против Абу-л-Фейз-хана и выставил другого претендента на ханский престол, Реджеба, из «туранских», т. е., вероятно, казацких султанов, казаки присоединились к войску претендента, приняли участие в борьбе с бухарским правительством и под этим предлогом

² <Казахскому и киргизскому.>

грабили страну. Бывшая столица Тимура совершенно опустела; в 1740 г., во время похода Надир-шаха, в Самарканде совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств. В 1752 г., когда аталык (в 1756 г. принявший ханский титул) Мухаммед-Рахим принял меры для восстановления города, присланные мешки с провиантом были сложены в медресе, где тогда совершенно не было студентов.

Участь Самарканда, однако, не может считаться характерной для всего Туркестана, и кризис XVIII века в Бухарском ханстве отразился на благосостоянии населения и на городской жизни в меньшей степени, чем в Хивинском. В 1740 г. ханство добровольно подчинилось Надир-шаху и потому не подверглось военному разгрому. В столице ханства, Бухаре, кризис, насколько известно, не оказал никакого влияния ни на размеры города, ни на количество населения. О полном исчезновении городской жизни, как в Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области в XIV в., не могло быть и речи; местными беками и хакимами строились даже новые города, из которых некоторые, как Катта-Курган на Зеравшане и Ширабад в бассейне Аму-Дарьи, впоследствии достигли значительной величины.

В Хорезме узбецким нашествием еще в XVI в. был вызван более существенный упадок культуры, чем в Мавераннахре. Область и в XIII в. медленнее, чем Мавераннахр, оправлялась от опустошений, произведенных монголами. Главный город Ургенч (ныне старый Ургенч) был восстановлен скоро после монгольского нашествия и сделался еще более значительным торговым центром, чем прежде; но еще через 100 с лишком лет после нашествия, во время путешествия араба Ибн Баттуты, на пространстве между Ургенчем и культурной полосой Бухары не было никаких населенных пунктов, кроме Кята. В конце XIV в. Хорезм и его столица пострадали от нашествия Тимура, которым насильно были переселены в Самарканд ученые и художники; в 1388 г. город был подвергнут полному разрушению; в 1391 г. было разрешено восстановить его, но это разрешение относилось только к одному кварталу. В XV в. Хорезм несколько раз переходил из рук Тимуридов в руки узбецких ханов и обратно. Все это не могло не отразиться на численности первоначального земледельческого населения. Хивинский хан и историк Абулгази противопоставляет пришельцам-узбекам туземцев-сартов, но преимущественно как горожан, жителей Ургенча и некоторых других более значительных городов, в особенности Хивы и Хазараспа. Из слов Абулгази можно даже заключить, что возделыванием пашен в окрестностях Ургенча занималось только военное сословие, узбеки. Ургенч еще в половине XVI в. оставался большим городом, но в 70-х годах того же столетия ему был нанесен смертельный удар стихийным бедствием — поворотом реки Аму-Дарья. Протекавший мимо старого Ургенча рукав высох; для жителей города в 1645 г. был

выстроен новый Ургенч в южной части ханства, унаследовавший от старого его торговое значение; до сих пор Ургенч остается «важнейшим оптовым торговым центром ханства, складочным местом разнообразных товаров и местопребыванием богатого купечества»³. По своей торговой деятельности жители Хорезма в эту эпоху, однако, значительно уступали бухарцам; русские и по их примеру западные европейцы стали употреблять термин «бухарец» в смысле «горожанин Средней Азии, торговец». Тот же термин был распространен и на не имевшую в своей политической жизни ничего общего с Бухарой Кашгарию, которую стали называть «Малой Бухарией». Только в XIX в., по инициативе английских исследователей, термины «Великая» и «Малая Бухария» были заменены терминами «Западный» и «Восточный Туркестан». Старый Хорезм называли Ургенчским или, после перенесения столицы на юг, в Хиву, Хивинским ханством и описывали как страну по преимуществу земледельческую. В этом отношении узбеками, как показывают произведенные при узбекских ханах грандиозные оросительные работы, не были нарушены старые культурные традиции; даже внутренние смуты, по-видимому, меньше отражались на земледелии, чем на торговле, которой наносили существенный вред распадение государства на мелкие уделы и стремление каждого удельного князя облагать пошлиной провозившиеся через его область товары; таким же поборам подвергались даже проезжавшие через хивинские владения послы к бухарским ханам или другим владетелям. Роль культурного и вообще гражданского элемента в сравнении с военным сословием и духовенством была до такой степени ничтожной, что при торжественных приемах главные гражданские сановники, везир (впоследствии называвшийся мехтером) и кушбеги, должны были стоять, тогда как лица, занимавшие военные и духовные должности, сидели. Из представителей духовенства самым большим влиянием пользовались, как и в Бухаре, шейхи дервишских орденов; один из них, потомок шейха Сейид-Ата, после завоевания Хорезма персами уговорил население восстать против персидского господства и призвать узбекских князей; другой потомок того же шейха в 1622 г. примкнул к сыновьям Араб-Мухаммеда, восставшим против отца, причем царевичи, как бывало и в Бухаре, были только орудием в руках узбекской родовой знати. Представители духовенства, особенно дервишских орденов, вообще не раз принимали участие, на стороне аристократии, в борьбе между престолом и узбекской военной аристократией, борьбе, которая в Хорезме велась еще с большим ожесточением, чем в Бухарском ханстве. Старший сын и преемник Араб-Мухаммеда, Исфендияр-хан, в 1623 г. с помощью туркмен произвел массовое избиение узбеков; в отместку за это в 1645 г., в начале царствования Абулгази, было произведено

³ <Масальский, *Туркестанский край*, стр. 754.>

массовое избиение туркмен. Такие события не могли не содействовать одичанию нравов. В противоположность Бухарскому ханству, в Хорезме в XVII в. не было никакой литературной деятельности. Хан Абулгази был принужден сделаться сам историком своей династии, так как среди его подданных не было никого, кому он мог бы поручить составление такого труда; сравнительно высокий образовательный уровень самого Абулгази объясняется тем, что ему пришлось провести десять лет в Персии. Влияние персидской культуры сказалось и в том, что хан думал перевести свой исторический труд, составленный по-турецки, на персидский язык. На преемника Абулгази, Ануша-хана (1663—1687), оказала влияние даже персидская государственная идея; после взятия Мешхеда он принял титул шаха; следом этого события остается построенная этим ханом крепость Шахабад (букв. 'Постройка шаха') и проведенный в этой крепости в 1681 г. магистральный шахабадский канал. Все эти сооружения преследовали только утилитарные цели; построек, которые бы отличались художественными достоинствами, в пределах Хивинского ханства не воздвигалось ни в XVI, ни в XVII, ни в XVIII веках⁴.

В XVIII в. Хивинскому ханству пришлось пережить еще более тяжелый кризис, чем Бухарскому. Со смертью Ануши пресеклась династия; власть скоро перешла в руки инаков, соответствовавших бухарским аталыкам; ими приглашались потомки Чингиз-хана, чаще всего из киргизских⁵ степей, и возводились на престол, в качестве подставных лиц, но быстро сменялись; бухарский историк Абд-ал-Керим называет этот обычай «игрою в ханы». При нашествии Надир-шаха в 1740 г. Хива, в противоположность Бухаре, оказала персидскому завоевателю упорное сопротивление и за это дорого поплатилась; по приказанию Надир-шаха хан Ильбарс был убит вместе с 20 узбекскими главарами. После Надир-шаха продолжались прежние неустройства. Еще раньше в Хиве, как и в Бухаре, произошло разделение ханства на уделы между главными родами, и главари этих родов сделались наследственными хакимами. Что в Хивинском ханстве идея родового строя была сильнее, чем в Бухарском, видно из того, что название родов получили не отдельные небольшие селения, как в Бухаре, но значительные города (Кунграт, Мангыт, Кипчак, Нукуз и другие); очевидно, каждый род при переходе к оседлости еще сознавал себя единым целым и не рассыпался на мелкие селения. Такая удельная система привела, как и в Бухаре, к политическому распадению ханства; в Арале, т. е. в дельте Аму-Дарьи с главным городом Кунгратом, обыкновенно был свой хан, независимый от Хивы; последнее восстание

⁴ В хивинской истории упоминается медресе Араб-Мухаммед-хана (1602—1623) и несколько построек, воздвигнутых при Эренк-хане (1689—1694).

⁵ <Казахских.>

в Кунграте, с провозглашением особого хана, относится к 1858—1859 гг. Помимо смут среди узбеков, страна разорялась набегами туркмен, особенно йомутов⁶; борьба с йомутами продолжалась до последнего времени; даже события войны и революции были использованы йомутами для нового разграбления Хивы⁷. О состоянии страны в начале второй половины XVIII в. хивинский историк говорит, что «деревни и пашни обратились в леса и заросли, озера в тростниковые болота»⁸. Не могло быть речи даже о сохранении благосостояния главного города, хотя бы в той степени, как в Бухаре. В Хиве пришли в упадок все постройки; число жителей уменьшилось до 40, по некоторым известиям до 15 семейств; пятничное богослужение иногда происходило в присутствии всего 3—4 человек⁹.

XVIII век был критическим для всего мусульманского мира; такой же период смут и анархии пережила Персия после взятия афганцами Исфахана (1722 г.) и в особенности после убийства Надир-шаха (1747 г.) и смерти Керим-хана (1779 г.). В Европе XVIII век был, напротив, веком прогресса и реформ, окончательно утвердивших первенство европейской культуры и положивших начало господству европейцев на всем земном шаре. События экономической жизни Европы не могли остаться без влияния на мусульманский мир, с которым все же происходили торговые сношения; увеличением количества золота в Европе вследствие открытия и разработки бразильских копей, вероятно, следует объяснить, что именно в смутный период XVIII века в Персии и Средней Азии, впервые после монгольского нашествия, вновь стала чеканиться и вошла в обращение золотая монета. Даже монетная реформа Абдулла-хана ограничилась улучшением серебряной теньги; в XVIII в. золотая монета, тилля, получила такое распространение, что в литературе встречается много примеров счета на тилли при определении цен товаров, особенно в оптовой торговле, величины податей, доходов от вакуфов и т. п.

Примером развития благосостояния благодаря внешней торговле, несмотря на внутренние смуты, может служить история Ферганы и Ташкента в XVIII в. В Фергане последствием борьбы между казаками и узбеками был переход власти на короткое время к концу XVII в.

⁶ <В. В. Бартольд крайне односторонне говорит здесь о взаимоотношениях Хивинского ханства с туркменами, сводя их к набегам йомутов. В 1855—1867 гг. происходило восстание хорезмских туркмен против гнета ханских властей; есть основания считать его одним из самых крупных народных движений в Средней Азии в XIX в. См. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 197—228. — В. Р.>

⁷ <В. В. Бартольд имеет в виду события, связанные с Джунaid-ханом. Об этих событиях см. *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 2, стр. 384. — В. Р.>

⁸ <Муниис, рук. ИНА С 571, л. 85 а. В переводе Иванова: «Все пахотные земли, а также селения и озера превратились в густые поросли камыша и леса» (МИИТ, II, 337). — В. Р.>

⁹ <Муниис, рук. ИНА С 571, л. 85 а. МИИТ, II, 337.>

в руки местного знатного сословия ходжей, мнимых потомков пророка и местных святых. В средние века ходжи как сословие не играли политической роли; письменные генеалогии, на которых теперь основываются их притязания, носят на себе явные следы подделки. В узбекский период ходжи на всем пространстве Туркестана, со включением Хивинского ханства, образовали замкнутое сословие, резко противопоставляющее себя народным массам; слово *караджу*, как называется простой народ в противоположность ходжам, при монголах означало всех вообще подданных в противоположность ханскому роду. Ходжи женились сами на дочерях ходжей и дочерях караджу, без различия, но неохотно выдавали своих дочерей за караджу, так как потомки от такого брака, каково бы ни было их происхождение по мужской линии, приобретали все права потомков пророка, сейидов. Честь быть сейидом ценилась так высоко и ходжи так мало были склонны допустить в свое сословие путем таких браков посторонних лиц, что в XIX в. даже государям приходилось насильно брать себе в жены девушек из ходжей, чтобы будущие государи могли называть себя «сейидами». Таково происхождение этого титула, который носили в XIX в. многие государи во всех трех ханствах этого времени — Бухарском, Хивинском и вновь образовавшемся Кокандском.

Захват власти ходжами в Фергане произошел, может быть, не без влияния событий в соседней Кашгарии, где власть еще раньше перешла от ханов, производивших свой род от Чагатая, к ходжам, потомкам шейха Махдум-и А'зама (ум. в 1542 г.), происходившего из ферганского селения Касана и похороненного в самаркандском селении Дахбиде. Местопребыванием ходжей, управлявших Ферганой в конце XVII в., было селение Чадак к северу от Сыр-Дарьи. Около 1710 г. они были свергнуты Шахрух-бием, главой узбекского рода мин¹⁰, построившим город Кокан (впоследствии это название, несомненно употреблявшееся в живой речи, было заменено литературно правильной формой Хоканд), на месте селения Хоканд, существовавшего здесь в средние века. Впоследствии, в XIX в., потомки Шахруха распространили свою власть почти на весь бассейн Сыр-Дарьи и на часть степей Сыр-Дарьинской области и даже Семиречья; доходами от других областей они могли пользоваться для построек и грандиозных оросительных работ в Фергане. Впервые в истории были проведены каналы из Кара-Дарьи и Нарына, тогда как прежде, даже в эпоху Саманидов, те же местности орошались только каналами, проведенными из северных и южных притоков Сыр-Дарьи; по размерам орошенной площади каналы, проведенные при кокандских ханах, занимают исключительное место в истории Туркестана, и даже при русском владычестве не было произведено никаких работ, которые могли бы быть приравнены к ним. Но

¹⁰ <Минг.>

еще в XVIII в., когда представители рода мин владели только Ферганой и Ходжендом и еще не принимали ханского титула, мы можем наблюдать некоторые факты, указывающие на экономический прогресс населения. Помимо столицы беков, Коканда, возник новый значительный город в северной части области, Наманган, еще в XVII в. бывший только селением в окрестностях Ахси и в XVIII в. упоминаемый в числе ферганских городов¹¹. Из отраслей сельскохозяйственной промышленности после долгого перерыва вновь было насаждено, под китайским влиянием, шелководство. Таким образом, еще в XVIII в. было положено начало тому исключительному значению Ферганы в экономической жизни Туркестана, которое она сохраняла до революции.

Ташкентские ходжи упоминаются еще под 1709 г. наравне с ханами казаков как лица, имевшие власть в своем городе; они извещали бухарского хана Убейдуллу о действиях калмыков и получали от этого хана грамоты, почетные одежды и подарки. В 1723 г. Ташкент должен был подчиниться калмыкам, но и после в нем продолжал управлять, в качестве вассала калмыцкого хун-тайчжи, прежний казацкий хан Джулбарс, убитый около 1740 г. В 1747 г. в Ташкенте упоминается хаким Бахадур-бек, вероятно из узбеков; по-видимому, он враждовал с ходжами; в 1749 г. он был убит, после чего ташкентские ходжи разграбили имущество его родственников. Так как убитый был вассалом и союзником калмыцкого хун-тайчжи, то брат убитого обратился к калмыкам с просьбой о помощи и получил от них войско; ему удалось взять Ташкент. К калмыкам в Ташкент прибыли искать защиты узбеки из Нура и Сагарджа, жаловавшиеся на действия бухарского аталыка Мухаммед-Рахима; для расследования этих жалоб было отправлено калмыцкое посольство в Бухару, где, однако, удалось достигнуть соглашения между калмыками и бухарским правительством. Падение калмыцкого государства, завоеванного после 1755 г. китайцами, усилило смуты в киргизских¹² степях, что вызвало резню между казаками и сартами, но только около 1780 г. в Ташкенте удалось установить свою власть одному из местных ходжей, Юнусу, потомку местного святого Шейх-Антаура (Шейх Хавенд-и тухур, XIV в.). Первоначально Юнус был только хакимом Шейхантаурской части и вел борьбу с хакимами трех других частей; своим успехом в этой борьбе он был обязан, по преданию, единственной пушке, отлитой из отобранной у населения медной посуды. Столь же успешно он воевал с казаками и к концу XVIII в. распространил свою власть на север до Туркестана и Чимкента (только к этому времени сделавшегося городом); к Чимкенту

¹¹ Еще в 1696 г. в официальном документе упоминается Ахсикетский вилайет; в 1758-59 г., по китайским сведениям, Наманганское бекство было одним из четырех (три других — Андижанское, Маргеланское и Кокандское), на которые разделялась Фергана (Валидов, *Некоторые данные*, стр. 112 и 114).

¹² <Казахских.>

перешло значение прежнего центра этой местности, Сайрама, ныне селения, но еще в 1735 г. считавшегося «немалым городом». Победитель казаков, однако, потерпел поражение в борьбе с кокандскими узбеками; вскоре после его смерти, незадолго до 1810 г., Ташкент окончательно был завоеван кокандцами¹³. К последним временам правления Юнуса относится рассказ Бурнашева и Поспелова, бывших в Ташкенте в 1800 г.; из этого рассказа видно, что только что пережитые Ташкентом внутренние смуты и борьба с казаками не помешали ему сделаться значительным городом, более значительным, чем он был в средние века. По определению Бурнашева и Поспелова, в Ташкенте в то время считалось до 10 000 домов и до 40 000 населения мужского пола. Под властью кокандских ханов Ташкент сделался еще более значительным торговым пунктом и еще более многолюдным городом; по подсчету А. К. Гейнса, в нем к началу второй половины XIX в. было до 20 000 домов и до 150 000 человек жителей. Тем же А. К. Гейнсом упоминается селение Ногай-курган, к югу от города, по дороге в Чиназ; как показывает его название, оно было основано ногаями, как называют в Туркестане приволжских татар. По словам П. И. Пашино, проехавшего мимо Ногай-кургана (деревня оставалась влево от дороги) в 1866 г., эта деревня была замечательна как «единственное место во всем здешнем крае, где разводят картофель»¹⁴. В области сельского хозяйства разведение картофеля и теперь считается одним из самых существенных признаков влияния европейской культуры; таким образом, отмеченный путешественником факт, несмотря на всю свою незначительность, может служить доказательством, что роль татар в деле насаждения европейской культуры среди своих туркестанских соплеменников и единорверцев началась еще до русского завоевания.

Восстановление в Туркестане в конце XVIII в. некоторого порядка и благосостояния связано с образованием трех ханских династий в Бухаре, Хиве и Коканде, как в Персии с возникновением каджарской династии и ее столицы — Тегерана. В Туркестане во всех трех случаях ханский титул был принят правителями, не происходившими по мужской линии от Чингиз-хана, что находилось в противоречии с идеей кочевой монархии, как она была унаследована от монголов. До принятия ханского титула представители всех трех династий, фактически захвативших власть, находили нужным, подобно Тимуру, действовать от имени подставных или (в Коканде) предполагаемых ханов; сила традиции была так велика, что в Бухаре и Хиве после первых представителей новых династий, принявших ханский титул, их преемники довольствовались более скромными титулами и вернулись к обычаю

¹³ <Точная хронология этого события не установлена. Сопоставление сведений из источников, освещающих завоевание Ташкента кокандцами, см. Иванов, *Казахи и Кокандское ханство*. — В. Р.>

¹⁴ Пашино, *Туркестанский край*, стр. 98.

возводить на престол подставных государей из потомков Чингиз-хана; только после этого промежуточного периода, наглядно свидетельствующего о колебаниях в среде самого правительства, окончательно установился новый порядок вещей.

Первый случай принятия ханского титула представителем новой династии произошел в Бухаре в 1756 г. Аталык Мухаммед-Рахим, унаследовавший это звание от отца и деда, перед этим, подобно другим главарям кочевников, был беком для узбеков и эмиром для таджиков; после устранения последних представителей династий Аштарханидов, Абу-л-Фейза (1747 г.) и его сына Абд ал-Мумина (1748 г.), им были возведены на престол, в качестве подставных ханов, сначала Убейдулла, сын Шах-Тимур-султана хорезмийского, потом Абулгази, также, по всей вероятности, не находившийся в родстве с Аштарханидами. Вопрос о провозглашении ханом самого Мухаммед-Рахима был возбужден осенью 1756 г. бухарским духовенством; этому предшествовала женитьба Мухаммед-Рахима на дочери Абу-л-Фейз-хана; тем не менее аталык объявил, что вопрос должен быть решен всенародным собранием, которое и было созвано, причем в нем, кроме узбекских вельмож, начальников войска и чиновников, принимали участие казиты, сейиды и даже выдающиеся люди из «ремесленников и подданных». При обряде вознесения нового хана на белом войлоке возвратились к обычаю, соблюдавшемуся при Шейбанидах; войлок, на котором сидел хан, был поднят при участии сейидов, казиев и ходжей, тогда как при Аштарханидах в этом обряде принимали участие только беки четырех главных узбекских родов. Уже в этом факте можно было бы видеть указание на будущую политику мангытской династии; однако ни Мухаммед-Рахим-хан, ни его дядя и преемник Даниял-бий не были ревнителями шариата, как последующие бухарские эмиры. О Мухаммед-Рахим-хане один из историков мангытской династии, Мухаммед-Я'куб бухарский, говорит, что хан совершенно искренне не различал запрещенного от дозволенного, и не все его действия были согласны с шариатом, но он меньше нуждался в средствах, чем его преемники, и оказывал больше благодеяний своим подданным. Даниял-бий, по словам того же историка, также пользовался славой щедрого и гуманного правителя, хотя мало вникал в государственные, особенно в финансовые дела; обо всех делах он советовался с улемами и без них «не делал ни шагу», но в то же время при нем продолжали действовать многие новшества и поборы, отмененные только в конце его правления. Даниял не последовал примеру своего предшественника, не принял ханского титула и довольствовался званием аталыка; ханом при нем снова был объявлен Абулгази, от имени которого чеканилась монета. Не принимал ханского титула и его преемник Шах-Мурад, называвший себя эмиром, не только в том смысле, как принимали этот титул турецкие беки, но в смысле халифского титула *эмир ал-муминин* ('повелитель правоверных'). За свою

ревность к шариату и заботу о строгом благочестии Шах-Мурад получил прозвание «безгрешный эмир» (*амір ма'сӯм*). Еще при жизни Даниял-бия Шах-Мурад резко отмежевал себя в этом отношении от отца и братьев, вступил в число дервишей и сделался учеником шейха Сафара. Шейх сначала отказался принять его, как сына тирана, и потребовал от него, чтобы он в знак покаяния и разрыва с обычаями своих родственников принял на себя исполнение унижительных обязанностей на базаре; Шах-Мурад подчинился этому требованию, чем навлек на себя гнев отца. По словам Мухаммед-Я'куба, Даниял-бий, вообще отличавшийся резкостью и грубостью в выражениях, бранил Шах-Мурада за вмешательство в дела управления, его братьев за развратный образ жизни; тем не менее старый аталык был вынужден подчиниться требованиям своего благочестивого сына, чем и объясняются слова Мухаммед-Я'куба об отмене «новшеств» в конце правления аталыка.

Под предлогом ревности к шариату Шах-Мурад еще при Даниял-бие лишил жизни главных сподвижников своего отца, кушбеги Даулет-бия (по происхождению раба, сделавшегося министром еще при Мухаммед-Рахиме) и главного казия, обвиненного в том, что им был принят персидский обычай — курить кальян. Влияние Шах-Мурада было настолько сильно, что Даниял был вынужден назначить его своим преемником. Еще раньше Шах-Мурад был назначен хакимом Самарканды и принял меры к восстановлению благосостояния этого города. Во время своего царствования (1785—1800) им были восстановлены оросительные системы на Зеравшане, Аму-Дарье и Кашка-Дарье; Мухаммед-Я'куб приписывает ему даже заботу о восстановлении разоренного им же самим Мерва, но это, по-видимому, неосновательно; другой бухарский историк, Абд ал-Керим, говорит только о благодеяниях, оказанных Шах-Мурадом жителям города, уведённым им в плен в Бухару (первый свой поход на Мерв Шах-Мурад совершил еще в самом начале своего царствования, в 1785 г., несмотря на то что Даниял-бий был другом мервского правителя Байрам-Али-хана и называл его своим сыном). Мервцы будто бы были вполне довольны своим положением, сделались из шиитов благочестивыми суннитами и принесли на свою новую родину некоторые «изобретения и дела», неизвестные там прежде. Вероятно, это относится к шелководству, восстановленному в конце XVIII в. в Бухарском ханстве под влиянием Персии, как в Кокандском под влиянием Китая. Шах-Мурад говорил, что не признает иных законов, кроме религиозного права, ни в чем не походит на своих предшественников и ставит себе в образец только «праведных халифов»; свои личные расходы он покрывал только из тех государственных доходов, которые с точки зрения мусульманского права признавались единственными законными, именно из джизьи — подати, собиравшейся с иноверцев (в Бухарском ханстве с евреев); эта подать — единственная, установленная Кораном. Полного разрыва со степными государ-

ственными традициями не было, однако, ни при благочестивом эмире Шах-Мураде, ни при его еще более благочестивом сыне и преемнике Хайдере (1800—1826). Шах-Мурад женился на вдове Мухаммед-Рахим-хана, дочери Абу-л-Фейз-хана; рожденный от этого брака эмир Хайдер был, таким образом, потомком Чингиз-хана и, как показывает надпись на одной из его печатей, придавал этому такое же значение, как происхождению от пророка и званию сейида. В надписи на другой печати Хайдер назван преемником «хана-мученика» Абу-л-Фейза, несмотря на то, что убийство этого хана было делом мангытской династии. Шах-Мурад в начале своего царствования освободил жителей Бухары от «алыка и салыка», т. е. от подати, взимаемой по числу домов, и дал им «грамоту на тарханство»; из этого видно, что даже этот ревнитель шариата считал нужным оправдывать свои мероприятия ссылкой на нормы степного права, а не на постановления шариата. Оросительные работы, выполненные по приказу Шах-Мурада в самаркандском районе, послужили на пользу узбекам, по-видимому занявшим земли, покинутые во время предшествующего смутного периода исконным таджикским населением. По исследованию В. Л. Вяткина¹⁵, та «масса турецких названий», которую мы находим теперь в долине Зеравшана, «обязана своим происхождением, главным образом, последнему столетию». Оросительными работами Шах-Мурада был ускорен процесс вытеснения земледельцев-таджиков переходившими к оседлости кочевниками-узбеками, начавшийся с водворением узбекского господства: кочевники во время перехода к оседлости еще не утратили своих родовых делений, вследствие чего «родовые и коленные названия узбеков очень часто переносились на те поселения, старые или вновь основываемые, в которых устраивались новоселы того или иного рода или колена»¹⁶; но существование большого числа мелких селений, носящих название одних и тех же родов или колен, наглядно показывает, что в Бухарском ханстве, в противоположность Хивинскому, кочевники переходили к оседлости небольшими частями рода, а не всем родом. В Бухарском ханстве среди крупных городов, давших название бекствам, нет ни одного, который бы носил название рода, тогда как в Хивинском ханстве три таких города — Мангыт, Кипчак и Кунграт.

Несмотря на свои заботы о справедливости, благочестивый эмир, ничего не понимавший в денежных счетах, не мог препятствовать своим наместникам наживаться на счет населения. Нужды войска, несмотря на произведенные эмиром оросительные работы, также оставались неудовлетворенными; эмир тяготился этим и выражал надежду, что когда-нибудь ему удастся взять Мешхед и разделить между своими воинами богатства этой шиитской святыни. Во время походов им устраи-

¹⁵ *Материалы*, стр. 15.

¹⁶ <Там же, стр. 16.>

вались угощения для войска и народа, причем сам эмир этим угощением не пользовался и ел самую простую пищу.

Отрицательные стороны правления и государственного хозяйства, при показном благочестии, еще резче проявились при преемнике Шах-Мурада, эмире Хайдере (1800—1826), последнем из бухарских правителей, чеканившем монету от своего имени; со времени его смерти до конца существования ханства монета чеканилась от имени «покойного эмира Хайдера». По выражению Мухаммед-Якуба, доходы эмира Хайдера больше чем вдвое превосходили доходы его отца, но его расходы больше чем вдвое превосходили его доходы. Число чиновников доходило до 1000, число войска, кроме отрядов, стоявших в Самарканде, Миянкале и Карши, до 12 000; кроме этого, 500 человек мулл получали от 100 до 300 тенег в месяц; наконец, должностным лицам из рода мангыт выдавалось от 30 до 100 тенег в праздник окончания поста рамазан. Во время сокращения расходов, вызванного начавшимися в 1819 г. смутами, эта последняя выдача была отменена; через пять лет она была восстановлена, но в меньшем размере; всем одинаково выдавалось по одной тилле, т. е., по определению Ханыкова¹⁷, 21 теньге. В течение тех же пяти лет эмир был вынужден прибегать к займам, уменьшить ежемесячное жалованье, иногда совсем не платить его.

На одного из европейских путешественников эмир Хайдер произвел впечатление человека, более походившего на монаха, чем на государя. Эмир считался не только ревнителем, но и теоретическим знатоком шарната и читал лекции, на которых было до 500 человек слушателей, но по образу жизни не походил на отца, не только угощал других, но и сам любил поест; еще больше он был предан гаремным наслаждениям, постоянно менял своих четырех законных жен, чем вызывал неудовольствие среди узбеков, и каждый месяц делал новое приобретение для своего гарема. В денежных делах благочестие эмира выражалось только в том, что он не хранил денег у себя и тотчас после получения отдавал их своему домоправителю. Во время войн и усмирения мятежей эмир не останавливался ни перед убийством близких родственников, ни перед массовыми избиениями. Как правитель, эмир отличался раздражительным и изменчивым нравом, что постоянно приходилось испытывать на себе его сановникам. По словам Мухаммед-Якуба, дарования кушбеги Мухаммед-Хаким-бия (звание кушбеги перешло к нему по наследству от его отца Уткур-бия, происходившего, как показывает его титул, из узбекской аристократии) проявились, между прочим, в том, что он даже такого правителя ни разу не выводил из себя и ни разу не подвергался ни опале, ни даже отставке. По словам другого историка, Абд ал-Керима, в руках кушбеги находилось

¹⁷ Описание Бухарского ханства, стр. 114.

в царствование Хайдера все управление государством; Хайдер был правителем только по имени.

Увеличение государственных расходов отчасти было связано с образованием в это время в Туркестане двух новых ханств. Хива и Коканд, фактически давно уже бывшие независимыми от Бухары, теперь сделались столицами правителей, принявших ханский титул; уже эмиру Хайдеру пришлось вести войны с обоими ханствами.

В Хиве в XVIII в., под влиянием «игры в ханы», население почти совершенно перестало подчиняться своим государям, и только отдельным бекам удавалось установить на короткое время сколько-нибудь сильную правительственную власть. Совершенной неудачей кончилась попытка Гаиб-хана, занимавшего престол дольше других (1747—1757), восстановить значение ханской власти. Ему удалось устранить главу узбекской аристократии, аталыка Хураз-бека (из рода мангытов), в руках которого сначала находилась вся власть; вместе с Хуразом были убиты по приказанию хана 10 человек его родственников и 60 других мангытов; но он потерпел полную неудачу и даже был вынужден оставить пределы своего государства, когда решил собрать с населения, узбеков и таджиков без различия, необходимую ему сумму, которую хивинский историк определяет в 40 000 тиллей (около 160 000 рублей). По словам бухарского историка, «население той области никогда не выполняло безропотно несправедливых денежных требований властей»; в разных городах и селениях от Гурлена до Хазараспа население произвело восстание и перебило сборщиков этой подати. Хан бежал в степь со своим отцом, незадолго перед тем явившимся на помощь своему сыну с отрядом в 6000 человек; военные силы самого хана будто бы доходили до 60 000 человек, но на эту силу он при своем столкновении с народом, очевидно, не мог полагаться. В Хиве был посажен на ханство брат Гаиба Абдулла, носивший также турецкое имя Карабай; мятежники обратились за помощью к бухарскому хану Мухаммед-Рахиму, посредничеству которого согласилась подчиниться и другая сторона; смута на этот раз кончилась воцарением бухарского ставленника Тимур-Гази-хана. При нем главенство над узбекскими родами перешло в 1763 г. к новому инаку Мухаммед-Эмину, из рода кунграт; в 1764 г. хан был убит и заменен другим подставным ханом. Новые смуты и восстание йомутов вынудили Мухаммед-Эмина, несмотря на убийство бухарского ставленника, бежать в Бухару, где аталык Даниял-бий согласился оказать ему помощь; благодаря этому Мухаммед-Эмину удалось в 1770 г. нанести полное поражение йомутам. Это событие хивинский историк считает началом возрождения к новой жизни Хивинского ханства, которое перед этим дошло до крайней степени разорения; даже столица была почти совершенно покинута жителями.

По словам бухарского историка, Мухаммед-Эмин-бий, пока был жив Даниял-бий, постоянно оказывал ему уважение и жил с ним в

мире. Мухаммед-Эмина заменил в 1791 г. его сын Аваз-бий, правивший до 1804 г.; его сын и преемник Ильтузер в том же году решил отказаться от обычая возводить на престол подставных ханов и сам принял ханский титул, вопреки совету главного узбекского вельможи, главы рода уйгуров аталыка Бек-Пулада. Аталык скоро после этого был убит по приказанию хана; его родственники после тщетной попытки восстания бежали в Бухару, где нашли убежище при дворе эмира Хайдера. Борьба между ханами и уйгурами, как главными представителями узбекской родовой аристократии, продолжалась и в следующее царствование, при Мухаммед-Рахим-хане (1806—1825); им были приглашены 60 знатных человек из этого рода и вероломно перебиты в хивинской цитадели¹⁸. Сознавая, что по происхождению он ничем не отличается от других узбеков и не имеет наследственных прав на престол, Ильтузер для придания некоторого блеска своему роду решил взять за себя дочь одного из ургенчских сейидов, Ахта-ходжи; ходжа, узнав об ожидавшей его участи, поспешил выдать свою дочь за своего племянника; тем не менее хан насильно перевез ее в свой гарем, отняв у молодого мужа. Вызванное этим поступком проклятие ходжи было, по мнению бухарского историка Абд ал-Керима, причиной последовавшей вскоре после этого, в 1806 г., гибели Ильтузера в войне с бухарцами. Его брат и преемник Мухаммед-Рахим сначала восстановил на престоле подставного хана Абулгази, потом, в конце того же 1806 г., сам принял ханский титул и упрочил свою династию. Уже Ильтузер хотел чеканить монету, на которой предполагал называть себя «наследником хорезмшахов», но не успел этого выполнить; Мухаммед-Рахим-хан первый стал чеканить в Хиве монету со своим именем, даже золотую, хотя с более простой надписью. Им неоднократно предпринимались набеги в сторону Хорасана, большею частью с успехом; война с Бухарой возобновилась только в 1821 г. и окончилась мирным договором в 1825 г., незадолго до смерти хана; в 1822 г. мервские туркмены отложились от бухарского эмира и перешли на сторону Хивы; мирный договор упрочил власть хивинского хана над Туркменией. Война из-за Мерва и Туркмении между Хивой и Бухарой возобновилась только в 1842 г., причем на этот раз туркмены были союзниками бухарцев и даже после заключения мира между Хивой и Бухарой (1845 г.) продолжали отстаивать свою независимость против хивинского хана. Самым крупным эпизодом в этой борьбе была гибель хана Мухаммед-Эмина в битве с серахскими туркменами в 1855 г. Голова убитого хана

¹⁸ Ср. слова Данилевского (*Описание Хивинского ханства*, стр. 91) об управлении Ильтузера и Мухаммед-Рахима. Первый «истребил значительнейших по происхождению» главарей кочевников «и многих из их приверженцев»; второй «руководствовался, для утверждения своей власти, тою же кровавою политикою и довершил начатое Ельтезером, уничтожив хитростью и силою целые отделения узбеков, которые пытались восстановить прежний порядок».

была послана персидскому шаху; пять лет спустя после неудачного персидского похода на Мерв начальник туркмен Коушут-хан прислал в Хиву для хана подарки и пятую часть добычи.

Несмотря на жестокие поступки в войнах с соседями и в расправе с мятежными или опасными для власти хана лицами, хивинские ханы XIX века, в противоположность Хорезму XVI века, с самого начала обнаружили некоторые культурные стремления и в этом отношении, по-видимому, превосходили бухарских эмиров. Уже основатель династии Ильтузер, несмотря на кратковременность своего управления, успел положить начало официальной историографии. Молодому (он родился в 1778 г.) грамотею и поэту Шир-Мухаммеду, носившему, как поэт, прозвище Мунис, было поручено составить историю Хорезма. Ко времени смерти Ильтузера (1806 г.) труд был доведен до царствования хана Ширгази (известного в русской истории по вероломному истреблению отряда Бековича-Черкасского в 1717 г.); хан Мухаммед-Рахим (1806—1825) поручил ему продолжать работу, которая была доведена до 1812 г., но после этого прервана, так как автору было дано другое поручение — перевести на турецкий язык с персидского обширный труд Мирхонда (XV в.) по всемирной истории. Мунис при жизни Мухаммед-Рахима успел перевести первый том и приступить ко второму, продолжал эту работу при Алла-Куле¹⁹ (1825—1842), но умер во время эпидемии в 1829 г., еще до окончания перевода второго тома. В 1255/1839—40 г. племянник Муниса, Мухаммед-Риза, занимавший должность мираба и носивший литературное прозвище Агехи²⁰, получил от Алла-Кула поручение продолжать труд Муниса по истории Хорезма, успел до смерти Алла-Кула закончить историю царствования Мухаммед-Рахима и начать историю царствования самого Алла-Кула; ко времени смерти хана его рассказ был доведен до 1827 г. Новый хан Рахим-Кул также благоволил автору и поручил ему продолжать работу; по словам Агехи, Рахим-Кул еще царевичем проявлял любовь к истории. Агехи пережил еще несколько ханов и составил историю каждого из них; уже история Рахим-Кула (1842—1846) имела характер записи современника о совершающихся на его глазах событиях, т. е. была скорее хроникой и дневником, чем историческим трудом в собственном смысле слова, так как была начата еще при жизни этого хана. Тем же Агехи писалась еще история царствования Мухаммед-Рахим-бахадур, начавшегося в 1864 г., и была доведена до 1872 г. Каковы бы ни были недостатки работы Муниса и Агехи как литературного и исторического труда, этот труд по подробности изложения и количеству фактического

¹⁹ <В форме «Алла-Кул», а также «Рахим-Кул» и «Рахман-Кул» имена хивинских ханов упоминаются у многих русских авторов XIX в.; однако в восточных источниках, в том числе в документах и на монетах, — только Алла-Кули, Рахим-Кули и Рахман-Кули. — Ю. Б.>

²⁰ <У В. В. Бартольда везде — Агехи. — В. Р.>

материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского²¹.

Культурные стремления хивинских ханов не ограничивались областью литературы и истории; ими предпринимались обширные оросительные работы, и их историк противопоставляет их в этом отношении мангытам, которыми была запущена мервская оросительная система. Кроме того, ими воздвигались постройки, из которых некоторые, как дворец инака Рахман-Кула в Хазараспе и минарет Мухаммед-Эмина (1846—1855) в Хиве, производили впечатление даже на европейских путешественников²². По-видимому, строители этих зданий обладали большим художественным вкусом, чем современные им правители Бухары и Коканда.

История и в особенности хронология Кокандского ханства выяснены до сих пор еще менее, чем история и хронология ханств Бухарского и Хивинского, несмотря на то что по истории Кокандского ханства имеется на русском языке составленный по первоисточникам труд, какого ни для Бухарского, ни для Хивинского ханства до сих пор нет²³. К сожалению, автор этого труда, покойный В. П. Наливкин, не дал нам критического обзора источников и не выяснил причин, почему эти источники заключают в себе столько неясностей и противоречий, в особенности относительно дат вступления на престол и смерти ханов. Не собран и не исследован до сих пор разбросанный по отдельным периодическим изданиям хронологический материал, даты ярлыков и т. п.

Основатель Кокандского ханства Алим-хан, по-видимому, наследовал своему отцу Нарбута-бию в 1213/1798-99 г.; Нарбута-бий правил с 1774 г.²⁴ как бек Ферганы и в первое время издавал свои ярлыки, подобно своим предшественникам, от имени предполагаемого хана.

²¹ <Характеристику сочинений Муниса и Агехи см. Иванов, *Хивинские хроники*. — Ю. Б.>

²² Аничков, *Дворец в Хазараспе*, стр. 9 и сл., где строителем назван по ошибке хан Рахим-Кул (1842—1846); Калмыков, *Хива*, стр. 69, где постройка дворца в Хазараспе приписана Рахман-Кул-инаку. Рахман-Кул был братом хана Алла-Кула; Агехи упоминает о его походах на Хорасан в 1825 и 1827 гг. Данилевский (*Описание Хивинского ханства*, стр. III) также называет дворец Хазараспа домом инака Рахман-Кула; тем же инаком, по словам Данилевского, было построено в Хазараспе каменное медресе, «украшенное в нескольких местах изразцами». Около Хазараспа, в месте Куланчи, где когда-то останавливался Абдулла-хан, был построен замок, по словам Муниса, еще Ильтузером. О минарете Мухаммед-Эмина еще: Калмыков, *Хива*, стр. 69.

²³ <Наливкин, *История Кокандского ханства*. После книги Наливкина публиковались лишь статьи по отдельным вопросам истории Кокандского ханства. Лучший обзор истории Кокандского ханства содержится в кн.: Иванов, *Очерки*, стр. 178—213. — В. Р.>

²⁴ <Приведенная здесь датировка начала правления Нарбуты 1774 годом весьма сомнительна, так как основана лишь на дате одного ярлыка, по которой Валидов, вероятно ошибочно, заключил, что Ирдапа-бий, предшественник Нарбуты, был еще

Год принятия им ханского титула не установлен²⁵; не установлен также год его смерти; по некоторым сведениям, он правил до 1817 г.²⁶, тогда как по другим источникам его брат и преемник Омар-хан, дата смерти которого — 1822 г. — может считаться бесспорной²⁷, умер на 12-м году своего царствования²⁸. Подобно правителям Бухары, правители Коканда называли себя также эмирами; Алим-хан назван не ханом, а эмиром в ярлыке 1225/1810 г.; Омар-хан принял прозвище «Эмир», как поэт; в исторических сочинениях оба хана также противоплагаются иногда «эмирам Бухары» как «эмиры Коканда»; но после смерти Омар-хана правителям Ферганы, по-видимому, окончательно был присвоен титул ханов, а не эмиров.

Государственные задачи нового ханства вполне отределились уже при Алим-хане, которому удалось не только вновь объединить под свою власть Фергану, распавшуюся после смерти Нарбуты, но подчинить себе также Ташкент и Чимкент. При Омар-хане кокандское пра-

жив в 1188/1774 г. (см. Валидов, *Некоторые данные*); но, по китайским источникам, Ирдана-бий умер в 1770 г. (см. Klaproth, *Magasin asiatique*, t. I, p. 83). Эта дата принята и в статье Бартольда о Коканде в ЕИ. Близки к ней сообщения кокандских историков: согласно *Ансāб ас-салāтин* (ташкентская рук. № 1314), Ирдана-бий умер в 1182 г. х. (1768-69 г.) (любезно сообщено Азизом Каюмовым); Мушриф (л. 51 а) указывает годом смерти Нарбуты 1215 г. х. (1800-01 г.), определяя продолжительность его правления 30 годами, откуда следует, что началом правления Нарбуты был 1185/1771-72 г. Все это дает основания датировать смерть Ирдана-бия и начало правления Нарбуты приблизительно 1770 годом. — В. Р. >

²⁵ На печати 1216 г. х. (1801-02 г.), помещенной Шефером на заглавном листе изданного им сочинения Абд ал-Керима бухарского, Алим называет ханом не только себя, но и своего отца Нарбуту.

²⁶ <Явно ошибочная дата 1817 г. принята Наливкиным, по какому-то недоразумению посчитавшим на основании ярлыка Карасканского мазара, выданного от имени Нарбуты в 1222/1807-08 г. (Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 75), что этот правитель тогда еще был жив. Соответственно Наливкиным была передвинута на 6—7 лет против истинной (1810 или 1811 г.) и дата смерти Алим-хана. — В. Р. >

²⁷ <Как сообщает Мухаммед-Хаким-хан (л. 497 б), Омар-хан умер на рассвете 20 раби II 1237 г. х. (14 января 1822 г.). — В. Р. >

²⁸ <Т. е. начало правления Омар-хана и смерть Алим-хана относятся к 1810 г., что соответствует свидетельствам основных источников и сообщениям некоторых кокандских авторов более позднего времени. Мир Иззетулла, побывавший в Средней Азии в 1812—1813 гг., указывает, что Алим-хан был убит «два года тому назад» (Мир Иззетулла, пер. Гендерсона, 51), т. е. в 1810 или в 1811 г.; Абд ал-Керим Бухари (I, 99), правда, приводит несколько более раннюю дату — 1224 г. х. (1809-10 г.), но последующие кокандские историки, в их числе и современник Омар-хана Мухаммед-Хаким-хан, согласно дают 1225 г. х. (1810 г.) [см. Мухаммед-Хаким-хан, л. 226а; Аваз-Мухаммед, л. 135б; Нияз-Мухаммед, *Тā'riх-и Шāхрӯҳӣ*, 86 (хронограмма)]. Однако дата 1810 г. не может пока считаться окончательно установленной ввиду некоторых расхождений в источниках и не является пока общепризнанной. Смерть Алим-хана относят также к 1809 г. (см. Иванов, *Казахи и Кокандское ханство*) и к 1811 г. (Каюмов, *Кокандская литературная среда*, стр. 7, 13, 30). — В. Р. >

вительство распространило свою власть вниз по течению Сыр-Дарьи до Туркестана и дальше; кроме того, кокандцы успешно старались подчинить себе степняков восточной части Сыр-Дарьинской области и отчасти Семиречья. По Сыр-Дарье и вдоль северного склона Александровского хребта строились кокандские укрепления; рядом с ними селились земледельцы и торговцы; впервые после событий XIV в. восстанавливалась сельская и отчасти городская жизнь.

В Семиречье кокандские отряды действовали даже по ту сторону гор, в Илийской долине; конец эгим притязаниям был положен победой русских при Узун-Агаче (1860 г.). На Сыр-Дарье²⁹ притязания кокандцев на киргизские³⁰ степи даже привели к столкновению с русскими и еще раньше с хивинцами, считавшими Сыр-Дарью в нижней части ее течения границей своего государства. Все киргизы³¹, подчиненные кокандскому хану, находились в зависимости от ташкентского наместника, управлявшего обширным краем и носившего титул *беклярбека* ('бека беков').

Столкновения с бухарцами происходили из-за Ура-Тюбе и Джизака; кроме того, кокандские ханы со времени Алим-хана старались подчинить себе области, вошедшие в восточную часть Бухарского ханства, — Каратегин и Дарваз. Наконец, кокандцы оказывали поддержку кашгарским мусульманам, восставшим против Китая, и старались распространять свое господство в эту сторону; одно время китайское правительство даже признало за кокандским ханом право собирать в свою пользу подать с населения Кашгарии. Для своих походов Алим-хан нуждался в средствах и облагал население тяжелыми поборами; в то же время он старался заменить узбецкую военную аристократию постоянным войском, главным образом из горцев Каратегина³². От на-

²⁹ Ниже Ак-мечети было еще кокандское укрепление Кош-курган; далее река текла «на протяжении слишком 300 верст в пределах русских владений» (Макшеев, *Описание Аральского моря*, стр. 54).

³⁰ <Казахские.>

³¹ <В данном случае, по-видимому, не только «все казахи, подчиненные кокандскому хану», но и значительная часть киргизов, населявших Чуйскую долину и другие районы Северной Киргизии. Население Южной Киргизии, районов, прилегающих к Ферганской долине, и Алая, а также, по-видимому, центрального Тянь-Шаня ташкентским беклярбекам не подчинялось. В правление Малля-хана (1858—1862), как отмечается в источниках, в числе наиболее влиятельных лиц в Кокандском ханстве, наряду с Канаат-ша парваначи, правителем Ташкента, был Алим-бек, «ведущий управлением киргизами» (Абд ал-Маджид, 12). Материал о киргизах в Кокандском ханстве см. в кн.: Усенбаев, *Общественно-экономические отношения*. — В. Р.>

³² <Видимо, В. В. Бартольд основывался на сообщениях Нияз-Мухаммеда, который, в частности, рассказывает об организации Алим-ханом двух отрядов; один из них состоял из каратегинцев и вахиочи, из шуганцев, бадахшанцев и т. д., а в другой были приглашены иранцы, читральцы, воины из Гунта (Нияз-Мухаммед, *Та'рих-и Шайхруй*, 42—44). — В. Р.>

рода хан получил прозвание *залим* ('тиран'), подобранное под рифму его имени; кроме узбекской аристократии, он вел борьбу с духовенством, особенно с дервишами, которых старался насильно обратить к полезному труду. Отношение духовенства к хану наглядно выразилось в рассказе историка, будто хан приготовил материал для постройки в Коканде мечети и медресе, но отказался от своего намерения под влиянием доводов ишана Мухаммед-Я'куб-ахунда, что богоугодных учреждений нельзя воздвигать на несправедливо собранные средства; собранный кирпич был употреблен ханом на постройку новой урды. Соборная мечеть была построена братом и преемником Алима, Омар-ханом, считавшимся, в противоположность своему предшественнику, благочестивым государем; самый переход власти к Омар-хану был вызван узбекскими главарями, восставшими против хана в Ташкенте во время его похода на киргизов³³; Алим-хан был покинут почти всеми своими подданными, настигнут мятежниками на пути в Коканд и убит.

Если политические задачи нового ханства определились уже при его основателе, то начало культурной работе было положено при его преемнике. Как при Омар-хане, так и при его преемниках, даже при таком правителе, как развратный сын Омара Мухаммед-Али, или Мадали (1822—1842), воздвигались постройки и производились оросительные работы. С именем Мадали-хана связано сооружение большого медресе в Коканде и проведение канала Хан-арык, исток которого находится в местности к югу от Ташкента, выше селения Той-тубе. Помимо построек и оросительных работ при Омар-хане было положено начало обширным литературным трудам; был составлен сборник стихотворений 75 кокандских поэтов того времени; в действительности в сборник вошли образцы произведений более значительного числа писателей (101), к которым принадлежал и сам хан. В Коканде не было, как в Хиве, официальной историографии, но составлено было несколько независимых один от другого обширных сводов сведений не только по местной истории, но и по истории всего мусульманского мира. Несмотря на борьбу с внешними врагами и на обострение внутренних смут, вызванное борьбой между сартским населением и узбекским родом кипчаков, даже в несчастное царствование Худояр-хана (1845—1858, 1862—1863 и 1865—1875) продолжалась культурная работа во всех трех направлениях — в смысле строительной деятельности, оросительных работ и создания обширных исторических трудов. Сведения о последних собраны в нескольких специальных работах; из построек Худояр-хана особенно известен его дворец (урда) в Коканде, облицованный разноцветными изразцами, хотя последние производят на людей с художественным вкусом впечатление карикатуры на постройки эпохи Тимура и Тимуридов. При Худояр-хане был прорыт один из маги-

³³ <Казахов.>

стральных каналов Ферганы, Улугнар; работы были начаты в 1868 г. и продолжались три года, хотя каждый год велись только в продолжение двух месяцев; в них принимало участие 4000 человек³⁴. Вообще Фергана в экономической и умственной жизни Туркестана заняла при кокандских ханах выдающееся место, какого никогда не занимала прежде и которое вполне сумела «сохранить при русском владычестве. При ханах натуральное хозяйство преобладало над денежным и ханы получали натурой (хлебом и рисом) большую часть своего дохода, чем деньгами; денежные подати были определены в тиллях (золотых монетах); под названием «танальной» подати взималась подать с домов, причем, как в XII в. при владычестве кара-китаев, в Ташкенте каждый дом был обложен одной золотой монетой (тиллей), хотя величина подати была определена по какой-то старой переписи, когда число домов было всего три тысячи, и продолжала взиматься в том же количестве (3000 тиллей), когда число домов увеличилось до 20 000. При русских развитие хлопководства и шелководства создало приток в Фергану большого количества денег; цены повысились еще больше, чем в других местностях Туркестана, чем был вызван некоторый хозяйственный кризис и, вероятно, некоторое недовольство масс населения, по старой привычке видевшего главный признак благосостояния края, наравне со «спокойствием» (*тинчлик*), в «дешевизне» (*арзанлык*) съестных припасов. В общем, однако, экономический подъем и общие экономические интересы создали в Фергане более благоприятную почву для сближения туземного населения с русским на почве общей культурной работы, чем, например, в отсталом Самарканде, вся жизнь которого была в прошлом. В самой Фергане сохранили значение те же города, как и при ханах; бывшая столица ханов, Коканд, по числу жителей (около 113 000) занимала второе место среди городов Туркестана, тогда как созданный русскими город Скобелев (прежде Новый Маргелан, теперь Фергана), местопребывание ферганского губернатора, имел всего 12 000 жителей.

Старым традициям, по-видимому, был обязан и бухарский эмир тем значением, которое признавалось за ним при русском господстве. Несмотря на то что Бухарское ханство по обширности уступало Кокандскому, эмир был единственным из трех главных туркестанских властителей, который стремился к установлению своего господства на всем пространстве Туркестана. Ожесточенная борьба между престолом и аристократией началась в Бухаре позже, чем в Хиве и Коканде; только эмир Насрулла (1827—1860) сознательно старался сломить господство узбецких родов. При нем лишился власти, потом и жизни полновластный министр его отца, кушбеги Хаким; вместо министра из знатных

³⁴ Миддендорф, *Очерки*, прилож., стр. XXI. По словам Остроумова (*Песня*, стр. 194), работы остались недооконченными.

узбеков вторым лицом после эмира, с более скромным титулом «заместитель» (*наиб*) сделался перс Абд ас-Самит (вероятно, Аб-ас-Самад), уроженец Тебриза; другим помощником эмира в деле «искоренения бухарского феодализма» (выражение Ханыкова) был туркмен Рахман-Берды. После усмирения внутренних врагов эмир стал стремиться к внешним завоеваниям; в 1842 г. ему удалось завоевать Коканд; развратный Мадали-хан и его сын были убиты, после чего эмир начал менее удачно войну с Хивой, закончившуюся миром в 1845 г. Коканд также не удалось удержать под своею властью ни Насрулле, ни его преемнику Музаффару (1860—1885). Музаффар в 1863 г. прошел через всю Фергану до границ Кашгарии, но не мог вполне победить кипчаков и очистил область, причем, согласно желанию кипчаков, увел Худояр-хана с собой в Бухару. В 1865 г. он вторично занял Коканд, но снова убедился, что ему не удержаться там, восстановил на престоле Худояр-хана и вернулся в Бухару, причем выселил из Коканда главных представителей духовенства и увез все пушки и все оружие. Бухарские эмиры предъявляли также притязания на северную часть кокандских владений; еще в 1845 г. наместники Ташкента и Туркестана, отложившиеся от Коканда и признавшие над собою власть эмира Насруллы, произвели удачное нападение на хивинскую крепость Ходжа-Нияз. В 1865 г. Музаффар послал хакимом в Ташкент Искендер-бека, который был начальником города во время взятия его Черняевым и после падения города бежал в Бухару, где был убит по приказанию эмира.

Подчинение ханства России получило выражение в менее тяжелой и унижительной форме, чем подчинение других ханств; с Бухарой был заключен только договор о дружбе (в 1873 г.), тогда как Кокандское ханство было совершенно уничтожено, а хивинский хан был вынужден признать себя «покорным слугой императора всероссийского». За бухарским эмиром впоследствии был признан титул «высочества», тогда как хивинский хан сначала получил титул «светлости» (оба титула заменили первоначально употреблявшийся русскими в сношениях со среднеазиатскими владениями титул «высочество»); впоследствии титул «высочества» был распространен и на хивинского хана. Бухарский эмир сносился непосредственно с туркестанским генерал-губернатором, впоследствии и с Петербургом, тогда как сношения с хивинским ханом велись через посредство начальника Аму-Дарьинского отдела. На особое положение бухарского эмира, кроме исторических традиций, оказали влияние также события истории завоевания. Эмир несколько раз был разбит и лишился значительной части своей территории, но в его столицу русские войска не входили. Территориальные потери были возмещены присоединением Гиосарского края и других областей, составляющих теперь восточную часть ханства, тогда как Хива ничем не возместила потерь 1873 г., когда к России отошла вся восточная часть ханства, от Сыр-Дарьи до Аму-Дарьи; в 80-х годах хивинское прави-

тельство хотело воспользоваться успехами русских в Туркмении для восстановления хивинского господства на Мургабе; этому плану, по-видимому, сочувствовали в Ташкенте, но по настоянию асхабадских и тифлисских властей и по желанию самих туркмен притязания Хивы были в конце концов отклонены, и вся Туркмения была присоединена к России непосредственно.

Из двух сохранившихся ханств как до русского завоевания, так и при русских в Хиве проявлялось больше культурных стремлений, чем в Бухаре, несмотря на то что через Бухарское ханство была проведена железная дорога, какой в Хивинском ханстве не было. О местных путях сообщения в Хиве проявлялось больше заботливости; для колесного сообщения условия в Хиве благодаря большому числу мостов более благоприятны, чем даже в Фергане, тогда как в восточной части Бухарского ханства совершенно нет колесных повозок, и товары перевозятся исключительно вьючным путем. Что касается литературной деятельности, то в Бухарском ханстве в XIX в. господством шариата были почти совершенно заглушены всякие иные литературные начинания; в области исторической литературы выдается только один труд, составленный еще в начале царствования Хайдера. Существовавшие в Бухаре библиотеки, располагавшие определенными вакуфными доходами, подверглись полному разорению еще при Насрулле; библиотека самого эмира оставалась недоступной для русских ученых, и самое существование ее отрицалось; между тем было установлено, что ценные рукописи из нее расхищаются и продаются агентам заграничных публичных библиотек; только при содействии политического агентства удалось вывезти несколько рукописей в Петербург. С другой стороны, к хивинскому придворному книгохранилищу, значительно обогащенному заботами хана Мухаммед-Рахима, получил свободный доступ русский исследователь³⁵.

³⁵ <В. В. Бартольд имеет в виду А. Н. Самойловича, побывавшего в 1908 г. в Хиве и осмотревшего библиотеку хивинского хана и придворную литографию. Неопубликованный доклад А. Н. Самойловича о книгохранилище и литографии хранится в его архиве (рукописный отдел ГПБ, ф. 671, оп. 1, № 145). — Ю. Б.>

VI

ОСЕДЛЫЙ И КОЧЕВОЙ БЫТ ПРИ РУССКОЙ ВЛАСТИ

В Туркестане, в противоположность Сибири, русская власть имела полную возможность проводить свою политику. В Сибири расширение пределов государства было связано со стихийным движением народных масс; пионерами-землеискателями захватывались новые земли, обыкновенно скудно населенные; только после этого являлись правительственные власти и войска и находили в завоеванном крае фактически уже установившуюся русскую жизнь, с которой приходилось считаться. Едва ли не единственной попыткой такого же движения в сторону Туркестана был набег атамана Нечая с яицкими казаками на старый Ургенч в 1603 г.; попытка окончилась неудачно и не была повторена. Туркестан, с его сравнительно густым населением и сравнительно высокой культурой, не мог быть присоединен к России теми способами, как Сибирь. Занятие Туркестана происходило по распоряжению правительственных властей, и ими же решались судьбы завоеванного края и его населения; непоследовательность и изменчивость правительственной политики объясняется не какими-либо внешними препятствиями при осуществлении начинаний правительства, но колебаниями самого правительства, происходившими от недостаточного знакомства с современной жизнью края и его прошлым.

Преувеличивая власть киргизского¹ хана над своими подданными, русские власти полагали, что принятие русского подданства ханом обеспечивает и покорность народа, и поэтому были склонны поддерживать ханскую власть; первый из таких русских подданных, хан Малой орды Абулхайр, смотрел на построенную русскими крепость при устье Ори как на место, где он мог бы найти убежище в случае смут в степи; хан ожидал, что русские утвердят ханское достоинство в его роде на вечные времена. Впоследствии убедились, что принесенная ханами присяга нисколько не обеспечивает ни покорности киргизов², ни даже безопасности русских караванов и что сами ханы не придают ей никакого значения. Присяга хана не налагала никаких обязательств

---

¹ <Казахского.>

² <Казахов.>

на его преемников, и потому ханы одной и той же орды предлагали России свое подданство несколько раз; договоры о подданстве с русскими не мешали им заключать такие же договоры с Китаем и среднеазиатскими правителями. Ханское достоинство было постепенно уничтожено, но по положению 1822 г. власть оставалась в руках степной аристократии — султанов, потомков Чингиз-хана; только временным положением 21 октября 1868 г., введенным для областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, господство «белой кости» было уничтожено и были введены общенародные выборы, без каких-либо привилегий аристократии. Уничтожение привилегий «белой кости» содействовало разложению родового строя³; как отмечено в лучшем труде о юридическом быте киргизов⁴, «носители родовой идеи суть богачи и старейшины. Бедные не знают, кроме названий своих прямых предков и своего рода и колена, ничего об отдаленных разветвлениях родства». К той же цели — ослаблению родового начала — стремилось правительство при утверждении первого (временного) положения Туркестанской области в 1867 г.; поэтому при разделении киргизской⁵ территории на волости стремились образовывать волости «по возможности смешанные из разных родов». Положение 12 июня 1886 г. пошло в этом направлении еще дальше; кочевые волости теперь получили название не по родам, а по урочищам зимовок. В русской научной литературе высказывалось сомнение в том, насколько вызывалась необходимостью эта борьба с родовым началом, в пользу которой ссылались на опасность «в политическом отношении соединения большого рода под властью одного родоначальника»; кроме того, для упрочения русского господства считалось полезным «исчезновение старых традиций» и даже «старых исторических имен»⁶.

Пишущему эти строки, кроме того, приходилось слышать довод, что без разложения родового строя был бы невозможен переход киргизов к хлебопашеству и оседлости. Связь между кочевой жизнью и родовым строем, действительно, не подлежит сомнению. К оседлости прежде всего переходят бедняки, не имеющие возможности кочевать, — *джатаки* (букв. 'лежащие'; русскому слову «оседлый» более соответствует употреблявшийся в средние века термин *отурак* 'сидящий'). Возможность кочевать считается признаком богатства. Характерно, что богачей-миро-

³ <У казахов, так же как у киргизов, каракалпаков и других народов Средней Азии, сохранялись только пережитки родового (т. е. первобытно-общинного) строя. В. В. Бартольд здесь употребляет термин «родовой строй», имея в виду главным образом сохранение родо-племенной организации и патриархальных пережитков у кочевников; ср. ниже приведенные самим Бартольдом данные о социальном неравенстве у казахов. — В. Р.>

⁴ Гродеков. *Киргизы*, стр. 12 и сл. Рец.: Веселовский, ЗВОРАО, т. V.

⁵ <Казахской.>

⁶ Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 343.

едов, игравших первую роль на волостных выборах, называли *аткамнарами*, т. е. «ездящими на конях»; об одном из таких аткамнаров передаются слова киргиза: «Мама-аке имеет столько скота, что может и кочевать»⁷. С переходом к оседлости и развитием земледельческой культуры постепенно утрачиваются родовые деления, забываются также прежние, связанные с воинственным бытом кочевника или полукочевника сказания и песни. Туркмены, у которых в момент русского завоевания процветал если не кочевой быт (все туркмены занимались земледелием), то родовой строй и воинственные наклонности, под русским владычеством постепенно утратили воспоминания о прошлом, и вместо прежних набегов главным источником их дохода сделалось насажденное в Закаспийской области при русских хлопководство⁸. В Мервском оазисе русский турколог в начале XX в., всего через 20 лет после присоединения оазиса к России, вынес впечатление о полном упадке народной словесности и с досадой заметил своим собеседникам: «Кажется, хлопок выпнул у вас из головы все ваши сказки и песни»⁹. О разложении кочевого быта при русских не имеется точных статистических данных; тем не менее существование этого процесса не подлежит сомнению. В 1867 г. кочевое население Туркестана определялось в 84% общего числа; к 1875 г. этот процент понизился до 57, а в 1877 г., после присоединения Ферганы, до 47¹⁰; накануне революции полагали, что кочевники составляют всего около 30% сельского населения Туркестана¹¹. Другой вопрос, насколько разложение кочевого быта и связанного с ним скотоводства соответствовало экономическим и политическим интересам Туркестана и России. Оседлое население Туркестана всегда извлекало выгоду из кочевого хозяйства своих соседей, покупая продукты скотоводства по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при иных условиях. Некоторые из представителей русской власти, как Перовский (1833—1842 и вторично 1851—1857), придавали киргизскому¹² скотоводству большое значение для

⁷ Диваев, *Этнографические материалы*, стр. 17.

⁸ В «Обзоре Закаспийской области» за 1890—1896 гг. было отмечено, что хлопководство, не существовавшее до русских, доставляет теперь населению 300 000 руб. ежегодного дохода. С 1902 до 1913 г. число десятин в Закаспийской области, засеянных под хлопок, увеличилось с 10 300 до 41 500, т. е. в четыре раза («Азиатская Россия», т. II, стр. 277).

⁹ <Самойлович, *Три туркменских сказки*, стр. 119.>

¹⁰ Костенко, *Туркестанский край*, т. I, стр. 335. Макшеев в 1886 г., до присоединения Самарканда, определял население Туркестанского генерал-губернаторства круглым счетом в миллион, в том числе около 300 тысяч оседлых и более 700 тысяч кочевников.

¹¹ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 352. Статистические данные послереволюционного времени несколько противоречивы; ср., напр., Балашев, *Несколько страниц*.

¹² <Казахскому.>

России и принимали даже насильственные меры против перехода киргизов к земледелию; другие, как Катенин (1857—1860), напротив, поощряли хлебопашество, считая переход кочевников к оседлости необходимым условием умиротворения степи, развитие земледелия — необходимым условием перехода к оседлости. Едва ли киргизское земледелие много способствовало поднятию сельскохозяйственной производительности Туркестана; гораздо более ощутителен был вред от таких фактов, как сокращение стад кочевников, вздорожание мяса, ухудшение местных конских пород. Сокращению стад способствовали также меры, принимавшиеся для защиты древесных и кустарных зарослей, особенно на берегах рек в так называемых тугаях. Замечено, что «пастьба скота наносит непоправимый вред молодому лесу и в особенности молодым его всходам», указывается на необходимость тщательной охраны не только горных лесов, но также «степных и тугайных лесных зарослей»¹³; в то же время, однако, убыток от упадка скотоводства значительно превышает доход от государственной эксплуатации тугаев, охраняемых лесными объездчиками¹⁴. Сверх того, переход к оседлости и связанная с ним утрата кочевником своего национального облика способствовали слиянию киргизов и туркмен не с русскими, но с родственными им по крови и по религии сартами и татарами, способствовали вытеснению более чистых турецких наречий и своеобразного уклада национальной жизни искусственным литературным языком, со множеством арабских и персидских слов, и общемусульманскою схоластическою образованностью, только затруднявшею насаждение русской и европейской культуры.

¹³ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 517.

¹⁴ На вред, причиняемый скотоводству, даже оседлому, запрещением пастьбы скота в лесных дачах, было обращено внимание Лыкошиным (<Оседлые скотоводы> в газете «Самарканд», 1904 г., № 95). Там же было указано на невозможность сохранения при таких условиях скотоводческого хозяйства при переходе кочевников к оседлости. Лыкошин в другом месте (*Чапулукская волость*, стр. 170 и сл.) говорит о необходимости устроить школу в селении Маргум Чапулукской волости, Ходжентского уезда, чтобы, «пока не проникла сюда и не укрепилась здесь сартовская схоластика, дать возможность симпатичному киргизскому населению Чапулукской волости учиться русскому языку».

VII

ШКОЛЫ

Туркестан принадлежал в XIX в., в противоположность средним векам, к самым отсталым странам мусульманского мира; тем не менее Бухара сохраняла свою прежнюю славу центра богословского образования и привлекала к себе студентов не только из туркестанских областей, но и из Поволжья. Кроме того, в связи с общим восстановлением экономического благосостояния при Мангытах была возобновлена, хотя уже не достигла прежнего блеска, прекратившаяся в XVIII в. жизнь самаркандских медресе; наконец, кокандскими ханами, в связи с притоком средств в Фергану, были построены некоторые обширные медресе в Коканде и Андижане. Разграничением 1868 г. сообщение между Бухарою и областями, отошедшими под непосредственную власть России, не было затруднено; затруднения встречало только взимание в пользу медресе, находившихся в Туркестанском генерал-губернаторстве, доходов их имуществ, находившихся в пределах Бухарского ханства, и наоборот. В 1869 г. мутеваллию мазара Ходжи-Ахрара в Самарканде не было разрешено собирать доходы с имуществ в пределах Каршинского бекства, после чего и русские власти запретили бухарским учреждениям собирать доходы со своих имуществ, находившихся в русских пределах. Два главных медресе Самарканда, Тилля-кари и Ширдар (их доходы превышали доходы всех остальных 16 самаркандских медресе, вместе взятых)¹, по особому ходатайству своих мутеваллиев перед бухарским эмиром, получили, однако, разрешение собирать причитавшиеся им доходы в пределах ханства.

Устроитель Туркестанского края К. П. фон-Кауфман придерживался системы игнорирования мусульманского духовенства и мусульманских учреждений, в том числе и учебных. Попытка главы ислама в центральной России, оренбургского муфтия (жившего, как известно, в Уфе), воспользоваться успехами русского оружия для подчинения себе туркестанских мусульман потерпела неудачу; распоряжением

---

¹ Список всех 18 медресе: Вирский, *Зеравшанский округ*, стр. 116; там же цифра 38 000 тенег, как у Вяткина (*О вакуфах*, стр. 103). Выше (стр. 114) сказано, что медресе — 19.

Кауфмана присланные муфтием указные муллы были удалены из Туркестана. Кауфман прекратил также начатые при его предшественниках официальные сношения с местными мусульманскими учреждениями. В прошении, поданном жителями Ташкента оренбургскому генерал-губернатору (Крыжановскому) через переводчика Бекчурина, выражалось желание, чтобы за их главным казием (кази-каляном) были признаны в Туркестане те же права, какими пользовался в «России» оренбургский муфтий; Черняев официальным приказом утвердил в должности кази-каляна лицо, занимавшее эту должность при ханах; сохранялась также должность шейх ал-ислама (ее занимал старший брат кази-каляна); при Кауфмане обе должности были отменены; с тех пор в Туркестане были только отдельные казии, равные между собою (в Ташкенте таковых было четыре, по одному на каждую часть города), без главного казия.

По словам М. А. Терентьева, Кауфман «отклонял все попытки организовать здесь прочные мусульманские учреждения, предоставив существующим уже пробавляться, как сами знают, без всякой поддержки со стороны русской власти»².

Тот же принцип был применен им к учебным заведениям. Ему казалось, что туземная конфессиональная школа исчезнет сама собою³, когда взамен ее правительством будут учреждены школы для совместного воспитания русских и туземцев, соответственно духу времени и потребностям государства, без всякого конфессионального характера и без посягательства на религиозные убеждения мусульман.

Кауфманом для разрешения этого вопроса была образована комиссия из трех лиц: делопроизводителя особого отделения канцелярии генерал-губернатора М. И. Бродовского (председатель, по специальности агроном), чиновника особых поручений А. Л. Куна (ориенталист) и ротмистра М. А. Терентьева. Занятия комиссии продолжались до 1873 г., хотя проект устройства учебного дела был составлен ею еще в 1871 г. При учреждении училищ имелось в виду не только приобщить к русской культуре отдельных, наиболее способных туземцев, но широко распространить русскую культуру «в массе инородческого населения». «Ввиду существующих коренных различий в нравственной и общественной жизни киргизов и сартов» было признано необходимым открывать в местностях с киргизским населением, т. е. в степях, учебные заведе-

² <Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 271.>

³ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 338: «Предполагалось организовать ряд учебных заведений для совместного обучения туземцев с русскими и принять меры к устранению влияния мусульманского оседлого фанатизированного населения на кочевников... Мусульманская школа, оставленная, при таких условиях, без всякого покровительства со стороны власти, должна была со временем утратить свое духовное и политическое значение». Русская власть почти совсем не вмешивалась во внутреннюю жизнь медресе до второй половины 1890-х гг. (Керенский, *Медресе*, стр. 25).

ния иного, более низкого типа, чем в городах и селениях. Проектом предусматривались следующие учебные заведения: 1) мужская гимназия в Ташкенте, на общих основаниях, куда могли бы поступать и дети инородцев; впоследствии для детей туземцев был обязателен только один из древних языков вместо двух; 2) учительская семинария с трехлетним курсом и с преподаванием туземных языков, с 20 вакансиями для казенных пансионеров; 3) образцовая школа при семинарии, с 50 вакансиями для частных пансионеров, 20 для русских и 30 для туземцев; 4) уездные народные школы с четырехлетним общеобразовательным курсом и ремесленным классом, для совместного обучения русских и туземцев-сартов, но с 20 вакансиями для киргизов, будущих преподавателей степных школ, с преподаванием туземных языков только для инородческих детей; 5) начальные школы грамотности для киргизов, только для обучения чтению и письму на русском и киргизском языках и счислению. Как в уездных школах, так и в школах грамотности предполагалось вести преподавание туземных языков с употреблением русской транскрипции.

Проект в несколько измененном виде был высочайше утвержден 17/29 мая 1875 г.⁴ и осуществлялся постепенно. Отдельные учебные заведения для туземцев были учреждены еще до утверждения проекта, причем в основу были положены мысли Кауфмана о необходимости преподавания в школах «таких ремесл и мастерств, какие по местным обстоятельствам могут впоследствии обещать верные заработки», и о необходимости привлекать в школы девочек. Еще до учреждения генерал-губернаторства существовали школы для киргизов (русские дети принимались только проходящими, тогда как для воспитанников-киргизов был пансион, вакансии которого никогда не заполнялись) в Перовске (с 1863 г.) и в Казалинске (с конца 1865 г., с воскресною школою для девочек); первая русская школа для туземцев после учреждения генерал-губернаторства была открыта в 1870 г. в Самарканде (где А. Л. Кун в то время состоял при начальнике Зеравшанского округа, генерале Абрамове, и изучал положение вакуфного дела); школа была открыта «для удовлетворения желания туземцев округа и г. Самарканды обучать своих детей русскому языку»⁵; в Ташкенте только в 1871 г. была открыта «трехклассная народная школа с ремесленными классами для детей обоего пола»; кроме того, в 1875 г. было открыто народное училище в Чимкенте на средства местного священника о. Вознесенского, с отделением для девочек. Все эти школы были приняты в 1876 г. в ведение управления по учебной части при генерал-губерна-

⁴ Тем же законом 17 мая 1875 г. все туземные школы были подчинены надзору русских инспекторов народных училищ, но этот надзор не был осуществлен. Самая должность инспектора была введена только при генерал-губернаторе Розенбахе, т. е. после 1884 г.

⁵ В 1874 г. в училище было 39 мальчиков (девочек не было) при одном учителе.

торе, а в 1878 г., с открытием в Туркестане двухклассных городских училищ на основании высочайше утвержденного положения 31 мая 1872 г., преобразованы в такие училища.

Первые киргизские школы не оправдали возложенных на них надежд; по замечанию Н. П. Остроумова, «из этих школ не вышло ни одного ни обруселого, ни образованного вообще киргиза»⁶. Не оправдалось также мнение комиссии, что сарты более подготовлены к усвоению русской культуры, чем киргизы; по замечанию С. М. Граменицкого⁷, «киргизы в значительно большем количестве поступают в учебные заведения с более продолжительным курсом и более обширную программу, как напр. в городские училища, семинарию и гимназию, чем сарты». Наконец, по замечанию того же деятеля, оказалась преждевременною «попытка распространения образования в массе туземного населения, которое оказалось совершенно к этому не подготовленным»⁸.

Другой вопрос, объясняется ли неудача только неподготовленностью населения к восприятию европейской культуры или также незнакомством устроителей школы с потребностями края и его жителей. «Неподготовленность» должна бы уменьшаться с каждым годом; между тем число воспитанников-туземцев в правительственных школах с годами иногда не увеличивалось, а уменьшалось. В ташкентских гимназиях, мужской и женской, это число достигло высшего предела к 1 января 1883 г. — 20 мальчиков из 286 (7%) и 10 девочек из 333 (3%); к 1 января 1896 г. воспитанников-туземцев было всего 10 мальчиков из 327 (3%) и 8 девочек из 377 (2%); по сведениям 1909 г.⁹, воспитанников-мусульман было около 2% в мужской гимназии и около 1% в женской. Почти столь же незначителен был прилив воспитанников-туземцев в гимназии, учрежденные впоследствии в областях Ферганской и Самаркандской; в Новом Маргелане (Скобелеве, теперь Фергана) в мужской гимназии к 1 января 1905 г. было 6 мусульман из 209 (3%); к 1 января 1912 г. — 7 из 229 (также 3%), в женской — 1 из 229 (менее 1/2%) и 5 из 365 (менее 1 1/2%). Еще в 1879 г. надеялись привлечь детей туземцев в гимназии; по словам Н. П. Остроумова, 1 июня 1879 г. при Ташкентской и Верненской прогимназиях были учреждены особые инородческие квартиры для детей инородцев и русских (русских 10, инородцев 15), обучавшихся и подготавливавшихся к поступлению в прогимназии. Ташкентская инородческая ученическая квартира была потом перенесена в семинарию и скоро после этого уничтожена как отдельное учреждение (по словам Добросмылова¹⁰, квартира для

⁶ Остроумов, *Воспоминания*, стр. 269.

⁷ *Очерк*, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 8.

⁹ Добросмылов, *Ташкент*, стр. 224, 226, 231 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 230.

детей инородцев существовала при семинарии с 1886 по 1895 г., причем из них некоторые обучались в гимназии, другие в семинарии; после закрытия квартиры они были переведены на казенные стипендии); за первые 25 лет существования семинарии (1879—1904) в ней обучались 415 человек, из них 54 киргиза (13%) и 13 человек (3%) из других туземцев (сартов, татар и туркмен). Из 415 окончили курс 254; какой процент этого числа приходится на туземцев, в доступных мне источниках не указывается. Наиболее резко увеличилось число учеников семинарии в 1880 г. (19, из них 2 туземца к 1 января 1880 г.; 39, из них 7 туземцев к 1 января 1881 г.), наиболее резко уменьшилось в 1886 г. (61, из них 9 туземцев к 1 января 1886 г.; 31, из них 5 туземцев к 1 января 1887 г.). Во всяком случае, семинария по незначительному числу своих воспитанников вообще и туземцев в частности¹¹ не могла выполнять задачу, упомянутую в речи, произнесенной при ее открытии А. Л. Кунсом: «путем распространения русского просвещения между инородческим населением содействовать сближению их (sic) с русским народом».

Много надежд возлагалось в этом отношении на городские училища. Н. П. Остроумов отмечал уже в 1879 г.¹², как отрадный факт, признаки доверия туземцев к русской школе, поступление детей туземцев в школы пансионерами и посещение школ приходящими учениками, в том числе взрослыми, «которые самую жизнь доведены были до сознания в необходимости изучения русской грамоты и русского языка». В Чимкентском женском училище учились даже «две девочки-сартянки». От совместного обучения туземцев и русских ожидалось благодетельные результаты для тех и других: «туземцы скорее сближаются через это с русскими своими товарищами и осваиваются с разговорным русским языком; русские ученики школ также сближаются с туземцами и привыкают смотреть на них без предубеждения; те и другие забывают племенную рознь и перестают не доверять друг другу».

Существенным различием между прежнею и новою школою было отношение к преподаванию туземной грамотности и мусульманского вероучения. По замечанию Н. П. Остроумова, «мусульманской грамоты и мусульманского закона божия пансионеры не изучали, согласно

---

¹¹ Ср. интересное сообщение Н. П. Остроумова (*Колебания*, стр. 142), что вначале в семинарии было введено преподавание киргизского <казахского> языка с применением русского алфавита, для чего была составлена в 1883 г. преподавателем Я. Я. Лютшем хрестоматия (ср. отрицательный отзыв о его транскрипции: Мелиоранский, *Краткая грамматика*, ч. I, стр. 5); в том же году было введено преподавание сартовского языка, в 1885 г. — персидского; преподавание киргизского языка было прекращено, хотя в семинарию поступали одни киргизы <казахи>, которых и обучали «мусульманской письменности на сартовском и персидском языках», содействуя таким образом упрочению среди киргизов влияния мусульманской книжной культуры.

¹² Остроумов, *Воспоминания*, стр. 109 и сл.

примечания к § 13 выс. утв. 31 мая 1872 г. положения о городских училищах». Преподавание велось на русском языке, и к туземным наречиям учителя прибегали только тогда, «когда объясняли туземцам непонятные для них выражения». Религиозное обучение было, однако, отменено только для мусульман; вообще оно признавалось необходимою частью общего образования, и православные дети обучались закону божьему; прежде религиозное обучение допускалось и для мусульман; в 1863 г. заведовавший в то время школьным делом чиновник Груздзь выписал для Перовской школы 20 татарских букварей и 10 экземпляров хефтыка (избранных мест из Корана). Кауфман, посетивший Перовск в 1868 г., находил вполне допустимым, чтобы во время преподавания закона божьего православным детям ученикам-мусульманам давались «соответствующие уроки муллами»; им даже было дано соответствующее поручение местному мулле, с назначением ему вознаграждения в размере 100 руб. в год. В противоположность этому¹³ в речи А. Л. Куна, произнесенной при открытии учительской семинарии 30 августа 1879 г., признавалось невозможным возлагать на русскую школу преподавание «вероучений, в основании своем несогласных с господствующею религиею в государстве, а тем более таких учений, которые враждебны христианству; родителям предоставляется наставлять своих детей в правилах исповедуемой ими веры своими средствами». Последний принцип находится в совершенном противоречии с традициями мусульманских стран, где обучение религии всегда признавалось делом школы; трудно было ожидать от туземцев, особенно от более религиозных сартов, доверия к русской школе, куда доступ был открыт священнику и закрыт мулле, где дети-туземцы носили одинаковую казенную одежду с детьми русскими. В Ташкенте школы привлекали к себе большее число детей-туземцев в первые годы, чем впоследствии; максимальное число было достигнуто к 1 января 1886 г.: 215 из 628, т. е. 34%; к 1 января 1896 г. детей-туземцев в городских училищах было всего 138 из 878, т. е. 15,7%. Из училищ уездных городов Сыр-Дарьинской области менее всего привлекало к себе туземцев училище в Перовске, где в 1911 г. из 117 воспитанников было всего 6 киргизов и 1 татарин, хотя интернат при училище был рассчитан на

¹³ Отношение Кауфмана к мусульманской и антимусульманской пропаганде вообще не отличалось последовательностью. Несмотря на его отрицательное отношение к «степному миссионерству» татар (Остроумов, *Воспоминания*, стр. 12), он отменил меры, принимавшиеся против этого явления, и оно при нем сделало успехи (Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 271). Не допуская христианского миссионерства в Туркестане (Остроумов, *Воспоминания*, стр. 43 и сл.), он в 1876 г. обратился к министру гр. Толстому с просьбой командировать в Туркестан для устройства учительской семинарии такого поборника православия, как Н. И. Ильминский, после чего воспитанники Казанской духовной академии приняли некоторое участие в деле устройства в Туркестане народного образования (Остроумов, *Воспоминания*, стр. 7; Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 92 и сл.).

40 человек, причем две трети вакансий должны были предоставляться киргизам. Больше всего учеников-туземцев было в 1910 г. в Туркестанском городском училище: 28 (23 киргиза, 4 сарта и 1 татарин) из 82 (34%). Число русского населения в городе Туркестане было совершенно ничтожно по сравнению с туземным; по переписи 1897 г. на 11 253 жителя приходилось всего 312 русских (2,8%).

От принципа, что мусульманское вероучение не может быть предметом преподавания в государственной школе, правительственная власть впоследствии сама отказалась, когда было приступлено к открытию русско-туземных школ. Инициатива открытия таких школ относится еще ко времени Кауфмана и приписывается ташкентскому купцу Сейид-Азиму, торговавшему с русскими еще при ханах, выкупившему в 1859 г. русского пленного из Ташкента, в 1866 г. построившему, как сказано в высочайшей грамоте, «великолепную мечеть» по случаю избавления Александра II от сделанного на него 4 апреля покушения и в 1867 г. возведенному упомянутою высочайшею грамотою в звание потомственного почетного гражданина¹⁴. Мысль Сейид-Азим-бая (внушенная ему, как полагает Н. П. Остроумов¹⁵, одним из местных чиновников) имела, однако, мало общего с осуществленным впоследствии проектом; ташкентский купец предлагал преобразовать одно из ташкентских медресе (Ишанкульское)¹⁵ введением в него преподавания русской грамоты, русских законов, арифметики и ремесел, но сохранив преподавание шариата; русскую грамоту предполагалось приспособить к туземному языку; преподавание русского языка и литературы, по-видимому, не имелось в виду. Несмотря на то что этот план входил в разрез с принципом, что не следует реформированием устарелой туземной школы придавать ей новую жизнь, мысль Сейид-Азим-бая была встречена местными властями сочувственно¹⁷; была составлена комиссия, которою были выработаны подробности и

¹⁴ По Скайлеру (Schuyler, *Turkistan*, vol. I, p. 100), Сейид-Азим-бай был вторым ташкентцем, получившим это звание; первым был Алим-хаджи Юнусов, татарин из Пензы, переселившийся в Ташкент задолго до прихода русских.

¹⁵ *Сарты*, изд. 3-е, стр. 100.

¹⁶ Ишан-Кули-дадха, сын Беклярбеги, построил медресе около 1840 г. близ Шейхантаурского кладбища; ср. Остромув, *Мадрасы*, стр. 9. Медресе Ишан-Кула есть также в городе Туркестане; ср. Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 134, где этот Ишан-Кул назван «датхой» и отнесен ко времени «около 100 лет тому назад» (т. е. к началу XIX в.).

¹⁷ Так же сочувственно был встречен и также не получил осуществления проект, возникший при Черняеве (1882—1884); для рассмотрения его была избрана комиссия «главным образом из туземцев». В проектированном медресе предполагалось учить русскому языку, истории, географии и др. предметам; расходы предполагалось покрыть из вакуфа Назар-бая, отобранного у медресе Беклярбеги и переданного в распоряжение Туркестанского благотворительного общества (Керенский, *Медресе*, стр. 36). О медресе Беклярбеги, основанном около 1835 г. ср. Остроумов, *Мадрасы*, стр. 8.

составлена смета; между прочим предполагалось «составить хрестоматию из самых легких рассказов на местном наречии, но в русской транскрипции»; местная администрация входила в сношения с попечителем С.-Петербургского учебного округа по вопросу о привлечении в проектированную школу преподавателей из студентов факультета восточных языков. Едва ли причиной, по которой проект не получил осуществления, было только «полное отсутствие преподавателей», как сказано в книге А. И. Добросмыслова о Ташкенте.

Фактическое открытие русско-туземных училищ началось при генерал-губернаторе Розенбахе (1884—1889); в противоположность прежнему мнению, теперь «для успеха русско-мусульманской школы» признавалось «необходимым, чтобы в ней преподавался туземцам закон их веры их же муллою»¹⁸. Созванная Розенбахом в 1884 г. «секретная» комиссия по-прежнему высказывалась за введение общеобразовательных предметов в курс медресе; потом этот проект, по желанию генерал-губернатора, был заменен проектом создания русско-туземных школ¹⁹. Предполагалось открывать школы преимущественно в таких местностях, где население меньше всего имело возможность знакомиться с русским языком: в деревнях и в отдаленных городских кварталах; степные школы даже должны были иметь «возможность без затруднений следовать за передвижением аулов в их периодических перекочевках». Этот расчет не оправдался, и уже с 1888 г. началось перенесение школ из деревень «в города, в которых туземное население живет в непосредственном соприкосновении с русским»²⁰.

Внешняя обстановка школы должна была соответствовать «примитивному складу домашней жизни инородцев». Едва ли это было необходимо; открытая в 1873 г. в русской части города татарская школа (с 1895 г. преподавание было преобразовано по новому методу) едва ли потерпела ущерб оттого, что в ней обстановка «принимала постепенно европейский вид»²¹. На уроках главное внимание должно было быть обращено на практическое усвоение учениками русского языка; кроме того, предполагалось знакомить их только с основными началами русской грамоты и арифметики.

Открытие первой русско-туземной школы, или, как ее называли тогда, приходского училища для детей туземцев, состоялось 19 декабря 1884 г.²² в доме Сейид-Гани, сына Сейид-Азима (Сейид-Гани вме-

¹⁸ Циркуляр Розенбаха от 30 сентября 1886 г.; Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 178.

¹⁹ Наливкин, *Туземцы*, стр. 102 и сл.

²⁰ Граменицкий, *Очерк*, стр. 8.

²¹ Добросмыслов, *Ташкент*, стр. 203. В школе в 1910 г. было 100 учеников, тогда как в русско-туземной школе (открытой в 1902 г.) было всего 60.

²² Совершенно неверно замечание Бобровникова (*Русско-туземные училища*, стр. 10), что «за время до 1884 г. русско-туземных училищ было открыто весьма немного,

сте со своим братом был обучен русскому языку учителем, приглашенным его отцом). Несмотря на то, что школа была открыта в доме богатого сарта, отчасти усвоившего европейский образ жизни, в ней нарочно не поставили никакой классной мебели, чтобы не смущать туземцев непривычной обстановкой; дети (39 мальчиков) «сидели на разостланных коврах и ватных одеялах с книгами в руках». Преподавателем школы был назначен едва ли не лучший знаток языка и быта сартов из русских, В. П. Наливкин, проживший несколько лет с женой и детьми в кишлаке Нанай (Ферганской области, Наманганского уезда), причем внешняя обстановка их жизни была «вполне сартовская»; благодаря этому Наливкиными (мужем и женой) была написана превосходная книга о быте сартов, изданная в Казани в 1886 г. и содержащая гораздо более разнообразные сведения, чем можно было бы ожидать по ее скромному заглавию: «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы». Как было отмечено рецензентом, вообще очень строгим к трудам туркестанских деятелей, покойным проф. Н. И. Веселовским, книга знакомила читателя «в главных чертах» с бытом «не только женщины, но и всего оседлого мусульманского населения Ферганы, а вместе с тем и всей Средней Азии»²³.

Педагогическая деятельность В. П. Наливкина (в русско-туземной школе и семинарии) продолжалась только до 1890 г., когда он был назначен инспектором народных училищ, причем ему было поручено «наблюдение за туземными школами Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей и изучение постановки учебного дела в этих школах». В 80-х годах им было издано несколько хороших учебных руководств (в 1898 г. к ним присоединилось «Руководство к практическому изучению сартовского языка», в 1900 г. несколько менее удовлетворительное «Руководство к практическому изучению персидского языка»). Его дальнейшая жизнь, до его трагической смерти вскоре после революции, представляет обычную в истории русской интеллигенции картину неумения общества использовать исключительные знания и дарования своего члена и неумения самого деятеля найти свой

кажется, не более 10». Их не было ни одного. Саттар-хан Абдулгафаров в своей автобиографии (Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 140) упоминает об открытой в 1874 г. русской школе в Чимкенте, где учителем русского языка был киргиз Хасанов, учителем мусульманской грамоты Саттар-хан, и называет ее «первой русско-туземной школой в крае». Остроумов (там же, стр. 173) говорит об этой школе, что она «не оставила после себя заметного следа», и называет школу, открытую в Ташкенте в декабре 1884 г., «первой организованной русско-туземной школой». Добросмыслов в рассказе о чимкентских учебных заведениях (*Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 195) не упоминает о школе 1874 г. и говорит об открытии первого русско-туземного училища в Чимкенте в 1887 г., второго в 1910 г.

²³ Веселовский, ЗВОРАО, т. I, стр. 319.

настоящий путь. Наливкин покинул службу по учебному ведомству вскоре после того, как главный инспектор училищ Ф. М. Керенский²⁴ напечатал под своим именем статью, составленную по отчетам Наливкина, впоследствии служил по администрации и закончил свою служебную карьеру в должности помощника губернатора Ферганской области, присоединился к социалистической партии и был депутатом от русского населения Туркестана в первой государственной думе; в думе вместо того, чтобы воспользоваться своим исключительным знанием Туркестана на благо этого края, произнес ничем не оправдываемую оскорбительную речь против русских судебных деятелей²⁵; вновь был выдвинут событиями 1917 года и тяжкими переживаниями был доведен до самоубийства. Еще в 1898 г. автор, превосходно подготовленный для дальнейшего непосредственного изучения различных сторон местной жизни, тратил свое время на разработку такой неблагоприятной книжной темы, как «Ислам и закон Моисея», и приходил к более чем спорному выводу, что «насущнейшей необходимостью» для «вполне ясного понимания сущности разнородных явлений жизни мусульманского населения Средней Азии» является знакомство с Талмудом. Еще более печальную картину представляет судьба другого даровитого автодидакта А. Н. Вышнегорского, собравшего материал для лучшей до сих пор книги о местном обычном праве. Воспитанник историко-филологического института в Петербурге, преподаватель Туркестанской учительской семинарии, совершивший перед тем путешествие в Индию и Австралию, А. Н. Вышнегорский изучил языки — сартовский, киргизский и персидский; в 1886 г. губернатор Сыр-Дарьинской области Н. И. Гродеков (впоследствии генерал-губернатор) поручил ему собрать сведения о киргизском обычном праве по программе, составленной Наливкиным. Вышнегорский провел в степи 7 месяцев и собрал материал, который и составляет почти исключительное содержание книги Н. И. Гродекова: «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области» (Ташкент, 1889). Проф. Веселовский справедливо назвал «весьма от-

²⁴ Отец выдвинутого событиями 1917 года политического деятеля.

²⁵ <В. П. Наливкин прошел в думу как человек социалистических убеждений. Он не вступил в члены РСДРП, но, оставаясь беспартийным, примыкал к думской фракции РСДРП. В. И. Ленин в 1907 г. в связи с полемикой о составе и классовом характере думских фракций и партий, так писал о В. П. Наливкине (ставя его имя в одном ряду с немецким физиком Аронсом и капиталистом Зингером, принимавшими участие в деятельности немецкой социал-демократии): «...Зингеры, Аронсы, Наливкины — явления персонального перехода от буржуазии к пролетариату» (В. И. Ленин, *Сила и слабость русской революции*, — Полное собрание сочинений, т. 15, М., 1961, стр. 221). В думе Наливкин выступил с разоблачением царской колониальной администрации; В. В. Бартольд оценивает здесь это выступление с позиций буржуазных. Трагедия Наливкина как человека социалистических убеждений и крупного ученого-востоковеда состояла в том, что во время событий 1917 года, будучи комиссаром буржуазного Временного правительства в Туркестане, он оказался в лагере врагов революции. — В. Р.>

радным» самый факт «появления в Ташкенте такой книги, как эта»²⁶. Книга дает богатый материал по юридическому быту туземцев, собранный непосредственно из уст самого народа, с приведением подлинных выражений; разумеется, не все вопросы, относящиеся к киргизскому обычному праву, могли быть выяснены до конца в этом первом опыте, но, по справедливому замечанию Н. И. Веселовского, можно было только «удивляться, что в такой незначительный срок сделано г. Вышнегорским так поразительно много». Оставалось только надеяться, что сам исследователь и другие лица воспользуются этим опытом для дальнейших работ в том же направлении; но этого не случилось; Вышнегорский не продолжал своих работ и не имел преемников. Я видел его через четыре года после выхода в свет книги; он жил тогда в туземном городе, ничем не отличался по образу жизни от туземцев (семьи у него не было), был восторженным поклонником мусульманской культуры, особенно суфизма, ни с кем из русских не хотел делиться своими знаниями и резко осуждал себя за то, что для выполнения поручения Гродекова ему пришлось быть своего рода шпионом (*джасус*) среди доверчивых кочевников. Мне говорили, что он через несколько лет перешел из одной крайности в другую, стал ненавидеть сартов так же, как прежде увлекался ими, и прекратил с ними всякое общение. Ни к какому делу он по своему характеру не мог приспособиться и умер едва ли не в нищете.

Высочайшее соизволение на открытие «русско-туземных школ грамотности» последовало только 20 июня 1886 г.²⁷, через 1½ года после фактического открытия первой школы; за это время в 1885 г. были открыты еще три «приходских русско-туземных училища», все три в Сыр-Дарьинской области. В 1886 г., после высочайшего разрешения, было открыто сразу 14 школ. Как впоследствии признавалось и русскими, многие из школ первоначально пополнялись наемными детьми бедняков; для найма «подставных детей бедняков взамен действительных сыновей влиятельных сартов» даже существовал особый негласный денежный сбор, под названием *школ пули*²⁸. Уже через несколько лет это явление, по словам изданного в конце 1891 г. циркуляра генерал-губернатора бар. Вревского, отошло «в область предания»²⁹; тем не менее результаты деятельности русско-туземных школ, число которых

²⁶ Веселовский, ЗВОРАО, т. V, стр. 122.

²⁷ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета; здесь говорится об открытии «в Ферганской области и других местностях Туркестанского края 18 русских начальных школ для детей туземцев».

²⁸ Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 180 и сл. По словам Наливкина (*Туземцы*, стр. 109), это было выяснено еще в 1887 г. ревизией школ Ташкентского уезда, но генерал-губернатором (Розенбахом) дело было замято.

²⁹ Однако еще в 1898 г. оно повторилось при открытии русских школ в Верненском уезде для детей тарапачинцев (Остроумов, *Воспоминания*, стр. 215).

к 1 января 1911 г. доходило до 89, находили неудовлетворительными; один из русских деятелей, М. М. Вирский, может быть с некоторым преувеличением, говорит, что «ни одна из русско-туземных и чисто русских школ в (Самаркандской) области не выпустила из своих стен ни одного туземца, умеющего правильно читать, не говоря — писать по-русски»³⁰. М. М. Вирский объясняет этот факт исключительно недостатками самой школы; винить учеников, по его мнению, нельзя, так как школы «донельзя переполнены учащимися туземцами». С другой стороны, в «Статистическом обзоре Ферганской области за 1910 г.» (стр. 181 и сл.) главной причиной «непопулярности и недостаточной успешности русско-туземных школ» признаются «фанатизм и косность мусульманского населения»³¹; к тому же туземцы, будучи по натуре своей глубокими материалистами, смотрят и на обучение детей исключительно с практической стороны; но, не видя непосредственных выгод от обучения детей в русско-туземных школах, они, в то же время, учитывают отсутствие работника в семье, ибо курс обучения довольно продолжителен — 4 года; поэтому, в большинстве случаев, дети покидают школу, едва научившись немного читать, писать и говорить по-русски». В «Обзоре», однако, признается, что «состав учителей далеко не во всех школах стоял на должной высоте»; там же сказано, что на недостатки школы теперь «обращено особое внимание учебным ведомством, и число учеников, оканчивающих курс, заметно увеличилось». Таким же образом в издании переселенческого управления «Азиатская Россия»³² о русско-туземных школах говорится, что «постановка учебного дела в этих училищах оставляет желать весьма многого, и в настоящее время на очередь поставлен вопрос о их полной реорганизации». Последующие события не дали правительству возможности приступить к этому делу.

Помимо недостаточного уровня образования и развития преподавателей, вышедших главным образом из воспитанников туркестанской учительской семинарии, успехи русской школы и вообще русской культуры затруднялись опасением, как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей в ущерб обрусению. В русско-туземных училищах во второе десятилетие их существования твердо проводился принцип, по которому занятия в русском классе должны были вестись исключительно на русском языке и только при помощи русского языка детьми должны приобретаться «необходимые знания и развитие»; в туземном классе не должно было

³⁰ Вирский, *Самаркандская область*, стр. 344.

³¹ Ср. также статью Е. Т. Смирнова *Дервишизм*, стр. 70, где сказано, что «главным образом, ишанам мы обязаны малым успехом русско-туземных школ, открытых с такими широкими надеждами».

³² «Азиатская Россия», т. I, стр. 257.

быть никаких других занятий, кроме обучения «туземной грамоте и основам мусульманского вероучения под руководством туземного муллы».

В 1905 г. самими туземцами был поднят вопрос об открытии в туземной части Ташкента училища, где могли бы продолжать учение окончившие курс русско-туземной школы; результатом этого ходатайства было открытие в том же году в Ташкенте первого³³ двухклассного русско-туземного училища. Курс второго класса (двухлетний) включал в себя арифметику, историю, географию и естествоведение, но все это на русском языке; в туземном классе предполагалось в это время только «продолжать изучение туземной грамоты и основ мусульманского вероучения». Самими учителями-туземцами вводились некоторые реформы в деле преподавания; Сейид-Расуль Сейид-Азизов составил букварь для обучения грамоте по звуковому методу (*Устād-и аввāl*, букв. «Первый учитель»); продолжением этого букваря была хрестоматия, составленная другим учителем, Али-Аскармом Калининным, воспитанником учительской семинарии, со статьями «по естествоведению, по географии России, о Туркестанском Крае, о населении России и столицах», даже «по истории Русского государства».

По мнению комиссии, созданной в Петербурге в 1905 г. министром народного просвещения Глазовым и находившейся под некоторым влиянием системы Ильминского, в школе следовало отвести более значительное место природному языку детей; против этого мнения выступил в конце того же года директор народных училищ Сьвр-Дарьинской области С. М. Граменицкий, утверждавший, что «местные туземные наречия» по своим «особенностям» не могут быть положены в основание «системы образования», замена этих наречий татарским языком противоречила бы «интересам общегосударственным», следовательно, языком преподавания может быть только русский; в таком духе уже налажено дело, и всякая «ломка», хотя бы в духе предположений комиссии, принесла бы только вред³⁴.

В том же 1905 г. тот же С. М. Граменицкий, однако, признавал, что число воспитанников русско-туземных школ все еще ничтожно по сравнению с массой населения, что поэтому их влияние в смысле распространения «общечеловеческой культуры» незначительно, что необходимо пользоваться для этой цели, если не в школе, то в печати, туземными языками, издавать на этих языках «полезные книги и брошюры», переводные и оригинальные; если за это дело не возьмутся русские,

³³ Остававшегося и в 1912 г. единственным; ср. Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 23 и сл.

³⁴ Все это по статье Н. П. Остроумова *Мусульманские мактабы*. Правила, выработанные комиссией Будиловича, были утверждены 31 марта 1906 г., но комиссией, работавшей в Ташкенте в 1907 г., признаны несоответствующими местным условиям (Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 3 и сл.).

его выполнит «татарская печать, задачи и стремления которой далеко не соответствуют русским общегосударственным интересам». Предсказание Граменицкого оправдалось очень скоро отчасти потому, что многие другие русские деятели видели и в развитии туземной литературы, как в развитии туземной школы, только препятствие к будущему «обрусению». С этой точки зрения многими осуждалось, например, издание в 1906 г. Н. С. Лыкошиным учебника по русской истории Соловьева в переводе на сартский язык.

Резко отрицательно относился к татарскому степному миссионерству и к татарской колонизации еще К. П. фон-Кауфман. Подробную характеристику деятельности в степи татар, как пропагандистов ислама и экономических эксплуататоров, дал в 1896 г. И. В. Аничков (в то время помощник мирового судьи в Казалинске); он приходил к выводу, что сарты, конкуренты татар³⁵ в миссионерстве и торговле, все-таки вносили в степь «кое-какую культуру», знакомили кочевников с «опытом азиатской земледельческой культуры», тогда как татары, исключительно горожане, занимались только хищничеством, жили только «интересами торговли и мечети»; с этим мнением была связана и несколько односторонняя и пристрастная характеристика культурного прошлого ислама. Сам автор отмечает, что татары «ближе всего стоят к русским по развитию и образу жизни»; его замечание об антикультурной роли в степи ислама, под влиянием которого киргизский³⁶ «адат уступает постепенно место шариату, замыкающему первым делом женщину и закутывающему ее в чадру», применимо, конечно, только к сартам, но не к татарам. В татарской школе в Казалинске уже тогда происходило обучение по новому звуковому способу, так что татары были конкурентами русских в деле ознакомления мусульман с европейскими приемами учения, вообще внесения в их среду европейской культуры. Эта конкуренция постепенно усиливалась, но обратила на себя внимание русских только тогда, когда уже приняла значительные размеры. Характерны слова «Статистического обзора Ферганской области за 1908 г.», что в данном обзоре «собраны впервые» сведения о новометодных мектебах, хотя они появились «в Ферганской области лет 10—12 тому назад»³⁷, причем «распространителями их явились

³⁵ Другими конкурентами татар были евреи; ср. Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 126 и сл.: «татары не могут выдерживать в торговых делах конкуренции с евреями» (о городе Туркестане; евреев в Туркестане считалось 498).

³⁶ <Казахский.>

³⁷ Бобровников (*Русско-туземные училища*, стр. 80) полагал, что новометодные мектебы первоначально были открыты в Средней Азии в 1905—1906 гг. казалинскими татарами. Граменицкий (*Открытый вопрос*) относил появление этих мектебов в Туркестанском крае к 1908 г. и писал в 1909 г., что в 1907 г. в Туркестане еще не было ни одного такого мектеба. Остроумов (*Sine ira et studio*) тогда же писал, что, как ему известно, новометодные мектебы «существуют в разных местностях края не с прошлого только года».

почти исключительно татары, прибывшие из внутренних губерний России, которые и состоят в большинстве школ учителями»³⁸.

Возникновение в Туркестане татарских новометодных мектебов относится, следовательно, к тому же десятилетию, когда произошло наиболее значительное увеличение числа русско-туземных школ, которых в 1896 г. было 28, в 1906 г. уже 83; к 1911 г. их число увеличилось только до 89³⁹. Татарские мектебы учреждались, конечно, не в селениях, а в крупных городских центрах, где преимущественно сосредоточивались переселенцы из татар; по-видимому, в этих центрах татарская школа имела значительно больший успех, чем русская; в Ташкенте в 1910 г. было 8 русско-туземных школ и 16 новометодных мектебов⁴⁰, в Коканде в 1911 г. две русско-туземные школы с 162 учениками и 8 новометодных мектебов с 530 учениками. История постепенного роста татарской школы в Туркестане еще не разработана, статистические данные, например для Ферганской области, настолько противоречивы, что вызывают сомнение в их достоверности. По статистическим обзорам Ферганской области в 1908 г. было 30 новометодных мектебов с 1306 учащимися (из них в Коканде 12 с 607 учащимися), в 1910 г. — всего 12 (из них в Коканде 5⁴¹, число учащихся не показано), в 1911 г. — 11 с 707 учащимися (из них в Коканде 8 с 530 учащимися). Особенно непонятным представлялось бы быстрое уменьшение и затем снова увеличение числа этих школ в Коканде.

Татарская новометодная школа не осталась без влияния на местное население. В городе Туркестане, как отмечал в 1910 г.

³⁸ Права татар были ограничены положением 12 июня 1886 г., по которому лицам нехристианских вероисповеданий было запрещено приобретать земельную собственность (ст. 252; ср. текст положения в «Туркестанском календаре на 1904 г.»)

³⁹ То же число указано в статье М. А. Бобровникова *Русско-туземные училища*, стр. 24.

⁴⁰ Всего мужских мектебов было 137, так что новометодные мектебы составляли 11,7% общего числа (Добросмыслов, *Ташкент*, стр. 224).

⁴¹ По статье члена государственной думы Максудова (в «Туркестане» 15 октября 1910 г.), в Коканде считалось тогда 16 новометодных мектебов, в Ташкенте — 20. В статистических обзорах Ферганской области за 1910 и 1911 гг. совершенно не упоминается о закрытии с 1 января 1911 г. кокандских татарских мектебов по распоряжению русской администрации (Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 77 и сл.). По словам Бобровникова (там же, стр. 80), «по закрытии этих мектеб новые стали возникать медленно, так как учителя сарты были менее подготовлены и часто, по отзывам местных учителей, только механически копировали учителей-татар, но тем не менее помянутая административная мера не остановила распространения новых методов, а лишь временно задержала; с другой стороны, она вызвала издание учебников на сартовском языке, что должно иметь огромное значение в будущем». В 1911 г. в Туркестане снова были изданы правила, со введением их в действие с 1 июля, по которым учитель в мектебах должен был принадлежать к той же национальности, как ученики («сарт не может обучать киргиз, татарин — сартов»), и при открытии нового мектеба начальству должны были представляться «подробная программа и список учебников» (Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 61).

А. И. Добросмыслов, из 30 мектебов преподавание правильно велось по новому методу уже с 1900 г. только в одном, где преподавателем был татарин, но два мектеба (очевидно туземных, так как татар в городе всегда было очень мало) постепенно начинали переходить к новому методу. В Казалинске преподавание по новому методу, кроме татарской школы, где оно было введено в 1903 г., происходило также в киргизской, существовавшей тогда «6—7 лет», т. е. основанной около того же 1903 г.; преподавателем в этой школе был киргиз.

Таким образом, татарская новометодная школа уже через несколько лет после своего появления стала оказывать влияние на школу туземцев, тогда как в 1892 г. компетентным лицом был засвидетельствован факт, что «27 лет русского владычества прошло бесследно для туземной школы; ее одной не коснулись новые благотворные порядки, в нее одну не проник хотя бы слабый луч света»⁴². Русских учителей и впоследствии было так мало, что заведование русско-туземными школами иногда поручалось мусульманам⁴³.

На литературу сартов, кроме татар из Поволжья, оказывали влияние также татары из Кавказа (азербайджанцы), появившиеся в большом числе в Туркестане, вместе с другими кавказскими жителями, после открытия в 1888 г. железной дороги до Самарканда, продолженной в 1898 г. до Ташкента и Андижана; после открытия железной дороги из Оренбурга в Ташкент переселенцы из Кавказа и Персии проникли и в северную часть Сыр-Дарьинской области⁴⁴.

Влияние кавказских татар, отчасти и казанских, но в меньшей степени, по-видимому, больше всего отразилось в появлении у сартов нового рода литературы — драмы; первые известия о драматической литературе сартов, которой в 1916 г. посвятил особую статью А. Н. Самойлович⁴⁵, относятся к 1912 г. Язык некоторых из этих драм, как и следовало ожидать, не свободен от татаризмов; но в общем именно в драматических произведениях был сделан первый опыт применения к письменности, вместо выработанного в средние века искусственного литературного языка, разговорного сартовского наречия, «понятного народной массе». Таким непредвиденным способом, без всякого прямого участия русских, было положено начало достижению цели, к которой стремились многие ориенталисты — иные, как Ильминский, на почве миссионерской борьбы с исламом, другие, как Радлов, на почве борьбы за чистоту народного языка, свежесть народной мысли и чувства.

⁴² Керенский, *Медресе*, стр. 40.

⁴³ По «Туркестанскому календарю на 1904 г.», таких школ было 13 из 55, из них одна в самом городе Самарканде.

⁴⁴ Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 80 (о Перовске) и 127 (о Туркестане).

⁴⁵ *Драматическая литература*.

Заботы о чистоте языка не могло быть в ежедневной прогрессивной печати, существовавшей в Ташкенте при прежнем режиме всего два года (1906—1908) и всецело находившейся в руках приволжских татар. Язык, на котором издавались газеты, назван в книге Добросмыслова⁴⁶ «ломаным сартовским языком». Раньше в Ташкенте издавалась только официальная «Туркестанская туземная газета», основанная еще в 1870 г. одновременно с «Туркестанскими ведомостями» и предназначенная преимущественно «для туземных должностных лиц Туркестанского края, с целью ознакомления их с распоряжениями местной администрации и распространения среди них полезных сведений, преимущественно из истории и географии»⁴⁷. С 1883 до 1917 г. редактором газеты был Н. П. Остроумов; сотрудниками его были туземные ученые, и газета издавалась, по справедливому замечанию одного из местных знатоков языка и быта туземцев⁴⁸, «на книжном языке», далеко от разговорного. Значение газеты для туземцев сам редактор, по-видимому справедливо, сравнивает с тем значением, какое имели для русских начала XVIII в. официальные «Ведомости» того времени. Столь же интересны слова редактора, что популярность газеты среди туземных читателей стала увеличиваться с 1906 г., когда появились «татарские газеты с крайним направлением», посягавшие на «вековые устои» жизни туркестанских мусульман; редактор в своей газете давал «место ответам самих туземцев на такие вопросы», иногда и сам «возражал крайним татарским газетам по существу, с русской государственной точки зрения»⁴⁹.

Последний факт вообще характерен для отношения русских властей к мусульманству после 1905 г. Под влиянием прозных признаков приближения революции принцип «*quieta non movere*» заслонил собою все другие соображения. Старая мусульманская школа и вообще старозаветный ислам не только обнаружили больше жизненных сил, чем ожидали Кауфман и первые русские деятели в Туркестане, но нашли себе союзников среди русских, на почве принципов консерватизма.

Кауфман и его единомышленники ожидали, что туземцы сами поймут, что русская школа более соответствует духу времени, и отдадут ей предпочтение перед мусульманскою. Несмотря на недостатки русско-туземной школы и на религиозные предрассудки туземцев, эти ожидания до некоторой степени оправдались. В 1894 г. я имел случай говорить с молодым сартом, прошедшим курс как мектеба, так и русско-туземной школы; на мой вопрос, которая школа ему больше нравится, я получил характерный ответ: «Не знаю, как будет на том свете, но на этом свете русская школа нравится мне больше». Полагали,

⁴⁶ *Ташкент*, стр. 294.

⁴⁷ Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 157.

⁴⁸ Лыкошин, *Знание туземных языков*, стр. 87.

⁴⁹ Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 172.

что помимо устарелых учебных программ причиной гибели мусульманской школы будет самый факт перехода власти к иноверному правительству, вследствие чего школы уже не могли ожидать поддержки из государственных средств. Если иногда утверждали, что ислам может существовать только как официальная религия, что без поддержки государством он осужден на гибель⁵⁰, то тем более несомненно казалась гибель устарелой мусульманской школы, предоставленной самой себе. Главным источником существования школ были жертвовавшие в их пользу вакуфы — доходы с земельного имущества, городских лавок и т. п. Кауфман, по словам его отчета по управлению Туркестанским краем (1881 г.), «устранился — даже отступив для того от буквы временного положения 1867 г. — от признания и утверждения новых вакуфных пожертвований»⁵¹. Из прежних вакуфов учебным заведениям удалось сохранить далеко не все. Мы видели, что уже в 80-х годах при Черняеве был случай отнятия вакуфа у одного из ташкентских медресе и передачи его русскому благотворительному обществу. Н. А. Бобровников объясняет особенно жалкое состояние медресе в Самаркандской области тем, что там «вакуфы были конфискованы»⁵². Такой общей конфискации вакуфов, однако, в этой области, по-видимому, не было; вакуфы были только взяты в заведование русской администрации, притом еще в 70-х годах⁵³. Н. П. Остроумов говорит о кокандских медресе, что за ними были утверждены «не все вакуфные имущества, а это дает повод мударрисам и мутаваллиям жаловаться на несправедливость русской администрации»⁵⁴. Администрация вообще, по-видимому, вмешивалась в дела медресе только тогда, когда вопрос касался вакуфов и их управления; деятельно вмешательство в учебную жизнь не было, хотя Н. П. Остроумов полагал, что после высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. об уравнении прав русских граждан «туземные школы в Туркестанском крае имеют право на одинаковое с русскими школами внимание к ним со стороны министерства народного просвещения», причем «внимание это должно выразиться не в одном внешнем надзоре и таковой же канцелярской отчетности, как практикуется доселе, а в педагогическом руководстве самым учебно-воспитательным делом». Комиссия А. С. Будиловича, работавшая в том же 1905 г., предлагала учредить для этой цели должность «инспекторов мусульманских школ», которые,

⁵⁰ Ср. слова Э. Ренана в 1862 г. <во вступительной речи к курсу еврейского, халдейского и сирийского языков в Collège de France> (Renan, *Peuples sémitiques*, p. 22): «L'islamisme ne peut exister que comme religion officielle; quand on le reduira à l'état de religion libre et individuelle, il périra».

⁵¹ Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 271.

⁵² Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 86.

⁵³ Наливкин, *Положение вакуфного дела*, стр. 28.

⁵⁴ Остроумов, *Мадрасы*, стр. 11. Там же (стр. 4 и сл.) о вакуфах самаркандских медресе. Ср. также Наливкин и др., *Краткий обзор*, стр. 46 и сл.

по замечанию Н. П. Остроумова, могли бы исполнять свои обязанности «только при знании арабского и местных языков»⁵⁵. Н. А. Бобровников в 1913 г. писал о необходимости учреждения в Ташкенте учебного округа с особой организацией, причем при округе, между прочим, должны были быть «четыре окружных инспектора из числа сведущих и авторитетных ориенталистов для руководства районными инспекторами и для научных и учебных работ»⁵⁶. В действительности все ограничилось вмешательством в дела управления медресе и их вакуфами, не требовавшим ни основательного знания дела, ни тщательно выработанной и последовательно проведенной системы.

Это вмешательство началось, по статье Керенского, со второй половины 1890 г.⁵⁷; с 1891 г. был установлен порядок выбора мударрисов обществами и утверждения их русским учебным ведомством, именно главным инспектором училищ по заключению инспектора⁵⁸. В 1894 г. была выработана «инструкция старшим мударрисам туземных мадрас Туркестанского края»⁵⁹, причем в лице старшего мударриса была сосредоточена вся власть над медресе; по § 3 инструкции «младшие мударрисы, мутаваллии и муллы обязаны исполнять все законные требования старшего мударриса». В этом заключалось отступление от старых порядков, по которым хозяйственными делами ведали только мутеваллии независимо от мударрисов. Хищения мутеваллиев иногда заставляли самих студентов медресе (мулл) обращаться к властям, в том числе и к русским; теперь студентам было запрещено обращаться с такими просьбами к инспектору, минуя старшего мударриса. Н. А. Бобровников называет инструкцию «канцелярскою отпискою», не оказавшею никакого влияния на жизнь, «слабую и неудачною попыткою создать в лице старшего мударриса власть, приближающуюся к власти начальника в русском учебном заведении». Во всяком случае, инструкция не приостановила хищения вакуфов. Н. П. Остроумов писал в 1905 г. в своем докладе комиссии Будиловича, что «с водворением русского владычества к умственному застою, который давно уже царил в медресе, присоединилось быстрое материальное их оскудение». Н. А. Бобровников объяснял это оскудение не столько отсутствием поддержки со стороны правительства, сколько равнодушием общества. По мнению Н. А. Бобровникова, турке-

⁵⁵ Остроумов, *Мадрасы*, стр. 29.

⁵⁶ Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 89.

⁵⁷ Керенский, *Медресе*, стр. 25. Тогда же было начато приведение в известность имущественного положения медресе (Наливкин, *Положение вакуфного дела*, стр. 47); эта работа потребовала трех лет (июнь 1890—1893); ср. Наливкин и др., *Краткий обзор*, стр. 46.

⁵⁸ Керенский, *Медресе*, стр. 42 и сл.

⁵⁹ Приведена Н. П. Остроумовым (*Мадрасы*, стр. 39 и сл.) и Н. А. Бобровниковым (*Русско-туземные училища*, стр. 82 и сл.) и раньше В. П. Наливкиным (*Положение вакуфного дела*, стр. 53 и сл.).

станские мусульмане, не имея своей независимой печати, всецело «питаются литературой привозною, преимущественно татарскою. Последняя же до такой степени проникнута новометодными идеями, что невозможно ожидать, чтобы кто-либо из читающих мусульман стал жертвовать на осужденные историей учреждения»⁶⁰.

Н. А. Бобровников указывает на значительный подъем благосостояния туземного населения, в том числе и сельского, на появление среди мусульман большого числа «зажиточных людей и крупных капиталистов»; при таких условиях, по его мнению, не могли бы не найтись средства для поддержания мусульманских школ прежнего типа, если бы общество по-прежнему сочувствовало им. Знатком Туркестана В. П. Наливкиным, однако, был отмечен факт, что успехи в Фергане хлопководства способствовали увеличению числа слушателей медресе; в кокандских медресе, по словам старейших мударрисов и мутеваллиев, никогда не бывало такого количества учащихся, как в конце 80-х годов и начале 90-х годов⁶¹. Было бы крайне важно проследить по точным цифрам ход развития или упадка медресе и старых мектебов при русском владычестве; к сожалению, цифры, приводимые за различные годы в литературе, в том числе и в официальных отчетах и обзорах, до такой степени разнообразны, что свидетельствуют только о неточности наших сведений, в том числе и официальных, и не могут быть положены в основу каких-либо выводов. Это сознавалось иногда и составителями статистических обзоров; так, в обзоре Ферганской области за 1911 г. отмечается некоторая разница в цифрах против 1910 г., но при этом говорится, что «эти изменения в числе учебных заведений и учащихся в них объясняются, главным образом, неточностью представляемых сведений», хотя в обзоре Самаркандской области за 1902 г., на основании столь же недостоверных цифр, устанавливается факт «сокращения числа туземных учебных заведений» и объясняется «упадком экономических ресурсов населения вследствие постигшего его бедствия от истребления хлебов саранчою и значительно усилившихся расходов на борьбу с этим давним врагом сельского хозяйства». По сведениям 1876 г., в Ташкенте было всего 11 медресе, по сведениям 1910 г. — 22, из чего можно было бы заключить, что число медресе в главном городе Туркестанского края при русском владычестве удвоилось. В Фергане, по сведениям 1892 г., было 120 медресе (по обзору за 1896 г. — 121 в городах и 79 в уездах, всего 200), по отчету министерства народного просвещения, к 1 января

⁶⁰ Бобровников, *Русско-туземные училища*, стр. 88.

⁶¹ Наливкин, *Туземцы*, стр. 130. Только в первое время русского владычества, когда население увлекалось внезапно наступившею для него свободою исполнять и не исполнять требования религии, «значение и авторитет ишанов, а равно и значение мадраса, ...начинавшего тоже заметно пустеть, падали, таяли на глазах у всех» (там же, стр. 87).

1911 г. — 204. В Самарканде, по сведениям 1876 г., было 18 медресе, по «Справочной книжке» на 1893 г. — 23, к концу 1899 г. — всего 14, в 1912 г. — снова 19. До обзора за 1902 г. совершенно не говорится о медресе в Джизаке и его уезде; в обзоре за 1902 г. впервые упоминается о существовании в этом уезде 1 медресе (также еще в обзоре за 1908 г.), в 1912 г. уже было 3 медресе в самом Джизаке и 1 в уезде. Очень велико число медресе в городе Ходженте, хотя число учащихся не соответствует числу учебных заведений; медресе в Ходженте по сведениям 1893 г. было 47, в 1912 г. — 40. В Ходжентском уезде без городов Ходжента и Ура-Тюбе, по сведениям 1893 г., было 14 медресе, к 1899 г. — всего 7, в 1912 г. — 16. Всех медресе в трех главных областях Туркестанского края считалось к 1 января 1911 г. 328 (из них 31 в Сыр-Дарьинской области, 204 в Ферганской и 93 в Самаркандской, где в начале 90-х годов считалось всего 65)⁶²; по Наливкину, число медресе в 1900 г. было 313 с 7502 учащимися.

По-видимому, эти цифры позволяют сделать только один вывод: что заметного уменьшения числа медресе не было ни вообще при русском владычестве (по крайней мере с 70-х годов), ни в последние годы до революции. Были, по-видимому, и отдельные случаи возникновения новых медресе; так, А. И. Добросмыслов⁶³ в 1912 г. писал о медресе в Туркестане, основанном «лет 30 тому назад», т. е. в начале 80-х годов, туркестанским сартом Ахмед-баем. Н. А. Бобровников, по-видимому, преувеличивал влияние прогрессивной татарской печати на туземцев; рядом с признаками успеха такого влияния замечалась и резкая оппозиция против него; недаром некоторые из прогрессистов опасались, что государственная автономия Туркестана всецело отдаст край в руки староверов и уничтожит все прогрессивные начинания⁶⁴.

Союз русского консерватизма со старозаветным исламом совершенно изменил прежнее отношение к старой мусульманской школе. В 1876 г. казалось, что «русскому влиянию на востоке представляется задача важная и возвышенная: разбить умственные оковы магометанства и приобщить туземцев к жизни человечества»⁶⁵; в 1907 г.⁶⁶ мусульманская школа сопоставлялась с древнею русско-христианскою; курс медресе признавался «очень серьезным, соображенным с действительными по-

⁶² Наливкин и др., *Краткий обзор*, стр. 46. По данным Н. П. Остроумова, к 1 января 1913 г. в пяти областях края было 376 медресе, в трех главных—308. Более двух третей учившихся в медресе приходилось на Ферганскую область.

⁶³ *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 134. Ср. также Остроумов, *Исламоведение*, стр. 183 (медресе Катта-ходжа Ишан, открытое в Коканде в 1878 г.) и 215 (медресе Ташбек-бай и Баги-Шамаль, открытые в Самарканде в 1905 и 1908 гг.).

⁶⁴ Ср. мою статью *Европейская наука и русская школа*.

⁶⁵ Г., *О школьном образовании*; статья цитируется Керенским (*Медресе*, стр. 35 и сл.); раньше воспроизведена, без ссылки на источник, в *Туркестанском крае* Л. Костенко (т. I, стр. 370 и сл.).

⁶⁶ Остроумов, *Мадрасы*, особенно — стр. 20, 28, 30.

требностями народной жизни» и подлежащим только постепенному и осторожному дополнению в смысле внесения «элементов современного знания», а не коренной ломке.

С победою революции консервативные стремления в области школы, как во всех других областях, уступили место иным, еще не давшим определенных результатов⁶⁷.

---

⁶⁷ <В 1919—1920 гг., когда В. В. Бартольд писал эту свою работу, в советском Туркестане, несмотря на вызванные гражданской войной и интервенцией большие трудности, успешно создавалась новая, советская школа, с преподаванием на родном языке (см. Кары-Ниязов, *Очерки*, стр. 134—142; 147—148). Во многих городах были организованы краткосрочные педагогические курсы для подготовки советских учителей из коренных национальностей. В 1920 г. в Ташкенте открылся первый в Средней Азии Высший педагогический институт им. К. А. Тимирязева, реорганизованный в конце того же года в педагогический факультет (см. там же, стр. 178) вновь созданного Туркестанского государственного университета (декрет о создании которого был подписан В. И. Лениным 7 сентября 1920 г.). Все эти факты были хорошо известны В. В. Бартольду, принявшему личное участие в культурном строительстве в Туркестане с первых лет советской власти. Но Бартольд, видимо находясь под влиянием взглядов тех представителей буржуазной интеллигенции, которые пошли на сотрудничество с советской властью, но придерживались в отношении к ней выжидательной позиции, предпочел здесь ограничиться уклончивой формулировкой о революционных преобразованиях в области культуры, не называя их даже собственным именем. Что касается результатов этих преобразований в строительстве национальной культуры в советских республиках Средней Азии, то ко времени выхода в свет «Истории культурной жизни Туркестана» многое должно было стать ясным В. В. Бартольду, и сохранение в изданном Бартольдом в 1927 г. тексте формулировки, более или менее объяснимой для того времени, когда эта работа писалась (1919—1920 гг.), выглядит явным анахронизмом, связанным с нежеланием автора касаться вопросов современности при переработке первоначального текста (см. выше, стр. 170). — В. Р.>

VIII

РУССКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Изменение строя жизни в Туркестане было тесно связано с переселенческим движением из Европейской России, неизбежным последствием русского завоевания. Планомерной колонизации не было, как не было и последовательной завоевательной политики; для того и другого сведения о крае до его окончательного покорения были слишком скудны.

За исключением неудачного набега на старый Ургенч яицкого атамана Нечая в 1603 г., в Туркестане не было, как в Сибири, самостоятельного завоевательного движения казачьей вольницы; но, как во многих местностях Азии, правительство и в Туркестане видело в основании казачьих поселений средство укрепить русскую власть на границе империи. Как везде, эта мера оказалась неудачною; опыт показал, что казачество, отжившее свой век как военная сила, непригодно и для колонизационных целей.

Переселение в Туркестан казаков, как и завоевательное движение, шло с двух сторон: с северо-запада, из войск Оренбургского и Уральского, и с северо-востока, из войска Сибирского. Поселение казаков на Сыр-Дарье находилось в связи с проектом образования Сыр-Дарьинской линии и началось с 1849 г., когда было поселено 25 казачьих семейств около основанного еще в 1847 г. Раимского укрепления, в 60 верстах от устья Сыр-Дарьи. Отводом наделов для поселенцев были нарушены земельные права киргизов¹, что вызвало с их стороны возмущение, даже вооруженное нападение (в 1856 г.) на форт № 1 (впоследствии Казалинск); только в 1858 г. было достигнуто соглашение. Неудовольствие киргизов вызывалось также тем, что русскими по неопытности портились ирригационные сооружения.

Кроме оренбургских казаков, на Сыр-Дарье с 1875 г. появились и уральские, не в качестве военных колонистов, но в качестве ссыльных, за отказ повиноваться властям и подчиниться закону о всеобщей воинской повинности. Уральцы и в Туркестане отказывались подчиняться распоряжениям местных властей и не приняли сделанного им

---

¹ <Казахов.>

предложения записаться в мещане города Казалинска, но вполне упрочили там свою оседлость и свое благосостояние. Главным занятием их был рыбный промысел, до начала XX в. всецело находившийся в их руках; в этом отношении они оказали бесспорное влияние на экономическую жизнь края; в 1901 г. знаток края И. И. Гейер писал, что «только с поселением в г. Казалинске ссыльных уральских казаков воды устья Сыр-Дарьи и Аральского моря оживились промысловой жизнью»². Только после открытия в 1905 г. железной дороги Оренбург — Ташкент, когда возникла станция «Аральское море» и в 1½ верстах от нее поселок Аральск, уральцы уступили первое место приезжим, применявшим более совершенные способы ловли.

Рыбачьими поселками сделались также казачьи поселения на восточном берегу Каспия. Ни на Сыр-Дарье, ни на Каспийском море не возникло нового казачьего войска, и границы прежних казачьих войск на Урале остались прежние.

Иные результаты имело движение казаков в Семиречье³, со стороны Сибири. Для казачьей колонизации Семиречья были выделены два полка (9-й и 10-й) Сибирского казачьего войска; начало колонизации было положено в 1847 г. основанием станиц Сергиопольской и Копальской (впоследствии города Сергиополь и Копал). Переселение было принудительным; в то же время в пользу переселенцев насильно отбирались у киргизов⁴ орошенные земли; казакам отводились огромные наделы, в Копальской станице до 100 десятин на мужскую душу. В 1867 г., когда была образована особая Семиреченская область⁵ (раньше завоеванные местности до Или и даже в «Зайлийском крае» при-

² <Гейер, *Путеводитель*, стр. 191. Об уральцах в дельте Аму-Дарьи см. Бломквист, *Этнографическая работа*. — В. Р.>

³ «Семиреченским краем» первоначально называлась только северная часть позднейшей Семиреченской области до реки Или; от Семиреченского края отличался «Зайлийский». Русское название есть перевод киргизского Джеты-су («Семь вод»), не встречающегося в средневековой мусульманской географии (вообще мало знавшей области к северу от Или); оно встречается в одной из версий кара-киргизского эпоса о Манасе (Валиханов, *Сочинения*, стр. 218). По словам русского путешественника НИА. Влангали (1851 г. <*Геогностические поездки*, ч. II, стр. 6>), эти семь рек: Аягуз, Лепса, Аксу, Биень, Коксу (вероятно, должен быть Кызыл-Агач), Каратал и Или; по словам А. К. Гейнса (*Киргизские очерки*, стр. 243) — Лепса, Баскан, Саркан, Аксу, Биень, Каратал и Коксу, вследствие семи переправ между Балхашем, т. е. Балхашско-Алакульского низиной и Алатау. Вероятно, должно быть: Лепса, Баскан, Аксу, Биень, Кызыл-Агач, Каратал, Коксу. По мнению Г. Н. Потанина (*Очерки*, вып. IV, стр. 740), киргизы дали «южной Джунгарии» название Джеты-су по «какай-то блаженной стране, по которой текут семь рек». Во всяком случае, имеется в виду местность к северу от Или, хотя еще Скайлер (*Turkistan*, vol. I, p. 150) причисляет Или к семи рекам (другие шесть: Лепса, Баскан, Аксу, Саркан, Каратал, Коксу).

⁴ <Казахов.>

⁵ Аягузский округ был образован еще в 1831 г.; тогда же китайцам было сообщено о действиях русских «на семи реках» (Н. Коншин, *Открытие*, стр. 33).

соединялись к Семипалатинской области, образованной в 1854 г.; к Семиречью отошла тоже часть бывшей Туркестанской области, существовавшей с 1865 по 1867 г.) с присоединением ее к Туркестанскому генерал-губернаторству, в то же время было образовано Семиреченское казачье войско из 14 станиц и выселков, с населением 14 413 душ обо-его пола. Наказным атаманом был признан военный губернатор Семиреченской области, войсковым наказным атаманом — Туркестанский генерал-губернатор.

Уже первый генерал-губернатор К. П. фон-Кауфман был разочарован в результатах казачьей колонизации; может быть, в связи с этим находилось решение прекратить принудительное выселение сибирских казаков. Число семиреченских казаков продолжало, однако, увеличиваться; к казакам иногда причисляли переселенцев-крестьян⁶; были и случаи добровольного переселения новых сибирских казаков; так, в 1882 и 1883 гг. пришло несколько семейств, которые были поселены на Хоргосе, у вновь установленной границы с Китаем; этим вызывалось образование новых станиц и выселков; к концу XIX в. станиц было 11 (Сергиопольская, Урджарская, Лепсинская и Сарканская в Лепсинском уезде, Копальская и Коксуйская в Копальском, Голубевская в Джаркентском, Надеждинская, Софийская, Большая Алматинская и Мало-Алматинская в Верненском⁷), выселков 17; душ войскового населения (обоего пола) считалось в 1899 г. 29 323, в 1906 г. — 34 468. В двух южных уездах области, Пишпекском и Пржевальском⁸ (Каракольском), не было ни станиц, ни выселков.

Благосостояние казачьих селений было основано не на труде и культурной работе, но на высокой норме земельных наделов; большую часть своих земель они сдавали в аренду киргизам и русским, и плата за аренду давала им вполне достаточные средства к жизни; положение собственников земли, нужной киргизам, давало им возможность притеснять туземное население⁹. Даже в отчетах местных властей был под-

⁶ По словам Костенко (*Туркестанский край*, т. I, стр. 387), местная власть разными льготами побуждала крестьян поступать в казачье сословие, но желающих было мало.

⁷ В *Отчете Семиреченского комитета* приводится еще название станицы Каскеленской (стр. 58).

⁸ По тому же отчету, в Пржевальском уезде станица Николаевская (стр. 60). По-видимому, эта станица и Каскеленская возникли после 1899 г.; и по книге Масальского (*Туркестанский край*, стр. 324), в 1908 г. было 30 станиц и выселков вместо 28, как в 1899 г. в 1911 г. казачьих селений и выселков считалось 32

⁹ <Под «киргизами» и «туземным населением» здесь разумеются казахи — коренное население Копальского, Лепсинского, Джаркентского и Верненского уездов, а также, возможно, уйгуры («таранчи»), переселившиеся в Семиречье из Илийского края в 80-х годах XIX века. Казачество, как привилегированное военное сословие, пользовалось большими льготами, но оно не было однородным. От казачьей верхушки, сдававшей земли в аренду казахам, использовавшей труд батраков и жестоко эксплуатировавшей местное население, находилась в зависимости и также подвергалась эксплуатации казачья беднота. См. *История Казахской ССР*, т. I, стр. 403. — В. Р.>

нят вопрос о чрезмерности казачьих наделов и о необходимости уменьшить эту норму. Высочайше утвержденным положением комитета министров 3 марта 1895 г. было постановлено «произвести исследование казачьих земель по фактическому и бесспорному их владению и определить, за какое количество естественно орошающихся земель следует засчитывать поливную десятину»¹⁰. Однако до революции все оставалось по-прежнему; в 1913 г. на рассмотрении законодательных учреждений находился законопроект, по которому земельное обеспечение Семиреченского казачьего войска признавалось не только не чрезмерным, но даже недостаточным (более 600 тысяч десятин, что больше чем вдвое превышало всю засеваемую площадь в области). Предполагалось определить норму надела в 30 десятин на мужскую душу, но кроме того назначить по 300 десятин на каждую церковь и установить войсковой земельный запас в размере половины всех наделных земель¹¹, т. е. на мужскую душу приходилось бы не 30 десятин, а 45; считая 17 000 мужских душ, потребовалось бы 765 тысяч десятин.

Семиречье, сначала против воли правительства, сделалось также главным поприщем крестьянской колонизации, интересы которой иногда трудно было примирить с интересами казаков. Когда в 1868 г. в Семиречье пришли первые крестьяне (из Воронежской губ., в числе 242 семейств), то их, за неимением свободных земель, приписали к мещанам города Верного; им пришлось арендовать землю у казаков соседних с Верным станиц. В 1890 г. были выработаны и утверждены туркестанским генерал-губернатором правила о переселении, причем тогда предполагалось отводить на мужскую душу до 30 десятин; впоследствии этот надел значительно уменьшили (до 7,7 дес.). В противоположность другим областям Туркестана в Семиречье действовало правило, по которому земли кочевников признавались государственными, и правительство свободно распоряжалось землями, не требовавшимися, по его мнению, для пастбищ самих кочевников. Разумеется, такой способ занятия земель и образования поселков приводил к столкновению с киргизами¹². До 1882 г., когда Семиречье на некоторое время было отделено от Туркестана, в области успели образоваться 29 крестьянских поселков с населением до 15 000 душ.

С 1882 до 1898 г. Семиречье входило в состав вновь сформированного Степного генерал-губернатора. Несмотря на то что первым степным генерал-губернатором был бывший семиреченский губернатор Г. А. Колпаковский, сторонник переселения, правительством в этот период принимались меры не столько для развития, сколько для стесне-

¹⁰ ОСО, 1899 г., стр. 6.

¹¹ Бессонов, *Казаки*, стр. 388.

¹² <С казаками и киргизами. Киргизы населяли два южных уезда Семиреченской области — Пишпекский и Пржевальский, а также часть Аулиеатинского уезда, которые впоследствии вошли в состав Киргизской ССР. — В. Р.>

ния крестьянской колонизации области. На Семиречье был распространён закон 13 июля 1889 г. о запрещении переселения: в голодный 1891 год Степное генерал-губернаторство также было исключено распоряжением министра внутренних дел из района переселения; наконец, в 1895 г. крестьянская колонизация была приостановлена впредь до выяснения результатов предположенного тогда обследования казачьих земель. Число селений за это время почти не увеличилось (в 1899 г. их считалось 30), но значительно увеличилось число душ (в 1899 г. 38 022). Значительное число самовольных переселенцев (1700 семейств) пришло в 1892 г.¹³

С 1899 г. Семиречье снова было подчинено генерал-губернатору Туркестана. В начале XX в. заметен быстрый рост крестьянской колонизации, что находилось в связи с усилением обрусительной тенденции в правительственной политике¹⁴. Правительство теперь старалось содействовать заселению Семиречья крестьянами; в 1906 г. в Семиречье был открыт переселенческий район. К 1 января 1908 г. был ещё только 41 крестьянский посёлок, из них больше всего в тех уездах, которых почти не коснулась казачья колонизация: Пишпекском (15) и Пржевальском (10). К 1911 г. число посёлков утроилось (123). Таким образом, даже в единственном на всем пространстве Азии выступе казачьей территории далеко на юг казачье население не только не составляло абсолютного большинства, но было меньшинством даже среди русского элемента. Число десятин удобной и неудобной земли, отведенных для переселенцев с 1893 по 1912 г. в Семиреченской области (2 513 000), превышало число десятин, отведенных за тот же срок в Семипалатинской области (2 307 000), хотя самих переселенцев в Семипалатинской области было больше (101 400 против 87 000). Все-таки русские составляли в Семиреченской области в 1911 г. только около $\frac{1}{8}$ общей массы населения.

Характерно, что, несмотря на привлечение нового многочисленного земледельческого элемента, в Семиреченской области при русском владычестве не было никаких оросительных работ; были проекты таких работ, особенно на реке Чу, но фактически к ним приступлено

¹³ <В связи с голодом, постигшим Россию в 1891—1892 гг. «Самовольные» переселенцы земельных наделов от царских властей не получали и вынуждены были снимать землю в аренду у богатых казаков, часть таких переселенцев арендовала землю у казахских и киргизских баев. — В. Р.>

¹⁴ <Объясняя рост крестьянской колонизации только усилением обрусительной тенденции в политике царского правительства. В. В. Бартольд не обращает внимания на социальные условия в России. Обострение аграрного вопроса и крестьянские волнения, развернувшиеся в России в начале XX в., встревожили царское правительство и русских помещиков. Царские власти пытались найти выход в переселении крестьян на окраины. В 1904 г. было организовано Переселенческое управление, ведавшее всеми делами, связанными с переселением. — В. Р.>

не было¹⁵. Уже это одно показывает, что русская колонизация не могла не иметь неблагоприятных последствий для туземного земледелия. В отчете по области за 1899 г. говорится, будто киргизы¹⁶ до русского владычества почти не занимались земледелием; но академик Радлов, посетивший кара-киргизов еще в 1860-х годах, нашел, что земля у них возделывается и орошается тщательнее, чем у киргиз-казаков¹⁷. Накануне революции предполагалось лишить кара-киргизский народ почти всех его земель в наказание за беспорядки 1916 г.

В Сыр-Дарьинской области, где казачьей колонизации не было, крестьянской колонизации приходилось считаться только с туземным землевладением. Уже в появлении первых русских переселенческих семейств на низовьях Сыр-Дарьи киргизы увидели нарушение своих прав; споры были прекращены в 1858 г. оренбургским генерал-губернатором А. А. Катениным, причем были размежеваны земли русских поселенцев и киргизов, и «киргизам¹⁸ было объявлено от имени генерал-губернатора, что больше у них земли для поселенцев брать не будут»¹⁹. И впоследствии в Сыр-Дарьинской области, в противоположность Семиречью, господствовал взгляд, что земля степей принадлежит киргизам и может быть занята под поселения только с их согласия; только в 1910 г. на коренные области Туркестана, в том числе на Сыр-Дарьинскую, был распространен параграф Степного положения о государственных землях. Фактически вопрос решался распоряжением администрации, и потому требование согласия киргизов не помешало образованию большого числа русских поселений.

Уезд Казалинский, где прежде всего утвердилась русская власть и куда поэтому прежде всего явились переселенцы, потом был признан неудобным по качеству почвы (солонцеватость) и по дурному состоянию оросительных систем. В Перовском уезде почвенные условия были благоприятнее, но разливами Сыр-Дарьи вызывались лихорадки; условия орошения были тоже затруднительны; оттого колонизация и здесь не имела успеха; пришлось даже упразднить два уже устроенных по-

¹⁵ <Это не совсем точно. Ко времени Октябрьской революции не только были проведены в значительных масштабах изыскательные работы по орошению земель Чуйской долины, но и начато строительство на реке Чу (сооружение Чумышской плотины, канала к сел. Георгиевскому, а также Чуйского цементного завода для обеспечения дальнейших работ). Правда, это было лишь начало; в несравненно больших масштабах ирригационное строительство в Чуйской долине было осуществлено впоследствии, при советской власти. — В. Р.>

¹⁶ <Здесь, как видно из дальнейшего изложения, В. В. Бартольд под термином «киргизы» имеет в виду и казахов и киргизов (называвшихся тогда кара-киргизами). — В. Р.>

¹⁷ По словам Радлова, северо-западный берег Иссык-Куля от реки Чу до Турай-Гыра в 1869 г. был повсюду занят киргизскими (т. е. кара-киргизскими) пашнями: такие же пашни были на берегу озера к востоку от Аксу (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 120).

¹⁸ <Казахам.>

¹⁹ Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*, стр. 54.

селка — Александровский (основан в 1861 г.) и Астраханский. Более благоприятны были результаты колонизации в уездах Чимкентском и Аулиеатинском, особенно в последнем, куда еще в 1869 г. было решено направить избыток переселенцев из Семиречья; но первое селение было основано только в 1875 г. — Михайловка, к которой в следующие годы были присоединены еще два — Чалдавар и Дмитриевка. Удачнее всего было выбрано место при основании Чалдавара, соответствующее местоположению тимуровской Ашпары; Чалдавар в начале 1890-х годов признавался первым селением в области «по земельным угодьям, богатству староселов и прекрасной обстановке в житейском отношении»²⁰, хотя, по мнению того же знатока быта переселенцев, которому принадлежат эти слова, при распределении воды между киргизами Аспаринской волости и селением Чалдаваром чалдаварцы были обижены²¹. До 1890 г. включительно к этим трем селениям прибавилось еще десять²²; главным из них было Мерке (основано в 1885 г.), на месте которого был небольшой город еще в VII в.; то же самое селение было одним из главных пунктов сартовской колонизации при кокандских ханах; меркинский базар по своему значению уступал только аулиеатинскому. Среди русских селений Мерке «по качествам почвы» считалось лучшим. Как и следовало ожидать, при таком соседстве русских с сартами дело не обошлось без споров из-за воды, хотя эти споры «улаживались, не выходя из семейного круга земледельцев обеих народностей».

Кроме русских, в Аулиеатинский уезд явились также немецкие колонисты с Волги — меннониты, не хотевшие подчиниться закону о воинской повинности и прибывшие в Ташкент в 1880 г.; из них было образовано пять селений, причем одно, Орловка, было основано бывшими последователями этой секты, примирившимися с воинской повинностью и за это изгнанными из своей общины; и в этом случае современный поселок возник на развалинах средневекового поселения или кочевого стана; поселки чисто меннонитские были устроены в той же местности. От меннонитов некоторыми русскими были заимствованы немецкие плуги, более легкие и совершенные, чем русские.

К 1880-м годам (1887—1889) относится основание четырех селений в Чимкентском уезде; приблизительно в то же время (1881—1891 гг.) было основано шесть селений в Кураминском или Ташкентском уезде, из которых три потом, после изменения границ областей, отошли к Самаркандской области. Из этих селений первое по времени (1881 г.), Никольское, расположенное всего в 6 верстах от Ташкента, более похоже на пригородную слободу (дорога между ним и Ташкентом теперь почти сплошь застроена), чем на деревню. В Ташкентском уезде больше, чем в других, основание новых селений было связано с работами

²⁰ Гейер, *Голод и колонизация*, стр. 17.

²¹ Гейер, *Крестьянская колонизация*, стр. 290.

²² Так — по списку (там же, стр. 246), в котором, однако, пропущена Головачевка, основанная еще в 1882 г. (Гейер, *Путеводитель*, стр. 222).

по орошению. Уже поселок Троицкий (в 25 верстах от Ташкента) был устроен на вновь вырытом (1883—1885 гг.) великим князем Николаем Константиновичем Искандер-арыке (из Чирчика); из 4140 десятин орошенной земли 1340 отошли под поселок, остальную землю заняли туземцы, участвовавшие в работах. Вообще около Ташкента оросительные работы производились и в пользу туземного населения, независимо от целей колонизации; уже в 1871 г. был очищен старый арык Зах, чем было оживлено 70 тысяч десятин; работы по очищению Заха были единственными успешными оросительными работами при первом генерал-губернаторе Кауфмане, при котором был целый ряд неудачных попыток провести новые каналы, причинивших огромный вред населению. Главные из этих проектов касались орошения Голодной степи и исходили из ошибочного предположения, будто эта степь когда-то была прорезана каналом и имела густое население. Таковы были работы по сооружению Кауфманского канала (1872—1879 гг.). Столь же неудачны были работы, произведенные в 1883 г., уже при генерал-губернаторе Черняеве, около Перовска: без всякой пользы было затоплено около 30 000 десятин, и 30 лет спустя русский специалист по орошению писал, что «на первую очередь выдвигается теперь вопрос не об обводнении, а об осушении затопленных ценных земель»²³.

Работы в Голодной степи были возобновлены в 1885 г. великим князем Николаем Константиновичем. Для работ великого князя характерно, что они велись исключительно приемами туземной техники, без участия русских специалистов. Первый канал получил название Бухар-арык «по способу работы на бухарский лад»; второй, оказавшийся более удачным, был вырыт «по хивинскому способу» и получил название «Хивинский», только впоследствии замененное названием «канал императора Николая I»²⁴. По мере производства работ вдоль канала основывались русские поселки, преимущественно из принимавших участие в работах землекопов; всего с 1885 до 1891 г. было основано пять поселков, из которых четыре существуют и теперь; самый старый, Запорожский, начал приходить в упадок в 1897 г. и был окончательно покинут в 1899 г. С Голодной степью связана Дальверзинская, на другом берегу Сыр-Дарьи, где река меняет западное направление на северное; в новейшее время там также были предположены оросительные работы для водворения переселенцев, но в 1886 г., когда губернатором Гродековым здесь был устроен поселок Сретенский, довольствовались отводами из давно существовавшего канала Дальверзин. Местность, в которой расположен поселок, признается «баснословно богатою»²⁵.

²³ Скорняков, *Искусственное орошение*, стр. 248.

²⁴ Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 350; Скорняков (*Искусственное орошение*, стр. 248), по-видимому, полагает, что название Бухар-арык объясняется преданием о некогда существовавшем «орошении Бухары из Сыр-Дарьи, которое хотел восстановить великий князь». Ср. также Караваев, *Голодная степь*, стр. 10 и 17.

²⁵ Выражение Караваева (*Голодная степь*, стр. 123).

Ни Голодная, ни Дальверзинская степи не имели значения для самой значительной переселенческой волны, которую вообще пережил Туркестан, связанной с голодом 1891 г., когда, помимо приписки новых хозяйств к старым селениям, возникло больше 20 новых поселков: по словам И. И. Гейера, 11 в Чимкентском уезде, 6 в Ташкентском и 4 в Аулиеатинском²⁶. В Чимкентском уезде главным районом устройства поселков была местность вокруг старого Отрара, где и были произведены некоторые работы если не по проведению новых арыков, то по восстановлению старых. В Ташкентском уезде воспользовались восстановленным или в сущности, как утверждали, вновь проведенным каналом Ханым-арык, на котором было устроено три поселка — Черняевское, Константиновское и Кауфманское, из них один (Константиновское) для немцев из Саратовской губ. Один поселок (Сипарское, в районе старого Бенакета, или Шахрухи) был устроен для сектантов-молокан. Сектанты (молокане, баптисты и хлысты; последние называли себя православными) были поселены также в 1896—1897 гг. в Голодной степи великим князем в поселках Верхне-Волынском, Нижне-Волынском и Конногвардейском.

Инстинктивное стремление переселенцев в 1891—1892 гг. к самой большой реке Туркестана, к Аму-Дарье, не могло быть удовлетворено; администрацией было объявлено, что в Аму-Дарьинском отделе совершенно не имеется свободных и удобных земель для русских поселений, и было сделано распоряжение «не пропускать на Аму-Дарью не только переселенцев, но даже ходоков»²⁷.

Из района колонизации таким образом была исключена местность, где плотность населения составляла всего 2 человека на квадратную версту, культурная площадь — 1% общей поверхности и где протекает огромная река, из которой некогда был выведен канал (Гавхорэ), орошавший совершенно пустынное в настоящее время пространство. Незнакомство с историей Аму-Дарьинского бассейна отражалось и впоследствии на оросительных проектах. Великий князь Николай Константинович, разрушивший в 1890 г. хивинские плотины Хан-бенд и Таш-бугут и пропустивший воду реки в Сарыкамышскую котловину, говорил об оживлении «обширной безводной туркменской пустыни, где во времена арабов кипела жизнь и процветало великолепное Ховарезмийское царство»²⁸. В действительности течение реки ниже старого Ургенча никогда не имело большого значения в жизни Хорезма, не исключая и той эпохи, когда Аму-Дарья протекала до Сарыкамышы и оттуда по Узбою. Впоследствии предполагалось возможным оросить до 200 000 десятич

²⁶ По-видимому, в Аулиеатинском уезде было устроено пять поселков: четыре на Таласе (Ровное, Грозное, Гродеково и Ключевое) и один на Чу (Степное). Ср. Гейер, *Путеводитель*, стр. 224.

²⁷ Гейер, *Голод и колонизация*, стр. 16.

²⁸ Владимиров, *Об изменении дельты Аму-Дарьи*, стр. 392.

по левую сторону Аму-Дарьи, преимущественно в районе сухих русел ниже старого Ургенча, и только 20 000 десятин по правую сторону, ниже Петро-Александровска²⁹; этот последний проект, по-видимому, также был составлен без знакомства с данными о канале Гавхорэ. Защитники представленного в 1905 г. грандиозного проекта орошения водою Аму-Дарьи 516 000 десятин в Мервском уезде совершенно ошибочно полагали, что и в средние века водою Аму-Дарьи пользовались для орошения Мервского оазиса.

Все эти начинания пока остались в области предположений; оросительные работы сосредоточивались преимущественно в Голодной степи и тоже дали довольно скромные результаты как в смысле площади орошения, так и для успехов русской колонизации и развития хлопководства, что в XX в. было главной целью экономической политики в Туркестане. Проведение Романовского канала, открытого в 1913 г. (в систему этого канала вошел и канал Николая I), признавалось «первым крупным делом государственного строительства в области орошения в Средней Азии»; но из этого канала получали воду всего 8415,8 десятины. Число русских поселков в Голодной степи было доведено до 11, но из них четыре поселка не имели орошенных наделов. Относительно хлопководства первоначально возлагали особенные надежды на Сретенский поселок в Дальверзинской степи, в котором видели «поразительный пример быстрого развития экономических сил»: в первые годы существования этого селения под хлопок было отведено до 600 десятин, причем развитие хлопководства поощрялось фирмой «Большая Ярославская мануфактура» (скупавшею для той же цели земли в Туркестане, причем самую удачную из плантаций фирмы признавался Андреевский хутор в Андижанском уезде); однако посевы хлопка в Сретенском скоро прекратились под влиянием налета саранчи и возобновились только в 1910 г.; по обследованию 1914 г., они составляли только 454 десятины, при общей площади посевов в 1700 десятин. Вообще из всех голодностепских поселков только в двух большая часть посевов была отведена под хлопок: в основанном в 1906 г. Спасском (с присоединившимся к нему основанным еще в 1890 г. выселком Духовским) 1100 десятин³⁰ из 1839 и в основанном в 1913 г. Велико-Алексеевском 975 десятин из 1248. В селении Спасском результаты могли бы быть еще более значительны, если бы не было сделано некоторых ошибок при размежевании земель и оросительных работах, вследствие чего с 1907 до 1914 г. из 302 семейств 49 (16,2%) бросили свое хозяйство. Этих ошибок удалось избежать при устройстве Велико-Алексеевского поселка, которым, как тогда полагали, должен был закончиться «период прежнего недостаточно организованного заселения

²⁹ Масальский, *Хлопководство*, стр. 88.

³⁰ По данным 1912 г., всего 450 десятин, что составляло 26,5% площади обрабатываемой земли (Книзе — Юферев, *Хлопководство*, стр. 286).

Голодной степи» и начаться новая эпоха; но и в Велико-Алексеевском значительность хлопковых посевов объясняется тем, что земли новоселов были использованы для этой цели арендаторами из хлопководов поселка Спасского.

С надеждою на расширение площади хлопковых посевов были тесно связаны проекты оросительных работ в Закаспийской области. Средоточием правительственных мероприятий было образованное высочайшим указом 6 августа 1887 г. Мургабское государево имение близ развалин старого Мерва, где некогда было имение халифа Мамуна. Оросительные работы в этом имении представляли полную противоположность работам великого князя. Туземные приемы орошения были заменены европейскими, с устройством первых в Туркестане водохранилищ. Этому нововведению придавали большое значение, но именно в этом отношении мургабские работы оказались неудачными, так как при устройстве водохранилищ не удалось предусмотреть и предотвратить заиление. На другой недостаток туземных работ — отсутствие дренажной сети — совершенно не было обращено внимания, вследствие чего оросительные работы увеличивали площадь болот и усиливали лихорадочные эпидемии. Вследствие всего этого иностранные специалисты высказали о мургабских работах менее благоприятное мнение, чем русские, и находили, что расходы не вполне оправдываются результатами³¹.

Все-таки в имении орошалось в 1910 г. более 16 000 десятин посевов, из которых половина (8 000) была отведена под хлопок; в 1911 г. предполагалось довести площадь посевов до 25 000 десятин; мне неизвестно, насколько это удалось выполнить. По словам Е. Е. Скорнякова, в имении, кроме туземцев, было более 4000 русских, образовавших три поселка³²; но из других данных видно, что в Закаспийской области и особенно в Мургабском имении развития хлопководства предполагалось достигнуть исключительно руками земледельцев-туземцев; привлечение русских крестьян не имелось в виду; возможно, что устроители имения придерживались взгляда, опровергаемого в книге «Азиатская Россия», будто «русским переселенцам, привыкшим у себя на родине к посевам зерновых хлебов, культура хлопчатника, особенно в первые годы устройства на новых местах, недоступна»³³. По сведениям 1910 г., в имении жило 11 000 туземцев и 3000 православных, но среди последних, по-видимому, почти совсем не было земледельцев, так как из всей площади имения в русские руки сдавалось только 200—300 десятин. Развития хлопководства среди туркмен надеялись достигнуть с по-

³¹ Machatschek, *Landeskunde*, S. 302.

³² Скорняков, *Искусственное орошение*, стр. 251. Там же о мервских «памятниках старины», как «немых свидетелях тех чудес, которые создала научная техника нового времени».

³³ Книзе — Юферев, *Хлопководство*, стр. 286.

мощью представителей более культурных среднеазиатских наций; в 1890 г. для земляных работ были выписаны таранчи из Семиречья, оставшиеся потом в Закаспийской области, в числе нескольких сотен; в 1893 г. для обучения туркмен хлопководству были выписаны опытные инструктора-сарты из Самарканда.

Образование русских поселков в Закаспийской области шло довольно быстро; первое поселение возникло в 1889 г., через четыре года после окончания военных действий,— Гермаб (потом Михайловское), в районе станции Бахарден или средневекового города Дуруна. К 1896 г. было уже 10 поселков, из коих один, Крестовое на Теджене, к юго-востоку от Серахса (по Гейеру, в 25 верстах, по Масальскому — в 11-ти), был построен для немцев из Саратовской губернии, другой, Саратовское (в том же районе, как Гермаб), — для тех же немцев и для сектантов-молокан. К 1909 г. число поселков доходило уже до 27, но в них считалось всего 5000 жителей, цифра совершенно ничтожная при туркменском населении в 290 000 душ. Из общего числа больше четверти (1500 душ) приходилось на два малороссийских поселка, Алексеевский и Полтавский, расположенные на границе Афганистана у конечного пункта Мургабской ветви среднеазиатской железной дороги, станции Кушки. Сравнительно многолюдной была также упомянутая немецкая колония Крестовое (48 дворов). Большая часть селений была сосредоточена в Асхабадском уезде, в горах Копет-Даг, на границе с Персией; из этих селений только об одном Скобелевском говорится, что в нем до 200 десятин было отведено под хлопок; отчасти это было возможно потому, что по договору с Персией вода речек, текущих в русские пределы, не могла расходоваться на орошение в пределах Персии; этим, конечно, были обездолены жители пограничных персидских поселков.

Для привлечения в Закаспийскую область значительного числа русских переселенцев неперемным условием было орошение новых земель; незначительная культурная площадь области принадлежит к числу наиболее густо населенных местностей в мире; в конце XIX в. там приходилось 247 человек на квадратную версту, что приблизительно соответствует плотности населения Бельгии (по переписи 1890 г. 208 на квадратный километр).

По той же причине не могло быть большого движения переселенцев в области Самаркандскую (кроме присоединенного к ней Ходжентского уезда со степями Голодной и Дальверзинской) и Ферганскую. На Зеравшане до 1911 г. было только одно русское селение, поселок Федоровский, в Катта-Курганском уезде, в местности, прежде причислявшейся к Самаркандскому. Данные «Обзора Самаркандской области» о Федоровском поселке не свидетельствуют об особом благосостоянии; в 1902 г. в нем считалось 100 семейств, 307 душ, 400 десятин поливной и 355 неполивной земли; посевами было занято 310 десятин, из них

63 хлопком; в 1908 г.— 105 семейств, 297 душ, 280 десятин поливной, 890 неполивной земли, посевов 580 десятин, из них 90 под хлопком. Разумеется, к этим цифрам, как и другим данным местной статистики, приходится относиться осторожно.

В Ферганской области первый поселок, Покровский, был основан в 1893 г., на неорошенной земле Ошского уезда: переселенцам была отдана и орошенная земля на Куршабе, брошенная туземцами, когда разливом реки была сорвана голова арыка, восстановленная потом для русских на земские средства³⁴. В том же уезде в 1901 г. был образован небольшой поселок Рождественский; три других небольших поселка возникли после 1908 г., так что первый поселок, Покровский, оставался и потом единственным богатым и многолюдным русским селением в уезде (в 1911 г. в нем считалось 2277 душ). Русскими поселками отчасти были заняты и орошенные земли; в 1911 г. на крестьянских землях Ошского уезда было засеяно под хлопком 30 десятин.

В Наманганском уезде во время переселенческого движения 1890-х годов был образован в 1897 г. Успенский поселок, в северо-восточных предгорьях уезда, к северо-востоку от Касана и Наная. Основание этого селения находилось в связи с неудачной попыткой, в том же 1897 г., поселить выходцев из Киевской губернии в горной долине Чаткала, одного из истоков Чирчика. Еще дальше к северо-востоку в 1907 г. самовольно образовался поселок Кетмень-тюбе, из 15 семейств, (69 душ); в 1908 г., когда поселок впервые был зарегистрирован, в нем имелось 53 семейства (319 душ), в 1911 г.— 65 (460). Других поселков в Наманганском уезде не возникало. Оба поселка имели значение исключительно для культуры зерновых хлебов, преимущественно пшеницы.

В Андижанском уезде для поселков тоже были намечены местности, прилегающие к горам; до 1901 г. (с 1897 г.) было образовано три поселка: Николаевский (также в связи с неудачной попыткой заселения долины Чаткала), Благовещенский и Спасский. С 1904 г. Андижанский уезд сделался главным районом самовольного переселения, направившегося в волости Кугартскую, Ясинскую и Узгентскую; из них только Узгентская волость считалась смешанной, две другие — чисто кочевыми, хотя фактически и здесь туземцы перешли к оседлости. В 1908 г. здесь были зарегистрированы, кроме трех ранее существовавших поселков, восемь новых, причем все, в противоположность трем прежним, носят туземные названия. Пять поселков волостей Ясинской и Узгентской были устроены по речке Ясы и ее притокам Кондуган и Заргер, причём только усадебные места были расположены на орошенных площадях. Этими усадебными местами крестьяне впоследствии, по-видимому, воспользовались для небольших хлопковых посе-

³⁴ ОФО, 1899 г., стр. 78.

вов, занимавших в 1911 г. всего 5 десятин. Поселков, следовательно, всего образовалось 11; в 1908 г. был еще 12-й — Янги-арык (как видно из его названия, на орошенной земле), с очень небольшим числом жителей; этот поселок не был тогда зарегистрирован и в обзоре за следующие года больше не упоминается.

В исключительном положении находилось Русское село Маргеланского (с 1907 г. Скобелевского) уезда, основанное в 1899 г. на земле нескольких туземных селений, разрушенных за участие в восстании 1898 г. Выселенным туземцам было нарезано небольшое количество земли в другом месте и образовано селение Мархамат ('Милосердие'), от которого получила новое название прежняя Минтюбинская волость (из селения Мин-тюбе вышел руководитель восстания). Вследствие этого Русское село, куда, между прочим, были переведены последние остатки поселенцев из долины Чаткала, сразу получило в свое распоряжение большое количество орошенной земли, расположенной в самом центре хлопкового района, недалеко от большого арыка Шарихансай. С 1908 г. жители Русского села большую часть своих посевов стали отводить под хлопок.

В самом многолюдном уезде Ферганской области, Кокандском, русских селений совершенно не могло быть основано. Общее число жителей русских поселков составляло около 10 000, что при двухмиллионном населении области составляло всего 1/2 %.

Культурному влиянию русских крестьян могли подвергаться преимущественно кочевники, находившиеся в стадии перехода к оседлости; в Семиречье, в Пишпекском уезде, даже отмечено киргизское селение (Таш-тюбе³⁵) «с домами русского типа и улицами, обсаженными деревьями» (из этого факта видно между прочим, что крестьянская колонизация имела на быт туземцев больше влияния, чем казачья). Горячий сторонник крестьянской колонизации, И. И. Гейер, отметил в 1893 г. два «осязательных факта цивилизующего значения русской колонизации для туземца» — введение косы и тонкорунного овцеводства³⁶. Ознакомление туземцев, в особенности киргизов, с косой, действительно, составляет несомненную заслугу русского крестьянина; по свидетельству Масальского, спрос на косу у киргизов очень значителен, и благодаря этому орудию, «неизвестному в крае до прихода русских», киргизы начали заготавливать сено на зиму; в некоторых местах косой пользуются и сарты, для уборки люцерны³⁷. Что касается тонкорун-

³⁵ История основания в 1897 г. селения Таш-тюбе рассказана в кн.: Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 383 и сл.

³⁶ Гейер, *По русским селениям*, стр. 173.

³⁷ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 438. Коса называется у киргизов «русским серпом» (*урус урак*). см. Покровский — Стогов, *Алайские аульные общества*, стр. 138 (в словаре Радлова этого термина нет). Там же приводится слово *чапка*, по словарю Радлова *чапкы* («селеутское») «коса» (надо 'серп', die Sichel) горлушка. Коса, по Радлову (*Словарь*, I, 1651), у башкир *чалгы урак*; *чалгы* у алтайцев и

ного овцеводства, то введение его в Туркестане приписывается «предприимчивости отдельных лиц» из Северного Кавказа; их примеру последовали крестьяне, особенно в Чимкентском уезде³⁸. По словам Гейера, явился «спрос на мериноса и со стороны туземных чимкентских жителей», но, насколько известно, тонкорунное овцеводство не заняло выдающегося места в хозяйстве туземца.

Из видов земледельческой культуры при русских получила распространение культура картофеля. В книге Масальского не совсем верно сказано, что картофель до прихода русских был совершенно неизвестен в Средней Азии³⁹; в окрестностях Ташкента его возделывали татары⁴⁰; но посевы картофеля у туземного населения появились только при русских под их влиянием. По словам Масальского, в селении Алмаз Ферганской области (Наманганского уезда) картофелем ежегодно засевалось до 300 десятин; по данным обзора 1911 г., под картофелем было в Наманганском уезде 297 десятин на землях туземцев и частновладельческих и только 10 десятин на крестьянских; для всей Ферганской области соответствующие цифры — 853 и 166 (из них 134 в Андижанском уезде). В Самаркандском уезде, по данным 1908 г., на землях оседлых туземцев было засеяно картофелем 379 десятин. Более значительны посевы картофеля в Семиреченской области, где культура картофеля была заимствована от русских таранчами и дунганями. Как предмет питания картофель среди туземцев не получил распространения.

Из других хлебных растений «до прихода русских почти вовсе не был известен в Средней Азии» овес⁴¹. Масальский говорит только о культуре овса у русского населения; по другим сведениям, в Семиреченской области овес кроме русских сеяли таранчи, дунгане и киргизы; по данным обзора 1899 г., на киргизских землях сеялось больше овса, чем на крестьянских и казачьих вместе. Киргизам, как и другим турецким народностям, овес, по-видимому, был известен до русских⁴²; возможно, что русскими культура овса была только перенесена в более южные широты, чем прежде⁴³.

телеутов 'коса' (надо 'серп', die Sichel). По русско-киргизскому <казахскому> словарю 1899 г., коса — *шалг орак*, ср. *шалгы ордак* у Радлова, IV, 965. Судя по этим лингвистическим данным, коса могла проникнуть в северную часть киргизских <казахских> степей также из Башкирии.

³⁸ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 501.

³⁹ Там же, стр. 469.

⁴⁰ По словам Наливкина (*Туземцы*, стр. 10), татар в Туркестане ко времени русского завоевания было около 5000.

⁴¹ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 450.

⁴² На это указывает широкое распространение турецких слов *сула* и *сулу* 'овес'. Ср. Радлов, *Словарь*, IV, 772—775.

⁴³ Ср. слова Гейера о крестьянах села Троицкого Ташкентского уезда: «им, между прочим, принадлежит почин культуры овса на широте Ташкентского уезда» (Гейер, *Крестьянская колонизация*, стр. 311).

Перечисляются еще некоторые другие отрасли сельского хозяйства, не существовавшие в Туркестане до русских (промышленное плодоводство, виноделие, культура сахарной свеклы, молочное хозяйство)⁴⁴; но эти отрасли частью были насаждены правительством, независимо от крестьянской колонизации, частью не вошли в обиход туземца (молочное хозяйство⁴⁵).

Кроме влияния европейской культуры, через русских, туземцы во второй половине XIX в. подвергались и некоторому влиянию культуры Дальнего Востока, через переселенцев из Кашгарии и Кульджинского края, покинувших свою родину в связи с политическими событиями. Самый многочисленный элемент — таранчи в Семиреченской области (около 83 000), один и тот же народ с кашгарскими сартами⁴⁶, отличающийся от них только по названию (таранчи — потомки кашгарских сартов, выселенных китайцами в XVIII в. из Кашгарии в Кульджинский край). Таранчи принимали участие даже в развитии, при русском владычестве, городской жизни; они составляли главную массу (16 000 из 25 000) населения уездного города Джаркента, основанного русскими в 1882 г. на территории бывшего Кульджинского края, оставшейся за Россией по договору 1881 г. и присоединенной к Семиреченской области (русских в Джаркенте было всего 4500)⁴⁷. Менее многочисленны (всего 20 600), но экономически более крепки были другие переселенцы из бывших китайских владений⁴⁸, дунгане — китайцы по языку и одежде, мусульмане по религии. Дунгане, также поселенные в Семиреченской области, оказали здесь влияние на развитие сельского хозяйства: по обзору Семиреченской области за 1899 г.⁴⁹, население до прихода дунган удовлетворяло свои потребности в рисе только путем ввоза из Сыр-Дарьинской области и Кульджинского края; дунгане впервые стали возделывать рис на месте, и скоро область не только не нуждалась в привозном рисе, но сама могла вывозить рис в соседние области; от дунган заимствовали культуру риса

⁴⁴ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 558.

⁴⁵ То же самое относится к пчеловодству, которое, по словам Масальского (1913) <*Туркестанский край*, стр. 508—509>, только «в последние годы распространилось местами и среди туземцев». Русскими при завоевании пчеловодство было найдено только в горном селении Бричмулла Ташкентского уезда в небольших размерах (Поспелов, *Письма о пчеловодстве*, стр. 65). <Следует отметить, что район Бричмуллы в XIX—XX вв. был самым северным пунктом расселения таджиков. — В. Р.>

⁴⁶ <Т. е. таранчи были уйгурами, но название «таранчи» употреблялось только в отношении уйгуров Семиречья, переселенцев из Илийского края в 80-х годах XIX в. Об этом см. Кабилов, *Переселение*. — В. Р.>

⁴⁷ Турчанинов, *Города*, стр. 334; Масальский, *Туркестанский край*, стр. 768.

⁴⁸ Частью из Кульджинского края, частью из провинции Шаньси (выходцы из этой провинции в селении Каракуруз Пишпекского уезда, ср. статью В. Цибузгина и А. Шмакова, *Заметка*).

⁴⁹ <ОСО, 1899 г., стр. 12.>

таранчи и киргизы⁵⁰. Дунгане имели влияние и на городских мусульман: у сартов даже в самом Ташкенте вошли в моду дунганские шляпы⁵¹.

---

⁵⁰ Ср. еще Поярков, *Последний эпизод*, стр. 73 и сл. Уже в конце 1890-х годов дунганский рис вывозился из Пишпека «во все города Туркестанского и Степного края» (И Терентьев, *Сведения о Пишпеке*, стр. 22).

⁵¹ Ср., напр., иллюстрацию: Schwarz, *Turkestan*, S. 301. Несколько преувеличивая превосходство Дальнего Востока в области материальной культуры, Скайлер (*Turkistan*, vol. II, p. 389) полагал, что для русских лучшим способом сделать Туркестан доходной страной было бы открыть туда доступ переселенцам-китайцам.

IX

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Последствием русского завоевания, кроме развития земледелия в ущерб скотоводству, было значительное развитие городской жизни¹; но города, даже основанные при русских, большею частью не сделались чисто русскими по составу населения. В коренных областях Туркестана: Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской,— русские большею частью присоединяли к старому городу новую, русскую часть, которая потом противопоставлялась «туземной», или «азиатской», и вместе с нею составляла один город. Только после завоевания Ферганы для устройства областного города была выбрана местность не рядом, а только по соседству (расстояние около 12 верст) от туземного города, притом не от главного города области — Коканда, но от менее значительного — Маргелана; поэтому «Новый Маргелан», с 1907 г. получивший название Скобелев (ныне Фергана), по составу населения сделался русским городом (в 1911 г. из 11 000 жителей считалось 7000 русских). Выбор места определился не сразу: Скобелевым была намечена другая местность, ближе к старому Маргелану, между этим городом и селением Яр-Мазар. Отступление от обычая — строить русский областной город рядом с главным туземным — было вызвано санитарными условиями; неблагоприятные санитарные условия в Коканде заставили отказаться от мысли устроить русский административный центр рядом с прежней столицей области и ханства². Скобелев «отличается здоровой питьевой водой и наилучшими природными условиями из всех городов Туркестана»³; тем не менее в печати было высказано сожаление, что в этом случае русский город был построен в стороне от прежнего центра жизни и потому остался «чисто административным центром, населенным почти исключительно лицами, состоящими на государственной службе, и их семьями. Между тем рус-

¹ По мнению Макшеева (*Материалы*, стр. 35), «между городами и селениями Туркестанского края нет определенного различия в экономическом смысле»; поэтому он называет городами «только те пункты, в которых была до сих пор и останется, по новому положению, русская администрация».

² Масальский, *Туркестанский край*, стр. 701.

³ Турчанинов, *Города*, стр. 325.

ские части городов Андижана и Коканда, будучи расположены в непосредственной близости от соименных туземных городов, стали крупными торговыми пунктами, с развитой — особенно в Коканде — общественной жизнью»; даже в санитарном отношении место, намечавшееся Скобелевым, будто бы было более благоприятным⁴. Масальский, по мнению которого место для основания ферганского областного города было выбрано крайне удачно (город «по условиям жизни занимает одно из первых мест, если не первое, в Туркестане»), все-таки признает, что «торгово-промышленная жизнь в Скобелеве развита сравнительно слабо»⁵. Приходится, таким образом, отметить замечательный факт, что в области, занимавшей первое место в экономической жизни Туркестана, город, построенный русскими, с преобладанием русского населения, не имел почти никакого торгово-промышленного значения, тогда как в тех городах, где по преимуществу сосредоточивалась торгово-промышленная жизнь — Коканде, Намангане и Андижане, — число русских было совершенно ничтожно по сравнению с числом туземцев, хотя в каждом из них (в Коканде только с 1885 г.) рядом с «туземной» частью была русская (по сведениям 1911 г., православных и мусульман в Коканде 5220 и 111 390, в Намангане 1157 и 77 139, в Андижане 3700 и 76 543). Из этого, конечно, не следует, чтобы представители русской торговли, промышленности и техники в Фергане не оказывали влияния на жизнь туземца. Помимо городов, русские проникали в сельские местности; даже в Кокандском уезде, где не было ни одного русского селения, в 1911 г. считалось 1649 православных (кроме города), в Скобелевском уезде — 3589. В Скобелевском уезде, в селении Ассаке, «центре хлопководства и торговли хлопком», был отмечен в 1908 г. «первый опыт постройки самим (туземным) населением солидного и ценного ирригационного сооружения по европейскому образцу — шлюза из жженого кирпича, на цементе, с бетонным фундаментом и с железными щитами» у головы арыка Иса-аулия, берущего начало из Шарихан-сая⁶.

В Самаркандской области возникли только «русские части» при старых городах (Самарканде, Ходженге, Ура-Тюбе, Джизаке и Катта-Кургане), хотя в одном городе, Джизаке, русская часть (сначала «укрепление Ключевое») находилась от туземной в трех верстах. Сколько-нибудь значительными размерами отличалась только русская часть Самарканда, где по сведениям 1908 г. считалось 11 654 православных (из общего числа жителей 80 706), во всех остальных городах области, вместе взятых, только 2080 (из общего числа 84 138).

В Сыр-Дарьинской области русскими была восстановлена исчезнувшая в XIV в. (кроме существовавшего еще несколько веков Суг-

⁴ СОФО, 1907 г., стр. 9.

⁵ Масальский, *Туркестанский край*, стр. 706.

⁶ СОФО, 1908 г., стр. 23.

нака) городская жизнь по низовьям Сыр-Дарьи; но в этих городах, Казалинске (первоначально Казала) и Перовске, русские составляют только половину населения, причем и этот результат был достигнут только в недавнее время, после проведения железной дороги; по переписи 1897 г. в Казалинске было только 2610 русских из 7585 жителей, в Перовске — 742 из 5508. Чисто русским оставался небольшой городок (менее 3000 жителей) Петро-Александровск (после Турткуль), центр управления Аму-Дарьинским отделом, образованным после хивинского похода 1873 г. Город (сначала небольшое укрепление) был построен в 5 верстах от большого селения Шурахан и в 243 верстах от экономического центра отдела, селения Чимбай, которое и в 1910 г. по числу жителей (около 4000) превосходило Петро-Александровск. Чимбайский район считался житницей отдела⁷.

Совершенно исключительное положение в Сыр-Дарьинской области занимал, как до русского завоевания, так в особенности после него, Ташкент⁸. Вследствие отсутствия точных статистических данных нельзя установить, был ли Ташкент самым многолюдным городом Кокандского ханства, т. е. превосходил ли он по числу жителей Коканд⁹; во всяком случае, города Сыр-Дарьинской области и тогда не могли бы выдержать с ним даже самого отдаленного сравнения. При русских Ташкент сделался самым многолюдным городом не только Туркестана, но и всей Азиатской России. Русская часть по числу жителей значительно уступала туземной, но все же число русских жителей постепенно дошло до 50 000; другого города с таким числом русского населения не было во всем крае. Поэтому в Ташкенте несравненно в большей степени, чем в других городах, могла получить развитие общественная жизнь в европейском смысле слова, к которой отчасти были привлечены и туземцы, особенно со времени распространения на Ташкент в 1877 г., с некоторыми изменениями, городского положения 16 июня 1870 г. По правилам о применении этого положения к Ташкенту, две трети гласных избирались русской частью города, одна треть — «азиатской», причем пассивным избирательным правом в каждом случае пользовались также только обыватели соответствующей части. Это неравенство имело, собственно, не национальное, а территориальное значение; русские, переселившиеся в «азиатскую» часть города, по активному и пассивному избирательному праву приравнивались к ту-

⁷ Владимиров, *Об изменении дельты Аму-Дарьи*, стр. 391.

⁸ <О торговом и политическом значении Ташкента в конце XVIII — начале XIX вв. в связи с развитием экономических и политических взаимоотношений Средней Азии с Россией теперь см. Ходжиев, *Ташкент*; об истории Ташкента после русского завоевания см.: Азадаев, *Ташкент*; Вахабов, *Ташкент*. — В. Р.>

⁹ По данным, собранным в 1865 г. переводчиком Бекчуриным, в Ташкенте и Коканде одинаково было по 100 000 населения; по сведениям, сообщенным в конце 1866 г. управлявшими населением, в Ташкенте — 80 000 (Романовский, *Заметки*, стр. 281 и сл.).

земцам и в таком смысле это правило применялось и на деле; указывалось, что вследствие такого состава ташкентской городской думы городские средства тратились почти исключительно на благоустройство русской части. Национальный, а не территориальный принцип был положен в основу при определении состава городской управы, хотя первоначальный план правил (в приказе генерал-губернатора, в августе 1877 г.) был составлен в смысле защиты прав туземцев: «Из общего числа членов городской управы третья часть их избирается обязательно из туземцев, знающих русский язык», т. е. было постановлено, чтобы туземцы составляли не менее трети членов управы. В окончательном тексте правил, получившем законодательную санкцию (высочайше утвержденное 5 декабря мнение государственного совета), даже знание членами управы — туземцами — русского языка уже не признается безусловно обязательным: «Одна треть общего числа членов управы избираются из туземцев, причем преимущество отдается знающим русский язык». Обыкновенно членов управы было шесть, из них два туземца; в сессию 1910—1914 гг. из шести членов управы был только один туземец, Максут-Ходжа Атта-Падша-Ходжаев, работавший в думе уже восьмую сессию. В первую сессию из обывателей туземной части было избрано 24 гласных (по 8 в каждом из трех разрядов), из них 20 сартов, 2 чиновника-мусульманина (один из них — переводчик при генерал-губернаторе) и 2 татарина.

Даже такое представительство было для туземцев лучшей школой в деле усвоения европейской общественности и имело бы еще больше значения, если бы то же самое положение было применено к другим туркестанским городам со значительным туземным населением; но в этих городах население русских частей было настолько немногочисленно, что организация городского управления по ташкентскому образцу была бы невозможной. Даже стотысячный Коканд должен был довольствоваться и во втором десятилетии XX в. «городским хозяйственным управлением», какое было и в Ташкенте с 1870 до 1877 г. Туркестанская администрация после Кауфмана не только не считала нужным содействовать дальнейшему развитию городского самоуправления, но даже в существовании ташкентской городской думы, как и в существовании независимого от администрации русского суда, введенного положением 12 июня 1886 г., видела подрыв своему авторитету. При генерал-губернаторе бароне Вревском (1889—1898) возбуждался вопрос об упразднении ташкентской городской думы или, по крайней мере, о замене более либерального положения 1870 г. положением 1892 г., о подчинении суда администрации или, по крайней мере, о введении, по образцу внутренней России, положения о земских начальниках; указывалось также на необходимость уничтожения введенного русской властью выборного порядка замещения должности туземных судей — казиев (у оседлого населения) и биев (у кочевого). Ни один

из этих проектов, несмотря на настоящие администрации, не был проведен в жизнь; даже в Ташкенте секретарем думы в 1912 г., по случаю 35-летия городского самоуправления, было отмечено, что Ташкент «ныне является единственным городом в империи, где действует городовое положение 1870 года».

Более чем на какой-либо другой окраине, в Туркестане вся умственная жизнь сосредоточивалась в одном городе. Отъезд из Ташкента в другие местности Туркестана считался отъездом «в провинцию»; это выражение употреблялось даже в печати, также составлявшей одну из особенностей Ташкента. Попытки издавать газеты в других городах не имели прочного успеха (некоторыми, хотя тоже непрочными успехами в этом деле могли похвалиться Самарканд и впоследствии города Ферганы): в Ташкенте могли выходить в свет не только газеты (несмотря на крайне неблагоприятные условия цензурные и другие), но и журналы (последним, правда, не удавалось прочно обеспечить свое существование), и издания довольно многочисленных научных обществ и кружков. Но вся эта общественная жизнь сосредоточивалась в русской части; не делалось никаких серьезных попыток приобщить к ней туземцев. Даже редактор официальной «Туркестанской туземной газеты», фактически пользовавшийся сотрудничеством туземцев, находил, что «сотрудники из туземцев почти невозможны, потому что они не понимают условий печати и не могут отрешиться в своих сообщениях от личных расчетов»¹⁰. Вместо русских насаждение европейских форм общественности, как и европейской школы, приняли на себя татары. Жизнь татарских газет, издававшихся между 1906 и 1908 гг., могла быть прекращена распоряжениями властей; жизнь татарских новометодных школ только на короткое время могла быть парализована беспримерным распоряжением, чтобы преподаватель принадлежал к той же национальности, как ученики; еще труднее было найти законную почву для борьбы с мусульманскими благотворительными обществами, или, как их сокращенно называли, мусульманскими обществами; и действительно, эти общества открывались татарами не столько для благотворительных целей, сколько для успеха идеи солидарности мусульманских народов; по словам В. А. Гордлевского, «то были ячейки, собиравшие раздробленные силы мусульман». Представители русского консерватизма находили нежелательным все, что может способствовать «обособлению мусульманского населения России», в том числе «общества взаимопомощи и особые благотворительные общества и читальни для мусульман»¹¹; но несомненно, что «обособлению» мусульман и успеху татарской деятельности много содействовали сами русские, слишком мало заботившиеся об установлении связи между русскими и туземными частями туркестанских городов на приемлемых

¹⁰ Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 171.

¹¹ Остроумов, *Коран и прогресс*, стр. 246 и сл.

для туземца основах. Мусульманское благотворительное общество действовало в Ташкенте с 1909 г.; несомненно, и это общество возникло под татарским влиянием, хотя председателем его был местный богатый купец Сейид-Карим Сейид Азимбаев, отец которого, вместе со своими сыновьями Сейид-Каримом и Сейид-Гани и зятем Ариф-ходжей, считался сторонником русского влияния и русской школы¹².

При каждом из городов Сыр-Дарьинской области, существовавших до русского завоевания (Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата), возникла русская часть; замечательно, что по дореволюционному административному делению именно тот город, которому по числу жителей принадлежало второе место в области, Туркестан (до 20 000 жителей), был признан безуездным или заштатным, может быть потому, что русское население в нем было еще малочисленнее, чем в двух других городах. Первоначально предполагалось, что в Кураминском или Ташкентском уезде будет особый уездный город, так как Ташкент должен был быть особым градоначальством с отдельным от уезда управлением. Макшеев в 1867 г. полагал, что уездным городом Ташкентского уезда будет Той-тюбе, в то время селение в 2000 дворов; фактически кураминский уездный начальник до введения положения 1886 г. жил в Куйлюке, который, однако, не сделался городским поселением и оставался в это время «небольшой деревней», хотя дом уездного начальника был окружен обширными садами и походил на дворец¹³.

В Семиреченской и Закаспийской областях русские нашли только развалины прежних городов. Даже около кокандских крепостей, построенных в XIX в. в Чуйской долине и в местности по Нарыну, до прихода русских успели образоваться только селения, из которых самым крупным был Пишпек (около 1000 дворов). Насколько киргизы были недовольны сартовской колонизацией, видно из того, что после падения кокандских крепостей и ухода сартов киргизы «сравнивали сартовские поселения с землей и превратили в кочевья, так что теперь почти не заметно следов их поселений»¹⁴. Но сартовскую колонизацию сменила более прочная и еще менее желательная для киргизов колонизация русская. В местности к югу от Или при устройстве в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства были образованы два уезда, Верненский и Токмакский. Построенное в 1854 г. укрепление Верное было преобразовано в город Верный, областной город вновь образованной Семиреченской области. Туземцы перенесли на новый город название Алматы, как издавна называлась вся местность, перевал из ущелья Большого Кебина (приток Чу) в бассейне Или, озеро (Алматинское) и впадающие в Каскелен, приток Или, речки (Большая и Малая Алматинки). Остатки старого поселения находятся к юго-западу

¹² Остроумов, *Сарты*, изд. 1-е, вып. I, стр. 63 и сл.

¹³ Schuyler, *Turkistan*, vol. I, p. 325.

¹⁴ Талызин, *Пишпекский уезд*, стр. 36.

от города, против ущелья Большой Алматинки. Сарты рано старались использовать для своих торговых целей утверждение русских в Семи-речье; В. В. Радлов уже в 1862 г. видел в Копале большое число мусульманских купцов, среди которых преобладали ташкентские сарты; даже семипалатинских татар было гораздо меньше¹⁵. Сарты, конечно, нашли путь в Верный, где их уже в 1871 г. считалось 565 человек, больше, чем киргизов¹⁶ (403); тем не менее преобладающим элементом населения здесь остались русские, которых в 1911 г. считалось 26 000 из общего числа 35 000 с лишком. Вследствие преобладания в Верном русского населения этот город при учреждении туркестанской епархии (1872 г.) был избран местопребыванием архиерея; утверждают также, что генерал-губернатор Кауфман, противник миссионерства, не желал видеть в Ташкенте ни архиереев, ни жандармов (охранное отделение появилось в Ташкенте только в конце 1907 г.). Связь с пребыванием епископа в Верном имеет, вероятно, такой исключительный для Туркестана факт, как открытие в 1885 г. на северном берегу Иссык-Куля, против Курмектинского ущелья, недалеко от старого укрепления, миссионерского монастыря (Святотроицкого) со значительным земельным наделом (2274 $\frac{1}{2}$ десятины) и очень немногочисленной братией (в 1902 г. 9 монахов и 2 послушника; по сведениям 1909 г., послушников было около 15). Ни архиерейская кафедра, ни монастырь не имели, конечно, никакого влияния на культурную жизнь туземцев, хотя в монастыре достигло некоторых успехов пчеловодство¹⁷. Ташкентское городское самоуправление впоследствии видело в пребывании епископа в Верном некоторое нарушение столичных прав своего города и потому возбуждало вопрос о переселении епископа в Ташкент, обещаясь назначить значительные средства на постройку архиерейского дома.

Управление юго-западным уездом Семиречья сначала было сосредоточено в Токмаке. По мнению Радлова, место для постройки города было выбрано крайне неудачно; прежняя кокандская крепость находилась около гор, в здоровой местности; русский Токмак был построен на самом берегу Чу, среди болот¹⁸. Впоследствии уездное управление было перенесено в основанный в 1878 г., близ кокандской крепости, город Пишпек, вследствие чего и уезд был переименован в Пишпекский. Токмак из уездного города сделался торговым местечком. Пишпек заключал в себе в 1897 г. 6163 жителя, из которых русских было 2563, т. е. несколько меньше половины; около 1910 г.— около 14 000, из них русских более 8000. Как видно из местоположения курганов и других остатков прошлого, в том числе несторианских кладбищ, жизнь

¹⁵ Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 114.

¹⁶ <Казахов.>

¹⁷ Около 1910 г. предполагалось открытие при монастыре, очевидно с миссионерскими целями, школы для киргизских детей с интернатом. Очевидно, это не было приведено в исполнение.

¹⁸ Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 119 sq.

в средние века сосредоточивалась южнее современных Пишпека и Токмака и дороги между ними, ближе к горам.

Столь же новым городом был Каракол к юго-востоку от Иссык-Куля, на берегу речки того же имени, после смерти Н. М. Пржевальского (1888 г.) переименованный в Пржевальск. По словам Радлова, первоначально предполагали построить город несколько дальше к востоку, на берегу Аксу; на Караколе город строился в 1869 г., когда здесь был Радлов; в то время только начинали строить первые дома; чиновники жили в юртах, солдаты в палатках. В 1868 г. в труде Махшеева главным пунктом «Иссык-Кульского уезда» назван «город Аксу»; в 8 верстах от города, на р. Караколе, находилась «татарская слободка». На карте при труде Романовского (1867 г.)¹⁹ отмечено только «укрепление Аксуйское»; Каракола нет. Еще в 70-х годах (в энциклопедическом словаре Березина) Каракол назывался безуездным городом Иссык-Кульского уезда или «пограничным пунктом, населенным войсками». К концу 70-х годов в нем считалось 2777 (по словарю Березина 4201) жителей, к 1910 г.— до 15 000, из них до 6000 русских.

Русское завоевание, таким образом, уничтожило в Семиречье сартовскую земледельческую колонизацию, но содействовало поселению сартов-горожан и торговцев²⁰. Вследствие русских законов о нехристианах, законов, направленных в Европейской России против евреев, но применявшихся к мусульманам, участие мусульман в городском самоуправлении было гораздо слабее, чем можно было бы ожидать по их численности. В Верном с 1879 г. действовало городское положение, с городским головой, думой и управой; в пяти уездных городах Семиречья было введено упрощенное общественное управление по положению 1892 г., с городскими старостами. В 1902 г. из пяти городов только в Копале мусульманин был помощником городского старосты (в 1904 г. городским старостой); в Верном и во всех пяти уездных городах мусульмане были среди членов городских сиротских судов.

Закаспийская область находилась в таких же условиях, как Семиреченская, с той разницей, что здесь городов и при русских возникло еще меньше. Кроме областного города Асхабада, возникло два уездных, Красноводск и Мерв; в двух обширных уездах, Мангышлакском и Тедженском, городов не было совсем; центр управления Мангышлакским уездом, форт Александровский, только официально считался городом. Областной город Асхабад, основанный в 1881 г., достиг некоторого процветания; в печати отмечался факт, что Асхабад «прогрессировал быстрее других туркестанских городов, не исключая Ташкента»; по переписи 1897 г. в нем уже было 19 426 жителей; значительно

¹⁹ <Карта Туркестанского военного округа, с пограничными частями Средней Азии; приложена к кн.: Романовский, *Заметки*. — В. Р.>

²⁰ О значительном расширении, под влиянием умиротворения степи русскими, торговых операций сартов говорит Наливкин (*Туземы*, стр. 89 и сл.).

меньше (12 981) было число жителей в русской части Ташкента (без воинских чинов) в 1890 г., через 25 лет после ее основания. Даже постройка железной дороги Оренбург — Ташкент, отвлекшая от Закаспийской дороги значительную часть грузов, не отразилась на росте Асхабада; к 1911 г. число жителей дошло до 44 000, но из этого числа русских было всего 9000, т. е. немногим более $\frac{1}{5}$. Главной причиной роста Асхабада была, по-видимому, эмиграция из Закавказья и Персии. Для всей Закаспийской области было отмечено понижение процента православного населения после переписи 1897 г. и до 1911 г.: (с 8,9% до 8,1%), вследствие более быстрого роста населения всей области (23,5%), чем числа православных и старообрядцев (13,5%). По переписи 1897 г. число русских в Закаспийской области превосходило, хотя и незначительно, число пришлых инородцев (33 273 против 31 488); к 1911 г. число пришлых инородцев превосходило число русских почти на 25% (50 152 против 41 671). В значительной степени это объясняется иммиграцией персов, число которых с 1897 г. почти утроилось (24 350 против 8600). Число коренных инородцев, т. е. туркмен, живших в городах, во время переписи 1897 г. было совершенно ничтожно (1432).

Асхабадская интеллигенция успешнее, чем интеллигенция других туркестанских городов, соперничала с ташкентской; удалось хорошо оборудовать библиотеку и музей и построить для них, притом еще раньше, чем в Самарканде, особое здание (в Ташкенте такого до революции не было); издавались газеты и журналы, основывались научные общества и т. п. Характерно для Асхабада было крайне странное, при незначительном количестве русского населения, раздробление сил; издавались две частные газеты (одна из них субсидировалась) — «Закаспийское обозрение» и «Асхабад»; в 1902 г. была сделана попытка учредить два научных общества, приблизительно с одинаковыми задачами — «Общество исследователей Закаспийского края» и «Закаспийский кружок любителей археологии и истории». Ни тому, ни другому не удалось упрочить своего существования; кружок лет через десять, уже во время войны, сделал попытку возобновить свою деятельность и успел напечатать три выпуска своих протоколов. В 1903 г. «Закаспийским обозрением» была сделана неудачная попытка издавать газету на персидском языке, причем печатался и «перевод статей, помещенных на персидском языке»; в действительности этот русский текст был оригиналом, персидский — очень плохим переводом с русского.

В другом значительном городе Закаспийской области, Мерве, основанном в 1884 г., русское население также составляло только немногим более трети (5500 из 16 000; по переписи 1897 г. число населения было только 8553). Город имел некоторое значение для торговли, но, конечно, не для умственной жизни. Преобладанием инородческого элемента, вероятно, объясняется, почему даже в сравнительно

многолюдном (числом жителей превосходившем Верный) Асхабаде не было введено городское самоуправление.

В центре общественной жизни Туркестана, Ташкенте, легче всего можно проследить влияние русской городской жизни на быт туземца, хотя первый интеллигентный сарт, научившийся русскому языку (от офицера-тагарина Еникеева), Саттар-хан (собственно Абд ас-Саттар-ходжа) Абдулгафаров, жил сначала в Чимкенте и там был учителем первой открытой в Туркестане русско-туземной школы (1874—1876 гг.). Тот же Саттар-хан в 1876 г. ездил в Петербург на международный конгресс ориенталистов вместе с тремя другими туземцами: сартом Мухаммед-Куловым, одним из ташкентских аксакалов, узбеком Джурабеком, бывшим владельцем Китаба, впоследствии генералом русской службы, носившим даже после отставки русский генеральский мундир и хорошо говорившим по-русски (убит в 1906 г. в своем имении близ Ташкента, на арыке Карасу), и киргизом Ниязовым. Эти путешествия сделались гораздо более частыми, с тех пор как в Туркестан стали проникать железные дороги, что совершалось гораздо медленнее, чем можно было ожидать. Долгое время (1888—1899 гг.) конечным пунктом железной дороги от Каспийского моря оставался Самарканд; с Ташкентом, столицей края, было только почтовое сообщение. Только в XX в. было установлено непрерывное железнодорожное сообщение Туркестана с Европейской Россией через Оренбург; задача установления такого же сообщения с Сибирью остается неразрешенной до сих пор²¹; Семиречье и Аулиеатинский уезд, кроме его западной пограничной полосы, оставались до последнего времени вне железнодорожной сети. Проведение дороги в Самарканд стало привлекать туда западно-европейских туристов.

Вскоре после этого сарты нашли дорогу в Западную Европу; в 1900 г. ташкентский купец Таджи-Мухаммед Иса-Мухаммедов ездил на парижскую выставку и оттуда в Лондон; в 1902 г. Н. П. Остроумов встретил в вагоне наманганского купца, возвращавшегося из поездки в Париж, Вену и Берлин. С тех пор, по свидетельству Наливкина, прежняя «малая подвижность» сартов стала уступать место противоположному свойству — лишнее доказательство, что Наливкин напрасно считал эту «малую подвижность» коренным свойством сартского народа и переносил ее из XIX века в прошлое.

Туземцы, сближавшиеся с русскими и научившиеся говорить по-русски, усваивали преимущественно внешнюю сторону русской жизни, большею частью отрицательные стороны, научились вести легкомысленный образ жизни, пить вино и пиво; это относится даже к ученым, представителям религии, как муфтий, впоследствии казий, Сат-

²¹ <Задача эта разрешена в 1927—1930 гг. благодаря постройке Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба). — В. Р.>

тар-хан. Русскими медалями и другими наградами был создан, по словам Наливкина ²², класс «почетных туземцев», не всегда принадлежавших к числу лучших представителей своего народа. Обладавший значительной библиотекой и читавший много исторических сочинений Джура-бек не без основания сравнивал (в разговоре со мной) русское управление с управлением монголов: по его словам, и при русских, как при монголах, дурным людям удавалось посредством лживых изъявлений преданности обманывать иноплеменных завоевателей и под их покровительством притеснять своих соплеменников. У туркмен родовые старшины (кетхуды), не имевшие никаких официальных полномочий и державшиеся в стороне от русских, часто пользовались в народе бóльшим уважением, чем люди, посредством подкупа и при помощи покровительства русских добивавшиеся избрания на должности по администрации или по суду. Даже в степи при русских образовалась своего рода денежная аристократия (*аткамнары*, т. е. 'всадники'), заменившая прежнюю родовую; в городах расширением торговых оборотов воспользовались, конечно, преимущественно богачи. В Фергане класс баев, т. е. богачей, стал между туземным крестьянством и русскими скупщиками хлопка. В ташкентской купеческой среде появились такие капиталы, каких прежде не было; по словам одного из знатоков края, в Ташкенте прежде «считали крупными богачами людей, имеющих 10—15 тысяч рублей; в наше же время (статья написана в 1903 г.) для того, чтобы считаться известным богачом среди сартов, необходимо иметь, по крайней мере, до полумиллиона». В той же статье ²³ и в труде Н. П. Остроумова о сартах говорится об изменении, под влиянием русских, внешней обстановки, преимущественно в богатых домах: появление окон на улицу, меблировка гостиных, иногда и кабинета хозяина по европейскому образцу и т. п. Н. П. Остроумов указывает, как на характерный пример, на дом Ариф-ходжи в русской части Ташкента и во внешнем виде этого дома видит символ сближения двух народностей. Одна половина дома не только внутри, но и извне построена по образцу русских домов; на другой, предназначенной для женщин, едва отразилось русское влияние; нет и окон на улицу, хотя место для них намечено. Н. П. Остроумов полагал, что, «когда придет время, пробить их будет нужно, хотя может быть и не сразу, не все вдруг и не во весь намеченный с фасада размер» ²⁴.

О степени влияния русских не на жизнь отдельных лиц, но на общегородскую жизнь, лучше всего дает понятие изменение внешнего вида туземных городов. Этого вопроса сравнительно мало касалась

²² *Туземцы*, стр. 72 и сл. Там же (стр. 91) о Саттар-хане как одном из «отщепенцев, которые от своих отстали, а к чужим не пристали». Для них была придумана кличка *чокунды* ('выкрест'; в словаре Радлова нет, и этимология неясна).

²³ Лыкошин, *Результаты сближения*.

²⁴ Остроумов, *Сарты*, изд. 1-е, вып. I, стр. 67.

местная печать; даже в статье такого знатока туземного Ташкента, как Н. С. Лыкошин, говорится только о сохранении «прежнего лабиринта извилистых узких улиц» и не упоминается о значительном расширении прорезывающих город главных базарных улиц, не столько действиями городского самоуправления, сравнительно мало заботившегося о туземной части, сколько распоряжениями администрации. Такие меры применялись администрацией не в одном только Ташкенте; так, в Самарканде в начале 80-х годов была расширена улица в северной части города, между ташкентским трактом и базаром, причем оказалось необходимым перенести на новое место гробницы ханов из династии Шейбанидов, что было сделано русской властью по соглашению с «влиятельными туземцами». Иногда по вопросам о таких перестройках приходилось даже официально обращаться к представителям шариата; так поступил русский начальник города Ташкента в 1886 г., когда возникло сомнение, можно ли при переустройстве базаров касаться лавок, выстроенных на вакуфной земле. Расширение и выпрямление базарных улиц происходило, конечно, на счет соседних переулков, вследствие чего несколько изменился план города, тогда как в Самарканде в 1868 г., по исследованиям Вяткина, «расположение улиц, даже второстепенных, было совершенно то же», как при первых Шейбанидах. Кроме того, везде постепенно разрушались окружавшие города глинобитные стены. В этом разрыве с традициями средневекового города везде в Европе видели прогрессивное явление — необходимое условие для оздоровления городов; в Ташкенте мне пришлось слышать от стариков-туземцев, что после исчезновения городских стен с запиравшимися на ночь воротами уже нельзя спать по ночам так спокойно, как прежде.

Русская власть первоначально была склонна оставить полицейский надзор в туземной части Ташкента в ведении туземцев; даже положение 1886 г. ограничилось переименованием выборных аксакалов (старост) в старшин, причем главой полиции был старший аксакал, которому был подчинен туземный штат полицейских. Положение было изменено в 1892 г. не ради обеспечения городского благоустройства, но ради наблюдения за политическим настроением жителей, вследствие неожиданного для русских властей холерного бунта, причем утверждали (на суде это осталось недоказанным), что движение толпы происходило под руководством двух ишанов и с криками о священной войне. После этого у аксакалов были отняты полицейские функции и переданы русскому полицеймейстеру с двумя приставами и двумя помощниками приставов; в жизни полицеймейстер туземной части обыкновенно назывался помощником начальника города, туземцы называли его, как уездных начальников, хакимом. Штат полиции как в туземной части, так и в русской состоял большей частью из туземцев.

Предметом забот городского управления в Ташкенте был, между прочим, вопрос о снабжении города водой. Надзор за ирригационными

сооружениями всецело оставался в руках туземных арык-аксакалов; еще в 1909 г. в записке городского головы Н. Г. Маллицкого только высказывалось пожелание, чтобы к этому делу был привлечен «специалист-инженер, вооруженный знанием европейской гидротехники». В вопросе об освещении яснее всего проявилось неравноправие частей города. До введения городского самоуправления в туземной части не было ни одного фонаря, к концу 1887 г. — только 100 из 606; введенные в 1905 г. керосинокалильные фонари почти все были помещены в русской части, где их к 1 января 1907 г. было 207 из 208, к 1 января 1909 г. — 297 из 321 (все 24 фонаря туземной части были на Шейхантаурской улице, главной дороге из русской части на туземный базар), к концу того же года — 319 из 376.

Большое значение для туземной части Ташкента имело открытие почтово-телеграфной конторы, что произошло только в 1894 г. (почтовое отделение было открыто еще в 1892 г.). Деятельность конторы дает некоторое представление о жизни туземной части сравнительно с русской. В 1909 г. в туземной части было получено 24 204 номера газет, из них $\frac{2}{3}$ мусульманских²⁵, в русской части — 849 520 номеров. В сберегательных кассах при почтовых конторах в туземной части ежегодно до 100 вкладчиков вносили 3—5 тыс. руб., в русской части — до 650 вкладчиков до 165 тыс. руб.; зато гербовой и вексельной бумаги ежегодно продавалось в туземной части на сумму от 20 до 25 тыс. руб., в русской — только от 5 до 12 тыс. руб.

Для приобщения к русской умственной жизни масс туземного населения в туземных частях городов иногда устраивались народные чтения. Это составляло одну из задач «Комиссии народных чтений» в Ташкенте (с 1898 г.) и «кружка народных чтений» в Самарканде. 18 марта 1901 г. в старом (XVII века) самаркандском медресе Ширдар было устроено такое чтение с туманными картинами, причем молодой мулла Махмуд читал «Чем люди живы» Толстого в переводе Н. П. Остроумова (произведениями Толстого увлекался и Саттар-хан, имевший возможность читать их по-русски), перед аудиторией в 4—5 тыс. человек. В Ташкенте только в феврале 1899 г., притом в русской части (в здании мужской гимназии), был сделан «первый опыт ознакомления туземцев с успехами европейской науки в форме публичной лекции», был прочитан перевод брошюры С. М. Граменицкого (инспектора народных училищ) о главнейших результатах, достигнутых в Европе положительными науками. Для Туркестана эти чтения были новым явлением; из явлений средневековой культурной жизни на них более всего походили проповеди известных своим красноречием ученых, иногда произносившиеся под открытым небом перед многочис-

²⁵ По словам Наливкина (*Туземцы*, стр. 124), в Средней Азии получил распространение индийский орган панисламизма «Хабль ал-матин» («Крепкая связь»), издающийся на персидском языке.

ленной аудиторией, в состав которой входили и государи, и знать, и толпа; но за последние века в Туркестане таких проповедников, насколько известно, не было, не было и Всесловных собраний, кроме богослужебных. Представители знати не выступали перед толпой, которая для своего назидания имела меддахов — уличных проповедников, прославлявших мусульманских святых, особенно Али, для своего развлечения — кукольный театр (без туманных картин, известных арабам и туркам) и представления в лицах, устраивавшиеся уличными актерами. Представления кукольные и в лицах обыкновенно давались по вечерам в месяц рамазан, когда этот месяц приходился на зимнее время, и посещались многими русскими; подробного исследования о них, насколько мне известно, в русской литературе, однако, не существует²⁶; между тем, они представляли бы несомненный интерес как зародыш драматической литературы, впоследствии возникшей у сартов под чужим влиянием, и как материал по истории общественной жизни под русским владычеством. Драматическое искусство еще до русских достигло у сартов некоторых успехов; среди лицедеев были искусные актеры, дававшие представления при ханском дворе, как Закир-джан²⁷, пользовавшийся одно время успехом у Худояр-хана.

На сцену выводились в 70-х и 80-х годах даже русские губернаторы и уездные начальники; впоследствии это прекратилось, вероятно по требованию властей; одним из любимых героев кукольного театра в то время, когда мне удалось с ним ознакомиться (зимой 1893/94 г.), был доктор Батыршин, городской врач из татар, заслуженный проводник среди туземцев начал европейской культуры. Несомненно, что эти сцены представляли и лингвистический интерес, как памятник живой туземной речи, в противоположность тяжеловесному слогу туземной письменности.

---

²⁶ <История узбекского народного театра второй половины XIX — начала XX в. исследована А. Л. Троицкой (см. ее работы: *Из истории народного театра; Народный театр*). По истории народных театральных зрелищ таджиков (по материалам Кулябской области) см. Нурджанов, *Таджикский народный театр*. — В. Р.>

²⁷ О нем: Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, стр. 73 и сл.

Х

ТУЗЕМЦЫ И РУССКАЯ ВЛАСТЬ

Русские власти с первых лет завоевания обращались к местному общественному мнению и старались проводить свои мероприятия с помощью его представителей¹. Одним из первых таких обращений было объявление оренбургского генерал-губернатора Крыжановского жителям Ташкента от 29 октября 1865 г., что Ташкент должен составлять независимое государство под покровительством России и что выработать проект управления им поручено губернатору Туркестанской области Черняеву. Еще раньше (адрес был подан 18 сентября) был составлен от имени жителей Ташкента адрес генерал-губернатору, в котором Ташкент отказывался от права избрать себе начальника из своей среды и просил поручить управление Туркестанской областью от Исык-Куля до Аральского моря, с границей по Сыр-Дарье, генералу Черняеву, с правом назначать «закатчиев, курбашиев, аксакалов и тому подобных служащих лиц», тогда как решение дел по шариату предоставить кази-калян, т. е. главному казию, и поручить ему же назначать казиев, улемов, муфтиев, реисов, мутеваллиев и имамов с утверждения генерала Черняева²; последняя оговорка показывает, что Н. П. Остроумов³ едва ли прав, когда находит, что в этом проекте «казы-калян предоставлялось больше значения, чем генералу Черняеву». В проекте сделана ссылка на права оренбургского муфтия в России, из чего видно, что он был составлен под влиянием татар-переводчиков⁴; сюда же относится, вероятно, требование, чтобы с жителей

---

¹ <Под «местным общественным мнением», о котором говорит здесь В. В. Бартольд, следует разуметь мнение господствующей верхушки местного населения, к которому обращались царские власти с целью найти себе союзников и опору в представителях купечества, отчасти местной знати и т. д. — В. Р.>

² <Романовский, Заметки, стр. 178.>

³ *Последние Шейхуль-Ислам и Казы-Калян*, стр. 23. Ср. мнение Терентьева: «Краем управлял бы мусульманский папа, а русские войска только оберегали бы спокойствие его святейшества» (Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 328).

⁴ Ср. рассказ Терентьева (*История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 327) о действиях Сейид-Азим-бая, под влиянием которого туземцами были приложены печати к чистому листу. «Затем написан был текст адреса, о котором жители и не знали».

не взималось никаких податей, кроме десятой доли ежегодного дохода «натурой и деньгами», «на основании шариата». В действительности, податная система при кокандских ханах была иная: ташкентцы вносили по какой-то старой переписи плату с 3000 домов, тогда как на самом деле число домов достигало 20 000⁵, т. е. производились именно те «сборы за дворовые места, находящиеся внутри Ташкента», которых жители просили не взимать, как не полагающихся по шариату.

В адресе туземцев ничего не было сказано о порядке замещения должности кази-каляна; очевидно, предполагалось, что лицо, занимавшее эту должность в момент завоевания, будет утверждено в ней русской властью и что его преемники так же будут назначаться приказами губернатора, как прежде — ханскими ярлыками. Фактически такие должности часто переходили по наследству от отца к сыну, и ожидалось, что то же самое будет происходить при русских. Приказом Черняева, действительно, был утвержден в должности кази-каляна Хаким-ходжа, назначенный на ту же должность несколько раньше (в 1281/1864-65 г.) ярлыком кокандского хана Сейид-Мухаммед-султана. В приказе говорится также об утверждении в их должностях ряда лиц, перечисленных в особом списке (к издачному приказу этот список не приложен), причем кази-калян у предоставлялось дать им соответствующие предписания о вступлении в должность. Из этого видно, что русским правительством было удовлетворено также пожелание о подчинении кази-калян казиев, улемов и др.⁶ Приказ был издан на турецком языке с русским переводом, что было разрывом с местными традициями: языком официального делопроизводства в Ташкенте, несмотря на преобладание в самом городе турецкого языка, был персидский, на котором и издавались ханские ярлыки, за исключением вступления: «Хан (такой-то), наше слово». На персидском языке был составлен и ярлык Сейид-Мухаммед-султан-хана о назначении Хаким-ходжи.

Старший брат Хаким-ходжи Ай-ходжа (ему при взятии Ташкента было 70 лет, его брату 50) занимал в Ташкенте должность шейх ал-ислама; он был назначен на эту должность ярлыком Худояр-хана в 1862 г. и утвержден в следующем году ярлыком Сейид-Мухаммед-султан-хана; из текста первой грамоты видно, что с должностью шейх ал-ислама в Ташкенте было связано заведование вакуфами, причем ему были подчинены все мутеваллии. О сохранении должности шейх

⁵ По словам Макшеева (*Материалы*, стр. 35), «в городе Ташкенте показывалось сначала свыше 30 тысяч домов, потом около 16 тыс., а теперь (1868), как пишут оттуда, оказывается почти вдвое менее последнего числа».

⁶ Еще более характерно приведенное у Скайлера (*Turkistan*, vol. I, pp. 115—116, fp. 1) объявление, составленное также на турецком языке от имени Черняева и подписанное им, от 6 сафара (1 июля н. ст./19 июня ст. ст.), в котором населению предписывается, под страхом обычных наказаний, строго соблюдать все предписания ислама,

ал-ислама и об отношении ее к должности кази-каляна в адресе туземцев ничего не говорится, хотя в нем упоминается о неприкосновенности вакуфов. Документов об утверждении шейх ал-ислама русской властью также нет, есть только сохранившееся у правнука Ай-ходжи свидетельство за подписью Крыжановского от 26 сентября 1865 г., на русском и турецком языках, о награждении «шейх ал-ислама Ташкента, Туркестанской области» (имя не названо), за преданность русскому правительству, серебряною, внутри вызолоченною сахарницею. Враги шейх ал-ислама и кази-каляна были в то же время врагами русского правительства. Отец Ай-ходжи и Хаким-ходжи, Нар-ходжа, за несколько лет до прихода русских был убит во время народного восстания, во главе которого стоял Рустам-бек Казакбаев; брат Рустамбека, Салих-бек Казакбаев, мударрис в медресе Холжа-Ахрар, во время борьбы с русскими собирал деньги для вооружения народного ополчения и за это после взятия Ташкента был сослан Черняевым в Сибирь.

Приказ об утверждении кази-каляна кроме Черняева подписал «управляющий Ташкентом и окрестным населением онога (подчеркнутых слов в турецком тексте нет) народный советник» (в турецком тексте «чиновник») Груздзь; таким образом, для гражданского управления города был назначен также чиновник из русских. По-видимому, это несколько не уменьшило популярности самого Черняева, без большой торжественности и охраны ездившего в туземный город и посещавшего богатых туземцев, в том числе Ай-ходжу и Хаким-ходжу. В памяти правнука Ай-ходжи сохранился рассказ о том, как адъютант Черняева во время этих посещений разбрасывал среди толпы, по восточному обычаю, горсти серебряных монет. Эта последняя подробность подтверждается рассказом очевидца, П. И. Пашино, что при поездках в город личный адъютант Черняева, Халдеев, имел при себе деньги для раздачи милостыни. К числу лиц, пользовавшихся расположением Черняева, принадлежал и уже упомянутый богатый купец Сейид-Азим-бай, впоследствии сделавшийся русским потомственным почетным гражданином, хорошо ознакомившийся с русскими еще до их прихода благодаря поездкам на Нижегородскую ярмарку. Из тех же рассказов видно, что Черняев пил кумыс и ел конскую колбасу.

Все это достаточно объясняет личную популярность Черняева среди туземцев. В то время предстояла решительная борьба между русскими и бухарским эмиром. Многие из ученых туземцев, как живший в то время в Чимкенте Саттар-хан, ждали эмира с надеждой на освобождение от неверных; но для ташкентских «почетных туземцев», уже успевших компрометировать себя сближением с русскими, приход эмира не мог быть желателен. В 1866 г., одновременно со слухами о приближении эмира во главе стотысячного войска к Сыр-Дарье, в Ташкенте было получено известие, что Черняев отозван в Петербург;

на его место 25 марта 1866 г. прибыл новый губернатор, уже на следующий день отправившийся к войску в Чиназ и 27 марта принявший командование от Черняева; Черняев вернулся в Ташкент и уехал оттуда 31-го. Почетные туземцы просили Черняева не покидать их, особенно ввиду опасности от войска эмира; туземцами даже был составлен на персидском языке (из чего видно, что они действовали по собственной инициативе, а не под влиянием переводчиков) адрес на имя государя, с просьбой оставить Черняева.

Новый губернатор Романовский писал генерал-губернатору Крыжановскому, что во взглядах имеет мало общего с генералом Черняевым «как на исполнение служебных обязанностей и служащих здесь лиц, так и на дела Туркестанской области вообще»; но его пребывание в Туркестане было настолько непродолжительно (он приехал в марте и уехал в декабре 1866 г.), что разногласие между ним и его предшественником не успело проявиться ни в чем существенном. По той же причине Романовский не мог оставить следов в памяти туземцев, хотя при нем были одержаны первые решительные победы над бухарскими войсками, ясно показавшие и туземцам, что этот враг для России не опасен. «Почетный пожилой туземец» в разговоре с Н. П. Остроумовым соединял в одно целое всех предшественников Кауфмана — Крыжановского, Черняева и Романовского; все они казались «людьми простыми, добродушными», туземцы жили при них как раньше и не знали русского закона. Таким же образом сам Кауфман писал впоследствии, что до него русскими не было внесено в жизнь туземцев никаких существенных перемен; «подати, суд, полиция и повинности оставались прежние, стародавние». При Романовском, однако, было сделано существенное нововведение, забытое только потому, что скоро было отменено: единоличный суд казия был заменен коллегиальным учреждением — мехкеме, по образцу Алжира и Кавказа. Русские полагали, что мехкеме было у арабов, вводилось и развивалось «по мере распространения и развития цивилизации», но встречало противодействие со стороны мусульманского духовенства и после окончательной победы мусульманства над цивилизацией было заменено единоличным судом казия. Едва ли можно было бы подтвердить историческими фактами мнение о борьбе казиев с мехкеме; самое слово *мехкеме* значит 'место, где постановляются судебные решения', независимо от того, решается ли вопрос одним казием или при участии других лиц⁷. Романовский не доверял ташкентскому кази-каляну и находил его поведение вызывающим; «мерами паллиативными, наставлениями, выговорами» и т. п. он добился того, что кази-калян стал скромнее, стал «менее вмешиваться в дела заведующего населе-

⁷ У киргизов <и у казахов> слово *мехкеме* до русских не употреблялось, но в 80-х годах так называлось в Перовском и Аулиеатинском уездах «место или кибитка, назначенные бием для принятия и разбора жалоб» (Гродеков, *Киргизы*, стр. 180).

нием» и свое «надменное» отношение к губернатору переменял на «ласкательное». Дальнейшего ослабления его авторитета губернатор надеялся достигнуть учреждением, где бы суд производился «при участии выборных от народа, в присутствии чиновника от правительства». О предполагаемом нововведении было сообщено туземцам через «влиятельных лиц» и через переводчиков самого губернатора; через два месяца после начала переговоров было приступлено к открытию нового суда; торжественное его открытие состоялось недели через три после начала его действия, по случаю приезда генерал-губернатора Крыжановского, в половине августа 1866 г.; 11 июля⁸ Романовскому был подан адрес туземцами, где говорилось с благодарностью о его намерении «учредить мехкеме, где будут приниматься все просьбы жителей и решаться дела по нашему шариаду». Романовский, вероятно справедливо, объясняет перемену в отношении к нему туземцев успехами русского оружия: перед этим, по его словам, туземцами даже был составлен заговор, условлено время и способ действий; заговор не удался «благодаря лишь во время принятым мерам со стороны заведывавшего населением в Ташкенте» Серова. Из сообщенного Романовским донесения Серова видно, что «способ действия» был не условлен темными заговорщиками, а предписан в письме эмира, принесенном лазутчиком в ночь на 9 мая; с помощью преданных людей (очевидно, из местных мусульман) за лазутчиком «тайно следили так ловко, что он не успел никому сообщить письмо», а на рассвете был арестован. По сообщению переводившего письмо эмира Пашино, лазутчик, несмотря на все старания Серова, объявил только, что должен был «показать это письмо жителям, а кому именно не было сказано». Поэтому трудно сказать, на чем основаны слова Романовского, будто представители духовенства «сознавали, что многие из их среды весьма компрометированы в сношениях с Бухарою»⁹.

По проекту, в мехкеме входили один казий и три советника; они должны были заменить прежних четырех казиев с их муфтиями. Три других казия, хотя без судебной власти, сохраняли свое звание и должны были «собираться иногда губернатором для советов»; остальные городские должностные лица: аксакалы, зекатчи, рейсы и пр., были

⁸ Ср. Романовский, *Заметки*, стр. 89 и 90. В Приложениях 63 и 64 ошибочно 5 и 11 июня вместо июля.

⁹ Столь же мало обоснован, по-видимому, намек Романовского (*Заметки*, стр. 47), что заговор не удался «конечно не вследствие противодействия ему со стороны ташкентского духовенства». По обнародованному проф. Веселовским киргизскому <казахскому> рассказу (Веселовский, *Киргизский рассказ*) можно установить только, что кази-калян Хаким-ходжа и ишан Абу-л-Касим входили в состав депутации, ездившей в 1865 г. между 9 мая (поражение Алим-Кула) и 7 июня (неудачное нападение Краевского) в Бухару просить помощи у эмира. Об этой депутации говорится и в донесениях Черняева 11 июня и 7 июля (Романовский, *Заметки*, стр. 159 и 164); в ней участвовал Атабек, бывший кокандский комендант Пишпека.

оставлены без перемен. Три советника, старший и два младших, избирались «народом», роль которого исполняли 200 почетных ташкентцев; им было предоставлено произвести выборы как из своей среды, так и из других хорошо известных им людей. Председательствовал в мехкеме русский — заведующий населением; он же был председателем особого киргизского отделения мехкеме, из трех «членов кочевого населения биев», старшего и двух младших, без непременно члена казая. Все члены мехкеме получали содержание; оклад старшего члена из сартов (2400 руб.) был больше оклада казая (1200 руб.); младшие члены из сартов получали по 900 руб., старший бий — 500, младшие — 250. Порядок выбора биев не указывается.

По словам Романовского, во время приезда генерал-губернатора Крыжановского и торжественного открытия мехкеме (в августе 1866 г.) приезжие из других мест Туркестана просили генерал-губернатора «даровать им подобные же мехкеме учреждения»; сам генерал-губернатор объявил жителям, что считает мехкеме заслугой Романовского «столь же важною, как победа при Ирджаре». Мехкеме, однако, действовало всего около полугода, т. е. прекратило свои действия месяца через два после отъезда Романовского¹⁰; при составлении А. И. Добросмысловым в 1911 г. истории Ташкента оказалось, что о мехкеме в Ташкенте «никаких письменных памятников не сохранилось». Мехкеме было не только судебным учреждением, но принимало участие в раскладке податей; по сведениям, представленным Крыжановскому в августе 1866 г., мехкеме старалось устранить всякие неправильности по сбору податей, «вполне сознав несправедливость и невыгоды увеличивать избыток богатых на счет бедняков»¹¹.

При Романовском в Туркестане появился русский обычай встречать начальство с хлебом и солью; так был встречен сам Романовский в Ходженте 5 июля и Крыжановский в Ташкенте 17 августа, причем в последнем случае в адресе туземцев говорилось о «народном обычае, который существует в России с древних времен»¹² (по восточному мировоззрению соль, наоборот, считается символом благоденствий, получаемых народом и войском от правителя; восстание против правителя считалось «непризнанием соли»). В том же адресе выражается благодарность за мехкеме и за решение в нем дел «согласно с правилами нашей религии и по народным обычаям»¹³ и пожелание, чтобы край был окончательно присоединен к России, что и было исполнено.

¹⁰ Из слов Добросмылова в другом месте (Добросмылов, *Ташкент*, стр. 500) видно, что мехкеме действовало несколько дольше; в июле 1867 г. умер единственный участвовавший в мехкеме казий; население не хотело избрать ему преемника и просило вновь назначить четырех казиев, но потом уступило настояниям властей и избрало казая, которому были приданы четыре агляма.

¹¹ Романовский, *Заметки*, стр. 275.

¹² <Там же, стр. 268.>

¹³ <Там же.>

Адреса подносили и при других случаях; даже посол Худояр-хана привез с собой, кроме письма своего хана, письмо от жителей Коканда с приложением печати шести сановников.

О полной государственной анархии, господствовавшей в то время в узбекских ханствах, достаточно свидетельствует история взятия русскими Ходжента. В печати указывалось на несообразность движения русских после ирджарской победы к этому городу, так как война велась с Бухарой, а Ходжент принадлежал кокандскому хану; но в действительности граница не была установлена, и, как писал потом Романовскому сам Худояр-хан, бухарский эмир только во время войны с русскими вывел из Ходжента свои войска и оставил город совершенно пустым¹⁴. Худояр-хан, как говорится в том же письме, собрал во время этой войны войско в 35 000 человек «для сохранения своих пределов»¹⁵, но если бы битва при Ирджаре кончилась в пользу эмира, кокандский хан также направил бы свои войска против русских. Хан не воспользовался уходом из Ходжента бухарских войск, чтобы занять город; защищавшие Ходжент кокандские отряды действовали, как уверял хан (и Романовский ему верил), без его приказанья; после падения Ходжента хан поздравил русских с победой. Романовский вообще уверяет, что все действия Худояр-хана по отношению к России в 1866 г. были дружественными, но приводит и факты противоположного характера — правда, только со стороны лиц, действовавших от имени хана; от жителей Пскента с угрозами требовалась уплата зеката в пользу хана, и им запрещалось «идти к русским с подданством». Столь же характерно, что из Шахрисябза осенью 1866 г. просили русских продолжать свое наступление на Бухару и обещали им помощь, тогда как в 1868 г. шахрисябзцы воспользовались русским походом на Бухару для нападения на занятый русскими Самарканд. По Скайлеру¹⁶, Джура-бек и Баба-бек предлагали союз против эмира Кауфману еще в 1868 г., но перешли на сторону эмира, когда Кауфман послал к ним самаркандского казья Кемаль ад-дина с требованием явиться в Самарканд. По-видимому, такого требования на самом деле не было¹⁷. О своем путешествии рассказывает и сам казий в своей записке, но не говорит о данном ему поручении.

Наиболее характерные действия Романовского, которым потом подражал Кауфман, сводились к стремлению ослабить влияние бухарского эмира (эмиру при Романовском и Кауфмане давался издавна употреблявшийся русскими в сношениях со среднеазиатскими владе-

¹⁴ <Там же, стр. 256.>

¹⁵ <Там же.>

¹⁶ *Turkistan*, vol. I, p. 244.

¹⁷ Из рассказа Терентьева (*История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 423) видно, что шахрисябзцы угрожали Самарканду еще до занятия города Кауфманом, т. е. раньше, чем мог быть послан Кемаль ад-дин.

телями титул «высочество», тогда как Черняев называл его «высочеством»; впрочем, в переводах на туземные языки, вероятно, употреблялся один и тот же термин) и влияние мусульманского духовенства. В остальном при Романовском действовали те же правила «военно-народного управления», как при Черняеве, установленные высочайшим указом 6 августа 1865 г. об образовании Туркестанской области. Нерешенным оставался и вопрос о податях, хотя Романовский придает большое значение факту, что при нем, притом без нарушения спокойствия и порядка, совершился переход «от льгот к податям».

Романовский до своего назначения ездил в Туркестан с Крыжановским и, по его собственным словам, имел давно сложившиеся убеждения, как надо управлять мусульманскими странами; в 1867 г. он в Петербурге вместе с Крыжановским и Черняевым принимал участие в комитете, обсуждавшем проект об управлении Туркестанским краем. Важнейшим решением комитета (принятым всеми голосами, кроме голоса Крыжановского)¹⁸ было постановление об образовании особого, независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства, которое и было учреждено высочайшим указом 11 июля 1867 г. За несколько месяцев до этого, 14 апреля, Романовский издал «приказ по войскам Туркестанской области», в котором извещал об оставлении им должности губернатора. 14 июля туркестанским генерал-губернатором был назначен Кауфман, знавший до тех пор Восток только по тринадцатилетней боевой службе на Кавказе¹⁹ (1843—1856) и не имевший другого административного опыта, кроме кратковременного управления (1865—1866) Северо-Западным краем. Тем не менее Кауфману удалось сделаться «устроителем Туркестанского края» и оставить по себе хорошую память как среди русских, так, насколько известно, и среди туземцев.

Кауфман осенью 1867 года прибыл сначала в Оренбург, где вместе с Крыжановским подписал мирный трактат с Бухарой, оттуда, вместо обычного пути к устью Сыр-Дарьи, поехал на восток и въехал в пределы вверенного ему генерал-губернаторства через Семиречье; первым лицом, встретившим его как генерал-губернатора, был командир сергиопольского казачьего отряда. Торжественный въезд Кауфмана в Ташкент состоялся 7 ноября, при еще не виданной туземцами обстановке; генерала сопровождала сотня казаков с саблями наголо. По словам казиза Мухитдина, передававшего свои впечатления Н. П. Ост-

¹⁸ По мнению Скайлера (*Turkistan*, vol. II, p. 204), жизнь потом показала, что прав был Крыжановский, находивший, что не следовало учреждать самостоятельное управление в области, отделенной от остальной России пустынным пространством, и уничтожать единство управления киргизскими степями.

¹⁹ Там же Кауфман научился несколько говорить по-турецки (Остроумов, *Воспоминания*, стр. 77).

роумову, население было поражено этой пышностью; говорили: «вот когда прибыл настоящий урус». Таким же внешним блеском Кауфман окружал свою власть и в других случаях; при приеме посольств и т. п. особенно выставлялась на вид так называемая «золотая книга» — великолепная грамота, писанная золотом, в золотом глазетовом переплете, с подписью Александра II, о полномочиях генерал-губернатора. Кауфман сделался в глазах туземцев «полуцарем» (*ярым-падша*).

По мнению Н. П. Остроумова, «нельзя осуждать покойного за эту торжественную внешность, которая на первых порах русского управления Туркестаном была необходима. Мне приходилось, однако, слышать рассказы о том, что туземцам больше нравилась непритязательная простота Черняева; на сотню казаков они смотрели как на охрану и объясняли ее недоверием к населению. Внешний блеск власти не мешал туземцам резко оценивать неудачные действия главного начальника; Н. П. Остроумов еще в феврале 1878 г. слышал от своего слугисарта название *тонгуз-арык* ('свинья-арык'), данное неудачному каналу Кауфмана в Голодной степи²⁰. Еще труднее было бы оправдать восстановление этой пышности на короткое время при генерал-губернаторе Духовском (1898—1900), после андижанского восстания, и сцену при объезде Духовским Ферганы, когда туземцев заставляли толпами стоять на коленях на пути генерал-губернаторского поезда.

Романовский уехал из Туркестана с убеждением, что назначенные им русские начальники и чиновники добросовестно делают все что могут; только туземцы, назначавшиеся «на должности по народному управлению», никак не могли привыкнуть к мысли, «что даваемая правительством власть не должна служить средством к обогащению»²¹. С другой стороны, биограф Кауфмана впоследствии писал о состоянии Туркестана в 1867 г.: «Масса злоупотреблений, общее недоверие и злоба местных жителей на русскую администрацию — вот было тогдашнее положение дел в Туркестане»²². Принимая 7 ноября хлеб-соль от туземцев, Кауфман обещал пригласить их к себе для беседы с ними, как только отдохнет с дороги. Конец года, однако, пришлось посвятить объезду войск, и только в январе 1868 г. Кауфман созвал к себе туземцев и произнес им программную речь, где объявлялось, что туземцам будет предоставлено самим избирать арык-аксакалов, аксакалов и казиев на три года с правом переизбрания, в числе, которое будет определено генерал-губернатором; русскому суду будут передаваться дела только с согласия обеих тяжущихся сторон. Выборным по администрации население само должно назначить жалованье; судьям население может или назначить жалованье, или предоставить им, по обычаю, брать вознаграждение с тяжущихся (*казылык*). Из податей ханского времени будут взиматься только три: харадж (позе-

²⁰ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 40.>

²¹ <Романовский, *Заметки*, стр. 103.>

²² <Семенов, *Кауфман*, стр. X.>

мельная подать), в размере $\frac{1}{10}$ урожая, танап (сбор с садов, огородов, бахчей и посевов клевера и хлопка) и зекат (сбор с торговцев в размере $\frac{1}{40}$ оборотного капитала). Сбор податей предполагалось поручить хозяйственным управлениям «из граждан, выбранных народом».

Для проведения всего этого в жизнь тогда же была составлена организационная комиссия из 14 чиновников и 40 туземцев; из них были образованы четыре подкомиссии для работы на местах. В основу работ легла речь генерал-губернатора, в свою очередь основанная на выработанном в Петербурге в 1867 г. проекте управления Туркестаном: проект не получил силы закона, чтобы не стеснять генерал-губернатора, которому было предоставлено, действуя «применительно к проекту», отступать от него, когда это вызывалось местными условиями. Тем не менее все замечания туземцев, что те или другие из предполагаемых нововведений «не соответствуют их освященному глубокой стариной укладу жизни и шариату», обрывались указанием на программную речь и невозможность отступать от нее. Понятно, что сарты, как было удостоверено русскими членами подкомиссий, «обнаружили совершенное равнодушие к порученному им делу». Ни Кауфману, ни его преемникам не удалось создать такое народное управление, которым бы дорожили сами туземцы, не удалось и создать такую русскую администрацию, которая бы довольствовалась казенным содержанием, не прибегая ни к поборам, ни к займам.

Между русской властью и массой туземного населения оставалось средостение в виде «почетных туземцев». При русских утратила значение аристократия родовая и служебная, но вполне сохраняла значение аристократия образования и денежная. Представители русской власти, начиная с Романовского и Кауфмана, вовсе не были расположены поддерживать значение представителей ислама. Когда Кауфману в Верном вместе с чинами русской администрации, с Г. А. Колпаковским во главе, хотел представиться татарский мулла, Кауфман заметил Колпаковскому, что не может принять муллу вместе с лицами, состоящими на государственной службе, и принял его отдельно с депутатией от татар. Когда Саттар-хан переменял мундир русского чиновника на халат казая, представители русской администрации также переменяли отношение к нему, как к лицу, более не состоящему на государственной службе.

При Кауфмане была уничтожена должность кази-каляна, но эта перемена произошла постепенно, отчасти потому что сами кази-каляны не проявляли никакого «мусульманского фанатизма» и не давали повода принимать меры против них. Ташкентский кази-калян Хаким-ходжа даже сумел приобрести расположение Кауфмана, по крайней мере сын Хаким-ходжи, казий Мухитдин (правильно: Мухьи-д-дин) говорил, что Кауфман при нем сказал генералу Абрамову о Хаким-ходже: «Это был замечательный человек, который никого, кроме бога,

не боялся». Хаким-ходжа умер до приезда в Ташкент Н. П. Остроумова, т. е. до 1877 г.; его сын Мухитдин²³ занимал только должность казия одной (сибзарской) части Ташкента, на которую он был избран еще при Кауфмане и постоянно переизбирался; только в последний год его жизни (1902) выборы окончились не в его пользу. Мухитдин-ходжа пользовался расположением русских властей; его имя постоянно встречается в рассказах о верноподданнических адресах и депутациях; его второй и третий сын обучались в русско-туземной школе, из них второй сын, Махмуд-хан, — даже в гимназии, где не кончил курса. Генерал-губернатор Н. А. Иванов выразил сыновьям Мухитдина «сожаление о смерти отца их и пожелал им заслужить точно такое же уважение со стороны их собственного народа и русских, каким пользовался их отец».

Казалось, что со смертью Мухитдина его род утратит свое значение; Мухитдин «оставил свою большую семью неустроенной, а хозяйство запущенным»; его сыновья были «не подготовлены к самостоятельному ведению хозяйства»; Махмуд-хан, проходя курс в русской гимназии, должен был заниматься дома мусульманскими науками и потому «и в русских науках хороших успехов не имел, и специальных мусульманских знаний не приобрел»; тем не менее казием сибзарской части во время празднования пятидесятилетия взятия Ташкента в 1915 г. был Махмуд-хан. Из этого видно, что, несмотря на выборный порядок замещения должности казия, признание наследственных прав на эту должность не исчезло и при русских и иногда определяло исход выборов — разумеется, не всегда: маргеланский казий Джан-ходжа показывал мне грамоты на звание казия, полученные его предками от различных владетелей, и жаловался на то, что при русских положение изменилось.

Хаким-ходжа и его потомки были не единственным примером высоко лояльных казиев, в угоду русским порывавших даже с мусульманской исключительностью в деле образования. Самаркандский кази-калян Кемаль ад-дин при взятии Самарканда получил от Кауфмана серебряную медаль, которую отказался носить на виду, но носил на груди за пазухой, и был сначала утвержден в своей должности, потом, через несколько лет, низложен; в составленной им на имя русских властей жалобе²⁴ он отмечает свои заслуги перед русской властью, упоминает и о том, что обучал своих сыновей русскому языку. Принцип избегать всего, что могло походить на «поддержку, охрану значения и выражение внимания» к представителям мусульманского

²³ О Мухитдине (по ошибке Mukaneddin), как казии и сыне бывшего кази-каляна, говорит и Скайлер в 1873 г. (Schuyler, *Turkistan*, vol. I, p. 166).

²⁴ О неопубликованных записках кази-каляна Кемаль ад-дина упоминает и Скайлер (*Turkistan*, vol. I, p. 242). Рукопись теперь находится в Азиатском музее Академии наук.

духовенства, особенно строго соблюдался в Кульджинском крае, где ввиду возможности обратной передачи края китайцам даже считалось нужным поддерживать китайские верования и китайскую письменность и вернуть им то значение, которое они имели до мусульманского восстания; но даже в Кульдже учреждению в 1873 г. «русско-китайско-таранчинской школы» содействовало мусульманское духовенство и убеждало «отцов семейств отправить своих детей в школу без всякого страха»; особо отмечается «благоприятное влияние главы духовенства, кази-каляна». В 1876 г. Кауфман не без колебания решил расправиться с кокандскими шейх ал-исламом и кази-каляном, арестованными Скобелевым за недостаток почтения к нему: «Хорошо бы их удалить вовсе, не назначая никого на их место», телеграфировал тогда Кауфман Колпаковскому. Обстоятельства дали возможность исполнить это; шейх ал-ислам и кази-калян были сосланы в Вологодскую губернию, и преемников у них не было. Во время осады в 1866 г. Ходжента местный кази-калян был представителем «партии мира», тогда как представителем восторжествовавшей «партии войны» был один из местных богачей, аксакал Ходжа-Эмин²⁵.

Борьба с авторитетом денежной аристократии не входила, как борьба с авторитетом духовенства, в программу русской власти; но на практике даже содействие богатых купцов иногда принимало форму, нежелательную для русского начальства. Сейид-Азим-бай считался, как мы видели, одним из самых ревностных сторонников русской власти и русских начинаний, особенно в области просвещения; и все-таки Кауфман в конце ноября 1877 г. говорил Н. П. Остроумову, «что туземцы были бы готовы и сейчас учиться, но в это дело вмешался Сейид-Азим-бай, с которым нужно быть очень осторожным, потому что он везде и всем хочет заправлять»²⁶. Кауфман даже нашел нужным принять сторону казия Мухитдина в его столкновениях с Сейид-Азим-баем, которого поддерживал помощник губернатора Эйлер. Сейид-Азим-бай был в 1866 г. избран старшим советником мехкеме, но потом был удален «за возбуждение народа против управляющего населением В. Р. Серова». Его преемник Исхак-бай также был удален «за превышение власти и за взятки»²⁷. Сейид-Азим-бай и после него его сыновья Сейид-Гани и Сейид-Карим и его зять Ариф-ходжа сохраняли свое значение при всех переменах, происходивших среди русской администрации. Сейид-Гани в 1906 г. выставлял свою кандидатуру в государственную думу и получил большое число голосов. Два раза Сейид-Гани избирался в городскую думу; его брат Сейид-Карим в 1910 г. был избран гласным уже в седьмой раз.

²⁵ Романовский, *Заметки*, стр. 218 и сл.

²⁶ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 321.>

²⁷ Добросмыслов, *Ташкент*, стр. 500. О хитрых действиях Сейид-Азим-бая и о ненависти к нему туземцев говорит и Скайлер (*Turkistan*, vol. I, p. 98 sq.).

Развитие хлопководства в Фергане создало новый класс посредников между производителем и потребителем. До развития хлопководства в Фергане, как и в других местностях Туркестана, главными ростовщиками были выходцы из Индии, дававшие в ссуду мелкие денежные суммы и взимавшие до 25% в 20 недель (на 16 тенег 4 теньги процента, при уплате в 20 недель по одной теньге в неделю); ростовщики-сарты взимали несколько меньший процент (за ссуду в 4 тилли взималось пять, за ссуду в пять тиллей — шесть, при займах на год, т. е. 25% или 20%); кроме того, ими производились операции и под зерновой хлеб, иногда, особенно в городах, давались деньги под залог вещей. Все это делалось частными лицами; в кредитных учреждениях надобности не было²⁸. Все это стало изменяться с 1890-х годов, по мере развития хлопководства; но более резко разрыв с патриархальной простотой прежнего хозяйства определился уже в XX в. Еще в официальном обзоре за 1901 г. высказывается мнение, что «так как в области существует почти исключительно мелкое землевладение и земля распределена между громадным большинством населения, то и выгоды хлопководства распределяются в населении довольно равномерно»²⁹. В противоположность этому официальному утверждению, в книге Гейера, вышедшей в том же 1901 г., уже тогда говорилось, что «население не видит пока лично для себя (курсив в подлиннике) особых выгод от культуры хлопчатника»³⁰. Задолженность населения замечалась еще в 1890-х годах и только хороший хлопковый урожай 1899 г. «помог населению хоть немного рассчитаться с его круглыми кредиторами». В обзоре за 1903 г. факт неравномерности выгод был удостоверен и официально: обогащается не земледельческое население, а ростовщики из туземцев и посредники по скупке хлопка; ежегодная задолженность населения доходит «только официально» до 13 миллионов рублей, процентов «взимается, негласно, от 100 до 200 годовых, виду чего существенною необходимостью признается организация правительственного дешевого, доступного кредита, о чем уже сделано соответствующее представление»³¹. Эти слова впоследствии были забыты, и в обзоре за 1911 г. делается ссылка только на слова обзора за 1905 г., что «вопрос о мелком кредите давно уже назрел и требует скорейшего разрешения»³². К 1911 г. отсутствие мелкого кредита успело еще более сказаться на жизни области; отмечаются такие факты, как «продажа за долги земельной собственности, сосредоточение земли в руках более состоятельных лиц, образование безземельного пролетариата», вообще «глубокое расстройство экономической жизни».

²⁸ Наливкин — Наливкина, *Очерк быта женщины*, стр. 38.

²⁹ <ЕФО, т. I, 1902, стр. 11.>

³⁰ <Гейер, *Путеводитель*, стр. 235.>

³¹ <ЕФО, т. III, 1904, стр. XVIII.>

³² <СОФО, 1911 г., стр. 45 (цит. из СОФО, 1905 г., стр. 50).>

ни туземного населения»³³. Те же факты («изменение экономических условий жизни, вследствие распространения культуры американского хлопчатника и развития промышленности, и отсюда — народение среди туземцев безземельного пролетариата») ³⁴ отмечаются уже в обзоре за 1910 г., как одна из причин роста преступности. Цифр, которые бы иллюстрировали такое явление, в обзорах Ферганской области не приводится. Самый факт, что земледельцы в Фергане большей частью обрабатывали чужую землю, отмечается уже Наливкиным, так что установился, по-видимому, еще до русского завоевания. Сокращение землевладения получилось в связи с развитием городской жизни; в ближайших к городам кишлаках население большей частью владело только усадебной землей; по мере удаления от города увеличивался процент домовладельцев, имеющих и полевые наделы, но не было ни одного кишлака, «где бы совсем не было безземельных, общее число которых с течением времени несомненно возрастает»³⁵. Крупного землевладения в нашем смысле, однако, не было; количество земли, принадлежащей одному лицу, колебалось между 100 кв. саж. и 200—250 десятинами; участки свыше 200 десятин были редким исключением; в Наманганском уезде было одно хозяйство в 1000 десятин, но в нем ежегодно возделывалась только пятая часть. Отношения между землевладельцами и их рабочими (чайрикерами) были настолько патриархальны, что жнецы приходили издалека, уходили после окончания работ, не заключив никакого письменного условия, и возвращались за деньгами в конце лета или в начале осени; тем не менее за шесть почти лет, проведенных Наливкиным в обстановке кишлачной жизни, не было ни одного случая мошенничества.

Подобной добросовестности нельзя было ожидать от ростовщиков и посредников. Развитие хлопководства привело в Фергану русского капиталиста, московского и лодзинского; но русскому капиталу так же мало удалось стать лицом к лицу, без посредников, с туземным рабочим, как русской правительственной власти — с массой туземного населения. Только в первые годы хлопок скупался конторами московских и лодзинских фирм, потом их место заняли местные торговые фирмы. Столь же неудачны были попытки, под влиянием увлечения хлопководством, создать русскую крупную земельную собственность — большая часть из возникших тогда хозяйств ликвидировали свои дела и, по словам Масальского, «в настоящее время (после 1910 г.) во всем крае едва ли наберется два десятка русских хозяйств, удачно ведущих свои дела»³⁶. Народение крупной промышленности выразилось

³³ <Там же.>

³⁴ <Г. Покровский, *Преступность*, стр. 159.>

³⁵ По ОФО за 1899 г. (стр. 106), землевладельцами все-таки было еще 1 100 000 сельских жителей из общего числа 1 350 000. В 1909 г. из 90 лиц в Шариханской волости, заложивших свою землю, 50 лишилось ее полностью или частично.

³⁶ <Масальский, *Туркестанский край*, стр. 420.>

в быстром возникновении хлопкоочистительных заводов, которых в 1880 г. было всего 2, в 1890 г. — 21, в 1900 г. — 93, в 1911 г. — 163. Увеличение числа заводов после 1900 г. уже не вызывалось расширением района хлопководства; уже к 1900 г. это расширение достигло возможного предела и с тех пор колебалось в незначительных размерах; число десятин под хлопком то уменьшалось, то снова увеличивалось; в обзоре за 1908 г., как в обзоре за 1900 г., говорится, что под хлопком находится около $\frac{1}{3}$ орошенных земель и что потребность в хлебе удовлетворяется привозом преимущественно из Самаркандской области; количество земли под американским хлопком было почти одинаково (174 026 десятин в 1900 г., 177 954 — в 1908 г.), между тем число заводов с 93 поднялось до 142, т. е. увеличилось в $1\frac{1}{2}$ раза. Заводы только в редких случаях покупали хлопок непосредственно у землевладельцев. Существование посредников отмечается уже в обзоре 1898 г.; хлопок скупался «при посредстве туземцев на базарах или на самих заводах»; разные фирмы создали «особый класс мелких торговцев, которым фирма дает вперед задатки за неснятый еще хлопок»³⁷; посредники раздавали задатки по кишлакам земледельцам, выторговывая у них хлопок по тем ценам, какие будут на рынке; земледельцы, получив задаток, иногда не снимали созревший уже хлопок, выжидая цен и подвергая его опасности от ветров, пыли и дождей. Эти посредники тогда, по словам Гейера, назывались *джаллябами* ('работорговцами'); в официальных обзорах этого термина нет. В Наманганском уезде посредники назывались *чистачами* или *арбакешами* ('извозчиками')³⁸; они, как сказано в обзоре 1911 г., выдавали земледельцам задатки из 8% годовых³⁹; между ними и населением иногда были более мелкие агенты. Явная недобросовестность чистачей иногда сказывалась в том, что они покупали у земледельцев хлопок по более высоким ценам, чем сами продавали фирмам; разница с избытком покрывалась обвешиванием, с которым было вынуждено мириться население. Некоторые из чистачей настолько упрочивали свое положение, что устраивали собственные заводы и успешно конкурировали с создававшими их фирмами. Фирмы обеспечивали себя векселями и, кроме того, брали туземные документы — *васики* (закладные на недвижимую собственность); по-видимому, те и другие поступали на денежный рынок, и с одних и тех же лиц взыскивались долги по обоим документам, т. е. вдвойне. Кроме хлопка, некоторые другие продукты, как коконы и сушеный урюк, также скупались фирмами и заводами и не были

³⁷ <ОФО, 1898 г., стр. 45.>

³⁸ <Следует иметь в виду, что здесь отмечено узко специфическое, местное значение термина *арбакеш*, характерное для Наманганского уезда в рассматриваемое время. В Средней Азии в целом слово *арбакеш* употреблялось в своем обычном значении — 'извозчик', 'возчик'. — В. Р.>

³⁹ <СОФО, 1911 г., стр. 65.>

предметом базарной торговли. Кроме кабалы у чистачей, население иногда впадало в еще худшую зависимость от других ростовщиков, особенно в случае неудовлетворительного урожая хлопка (менее обеспеченного, чем урожай зерновых хлебов, от атмосферических влияний). Беднейший класс прибегал к худшим ростовщикам — индийцам, взимавшим до нескольких сот процентов; кредит сартских кулаков, баев, которым довольствовались мелкие кишлачные торговцы, был дешевле и даже не вздорожал сравнительно со временем Наливкиных; как тогда, так и 30 лет спустя, в 1911 г., баями взималось «процентов 20 и больше»⁴⁰. Продажа земли за долги, таким образом, едва ли изменяла характер землевладения; участки земли переходили из одних рук в другие, но для концентрации больших имений в одних руках условия были неблагоприятны; Туркестан и, в частности, Фергана оставались и к 1910 г., как во время русского завоевания, «типичной страной мелкого землевладения». В остальном, конечно, кабала населения у баев могла иметь тяжелые последствия для народной жизни. Ссудные кассы, действовавшие с 1889 г., оказались почти совершенно бесполезными; в 1907 г. было открыто первое кокандское кредитное товарищество; но только в 1911 г. «с большими усилиями было положено начало развитию в Ферганской области сети кредитных учреждений по закону 7 июня 1904 г.»⁴¹. К 1 января 1912 г. кредитных товариществ было 6, к началу 1913 г. во всем Туркестане кредитных учреждений разного типа — 265.

Самые неблагоприятные последствия имело русское завоевание для военного и служилого класса. В первые годы завоевания была сделана попытка создать киргизскую⁴² милицию, но этой милиции не удалось, как впоследствии туркменской, упрочить свое существование. Русская армия тоже не была закрыта для туземных беков, но в нее вошли только немногие, как Джура-бек и Баба-бек. Были и отдельные случаи назначения туземцев на русские гражданские должности. Кокандский посол мирза Хаким, награжденный в 1869 г. орденом Анны 2-й степени с бриллиантами и допущенный к высочайшему двору, впоследствии получил фамилию Умидов и чин действительного статского советника. Должность младшего помощника Кураминского (Ташкентского) уездного начальника занимал в 1868 г. туземец Омар Мерджи-манов, в 1878 г. преданный суду за участие в незаконных земельных операциях и присужденный к ссылке в Сибирь на поселение. Более характерна, однако, судьба другого сановника старого времени, мирзы Ахмеда, когда-то (в 1853—1858 гг.) управлявшего Ташкентом, своими жестокостями вызвавшего восстание среди киргизов⁴³, но приписывав-

⁴⁰ <Янковский, *Обзор торговли*, стр. 66.>

⁴¹ <Там же, стр. 47.>

⁴² <Казахскую.>

⁴³ <Казахов.>

шего себе большие заслуги в деле восстановления орошения и культуры в нынешнем Аулиеатинском уезде и тщетно ожидавшего, что эти заслуги будут признаны и вознаграждены новыми владыками Туркестана. Свою автобиографию, записанную с его слов двумя лицами (сам он был неграмотным) для проф. Веселовского в 1895 г., он заканчивает словами: «В настоящее время мне 66 лет, у меня 8 сыновей и одна дочь. Старшему сыну 26 лет, дочери один год. Имея такую многочисленную семью, я сильно бедствую, так как за старостью не могу исполнять какую-либо работу; дети также не приучились к труду». Мирза Ахмед и его дети, таким образом, не умели так приспособиться к новым условиям, как младший брат мирзы Ахмеда, Улгак, занимавшийся в Коканде торговлей хлопком.

В неблагоприятном для прежней служебной аристократии смысле были решены русскими также вопросы земельный, податной и отчасти связанный с этим вопрос о туземной администрации. Программная речь Кауфмана была основана на упомянутом выше проекте положения об управлении Туркестана, составленном в 1867 г. «Степной комиссией» (командированной в 1865 г. в Туркестан), на основании проектов местной администрации и генерал-губернатора Крыжановского. Главным редактором положения Добросмыслов считает А. К. Гейнса, написавшего перед этим исследование «Ташкент при кокандском владычестве» и потому лучше других членов комиссии ознакомившегося с Туркестаном. В самый день назначения Кауфмана генерал-губернатором правителем его канцелярии был назначен А. К. Гейнс, которому и пришлось проводить в жизнь начала, установленные в проекте положения и в программной речи. При кокандском владычестве, по Гейнсу, во главе каждой из четырех частей Ташкента был тысячник (*минбаши*), избиравшийся населением и утверждавшийся беком; во главе отдельных кварталов (*махалля*) стояли сотники (*юзбаши*), назначавшиеся тысячником; сотник назывался также *тувачи* (по русскому правописанию *товочи* или *товгочи*, первоначально *тугачи*); в средние века, в монгольский период и при Тимуре, это был высокий военный чин; впоследствии так назывались знаменосцы и военные рассыльные. Во главе полиции города был *курбаши*, которому были подчинены сорок четыре *миршаба*; из них четверо, имевшие под своим начальством каждый десять миршабов, назывались сотниками (*юзбаши*). Судебная власть была в руках четырех казиев, по назначению хана или бека. В проекте положения (§ 76) о «туземных полицейских властях и стражах» говорится только, без перечисления их, что они «находятся в распоряжении городского начальника». Должность курбаши (о которой говорится еще в адресе ташкентцев в 1865 г.) в проекте не упоминается; вообще на терминологию проекта оказала влияние терминология самоуправления, введенного русскими раньше у киргизов⁴⁴. Сходство

⁴⁴ <Казахов.>

порядков, введенных в киргизских⁴⁵ степях, с порядками, введенными в Туркестане, объясняется и тем, что «временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», высочайше одобренное 21 октября 1868 г., было составлено той же Степной комиссией, как проект положения 1867 г. Минбаши отдельных частей города (определение числа таких частей или кварталов было предоставлено военному губернатору, но фактически было удержано существовавшее прежде деление Ташкента на четыре части) были заменены «аксакалами», причем аксакал должен был пользоваться «властью волостного управителя у киргиз» (аксакалы, по-персидски *риш-и сефид* — ‘белая борода’, были в Туркестане издавна, но только как лица, фактически, без определенных юридических полномочий, пользовавшиеся почетом по своему возрасту, богатству и прежним заслугам). Аксакалы в Ташкенте должны были избираться на три года; выборы предполагались двухстепенные; избрание совершалось выборными от домохозяев города, по одному на определенное число домов, от 10—50, по определению губернатора. Комиссией было определено число 50, как и во временном положении 1867 г., вследствие чего выборные получили название «пятидесятники» (*илик-баши*); те же илик-баши выбирали казиев и раскладывали подать по участкам. Население, как мы видели, обнаружило полное равнодушие к созданию этого аппарата; при производстве переписи «скрывались не только отдельные домовладельцы, но и целые улицы»⁴⁶. Тем не менее основные начала, установленные в 1868 г. для всяких выборов должностных лиц из туземцев (трехлетний срок, избиратели по одному на 50 домов), были подтверждены положением 1886 г. и сохраняли силу до революции. Положение 1886 г. ввело только русскую терминологию, причем рядом со словом «старшина» в скобках было поставлено «аксакал»; термины «казий» для оседлого населения и «бий» для кочевого были заменены термином «народный судья».

Зато от установленной в 1868 г. податной системы русская власть отказалась очень быстро. Первоначально предполагалось удерживать харадж, танап и зекат, которые в статье Гейнса названы тремя видами (законной) подати ханского времени, в противоположность неопределенным и произвольным «ханским сборам»⁴⁷. Уже в 1869 г. было решено заменить харадж и танап одной поземельной податью, что уже в том же году было проведено в Ташкенте и в Сыр-Дарьинской области. Гейнс в этом году покинул Ташкент и был заменен другим лицом (Гомзиним), не имевшим большого влияния на дела, но едва ли его уход находился в связи с нововведением Кауфмана; разногласие между Кауфманом и Гейнсом было и касалось «крутых мер», но сторои-

⁴⁵ <Казахских.>

⁴⁶ <Добросмыслов, *Ташкент*, стр. 98.>

⁴⁷ <Гейнс, *Ташкент*, стр. 480 и сл., 491.>

ником «крутых мер» был не Кауфман, а Гейнс. По книге Терентьева⁴⁸, решение Кауфмана было вызвано злоупотреблениями туземных сборщиков податей — серкеров и амлякдаров. В Ташкенте ханских времен серкер (*серкар*, один на весь город), назначавшийся беком, стоял во главе сбора податей; ему были подчинены 24 мираба, собиравшие сведения о подлежащих сбору суммах; за взиманием податей следили минбаши и подчиненные им туганчи. Амлякдары, по-видимому, были сборщиками податей в сельских местностях; в Бухарском ханстве амлякдарства были административными единицами, на которые делились бекства; русскими беки приравнивались к губернаторам, амлякдары — к уездным начальникам; при этом, однако, не принят во внимание установленный еще Гейером факт, что амлякдары не имели административной власти и только заботились об установлении количества урожая, подлежащего обложению. В русской административной терминологии слова *серкер* и *амлякдар* не упрочились; мирабы были приставлены исключительно к своим первоначальным обязанностям по надзору за водой (*мър-аб* — 'начальник воды'), т. е. за арыками, и подчинены арык-аксакалам, также туганчи (от слова *туган* 'плотина'): по «временным правилам об ирригации Туркестанского края» 1877 г. в главе ирригации Ташкента и Кураминского уезда был ирригатор, при котором было 35 арык-аксакалов (5 в Ташкенте и по одному на каждую из 30 волостей), трое туганчей (два в Ташкенте и один в уезде) и 59 мирабов. Туганчи и мирабы сохранились и после передачи ирригационного дела в ведение городской думы (1887 г.). Взимание единой поземельной подати было поручено хозяйственным управлениям; в хозяйственное управление выбирались в Ташкенте в первое трехлетие по 5, потом по 3 человека от каждой части; распределение податей производилось через илйк-башей, причем посредниками между ними и отдельными плательщиками были еще амины (буквально 'доверенные лица') отдельных участков, расположенных по арыкам. В уездах хозяйственные управления были учреждены по одному на несколько волостей; в 1877 г. они были уничтожены и их обязанности возложены на управления областные и уездные. Положением 1886 г. был введен термин «государственный поземельный налог» (в размере $\frac{1}{10}$ среднего валового дохода) и был установлен более сложный порядок определения размера, раскладки и взимания податей, с поручением руководства всем этим делом Ташкентской казенной палате.

Положением 1886 г. получили законодательную санкцию и те меры Кауфмана по земельному вопросу, которые представляли резкий разрыв с местными традициями и, по выражению Терентьева, нанесли удар «враждебной нам земельной аристократии». В ханствах, как во всем мусульманском мире, издавна существовал институт свободных

⁴⁸ <История завоевания Средней Азии, т. III, стр. 324.>

от податей частных владений (*мильк-и хурр-и халис*, часто сокращенно *мильк*), пожалованных государем в награду за службу; русскими исследователями земли *мильк* противопоставались землям *амляк*, хотя второе слово — только множественное число от первого: одно и то же слово в единственном числе означает исключительный, во множественном — обычный тип землевладения, т. е. землю, в теории считающуюся собственностью государства, но находящуюся в бессрочном и наследственном пользовании обрабатывающих ее землевладельцев, имеющих право продавать свои участки (иногда с некоторым ограничением этого права в пользу соседей), т. е. фактически распоряжающихся ими, как своею собственностью. Владетели *мильков* принадлежали к числу служебной аристократии, которая, поэтому, более других сословий пострадала от распоряжения Кауфмана — впрямь до решения вопроса в законодательном порядке облагать «*мильковые*» земли податями наравне «с *амляковыми*». Русский исследователь, живший в 1875 г. в Зеравшанском округе, с некоторым удивлением отмечает факт, что это нововведение было принято землевладельцами совершенно спокойно, может быть потому, что сопровождалось уменьшением всех вообще земельных сборов. Отмена *мильков* входила в состав земельного законопроекта, выработанного в 1873 г., но вследствие возражений трех министров тогда не проведенного полностью в жизнь; отдельные положения его вводились по частям распоряжениями генерал-губернатора, в связи с такими событиями, как окончательное присоединение к России Зеравшанского округа в 1873 г., хивинский поход того же года, после которого к России отошла часть Хивинского ханства к востоку от Аму-Дарьи, и уничтожение Кокандского ханства в 1876 г. По словам Терентьева⁴⁹, поземельное устройство по проекту 1873 г. «нигде и не вводилось, кроме Ферганы» (в 1876 г.), но из работы Шкапского видно, что это положение раньше, чем в Фергане, нашло себе применение в Аму-Дарьинском отделе; по этому поводу сообщаются некоторые сведения о самом проекте. Кауфманом были утверждены права только одного из крупных земельных собственников, Мат-Нияза, которого владения состояли, по Шкапскому, из 3095 танавов, т. е. 1160⁵/₈ десятины, по Терентьеву — 1210 десятин; по Терентьеву, Мат-Нияз получил эту землю «за услуги, оказанные им русскому правительству в 1873 г.», по Шкапскому — «взамен отобранной у него под укрепления города Петроалександровска»⁵⁰. Землю Мат-Нияза большей частью обрабатывали ярымчи, т. е. арендаторы, получавшие в свою пользу половину урожая. В 1877 г. работавшая в Аму-Дарьинском отделе организационная комиссия укрепила землю за ярымчами на праве постоянного пользования; права самого Мат-Нияза были признаны только на 132 танавы (около 50 десятин), «находившиеся в его

⁴⁹ *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 323.

⁵⁰ <Шкапский, *Аму-дарьинские очерки*, стр. 137.>

непосредственном пользовании»; все притязания Мат-Нияза на остальную землю были отклонены. Никаких земель не осталось также за семьями кокандского хана и кокандских вельмож в Фергане; организационные и межевые работы производились здесь в 1876—1881 гг. Уже Наливкиными было отмечено, что в Фергане, кроме прямых потомков ханского рода, уже не имеющих никакого общественного значения, нет ни дворянства, ни вообще привилегированного сословия, ходжи, потомки пророка и четырех праведных халифов, также лишились тех податных льгот, которыми пользовались при ханах. В 1899 г. были возведены в потомственное российское дворянское достоинство два сына и два внука Худояр-хана с их детьми; но крупной земельной собственности в Туркестане у них, по-видимому, не было.

Почти столь же решительно русские власти поступили с так называемыми вакуфными (собственно вакфными) имениями, особенно в Зеравшанском округе и в Аму-Дарьинском отделе. В последнем случае из вакуфных сумм должны были выдаваться «субсидии на поддержание наиболее чтимых в народе мечетей и гробниц святых»; характерно замечание Шкапского: «в выдаче таких субсидий надобности, однако, не было, и потому они не выдавались»⁵¹. И в этих случаях, как замечает Терентьев⁵², от действий Кауфмана «ничего не только пагубного, но и просто неприятного не произошло», т. е. народ остался спокойным; уничтожение вакуфов, однако, впоследствии, при андижанском восстании 1898 г., было поставлено в вину русским. Понятие *вакф* обнимает не только земли, пожертвованные в пользу мечетей, медресе и т. п., но и так называемые «семейные фидеикомиссы» новейшего европейского права — имущество, завещанное наследодателем на вечные времена в пользу своих потомков, с запрещением продавать его в чужие руки. Проект 1873 г. признавал вакуфы той и другой категории, но предполагал утвердить за учреждениями и лицами только земли, находившиеся в их непосредственном пользовании и не бывшие заселенными посторонними лицами и обществами; остальные земли «должны были быть признаны государственной собственностью и утверждены за населением, в пользовании которого они находились», с некоторым вознаграждением «прежних владельцев». Положением 1886 г. освобождаются от государственного поземельного налога только вакуфные ненаселенные земли, «весь доход которых назначен в пользу мечетей или школ или же для надобностей общественного призрения». Положением были подтверждены начала, установленные проектом 1873 г.: населенные вакуфные земли остались во владении тех сельских обществ, которые фактически ими пользовались; налог с них взимался правительством, и уже правительство передавало мечетям, школам и другим учреждениям те суммы (в размере всего бывшего

⁵¹ <Там же, стр. 151.>

⁵² *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 291.

хараджного и танатного сбора или той части его, которая была определена признанной вакуфной грамотой), на которые они имели право. Разумеется, таким порядком открывался широкий простор для злоупотреблений и споров. Как было выяснено В. П. Наливкиным, вопрос о населенных вакфах возбуждал такие же споры и решался приблизительно в том же смысле в прежние времена, с той разницей, что подати собирались не государством, а самим учреждением, обыкновенно отдававшим их на откуп. В Фергане такая система окончательно прекратилась только в 1894—1895 гг.

Еще большее неудовольствие возбудило среди туземцев распоряжение Кауфмана об отмене зеката и введении вместо него промыслового сбора, т. е. пошлин за право торговли и промыслов (1874 г.). Нововведение оказалось невыгодным и для правительства; в 1875 г. в казну поступило от промыслового сбора только 46% поступлений от зекатного сбора за предшествующий год; кроме того, отмена зеката была принята населением не так равнодушно, как отмена мельков и вакуфов; по замечанию Ростиславова, «пришлось образовывать следственные комиссии да усмирять беспорядки, возникавшие один за другим в разных местах с редким единодушием»⁵³. Отмена зеката также была одним из поводов андижанского восстания в 1898 г. С развитием хлопководства поступления от государственного промыслового налога значительно увеличились (в Фергане в 1899 г.— 207 560 руб. 67 коп., в 1911 г.— 405 715 руб. 16 коп.), но всегда оставались ничтожными по сравнению с доходами от поземельного налога.

Зекатом в ханские времена назывались также подати, взимающиеся со стад кочевников. Шариат в этом отношении находился в противоречии со степным обычным правом; размер зеката составлял 2½%, подать со стад (*копчур*), определенная обычным правом, — 1%. Пока ханская подать взималась русскими на основании обычного права (при действии степного положения 1822 г.), кочевникам было выгоднее подчиниться России, чем мусульманским ханам; иногда и ханами подать, вопреки названию «зекат», взималась в размере 1%. Ташкентский правитель Юнус-ходжа в 1798 г. обложил киргизов податью в размере одного барана с сотни⁵⁴. Семиреченские кара-киргизы, по словам Валиханова, платили кокандским ханам «зьякет с 100 лошадей — одну»⁵⁵. Временным положением 1868 г. подать со скота, ввиду трудности определить его действительное количество, была заменена «кибиточной податью» (по 3 руб. с «кибитки»⁵⁶, т. е. кочевого жилища), распространенной и на Туркестан и взимавшейся до революции с населения,

⁵³ <Ростиславов, *Очерк*, стр. 367.>

⁵⁴ Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 88.

⁵⁵ Валиханов, *Сочинения*, стр. 75.

⁵⁶ *Кибит* значит собственно 'лавка'; это слово приводится в этом значении уже в турецко-арабском глоссарии XI в. Русскими оно, подобно слову *башка* (от слова *баш* 'голова'), было заимствовано в форме дательного надежа.

признававшегося кочевым. Положением 1886 г. эта подать была определена в размере 4 руб. с кибитки; исчисление кибиток, как предполагалось и степным временным положением 1868 г., должно было производиться раз в три года. Положение 1868 г. подробнее, чем положение 1886 г., говорит о раскладке подати съездом волостных выборных «по аулам, по благосостоянию сих последних», и только «при одинаковом благосостоянии, по числу кибиток», также о распределении «назначенной суммы между хозяевами кибиток, по благосостоянию каждого»; в положении 1886 г. о сравнительном благосостоянии отдельных аулов и отдельных домохозяев не упоминается. Несмотря на то что определение величины кибиточной подати возобновлялось каждые три года, на соответствующих цифрах совершенно не отражался процесс перехода кочевников к оседлости. Колебание цифр, например, в Фергане, значительное; трудно было бы объяснить последовательное понижение цифр с 1896 по 1898 г. (80 394 руб. 67 коп., 77 588 руб., 74 860 руб.), резкое повышение в 1899 г. (92 916 руб.), тем более что по официальному обзору подать за все четыре года вносилась безнедоимочно. В 1903 г. кибиточная подать составляла уже 97 624 руб., хотя этот год был годом падежа скота (по эре цикла год зайца; по киргизскому поверью, это всегда несчастный год). После этого до 1910 г. величина кибиточной подати для Ферганы не приводится; самая подать включается в поземельный налог. На процесс оседания кочевников указывает причисление в 1908 г. двух прежних кочевых волостей (Наукетской в Андижанском уезде и Найманской в Маргеланском, или Скобелевском) к оседлым; в обеих значительное большинство населения (в первой — 94%, во второй — 96%) составляли киргизы. Тем не менее в 1910 г. кибиточная подать составляла уже 116 524 руб., причем указывается недоимка в 4 496 руб., распределяющаяся почти поровну между уездами Наманганским (2016) и Скобелевским (2116); небольшой остаток (364) приходится на Андижанский уезд. В обзоре за 1911 г. приводится цифра подати 114 624 руб., причем указывается огромная (34 501 руб.) недоимка, целиком падающая на Андижанский уезд. В том же обзоре приводятся сведения о числе кочевого населения; в области считалось еще 34 114 кибиток кочевников на 269 531 двор оседлого сельского (не городского) населения. На несколько более значительное кочевое население указывают соответствующие цифры для Наманганского уезда (8695 и 55 599), где при Наливкиных считалось 3000 киргизских кибиток на 13 500 оседлых дворов, т. е. 2 кибитки на 9 дворов. Однако в обзоре 1911 г. деление на оседлых и кочевников названо «искусственным»; признается, что «ныне кочевников в Ферганской области почти нет»⁵⁷; все различие между ними и оседлыми сводится к уплате кибиточной подати вместо госу-

⁵⁷ Приблизительно то же самое было сказано уже в СОФО, 1907 г., стр. 142.

дарственного поземельного налога, причем «нередки случаи», когда «кочевникам», вполне прочно осевшим на землю, приходится платить одновременно оба вида налогов. Были и такие местности, где с мнимых «кочевников» взимали только кибиточную подать и не заставляли их платить никаких сумм со своего земледельческого дохода; такой порядок застали в 1909 г. исследователи «маргеланского Алая», т. е. западной, причисленной к Маргеланскому (Скобелевскому) уезду части Алайской долины. Превосходное исследование Г. В. Покровского и Н. И. Стогова, приложенное к обзору за 1911 г.⁵⁸, вообще дает нам наглядное представление об этой заброшенной, малоизвестной части Туркестана; где тогда было всего 3 800 душ на пространстве 100 верст в длину и 60 верст в ширину. Родовой строй сохранял здесь всю свою силу, и родовые старейшины, бии, были первыми лицами по своему значению. Маргеланский Алай входил в состав нескольких волостей; полностью в нем находились только два аульных общества Найманской волости, где выборы аульных старшин (аминов) производились пятидесятниками по указаниям биев, своим значением далеко превосходивших представителей выборной власти. Народный судья (казий, производивший суд не по адату, а по шариату) и волостной управитель жили не на Алае, а в Ферганской долине. Наряду с родовыми биями большое влияние на народ имел ишан Мад-Умар-хальфа, носивший прозвание Ак-ишан ('Белый ишан'); под его влиянием в 1908 г. даровым трудом киргизов был приведен в исправность путь в Скобелев через перевал Тенгиз-бай; рабат на полпути между этим перевалом и зимовкой Дараут-курган в честь ишана получил название Ишан-рабат.

Для упадка кочевого хозяйства в Фергане характерен тоже факт, отмеченный в обзоре за 1910 г., что из общего количества скота в области кочевникам принадлежала только $\frac{1}{3}$; из крупного рогатого скота на долю кочевого населения приходилось менее $\frac{1}{4}$, из мелкого скота 41%, даже лошадей у оседлого населения было почти в четыре раза больше, чем у кочевников.

Оскудение кочевников, прежнего военного элемента в Средней Азии, было тесно связано с упадком военного и служилого сословия; естественно, что представители этого сословия и тесно связанные с ними степные ишаны были главными врагами русской власти, что особенно ярко проявилось в андижанском восстании 1898 г.⁵⁹. Те же самые и другие события выяснили, однако, что русская власть не могла рас-

⁵⁸ <Покровский — Стогов, *Алайские аульные общества.*>

⁵⁹ Из среды служилого сословия вышла, по-видимому, и та оппозиция, прокламацию которой, относящуюся, вероятно, к началу 1890-х годов, приводит Наливкин; особенно характерна фраза: «В тех самых урдах, в которых при ханах жили именитые беки и хакимы, управлявшие народом, опираясь на уставы ислама, теперь водворились волостные управители, чуть не наполовину ничтожества, вытасненные из грязи руками неверных» <Наливкин, *Туземцы*, стр. 142 и сл.>

считывать и на представителей тех элементов, которые, казалось бы, извлекли больше всего пользы из русского управления: казиев, городских ишанов и других представителей шариата, освободившихся от вмешательства в их действия светской власти; богатых купцов, расширивших свои обороты благодаря установлению при русских лучших и более безопасных путей сообщения; представителей выборной туземной администрации. Событие 1898 г. изображалось как авантюра, задуманная небольшим числом безумцев, но даже среди открытых участников восстания были такие лица, как волостной старшина мулла Гаиб и богатый купец Атабек Бабаджанов; лица, работавшие в то время в Туркестане и имевшие общение с туземцами, уверяли меня, что о заговоре знали многие в Ташкенте и в Самарканде и что уже за некоторое время до открытого выступления ишана замечалась перемена в отношении туземцев к русским. Разумеется, после неудачи ишана теми же лицами подписывались верноподданнические адреса, жертвовались деньги в пользу семейств убитых солдат и т. п. То же самое произошло во время холерного бунта в Ташкенте в 1892 г., когда временно возбудили подозрение своими действиями такие лица, как казий Мухитдин и ишан Абу-л-Касим, до тех пор более всего выделявшиеся среди туземцев своими верноподданническими речами и заявлениями⁶⁰.

Тем элементом туземного населения, который более всего имел основания приветствовать приход русских, были туркестанские евреи, единственный в среднеазиатских мусульманских государствах иноверческий элемент (кроме небольшого числа индийцев-ростовщиков). Русское завоевание избавило их от того юридического и социального неравенства, с которым им приходилось мириться под мусульманским господством. Радлов видит удивительную игру судьбы в том, что евреи, в Европе много столетий жившие во вражде с христианами, в Азии видели в тех же христианах своих друзей и защитников. Есть известие (рассказ Муравьева, еще не проверенный), что в Хивинском ханстве евреи притеснениями мусульман были вынуждены отказаться от своей религии; если так, то это должно было произойти довольно давно, иначе потомки невольных прозелитов после прихода русских вернулись бы к своей прежней вере. Радлов в Самарканде был в гостях у аксакала еврейского квартала, богатого человека, за несколько лет до прихода русских побывавшего в Германии. Уже из этого видно, что бухарские евреи, несмотря на свое приниженное положение, и при господстве мусульман достигли значительного благосостояния и были едва ли не первенствующим торговым сословием; из мусульманских подданных эмира в то время, наверное, никто не ездил в Западную Европу. Известно, что в Алжире туземные евреи под властью хри-

⁶⁰ Для упомянутой выше «оппозиции» ишан был «святым мучеником», давшим пример народу (см. прокламацию, составленную после андижанского землетрясения 1902 г., у Наливкина, *Туземцы*, стр. 142 и сл.).

стиан получили такие права, в которых было отказано туземным мусульманам; этого, конечно, не могло быть в России; но и равноправия с мусульманами туркестанским евреям не удалось сохранить. Положение 1886 г. причисляет к туземцам также «евреев, водворившихся с незапамятных времен в Туркестанском крае»; их права были одинаковыми с правами мусульман; некоторыми льготами, сравнительно с европейскими евреями, пользовались и «евреи — уроженцы сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств», к которым причислялось и Бухарское ханство; им не запрещалось, как другим не-христианам и не-туземцам, приобретение в Туркестане недвижимости, но разрешалось только в пределах «общих постановлений о приобретении в империи недвижимых имений евреями, иностранными подданными». Были случаи высылки из Ташкента и других городов Сыр-Дарьинской области бухарских евреев; впоследствии для среднеазиатских евреев была создана черта еврейской оседлости в Туркестане, куда Ташкент не входил. Никаких мер против приезда в Ташкент мусульман, хотя бы из Бухарского ханства, конечно, не принималось.

XI

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ТУЗЕМЦЫ

Западноевропейские ориенталисты, посещавшие Туркестан, даже враждебно относившиеся к русским, не могли не отметить преимуществ русского управления перед управлением восточных властей, мусульманских и китайских. Местным населением эти преимущества не всегда сознавались; в киргизских¹ песнях встречается обращение к богу: «Спаси от русского суда» (*урустын суттан сакпа*). Завоевание Туркестана произошло в эпоху реформ Александра II; но в Азиатской России долго действовали дореформенные порядки (суд присяжных был введен только в немногих областях Западной Сибири и Степного края, причем только в 1909 г., и совершенно не коснулся Туркестана); историк Ташкента находит, что там «русский суд в первое время был не лучше сартовского». Слово «закон» и русское понятие о законе были известны туземцам еще до завоевания; в истории Хивинского ханства говорится о переговорах хивинского посла Шукруллы в Константинополе в 1861 г. перед отъездом на родину с консулами (*бальос* — слово, оставшееся в турецком языке с венецианских времен) русским и английским насчет продажи товаров и об ответе консулов: «По нашему закону (*бизлярнин закунумызда*) никому нельзя причинять вреда»². Кокандский историк мулла Нияз-Мухаммед объясняет подчинение русским кочевников в окрестностях города Туркестана жестокостями муллы Алим-Кула; по этому поводу приводятся стихи: «Знай, что справедливость и беспристрастие, не неверие и не вера, есть то, что необходимо для сохранения власти. Справедливость без веры для порядка мира лучше, чем тиранство царя, хранителя веры»³. Русское правительство часто исходило из убеждения, что туземцы во власти ценят только силу, и потому придавало преувеличенное значение сохранению внешнего престижа власти, в ущерб сохранению за властью ореола справедливости. В 1877 г., по поводу выяснившихся

¹ <Имеются в виду прежде всего казахские песни.— В. Р.>

² <Агехи, л. 593 а. Написание слова *бальос* в этой рукописи — *باليوز*— В. Р.>

³ <Нияз-Мухаммед, *Та'рих-и Шахрухй*, 267.>

злоупотреблений сыр-дарьинского губернатора Головачева⁴, военный министр Милютин писал Кауфману, что государь, соглашаясь с мнением Кауфмана, постановил не предавать Головачева суду «ввиду неблагоприятного влияния, которое могло бы иметь в крае придание гласности обвинению начальника области в незаконных действиях». Несмотря на личную безукоризненность и добрые намерения Кауфмана, его обвиняли, по-видимому не без основания, в неумении выбирать себе помощников и в слишком большом снисхождении к не оправдавшим доверия лицам. Возможно, что тут, кроме общей заботы о престиже русской власти, участвовало и слишком ревнивое отношение Кауфмана к своей собственной почти неограниченной власти, с чем было связано подозрительное и недружелюбное отношение к таким достойным помощникам, как губернатор и устроитель Семиреченской области Г. А. Колпаковский, память которого, по словам Масальского, «до сих пор жива в Верном и во всем крае»; Скайлер говорит о знании им киргизского языка, о его неутомимости в верховой езде, за которую киргизы прозвали его «человеком с железным сидением», и о бросавшейся в глаза разнице между семиреченской администрацией и ташкентскими чиновниками⁵. Таким же образом по настоянию Кауфмана из Ташкента был отозван агент министерства финансов Н. Ф. Петровский, впоследствии член ревизионной комиссии Гирса и кашгарский консул. Не свидетельствует о знании людей возложение на губернаторов и правителя канцелярии (приказом 29 ноября 1868 г.) обязанности доставлять генерал-губернатору «собственно-ручные секретные аттестации всех подчиненных им лиц», для удаления лиц, «по своей жизни не могущих служить образцом для туземцев». Н. П. Остроумовым приводятся несколько характерных и интересных рассказов о Кауфмане так называемых «почетных туземцев», — но документов, по которым можно было бы судить об отношении туземцев при Кауфмане к русской власти, до сих пор обнародовано не было; составленный для проф. Веселовского рассказ киргиза Хали-бая едва ли имеет значение. Действия Головачева и многих других лиц, имевших непосредственную власть над населением, заставляют предполагать, что туземцы в 1881 г., в конце деятельности Кауфмана, имели так же мало причин уважать русскую власть, как в 1867 г. Отчет Кауфмана приводит только одно доказательство доверия туземцев к русской власти: факт переселенческого движения в Россию из соседних восточных государств — Китая, Кашгарии, Хивы, Бухары, Коканда и отчасти Афганистана; одних переселенцев в Сыр-Дарьинскую область и в Зеравшанский округ по официальному счету было до 300 тысяч. По-видимому, это объясняется не столько процветанием

⁴ См. о нем слова Наливкина (*Туземцы*, стр. 92), с упоминанием о «заступничестве генерал-губернатора и снисходительности царя».

⁵ Schuyler, *Turkistan*, vol. II, p. 149 sq.

Туркестана под русской властью, сколько теми смутами, которые тогда переживали соседние с Россией государства. Та картина спокойствия и безопасности, которая в 1878 г. произвела такое сильное впечатление на академика Миддендорфа, вполне объясняется впечатлением от недавних успехов русского оружия, вследствие чего небольшая кучка вооруженных русских могла удерживать в страхе все туземное население. Изменение этой картины объясняется не переменой системы управления, но временем, несколько изгладившим воспоминания о событиях семидесятых годов и вызвавшим среди туземцев некоторый подъем духа.

Началом перемены системы считают отчет ревизионной комиссии Гирса, назначенной в 1882 г. по настоянию преемника Кауфмана, Черняева, при участии Петровского. Отметив ряд злоупотреблений русских властей при Кауфмане, комиссия Гирса тем не менее пришла к заключению, что настроение туземцев к русским везде дружелюбно или по крайней мере не враждебно, край умиротворен, и можно заменить военное управление гражданским. Отчет комиссии Гирса послужил только материалом для новой комиссии, учрежденной в 1884 г. под председательством генерала Игнатьева; но на решения комиссии Гирса ссылался Черняев при некоторых своих действиях, отменявших распоряжения Кауфмана. По отношению к туземцам Черняева обвиняли в слишком большом доверии к ним; по словам Добросмыслова, им в 1883 г. был издан приказ о составлении полицейской стражи исключительно из сартов и о подчинении сарту, младшему помощнику начальника города, полиции в русской части Ташкента; приказ не был приведен в исполнение вследствие противодействия сыр-дарьинского губернатора Гродекова и начальника города Путинцева (оба были назначены на свои должности в 1883 г. уже при Черняеве). В книге Терентьева сказано, что Черняев после устранения от должности и предании суду городского головы К. М. Максимовича, вследствие постоянных отлучек заступавшего его место кандидата, назначил городским головой сарта; об этом ничего не говорится ни в книге Добросмыслова, ни в отчете о городском самоуправлении за 35 лет его существования (1877—1912); должность городского головы была замещена только в 1884 г., после окончательного увольнения Максимовича; только тогда заступавший его место Е. В. Кожевников вернулся к своим обязанностям заместителя городского головы и оставался в этой должности до 1898 г. Несмотря на эти назначения, Черняев, по-видимому, утратил и среди туземцев ту популярность, которой он несомненно пользовался в 1865—1866 гг., когда он вообще считался «несравненным администратором»⁶. Астроном Шварц уверяет, что Черняев

⁶ Schuyler, *Turkistan*, vol. II, p. 210. Скайлер вполне присоединяется к критическим замечаниям Черняева (в его газете «Русский мир») о системе Кауфмана. С таким же сочувствием Скайлер говорит о «черняевцах», работавших еще при Кауфмане

за время своего управления настолько утратил уважение как туземцев, так и русского населения, что его при отъезде из Ташкента провожали только проклятия.

Новый генерал-губернатор Розенбах принимал участие в работах комиссии Игнатьева и потому прибыл в Ташкент только 24 мая 1884 г., через три месяца после отставки своего предшественника. В том же году им, в духе постановлений комиссии, были введены новые правила выборов на должности по туземной администрации, сводившиеся к усилению контроля выборов: предполагалось, что народ будет представлять четырех кандидатов в волостные, трех в казии и двух в бии, из которых власть утвердит того, кого признает лучшим; кроме того, удлинялся срок выборов (5 лет вместо трех). Эти правила не вошли в окончательную редакцию положения 1886 г., сохранившего прежнее число кандидатов (два) и трехлетний срок. Окончательная редакция была установлена при участии Розенбаха, ездившего для этой цели в Петербург, где он провел пять месяцев (ноябрь 1885 — апрель 1886) и, по словам Терентьева, «имел довольно редкое счастье видеть, что в окончательном результате почти все его представления были одобрены».

Положение 1886 г. вызвало большое неудовольствие среди чинов русской администрации в крае и вообще среди сторонников сильной власти. Во-первых, генерал-губернатор, по выражению Терентьева, перестал быть самодержцем, так как при нем был создан совет; в действительности власть генерал-губернатора этим советом, состоявшим исключительно из высших чинов местного управления, не была ограничена, так как «по делам, относящимся до общего управления краем, заключения совета имели значение лишь совещательное». Больше неудовольствия вызвало создание областного суда, областного прокурора и вообще независимых от генерал-губернатора судебных учреждений; генерал-губернатор барон Вревский в 1894 г. объяснял этим упадок авторитета администрации, выразившийся в невозможных прежде фактах «открытого неуважения и неповиновения местным властям». Английскими посетителями Туркестана разделение власти административной и судебной отмечалось как особенность русского управления в Туркестане сравнительно с английским в Индии, где такое же разделение властей, существовавшее до англичан, было уничтожено со времени генерал-губернатора лорда Бентинка (1833—1835). Было высказано мнение, что авторы положения 1886 г. «поторопились подвести под общеимперские нормы все управление краем, представляющим массу особенностей по этнографическим, географическим, экономическим, бытовым и политическим условиям». Проф. Веселовский в 1890 г. связывал уход из края многих из прежних деятелей (потом от-

---

в Самарканде и своей заботливостью о благе населения резко отличавшихся от ташкентских чиновников (*ibid.*, vol. I, p. 266). К черняевцам причисляется и тогдашний начальник Зеравшанского округа Абрамов.

части вернувшихся) «с водворившимися в крае новыми порядками, крайне сложными и для туземцев несвоевременными». Путешественник Е. Л. Марков, посетивший Туркестан в 1891 г., передает слова «очень авторитетного русского жителя Ташкента, имевшего возможность со всех сторон изучить быт туземцев», о последствиях введения новых судов: «Розенбах все это натворил, Европу хотел сразу насадить в нашей Киргизии».

На самом деле преступления против личности и имущества, когда они восходили к русским мировым или областным судам, карались этими судами с большой строгостью, и в этом отношении введение новых судов скорее могло способствовать укреплению безопасности, чем наоборот. Причины падения авторитета власти, вероятно, были другие, прежде всего факт, что ни один из преемников Кауфмана не обладал его личными качествами и не мог иметь такого авторитета ни среди русских военных, чиновников и населения, ни среди туземцев⁷. Отрицательное отношение туземцев к распоряжениям русских властей проявлялось и при Розенбахе в такой резкой форме, какая была бы немыслима при Кауфмане, хотя были по-прежнему выступления почетных туземцев с прославлением русских и их действий. В 1886 г., по случаю празднования годовщины взятия Ташкента (15 июня), казий Мухитдин обращался к генералу Розенбаху с речью о том, что и для туземцев с этой годовщиной сопряжены радостные чувства: «С занятием города за нами признаны наша религия, ислам, оставлен и народный суд по шариату; всюду полное спокойствие и попечение о народе властей; нам также даровано городское самоуправление. Вследствие всего этого мы проводим жизнь свободно и спокойно, а торговля, промышленность и земледелие получили большое развитие». Еще более прославлял русскую власть тот же казий, когда в одном и том же месяце, в июле 1888 г., произошло освящение русского храма и открытие мечети Ходжи-Ахрара, вновь отстроенной при русских. Казий видел в этом совпадении наглядное доказательство одинакового отношения правительства к двум религиям и упомянул по этому случаю о благодарности туземного населения государю, генерал-губернатору, губернатору Гродекову и начальнику города Путинцеву.

К тому же времени относится предпринятое по инициативе губернатора Гродекова ознакомление русских с обычным правом и судопроизводством кочевников. Первоначально предполагалось собрать

⁷ <Главное было, конечно, не в личных качествах того или иного царского администратора, а в экономических и политических условиях. Классовое расслоение, обезземеление дехкан (об этом относительно Ферганы говорит сам Бартольд, см. выше, стр. 362—363) и рост эксплуатации в связи с проникновением капитализма вели к усилению борьбы трудящихся масс местного населения против национального и колониального гнета царизма; конкуренция местного купечества и нарождавшейся буржуазии с российскими капиталистами вела к обострению противоречий, выражавшемуся, в частности, в развитии националистической идеологии, и т. д. — В. Р.>

такой материал через уездных начальников; но доставленные в 1884 г. сведения были собраны «через безграмотных переводчиков» и потому были признаны не имеющими никакой ценности. Иные результаты имела семимесячная командировка в степь в 1886 г. упомянутого выше А. Н. Вышнегорского, окончившего курс в Петербурге в историко-филологическом институте и в Туркестане самоучкой научившегося восточным языкам (киргизскому, сартскому и персидскому). Этот материал, превосходно собранный на основании программы, составленной В. П. Наливкиным, лег в основу труда Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». Из русских должностных лиц к этой работе мог быть привлечен только помощник казалинского уездного начальника Е. А. Александров, «сибирский казак из Кокчетава, хорошо владевший киргизским языком и знакомый с бытом киргизов». В предисловии Гродековым был отмечен факт, что, вопреки желаниям и надеждам русских властей, «энергия проповеди» ислама «среди кочевников ишанами из Бухары, Самарканда, Коканда и Ташкента усилилась со времени умиротворения нами Средней Азии». Отмечено было и неосуществление надежд, возлагавшихся на положение 1867 г., широкое развитие взяточничества, зависимость биев от волостных управителей. Главное различие между положением и народными обычаями заключалось в том, что по народным обычаям стороны могли обращаться к любому бию, по положению 1867 г. должны были судиться только у биев, утвержденных военным губернатором; притом, если стороны, что часто бывало, не соглашались на третейский суд, истец должен был избирать бия из волости ответчика. Выражение «третейский суд», заимствованное у русских (*тритески сот*), приобрело у киргизов своеобразный смысл; так называлось «то разбирательство биев, которому предшествует расписка сторон о выборе бия или биев и согласия на то решение, какое они постановят»; на такой суд не могло быть апелляции. Местные деятели (русские) находили, что киргизский народный суд, как неудовлетворительный, должен быть заменен русским судом; сами киргизы тоже отрицательно относились к своему суду и относили к нему поговорку: «Если камнем ударить сову, убьется сова; если совою ударить камень, также убьется сова» (т. е. слабый всегда терпит, будет ли он истцом или ответчиком). Но при этом, по-видимому, обнаруживалось только стремление к замене суда по обычному праву — адату или зангу — судом по шариату, хотя киргизы знали, что русским более угоден адат; самим киргизам казалось неприемлемым только одно требование шариата — затворничество женщин; когда некоторые киргизы хотели ввести в своих домах сартский обычай, другие киргизы, ссылаясь на занг, все-таки продолжали входить к их женам. Стремление заменить адат русским законом не обнаруживалось, хотя наряду со словами «по адату» и «по шариату» в Перовском уезде встречаются и слова «по закону» — причем киргизам каза-

лось, что ссылка на «закон» придает решению больше силы. Недовольные решением народного суда по брачным делам могли обратиться с жалобой к уездному начальнику; к этому средству иногда обращались люди, не желавшие подчиниться кочевому обычаю, по которому законным женихом вдовы считается родственник (прежде всего брат) ее первого мужа; русская администрация в таких случаях разрешала вдовам выходить замуж по выбору. Замена адата шариатом в этом случае достигала бы той же цели.

Положение 1886 г. не внесло ни в народный суд, ни в порядок судопроизводства каких-либо существенных изменений. Свободного выбора биев установлено не было; подсудность по гражданским делам определялась местом жительства ответчика, по уголовным — местом совершения преступления. Положение даже отменило право уездных начальников выдавать отдельные виды на жительство вдовам и девицам, чем еще более была усилена власть над женщиной родственников ее мужа. Е. А. Александров писал в 1887 г., что, вопреки стремлениям русского законодательства, «до сего времени ослабления родового начала не заметно»; то же самое повторил в 1899 г. И. В. Аничков⁸; с прекращением военного быта утратили свое прежнее значение крупные группы родов, но не мелкие родовые единицы.

С другой стороны, И. В. Аничковым отмечается не только недовольство киргизов своим судом, но также «стремление найти правду и защиту в русоком суде», к которому киргизский народ будто бы относится с полным доверием. Доказательство «стремления киргиз во что бы то ни стало судиться русским судом» автор видит в их старании «всякую баранту, подходящую под понятие самоуправства, обратить в разбой или грабеж». К сожалению, в статье И. В. Аничкова не говорится, часто ли киргизы пользовались правом, предоставленным им положением 1886 г. — обращаться к русскому суду в случае согласия на это обеих сторон. Сарты, по словам Н. С. Лыкошина, этим правом никогда не пользовались, несмотря на все отрицательные стороны суда казиев⁹.

Деятельность преемника Розенбаха, бар. Вревского (1889—1898), была связана со стремлением вновь усилить авторитет администрации, ослабление которой считали причиной «распушенности» туземцев, на что иногда жаловались не только русские, но и пришлые мусульмане; Н. П. Остроумов приводит об этом замечание одного татарина в 1898 г. Холерный бунт 1892 г., сопровождавшийся нанесением ударов начальнику города Путинцеву, был в глазах Вревского грозным симптомом; необходимыми средствами для поднятия авторитета высшей ад-

⁸ <Присяга, стр. 42.>

⁹ По словам Наливкина (*Туземцы*, стр. 126), случаи желаний одной стороны перенести дело в русский суд были, но «неправая, но состоятельная сторона обыкновенно предпочитала суд народный».

министративной власти он признавал подчинение администрации органов суда и уничтожение городского самоуправления; впоследствии им же был поднят вопрос о распространении на Туркестан положения о земских начальниках. Ни одно из этих стремлений не осуществилось; единственным последствием бунта 1892 г. была замена старшего аксакала, как высшего начальника полиции в туземной части Ташкента, русским полицеймейстером; должность старшего аксакала была упразднена. Ташкентское самоуправление сохранило свои права, но уже Розенбахом был восстановлен порядок, действовавший при Кауфмане, от которого отступили Колпаковский и Черняев, по которому должность городского головы совмещалась с должностью начальника города; так продолжалось с 1884 до 1905 г.

Еще более тревожным симптомом могло показаться андижанское восстание 1898 г. Ближайшим последствием его было восстановление новым генерал-губернатором Духовским (1898—1900) внешней пышности генерал-губернаторских выездов; кроме того, была увеличена власть генерал-губернатора над чинами туземной администрации и народными судьями. Генерал-губернатору было предоставлено право отсрочки, по его усмотрению, выборов лиц туземной администрации во всех местностях, находящихся на положении усиленной охраны¹⁰. Он же получил право удалять от должностей, по представлениям военных губернаторов, народных судей за «несовместные с достоинством судейского звания нравственные свойства, лишаящие их необходимых для сего звания доверия и уважения». С другой стороны, события 1898 г. не остановили дальнейшего развития русских судебных учреждений; 14 мая 1899 г. в Туркестане были введены, хотя и с некоторыми ограничениями, судебные уставы императора Александра II.

Особенно сильный удар был нанесен событиями 1898 г. одному из принципов, на которых основывалась деятельность Кауфмана, — принципу игнорирования ислама; возражая против этого принципа, В. П. Наливкин замечает, что мы в Фергане «доигнорировались до андижанского инцидента». Начинается вмешательство русских властей в жизнь мусульманской школы; собираются и издаются «Материалы по мусульманству». Последняя работа, несмотря на привлечение к ней лучших из местных (русских) знатоков религии и культуры мусульман, не дала существенных результатов; почти весь материал состоял из поверхностных статей, большею частью компилятивных или переводных. Исключение представляют статьи в VII томе «Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» Н. С. Лыкошина, имевшего возможность непосредственно ознакомиться с местными представителями мусульманского мистицизма и их учением. Одним

¹⁰ Усиленной охране был подчинен весь Туркестан, так что после 1898 г. волостные управители стали назначаться «не по выбору населения, а по избранию администрации» (Наливкин, *Туземцы*, стр. 137).

из условий успешности научной работы была бы правильная организация в Ташкенте издательского дела, чего не удалось достигнуть. Из официальных изданий лучшим местом для помещения научных статей были издания статистических комитетов. Открытый еще при Романовском в 1866 г. статистический комитет при штабе войск Туркестанской области при Кауфмане в 1868 г. был подчинен органам администрации и впоследствии, в 1887 г., заменен статистическими комитетами при областных управлениях. Первоначально членами комитетов собирался материал для печатания в столичных научных изданиях; в 70-х годах Туркестанским комитетом издавались «Материалы для статистики Туркестанского края», но печатались в Петербурге; там же было напечатано в 1887 г. первое издание Сыр-Дарьинского статистического комитета — составленное Е. Т. Смирновым описание Сыр-Дарьинской области; с 1888 г. комитет уже печатал свои издания в Ташкенте. Значительно позже было положено начало «Справочной книжке Самаркандской области» (в 1893 г.), «Памятной книжке Семиреченской области» (1897 г.) и «Ежегоднику Ферганской области» (1902 г.). В зависимости от смены представителей высшей администрации средства на издания комитетов то отпускались, то задерживались на многие годы. Не удалось также упрочить свое существование издававшимся в Ташкенте частным журналам — «Средне-Азиатскому вестнику» в 1896 г., «Средней Азии» в 1910 и 1911 гг. Журналы заключали в себе некоторый ценный материал, но не имели никакого влияния на местное общество, в особенности на туземцев.

В 1906 г. генерал-губернатором Суботичем (1905—1906) снова был поднят вопрос о необходимости для представителей русской власти объясняться с туземцами без посредства переводчиков, т. е. знать их язык. Вопрос, конечно, был для Туркестана не нов, с 70-х годов (грамматики и хрестоматии М. А. Терентьева) издавались учебники, самоучители, словари и т. п., организовались уроки и курсы, поощрявшиеся генерал-губернаторами, начиная с Кауфмана и Розенбаха. Незадолго до Суботича (1901—1904) генерал-губернатором был Н. А. Иванов, участник завоевания, занимавший ряд должностей по администрации и практически изучивший местные языки; в своей речи при вступлении в должность он мог объявить населению, что генерал-губернатор говорит по-сартски и по-киргизски и не нуждается в переводчиках. Но попытки посредством курсов создать для службы в крае кадр лиц, хорошо знающих восточные языки, не имели успеха. Характерны слова Н. С. Лыкошина о лекциях, читавшихся В. П. Наливкиным в 1886 и 1887 гг.¹¹ Лектор «собирал около себя до 50 слушателей из одного только Ташкента»; слушатели «восхищались блестящим, увлекательным изложением» — и к концу семестра оставалось только два

¹¹ <Лыкошин, Премии.>

«артиллерийских поручика, из которых один служил в строю, а другой в администрации». Ввиду кратковременности управления Суботича все и на этот раз ограничилось созывом комиссий и печатанием статей, потом собранных в особый «Сборник», заключающий в себе и статьи по тому же вопросу, появившиеся в 1906 г.¹² Сборник включает в себе много интересного и характерного; так, еще в 1905 г. приходилось опровергать мнение, слышанное мною от одного из уездных начальников в Семиречье в 1894 г., что непосредственное обращение начальника к народу на его языке приведет к умалению престижа власти.

Этот престиж в то время подвергался опасности по другим причинам; на него не могло не подействовать совпадение неудачной войны с Японией с революционным движением внутри России. Генерал-губернатор Суботич был смещен по обвинению в потворстве рабочим и приобрел репутацию красного генерала, несколько не соответствовавшую ни его прошлому (в 1900 г. он прославился известной переправой китайцев вплавь из Благовещенска на китайский берег Амура), ни даже его действиям в Туркестане, где при нем пользовались влиянием люди, хорошо знакомые с языком и бытом туземцев, каковы бы ни были их политические взгляды.

Революционное движение тогда в Туркестане, как и в остальной России, было подавлено; наследием его осталось сильное увеличение преступности, в особенности в Фергане, где развитию преступности способствовали неустойчивые экономические и социальные условия. В 1878 г. Миддендорф удивлялся почти невероятному спокойствию только что завоеванной области; еще в 1901 г. находили, что народная нравственность в Фергане, насколько она выражается в цифрах преступности, стоит довольно высоко; на население в $1\frac{3}{4}$ миллиона насчитывали всего 27 случаев разбоя и 26 — грабежа. В 1910 г. было отмечено, что преступность в Фергане вдвое превышает норму преступности в Российской империи в целом; в обзоре 1911 г. начало волны повышения преступности связывается с освободительным движением. Цифры, приведенные в обзоре 1908 г., действительно указывают на резкое увеличение числа разбоев и грабежей в 1905 г. (163) сравнительно с 1904 г. (74); труднее было бы объяснить еще более резкое повышение в 1909 г. (460) по сравнению с 1908 (173)¹³. Цифра 1909 г. осталась максимальной; в следующие годы произошло некоторое уменьшение, вследствие чего казалось, что «волна преступности,

¹² <«Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков», Ташкент, 1905.>

¹³ <Не видя различия между действиями уголовников-рецидивистов и выступлениями трудящихся, хотя бы и имевшими «разбойный характер», но направленными против социального и колониального угнетения, В. В. Бартольд становится втупик при объяснении отмеченного им же факта «увеличения разбоев и грабежей» в 1909 г. — В. Р.>

резко подымавшаяся во время освободительного движения, вошла в нормальное русло». Разбои и грабежи совершались почти исключительно туземцами; даже кавказцы, которых часто обвиняют в насаждении разбойничества в Туркестане, только в редких случаях принимали в них участие; главной причиной роста преступности считалось распространение среди туземцев алкоголизма. Если, однако, взять общую цифру преступности, то участие в преступлениях пришлого элемента в Фергане оказывается гораздо более значительным, чем можно было бы ожидать по численному отношению пришлого населения к туземному. По обзору 1910 г., среди преступников в Фергане $\frac{3}{4}$ составляли туземцы Туркестана, 5% кавказцы и 20% уроженцы Европейской России и иностранцы; по тому же обзору, из населения Ферганы 97,86% приходилось на долю мусульман-туземцев и 2,14% на долю всех остальных; армян и представителей других кавказских национальностей считалось всего 1723, т. е. значительно менее 0,1%.

Последние годы до войны и революции прошли в проектах культурного творчества, не осуществившихся частью вследствие неблагоприятных обстоятельств, частью вследствие ошибочности приемов их выполнения, частью, наконец, вследствие переоценки количества и качества наличных сил.

Ревизией, производившейся в 1908—1909 гг. под руководством сенатора гр. Палена, вновь был поднят вопрос об упорядочении народного суда и создании гарантий против произвола судей. Лучшим средством для этого была признана кодификация положений шариата, как они действовали в Туркестане. Вопрос был не нов; уже губернатором Гродековым, наряду с судом по обычному праву, было обращено внимание и на суд по шариату; но вместо изучения на месте правовых норм и их применения, как было сделано при исследовании адата, Гродеков ограничился переводом памятника англо-индийского управления конца XVIII в., когда по распоряжению генерал-губернатора Хестингса (1773—1785) Гулям-Яхья с помощью некоторых других ученых в 1190/1776 г. перевел на персидский язык классический труд по мусульманскому праву — *Хидāю* уроженца Туркестана Бурхан ад-дина Маргинани (XII в.). С персидского в 1791 г. был сделан сокращенный английский перевод Хамильтона; в Индии же впоследствии были изданы и персидский перевод, и арабский подлинник. Русский перевод, изданный Гродековым, был сделан с английского и издан в 1893 г., уже после отставки Гродекова. Ссылки на *Хидāю* Гродекова часто встречаются в работах местных русских деятелей, когда им приходится касаться вопросов мусульманского права; издание в 1905 г. считалось распроданным, из чего можно заключить, что им пользовались и для практических целей; когда речь шла о введении в Туркестане института земских начальников, предполагалось, что для них основным руководством при контроле действий народных судов будет

Хидāйя. Несомненно, что труд Бурхан ад-дина Маргинани, потомки которого долго были наследственными шейх ал-исламами Самарканда, оказал некоторое влияние на практику местных судов¹⁴; но этот вопрос не был подвергнут исследованию; не касается его и комиссия гр. Палена. Игнорируя существование *Хидāйи* Гродекова, не обращаясь и к рукописным сборникам решений туркестанских казиев, комиссия обратилась к новейшему памятнику англо-индийской юридической литературы — к вышедшему в 1903 г. второму изданию труда Уильсона, бывшего лектора англо-индийского права в Кембриджском университете. Труд этот включает свод всего англо-индийского мусульманского права, с историческим введением и подробными ссылками. Так как индийские мусульмане придерживаются того же толка, как и туркестанские (ханифитского), то индийская практика казалась приложимой и к Туркестану; из книги были извлечены и переведены догматические положения, без примечаний и ссылок; потом в текст перевода были внесены некоторые изменения на основании местной практики, для чего, по поручению сенатора, было произведено «по особой программе обследование правового быта местного населения в трех коренных областях края». К сожалению, именно об этой, наиболее важной и интересной части работы в печати не было сообщено никаких подробностей. В этом отношении работы 1908—1909 гг. стоят бесконечно ниже работ 1886 г.; справок о правовых взглядах туземцев на их языке, т. е. того, что составляет самую ценную часть материала, собранного Вышнегорским, мы не получили; были только внесены поправки в текст русского перевода, этот русский текст был переведен на сартский язык и предложен съезду из русских и туземных знатоков мусульманского права, созванному в мае 1909 г.¹⁵ Ввиду кратковременности съезда (21—28 мая) обсуждение на нем правовых вопросов не могло дать никаких результатов; поправок и дополнений к проекту кодекса, тогда же отпечатанному по-русски и по-сартски, ждали от письменных сообщений сведущих лиц. Эти отзывы (риваяты) предполагалось привести в систему и издать особо, после внесения соответствующих изменений в текст проекта, который должен был послужить основой для «дополненного и исправленного сборника мусульманского права, удовлетворяющего в большей мере требованиям текущей жизни и юридической науки». С кодификацией мусульманского права был связан проект замены, по англо-индийскому образцу, туземных судов европейскими, которыми применялись бы соответствующие статьи шариата. Кодекс не был обнародован, и проект не был

¹⁴ В Индии, по замечанию Уильсона, не меньшим авторитетом, чем *Хидāйя*, пользовался труд другого автора, современника и земляка (также уроженца Ферганы) Бурхан ад-дина — сборник юридических решений Кази-хана.

¹⁵ <См. рецензию В. В. Баргольда на это издание: ЗВОРАО, т. XIX, стр. 0191—0197. — Ю. Б.>

осуществлен; слухи о нем проникли в печать и горячо обсуждались в татарских газетах, говоривших от имени представителей ислама.

Из экономических вопросов в Туркестане в последние годы до войны на первом месте стоял вопрос о возможно большем использовании края для сельскохозяйственной деятельности, в связи с оживленной деятельностью главного управления землеустройства и земледелия при А. В. Кривошеине. Принимались меры к расширению площади орошения, площади хлопковых посевов и т. п. И на этой почве было сделано слишком мало для объединения интеллигентных сил русских и туземцев, европейской техники и туземного опыта. Проекты организации дела в будущем не всегда основывались на достаточном изучении существующих норм; характерно признание одного из русских деятелей, Масальского, что отделом земельных улучшений был внесен в законодательные учреждения проект туркестанского водного закона, хотя «установившиеся в Средней Азии правила водопользования» еще «не разработаны и даже не собраны воедино». Туземцы должны были относиться с недоверием к русским начинаниям уже потому, что с ними были связаны проекты образования новых русских поселений и самые проекты исходили не только из отдела земельных улучшений, но и от переселенческого управления, с 1906 г. имевшего в Туркестане свою организацию. Открытое в Ташкенте «управление сыр-дарьинского переселенческого района» действовало и в пределах Самаркандской области, в Голодной степи. По словам местного историка, оно «проявляло себя больше с отрицательной стороны», и его дела «в большинстве находились в хаотическом состоянии». Переселенческим управлением, однако, были произведены обширные работы по изучению местного землепользования; результатом этих работ было издание многотомных «Материалов», еще ждущих научного использования и критической оценки.

В результате автор вышедшего в 1913 г., после почти полувекового русского господства, описания Туркестана должен был сознаться, что «внутренний быт туземного мусульманского населения и все стороны его духовной жизни, вытекающие из векового господства ислама, нам до сих пор мало известны»¹⁶. Необходимость пополнения этого пробела, конечно, сознавалась; в 1909 г. вновь назначенным генерал-губернатором А. В. Самсоновым был поднят вопрос о «всестороннем научно-систематическом обследовании края»; по выпущенным в следующем году циркулярам и программам, кроме исследования тех сторон жизни, где результаты могут быть выражены в статистических данных, имелось в виду также исследование «различных этнографических групп населения, их религиозных и правовых воззрений, нравов и обычаев», также истории политической и культурной. В программе обзор населения был разделен на три главных отдела: 1) статистический

¹⁶ <Масальский, Туркестанский край, стр. 560.>

обзор, 2) край в антропологическом отношении, 3) край в этнографическом отношении. Религия почему-то была отнесена к антропологии, и второй отдел был разделен на два подотдела: а) языки, б) религия. Замечательно, что в описание предполагалось включить и вассальные ханства, Бухарское и Хивинское; во время совещаний один из их участников указал на необходимость основания в Бухаре статистического комитета. Дело и на этот раз не пошло дальше совещаний и проектов. В Ташкенте издавались книги об исламе, иногда с назначением средств от главного начальника края и даже от представителя центральной власти (военного министра), но по инициативе отдельных лиц, независимо от программ и организаций и без связи с действительными потребностями края. Особенно характерно появление четырехтомного труда об «исламизме», без использования данных современной европейской науки и без свободы от влияния миссионерской полемики¹⁷.

К пятидесятилетию взятия Ташкента сотрудник «Туркестанской туземной газеты» мулла Алим заканчивал свой очерк истории Туркестана¹⁸ перечислением выгод русского господства. Искренней и всесторонней оценки русского управления мы у него, конечно, не находим; тем не менее не лишено интереса, на какие стороны жизни края под русским владычеством он счел нужным обратить внимание. По его словам, до русских в степях было мало земледелия; уходить подалее от Ташкента для обработки поля было страшно; пользуясь слабостью правителей, киргизские¹⁹ тюри отнимали у земледельцев лошадей, быков и посевы, иногда убивали и их самих. С торговлей дело обстояло еще хуже. Были торговцы, возившие в Оренбург и Троицк хлопок, урюк, орехи, изюм и тому подобные товары; для этого под начальством караванбаши соединялось от 100 до 200 человек; на обратном пути киргизские тюри отнимали у них часть русских товаров иногда под предлогом взимания зеката, иногда путем открытого грабежа. Богачей с капиталом в 1000 тиллей (около 4000 рублей) почти не было. На улицах не было ни мостовых, ни освещения, на арыках не было мостов, зимой не выходили из дому из-за грязи и темноты, и город походил на развалины. Теперь в степях Туркестана установлено спокойствие, культурное русское управление посредством почты, телеграфа и железной дороги соединило Среднюю Азию с миром знания и культуры. Обеспечены спокойствие и безопасность; где прежде не могли проходить многочисленные караваны, теперь могут пройти одинокие путники. Туркестанские товары получили хороший сбыт; фрукты, шерсть, кожа, хлопок, шелк и другие товары вывозятся из Турке-

¹⁷ <В. В. Бартольд имеет в виду кн.: Цветков, *Исламизм*. Об этой книге см. рец.: Бартольд, ЖМНП, 1914, № 3. — Ю. Б.>

¹⁸ <См. о нем: Иванов, *Очерки*, стр. 232 — Ю. Б.>

¹⁹ <Казахские.>

стана во внутреннюю Россию по высоким ценам; деньги начали течь из России в Туркестан подобно воде. Богатство жителей увеличилось в десять раз или даже больше; сильно поднялись и заработок бедняков и стоимость земельных участков. Из Туркестана идет в Россию, в виде уплачиваемого казне поземельного налога и пошлины за право торговли, от 20 до 30 миллионов рублей; из России для поддержания культуры в Туркестане приходит ежегодно от 40 до 50 миллионов. При мусульманском управлении через такие реки, как Чирчик, Сыр-Дарья, Аму-Дарья, трудно было переправляться; теперь на них построены железные мосты. Расстояние в 30—40 верст от Ташкента до Той-тюбе прежде из-за болот и камышей проходили в один или два дня, теперь проходят в 3—4 часа. В отдаленные города, куда прежде ездили верхом или на арбе 6 месяцев, теперь приезжают в вагоне в 6 дней; по телеграфу с ними переговариваются в 6 минут. Внутри города на трамвае или в автомобиле едешь куда хочешь, дешево и быстро. Во всех городах и уездах Туркестана есть разные заводы — хлопкоочистительные, маслобойные, спичечные, макаронные, лесопильные, железные; мусульмане тоже начали строить заводы и извлекают из них много выгоды. Появились неслыханные прежде вещи, как фонограф, фотография, кинематограф, граммофон; прежние светильники заменены электрическим светом; новые изобретения приносят пользу не только людям, но и животным. Автор, однако, напоминает своим читателям, что без усвоения образования они лишатся и материальных благ; образованные торговцы и ремесленники вытеснят мусульман, как десять вооруженных и обученных солдат легко обращают в бегство сотню безоружных и необученных людей, как еще в мусульманские времена мусульманские произведения были вытеснены произведениями русских фабрик. Низкий уровень образования мусульман доказывается тем, что среди них ученейшие профессора и преподаватели не имеют понятия о географии и не знают, что делается за оградой их двора. Это напоминает стихи: «Для всякого червя, которому нужно немного места, земля и небо — одно и то же». Как нельзя достигнуть небесного царства без знания веры, так нельзя достигнуть земных благ без светских познаний. Такие духовные школы, какие есть у нас, есть у всех культурных народов; но кроме того у них есть светские школы, которых у нас нет. Правда, и среди мусульман стремление к образованию увеличивается: 30 лет тому назад в городе Ташкенте была только одна русско-мусульманская школа, и в ней учеников почти не было; теперь русско-туземных школ восемь, и их не хватает.

Последний из туркестанских генерал-губернаторов, Куропаткин, принадлежал к числу деятелей, издавна знавших и любивших Туркестан, где он служил еще при Кауфмане (в 1868 г. он принимал участие во взятии Самарканда). Куропаткин еще в 1897 г. поделился с

английскими туристами в Асхабаде своими взглядами на задачи русского правительства. По его словам, с тех пор как Туркестан соединен с Европейской Россией посредством железной дороги и телеграфа, не могло быть речи о таких полномочиях местных властей, как при Черняеве, Скобелеве и Кауфмане. Правительство не задается никакими завоевательными целями и заботится только о поддержании мира, спокойствия и благосостояния всех классов населения. Присоединение чужих территорий должно совершаться только после тщательного обсуждения вопроса, потому что все их жители немедленно становятся полноправными гражданами, предметом отеческой заботливости властей. Обезоружение туземцев вызвано заботой об устранении средних междоусобий; цель вполне достигнута, и одинокий путешественник теперь безопасно проходит расстояние от Каспийского моря до границ Сибири. Куропаткин при устройстве в Закаспийской области 17 русских поселений роздал переселенцам оружие; оно оказалось ненужным. Был случай, что русский крестьянин недалеко от афганской границы напился до потери сознания и упал на дороге; туркмены тщательно завернули его в ковер и отвезли на верблюде к уездному начальнику. Среди населения Туркестана лучшая опора русских властей — торговцы, потом — земледельцы, наконец, женщины. Если произойдут какие-нибудь смуты, то они будут вызваны муллами, власть которых основывается скорее на невежестве, чем на фанатизме населения. Граница с Афганистаном, установленная с помощью Англии, вполне удовлетворяет Россию. Россия не оказывает помощи даже тем племенам, которые к ней обращаются. Фирузкухи, хезарейцы и джемшиды толпами в 1000 семейств переходили через нашу границу, но мы всегда отправляли их обратно. Все население Келата в Хорасане просило у нас защиты от притеснений шахских чиновников; мы проводили их обратно под конвоем войск и посредством дипломатических шагов обеспечили им прощение. Граница с Бухарой не подвергалась изменениям с 1868 г.; причиной осложнений с Афганистаном было только нарушение афганцами границы, установленной англо-русским соглашением 1873 г.

Эти речи, сказанные иностранцам, конечно, были не свободны от односторонности; но Куропаткин и в России выражал симпатию туземцам, особенно туркменам, с которыми он воевал при Скобелеве. Слова «тсп vainqueur», сказанные им в беседе с англичанином о Тыкма-сердаре, предводителе туркмен в Геок-Тепе, были повторены приблизительно в той же форме («ты отнял у меня пушку») им самим в беседе с Тыкма-сердаром, напечатанной потом в «Туркестанских ведомостях». В Ташкенте Куропаткин в заседании туркестанского отдела географического общества выступил защитником сартов против отрицательного отзыва о них в реферате одного из членов отдела, что привлекло к генерал-губернатору симпатии мусульманской печати. Эти симпатии,

конечно, были значительно ослаблены суровым отношением к кара-киргизам после мятежа 1916 г., когда предполагалось загнать весь кара-киргизский народ в долину Текеса и отнять у него все остальные земли в пользу русских переселенцев. Самое восстание, в котором «муллы» не принимали никакого участия²⁰, могло бы быть опровержением мнения Куропаткина, что беспорядки в Туркестане могут вызываться только мусульманским духовенством. Еще более нуждаются в поправках слова Куропаткина о русской внешней политике. Можно только сказать, что сознательной и планомерной завоевательной политики в России никогда не было²¹.

---

²⁰ <Муллы в ряде случаев принимали участие в восстании, хотя, как правило, не выступали руководителями восставших. — В. Р.>

²¹ Schuyler, *Turkistan*, vol. II, p. 260.

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И ХАНСТВА. БУХАРА

При завоевании Туркестана, как при завоевании англичанами Индии, часть территории была непосредственно присоединена к империи завоевателей, часть была оставлена прежним владельцам как вассалам императора. Англичане сознавали это сходство и приравнивали Бухарское ханство к индийским «native states».

Русское правительство с самого начала имело в виду сохранить в Туркестане ханскую власть, подчинив ее верховной власти России. В циркулярной ноте кн. Горчакова, разосланной в ноябре 1864 г., говорилось о проведении границы от Иссык-Куля до Сыр-Дарьи, с центром в укрепленном русскими Чимкенте. При учреждении в феврале 1865 г. Туркестанской области от Аральского моря до Иссык-Куля местопребывание военного губернатора области, приблизительно соответствовавшей ташкентскому беклярбекству, не было определено; в циркулярной ноте министерства иностранных дел, посланной в том же месяце, было объявлено, что присоединять к империи Ташкент не предполагается; даже после взятия Ташкента жителям было предложено избрать себе хана.

При образовании Туркестанского генерал-губернаторства границы его с ханствами Кокандским, Бухарским и Хивинским оставались неопределенными и устанавливались только фактическими успехами русских войск. Война с Кокандом привела в этом отношении к установлению настолько ясной границы, что мирный договор 29 января 1868 г., заключенный уже при Кауфмане, даже не касался вопроса о разграничении; договор состоял только из пяти пунктов, и в них говорилось только об одинаковых правах русских купцов в Кокандском ханстве и кокандских в России; даже не были оформлены фактически установившиеся вассальные отношения ханства к России, не было взыскано и контрибуции. В 1872 г. с Кокандом был заключен новый торговый договор; Худояр-хану высочайшим рескриптом был пожалован титул светлости; в том же году сыну хана Насир ад-дину был оказан в Ташкенте торжественный прием, при котором, по мнению Терентьева, «пересолили»¹. О посольстве царевича и сопровождавшего его муллы

¹ Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 334.

Исы в Россию упоминает и кокандский историк Нияз-Мухаммед. Молодой царевич пробыл в Ташкенте 20 дней и несколько усвоил русские обычаи, научился пить водку и вино; в Андижане, где он занимал должность бека, он выстроил себе дворец по русскому образцу; в 1873 г. он принимал там американца Скайлера и, принимая от него подарок, произнес по-русски: «На память». Худояр-хан предложил Кауфману свое посредничество при переговорах с кашгарским правителем Я'куб-беком, уроженцем Пскента, которого некогда послал в Кашгарию мулла Алим-Кул. Я'куб-бек задержал караваны русских купцов Хлудова в 1868 г. и Немчинова в 1870 г. Посредничество оказалось излишним: русские послы — Рейнталь в 1868 г. и Каульбарс в 1872 г. — ездили в Кашгар через Семиречье; Каульбарсу удалось заключить с Я'куб-беком договор из пяти пунктов, представлявших дословное повторение договора с Худояр-ханом. Ни тот, ни другой договор, однако, не исполнялись. В 1875 г. чиновник Вейнберг и полковник Скобелев были посланы в Кашгар через Фергану; их приезд с конвоем в Коканд ускорил восстание жителей, под влиянием мулл, против хана и в то же время против русских. Хан должен был вместе с русскими покинуть свое государство; 8 августа он прибыл в Ташкент, откуда уже 11-го по распоряжению Кауфмана должен был отправиться в Оренбург. Ташкентский казий Раим-ходжа в 1893 г. рассказывал Н. П. Остроумову, что Кауфман посетил Худояр-хана на третий день после его приезда, но хан отказался с ним разговаривать и объявил, что он, как государь, будет говорить только с царем². Вслед за тем у Кауфмана обсуждался вопрос, оставить ли хана в Ташкенте или нет; Сейид-Азим-бай высказал свое мнение, что «если хан будет оставаться в Ташкенте, то к нему будут приходиться ежедневно разные люди — кто из любопытства, кто из сочувствия, и будут везде на улицах, на базаре и в степи говорить о нем... Почему знать, что у него не найдутся сторонники, которые сделают неожиданное нападение с целью освободить его, или просто — с целью произвести беспорядок»³. Этим будто бы объясняется решение Кауфмана отправить хана в Оренбург⁴. Все это, конечно, маловероятно, особенно рассказ о высокомерии хана, тем более что хан тогда еще мог надеяться, что русские вернут ему престол⁵; перед своим отъездом из Коканда он писал Кауфману, что отдает «себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство его величества государя императора»⁶, и просил «приказать направить на город Коканд русское войско с артиллерией в возможно

² <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 210.>

³ <Там же, стр. 211.>

⁴ <Там же, стр. 210—211.>

⁵ <Ср. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 342—343. — В. Р.>

⁶ <Из письма Вейнберга. См. там же, стр. 338. — В. Р.>

скором времени». Легенда возникла, вероятно, под влиянием того же чувства, как многочисленные песни о Худояр-хане. Несчастия хана примирили с ним народ, ненавидевший его во время его царствования, и ему был создан своего рода культ. Песня-плач о его любимом сыне Урман-беке, на похоронах которого «присутствовало очень много ташкентских мусульман», также объясняется трогательной судьбой царевича, умершего в Ташкенте в 1883 г. на 19-м году жизни. Опасности для спокойствия Туркестана это сочувствие Худояр-хану и его сыну, конечно, не представляло.

Присоединившийся к мятежникам сын Худояра Насир ад-дин в пятницу 24 июля ст. ст. был возведен ими на престол и в тот же день обратился к Кауфману с письмом, где восстание оправдывалось «всякими новшествами» Худояр-хана, «противными шариату»; через два дня о том же было написано письмо вельможами, причем в этом письме причиной восстания назывались поборы, которыми народ был доведен до отчаяния. Оба письма были получены Кауфманом 31 июля; в ответном письме (4 августа) Кауфман писал, что, «несмотря на долготлетнюю дружбу», не одобрял действий Худояр-хана и готов признать его сына, если им будет подтвержден договор с Россией и удовлетворены люди, потерпевшие убыток во время беспорядков. Молодой хан, получивший от русских, как и его отец, титул «светлости», не мог справиться с движением; впоследствии Кауфман узнал, что им был отправлен в Бухару посол Сейид-Али-ходжа с письмом на имя эмира, где хан извещал о своем вступлении на престол и выступлении против русских; о том же эмиру и каратегинскому беку писали те же вельможи, которыми было написано верноподданническое письмо Кауфману; эмир передал Кауфману это письмо уже после поражения кокандцев при Махраме. Теми же вельможами было послано в Ташкент воззвание «Сейид-Азим-баю и людям, пользующимся почетом и известностью, и другим жителям города Ташкента» о священной войне, с обвинениями против Худояр-хана, всецело предавшегося неверным и льстившегося «тем, что он получил от них титул светлейшего хана». Кауфману пришлось взять дело восстановления порядка в свои руки; во время военных действий Насир ад-дин не признавался ханом, и Кауфман в обращении к нему называл его «светлейшим царевичем» (хан-заде). На пути в Коканд Кауфман объявил «его светлости», что пригласит его к себе «для совещания о дальнейшем ходе дела», когда встанет «на позицию перед городом». Свидание произошло 29 августа в кишлаке Джар-мечеть, в 3 верстах от Коканда; военных действий в это время уже не было, и Кауфмана вместо хлеба и соли встречали, по туземному обычаю, с дастарханом. Освобожденные русские пленные показывали, что их содержали хорошо, отчасти благодаря заботливости хана; их жены и дети жили на женской половине ханского дворца. Насир ад-дин был признан ханом, Кауфман вместе с ним торжествен-

но въехал в Коканд, но проехал только несколько улиц и вернулся в лагерь, куда пригласил хана. В следующие дни хан «почти ежедневно приезжал к Кауфману с докладом о благополучии в городе, как простой полицеймейстер» (выражение Терентьева)⁷; только 3 сентября, во время прохода войска через город на новую стоянку, Кауфман посетил хана в его дворце и принял угощение. В других местностях ханства еще действовало оружие, и сам Кауфман 5 сентября выступил в Маргелан, до тех пор находившийся в руках врагов. Только в половине сентября наступило затишье; отовсюду «тянулись в Маргелан многочисленные депутации, с изъявлением покорности и удовольствия по поводу признания ханом Насир ад-дина»⁸. Кауфман пригласил в Маргелан и самого хана, с которым 22 сентября был заключен договор; к России отходила часть Ферганы к северу от Сыр-Дарьи и Нарына, с городом Наманганом; кроме того, кокандцы обязывались уплатить в три срока вознаграждение пострадавшим русским подданным в размере 600 тысяч рублей и ежегодно вносить в русскую казну 500 тысяч. На следующий день, однако, хан лично передал Кауфману письмо о том, что возложенные на ханство финансовые обязательства для него непосильны; по собственноручной надписи Кауфмана на этом письме, хан при личном объяснении с Кауфманом сказал, что договор можно было бы исполнить, если бы у него были вполне надежные люди. Положение оставалось настолько неопределенным, что Кауфман уже 26 сентября, в самый день своего прибытия в Наманган, писал «светлейшему хану» о дошедших до него слухах по поводу мятежного настроения в самом Коканде и предлагал ему строго наказывать злоумышленников; письмо заканчивалось словами: «Для вашего спокойствия и блага народа это необходимо». 27-го уже началось открытое восстание в Андижане, 28-го для его усмирения был отправлен русский отряд из Намангана, и военные действия возобновились. На этот раз ханские войска сражались против мятежников; дядя хана Мурад-бек (бывший при Худояр-хане маргеланским беком и 14 сентября подчинившийся Скобелеву) был послан в Маргелан усмирять восстание, нанес поражение мятежникам, но затем бежал перед новой армией мятежников к Коканду, где часть жителей изменила хану и отворила ворота мятежникам; Мурад-бек впоследствии был схвачен и по приказанию Пулат-хана зарезан. Хан Насир ад-дин уже 9 октября покинул Коканд и письмом известил ходжентского уездного начальника барона Нольде, что отдается под защиту русских; 10 октября, через два часа после письма, прибыл в Ходжент сам хан со свитой из 60 человек⁹. 16 октября выехал из Намангана в Ходжент Кауфман, оставив в Намангане Скобелева. 11 октября в Ходжент пришло известие, что в Ко-

⁷ *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 361.

⁸ <Там же, стр. 367.>

⁹ <Там же, стр. 381.>

канде ханом провозглашен самозванец, назвавший себя царевичем Пулат-беком (в действительности мулла Исхак, родом из Пскента), с которым у русских никаких переговоров не было. Кауфман из Ходжента ограничился вторичным занятием, без боя, крепости Махрам, в сентябре очищенной русскими и переданной войскам Насир ад-дина. 28 октября Кауфман телеграфировал военному министру, что «хан со своею свитою проживает в Ходженте в ожидании дальнейших событий в ханстве» и что он, генерал-губернатор, не намерен «помогать ему войсками возвратить престол»¹⁰. За несколько дней перед этим, 24 октября, Кауфман из Ходжента обратился с воззванием к «улемам, муллам, старшим людям и всем благомыслящим жителям города Коканда», приглашая их взвесить последствия бунта. В Коканде ханской власти в то время не было; Пулат-хан торжественно въехал в город 14 декабря, но, по-видимому, оставался там недолго; местопребыванием его сначала было селение Ассаке, потом город Маргелан. 6 декабря Кауфман уехал в Петербург, предварительно одобрив план военных действий, составленный Скобелевым. За это время никаких действий из Ходжента и Махрама против Коканда не предпринималось; Насир ад-дин со 2 января 1876 г. находился в Махраме. Власти Пулат-хана был нанесен решительный удар в том же месяце; 20 января начальник его военных сил Абд ар-Рахман-автобачи объявил о своей готовности сдаться Скобелеву; 24-го он сам явился к победителям, и 28-го из Ходжента была послана его телеграмма Кауфману с выражением покорности. 31 января Скобелев телеграммой просил у заменившего Кауфмана Колпаковского разрешения «двинуться к Коканду и утвердить Насир ад-дина»¹¹, но хан в это время уже был в своей столице. В Коканде, по-видимому, уже в половине января знали о бедственном положении Пулат-хана; депутация из Коканда явилась к Насир ад-дину; 21 января хан выехал из Махрама; в Биш-арыке ему принесли «историческую белую кошму, на которой поднимают ханов при их провозглашении»; хан, однако, не вошел в столицу и остановился в кишлаке Найманча, где 27-го был разбит начальствовавшим в Коканде от имени Пулат-хана Абдулла-беком и снова бежал в Махрам. На следующий день сами кокандцы произвели нападение на сторонников Пулат-хана из киргизов и кипчаков; в Махрам снова была послана депутация; 29 января Насир ад-дин снова выехал отсюда и 30-го вступил на престол в Коканде; его противники явились к нему с веревками на шее и получили прощение. 3 февраля Скобелев телеграфировал Колпаковскому, что Насир ад-дин известил его о своем вступлении на престол, но что сами кокандцы прислали в Андижан депутацию спросить, нужно ли принять хана. В тот же день утром Колпаковский получил от Кауфмана телеграмму о том, что

¹⁰ <Там же, стр. 382—383.>

¹¹ <Там же, стр. 396.>

государь решил присоединить ханство к России, «снисходя к общему желанию всего кокандского народа, а также не видя возможности успокоить население другим способом»¹². Решающее значение имел, конечно, последний довод, и на нем, вероятно, Кауфман настаивал в своем докладе Александру II. Доклад, как впоследствии рассказывал Кауфман Н. П. Остроумову, был прочитан государю в присутствии Кауфмана военным министром Милютиным, не сочувствовавшим завоеваниям в Средней Азии; по поручению государя, Милютин вместе с Кауфманом должен был передать высочайшую волю кн. Горчакову, также не находившему желательным расширение пределов России¹³. Кауфман впадал в некоторое противоречие и с самим собой; в докладе государю в ноябре 1872 г. им о Кокандском ханстве было высказано другое мнение, и по его предложению Худояр-хан получил титул светлости.

Скобелев исполнил высочайшую волю раньше, чем предполагалось; 8 февраля он доносил Колпаковскому, что днем раньше им был занят Коканд; свидание его с ханом состоялось в тот же день, на пути туда, в кишлаке Ак-мулла, причем «хан, пораженный нашим неожиданным появлением, повиновался объявленной ему воле государя»¹⁴. В той же телеграмме Скобелев обвинял хана в том, что он сблизился со сторонниками священной войны и принял к себе на службу врагов России. В том же году из ханской семьи выступил еще претендент, племянник Худояр-хана Абд ал-Керим-бек; поэтому Скобелев в письме Колпаковскому от 18 мая настаивал на необходимости высылки «всех, даже отдаленных родственников Худояра, в отдаленные места России»¹⁵. Абд ал-Керим оправдывал свое восстание именно вероломством русских властей, которого прежде не было; прежде русские всегда исполняли свои обещания, теперь они обещали Насир ад-дину ханство и отправили его в Сибирь, обещали Абд ар-Рахману-автобачи с семейством безопасную жизнь в Коканде и тоже отправили его в Сибирь. Высылки в «Сибирь» на самом деле не было¹⁶, и даже сосланным в Европейскую Россию впоследствии было разрешено вернуться в Туркестан, без всякого ущерба для спокойствия края. Хан Насир ад-дин умер в Ташкенте, где жили и многие другие из родственников Худояр-хана.

После присоединения Ферганы на очереди был вопрос об определении отношений России к Кашгарскому ханству и установлении пограничной черты. В Кашгарию было отправлено в 1876 г. посольство.

¹² <Там же, стр. 405.>

¹³ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 186—188.>

¹⁴ <Герентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 408.>

¹⁵ <Там же, стр. 414.>

¹⁶ Слово «Сибирь» сделалось в Средней Азии нарицательным именем для ссылки; для туркмен Закаспийской области «Сибирью» являлся полуостров Мангышлак (Самойлович, *Два отрывка*, стр. 082).

во главе которого стоял капитан А. Н. Куропаткин. Могущество Я'куб-бека, по словам Куропаткина, сильно преувеличивалось в России; «в Кашгарии видели сильное мусульманское государство, к которому, как к центру, могли примкнуть симпатии не только слабых мусульманских государств, ещё сохранивших независимость, но и население завоеванных нами областей»¹⁷. Куропаткин мог убедиться, что это представление мало соответствовало действительности; государству Я'куб-бека в то время угрожали как внутренние смуты, так и внешние враги, и сам он по внешности не походил на могущественного властелина. Его сын Бек-Кули-бек принял посольство в Кашгаре¹⁸ с «напыщенной важностью» и обставил его пребывание стеснительными условиями; только угрозы посла вернуться обратно, прервав переговоры, побудили его снять запрет и дать посольству во время его пребывания в Кашгаре полную свободу. Сам Я'куб-бек в Курле, где им было принято посольство 11 января 1877 г., держал себя гораздо проще и скромнее; в обращении к нему Куропаткин называл его «высокостепенным бадаулетом» (официальный титул, принятый Я'куб-беком). Понимая положение Я'куб-бека, Куропаткин в вопросе о пограничной черте пошел в своих требованиях так далеко, как было возможно, требовал очищения и уступки России крепостей, построенных Я'куб-беком в пограничной полосе с бывшим Кокандским ханством, от Иркештама до Улугчата, и при этом говорил ему о необходимости «подчиниться воле господина туркестанского генерал-губернатора». Этим выражением воспользовался Я'куб-бек; он объявил, что против воли генерал-губернатора он идти не может, но отправит в Ташкент вместе с Куропаткиным своих послов, чтобы выяснить, насколько эта воля непреклонна и не согласится ли генерал-губернатор оставить за ним те места, об устройстве которых он заботился 14 лет. На это Куропаткин был вынужден согласиться. Посол Я'куб-бека добился в Ташкенте существенной уступки; Кауфман согласился оставить за ним Улугчат и установить границу у Иркештама. Договор не имел последствий; в том же году совершилось, как и предполагал Куропаткин, обратное завоевание Кашгарии китайцами. Я'куб-бек умер до окончания борьбы; его сын Бек-Кули-бек, ради достижения кратковременной власти запятнавший себя братоубийством, потом бежал в Россию и нашел убежище в Пскенте, где ему была назначена пенсия от русского правительства; никакого участия в общественной и политической жизни он не принимал. Пишущий эти строки имел случай пользоваться его гостеприимством; своею внешностью и обращением с посетителями Бек-Кули-бек в то время ничем не напоминал бывшего восточного государя. Китайский предводитель Лю-шо в 1878 г. требовал выдачи

¹⁷ <Куропаткин, *Кашгария*, стр. 2.>

¹⁸ Посольству во время приема пришлось сидеть «на корточках или, вернее, на шпорах» (Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 421).

Бек-Кули-бека и других бежавших в Россию предводителей мусульман, как дунганского предводителя Мухаммед-Аюба, или Баян-ахуна¹⁹. В выдаче, конечно, было отказано; в переписке по этому поводу между русскими официальными учреждениями встречается фраза: «Мы даем в Туркестане убежище многим политическим деятелям и претендентам на азиатские владения, рассчитывая извлечь из них пользу».

Из лиц, находившихся на службе у Я'куб-бека, на русскую службу, по-видимому, был принят только кавказский уроженец Заман-хан, Заман-хан-эфенди или Заман-бек, живший некоторое время в Турции (этим объясняется титул «эфенди») и посланный султаном вместе с другими людьми, «знавшими военное искусство», в Кашгарию, куда он прибыл за три года до посольства Куропаткина, т. е. в 1873 или 1874 г. (с того же 1290 г. х., т. е. в 1873-74 г. н. э., Я'куб-беком чеканились монеты от имени султана Абдул-Азиза); им было оказано содействие как Пржевальскому, которого он сопровождал до Лоб-Нора, так и Куропаткину; в России он был переводчиком канцелярии генерал-губернатора. В 1878 г. он принимал участие в русском посольстве (Столетова) в Афганистан²⁰.

После восстановления в Кашгарии китайского владычества Кашгар сделался местопребыванием русского консула (с 1882 г.), что было бы невозможным при Я'куб-беке; иностранными путешественниками отмечалось всемогущее влияние русского консула (Петровского) на местные власти, особенно до русско-японской войны 1904—1905 гг. В Кашгаре образовалась русская колония (во время посольства Куропаткина приказчик Шкоков, доверенный фирмы Быковских, был «единственным представителем русского купечества во всей стране»); образовалось отделение Русско-китайского банка; в 1897 г. была начата постройка церкви, но потом брошена; ходатайство консула о назначении в Кашгар православного священника не имело успеха. Могущество консула принесло больше всего пользы русским подданным-мусульманам, права которых были гораздо более обеспечены, чем права мусульманских подданных Китая. Вообще кашгарские земледельцы и горожане имели основание завидовать своим единоверцам, жившим под властью России, тогда как кочевники (в Кашгарии очень немногочисленные) предпочитали китайское владычество русскому.

Гораздо сложнее были отношения России к Бухарскому ханству. Кауфман унаследовал от Романовского войну с эмиром Музаффаром; в зависимости от хода военных действий изменялись требования, предъявлявшиеся к эмиру. До начала войны Черняев был склонен считаться с великодержавными притязаниями эмира и решить судьбу Коканд-

¹⁹ <Теперь о вожде дунганских повстанцев Биянху есть исследования Л. И. Ду-мана и М. Сушанло. См. библиографию работ по истории дунган Киргизии: Шер-стобитов и др. *Очерк*, стр. 74. — В. Р.>

²⁰ <См. Яворский, *Путешествие*. — В. Р.>

ского ханства, по крайней мере по внешней форме, путем соглашения между Россией и Бухарой; на эмира смотрели как на «главу магометанского мира в Средней Азии» (Романовский даже называет его «главой мусульманского духовенства») ²¹. Территориальные притязания России и Бухары уже тогда было трудно примирить; Черняев еще до взятия Ташкента писал эмиру, что имеет от государя повеление не переходить реки Сыр-Дарья ²², и предоставлял эмиру установление порядка «в остальной части (Кокандского) ханства, не могущей, по обстоятельствам, войти в состав» России; в донесении Крыжановскому от 6 августа 1865 г. он настаивал на необходимости провести границу России по Сыр-Дарье и Нарыну, с присоединением к России Намангана в Фергане и Куртки в Семиречье ²³. Эмир уже после падения Ташкента требовал от Черняева, чтобы он очистил этот город и отошел к Чимкенту; ответом на это требование был арест бухарских караванов в Ташкенте и Оренбурге, на что эмир ответил задержанием русских купцов и их товаров в Бухаре. Эмир потом пошел на уступки и требовал, чтобы впредь до получения Черняевым инструкций из Петербурга пограничной линией был признан Чирчик и чтобы никому ни с русской, ни с бухарской стороны не дозволялось переправляться через эту реку. На это требование не могли согласиться русские ввиду тесной экономической связи между Ташкентом и зачирчикским районом; по словам Черняева, даже временное прекращение подвоза хлеба из-за Чирчика отразилось на ташкентских ценах. Уже в сентябре 1865 г. начались действия русских отрядов за Чирчиком. Дальнейшие споры, с задержанием послов, вызвали переход Черняевым Сыр-Дарья 31 января 1866 г., хотя его действия к югу от реки оказались безрезультатными. В апреле 1866 г., при Романовском, эмир уже требовал от русских только, чтобы они отвели свои войска за Сыр-Дарью; после битвы при Ирджаре (8 мая) и падения Ходжента (24 мая) границей между Россией и Бухарой предполагалось установить Голодную степь; в то же время, несмотря на дружественные отношения к кокандскому хану, не была оставлена мысль о занятии Намангана; кроме того, к Бухаре, кроме требований об определении границы и обеспечении свободы торговли, впервые было предъявлено требование возмещения военных расходов. В сентябре в Ходженте, куда прибыл генерал-губернатор Крыжановский, был посол садр-казы-мулла Мир Хамид ад-дин; по словам Романовского, он был «старшим духовным столицы», лицом, близким к династии еще при предшественнике Музаффару; но полномочий на принятие русских условий у него не было. В противоположность тому, что годом раньше писал Черняев (правда, не имевший на это полномочия от органов государственного управле-

²¹ <Романовский, Заметки, стр. 80.>

²² <Там же, стр. 176.>

²³ <Там же, стр. 174.>

ния), от эмира теперь требовали, чтобы он отказался от всякого вмешательства в дела Коканда и прислал русским молодого кокандского хана Султан-Сейид-Мухаммеда; величина контрибуции была определена в 100 000 тиллей (около 400 000 рублей); требования имели форму ультиматума, с установлением срока от 13 до 23 сентября. Были приняты меры, чтобы военные действия могли быть возобновлены тотчас после окончания этого срока; они действительно возобновились. После взятия Джизака (18 октября) наступление снова было приостановлено; мирного договора заключено не было, но были приняты меры, чтобы продолжавшееся военное положение не отражалось на торговле; населению было объявлено, что «торговля остается прежняя, и караваны могут идти свободно, как они ходили обыкновенно в мирное время, на тех же основаниях». Из этого видно, какое значение придавалось в России торговле с Бухарским ханством²⁴.

Бухарское правительство всегда стремилось к прямым переговорам с русской центральной властью; послами, как и при сношениях с Хивой и другими государствами, большею частью назначались все одни и те же лица, приобретающие некоторую дипломатическую опытность. Так, посол Неджм ад-дин-ходжа, летом 1865 г. бывший в Казанске (форте № 1) и некоторое время (до марта 1866 г.) в Оренбурге и тщетно просивший пропустить его в Петербург²⁵, в 1853 г. сопровождал Игнатьева на его обратном пути из Бухары и в 1859 г. был принят в Петербурге; в 1867 и 1868 гг. он же принимал участие в переговорах с Кауфманом. В начале мая 1867 г. в Оренбург прибыл бухарский посол мирахур Муса-бек, впоследствии также принимавший участие в переговорах 1868 г., когда его видел В. В. Радлов. Радлов отзывается о Мусе как о ловком старике, хитром льстеце, не скупившемся на обещания; так, он обещал подарить Радлову персидское историческое сочинение и при этом сказал, что отдаст его через несколько дней; Радлов дал бухарцу в качестве ответного подарка красивый экземпляр Корана, но обещанной рукописи не получил. Муса прожил в Оренбурге до осени и дождался проезда Кауфмана, которым вместе с Крыжановским был установлен и подписан текст предполагаемого договора. Бухарец просил провести границу по левому берегу Сыр-Дарьи, как предлагали русские в сентябре 1866 г.; русские теперь не хотели отказаться от Ура-Тюбе и Джизака, соглашаясь только отдать находившуюся в их руках крепость Яны-Курган, к югу от Джиланутинского ущелья; зато в новом договоре уже не было требования о контрибуции. Муса в декабре 1867 г. приехал к Кауфману в Ташкент с изъявлением согласия эмира на русские требования, но

²⁴ 14 ноября Крыжановский из Оренбурга телеграфировал военному министру: «Торговля всюду восстановлена. Много караванов идет из Бухары и обратно».

²⁵ В Петербург от него в ноябре 1865 г. прибыл с письмом агент Фахр ад-дин, но ни он, ни его письмо не были приняты.

без экземпляра подписанного договора. Переписка возобновилась; по-видимому, между Хивой и Бухарой состоялось соглашение насчет одинакового образа действий, и решено было сноситься с генерал-губернатором через своих министров; только этим можно объяснить, что в Ташкент в феврале 1868 г. прибыло письмо от хивинского кушбеги, в марте от бухарского. По донесениям лазутчиков, существовало соглашение не только с Хивой, но также с Афганистаном и Кашгаром; бухарский посол Мухаммед Парса ездил в Калькутту и Константинополь, но там, конечно, сочувствия не встретил. Посол Муса-бек оставался до марта 1868 г. в Ташкенте; прежде его обвиняли в том, что он пользовался продолжительным пребыванием в русских владениях (в Казалинске) для интриг среди местного населения и среди служивших в русской армии мусульман. Эмир находился при войске в Самарканде, но колебался начать войну, что вызвало даже столкновение между ним и его подданными²⁶. Священная война была провозглашена помимо эмира казиями и муллами у гроба Беха ад-дина Накшбенда; поведение мулл в Самарканде было настолько вызывающим, что начальник бухарских войск Осман, беглый русский казак, выступил против них с оружием; при этом, по словам Терентьева, было убито 62 человека из мулл; по Скайлеру, наоборот, Осман при усмирении мятежа потерял 62 человека. Хивинский историк относит избиение мулл к событиям после заключения мира и приписывает его русскому «хакиму» Самарканда; эмир будто бы послал мулл вперед к занятому русскими городу и сам обещал двинуться вслед за ними, но в то же время вероломно предупредил русского начальника, которым и были приняты соответствующие меры. Избиение мулл, очевидно, было поставлено в вину эмиру после неудачного исхода войны и было одним из тех поступков эмира, которыми оправдывалось восстание его старшего сына. Весной 1868 г. эмир, однако, после возвращения в Кермине подчинился желанию народа и вступил на путь священной войны²⁷. Несколько раньше на сторону русских перешел находившийся на бухарской службе афганский отряд из 286 человек под начальством

²⁶ <О событиях в Самарканде см. Абд ал-Азим Сами, текст, 40 и сл.; пер., 67 и сл. — В. Р.>

²⁷ <Испытывавшие тяжелый гнет народные массы среднеазиатских ханств, в частности Бухары, проявляли в ряде случаев известную пассивность и равнодушие к происходившим событиям (см. *История Узбекской ССР*, т. 1, кн. 2, стр. 98). Наиболее активно против царского завоевания выступали мусульманское духовенство и феодалская аристократия, отстаивавшие свои привилегии. Используя влияние идеологии ислама на народные массы, они пытались поднять население на «священную войну» под лозунгами религии. Эти попытки не спасли среднеазиатские ханства от быстрого поражения. Поход Музаффара и принудительный созыв жителей Бухары на «священную войну» эмирскими властями описаны современником и очевидцем событий — таджикским ученым Донишем. См. Дониш, *Путешествие*, стр. 49 и сл.; ср. Семенов, *Очерк устройства*, стр. 6—8. — В. Р.>

царевича Искендер-хана, бежавшего в Бухару во время смут в Афганистане из-за престолонаследия и впоследствии храбро сражавшегося против своих единоверцев. Радлов описывает этих афганцев как толпу головорезов, посвящавших себя военной службе только ради добычи. Царевич, которого судьба впоследствии привела в Петербург, оттуда в Лондон и оттуда в Сеистан, произвел в России и Англии хорошее впечатление; Скайлер говорил о его замечательных способностях; подружившийся с ним Терентьев даже называет его «одним из лучших людей Средней Азии»²⁸.

Во время военных действий перед Самаркандом к Кауфману снова прибыл посол Неджм ад-дин-ходжа и тщетно старался остановить русских; он говорил, что им принесен договор с подписью эмира; документ был предъявлен, но не мог быть разобран, потому что был составлен «на персидском языке, с обилием арабских слов»; однако будто бы разобрали настолько, чтобы установить разногласие между бухарскими условиями и прежними русскими. После взятия Самарканда Кауфман послал письмо эмиру с новыми мирными условиями, причем к прежним требованиям было прибавлено требование об уступке самаркандского района и уплате военных издержек; срок ответа был назначен до 16 мая. Письмо было послано с двумя самаркандцами, из которых эмир одному отрубил голову, другого посадил в тюрьму. Начальник самаркандских войск Осман, по рассказам, также был зарезан по приказанию эмира в Бухаре²⁹.

В русском лагере одновременно с этим существовал план образовать из Самарканда особое ханство, как прежде из Ташкента. Кандидатом Кауфмана был племянник эмира Сейид Абдулла, бежавший от своего дяди в Шахрисябз; Кауфман потом отказался от этой кандидатуры, потому что царевич слишком находился под влиянием шахрисябзских беков. Шахрисябзцы впоследствии поддерживали эту кандидатуру уже против русских, причем Джура-беку приписываются слова: «Чем глупее он был, тем лучше было для нас: мы были бы более независимы». Молодой царевич впоследствии жил в Ташкенте, где его видел Скайлер в 1873 г.; тогда ему было 35 лет, он научился говорить и писать по-русски, получал от русских пенсию в 2400 руб., вел легкомысленную жизнь и всегда был в долгах, переписывался со своими приверженцами в Бухаре и не терял надежды сесть на место Музаффары.

Уже после падения Катта-Кургана бухарские послы изъявили от имени эмира согласие на условия 1867 года. На этот раз Кауфман предложил эмиру выбор: 1) уплатить в 8 лет 1 150 000 тиллей (4 600 000 руб.) и тогда получить обратно земли от Катта-Кургана до

²⁸ <Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 413.>

²⁹ <По другим данным, Осман был казнен в Чиракчи в 1870 г.; см. Абд ал-Азим (Сами, 148, прим. 172. — Ю. Б.)>

Яны-Кургана; 2) признать за русскими все их завоевания и уплатить только военные издержки — 125 000 тиллей. Бухарцы предпочли второе, но мир и на этот раз не состоялся; после победы 2 июня над бухарскими войсками русские вместо движения к Бухаре отступили к Самарканду под влиянием известий о критическом положении гарнизона самаркандской цитадели; но это отступление не придало бодрости эмиру, понявшему безнадежность дальнейшей борьбы. Уже вечером 10 июня для переговоров прибыл в Самарканд Муса-бек; 12-го прибыл гонец с письмом эмира, в котором эмир отказывался от престола, предлагал русским выдать все свои военные силы и просил о свидании с русским государем только для того, чтобы получить от него разрешение отправиться в Мекку. На этот раз Кауфман отказался воспользоваться несчастьем эмира, объявил, что уничтожение Бухарского ханства никогда не входило в его намерения и что от эмира требуется только принятие условий, предложенных ему из Самарканда и Катта-Кургана. Официальный текст договора состоял из трех частей: 1) шесть пунктов, посланных эмиру 11 мая из Самарканда; 2) четыре пункта «дополнения», посланного из Катта-Кургана 23 мая, где говорится об установлении границы к западу от Катта-Кургана; 3) четыре пункта «секретного дополнения», где говорится об уплате военных издержек в размере 125 000 тиллей — 10 000 при подписании мира, 90 000 в течение 30 дней с 21 мая 1868 г., 25 000 до истечения года после мира. В последнем пункте говорится только о дружественных отношениях между Россией и Бухарой, без всякого упоминания о подчинении эмира государю. Конtribusiция, в действительности, была уплачена только к апрелю 1870 г. Днем обмена ратификациями было 23 июня; заключение мира в тот же день было отпраздновано торжественным парадом в Самарканде, но в документе договора этой даты нет.

Опубликованные до сих пор материалы не дают ясного ответа на вопрос, почему Кауфман не воспользовался возможностью тогда же положить конец существованию Бухарского ханства. Настроение в ханстве было против эмира и русских, и, несмотря на готовность эмира отказаться от престола, занятие ханства не обошлось бы без пролития крови; но заключением мира тоже не были прекращены военные действия, продолжавшиеся до 1870 г.; только последующие успехи русских войск в бухарских владениях послужили на пользу эмиру, которому были переданы взятые русскими города. Еще труднее было бы объяснить, почему статьи о контрибуции были сделаны «секретными». Из рассказа хивинского историка об уплате эмиром 12 000 тиллей в месяц видно, что даже в Хиве факт требования контрибуции был известен, не было только точных сведений о величине суммы.

Хивинский историк придает значение факту, что русские отказались от движения к Бухаре и согласились приходить туда только для тор-

говли; таким же образом эмир, вероятно, был доволен тем, что ему не пришлось лично явиться к победителю. Настроение народа после битвы при Зерабулаке было настолько тревожно, что эмир не решился вернуться в свою столицу; тому же Неджм ад-дин-ходже с трудом удалось успокоить народ, чему способствовало отступление русских после победы, и эмир вернулся в Кермине. Еще в 1868 г. происходили переговоры о границе, при участии, как переводчика, В. В. Радлова, сообщающего некоторые сведения о бухарских представителях: зияуддинском беке Рахмат-бие, хатырчинском Бахадур-бие и нуратинском Абд ал-Гаффаре. Рахмат-бий (или Рахматулла-бий) упоминается у Вамбери (в 1863 г.) как сановник, управлявший Бухарой в отсутствие эмира и допрашивавший переодетого путешественника. На Радлова он произвел впечатление хитрого и вкрадчиво-лестливого человека; в то же время он, однако, сумел использовать оплошность русского офицера, чтобы унижить его в глазах населения. При встрече с офицером, посланным для приветствования его из Катта-Кургана, Рахмат-бий сделал вид, что слезает с коня, но оставил одну ногу в стремях; офицер в это время успел соскочить; бухарец быстро снова уселся в седло, протянул с седла руку стоявшему на ногах офицеру и гордо проехал мимо. Из книги Остроумова о Кауфмане видно, что это происшествие осталось в памяти туркестанцев, даже когда были забыты имена действовавших лиц³⁰. Рахматулла, по-видимому, считался искусным дипломатом и ездил послом в Ташкент несколько раз; в 1883 г. был на коронации в Москве, приветствовал потом в Ташкенте вернувшегося туда Черняева, поздравлял Розенбаха в 1886 г. с годовщиной взятия Ташкента. Хатырчинский бек, в противоположность зияулдинскому, отличался грубостью и неотесанностью; нуратинский произвел на Радлова лучшее впечатление, обнаружил знание дела и энергию и был одинаково далек от лести Рахмат-бия и грубости Бахадур-бия; народ относился к нему с большим уважением, хотя он не окружал себя никакою пышностью, выезжал без свиты и без есаулов. Описываются также бухарские послы, привезшие в Самарканд экземпляр утвержденного эмиром договора; Муса-бек старался посредством расспросов добиться, из каких книг русские научились искусству побеждать и какими заклинаниями (*ду'а*) они пользуются. Сопровождавший Мусу ишан туркменского происхождения производил впечатление гораздо более серьезного человека и много рассказал Радлову о туркменах: он любил говорить о вере и старался убедить Радлова принять ислам.

В следующем году происходили работы предусмотренной договором пограничной комиссии из бухарского посла и доверенного лица от генерал-губернатора, с русским конвоем. Бухарским послом был

³⁰ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 78—79.>

мирахур Мухаммед-Насир, впоследствии, в 1886 г., вместе с Рахматбием поздравлявший Розенбаха с годовщиной взятия Ташкента; с русской стороны было двое уполномоченных — майор Бергбаум и штабс-ротмистр Терентьев; бухарский посол выехал к ним из Нур-Ата; была установлена граница России в пустыне между Нуратинским бекством и Буканскими горами, причем бухарский посол после некоторых споров предоставил русским определить границу по своему усмотрению и только приложил к проекту договора свою печать.

Эмиру к тому времени удалось подавить смуты и даже расширить пределы своего государства на восток, отчасти при поддержке русских. Сначала предполагалось, что эта поддержка будет только нравственной; Кауфманом было предписано «во всяком случае» избегать военных действий, но эти действия все-таки произошли. Взятие русскими Карши 23 октября 1868 г. имело решающее значение для исхода борьбы между эмиром и его старшим сыном (катта-тюрею) Абд ал-Меликом. Характерна прокламация Абрамова от 6 октября, обнародованная покойным О. А. Шкапским в 1896 г., где царевич обвиняется в том, что он, «забыв бога и своего великого пророка Магомета, увлеченный своим желанием царствовать в Бухаре, до сих пор подымает свою преступную руку на своего государя и своего отца»; народ приглашается «пожалеть себя и не доводить до нового пролития мусульманской крови». Царевич сначала хотел отдаться под покровительство русских и получил позволение прибыть в Самарканд, но потом предпочел бежать в Хиву, куда прибыл 22 декабря 1868 г. и откуда после трех месяцев удалился к туркменам, потом в Афганистан, наконец в Кашгарию, где он жил в 1873 г. в крепости Янги-Хисар «наполовину пленником» (слова Скайлера); впоследствии он отправился оттуда в Индию и умер в 1909 г. в Пешавере. В Хиве нашел убежище в 1869 г. также другой враг русских, Сыддык-тюря (у русских Садык, сын известного султана Кенисары Касимова), впоследствии мирно живший в России (он прибыл в Россию в 1877 г. вместе с Бек-Кули-беком кашгарским).

В январе 1870 г. в Хиву пришло известие о взятии эмиром Гиссара и Куляба; хивинский историк с явным осуждением эмира говорит об этой войне, что она продолжалась 6—7 месяцев и что с обеих сторон погибло много мусульман. Завоевания эмира могли бы привести к новому столкновению с русскими; эмиром, между прочим, был занят Каратегин, некогда входивший в состав Кокандского ханства, что вызвало протест Худояр-хана, в то время находившегося под покровительством России. По словам Терентьева, «бухарскому эмиру предложено было возвратить Каратегин кокандскому хану, что тот и исполнил»³¹. Подробнее об этом говорится в другом сочинении Терентьева³²,

³¹ <Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 482.>

³² <*Россия и Англия*, стр. 71—72.>

которым пользовался Скайлер³³; такое предложение было сделано эмиру, но не было исполнено; бывший каратегинский бек Шир-Али хотел завладеть Каратегином с помощью кокандцев, но был разбит беками гиссарским и кулябским и взят в плен; по просьбе русских эмир его освободил; со своей стороны Худояр-хан должен был вернуть свободу и возвратить область прежнему каратегинскому беку Музаффар-шаху, находившемуся в плену в Коканде³⁴. Права кокандского хана на Каратегин фактически не были осуществлены: при завоевании ханства в 1876 г. Кауфман сам признал Каратегин бухарским владением, когда, после бегства в Каратегин претендента Абд ал-Керима, обратился к эмиру с письмом «о внушении каратегинскому беку, чтобы он не давал у себя приюта нашим бунтарям и беглым преступникам». Несмотря на тесную экономическую связь с Ферганой, куда каратегинцы отправляются на заработок во время полевых работ, Каратегин остался в пределах Бухарского ханства³⁵.

Правители Шахрисябза и его окрестностей после неудачного нападения на Самарканд в 1868 г. избегали столкновения с русскими и по этой причине в 1869 г. отказали в убежище катта-тюре; тем не менее в 1870 г. произошел поход генерала Абрамова на Шахрисябз из-за отказа выдать другого беглеца, Айдар (вероятно Хайдер)-бека, которого русские, как потом было признано, несправедливо обвиняли в разбойничьих действиях на русской территории. Завоеванная территория была передана эмиру с предложением назначить туда своих беков; эмир еще раньше, осенью 1869 г., просил русских о помощи против шахрисябзцев. По мнению Терентьева, эта уступка «весьма расположила к нам всех бухарцев, и с этих пор можно было считать положение наше относительно Бухары совершенно надежным»³⁶. По словам Скайлера, присоединение к Бухаре произошло «против желания и вопреки протестам туземного населения, которому русское господство казалось много лучше господства Музаффар ад-дина»³⁷. По-видимому, это подтверждается наблюдениями Петровского в 1872 г., когда он проезжал здесь с бухарским послом, мирахуром Исам ад-дином. Пока они были в русских пределах, население гораздо радушнее встречало мирахура, чем Петровского, зато в бухарских владениях, особенно в Шахрисябзе, на мирахура не обращали никакого внимания и приветствовали только Петровского. Население самаркандского района и впоследствии, почти до революции, называло своим «падишахом» бухарского эмира. В 1872 г. в шахрисябзском районе, насильно присоединен-

³³ <Ср. Schuyler, *Turkistan*, vol. II, pp. 276—277.>

³⁴ <Музаффар-шах в Каратегин не возвратился. См. Кисляков, *Очерки*, стр. 82—83. — В. Р.>

³⁵ <Ср. там же, стр. 85—87.>

³⁶ <Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 510.>

³⁷ <Schuyler, *Turkistan*, vol. II, p. 308.>

ном к Бухаре, по-видимому, было такое же настроение против бухарских властей, как в самаркандском, насильно присоединенном к России, против русских. Возможно, что в то время то и другое присоединение еще не считалось окончательным, что шахрисябзцы надеялись на избавление от бухарских властей и что самаркандцы разделяли надежды своего прежнего государя на возвращение ему Самарканда.

Помимо уступки завоеванных русским оружием территорий русская власть и в других отношениях проявляла к бухарскому правительству больше внимания, чем заслуживало бы азиатское деспотическое государство. Во время действия в пограничной полосе зимой 1869/70 г. разбойничьих шаек было определено, чтобы войска обеих сторон, русские и бухарские, могли преследовать шайки и на чужой территории; после взятия кишлака Чаршамбе, в 18 верстах от границы, казаки нашли там пять тяжело раненных разбойников, которые были выданы зияуддинскому беку и по его приказу зарезаны на базаре. Начальник шайки Бабан искал убежище в Самарканде, в 1871 г. по приказанию Абрамова был выдан бухарцам и, как говорили, сброшен с вершины большого минарета; при Скайлере (1873 г.) он считался последним человеком, подвергшимся такой казни. В том же 1871 г. беки, посланные эмиром в шахрисябзский район, во время приезда Кауфмана в Самарканд явились туда приветствовать его и приняли участие в байге, что по бухарскому этикету разрешалось делать сановникам только для своего государя; за это они подверглись опале и бежали в Самарканд. Эмир требовал их выдачи и, хотя из Бухары русские беглецы никогда не выдавались, это требование было исполнено; Кауфман только выразил эмиру надежду, что виновные будут прощены; наказанию они действительно не подверглись. Вообще русские ввели в Средней Азии обычай выдачи политических беглецов, хотя с гарантией, что им не будет сделано зла. Мы видели, что так было обставлено в 1866 г. требование (к которому потом не возвращались), обращенное к эмиру, — выдать молодого кокандского хана; в 1870 г. кокандским ханом были выданы бежавшие к нему Джура-бек и Баба-бек³⁸; с своей стороны Вейнберг и Скобелев в 1875 г., на пути в Кашгар, везли к Худояр-хану молодого претендента Абд ал-Керима. Терентьев ничего не говорит о выдаче этого царевича (жившего, по Скайлеру, сначала в Ходженте, потом, после жалобы Худояр-хана, перевезенного в Ташкент), но рассказывает только о его бегстве из Ходжента, провозглашении его ханом киргизами и бегстве в 1876 г. в Каратегин. Петровский в рассказе о своей поездке в Бухару в 1872 г. осуждает «публицистов» за то, что ими из двух ханств (говорится о Бухаре и Коканде) сделаны «какие-то государства, сознающие свои цели и потребности

³⁸ Портреты их в молодые годы (сидящими по-восточному) помещены у Скайлера (*Turkistan*, vol. I, p. 87).

и понимающие международные отношения. Из ничтожнейших, невежественных, наполовину разбойников и наполовину торгашей эмира и хана мы сделали (опять-таки в нашем воображении) государей и хотим вразумлять их мирной политикой и благодеяниями цивилизации»³⁹. Отчасти здесь, вероятно, действовали те же побуждения, по которым в реляциях о победах над нестройными толпами узбеков употреблялись термины европейского военного искусства; в донесении о взятии Чимкента среди трофеев даже упоминалось одно «нарезное орудие», тогда как орудие только «имело какие-то нарезки, но не такие, какие бывают у нарезных орудий, и вообще употребление этого рода орудий кокандцам еще не известно»⁴⁰. Несомненно, что в дипломатии, как в торговле, бухарцы обнаружили больше искусства, чем в военном деле, и до некоторой степени достигали своей цели, по крайней мере на время.

Одним из предметов спора между эмиром и генерал-губернатором был вопрос о порядке сношений между Бухарой и Россией. Эмир считал себя вправе, как государь, сношаться непосредственно с государем; генерал-губернатор хотел, чтобы все сношения шли через него. В то же время приезд в Петербург знатных среднеазиатских послов, особенно государей и царевичей, давал наглядное представление о блеске завоеваний; генерал-губернатор был склонен поэтому допускать такой приезд, но с тем, чтобы в Петербурге не велось никаких политических переговоров. Разумеется, такой запрет не соблюдался в Петербурге ни русскими, ни бухарцами, и поездки чрезвычайных посольств давали возможность возбуждать политические вопросы. Уже в 1869 г. в Петербурге был принят сын эмира, наследник престола (тюря-джан) Сейид Абдулла Фаттах-хан. С царевичем были и дипломаты, была и грамота на высочайшее имя с жалобами на действия русских губернаторов. В грамоте говорилось, что эмир послушался совета турецкого султана — жить в дружбе с русским царем — и потому отправил к царю послов, сначала Неджм ад-дина, потом Муса-бека, но их не пустили дальше Оренбурга. Битва при Сасык-куле (так и в хивинской истории названа битва при Ирджаре) изображается так: эмир вышел туда только для восстановления мира и, когда русские начали наступление, ушел оттуда, не сражаясь; тем не менее русские забрали несколько крепостей, о возвращении которых и просил эмир. Получив отрицательный ответ, тюря-джан на обратном пути, в марте 1870 г., возбуждал тот же вопрос в Ташкенте, но, конечно, без успеха.

В 1870 г. в Бухару под влиянием слухов о сношениях эмира с Хивой и Афганистаном ездил полковник Носович, бывший джизакский уездный начальник; этим посольством воспользовался швейцарский

³⁹ <Петровский, *Поездка*, стр. 210.>

⁴⁰ О существовании у кокандцев нарезных орудий в донесениях Черняева говорится несколько раз.

шелковод Мозер для поездки в Бухару; в Бахауддине караван-сарай, где он остановился, был осажден толпой фанатиков, и путешественник был спасен только вмешательством бухарской полиции. Во время посольства Носовича возник вопрос об этикете, возбуждавшийся потом несколько раз; вопреки мнению некоторых членов своей свиты Носович подчинился требованиям бухарского этикета и настоял на том, чтобы все участники посольства проехали по городу в пожалованных эмиром халатах. То же самое сделал в том же 1870 г. находившийся при Кауфмане чиновник министерства иностранных дел Струве, в 1872 г., по совету мирахура Исам ад-дина, Петровский; но полковник Колзаков, выражавший в 1871 г. эмиру соболезнование по случаю смерти тюри-джана, отказался подчиниться этому обычаю, ссылаясь на правила об офицерском мундире. Струве, вопреки запрещению Кауфмана, принял также от эмира денежный подарок. Слухи о посольствах турецком, хивинском и афганском подтвердились, но никаких воинственных замыслов эмира обнаружено не было; он просил прислать ему 4000 ружей на случай войны с афганцами, но в этом ему было отказано. Впоследствии, однако, эмир не раз получал такие подарки; по сведениям, собранным в 1889 г., 2000 человек из гвардии эмира были вооружены «винтовками системы Бердана № 2, подаренными эмиру нашим правительством»; конница отчасти была вооружена «разными образцами скорозарядного и ударного огнестрельного оружия, приобретенными бухарским правительством в Европейской России». В 1881 г. в Бухару по просьбе эмира были посланы военные инструкторы; в 1904 г. эмиру была подарена четырехорудийная конная батарея.

Еще в 1869 г. бухарские сановники объявляли в Петербурге, что в Бухаре в угоду России уничтожено невольничество; Струве в 1870 г. сообщил, что невольничества в Бухаре действительно нет; тем не менее Петровский в 1872 г. и Скайлер в 1873 г. могли убедиться в том, что даже базарный торг невольниками продолжается. Вообще ханство еще долго жило своей жизнью, и с ним считались как с особым государством. В 1871 г. о покорении Кульджи было послано извещение бухарскому эмиру и кокандскому хану. Нового русского вассала на этот раз создано не было; при приближении отряда Колпаковского к Кульдже султан и его приближенные встретили русских пешими; после занятия Кульджи русскими султан жил в Верном, сохранив свое имущество. По словам Скайлера, подданные любили его за доброту, великодушие и справедливость, но все-таки он жил в постоянном страхе и говорил, что ночь после сдачи была первой спокойно проведенной им ночью после восшествия на престол.

Нового вассала Россия получила в 1873 г., когда русскими войсками было занято Хивинское ханство. Туркестанские власти во время хивинского похода должны были считаться с категорическим предпи-

санием правительства — Хивы к России не присоединять. О влиянии ханства на события, происходившие в киргизских степях, в Петербурге и потом не имели точных сведений; орган Черняева «Русский мир» еще в 1875 г. отрицал влияние Хивы на восстание киргизов и полагал, что у хивинцев было довольно дела у себя дома с туркменами; между тем впоследствии подробные рассказы о хивинских походах в киргизские⁴¹ степи могли быть извлечены из хивинской официальной истории⁴². По примеру Бухары, хивинцы также старались вести переговоры с русским правительством помимо Ташкента; в 1872 г. были отправлены хивинские посольства в Петербург и Тифлис, последнее к великому князю Михаилу Николаевичу, наместнику Кавказа; оба посольства были возвращены, — одно из Оренбурга, другое из Темир-Хан-Шуры. Тем не менее Кауфман был недоволен распоряжениями из Петербурга и в том же году писал военному министру: «последними распоряжениями относительно Хивы компрометируют меня перед этими ханами». По примеру Бухары хивинцами также было отправлено посольство в Индию — конечно, с тем же результатом. Посол Иминиддин (вероятно Йемин ад-дин)-бий выехал из Хивы в марте 1872 г., проехал через Мерв, Герат, Кандагар, Кабул и Пешавер и был принят вице-королем в конце июня в Симле, вернулся в Хиву только в апреле 1873 г.⁴³ Результаты похода во многом отличались от результатов похода 1868 г.; на этот раз русскими была занята столица ханства, хан бежал; на короткое время самими хивинцами на престол был возведен его брат Атаджан, до тех пор живший семь лет в заключении, но Кауфман отменил это распоряжение, вызвал к себе хана и возвратил ему его владения. Во время приезда в Ташкент в 1891 г. хивинского наследника (впоследствии хана) Исфендияра сопровождавший наследника Палван-мирзабаши, видевший Кауфмана в Хиве в 1873 г., рассказывал Н. П. Остроумову, как Кауфман заставил Атаджана признаться, что причиной его заключения было его участие в заговоре против жизни брата; передается и очень лестный отзыв о Кауфмане хивинского кази-каляна⁴⁴. Атаджан был принят в русскую армию на Кавказе, ездил в Мекку, после возвращения служил в конвое его величества, в 1883 г., во время путешествия Мозера, снова жил в Хиве, где у него был двухэтажный дворец рядом с летним дворцом хана. Свидание Кауфмана с самим ханом произошло 2 июня, причем хан явился в шатер генерал-губернатора. Переговоры, конечно, сводились к беспрекословному принятию русских требований; окончательный договор, однако, был заключен только 12 августа, перед уходом русских войск. Хан должен был уплатить контрибуцию в 2 200 000 руб-

⁴¹ <Казахские.>

⁴² <См. Бартольд, *События перед хивинским походом.*>

⁴³ См. статью об этом посольстве в ТВ, 1896, № 72 <Хивинское посольство>.

⁴⁴ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 403.>

лей, рассроченную на много лет, признать себя «покорным слугою императора всероссийского» и отказаться от всяких непосредственных сношений с чужими державами; часть ханства к востоку от Аму-Дарьи отошла к России. В отличие от договора с Бухарой, торговля между Россией и Хивой была объявлена беспошлинной, как для русских, так и для хивинцев; русским судам было предоставлено «свободное и исключительное плавание по Аму-Дарье»; хивинские и бухарские суда могли пользоваться этим правом только «с особого разрешения высшей русской власти в Средней Азии». Уничтожение рабства было объявлено ханом еще 12 июня, и этот ханский указ был подтвержден 17-й статьей договора.

По словам Терентьева, ханству была «дана, некоторым образом, конституция»; хану была оставлена судебная власть, административная была передана дивану из семи лиц — четырех по назначению генерал-губернатора и трех из хивинской знати; среди первых был один ташкентский сарт. Диван не был, однако, постоянным учреждением; назначение его принадлежало к тем «указаниям для руководства в управлении страной, на время пребывания там русских войск», о которых говорится в исторической части договора. Из хивинских сановников особенно «благоразумным» считался диван-беги Мат (Мухаммед) Нияз, для которого даже было сделано исключение при выполнении 3-го пункта договора, по которому земли правого берега, принадлежавшие ханским сановникам, отнимались у них без всякого вознаграждения, и хану только предоставлялось вознаградить их на левом берегу. Мат-Нияз взамен земли, отнятой у него, получил землю на правом берегу, которая, как мы видели, некоторое время оставалась единственной крупной земельной собственностью в пределах образованного русскими Аму-Дарьинского отдела. Мат-Нияз умер уже в 1875 г. в Петербурге от операции каменной болезни. Его противник, диван-беги Мат-Мурад, считался главным врагом России; он находился во главе отряда, отправленного в степь в 1869 г. После взятия Хивы его имущество было конфисковано и он был сослан в Калугу, где прожил шесть лет. После возвращения в Хиву он снова был принят на службу и в 1883 г., во время путешествия Мозера, был первым министром. В Хиве у него в то время был дом в европейском стиле, с европейской мебелью и окнами; другого дома с такими привычными для европейца удобствами в столице хана тогда еще не было. Как сановник, Мат-Мурад соперничал и враждовал с Ибрахим-ходжею, умершим в 1890 г. (по Мозеру, Ибрахим-ходжа был дядей хана); для устранения этой вражды хан устроил брак между Ибрахим-ходжею и дочерью Мат-Мурада; сын от этого брака, Ислам-ходжа, был министром еще при новом хане (с 1910 г.) Исфендияре; в 1913 г. Ислам-ходжа был убит при загадочных обстоятельствах; начатое следствие было скоро прекращено — как мне говорили, потому, что были обнаружены об-

стоятельства, указывавшие на участие в этом преступлении самого хана.

Уже эти факты показывают, что и в Хивинском ханстве русская культурная работа велась не вполне успешно, хотя и не встречала здесь тех препятствий, как в Бухаре. Основание Петро-Александровска было гораздо более действительным средством для обеспечения русского влияния, чем впоследствии политическое агентство в Бухаре и даже гарнизоны вдоль железнодорожной линии и аму-дарьинских пристаней. Если «диван» действовал только до ухода русских войск, то способнейший из членов дивана, подполковник, впоследствии генерал Иванов, мог продолжать свою деятельность потом из Петро-Александровска как начальник Аму-Дарьинского отдела. Этому офицеру, получившему в Хиве прозвище «желтобородый» (*сары-сакал*; длинную желтую бороду генерал Иванов сохранял и тридцать лет спустя, когда был генерал-губернатором), предстояло исправить самую тяжелую ошибку Кауфмана — избиение туркмен-йомутов, причем буквально, без пощады женщинам и детям, было выполнено предписание от 6 июля 1873 г. «предать кочевых йомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению»⁴⁵. Иванов и впоследствии получал от Кауфмана жестокие предписания относительно йомутов; так, в приказе от 12 сентября ему предлагалось «распорядиться, чтобы войска на пути своем предавали все и вся огню и мечу». Уже из повторения этого предписания видно, как мало оправдались на деле слова исторической части договора 12 августа о туркменах: «Лишение значительной части имущества, большая потеря в людях и в особенности нравственное поражение, ими ныне испытанное, упрочивают власть хана над ними и обеспечивают спокойствие всей страны на будущее время». Меньше всего можно было говорить о «нравственном поражении»; напротив, нравственное чувство русских офицеров страдало от навязывавшейся им роли жандармов и палачей хивинского хана. На приказы Кауфмана Иванов отвечал представлениями о необходимости щадить туркмен, как будущих русских подданных; столь же справедливо он доказывает хану, что вместо обычной хивинской политики — не давать туркменам воды и этим принуждать их к покорности — гораздо лучше дать им воду, но с тем, чтобы все работы по орошению производились ими самими — политика, которая потом успешно проводилась русскими в Закаспийской области. В 1877 г. сами йомуты просили принять их в русское подданство; Иванов, убедившись в бессилии хивинского хана, советовал удовлетворить их просьбу и положить конец ханству, но высшее правительство не согласилось с ним и устранило его от должности. Политика хана относительно туркмен оставалась прежняя, и

⁴⁵ <О карательной экспедиции против газаватских йомутов, совершенной по приказу Кауфмана с целью укрепить положение хивинского хана Мухаммед-Рахима, см. *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 2, стр. 118—120. — В. Р.>

русским войскам приходилось выступать все в той же роли хивинских жандармов вплоть до 1916 г. В начале восьмидесятых годов хивинский хан хотел воспользоваться успехами русских войск, чтобы восстановить свою власть в Мерве; в этом его поддерживали туркестанские власти, считавшие выгодным подчинить Мерв России через Хиву; с их согласия еще в 1881 г.⁴⁶ был послан в Мерв представитель хивинского хана Юсуф-бай⁴⁷. Юсуф-бай умер в Мерве в октябре 1882 г.; вопреки желанию кавказских властей, хивинский хан, даже без ведома Черняева, послал в Мерв в конце того же года нового наместника Абд ар-Рахман-бая. Абд ар-Рахман-бай даже проехал из Мерва дальше к югу, в Йолотан, к сарыкскому хану и завел сношения с жившими там четырьмя английскими шпионами, но вскоре был отозван в Хиву «благодаря воздействию на хивинского хана туркестанского генерал-губернатора, генерала Черняева».

мервская авантюра была единственной попыткой Хивинского ханства после 1873 г. играть политическую роль, что не могло иметь успеха уже по географическому положению ханства. И в других отношениях хан не мог подражать бухарскому эмиру, не мог ни раздавать орденов, ни делать крупные пожертвования и раздавать богатые подарки. Поездки хана в Петербург (в том числе в 1883 г. на коронацию), получение ханом в 1902 г. титула светлости, впоследствии и титула высочества, не изменили подчиненного положения хана по отношению к туркестанскому генерал-губернатору и даже начальнику Аму-Дарьинского отдела. Договор 1873 г. строго соблюдался; русские действительно пользовались в ханстве правом беспошлинной торговли; в торговом центре ханства, Ургенче, были «почтово-телеграфное отделение, казначейство, транспортные конторы, несколько хлопкоочистительных заводов и в том числе превосходно оборудованный завод Ярославской Большой мануфактуры». На службе у хана были представители русской медицины и техники; уже с 1874 г. в Хиве была придворная литография (издания ее не поступали в продажу и только раздавались близким к хану лицам). Развитию торговли способствовало сравнительно хорошее состояние дорог и сравнительно большое число мостов. Но управление ханством сохраняло прежний характер. В ознаменование спасения русской царской семьи во время катастрофы при Борках (1888 г.) в ханстве (вероятно, по указанию русских властей) было объявлено об отмене пыток; был ли этот закон проведен в жизнь, неизвестно.

⁴⁶ В статье Семенова (*Очерки*, стр. 23) назван Черняев, но его тогда не было в Туркестане, где за болезнью Кауфмана тогда правил Колпаковский.

⁴⁷ <Представитель хивинского хана Юсуф-бай прибыл в Мерв летом 1882 г. и вскоре умер, его сменил посланный хивинским ханом Бабаджан-бек. Сб этих событий см. *История Туркменской ССР*, т. I, кн. I, стр. 133; подробнее в кн.: Тихомиров, *Присоединение Мерва*. — В. Р.>

Унижение Хивы в 1873 г. еще более выдвинуло державные права бухарского эмира. Политика эмира во время хивинского похода вызывала некоторые сомнения; им бесплатно доставлялись русской армии верблюды; его посол Исам ад-дин находился при войске Кауфмана; в то же время эмир, по словам Скайлера, снабдил деньгами трех туркменских военачальников, отправившихся из Бухары в Хиву. Во всяком случае, отношение эмира к русским во время войны официально было признано дружественным и заслуживающим вознаграждения. Уже договор 12 августа 1873 г. предусматривал передачу Бухаре части уступленного России правого берега Аму-Дарьи, и хан обязывался признать эту передачу. Эта уступка территории была осуществлена «договором о дружбе России с Бухарой», заключенным 28 сентября того же года. В этом договоре для России было выговорено право устраивать пристани и склады по Аму-Дарье, но никакого ограничения державных прав эмира в договоре не было; наблюдение за охраной пристаней и складов возлагалось на бухарское правительство, т. е. не предусматривалась русская военная охрана. Русские подданные для проезда в Бухару должны были получать от своего правительства «билеты на свободный проезд за границу». Русскому правительству было предоставлено право иметь в Бухаре постоянного своего представителя или уполномоченного; не сказано, что этот уполномоченный назначается из Ташкента; но эмир должен был назначить от себя «постоянного посланца и уполномоченного» в Ташкент; о запрещении сношений помимо России с другими державами не говорится. Вопреки тексту договора с Хивой, в договоре с Бухарой плавание по Аму-Дарье предоставляется русским судам только наравне с бухарскими. Об отмене в Бухаре невольничества говорится как о постановлении самого эмира, хотя «в угоду государю императору всероссийскому и для вящей славы его императорского величества»⁴⁸.

Кауфман, подобно Романовскому, старался возвысить блеск дружественного России кокандского хана над блеском бухарского эмира; Худояр-хан уже с 1872 г. был светлостью, тогда как эмир Музаффар оставался до смерти «высокостепенством»; но обстоятельства привели к падению Кокандского ханства и к упрочению власти эмира. Поведение эмира во время событий 1875—1876 гг. было такое же, как во время хивинского похода: по внешности дружественное, но возбуждав-

⁴⁸ В Ташкенте еще в начале 1866 г. произошло «добровольное» освобождение рабов хозяевами, причем первый дал пример другим Сейид-Азим-бай. Впоследствии освобождение рабов происходило везде одновременно с установлением русской власти. На экономическую жизнь Туркестана отмена рабства, по-видимому, оказала меньше влияния, чем можно было ожидать, и потому об этой перемене, внесенной русскими в строй местной жизни, в печати упоминается редко. В книге Наливкиных о Фергане сказано, что там рабы были исключительно дунгане; после уничтожения рабства «большинство рабов покинуло своих прежних хозяев, а рабыни все почти остались на местах» <Наливкин — Наливкина, *Очерк быта женщины*, стр. 111>.

шее подозрение. Уже 10 октября 1875 г. в Ходжент прибыло бухарское посольство с подарками для Кауфмана, но эмир всю зиму простоял с войском в Шахрисябзе, как бы выжидая событий. В это время происходили волнения в местности по верхнему Зеравшану под влиянием прокламаций из Коканда; ожидалось также вторжение каратегинского бека; Абрамов не пускал караванов из Самарканда в Бухару, так как не был уверен в их безопасности. Только по прямому, письменно выраженному желанию русских властей эмир в начале 1876 г. ушел с войском из Шахрисябза в Бухару. Падение Кокандского ханства не принесло эмиру территориальных выгод, кроме упрочения его власти над Каратегинном.

Бухара по своему географическому положению имела для России некоторое значение во время осложнений с Афганистаном и Англией. Переписка Кауфмана с афганским эмиром Шир-Али началась еще в 1870 г., вопреки желанию министерства иностранных дел, находившего, что сношения по афганским делам должны вестись только через Петербург. Кауфман требовал от афганского эмира воздержания от всякого вмешательства в бухарские дела, обещая со своей стороны не вмешиваться в дела Афганистана, хотя в России в это время находился один из претендентов на афганский престол, Абдурахман; письма Кауфмана сопровождались переводом на английский язык, чтобы они могли быть показаны англо-индийскому правительству. Абдурахман, пользовавшийся репутацией необыкновенно храброго воина, после своего бегства из Афганистана прибыл сначала в Хиву, 18 сентября 1869 г., потом в Бухару, наконец в Самарканд, 13 февраля 1870 г., со свитой из 221 человека; получал от русского правительства пенсию сначала в 18 000, потом в 25 000 руб. в год, но был не вполне доволен приемом; он говорил, что при первом приезде в Ташкент ему предоставили экипаж генерал-губернатора, при втором — обыкновенный экипаж, при третьем заставили его идти пешком. В то время Абдурахман был врагом Англии и говорил Скайлеру, что афганский народ не примирился бы с англичанами, даже если бы они подарили ему все доходы Индии, и при всякой войне против англичан в Индии присоединился бы к врагам Англии. В то время (в 1873 г.) он уже научился несколько говорить по-русски; с помощью России он надеялся получить от бухарского эмира разрешение устроить для себя операционную базу в Керки или Ширабаде и оттуда разослать прокламации своим приверженцам. Пока отношения России к Англии оставались дружественными, русская власть не могла поддерживать этих планов, хотя в конце 1875 г. бухарский эмир по собственному почину просил Колпаковского (тогда заменявшего Кауфмана) пропустить Абдурахмана в Афганистан.

Отношения к Англии изменились в 1878 г. В связи с так называемым джамским походом (военной демонстрацией против Англии) про-

исходили сношения с бухарским эмиром. Кауфман телеграфировал министру Милютину, что, по донесению дипломатического чиновника Вейнберга (в том же году умершего, хорошего знатока персидского языка, преемника Струве), эмир обещал оказать всякое содействие русским войскам при проходе через бухарскую территорию; 7 июня Столетов и Разгонов, отправленные послами в Афганистан, представлялись эмиру в Карши, причем эмир выслал за ними свою карету шестериком цугом; во время проезда через Гузар произошло некоторое недоразумение с гузарским беком, вторым сыном эмира; бек первый сделал визит послу, но Столетову этот визит казался запоздалым. Тот же царевич вместе с другими пограничными беками встретил в Самарканде Кауфмана, прибывшего туда 26 июня; 8 июля туда же прибыл посланец эмира с известием, что бекам приказано бесплатно поставить для русских войск провиант и фураж; но в том же месяце поход по высочайшему повелению был отменен. Кауфману не пришлось воспользоваться поднесенной ему киргизами для похода, при адресе, белой юртой⁴⁹; 30 июля он возвратился в Ташкент. Кауфман в то время разделял вражду русских официальных сфер к Англии, хотя в 1876 г. подавал военному министру записку об «общности интересов наших в Азии с Англией; о том, что у нас там общие враги — мусульманство и варварство». В декабре 1878 г. он радовался известиям о неудачах англичан в начале англо-афганской войны и в разговоре с Н. П. Остроумовым выражал сожаление, что его не пустили в Афганистан, хотя и предложили ему отправиться туда «на свой страх, с одним батальоном»⁵⁰. Политические планы Кауфмана (включить Афганистан, как и Бухару, в сферу русского влияния, вырвав его у англичан) не могли осуществиться без военных действий⁵¹.

Отказ от военных действий и в то же время продолжение дипломатических интриг были причиной «безвозвратного», по выражению А. А. Семенова, падения русского престижа в Афганистане, где потом о русских «не могли слышать без ненависти». Кауфман и его сторонники потом старались доказать, что он был неповинен в этом результате; но и в действиях самого Кауфмана было много «двусмысленной» дипломатии, характерной для всего этого эпизода. В инструкции Столетову от 26 мая 1878 г. говорилось о заключении союза с эмиром «на случай вооруженного столкновения нашего с Англией»; в письме к самому эмиру Шир-Али подчеркивалось, что этот союз, полезный

⁴⁹ <Об этом подарке, преподнесенном «киргизами Ташкентского уезда» (т. е. казахскими управителями от имени казахского населения), см. Остроумов, *Воспоминания*, стр. 60. — В. Р.>

⁵⁰ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 83.>

⁵¹ <В. В. Бартольд имеет здесь в виду войну между царской Россией и Англией. Проводя завоевания в Средней Азии и соперничая с Англией за влияние на Среднем Востоке в целом и, в частности, в Афганистане, царское правительство опасалось войны с Англией и стремилось избежать ее. — В. Р.>

России, «много раз был бы полезнее» для эмира. При таких условиях трудно согласиться с тем, что афганцам обещали эти выгоды только в случае их присоединения к воюющей России, а не в том случае, если они до объявления войны Россией вызовут разрыв с Англией. Во время приема афганского посольства 12 февраля 1879 г., уже после поражения афганцев, Кауфман выразил послам пожелание, чтобы бог помог Шир-Али-хану победить англичан (Шир-Али тогда уже умер, но известие о его смерти еще не было получено), и только «дипломатически промолчал» после ответа послов: «Мы надеемся, что русский государь поможет нам, тем более что помочь нам не трудно и удобно»⁵².

Некоторую надежду мог вызвать в афганцах приезд новых русских посланцев; по-видимому, и бухарский эмир готовился к событиям; в октябре 1878 г. генерал Матвеев был принят им в городе Китабе. После смерти Шир-Али, когда русские власти не имели никаких причин увеличивать затруднения его преемника, Я'куб-хана, Кауфман 19 марта 1879 г. получил от начальника главного штаба графа Гейдена телеграмму, где высказывалась мысль о полезности отправить в Афганистан Абдуррахмана; того же мнения держался Гродеков, совершивший в 1878 г. секретную поездку в Афганистан, донесение о которой было получено в Петербурге раньше. Кауфман резко высказался против этой мысли, и все-таки желание правительства было им выполнено⁵³. В мае он отправился в Петербург, 5 ноября вернулся в Ташкент, где в его встрече принимали участие бухарские послы и сам Абдуррахман; 11 ноября Кауфман шифрованной депешей на имя военного министра испрашивал высочайшего соизволения на выдачу Абдуррахману денег; 30 ноября, получив деньги, Абдуррахман уехал, причем официально было объявлено, что он скрылся и разыскивается, в действительности же ему оказывалось всякое содействие; бухарскому эмиру было предложено не задерживать афганцев и дать такое же предписание бекам. Эмир Музаффар выполнил это распоряжение, но никакого открытого содействия беглецу оказать не хотел; на письмо Абдуррахмана, посланное из Магиана, он ответил, что «видеться с сердаром он не желает, а равно и никого не назначит сопровождать его при проезде через бухарские владения». Это заставило Абдуррахмана ускорить свой проезд. Впоследствии имя Абдуррахмана пользовалось большим престижем среди туркестанских мусульман; на обратном пути из Мекки многие из них посещали Кабул. Смуты в Афгани-

⁵² <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 95.>

⁵³ <Кауфман резко высказывался против возвращения Абдуррахмана в Афганистан в то время, когда это могло создать затруднения борьбе афганцев с английскими завоевателями, что было невыгодно для соперничавшей с Англией царской России. После отстранения англичанами Я'куб-хана от власти обстановка изменилась и соответственно изменилось отношение Кауфмана к возвращению Абдуррахмана. См. Халфин, *Провал британской агрессии*, стр. 128. — В. Р.>

стане в начале 80-х годов привлекли в Россию другого афганского претендента, Исхак-хана; кроме того, в бухарские владения явились переселенцы из Афганистана, хезарейцы и узбеки.

Празднование двадцатипятилетия царствования Александра II 19 февраля 1880 г. происходило в Ташкенте в присутствии бухарских послов; в тот же день в Карши, где находился эмир, капитан Арандаренко принял поздравление сначала от сановников, потом от самого эмира; утром в Карши был парад, вечером иллюминация. Хивинский хан и наследник эмира присутствовали в 1883 г. на коронации Александра III.

К концу своего царствования эмир уже иначе принимал русских послов, чем прежде. Скайлера эмир принял в 1873 г., сидя по-восточному на коленях, в 1883 г. он принимал кн. Витгенштейна, в присутствии Мозера, сидя на троне со спущенными ногами, не доходившими до полу, в фантастическом мундире, с генеральскими эполетами, в орденах, причем кроме русских орденов им был надет учрежденный им по случаю коронации бухарский орден восходящей звезды. Первым министром (кушбеги) оставалось то же лицо, как во время проезда Петровского в 1872 г., о котором Петровский отзывался с некоторой симпатией⁵⁴. Прием русских, конечно, не походил на церемониал приема эмиром его подданных; в этом случае старый церемониал сохранялся до конца. А. А. Семенов в июне 1907 г. в Зияуддине был свидетелем приема эмиром некоторых беков, которые ползком приближались к эмиру, сидевшему на высокой тахте; эмир клал беку на голову руку, которую тот целовал, прикладывая ее к своему лбу и водя ею по лицу. На вопрос А. А. Семенова о значении этого обычая эмир ответил: «Мы подобны ишану, а они подобны нашим мюридам». В 1902 г. А. А. Семенов видел в Чарджуе торжественный выезд эмира, причем рядом с экипажем бежали пешком высшие сановники и даже наследник престола, будущий эмир Мир Алим⁵⁵.

О личности и царствовании Музаффара высказывались различные мнения. Вамбери, видевший его в начале его царствования, описывает его как доброго, справедливого и популярного правителя; таким же в начале своего царствования считался его отец Насрулла, впоследствии прославившийся своим тиранством. По словам Скайлера, эмира Музаффара народ в 1873 г. также ненавидел за его несправедливость и

⁵⁴ Пославский, бывший в Бухаре в 1886—1887 гг., уже говорит о «всегда веселом и сановитом старце» как о покойнике, при этом говорится, что его любимым сравнением было сравнение России и Бухары с двумя плотно прижатыми друг к другу указательными пальцами.

⁵⁵ <Приведенные здесь детали, характеризующие церемониал приема беков Абдал-Ахадом (в июле 1907 г.) и его выезд в апреле 1902 г. из Старого Чарджуя к железнодорожной линии, изложены В. В. Бартольдом на основании устного рассказа А. А. Семенова. Подробнее см. Семенов, *Очерк устройства*, стр. 21—22. — В. Р.>

жестокость. При нем и его преемниках продолжалась система поборов, разорявших народ; средством грабить высших сановников было посещение их эмиром — высокая честь, за которую приходилось расплачиваться дорогими подношениями; эмир, по словам проф. Веселовского, посещал только тех сановников, которых хотел наказать и разорить. Не изменилась и система наказаний; во время пребывания в Бухаре в 1884 г. астронома Шварца с генералом Матвеевым с большого минарета в Бухаре был сброшен вор, укравший большую сумму у богатого купца; эмир велел его зарезать, но после его признания в расхищении вакуфных имуществ наказание было усилено; по словам Шварца, преступник будто бы нарочно добивался этого, предпочитая этот род смерти смерти под ножом. Во внутренние дела ханства Россия не вмешивалась. Кауфман, по словам не только русских, но и англичан, называл эмира исправнейшим из своих уездных начальников; однако Н. П. Остроумов в феврале 1878 г. слышал от Кауфмана слова с намеком на Колпаковского, что некоторые военные губернаторы воображают себя такими же независимыми, как бухарский эмир⁵⁶.

Отношения России к Бухаре фактически несколько изменились после проведения через бухарские владения железной дороги. Вопрос о проведении железной дороги от берега Каспийского моря в Самарканд, т. е. через бухарские владения, был решен при Черняеве; фактически изыскания в бухарских владениях производились в 1886 г. и вызвали только некоторые волнения, усмирённые без применения военной силы; инженер Пославский отмечает факт, что «в Бухаре не было ни одного случая фанатического злоумышления» против железной дороги; известно, что туземцы очень скоро привыкли ею пользоваться.

В связи с проведением железной дороги находилось фактическое использование статей договора 1873 г., до тех пор оставшихся мертвой буквой: о судоходстве по Аму-Дарье (в 1887 г. была восстановлена Аму-Дарьинская флотилия) и о должности постоянного русского представителя в Бухаре. Генерал-губернатор Розенбах стоял за создание этой должности и вообще за поднятие престижа бухарского эмира как друга России, но представлял себе это должностное лицо в виде торгового консула, подчиненного генерал-губернатору (по проекту Арандаренко); вместо этого было создано политическое агентство, подчиненное министерству иностранных дел. Роль агента все более сводилась к роли представителя России при иностранном государе; только первые агенты, Чарыков, Лессар и Игнатьев, понимали свою роль в смысле прав и обязанностей английских резидентов при индийских государях; поднятый Лессаром в 1891 г. и Игнатьевым в 1895 г. вопрос о контроле над финансовым хозяйством Бухары, однако, не получил дальнейшего движения и после смерти Игнатьева (1902 г.) больше не воз-

⁵⁶ <Остроумов, *Воспоминания*, стр. 40.>

буждался. Преемники Игнатьева и близкие к ним лица принимали от эмира богатые подарки, как и лица, близкие к генерал-губернаторам со времени Розенбаха.

Запрещение принимать подарки было издано еще в 1880 г. Кауфманом; о несовместимости подарков с достоинством русской власти писал военный министр новому генерал-губернатору Черняеву 26 декабря 1883 г., в том же году этот вопрос возбуждался министром иностранных дел Гирсом; но подарки все-таки принимались, особенно дамами, которых эмир стал приглашать в свой дворец. От подарков не отказывались ни военный министр Куропаткин, ни ревизионная комиссия графа Палена 1908 г., которой Николай II при ее отъезде поручил передать его поклон эмиру; по язвительному замечанию покойного Петровского в частном письме, поклон оказался настолько тяжелым, что комиссия повезла его в полном составе. Только в конце 1908 г. новый генерал-губернатор Мищенко (занимавший эту должность только до весны 1909 г.) решительно отказался принять предложенный ему подарок.

Эмир до некоторой степени достиг той цели, к которой в конце своего царствования стремился его отец, когда в 1884 г. заявил, что «он, как владетельная особа, имеет право сношения с самим русским императором непосредственно» и даже решился задержать русскую военную миссию, пока ему не будут присланы две тысячи винтовок. Сношения бухарского правительства с политическим агентством впоследствии происходили большею частью не от имени эмира, а от имени кушбеги.

На проникновение в Бухару русского элемента пароходство оказало больше влияния, чем железная дорога. В договоре 28 августа 1888 г. «об устройстве поселений при железнодорожных станциях и паромных пристанях в Бухарском ханстве» из железнодорожных станций кроме Бухары упоминается только Чарджуй, представлявший в то же время паромную пристань; других русских поселений вдоль железной дороги, кроме нового Чарджуя и новой Бухары, не возникло. Устройство пароходства и объединение Бухары с Россией в гаможеном отношении, объявленное в 1894 г., по настоянию Лессара, в виде высочайшей воли без формального договора (эмиром летом 1894 г. был издан соответствующий приказ, о чем кушбеги уведомил политического агента), имело последствием размещение вдоль южной границы ханства ряда гарнизонов.

Особенное значение имели гарнизон и поселение в Керки, где был потом один из главных ковровых базаров; русские поселения распространились вверх по реке до Сарая, где в 1907 г. была построена «самая отдаленная церковь в Средней Азии». Керкинский гарнизон имел случай оказать эмиру такую же услугу, как петро-александровский хивинскому хану; благодаря ему эмир получил возможность на-

ложить новые подати на туркмен. Термез на Аму-Дарье был конечным пунктом новой железной дороги (из Бухары на Карши и Керки), задуманной еще в 1892 г., но начатой только в 1913 г., когда разрешение на ее постройку было дано инженеру Ковалевскому (об этом кушбеги письмом уведомил политического агента), и законченной в 1916 г.; предполагавшаяся ветка от Карши на Шахрисябз и Китаб тогда построена не была. Гораздо раньше Термез был соединен почтовым трактом с Самаркандом через Шахрисябз, открытым 1 января 1902 г.; в 1903 г. в Термез проехал генерал-губернатор Иванов, но не по тракту, а на пароходе из Чарджуя в Термез и обратно. Это была первая поездка главного начальника Туркестана до южных пределов Бухарского ханства.

Сведения о состоянии ханства вдоль железнодорожных, пароходных и колесных путей подробнее всего изложены в путеводителе Гейера и дают представление об успехах, достигнутых к тому времени в этой части ханства по крайней мере материальной культурой. Выгодами торговли, кроме русских, пользовались армяне, особенно в Чарджуе и Керки; в Чарджуе ими содержались европейские гостиницы; кроме того, в русском Чарджуе были «посольский дом, военное собрание, мировой судья, русская школа, управление воинского начальника, казначейство, почтово-телеграфная контора и церковь». В новой Бухаре были отделение государственного банка, аптека, два аптекарских магазина, два хлопкоочистительных завода, три гостиницы, общественное собрание, библиотека; в старой Бухаре было отделение московского международного банка⁵⁷; ни тот, ни другой банк не заботились о мелком кредите, остававшемся всецело в руках ростовщиков-индийцев. Дом кушбеги в старой Бухаре и политическое агентство в новой были соединены между собой телефоном, единственным в ханстве. В городе Кермине, резиденции эмира, никаких европейских учреждений не было, но европейское влияние отразилось на внутренней отделке дворца эмира, по внешности не отличавшегося от дома зажиточного сарта. Русская часть была и в Керки, где имелось «много построек европейского типа, оживленный базар (ковровый рынок), европейские магазины, почтовая контора, казначейство и военное собрание». Поселение Термез, между развалинами старого города и кишлаком Патта-Гиссаром, в то время еще только возникало.

Из городов внутренних областей ханства особенное значение имели Карши, центр привоза земледельческих продуктов Гиссарского края, местного виноградарства, кондитерского производства и маслобойной промышленности, в местности, считавшейся житницей ханства, и Гузар, центр торговли скотом. Хлопководство на Зеравшане зави-

⁵⁷ <Имеется в виду Петербургский Международный коммерческий банк. — Ю. Б.>

село от количества воды и потому больше всего процветало в Зияудинском бекстве, первом на Зеравшане в бухарских владениях, куда поэтому доходило больше всего воды. Путешественник обратил внимание на исчезновение тюрем прежнего типа, так называемых «клоповников», и замену их более благоустроенными тюрьмами, хотя преступники и там сидели в кандалах. В более отдаленном Байсуне путешественник Рикмер-Рикмерс еще в 1906 г. видел преступников, прикрепленных цепями за шею друг к другу и вытаскиваемых из ямы, лишенной всякого света⁵⁸.

Вообще в русской научной печати делались справедливые возражения против панегириков эмиру Сейид Абд ал-Ахаду (1885—1910). Получивший сначала титул светлости, потом титул высочества, причисленный к Терскому казачьему войску, носивший мундир этой казачьей части и одевший в тот же мундир часть своей бухарской гвардии, генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии и кавалер ордена Андрея Первозванного, совершивший несколько путешествий в Петербург, Крым и на Кавказ, несколько говоривший по-русски, эмир по внешности, конечно, резко отличался от своего предшественника и производил хорошее впечатление на членов русского политического агентства; но в душе он оставался таким же восточным деспотом, и мер к изменению системы управления при нем не принималось. Посетивший Бухару в начале его царствования Пославский видел на Ригистане большую лужу свежей крови, оставшуюся после казни в то же утро, посредством перерезания горла, нескольких преступников; только казней посредством сбрасывания с минарета при нем не было; возможно, что описанное Шварцем происшествие 1884 г. было в этом отношении последним. В 1888 г. убийца сановника Мухаммед-Шерифа диван-беги был выдан, по старинному мусульманскому обычаю, родственникам и слугам убитого и подвергнут ими смерти после долгих истязаний⁵⁹.

В январе 1910 г., в последний год царствования эмира, произошли беспорядки в Бухаре, в русской печати объяснявшиеся различно; одни видели в них только проявление суннитского религиозного фанатизма, направленного против чиновников из персов-шиитов с кушбеги Астанакулом во главе и против ненавистных фанатикам «новшеств» самого эмира; по мнению других, истинной причиной восстания были поборы чиновников-шиитов и вообще система управления, остававшаяся в 1910 г. той же, как в 1868. Волнения были усмирены русскими войсками, и их предводителем, генералом Лилиенталем, была устроена эффектная сцена: главные представители обеих религиозных групп, суннитов и шиитов, должны были подать друг другу руки и поцеловаться. Судебного разбирательства после беспорядков не было, и си-

⁵⁸ <См. Rickmers, *The Duab*, p. 474.>

⁵⁹ <Ср. Абд ал Азим Сами текст, 111—112; пер., 118.>

стема управления оставалась прежняя; восставшие, по-видимому, были удовлетворены отставкой кушбеги и сами высказывались с одобрением о некоторых других должностных лицах, как о реисе и шахрисябзском беке, старавшихся успокоить народ во время резни; жизнь приезжавшего в Бухару наследника (в том же году потом вступившего на престол) также не подвергалась никакой опасности.

Вопрос о том, насколько деспотическое управление отражалось на благосостоянии ханства, насколько материальный и культурный уровень его населения был ниже или выше того, что наблюдается в это же время в других областях Средней Азии, еще не был предметом беспристрастного исследования. В одном из панегириков Сейид Абд ал-Ахаду благосостояние подданных эмира противопоставляется бедственной жизни подданных англо-индийского правительства: «В то время как в Индии, управляемой хвастливыми англичанами, народ гибнет от голода, ропщет и поднимает восстания против своих притеснителей, счастливая Бухара, оберегаемая Россией, блаженствует и благословляет свою судьбу». Противоположную крайность представляют отзывы о Бухарском ханстве в известных трудах Д. Н. Логофета⁶⁰.

Более объективные данные можно найти в наблюдениях путешественников. Гейеру в Карши пришлось видеть сцены, в то время немыслимые в русских пределах, по крайней мере в больших городах; в чайхане прислуживали «разряженные в шелковые халаты мальчики, ноги которых украшены браслетами с погремушками» — наглядный пример, насколько преувеличено представление о строгости нравов под властью мусульманских правителей. Личный образ жизни эмира тоже не отличался от образа жизни его предшественников. Пославский в 1887 г. слышал в Бухаре поговорку: «Что ты важничаешь? уже не стал ли ты родственником эмира?» Эмир в это время постоянно менял своих жен и брал их до сотни в год. Что касается экономической жизни, то один из главных вопросов — насколько страдала масса населения от земельных прав династии, служилой аристократии и духовенства. Масальский замечает в своей книге, что ни у хивинского хана, ни у бухарского эмира нет таких обширных личных владений, как мургабское государево имение. Зато эмир был одним из крупных промышленников своего государства, владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов; население вынуждено было сдавать хлопок на заводы своего государя по значительно пониженным ценам; кроме того, эмир занимался скупкой каракуля и ежегодно отправлял его в Москву на 15 миллионов рублей. «Мильки» служилой аристократии в бухарском районе, по-видимому, были более значительны, чем в самаркандском; несмотря на то что в Самаркандской области отмена милькового пра-

⁶⁰ См. особенно: Логофет, *Страна бесправия*, стр. 153: «Можно думать, что если бы Англия владела Бухарою, то и Бухара в самое короткое время совершенно изменила бы свой вид, превратившись в культурную страну».

ва не вызвала никаких волнений, в Бухаре эта реформа, в случае присоединения ханства к России, по мнению Пославского, не могла бы быть проведена без применения силы. Владельцам мельков, однако, не было предоставлено над возделывавшими их землю пахарями таких прав, как бывшим русским помещикам, и Логофет неправильно говорит о существовании в Бухаре «крепостного права, при котором каждый чиновник в зависимости от своего чина имеет определенное количество дворов из подчиненного ему населения для содержания»⁶¹. Некоторые из вакфов по своим размерам также соответствовали особым административным единицам. Одним из участников работ 1889 г., полковником Белявским, описывается лянгарский вакф в горах к востоку от Гузара⁶²; вакфом управлял мутеваллий из потомков святого по назначению эмира (фактически управление обыкновенно переходило от отца к сыну), на правах бека, имея в своем распоряжении двух амлякдаров. Мутеваллий собирал доходы в пользу мечети и мазара, себя и своих сородичей; для населения он был в одно и то же время «светским администратором и ишаном».

Фактические доказательства в пользу мнения, что деспотизм эмира и беков мог «в дальнейшем цветущую страну превратить в мертвую пустыню», трудно было бы привести. Вид с перевала Тахта-Карача на цветущую долину верховьев Кашка-Дарьи произвел такое же впечатление на Белявского в 1889 г., как на Петровского в 1872 г.; о богатстве оазиса Шахрисябза и Китаба говорит и Рикмер-Рикмерс, приезжавший туда в 1898 г. и 1906 г. с юга⁶³. Цветущая культура была и по низовьям Кашка-Дарьи; от Карши до кишлака Никаз на север (12 верст) и до кишлака Яныкент на юг (26 верст) тянулась при Гейере сплошная культурная полоса⁶⁴. Плодородием, по словам Гейера, отличалась и местность вдоль Ширабад-Дарьи, где от Ляйлякана начинались рисовые плантации; для скупки продуктов сельскохозяйственной культуры в Ширабадское бекство приезжали армяне из Закаспийской области. Возникали и новые отрасли хозяйства; в кишлаке Никаз (составлявшем вакф каршинского медресе), по словам Гейера, «недавно» стали сеять хлопок, «недавно же здесь начали заниматься разведением каракульских овец»⁶⁵. На отдельных отраслях хозяйства иногда сказывался произвол беков. Белявский обратил внимание на обилие табачных плантаций в Шахрисябзе и отсутствие их в Китабе;

⁶¹ <Юридически в Бухаре не было крепостного права, аналогичного существовавшему в дореформенной России; однако крестьяне подвергались жестокой эксплуатации, степень их зависимости от феодалов была велика. См.: Гафуров, *История*, стр. 422—425; Семенов, *Очерк устройства*, стр. 11—13; Кисляков, *Патриархально-феодальные отношения*, стр. 100—119. -- В. Р.>

⁶² <См. Белявский, *Описание*, стр. 109 и сл.>

⁶³ <См. Rickmers, *The Duab*, p. 478.>

⁶⁴ <См. Гейер, *Путеводитель*, стр. 125—126.>

⁶⁵ <Там же, стр. 126.>

ему объяснили, что «несколько лет тому назад» произошло увеличение табачного сбора в Китабе и уменьшение его в Шахрисябзе⁶⁶. Вследствие сопротивления бухарского правительства не осуществились некоторые проекты по орошению степей и осушению болот, как составленный в 1880-х годах Лессаром проект проведения в каршинскую степь канала из Аму-Дарьи (смета была исчислена в 7 млн. руб.) и составленный Гельманом в 1896 г. проект осушения болот вокруг Бухары (смета всего на 120 000 руб.); на последние работы бухарское правительство, по настоянию Лессара, сначала изъявило согласие, но после ухода Лессара дело заглохло. Состояние оросительных систем оставалось, однако, больным местом и в областях Туркестана, находившихся под русским управлением.

Безусловно хуже, чем в областях генерал-губернаторства, были пути сообщения. Арбяные дороги в западной части ханства редко подвергались исправлению, хотя, как в России, дороги приводились в возможно лучшее состояние перед проездом высоких чиновников. При Насрулле (1827—1860) была проведена дорога от Карши до Аму-Дарьи для перевозки артиллерийских орудий; никаких подобных сооружений при Сейид Абд ал-Ахаде не было. Когда русскими было решено строить дорогу из Самарканда в Термез, то первоначально предполагалось выполнить эту работу на средства эмира (смета была исчислена в 170 тыс. руб.), но упорные отписки бухарского правительства заставили построить дорогу на средства русского военного ведомства. В равнинных местностях население, как говорят, следовало правилу «куда поедешь, там тебе и будет дорога», и старалось проникнуть на арбе везде, где это было возможно. К востоку от Гузара никаких колесных экипажей, даже арб, не употребляли и довольствовались вьючными путями, хотя следы прежних, более совершенных дорог доходили до Гарма в Каратегине. Бухарским населением, без расходов из русской казны, была устроена колесная дорога из Керки вдоль Аму-Дарьи до Чубека и оттуда до Куляба; эта дорога, по словам Логофета, «разработана плохо и лишь по нужде может быть названа колесной»⁶⁷; но такие же жалобы мне приходилось слышать на устроенный русскими тракт Самарканд — Термез. Тем не менее провоз товаров по таким дорогам был довольно значителен. Уже Гейер говорит о десятках тысяч пудов льна, доставлявшихся на маслобойные заводы Карши из бекств Денауского, Гиссарского, Кафирниганского, Бальджуанского и Кулябского; о значении Гузара, как главного скотского рынка; об оживленном движении караванов с шерстью, льном, пшеницею, кунжутом, кожами и пр. в течение всего лета по караванной дороге Куляб — Байсун — Гузар.

⁶⁶ <Белявский, *Описание*, стр. 88.>

⁶⁷ <Ср. Логофет, *Страна бесправия*, стр. 125—126.>

Этнографическое последствие развития при русском владычестве торговых сношений — вытеснение иранского языка языком большинства населения, турецким, — сказывалось и в Бухарском ханстве, хотя и в меньшей степени. В самой Бухаре мне пришлось слышать и в 1920 г., хотя только один раз, слова *турки немидонем* ('по-турецки не знаю'). О вытеснении и здесь иранского языка свидетельствуют слова Белявского, что «образованные бухарцы» говорят Шаар-Сабиз (часто приводится также произношение Шаршауз) и что «принятое у нас выражение Шахрисябз считается у них извращением в просторечии слов Шаарсабиз»⁶⁸ (в действительности, *сабиз* — турецкое произношение персидского *себз* 'зеленый')⁶⁹. Интересно тоже сообщение Белявского, что жители Дербента, которые при Маеве (1878 г.) были «совершенно не знакомы с тюркским языком», при нем (1889 г.), подобно другим таджикам, «понимали и общеупотребительный тюрко-сартский язык»⁷⁰.

Городская жизнь в Бухарском ханстве, по-видимому, развивалась медленнее, чем в русских пределах, хотя точных статистических сведений об этом, конечно, не имеется. О самой Бухаре Рикмер-Рикмерс говорит только в кратких словах, что теперь (книга издана в 1913 г., предисловие помечено ноябрем 1912 г., путешествия автора закончились, по-видимому, в 1908 г.) город не совсем тот же, каким он видел его 18 лет тому назад⁷¹. По словам Галкина, в районе работ 1889 г., в состав которого входило все ханство, кроме областей Куляба, Бальджуана и Дарваза, городские жители составляли всего около 15% населения, из них около 10% приходилось на ремесленников и торговцев, а 5% на пролетариев-поденщиков⁷². После Бухары и Карши третье место принадлежало Шахрисябзу; по Логофету, в Карши 70 000 человек, в Шахрисябзе 30 000; но по Рикмер-Рикмерсу (1906 г.) Шахрисябз почти так же велик, как Карши, и некоторые уже отводят ему второе место вместо третьего; из этого можно сделать вывод о некотором росте города сравнительно с прежним временем. Меньшим оживлением отличались города восточной части ханства; всего противоречивее сведения о Ширабаде, где, по Логофету, всего 3000 человек, тогда как «бухарская официальная статистика», по словам Гейера, еще в конце XIX в. насчитывала до 20 000. С другой стороны, у Логофета определяется в 20 000 человек население города Дюшамбе, названного у Масальского только «довольно значительным городом». Гиссар, место-

⁶⁸ <Ср. Белявский, *Описание*, стр. 87.>

⁶⁹ <Ср. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр. 23 и 88, прим. 26. По словам М. Е. Массона, в обиходе город до сих пор часто именуется «Шаар» или «Шаршауз», форма же «Шаар-сабиз» — европейское искажение. — Ю. Б.>

⁷⁰ <Белявский, *Описание*, стр. 105—106.>

⁷¹ <Rickmers, *The Duab*, p. 92.>

⁷² <Галкин, *Очерк*, стр. 15.>

пробывание гиссарского бека или кушбеги, главы всей восточной части ханства, в легнее время почти совершенно покидался жителями, отправлявшимися вместе со своим беком в город Каратаг, разрушенный землетрясением 8 октября 1907 г.; переезд, по описанию Рикмер-Рикмерса, продолжался всего 6 часов, но перевозилась вся обстановка бека, даже архивы и заключенные в кандалы преступники; весь обоз требовал целой армии верблюдов, лошадей и ослов. Даже в городах восточной части ханства, например, в Бальджуане и в Кулябе, у беков были помещения для гостей, устроенные на европейский лад. Куляб произвел на Рожевица (в 1905 г.) впечатление самого благоустроенного города (после старой Бухары, «где во всем виднеется европейская цивилизация»); вдоль главных улиц было даже сделано «что-то в роде панели»⁷³.

Панегиристы эмира видели признак благосостояния Бухарского ханства сравнительно с Афганистаном в том, что после памирского разграничения 1892—1895 гг. часть населения из уступленных Афганистану областей перешла в пределы ханства; указывали и на другие случаи таких переселений, объясняемых в одном из отчетов 1889 г. (Галкина) так, что «существующие условия жизни бухарских подданных, хотя и не выдерживают критики с европейской точки зрения, представляются, тем не менее, заманчивыми для угнетенного и обездоленного населения Чар-вилаета»⁷⁴ (Афганского Туркестана); поэтому выражалась надежда, что переселения будут продолжаться и дальше, тем более что бухарское правительство шло навстречу переселенцам и отводило им свободные земли в долине Сурхана и соседних областях. С другой стороны, Логофетом отмечается начавшееся в 1902 г. и к 1909 г. принявшее характер «массового движения» переселение жителей сарайской долины в афганские пределы, причем этому способствовало «хорошее качество земли, отводимой переселенцам из России» в Афганистане. Из этого можно заключить, что переселения происходили в обоих направлениях и что оба правительства находили для себя выгодным привлекать переселенцев⁷⁵. Еще любопытнее отмеченный тем же Логофетом факт переселения киргизов из русских преде-

⁷³ <Рожевиц, *Поездка*, стр. 620.>

⁷⁴ <Галкин, *Сурханская долина*, стр. 373.>

⁷⁵ <В. В. Бартольд верно констатирует факты, но при объяснении причин переселений не указывает на чрезвычайно тяжелое положение трудящихся как в Афганистане, так и в Бухарском ханстве. Именно этим обстоятельством, по наблюдениям очевидцев, объяснялись, в частности, переселения таджиков, узбеков и туркмен из Северного Афганистана в пределы Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. Однако переселенцы, искавшие лучшей доли, не находили ее; в течение первых двух — трех лет в Бухарском ханстве переселенцам предоставлялись различные льготы, но затем, как отмечается русским таможенным чиновником Ковалевым, в течение 14 лет служившим в Бухаре, «бухарские власти обращаются с ними не лучше, чем обращались афганские». См. Ковалев, *Отчет*, стр. 10—11. — В. Р.>

лов в Бухарское ханство, в бекства Гиссарское, Кулябское и Курган-Тюбинское, где им приходилось платить подати в одно и то же время русскому правительству, хотя и через посредство гиссарского кушбеги, и бухарскому; переселенцы занимались частью земледелием, частью скотоводством. Из этого видно, что по крайней мере киргизы не всегда оказывали русской власти предпочтение перед бухарской⁷⁶.

В отошедших к Бухаре после разграничения областей — Шугнана, Рошана и части Вахана — управление бухарского эмира, по словам Логофета, «в короткое время привело к полному разорению всего их населения». Одинаковые отзывы об этом управлении дали начальник памирского отряда полковник Арсеньев и секретарь политического агентства барон Черкасов. Вернувшиеся под покровительством России на родину шугнанцы, раньше бежавшие на русскую территорию и в Афганистан, подверглись насилиям со стороны бекских нукеров, были «подвешены за связанные назад руки, подвергнуты избиению нагайками» и освобождены казаками из Хорогского поста. Это вызвало столкновение между бекем и начальником Хорогского поста, во время которого бек был подвергнут домашнему аресту; споры о компетенции русских и бухарских властей в припамирских областях происходили и после; в ответ на притязания бека «в Вахане страшно возбужденное против него население прислало ему заявление, что убьет всякого бухарского чиновника, который покажется в Вахане, и потом переселится в Афганистан». Спор, конечно, решился в пользу русских властей. При последнем до революции исследователе, И. И. Зарубине (1914 г.), бухарским правительством еще назначался бек для районов хорогского (волости Рошанская и Шугнанская), лянгарского (Ваханская волость) и ишкашимского, но власть его была чисто номинальной, и в управление он не вмешивался. В статье И. Слуцкого, напечатанной в феврале 1910 г.⁷⁷, говорится о поднятом тогда вопросе об обложении припамирского населения податями. Проект был составлен управляющим казенной палатой Ипатовым, но не встретил сочувствия в совете генерал-губернатора. Население припамирских областей и в 1914 г. не платило никаких податей и было обложено только некоторыми повинностями, и только одна из них, дорожная, могла «считаться тяжелым бременем для населения». За все продукты начальствующие лица, в том числе и начальник отряда, чему никак не хотел верить беседовавший с Зарубиным сын дарвазского бека, расплачивались деньгами. Эти порядки казались совершенно невероятными «для бухарских и афганских таджиков», и вообще бухарские и афганские

⁷⁶ <Этот единичный факт, касающийся незначительной части казахов и объясняющийся конкретными обстоятельствами, о которых Бартольд не говорит, является исключением. Как правило, кочевники Средней Азии предпочитали русское подданство власти бухарского эмира и хивинского хана. — В. Р.>

⁷⁷ <См. Слуцкий, *К вопросу*.>

подданные не смели «и мечтать о подобном режиме». Из всего населения Русского Туркестана население припамирских областей имело больше всего оснований благословлять свою судьбу, сравнивая ее с судьбой своих соседей.

В Бухаре оставался до конца незабываемым основным признаком восточного деспотизма — смешение казны государства с казной государя. Даже скромные реформы, возведенные эмиром в манифесте, изданном в апреле 1917 г., не осуществились; вместо совета при кази-каляне из пяти лиц, избранных из своей среды всеми столичными жителями, образовался только совет из пяти уполномоченных (векилей) от столичных мулл, и этот совет сделался опорой кази-каляна против новшеств. Не изменился и характер местного управления. Вплоть до революции 1920 г. беки жили на счет населения, не получая никакого жалованья; в отдельных бекствах — Дарвазе, Каратегине, Кулябе и Курган-Тюбе — «беки чувствовали себя почти независимыми властителями». Но самый факт проникновения в большом числе русского элемента, хотя только в немногих пунктах, вдоль двухверстной полосы железной дороги вдоль таможенной линии, делал невозможным продолжение прежней замкнутой жизни. Представители русской торговли оказались все же более энергичными, чем ожидали деятели эпохи завоевания. В 1872 г. Петровский отметил в Бухаре присутствие русских товаров и отсутствие русских торговцев; вся торговля русскими товарами в Бухаре велась туземцами или татарами; к концу XIX в. в Бухаре были русские банки и торгово-промышленные заведения.

Значение интересов торговли для русского завоевания иногда отрицалось; так, Терентьев возражает против мнения Гирса, что завоевание имело целью «предоставление русским мануфактурам рынка для <сбыта> их произведений», и доказывает, что во время завоевания «о рынках для московских купцов никто и не думал»⁷⁸. Петровский находил, что ради открытия рынков не было надобности предпринимать завоевательные походы; насколько было нужно, рынки были открыты и раньше; к тому же главный политический и торговый центр Средней Азии, Бухара, остался в руках туземного государя⁷⁹. Предельным пунктом распространения русской мануфактуры были тогда Шахрисябзская область и Карши; в Гиссаре русских товаров не было, в Карши они попадали случайно и редко; от Шахрисябза до Карши Петровского угощали пловом из пешаверского риса. Бухара уже в то время безусловно тяготела к русскому рынку; русских бумажных товаров было по крайней мере в шесть раз больше, чем английских; все-таки Петровским высказывается опасение, что при инертности русских торговцев и энергии их соперников бухарский рынок перейдет в руки англичан или их подручников-афганцев; в Бухаре был только

⁷⁸ <Ср. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 324.>

⁷⁹ <Петровский, *Поездка*, стр. 209—210.>

один русский торговец, тогда как можно было считать десятками «приказчиков авганских купцов, беспрестанно шмыгающих из Бухары в Кабул, Пешаур и обратно»⁸⁰. Английский автор (Скрайн) в конце XIX в. с горьким чувством замечает, что эта «страшная опасность» была предупреждена покровительственными пошлинами и Закаспийской железной дорогой.

Решительный шаг был сделан в 1894 г., когда на основании заключений комиссии Кобеко были сняты таможи с русско-бухарской границы и расположены вдоль бухарско-афганской. Этим почти совершенно был прегражден ввоз в Бухару англо-индийских товаров, которым приходилось идти транзитом через Батум, Баку и Красноводск; ввоз русских товаров в ханство «в короткое время достиг 20 миллионов рублей ежегодно». Расширение области сбыта русских товаров, однако, началось и раньше; уже в 1889 г. Галкин говорит о долине Сурхана «как выгодном рынке для мануфактурной промышленности, особенно русской», хотя на этой торговле вредно отражались «непомерные проценты, налагаемые на товары местными купцами»⁸¹.

Меры для сокращения торговли с Афганистаном, выгодно для русских, раньше принимались бухарским правительством в своих собственных интересах, для привлечения продуктов восточных областей в Гузар, Карши и Бухару. Тот же Галкин говорит о Патта-Гиссаре как торговом пункте, тогда не имевшем большого значения «благодаря запрещению бухарского правительства вывозить хлебные продукты в пределы Афганистана»; находившейся у Патта-Гиссара паромной переправой мало пользовались «благодаря застою в торговле с Афганистаном»⁸².

Меры отдельных правительств к открытию и закрытию рынков, в том числе и завоевательные походы, были только бессознательными шагами на пути к осуществлению все более выяснявшегося исторического призвания России — быть посредницей в сухопутных сношениях, торговых и культурных, между Европой и Азией. Время, когда через Туркестан проходил мировой торговый путь из Передней Азии на Дальний Восток, после проведения тракта и потом железной дороги через Сибирь прошло безвозвратно; по той же причине значение Китайского Туркестана для мировой культуры — исключительно в прошлом. Зато области Русского Туркестана имеют первостепенное значение для выполнения другой задачи, еще не разрешенной, — установления на суше европейско-индийского торгового пути. Сюда стремились пионеры русской торговли независимо от всякой правительственной политики; Московским царством только в 1660-х годах был поставлен на очередь вопрос об открытии через Среднюю Азию пути в Индию,

⁸⁰ <Там же, стр. 240.>

⁸¹ <См. Галкин, *Сурханская долина*, стр. 377.>

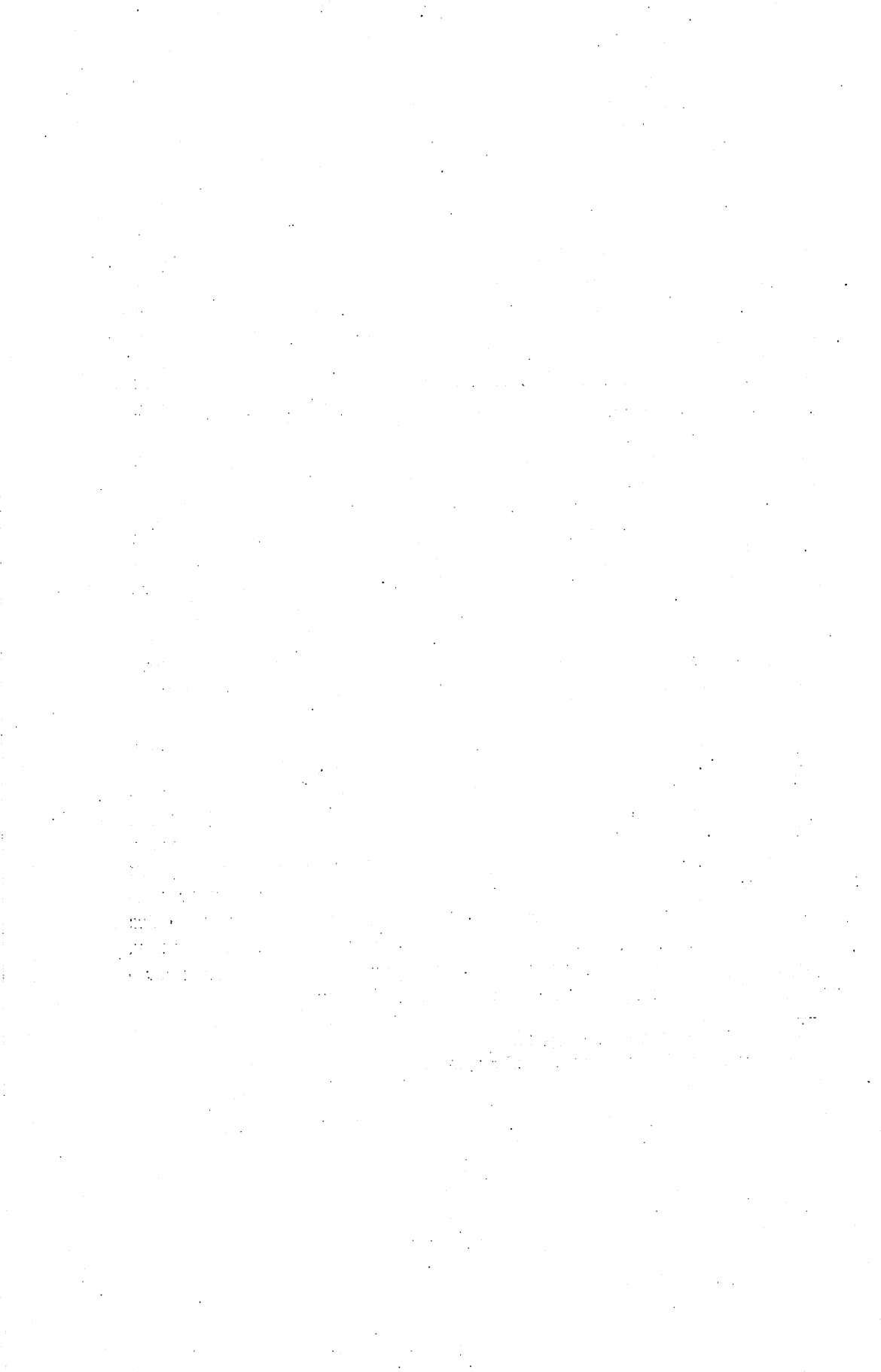
⁸² <Там же, стр. 381.>

тогда как еще в последние годы XVI и первые XVII в. «был для торгу в Бухарех и в Индее семь лет» купец Леонтий Юдин. Что русских, хотя не всегда сознательно, влекли в Азию торговые интересы, понимали и деятели эпохи завоевания. Уже Романовский писал, что торговля России со Средней Азией «и при неблагоприятных условиях существовала и развивалась, особливо же с того времени, когда оказалось выгодным доставлять оттуда хлопок. Так, например, с 1825 по 1850 год, когда общее развитие торговли России с Европою составляло 43%, с Азией оно превышало 300%»⁸³. Значение торговли именно с Бухарой особенно ясно сказалось в 1866 г., когда тем же Романовским были приняты упомянутые выше меры для свободного движения караванов даже в военное время.

Постройка железной дороги из Бухары через Карши на Термез еще более увеличила торговое значение главных городов Бухарского ханства, в ущерб Самарканду. Осуществлению дальнейшей задачи препятствовали политические и экономические опасения как со стороны афганцев, так и со стороны русских и англичан; но после англо-русского соглашения 1907 г. вопрос о русско-индийском рельсовом пути тотчас снова был поднят и статья о нем появилась уже в № 200 «Туркестанских ведомостей» (14 ноября) за тот же год. Тогда предполагалось, что англичане намерены покрыть Афганистан сетью железных дорог; с тех пор это предположение опровергнуто фактами; зато оправдалось другое предположение, высказанное в той же статье, — что Афганистан может сделаться сильным государством, вместо того чтобы быть в положении «глиняного горшка между двумя железными кораблями». Вообще эта метафора, вполне соответствовавшая действительности двадцать лет тому назад, теперь утратила всякий смысл. Не говоря уже о России, обратившейся в СССР, даже Англия теперь говорит не только с Афганистаном, но и с Индией другим языком, чем прежде. В Туркестане, как в Индии, по географическим и историческим причинам, выполнение исторических задач было невозможно без завоевательных походов и без хотя бы временного покорения одних народов другими⁸⁴; но этими мрачными страницами прошлого, конечно, не закрывается путь для более светлого будущего.

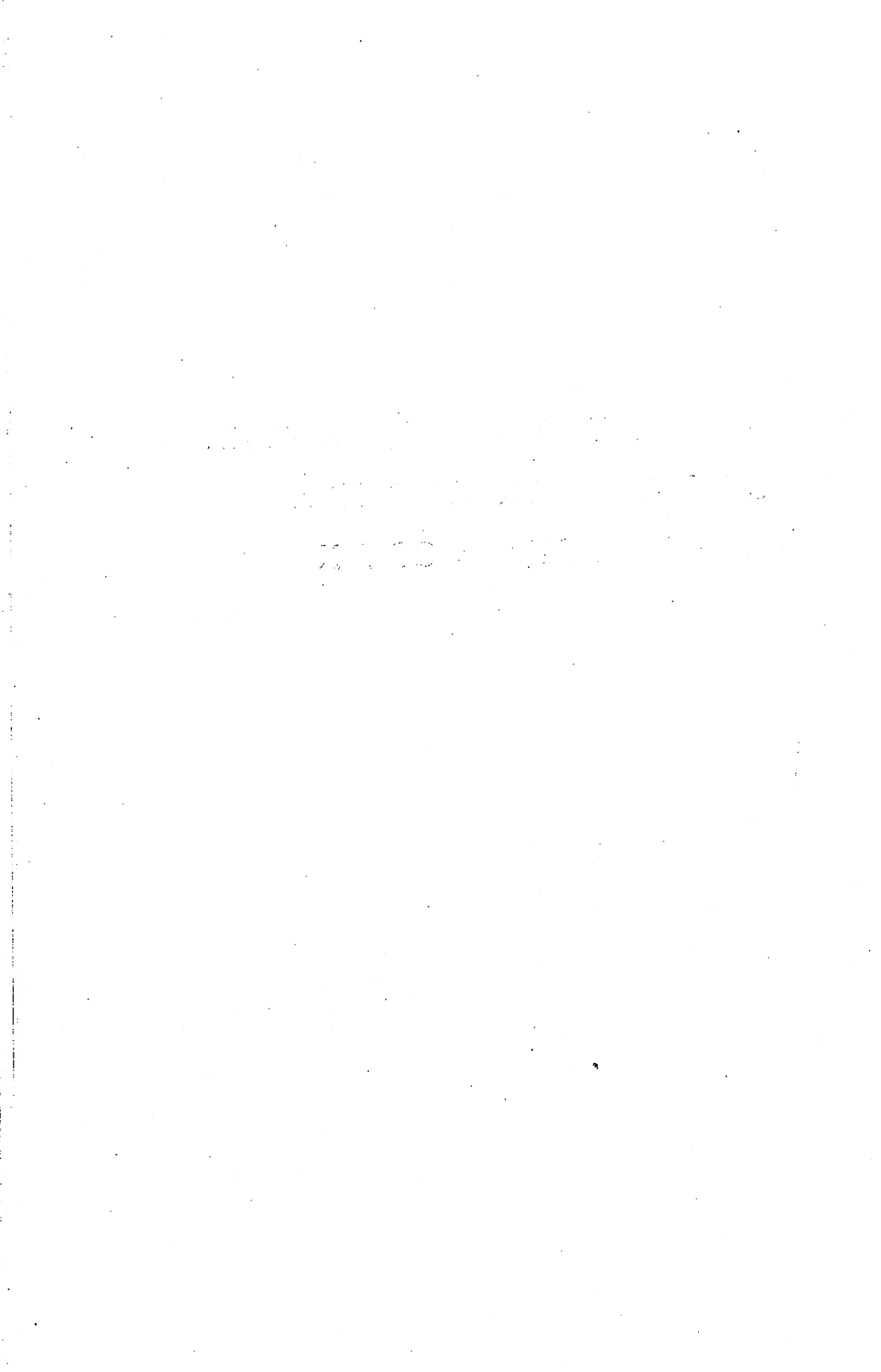
⁸³ <Романовский, *Заметки*, стр. 117.>

⁸⁴ <См. выше, Предисловие, стр. 12 и прим. 20.>

ХЛОПКОВОДСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ
С ИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН
ДО ПРИХОДА РУССКИХ

Первые вполне определенные известия о культуре хлопчатника в Туркестане в обширном смысле слова (со включением областей, теперь входящих в состав Китая) принадлежат китайцам и относятся к VI в. н. э. О хлопководстве в ближайшей к Китаю области Гаочан (округ современного Турфана) говорится почти в одних и тех же выражениях в истории трех южных династий (Нань-чао) V—VI вв. (*Нань-ши*, гл. 79) и в специальной истории династии Лян (502—557), *Лян-шу* (гл. 54). В *Нань-ши*, по переводу Шаванна¹, сказано, что в Гаочане есть «растение, плод которого похож на кокон; в коконе есть волокно, похожее на нитки, которое называют *бодецзе*²; туземцы его собирают и ткут из него материю, отличающуюся чрезвычайной мягкостью и белизной». Слова *Лян-шу*, по переводу Хирта и Рокхилла³: «В Гаочане растет в большом изобилии растение, плод которого похож на шелковый кокон. В коконе есть шелковистое вещество, похожее на тонкую пеньку, которое называют *бодецзе*. Туземцы ткут из него материю, мягкую и белую, и посылают ее на рынки (в Китай)». Из этой последней подробности видно, что в Турфане уже в то время хлопковые ткани выделялись не только для местного потребления, но и для вывоза. Замечательно, что и в *Тан-шу*, истории династии Тан (618—907), известия которой преимущественно относятся к VII и VIII вв. (позже связь Китая с Туркестаном ослабела), о хлопководстве тоже говорится только при описании Турфанского округа, с употреблением того же слова *бодецзе*⁴. В самый Китай культура хлопчатника была перенесена из Средней Азии, как полагают, только в IX или X в.⁵

Вопрос о том, когда в действительности началось хлопководство в Средней Азии, тесно связан с толкованием китайского термина⁶. По

¹ Chavannes, *Documents*, p. 102.

² <Правильно: *бодецзы*. См. также ниже, прим. 10. — Ю. Б.>

³ Чжао Юй-гуа, пер. Хирта — Рокхилла, 218.

⁴ Chavannes, *Documents*, p. 102; также Бичурин, *Собрание сведений*, III, 209, где *байцзе*.

⁵ Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 192.

⁶ <Полученные недавно археологические данные документируют наличие хлопка в Средней Азии уже в первые века н. э. Для VI—VIII вв. существование в Средней Азии хлопководства засвидетельствовано раскопками в Самарканде, Ташкенте и Хорезме. См.: Спиришевский, *Некоторые находки* (там же указана библиография); Рогжановский, *Природа растительных остатков*. — Б. С.>

словам Хирта и Рокхилла⁷, иероглифы, которых звуковое значение *боде*, не связаны с определенными словами китайского языка; кроме того, при транскрипции употребляются не всегда одни и те же иероглифы, но различные, отличающиеся один от другого по значению, хотя произношение одно и то же; из этого делается вывод, что иероглифы придуманы для транскрипции иностранного слова, и высказывается предположение, что это слово — турецкое *пахта* — по словарю Радлова 'хлопчатая бумага, расщипленная бумага', по словарю Будагова 'хлопчатая бумага, вата'. В другом месте⁸ я постарался доказать, что это слово по звуковому составу не турецкое, а представляет причастие страдательного залога от утраченного иранского глагола в значении 'топтать, давить, сжимать', т. е. обозначало собою не растение и не ткань, а вату. Связано ли китайское *боде* именно с этим словом, остается недоказанным; в китайской литературе слово *боде* встречается уже в истории династии младших Хань (*Хю-хань-шу*), т. е. периода 25—220 гг., в рассказе об инородцах южнокитайской провинции Юньнань (гл. 116)⁹, у которых была такая ткань. Если принять теорию Хирта и Рокхилла, то необходимо предположить, что китайцы уже при первых своих сношениях со Средней Азией ознакомились там с хлопководством, усвоили для его обозначения иранское слово и потом применили его к ткани, которую нашли в Юньнани, куда хлопководство, конечно, проникло непосредственно из своей родины, соседней Индии. Из слов более позднего источника, *Вэй-шу* (VI в.), видно, что слово *боде* считалось китайским и что сами туземцы Юньнани называли свою ткань *ланьгань*. Ввиду всего этого сближение китайского *боде* со словом *пахта* представляется спорным, тем более что иероглиф, если не всегда, то большей частью употребляющийся для транскрипции первого слога, имеет нарицательное значение 'белый', подходящее как эпитет для хлопчатобумажной ткани, так что транскрипцией самого названия ткани, может быть, является только второй иероглиф, со звуковым произношением *де*¹⁰. Выражение *бодебу* переводится синологом Э. Бретшнейдером¹¹ 'ткань из белого де'. Правда, ни слог *де*, ни название *ланьгань*, которое слышали китайцы в Юньнани, по-видимому, не могут быть объяснены из тех языков, где мы естественнее всего могли бы надеяться найти такое объяснение, т. е. из языков Индии.

⁷ Чжао Юй-гуа, пер. Хирта — Рокхилла, 218; см. также рецензию: Бартольд, ЗВРАО, т. XXI, стр. 0168 и сл.

⁸ Там же.

⁹ Приводится: Chavannes, *Documents*, p. 102; также Чжао Юй-гуа, пер. Хирта — Рокхилла, 218.

¹⁰ <В древности иероглифы, обозначающие этот термин, произносились *пак-деб* (*b'pak diep* — см. Karlgren, *Phonologie*, pp. 880, 861), так что возражения В. В. Бартольда против сближения этого слова со словом *пахта*, очевидно, отпадают. — Ю. Б.>

¹¹ *Researches*, vol. II, p. 192.

Греки уже во время похода Ксеркса обратили внимание на особую одежду индийских воинов из ткани, представлявшей древесный плод (Геродот, III, 106 и VII, 65); возможно, что имеется в виду *gossypium arboreum*, растение, встречающееся только в тропической полосе, теперь преимущественно в Америке. Как древесное растение хлопчатник упоминается и в ассирийской надписи 694 г. до н. э.¹², причем употребляется термин «дерево шерсти» (ср. противоположное немецкое образование *Baumwolle*, древесная шерсть). Индийского термина ни ассирийцы, ни греки до Александра не знали; после Александра, когда вообще торговые сношения с Индией стали гораздо оживленнее, появился ряд слов¹³, восходящих, по-видимому, к санскритскому *karpasa* и являющихся отголоском как морских, так и сухопутных сношений с Индией. К числу слов, проникших морским путем, относят арабское *курсуф* или *курсуфа* и коптское *korsipion*, отсюда греко-египетское *gossypion* (лат. *gossypium*). Более близки к санскритскому первообразу слова, распространявшиеся с востока на запад путем караванной торговли. Сюда относятся персидское *кирпās* и образовавшееся от него арабское *кирбās*, мн. число *карāбās*, латинское *carbassus* и другие. Санскритское слово было заимствовано также малайцами, в форме *капас*, а значительно позже, чем термин *боде*, малайское слово появилось в китайской транскрипции *губэй*, или *цзибэй*, только с VI в. По-видимому, на западе не вполне отчетливо отличали индийские бумажные ткани от местных пеньковых или льняных; для тех и других часто употребляются одни и те же слова, и только впоследствии некоторыми из этих слов стали обозначать исключительно бумажные ткани. Происхождение некоторых слов остается и до сих пор неясным. Известно, между прочим, как появилось персидское *пембе*, в пехлевийском *памбак*, откуда происходят греческое *bombukion* и русское *бумага*. Пехлевийский термин толкуется как 'дерево, плод которого — шерсть, служащая для одежды'; с персидским словом связывается понятие мягкости, часто оно употребляется в выражениях, где говорится о затыкании ушей, т. е. как со словом *пахта*, так и со словом *пембе* связывалось представление не о растении и не о ткани, но о вате. Не выяснено также происхождение перешедшего в романские языки и в английский (*cotton*) арабского слова *кутун* или *кутй*; от него производят и русское *кутня*, по словарю Даля: 'азиатская полушелковая ткань аладжа'; из древних слов к нему ближе всего подходит греч. *othonion*, мн. число *othonia*, служившее для обозначения не растения и не сырца, а тканей; говорится о приготовлении *othonia* из карпаса.

Насколько широко было распространено хлопководство в областях

¹² См.: King, *An early mention of cotton*, p. 339 sq.; Чжао Юй-гуа, пер. Хирта — Рохилла, 218, и Хвостов, *Очерки*, стр. 131.

¹³ О них Schrader, *Reallexicon*, S. V, «Baumwolle».

Римской, потом Византийской империи и соперничавшей с ней персидской империи Сасанидов, об этом мы не имеем точных данных. Сравнительно больше всего говорится о выделке хлопчатобумажных тканей в Египте; центром этого производства был город Бахнаса¹⁴ к западу от Нила, приблизительно в одинаковом расстоянии от Каира и Суюта. Но и в Египте хлопчатобумажные ткани занимали только второстепенное место в сравнении с льняными и шерстяными; ни в древности, ни в средние века не говорится ни о вывозе хлопка, которому теперь принадлежит такое значительное место в египетской торговле¹⁵, ни о вывозе хлопковых тканей. Из всех областей халифата хлопчатобумажные ткани вывозились в значительном количестве, по-видимому, только из Туркестана; туркестанская хлопчатобумажная промышленность была предметом подражания для Персии; ткани, называвшиеся «мервскими», выделялись, между прочим, и в Западной Персии, в Хузистане¹⁶. Вследствие всего этого маловероятно, чтобы туркестанцы в деле хлопководства и выделки хлопчатобумажных тканей научились чему-нибудь у мусульманских завоевателей; влияние на туркестанскую промышленность египетской относится, по-видимому, только к области выделки льняных тканей¹⁷. Косвенно, конечно, арабское завоевание, установив более тесные торговые сношения между Туркестаном и Западной Азией, должно было способствовать успехам туркестанского хлопководства и хлопчатобумажной промышленности¹⁸.

Как вообще для культурной истории Туркестана, так и для истории туркестанской хлопчатобумажной промышленности важнейшим источником являются сочинения арабских географов X в. Об этом времени мы знаем гораздо больше, чем о других эпохах, как предшествующих, так и последующих; при таком неравномерном распределении материала часто приходится оставлять без ответа вопрос, как и когда установились те условия, о которых говорят авторы этого периода, и как и когда они изменились в ту или другую сторону. Кроме того, не всегда ясно, какие известия должны быть отнесены именно к хлопчатобумажным тканям. Если слово *кутун* (и персидское *кирпās*) всегда значит

¹⁴ Becker, *al-Bahnasā*, S. 601; idem, *Egypten*, S. 17.

¹⁵ По данным 1908 г., из общей ценности вывоза Египта — 21 315 673 егип. фунта — на долю хлопка, шерсти и других текстильных товаров приходилось 7 170 643; под хлопком было около $\frac{1}{5}$ всей возделанной площади (Trietsch, *Levante-Handbuch*, S. 144 sq).

¹⁶ Макдиси, 416, 11.

¹⁷ Об этом Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 246 и 526; <наст. изд., т. I, стр. 295—296>. О ткани *дабик* теперь еще Becker, *Dabik*, S. 922. (материал — лен с примесью золота и шелка).

¹⁸ Замечательно, что в значении 'чистильщик хлопка' в Туркестане употреблялся арабский термин *ваддаф*. Ср. Бартольд, *Народное движение в Самарканде*, стр. 09. От корня *кутн* образовано слово *каттан* в значении 'продавец бумажных тканей'; от корня *безз* — слово *безза* и *беззаз*.

‘хлопок’, то словом *безз* одинаково обозначаются ткани шелковые, полотняные, бумажные и т. п. (также среднеазиатское *баз*, или *бöz*, — русское «бязь»), как и греческое слово *bysos* окончательно было присвоено хлопчатобумажным тканям, может быть, только в конце II или в начале III в.¹⁹

Производство тканей было кустарное и потому сосредоточивалось не в крупных центрах, а в отдельных промышленных селениях, от которых ткани получали иногда свое название и сохраняли его даже тогда, когда выделкой их занимались и в других местностях. Из местностей Самаркандского округа особенно славился своими тканями город (или селение) Ведар²⁰ к северо-западу от Самарканда, в двух (по Ибн Хаукалю) или в четырех (по Сам’ани) фарсах от него²¹, где преимущественно жили арабы. В городе, по словам Ибн Хаукаля²², «выделялись ведарийские хлопчатобумажные ткани, которые надевают целыми кусками, не обрезанными; и нет в Хорасане²³ ни эмира, ни везира, ни казия, ни богача, ни простолюдина, ни воина, который не надевал бы ведарийских тканей поверх того, что надевает зимой; у них это считается признаком изящества и нарядности, так как цвет тканей склоняется к желтому и в них есть мягкость и приятность; эти ткани густые и нежные; цена куска ткани доходит от двух динаров до двадцати; я не раз носил такую ткань пять лет. За ними присылают из Ирака (Вавилонии), вывозят туда и [там] гордятся ношением их».

Город Бухара славился какой-то тканью, для выделывания которой существовала особая мастерская рядом с цитаделью²⁴, между ней и соборной мечетью; об этом подробно говорится в истории Бухары Нершахи²⁵, но не сказано, из какого материала приготавливалась ткань; так как из нее выделывались, между прочим, ковры, то едва ли ткань была исключительно бумажная, хотя выделывали из нее одежду и тоже говорили, «что не было ни царя, ни эмира, ни начальника, ни должностного лица, у которого бы не было одежды из этой ткани; ткань была красная, белая и зеленая». Историк (или его продолжатель) прибавляет: «Теперь более известна, чем та ткань, во всех областях

¹⁹ Хвостов, *История восточной торговли*, стр. 139.

²⁰ Ср. о нем Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 97 <наст. изд., т. I, стр. 146>, где ссылки на источники.

²¹ Фарсах — около 6 верст (пространство, проходимое в час времени).

²² Ибн Хаукаль, 403. Ведарийские ткани выделывались также в Бухарской области, в городе Дабусни, около современного Зияуддина; ср. Макдиси, 324, 18.

²³ В обширном смысле слова так называлось арабское наместничество, включавшее в себя и Туркестан.

²⁴ О топографии Бухары см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. liii и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 160 и сл.>

²⁵ Об этом авторе и его продолжателях см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 15 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 59 и сл.>

ткань *занданичи*»²⁶. Об этой последней ткани, уже несомненно бумажной, говорится при описании существующего и теперь селения Занданы к северу от Бухары, откуда вывозились так называемые *занданичи*, т. е. бумажные материи, названные так потому, что происходили из селения Занданы²⁷: «Материя хороша и в то же время выделяется в большом количестве. Из этого хлопка ткнут [материю] во многих бухарских селениях и называют ее также *занданичи*, потому что она прежде всего появилась в этом селении. Из того хлопка вывозят ткани во все области, как-то: Ирак, Фарс, Керман, Индостан и другие; все вельможи и цари готовят себе из нее одежду и покупают ее по цене *дибаджа*»²⁸ (атласистой ткани). Тут же прибавляется, что ткань *занданичи* хорошего качества вывозилась также из соседнего селения Варданы (ныне Варданзи)²⁹. Хлопок вывозился также из промышленных селений Шарг и Искиджкет, к востоку от Бухары³⁰.

Известия Нершахи несколько труднее приурочить к определенной эпохе, чем известия арабских географов, так как не всегда ясно, что принадлежит Нершахи (X в.) и что его продолжателям (до второй половины XII в.). В данном случае некоторое значение, может быть, имеет факт, что о тканях *занданичи* не говорят географы X в., но говорит Сам'ани³¹ (в половине XII в.) и с его слов Якут³² (в начале XIII в.). Название *занданичи*, по-видимому, сохранялось очень долго; среди товаров, привезенных через Астрахань в Казань в 1616 и 1619 гг. «бухарскими и юргенскими тезиками», т. е. торговцами-таджиками Бухары и Хивы, упоминаются разного вида ткани под общим названием «зендень»; были зендени красные, цветные, узкие, широкие, семенди и др.³³. К. А. Иностранцев³⁴, по-видимому основательно, доказывает, что мы имеем здесь то же самое слово, образованное от названия селения Зандана. По книге П. Савваитова «Описание старин-

²⁶ Нершахи, изд. Шефера, 18; пер. Лыкошина, 29 и сл.

²⁷ <Как установлено ныне на основании дешифровки согдийской надписи на одной из шелковых тканей VII—VIII вв., термином *занданичи* первоначально обозначались шелковые ткани, и лишь с конца X в. ткань *занданичи* стала, возможно, тканью хлопчатобумажной. См. Shepherd — Hening, *Zandanīji*; Белицкий — Бентович, *Из истории ткачества*. — Б. С. >

²⁸ Прежде часто толковалось как «парча» (Иностранцев, *Торжественный выезд*, стр. 42; Becker, *Dibādji*). С *дибаджем* также сравнивались ведарийские ткани. Географ конца X в. Макдиси слышал, как один из султанов в Багдаде называл их хорасанским *дибаджем* (Макдиси, 324, 19).

²⁹ Нершахи, изд. Шефера, 13 и сл.; пер. Лыкошина, 23 и сл.

³⁰ Нершахи, изд. Шефера, 11 и 13; пер. Лыкошина, 21 и 23. О местоположении: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 101 <наст. изд., т. I, стр. 150>; Бартольд, *Орошение*, стр. 120.

³¹ Изд. Марголиуса, л. 280 а.

³² *Муджам*, II, 952, 15. Якут называет эти ткани известными.

³³ ПДТС, III, 277 и сл., 641 и сл.

³⁴ *Из истории старинных тканей*, стр. 084 и сл.

ных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора», в азбучном порядке расположенное слово «зендень» толкуется как шелковая ткань; перенесение названия с бумажной ткани на шелковую, конечно, не невозможно, но доказательств Савваитов не приводит, и по существу маловероятно, чтобы из Бухары и Хивы в XVII в. могли привозиться в Россию шелковые ткани³⁵. Из названий различных видов «зендени» остается необъясненным слово «семенди». В словаре Вуллерса слово «Семенд» приводится как название деревни близ Самарканда; возможно, что ткань *семенди* выдвельвалась там, хотя в известных мне восточных географических сочинениях этого названия нет, не было его, по-видимому, и в вакуфных документах, исследованных В. Л. Вяткиным³⁶.

Наряду с самаркандскими и бухарскими тканями громкой славой пользовались и мервские. Истахри говорит о происхождении из Мерва хлопка, с которым вообще сравнивали (всякий) мягкий хлопок, и тканей, вывозившихся в разные страны³⁷. О хлопке, как одном из предметов вывоза из Мерва, говорит и Макдиси³⁸; у анонимного персидского географа конца X в. мы также находим известие о вывозе из Мерва «хорошего хлопка» (или ваты, *пембе*)³⁹.

Наконец, из Хорезма (ныне Хива и ее область) вывозилось, по словам Истахри, «много товаров из бумажных и шерстяных тканей; они привозятся в [разные] страны»⁴⁰. Очень вероятно, что по крайней мере часть этих товаров шла к туркам, с которыми Хорезм вел особенно оживленную торговлю⁴¹. Более определенно говорится у Макдиси⁴² о вывозе к туркам хлопка (конечно, в виде тканей) из Шаша, т. е. области Ташкента. Возможно, что бумажными были также те «белые ткани», которые вывозились из Ферганы и Исфиджаба, т. е. области современного Чимкента⁴³.

³⁵ Шелк привозился преимущественно из Персии. В XVIII в. Г. Ф. Миллер говорит о зендени, как о хлопчатобумажной ткани. Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 377.

³⁶ См. Вяткин, *Материалы*.

³⁷ Истахри, 263; перевод (не совсем точный) у В. А. Жуковского, *Развалины Старого Мерва*, стр. 20. Несколько иначе в тексте Ибн Хаукаля (316): «хлопок, который во всех странах называют по имени его (Мерва) и отличается крайней мягкостью» <ср. МИТТ, I, 174>.

³⁸ Макдиси, 324, 6.

³⁹ Текст и перевод у Жуковского, *Развалины Старого Мерва*, стр. 21. О «хорошем качестве» мервских тканей без определения материала говорит уже в конце IX в. географ Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 279, внизу); мервские ткани уже тогда славились среди прочих тканей Хорасана.

⁴⁰ Истахри, 304; также Ибн Хаукаль, 354, 15.

⁴¹ Ср. слова Истахри, 305, что все благосостояние хорезмийцев основано на торговле с турками.

⁴² Макдиси, 325, 12.

⁴³ Там же, 325, 16.

Для последующего времени мы имеем только скудные, отрывочные известия, по которым было бы совершенно невозможно написать историю туркестанского хлопководства. Некоторый интерес представляют китайские известия, в которых передаются, в китайской транскрипции, местные термины. Китайский министр Елюй Чу-цай, бывший в Самарканде с Чингиз-ханом в 1220 г., говорит, что вся одежда там приготовлялась из *цзюсюнь* (*kü-sün*) и была по цвету белая⁴⁴. Слово *kü-sün* сближают с арабским *қас* или *қасам*⁴⁵ или с туркестанским *гуза*, как называется теперь хлопчатник как растение и хлопок в коробочках. Вопрос о происхождении и судьбе слова *гуза* тоже не вполне ясен; по-видимому, оно в более первоначальном виде сохранилось в арабском *джаузак* или *джаузака* 'хлопок' (приводится как иностранное слово) и в турецком *кузаг*, как назывались стручки растений, коробочки хлопка, шишки сосны и кипариса⁴⁶. Даже в XIII в. хлопок китайцам был сравнительно мало известен. Китаец Чан-чунь⁴⁷ упоминает о хлопке при описании Кульджинского края, где он проезжал в 1221 г.; о хлопке говорится как о «растительной шерсти»; китайцы приобрели семь кусков ткани для зимней одежды; ткань была очень чистая, красивая и мягкая; кроме одежды, из нее делали нитки, веревки и набивку. Упоминается название ткани *дулума*⁴⁸; переводчик отождествляет ее с существующей и теперь в Китайском Туркестане тканью *толма*⁴⁹. При описании Самарканды Чан-чунь говорит, что люди низших классов обвертывали голову куском белой ткани *мосы*; по мнению переводчика, это — муселин, получивший название, как известно, от города Мосула, где «впервые стали выделять эту красивую тонкую хлопчатобумажную материю»⁵⁰. Однако Марко Поло при описании Мосула называет «мосулинами» ткани «шелковые и золотые»; русский переводчик по этому поводу только замечает, что «этим именем не всегда называли одну и ту же ткань»⁵¹. О хлопке и выделке из него тканей говорится в одной из редакций Марко Поло⁵² при описании Муша и Мардина. Если бы мнение Бретшнейдера было справедливо, то перед нами был бы любопытный факт, что в XIII в. в Туркестан уже привозились ткани с запада, тогда как в X в. говорится только о вывозе тканей из Туркестана; однако маловероятно, чтобы муселин был доступен в Самарканде для людей низших классов. Более правдоподобно, что *мосы* — транскрипция слова *бöz* (бязь).

⁴⁴ Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 21 sq.

⁴⁵ Приводится как синоним слова *кути* в специальном словаре лекарственных и питательных растений Ибн Бейтара (ум. в 1248 г.); пер. Зонтхаймера, II, 304.

⁴⁶ Ср. словари: Vullers, *Lexicon* и Будагов.

⁴⁷ О его путешествии ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 486 и сл.; <наст. изд. т. I, стр. 517 и сл.>

⁴⁸ <Правильно: *тулума*. — Ю. Б.>

⁴⁹ Bretschneider, *Researches*, <vol. I, p. 70>.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 89.

⁵¹ Марко Поло, пер. Минаева, 32.

⁵² Там же, 33.

Не отличаются ясностью и отчетливостью и те сведения о хлопчатнике и его культуре, которые были добыты китайцами в эпоху династии Мин (1368—1644), преимущественно в конце XIV и в XV в., при Тимуре и Тимуридах. Растение обозначается термином *кусань*, в чем можно видеть более точную транскрипцию слова *кузаг*, или *гуза*, но о ткани говорится (при описании Турфана и его округа), что она готовится из коконов живущих на этом растении диких шелко-вичных червей. Прибавляется, что хлопчатобумажной материей пользуются в торговле как меновой единицей⁵³. То же самое мы видим потом в XVIII в., когда с городов Восточного Туркестана хлопчатобумажными тканями взималась подать в пользу калмыцких государей⁵⁴. О хлопчатобумажных тканях говорится еще при описании Самарканда, где вместо транскрипции туземного названия создается искусственный китайский термин *хуажуйбу*, букв. 'ткань, сделанная из цветов'⁵⁵.

Когда в монгольский период XIII—XIV вв. в Среднюю Азию и через среднеазиатские области в Китай стали ездить европейские торговцы, их внимание преимущественно привлекали к себе шелк и шелковые ткани, а не хлопчатобумажные. В указателе к английской книге⁵⁶, специально посвященной этой торговле, даже совершенно нет слова «cotton» (тогда как при слове «silk» есть ссылки на несколько мест), хотя оно и приводится с вопросительным знаком там, где говорится о названии ткани «byssus»⁵⁷. Хлопчатобумажные ткани, вероятно, имеются в виду и там, где говорится об обыкновенных материях («common stuffs») ⁵⁸. Однако величайший из средневековых европейских путешественников, Марко Поло, упоминает о хлопке во многих местах своей книги, особенно при описании виденных им областей Восточного Туркестана⁵⁹ (в современном Русском Туркестане он не был; в Бухаре были только его отец и дядя). Интересно упоминание⁶⁰ о ткани «бокаран» или «букерам», причем «лучший в свете бокаран» в то время выделялся в Армении, в городе Эрзипутане. Если это название, которым в разное время обозначались различные ткани, действительно, как полагают некоторые⁶¹, происходит от названия города Бухары, то <мы> имели бы здесь новый пример влияния среднеазиат-

⁵³ Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 192.

⁵⁴ Иностранцев, *Из истории старинных тканей*, стр. 091 и сл.; там же ссылки на источники.

⁵⁵ Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 271. <В первом изд. этой работы здесь была опечатка: *хуа-туй-бу*. — Ю. Б.>

⁵⁶ Yule, *Cathay*, vol. II.

⁵⁷ Ibid., vol. I, p. CLVII.

⁵⁸ Ibid., p. 297.

⁵⁹ Марко Поло, пер. Минаева, 69 и сл. (Кашгар, Яркенд, Хотан и др.).

⁶⁰ Там же, 27.

⁶¹ Иностранцев, *Из истории старинных тканей*, стр. 085.

ской хлопчатобумажной промышленности на промышленность Западной Азии.

Происходившие в Туркестане политические события не могли не отражаться на условиях экономической жизни, в том числе на хлопководстве и хлопчатобумажной промышленности; в частности, не мог в этом отношении пройти бесследно такой факт, как полное разрушение монголами в 1221—1223 гг. Мерва, оставшегося потом в развалинах до начала XV в. Но на Зеравшане и на низовьях Аму-Дарьи никогда, по-видимому, не прекращались ни возделывание хлопчатника, ни приготовление хлопчатобумажных тканей; отражались ли на ухудшении качества тканей такие события, как установление господства кочевых орд, упадок караванной торговли через Среднюю Азию и ослабление вследствие этого культурных связей с другими странами, нельзя установить с точностью⁶². В эпоху Тимура, несмотря на полную зависимость Восточного Ирана и Туркестана от Западной Персии в области науки (кроме богословия) и искусства (архитекторами построек Тимура были уроженцы Шираза, Исфахана и Тебриза), в главный торговый центр Северо-Западной Персии, Султанцию, привозилось из Хорасана «много бумаги пряденой и не пряденой, а также бумажные ткани, окрашенные в разные цвета, которые изготавлиются для одежды»⁶³. В Московское царство бухарские и персидские торговцы не только привозили «кумач» (по-видимому, турецкое слово; приводятся⁶⁴ диалектические формы *кумач*, *кумац*, *кумас* и *кумаш*), но устраивали для своих тканей красильни в русских пределах, в губерниях Астраханской, Казанской и Вятской⁶⁵. Английские торговцы, бывшие в России и в соседних областях Персии и Средней Азии около 1740 г., отмечают полное прекращение торговли Казани и Астрахани с Бухарой и Хивой (около того же времени возник Оренбург, где впоследствии сосредоточивалась вся торговля со Средней Азией); продолжалась только торговля с Персией⁶⁶. В Хиве и Бухаре по-прежнему существовало хлопководство, но в Хиве производство хлопка было ничтожно⁶⁷. В Бухаре отмечается значительный упадок торговли сравнительно с прежним временем; среди предметов вывоза в Персию упоминаются хлопковая пряжа и миткаль (*callicoc*), но мануфактура получалась бухарцами из Персии, в том числе и ткани⁶⁸.

⁶² Крайне скудны сведения о хлопководстве и выделке бумажных тканей даже в лучшем из описаний Бухарского ханства до русского завоевания, в известном труде Н. В. Ханькова (*Описание Бухарского ханства*).

⁶³ Клавихо, изд. Срезневского, 178.

⁶⁴ Радлов, *Словарь*, II, 1048.

⁶⁵ Варзар, *Хлопчатобумажная промышленность*, стр. 336.

⁶⁶ Hanway, *British trade*, vol. I, pp. 74, 84.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 241.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 243.

Со второй половины XVIII в., когда окончательно определились культурный упадок мусульманского мира и первенство европейской промышленности, постепенно установилось то положение, что хлопок из всех производивших его стран Востока, от Египта до Индии; вывозился в сыром виде, перерабатывался в ткани в Западной Европе и в России и в виде тканей возвращался в производившие его страны⁶⁹. Из Средней Азии хлопок шел, конечно, в Россию; во второй половине XVIII в. цена фунта хлопка была в сыром виде 10—15 коп., в пряже 30—40 коп. фунт⁷⁰; по-видимому, цена и впоследствии не подвергалась существенным переменам; в Ташкенте и при русском владычестве средняя цена фунта пряжи была 40 коп.⁷¹. В Хиве хлопок в виде сырца и пряжи всецело скупался русскими; бумажные материи, кроме России, ввозились также из Бухары; покупавшиеся у хивинцев киргизами халаты и материи выделывались частью в Хиве и Бухаре, частью в России⁷². При русском владычестве из местных сортов хлопка ташкентский и кокандский ставились ниже бухарского и хивинского⁷³. Произведенные при кокандских ханах оросительные работы в Фергане⁷⁴ должны были содействовать успехам хлопководства, но статистических данных об этом, конечно, нет. Те условия, при которых Фергана стала давать больше $\frac{2}{3}$, обыкновенно $\frac{3}{4}$ или даже $\frac{4}{5}$, всего вывозимого из Туркестана хлопка, всецело были созданы эпохой русского владычества, начиная с 80-х годов. В «Туркестанском крае» Костенко (1880 г.) Фергана названа на первом месте среди производящих хлопок частей Туркестана, но никаких особенных надежд на Фергану в то время не возлагалось; предполагалось, что Средняя Азия может дать всего до 3 млн. пудов, из которых 2 млн. надеялись получить от Бухары, 500 тыс. от Хивы и только 500 тыс. от всех областей, находившихся под русским управлением⁷⁵, со включением Ферганы; уже в 1897 г.⁷⁶ на Фергану приходилось 2 млн. из общего числа получав-

⁶⁹ Ср., напр., данные о Персии в статье: Хашаб, *Экономическое положение*, стр. 176 и сл., где среди статей вывоза первое место занимает хлопок, среди статей ввоза — хлопчатобумажные изделия. См. также Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 172, где среди предметов вывоза из Бухары в Персию названа хлопчатая бумага, причем прибавлено, что отработанных произведений ханства (по-видимому, это относится и к тканям) вывозят мало, так как в Персии их трудно было бы сбывать.

⁷⁰ Пекарский, *Жизнь Рычкова*, стр. 105.

⁷¹ Костенко, *Туркестанский край*, т. III, стр. 35.

⁷² Basiner, *Reise*, S. 243.

⁷³ Костенко, *Туркестанский край*, т. III, стр. 33.

⁷⁴ О них см. Бартольд, *Орошение*, стр. 20 и сл., 24 и 136. Значительное расширение посевов в XIX в. в Фергане отметил и Федченко (*Путешествие в Туркестан*, т. I, ч. I, стр. 39 и 64), сравнивавший результаты своих наблюдений (1871 г.) с картиной, которую видел в 1813—1814 гг. Филипп Назаров (*Записки*).

⁷⁵ Костенко, *Туркестанский край*, т. III, стр. 30.

⁷⁶ Статья о хлопководстве в ТВ этого года, № 6 и сл. <Хлопководство и хлопоторговля>.

шихся тогда 2¹/₂ млн. пудов. Таким же образом русские при занятии Закаспийской (теперь Туркменской) области совершенно не застали хлопководства, процветавшего в X в. в Мервском округе; восстановление там культуры хлопчатника произошло уже при русском владычестве ⁷⁷.

---

⁷⁷ Ср. ОЗО, 1882—1890 и 1890—1896 гг., Асхабад, 1897.

ТАДЖИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

*

ТАДЖИКИ

(ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ИСЛАМА»)

1911

W. H. RAY

W. H. RAY

W. H. RAY

ТАДЖИКИ

Исторический очерк ¹

1

Коренное население современного Туркестана принадлежало к иранской группе народов. Не касаясь здесь сложных и спорных вопросов о родине иранского племени, о географических пределах его распространения в древности и о постоянном сокращении этих пределов в средние века, ограничиваемся установлением факта, что на протяжении более 1500 лет, от VI в. до н. э., в пределах современного Туркестана упоминаются два культурных народа иранского происхождения — согдийцы и хорезмийцы. Изображения согдийца и хорезмийца находятся среди сохранившихся на гробнице Дария (522—486), около развалин Персеполя, изображений народов, входивших в состав империи этого царя. Сколько-нибудь точные сведения о языках обоих народов мы имеем только для периода, близкого ко времени их исчезновения; эти сведения находятся в составленном в 1000 г. н. э., на арабском языке, сочинении хорезмийца Бируни о летосчислении различных народов ². Говоря о календарях согдийском и хорезмийском, Бируни приводит местные названия месяцев, дней, религиозных праздников и т. п.; по этим названиям можно составить себе некоторое представление о диалектических особенностях обоих языков сравнительно, например, с персидским.

Из двух земледельческих и культурных иранских народов Средней Азии хорезмийцы в течение более долгого времени имели самостоятельную политическую жизнь. Хорезмийцам принадлежало политическое преобладание в Средней Азии до образования персидской империи династии Ахеменидов. Подчинившись на некоторое время персам, хорезмийцы потом освободились от этой зависимости; во время действий

---

¹ <Библиографию источников и исследований по истории таджиков и Таджикистана и связанным с нею вопросам истории других среднеазиатских народов см.: Гафуров, *История*, стр. 492—538; *Народы Средней Азии*, I, стр. 701—704. — В. Р.>

² <Бируни, *Асър ал-бақийа*. Об основных новых изданиях материалов и исследованиях по согдийскому и хорезмийскому языкам см. выше, стр. 115, прим. 14 и 122, прим. 8, а также ниже, стр. 459, прим. 20. — В. Р.>

в Средней Азии Александра Македонского (330—327 гг.) в Хорезме был свой царь, тогда как страна согдийцев, центром которой был бассейн Зеравшана, оставалась персидской провинцией. Насколько известно, на Хорезм не распространялись завоевания ни Александра, ни греко-бактрийских царей, ни домусульманских кочевых народов Средней Азии. Мусульманское завоевание положило конец политической, впоследствии даже этнографической обособленности Хорезма; но и мусульманские владетели, до последних узбекских ханов Хивы включительно, принимали титул домусульманских владетелей Хорезма — хорезмшах. Из всех титулов домусульманских владетелей отдельных областей Туркестана только этот титул дожил до новейших времен. Область согдийцев вошла в состав империи Александра и потом греко-бактрийского государства; нашествиям кочевых народов она подвергалась много раз, по крайней мере со II в. до н. э., может быть и раньше; поэтому здесь не было благоприятной почвы для создания, как в Хорезме, традиций политической самостоятельности. Только незадолго до мусульманского завоевания владетель Самарканда до некоторой степени сделался верховным властителем всего согдийского народа, с титулом «согдийского ихшида» (тот же титул *ихшид* носил владетель Ферганы); но власть ихшидов была крайне непрочной, быстро исчезла при исламе и не оставила никаких следов в дальнейшей жизни Туркестана. Зато согдийцы, по-видимому, оказали больше влияния, чем хорезмийцы, на ход культурной истории и были главными распространителями переднеазиатской культуры в областях от Туркестана к востоку. История этой деятельности согдийцев могла быть выяснена только благодаря археологическим находкам в Китайском Туркестане и в пограничных местностях собственного Китая. Согдийским был признан, на основании сличения с данными о согдийском языке у Бируни, язык деловых документов I в. н. э., найденных в одной башне китайской стены у пограничного пункта Дуньхуан³. Алфавит этих документов принадлежит к разновидностям восточно-семитского или «арамейского» алфавита, проникшего в Среднюю Азию через Персию; такие же документы были найдены в районе Лоб-Нора. Гораздо западнее, в районе Турфана, были найдены памятники религиозной литературы — буддийской, манихейской⁴ и христианской, также на согдийском языке; эти памятники обыкновенно относят к VII и последующим векам; в общем мы находим в них тот же алфавит, но в значительно измененном виде. Разницы по языку между «раннесогдийскими» документами и буддийскими памятниками главный исследователь согдийского языка, покойный профессор Готье, не видит, несмотря на значительный промежуток времени

³ <Как доказано В. Хеннингом, согдийские документы из Дуньхуана относятся не к I в., а к началу IV в. н. э.; см. Henning, *The date*. — Б. С.>

⁴ Учение манихеев возникло в III в. н. э. и основано на сближении идей древнеперсидской религии (зороастризма) с буддийской и христианской.

между ними. Манихейские и христианские памятники написаны на гораздо более поздних диалектах, причем между диалектом манихейских памятников и диалектом христианских также есть значительная разница; сверх того манихеи и христиане, кроме национально-согдийского алфавита, употребляли также алфавиты, принесенные в Среднюю Азию проповедниками обеих религий.

О культурном влиянии иранской Средней Азии на кочевников в эпоху Ахеменидов, Александра, его преемников и греко-бактрийских царей нет точных данных. Следы торговой и культурной деятельности согдийцев начинаются только со времени так называемой индо-скифской державы, основанной во II в. до н. э. тохарами, или кушанами, пришельцами с востока (по всей вероятности, это был также народ иранского происхождения), разрушившими греко-бактрийское царство. В том же II в. в Туркестан проникли китайцы, что также содействовало оживлению торговли. Есть мнение, что древнейший из известных нам турецких⁵ алфавитов, енисейско-орхонский (на обеих реках были найдены надписи; среди них особенное значение имеют датированные орхонские исторические надписи VIII в.), происходит от согдийского, притом более древней формы его, чем даже дошедший до нас алфавит I в. Более ясно согдийское происхождение второго по времени турецкого алфавита, уйгурского, принадлежавшего народу, около ста лет (744—840) господствовавшему в Монголии и потом владевшему в продолжение нескольких веков той частью Китайского Туркестана, где теперь находятся города Хами (Камул), Турфан, Гучэн и другие. Несмотря на связь принятия письменности и в Средней Азии, как везде, с религиозной пропагандой, влияние согдийского национального алфавита оказалось сильнее, чем влияние алфавитов, принесенных миссионерами — буддийскими (индийский алфавит), христианскими (сирийский) и манихейскими (арамейский курсив). Все более одерживает верх мнение, что уйгурский алфавит, от которого потом образовался монгольский (от монгольского — маньчжурский), происходит не от христианского сирийского, как думали прежде, но от национального согдийского, сохраненного преимущественно буддистами, но употреблявшегося также, наряду со своими религиозными алфавитами, христианами и манихеями. Сходство между согдийскими и уйгурскими буквами, по замечанию Готье, так велико, что даже невозможно про-

⁵ Слова «турки», «турецкий» употребляются здесь, как вообще в русской науке, в том же значении, как в Туркестане и Закавказье чуждые живой русской речи, искусственно придуманные учеными слова «тюрки» и «тюркский». <Развитие русского языка и научной терминологии привело все же к тому, что слова «тюрки» и «тюркский» удержались в качестве более общих, собирательного значения терминов, относящихся ко многим или ко всем тюркоязычным народам, а термины «турки» и «турецкий» сохранились в более узком значении и употребляются ныне только в отношении анатолийских турок и их языка, турецкого (в прошлом «османского») государства и т. п. — В. Р.>

вести границу между этими двумя алфавитами. Надпись на согдийском языке, найденная в Монголии вместе с китайской надписью уйгурского хана IX в., где говорится о принятии уйгурами манихейства в 762 г., по форме букв совершенно похожа на уйгурскую. Согдийцам, таким образом, семитский алфавит был обязан своим распространением до Великого океана.

Временем высшего расцвета согдийской торговли был VII в., когда родина согдийцев подчинялась верховной власти то турецких ханов (политическое преобладание турок в современном Туркестане было установлено в VI в.), то китайских императоров. Политическое могущество тех и других содействовало успехам караванной торговли; согдийцы пользовались этим не только для путешествий с торговой целью; но и для основания торговых колоний в отдаленных странах. Об этом, помимо археологических находок, сохранились письменные известия как китайских современников, так и более поздних мусульманских авторов. В китайских источниках упоминается о согдийской колонии на Лоб-Норе, основанной в VII в. и еще сто лет спустя пользовавшейся некоторой автономией. Китайский путешественник Сюань Цзан, проезжавший через Туркестан в 630 г., объединяет под названием Сули (предполагают, что Сулик — буддийская и манихейская форма слова Согд, ввиду диалектического перехода *д* в *л*) всю страну от долины реки Чу до Шахриябза включительно; везде был один литературный язык, одна письменность; писали (как впоследствии уйгуры) сверху вниз. Из слов Сюань Цзана видно также, что буддизма в стране согдийцев в то время не было; таким же образом при исламе среди согдийцев, кроме последователей национальной религии иранцев, зороастризма, оставались манихеи и христиане, но буддистов не было. Следовательно, памятники буддийской литературы на согдийском языке, если они действительно относятся к VII в., были написаны не на родине согдийцев, но в более отдаленных согдийских колониях. Других известий о сплошной согдийской территории до берегов Чу, кроме рассказа Сюань Цзана, нет, но о колонизаторской деятельности согдийцев до долины р. Чу говорит мусульманский автор XI в. Махмуд Кашгарский; он замечает о народе *сугдак*, что это «люди, поселившиеся в Баласагуне⁶: они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду турок». В другом месте того же сочинения сказано, что «жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-турецки; таким же образом жители Тараза⁷ и жители Белого города»⁸. По-видимому, жители Баласагуна и других мест переживали в XI в. последнюю стадию утраты своего языка под влиянием отуречения; были еще люди, говорившие по-согдий-

⁶ Точное местоположение этого города остается спорным, но во всяком случае он находился в долине реки Чу.

⁷ Или Таласа — ныне Аулие-Ата. <Теперь город Джамбул Казахской ССР.>

⁸ Вероятно, этот город был к западу от Аулие-Ата.

ски, но уже не было людей, говоривших только по-согдийски. О согдийских колониях дальше к востоку Махмуд Кашгарский не упоминает, но анонимный персидский географ конца X в. говорит о пяти согдийских деревнях в стране тугузгузов, или уйгуров, т. е. в той именно части Китайского Туркестана, где были найдены памятники согдийской религиозной литературы. Тот же автор прибавляет, что среди этих согдийцев были христиане, гебры (зороастрийцы) и «сабии»; последнее название употреблялось в то время для язычников вообще, в частности для буддистов; в Самарканде так называли и манихеев. Из этого видно, что согдийские колонии были основаны еще в домусульманский период⁹. Даже память о согдийском происхождении турецкого алфавита сохранилась у автора начала XIII в. Фахр ад-дина Мубарекшаха.

Южную границу Согда и владений домусульманских князей Самарканда мусульманские источники помещают там же, где Сюань Цзан, т. е. у «Железных Ворот», или прохода Бузгала. За этим проходом начиналась страна тохаров, Тохаристан, в состав которой входили области как к северу, так и к югу от верхнего течения Аму-Дарьи. При Сюань Цзане в Тохаристане еще господствовал буддизм, вытесненный из страны согдийцев; был особый алфавит — писали слева направо, из чего видно, что имеется в виду алфавит индийского происхождения. Была ли связь между этим алфавитом и другими индийскими алфавитами, употреблявшимися в Восточном Туркестане — в Куче и Хотане, из слов Сюань Цзана не видно. Из мусульманских авторов о домусульманском алфавите Тохаристана говорит только один, Сам'ани (XII в.): при описании города Вашигирда (ныне Файзабад бухарский) он упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах». Сам'ани, таким образом, говорит не об открытом им новом факте, но о факте, хорошо известном его современникам; но до нас дошло только это одно известие; упоминаемые у Сам'ани «книги», по-видимому, бесследно исчезли¹⁰.

2

Арабское нашествие VII—VIII вв. изменило этнографический состав иранского населения Туркестана и создало для него новый термин. В домусульманской Персии, при династии Сасанидов (III—VII вв.), ближайшим географически к Персии бедуинским племенем было племя тай; им же был построен город Хира, к западу от Евфрата (близ Хиры при исламе, как известно, возникла Куфа), впоследствии столица араб-

⁹ <Об основной литературе о согдийских колониях см. выше, стр. 114, прим. 11.>

¹⁰ <Подробнее о согдийском и тохарском языках см. Бартольд: *К вопросу об языках*, = В. Р.>

ского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Персии. Уже в III в. н. э. один из сирийских авторов, писавший в Эдессе, употреблял слово «тай», наравне со словом «саракины», для обозначения всех бедуинов вообще. От названия того же племени образовано среднеперсидское или пехлевийское (пехлевийским называется персидский литературный язык эпох парфянской и сасанидской) и армянское *тачик* в смысле 'араб'; в мусульманскую эпоху мы видим более поздние формы — *тазик* и *тази*; от первой образовано турецкое *теджик*¹¹. Чередование букв *з* и *дж* указывает на звук *ж*; и действительно, мы находим у Махмуда Кашгарского форму *тежик*¹². Махмуд Кашгарский, как и другой турецкий автор XI в., Юсуф Баласагунский, употребляет это слово уже в значении 'перс', но раньше турки называли таджиками арабов, на что указывает китайское *даши* 'араб'.

По понятиям того времени, принявший ислам тем самым становился арабом; когда бухарские вельможи в 728 г. сообщили арабскому наместнику Ашрасу об успехах мусульманской пропаганды в Туркестане, они употребили выражение: «все люди сделались арабами». Вполне естественно, что для турок таджиками (по турецкому произношению) были не столько люди арабской национальности, сколько приходившие к ним в степь представители ислама и мусульманской культуры, среди которых численный перевес, несомненно, скоро перешел к западным иранцам, так как число арабов, переселившихся в Среднюю Азию, не было значительно. Оттого для турок «теджицким» языком сделался персидский; когда турки завоевали мусульманские области и ближе ознакомились с двумя главными мусульманскими народами, арабами и персами, они сохранили слово «таджик» только для персов и стали отличать «таджиков» от арабов, хотя первоначально персы и, по их примеру, турки именно арабов называли таджиками. Очень вероятно, что и для согдийцев таджиками были не только арабы, но и персы-мусульмане, но примеров такого употребления слова «таджик» местными иранцами мы не знаем.

Присоединение культурных областей Туркестана к халифату совершенно изменило характер местной жизни. При всех успехах согдийской торговли в VI и VII вв. общественный строй оставался и в этот период таким же, каким был при Александре Македонском¹³. Период в тысячу лет с лишком, отделяющий эпоху Александра от эпохи мусульманских завоеваний, прошел для Туркестана в этом отношении почти бесследно;

¹¹ <О происхождении термина *таджик* от *тази* и *тазик* с первоначальным значением 'араб' см. также выше, стр. 121 и прим. 6.—В. Р.>

¹² <Форма *тѣжик*, наряду с *тѣджик*, часто употреблялась Сейф ад-дином, гератским автором конца XIII — начала XIV в., написавшим сочинение по истории Герата, изданное после смерти Бартольда. См. Сейфи ал-Хереви, указатель. — В. Р.>

¹³ <С этим утверждением Бартольда нельзя согласиться, см. выше, стр. 117, прим. 18. — В. Р.>

как македонцы в IV в. до н. э., так и арабы в VII в. н. э. застали в Туркестане господство землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках; городов было сравнительно немного, и размеры их были невелики. Все это изменилось уже в первые века ислама; размеры городов быстро увеличивались, преобладание все более переходило к торговому сословию. Носителями новых начал были, по-видимому, в значительной степени переселенцы из Персии, где ислам, уничтожив сасанидскую монархию, поддерживавшую освященный религией устаревший сословный строй, открыл более широкий простор экономическому и культурному прогрессу персидского народа. В то же время, однако, персы из патриотизма поддерживали традиции своей государственности, представителями которой были Сасаниды, и эти традиции вместе с персидским языком усваивались среднеазиатскими иранцами. Когда в мусульманской политической жизни Туркестана приняли участие представители местной аристократии, сначала в качестве наместников халифа, потом в качестве наследственных правителей, они стали производить свой род от Сасанидов; так поступали и представители самой могущественной из этих династий, Саманиды, правившие в X в. из Бухары Туркестаном и Хорасаном; так поступали еще в XII в. местные правители области Хутгаль, современного Куляба. Население даже в Бухаре говорило в X в. еще по-согдийски, но языком официальных документов в государстве Саманидов был, наравне с арабским, только персидский, называвшийся «придворным» (*дери*). Один из поэтов самаркандского происхождения, Рудеки, даже принадлежал к числу классических поэтов мусульманско-персидской литературы. Постепенно согдийский язык был вытеснен и из речи народных масс; единственным остатком его считаются в настоящее время два наречия долины речки Ягноб, одного из источников Фан-Дарьи. Ягнобские наречия не являются прямыми потомками известных нам литературных согдийских языков, но ближе всего подходят к языку христианских памятников¹⁴.

Очень вероятно, что еще в домусульманский период делалось различие между жителями равнин и горами. В эпоху ислама мы встречаем термины, судя по звуковому составу, очень древнего происхождения: *гар* 'гора', *гарча*, или в современном произношении *гальча*, 'горец', *Гарч* или *Гарчистан* — 'Горная область'. Специально называли Гарчистаном область верховьев Мургаба (мервского), составлявшую до начала XI в. особое княжество; кроме того, Сам'ани в XII в. говорит о «самаркандском Гарчистане», понимая под этим, очевидно, горную область верховьев Зеравшана. Примеров применения того же термина

¹⁴ <Как отметил В. А. Лившиц, это не вполне точно: христианские тексты по языку довольно близки к живой согдийской речи VIII—X вв., однако ягнобский язык представляет собою согдийский диалект, не засвидетельствованный письменными памятниками. — В. Р.>

к жителям горных областей верховьев Аму-Дарьи в средневековой литературе, насколько известно, нет. С представлением о гарчах, или гальчах, у мусульманских писателей, по-видимому, не соединялось представление об особом, непонятном для других языке; о наречии мургабского Гарчистана говорится только, что оно, как и следовало ожидать по географическому положению этой области, представляло нечто среднее между наречиями Герата и Мерва. И в новейшее время слово *гальча* употреблялось в Средней Азии в смысле 'горец', а не для обозначения особой лингвистической группы. Русский посол Мейендорф слышал в 1820 г. в Бухаре, что гальчами называли бедный и независимый народ, живший к востоку от Бухары и к северу от Гиссара, т. е. на верхнем Зеравшане, говоривший по-персидски и не знавший другого языка, но по наружности сильно отличавшийся от таджиков¹⁵. Наиболее широкое употребление термина *гальча* мы находим у английского исследователя Шоу (1876 г.), по словам которого под таким названием известны «у своих турецких соседей» жители Куляба, Матчи, Каратегина, Дарваза, Рошана, Шугнана, Вахана, Бадахшана, Зебака или Санглича, Минджана и др. В немецком своде данных по иранской филологии, в статье В. Гейгера¹⁶, слово *гальча* рассматривается как общее название иранских жителей долин Памира, говорящих на особых наречиях; из этой области исключаются Дарваз, Куляб, Каратегин и Бадахшан, где говорят на том же таджикском языке, как в равнинах. Во всяком случае в слове *гальча*, по его этимологическому происхождению, нет ничего оскорбительного, но вследствие низкого уровня культуры горцев оно употребляется жителями равнин с оттенком презрения. В персидских словарях слову *гарчеги* (существительное, образованное от *гарча*) придается значение 'глупость, невежество'; слову *гальча* — значение 'бродяга'. Вполне естественно, что горцы верхнего Зеравшана (в других местностях слово *гальча* самим горцам, по-видимому, неизвестно) не хотят, чтобы их так называли. Одному из русских исследователей, С. Д. Масловскому, говорили на Зеравшане, за Пенджикентом, по-видимому в Фальгаре: «мы не гальча; гальча — это на Ягнобе, это — в Матче, там — дурные таджики, а мы — не гальча»¹⁷. По-видимому, со словом *таджик* у некоторых горцев связано представление об усвоении ислама или мусульманской культуры; тот же С. Д. Масловский слышал

¹⁵ <До Мейендорфа о «гальча» упоминал Назаров, побывавший в Кокандском ханстве в 1813—1814 гг., поясняя, что слово *гальча* употреблялось для обозначения «горских персиян». Он дал краткую, но содержательную характеристику «горских персиян», населявших районы, примыкавшие к пути русской миссии, указав их основные занятия и некоторые особенности быта (см. Назаров, *Записки*). Научное значение этих сведений впервые отмечено в статье: Иванов, *Казахи и Кокандское ханство*. — В. Р.>

¹⁶ <Geiger, *Kleinere Dialekte*.>

¹⁷ <Масловский, *Гальча*, стр. 3.>

«в восточном Дарвазе, Шугнани, Рошани» выражение: «мы недавно сделались таджиками»¹⁸ (к сожалению, исследователь, по-видимому, не спросил своих собеседников, чем они были раньше).

В конце X в. политическое преобладание в Туркестане снова и окончательно перешло к туркам. Для обозначения покоренного иранского населения, кроме слова *таджик*, употреблялось также слово *тат*, не вполне ясное по своему происхождению. В этом случае имелись в виду не столько люди нетурецкого происхождения, сколько люди оседлой культуры; татами были не только иранцы, но и уйгуры. В таком смысле употребляют его и теперь туркмены, для которых татом является и узбек-хивинец; этнографическое значение слово *тат* имеет в Закавказье. В Туркестане местные иранцы никогда не называют себя татами, но, под влиянием своих турецких господ, стали называть себя таджиками. Примеров такого употребления слова *таджик* в эпоху Саманидов мы еще не встречаем; но в XI в. иранцы, говоря с турецкими владетелями, употребляли выражение «мы, таджики»¹⁹. Историк Бейхаки приписывает такое выражение одному знатному иранцу, говорившему в 1039 г. с султаном Мас'удом газневидским (известно, что к династии Газневидов, вышедшей из турецкой гвардии Саманидов, перешло наследие Саманидов в областях к югу от Аму-Дарьи).

С XI в. иранские области все больше переходили под власть турок, причем, конечно, дольше всего сохраняли свою самостоятельность области горные или защищенные горами. Из династий иранского происхождения притязания на великодержавие заявляла только одна — Гуриды (XII—XIII вв.), вышедшие из горной области Гур в западной части Афганистана и овладевшие обширной страной, в том числе некоторыми областями к северу от Аму-Дарьи, например, долиной Сурхана.

В борьбе за первенство в восточной части мусульманского мира гурские султаны потерпели поражение в начале XIII в. от турецких владетелей Хорезма, хорезмшахов. Хорезм в это время уже был турецкой страной не только в смысле политического господства турок, но и по языку большинства населения, хотя еще в XI в. не только говорили, но и писали по-хорезмийски. К сожалению, ни литературных памятников, ни документов на хорезмийском языке до нас не дошло²⁰.

Помимо борьбы между династиями, проявлялась также рознь между народами. В рассказе о борьбе хорезмшаха Джелаль ад-дина с

¹⁸ <Там же.>

¹⁹ <Бейхаки, изд. Морлея, 746 (ما تازيگان).>

²⁰ <Недавно для изучения хорезмийского языка были использованы глоссы сочинения арабоязычного хорезмийского автора XIII в. Неджм ад-дина Абу-р-Раджа ал-Газмини *Киндат ал-мунья* (см. Волин, *Новый источник*). Ныне в научный обиход вводятся также хорезмийские хозяйственные документы конца III — начала IV в., найденные при раскопках дворца в Топрак-кала; см. Толстов, *Работы ХАЭЭ 1949—1953 гг.*, стр. 207—212. — Б. С.>

монголами говорится о столкновениях между турецкими и гурскими военачальниками хорезмшаха; предложенное турецким военачальником соглашение было отвергнуто гурцами со словами: «Мы гурцы, а вы турки; вместе жить мы не можем»²¹. Когда один из хорезмшахов заключил союз с владетелем Мазандерана, современники не верили в прочность этой дружбы, говорили: «Между турком и таджиком пути темны, трудно избежать гибели, дружба и родство всегда оканчивались неприязнью» (Мазандеран, действительно, был потом завоеван хорезмшахом). Когда один из хорезмийских царевичей потерпел поражение в борьбе за престол и был вынужден покинуть Хорезм, его предупредили, чтобы он не отправлялся в Мазандеран: «У таджика никогда не будет доверия к турку»²². Тем не менее турки не могли обходиться без таджиков; уже Махмуд Кашгарский приводит поговорку: «Нет турка без тата, нет шапки без головы». Положение таджиков под властью кочевников, конечно, было иногда очень тяжело. По словам историка Рашид ад-дина, прославляемый за свою справедливость монгольский властитель Персии Газан-хан (1295—1304) говорил своим монголам, что ограбить таджиков легко, но им же потом труднее будет достать пищу; они бьют жен и детей таджиков и не вспоминают, как им самим дороги их жены и дети, а между тем таджики — «тоже люди».

Таджики были нужны туркам как представители иранской промышленности, торговли и вообще культуры. Персидский язык оставался и при турецких властителях языком государственного делопроизводства и литературы; иранские торговцы все больше расширяли район своей коммерческой и колонизаторской деятельности. Турецкие авторы XI в. Махмуд Кашгарский и Юсуф Баласагунский в смысле 'купец' употребляли слово *сарт*, слово, как теперь доказано, индийского происхождения; по всей вероятности, первыми торговцами, с которыми имели дело турки, были индийцы, и с успехами индийской торговли были связаны успехи буддийской религиозной пропаганды. Возможно, что и исчезновение буддизма было связано с переходом роли торговцев от индийцев к иранцам. Таджики в этом отношении настолько успешно продолжали деятельность своих предшественников, согдийцев, что термин *сарт* был перенесен монголами и, вероятно, еще раньше восточными турками на весь народ среднеазиатских иранцев, из которого выходили купцы, на их государственность и культуру. Монгольскими формами слова *сарт* были *сартаул* и *сартактай*; монгольским эпосом был создан образ богатыря Сартактая, строителя чудесных плотин и запруд, из чего видно, что иранцы были в степи не только торговцами, но и носителями материальной культуры, в особенности оросительной техники. С другой стороны, таджики-мусульмане не были, как прежде согдийцы, миссионе-

²¹ <Ср. Джувейни, изд. Казвини, II, 193.>

²² <Захир ад-дин Маршаши, 248, 253 и сл.>

рами своей религии; среди монгольских племен были христиане, но не было мусульман, хотя мусульмане были главными представителями торговли. Признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка; Чингиз-хан назвал сартактаем, т. е., по словам историка Рашид ад-дина, таджиком, первого из подчинившихся ему мусульманских владетелей — Арслан-хана карлукского (в северной части Семиречья), хотя карлуки были турецким народом и, конечно, говорили по-турецки. В надписи времен Чингиз-хана говорится о его возвращении из похода на страну сартаулов, т. е. государство хорезмшаха Мухаммеда и его сына Джелаль ад-дина. Тот же поход имеет в виду францисканец Плато Карпини, бывший в Монголии в 1246 г., когда он говорит о покорении монголами «сартов». В сочинении анонимного арабского филолога XIV в. о монгольском языке²³ слово *сартаул* переводится словом 'мусульмане', но чаще слова *сарт* и *сартаул* употреблялись в государствах, образованных монголами в Средней Азии и Персии и в конце XIV в. объединенных под властью Тимура, как синоним слова *таджик*. При потомках Тимура говорится уже о языке и литературе «сартов» в противоположность языку и литературе турок, т. е. под сартами понимаются вообще персы. Совершенно одиноко стоит свидетельство Бабура (начало XVI в.), отмеченное недавно А. Н. Самойловичем, где сарты отличаются от таджиков. При описании Кабульской области Бабур говорит, что там «на лугах и солончаках живут турки, аймаки (кочевники смешанного происхождения) и арабы, в городе и в некоторых деревнях с а р т ы, в некоторых других деревнях т а д ж и к и, афганцы» и еще представители трех других народностей²⁴. В чем Бабур видел разницу между таджиками и сартами, неизвестно; едва ли имеется в виду разница в языке, так как при перечислении языков, на которых говорили в Кабульской области, не упоминается ни сартовский язык, ни таджицкий, а только персидский (*фарси*) — вероятно, общий язык таджиков и сартов. В других местах сочинения Бабура таджики не упоминаются; при описании, например, Ферганы туркам и их языку противопоставляются только сарты и их язык.

После завоевания Туркестана узбеками (в том же XVI в.) назва-

²³ <Автор сочинения — Джемаль ад-дин Ибн Муханна (ум. в 1425 г.). Текст, перевод и анализ материала из его сочинения *Китāб-и тарджумāн-и фāрсӣ ва туркӣ ва муғулӣ* см. в работе: Мелюранский, *Араб филолог*. — В. Р.>

²⁴ <В подлиннике: «... в городе и в некоторых деревнях есть сарты, в некоторых других деревнях и [жители] области (ولایتی) — пашаи, парачи, таджики, бараки и афганцы» (*Бāбур-нāме*, изд. Беверидж, л. 131 а-б; изд. Ильминского, 161). Далее, при перечислении языков, на которых говорят в Кабульском вилайете, Бабур указывает число этих языков — одиннадцать-двенадцать — и перечисляет следующие: «араби, фарси, тюрки, моголи, хинди, афгани, пашан, парачи, гебри, бараки и ламгани» (там же, изд. Беверидж, л. 131 б; изд. Ильминского, 161). — В. Р.>

ние *сарт* было присвоено покоренному оседлому населению, как сохранившему персидский язык, так и говорившему по-турецки. Особенно ясно и последовательно «узбекам» противопоставлялись «сарты» в Хорезме, как в труде автора XVII в. Абулгази, так и в новейшее время. Замечательно, что Абулгази употребляет слово *сарт* исключительно в тех случаях, когда речь идет о Хорезме; везде, где говорится об иранцах вообще и их языке, употребляется слово *таджик*; «таджиками» Абулгази называет и современное ему население Бухары. В XIX в. слово *сарт* употреблялось часто кокандскими историками, причем неоднократно упоминаются вместе «узбеки, таджики и сарты»; сарты, следовательно, отличались от таджиков, но понимали ли под словом *сарт* исключительно отуреченную часть местного оседлого населения (такое значение стремились присвоить слову *сарт* представители европейской и русской науки), из слов историков не видно. Часто и в Фергане в смысле «все население» употреблялось выражение «узбеки и сарты», т. е. сарты более определенно отличались от узбеков, чем от таджиков. Лучший знаток жизни Ферганы, покойный В. П. Наливкин говорит, что оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков и таджиков, но ввиду того что «в пределах Ферганы сарты-узбеки значительно преобладают над таджиками», Наливкин под «сартовским» языком понимал преимущественно «тюркский». Вообще по мере перехода узбеков к оседлости сартам стали противопоставлять уже не узбеков, как прежде, а казаков²⁵. В новейшее время слово *сарт* признано оскорбительным для туземцев и исключено из употребления, хотя в его первоначальном значении ничего оскорбительного не было; представление о его оскорбительности возникло только потому, что кочевник вносил в него оттенок презрения к земледельцу и горожанину. С таким же презрением турок иногда говорил о таджике, но это менее отразилось на языке, так как слово *таджик* остается и до сих пор более тесно связанным со своим первоначальным, лингвистическим значением²⁶.

3

Из областей с иранским населением совершенно не был затронут монгольским нашествием Бадахшан. В прежнее время Бадахшан не оставался в стороне от завоевательных движений; турки проникли туда еще в домусульманский период. Турки-карлуки, живущие в Бадахшане и теперь, упоминаются уже в истории арабского завоевания; карлукский князь был тогда верховным владетелем Тохаристана в обширном

²⁵ <Казахов.>

²⁶ <О значении слова *сарт* см. также работы В. В. Бартольда, публикуемые в т. II, ч. 2 наст. изд. (О преподавании туземных наречий; Вместо ответа г-ну Лапину; Еще о слове *сарт*; *Sart*). — В. Р.>

смысле, в состав которого входил и Бадахшан. Несколько позже упоминается лицо с турецким титулом как владетель Бадахшана и Шугнана. Незадолго до появления монголов Бадахшаном владели Гуриды, тем не менее в монгольский период существовало представление, будто Бадахшан не только при монголах, но и раньше не подчинялся никаким завоевателям и в течение 3000 лет (о хронологии, очевидно, не было ясного представления) управлялся потомками Александра Македонского.

Европейские ученые были склонны видеть в этом предании отголосок исторических фактов — действий Александра в горных областях Бактрианы и его женитьбы на местной княжне Роксане, но мы видели, что в домонгольский период местные иранские владетели в Средней Азии хотели быть потомками Сасанидов; предание о происхождении бадахшанских владетелей от «царя Александра и дочери царя Дария» впервые встречается в XIII в. у Марко Поло. Впоследствии потомками Александра называли себя владетели целого ряда областей как по верхнему течению Аму-Дарьи от Вахана до Дарваза и Каратегина включительно, так и по верхним притокам Инда (Читрал); мусульманские литературные свидетельства XV—XVI вв. говорят только о происхождении от Александра бадахшанских князей. Говорится, что советники Александра написали руководство для его потомков, оставленных им в Бадахшане, и что этим руководством была обеспечена независимость Бадахшана, которую, по-видимому, связывали с его культурной обособленностью от соседей. Когда последний бадахшанский князь Султан-Мухаммед (в XV в.) стал увлекаться персидской литературой и сам писать стихи по-персидски, то в этом видели нарушение заветов, оставленных Александром; с тех пор Бадахшан перешел под власть потомков Тимура. Нашествие узбеков (в начале XVI в.) вызвало в Бадахшане национальное движение, памятником которого остается до сих пор крепость Кала-и Зафар на левом берегу Кокчи, возобновленная (под другим названием здесь крепость была и раньше) одним из предводителей восстания, Мубарек-шахом Музаффаром, принадлежавшим к числу вельмож бывших бадахшанских князей. Мубарек-шаху удалось оттеснить узбеков; но потом он погиб в борьбе со своим соперником Зубейром Раги. Раздоры среди предводителей национального движения послужили на пользу Тимуридам; одному из них, Мирза-хану, удалось устранить Зубейра и потом одержать победу над движением исмаилитов, во главе которого стоял Шах Рази ад-дин.

Господство Тимуридов в Бадахшане продолжалось до 1584 г., когда бухарскому хану Абдулле удалось завоевать Бадахшан, с тех пор остававшийся под властью узбеков до завоевания всех узбекских владений к югу от Аму-Дарьи афганцами. После распада узбекского ханства в конце XVII в. в Бадахшане правила особая династия миров (эмиров), основателем которой был Яр-бек, строитель нынешней сто-

лицы Бадхашана, Файзабада; эти узбекские²⁷ князья также считали себя потомками Александра Македонского. Под верховной властью бадхашанцев находились Ишкашим и Вахан, вследствие чего этот период называется там «временем узбеков». Независимыми от узбеков оставались, по-видимому, труднодоступные области Дарваз и Каратегин. Историк Махмуд ибн Вели говорит, что только в 1047/1637-38 г. узбекам в первый раз подчинилась крепость в области Хутталян, Кала-и Хум (Кала-и Хумб, главный город Дарваза); во главе узбеков был Бакы-аталык из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит, и его голова была отправлена в Бухару; вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала узбеков, его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе (в Балхе). Отголоском этого события, может быть, является расказ, слышанный в конце XIX в. С. Д. Масловским; ему говорили, что город Кала-и Хумб получил свое название «в XVI в. во время правления Дарвазом Кыргыз-хана, наместника эмира Абдулла-хана»²⁸. Хронологическая неточность, конечно, вполне естественна, тем более что в Туркестане предание склонно относить все выдающиеся события ко времени Тимура или Абдулла-хана. О Каратегине в том же источнике говорится, что в раджабе 1045 г. (11 декабря 1635 г.—9 января 1636 г., т. е. зимой, когда Каратегин вообще считается непроходимым) через Каратегин прибыли в Хисар 12 000 семейств киргизов (кара-киргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12 предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбекским ханом в Балхе. И в новейшее время иногда приводилось предание, по которому Каратегин принадлежал прежде кара-киргизам и только недавно был занят таджиками; это был бы один из редких примеров перехода власти, уже захваченной турками, вновь к иранцам. Несмотря на то что Каратегин, под названием «Рашт», был мусульманской областью еще в X в., еще в 1820 г. о нем говорили в Бухаре Мейендорфу, как об области кафиров, хотя и не злых; средоточием грозных (*redoutables*) кафиров был, по словам Мейендорфа, Кала-и Хум. В действительности религией населения и в Дарвазе, и в областях к юго-востоку от него давно уже был ислам.

Об истории таджицких княжеств в XIX в. мы находим довольно много известий у путешественников, западноевропейских и русских; как и следовало ожидать, в них много противоречий, особенно хронологических. Было бы необходимо собрать и критически рассмотреть этот материал, но эта сложная работа до сих пор еще не исполне-

²⁷ <Яр-бек, выдвинутый бадхашанцами эмиром в 1068/1657-58 г. в противовес власти катаганских узбеков, а также его потомки, как, по-видимому, и большинство последующих правителей Бадхашана, признавали формально верховную власть узбекских правителей Балха и Бухары. (О Яр-беке см. *Та'рих-и Бадхашан*, лл. 2 а — 5 б. — В. Р.)>

²⁸ <Масловский, *Гальча*, стр. 12.>

на²⁹. Еще труднее, при почти полном отсутствии в областях по верхоям Аму-Дарьи письменности и при малом числе людей, знакомых с прошлым своей страны, сопоставить рассказы путешественников с рассказами местных жителей. Исключение представляет очерк истории Шугнана, составленный в конце 1912 г. на персидском языке шугнанцем Сейид-Хайдар-Шо и переведенный на русский язык А. А. Семеновым³⁰; в примечаниях переводчика приводятся также известия из рассказов путешественников и в особенности из русских официальных документов. Кроме того, существует, также на персидском языке, «Путеводитель по Катагану³¹ и Бадахшану» Бурхан ад-дин-хана Кушкеки³², составленный в Афганистане за последние годы, уже при эмире Аманулле, по случаю путешествия военного министра Мухаммед-Надир-хана; в состав этой книги, кроме географического описания, входят исторические очерки, именно общая краткая история (стр. 12—18), история Бадахшана (162—173), история Шугнана (336—348), история Дарваза (356—365). Очерки составлены очень поверхностно и часто сбивчиво. Знакомством с этим сочинением я обязан И. И. Зарубину.

Не останавливаясь на подробностях и не пытаясь разобраться в противоречивых показаниях об именах и датах, ограничусь сопоставлением главных фактов. Общее подчинение бадахшанским узбекам не спасло таджицкие княжества ни от войн между собой, ни от войн с Дарвазом, не подчинившимся ни Бадахшану, ни правившему в 20-х и 30-х годах XIX в. кундузскому владельцу Мурад-беку, которому на некоторое время покорились Бадахшан и области к востоку от него, также Читрал на юге и Куляб на севере. Действия Мурад-бека в горных областях были неудачны; в Шугнана он раз потерял около ста человек из-за снежного обвала, хотя поход имел место в летнее время. Дарвазский шах содержал, по словам путешественника Вуда (1837—1838 гг.), значительную армию³³, по крайней мере, по сравнению с войсками его более слабых соседей. О Каратегине Вуд говорит (только по слухам, из европейцев туда впервые проникли русские, притом только в 1878 г.), что он в вопросе о подчинении колеблется между Кокандом и Кундузом³⁴. Известно, что Каратегин был завоеван кокандским ханом Мадали (1822—1842); есть известие, что тогда же кокандский предводитель Мухаммед-Шериф-аталык завоевал и Дарваз; «хаким»

²⁹ <По истории Каратегина теперь см. Кисляков, *Очерки*. — В. Р.>

³⁰ <См. Семенов, *История Шугнана*.>

³¹ Катаган — название того узбекского рода, которому с начала XVIII в. принадлежал Кундуз.

³² <В 1926 г. был издан русский перевод: Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан*, под редакцией, с предисловием и примечаниями А. А. Семенова. По истории Бадахшана ныне см. еще *Та'рих-и Бадахшан* (издание А. Н. Болдырева, с вводной статьей и указателями, 1959). — В. Р.>

³³ <Wood, *Journey*, p. 249.>

³⁴ <Ibid.>

Дарваза, Султан-Махмуд-хан, был увезен в Фергану, умер по дороге и был похоронен в Шахимардане. Во время смут в Кокандском ханстве после 1842 г. Дарваз и Каратегин, очевидно, вернули себе свою независимость, хотя от притязаний на Каратегин кокандские ханы не отказывались, но в 70-х годах Дарваз и Каратегин были завоеваны бухарцами; по словам Семенова, последний правитель Дарваза из потомков Александра, Сирадж-хан, умер в плену в Бухаре; его брат Махмуд-хан был великим везиром у афганского эмира Абдуррахмана (1880—1901); так рассказывали Семенову в Дарвазе «местные туземцы и некоторые бухарские чиновники». По Бурхан ад-дину, «Шах-Махмуд» был владельцем Дарваза, имел сношения с Абдуррахманом еще в то время, когда тот был в Самарканде (1869—1879 гг.), до и после завоевания Дарваза бухарцами. Поэтому Абдуррахман после вступления на престол вызвал Шах-Махмуда и его брата Шах-Афзаля из Маргелана, где они жили после своего изгнания из Дарваза, в Кабул, где они через несколько лет умерли. Семенов видел в Кала-и Хуме «разбитый на части каменный трон» бывших владельцев Дарваза из потомков Александра. Масловский упоминает о «сохранившемся и до теперешнего времени, вытесанном из гранита, котле работы, как говорят, сподвижников Александра Македонского; от этого котла будто бы, по словам туземцев, получили название Кала-и Хум, или Кала-и Хумб (буквально: «крепость котла») ³⁵.

Судьба Каратегина могла представляться более спорной; он некоторое время принадлежал кокандцам, и потому русское правительство, предъявлявшее притязания на бывшие владения кокандских ханов на Памире и в Кашгарии, могло объявить своим владением и Каратегин; но этого не случилось. В августе 1876 г., после присоединения Ферганы к России, Скобелев заключил договор о пограничной линии с беком Каратегина, который был оставлен в зависимости от Бухары.

Более южные области по Аму-Дарье, таджицкие и узбекские, постепенно подчинились афганцам. Этот процесс, начавшийся еще в 1850-х годах, при афганском эмире Дост-Мухаммеде, закончился почти сорок лет спустя, в конце 80-х годов. Несколько раз местные владельцы подчинялись афганцам и при благоприятных условиях вновь восставали против них. Афганцами иногда принимались меры для укрепления своей власти под влиянием действий русских. Вследствие прибытия в Шугнан летом 1882 г. врача и ботаника Регеля эмир Абдуррахман отправил в Шугнан Гюльзар-хана, которому удалось уговорить местного владельца Юсуф-Али-хана (он упоминается еще в 1871 г.; его брат Шах-Амир-бек, лишенный наследства в Шугнани своим отцом Абд-Рахимом за склонность к исмаилитству, еще в 60-х годах некоторое

³⁵ <Масловский, *Гальча*, стр. 12.>

время владел Ваханом) явиться в Бадахшан, где его и его сына Кубада, правителя Рошана (сам Юсуф-Али управлял Рошаном при своем отце), задержали и отправили в Кабул. При таких условиях едва ли верно замечание англичанина Йета в 1886 г., что Рошан в то время оставался под властью своего наследственного эмира. Последнее восстание произошло в 1888 г., когда афганские войска очистили Шугнан вследствие восстания против эмира Абдуррахмана его двоюродного брата Исхака, наместника Афганского Туркестана (потом бежавшего в Россию); в Шугнан тогда прибыл из Гиссара Мухаммед-Акбар-хан, потомок бывших шугнанских владетелей. После поражения Исхака афганцы вернулись в Шугнан и другие области; по словам М. С. Андреева, между 1889 и 1891 гг. афганцам подчинились Зebak, Вахан и Ишкашим. Памирское разграничение 1895 г. довершило процесс уничтожения политической независимости таджиков и разделения их областей между Россией, Афганистаном и Бухарой. Экономически это разграничение было невыгодно для населения уже потому, что Бадахшан был отделен в политическом отношении от областей, с которыми он всегда был связан экономически: от Куляба на западе, от Шугнана на востоке.

Из трех узбекских ханств Туркестана таджицкий язык больше всего оставался языком государственного делопроизводства и культуры в Бухарском ханстве, меньше всего в Хивинском; Кокандское в том и другом отношении занимало середину. По сравнению с Хивой таджицкий элемент был в Бухаре так силен, что хивинский историк называет даже бухарское войско таджицким, хотя и в Бухаре господствующим, особенно среди военного класса, элементом были узбеки. Таджицкий язык оставался государственным языком не только в Бухарском ханстве, но и в учрежденной в сентябре 1920 г. Бухарской республике.

По мере перехода узбеков к оседлости таджики и их язык все более оттеснялись к горам; создавалось существующее положение, которое привело Наливкина к неверному заключению, что «одной из характерных национальных черт таджиков является их тяготение к горам». Какое значение имел для всего Туркестана факт перехода узбеков к оседлости, отразилось, например, на судьбе слова *кышлак* (постурецки 'зимовка'). В документе, написанном в январе 1598 г., т. е. накануне смерти Абдулла-хана бухарского, проводится различие между *дех-нишин*, *кышлак-нишин* и *сахра-нишин* — между живущими в деревнях, живущими в кышлаках и живущими в степи; живущие в кышлаках, для которых зимовка постепенно становилась единственным жилищем, занимали, таким образом, среднее положение между вполне оседлым земледельцем и кочевником. Теперь, как известно, *кышлак* есть именно деревня вполне оседлого земледельца, и так называют свои деревни не только узбеки, но и таджики, даже горные.

Русское завоевание избавило таджицкие селения от грабительских

набегов турецких кочевников. Селение Пискон (Пскем) в верховьях Чирчика в последний раз было разграблено кара-киргизами в эпоху взятия Ташкента русскими, т. е. около 1865 г. При господстве русских такие грабежи сделались невозможными; с другой стороны, под влиянием установления порядка и улучшения путей сообщения язык большинства, узбекский, все больше становился языком всего населения. В эпоху завоевания, как мне говорили, в горных селениях в верховьях Чирчика никто не понимал по-турецки; лично мне во время моих путешествий по Туркестану только один раз, в Бухаре, пришлось слышать слова: *Турки немидонем* («по-турецки не знаю»). Академик Радлов в 1868 г. слышал на улицах Самарканда почти исключительно персидскую речь; при мне (например, в 1904 г.) там гораздо больше говорили по-турецки, чем по-персидски. На этом языке легче, чем на персидском, можно было объясняться с русскими властями, так как русские привели с собой переводчиков из татар и киргизов³⁶; по этой причине влывший в немилость бывший самаркандский кази-калян Кемаль ад-дин в 1871 г. написал оправдательную записку не на своем родном персидском языке, а по-турецки, чтобы ее содержание могло быть объяснено русским. Когда, около того же времени, было признано необходимым издавать при официальных «Туркестанских ведомостях» приложения на местных языках, к этим языкам первоначально был причислен и таджикский, наряду с «чагатайским» и киргизским³⁷; потом вместо этого говорилось о «приложениях на тюркском (сартском) и киргизском наречиях»; на этих двух языках и выходили приложения с 1871 г. 4 раза в месяц — 2 раза на сартском языке и 2 на киргизском³⁸; с 1883 г. вместо этого стала издаваться небольшая газета на одном «сартском» языке. Когда в 1920 г. была утверждена конституция Туркестанской республики, то «коренными национальностями» ее были признаны только киргизы, узбеки и туркмены; древнейшие жители края, таджики, были забыты. В какой мере будет способствовать возрождению таджикской национальности национальное размежевание 1924 г., покажет будущее³⁹.

³⁶ <Казахов.>

³⁷ <Казахским.>

³⁸ <Казахском.>

³⁹ <Таджикский народ, наряду с другими народами СССР, получил все возможности для разностороннего развития своей экономики и культуры в результате решения национального вопроса в нашей стране в процессе строительства социализма. Таджики вскоре после написания публикуемого здесь исторического очерка В. В. Бартольда обрели и свою государственность. 14 октября 1924 г. при национально-государственном размежевании в Средней Азии была создана Таджикская АССР, преобразованная затем, 5 декабря 1929 г., в Таджикскую ССР. — В. Р.>

ТАДЖИКИ

(Из «Энциклопедии ислама»)

Т а д ж и к, более ранняя форма *tāzīk* или *tūjīk* (у Махмуда Кашгарского, I, 324: *тежик*) — название народа, первоначально в значении 'араб' (позже это значение сохранила только форма *tāzī*), позднее в значении 'иранец' в противоположность 'тюрку'. Слово это образовано из названия арабского племени тай. Среди арабских племен тай были ближайшими соседями иранцев; поэтому имя этого племени было перенесено на весь арабский народ. Тай «уже в начале II века, наряду с саракенами, названы одним уроженцем Эдессы как представители всех бедуинов» (Cureton, *Spicilegium Syriacum*, p. 16 sq.; Nöldeke, ZDMG, Bd XLIX, S. 713). Слову *таджик* в значении 'араб' соответствует в пехлеви *tāčīk*, в армянском *тачик* (ср. Horn, *Neupersische Schriftsprache*, S. 187), в китайском *даши*. По-видимому, и в Средней Азии иранское население называло так завоевателей-мусульман; ввиду того что по воззрениям той эпохи всякий иранец, принявший ислам, становился арабом (ср. Табари, II, 1508₁₃), это слово пришло к тюркам в значении 'мусульманин, муж из области распространения мусульманской культуры'; а так как большинство известных тюркам мусульман были иранцы, то слово *теджик* получило в тюркском, как название народа, значение 'иранцы'. Махмуд Кашгарский (I, 324) объясняет слово *тежик* как 'перс' (*ал-фāрисī*); также и в относящемся к тому же времени *Кутадгу билик* (изд. Радлова, особенно 8,1) «теджики» отличаются от арабов как персы (ср. Радлов, *Словарь*, III, 1096). Сами иранцы, противопоставляя себя тюркским правителям, в то время также уже именовали себя *tāzīk*; напр., Бейхаки, изд. Морлея, стр. 746, наверху. Особенно часто подчеркивается противоположность между тюрком и таджиком; так, утверждали, что как дружественные, так и родственные связи между тюрком и таджиком всегда оканчивались плохо и что таджик никогда не может полагаться на тюрка (Захир ад-дин Мар'аши, 248, 253 и сл.). Об отношении слова *таджик* к слову *сарт* см. <Barthold,

Sart; наст. изд., т. II, ч. 2). В употреблении обоих этих слов выступает на первый план значение иранцев как торгового народа. Слово *sart* появляется в тюркском вначале как имя нарицательное со значением 'купец' и позднее становится именем народа — иранцев, рассматриваемых преимущественно как торговый народ; имя же народа *tādjīk* (*тезик*), наоборот, позднее, по крайней мере у волжских татар, употреблялось как нарицательное со значением 'купец'. Согласно одному из первоисточников по истории завоевания Казани русскими в 1552 г. (отчет князя Курбского), цитадель Казани окружал «ров тезиков» («тезицкий», или «тешицкий» ров), причем слово *тезик* объясняется как 'купец' (ср. Карамзин, *История государства Российского*, т. VIII, стр. 110; Заринский, *Очерки древней Казани*, стр. 8).

В наше время таджиками иногда называют восточных иранцев в противоположность собственно персам; в качестве западной границы расселения таджиков приводится линия между Астрабадом (см. <EI, I>) и Йездом. В Туркестане, особенно в эпоху господства узбеков, таджики постепенно были вытеснены с равнины в горные области. Русские объединяют под именем «таджик» все иранские народности Туркестана — как собственно таджиков, т. е. население, говорящее на *tādjīkī* <таджикском языке> (см. <EI, IV, 648>), так и занимающие в языковом отношении особое положение горные народы по р. Пяндж (см. Barthold, *Amū-Daryū* <наст. изд., т. III>) и в верхнем течении Зеравшана. Исходя из этого значения в 1924 г. была создана автономная республика Таджикистан со столицей Дюшамбе (в верхнем течении Кафирнигана). По переписи населения того же года, численность таджиков составляла 871 532 человека. Само население по-разному употребляет слово *таджик*. Жители некоторых горных областей, как, например, Шугнана и Рошана, сами себя именуют таджиками, зато своих соседей в Дарвазе, говорящих на *tādjīkī*, называют «говорящие по-персидски» (*pārsī gūy*); в противоположность этому жители верхнего течения Зеравшана, говорящие на одном из персидских диалектов, сами называют себя таджиками, а жителей долины р. Ягноб, говорящих на своеобразном диалекте, называют «гальча»; упомянутое население, кажется, и само отличает свой *ягноби* от таджикского языка.

Ранее часто встречавшееся (см. еще Justi, *Geschichte Irans*, S. 402) утверждение о происхождении названия народа таджик от головного убора *tādj* следует безоговорочно отвергнуть как по лингвистическим, так и по историческим причинам.

Литература. Khanikoff, *Mémoire sur l'ethnographie*; Шишов, *Таджики*; Бартольд, *Таджики*; М. Андреев, *По этнографии таджиков*. <См. также: Гафуров, *История. История таджикского народа*; *Народы Средней Азии*, I, стр. 528—628. — В. Р.>

КИРГИЗЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

〈ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ〉

Издание очерка по истории киргизского народа давно задумано Научной Комиссией, существовавшей ранее при Отделе народного просвещения Киргизской Автономной области. Главной побудительной причиной к такому изданию послужил возросший после самоопределения киргизского народа интерес к самопознанию, к познанию, в частности, своей истории.

Кроме того, Научной Комиссией учитывалось и то обстоятельство, что в нашей научной литературе нет ни одного систематизированного труда по истории киргизского народа, одного из древнейших народов Средней Азии¹; потребность же в подобном труде для туркологов и большого числа лиц, интересующихся советским Востоком вполне очевидна.

Акцентр Наркомпроса Кир. АССР

---

¹ <После выхода в свет этой работы В. В. Бартольда, в которой впервые дан связный обзор истории киргизов, был накоплен обширный материал по археологии, этнографии и истории киргизов и Киргизии и опубликован ряд исследований, на основе чего создан сводный коллективный труд — *История Киргизии* (т. I—II, Фрунзе, 1956). Библиографию основных изданий по археологии Киргизии см. выше, стр. 23, прим. 1. Систематически изложенные сведения по всем вопросам изучения истории киргизов и Киргизии см. в кн.: Шерстобитов и др., *Очерк*; полный перечень работ по историографии Киргизии см. там же, стр. 4, прим. 1. Другие библиографические пособия перечислены выше, стр. 23, прим. 1; см. также Шерстобитов и др., *Очерк*, стр. 117, 123. Почти исчерпывающий свод сведений о материалах и исследованиях дореволюционного времени, относящихся к истории киргизов и Киргизии, содержится в капитальном библиографическом труде: Амитин-Шапиро, *Аннотированный указатель*. — В. Р.>

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ

Киргизы (*кыргыз*)¹ принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории.

Почти все наши сведения о судьбах восточной части Средней Азии в домонгольский период извлечены из произведений китайской официальной историографии, где названия народов и другие собственные имена, личные и географические, передаются, конечно, в транскрипции китайскими иероглифами. При переводе китайских текстов русские ученые обыкновенно руководствовались произношением иероглифов в современном пекинском наречии, западноевропейские — китайским литературным, или так называемым «мандаринским» языком; некоторые синологи сверх того старались установить, на основании лингвистических данных, как должны были произноситься те или другие иероглифы в то время, к которому относился данный памятник; в связи с этим иногда решался вопрос об этнографическом происхождении упоминаемых китайцами народов. Из трудов западноевропейских сиологов в настоящем очерке чаще всего встречаются ссылки на статью Хирта (Fr. Hirth) «Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk» (1899), на труд Шаванна (E. Chavannes) «Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux» (1903)² и

¹ <Л. Лигети и другими учеными обосновано лингвистически объяснение происхождения названия *кыргыз* от числительного *кырк* ('сорок') с аффиксом мн. числа *-(ы)з*, подобно собирательному этническому имени *огуз*, вероятно происходящему от слова *ок(ог)* 'род', 'племя', которое получило оформление аффиксом мн. числа *-(у)з* (см. Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, 84, прим. 31; подробнее см. Абрамзон, *К семантике*). Этому объяснению соответствует среднеазиатская письменная традиция, в которой при перечислении 92 «узбекских» племен киргизы упоминаются среди родо-племенных названий, представляющих собой числительные: *минг*, *юз*, *кырк* и *он* (см. Аваз-Мухаммед, л. 266 б). О возможной связи названия *кыргыз* с этническим или географическим термином *аз ~ ас ~ ус* см. ниже, стр. 485, прим. 20, и стр. 504, прим. 10. О легендах, объясняющих слово *кыргыз* происхождением от 40 девушек, см. ниже, стр. 504, прим. 10, и от 40 гузов (*гыз*) — стр. 513, прим. 6. — В. Р.>

² Ср. мою рецензию: ЗВОРАО, т. XV, стр. 0162—0185.

на труд де Грота (M. de Groot) «Die Hunnen der vorchristlichen Zeit» (1921) ³.

На русском языке китайские сведения о народах Средней Азии собраны в труде монаха Иакинфа (Бичурина) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851), доведенном до X в.; продолжением этого труда должен был служить труд В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века» (1857).

Первым по времени памятником китайской официальной историографии являются «Исторические записки» (*Ши-цзи*). Сыма Цяня, «отца истории в Китае», закончившего свой труд в 99 г. до н. э. В это время северными соседями китайцев были хунны (Hung-nu), создавшие первую известную в истории Средней Азии обширную кочевую империю; сами китайцы обыкновенно сближали хуннов с народами турецкого происхождения; европейские ученые до последнего времени ⁴ большею частью также считали хуннов турками, хотя теперь такой специалист по китайским известиям о Средней Азии, как проф. Пельо (Pelliot), склонен вернуться к прежней теории о монголизме хуннов. По словам Сыма Цяня, хунны на севере, между прочим, подчинили себе царство Гэгунь ⁵ (в транскрипции де Грота Kik-k'ün), по-видимому в 201 г. до н. э. Как сами китайцы, так и европейские ученые сближают эту транскрипцию с другими, употреблявшимися для передачи слова *кыргыз*, так что известие о событиях 201 г. до н. э. должно быть признано первым по времени известием о киргизах. Старались объяснить эту транскрипцию также иначе; в первом слого, являющемся, как мы сейчас увидим, впоследствии в форме *Гянь* ⁶, видели передачу названия реки «Кем», во втором — передачу названия реки «Орхон» и поэтому полагали, что китайцы называли так область между Енисеем и Орхоном. Енисей, действительно, носил у турецких народов всегда название «Кем» ⁷; но китайцы передавали это слово другим иероглифом, не тем, которым передавалась первая часть названия *кыргыз*. Вторая часть, действительно, передавалась тем же иероглифом, как впоследствии название реки Орхон, так что можно думать, что и в названии киргизского народа китайцы слышали в конце

³ Ср. мою рецензию: «Анналы», т. II, стр. 261—267.

⁴ О теориях по вопросу о хуннах ср. Иностранцев, *Хунну*. <После выхода в свет этой работы Бартольда хуннам был посвящен ряд исследований, в том числе: Mc Govern, *The early empires* (см. рец.: Бернштам, ВДИ, 1940, № 3—4) и Бернштам, *Очерк истории гуннов* (на эту книгу см. рец.: Борисов, ВИ, 1952, № 11; Кызласов — Мерперт, ВДИ, 1952, № 1; Удальцова, *Против идеализации*). Последние по времени выхода в свет книги о гуннах Центральной Азии: Гумилев, *Хунну* (на нее рец.: К. Васильев, ВДИ, 1961, № 2; Думан, «Народы Азии и Африки», 1962, № 3; Воробьев, «Народы Азии и Африки», 1962, № 3); Ма Чан-шоу, *Бэйди юй сюнну*. — Б. С.>

⁵ <Совр. транскрипция — Цзянькунь.>

⁶ <Совр. транскрипция — Цзянь.>

⁷ <Об этом названии см. Hambis, *Notes sur Kām*. — В. Р.>

носовой звук. По мнению Пельо, мы имеем здесь монгольское образование единственного числа — *кыркун*. Так как китайцы, по всей вероятности, узнали о киргизах от своих соседей хуннов, то этим подтверждалось бы мнение Пельо о монголизме этого народа.

Рассказ о событии 201 г. до н. э. ничего не говорит ни об области киргизов, ни о ее местоположении; но вместе с киргизами, очевидно в качестве их соседей, назван, между прочим, народ динлин (*Ting ling*); в котором видят предков так называемых «енисейских остяков». На этом основании можно предположить, что киргизы уже тогда, как впоследствии, жили на Енисее.

Несколько больше, хотя все-таки очень мало географических данных мы находим в «Истории старших Хань» (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.); автор Бань Гу, умер в 92 г. н. э. В рассказе о событиях второй половины I в. до н. э. киргизы упоминаются под названием *гяньгунь*⁸ (у Шаванна *Kien koen*, у де Грота *Kin-k'un*). Один из представителей царствовавшего дома хуннов передвинулся на запад, в страну по соседству с владениями народа усунь⁹, о котором автор часто говорит и в других местах, как о западных соседях и врагах хуннов. Местоположение страны усуней определяется им довольно точно, центр ее находился в местности к югу от Кэссык-Куля, на западе она граничила с Ферганой, на востоке заключала в себе местность к востоку от озера Эби-Нор и к западу от города Шихо. Узнав о приближении хуннов, усунейцы послали против них отряд в 8000 человек; этот отряд был разбит хуннами — очевидно, не во владениях усуней, но дальше, к востоку. Победив усуней, хунны направились на север, против народа угэ, оттуда на запад, против народа гяньгунь, оттуда на север, против народа динлин; покорив все эти «три царства», хунны часто посылали войска на усуней и всегда одерживали над ними победы. Предводитель хуннов прожил некоторое время в стране Гяньгунь, потом заключил союз с западными соседями усуней, кангюйцами (кангюй¹⁰, у Шаванна *K'ang-kiu*, у де Грота *K'ang-ki*), владения которых доходили до местности к северо-западу от Ферганы¹¹. Хунны приняли приглашение кангюйцев перейти в их страну, на пути туда понесли большие потери (спаслось только 3000 человек войска), но там им удалось основать могущественное царство и одержать большие победы над усунями. Это царство в 36 г. до н. э. было уничтожено войском, посланным на запад китайцами, и сам предводитель хуннов, основатель царства, был казнен.

О стране Гяньгунь говорится еще, что она находилась в 7000 ли (ли — в то время $\frac{1}{3}$ версты) на запад от столицы хуннов (на Орхоне

⁸ <Цзянькунь.>

⁹ <Об усунях см. выше, стр. 25 и сл.>

¹⁰ <Совр. транскрипция — канцзюй.>

¹¹ <О Кангюе (Канцзюе) см. выше, стр. 175—176.>

или Толе) и в 5000 ли к северу от области Чэши¹² или Гусу¹³, т. е. от области в восточной части Китайского Туркестана, где теперь город Турфан. Мы увидим, что впоследствии мусульманскими географами также описывается путь на север в страну киргизов на Енисей, из местности около Турфана. Если указанные китайцами расстояния близки к действительности, то возможно, что киргизы тогда жили не только на Енисее, но и южнее, в той местности, где теперь озеро Кыргыз-Нор (*нор*, или *нур*, по-монгольски — 'озеро'); насколько мне известно, нет сведений о том, когда и почему озеро получило такое название. Во всяком случае, ход событий показывает, что страна Гяньгунь находилась восточнее страны усуней и что только по случайному недосмотру в рассказе о движении хуннов из страны Гяньгунь в страну Кангюй об усунях не упоминается; несомненно, что понесенные хуннами на этом пути потери были причинены им усунями. Недосмотр Бань Гу ввел в заблуждение писавшего в III в. н. э. Юй Хуаня¹⁴, автора истории династии Вэй (220—264); он помещает страну Гяньгунь рядом со страной Кангюй, притом к северо-западу от нее. Страну динлинов он помещает к северу от страны кангюйцев и тут же уверяет, впадая в явное противоречие с самим собою, что страна Гяньгунь находилась посередине между двумя другими «царствами». Этими ошибками был введен в заблуждение де Грот.

Говорится еще о назначении правителями страны Гяньгунь и других северных стран сановников китайского происхождения, перешедших на службу к хуннам; но эти известия, по-видимому, не основаны на точном свидетельстве источников. В самом конце II в. до н. э. на сторону хуннов перешел Вэй Люй, сановник кочевого происхождения, но получивший китайское образование и находившийся на службе в Китае, откуда он был отправлен послом к хуннам. В составленной в XI в. истории династии Тан (618—907) сказано, что Вэй Люй был поставлен государем у динлинов; но в истории старших Хань явного указания на это нет. В 99 г. до н. э. на службу к хуннам перешел разбитый хуннами после долгого сопротивления китайский полководец Ли Лин; он умер в стране хуннов в 74 г., после чего среди сановников хуннов упоминается его сын. В примечании к переводу этого места у Иакинфа сказано, что «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас (транскрипция слова *кыргыз*, употреблявшаяся при династии Тан), где потомки его царствовали почти до времен Чингис-хана»¹⁵. Из истории династии Тан известно

¹² <Совр. транскрипция — Чэши.>

¹³ <Совр. транскрипция — Гуши.>

¹⁴ <Неясно, какого автора имел здесь в виду В. В. Бартольд. Как указал Б. И. Панкратов, «История трех династий» была собрана и отредактирована Чэнь Шоу, который при этом сам написал историю династии Хань, истории же двух других династий, в их числе и история Вэй (220—264), были составлены особой комиссией. Имя Юй Хуаня в ряду авторов этого сочинения не встречается. — В. Р.>

¹⁵ <Бичурин, *Собрание сведений*, I, 51.>

только, что потомком Ли Лина считался киргизский каган, положивший в 840 г. конец уйгурскому государству и умерший в 847 г. Так как династия Тан принадлежала к тому же роду Ли, то киргизский каган во время переговоров 841 года был признан родственником правившей в Китае династии. Хотели внести его имя в царскую родословную, но потом отказались от этого, признав, что «Хягас есть небольшой род, который не в состоянии равняться с домом Тан»¹⁶.

О судьбах киргизского народа в первые пять веков н. э. нет, по-видимому, никаких сведений. Совершенно неизвестно, как отразилось на киргизах совершившееся в конце I в. н. э. падение державы хуннов и переход первенства к народу, известному у китайцев под названием сяньби (сяньбийцев до сих пор обыкновенно считали тунгусами; проф. Пельо в лекции, читанной в Ленинграде, назвал их турками, ссылаясь на китайский словарь сяньбийского языка; в печати мне сведений об этом словаре не приходилось встречать). В составленной только в V в. «Истории младших Хань» (25—220) говорится, что сяньбийский государь Таньшихай¹⁷ (ум. в 181 г.) «на севере остановил динлинов, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державой хуннов»¹⁸. Слова о борьбе с динлинами заставляют полагать, что Таньшихай владел землей южных соседей динлинов, киргизов. В той же истории динлины иногда упоминаются там, где мы скорее ожидали встретить их южных соседей. Народ ухуань причислялся китайцами к «восточным варварам» (дун ху) и некогда был, по-видимому, восточным соседом хуннов, в местности к северу от пустыни Гоби; в то же время китайцы говорят, что эта пустыня, куда ухуаньцы приняли преступников, находилась к юго-западу от динлинов и к северо-востоку от усуней; сверх того, говорится об образованных китайцами в начале н. э. военных отрядах, в состав которых входили вместе динлины и ухуаньцы.

После II в. динлины больше не упоминаются; нет также сведений о киргизах вплоть до образования в VI в. кочевой империи турок-огузов.

¹⁶ <Там же, 451.>

¹⁷ <Тань Ши-хуай.>

¹⁸ <Ср. Бичурин, *Собрание сведений*, I, 169: «...на севере остановил динлинов, на востоке отразил фуюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов, от востока к западу на 14 000 ли, со всеми горами, реками и соляными озерами.»>

Глава II

КИРГИЗЫ ОТ VI ДО IX ВЕКА

В истории династии Тан (*Тан-шу*), правившей от 618 до 907 г., мы находим о киргизах несравненно более подробные сведения, чем в более ранних китайских исторических сочинениях. Впервые географически точно указывается, где жили киргизы и какие пути соединяли их страну с другими; впервые также сообщаются сведения о физическом типе и языке киргизского народа. Сверх того, эти сведения могут быть дополнены начинающимися в тот же период сведениями арабских географов; наконец, что особенно важно, о киргизах несколько раз упоминается в так называемых «орхонских» надписях — исторических надписях, оставленных, преимущественно на реке Орхоне, господствовавшими тогда в Монголии турками.

Что касается путей в страну киргизов, то китайцы говорят о пути от Селенги до «Черных гор» или гор Таньмань; Фр. Хирт полагает, что имеются в виду Саянские горы и что те же горы упоминаются в орхонских надписях под названием Кенгю-Тарман, или Кенгю-Тарбан. По надписям, эти горы были крайним западным пределом турецких владений, причем об этом говорится тотчас после рассказа о подчинении киргизов, по которому киргизы жили за горами Кёгмен. Последнее название Хирт нашел в другом китайском источнике (VIII в.) в транскрипции Кюй (Цюй) мань. По его мнению, Кюймань и Таньмань, как по-турецки Кёгмен и Кенгю-Тарман, — одно и то же, что мало вероятно. Более правдоподобно, что горы Кёгмен были юго-восточной, горы Кенгю-Тарман — западной границей области киргизов; в первом случае, вероятно, имеется в виду Саянский хребет, во втором — Алтай, хотя в *Тан-шу* сказано, что страна киргизов простиралась до гор Таньмань на юг. Путь к киргизам через горы Кёгмен упоминается и мусульманскими географами, как путь с юга, из области, где теперь Турфан. Между этой областью и горами Кёгмен были еще горы Кемизарт и Манбек-Лу; после перехода через горы Кёгмен шли еще семь дней до ставки киргизского кагана¹. Мусульманские географы ничего

¹ <Историко-географические сведения о землях древних киргизов и соседних с ними областях и другие вопросы прошлого енисейских киргизов рассмотрены в кн.: Киселев, *Древняя история Южной Сибири*. — В. Р.>

не говорят о реке, протекавшей через страну киргизов; у китайцев эта река называется Гянь², т. е. Кем (Енисей).

Киргизы, по *Тан-шу*, «перемешались с динлинами»; в то же время говорится, что они внешнею походили на народ, получивший от китайцев прозвание *бома* ('пегие лошади'— будто бы за то, что у этого народа были лошади такого цвета). *Бома* (у Шаванна *Pouo-ta*) жили прямо к северу от турок (огузов); надо было бы ожидать: от киргизов, тем более что дальше сказано, что они постоянно воевали с киргизами; их земля всегда была покрыта снегом и доходила на севере до моря. Черты наружности перечисляются не при описании *бома*, но при описании киргизов: «рыжие волосы, румяное лицо и голубые глаза»³. Такие же черты наружности, так мало соответствующие современному киргизскому типу («красные волосы и белая кожа»), приписываются киргизам в рассказе персидского автора XI в. Гардизи, заимствованном, по-видимому, у писавшего в VIII в. (ум. в 757 г.) Ибн Мукаффы; по этим признакам Ибн Мукаффа считал киргизов родственниками славян. Китайцы говорят еще, что по языку киргизы отличались от *бома*; приводится несколько киргизских слов (например, слово *ай* — 'месяц'), из которых видно, что киргизы уже в то время говорили на одном из наречий турецкого языка. К туркам по языку причисляют киргизов и мусульманские авторы.

Из всего этого, по-видимому, можно заключить, что киргизы были отуреченными енисейскими осятками и вели войны со своими родичами, сохранившими свой прежний язык. У енисейских осятков сохранились предания о нападении на них «сверху», т. е. с юга, могущественного народа *килики*⁴; но, конечно, эти предания могут относиться и к более поздним событиям.

Народ *бома* не достиг политического объединения; каждая община имела своего начальника, независимого от других, тогда как во главе киргизов стоял единоличный владетель, носящий в китайской истории титул *ажо*⁵. Ни в турецких, ни в других, кроме китайских, источниках этого титула нет; проф. Н. Н. Козьмин думает узнать его в русском документе 1701 г., где упоминается «езерский (езеры — один из киргизских родов) судья Ожо» (ниже — Ожо и Оджа). В документе 1700 г. встречается имя Ботиажо, причем вторую часть этого имени можно толковать как титул.

Из китайских и некоторых западных (в особенности византийских) источников мы знаем, что в VI в. произошло выступление первого по времени народа, называвшего себя турками; во главе этого народа стояли два брата, которых китайцы называют Тумынь и Шэдеми⁶.

² <Цзянь.>

³ <Бичурин, *Собрание сведений*, I, 443.>

⁴ Анучин, *Очерк шаманства*, стр. 4.

⁵ <Совр. транскрипция — ажэ. Ср. также ниже, стр. 487.>

⁶ <Совр. транскрипция — Сэдами или Шидяньми.>

Братьям удалось подчинить себе все степи и некоторые культурные области от границ Китая до границ Византии и Персии; Тумынь остался на востоке, Шэдеми ушел на запад, где после него правили его потомки. Тумынь умер в 553 г.; время смерти Шэдеми китайцами не указывается; Шаванн старается доказать, что Шэдеми есть Дильзибул, или Сильзибул, византийских источников, умерший в 576 г.

Орхонские надписи только в кратких словах говорят о первых турецких каганах, носивших имена Бумын (можно читать также Буман) и Истеми; среди подчинившихся им народов упоминаются и киргизы. Китайцы говорят только о подчинении киргизов западно-турецкому кагану Дулу; происхождение его в точности не установлено; Шаванн полагает, что он был потомком Шэдеми (Истеми) в пятом поколении. Дулу умер в 653 г., после нескольких неудач и поражений; временем его высшего могущества был 638 г., когда ему подчинились бома и гегу⁷ (у Шаванна *Kie-Kou*), как здесь названы киргизы. Власть турок распространялась некоторое время, следовательно, не только на киргизов, но и на их северных соседей. Где проходила северная граница области киргизов и вместе с тем области распространения турецкого языка, точно не указывается; некоторый ответ на этот вопрос дают слова *Тан-шу*: «все реки (бассейна Енисея) текут на северо-восток. Минуя Хягас (чаще всего употреблявшаяся при династии Тан транскрипция слова *кыргыз*), они соединяются и текут на север»⁸. Возможно различное толкование этих слов. Если речь идет о повороте Енисея ниже впадения Ангары около Енисейска, то граница киргизской области приблизительно совпадала бы с нынешней этнографической границей турецких народностей (так называемых «сибирских татар», со времени революции называющих себя хакасами) с самоедами и тунгусами. Область енисейских остяков начинается теперь гораздо севернее, у деревни Анцыферовой, но сохранились воспоминания о том, что прежде они жили гораздо южнее. Если имеется в виду поворот Енисея ниже впадения Кана (что более соответствовало бы определению стран света), то северная граница киргизской области (и распространения турецкого языка) была бы тогда гораздо южнее.

Китайцы говорят еще, что «прежде хягасское государство зависело от дома Сеянто, который имел там своего гелифу для верховного надзора»⁹. Слово *гелифа*¹⁰, по другой транскрипции *сыллифа*, есть, как теперь доказывают, встречающийся в орхонских надписях турецкий титул *эльтебер*. По степени политического значения надписи различают два типа народов (*будун*): народ с эльтебером (*эльтеберлиг будун*) и народ с каганом (*каганлыг будун*); титул *эльтебер* стоял ниже титула

⁷ <Совр. транскрипция — цзегу.>

⁸ <Ср. Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2-е, I, 354.>

⁹ <Бичурин, *Собрание сведений*, I, 448.>

¹⁰ <Совр. транскрипция — цзелифа.>

каган и давался предводителям небольших народов, не имевших самостоятельной политической жизни. Дом Сеяньто принадлежал к числу турецких владетельных домов, причем китайцы говорят, что «поколение Сеяньто составилось из двух родов, Се и Яньто»¹¹. Была попытка объяснить эти названия как транскрипцию турецких слов *сир* и *тардуш*. Слово *сир* встречается только в одной надписи, в сочетании *тюрк сир будун*, причем из текста не видно, надо ли понимать слово *сир* как собственное имя или как нарицательное; слово *тардуш* встречается очень часто как название одной из двух главных ветвей турецкого народа, но сочетание *сир тардуш* в надписях нет, а потому толкование слов се-яньто, предложенное Хиртом, остается сомнительным; в новейшем труде об орхонских надписях, принадлежащем Томсену (известно, что Томсену принадлежит и честь открытия ключа к чтению надписей), оно не принято.

В главе *Тан-шу* о поколении Сеяньто киргизы не упоминаются. Из приводимых ниже данных можно заключить, что возвышение Сеяньто в Восточной Монголии относится приблизительно к тому же времени, как могущество западно-турецкого кагана Дулу, так что киргизы, по-видимому, в одно и то же время подверглись нападениям двух ветвей турок-огузов, с востока и запада. Сеяньто возвысились в первый раз в начале VII в. в связи с поражением победоносного некоторое время западно-турецкого кагана Чуло; в 611 г. Чуло был вынужден удалиться в Китай. Сеяньто в это время действовали в союзе с другим турецким народом, уйгурами, юго-восточными соседями киргизов, занимавшими страну от Селенги к западу; потом между ними произошел разрыв, и в 629 г. предводитель Сеяньто Доми погиб в борьбе с уйгурским предводителем Тумиду. Еще раньше, когда возвысился западно-турецкий каган Шегуй, предводители Сеяньто отказались от своих притязаний на каганство. Эти притязания потом возобновил предводитель Инань, сначала подчинившийся восточно-турецкому кагану Хели¹² (620—630), потом, после его поражения, сделавшийся первым лицом в Восточной Монголии и правивший до 645 г.; по-видимому, это было временем высшего могущества Сеяньто, и к этому времени должно быть отнесено подчинение им киргизов. Через несколько лет после смерти Инаня его преемник погиб в борьбе с уйгурами. Уйгурский предводитель Тумиду, номинально подчинившийся Китаю, но в своих владениях продолжавший называть себя каганом, был убит в 648 г. своим племянником Угэ. Угэ и его преемники уже не имели такого значения, и киргизы теперь могли действовать самостоятельно. В 648 г., в год смерти Тумиду, через 3 года после смерти Инаня и во время упадка могущества западно-турецкого кагана Дулу, киргизами было отправлено первое посольство в Китай.

¹¹ <Бичурин, *Собрание сведений*, I, 426.>

¹² <Совр. транскрипция — Цзели.>

Китай достиг в это время высшей степени могущества; номинально ему подчинились все земли, входившие прежде в состав турецкой империи, как ее восточной (еще с 630 г.), так и ее западной (после 658 г.) ветви. Областью Китайской империи формально сделалась и страна киргизов, причем официально было восстановлено ее прежнее китайское название Гяньгунь. Фактическими властителями в степи везде оставались прежние ханы и предводители, только теперь они считались китайскими губернаторами, получили китайские чины и были подчинены китайскому наместнику, жившему в городе Яньжань (в провинции Шаньси, недалеко от нынешнего города Датунфу, считающегося и теперь «одним из важных стратегических пунктов в Северном Китае»). В стране киргизов «главноначальствующим» был поставлен старейшина (*сылыфа*) Шибоккой¹³ Ачжань, лично приехавший к китайскому двору. Сношения киргизов с Китаем продолжались до 758 г., когда их страна была покорена уйгурами. Было два посольства в период 650—683 гг., одно в период 705—711 и четыре в период 713—755 гг. Тем не менее китайцы ничего не говорят о том, какое участие принимали киргизы в событиях конца VII и начала VIII в. Сведения об этом мы находим только в открытых в Монголии турецких надписях этого периода.

Главное содержание надписей — события, связанные с освобождением после 680 г. восточных турок от китайского ига и восстановлением восточно-турецкого каганства. Одному из этих каганов, которого китайцы называют Мочжо (он правил с 692 или 693 г. и умер в 716 г.), удалось на короткое время распространить свою власть далеко на запад; вообще как ему, так и его брату и предшественнику, восстановителю каганства (китайцы называют его Гудулу), приходилось воевать не только с китайцами, но и с турецкими каганами и предводителями, иногда заключавшими против новых каганов союз как между собой, так и с Китаем. Среди врагов Гудулу, которого надписи называют Ильтерес (по чтению Томсена — Эльтериш)-каганом, упоминаются и киргизы; но война с киргизами и вообще с западными народами тогда еще не имела значения. При Ильтересе или Мочжо (последнему одна из надписей дает титул Капаган-каган) было достигнуто соглашение, по которому киргизский предводитель Барс-бег был признан каганом и за него была выдана дочь Ильтереса. Надпись, составленная от имени главного советника Ильтереса и его преемников, Тсньюкука, говорит только о борьбе Ильтерес-кагана с коалицией севера, востока и юга (китайцев); главным врагом считался государь севера, стоявший во главе другой части огузов, Баз-каган, тогда как в царствование Мочжо больше значения придавалось борьбе с киргизами и Барс-бегом. По турецкому обычаю, у могил ханов и богатырей ставились изобра-

¹³ <Совр. транскрипция — Шибоккой.>

жения убитых ими врагов; у могилы Ильтерес-кагана на первом месте было поставлено изображение Баз-кагана, у могилы Мочжо, или Капаган-кагана, — изображение киргизского кагана¹⁴.

Надпись Тоньюкука говорит о составившейся против восточных турок коалиции трех «каганов»: китайского, западно-турецкого (во главе западных турок стоял в то время род тюргеш) и киргизского; таким образом, на этот раз в коалиции, кроме китайцев, принимали участие только народы запада. Тоньюкук решил произвести нападение на киргизов. По-видимому, эта война произошла зимой (710/11 г.; надпись только в кратких словах говорит о битве и победе над киргизами; более подробно говорится о трудностях перехода через горы Кёгмен, т. е. через Саянский хребет. Через эти горы был только один путь, в то время закрытый снегом; от одного человека из народа азов (о нем см. ниже) Тоньюкук узнал, что есть еще узкая дорога, где одна лошадь должна была идти за другой, вдоль реки Аны. Тоньюкук решил идти этим путем; войско собралось за местностью Ак-Термель, откуда пешком проложило себе путь через снег. Люди шли сначала верхами, потом вверх по реке пешком, таща лошадей за собой и держась за деревья (или, что более вероятно, за деревянные палки). Передовой отряд протапывал дорогу в снегу, за ним шло войско; так был пройден перевал Ыбар(?); после этого еще десять суток с таким же трудом и по такому же глубокому снегу совершался спуск; проводник был признан обманщиком и был убит. Дойдя до реки Аны, войско село на коней и быстро отправилось в страну киргизов; ему удалось застигнуть врага врасплох.

По другой надписи, битва произошла в горах Сонга (или Сунга); турки убили кагана киргизов и завоевали их государство. Как и другие завоевания Мочжо, это завоевание скоро было утрачено; в 731 г. на поминки по царевиче Кюль-тегине, сыне Ильтерес-кагана и брате царствовавшего в то время Бильге-кагана (у китайцев Могилян¹⁵), явился, среди прочих, посол киргизского кагана Тардуш-Ынанчу-чур (*чур* — часто встречающийся турецкий титул).

Чтобы разобраться в рассказе о походе турецкого войска на киргизов, необходимо, конечно, основательное знакомство с путями через Саянский хребет. Незадолго до мировой войны было приступлено к проведению колесной дороги от деревни Означенной, где оканчивалось судоходство вверх по Енисею, на селение Усинское; по-видимому, эта дорога должна была примкнуть к тому пути, которым прошел в 1870 г. Г. Н. Потанин: через проход Хатын-арка¹⁶, считавшийся государственной границей и пройденный 18 сентября при сильном буране, в доли-

¹⁴ <В рукописи зачеркнуто «Барс-бега». — А. Б.>

¹⁵ <Совр. транскрипция — Моцзилян.>

¹⁶ <Во 2-м издании — «Хатын-арпа».>

ну речки Ижм и оттуда в долину Уса, правого притока Енисея¹⁷. Деревня Означенная находится ниже устья Уса; между ней и устьем Уса — самое опасное место для судоходства. Потанин описывает три дороги от усинских деревень к Минусинску, «пролегающие по крутым горам Саянского хребта», «где движение производится исключительно на лошадях с легкими вьюками и то только в течение трех летних месяцев»¹⁸. Есть зимний путь по рекам Усу и Енисею; возможно, что турки воспользовались им¹⁹. «Аны» в таком случае есть Енисей; других примеров употребления такого названия мы не знаем. Известно, что слово «Енисей», несмотря на попытки турецких и татарских публицистов объяснить его из турецкого языка (Ени чай — 'Новый ручей'), есть тунгусское Ионеси ('Большая вода') и не употреблялось ни одним турецким народом.

Примыкали ли владения киргизов на юго-западе непосредственно к владениям их союзников того времени, тюргешей, стоявших во главе западных турок, из надписей не видно; прежде чем идти на тюргешей, Тоньюкук со своим войском вновь перешел из страны киргизов на южную сторону Саянского хребта. Вместе с киргизами несколько раз упоминается народ аз; в одном месте азы называются вместе с тюргешами, следовательно, жили, вероятно, от киргизов к юго-западу, между Саянским хребтом и Алтаем²⁰. Вместе с киргизами упоминается еще народ чик; турки совершили поход на этот народ еще в 709 г., перед походом на киргизов, причем говорится о переправе через реку Кем, но не о переходе через Саянский хребет; вероятно, чики жили к югу от этого хребта, на речках, составляющих истоки Енисея. К востоку от киргизов и к северу от уйгуров, к югу от небольшого озера (Косогола) жил, по китайским известиям, народ дубо; так (туба) теперь называют самоедов²¹; теперь самоедские племена так далеко на юг не заходят. Китайцы и в то время причисляют дубо и союзные с ними роды милегэ и эчжи (связь этих родов с дубо была настолько тесной, что говорится

¹⁷ Потанин, *Очерки*, вып. I, стр. 374.

¹⁸ <Там же.>

¹⁹ <По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, путь Тоньюкука проходил западнее, через перевал Шабиндаба. См. Грумм-Гржимайло, ИГГО, LXVI, вып. 1, стр. 181.— В. Р.>

²⁰ <Кроме того, у Гардизи, а предположительно и в *Хузуд ал-Алам* (см. пер. Минорского, 302) упоминаются азы (ветвь тюргешей; неясно, идет ли речь о тех же самых азах), возможно, находившиеся в районе рек Или и Чу. В средневековой топонимике и этнонимике Енисей, Алтая и Тянь-Шаня названия аз и ас (также и ус) встречались в связи с киргизами. См., например, упоминание о том, что киргизов «называют ас», в *Бадай ат-таварих* (сочинение XVII века), рук. ИНА В 2304 (описанная В. В. Кушевым), л. 255 а. На Алтае сохранилось родо-племенное название *торт ас*. Не исключено, что происхождение второй части названия кыргыз (также *хакас*) связано с этническим или географическим термином аз или ас (или ус — см. ниже, стр. 504, прим. 10). — В. Р.>

²¹ <В позднейших этнографических работах название *туба* применительно к самоедам не встречается; ср. *Народы Сибири*. — В. Р.>

о делении дубо на три рода) к туркам. Возможно, что эти самоедские племена уже тогда были отуречены; по обычаю ходить на лыжах их называли «турками с деревянчыми лошадьми» (по-китайски *муа тугюй* ²²). На берегах озера Гянь-хай ²³ (по мнению Иакинфа — Байкал) с киргизами были смежны народы дахань и гюй ²⁴, причем первый народ жил к северу от второго. Киргизское государство простиралось на восток до области народа гулигань, в орхонских надписях *курукан*. По переводу и толкованию Иакинфа, курыканы жили к северу от Байкала до Ледовитого океана, по переводу Шаванна — к северу от пустыни и к югу от Байкала. Во всяком случае, владения киргизов занимали обширное пространство до Байкала, и потому киргизы могли соперничать с турками-огузами даже в эпоху их могущества. Факт выдачи дочери Ильтерес-кагана за кагана киргизов не был, по-видимому, исключительным; по крайней мере, китайцы говорят, что турецкий царствующий дом вообще выдавал своих дочерей за киргизских старейшин.

Положение киргизов изменилось к худшему после перехода господства в Восточной Монголии от турок-огузов к уйгурам. Надписи, составленные от имени умершего в 734 г. Бильге-кагана, показывают, что турецкий царствующий дом считал свое могущество обеспеченным надолго; на уйгуров обращалось так мало внимания, что название этого народа встречается в надписях только один раз; между тем в 745 г., через одиннадцать лет после смерти Бильге-кагана, господству турок-огузов в Восточной Монголии был положен конец, и все их владения перешли к уйгурам.

В рассказе о киргизах в *Тан-шу* сказано, что они были покорены уйгурами в 758 г.; в рассказе об уйгурах об этом событии не упоминается. В 758 г. правил уйгурский каган, которого китайцы называют Гэлэ-хан Мояньчжо (745—759); в том же 758 г. его посол в китайской столице спорил о первенстве с арабским послом. По-видимому, этому же кагану посвящена сильно искаленная турецкая надпись, найденная около Селенги и изданная в 1913 г. финляндским ученым Рамstedтом. Изложение событий доведено в ней только до 757 г., но из нее видно, что у уйгуров были на Енисее столкновения с чиками и киргизами еще в 750 и 751 гг., причем упоминается киргизский хан.

К несколько более позднему времени, к концу VIII в., относится другая изданная Рамstedтом надпись, составленная от имени жившего в стране уйгуров сановника киргизского происхождения. Надпись упоминает о его наставнике, причем употребляется сирийское слово *мар* — 'господин', из чего Рамstedт заключает, что этот киргиз принял распространявшуюся в то время в стране уйгуров религию переднеазиатского происхождения — манихейство.

²² <Совр. транскрипция — муа тугюе.>

²³ <Совр. транскрипция — Цзянь-хай.>

²⁴ <Совр. транскрипция — Цзюй.>

Если китайцы считали покорение киргизов уйгурами в 758 г. окончательным, то это, вероятно, объясняется тем, что после 758 г. в Китай больше не приходили киргизские посольства. Что киргизы продолжали оказывать уйгурам сопротивление, видно из надписи на китайском языке, относящейся к царствованию другого уйгурского кагана, правившего от 808 до 821 г. При этом кагане снова была война между уйгурами и царством Гяньгунь, т. е. киргизами, которым приписывается большое могущество; у них будто бы было до 400 000 вооруженных луками воинов (по *Тан-шу*, у киргизов было всего 80 000 человек войска). На этот раз киргизское государство будто бы потерпело полный разгром и прекратило свое существование; но в *Тан-шу*, в рассказе о появлении нового киргизского кагана и о полной победе его над уйгурами в 840 г.²⁵, говорится, что до своей победы этот каган «двадцать лет продолжал войну» с уйгурами. Если так, то почти не остается времени для полного подчинения киргизов уйгурскому кагану.

По переводу Иакинфа, в *Тан-шу* говорится, что киргизский владетель получил от уйгурского кагана титул Пицсе Тунге Гинь²⁶, без прибавления слова *каган*; таким образом, поражение киргизов имело последствием только утрату каганства и независимости, но не утрату государственной автономии. При благоприятных обстоятельствах, по-видимому очень скоро после поражения, киргизский *ажо*²⁷, как его называли китайцы, мог возобновить борьбу с уйгурами и притязания на каганство, опираясь, по-видимому, на западных союзников. Говорится, что он объявил себя ханом (каганом), свою мать, происходившую из тюргешей, вдовствующей ханшей (хатун), свою жену, дочь карлукского государя, носившего титул *ябгу*, ханшей. Карлуки, ушедшие в VIII в. на запад и образовавшие после 766 г.²⁸ государство с центром на берегах Чу, постоянно упоминаются и потом как соседи и союзники киргизов; но упоминание тюргешей кажется несколько странным; тюргешское каганство уже около 740 г. было уничтожено арабами; после 756-57 г. тюргешши уже не имели никакого политического значения²⁹.

Война с уйгурами кончилась торжеством киргизов в 840 г., когда киргизами была взята столица уйгуров на Орхоне (ныне развалины

²⁵ <В рукописи зачеркнуто написанное раньше: «или 841 г.».— А. Б.>

²⁶ <Бичурин, *Собрание сведений*, I, 449; так у Бичурина, с явной опечаткой в первом слове титула: следует читать (в совр. транскрипции) Пице-дунь цзе-цзинь.— Ю. Б.>

²⁷ <Ажэ.— Ныне это слово считается именем одного из киргизских ханов; см. Кляшторный, *Суджинская надпись*, стр. 164, прим. 13.— Ю. Б.>

²⁸ <В рукописи раньше стояло: «в 766 г.»— А. Б.>

²⁹ <А. Н. Бернштам полагал, что около 740 г. только незначительная часть тюргешей потерпела поражение от арабов в районе Аму-Дарьи (область Хутталъ), и тюргешское каганство продолжало существовать до 766 г. См. Бартольд, *Киргизы*, изд. 2-е, стр. 8 (предисловие Бернштама).— В. Р.>

Харыбамыза); от местопребывания киргизского кагана на Енисее до этого города считали 40 дней верблюжьего хода; при этом был убит уйгурский каган, правивший с 832 г. Киргизам не удалось окончательно покорить уйгуров; несмотря на потерю столицы, в 841 г. был провозглашен новый уйгурский каган Уге, боровшийся со своими врагами еще до 847 г., когда он погиб в борьбе со своими мятежными подданными; после этого уйгуры частью подчинились завоевателям Монголии — киргизам, частью ушли на юг, где основали два княжества, одно в области Турфана, другое в области Ганьчжоу. Господство над Монголией перешло к киргизам, государству которых благодаря этому сделалось первенствующей кочевой державой в восточной части Средней Азии.

Глава III

IX И X ВЕКА. КИРГИЗСКОЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ

Завоевание Монголии киргизами представляет редкий в истории Средней Азии пример завоевательного движения с запада на восток; почти все движения происходили в обратном направлении. По-видимому, киргизский хан не сделал своей столицей города уйгурского кагана на Орхоне; после своей победы он только перешел «на южную сторону гор Лаошань», или Думань, в 15 днях конной езды от бывшей столицы уйгуров; вероятно, имеются в виду горы Танну-Ола. Из военных предприятий киргизов известен только поход, в числе 70 000 воинов, на юг от песчаной степи, причем хан после победы возвратился обратно на северную сторону, уведя с собою часть уйгуров.

В противоположность уйгурам и их предшественникам огузам, часто нападавшим на Китай, киргизские ханы с самого начала старались установить дружественные отношения с династией Тан. При взятии уйгурской столицы они нашли там китайскую царевну Тайхэ и под охраной конвоя отправили ее обратно в Китай; конвой подвергся нападению со стороны уйгурского кагана Уге¹, которым была захвачена и царевна, освобожденная из уйгурского плена только в 843 г. Мы видели, что киргизский каган, как потомок китайца Ли Лина, считал себя родственником династии Тан, происходившей из той же семьи Ли. Китайские императоры сначала были склонны признать новых родственников; но потом императора Сюань-цзуна (847—859) убедили, что «Хягас есть небольшой род, который не в состоянии равняться с домом Тан». Вопрос был предложен на решение коллегии высших чиновников; коллегия решила, что «уйгурам давались грамоты во время их могущества; к счастью, они теперь упали, и для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать киргиз»². Несмотря на такое неблагоприятное решение, сношения киргизов с Китаем продолжались; в царствование следующего императора, И-цзуна (860—873) было три киргизских посольства. Победитель уйгуров умер еще в 847 г., т. е. в том же году, как его главный враг Уге; в *Тан-шу* приводится имя и титул его ближайшего преемника, но ника-

¹ <Совр. транскрипция — Уцзе.>

² <Ср. Бичурин, *Собрание сведений*, I, 452.>

ких других сведений ни о нем, ни о следующих киргизских ханах не сообщается.

Вообще китайские известия о Средней Азии в эпоху киргизского великодержавия крайне скудны. Известия *Тан-шу* о киргизах, кроме упомянутых переводов, собраны в статье В. Шотта «Ueber die ächten Kirgisen» (1865); в этих известиях дается описание страны и народа, но не сообщается никаких сведений по истории киргизов после 847 г. Более широкое распространение среди неспециалистов получил труд Клапрота «Tableaux historiques de l'Asie» (1826); Шотт относится к этой книге довольно отрицательно и доказывает, что ею во многих случаях был введен в заблуждение знаменитый географ Риттер в своем монументальном труде по географии мира («Erdkunde»). Влияние книги Клапрота, через посредство труда Риттера, проявляется и в исторических главах известной книги Радлова «Aus Sibirien» (1884; второе издание, 1893, включает в себе перепечатку первого без всяких изменений). Кроме китайцев, известия о Средней Азии в IX и X вв. сообщают и мусульманские авторы. Самое подробное описание путей через Среднюю Азию, в том числе и пути к киргизам, дает писавший по более ранним источникам персидский автор XI в. Гардизи, рассказ которого был издан и переведен мною в 1897 г. в моем «Отчете о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893—1894 гг.». Из новейших ученых трудов, где рассматриваются мусульманские известия о Средней Азии, в том числе о киргизах, особенного внимания заслуживают труды Маркварта, особенно его труд (1914) о народности команов (половцев). Достоинства и недостатки этого труда я постарался отметить в своей рецензии, напечатанной в «Русском историческом журнале», кн. VII (1921).

О сношениях между киргизами и мусульманами говорят и китайцы, по словам которых киргизское государство было всегда в дружественных связях с даши (таджиками, как тогда называли арабов), туфань (тибетцами) и гэлону (карлуками). Из страны арабов³ к киргизам каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных узорчатыми (по переводу Шотта: вышитыми золотом) шелковыми тканями; иногда число верблюдов доходило до 24. По-видимому, в *Тан-шу* не сказано, какими путями шел караван. У Клапрота к арабскому каравану отнесено то, что сказано в *Тан-шу* о тибетцах: боясь грабежей со стороны уйгуров, тибетцы шли в страну карлуков и ждали там провожатых; по толкованию Иакинфа, этот конвой доставляли им карлуки, по толкованию Шотта — сами киргизы.

Из слов о дружбе киргизов с арабами, тибетцами и карлуками можно заключить, что киргизы даже в эпоху своего великодержавия мало вмешивались в происходившие в западной части Средней Азии войны. Возможно, что некоторое время врагами их оставались уйгуры, захва-

³ <Даши; см. Бичурин, *Собрание сведений*, I, 449.>

тившие в промежуток времени между 860 и 873 гг. часть нынешнего Киргизского Туркестана с городами Кара-Ходжа (около современного Турфана) и Бишбалык (у китайцев Бэйтин, около современного Гучэна). Предшественниками их здесь в VIII в. были другие турецкие народности, сначала басмылы, потом турки-огузы, которых арабы называли тугузгузами (по-турецки *токуз-огуз*, по делению огузов на девять родов), китайцы — шато (по названию пустыни, где они некоторое время жили). В 794 г. эта область была завоевана тибетцами, и населявшие ее турки в начале IX в. были оттеснены в пределы собственно Китая; уйгуры, таким образом, уже застали здесь не турок, а тибетцев. Арабы, по-видимому, ознакомившись с этой местностью еще в то время, когда она принадлежала огузам, не знали о последующих переменах и потому продолжали называть местное население тугузгузами; только Махмуд Кашгарский в XI в., едва ли не единственный из писавших на арабском языке авторов, имевший возможность говорить о Средней Азии не по книгам, а на основании личного знакомства со страной, вместо «тугузгуз» везде пишет «уйгур». После борьбы между уйгурами и огузами в Монголии в состав уйгуров вошла часть огузского народа; уйгурский хан середины VIII в., надпись которого издал Рамстедт, называл себя государем он-уйгуров (десяти уйгуров) и токуз-огузов (девяти огузов), хотя и уйгуры, по китайским известиям, разделялись на девять родов, и писавший в монгольский период историк Рашид ад-дин рядом с он-уйгурами знает и токуз-уйгуров. Во всяком случае, изданная Рамстедтом надпись показывает, что уйгурский хан, как и следовало ожидать, прежде всего чувствовал себя государем своего уйгурского народа; если бы арабы впервые познакомились с восточной частью Киргизского Туркестана только в то время, когда там уже жили уйгуры, то в арабскую географическую литературу вошло бы название *уйгур*, а не название *тугузгуз*. Вследствие этого иногда бывает трудно решить, какие из арабских известий о тугузгузах относятся к уйгурам и какие — к их предшественникам, как вообще трудно приурочить те или другие сведения о Средней Азии, находящиеся в мусульманской географической литературе, к определенному хронологическому моменту. Мусульманские географы черпали свои сведения из книг, большей частью не называя своих источников и не предупреждая читателя, что ему говорят не о том, что есть теперь, а о том, что было когда-то, иногда на несколько веков раньше. Это относится, конечно, и к тем известиям, в которых упоминаются киргизы (арабские и персидские авторы этого времени пишут *хирхиз*, как вообще буквой *х* в то время передавали турецкое гортанное *к*; писали, например, *харлук*, у персидских авторов *харлух*, вместо *карлук*). Если нам достоверно известно, в каком году написано данное сочинение, это несколько не разъясняет вопроса, к какому времени относятся сообщаемые в нем факты.

Кроме писавшего в XI в. Гардизи, интересные сведения сообщает анонимный труд, также на персидском языке, — «Границы мира» (*Худуд*

ал-Алам), написанный в 372 г. х., т. е. в 982 или 983 г. н. э. Это сочинение дошло до нас только в одной рукописи, найденной в Бухаре в 1892 г. для покойного А. Г. Туманского, вследствие чего самый труд упоминается в русской научной литературе обыкновенно под названием «рукопись Туманского». По этому источнику, киргизы были не только северными, но и западными соседями тугузгузов. Тот же автор говорит о городе Пенчуле (произношение не вполне установлено; в китайской транскрипции Вьньсу⁴; по местоположению соответствует нынешнему Уч-Турфану), что он находился в области карлуков; его владетель прежде был в зависимости от тугузгузов, а «теперь» этим городом владеют киргизы. Арабы вообще говорят о войнах между тугузгузами и карлуками, что прежде перевес был на стороне тугузгузов, а потом, когда тугузгузы приняли манихейство (возможно, что эта религия была принята в восточной части Китайского Туркестана раньше, чем уйгурами в Монголии), успех перешел на сторону карлуков. Однако из рукописи Туманского можно заключить, что тугузгузы отняли у карлуков часть их владений; народу ягма, вышедшему из среды тугузгузов, принадлежали Кашгар и часть Семиречья (Джетысуйской области) к югу от Нарына. О Кашгаре говорится, что здесь была граница между областью народа ягма, киргизами, тибетцами и Китаем.

Известия рукописи Туманского о границах между среднеазиатскими народами не вполне отчетливы; в главе о киргизах говорится, что соседями их на юге, кроме тугузгузов, была часть карлуков, но в главе о карлуках (халлух) киргизы среди соседей этого народа не упоминаются. Зато киргизы названы среди соседей двух других семиреченских народностей — чигилей и тухсийцев; чигили жили на северном берегу Иссык-Куля, тухсийцы, составлявшие часть тюргешей (другой ветвью тюргешей были упомянутые выше азы), — в долине реки Чу.

Из всего этого можно заключить, что киргизы в эпоху своего великодержавия несколько расширили свои владения в сторону юго-запада; но о том, когда и как это произошло, источники не дают никаких сведений; слово «теперь» в рукописи Туманского во всяком случае заимствовано из более раннего источника и не может быть отнесено ко времени автора, когда киргизы уже утратили свое кратковременное могущество. Вообще ничего не говорится об отношениях между киргизами и другими народами. По *Тан-шу*, к киргизам привозились ткани не только от арабов, но также из Кучи и Бэйтина, т. е. Бишбалька, принадлежавшего уйгурам; из этого можно заключить, что и с уйгурами было достигнуто соглашение. На это же указывает приведенный выше, со слов Гардизи, маршрут из области «тугузгузов» до ставки киргизского кагана на Енисее, в 7 днях пути к северу от гор Кёгмен, или Саянского хребта. Это — единственный путь к киргизам, описанный в мусульман-

⁴ <Совр. транскрипция — Вэньсу.>

ской литературе; вообще арабы знали киргизов только как северных соседей тугузгузов и отчасти карлуков и как народ, живший на крайнем северо-востоке; по представлению арабов, владения киргизов доходили на востоке до океана.

Из областей ислама было два пути в степь на северо-восток — один от низовьев Сыр-Дарьи, другой от Таласа (ныне Аулие-Ата) ⁵; оба пути вели в область народа кимаков, центром которой была местность к северу от Иртыша. Кимаки, западные соседи киргизов, остались совершенно неизвестны китайцам и впервые упоминаются только в мусульманской литературе. Был ли торговый путь из страны кимаков в страну киргизов как продолжение пути из областей ислама к кимакам и каковы вообще были отношения между этими двумя народами, совершенно неизвестно. Подобно киргизам, кимаки были по языку турками; об одной местности в стране кимаков в рукописи Туманского сказано, что там люди следуют киргизским обычаям ⁶. По-видимому, кимаки раньше киргизов утратили политическое единство, хотя в рукописи Туманского упоминается каган (арабские и персидские авторы всегда пишут *хакан*) кимаков и хотя глава рано отделившейся от главной массы народа западной ветви кимаков, кипчаков, считался вассалом кимацкого царя. В XI в., при Махмуде Кашгарском, кимаков больше не было; на Иртыше тогда жил народ йемек, упоминаемый у Гардизи, подобно кипчакам, среди кимацких родов. Известно, что кипчаки впоследствии, не составляя политического целого, дали свое название степям западной части Туркестана и юго-восточной части России; в послемонгольский период те же кипчаки составили ядро казацкого народа, которому в XVIII в. калмыки (ойраты) и русские ошибочно присвоили название «киргизов». Нет указаний на то, чтобы распадению кипчаков способствовали их восточные соседи.

По рукописи Туманского, из страны киргизов вывозилось много мускуса и мехов (о киргизском мускусе гсворят и другие источники), также березовое дерево (вероятно, кора) и рог *хуту*, употреблявшийся для выделки рукояток ножей; как доказывают теперь, имеются в виду привозившиеся с отдаленного севера клыки моржей и нарвалов. Киргизский царь назывался киргиз-хаканом (каганом). По описанию того же автора, киргизы по нравам несколько походят на диких зверей; наружность у них грубая, мало волос; нет справедливости, мало милосердия. Они отличаются воинственностью; со всеми соседями у них

⁵ <Современный город Джамбул Казахской ССР.>

⁶ <*Худуд ал-‘алам*, л. 18 б: «Қарқар-хән (или Қарқара-хән — *قرقرخان*) — еще одна область, принадлежащая кимакам, жители ее напоминают по обычаям киргизов». Минорский предполагает, что название *قرقرخان* можно сопоставить с Каркарлинском, городом, находящимся на расстоянии около 350 км к юго-востоку от Семипалатинска (см. *Худуд ал-‘алам*, пер. Минорского, 309). Ср. также ниже, стр. 541, прим. 55. — В. Р.>

война и вражда. У них есть повозки (или лодки), бараны, коровы и лошади; они кочуют, ища воды, травы, (благоприятной) погоды и лугов. Они почитают огонь и сжигают мертвых, живут в палатках и шатрах, занимаются охотой. Есть народ фури, также из киргизов, к востоку от них; они с другими киргизами не смешиваются; они людоеды, безжалостные; языка их другие киргизы не понимают; они подобны диким зверям. Город, где живет киргизский хакал, называется Кемиджкет. Есть народ кесим, из киргизов, в горах; у них есть шатры; они добывают меха, мускус, *хуту* и тому подобное. Есть другой народ из киргизов, язык которого ближе к языку карлуков, а одежда сходна с одеждой кимаков. Ни у одной ветви киргизов нет совсем ни деревень, ни городов; все они живут в шатрах, за исключением того места, где живет хакал.

В этом тексте киргизы являются гораздо более диким народом, чем в *Тан-шу*; китайские сведения в этом случае, по-видимому, более достоверны. Особенно бросается в глаза различие между словами китайцев о мирных сношениях киргизов с другими народами и словами персидского автора о войне со всеми соседями. Подтверждается китайцами известие о сжигании мертвых; китайцы, сверх того, говорят, что через год кости, оставшиеся после сожжения трупа, зарывались в землю; в отличие от турок, при похоронах не царапали лиц⁷. О сожжении мертвых Гардизи прибавляет, что, по мнению киргизов, огонь был самой чистой стихией и уничтожал всякую нечистоту; так и мертвый очищался огнем от грязи и греха. В отличие от других киргизов, народ фури уносил своих мертвецов в горы и оставлял их на деревьях, пока они не разлагались. Что касается названия единственного киргизского города или поселения, то китайская транскрипция этого названия (у Иакинфа — Мидичжы, у Шотта — Мидичжита) заставляет предполагать в персидском тексте чтение Микиджкет (последний слог — иранское слово, часто прибавляемое к названию городов и селений, напр., Ахсикет, Пянджикет и т. п.).

В более благоприятном свете изображает жизнь киргизов автор X в. Абу Дулеф. Сведения о киргизах входят в состав описания путешествия этого автора, несомненно фантастического; в нем много географических несообразностей, и посетить народы в том порядке, в каком он их описывает, Абу Дулеф не мог. Очень вероятно, что он их вообще не посещал и в качестве виденного им самим приводит сведения, заимствованные из книг, но среди его источников могли быть и достоверные. О киргизах говорится, что они едят просо, рис и всякое мясо, кроме верблюжьего; у них есть дом богослужения и свое письмо;

⁷ <Слов. «в отличие от турок, при похоронах не царапали лиц» во 2-м издании нет, причём не оговорено, убраны ли они автором (в рукописи) или редактором 2-го издания. — В. Р.>

они отличаются благоразумием и осмотрительностью; не гасят светильника и дают ему погаснуть самому. У них есть мерная речь, которой они пользуются во время молитвы. Есть мускус. Есть три годовых праздника. Их знамена зеленые. Во время молитвы они обращаются к югу. Из планет почитают Сатурн и Венеру; на Марс смотрят как на звезду, предвещающую дурное. Много хищных зверей. Есть камень, светящийся по ночам, так что они обходятся без освещения; из этого камня выделяются вещи только у них. Их царь заботится об их благосостоянии, и они ему повинуются; в его присутствии может садиться только человек старше сорока лет.

В этом рассказе любопытно упоминание о киргизском письме, о котором говорится и в *Тан-шу*, где сказано, что у киргизов «письмо и язык совершенно сходны с уйгурскими»⁸. Речь идет не о том алфавите, который в это время только начинал распространяться среди уйгуров и впоследствии был заимствован монголами, но о более древних письменах, ключ к чтению которых мог быть найден благодаря открытию орхонских надписей. Что тот же алфавит был известен киргизам, видно из многочисленных надписей в бассейне Енисея, ставших известными науке гораздо раньше, чем орхонские, но разобранных только благодаря открытию исторических орхонских надписей, впервые давших науке материал, на основании которого можно было приступить к разбору загадочных письмен. Попытку дать перевод енисейских надписей сделал Радлов. Надписи почти все надгробные; исторических сведений в них нет, слово *кыргыз* в них не встречается; только потому, что, по историческим сведениям, на Енисее жили киргизы, Радлов полагает, что надписи большею частью принадлежат им. Замечательно, что ни в одной надписи нет даты, хотя бы по эре животного цикла, хотя в *Тан-шу* именно о киргизах говорится, что у них года составляют двенадцатилетний цикл и обозначаются названиями животных; на этом основании Абель-Ремюза в 1820 г. самое изобретение животного цикла был склонен приписать киргизам. Формы букв указывают на более древний период, чем время орхонских надписей; поэтому Радлов был склонен относить енисейские надписи к VII в., преимущественно ко второй его половине. В одной надписи говорится, что покойный в возрасте семи лет отправился к китайскому императору; по мнению Радлова, это не могло произойти раньше 648 г., когда, по *Тан-шу*, было отправлено первое киргизское посольство в Китай. Еще более сомнительно утверждение С. Е. Малова (в докладе на туркологическом съезде в Баку 28 февраля 1926 г.), что енисейские памятники «датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских»⁹.

Как всякие надгробные эпитафии, енисейские надписи дают неко-

⁸ <Ср. Бичурин, *Собрание сведений*, I, 446.>

⁹ <О датировке и языке енисейских и орхонских надписей ныне см.: Малов. *Памятники*; Батманов, *Язык*. — В. Р.>

торый материал для суждения о понятиях и верованиях народа; но научное использование этого материала едва ли возможно до появления в свет нового, исправленного издания текста и перевода. По религии киргизы несомненно были шаманистами, и к этой религии относятся слова Абу Дулефа о молитвах и мерной речи. Для обозначения шаманов у киргизов, как и у других турок, было слово *кам*; в енисейских надписях (как и в орхонских) этого слова нет, но оно приводится в *Тан-шу*, в рассказе о киргизах. Замечательно, что, несмотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком-либо успехе среди киргизов буддийской или мусульманской пропаганды.

Из товаров, вывозившихся из страны киргизов, наиболее ценился в мусульманских странах, по-видимому, мускус. На торговле этим товаром, как и другими предметами вывоза из стран Дальнего Востока, могло отражаться соперничество морской торговли с сухопутной; развитие морской торговли должно было в этом отношении причинить ущерб киргизам. Известно, что в настоящее время мускус вывозится преимущественно морем из гаваней Китая, особенно из Шанхая. В X в. географ Ибн Хаукаль говорит, что лучший по цене и качеству мускус привозился из Тибета и из области киргизов, очевидно сухим путем; но уже более ранний (писавший в 891 г.) географ Я'куби, ставя выше всего тибетский мускус (киргизский им не упоминается), после него согдийский (в местности по Зеравшану) и только на третьем месте китайский прибавляет к этому, что лучший сорт китайского мускуса вывозился из гавани Ханфу (Кантон). Мускус упоминается потом среди товаров, привозившихся из Китая в Аден.

Независимо от внешней торговли, у киргизов было свое металлическое производство, может быть унаследованное от живших некогда на Енисее народов прежней, бронзовой культуры, которых до сих пор не удается приурочить ни к определенному этнографическому типу, ни к определенному хронологическому периоду. Киргизам, по-видимому, давно было известно железо¹⁰; в *Тан-шу* сказано, что киргизы выделывали из железа королеве¹¹ оружие, которым прежде уплачивали дань туркам; железо называлось у них *кяса*¹² (Kja-sa). Шотт сближает это слово с самоедскими словами *kues*, *vese*, *jesea*, но указывает также на возможность родства с алтайским *jäs* 'медь' и команским (половецким) *jäs* 'желтая медь'. Для решения вопроса об ознакомлении киргизов и вообще

¹⁰ <По этому и другим вопросам истории материальной культуры енисейских киргизов в связи с историей их общественного развития и государства см.: Киселев, *Древняя история Южной Сибири*; его же, *Общество и государство енисейских кыргызов*. — В. Р.>

¹¹ <Так в 1-м и во 2-м изданиях — по-видимому, по недосмотру; в *Тан-шу* никакой «королевы» нет (ср. Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2-е, I, 352). — Ю. Б.>

¹² <Совр. транскрипция — цзяша.>

турок с металлами было бы необходимо более подробное сопоставление относящихся к этому вопросу лингвистических данных. Радлов, в согласии с местным народным преданием, приписывает киргизам могилы на Абакане и Енисее, в которых им были найдены предметы позднего железного века.

По степени своего культурного развития киргизы, несомненно, стояли гораздо выше своих северных и восточных соседей, о которых мы находим некоторые сведения в китайских и мусульманских источниках. Выше были приведены сведения рукописи Туманского о жившем к востоку от киргизов народе фури, в которых этот народ обвиняется даже в людоедстве. Некоторые подробности о фури и об отношениях между ними и киргизами сообщаются у Гардизи, по словам которого от ставки киргизского хана до области народа фури было три месяца пути. Фури описываются как дикие люди, живущие в болотах; если их вывести оттуда, они походят на рыб, вытасненных из воды. Если кто-нибудь из них попадает в плен к киргизам, он отказывается от пищи и пользуется каждым случаем, чтобы убежать.

В некоторых других источниках к востоку от киргизов помещаются народы кун и кай (или кайи), причем, однако, вместо *кун* встречается и чтение *кури*; очень возможно, что это — те же фури (буквы *к* и *ф* в арабском алфавите легко смешиваются). Сопоставление с китайскими источниками заставляет отдать предпочтение чтению *кури*. Мы видели, что в *Тан-шу* и в орхонских надписях упоминается народ курыкан, живший, по *Тан-шу*, у Байкала; в более позднем китайском сочинении (*Юань-ши*, истории монголов) около Ангары помещается народ кули¹³; тот же народ упоминается у писавшего в начале XIV в. персидского историка Рашид ад-дина в местности у Байкала, под названием *кури*. Есть известие, у автора начала XIII в. Ауфи, что народ кури (или кун) подвергся нападению со стороны своего восточного соседа, народа кай, и потому передвинулся на запад, где потеснил другие народы; среди этих народов киргизы не упоминаются, и весь рассказ Ауфи, которому придает большое значение Маркварт (по мнению Маркварта, с этим движением связан упомянутый выше факт распада кимаков), мало подтверждается другими источниками.

Несомненно легендарный характер имеет не лишенный, однако, интереса рассказ того же Ауфи о путешествии одного киргиза вниз по Енисею с целью узнать, куда впадает река. По рассказу Ауфи, в стране киргизов соединяются в одну реку четыре реки; после соединения их река течет во мраке, среди гор и пещер. Киргиз пустился вниз по реке на небольшом судне; в продолжение трех суток он не видел света, звезд, месяца и солнца; наконец, он прибыл на широкую равнину и вышел из судна. Услышав звук копыт лошадей, он влез на дерево и

¹³ <Совр. транскрипция — гули.>

ждал, кто придет; явились трое всадников очень высокого роста (их рост сравнивается с длиной копья) с собаками, не уступавшими по величине коровам. Увидев киргиза, они сжалились над ним, предложили ему спуститься с дерева и посадили его к себе на одного из коней, чтобы его не растерзали собаки; потом привели его к себе в палатку и накормили, причем удивлялись его малому росту, как будто никогда не видали таких людей; наконец, они показали ему дорогу, как ему вернуться к себе домой; никто не знал, кто они и из какого народа. По поводу этого рассказа можно напомнить, что Енисей имеет характер горной реки до Минусинска и снова от границы Ачинского уезда до Красноярска.

Не прошло и ста лет после поражения уйгуров и начала киргизского великодержавия, как этому великодержавию пришел конец. В начале X в. первенство в восточной части Средней Азии перешло к китаем, народу монгольского происхождения¹⁴; уже в течение нескольких веков принимавшему участие в событиях политической жизни; уже в VII в. китаи входили в состав коалиции, составившейся против восстановленного каганства турок-огузов, и должны были напасть на общего врага с востока. Теперь предводитель китаев (его имя в китайской транскрипции — А-бао-чжи¹⁵, или Араоки) овладел частью Северного Китая, в 917 г. принял китайский императорский титул и основал новую династию Ляо. Китаи никогда не владели всей «Срединной империей», а только северной ее частью; тем не менее их имя, в разных переделках, употреблялось многими народами, от Монголии до Индии и до Западной Европы, для обозначения древней культурной державы Дальнего Востока; отсюда же русское «Китай».

Основатель династии Ляо не только завоевал некоторые культурные области Китая, но в 924 г. совершил поход в Монголию, посетил развалины прежней уйгурской столицы на Орхоне, осмотрел камни с надписями бывших каганов и сам поставил новый памятник (не сохранившийся). Очевидно, этому должна была предшествовать победа над киргизами, хотя прямых известий о такой победе в источниках, до сих пор приведенных в известность, по-видимому, нет. Стремление восстановить в Монголии порядки, бывшие до киргизского великодержавия, видно в предложении, сделанном¹⁶ уйгурскому владельцу города Ганьчжоу — вернуться в прежние уйгурские владения на Орхоне. Уйгурский владелец будто бы ответил, что со времени ухода уйгуров из Монголии прошло десять поколений, что было бы сильно преувеличено; в действительности, со времени победы киргизов над уйгурами прошло только 80 лет, т. е. меньше трех поколений; но и этого

¹⁴ <О взглядах современных ученых на происхождение китаев и на характер их языка см. выше, стр. 48, прим. 2.>

¹⁵ <А-бао-ци.>

¹⁶ <В рукописи было зачеркнуто: «ушедшим в IX в.» — А. Б.>

срока было достаточно, чтобы уйгуры успели привыкнуть на своей новой родине к земледельческой и городской жизни и не пожелали вернуться в кочевья Монголии.

В книге Радлова сказано, что киргизский хан вернулся в свою прежнюю ставку на Енисее только в 970 г.; это известие, через посредство Риттера, заимствовано у Клапрота (где явная опечатка или описка: 670); Шотт в своих источниках этой даты, по-видимому, не нашел, и неизвестно, откуда взял ее Клапрот. Рассказ о походе китаев на Орхон в 924 г. заставляет сомневаться в том, чтобы киргизы могли держаться в Монголии или хотя бы в части ее до 970 г.

Киргизы были последним турецким народом, господствовавшим в Монголии: после их поражения Монголия приобрела тот этнографический характер, который она сохранила до сих пор. Сделанное уйгурам предложение показывает, что у китаев не было сознательного стремления вытеснить из Монголии турок и отдать их земли своим родичам — монголам; но после отказа уйгуров другого турецкого народа, который мог бы поселиться в Монголии, больше не было, и отсутствием турок воспользовались народы монгольского происхождения. Очень вероятно, что монголами были и восточные соседи киргизов, народ фури (или кури); на это указывают слова рукописи Туманского, что язык «фури» был для других киргизов непонятен. Некоторые сведения о народах, говоривших не по-турецки, сообщает и Махмуд Кашгарский; к сожалению, эти сведения не вполне отчетливы, и признаков личного знакомства со странами отдаленного северо-востока в них не заметно. Махмуд Кашгарский справедливо причисляет киргизов к народам, говорившим на чисто турецких наречиях, но помещает их на крайнем северо-востоке; нетурецкие народы, кайи и татары, жили, по его словам, западнее; в то же время, однако, говорится, что татары жили в местности Утугэн, как называлась горная цепь, постоянно упоминаемая в орхонских надписях (по представлению автора надписей, это была настоящая родина турок) и, по-видимому, соответствующая Хангаю¹⁷. Что в XI в. здесь жили татары (так еще при Чингиз-хане и после всегда называли нынешних монголов), яснее всего свидетельствует о происшедших со времени орхонских надписей переменах в составе населения. Более точные данные о распределении народов мы имеем только для конца XII и начала XIII в., т. е. для эпохи выступления Чингиз-хана. В это время даже в верховьях Енисея, непосредственно к югу от киргизов, жил народ монгольского происхождения, ойраты, язык которых только диалектически отличался от языка монголов Чингиз-хана.

¹⁷ <Ср. Потапов, *Новые данные*, стр. 111, где дана литература вопроса и выдвигается гипотеза, согласно которой название это в форме *Утуген* сохранилось среди местного (тувинского) населения в качестве в недалеком прошлом священного (и тайного) имени горного хребта, известного на современных картах под названием Кхуху-Тайга (в верховьях Бий-Хема, одного из истоков Енисея). — В. Р.>

Есть китайское известие, что от «Ойра до Кэргисы», т. е., вероятно, от центра области ойратов до южной границы области киргизов, считалось пять переездов. Насколько здесь смешивались оба языка, турецкий и монгольский, видно из слов Рашид ад-дина, что составлявшие верховья Енисея речки назывались Секиз-мурэн ('Восемь рек'); к монгольскому слову *мурэн* ('река') приставлено турецкое числительное. Теперь в этой местности, как известно, живут турки, хотя и находящиеся под сильным монгольским влиянием; среди названий речек и на современной карте есть монгольские; одно из них, Ебе-усу, приводится уже у Рашид ад-дина.

Несмотря на кратковременность киргизского господства в Монголии, память о киргизах сохранилась у монголов до сих пор, может быть именно потому, что киргизы были последним народом, жившим и господствовавшим в Монголии до занятия этой страны монголами. «Киргизскими» называются древние могилы на всем пространстве Западной Монголии почти до Орхона, в том числе и те, которые в действительности принадлежат не киргизам, а их предшественникам — уйгурам и другим. Рамстедт упоминает о таких «киргизских» могилах между Селенгой и Орхоном, близ памятника с надписью, где говорится о царствовании одного из уйгурских каганов VIII века.

Глава IV

ЕНИСЕЙСКИЕ КИРГИЗЫ ПОСЛЕ X ВЕКА

После утраты своего кратковременного могущества киргизы в течение более пяти веков упоминаются только на своей первоначальной родине — на Енисее, к северу от Саянского хребта¹. За исключением известий о событиях, связанных с образованием империи Чингизхана, нет почти никаких данных о том, каковы были в то время отношения киргизов к другим народам.

Возможно, что ослаблением киргизов воспользовались их старые враги уйгуры, продолжавшие владеть областью с городами Кара-Ходжа и Бишбалык. Между 981 и 984 гг. у них был китайский посол Ван Янь-дэ (не от китаев, но из Южного Китая, где правила национальная династия Сун); среди подчиненных в то время уйгурам народов он вместе с ягма и карлуками называет также киргизов. Пельо отмечает факт, что те же три народа названы вместе у Ауфи, где, однако, сказано только, что ягма и карлуки живут к западу от киргизов; тут же говорится о кимаках, как о северных соседях киргизов, из чего видно, что Ауфи находился под влиянием книжных известий о более ранних временах. Говорится ли у Ван Янь-дэ о подчинении уйгурам енисейских киргизов, из приведенного Пельо текста не видно; более вероятно, что речь идет о ликвидации тех успехов киргизов в Восточном Туркестане, о которых мы знаем из рукописи Туманского.

В следующий раз киргизы упоминаются в рассказе персидского историка Джувейни (XIII в.) о движении на запад части китаев после завоевания их государства народом маньчжурского происхождения, чжурчжэнями, уничтожившими в Северном Китае династию Ляо (916—1125) и основавшими новую династию Цзинь (1125—1234). Ушедшим на запад китаем удалось основать обширную империю, которую китайцы называют империей «западных Ляо»; в мусульманских источниках владельцы этой империи, начиная с основателя ее, носят титул *гурхан*². Известия о движении китаев на запад и об их завоеваниях в западной части Средней Азии приводятся во многих сочинениях,

¹ <Ср. ниже, стр. 512, прим. 3 и 4, и стр. 513, прим. 6. — В. Р.>

² <О титуле *гурхан* см. выше, стр. 50 и прим. 9, 10, ii>

китайских и мусульманских, но о столкновениях между китаями, или, как их называли мусульмане, кара-китаями, и киргизами говорит только Джувейни.

По рассказу Джувейни, гурхаң выступил из своей страны, по одному известию, с отрядом всего в 80 человек, по другому — с многочисленным войском. Когда кара-китаи подошли к пределам киргизов, они стали производить набеги на жившие в этих пределах племена; те ответили им такими же нападениями; кара-китаи были вынуждены уйти еще дальше на запад³ и пришли в Эмиль, т. е. в округ современного Чугучака, где ими был построен город, от которого при Джувейни оставались только развалины. В этой местности к ним присоединилось много турок и других народов; число их дошло до 40 000 домов; все-таки они в Эмиле не могли остаться и были вынуждены двинуться дальше. Они пришли в мусульманский город Баласагун (на реке Чу), где оказали поддержку местному хану против враждебных ему кочевников, но потом лишили престола его самого и овладели городом. Баласагун сделался центром обширной империи кара-китаев, границы которой определены в тексте Джувейни не вполне ясно; произношение приведенных там географических названий не может быть точно установлено; возможно, что северным пределом империи гурханов названы местности по реке Кем, о которой речь будет ниже. После Баласагуна кара-китаи взяли Кашгар и Хотан, потом отправили войско против киргизов, чтобы отомстить им за их прежние действия, и взяли Бишбалык, потом было отправлено войско на Фергану и Мавераннахр, т. е. Туркестан. В рассказе Джувейни нет хронологических дат; дата некоторых из упоминаемых им событий может быть установлена по другим источникам. Точнее всего известно время первого похода кара-китаев на Фергану и прилегающие к ней земли; речь идет о победе, одержанной ими над войском самаркандского хана при Ходженде в рамазане 531 г. х. (май—июнь 1137 г.). Поход на киргизов произошел, следовательно, незадолго до этого времени. Движение китаев на запад началось, по китайским источникам, еще до окончательного падения их государства, после взятия чжурчжэнями Пекина (1120 г.). Во главе эмигрантов был член династии, которого китайцы называют Да-ши; это имя иногда прибавляется к фамильному имени императоров династии Ляо — Елюй, и потому основатель империи западных Ляо⁴ носит в китайских источниках имя Елюй Да-ши. После падения Пекина Да-ши был взят в плен с оружием в руках, но потом был проводником чжурчжэней во время дальнейших военных действий и за это был прощен. Это произошло в 1121 г.; вскоре после этого Да-ши бежал в неизвестном направлении; в 1124 г. до чжурчжэней дошло известие,

³ <В тексте Джувейни (см. изд. Казвини, II, 87) слов «на запад» нет.—В. Р.>

⁴ <В рукописи было: «император западных Ляо». — А. Б.>

что он был провозглашен царем где-то в северных странах и что его царство состоит из двух частей, северной и южной. В 1129 г. из Восточной Монголии были получены более подробные сведения об успехах Да-ши в северных странах; в 1130 г. уйгуры из Кара-Ходжи захватили в плен одного из приверженцев Да-ши и выдали его чжурчжэням; в 1144 г. те же уйгуры привезли дань чжурчжэням и сообщили, что Да-ши больше нет в живых, но что его народ живет недалеко от них, уйгуров.

Эти известия, извлеченные синологом Бретшнейдером из истории династии Цзинь (*Цзинь-ши*), находят себе некоторые подтверждения как в истории династии Ляо (*Ляо-ши*); так и в мусульманских источниках. Последние относят смерть первого гурхана к рамазану 537 г. х. (январь — февраль 1143 г.). Провозглашение Елюй Да-ши императором произошло, как доказывает Маркварт, 21 февраля 1124 г. Из рассказа Джувейни можно заключить, что такое усиление кара-китаев произошло в Эмиле уже после столкновения с киргизами, которое, следовательно, имело место после 1121 и до 1124 г. Что касается похода, предпринятого, по словам Джувейни, для отмщения киргизам, то он, вероятно, был связан с теми действиями уйгуров, о которых говорится в *Цзинь-ши*, особенно с событием 1130 г. Джувейни в связи с рассказом о походе на киргизов говорит только о взятии кара-китаями Бишбалыка, уйгурского, а не киргизского города. Очевидно, киргизы принимали какое-то участие в событиях, происходивших в области уйгуров, но в чем заключалось это участие, из слов Джувейни не видно. Нет также достоверных сведений о том, чтобы власть династии западных Ляо или их соперников, династии Цзинь, когда-либо распространилась на область киргизов, т. е. на бассейн Енисея. Уйгуры в XII в. подчинялись то династии Ляо, то династии Цзинь; подчинение их Чингиз-хану в 1209 г. было связано с восстанием против гурхана и убийством его представителя; между тем в рассказе о подчинении Чингиз-хану киргизов нет ни слова о каких-либо отношениях этого народа к кара-китаям или чжурчжэням.

Сведения о состоянии страны киргизов в конце XII и в начале XIII в. мы находим у Рашид ад-дина (известно, что эта часть сочинения Рашид ад-дина издана и переведена Березиным) и в китайской «Истории династии Юань» (*Юань-ши*), как называлась у китайцев династия, основанная монголами; сведения *Юань-ши* приводятся многими синологами, особенно Шоттом, Бретшнейдером, Палладием и другими. По Рашид ад-дину, были две области, Кыргыз и Кем-Кемджиют, составлявшие одно царство. Рашид ад-дин не говорит, какую часть страны киргизов составляла страна Кем-Кемджиют; в *Юань-ши* об этом даются противоречивые сведения; область Кяньчжоу⁵ помещается к

⁵ <Совр. транскрипция — Цяньчжоу.>

юго-востоку от страны киргизов и в то же время к западу от реки Кем, т. е. от Енисея. В рассказе Рашид ад-дина о монгольском походе 1218 г. название Кем-Кемджиот носит река в стране киргизов, в то время покрытая льдом. В 1223 г. китайский отшельник Чан-чунь, находясь в местности у Алтая, слышал там, что страна Кянькяньчжоу⁶ находится отсюда на северо-запад, за 1000 с лишком ли (около 500 верст)⁷. Во всяком случае, страна Кем-Кемджиот составляла южную часть киргизской области и скорее юго-западную, чем юго-восточную.

По Рашид ад-дину, границей владений киргизов были Ангара и Селенга на северо-востоке и востоке, владения найманов (самого сильного народа Западной Монголии) на юге, от Селенги до Иртыша, владения народов кури, баргут, тумэт и байлук в местности около Байкала, в стране Баргуджин-Тукум, название которой сохранилось в названии местности и речки Баргузин.

В *Юань-ши*, кроме Кяньчжоу и Ангары, упоминаются в связи со страной киргизов еще три области: Усы, Ханьхэна и Йиланьчжоу⁸ (слово *чжоу* имеет в китайском языке нарицательное значение: 'округ'). Область Усы находилась к востоку от киргизов и к северу от реки Кянь (Кем, Енисей) и получила название от другой реки; вероятно, имеется в виду река Ус. Еще восточнее находилась область Ханьхэна, где вытекала река Кем и откуда выходили через два горных прохода; в зимнее время здесь употреблялись лыжи. Об области Йиланьчжоу только говорится, что она получила название по большой змее (по-турецки *йилан*, или *илан*, — 'змея'); местоположение этой области ближе не определяется.

В *Юань-ши* уже упоминается легенда о происхождении киргизов от сорока дев, основанная на производстве⁹ названия *киргиз* от слов *кырк* ('сорок') и *кыз* ('девица')¹⁰. Киргизы описываются в *Юань-ши* как народ очень малочисленный; их было будто бы всего 9000 семейств,

⁶ <Цянькяньчжоу.>

⁷ <Около 300 верст (ли — ок. 1/3 км); ср. выше, стр. 27, прим. 11. — В. Р.>

⁸ <Совр. транскрипция — Иланьчжоу.>

⁹ <В рукописи вместо слов «на производстве» было «на объяснении». — А. Б.>

¹⁰ <Упомянутое В. В. Бартольдом объяснение встречается в позднейших преданиях, причем в некоторых версиях, записанных в XIX в., вместо мужских предков киргизов упоминается легендарная рыжая собака (*кызыл тайган*), либо приводится рассказ о чудесном зачатии киргизских родоначальниц от пены в озере, где они купались, и т. п. В *Юань-ши* изложен несколько иной вариант, согласно которому киргизы «ведут свое происхождение с тех пор, как сорок девушек земли Хань (т. е. Китая) вступили в брак с мужчинами Усы, исходя из смысла чего так и была названа эта [киргизская] земля» (перевод Е. И. Кычанова, ср. Петров, *К истории движения киргизов на Тянь-Шань*, стр. 101). В связи с упоминанием о мужчинах Усы в *Юань-ши* сообщается о народе усы, жившем на восток от киргизов. Говорится, что народ усы получил свое имя от реки Ус и поклоняется духу реки, приносит ему жертвы, считая его своим предком. — В. Р.>

что едва ли может соответствовать действительности¹¹. По степени культурного развития страна, по-видимому, стояла выше, чем в эпоху киргизского великодержавия, из чего можно заключить, что сношения с культурными народами за этот период не прекратились. По словам Рашид ад-дина, в стране киргизов было много кочевников, но также много городов и деревень. По *Юань-ши*, киргизы не были искусными земледельцами, но посевы пшеницы у них были. Чан-чунь говорит о стране Кянькяньчжоу, что там «добывается доброе железо и водится много белок; там также сеют пшеницу; китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй». Любопытно последнее известие: из него видно, что ткани, некогда привозившиеся в страну киргизов, теперь выделялись в самой стране, хотя и не руками туземцев. Монголы еще при Чингизхане содействовали насаждению в этих местностях земледельческой культуры; Чан-чунь еще в 1221 г. слышал у Алтая, что к северу от этих гор есть город, построенный, по поручению монголов, уйгуром-христианином Чингаем, и в нем хлебные амбары. Вероятно, Монголия в то время, когда хлеб вследствие военных событий не мог привозиться из Китая, нуждалась в подвозе хлеба из плодородного Минусинского района.

События конца XII и начала XIII в., связанные с возвышением Чингиз-хана и борьбой между ним и его соперниками, отразились и на судьбе киргизов. В 1199 г. (год барана) найманы, разбитые Чингизханом и его тогдашним союзником Ван-ханом кераитским (кераиты были также монгольским народом, восточными соседями найманов), бежали в страну Кем-Кемджиют. Окончательная победа Чингиз-хана над найманами (кераиты были разбиты им раньше и бежали на юг) и провозглашение Чингиз-хана главой всей Монголии произошло в 1206 г. Главная масса найманов и их союзников мергитов бежала на запад, за Иртыш, но есть известие (в *Юань-ши*), что предводитель мергитов Тухта-бики весной (вероятно, 1207 г.) дошел до реки Кем, по ней (вероятно, река еще была покрыта льдом) шел несколько дней до страны киргизов (Килигисы) и «овладел всеми пятью родами их». Вопреки этим словам, мергиты, по-видимому, только прошли через страну киргизов, но не остались там; Чингиз-хан в том же 1207 г. (год зайца) отправил к киргизам послов с требованием покорности. Каганов у киргизов в то время уже не было; киргизские владельцы носили титул *инал*; у некоторых турецких народов так назывался наследник престола¹²;

¹¹ <Иное истолкование места из *Юань-ши* о 9 тысячах семей киргизов, основанное на переводе Е. И. Кычанова, согласно которому киргизские племена были разделены, и, следовательно, указанные 9 тысяч семей надо рассматривать как часть, отделенную от остальных киргизов, см. в кн.: Петров, *К истории движения киргизов на Тянь-Шань*, стр. 101 и сл. — В. Р.>

¹² <См. МИТТ, I, 219. — В. Р.>

во всяком случае, титул *инал* был ниже титула *каган*¹³. Слова Рашид ад-дина в этом случае не вполне ясны (в тексте есть пропуск); по-видимому, было два киргизских *инала* — Еди-инал и Урус-инал. Чингизхан отправил послов к обоим; оба выразили покорность и вместе отправили ответное посольство; киргизских послов, по одному рассказу, было два, по другому — три; с ними был кречет с белыми глазами (по-видимому, только один от обоих иналов). По *Юань-ши*, в стране киргизов были черные и белые кречеты.

Таким образом, киргизы сперва покорились монголам без военных действий; но в 1218 г. (год барса) между ними все-таки произошла война. Против монголов в это время восстали жившие у Байкала народности, тумэты и байлуки¹⁴; так как они были соседями киргизов, то Чингизхан потребовал от киргизов войска для подавления восстания; киргизы не только не исполнили этого требования, но сами возмутились против монголов. Против киргизов было отправлено войско под начальством старшего сына Чингизхана, Джучи-хана. Начальник монгольского авангарда, Бука, прогнал киргизов и вернулся обратно через восьмую реку (очевидно, имеется в виду одна из восьми речек области ойратов); потом пришел сам Джучи, перешел через покрытую льдом реку Кем-Кемджиют (Енисей)¹⁵, покорил киргизов и вернулся обратно.

Другой рассказ о покорении киргизов монголами находится в монгольском богатырском эпосе XIII в., известном под названием «Сокровенная история монголов» (по-китайски *Юань-чао би-ши*; русский перевод сделан Палладием). Этот источник относит поход Джучи к 1207 г. и связывает выражение киргизами покорности с этим походом. По этому рассказу, Джучи прошел через страну ойратов и покорил их; когда он пришел в страну киргизов, «правитель их, Еди-инал, тоже покорился и явился к Джучи с белым соколом, белым мерином и черными соболями». Покорив другие лесные народы, Джучи вернулся к отцу, взяв с собою киргизских темников (начальников отрядов в десять тысяч человек) и тысячников, равно князьков лесных народов; также сокола, мерина и соболей.

Память о Джучи-хане сохранилась и у тьяншаньских киргизов; предание о Джучи является, может быть, единственным следом пребывания их некогда на Енисее, о котором они сами не сохранили никаких

¹³ <Сводку данных о термине *инал* (~*йнал*~*йанал*) у киргизов и других тюркоязычных народов, а также указания на источники и литературу вопроса см. Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, стр. 95—96, прим. 113. — В. Р.>

¹⁴ <«Восстало одно из племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке» (Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 151). — В. Р.>

¹⁵ <Джучи «прошел по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли, и захватил [область] киргизов» (Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 123) — В. Р.>

воспоминаний¹⁶. По легенде, слышанной Радловым, у киргизов не было хана; поэтому они попросили великого хана (т. е. Чингиз-хана) дать им в ханы своего сына Джучи; Джучи был маленьким мальчиком, попал по дороге в стадо куланов (диких ослов) и был уведен ими. «Аксак (хромой)-кулан Джучи-хан» был первым и последним ханом киргизов. Упоминание <об этом> в связи с именем Джучи является, может быть, отголоском давно забытых турецких стихов, в которых будто бы выражал свое горе Чингиз-хан после смерти своего сына Джучи: «Подобно кулану, потерявшему своего детеныша (во время преследования охотниками), я разлучен со своим детенышем; подобно рассеявшейся стае уток, я разлучен со своим мужественным сыном».

Насколько известно, киргизы не принимали никакого участия в монгольских завоеваниях и не вошли в состав государства потомков Джучи, заключавшего в себе западную часть монгольской империи. Вместе с Монголией и Китаем страна киргизов входила в состав удела младшего сына Чингиз-хана, Тулуя, который должен был наследовать коренной *юрт* своего отца, тогда как в завоеванных на западе землях еще при жизни Чингиз-хана распоряжались его три старших сына. Тулуй умер в 1233 г.; после него верховная власть в его уделе находилась в руках его вдовы Сурхуктани (кераитской царевны, христианки), умершей в 1252 г.

Неизвестно, из какого источника¹⁷ заимствован явно легендарный в подробностях, но, может быть, восходящий к действительному происшествию рассказ писавшего в XVII в. хивинского хана Абулгази, по которому Сурхуктани послала трех беков с отрядом в тысячу человек на судах в ту страну, где Ангара после присоединения к ней многих больших рек впадала в море (очевидно, речь идет об устье Енисея, рассматривавшегося как приток Ангары). Там был большой город Алакчин¹⁸, со многими селениями, были и кочевники, у которых были лошади, отличавшиеся высоким ростом, но исключительно пегой масти (*ала*). Близ города были серебряные рудники, и вся посуда и утварь были из серебра. Бекам было поручено, если окажется возможным, разграбить Алакчин, если нет, принести о нем известия. После некоторого времени вернулось всего 300 человек; они сообщили, что все, что рассказывали об Алакчине, правда; они захватили там много серебра, но потом бросили свои суда, так как вести их вверх по течению оказалось невозможным;

¹⁶ <Для того чтобы объяснить сохранение памяти о Джучи у тьяншанских киргизов, не обязательно предполагать пребывание их предков в то время именно на Енисее и, тем более, только там, так как с Джучи были связаны события, затронувшие многие тюркские племена Средней и Центральной Азии. — В. Р.>

¹⁷ <Источник — Рашид ад-дин, см. пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 102. — В. Р.>

¹⁸ <У Рашид ад-дина говорится об области, «имена» которой: Алафхин (Алакчин), Адутан, Мангу и Балаурнан; см. Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 102. — В. Р.>

большая потеря в людях была объяснена дурным и знойным (!) климатом¹⁹.

Слово *ала* в применении к лошадям соответствует, конечно, китайскому *бома*. Оба слова вместе упоминаются у китайского компилятора XIV в. Ма Дуань-линя, но о монгольском военном предприятии против этого царства Ма Дуань-линь не говорит. Если монголы, действительно, доходили до устья Енисея, то этот поход мог быть совершен только с помощью и при участии киргизов.

Киргизы упоминаются еще в рассказе Джувейни о смутах, связанных со вступлением на престол в 1251 г. старшего сына Тулуя, Мункэ-хала; говорится об отправлении военных отрядов в разные стороны, между прочим отряда в 20 000 человек, под начальством Муги-нойона²⁰, в области Киргиз и Кем-Кемджиют. Преемником Мункэ был его брат Хубилай, впервые прочно утвердивший господство монголов на всем пространстве Китая. По *Юань-ши*, Хубилай в 1270 г. назначил наместником страны киргизов китайца Лю Хао-ли, который жил в Йиланьчжоу и способствовал поднятию местной культуры посредством привлечения ремесленников из Китая; таким образом, при монголах получила дальнейшее развитие та китайская промышленность в стране киргизов, о которой, как мы видели, слышал уже Чан-чунь в 1223 г. О правлении Хубилая говорится еще, что он в 1293 г., т. е. за год до своей смерти, перевел часть киргизов в область Наянь²¹ в Маньчжурии.

Более интереса представляли бы известия, если бы таковые были, о переселении киргизов в эпоху монгольской империи на юго-запад, по направлению к той стране, где они живут теперь, но на это нет никаких указаний. Риттер и по его примеру Радлов утверждали, что уже китаец Чан Дэ, проезжавший через Среднюю Азию в 1259 г., говорит о киргизах в горах Тянь-Шань; но такого известия у Чан Дэ нет. Чан Дэ до приезда в страну кара-китаев (т. е. к берегам Чу) проезжал через область Ма-а, где зимой лошадей запрягали в сани, и по этому поводу замечает: «Рассказывают, что киргизы вместо лошадей употребляют для этой цели собак». Из этого видно, что Чан Дэ только слышал о киргизах, как о каком-то народе далекого севера, но сам их не видел и через их страну не проезжал.

Из европейских путешественников XIII в. о народе «кергис» упоминает Плано Карпини (1246 г.), но, по-видимому, это название относится не к киргизам, а к черкесам; о действиях против «кергисов»

¹⁹ <Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 44. У Рашид ад-дина: «Из того войска больше 300 человек не вернулись обратно, оставшиеся погибли от гнилости воздуха и от сырых испарений» (пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 102.). — В. Р.>

²⁰ <Йеке-нойона (с двумя тюменями войск) — по тексту Джувейни, изд. Казвини, III, 54. — В. Р.>

²¹ <Совр. транскрипция — Найянь.>

говорится в рассказе о действиях в Южной России и на границе с мусульманскими областями. Более определенно относятся к киргизам слова другого путешественника, Рубрука (1253—1254 гг.), о народе и стране «Керкис». Эта страна причисляется к странам, которые «лежат к северу и полны лесов»; в другом месте среди народов севера, где «нет ни одного города», упоминается «народ, разводящий скот, по имени керкисы», там же названы бегающие на лыжах «оренгаи», т. е. урянхайцы, упоминаемые у Рашид ад-дина вместе с восточными соседями киргизов, народами кури, баргут и тумет. Очевидно, до Рубрука доходили преувеличенные слухи о дикости киргизов; во всяком случае, приведенные у него известия могут быть отнесены только к енисейским киргизам; никаких указаний на то, чтобы киргизы в этот период жили и в более южных местностях, мы у него не находим.

Несмотря на известия об успехе среди киргизов китайской материальной культуры, нет никаких сведений о том, чтобы к киргизам проникла та религиозная пропаганда, которая в эпоху монгольской империи и еще раньше имела большой успех в Монголии и Китае. Еще до выступления Чингиз-хана среди главных народов Монголии — найманов, кераитов и мергитов — распространилось христианство; в то же время брат мергитской жены Чингиз-хана носил мусульманское имя Джемааль-ходжа, т. е., по всей вероятности, был мусульманином. Несмотря на соседство киргизов с этими народами, нет никаких известий о том, чтобы христианская или мусульманская пропаганда проникла и к ним.

Авторы XIV и XV вв., по-видимому, совершенно не упоминают о киргизах; мне удалось встретить только случайное упоминание о киргизах в анонимном историческом сочинении XV в., упоминаемом в моем исследовании об Улугбеке под названием «аноним Искендера»²². Говорится об одном из ханов восточной ветви потомков Джучи, правивших на низовьях Сыр-Дарьи (в XIV в.); изгнанный из своего ханства, он блуждал 2½ года в стране киргизов и в Алтае²³. Упоминание рядом со страной киргизов об Алтае заставляет полагать, что речь идет о енисейских киргизах²⁴.

Только в XVI в. впервые²⁵ упоминаются киргизы²⁶ в той мест-

²² <Автор этого сочинения был установлен В. В. Бартольдом в 1927 г. — Му'ин ад-дин Натанзи. — Ю. Б.>

²³ <СМИЗО, II, 130.>

²⁴ <От Алтая недалеко и до восточного Тянь-Шаня. — В. Р.>

²⁵ <По-видимому, все же название *киргиз* было распространено на Тянь-Шане и в Семиречье и в предшествующие века; см. ниже, стр. 512, прим. 4, и стр. 513, прим. 6. — В. Р.>

²⁶ <В. В. Бартольд не учитывает возможности изменения значения термина *киргиз*; ср. в особенности слова Абулгази о том, что «настоящих» киргизов, связанных по происхождению с Огуз-ханом, «осталось теперь мало» и что киргизами стали называть себя монгольские и другие племена (Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I,

ности, где они живут теперь, причем, как мы увидим, нет никаких сведений о том, как и когда они туда пришли²⁷.

51; II, 43). Из *Бадāй ат-тавāрйх* (сочинение XVII века) видно, что слово *кыргыз* (قورقز) можно было употреблять в Моголистане в нарицательном смысле, как 'горец' (рук. ИНА В 2304, л. 255 а). — *В. Р.*>

²⁷ <Вопрос о том, когда и откуда предки киргизов пришли на занимаемые ныне киргизами земли, остается неясным и дискуссионным. На сессии, посвященной этногенезу киргизов (Фрунзе, ноябрь 1956 г.), участники ее не пришли к общему мнению о том, откуда прибыли предки киргизов на Тянь-Шань, ограничившись выводом, что основное ядро киргизского народа, или один из основных элементов, всшедших в его состав, — центральноазиатского происхождения (см. ТКАЭЭ, т. III, 1959). Наиболее многосторонние «этнические и культурно-исторические связи» тяньшаньских киргизов прослеживаются, по-видимому, не с Енисеем, а с Алтаем, прежде всего с Южным Алтаем (см. Абрамзон, *Этногенетические связи*). — *В. Р.*>

Глава V

ТЯНЬШАНЬСКИЕ КИРГИЗЫ В XVI И XVII ВЕКАХ

Сведения о киргизах в горах Тянь-Шань были собраны мною в «Очерке истории Семиречья», напечатанном еще в 1898 г. в «Памятной книжке Семиреченской области». Главный источник — составленный в 1540-х годах труд мирзы Хайдера *Ta'riḫ-i Raiḫīdī* (на персидском языке; вторая часть написана раньше первой, в 1541—1544 гг.); о последующем времени больше всего говорится в сочинениях по истории Кашгарии, из которых главное — труд Махмуда Чураса, также на персидском языке, составленный при хане Исма'иле (1670—1682). Во время составления «Очерка истории Семиречья» этот труд мне еще не был известен.

Семиречьем (Джеты-су) первоначально называлась только область к северу от Или; на горную область к югу от Или это название было распространено только при русских¹. О судьбе этой горной области и ее населения в эпоху монгольского владычества нет почти никаких известий; она вошла в состав государства, образованного монголами в Средней Азии, в котором в начале XIV в. окончательно утвердилось господство потомков второго сына Чингиз-хана, Чагатая; название *чагатай* было перенесено и на самое государство, на составлявших его военную силу кочевников и на получивший высшее развитие в том же государстве, уже после утраты власти чагатайскими ханами, среднеазиатско-турецкий литературный язык. В той же горной стране, на Иссык-Куле, была зимняя ставка одного из чагатайских ханов, Эсен-Буки, правившего, по всей вероятности, с 1309 по 1318 г.; эта ставка, как и летняя ставка того же хана, была разграблена войсками великого хана (из потомков Тулуя), владевшего Китаем и Монголией. В 1340-х годах чагатайская держава разделилась на два отдельных государства — западное (заключавшее в себе старые культурные области Туркестана, с Бухарой, Самаркандом и другими городами) и восточное. Название *чагатай* было сохранено за западным государством и его населением, хотя ханы из потомков Чагатая, действительные или мнимые, правили

¹ <В сочинении XVI в. *Маджмӯ' ат-тавәриḫ* центральный и южный Тянь-Шань называется «Могольскими горами» (کوه موغالی). См. Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова, л. 37а. — В. Р.>

в восточном; в западном с XIV до начала XVI в. правили Тимур и его потомки, потом власть перешла к пришедшим с запада узбекам. Население восточного государства называло себя монголами, или, по среднеазиатскому произношению, моголами, свою страну — Моголистаном. Южную окраину Моголистана составляли культурные области Китайского Туркестана от восточной границы Ферганы до Турфана, северную — степи к востоку от Балхаша. В некоторых местах *Та'рих-и Рашидӣ* граница Моголистана отодвигается еще дальше на север, так как к рекам Моголистана причисляется даже Иртыш. На юге культурные области Кашгарии не всегда включаются в Моголистан, и часто, как мы увидим, говорится о движениях из Кашгарии в Моголистан или обратно.

Часть Семиречья к югу от Иссык-Куля, вместе с областями Китайского Туркестана от Ферганы до Кучи и Черчена², входила в состав области Манглай-Субе, принадлежавшей отуреченному монгольскому племени дуглат (это же название, в форме дулат, носит теперь, как известно, одно из племен казаков); автор *Та'рих-и Рашидӣ*, сам происшедший из владетельного дома дуглатов, уверяет, что его предок получил область Манглай-Субе еще от Чагатая.

Дуглатские беки вместе с монгольскими ханами должны были вести упорную войну с Тимуром; о вторжениях Тимура до нас дошли довольно подробные рассказы, но ни в этих рассказах, ни в рассказах о походах Улугбека и других потомков Тимура нет упоминания о киргизах³. В первый раз киргизы называются в рассказе о событиях, происходивших зимой 1503/04 г.⁴ В эту зиму в городе Аксу умер монгольский хан Ахмед; ему наследовал его сын Мансур; с Мансуром находился во вражде его брат Султан-Халиль и ушел от него в Моголистан, где присоединился к киргизам, считавшимся «дикими льваами» того края; они сделали его своим главой. Туда же пришел потом другой брат, Султан-Са'ид, перед тем живший в Джетыкенте, у восточной границы Ферганы, по дороге к перевалу Ясы. В 1508 г. братья были разбиты Мансур-ханом; Султан-Халиль бежал в Фергану, в то время уже принадлежавшую узбекам; Султан-Са'ид после многих приключений в том же году достиг Кабула. В 1511 г., когда узбеки на короткое время были прогнаны из Самарканда и других областей персами и пользовавшимся их поддержкой потомком Тимура, Бабуром, Султан-

² <Во 1-м издании — Герчена. — В. Р.>

³ <В источниках о походах Тимура в Моголистан встречается название племени булгачи, вошедшего в состав киргизов. См. Петров, *К истории движения киргизов на Тянь-Шань*, стр. 42; Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова, лл. 56 б, 57 б. — В. Р.>

⁴ <В сочинении Махмуда б. Вели, написанном в XVII в., но основанном на более ранних, до нас не дошедших источниках, термин «племена киргизов» встречается, наряду с упоминанием племен калмыков (*қалмақан*), в связи с описанием событий, происходивших в Семиречье в середине XV в. См. Ахмедов, *К изучению*, стр. 31. — В. Р.>

Са'ид был послан Бабуром в Фергану, откуда потом завоевал Китайский Туркестан.

О киргизах говорится, что Мансур-хан увел их в Карашар и Турфан; киргизы были признаны виновниками всех происходивших в Моголистане смут и большею частью перебиты; только немногим удалось вернуться в Моголистан. Уход самого Мансур-хана в Карашар и Турфан произошел под давлением дуглатов; принадлежавший к дуглатам мирза Абу Бекр в то время (1480—1514) правил в Кашгаре; в последние годы его правления начальник его военных сил, Мир Вали, вытеснил монголов и киргизов из Моголистана и Аксу; киргизам потом было позволено кочевать на южной стороне Иссык-Куля. Очевидно, это относится к тем киргизам, которым удалось спастись бегством из Карашара и Турфана от Мансур-хана.

По мнению мирзы Хайдера, киргизы принадлежали к тому же народу, как монголы, и отделились от монголов только вследствие частых восстаний против монгольских ханов; кроме того, монголы приняли ислам, киргизы оставались язычниками, что также вызывало вражду между ними. Последнее известие не совсем точно; мы увидим, что стоявший некоторое время во главе киргизов предводитель, вышедший из среды самого народа, носил имя Мухаммед; но и по всем другим известиям киргизы в то время и еще долго спустя не считались мусульманами; очевидно, они по внешности на мусульман не походили. Из этого можно заключить, что их не коснулась рука таких ревностных распространителей ислама, какими были монгольские ханы XV века, особенно умерший в 1416 г. Мухаммед-хан, заставлявший всех своих подданных носить чалму; непослушным вбивали в голову гвозди. Между тем в состав владений Мухаммед-хана входила и та местность, где впоследствии жили киргизы; ему приписывается постройка здания Таш-Рабат на северном берегу озера Чатыр-куль.

Мирза Хайдер ничего не знал о прибытии киргизов и, очевидно, полагал, что в той стране, где он их знал, они жили издавна, по крайней мере со времени прибытия монголов. Несмотря на полное отсутствие сведений о киргизах в рассказе о походах Тимура⁵, автор исследования об «этническом составе тюркских племен и народностей», Н. А. Аристов, был убежден, «что так как по „Тарихи-Рашиди“ народ этот в начале XVI века оказывается занимающим западный Тянь-Шань, видимо в качестве аборигенов, то не может быть сомнения, что и каракиргизы (в XIV в.) находились на своих нынешних местах»⁶. Аристов

⁵ <Ср. выше, прим. 3. — В. Р.>

⁶ <Ныне предположение Аристова о давности пребывания киргизов на Тянь-Шане отчасти подтверждается наличием у тянь-шаньских киргизов уже в XVI в. легенды об образовании киргизского народа в горах Ходженда от 40 гузов (гыз) во времена Санджара сельджука (см. Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова, л. 18 а-б) и стабилизированностью, согласно тому же источнику, этнического состава киргизской народности к XVI в. на Тянь-Шане (см. Абрамзон, *Этнический состав*, стр. 11). — В. Р.>

идет еще дальше и старается доказать, что к «киргызскому племени» принадлежали и прежние обитатели западного Тянь-Шаня, начиная от усуней⁷, кочевавших, по его мнению, «в III столетии до Р. Х. между Танну-ола и восточным Тяньшанем... Отсюда покоренные хуннами усуней, около половины II века до Р. Х. были двинуты в Западный Тяньшань»⁸. «Истинное народное имя» усуней, по мнению Аристова, «было всегда кыргыз».

Против этих мнений, помимо полного отсутствия известий о киргизах в западном Тянь-Шане до XVI в., говорит факт, что эти киргизы и в XVI в. считались чуждыми исламу и мусульманской культуре. Из этого можно заключить, что их присутствие в западном Тянь-Шане в XVI в. не находилось в связи с теми событиями эпохи киргизского великодержавия, когда влияние киргизов, действительно, распространилось до западного Тянь-Шаня; по-видимому, после утраты киргизами великодержавного могущества никаких киргизов на юго-западе не осталось. Столь же мало вероятно, чтобы киргизы были здесь в эпоху принятия ислама среднеазиатскими монголами. Более правдоподобно, что киргизы принимали участие в походах на запад их южных соседей, языческих ойратов или калмыков⁹. Из *Та'рих-и Рашиди* и некоторых других источников видно, что вторжения калмыков в Моголистан начались в 1420-х годах и временно прекратились в 1470-х годах, когда калмыки очистили Моголистан и вернулись в свою страну; только Мансур-хан после своего оттеснения в Карашар и Турфан вновь должен был воевать с калмыками. Возможно, что в калмыцком движении приняли участие некоторые племена киргизов и что эти киргизы после ухода калмыков остались на западе, в Тянь-Шане, хотя и об этом в источниках ничего не говорится.

В 1514 г. Султан-Са'ид-хану удалось завоевать Кашгар и уничтожить власть мирзы Абу Бекра; в этой борьбе ему оказал большие услуги киргиз Мухаммед, который в награду за это получил от хана богатые подарки и был отправлен в Моголистан, где ему подчинились все киргизы. Мухаммед стал совершать набеги на Туркестан, Сайрам и Ташкент; во время похода на Туркестан им был взят в плен узбецкий царевич Абдулла, сын правившего в то время в Самарканде хана Кучкунчи,

⁷ <Взгляд Аристова на киргизов как на прямых потомков усуней был основан на шатких аргументах. Ныне он поколеблен палеоантропологическими данными, свидетельствующими об изменении населения Тянь-Шаня, особенно в первой половине II тысячелетия н. э. Однако категорически отрицать возможность какой бы то ни было связи предков киргизов с древними усунями было бы преждевременно. — В. Р.>

⁸ <Гипотеза о переселении енисейских киргизов в составе усуней на Тянь-Шань изложена в работах Аристова: *Этнический состав*, стр. 17, 23—26; *Опыт выяснения*, стр. 60—61.>

⁹ <Предположение В. В. Бартольда остается пока недоказанным. В этот вопрос не внесла полной ясности и специально посвященная ему работа: Петров, *К истории движения киргизов на Тянь-Шань*. — В. Р.>

но отпущен; за это Султан-Са'ид-хан рассердился на Мухаммеда и осенью 1517 г. предпринял поход на киргизов; в другом месте того же *Та'рих-и Рашидӣ* сказано, что хан, как мусульманин, хотел наказать киргизов за разграбление мусульманских городов. При впадении в Иссык-Куль речки Барскаун Мухаммед был разбит, взят в плен и уведен в Кашгар, куда хан вернулся к началу зимы.

Несколько раньше те же узбекские владения (Сайрам, Талас и окрестности Ташкента) подверглись нападению казацкого хана Касима, зимняя ставка которого находилась на Каратале. Из этого можно заключить, что киргизы на некоторое время, силой или путем соглашения (источники об этом не говорят), распространили свои кочевья на область казаков; могущественный Касим-хан в это время был еще жив (он умер в 1518 г.). В противоположность киргизам, казаки вышли из среды мусульман, узбеков, и пришли на берег Чу, отложившись от узбекского хана Абулхайра (ум. в 1468 г.) и прибегнув к покровительству монгольского хана Эсен-Буки (1431—1462). Таким образом, между казаками и киргизами первоначально не было ничего общего, хотя потом эти два народа на короткое время имели общую политическую жизнь.

Султан-Са'ид-хан был склонен послать в Моголистан своего племянника Баба-султана, сына Султан-Халиля (во время убийства своего отца в 1508 г. этот царевич был еще младенцем); эту мысль внушал хану воспитатель царевича, ходжа Али-бахадур; но когда ходжа умер (несмотря на свое духовное звание, от чрезмерного употребления вина), вместо Баба-султана в Моголистан был отправлен в 1522 г. сын самого хана, Рашид (собств. Абд ар-Рашид). С ним вместе был послан стлупленный из плена и вновь поставленный во главе своего народа Мухаммед; ему удалось объединить под своею властью большую часть киргизского народа; но в 1524 г. в страну киргизов пришел казацкий хан Тахир (племянник Касима). Тахир сначала искал союза с Рашидом, был принят в его ставке на Кочкаре¹⁰ и выдал за него свою сестру, но потом между ними произошел разрыв, так как Тахиру удалось склонить на свою сторону часть киргизов. В сношениях с казаками был обвинен и Мухаммед и снова был уведен в Кашгар; после смерти Султан-Са'ид-хана (1533 г.) он снова был отпущен из плена, но вернулся ли он к своему народу, неизвестно. Киргизы оставались подданными Тахир-хана, даже более верными, чем казаки, отложившиеся от своего хана за его жестокость. Часть киргизов, не успевшая присоединиться к Тахиру, была уведена монголами на Атбаш; в 1526 г. монголы покинули Тянь-Шань и увели с собой 100 000 киргизских баранов, вследствие чего этот поход был назван «бараным» (*кой черики*), как по той же причине в XIX в. было названо «бараным» мурзарабатское дело 5 апреля 1866 г. (захват стад баранов русскими под начальством Ро-

¹⁰ <Кочкоре.>

мановского). Весной 1527 г. на Атбаш пришел Тахир и увел оттуда киргизов вместе с оставленными там монгольским ханом табунами.

Наследовавший своему отцу Рашид-хан (правил с 1533, по всей вероятности, до 1559 или 1560 г.) пытался восстановить господство монголов в горах к северу от Кашгара, но без прочного успеха. В 1537 или 1538 г. им был разбит казацкий хан Тугум, брат Тахира; вместе с Тугумом пало 37 казацких султанов; писавший всего через несколько лет после этого мирза Хайдер был убежден, что погиб без остатка весь казацкий народ. Рашид оставил в Моголистане своего сына Абд ал-Лятифа; но скоро после этого монголы были разбиты Хакк-Назаром, сыном Касима, ханом казацким и киргизским; сам царевич Абд ал-Лятиф, по рассказу Махмуда Чураса, был ранен, взят в плен и с почетом принят в ставке победителя, но скоро умер от раны. Счастье скоро снова перешло на сторону Рашид-хана; есть известия (у одного из кашгарских авторов), что Рашид-хан в союзе с Науруз-Ахмед-ханом ташкентским разбил Хакк-Назара у Артыша, причем пал сам Хакк-Назар и с ним шесть «князей со знаменем», после чего казаками знамена больше не употреблялись. О последнем факте упоминает и узбекский автор (писавший в XVII в. в Балхе), по словам которого во главе казаков было другое лицо (Буйдаш-хан, брат Тахира), и битва произошла в другом месте (на Иссык-Куле); по этому рассказу, победителями было захвачено девять знамен. Поход Рашид-хана на Иссык-Куль и свидание его там с Науруз-Ахмедом ташкентским относятся, по другому источнику, к 951/1544-45 г.; в других рассказах дат нет. Махмуд Чурас рассказывает о гибели Хакк-Назара в войне с Рашид-ханом несколько иначе. По этому рассказу, хан перед своим походом посетил вместе со своим духовным руководителем Мухаммед-Шерифом несколько святынь, в особенности гробницу первого мусульманского хана Кашгарии, Сатук Богра-хана; после этого он пошел на казаков и киргизов, шел три месяца и встретил врага только в Эмиле, там взял приступом укрепленный лагерь врагов, причем были взяты в плен Хакк-Назар-хан и другие князья (тюри); все по приказанию хана были убиты (этот поступок Рашид-хана дает повод к невыгодному для него сравнению с великодушием Хакк-Назара после поражения Абд ал-Лятифа). Рашид-хан три дня пробыл в Эмиле и привез оттуда семь знамен; после этого у казацких ханов знамен больше не было. О поражении и смерти Буйдаш-хана говорится в биографии ферганского святого Лутфуллы из Чуста (этот святой умер в 979/1571-72 г.); по этому источнику, Буйдаш погиб при нашествии на узбекский Туркестан в 967/1559-60 г.

Однако ни казаки, ни киргизы не были на долгое время ослаблены этим поражением; бывший в Туркестане в 1558 г. англичанин Дженкинсон слышал, что казаки в то время снова угрожали Ташкенту, киргизы — Кашгару. Из этих слов можно заключить, что после смерти Хакк-Назара казаки и киргизы уже не составляли больше одного госу-

дарства; вообще, насколько известно, эти два народа с тех пор никогда больше не объединялись под властью одного хана.

Кроме Кашгарии, набегам киргизов подвергалась Фергана. В упомянутой биографии шейха Лутфуллы говорится, что киргизы во время одного из своих набегов на ахсикетский округ захватили принадлежавших дервишам баранов, но потом вернули их с извинениями и прибавили, что питают к «божьим людям» не меньше уважения, чем сами ферганские мусульмане. Подобно другим шейхам, шейх Лутфулла заботился о распространении ислама среди степняков; его ученик, казак Мухаммед, действовал не только среди казаков, но и среди киргизов¹¹. Такие проповедники из дервишей отправлялись в степь до новейшего времени; под их влиянием кочевники становились не столько мусульманами, в смысле принятия догматов и обрядов ислама, сколько личными почитателями шейхов, в которых они видели подвижников и чудотворцев.

Несмотря на временное объединение под одной властью, киргизы и во второй половине XVI в. не признавались мусульманами даже в такой степени, как казаки. К 1582 г. относится сочинение о Средней Азии османского турка Сейфи; по его словам, казаки были мусульманами ханифитского толка, тогда как киргизы не были «ни кафирами, ни мусульманами». Подобно мирзе Хайдеру, Сейфи считал киргизов родственниками монголов. Киргизы жили в труднодоступной местности; в случае нападения врагов они отсылали свои семьи в глубь гор, а сами защищали проходы; камнем *ядá* они вызывали такой снег и холод, что враги не могли владеть ни руками, ни ногами и терпели поражение. Трупы умерших клались в гробах на ветви высоких деревьев (это известие, вероятно, заимствовано из более ранних письменных известий о енисейских киргизах). У киргизов не было царей (ханов), а были только беки, которых называли *кашка* (титул, часто встречающийся у калмыков)¹².

Даже писавший в XVII в. по-персидски узбекский историк Махмуд ибн Вели называет киргизов кафирами. Эти киргизы, в числе 12 000 семейств, в раджабе 1045 г. х. (с 11 декабря 1635 до 9 января 1636 г.)

¹¹ <О деятельности другого ученика Лутфуллы — шейха Ходжи Исхака (сына Махдум-и А'зама), распространявшего ислам среди киргизов, а в связи с этим и некоторые новые материалы о домусульманских их верованиях, см. Ворожейкина, *Доисламские верования*. — В. Р.>

¹² <Титул *кашка* — по-видимому, тюркского происхождения, так как не может быть объяснен (по заключению Б. И. Панкратова, консультациями которого мы пользовались) из монгольского и калмыцкого языков. О значении слова *кашка* в тюркских языках см. словарь Радлова (II, 394—395). В поздних версиях эпоса «Манас» слово *кашка* применялось в значении 'военачальник'. Среди кипчаков Ферганы и киргизов северного Тянь-Шаня встречалось родо-племенное название «семь кашка» «Иты-Кашка» — одно из 5 колен ферганских кипчаков (Наливкин, *История Кокандского ханства*, стр. 155), «Жети-кашка» — собирательное имя семи мелких подразделений киргизского племени солто (см. Абрамзон, *Этнический состав*, стр. 31, табл. к стр. 24—

прибыли через Каратегин в Хисар; во главе их было 12 предводителей (очевидно, по одному на 100 семейств), которые в следующем месяце, ша'бана (с 10 января по 7 февраля) были приняты узбекским ханом в Балхе; раньше они проводили дни в неверии, заблуждении и невежестве (очевидно, после прихода в страну узбеков они сделались мусульманами). С этим событием, вероятно, связано поселение киргизов в Каратегине, где некоторое число их живёт и до сих пор. Есть предание, что Каратегин долгое время принадлежал киргизам и только недавно был вновь занят таджиками, хотя теперь киргизы составляют там незначительное меньшинство (по последним сведениям, их немногим более 8000, тогда как таджиков 173 488, т. е. киргизов всего 4%)¹³.

Махмуд Чурас говорит еще о нескольких столкновениях между киргизами и монголами в XVII в. Во время смут в Кашгарии после смерти Мухаммед-хана (около 1610 г.) отряд в 5000 киргизов, под начальством Тилеке-бия и Бай-Бута Кара, совершил набег на Уч и Аксу; во время набега они разделились; у Тилеке было 2000 человек, у Бай-Бута Кара 3000; Бай-Бута Кара был разбит войском Тимур-султана (внука Мухаммед-хана) и потерял 2000 человек; остальные 1000 человек с колчанами на шею явились к султану с выражением покорности; Тилеке тоже пришел с подарками и извинениями; султан всех простил и отпустил. Это произошло очень скоро после смерти Мухаммед-хана, так как султан только от киргизов узнал о смерти своего деда. По другому источнику, киргизы успели разграбить Уч и были настигнуты монголами у перевала Янги-Арт.

Новое столкновение между монголами и киргизами произошло в 1620-х годах, при хане Абд ал-Лятифе, носившем прозвание Анак-хан (ум. в 1037/1627-28 г.). Киргизы разграбили деревню Шахназ; хан выслал отряд для их преследования, но они устроили этому отряду засаду и нанесли ему большой урон.

Во время междоусобий, происходивших в Кашгарии в начале 1630-х годов, говорится о помощи, оказанной киргизами одному из претендентов, Махмуд-султану, получившему потом прозвание Кылыч-хан.

Несколько раз упоминаются киргизы в истории продолжительного

25). Согласно *Маджму' ат-тавәйрих, یتیمی قشقه* — потомки семи сыновей Ак-Тимура Кипчака, выезжавшие на семи серых лошадях с белыми пятнами на лбу (هت اسب) (کهود قشقه). Местопребыванием Ак-Тимура Кипчака указывается Қулән, а относительно «Семи кашка» говорится, что они были того же происхождения (از یک نسل) что и Каркара (дед Манаса и название иля Манаса по версии эпоса, зафиксированной в этом источнике). См. Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова, л. 56 б; рук. ИНА, л. 85. — В. Р.>

¹³ <О таджикских преданиях о киргизах в Каратегине см. Кисляков, *Очерки*. Библиографию этнографических работ о киргизском населении Памира и Припамирья, живущем в пределах Таджикской ССР, см. в кн.: Шерстоитов и др., *Очерк*, стр. 51—52; прим. 6, см. также стр. 47, прим. 1 и 3. — В. Р.>

царствования Абдулла-хана (1048—1080/1638-39—1669-70). В начале своего царствования хан совершил успешный поход на Ош; на обратном пути киргизы преследовали хана, но не настигли, зато нанесли большое поражение нескольким монгольским предводителям в месте Беш-Буйнак. Набег киргизов на Уч и Аксу удалось отбить. В следующем году хан совершил поход на киргизов, стоявших на Аксае; во главе их находились Койсары, сын Тилека, и Йол-Булды; поход назывался аксайским (*Аксай черики*); вероятно, он не имел успеха, так как о результатах его ничего не говорится. После этого киргизы снова совершили набег и разбили монгольское войско, потом сами потерпели поражение, но продолжали угрожать хану, спасшемуся от них только благодаря храбрости своего брата Ибрахима. Дальше говорится о двух походах Абдуллы на Андижан, из которых первый имел успех, второй кончился неудачно; во втором принимали участие киргизы.

Когда хану удалось восстановить в своем государстве спокойствие, беспокойным элементом оставались только киргизы; по совету вельмож, хан решил истребить их (очевидно, говорится о киргизах, находившихся на ханской службе); было перебито до 10 000 человек; при этом говорится, что киргизов называли львами лесов Моголистана (это выражение заимствовано из *Та'рих-и Рашидӣ*), но в то же время они отличались вероломством. В рассказе о следующем походе хана на Атбаш и Аксай говорится только о калмыках; киргизов там, по-видимому, уже не было. Несмотря на избиение киргизов, хан снова нашел нужным привлекать их к себе на службу, и они снова пользовались в Кашгаре и Аксу большим влиянием; если у них выходил спор с кем-нибудь, хотя бы по пустякам, хан позволял им убить такого человека и захватить его имущество. Во время борьбы между сыновьями хана, Нур ад-дином и Йолбарсом (при жизни отца), при хане был киргиз Чумак-бек¹⁴. Около 1680 г. хан отправился в Мекку; в это время большую часть его спутников составляли киргизы; 200 киргизов были посланы им для преследования Йолбарса, враждовавшего с отцом и после его отъезда в течение года правившего в Кашгарии. Во время новых смут, в 1680-х годах, киргизы захватили Кашгар, на короткое время заняли и Яркенд, но потом были вынуждены его очистить. Их попытки вновь овладеть им кончились неудачно.

Вскоре после этого господство в Кашгарии и вообще в Средней Азии перешло к калмыкам (ойратам). В истории калмыков о столкновении с бурутами, как калмыки называли киргизов, говорится в рассказе о событиях осени 1683 г. Калмыки имели дело с киргизами также на Енисее, куда в начале XVII в. явились русские, вследствие чего мы снова получаем некоторые известия о енисейских киргизах, о судьбе которых в XIV, XV и XVI вв., насколько известно до сих пор, не говорит ни слова ни один исторический источник.

¹⁴ <Вероятно, Чубак-бек. — В. Р.>

Глава VI

ЕНИСЕЙСКИЕ КИРГИЗЫ В XVII ВЕКЕ

Истории завоевания русскими Сибири, в том числе и страны енисейских киргизов, посвящено довольно значительное число изданий документов, извлеченных из центральных и сибирских архивов, и написанных по таким документам исследований. На Енисее интересы русских сталкивались с интересами ойратской державы, и потому изучение судьбы киргизов в XVII в. связано с изучением русско-ойратских отношений. Как видно из недавнего (1921 г.) исследования профессора Котвича «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.», относящийся к этому вопросу материал еще далеко не весь приведен в известность. Одним из самых ранних и ценных исследований по истории завоевания Сибири является книга Герарда Фридриха Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел» (1750). Среди новейших исторических исследований есть специальный труд о енисейских киргизах — «Хакасы» проф. Н. Н. Козьмина (1925)¹.

Енисейские киргизы в то время не составляли одного государства. По данным исследования Н. Козьмина, главных киргизских княжеств было четыре: Тубинское (по реке Тубе, в Красноярском уезде и по левую сторону Енисея до Абакана), Езерское (по левую сторону Енисея от Абакана к северу до Батеневского горного кряжа), Алтырское (к западу и к юго-западу от Езерского) и Алтысарское (к северу и северо-востоку от Езерского)². По рассказу о посольстве Ивана Петлина в 1618 г., от Томска до киргизской земли было «десять ден ходу скорым обычаем», от киргизской земли до Абакана шесть дней, от Абакана до Кемчика девять дней, от Кемчика до большого озера, т. е. до Убсы, три дня. До Петлина, в 1616 г., через киргизскую землю проезжали Василий Тюменец и Иван Петров. Главою всей киргизской земли считался князь Немек (у Петлина Немей), наследовавший власть от сво-

¹ <Новые исследования: Бахрушин, *Енисейские киргизы*; Потапов, *Очерки*; его же, *Происхождение*. Одна из последних сводок опубликованных материалов о енисейских киргизах: Нуров, *Краткий обзор*. — В. Р.>

² <Козьмин, *Хакасы*, стр. 77 и сл.>

его отца; под Немеком были «два князька лучших, Номча и Кора». За киргизской землею была «Табынская земля»; по словам Тюменца, это — «те же киргизские земли, только живут особе, а дань дают в киргизскую землю и Алтыну царю»; имеется в виду тогдашний владетель Западной Монголии, Алтан-хан туметский. Иван Петлин от киргизской земли, т. е. от ставки Немека, шел только «половину дня» до границы владений Алтан-хана.

Из всего этого можно заключить, что из четырех княжеств, о которых говорится в книге Козьмина, тубинское рассматривалось отдельно от трех других и вело особую жизнь. Из слов Тюменца видно, что в культурном отношении тубинцы стояли ниже прочих киргизов; у них не было ни коров, ни овец, «только одни лошади да олени». Верховным князем всей киргизской земли русские считали алтырского князя; Номча, раньше других, как мы увидим, вступивший в сношения с русскими, был князем алтысарским, следовательно кора-езерским. Культурный уровень киргизского народа в целом также был в то время невысок, гораздо ниже, чем в XIII в. Говорится, что киргизы «едят рыбу и зверя бьют, а бой у киргиз лучной, лошадей и коров много, а хлеба не сеят». Упадок культуры, вероятно, объясняется упадком караванной торговли, процветавшей в эпоху монгольской империи.

Еще до основания Енисейска (1618 г.) и Красноярска (1627 г.) киргизы приезжали для переговоров с русскими в Томск, основанный в 1604 г. По одним известиям в 1606 г., по другим — в 1608 г. в Томск приезжали киргизские князья Номча и Кочебай со своими служилыми людьми; их привели к присяге и отпустили, оставив заложниками в Томске «Номчину жену да Кочебаева сына» (причем жена Номчи интриговала против Кочебая)³. Номча получил поручение «итти к Алтыну царю и в Китайское государство», чего он потом не исполнил, а Кочебай должен был «приводить под царскую руку киргизских князей: Нояна, Комку да Обрая». Скоро произошел разрыв; новый томский воевода отнял у жены Номчи соболью шубу, вследствие чего Номча пришел в такое «огорчение», что сделался врагом русских и проявил свою вражду нападением на подчиненных России чулымских татар. Началась война с киргизами, только на короткое время прерывавшаяся договорами; по словам Г. Ф. Миллера, «киргизов, сколько б старания с российской стороны ни прилагалось, совершенно покорить не могли».

В 1614 г. упоминается киргизский набег на Томский уезд, в 1615 г. — первый, неудачный поход русских на киргизскую землю. Тем не менее Василий Тюменец и Иван Петров в 1616 г., Иван Петлин в 1618 г. были пропущены через киргизскую землю в Монголию беспре-

³ <Жалуясь, что князья Кочебай, Ноян и Кашка «...мужа ее Номчи не слушают»; см. Козьмин, *Хакасы*, стр. 52. — В. Р.>

пятственно, причем князь Немек, по представлению Петлина, уже тогда был «под государевою царскою высокою рукою». Перед Тюменцем томские воеводы в том же 1616 г. отправили к киргизам купца Василия Ананьина с толмачом Лукою; Ананьин послал к Алтан-хану киргизского князя Кору. При возвращении Тюменца и Петрова тот же Кора отправил с ними своего посла, вместе с двумя послами Алтан-хана, посланными в Москву. Алтан-хан в то время отверг просьбу киргизов о помощи и принял на себя перед русскими обязательство усмирять беспокойных киргизов. Поэтому киргизы нашли нужным подчиниться; при возвращении из Китая посольства Петлина вместе с послами Алтан-хана были отправлены и киргизские послы, прибывшие в 1619 г. в Тобольск и в 1620 г. в Москву; только в октябре 1620 г. их проводили обратно из Томска до «киргизского рубежа».

Вскоре после этого положение Алтан-хана укрепилось вследствие победы над ойратами; поэтому он прекратил переговоры с русскими и согласился принять киргизов в свое подданство; киргизы возобновили свои набеги на русские пределы. Переговоры между русскими воеводами и киргизами большею частью велись непосредственно; один раз русские прибегли к посредничеству бухарских купцов, заинтересованных в восстановлении мира ради безопасности торговли. Переговоры были прерваны киргизами вследствие вероломства воевод; прибывший в Томск для переговоров киргизский князь Кора был там задержан и потом «изведен».

Положение снова изменилось в 1630-х годах, когда в войне между Алтан-ханом и ойратами счастье перешло на сторону последних. В 1634 г. Алтан-хан был вынужден перейти через Саянский хребет на Енисей и Абакан и вступить в русское подданство. По желанию русских, он сделал попытку употребить свое влияние на киргизов для примирения их с русскими; но прибывший для этой цели лама не имел успеха (1635 г.). Киргизы даже перешли на сторону ойратов, во главе которых стоял тогда Батур, принявший в 1635 г. титул хун-тайчжи (у русских «контайша»). Ойратское подданство принял алтысарский князь Бехтеней, еще в 1633—1634 гг. подступавший к Кузнецку.

В надежде на помощь ойратов киргизам пришлось разочароваться; Батур еще в 1641 и 1643 гг. называл киргизов своими подданными, но не мог оказать им действительной помощи, когда оправившийся Алтан-хан снова обложил киргизов данью. В 1648 г. тот же князь Бехтеней принял русское подданство. В 1652 г. киргизская земля подверглась нашествию со стороны Алтан-хана и его сына Лочжана; на этот раз киргизы обратились с просьбой о помощи в Красноярск; русские оказали им поддержку только в переговорах, но и этого было достаточно, чтобы заставить Алтан-хана отступить. Лочжан, которому Алтан-хан еще при жизни уступил власть, думал возобновить войну с киргизами и русскими, сначала имел успех и хотел уже идти на Томск, когда весть о

смерти Алтан-хана заставила его вернуться, чтобы не потерять своих собственных владений.

В 1660-х годах положение изменилось в пользу русских; политическое единство и могущество ойратов после смерти Батура (1653 г.) на некоторое время ослабело; в 1666 г. сам хун-тайчжи Сэнгэ согласился вступить в русское подданство; в том же году в Томск присылал просить о помощи Лочжан. Но в это время, в первый и последний раз в XVII в., среди киргизов появилась сильная личность, внук Номчи (сын Ишея) Иренак, который «свыше 20 лет (он умер в середине или во второй половине 1680-х годов) был грозой Красноярска, Ачинска, Кузнецка, Томска, Канска и даже Енисейска и Удинска» (Нижеудинска)⁴. Самостоятельным главой своего народа или хотя бы части его он не был; сперва он считался подданным Лочжана, к которому русские обращались с требованием о выдаче Иренака; когда Лочжан был побежден и взят в плен ойратами, киргизы подчинились власти хун-тайчжи, сначала Сэнгэ (убитого в 1671 г.); потом его брата и преемника Галдана, при котором ойратское государство снова сделалось великой кочевой державой.

Ойратская держава — едва ли не единственная, имевшая дело в одно и то же время с киргизами енисейскими и тьяншаньскими. Насколько известно до сих пор, никакого сопоставления этих двух групп киргизов не было сделано ни самими ойратами, ни бывшими в их стране европейцами и русскими. Никаких сношений, тем более никаких соглашений между двумя группами киргизов, насколько известно, не было. Галдан, в 1680-х годах воевавший с тьяншаньскими киргизами, еще в 1670-х годах спасался от своих врагов в земле енисейских киргизов. Главная орда Галдана и его преемников находилась в долине реки Или, ближе к земле тьяншаньских киргизов, чем к земле енисейских. С русскими Галдан старался жить в мире, просил томских и красноярских воевод не беспокоить киргизов и удерживал киргизов от набегов на русские поселения. Последнее ему не всегда удавалось; в 1673 и 1674 гг. киргизы даже могли совершить поход на русские владения при содействии ойратов. Иренак в 1678 и 1683 гг. принимал у себя русские посольства; в 1684 г. он готовился к одновременному походу на Томск, Енисейск и Красноярск; но в это время вернулись из Москвы его послы, и поход не состоялся. Последний поход другого князя, Шандыка, часто упоминаемого в качестве союзника Иренака, относится к 1691—1692 гг.

В русских архивных делах сохранилось дело о приезде в Москву послов Иренака в 1684 г.; там же находится «калмыцкое письмо» Иренака, в подлиннике и переводе. Есть и другие известия, что киргизы в

⁴ <Козьмин, Хакасы, стр. 63. См. также Потапов, Происхождение, стр. 45 и сл. — В Р.>

сношениях с русскими пользовались языком и алфавитом ойратов, хотя сами ойраты часто прибегали к более понятному для русских татарскому языку, иногда даже к персидскому. Русский двор, по исследованию проф. Котвича, только в 1696 г. в первый раз в переписке с ойратами «воспользовался для ответа калмыцким языком вместо татарского». Письменности на своем языке у киргизов в то время, очевидно, не было.

Осенью 1703 г. до русских дошло известие, что «приехали 2500 калмыков в киргизскую землю и киргиз к себе загнали всех и ныне в киргизской земле киргиз никого нет». Это известие было сначала встречено с недоверием, но потом подтвердилось. Вследствие этого не только ученые XIX в., как В. В. Радлов, но и ученые XVIII в., как Г. Ф. Миллер, полагали, что ушли все или почти все киргизы и на их место, в связи с совершившимся тогда занятием края русскими, пришло новое население. По мнению Миллера, киргизы тогда «совсем из Сибири убралась». Другие, в том числе проф. Козьмин, полагали и полагают, что была уведена только часть народа и даже из этой части многие потом вернулись, так что состав населения и теперь остался тот же, как был в XVII в. По мнению проф. Козьмина, нынешние жители бывшей киргизской земли — «минусинские татары», как их называли русские, или «хакасы», как они решили называть себя после революции, должны быть признаны «аутохтонами — конечно, в том относительном смысле, который может быть усвоен этому термину в свете современного знания»⁵.

Во всяком случае, прекратилось существование енисейских киргизов как народа, и даже местные предания объясняют этот факт физическим исчезновением значительной части киргизов. Среди сагайского рода кыргыз, т. е., несомненно, среди потомков оставшейся на Енисее части киргизского народа, Радлов слышал легенду, по которой киргизами был истреблен посланный в их землю для сбора дани ойратами отряд в 300 человек вместе с его начальником. Когда от этого отряда в течение года не было никаких известий, хун-тайчжи послал отряд в 1000 человек из казак-бурутов (бурутами ойраты называли киргизов; «казак-бурутами», т. е. казак-киргизами, ойраты и по их примеру русские называли казаков); их предводитель, не добившись от киргизов, кто виновен в истреблении ойратского отряда, увел с собой к хун-тайчжи весь народ; осталось только несколько человек, успевших заблаговременно скрыться. Другая легенда, также переданная Радловым, приписывает увод киргизов известному борцу за свободу калмыцкого народа Амурсане (1750-е гг.), спасшемуся в 1757 г. в русские пределы и умершему в том же году от оспы в Тобольске; конечно, эта легенда несогласна с действительностью. По словам Валиханова, в Омске, в архиве областного правления сибирских киргизов⁶, есть документ, где

⁵ <Козьмин, *Хакасы*, стр. 88.>

⁶ <Казахов.>

говорится о прибытии в Усть-Каменогорск летом 1746 г. 12 человек «киргиз-калмыков»⁷ с женами и детьми; по их словам, киргизов, в числе 3000 дымов (по мнению Козьмина 2500; в документе: «полутысячи с три»), увели «тому назад лет 50 или более» три калмыцких зайсана, Духар, Сандык и Чиньбинь (по другому сказанию: Зукар, Сандык и Бенбень; по документу, на который ссылается Козьмин,—Чинбиль⁸), во главе отряда в 500 человек, увели «насильно, но без бою». Местное население приписывает киргизам могилы на Абакане, причем существует легенда, что здесь воинственные киргизы сражались со своими врагами и хоронили убитых в сражениях. При исследовании могил Радлов убедился, что эта легенда не передает действительности; в могилах иногда находили скелеты женщин и детей, что было бы невозможно, если бы могилы были вырыты на поле битвы для погребения павших воинов; нет и никаких других указаний на боевую обстановку. Один из новейших исследователей, ученик Радлова С. Д. Майнагашев (впоследствии павший жертвой гражданской войны), нашел род кыргыз среди качинцев на нижнем течении Абакана и приводит стихи, свидетельствующие, по его мнению, о прежнем значительном распространении киргизского племени: «В сорока славных котловинах есть ли котловина, где бы не лежали кости киргиза? В сорока березах, растущих на хребте, есть ли береза, которой бы не коснулся топор киргиза?». В этих стихах ясно чувствуется, что они внушены печалью о гибели когда-то сильного народа.

⁷ <О «киргиз-калмыках» в Синьцзяне см. Абрамзон, *Киргизы КНР.* — В. Р.>

⁸ <См. Козьмин, *Хакасы*, стр. 85.>

Глава VII

ТЯНЬШАНЬСКИЕ КИРГИЗЫ В XVIII И XIX ВЕКАХ ¹

Нет точных сведений о том, где потом жили уведенные ойратами с Енисея киргизы. По словам «киргиз-калмыков», прибывших в 1746 г. в Усть-Каменогорск, их «послали в Ургу», где они платили дань царствовавшему в то время (1727—1745) хун-тайчжи Галдан-Цэрэну. Под «Ургой» понимали ставку хун-тайчжи около Или. Уведенные с Енисея киргизы, таким образом, находились довольно близко от своих тяньшаньских родственников, но нет известий, чтобы те об этом знали и чтобы вообще какие-нибудь киргизы пришли в то время с Енисея в горы Тянь-Шань.

Много известий об ойратской державе и об отношениях между ней и киргизами собрано в рассказе кап. Унковского о его посольстве к ойратам в 1722—1724 гг. и в предисловии, примечаниях и приложениях издателя этого рассказа, проф. Н. И. Веселовского (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 2, 1887), также в приложенном издателем к свей книге письме проф. Позднеева. Пользование этим и другим материалом несколько затрудняется начинающейся в XVIII в. неясностью терминологии; киргизами, кроме того народа, которому это название принадлежало в действительности, стали называть и казаков. Судя по ссылке Миллера, эта ошибка в русской литературе впервые была сделана в «С.-Петербургских ведомостях» за 1734 г.; но уже в сообщении о переговорах ойратского посла Борокургана с канцлером графом Головкиным в сентябре 1721 г. в переводе ответов посла встречается термин «киргиз-казаки». В рассказе Унковского о своем посольстве несколько раз говорится о «казаках» и «казачьей орде», без прибавления слова «киргиз»; но в то же время казаки иногда называются киргизами; так, в рассказе о боях между ойратами и русскими на Иртыше в 1716 г. говорится, что «киргизов и теленгутов контайша (хун-тайчжи) на себя забрал, чтобы от него не ушли». Во время переговоров с Унковским в августе 1723 г. хун-тайчжи Цэван-Рабтан жаловался, что «наши люди киргизы, которые жили на Оби реке, ныне оттуда выгнаны и обижены от кузнецких и красноярских».

¹ <Первый вариант названия главы: «Тянь-Шаньские киргизы до падения калмыцкой державы». — А. Б.>

Если и здесь говорится о казаках, то кочевьями казаков заполнялось все пространство между кочевьями тяньшаньских и енисейских киргизов, чем, может быть, объясняется ошибка, сделанная сначала, по-видимому, ойратами, потом русскими, — распространение на казаков названия киргизы (или, у ойратов, «буруты»).

Настоящих, тяньшаньских киргизов, Унковский, по примеру ойратов, называет бурутами. Ему сказали, что буруты «около озера Тускел кочуют»; так в журнале Унковского и на приложенной к журналу карте называется Иссык-Куль. Современный Унковскому хун-тайчжи Цэван-Рабтан (вступивший на престол в последние годы XVII в.) «народом, именуемым Бурутами, завладел, которые кочуют около озера, именуемого Тускель, и с Казачьею ордою граничат». Бурутов считалось около 5000 кибиток, и они могли выставить около 3000 «войска доброго»². На карте буруты помещены в местности к западу от Иссык-Куля; сам Унковский был только в местности к востоку от озера, около речек Тюп и Джаргалан, и там бурутов, судя по его молчанию, не видел. На так называемой карте Рената (в действительности калмыцкой карте, вывезенной Ренатом в 1733 г.) буруты отмечены только в Фергане, к югу от Сыр-Дарьи³; возможно, что киргизы были вытеснены из Тянь-Шаня ойратами и вернулись туда только после разрушения ойратской державы китайцами в 1758 г. По-видимому, только это движение, т. е. обратное переселение из Ферганы в Тянь-Шань, сохранилось в памяти киргизского народа, считающего своей родиной Фергану⁴ и ничего не знающего о своих прежних переселениях.

В XVIII в., еще до падения ойратской державы, увеличилось число киргизов в Кашгарии; часть киргизов, племени кипчак, через Кучу (очевидно, из Тянь-Шаня) пришла в Хотан⁵. Один из последних ойратских владетелей, Давази, брат и соперник Амурса-

² <Унковский, *Посольство*, стр. 187.>

³ <Используя эту надпись на карте для обоснования предположения о том, что киргизы были вытеснены ойратами из Тянь-Шаня, В. В. Бартольд не учитывает того, что на вывезенной Ренатом карте названия народов отмечены только за пределами ойратского государства, видимо с целью дать представление о соседях его. На территории самого ойратского государства не приводится никаких этнических названий. В действительности, как показывают известные Бартольду источники — свидетельства Унковского, сообщения китайских и кашгарских авторов, а также киргизские народные предания, значительная часть киргизского народа была вытеснена из нынешней Северной Киргизии в Ферганскую область, но все же на территории ойратского государства, во всяком случае в области р. Или и на Тянь-Шане, оставалась часть киргизских (бурутских) племен. — В. Р.>

⁴ <Происхождение киргизского народа связывалось с примыкающими к Ферганской долине горами уже в преданиях, зафиксированных в XVI в. См. выше, стр. 513, прим. 6. — В. Р.>

⁵ <См. Мухаммед-Садик Кашгари, извлеч. в пер. Салахетдиновой, 107—108. — В. Р.>

ны⁶ (в 1750-х годах), потребовал их выдачи. Требование не было исполнено, и киргизы приняли участие в походе одного из кашгарских ходжей, Садыка, из Хотана на Яркенд. В дальнейших междоусобиях среди так называемых белогорских и черногорских ходжей также принимали участие киргизы, как местные, так и «андижанские», т. е. ферганские, во главе которых стоял некий Кубат-мирза⁷.

После завоевания Восточного Туркестана китайцами киргизы в Тянь-Шане и на Памире признали себя китайскими подданными. В 1816 г. они поддержали восстание против китайцев ахуна Зия аддина в Тамашлыке, или Ташбалыке, где и потом был центр кашгарских киргизов, принадлежавших к роду турайгыр-кыпчак⁸. Место Ташбалык находится к юго-западу от Кашгара, около выхода из гор речки Яманяр, или Гез. Валиханов, бывший в Кашгарии в 1858—1859 гг., не знал других киргизов — китайских подданных, кроме киргизов рода турайгыр-кыпчак, живших в окрестностях Ташбалыка, хотя им же упоминается род чонбагыш, один из главных киргизских родов; чонбагыши жили в горах на северо-западе от Кашгара. По сведениям Корнилова, относящимся к 1900 г., <киргизы> встречались в Кашгарии во многих местах, от Кучи на северо-востоке до верховьев реки Санджу на юго-западе, в числе 43 000; часть этих киргизов «выселилась из Ферганы сравнительно недавно, в последние годы независимости Кокандского ханства»⁹ (уничтоженного, как известно, в 1876 г.). Значительная часть киргизов Кашгарского уезда принадлежала к роду чонбагыш (более 2000 кибиток). По Радлову, чонбагышцы, хотя и жили к западу от Кашгара, были прежде подданными Кокандского ханства (так и по Валиханову). Род турайгыр-кыпчак у Корнилова не упоминается. В статье Покровского и Стогова о маргеланском Алае, приложенной к «Статистическому обзору Ферганской области за 1911 год», колено турайгыр («гнедой жеребец») упоминается среди колен рода кыпчак, переселившихся в царствование Алим-хана кокандского, т. е. в конце XVIII в. или в начале XIX в., из «Карабулака Кокандского вилайета и поселились за Кесеками, выше по долине Кызыл-Су». В старину

⁶ <Как отметил в своей рецензии на эту работу Бартольда Г. Е. Грумм-Гржимайло, Давақи не был братом Амурсаны; см. Грумм-Гржимайло, ИГГО, т. LXVI, вып. 1, стр. 181. — В. Р.>

⁷ <Кубад-бий был главою киргизского племени кушчу (кушу) и играл видную роль в политических событиях, происходивших в Ферганской долине, поддерживая в начале 50-х гг. XVIII в. кокандского бия Ирдану, но затем отошел от него (см. Валидов, *Некоторые данные*, стр. 106—107) и принял участие в военных действиях в Кашгаре. Участие Кубад-бия в этих военных действиях было впервые отмечено Валихановым, использовавшим данные из сочинения Мухаммед-Садика Кашгари. Ныне об этом см. Мухаммед-Садик Кашгари, извлеч. в пер. Салахетдиновой, III и сл. О прошлом киргизского племени кушчу в связи с преданиями и генеалогиями этого племени см. Абрамзон, *Этнический состав*. — В. Р.>

⁸ <Точнее — тору айгыр кыпчак. — В. Р.>

⁹ <Корнилов, *Кашгария*, стр. 233.>

(в XVII в.), по преданию, в маргеланском Алае жил только род чонбагыш.

Русская перепись 1897 г. признавала киргизов или, как тогда говорили, кара-киргизов, только в одной Ферганской области, где их насчитывалось 201 579 душ (в других областях кара-киргизы, или, как их еще называли в XIX в., «дикокаменные киргизы», объединялись вместе с казаками¹⁰ под общим названием «киргизы»). Замечательно, что по статистическому обзору Ферганской области за 1911 г. число киргизов было гораздо меньше, всего 81 669, из них 60 835 в Наманганском уезде и 18 379 в Андижанском.

Более всего киргизов было в Семиреченской области. После падения ойратской державы они вновь заняли горную местность по верховьям Нарына, Чу и по притокам Иссык-Куля¹¹, территорию, при русском владычестве вошедшую в состав двух уездов, Пишпекского и Пржевальского (Каракольского). Незначительное число киргизов (около 50 000) жило в Аулиеатинском уезде Сыр-Дарьинской области¹². Во второй половине XVIII в.¹³ киргизы подверглись нападению со стороны Аблая, хана казачьей Средней орды¹⁴ (ум. в 1787 г.); Аблай «нанес кара-киргизам жестокое поражение в открытой битве и сильно опустошил их страну». В XIX в. киргизы как в Фергане, так и в горах к северо-востоку от нее считались подданными кокандских ханов; некоторым из них показалось более выгодным отдаться под покровительство России, приняв на себя обязанность провожать русские караваны в Кашгарию. Раньше других¹⁵ вступило в сношения с русскими самое восточное из киргизских племен, племя бугу ('олень'), жившее между восточным берегом Иссык-Куля и Текесом. В 1814 г. Койчибек, сын бия Ширали, был у сибирского генерал-губернатора Глазенапа (управление Сибирью, впоследствии Западной Сибирью находилось в то время в Тобольске) и получил «чин капитана, золотую медаль и саблю за содействие при проходе караванов»¹⁶; в 1824 г., через два года после издания «устава о сибирских киргизах», казанский татарин Фай-

¹⁰ <Казаками.>

¹¹ <Часть киргизских племен, насколько позволяют судить письменные источники (см. выше, прим. 3) и их собственные предания, оставалась в этой горной местности и во времена наибольшего могущества ойратской державы. — В. Р.>

¹² <Главным образом в долине Таласа и в примыкающих к ней горных районах. — В. Р.>

¹³ <По данным Валиханова, Аблай напал на киргизов (бурутов) в 1770 г. и разбил их объединенные силы в сражении около рек Кызыл-су и Шамси, впадающих в р. Чу. См. Валиханов, *Сочинения*, стр. 5. Сведения о киргизах этого времени см. И. Андреев, *Описание Средней орды*. — В. Р.>

¹⁴ <Казахского Среднего жуза.>

¹⁵ <В начале 80-х годов XVIII в. в России побывали посланцы от «Атыкбатыря» (Атеке), главы киргизского племени сарыбагыш. — В. Р.>

¹⁶ <Н. Коншин, *Каракиргизская депутация*, стр. 76, прим.>

зулла Сейфуллин, приказчик семипалатинского купца С. Попова, живший в Семипалатинске ишимский мещанин Б. А. Пиленков и Уйсунбай Шукуров, теленгут казацкого султана Галия Адилева, уговорили биев трех родов (джилдан¹⁷, арык-тукум и биялак¹⁸) племени бугу признать себя русскими подданными и отправить с этой целью депутацию. Депутаты просили позволения отправиться к высочайшему двору, но были приняты только в Семипалатинске и Омске; в Омске они пробыли с 5 января до 25 мая 1825 г., потом были отправлены обратно, причем до урочища Каратад их сопровождал во главе казачьего отряда подполковник Шубин, оттуда до Иссык-Куля — хорунжий Нюхалов с 60 казаками; с ним был лекарь Зибберштейн, автор едва ли не первого «описания о дикокаменных киргизах»; было ли это описание потом напечатано и, если нет, сохранилось ли в рукописи, мне неизвестно¹⁹. Дальше всего в выражении подданства шел род биялак, просивший даже о присылке русского отряда для усмирения грабителей, нападавших на караваны. Главой бияковцев в то время, по-видимому, был еще раньше ездивший в Россию Койчибек; в депутации был брат Койчибека Алгаза. Почему-то в Омске оказали предпочтение роду джилдан; его депутат Алимбек получил высшую награду — золотую медаль на андреевской ленте и саблю с надписью его имени; отец Алимбека Яналак²⁰ Кутлин получил золотую медаль на александровской ленте; такую же награду получили депутаты двух других родов Алгаза и Акимбек. Койчибек в письме к генерал-губернатору выражал неудовольствие, что его брат Алгаза был «сравнен подарками» с прочими депутатами; генерал-губернатор в ответном письме обещает одарить Алгазу «лучшими подарками»²¹. Насколько известно, это обещание не было исполнено. Не была удовлетворена также просьба братьев Алгазы, Юнуса и Аджибая, о пожаловании им по золотой медали (для Койчибека просили сабли); не получил также награды отец арык-тукумского депутата Акимбека — Ульджебай Тлеубердин.

В этом рассказе (приведенном в «Памятной книжке Семипалатинской области» на 1900 г., выпуск 4) совершенно не встречается характерное для киргизов (в противоположность казакам) слово *манап*; интересно было бы знать, было ли оно в записке Зибберштейна²².

¹⁷ <В кирг. произношении джельден. — В. Р.>

¹⁸ <В кирг. произношении белек. — В. Р.>

¹⁹ <Рукопись была обнаружена и в 1936 г. опубликована М. П. Вяткиным. См. Зибберштейн, *Путевые замечания*. — В. Р.>

²⁰ <По-видимому, правильно. — Япалак, в кирг. произношении Джапалак. — В. Р.>

²¹ <См. Н. Кошкин, *Каракиргизская депутация*, стр. 72—76. — В. Р.>

²² <Зибберштейн в своих путевых записках термина *манап* не употреблял, называя киргизских вождей биями. Возможно, что в 1824 г., когда Зибберштейн побывал на Иссык-Куле у киргизов племени бугу, среди этого племени термин *манап* еще не применялся или мало употреблялся. См. Абрамзон, *Этнический состав*, стр. 32. — В. Р.>

В доступном мне материале слово *манап* едва ли не впервые встречается в рассказе о гибели казацкого султана Кенисары Касымова, восставшего против русских, принявшего ханский титул и убитого в стычке с киргизами в 1847 г.²³ Об этом событии писали русским принимавшие в нем участие манапы Джантай Карабеков и Урман²⁴ Ниязов, из племени сарыбагыш, западных соседей бугинцев. Джантай получил в награду золотую медаль и похвальный лист, второй, кроме того, еще халат, обложенный золотым галуном. Посредниками между русскими и киргизами были татарский мулла Галин Якубов и казацкий султан Рустем Абулфайзов, покинувший Кенисару во время боя с киргизами (сын Кенисары, Ахмед, в своих записках, составленных со слов другого сына Кенисары, Садыка, собственно Сыддыка, говорит, что султан Рустем, «как говорят, в войне с кара-киргизами держал их сторону, хотя это, впрочем, неизвестно с достоверностью»). Урман просил еще награды для своего сына Умбет-Галия, т. е. Умбет-Али (золотой медали и, если можно, золотой сабли), но, по-видимому, не получил. Вместе с тем Урман извещал о прибытии в Аулие-Ата кипчаков (из Кокандского ханства) с требованием покорности от киргизов и о своем решении не подчиняться этому требованию, даже если бы ему пришлось ради этого перейти на северную сторону Или (к русским). Наконец, он упоминал об обращенной к киргизам просьбе кашгарских ходжей о помощи против китайцев (в Кашгарии в это время происходил так называемый «бунт семи ходжей»). В своем ответе русский пограничный начальник желал Урману успеха в борьбе с кипчаками и просил не вмешиваться в китайские дела ввиду дружественных отношений между Россией и Китаем. В конце 1848 г. пристав казачьей Большой орды²⁵, барон Врангель, снаряжал в Омск казачьего султана Мамыра, сына Рустема, с киргизским посланцем Сатаем, в сопровождении татарина Галина и одного казака (русского).

О манапах Радлову говорили в 1860-х годах, что они появились у киргизов в XVIII в.; рассказывали, что имя Манап²⁶ носил один из биев племени сарыбагыш; он сделался главой своего племени, и потому все бии после его смерти назывались манапами. Самому Радлову этот рассказ показался невероятным.

В написанной в 1897 г. статье А. Талызина (пишпекского уездного начальника) тоже сказано, что слово *манап* перешло к остальным киргизам от сарыбагышцев; манапов тогда было довольно много, 1231 юр-

²³ <Термин *манап* в отношении к киргизским вождям, против которых воевал в 1770 г. казахский хан Аблай, употреблял, сообщая об этом походе, Валиханов (1835—1865), знакомый с описываемыми событиями по семейным преданиям; см. Валиханов, *Сочинения*, стр. 5 и сл. — В. Р.>

²⁴ <В кирг. произношении Ормон (сын Нияз-бека). — В. Р.>

²⁵ <Казахского Старшего жуза.>

²⁶ <По расчетам, основанным на киргизских генеалогиях, время жизни сарыбагышского предводителя Манапа относится к XVII в. — В. Р.>

та с мужским населением в 3955 душ; сюда, конечно, входили все родственники манапов, но не подчиненные манапам народные массы, объединявшиеся под названием *бухара* (арабское *фукарā*, по турецкому произношению *пукара*, мн. число от *фақир* 'бедняк' ²⁷). Бухара причислялась к тому же роду, как ее манап. То же самое название (*пукара*) носили у казаков люди так называемой «черной кости», в противоположность «белой кости», или «султанам», считавшимся потомками Чингиз-хана. Из этого видно, что манапы сделались у киргизов таким же аристократическим сословием, каким были у казаков султаны, или люди «белой кости», хотя у киргизов различия между «белой» и «черной» костью не было.

Некоторые сведения о происхождении манапов собрал в 1886 г. А. Н. Вышнегорский ²⁸, ездивший в степи Аулиеатинского уезда по поручению губернатора Гродекова. Вышнегорский, по-видимому, ничего не слышал ни о слове *бухара*, или *пукара*, у киргизов, ни о сарыбагышском происхождении манапов; ему сообщили только, что манапы — «лучшие люди, происходящие от целого ряда биев» ²⁹; ни один из них не вышел из потомков Чингиз-хана (таковых у киргизов, по-видимому, и не было). Манапами становились люди, выделявшиеся «храбростью и мудростью»; они были предводителями во время смут; во время внешних нашествий во главе народа становились те из них, кто выделялся среди прочих манапов: «их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их» ³⁰. В Аулиеатинском уезде тогда считалось всего 8 манапов с их родичами.

Первая «рекогносцировка» русских войск в «Зайлийский» край относится к 1852 г.; в 1854 г. уже произошло занятие этого края, причем было построено укрепление Верное, впоследствии названное городом Верным (ныне Алма-Ата). В 1855 г. покорность русским выразил Буранбай, или Бурамбай, верховный манап племени бугу, насчитывавшего до 10 000 кибиток. Буранбай умер в начале 1858 г., за три месяца до проезда через Зайлийский край, или, как его называли официально, Алатавский округ, казака ³¹ Чокана Валиханова, ездившего по поручению русского правительства в Кашгарию; в другом месте у того же Валиханова им дата смерти Буранбая указана 1857 г.

Валиханов сообщает довольно подробные сведения о «дикокаменных» киргизах, о делении их на племена и об отношениях между племенами. Подобно монголам; киргизы делились на два крыла — правое

²⁷ <«Факирами» (мн. число *фукара*) назывались сословно-приниженные социальные и этнические группы у различных горных племен и народностей к югу от Тянь-Шаня до Инда. См.: М. Андреев, *Таджики долины Хуф*, вып. 1, стр. 36 и прим. к стр. 45; Bellew, *General report*, pp. 81—82. — В. Р.>

²⁸ <О Вышнегорском как о действительном авторе книги Гродекова *Киргизы*, изданной этим губернатором под своим именем, см. выше, стр. 306. — В. Р.>

²⁹ <Гродеков, *Киргизы*, стр. 6.>

³⁰ <Там же.>

³¹ <Казаха.>

(он) и левое (сол); первых было гораздо больше; левые занимали крайний запад территории киргизов, именно местность у Таласа. Из этого можно заключить, что киргизы при определении стран света становились лицом на север, а не на восток, как древние турки, и не на юг, как монголы. Правое крыло разделялось на два отдела — адгэне³² и тагай³³; отдел тагай, самый обширный, разделялся на семь племен «сродных, но ведущих постоянную вражду» между собой: бугу, сарыбагыш ('желтый лось'), султу³⁴, саяк, черик, чонбагыш ('большой лось') и бассыз³⁵. Русскими подданными считались только бугинцы, имевшие пашни на южном берегу Иссык-Куля, летние кочевья — в верховьях Текеса и Кегена. От бугинцев к западу жили сарыбагышцы, от сарыбагышцев к западу, около Пишпека³⁶ и дальше, султинцы, из-за близости Пишпека, главного кокандского укрепления (хотя и в нем было всего 500 человек гарнизона), более других киргизов подчинявшиеся кокандцам; в то же время, однако, Валиханов называет султу самым хищным родом. Племя саяк жило южнее, у верховьев Нарына и Джумгала, племя черик — в «Тянь-Шаньском нагорье» к югу от Иссык-Куля, чонбагышцы, как мы видели, — к северо-западу от Кашгара; последние два племени были очень бедны. Где жило племя бассыз, точно не указывается³⁷: по-видимому, в Фергане, где были также

³² <В кирг. произношении адигине. — В. Р.>

³³ <По этнографическим данным, собранным в наше время, в состав правого крыла, наряду с группами тагай и адигине, входили также мунгуш и монголдор (см. Абрамзон, *Этнический состав*, стр. 5). По генеалогическим преданиям XVI в., зафиксированным в *Маджмӯ' ат-таварих*, потомками Огуз-огула (сына Ак-огула, родоначальника правого крыла) считались четыре сына: Тагай-бахадур, Карабагыш, Мунгкуш и Адиге. Кроме того, с правым крылом генеалогически объединялись, как потомки Салвас-бека Булгачи (сына Ак-огула), 6 сыновей-родоначальников, которые носили имена племен, известных в позднейшее время как входящие в обособленную группу «ичкилик»: Кангды, Кыдырша, Дёблос, Джоо-Кесек, Тейит и Бостон. См. Ромодин, *Некоторые источники*, стр. 13. — В. Р.>

³⁴ <В кирг. произношении солто. — В. Р.>

³⁵ <В кирг. произношении бассыз. По позднейшим данным, племена чонбагыш и бассыз относились к левому крылу, а в число племен из потомства Тагая, кроме перечисленных у Валиханова, включались еще: жедигер, келдике, баарын, суу, мурун, багыш, азык, а также близкое к бугу племя тынымсейит и близкое к саякам — чекир-саяк (см. Абрамзон, *Этнический состав*, стр. 5). В *Маджмӯ' ат-таварих* указывается пять племен из потомства Тагая: сарыбагыш, саяк, солто, буги (= бугу) и йадгәр (= жедигер); см. Ромодин, *Некоторые источники*, стр. 13. — В. Р.>

³⁶ <Пишпек — с 1926 г. город Фрунзе, ныне столица Киргизской ССР. Среди местного населения город Пишпек был известен под названием Пишкек (پشكك) — см., например, Нияз-Мухаммед, *Та'рих-и Шахрухӣ*, 215. Одну из легенд о происхождении этого названия см. Земляницын, *Исторический очерк*, стр. 85. — В. Р.>

³⁷ <Ныне расселение всех этнических групп, вошедших в состав киргизской народности, картографировано на основе материала, собранного С. М. Абрамзоном и Я. Р. Винниковым во время работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции 1953—1955 гг. Библиографию изданий карт см. в кн.: Шерстобитов и др., *Очерк*, стр. 48, прим. 2. — В. Р.>

пашни отдела адгэне. По Радлову, различались только шесть племен правого крыла: бугу, сарыбагыш, солту (султу), эдигена (адгэне), чонбагыш и черик. Племя бассыз не упоминается, о племени саяк говорится как об одном из восьми родов племени эдигена, хотя несколько ниже у самого Радлова племя саяк названо рядом с племенем черик как самостоятельное племя; как самостоятельный род или племя оно упоминается у Талызина. По Радлову, племена эдигена и черик еще оставались в кокандском подданстве.

По Аристову, названия племен «сарыбагыш» и «чонбагыш» должны рассматриваться как след пребывания киргизов за Саянским хребтом, потому что лось в Тянь-Шане не водится. Замечательно, что в словаре Радлова слово *багыш* в значении 'лось' не приводится совсем. Не приводится и слово *чон*³⁸ в значении 'большой', заимствованное киргизами у китайцев.

По Талызину, в эпоху русского завоевания у старшего манапа рода султу, Джангарача, было до 600 юрт, у старшего манапа сарыбагышцев, Джантая, до 700, у старшего манапа рода саяк — до 500. Манапы, у которых было подданных менее 100 юрт, считались мелкими. Кроме подданных, у манапа были рабы (*кул*); при уплате куна за убитых, кроме скота, отдавались и рабы. Звание «старшего манапа» (у Валиханова в одном месте встречается термин «ага манап») было неопределенным; часто в одном и том же племени соперничали между собой несколько манапов; так, среди сарыбагышцев притязания на верховную власть, кроме Джантая, предьявлял Урман, даже принявший ханский титул³⁹. Нападения со стороны Урмана были, по словам Талызина, главной причиной, побудившей бугинцев принять русское подданство⁴⁰; во главе бугинцев будто бы находился султан Зарнек, что маловероятно, так как султанов у киргизов не было. По просьбе бугинцев весной 1856 г. в их область был отправлен русский (казачий) отряд под начальством полковника Хоментовского; при этом отряде были Чокан Валиханов и будущий исследователь П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тянь-Шанский). Отряд провел в степи два месяца и дошел до Иссык-Куля. С сарыбагышцами было столкновение в месте Джилгын-баши, около Токмака; во главе киргизов находился манап Тлеукабыл. В стычке было убито 40 киргизов, в том числе пять манапов. Некоторое число киргизов было взято в плен; эти пленные потом были отпущены Г. А. Колпаковским, начальником Алатавского округа,

³⁸ <Чонг.>

³⁹ <События этого времени, связанные с Ормон-ханом, исследованы в работе: Джамгерчинов, *Киргизы в эпоху Ормон-Хана*. — В. Р.>

⁴⁰ <О причинах, побудивших бугинцев и другие киргизские племена к переходу в русское подданство, см. Джамгерчинов, *Присоединение Киргизии к России*. О других работах (главным образом Джамгерчинова и Усенбаева), связанных с этим вопросом, см. Шерстобитов и др., *Очерк*, стр. 54—55, прим. 3 и 1. — В. Р.>

по просьбе другого сарыбагышского манана Саурамбая Худоярова, ездившего для этой цели в Верный.

Следующим шагом вперед в деле завоевания русскими киргизской области было основание в 1859 г. передового укрепления Кастек, у перевала того же имени. Осенью того же года на это укрепление напали киргизы и кокандцы; нападение возобновилось и в 1860 г. Отбив нападение, русские преследовали врагов и нанесли им поражение при Джиран-Айгыре; после этого был предпринят поход за Чу, окончившийся взятием и разорением Токмака и Пишпека. Решительного значения этот успех не имел; несмотря на неудачу нового похода кокандцев и на поражение их при Узун-Агаче⁴¹, Пишпек был восстановлен ими в 1861 г.⁴² и окончательно взят русскими только в 1862 г., причем на этот раз в действиях против кокандцев принимали участие и подвластные русским киргизы. Причиной неудовольствия киргизов против кокандской власти было, во-первых, прибытие из Ферганы поселенцев-сартов (после окончательного разрушения русскими кокандских крепостей киргизы «сравнивали сартовские поселения с землей и превратили их в кочевья, так что теперь почти не заметно следов их поселений»), во-вторых, производившиеся кокандскими наместниками поборы. По словам Радлова, кокандцы взымали с киргизов подати трех категорий: 1) тюнлюк-зьякет, по овце с юрты; 2) алал-зьякет, по 1 голове скота с 50 (2%); 3) харадж с земледельцев, по три овцы с гумна (в Кашгарии с киргизов, занимавшихся земледелием, взымали харадж в размере $\frac{1}{15}$ урожая). Кроме того, время от времени взымали военную подать в размере одной тилли (золотой монеты) или трех баранов с юрты.

Решительное значение для разрыва части киргизов с Кокандом и перехода их на сторону русских имели события 1862 г. В этом году в Ташкент прибыла с просьбой о помощи против русских киргизская депутация, в которой находился Шабдан, сын сарыбагышского манана Джантая, впоследствии считавшегося безусловно преданным России. В Ташкенте был в то время Худояр-хан, только что (на короткое время) вновь занявший престол после убийства своего брата Малля-хана; Худояр отпустил Шабдана с благоприятным ответом. Независимо от этого у Джантая по семейным делам произошла ссора с другим сарыбагышским родом, темир-булат; Джантай прибыл в Верный, заявил, что его род тынай принимает русское подданство, и просил оказать ему помощь против темирбулатцев; просьба была исполнена, и темирбулатцы вместе с тынайцами были присоединены к России. Не зная о сношениях отца с русскими, Шабдан из Ташкента прибыл в Пишпек к новому кокандскому наместнику Рахметулле (атабек, бывший

⁴¹ <30 октября 1860 г.>

⁴² <Крепость Пишпек (Пишкек) была возобновлена кокандцами в ноябре 1860 г. (см. Нияз-Мухаммед, *Та'рих-и Шāхрухй*, 216—217). — В. Р.>

наместником в Пишпек в 1860 г., потом находился в Ташкенте). За измену отца Шабдан в Пишпек был посажен в тюрьму, откуда ему удалось бежать, что еще более укрепило связи Джантая с Россией.

В то же время против Рахметуллы восстали султинцы. Главным манапом их, как мы видели, считался Джангарач; когда он состарился, его значение перешло к энергичному Байтаку (или Байтыку) Конаеву; его сын находился в Пишпек при Рахметулле и был им изнасилован; Байтак пригласил к себе Рахметуллу и вероломно убил его, после чего он отправил в Верный своего брата просить о принятии султинцев в русское подданство. Эти события были, по-видимому, главной причиной похода Колпаковского в том же году, имевшего результатом вторичное и окончательное взятие Пишпека и занятие всего Зачуйского края.

В 1863 г. были приняты меры, чтобы отделить от Коканда и присоединить к России горную местность к юго-западу от Иссык-Куля. Главным опорным пунктом кокандцев здесь было укрепление Куртка на Нарыне; кроме того, было укрепление Джумгал на реке того же имени, притоке Нарына. Сюда был направлен «кашгарский» отряд «для рекогносцировки путей, ведущих из Заилийского края в Кашгарию». Отряд, под начальством капитана Проценко, в начале мая 1863 г. двинулся из Кастека, прошел через Боамское⁴³ ущелье к Иссык-Кулю, оттуда через перевал Кызарт к Джумгалу, от Джумгала мимо озера Сон-куль к Куртке. Оба укрепления сдались без выстрела. Еще раньше с частью сарыбагышцев (отделение есенгул⁴⁴) ушел на Нарын, чтобы не подчиняться русским, Умбет-Али, сын Урмана (очевидно, в то время уже не бывшего в живых). Теперь он присоединился к отряду Проценко и впоследствии приписывал себе заслугу успеха отряда; в мае 1865 г. он писал Черняеву, что «присоединился к капитану, который носит очки, и вместе с ним покорил белому царю курганы (крепости) Джумгал и Куртку». В действительности он тайно вредил отряду; его брат разграбил около озера Сон-куль почту, в которой было донесение Проценко о занятии Куртки. В связи с этим, вероятно, находился факт, что отряду на обратном пути пришлось сражаться с восставшими в его тылу сарыбагышцами и саякцами; при урочище Икечат⁴⁵ были отражены киргизы в числе 3000 человек. Отряд прошел обратно к Иссык-Кулю и оттуда на усиление кегенского отряда, действовавшего в том же году на китайской границе и имевшего несколько вооруженных столкновений с китайцами, в том числе и в киргизской земле, на Каракаре⁴⁶. где Радлов еще в 1862 г. посетил бугинцев. Четыре рода бугинцев в то время подчинялись Китаю, в том числе род арык-тукум, имевший сно-

⁴³ <Так на современных советских картах. Правильно — Боамское. — В. Р.>

⁴⁴ <Эсенгул.>

⁴⁵ <Эки чат.>

⁴⁶ <Во 2-м издании — Каркаре.>

шения с Россией, как мы видели, еще в 1824 г. Прочного значения действия отряда Проценко не имели; укрепление Куртка, разрушенное (как и Джумгал) русскими, было потом восстановлено кокандцами. Колпаковский еще в феврале 1865 г. писал из Верного, что кокандская крепость Куртка «имеет влияние на все киргизские роды, кочующие в верховьях Сыр-Дарьи, по Нарыну и Кочкору, возмущает их против нас и доставляет войскам Алимкула (в то время регента Кокандского ханства) большие материальные средства».

Пограничные споры с Китаем были разрешены Чугучакским договором 25 сентября 1864 г., но и после этого спокойствие на восточной границе нарушалось вследствие мусульманского восстания против китайского господства; восстание началось в 1863 г. в Кашгарии и распространилось в 1864 г. на Кульджинский край; к восставшим несколько раз присоединялись и киргизы, в том числе и те из них, которые считались русскими подданными. В том же донесении Колпаковского от февраля 1865 г. говорится, что «бугинцы, в особенности кочующие по Текесу, выжидают только прибытия ходжей святогорцев с войском, чтобы заявить им свою преданность и готовность жертвовать имуществом». Были, однако, случаи обращения киргизов к русским с просьбой о помощи против мусульманских повстанцев. Осенью 1864 г., когда Колпаковский был на Иссык-Куле, к нему явились «двое почетных людей из дикокаменных киргиз, рода Чирик»⁴⁷, с письмом от «старшего манапа» Турдуке. Манап жаловался на действия повстанцев, притеснявших киргизов поборами и самого Турдуке увлекших силою «под Кашгар», и просил «защитить чириковский род, принявший подданство России». Колпаковский отвечал, что ввиду наступившей осени и закрытия перевалов снегами было невозможно «послать войска для защиты чириков, кочующих почти под стенами Кашгара»; поэтому он советовал им «удалиться от театра инсurreкции» на Нарын. Чирики не имели возможности тогда последовать этому совету; никаких других мер для их защиты принято быть не могло, и положение их оставалось таким же и в 1865 г.

Больше всего значения для решения судьбы киргизов имел, конечно, исход войны с Кокандом. Еще в начале 1864 г. положение было крайне неопределенным; под влиянием воззваний ташкентского наместника, с обещанием полного прощения за убиение Рахметуллы, Коканду вновь подчинилась часть султинцев во главе с Джангарачем и часть сарыбагышцев, кочевавшая на Нарыне, во главе с Умбет-Али; большая часть султинцев, во главе с Байтыком, и сарыбагышцев уклонилась от уплаты зеката кокандцам и продолжала сношения с начальником Алатавского округа. Джангарач умер в том же году; его сын Чолпанбай также получил от ташкентского наместника ярлык на звание

⁴⁷ <Черик.>

старшего манапа рода султу. Но и те манапы, которые оставались подданными России, не считались надежными. Из султинцев манапы Кокум и его сын Чайбек, «родственники манапов Джангарача и Байтыка», приняли участие в нападении на подчиненных России казаков⁴⁸; в феврале 1864 г. в таком же нападении принимал участие брат Байтыка Сатылган; киргизы разграбили до 50 аулов Дулатовской (казачьей)⁴⁹ волости, «увели в плен женщин и детей и сожгли юрты». Манапы казались настолько ненадежными, что войсковой старшина Бугаков, посланный во главе двух сотен к Токмаку «под предлогом прикрытия рекогносцировки ущелий речек Большой и Малой Кебин», хитростью заманил к себе в Токмак несколько влиятельных манапов из султинцев, в том числе Байтыка, и сарыбагышцев, «под благовидным предлогом» задержал и увел с собою в Верный.

Готовясь к походу на Аулие-Ата (известно, что этот город был взят Черняевым 4 июня 1864 г.), русские, однако, находили нужным привлечь киргизов на свою сторону примирительными действиями. Задержанные скоро были отпущены к своим родственникам с успокоительными уверениями; некоторые из них, как Байтык, Корчу и родственник Умбет-Али Менде, или сами присоединились к русским отрядам, или присоединили к ним своих сыновей и ближайших родственников. Даже Чолпанбай, захваченный казаками (Дулатовской волости) с ярлыком ташкентского наместника, был отпущен с почетным халатом. Эти меры достигли цели; дети Джангарача и Бочкай⁵⁰ Канаев (последнему принадлежали пашни от вершины речки Ашпары до Мерке) выразили покорность Черняеву. На верхнем Таласе и на Карабуре Черняеву, однако, пришлось иметь дело с враждебными манапами; в числе их упоминается Сарамсак, собравший до 200 вооруженных киргизов. Поход, во всяком случае, способствовал упрочению русского господства над киргизами; уже в Пишпекке к русскому отряду явились некоторые бии, «которые никогда не являлись прежде русскому начальству». В августе 1864 г. Черняев писал, что «сообщение Аулие-Ата с Верным совершенно обеспечено», хотя между Пишпекком и Токмаком был случай гибели подпоручика Губара, беспечно заснувшего на траве и зарезанного «дикокламенными эгинчи»⁵¹ (земледельцами), работавшими вблизи на пашне, в числе пяти человек.

Мы видели, что, несмотря на успехи 1864 г., Алим-Кул еще в 1865 г. получил поддержку от киргизов из Куртки, и вообще возможность получения кокандцами помощи от киргизов не исключалась, как не исключалась возможность возобновления кокандцами наступательных

⁴⁸ <Казахов.>

⁴⁹ <Казахской.>

⁵⁰ <В кирг. произношении Бошкой. — В. Р.>

⁵¹ <В 1-м и во 2-м изданиях было «шеччи» — явная опечатка. — В. Р.>

действий, особенно с юга. В январе 1865 г. начальник укрепления Токмак доносил, что кокандцы двигаются в большом числе к верховьям речки Иссыгаты, «грабя аулы киргизов и лошадей у них». В марте опасались вторжения Алим-Кула в Чуйскую долину через перевал Шамси. В январе Черняев писал, что левый (т. е. южный) фланг русских «населен кара-киргизами, племенем наиболее диким, между которыми Алимкул, как однородец их, может скорее встретить сочувствие, чем между киргизами (т. е. казаками) Большой орды». Опасения не оправдались; еще до поражения и смерти Алим-Кула (9 мая) и падения Ташкента (15 июня) Россия получила значительное число новых подданных из киргизов; в марте манап племени саяк Осман Рускулбек просил о принятии его в русское подданство с «подвластными ему десятью тысячами кибиток»; на это последовало высочайшее соизволение, чем было несколько недовольно министерство иностранных дел; в письме вице-канцлера Оренбургскому генерал-губернатору от 5 июня выражалась надежда, что «принятием этого племени в подданство мы уклонимся от тех начал относительно наших границ и наших дальнейших действий в Средней Азии, которые уже приняты в руководство, так как уклонение от них могло бы иметь самые вредные последствия». В июне, еще до завоевания Ташкента (автор даже был против такого завоевания, хотя тут же говорит о необходимости сделать границей русских владений реку Сыр-Дарью на всем ее протяжении), была составлена секретная записка, где говорится, что «теперь все северные кара-киргизы (т. е. все, кроме ферганских и кашгарских) в русском подданстве, кроме немногих в верховьях Чирчика и у прорыва Джумгала через Уртактау; откуда еще кокандцы могут устроить против нас горную войну». В том же году, после взятия Ташкента, перестали существовать и эти исключения. Ввиду выразившегося в письме вице-канцлера настроения высших сфер оренбургский генерал-губернатор (Крыжановский) был даже недоволен, когда Черняев своею властью разрешил перекочевать в русские пределы подавшим прошение о принятии их в русское подданство манапам: манапам «дикокаменных киргиз рода Турукли, Шамень⁵², Кодан, Байтелэ и Джаманак», кочевавших на Джумгале в числе тысячи кибиток, и «рода Богиш (Багыш) манапу Сарымсаку», кочевавшему за Карабурюю в числе 150 кибиток. Манапы, кочевавшие у Джумгала, получили от Черяева разрешение перейти на Кочкар, тем более что эти места в то время никем не были заняты. Потом оказалось, что ходатайство возбуждено манапами рода бурукчи⁵³ или исенкул⁵⁴ из сарыбагышцев, находившихся прежде с Умбет-Али; вопрос об удовлетворении их ходатайства был разрешен уже в 1866 г. В октябре 1866 г. прибыли с

⁵² <В рукописи раньше было еще добавлено: «в другом месте Шамань». — А. Б.>

⁵³ <В кирг. произношении борукчу. — В. Р.>

⁵⁴ <В кирг. произношении эсенгул. — В. Р.>

Кокшала манапы от чириковских киргизов; вследствие притеснений, которым они подвергались со стороны Я'куб-бека кашгарского и со стороны принявшего кашгарское подданство Умбет-Али, они просили позволения «кочевать на реке Таранче или же в верховьях Нарына». Окончательное утверждение за Россией всего Нарынского края произошло в 1867 г., когда было устроено Нарынское укрепление. Тогда же в пределы России возвратился Умбет-Али «окончательно обедневшим» и поселился в Пржевальском (тогда Иссык-Кульском) уезде.

Талызин считает временем окончательного покорения киргизов 1865 год, когда в русские пределы пришел род бурукчи. По-видимому, в том же году произошло одно из последних, если не последнее (не вполне ясно, когда произошло то сражение полковника Полторацкого с Умбет-Али на Атбаше, о котором говорит Талызин) вооруженное столкновение между киргизами и русскими. Вследствие полученных сведений о намерении некоторых киргизов весной принять участие в действиях мусульманских повстанцев в Кашгаре, Колпаковским было приказано «доставить в отряд на реке Аксу и там задержать более влиятельных манапов» — конечно, как в 1864 г., «под благовидным предлогом». Тем не менее бий Суанбек, кочевавший в долине реки Сарджас (Сары-джас), в мае сделал попытку откочевать в Кашгар; посланный за ним небольшой отряд догнал его в верховьях Сарджаса и предложил ему вернуться в русские пределы, но Суанбек, «пользуясь численным перевесом», захватил людей и, «отобрав амуницию и оружие, связал их и, нанося побои, продолжал дальнейшее движение». Узнав об этом, начальник текесского отряда послал для преследования Суанбека более значительные силы, которым и удалось освободить пленных и взять в плен самого Суанбека. В том же году бывшая воинственность киргизов проявилась еще по другому поводу; сарыбагышцы в полном составе сели на коней и выступили с оружием в руках против саяковцев, захвативших в плен сына манапа Тюрегельды; но пленный был освобожден по настоянию русских властей, и столкновение было предотвращено.

У Талызина приводятся еще сведения о размещении киргизов после подчинения русским. В общем каждое племя сохраняло свою прежнюю территорию. На крайнем западе по-прежнему жил род султу, под главенством манапов Байтыка и Корчи; первому принадлежала территория от Карабалты до Пишпека, второму — от Пишпека до Иссыгаты. Племя саяк (имя его манапа не приводится) по-прежнему занимало пространство от Александровского хребта до Нарына. Берега Иссык-Куля и восточная часть Чуйской долины по-прежнему были заняты сарыбагышцами, причем Джантай, считавшийся более благонадежным, получил более важную в стратегическом отношении территорию от Кутемалды и Боамского ущелья до Каракунуза и перевала Шамси. Менее надежный манап Тюрегельды был оставлен на реке Кегеты; впослед-

ствии эти киргизы были переведены в местность «по юго-восточному склону Александровского хребта и по долине Каракола и Качкара», так как «земли их в Чуйской долине понадобились под оседлые русские поселения». Остальные киргизы оставались и в конце 90-х годов там же, где были в 60-х. Талызин говорит только о киргизах Пишпекского уезда; из сведений, собранных Радловым, видно, что бугинцы по-прежнему жили от восточного берега Иссык-Куля до Текеса, откуда часть их перешла в Кульджинский район, где в то время образовалось мусульманское султанство, занятое русскими, как известно, только в 1871 г.

Радлов в 1869 г. посетил сарыбагышцев и султинцев «не более чем через пять лет» (kaum 5 Jahre) после покорения и нашел там полное умиротворение; повсюду он мог ездить без конвоя и нигде не встречал враждебного отношения. Киргизы даже легче примирились с русским управлением, чем их северные соседи (казаки). В отличие от казаков, киргизы тогда жили не мелкими аулами, а целыми родами; иногда юрты одного рода тянулись вдоль берега речки верст на двадцать и более. Перед каждой юртой стояло копьё, чего у казаков не было. Часть народа занималась земледелием; пашни обрабатывались еще тщательнее, чем у казаков.

Известно, что записанные Радловым киргизские тексты, особенно эпические, вошли в пятую часть его «Образцов народной литературы тюркских племен». В киргизском эпосе часто упоминаются ногайцы; по-видимому, даже главному герою, Манасу, приписывается ногайское происхождение (он причисляется к сары-ногаям)⁵⁵, что заставляет предполагать влияние ногайского эпоса на киргизский. Пути этого влияния

⁵⁵ <Так по Радлову; у Валиханова Манас назван «владельцем ногайцев», в XX в. у сказителя Орозбакова Манас — внук ханз Ногоя, родоначальника «всей ханской семьи Манаса» (см. Жирмунский, *Народный героический эпос*, стр. 305). Согласно версии эпоса «Манас», изложенной в сочинении XVI в. *Маджму' ат-тавйрйх*, Манас был внуком Каркары (قره قره), родоначальника, имя которого служит также для обозначения этнического названия — племени, к которому относится иль (народ) Манаса. Иль Манаса именуется также кипчацким, причем эти кипчаки определяются каркаринскими кипчаками, а также кипчаками Каркара Джете (Ахонкенди, извлеч. в изд. Тагирджанова, л. 61 а). Местонахождение иля Манаса локализуется в Кара-кишлаке (там же, лл. 34б, 35а-б, 37 а и др.; см. указатель) — местности, являвшейся, по-видимому, зимней стоянкой. Отражая наступление на его иль калмыков (*қалмйқан*) Джолоя, Манас действует в Кара-кишлаке и в верховьях Таласа, а также на Чаткале (там же, лл. 37 б, 38 а). В современной топонимике сохранилось название местности Каркара, находящейся около реки Каракыстак в Казахстане, верховья которой, к югу от Мерке, отделены Киргизским хребтом от верховьев Таласа (рек Каракол и Уч-кошой). В *Маджму' ат-тавйрйх*, указывается, что каркаринские кипчаки одного происхождения с джети-кашка (связанными с соседней с Каркара и Кара-кишлаком местностью Ульмас Кулан). О джети-кашка см. выше, стр. 517—518, прим. 12. — В. Р. >

еще не выяснены⁵⁶. Судя по словам Талызина, грамотность, несмотря на частую переписку с русскими властями, была у киргизов, как и следовало ожидать, мало распространена: «на весь Чуйский край был один писарь из сартов». В противоположность этому, Вышнегорский слышал в 1886 г., что «в каждой кара-киргизской волости Аулиеатинского уезда находится от одной до четырех школ (мектебов), содержимых богатыми людьми»⁵⁷.

Мы видели, что русская власть сначала признала манапов. По свидетельству Талызина, бумаги адресовались, например, «старшему манану сарыбагышей Джантаю-батырю». Валиханов в декабре 1864 г. осуждал русские власти за то, что ими «ничтожный, известный лживостью» Сарынбек (или Сарымбек)⁵⁸ был возведен в звание «ага манапа», тогда как прежде у киргизов аристократии не было, и только немногие, как Урман и Бурумбай (или Бурамбай, Буранбай), выдвинутые своими личными качествами, достигали главенства, причем первый был известен храбростью, второй — замечательным умом. Назначив главным манапом ничтожное лицо, русские «случайное явление возвели в постоянное достоинство»; этим же они вооружили против себя других манапов (называются Мурад-Али, из бугинцев, и Боли-Карай), которые «ушли не от нас, а от Сарым-бека»⁵⁹. Мне неизвестно, имеется ли в виду тот Сарамбек, или Сарымбек, в долине Таласа⁶⁰ на Карабуре, с которым имел дело Черняев, или упоминаемый у Талызина манан Саурамбай Худояров, бывший в 1868 г. младшим помощником уездного начальника и бывший в живых еще в 1897 г., когда о нем говорится только как о «почетном старике Тынаевской волости» (из сарыбагышцев).

Во всяком случае власть манапов скоро пришла к концу; по временному положению 1867 г. (замененному впоследствии положением 1886 г.), выборные бии могли быть одинаково из манапов и не манапов⁶¹.

⁵⁶ <Первым исследователем эпоса «Манас» был казахский ученый Ч. Валиханов, он же установил наличие связей между киргизским эпическим циклом «Манас» и казахско-ногайскими эпическими произведениями и положил начало изучению таких связей. Ныне в исследовании этого вопроса многое сделано В. М. Жирмунским; обобщение результатов его работ в этом направлении см. в кн.: Жирмунский, *Народный героический эпос*, стр. 303—307. В последнее время выявлены новые данные также об этнических связях киргизских племен, главным образом области Таласа, с ногайцами (см. Абрамзон, *Предварительные итоги*). — В. Р.>

⁵⁷ <Гродеков, *Киргизы*, стр. 251.>

⁵⁸ <Речь идет о Зарпеке, или Сарпеке (племяннике Боромбая, сыне его брата). — В. Р.>

⁵⁹ <Валиханов, *Сочинения*, стр. 512.>

⁶⁰ <На Таласе, как указано С. М. Абрамзоном, был Сарымсак-дадха. — В. Р.>

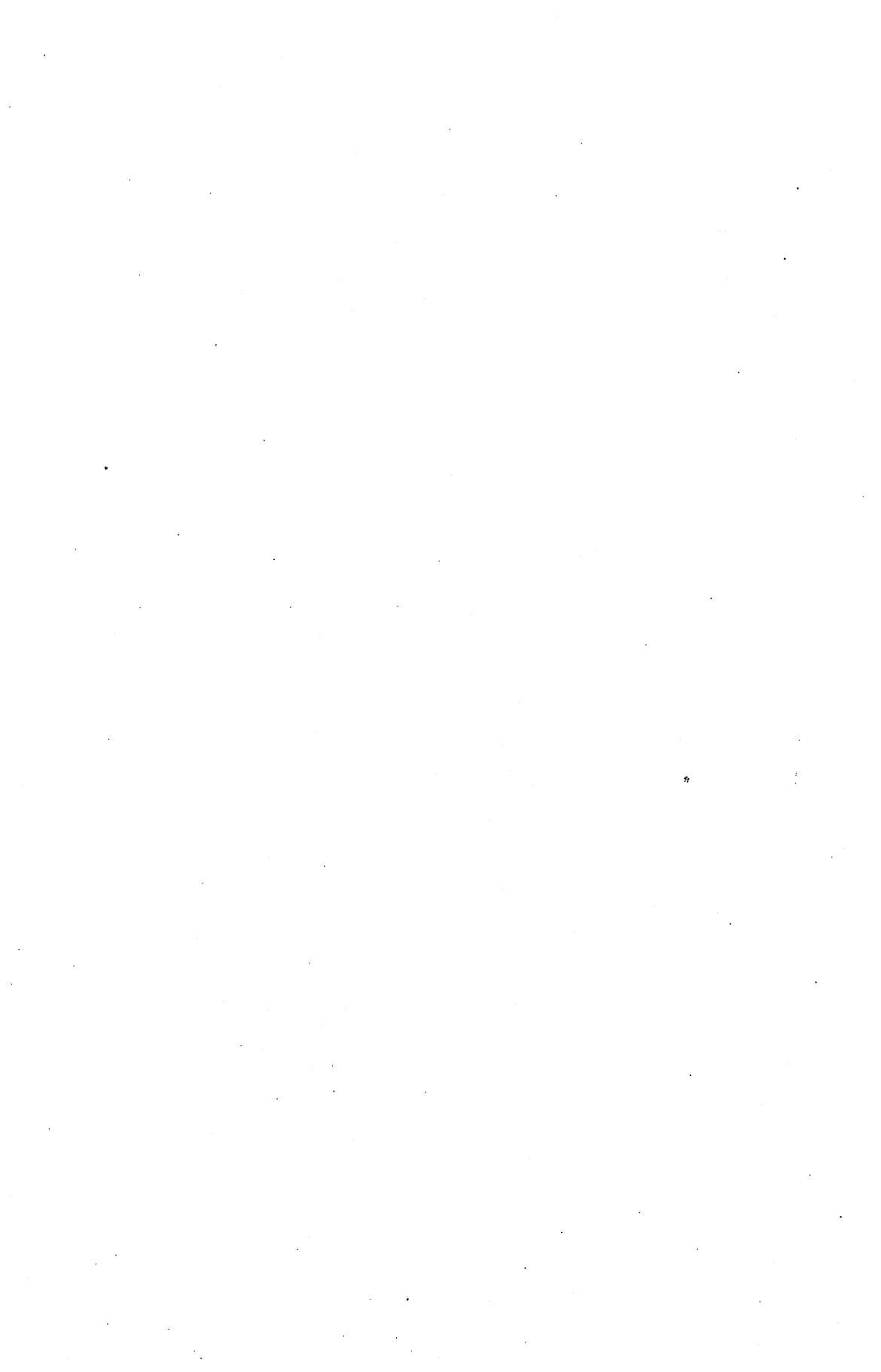
⁶¹ <Как справедливо отметил А. Н. Бернштам, некоторые юридические ограничения со стороны русского правительства не уничтожили фактического привиле-

Рассмотрение судеб киргизского народа как части населения сначала Российской империи, потом СССР, не входит в задачу настоящего очерка ⁶².

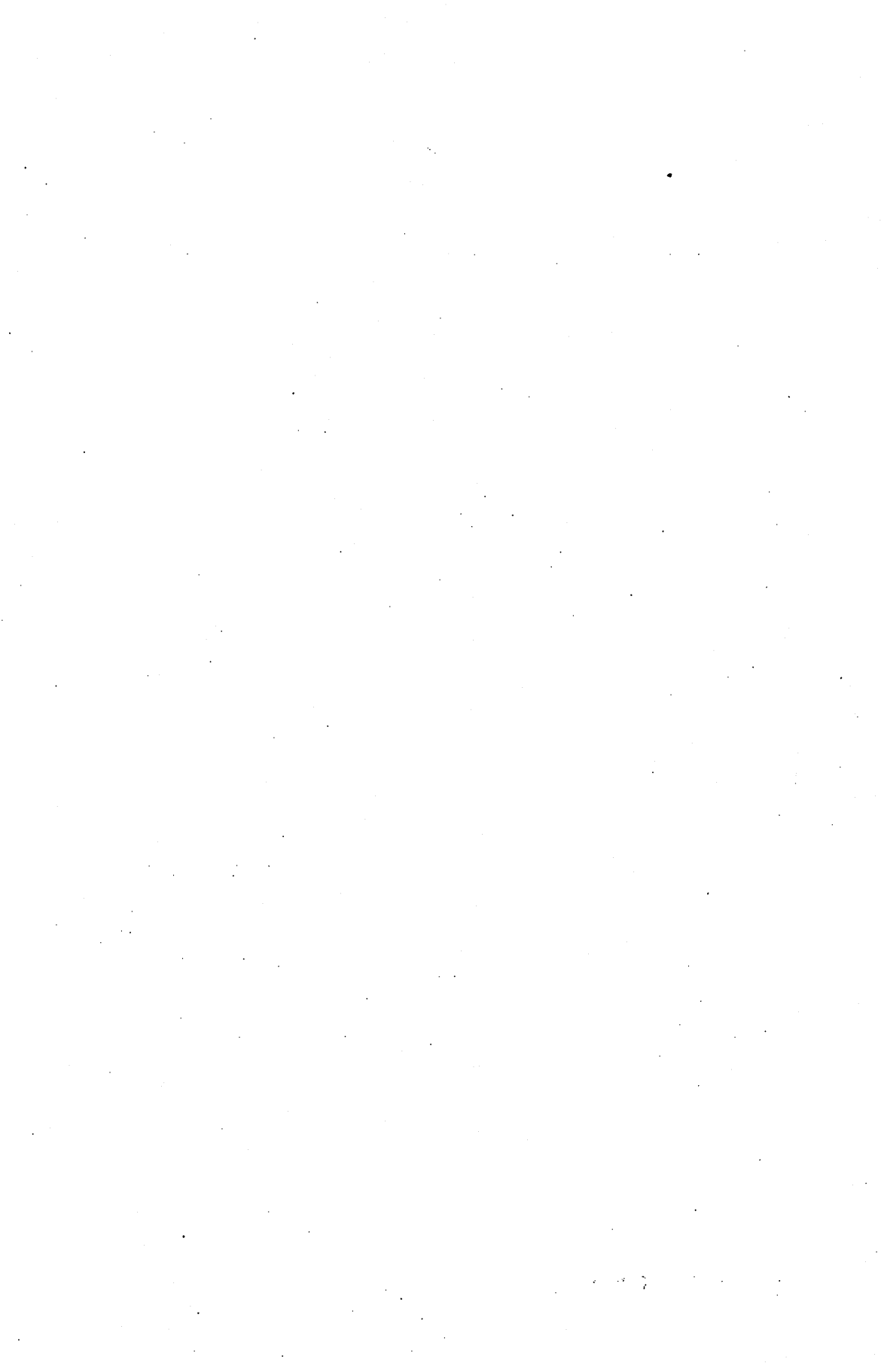

гированного положения манаров среди киргизов; см. Бартольд, *Киргизы*, изд. 2-е, стр. 9 (предисл. Бернштама). — В. Р.>

⁶² <Об изучении истории Киргизии эпохи развития капитализма и эпохи социализма см. Шерстобитов и др., *Очерк*, стр. 60—74 и 75—128; там же (в примечаниях) библиографические данные о публикациях источников по этим периодам и библиография исследований. — В. Р.>

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк, время для составления которого было ограничено, не включает в себе, конечно, полного свода данных о прошлом туркменского народа; для этого потребовалась бы, может быть, работа нескольких поколений. Моя цель заключалась только в том, чтобы дать культурным деятелям Туркменистана те общие сведения по истории туркмен, которых у них не было и которых они, по условиям настоящего времени, не имели бы возможности собрать сами. Всего меньше я заботился об освещении фактов в духе требований современной исторической науки; все это впереди; попытки изобразить картину исторической жизни на основании заранее установленных принципов, без собрания и критической проверки фактического материала, кажутся мне совершенно бесполезными. Составленный мною очерк относится к области подготовительных работ, которых в данной области еще нет и без которых немисливо выполнение широких научных задач. Насколько он в этом отношении достигнет цели, покажет будущее¹.

---

¹ <После выхода в свет этой работы было опубликовано значительное количество исследований, посвященных истории туркменского народа в целом и отдельным ее вопросам. Из изданий источников особенно важны извлечения из арабских, персидских и тюркских сочинений IX—XIX вв. в русском переводе и пересказе — МИТТ, I—II, а также критический текст и перевод «Родословной туркмен» Абулгази, изданный А. Н. Кононовым (1958); другие издания см. в библиографиях, указанных ниже. Общие работы: 1) ОИТН (библиография: стр. 368—404); 2) Росляков, *Краткий очерк*; 3) Каррыев—Росляков, *Краткий очерк*; 4) *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 1—2; т. II (библиография: т. I, кн. 2, стр. 403—486); 5) *Народы Средней Азии*, II, стр. 7—153; 6) Брегель, *Хорезмские туркмены* (библиография: стр. 383—395). — Ю. Б.>

ДОМУСУЛЬМАНСКИЙ ПЕРИОД

Название *туркмен* впервые появляется в мусульманской литературе во второй половине X в. н. э.¹, у географа Макдиси. Туркмены упоминаются в этом сочинении в двух местах², при описании местности, составлявшей тогда пограничную полосу мусульманских владений в Средней Азии. Центром всей этой местности был город Исфиджаб, по словам автора XI в. Махмуда Кашгарского, носивший также названия «Белый город» и «Сайрам»³. По-видимому, Исфиджаб находился на месте современного селения Сайрам, к востоку от Чимкента, хотя один из авторов XVI в. помещает Исфиджаб «между Ташкентом и Сайрамом»⁴. В Исфиджабе, как в XIX в. в Чимкенте и ныне у железнодорожной станции Арыс, сходились пути с северо-запада, от Аральского моря вверх по Сыр-Дарье, и с северо-востока, из долины реки Чу вдоль северного склона Александровского хребта⁵. Местности вдоль этих обоих путей, где признавалась верховная власть жившего в Бухаре эмира из династии Саманидов, непосредственно подчинялись владельцу Исфиджаба, который со своей стороны не платил никаких податей и только посылал ежегодно в Бухару, в знак подданства, вместе с подарками четыре данека ($\frac{2}{3}$ дирхема, т. е. менее 20 копеек) и метлу⁶.

Описывая местности к северо-западу от Исфиджаба, Макдиси на последнем месте, уже после Саурана, называет Баладж — «небольшой город, стены которого уже пришли в разрушение; соборная мечеть среди базара». Дальше автор возвращается к Исфиджабу и начинает

¹ <По предположению В. А. Лившица, слово *туркмен* (trwkkm'n), быть может, следует читать в одном из согдийских документов (Б-1) с горы Муг, относящихся к 1-й четверти VIII в.; см. Лившиц, *Согдийские документы*, стр. 179, прим. 4. — Ю. Б.>

² Макдиси, 274 и 275.

³ Махмуд Кашгарский, III, 133.

⁴ Бартольд, *Орошение*, стр. 144. <См. также: Иванов, *К вопросу об исторической топографии*; Массон, *Старый Сайрам*. — Ю. Б.>

⁵ <Современное название — Киргизский хребет.>

⁶ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 218; <наст. изд., т. I, стр. 270. Вес классического серебряного дирхема (в раннем средневековье), согласно В. Хинцу, — 2,97 или 2,82 г; см. Hinz, *Masse und Gewichte*, S. 2. — Ю. Б.>

описание пути оттуда к северо-востоку; на первом месте назван «Берукет, большой [город]; он и Баладж — пограничные укрепления против туркмен, [теперь] уже принявших ислам из страха [перед мусульманскими войсками]; стены его уже пришли в разрушение». Дальше описываются другие города на этом пути; непосредственно после Мерке упоминается «Орду, небольшой город; там живет царь туркмен; он не переставал посылать подарки владельцу Исфиджаба. Город имеет стену со рвом, наполненным водой; дворец находится в цитадели».

Местоположение городов Баладж, Берукет и Орду можно определить по Макдиси только приблизительно; в других источниках этих названий, по-видимому, нет. Более ранние, чем Макдиси, географы, как Истахри, говорят об Исфиджабском округе как о местности, где проходила граница между двумя турецкими народностями: гузами (у арабов часто *гузз*; настоящее турецкое название — *огуз*) и карлуками. Соседями мусульманских владений в Средней Азии от Каспийского моря до Исфиджаба были гузы (огузы), от Исфиджаба до Ферганы включительно — карлуки⁷. Из этого можно заключить, что в состав туркмен Макдиси входили как огузы, так и карлуки; в пользу такого заключения говорят и слова Махмуда Кашгарского⁸. Относя термин *туркмены* главным образом к огузам, он в другом месте говорит о карлуках: «Они — племя из турок, кочевники, отдельные от огузов; они тоже туркмены». Возможно, что след такого употребления слова *туркмен* сохранился в рассказе Джувейни⁹ о взятии кара-китаями в 1130-х годах города Баласагуна в долине реки Чу; говорится о подчинении кара-китаем местного хана из «дома Афрасиаба», т. е. из династии Караханидов, причем, по приказанию кара-китайского гурхана, его стали вместо «Илик-хан» называть «Илик-туркмен». Чтение *туркмен* находится в некоторых рукописях сочинения Джувейни и зависимых от него источников¹⁰, но не во всех; в печатном издании текста Джувейни¹¹ принято вместо чтения *туркмен* чтение *туркән* (персидская форма множественного числа от *турк*), и даже не указано вариантов; то же самое чтение имеется в виду в переводе д'Оссона¹², где переводчик так передает слова Джувейни: «il dépouilla le descendant d'Effrassiyab de son titre de khan, ne lui donnant que celui d'Ilk Turkan, ou de chef des Turcs». Таким толкованием, по моему мнению, искажается смысл

⁷ Особенно Истахри, 290.

⁸ Махмуд Кашгарский, I, 56 и 393; III, 304. Кроме того, в одном месте (I, 80) упоминаются «карлукские туркмены».

⁹ О нем см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 30; <см. выше, стр. 49—50>.

¹⁰ Напр., у Мирхонда по переводу Г. Опперта (*Presbyter Johannes*, S. 132); у Абулгази, *Родословная турок*, изд. Демезона, I, 49; II, 50.

¹¹ Изд. Казвини, II, 88.

¹² D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 442.

происшествия. Речь идет не о замене одного титула другим, но о низведении бывшего хана до уровня человека из народной массы, как Чингиз-хан в 1211 г. велел называть добровольно подчинившегося монголам главу карлуков не Арслан-ханом, как прежде, а «Арсланом-сартактаем, т. е. таджиком»¹³.

Впоследствии название *туркмен* осталось за одними огузами; постепенно термин *огуз* как название народа было совершенно вытеснено словом *туркмен*. Слово *огуз* употреблялось еще в то время, когда огузский народ был в Монголии; слово *туркмен* появляется впервые на западе¹⁴. Еще раньше, чем оно начинает встречаться в мусульманской литературе, оно было известно китайцам, но только как название одной из стран отдаленного запада. Со времени первых китайских путешествий на запад (во II в. до н. э.) китайцы знали по рассказам страну Яньцай, впоследствии называвшуюся также Аланья, т. е. страну аорсов или алан, кочевого народа иранского происхождения. Греки знали аорсов и алан у устьев Дона и у Каспийского моря¹⁵; сведения китайцев о них относятся, вероятно, к местности у Аральского моря, куда в то время могли доходить их кочевья¹⁶. Впоследствии алан уже не было к востоку от Волги¹⁷; нападению на алан хуннов в 374 г. н. э. предшествовала переправа хуннов через Волгу¹⁸. Китайцы в это время знали для страны аорсов или алан еще название Суи, или Судэ¹⁹, что, по мнению покойного синоведа Хирта, есть слово *согдак*, или *сугдак*²⁰. Так турки называли область и народ согдийцев на Зеравшане, имевших большое значение в истории среднеазиатской караванной торговли и основавших целый ряд торговых колоний на пути из своей области до Китая²¹. Что слово Сугдак как географический и, вероятно, этнографический термин употреблялось и в стране алан, об этом свидетельствует до сих пор поселение Судак, первоначально Сугдак²², на южном берегу Крыма. В китайской энциклопедии *Тун-дянь* VIII в. н. э. говорится, что страна Суи,

¹³ Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 171. В соответствующем месте у Джузвейни, изд. Казвини, I, 58, об этой подробности не говорится.

¹⁴ <О соотношении между терминами *огуз* и *туркмен* в связи с вопросом об этногенезе туркмен см.: Якубовский, *Вопросы этногенеза туркмен*; Росляков, *Туркмены и огузы* (последняя статья, в основном, на основе МИТТ, I). — Ю. Б.>

¹⁵ Ср. особенно Страбон, 506.

¹⁶ Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 20 и сл.

¹⁷ <Аланов в XI в. упоминает Бируни, который говорит о «роде аланов и асов», жившем где-то между Аральским и Каспийским морями; однако сведения Бируни относятся, видимо, к значительно более раннему времени. См. Волин, *К истории древнего Хорезма*, стр. 192—196. — Ю. Б.>

¹⁸ Thierry, *Histoire d'Attila*, t. I, p. 18.

¹⁹ <Сутэ.>

²⁰ Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 265. <Ср. ниже, стр. 814, прим. 7.>

²¹ Бартольд, *К вопросу об языках*, стр. 32 и сл.

²² Название Сугдак употреблялось еще в XIII в. (RTHS, указатель к томам III и IV).

или Судэ, имевшая в V в. н. э. торговые и политические сношения с Китаем, называется также Тö-kü-möng. Отсюда Хирт²³ делает вывод, что туркмены — потомки покоренных хуннами алан, и выражает мнение, что установление этого факта будет способствовать выяснению генеалогии туркменского народа. В новейшее время «примесью кочевых длинноголовых иранских племен» объясняют характерный признак туркменского типа — длинноголовость; такое мнение выражал еще в 1896 г. Аристов²⁴; в таком же направлении ведутся теперь антропологические изыскания Л. В. Ошаниным²⁵.

У самих турок в XI в. уже не было точных сведений о происхождении туркмен и их названия; существовала только явно искусственная этимология, доказывающая, однако, что уже тогда туркмен по наружности отличали от остальных турок. Самую раннюю версию этой этимологии мы находим у Махмуда Кашгарского²⁶. Рассказывается легенда, связанная, как и многие другие легенды, приуроченные к среднеазиатским местностям²⁷, с именем Александра Македонского. Александр Македонский после завоевания Самарканда двинулся против турецкого царя, жившего в местности, где впоследствии возник город Баласагун, т. е. в долине реки Чу. Получив известие о переправе Александра через Сыр-Дарью, турецкий царь ушел со своим войском на восток; с ним ушли все те из его подданных, у которых были вьючные животные; остались со своими семьями 22 человека, предки 22 огузских родов. Когда они колебались, двинуться ли им пешком или остаться на месте, с ними встретились два человека со своими семьями, несшие свое имущество на спине и шедшие по следам войска; оба дошли до крайней усталости. При встрече с 22-мя они спросили у них совета, как им поступить; те посоветовали им остаться дома и сказали, что Александр не остается на одном месте и идет все дальше, так что после его ухода им можно будет безопасно остаться на месте. Совет был выражен в турецких словах: *Кал ач*, что будто бы значило: «Подождите, оставайтесь и продлите свое местопребывание»²⁸. Оттого из потомков этих двух людей образовался народ халадж, разделявшийся на два племени. Когда Александр увидел этих людей, он заметил в них признаки турецкого происхождения, в том числе турецкие знаки-тавра на животных, и сказал о них по-персидски: *Турк маненд* ('они похожи на турок');

²³ Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*, S. 263 sq.

²⁴ *Этнический состав*, стр. 177.

²⁵ *Долихоцефалия у туркмен; К гипотезе*. <См. также более поздние работы того же автора: *К проблеме; Антропологический состав*. — Ю. Б.>

²⁶ Махмуд Кашгарский, III, 304 и сл.

²⁷ Ср. у Гардизи легенду о происхождении города Барсхана на Иссык-Куле: Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 113.

²⁸ <Следует заметить, что Махмуд Кашгарский (I, 38) указывает, что частица *адж* употреблялась для усиления императива. Его арабский перевод слов *кал адж* должен означать: «непрерывно оставайтесь!» — В. М.>

оттого имя *туркмен*²⁹ осталось за их потомками. Огузских или туркменских родов было собственно 24, но потом два халаджских рода отделились, осталось 22, названия которых и перечисляются, как мы увидим, у Махмуда Кашгарского.

Особенное недоумение возбуждает в этом рассказе этимология слова *калач* или *халадж*. Насколько известно, турецкий корень *ач* не имеет того значения, которое ему здесь приписывается. Известны два других значения слова *ач*, на которых основаны две другие этимологические легенды, в преданиях о мифическом предке огузов, Огуз-хане; одна из них находится в анонимном отрывке, в рукописи, написанной уйгурскими буквами, другая — у Рашид ад-дина. По первой легенде³⁰, Огуз-хан увидел на пути дом с золотой крышей, серебряными окнами и закрытой дверью без замка, оставил там одного из своих сподвижников и дал ему приказ: «Останься, открой». По Рашид ад-дину³¹, Огуз-хан на обратном пути из похода на Исфахан рассердился на одного человека, отставшего от войска по семейным обстоятельствам, и сказал ему: *Кал ач* ('останься голодным'). Халаджей не связывают с огузами ни Рашид ад-дин, ни другие авторы; у Рашид ад-дина при перечислении 24 огузских родов халаджи в расчет не принимаются. По арабским географам, халаджи гораздо раньше переправились через Аму-Дарью и уже в X в., притом «издавна», жили в южной части Афганистана³². Впоследствии часть халаджей переселилась в Персию, где часть их говорит на персидском диалекте, часть — на туркменском; от них получила свое название местность «Халаджистан» к западу от Тегерана и к северу от Савы³³.

Халаджи, насколько известно, упоминаются только на западе; имя огузов часто встречается в турецких надписях, найденных в Монголии³⁴. В надписях, составленных от имени одного из турецких каганов, или ханов, VIII в., хан называет огузов или токуз-огузов, буквально 'де-

²⁹ <Туркмән, по-видимому, — арабская форма, в которой долгота *ā* должна указывать тюркское ударение на последнем слоге. — В. М.>

³⁰ *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. XII. <См. также: Щербак, *Огуз-наме*, стр. 49—50. — Ю. Б.>

³¹ Изд. Березина, I, текст, 24 и сл.

³² Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 49, также Barthold, *Khaladj* (EI, II, S. 939). <См. также: Худūd ал-³Алам, пер. Минорского, 347—348. — Ю. Б.>

³³ Сообщение В. Ф. Минорского (в частном письме). <См. Minorsky, *The Turkish dialect*. — В. М.>

³⁴ Попытки перевода и объяснения надписей делались много раз; ср. на русском языке: Радлов — Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники*; Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*. Последний по времени перевод принадлежит ныне покойному В. Томсену (Thomsen, *Alttürkische Inschriften*). <Последние русские издания этих памятников (рунический текст, транскрипция и перевод) принадлежат С. Е. Малову (*Памятники; Енисейская письменность; Древнетюркская письменность Монголии*). — Ю. Б.>

вать огузов' (очевидно, огузы тогда разделялись на девять родов), своим собственным народом; о восстании токуз-огузов против кагана говорится как о совершенно необычайном происшествии; для того чтобы это могло случиться, небо и земля должны были прийти в смятение. В других местах хан называет свой народ турками и себя турецким каганом; иногда слова «турки» и «огузы» ставятся рядом. Из этого, казалось бы, можно вывести заключение, что эти слова применяются к одному и тому же народу, что огузы были той турецкой народностью, которой принадлежит образование в VI в. н. э. обширной кочевой империи, простиравшейся от границ Китая до границ Персии и Византии. Те места надписей, где «турки» и «огузы» ставятся рядом, грамматически можно толковать и в том смысле, как их толкует Томсен,— в смысле «турки и огузы»; надписи не знают грамматической формы, которая бы соответствовала нашему союзу «и»; когда говорится о совместных действиях нескольких народов, то названия их ставятся рядом без всяких соединительных частиц или предлогов. Но если в Монголии в VIII в. отдельно от огузов, карлуков и др. были турки, то этот народ скоро исчез бесследно; уже арабские географы употребляют слово «турки» как коллективное название, обнимавшее целый ряд народов, родственных между собой по языку; отдельного народа, который бы назывался просто турками, в то время не было. По-видимому, слово «турки» как политический термин на некоторое время вышло из употребления около 740 г., вместе с падением западно-турецкого каганства, последние представители которого были из народности тюргешей; как только в X в. вновь появились, в Кашгаре и Баласагуне, турецкие каганы, на этот раз мусульманские, они снова стали называть себя и свой народ турками, и даже остается спорным, из какой именно турецкой народности вышла эта династия³⁵. Вследствие этого можно признать по меньшей мере вероятным, что слово «турки» было политическим термином, слово «огузы» — этнографическим; на это указывает и такое выражение надписей, как «мой турки, мой народ». Общeturецким в современном смысле слово «турки» тогда не было; преемники огузских каганов в Монголии, уйгурские каганы (с 744 г.), себя турками, насколько можно судить по их надписям³⁶, не называли, и китайцы были правы, не распространяя термина «турки» (в китайской транскрипции *тукюэ*³⁷) ни на уйгуров, ни на киргизов. Огузы, первоначально жившие в северо-восточной Монголии, при своем движении на запад принесли с собой сло-

³⁵ <Династия Караханидов вышла из карлуков. См. Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 21—22; idem, *Von den Karluk.* — Ю. Б.>

³⁶ Главная надпись, где исторические сведения большею частью приводятся по-китайски, относится ко времени 808—821 г. (Chavannes — Pe'liot, *Un traité*, II, p. 180); более ранняя надпись (VIII в.) на турецком языке, изданная Рамstedтом (*Zwei uigurische Runeninschriften*).

³⁷ <Правильнее: *тукюэ*. — Ю. Б.>

во «турки», которое только арабами стало употребляться для обозначения народов определенной лингвистической группы³⁸. По признаку единства языка и политической власти, в настоящее время или в прошлом, автор X в. Мас'уди разделяет все население известного ему мира на семь народов, перечисляемых в следующем порядке: 1) персы; 2) халдеи и родственные им народы, в том числе арабы; 3) греки и политически связанные с ними народы, в том числе славяне и франки; 4) ливийцы, к которым причисляются и египтяне; 5) турки; 6) индийцы; 7) китайцы³⁹.

В сохранившихся в Монголии надписях слова *огуз* и *токуз-огуз* употребляются в одном и том же значении⁴⁰; по терминологии арабских географов, огузы и токуз-огузы были различными народами и жили в разных местностях: огузы, как мы видели, были соседями мусульманских владений от восточного берега Каспийского моря до Исфиджаба, токуз-огузы жили в нынешнем Китайском Туркестане, от Кучи к востоку, причем центром их области была местность у Турфана⁴¹. По словам историка XIII в. Ибн ал-Асира⁴², огузы некогда входили в состав токуз-огузов и отделились от них в эпоху халифа Махди (775—785).

В той местности, где арабы помещают токуз-огузов, по китайским источникам, жили уйгуры, вытесненные из Монголии после 840 г. киргизами; местность около Турфана была занята ими в 866 г. Отсюда был сделан вывод, что токуз-огузы арабских источников и уйгуры китайских — одно и то же⁴³, и этим отождествлением ученые пользовались как вполне доказанным фактом для новых выводов. Так, И. Маркварт⁴⁴ отмечает факт, что географ IX в. Ибн Хордадбех уже в той версии своего труда, которую издатель де Гье считал более ранней и относил ко времени раньше 850 г., знал токуз-огузов в местности у Турфана, следовательно, и эта версия, вопреки мнению де Гье, не может относиться ко времени раньше 866 г. В действительности название тугузгузов (токуз-огузов) появляется в арабских источниках задолго до этой

³⁸ <Сводку гипотез о происхождении и значении слова *тюрк* см. Кононов, *Опыт анализа термина: тюрк*; см. также Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, 81 (прим. 21). — Ю. Б.>

³⁹ Мас'уди, *Танбих*, 77—84; о турках — 83.

⁴⁰ Это особенно ясно видно из надписи Тоньюкука, исправленный перевод которой дал Томсен (*Alttürkische Inschriften*, S. 162 sq.).

⁴¹ Ср. особенно маршрут Гардизи в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 116; также известие арабских географов, что от границы мусульманских владений в Фергане до начала области токуз-огузов было 30 дней пути (Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 14, где старое, теперь оставленное чтение *тугузгуры*).

⁴² Изд. Торнберга, XI, 117.

⁴³ Напр., категорическое утверждение Pelliot (Chavannes — Pelliot, *Un traité*, II, p. 307)

⁴⁴ Marquart, *Streifzüge*, S. 390.

даты. Уже в первом арабском географическом труде, в сочинении Мухаммеда Хорезми, относящемся во всяком случае к первой половине IX в.⁴⁵, из двух Скифий Птолемея⁴⁶ первая, западная, отождествляется с «землей турок», вторая, восточная — с землей тугузгузов. Историк Табари⁴⁷ под 205/820-21 г. говорит о нашествии тугузгузов на Усрушану, область, в состав которой, как известно, входила местность от Ходженда до Джизака, со включением местности по верхнему Зеравшану⁴⁸. Из тугузгузов происходил Тулун, предок правившей впоследствии в Египте династии Тулунидов, которого саманидский эмир Нух ибн Асад, управлявший в то время Самаркандом, отправил ко двору халифа Мамуна⁴⁹; очень возможно, что Тулун был взят в плен мусульманами во время набега 205 г. х. Сам Маркварт⁵⁰ приводит рассказ умершего в 869 г. Джахиза, из которого видно, что Джахиз знал тугузгузов не как недавних пришельцев, а как издавна живший в Восточном Туркестане народ. Говорится, что прежде тугузгузы имели превосходство над карлуками, хотя уступали им в числе, но после принятия манихейства утратили свои военные качества. Упоминание карлуков ясно показывает, что речь идет о событиях истории Восточного Туркестана, а не о борьбе между уйгурами и киргизами в Монголии, как полагает Маркварт.

Ни китайские, ни западные источники не дают нам вполне ясных сведений о тех передвижениях, которые должно было вызвать в VI в. завоевание турками пространства от Китая до пограничных областей Персии и Византии, в VIII в. — поражения, нанесенные туркам на востоке уйгурами, на западе арабами, и окончательное распадение турецкой империи. Из византийских источников мы знаем, что в VI в. в состав турецкой монархии входили и области к западу от Волги; после разрыва с византийцами в 576 г.⁵¹ турки осадили и взяли город Боспор киммерийский (Керчь), но в 590 г. там была восстановлена византийская власть⁵². Политическим наследием кратковременных турецких успехов в этой местности было, по-видимому, хазарское каганство,

⁴⁵ Сочинение Хорезми <Kitāb sūrat al-'arḍ> издал в 1926 г. Hans v. Mīk по единственной рукописи, о которой еще раньше, в 1895 г., появилось исследование Галлино (*Al-Ḥiwārizmi*). Галлино полагал, что этот труд составлен в царствование Мамуна (813—833), притом не позже 210/826-27 г., но в нем уже упоминается город Самарра (в издании Mīk'a № 301), которому было положено начало только в 836 г.

⁴⁶ Хорезми, *Kitāb sūrat al-'arḍ*, № 1600—1601.

⁴⁷ Табари, III, 1044.

⁴⁸ Бартольд, *Орошение*, стр. 136 и сл. <Ср. выше, стр. 189, прим. 29.>

⁴⁹ Макризи, *Ḥiṭaṭ*, изд. Вьета, I, 313, где Нух по ошибке назван наместником Бухары. Известно, что Бухара перешла во власть Саманидов только в 874 г. (Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 230; <наст. изд., т. I, стр. 281>).

⁵⁰ Marquart, *Streifzüge*, S. 91 sq.

⁵¹ Об этом Chavannes, *Documents*, p. 239.

⁵² А. Васильев, *Готы в Крыму*, II, стр. 183 и сл., где эти известия ошибочно отнесены к хазарам и создан термин «турко-хазары».

впервые упоминаемое в 625 г. Этнографических последствий эти события, по-видимому, не имели. В VIII и IX вв. среднее и нижнее течение Волги находилось во власти родственных между собой и отличавшихся по языку от турок хазар и болгар⁵³; только печенеги в конце IX и в начале X в. вновь внесли в нынешние южнорусские степи чисто турецкий элемент.

Более значительны по своим последствиям были, по-видимому, военные действия на границе Персии. Как у Дербента, так и к востоку от Каспийского моря, к северу от реки Гюргена, персидскими царями из династии Сасанидов были построены длинные стены⁵⁴. Дербентскую линию прорвали хазары в 626 г.; гюргенскую линию персы покинули еще в VI в. и перенесли укрепленную границу своего государства в местность к юго-западу от Астрабада, где ими были выстроены новые стены от моря до гор, по преданию — при Хосрое I Ануширване (531—579)⁵⁵. В рассказе об арабском завоевании местности по Гюргену в 717 г. упоминается местный князь Сул, владетель (дихкан) города Дихистана⁵⁶ (ныне развалины Мешхед-и Мисриян). Его потомки, носившие прозвание Сули, имели некоторое значение в культурной истории аббасидского халифата; в биографии одного из них, поэта Ибрахима ибн ал-Аббаса ас-Сули, умершего в 857 г., сообщаются некоторые сведения⁵⁷ о происхождении этого рода; говорится, что Сул был турок; он и его брат Фируз были владетелями области Джурджан (или Гурган, местность по Гюргену); несмотря на свое турецкое происхождение, они приняли религию магов (зороастризм) и уподобились персам. Слово Сул встречается у Табари как географическое название; так как арабская буква *ṣād* часто употребляется для передачи звука *ч*, то Маркварт⁵⁸ видит здесь турецкое слов *чоль* — ‘песок’ (вернее ‘степь, пустыня’), причем, по примеру Нёльдеке⁵⁹, считает это слово названием одного из турецких племен; поэтому турок Сул назван здесь, по его мнению, по ошибке вместо главы турецкого племени *чоль*⁶⁰. Может быть, более вероятно, что имеется в виду часто встречающийся в турец-

⁵³ Особенно ясно Истахри, 225.

⁵⁴ По Табари (I, 895; пер. Нёльдеке, 158), эти стены были построены при Перозе (457—484) и восстановлены при Хосрое I (531—579).

⁵⁵ Ибн Русте, изд. де Гусе, 150. Об обеих стенах, следы которых существуют и теперь, ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 34.

⁵⁶ Табари, II, 1320; Балазури, 336; там же о кирпичном вале вдоль северной границы Джурджана. <Сулилы Джурджана носили иранский титул *нахапет* (араб. мн. ч. *нахāбиза*), см. Ибн Исфендияр, пер. Броуна, 106. — В. М.>

⁵⁷ Первоисточник их, по-видимому, — биография Ибрахима Сули в *Kitāb ал-аḡānī*, IX, 21. Автор, Абу-л-Фарадж Исфахани, умер в 967 г. <В тексте в указ. месте: Ибрахим б. ал-Аббас... б. Сул (سول). — Ю. Б.>

⁵⁸ Marquart, *Erānsahr*, S. 51.

⁵⁹ Табари, пер. Нёльдеке, 123, прим. 2.

⁶⁰ Marquart, *Erānsahr*, S. 73.

ких надписях Монголии титул *чур*⁶¹. Едва ли арабы поставили бы букву *сād* перед палатальным гласным, тем более что был и другой способ передачи звука *ч* (посредством буквы *шйн*). В приведенном рассказе есть, по-видимому, другая неточность: Сул, с которым имели дело арабы в 717 г., едва ли мог быть тем же лицом, которое было во главе турок при завоевании ими местности по Гюргену; если бы турки пришли сюда уже после падения государства Сасанидов, то они едва ли приняли бы зороастризм. Во всяком случае, мы имеем здесь один из редких примеров влияния на турок иранской культуры еще до ислама.

В рассказе о событии 717 г. говорится только о турках, без упоминания отдельных турецких народностей. Можно предположить, что степи к востоку от Каспийского моря были заняты турками еще в VI в., так как к этому времени относится столкновение турок с сасанидской Персией, что гузы или огузы арабских географов были потомками тех же турок и что они поселились на западе независимо от того распада токуз-огузов в VIII в., которое имеется в виду Ибн ал-Асиром.

Некоторые арабские известия о «тугузгузах», т. е. токуз-огузах, совпадают с китайскими известиями о турках *шато*⁶². Название *шато* значит 'степь'; так называлось турецкое племя, отделившееся от государства западных турок, центром которого была долина реки Чу, и поселившееся на крайнем востоке нынешнего Китайского Туркестана около озера Баркуль. Турецкое название этого племени передается по-китайски в виде *чюе*; возможно, что мы здесь имеем упомянутое выше слово *чоль*⁶³. Столкновения с тибетцами заставили турок *шато* продвинуться несколько западнее, в местность, где теперь город Гучэн и где в средние века был город Бишбалык, упоминаемый уже в турецких надписях Монголии; князь турок *шато* поселился в этом городе в 712 г. В начале IX в. тибетцы вытеснили их и оттуда и заставили их уйти в Китай, где они в конце IX в. принимали участие в усмирении опасного для династии Тан мятежа. В X в. из среды турок *шато* вышли три династии⁶⁴, правившие очень недолго (все три вместе 28 лет, 923—951) в небольшой части Китая, в провинции Хэнань⁶⁵. О мятеже IX в. в Китае и его усмирении говорят и арабские авторы, причем та же роль, которую китайцы приписывают туркам *шато*, арабами

⁶¹ <На западном берегу Каспийского моря тот же титул, быть может, отразился в армянском названии Дербнда: *Чол*. — В. М. >

⁶² Бичурин, *Собрание сведений*, I, 452 и сл.; Chavannes, *Documents*, p. 96 sq.

⁶³ <Это объяснение сомнительно. П. Гюбо пытается восстановить имя как *чигиль. Проф. Э. Пуллейбланк предпочитает восстановить имя как *чунгуль; он ссылается на китайское название одного племени, зависевшего от уйгуров Кучи, именно Chung-yü или Chung-yün, ср. Hamilton, *Around du manuscrit*, p. 152. — В. М. >

⁶⁴ Chavannes, *Documents*, p. 272

⁶⁵ Хронологические и географические подробности см. Arendt, *Synchronistische Regententabellen*, II, S. 158 sq.; III, S. 116 sq.

приписывается токуз-огузам⁶⁶. При таком совпадении возможно, что первые арабские известия о токуз-огузах относятся к туркам шато. По-видимому, арабы не знали ни о вытеснении этих турок тибетцами, ни о вытеснении тибетцев уйгурами и продолжали говорить по книжным источникам о «тугузгузах» и тогда, когда соответствующей областью владели уйгуры. Махмуд Кашгарский, писавший во второй половине XI в. не по книгам, а на основании личного знакомства со Средней Азией, знает только уйгуров, а не тугузгузов; с другой стороны, о тугузгузах говорят по книгам, без оговорки, что эти известия относятся к прошлому, автор XI в. Идриси⁶⁷ и автор начала XIII в. Мубарекшах Мерверруди⁶⁸.

Каково бы ни было прежнее значение огузского народа в Восточной Азии, он после событий VIII и IX вв. все более сосредоточивается на западе, на границе переднеазиатского культурного мира, которому было суждено подвергнуться в XI в. нашествию огузов, или, как их называли только на западе, туркмен.

⁶⁶ Особенно Мас'уди, *Мурѹдж*, I, 288, 302 и сл.

⁶⁷ Пер. Жобера, I, 490 и сл.

⁶⁸ Ross, *The genealogies*, p. 406 sq., где даже уйгурские письмены называются тугузгузскими.

II

ОГУЗЫ (ТУРКМЭНЫ) ДО ОБРАЗОВАНИЯ СЕЛДЖУКСКОЙ ИМПЕРИИ

Мы видели, что огузы были соседями областей халифата от устья Гюргена до местности у современного города Чимкента. Как далеко простирались кочевья огузов на север, этого арабы, конечно, не могли точно знать; большие сомнения возбуждают слова Истахри¹, будто границей между землей огузов и землей их северных соседей, кимаков, было верхнее течение Итиля (Волги), т. е., по географическим представлениям арабов, нижнее течение Камы. На пути из Хорезма в страну волжских болгар Ибн Фадлан² весной 922 г. нашел огузов только на Устюрте, при спуске с Чинка. Огузов, по-видимому, уже не было в местности к востоку от Эмбы, где Ибн Фадлан встретил передовые отряды башкиров.

Ханов у огузов не было. Традиции турецкого каганства продолжались на востоке токуз-огузами (или уйгурами), на западе хазарамки; во главе огузов, как и во главе их восточных соседей, карлуков, находился предводитель с более скромным титулом *ябгу*³, также встречающимся в турецких надписях Монголии. Упоминается и произношение *джабгу*⁴; Махмуд Кашгарский говорит о переходе *j* в *дж* в начале слова у огузов и кипчаков, хотя тут же об этой фонетической особенности говорится как о черте различия между турками и туркменами⁵, к которым едва ли могли быть причислены кипчаки. «Царь», т. е. ябгу, огузов жил или, по крайней мере, проводил зиму в местности по нижнему течению Сыр-Дарьи. Пограничным городом владений иранской династии Саманидов на Сыр-Дарье был город Сауран⁶; отсюда до устья река протекала через степи огузов. Но в эту местность, куда не могли проникнуть саманидские войска, про-

¹ Истахри, 222.

² Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 244.

³ Там же, стр. 245.

⁴ Ср. об этом также: Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 16; <ср. выше, стр. 36>.

⁵ Махмуд Кашгарский, II, 253.

⁶ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 178; <наст. изд., т. I, стр. 234>.

ники мусульманские торговцы. В X в.⁷ здесь были мусульманские города, основанные в стране огузов и подчинявшиеся их власти, т. е. основанные переселенцами из мусульманских областей, без завоевательных действий со стороны Саманидов. Главным из этих городов был город, получивший название «Новое селение» (ал-Карьят ал-хадиса по-арабски, Дих-и нау по-персидски; впоследствии Янгикент по-турецки); он находился на расстоянии одного фарсаха (6—7 км) от берега реки, двух дней пути от Аральского моря, десяти от Хорезма и двадцати от Фараба (Отрара); местоположение его до сих пор определяется развалинами Джанкент. Зимой там жил «царь» огузов. В той же местности⁸ были еще два города меньшей величины; один из них, Дженд, которому, вероятно, соответствуют развалины в урочище Тумар-уткуль⁹, около 30 км от современной Кзыл-Орды, имел некоторую будущность (даже Аральское море иногда называли Джендским озером); другой после X в. больше не упоминается, и даже его название не может быть вполне установлено. Эти города были основаны культурными пришельцами, и существование их не свидетельствует о распространении городской жизни среди самих огузов¹⁰; но у Махмуда Кашгарского о другом городе, находившемся ближе к границам саманидского государства, Сугнаке (ныне развалины Сунак-курган), говорится, что он был «одним из городов огузов»¹¹. Сугнак (или Сыгнак) не упоминается у арабских географов, но с ним, может быть, тождествен упоминаемый у анонимного персидского географа X в. (в так называемой рукописи Туманского) город Сунах, «небольшой город в области Фараба (Отрара), очень богатый; оттуда вывозят в разные места хорошие луки»¹². Еще выше по течению реки, уже в саманидских владениях, жили «мирные турки» (выражение рукописи Туманского), из огузов и карлуков, принявших ислам; средоточием их был, по-видимому, город Сюткенд, также богатое поселение на левом берегу Сыр-Дарьи, развалины которого тоже видны до сих пор. О Сюткенде в рукописи Туманского сказано, что из живших там турок многие приняли ислам; следовательно, были и

⁷ Ибн Хаукаль, 393.

⁸ О ней, напр., Бартольд, *Орошение*, стр. 149 и сл.

⁹ <Согласно С. П. Толстову, Дженду соответствуют развалины Джан-кала, в 120 км к юго-западу от Кзыл-Орды (см. Толстов, *По следам*, стр. 60—61). Общее описание городищ см. Толстов, *Города огузов*, стр. 57—71. — Ю. Б.>

¹⁰ <С. П. Толстов, полемизируя с В. В. Бартольдом, на основе археологического материала, который он сопоставляет с лингвистическими и этнографическими данными и сведениями некоторых письменных источников, пришел к выводу, что у огузов господствовало комплексное оседлое или полусоседное «скотоводческо-рыболовно-земледельческое» хозяйство и были крупные укрепленные постоянные поселения—«города» (см. Толстов, *Города огузов*). Некоторые возражения С. П. Толстову см. А. Ю. Якубовский, ОИТН, стр. 40. — Ю. Б.>

¹¹ Махмуд Кашгарский, I, 392.

¹² *Худуд ал-'алам*, л. 24 б и сл.

язычники. В той же местности, по обе стороны Сыр-Дарьи, жили и кочевые турки, в количестве около 1000 юрт, которым там были отведены пастбища; они приняли ислам и обязались защищать границы саманидских владений против своих языческих соплеменников. Какое значение имела Сыр-Дарья для огузов, видно из слов Махмуда Кашгарского; что под «рекой» (*угуз*) без дальнейшего определения огузы понимали Сыр-Дарью, потому что на этой реке были их города; по берегам ее жили также кочевники из их народа¹³. Таким сопоставлением городов с кочевниками подтверждается, что часть огузского народа перешла к городской жизни¹⁴, хотя в рукописи Туманского сказано вполне определенно, что у огузов ни одного города нет¹⁵.

Пользование арабской географической литературой несколько затрудняется ее книжным характером и связанной с этим хронологической неопределенностью. Например, если мы знаем, что один автор писал в X, другой — в XI в., то из этого не следует, чтобы рассказы второго относились к более позднему времени, чем рассказы первого; почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не определяя их времени, и часто бывает, что в сочинении XI в. использован более ранний источник, чем в сочинении X в. Большой хронологической определенностью отличаются немногочисленные дошедшие до нас рассказы историков и путешественников. Так, есть известие¹⁶, что Абдаллах ибн Тахир (830—844), владетель Хорасана, послал против огузов своего сына и будущего преемника Тахира; о результатах похода сказано только, что Тахир дошел до таких мест, куда до него никто не доходил. Вероятно, эти действия произошли в западной части нынешней Туркмении, так как во времени Абдаллаха ибн Тахира относили устройство рабатов, т. е. пограничных укрепленных пунктов, в Дихистане (ныне Мешхед и Мисрия) и Афраве (ныне Кызыл-Арват)¹⁷. Действия Абдаллаха ибн Тахира, по-видимому, достигли цели, и построенные им укрепления с успехом выполняли свое назначение до событий XI в.; зато торговля с огузами на этом участке границы, судя по молчанию источников, была гораздо менее оживленной, чем на границе Хорезма и на Сыр-Дарье. По рукописи Туманского, около Кызыл-Арвата совсем не было пашен; хлеб получался из

¹³ Махмуд Кашгарский, I, 58.

¹⁴ Сауран тоже назван у Махмуда Кашгарского (I, 364) городом огузов.

¹⁵ *Худуд ал-'алам*, л. 18 б.

¹⁶ Балазури, 431.

¹⁷ Бартольд, *Орошение*, стр. 34 и 40. <Как отметил С. А. Волин в примечаниях к переводу соответствующего отрывка из сочинения Балазури (МИТТ, I, 78, прим. 3), в тексте стоит العوريه, что скорее должно быть прочтано *ал-гүрийя* (гурийцы), нежели *ал-гүзийя* (гузы), так как слово *гуз* писалось по-арабски без буквы *vāv* — غز. Таким образом, более правдоподобно предположение, что речь идет о походе в Гур (в совр. Афганистане), а не против гузов. — Ю. Б.>

окрестностей Мешхед-и Мисриян, в то время орошавшихся каналами из Атрека, и из окрестностей Неса (вблизи Ашхабада) ¹⁸.

Если в этой местности речь могла идти только об ограждении культурных земель от набегов кочевников, то на Сыр-Дарье борьба с кочевниками была связана с постепенным продвижением культуры на север, вниз по реке. Арабы и здесь первоначально придерживались оборонительной политики; несмотря на ряд походов в глубь степей, пограничной областью халифата сделалась местность у Ташкента, и для ограждения культурной полосы Чирчика от кочевников были построены длинные стены от берега Сыр-Дарьи до гор ¹⁹. Возможно, что и эта линия не всегда могла быть удержана; в рассказе Табари о действиях восставшего против Аббасидов в Средней Азии Рафи' ибн Лейса в 191/806-07 г. среди участников мятежа упоминается «владелец Шаша (так называлась область Ташкента) с его турками» ²⁰. Из этого можно заключить, что культурная полоса Чирчика на время перешла во власть турок; если так, то это могло случиться в это самое время, может быть в связи с восстанием среди арабов, начавшимся в 190 г. х.; в 189 и 190 гг. х. еще чеканились монеты в серебряном руднике у Ангрена ²¹, где был один из монетных дворов халифата ²². По-видимому, власть халифа в Шаше скоро была восстановлена; при назначении правителями Мавераннахра четырех братьев-Саманидов один из них получил Шаш ²³. К 840 г. относится дальнейший шаг вперед — завоевание Исфиджаба, причем и в этом случае говорится о постройке длинного вала вокруг виноградников и пашен ²⁴, т. е. о укреплении завоевания оборонительными мерами. Мы знаем, что впоследствии в Исфиджабе была турецкая династия, но находившаяся в вассальной зависимости от Саманидов. Был ли этот владетель из огузов, неизвестно.

О дальнейшем движении вперед есть только рассказ Истахри ²⁵ о походе на Шавгар (близ нынешнего Туркестана) с огромным войском; во время этого похода отряд в 4000 человек заблудился и только через несколько дней мог вернуться к главной массе войска. Поход

¹⁸ *Худуд ал-'алам*, л. 29 б. Там же говорится, что в рабате был только один источник; таково же было положение в XIX в. (Бартольд, *Орошение*, стр. 41).

¹⁹ Бартольд, *Орошение*, стр. 143; его же, *Туркестан*, ч. II, стр. 173; <наст. изд., т. I, стр. 229>.

²⁰ Табари, III, 712; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 205; <наст. изд., т. I, стр. 258>.

²¹ <Первоначально — Ахенгеран. — В. М.> Об его местоположении см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 172; <наст. изд., т. I, стр. 228—229>.

²² Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 33, № 551 и 532.

²³ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 215; <наст. изд., т. I, стр. 267>.

²⁴ Бартольд, *Орошение*, стр. 144.

²⁵ Истахри, 291; Ибн Хаукаль, 330; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 268; <наст. изд., т. I, стр. 317>.

произошел при Насре ибн Ахмеде; это имя носили два саманидских правителя, из которых один правил в IX (864—892), другой — в X в. (914—943). Рассказ может относиться как к тому, так и к другому; более правдоподобно, что он относится к первому²⁶. Какова была цель похода и была ли эта цель достигнута, остается неизвестным.

«Царь», или ябгу, огузов не был действительным властителем своего народа, и стремление к политическому единству было столь же чуждо огузам X в., как туркменам XIX в. В этом отношении совершенно одинаковое впечатление производят наблюдения Ибн Фадлана²⁷ и отзывы рукописи Туманского²⁸. По рукописи Туманского, у каждого племени огузов был особый начальник «из-за неумения их ладить между собой». По Ибн Фадлану, ябгу мог посылать в некоторые места своих наместников или заместителей; такой наместник назывался *кудеркин* (слово, не встречающееся, кажется, в других источниках). Кроме того, в той местности, через которую проехал Ибн Фадлан, был особый начальник войска; его отец, тоже находившийся в то время в живых, был родственником (отцом или братом жены)²⁹ царя волжских болгар; благодаря покровительству этого человека арабы благополучно проехали через страну огузов, иначе, по словам Ибн Фадлана, огузы могли бы ограбить или даже убить их. Но дела решались не столько распоряжениями этих начальников, сколько совещаниями огузов между собой; кроме того, имело значение уважение к старикам.

Огузы произвели на Ибн Фадлана впечатление богатого кочевого народа, владевшего, как потом туркмены, огромными стадами баранов. Были богачи, у которых было до ста тысяч баранов. Бараны были главным предметом вывоза из степей огузов в мусульманские области, причем самая оживленная торговля происходила в пограничных пунктах Хорезма. В мирное время огузы приходили (очевидно, со своими стадами) в город Паратегин³⁰ на правой стороне Аму-Дарьи, на расстоянии одного дня пути от Аральского моря, или в Гургандж (ныне Куня-Ургенч)³¹. Как везде, где происходила торговля между

²⁶ Об эмире Насре в тексте Истахри говорится как о покойнике, причем автор говорит, что слышал этот рассказ от одного из участников похода. Если эти слова, как большая часть известий Истахри, принадлежат Балхи, то речь может идти только о первом Насре, так как второй пережил Балхи. Если мы здесь имеем слова самого Истахри, то вопрос становится спорным; слова Истахри в другом месте (144) о царствовании второго Насра заставляют полагать, что это царствование к тому времени уже закончилось.

²⁷ Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 244 и сл.

²⁸ *Худуд ал-‘Алам*, л. 186.

²⁹ Огузский предводитель называл болгарского царя своим *сахр*; это слово означает одинаково мужа дочери и мужа сестры.

³⁰ На звук *п* указывает колебание между буквами *ф* и *б* в арабской транскрипции; ср. указатель в BGA, IV.

³¹ Истахри, 303, внизу.

кочевниками и оседлыми народностями, эта торговля была более необходима кочевникам, которые поэтому сами пригоняли свои стада в пограничные пункты культурных областей, не дожидаясь, пока купцы из этих областей приедут в их степи. Разумеется, эта торговля, как и сказано у Истахри, могла происходить только в мирное время; часто торговые сношения прерывались набегами кочевников на культурные области или походами из культурных областей в глубь степей, предпринимавшимися главным образом ради охоты за турецкими рабами³², которые, конечно, могли приобретаться и путем торговли, ввиду частых войн кочевников между собой. В мирное время привозился также хлеб на судах вниз по Сыр-Дарье до «Нового селения»³³.

Мы располагаем только очень скудными сведениями о тех передвижениях турецких народностей, которые вызывались частью стремлением кочевников захватить культурные земли, частью борьбой кочевников между собой за пастбища. Так, Истахри говорит о занятии турками «в недавнее время» полуострова Сиях-кух («Черная гора», персидское название, ныне Мангышлак), до тех пор совершенно пустынного; причиной переселения туда турок было столкновение между ними и огузами³⁴; очень вероятно, что речь идет о борьбе огузских племен между собой и что занявшие Мангышлак турки тоже были огузами. Турки нашли для себя там источники и пастбища; кроме того, они захватывали груз судов, терпевших кораблекрушение у берегов Мангышлака, где был водоворот. Таким образом, Мангышлак, получивший впоследствии большое значение для торговли на Каспийском море, в X в. был только источником опасности для плававших по морю судов.

Турецкие соседи халифата должны были постепенно подчиниться влиянию мусульманской культуры и принять ислам. В древнейшей версии легенды о распространении ислама в Кашгарии рассказывается, как туркам нравились привозившиеся мусульманскими караванами товары, например дорогие ткани и сахар, и как уже потом на этой почве происходило ознакомление турок с исламом как религией³⁵. То же самое происходило, вероятно, в других местностях. Процесс распространения ислама среди огузов в X в. шел медленно. Ибн Фадлан в 922 г. нашел среди огузов те же самые языческие погребальные обряды, какие были в VIII в. у турок в Монголии. На могиле ставились статуи по числу убитых покойным при жизни людей; верили, что эти люди на том свете будут служить покойному³⁶. К заболевшему не подходили; для богатого ставили юрту, где он должен был

³² Напр., Макдиси, 285, внизу.

³³ Ибн Хаукаль, 393.

³⁴ Истахри, 219. <Ср. также Бекран, *Джахан-наме*, изд. Борщевского, 19 (л. 17 а). — Ю. Б.>

³⁵ Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 131.

³⁶ Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*, стр. 64.

лежать, пока не умрет или не выздоровеет, бедного или раба просто бросали в степи и уходили. Покойника (очевидно, только богатого) сажали в одежде и вооружении в глубокую могилу, устроенную надобие жилища; с ним клали некоторые предметы из имущества; могилу засыпали и воздвигали над ней глиняный свод³⁷. В память покойного резали от 100 до 200 голов скота; черепа, кожу и хвосты вешали на деревьях; существовало поверье, что на этих животных покойник поедет на тот свет. Ибн Фадлан видел одного из царей огузов, носившего титул *кучук-йинал* ('малый йинал'), который принял было ислам, но потом вернулся к язычеству.

В степи, конечно, кроме пропаганды ислама, была также пропаганда других религий, особенно христианства, но известия об этом довольно смутны. Автор XIII в. Закария Казвини³⁸ называет огузов христианами³⁹; в стране их северных соседей, кимаков, была скала, на которой были видны следы ног и колен человека, положившего здесь земной поклон, следы ног ребенка и ослиных копыт; огузы поклонялись этим следам, относя их к Иисусу, очевидно к легенде о бегстве в Египет. Как указал Маркварт⁴⁰, мы имеем более раннюю версию рассказа о следах и почитании их огузами у Бируни⁴¹ (в начале XI в.), где, однако, ничего не говорится ни о христианстве огузов, ни о приписывании следов Иисусу, так что возможно, что такое объяснение почитания следов придумано самим Казвини или одним из его предшественников. Возможно, что культ, совершенно независимо от христианских преданий, был вызван удивительным явлением природы, так как огузы вообще, по словам рукописи Туманского, поклонялись всему, что находили выдающимся и удивительным. Тут же говорится о почитании «врачей», как здесь и в некоторых других местах, например в рассказе о русских⁴², названы жрецы или шаманы.

Нет сколько нибудь ясных и подробных известий и о том успехе ислама в местности по нижнему течению Сыр-Дарьи, с которым предание связывает постепенное передвижение огузов на юг и завоевание ими Ирана. Во всяком случае, мы и здесь видим не объединение народа для общего военного предприятия, но разрозненные движения отдельных групп, закончившиеся подчинением всей Передней Азии, кроме арабского полуострова, если не туркменскому народу, то вышедшей из его среды династии.

³⁷ О постройках над турецкими могилами см., напр., Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*, стр. 57 и сл.

³⁸ Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 18.

³⁹ <По вопросу о христианстве у огузов ср. *احمد زکینی وایدی، اوغوزلرک* — Ю. Б. >

⁴⁰ Marquart, *Kotanen*, S. 101.

⁴¹ Бируни, *Асър ал-бақийа*, пер. Захау, 264.

⁴² Ибн Русте, изд. де Гук, 146; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 101 и 123.

О происхождении и возвышении этой династии подробнее всего говорит Ибн ал-Асир⁴³. У историков династия обыкновенно называется «родом Сельджука», по имени ее предка Сельджука, сына Тукака (по южнотурецкому произношению — Дукака). Слово *тукак* будто бы значит 'новый лук'. Вместо *джадид* ('новый') в тексте Ибн ал-Асира можно было читать также *хадид* ('железо'); отсюда, вероятно, явилась легенда, что Сельжук носил прозвание «человек с железным луком» (*тимур-яйлыг*)⁴⁴. В некоторых рассказах⁴⁵ отец Сельджука носит имя легендарного мудреца Локмана, упоминаемого в Коране (XXXI сура); автор составленной в XV в.⁴⁶ истории сельджукского дома соединяет оба предания в одно целое и называет отца Сельджука Локман-Дукаком⁴⁷. По Ибн ал-Асиру, уже Дукак обнаружил расположение к исламу и вступил в спор с ябгу огузов, когда тот собрал войско для похода на мусульманские области. Столкновение между ябгу и Тукаком дошло до рукопашной схватки, но потом было достигнуто примирение, и Тукак остался у ябгу. Сын его Сельжук также приобрел расположение ябгу и получил титул *сю-баши* ('глава войска'); тот же титул носит Сельжук и у Махмуда Кашгарского⁴⁸. Жена ябгу восстановила своего мужа против Сельджука; Сельжук перешел со своими приверженцами из области неверных в область ислама, принял мусульманскую веру, поселился в окрестностях Дженда, сделался союзником мусульман в борьбе с неверными турками, прогнал сборщиков ябгу и освободил мусульман от уплачивавшейся ему дани. В это время Харун, сын илека (т. е. Богра-хан Харун ибн Муса)⁴⁹, овладел частью государства Саманидов; Саманиды обратились с просьбой о помощи к Сельджуку; Сельжук прислал им своего сына Арслана; с его помощью Саманиды вернули себе свои владения, после чего Арслан вернулся к своему отцу. Сельжук прожил 107 лет, умер в Дженде и там же был похоронен.

Из рассказанных здесь событий хронологически точно определяется время занятия Бухары Богра-ханом и потом отступления его; Богра-хан занял Бухару в мае 992 г.; 17 августа того же года в Бу-

⁴³ Изд. Торнберга, IX, 321 и сл.

⁴⁴ Так в EI, IV, 222.

⁴⁵ Напр., у Мухаммеда Хусейни, 17 (об этом сочинении Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0115 и сл.). Так же у Равенди, изд. Икбала, 88.

⁴⁶ Предание об имени автора приводит В. А. Гордлевский в *Заметке о «Турецком собрании»*, стр. 1, прим.; Babinger, *Die Geschichtsschreiber*, S. 9, № 3.

⁴⁷ Равенди, турецк. пер., стр. 34.

⁴⁸ Махмуд Кашгарский, I, 397.

⁴⁹ Об его происхождении — Бартольд, *Туркестан*, ч. II; стр. 269, прим. 5; <наст. изд., т. I, стр. 318, прим. 4. Богра-хан Харун был сыном Сулеймана, а не Мусы; его полное имя было Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман (см. Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 25—26). — Ю. Б.>

хару вновь вступил саманидский эмир Нух ибн Мансур⁵⁰. Рассказ Ибн ал-Асира о помощи, оказанной Саманидам, не подтверждается другими источниками; первый по времени историк, говорящий об этих событиях, Утби⁵¹, говорит только о нападениях огузов на войско Богра-хана во время его отступления. Можно также отметить (не касаясь вопроса, который рассказ ближе к истине) хронологическое противоречие между рассказом Ибн ал-Асира и рассказом историка XIV в. Хамдаллаха Казвини. По Ибн ал-Асиру, Сельджук умер в Дженде после 992 г.; по Хамдаллаху Казвини⁵², сыновья Сельджука (очевидно, после смерти своего отца) пришли в саманидские владения в 375/985-86 г. и поселились в Бухарской области около селения Нур. Во всяком случае, согласие между огузами и жителями Дженда продолжалось недолго; уже в рассказе историка Бейхаки о событиях 1034 г. говорится о старинной вражде и кровной мести между правившим тогда в Дженде Шах-Меликом (о его происхождении нет никаких известий) и потомками Сельджука⁵³.

По Ибн ал-Асиру, после Сельджука остались три сына: Арслан, Микаил и Муса. Микаил погиб в борьбе с неверными, и только после его смерти его сыновья, Тогрул-бек Мухаммед и Чагры-бек Давуд, поселились в Нуре. Далее приводится хронологически совершенно невозможный рассказ об отношении обоих братьев к Богра-хану, о том, как Тогрул-бек был вероломно захвачен в плен Богра-ханом и освобожден Давудом.

Более правдоподобно участие потомков Сельджука в событиях начала XI в., когда саманидский претендент Мунтасир вступил в безнадежную борьбу⁵⁴ с турецкими завоевателями за права своей династии. По рассказу двух историков XI в., Утби⁵⁵ и Гардизи⁵⁶, Мунтасир после неудачных действий в Хорасане отправился в 1003 г. из Абиверда к огузам; к сожалению, не указывается точно, где они жили; во главе их стоял, по Гардизи, Ябгу; он принял ислам и вступил в родство с Мунтасиром. По рассказу историка Равенди⁵⁷, имя Ябгу

⁵⁰ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 271 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 320 и сл.>.

⁵¹ Утби — Манини, I, 176.

⁵² *Ta'riḫ-i guzide*, изд. Броуна, текст, 434.

⁵³ Бейхаки, изд. Морлея, 836. <Попытку интерпретации данных Бейхаки и Ибн ал-Асира в сопоставлении с туркменскими преданиями, приведенными у Абулгази, см. Толстов, *Города огузов*, стр. 91—93; ср. также Pritsak, *Der Untergang*, S. 407. Согласно О. Прицаку, Шах-Мелик был сыном огузского ябгу, носившего после принятия ислама имя Али (см. ниже, стр. 568, прим. 58). — Ю. Б.>

⁵⁴ О ходе борьбы см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 282 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 330 и сл.>.

⁵⁵ Утби — Манини, I, 335 и сл.

⁵⁶ Кембридж. рук., л. 113 а и сл.

⁵⁷ Изд. Икбаля, 87.

носил сын Сельджука Муса; возможно, что речь идет о нем⁵⁸; так как после присоединения огузов к Мунтасиру говорится не о переправе через Аму-Дарью, а прямо о походе на Самарканд, то возможно, что имеются в виду огузы, жившие около Нура.

По поводу помощи, оказанной Мунтасиру, Утби говорит об исконной преданности огузов саманидскому дому; ход событий заставляет полагать, что кочевники, по обыкновению, хотели только воспользоваться случаем захватить добычу. С помощью огузов Мунтасир одержал победу на Зеравшане, но взять Самарканд ему не пришлось; огузы тотчас после победы отступили, отправив добычу в свои кочевья и взяв с собой захваченных в плен 18 предводителей врагов. Выдать их Мунтасиру они отказались; сперва они рассчитывали получить выкуп, потом до Мунтасира дошло известие, что огузы хотят воспользоваться пленными для заключения мира с врагами. Мунтасир с 700 воинов (среди них было 300 конных и 400 пеших) покинул огузов и у Даргана переправился через Аму-Дарью; на реке был лед; чтобы копыта лошадей могли пройти по льду, постлали солому. Огузы преследовали Мунтасира, но не могли переправиться через реку; по словам Утби, их удержала опасность переправы; по словам Гардизи, лед сломался под ними, и они погибли. Мунтасир после этого уже не делал попыток опереться на огузов.

Владения Саманидов в Средней Азии перешли во власть турецкой династии, которую мусульманские историки обыкновенно называют «домом Афрасиаба»; в русской науке со времени В. В. Григорьева⁵⁹ утвердился термин «Караханиды», по прозванию одного из первых представителей этой династии⁶⁰. В государстве Караханидов родовое начало и связанная с ним удельная система были еще сильнее, чем в большей части других кочевых государств; правители отдельных областей сменялись так быстро, что ни письменные известия, ни даже монеты не дают возможности установить хронологию эпохи Караханидов; столь же трудно поддаются решению вопросы, связанные с генеалогией династии⁶¹.

⁵⁸ <Как отметил О. Прицак, В. В. Бартольд неправильно отнес это известие к Мусе б. Сельджуку, который носил титул *пейгу*, а не *ябгу*. Согласно Прицаку, огузским ябгу, который принял ислам, был отец Шах-Мелика джендского, принявший мусульманское имя Али; родство с Саманидами объясняет типично саманидскую кунью (Абу-л-Фаварис) его сына, Шах-Мелика. См. Pritsak, *Der Untergang*, S. 406—407. Ср., однако, Sahen, JA, t. CCXLII. — Ю. Б.>

⁵⁹ Григорьев, *Караханиды*.

⁶⁰ <Слово *кара* в титулах Караханидов (*кара-хакан*, *кара-хан*) значит 'главный', 'великий'; см. Pritsak, *Qara*. — Ю. Б.>

⁶¹ <Обзор политической истории государства Караханидов и генеалогию этой династии см. Pritsak, *Die Karachaniden* (там же — библиографический обзор источников и литературы о Караханидах); о поздних Караханидах (с середины XII в.) см. также Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии Караханидов*. — Ю. Б.>

Не вполне ясно и происхождение того караханидского царя, у которого в начале XI в. находились потомки Сельджука, — Али-тегина⁶². Историк Бейхаки приводит слова везира Мейменди газневидскому султану Мас'уду (1032 г.), где говорится, что Али-тегин находится в Мавераннахре уже 30 лет⁶³, что, вероятно, преувеличено. Об отношениях между Али-тегином и потомками Сельджука у Ибн ал-Асира тоже приводятся подробности, не подтвержденные другими известиями; говорится о нескольких вооруженных столкновениях, тогда как, по другим известиям, никаких столкновений не было до самой смерти Али-тегина, последовавшей в 1034 г. В 1025 г. газневидский султан Махмуд, к которому перешло наследие Саманидов в Иране и который в 1017 г. завоевал Хорезм, предпринял поход на Али-тегина и заставил его бежать в степь. Во главе находившихся на службе у Али-тегина огузов стоял сын Сельджука Арслан, носивший также мусульманское имя Исраил; он был взят в плен и, по распоряжению Махмуда, отправлен в Индию и там заключен в крепость, где и умер. Историки, писавшие в сельджукской империи, под влиянием которых находится и Ибн ал-Асир, изображают действия Махмуда как акт вероломства; Махмуд пригласил к себе Исраила и вероломно захватил доверчиво пришедшего к нему огузского предводителя⁶⁴. У писавшего раньше Гардизи⁶⁵ дело изображается иначе. После рассказа о свидании Махмуда с главой Караханидов, Кадыр-ханом Юсуфом⁶⁶, говорится о бегстве Али-тегина в степь; в то же время Махмуд узнал, что Исраил ибн Сельджук скрылся в одном месте, и послал туда людей, которые привели его, после чего он был отправлен в Газну и оттуда в Индию.

В рассказе об отношениях огузов к Махмуду и его преемнику Гардизи впервые называет огузов туркменами; в рассказе о событиях начала XI в. он, как и Утби, употребляет только термин *гуз*. Туркменами называет огузов и Бейхаки, тогда как Ибн ал-Асир продолжает говорить только о «гузах». Из слов Ибн ал-Асира можно было бы заключить, что Махмуд вместе с Арсланом (Исраилом) захватил и подчинившихся ему огузов, частью истребил их, частью расселил по отдельным местностям Хорасана; Равенди даже заставляет Исраила говорить о сотнях тысяч людей, которыми он будто бы располагал. Из рассказа Гардизи⁶⁷ видно, наоборот, что часть огузов была настроена враждеб-

⁶² <Он был сыном ал-Хасана (Харуна) Богра-хана, первого завоевателя Бухары; см. о нем подробно Pritsak, *Karachanidische Streiffragen*, S. 218—224. — Ю. Б.>

⁶³ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 297; <наст. изд., т. I, стр. 344>.

⁶⁴ Особенно фантастичен рассказ Равенди (изд. Икбаля, II, 87 и сл.), оказавший большое влияние на последующих персидских историков.

⁶⁵ Кембридж. рук., л. 125 б.

⁶⁶ О свидании см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 298 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 344 и сл.>.

⁶⁷ Кембридж. рук., л. 125 б и сл.

но по отношению к сельджукскому дому, чем объясняется и возможность расправы с Израилом. К Махмуду пришли туркменские предводители с жалобой на своих эмиров (т. е. потомков Сельджука) и попросили позволения переселиться в Хорасан в числе 4000 домов (семейств). Они старались убедить султана, что от них будет польза и его подданным, и ему самому: они пригонят с собой стада баранов для пищи населению, а султану от них прибавится войска. Султан отвел им пастбища в степях около Серахса, Абиверда и Феравы (Кызыл-Арвата). Наместник Туса, эмир Арслан-Джазиб, советовал Махмуду не делать такой ошибки и принять одно из двух решений: или истребить туркмен, или отрубить каждому из них большой палец, чтобы они не могли пускать стрелы⁶⁸. Махмуд нашел этот совет бесчеловечным, но через короткое время должен был поручить Арслан-Джазибу войну с туркменами, причем Ибн ал-Асир объясняет восстание туркмен поборами чиновников султана, отнимавших у туркмен не только имущество, но и детей; Гардизи⁶⁹ говорит только о жалобах на действия туркмен со стороны жителей городов Неса, Абиверда и Феравы. Туркмены к этому времени настолько усилились, что Арслан-Джазиб не мог справиться с ними, и против них должен был выступить сам султан. Туркмены потерпели поражение; часть их была прогнана в Дихистан и Балхан, небольшая часть (Ибн ал-Асир⁷⁰ в одном месте говорит о 2000 шатров, а в другом — о 2000 воинов) ушла в Керман и оттуда в Исфахан, после чего им удавалось до середины 1040-х годов производить грабежи и опустошения в Персии и дальше к западу, до городов Месопотамии, Курдистана и Армении.

С того времени различаются три ветви огузов, или туркмен, с которыми имели дело области халифата: сельджукские, балханские и иракские (Ирак, как известно, — арабское название древней Вавилонии). Когда внуки Сельджука в 1035 г. обратились к султану Мас'уду, сыну Махмуда, с просьбой уступить им области городов Неса и Феравы, то, между прочим, обещали «не допускать появления мятежников со стороны Балхана, Дихистана, пределов Хорезма и берегов Аму-Дарьи и прогнать туркмен иракских и хорезмийских»⁷¹. Впоследствии Тогрул-бек в письме к западным владетелям называл ушедших на запад огузов своими слугами, отделившимися от него во время его войны с Газневидами и дел Хорезма, и выражал уверенность, что они в конце концов вернутся к его знаменам⁷².

Действия «иракских» огузов были только беспорядочными набе-

⁶⁸ Так по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 313, внизу) и Гардизи, кембридж. рук., л. 126 а.

⁶⁹ Кембридж. рук., л. 128 а.

⁷⁰ Изд. Торнберга, IX, 266 и 324.

⁷¹ Бейхаки, изд. Морлея, 583.

⁷² Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 275.

гами и не имели непосредственного влияния на ход политической истории; оттого Ибн ал-Асир, несмотря на продолжительность и обширный район этих набегов, сравнивает их с быстро рассеивающейся летней тучей⁷³.

Туркмены, загнанные при Махмуде в горы Балхан, при Мас'уде получили позволение вернуться в Хорасан, но вместе с тем Мас'уд в 1031 г. дал вновь назначенному наместнику Хорасана и Западной Персии приказ захватить предводителей огузов, главным из которых был Ягмур. Все они были перебиты (по Ибн ал-Асиру⁷⁴, их было более 50 человек), что в 1033 г. вызвало восстание их сыновей, мстивших мусульманам за смерть своих отцов⁷⁵. Для подавления восстания Мас'уд принял крайние меры; Ибн ал-Асир говорит о казнях, отрубании рук и ног; уцелевшие двинулись на Рей и дальше, для соединения с ушедшими туда до них; по Ибн ал-Асиру, только с этого времени возник термин «иракские огузы».

Внуки Сельджука после 1025 г. оставались у Али-тегина, который после ухода Махмуда мог вернуться в Бухару и остаться владельцем всей области до своей смерти, последовавшей в 1034 г., несмотря на то что и при Мас'уде в 1032 г. был поход⁷⁶ против Али-тегина, совершенный по приказанию Мас'уда хорезмшахом (наместником Хорезма) Алтунташем. Вместе с тем внуки Сельджука, несмотря на судьбу своего дяди, не разрывали и с Газневидами; каждый год они ходили зимовать в Хорезм, где Алтунташ отвел им места для них самих и их стад⁷⁷. Еще более дружественно относился к ним сын и преемник Алтунташа (ум. в 1032 г.), Харун, в 1034 г. отложившийся от султана Мас'уда. В том же году к нему пришли внуки Сельджука, поссорившиеся с сыновьями Али-тегина; Харун отвел им земли на правой стороне Аму-Дарьи, около Шурахана⁷⁸, и оказал им поддержку, когда они там подверглись нападению со стороны своего непримиримого врага, джендского владельца Шах-Мелика. Из Хорезма туркмены двинулись дальше; уже в 1034 г. говорится о появлении их в Мерве, Серахсе, Абиверде и Бадгисе (в северо-западной части Афганистана)⁷⁹, о вторжении туркмен (вероятно других, оставшихся у сыновей Али-тегина) в Кабадиан и область Термеза, о переправе их через Аму-Дарью и поражении у Шапуркана⁸⁰. Но только в 1035 г., когда Харун был

⁷³ Там же, 277.

⁷⁴ Там же, 267.

⁷⁵ Выражение Бейхаки (изд. Морлея, 460).

⁷⁶ О нем см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 312 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 357 и сл.>.

⁷⁷ Бейхаки, изд. Морлея, 583.

⁷⁸ Там же, 856.

⁷⁹ Там же, 535.

⁸⁰ Там же, 543.

убит по наущению газневидского правительства, туркмены покинули Хорезм и через Мерв в числе до 10 000 всадников пришли в Неса, откуда через нового наместника Хорасана Абу-л-Фазла Сури обратились к султану Мас'уду с просьбой уступить им города Неса и Фераву. Письмо⁸¹ на имя Сури было составлено от имени трех братьев: Ябгу⁸², Тогрула и Давуда; при этом Сури сообщал от себя султану, что туркмены, находившиеся прежде в Неса, и толпа «хорезмийцев и сельджукидов» приняли пришельцев нелюбезно и даже не предложили им сесть⁸³. Несмотря на такую рознь среди самих туркмен, им удалось в том же году разбить высланное против них войско, причем один из взятых ими в плен сановников так и остался у них в плену даже после договора⁸⁴. Договор был заключен в конце августа того же 1035 г., причем туркмены теперь получили больше, чем требовали первоначально. Тогрул получил Неса, Ябгу — Фераву, Давуд — Дихистан; все трое были названы дикканами, как называли турецких предводителей на всем пространстве, где турецкий мир соприкасался с иранским, от берега Каспийского моря до Кашгара⁸⁵. Предполагалось, что один из трех братьев будет жить (очевидно, в качестве заложника) при дворе султана, когда султан отправится в Балх и когда они будут чувствовать себя в безопасности (договор был заключен в Нишапуре с послами туркменских князей, не с ними самими); все три брата оставались в Неса⁸⁶.

⁸¹ Его текст у Бейхаки (изд. Морлея, 582 и сл.).

⁸² <Пейгу (или бейгу ~ бигу). В новом русском переводе Бейхаки (А. К. Арендса, 416 и др.) также везде Ябгу, хотя сам переводчик отмечает, что в тексте только بيسغو (Бейхаки, пер. Арендса, 662, прим. 100). Это был не брат, а дядя Тогрула и Давуда (сын Сельджука), по имени Арслан (пейгу — его титул; ср., однако, Cahen, JA, t. CCXLII). Ср. наст. изд., т. I, стр. 370. — Ю. Б.>

⁸³ <Это место у Бейхаки не вполне ясно и допускает, по-видимому, различные толкования. В тексте (изд. Гани — Фейяза, 470): از جانب مرو بنسا آمدند وترکمانان که آنجا بودند و دیگر فوجی از خوارزمیان سلجوقیان دیدند ایشان را پیش خود بر پای داشتند و نشانندند و محل آن ندیدند. Перевод в МИТТ, I, 246 (под ред. А. А. Ромасквича) в общем совпадает с пересказом этого места у Бартольда. В переводе А. К. Арендса: «Находившихся там туркмен и толпу прочих хорезмийцев потомки Сельджука держат перед собой стоя, не сажают, считая сие неуместным» (Бейхаки, пер. Арендса, 416). Толкование текста у В. Ф. Минорского: «Сури сообщает, что 10 000 сельджуки и йинали пришли через Мерв в Неса, однако местные туркмены и хорезмийан-и сельджукийн («сельджукские хорезмийцы»? — Ю. Б.) не дали им места для поселения» (см. Barthold, *Four studies*, vol. III, p. 137, fn. 1). — Ю. Б.>

⁸⁴ Имеется в виду ходжа Али-Микаил (Бейхаки, изд. Морлея, 600), у Гардизи (кембридж. рук., л. 135 а) — Хусейн ибн Али ибн Микаил. Гардизи, писавший около 1050 г., прибавляет к этому (л. 135 б): «и до сих пор он остается среди них».

⁸⁵ О диккане Дихистана см. выше, стр. 556; о диккане Кашгара см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 252; <наст. изд., т. I, стр. 301>.

⁸⁶ Бейхаки, изд. Морлея, 610 и сл.

Установленные договором отношения продолжались недолго; уже в начале 1036 г. стали приходить известия о набегах туркмен (сельджукидов и присоединившихся к ним иракских огузов) на северо-западные области Афганистана и на Серахс⁸⁷; вскоре возобновились и победоносные военные действия туркмен против войск султана Мас'уда. Окончательно вопрос о господстве над Хорасаном был решен только битвой при Денданкане (между Мервом и Серахсом) в мае 1040 г.⁸⁸; но уже гораздо раньше, в 1037 г., в Мерве чеканились монеты с именем Давуда, в 1038 г. в Нишапуре — с именем Тогрула⁸⁹. Прежние «дихканы» теперь стали называть себя «царями царей», причем этот титул встречается на первых их монетах в персидской форме *шаханшах*; впоследствии его заменило арабское слово *султан*; прежние царские титулы — арабское слово *мелик* и персидское *шах* — стали даваться вассальным владетелям. Сельджукские султаны подчинили себе почти всю мусульманскую Азию; при таких условиях те местности на Сыр-Дарье, откуда они вышли, не могли иметь для них большого значения. Султан Алп-Арслан (1063—1072) только в 1065 г., уже после громких побед на западе, явился на Сыр-Дарью и подчинил себе Дженд и Сауран⁹⁰. Чувствуя себя более мусульманскими, чем турецкими государями, сельджукские султаны не обращали большого внимания на эту окраину своей империи и не препятствовали занятию части ее другим турецким народом, кипчаками. Сельджукские султаны были совершенно равнодушны к судьбе огузского народа как целого и, наверное, даже не знали, что в том же 1065 г., когда Алп-Арслан действовал на Сыр-Дарье, произошли переправа огузов через Дунай и их вторжение на Балканский полуостров.

⁸⁷ Там же, 618.

⁸⁸ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 321; <наст. изд., т. I, стр. 365>.

⁸⁹ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 327 и сл. Хронология исправлена по Бейхаки, изд. Морлея, 676 и сл.

⁹⁰ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 334; <наст. изд., т. I, стр. 376>.

III

ОТ КОНЦА XI ВЕКА ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Благодаря образованию сельджуцкой империи огузский, или туркменский, народ приобрел для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов. Оттого ему было посвящено сравнительно больше внимания, и в мусульманской литературе мы находим подробное перечисление тех родов или племен, на которые делились огузы. Ни об одном из других турецких народов мы таких сведений не имеем.

Список делений огузского народа дошел до нас в двух независимых одна от другой редакциях. Первая находится в труде Махмуда Кашгарского¹, вторая — в труде Рашид ад-дина²; первая оставалась совершенно неизвестной до последнего времени; второй часто пользовались; между прочим, ею воспользовался писавший уже в XV в. автор истории сельджуцкого дома³.

Мы видели, что, по представлению Махмуда Кашгарского, огузских родов первоначально было 24, но два из них (названия их не приводятся) составляли отделившиеся от огузов халаджи, так что огузских родов в его время было 22, которые и перечисляются им. О происхождении этих названий говорится только, что каждое из них было личным именем предка соответствующего рода. По Рашид ад-дину, огузских родов с древнейших времен до его времени всегда было 24, причем все они происходили от родоначальника огузов Огуз-хана; у него было шесть сыновей, у каждого из них четыре сына; имена этих внуков и сделались названиями происходивших от них родов. Приводится нарицательное значение каждого из этих 24 названий. Из них 21 совпадает с соответствующими названиями у Махмуда Кашгарского, с той разницей, что Махмуд Кашгарский приводит их в лингвистически более древней форме. Эти названия следующие (порядок как у Махмуда Кашгарского):

---

¹ Махмуд Кашгарский, I, 56 и сл.

² Изд. Березина, I, текст, 32 и сл.

³ Равенди, турецк. пер., стр. 21—25.

Махмуд Кашгарский:	Рашид ад-дин ⁴ :
Кынык	Кынык
Кайыг	Кайы
Баюндур	Баюндур
Иве, или Йиве	Йиве
Салгур	Салур
Афшар	Авшар
Бектили	Бекдили
Бюкдюз	Бюкдюз
Баят	Баят
Язгыр	Языр
Эймюр	Эймюр
Кара-бюлюк	Кара-эвли
Алка-бюлюк	Алкыр-эвли
Игдер	Йингдер
Урекир, или Юрекир	Урекир
Тутырга	Дудурга
Ула-йондлуг	Ула-йонтлы
Тюкер	Дюкер
Печенег	Биджне
Джувалдар	Джавулдур
Джебни	Чебни

Только три последних названия приведены у Рашид ад-дина в том же порядке, как у Махмуда Кашгарского; в остальном между порядком перечисления родов у обоих авторов нет ничего общего. Последнему, 22-му названию, приведенному у Махмуда Кашгарского, джаруклуг или чаруклуг ⁵ (автор, по-видимому, не различал звуков *дж* и *ч*), параллели у Рашид ад-дина нет. У Рашид ад-дина приводятся три названия, которых нет у Махмуда Кашгарского: яйырлы, карык и каркын. Оба автора приводят тамги каждого рода (самое слово *тамга* есть только у Рашид ад-дина), употреблявшиеся для клеймения принадлежавших данному роду стад; по Рашид ад-дину, тамги были введены для предупреждения споров о собственности. Тамги, изображенные в тексте Махмуда Кашгарского, существенно отличаются от изображенных в тексте Рашид ад-дина; большего доверия заслуживает текст

⁴ У Махмуда Кашгарского поставлены гласные знаки; здесь везде предполагается у Рашид ад-дина то же произношение, если этому не противоречит правописание.

⁵ Очевидно, название этого рода связано с названием племени джарук, или чарук, жившего в Кашгарии, в городе Барчуке (ныне Марал-баши). Ср. Махмуд Кашгарский, I, 318.

Махмуда Кашгарского, не только по своей большей древности, но и как основанный на хорошем списке, сделанном в 1266 г. по автографу автора. Возможно, что тамга рода кынык, из которого происходила сельджукская династия, сохранилась на монетах первых сельджукских султанов (есть сходство с тамгой, изображенной у Махмуда Кашгарского). Рашид ад-дин приводит другие сведения, которых нет у Махмуда Кашгарского; только из слов Рашид ад-дина мы знаем, что у огузов и при исламе были остатки тотемизма. Каждый род почитал какую-нибудь птицу, которую члены рода не трогали и не ели; для обозначения такого тотема употреблялось слово *онгун*, или *уйгун*⁶. Кроме того, было определено, на какую часть мяса имел право отдельный род во время общих пиров (турецкого термина в этом случае нет). Как онгунов, так и кусков мяса различалось не 24, а только 6, по одному на каждые четыре рода, по числу шести сыновей Огуз-хана. Ни Махмуд Кашгарский, ни Рашид ад-дин не сообщают каких-либо сведений о географическом распределении родов.

Насколько различием в правописании названий у обоих авторов определяется эволюция языка со второй половины XI в. до начала XIV в., это вопрос спорный. Махмуд Кашгарский мог писать некоторые названия так, как он их произносил сам, а не так, как их произносили огузы. Им самим приводятся сведения о турецком языке и его диалектах, из которых видно, что уже тогда существовали те фонетические явления, которые теперь составляют отличительную черту диалектов южной группы: звонкий согласный вместо глухого (*д* вместо *т*), выпадение звонкого гортанного (*г*) в середине и в конце слова и т. п.⁷ Из тех же сведений видно, что туркменский язык по своему лексическому составу отличался от более восточных диалектов уже тогда приблизительно в такой же степени, как теперь. Для историка особенно интересны культурные слова, принесенные огузами на запад из Средней Азии и в то же время неизвестные среднеазиатским туркам. Уже тогда существовало слово *тугра*, как потом называлась печать османских султанов; в сельджукской империи от слова *тугра* было образовано прилагательное *туграи*⁸ 'хранитель печати', как уже в XI в. назывался один из главных сановников империи, упоминающийся рядом с везиром⁹. Махмуд¹⁰ приводит слово *тугра* в форме *туграг* и прибавляет:

⁶ О произношении см. Радлов, *Словарь*, I, 1645, где приводится также известие, что в Средней Азии то же самое слово значило «тамга». В этнографической литературе принято имеющее несколько иное значение монгольское слово *онгон*; ср. Потанин, *Очерки*, вып. IV, стр. 93 и сл. <О тотемизме у туркмен см. Толстов, *Пережитки тотемизма*. — Ю. Б.>

⁷ Махмуд Кашгарский, I, 32 и 35.

⁸ Напр., Бундари, изд. Хаутсма, 132 и сл.

⁹ Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 137.

¹⁰ Махмуд Кашгарский, I, 385.

«так называется царская печать на языке огузов; туркам это слово неизвестно, и я не знаю его происхождения». Однако тут же и еще в другом месте¹¹ слово *туграг* приводится еще в другом значении: «так называется каждый конь, которого царь дает своему войску в день выступления в поход (в другом месте еще: «или войны»); потом [эти кони] возвращаются ему после остановки». К этому прибавлено во втором месте: «и так же [называется] письмо, когда к нему приложена печать, на языке огузов». Употреблявшееся приблизительно в том же смысле другими турками (и впоследствии монголами) слово *ярлык* было огузам неизвестно¹².

Выяснение племенного и родового строя огузов, как и всяких других кочевых народов, затрудняется скудостью и неопределенностью терминологии. В моем исследовании об Улугбеке¹³ приведены примеры употребления различных терминов в одном и том же значении, и едва ли где-либо и когда-либо соблюдалась та точная терминология, которая приводится в словаре Радлова¹⁴ по словарю Ахмед-Вефик-паши. Среди различных терминов там отмечается слово *бой* как обозначение одного из самых мелких делений; отдельно слово *бой* в соответствующем месте не приводится, и в живом туркменском языке его, насколько мне известно, нет; у Махмуда Кашгарского¹⁵ им обозначается деление огузов на крупные племена, и в таком же значении оно было известно еще в XV в. автору «Истории сельджукского дома»¹⁶. Об отношениях между боями у Махмуда Кашгарского нет никаких сведений; не говорится также о приведенном у Рашид ад-дина военном делении всех огузов на правое и левое крыло (в смысле «правый» у огузов уже при Махмуде Кашгарском¹⁷ было особое слово *саг*, вместо турецкого *онг*), или, как их называли еще, *бузук* и *учук*¹⁸, по 12 племен в каждом, причем за племенами *бузук* признавалось старшинство; однако племя *кынык*, из которого вышла сельджукская династия, присоединялось к племенам *учук*, как и племя *салур* (*салгур*), по преданию некогда стоявшее во главе всех огузов. Деление всех огузов на племена *бузук* и *учук* существовало в домонгольский период и упоминается у Ибн ал-Асира¹⁹.

¹¹ Там же, II, 217.

¹² Там же, III, 31.

¹³ Бартольд, *Улугбек*, стр. 24.

¹⁴ Радлов, *Словарь*, I, 1697 (под словом *улус*).

¹⁵ Махмуд Кашгарский, III, 103; ср. II, 218. Арабские слова *кабила* и *баги* употребляются здесь с той же неопределенностью, как турецкие термины; ср. I, 56, где понятие *кабила* обнимает весь огузский народ. <О несколько ограниченном значении термина *бой* при Ак-Коюнлу (1476 г.) см. Minorsky, *A civil and military review*, p. 164. — В. М.>

¹⁶ Равенди, турецк. пер., стр. 27.

¹⁷ Махмуд Кашгарский, I, 69; III, 114.

¹⁸ <Скорее *бозук [‘те, что от] сломанного [лука]’ и *уч-ок [‘те, что от] трех стрел’ (см. ниже). — В. М.>

¹⁹ Изд. Торнберга, XI, 54.

У Рашид ад-дина эти слова объясняются в смысле «сломанное» и «три стрелы»; рассказывается легенда, по которой сыновья Огуз-хана однажды нашли золотой лук и три золотые стрелы и спросили отца, как им разделить найденное; Огуз-хан дал трем старшим сыновьям лук, сломав его на три части, трем младшим — по стреле. То же самое рассказывается в другой, тоже относящейся к монгольской эпохе, но не мусульманской версии, легенде об Огуз-хане, с той разницей, что говорится о золотом луке и серебряных стрелах; прибавлено, что Огуз-хан раньше видел этот лук и эти стрелы во сне²⁰.

Огузы, конечно, сознавали свое особое место среди турецких народностей; слово чигиль²¹, как называлась одна из турецких народностей в нынешней Джетысуйской области²², по Махмуду Кашгарскому, употреблялось для обозначения всех турок от Аму-Дарьи до «верхнего», или настоящего, Китая, т. е. Южного Китая²³, остававшегося в X в. и после под властью национальной династии Сун, когда Северный Китай был завоеван инородцами. Название Чигиль носил первоначально небольшой город недалеко от Тараза (Таласа, или Аулие-Ата), упоминаемый и в других источниках²⁴; этот город, будто бы построенный Александром, постоянно подвергался нападениям со стороны своих соседей огузов, и эта вражда продолжала существовать и в эпоху Махмуда Кашгарского, т. е. во второй половине XI в.

Замечательно, что в турецких генеалогических сказаниях в том виде, как они распространялись в эпоху сельджукской империи, нет имени Огуз и есть имя Чигиль. В средние века в мусульманском мире, как в христианском, генеалогические представления примыкали к библейским сказаниям. У мусульман с большей определенностью, чем у евреев и христиан, три сына Ноя считались предками трех человеческих рас Старого Света — белой, черной и желтой, причем в последнем случае вместо цвета кожи клались в основу другие признаки: широкое лицо и небольшие глаза²⁵. Предком этих народов считался Яфет, причем первоначально сюда, кроме турок, причислялись только славяне и мифические библейские народы Гог и Магог. Чаще всего Яфета называли предком турок, и еще в XIX в. были европейские ученые²⁶, предлагавшие называть «древний турецкий» язык «яфетским». Народы, счи-

²⁰ *Кутаэзу билик*, изд. Радлова, I, стр. XIII; текст там же, 242 и сл. <См. также новый русский перевод: Щербак, *Огуз-наме*, стр. 57—61. Согласно этой версии, лук и стрелы видел во сне не Огуз-хан, а его советник Улуг Турук. — Ю. Б.>

²¹ Такое произношение определяется искусственной этимологией (персидское *чи гиль* «что за глина»), приведенной у Махмуда Кашгарского, I, 330.

²² Ср. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 16 и сл.; <см. выше, стр. 58 и сл.>.

²³ О трех Синах, верхнем, среднем и нижнем, Махмуд Кашгарский, I, 378.

²⁴ Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 15 и сл.

²⁵ Табари, I, 223.

²⁶ *Dicz, Denkwürdigkeiten*, T. I, S. 165.

тавшие потомками Яфета, выступали в то время не столько как создатели, сколько как разрушители культуры, оттого можно было утверждать, что в потомках Яфета ничего хорошего не было. Этого, конечно, не могли говорить подданные сельджукских султанов; писавший в сельджукской империи анонимный персидский автор XII в.²⁷ делает исключение в пользу двух «умных» сыновей Яфета, Турка и Хазара, и только об остальных говорит, что в них ничего хорошего не было. Из сыновей Турка у того же автора названы четверо: Тутель²⁸, Читгиль, Барсхан и Илак; трое младших были предками чигилей (т. е. может быть, всех кочевых турок, кроме огузов), барсханцев (жителей города Барсхана на юго-восточной стороне Иссык-Куля, у которого было особое наречие²⁹) и илакцев (Илаком называлась культурная полоса Ангрена, которую, по-видимому, уже тогда считали отуреченной). О потомках Тутеля ничего не говорится; очевидно, его считали предком огузов. Этими сказаниями воспользовались и авторы послемонгольского периода, соединив их в одно целое со сказаниями, сложенными при монголах. Шереф ад-дин Йезди³⁰, автор истории Тимура (XV в.), называет тех же четырех сыновей Турка, но дальше изложение несколько смутно; речь опять идет о самом Яфете, и его сыном назван Абулджа (как это имя, так и другие в рукописях приводятся в различных видах), которого Рашид ад-дин³¹ считал тождественным с Яфетом. Потомком Абулджа-хана как у Рашид ад-дина, так и у Шереф ад-дина является Огуз-хан, сын Кара-хана; только у Шереф ад-дина генеалогия сложнее и число поколений больше. По Рашид ад-дину, у Абулджа-хана был сын Диб-Бакуй, одним из сыновей Диб-Бакуя был Кара-хан; у Шереф ад-дина Кара-хан — сын Могол-хана; Могол и Татар были братьями-близнецами, предками монголов и татар; между ними и Диб-Бакуем было еще два поколения. О происхождении «гузов» как народа говорится в другой генеалогии, совершенно не связанной с Огуз-ханом; по этой генеалогии, одним из семи сыновей Яфета был Менинг (или Минг?), его сыном был Гуз, от которого произошли гузы, «худший из всех турецких народов»³². Рашид ад-дин³³, наоборот, признавал всех туркмен, какие только есть в мире, потомками 24 внуков Огуз-хана. К этому прибавляется, что названия «туркмен» прежде не было, огузы наравне с другими турецкими народностями назывались только «турками»; только когда юни пришли в Мавераннахр и Иран, они «благодаря воде и воздуху» тех мест сделались отчасти, хотя и не вполне, похожи-

²⁷ Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 119.

²⁸ <Тонг? — В. М.>

²⁹ Махмуд Кашгарский, III, 162.

³⁰ *Мукаддама-йи Зафар-наме*, л. 22 б и сл.

³¹ Изд. Березина, I, текст, 13, внизу.

³² *Мукаддама-йи Зафар-наме*, л. 22 б.

³³ Изд. Березина, I, текст, 26.

ми на таджиков, и их стали называть туркменами, т. е. туркоподобными.

По словам Рашид ад-дина³⁴, туркмены всегда точно знали, из какого рода происходил тот или другой их царь или эмир. Сельджукские султаны, около 400 лет (в действительности, значительно меньше) царствовавшие в Иране и Туране и подчинившие себе все области от границ Египта до Китая, происходили из рода кынык.

Источники, однако, не дают нам точных сведений о том, каково было положение туркменского народа в созданной им империи. Турецкий переводчик персидского сочинения Равенди уверяет, что еще при султани Санджаре (1157 г.) с величайшей строгостью соблюдались огузские обычаи; так, главный бек правого крыла назначался непременно из племен кайы и баят, главный бек левого крыла — из племен баюндур и печенег³⁵. Однако в персидском подлиннике ничего подобного нет³⁶. Благодаря сочинению везира Низам ал-мульк, почти тридцать лет (1064—1092) управлявшего сельджукской империей, мы располагаем довольно подробными сведениями об устройстве этой империи в конце XI в. Одна из глав этого сочинения (26-я) посвящена туркменам. Говорится, что туркмены составляют тягость для государства, но с ними приходится считаться ввиду их заслуг перед династией и родственных отношений с ней. Низам ал-мульк советует выбрать 1000 молодых туркмен, записать их в число гулямов (гвардии) дворца и постепенно приучить их к дворцовой службе, чтобы они привыкли к людям и чтобы исчезла их прежняя отчужденность. По этому образцу можно будет образовать, в случае надобности, отряд в 5000 или 10 000 человек, дав им снаряжение гулямов, чтобы они имели выгоду от этой державы: и царь будет прославлен, и они будут довольны³⁷. Не говоря уже о том, что этой мерой могли бы воспользоваться только очень немногие, причисление к «гулямам дворца», т. е. к гвардии султана, состоявшей большею частью из купленных рабов, едва ли удовлетворило бы туркмен. По-видимому, султан нашел более действительное средство избавить земледельческое и городское население Персии от той «тягости», которой было для него соседство кочевников, направив туркмен в пограничные области сельджукской империи, где велась священная война с византийцами и грузинами. Только этим можно объяснить постепенное отуречение Малой Азии и Азербайджана.

Туркмены приняли участие во всех завоеваниях сельджукской династии и образовавшихся после ее распада династий атабеков (так назывались опекуны малолетних сельджукских царевичей, потом сделавшиеся самостоятельными владетелями). Когда сирийский атабек Нур

³⁴ Там же, 39.

³⁵ Равенди, турецк. пер., стр. 72.

³⁶ Текст сочинения Равенди о султани Санджаре был издан еще в 1886 г. Шефером («Nouveaux mélanges orientaux», pp. 31—47). Ср. в издании Икбала, 167—174.

³⁷ Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 94.

ад-дин Махмуд отправил в 1164 г. войско в Египет, то в этом войске были и туркмены; когда один из предводителей этого войска, курд Салах ад-дин Юсуф (Саладин), овладел Египтом, Сирией и Триполи и положил начало династии Эйюбидов, в его африканских походах принимали участие и «гузы»; некоторые из них поступили на службу к эмиру Абу Юсуфу Я'кубу (1184—1199) из династии Алмохадов, владевшей Северной Африкой и Южной Испанией. Одному из гузских эмиров, Ша'бану, было пожаловано в Испании большое имение, приносящее в год 7000 динаров дохода (до 35 000 руб.); вообще гузы занимали в государстве Алмохадов очень высокое положение³⁸. Туркмены были в государстве мамлюков, образовавшемся после падения династии Эйюбидов в Египте и Сирии. Египетский автор XV в. Захири³⁹ перечисляет туркменские племена, жившие на пространстве от Газы до Диярбекра, причем не говорится, где жило каждое племя в отдельности; среди названий этих племен встречаются слова уч-охлу и буз-охлу (с принятой в некоторых южнотурецких наречиях заменой звука к звуком х). Из племен, перечисленных у Захири, политическое значение имело только одно — ибн-дулгадир (турецкое произношение арабского Зу-л-Кадр). Захват османцами находившегося в вассальной зависимости от мамлюков владения Дулгадир в восточной части Малой Азии, с городами Мар'ашем и Альбистаном, был одной из причин войны между мамлюками и османскими султанами, кончившейся падением государства мамлюков⁴⁰. В династической истории мусульманского мира мы встречаем слово «туркмены» только один раз в течение ста лет с небольшим, со второй половины XIV до начала XVI в., в эпоху господства династий туркмен «Черного барана» и «Белого барана»⁴¹. Первая происходила из племени бахарлу⁴², вторая — из старого, упоминаемого уже у Махмуда Кашгарского племени баюндур. Возможно, что в эпоху туркмен Белого барана возник цикл рассказов, связанный с именем певца и патриарха, выразителя и хранителя народной мудрости, Коркута; главою всех огузов в этих рассказах является Баюндур-хан. Известно, что предания о Коркуте сохранились и в самой Туркмении, но об этом в научной литературе встречаются только намеки⁴³; попыток собрать эти предания сделано не было⁴⁴.

³⁸ Абд ал-Вахид Марракоши, изд. Дози, 210.

³⁹ Халиль аз-Захири, 105.

⁴⁰ Бартольд, *Халиф и султан*, стр. 373. Ср. Mordtmann, *Dhu'l-Qadr* (EI, i).

⁴¹ Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 214 и сл., 302.

⁴² Browne, *A Literary History*, vol. III, p. 399.

⁴³ Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»*, стр. 272 (ссылка на рассказ эрсаринского муллы). Проф. Самойлович издал (*Один из списков*, стр. 41 и сл.) пропущенное в переводе Туманского стихотворение в честь Салор-Казана, приписанное Коркуту; <см. также Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, текст. 66—67>.

⁴⁴ <В 1942—1943 гг. туркменский филолог Ата Рахманов собрал предания о Коркуте у племени чоудор в Северной Туркмении (им было записано 8 песен);

В истории мусульманских стран упоминается много отдельных государей туркменского происхождения, до Надир-шаха (1736—1747), происходившего из упоминаемого уже у Махмуда Кашгарского племени афшар; но возвышение вышедших из среды туркмен государей мало касалось жизни туркменского народа в целом. Одной из династий атабеков была династия Салгуридов⁴⁵ в Фарсе (1148—1287), но из исторических известий не видно, имела ли эта династия какое-нибудь отношение к племени салгур (ныне салоры, или салыры). По словам некоторых историков, слово Салгур в данном случае надо понимать как личное имя предка династии, а не как название племени; но из слов историка XIV в. Хамдаллаха Казвини⁴⁶ видно, что уже в его время точных сведений о происхождении династии Салгуридов не было.

Гузы как народ выступают в последние годы царствования султана Санджара (1118—1157), причем восстают против султана, захватывают его в плен (1153 г.) и держат его у себя три года, до 1156 г., когда ему удается бежать в Термез и оттуда вернуться в Мерв, где он в следующем году умер⁴⁷. Одержав победу над султаном, гузы разграбили Мерв, Нишапур и некоторые другие города Хорасана; только перед стенами Герата они были вынуждены отступить⁴⁸.

Эти гузы разделялись на племена бузук и учук, из чего можно было бы заключить, что речь идет обо всем туркменском народе, но в действительности имеется в виду только небольшая группа в северной части Афганистана, в Балхском округе, причем говорится, что эти гузы не пришли в Иран вместе с потомками Сельджука, а оставались в Мавераннахре, откуда незадолго перед тем были вытеснены другим турецким народом, карлуками⁴⁹. «Эмирами» гузов называются Коркут ибн Абд ал-Хамид, глава группы бузук, и Дуду ибн Дадик (по официальному документу — Дуду ибн Исхак ибн Хизр: возможно, что отец Дуду рядом с турецким именем носил мусульманское), глава группы учук. В документе, написанном в 1156 г., хорезмшах Атсыз напоминает Дудубеку, что он, хорезмшах, часто оказывал гузам гостеприимство в Хорезме⁵⁰; очевидно, они приходили гуда на зимовку, как в XI в. при Алтунташе.

О судьбе двух главных гузских предводителей мы ничего не знаем;

однако записи Ата Рахманова не были опубликованы. Две песни записал в Мары у текинцев Нурмурад Эсенмуратов; они также не опубликованы. (Этими сведениями мы обязаны проф. Б. А. Кармыеву.) — Ю. Б. >

⁴⁵ Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 145.

⁴⁶ Хамдаллах Казвини, *Та'рих-и гузйде*, изд. Броуна, текст, 503.

⁴⁷ О подробностях см. статьи К. А. Иностранцева и мюю в ЗВОРАО, т. XX (Иностранцев, *Коркуд*; Бартольд, *Султан Синджар*); Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 352 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 393 и сл.>

⁴⁸ Равенди, изд. Икбаля, 183.

⁴⁹ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 116 и сл.

⁵⁰ Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 28.

гузы и после смерти султана Санджара сохраняли господство в некоторых хорасанских городах, в том числе в Мерве, где в пятничной молитве произносилось имя умершего Санджара⁵¹, т. е. не признавался никакой живой владетель. Как и другие боровшиеся между собой за власть элементы в Туркестане и Персии, гузы в том же XII в. уступили место династии хорезмшахов, на короткое время захватившей первенство в восточно-мусульманском мире и в свою очередь сокрушенной в XII в. монгольским нашествием, с которого начинается новый период в истории Средней и Передней Азии.

---

⁵¹ Там же, ч. II, стр. 359; <наст. изд., т. I, стр. 399>.

IV

ХІІІ—ХVІ ВЕКА

Рассказы историков о монгольских завоеваниях, как всякие подробные рассказы о военных событиях, заключают в себе ценный топографический, географический и историко-этнографический материал. Говорится, через какие местности и города проходили монголы (причем в рассказах об осаде городов сообщаются топографические подробности) и в каком порядке, с какими народами и племенами у них были столкновения и где именно. Эти сведения тем более ценны, что после X в., золотого века мусульманской географической литературы, мы в домонгольский период не имеем подробных описаний мусульманских областей и городов.

Эпоха монгольского владычества, Тимура и Тимуридов была эпохой расцвета исторической, отчасти и географической литературы, но только в Иране. Ни в Золотой Орде, ни в Средней Азии не было в эту эпоху историков, сочинения которых дошли бы до следующих поколений; значительную местную историческую литературу мы видим в Средней Азии впервые при узбеках. Туркменам и в этом случае посчастливилось больше, чем другим; как для домонгольской эпохи мы знаем названия туркменских родов и не имеем таких сведений ни об одном из других турецких народов, так в эпоху узбекских ханств хорезмийский хан Абулгази (жил в 1603—1663 гг.) написал в 1660 г.¹ специальное историческое сочинение о туркменах², какого ни об одном из других турецких народов нет. Правда, этим трудом приходится пользоваться с большой осторожностью, потому что Абулгази, если не считать сведений, заимствованных у Рашид ад-дина, писал исключительно на основании устных рассказов.

¹ Год мыши (Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 19); как год хиджры указывается там же 1071 (1660-61), в конце (стр. 74) — 1070 (1669—60). <В переводе Туманского во втором случае ошибка: в тексте оба раза стоит 1071 г. См. Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, 78. — Ю. Б.>

² Это сочинение до сих пор в подлиннике не издано; издан русский перевод А. Туманского (Асхабад, 1897). <Издание критического текста и нового русского перевода: Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова>. Те же сведения отчасти вошли в написанный несколько позже большой труд Абулгази о турках вообще (*Родословная тюрк*, изд. Демезона).

Туркмены помнили при Абулгази, как помнят, по-видимому, и теперь, что пришли с берегов Сыр-Дарьи; у Абулгази встречается выражение «тыльная сторона» (*арка тараф*), по словам русского переводчика³, «употребляемое в Средней Азии у тюркских народов для обозначения той страны, из которой тот или другой народ полагает себя вышедшим. Туркмены этой страной считают берега Сыр-Дарьи». Ко времени Чингиз-хана еще не все туркмены покинули берега этой реки. Когда Чингиз-хан в начале 1220 г. взял город Зернук по левой стороне Сыр-Дарьи, ниже Сюткенда, то «проводник из туркмен тех мест», хорошо знавший дорогу, указал монголам новую дорогу оттуда в Бухарскую область, в город Нур, по которой до тех пор не ходили⁴. Другой характер носили отношения между монголами и туркменами на нижнем течении реки. Действовавшее здесь монгольское войско, под начальством старшего сына Чингиз-хана, Джучи, взяло Дженд; посланный оттуда небольшой отряд взял Янгикент, оттуда образованный из «кочевых туркмен» отряд в 10 000 человек был направлен на Хорезм. Во главе этого отряда находился монгольский полководец Тайнал, который пошел вперед, вероятно с монгольскими силами, оставив над туркменами своего заместителя. Туркмены произвели восстание и убили своих монгольских начальников; узнав об этом, Тайнал вернулся назад и истребил большую часть туркмен; те, кто спасся бегством, ушли в Мерв и Амуе (Чарджуй)⁵.

В пределах нынешней Туркмении особенное значение имел род язгыр (у Махмуда Кашгарского, как мы видели, язгыр; по-видимому, в живом языке звука *г* уже в то время не было), единственный из туркменских родов, приурочивающийся уже в XII и XIII вв. к определенной местности. Язгыры были настолько многочисленны, что на них смотрели как на особый народ. Ибн ал-Асир⁶ говорит об «языровских турках».

В 1160 г. часть войска хорезмшаха Иль-Арслана напала на «языровских турок», во главе которых находился Ягмур-хан, и нанесла им поражение; многие из них были перебиты. Ягмур обратился с просьбой о помощи к «хорасанским гузам» и вместе с ними пошел на дихистанского князя Айтাকা, которого считал виновником нападения хорезмийцев; Айтак прибег к помощи мазандеранского шаха, который двинулся

³ Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 19. <В средние века, как и в настоящее время, слово *арка* в большинстве тюркских языков Средней Азии означало 'север', сторону, противоположную кибле. Источник, на который опирается Туманский в своем переводе, приводимом Бартольд, неизвестен. См. Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова, 88. — Ю. Б.>

⁴ Джувейни, изд. Казвини, I, 77 и сл.; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 439; <наст. изд., т. I, стр. 475>. О местоположении Зернука см. еще: Бартольд, *Орошение*, стр. 146.

⁵ Джувейни, изд. Казвини, I, 69 и сл.

⁶ Изд. Торнберга, XI, 171 и сл. Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 359; <наст. изд., т. I, стр. 398>.

с многочисленным войском из «курдов, дейлемцев, турок и туркмен», живших в окрестностях Абескуна (при устье Гюргена). Столкновение произошло недалеко от Дихистана; мазандеранское войско уже пять раз кряду обратило в бегство «турок гузских и языровских». На правом крыле находился Айтак; отчаявшись в победе над центром мазандеранского войска, «гузские турки» произвели нападение на Айтака, который обратился в бегство и увлек за собой мазандеранское войско. Мазандеранский шах вернулся в свою столицу Сари с большими потерями; находившиеся около места битвы купцы похоронили убитых и насчитали их до 7000. Айтак бежал в Хорезм и там остался. Тотчас после битвы гузы (об «языровцах» больше не говорится) взяли приступом и разграбили в январе 1161 г. Дихистан, после того как они «опустошили Джурджан (область по Гюргену) и рассеяли его жителей по разным областям»; после этого они вернулись в Хорасан.

По словам писавшего в начале XIII в. Мухаммеда Бекрана (автора географического сочинения⁷ *Джахън-наме*), «языры — племя из турок; они попали к пределам Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, другое — из Хорасана; потом число их увеличилось и они усилились, выселились оттуда и пришли к пределам Шахристана⁸ и Феравы⁹, и потом поселились в крепости Так; теперь они состоят из групп: чистые языры, мангышлакские и персидские (*пърси*)»¹⁰.

Языр составлял особое владение, где в XIII в. 11 лет правил Хинду-хан, устранивший своего брата Омар-хана и хотевший его ослепить; приказание не было исполнено, но Омар-хан во все время царствования брата притворялся слепым. После смерти Хинду-хана мать хорезмшаха Мухаммеда, Туркан¹¹-хатун, присоединила Языр к Хорезму, ввиду брачного родства между последним владельцем и тем племенем, к которому принадлежала сама царица. Омар-хан предъявил свои притязания, но безуспешно. За свое долготерпение он получил прозвище Сабур-хан. В 1220 г. он сопровождал Туркан-хатун во время ее бегства из Хорезма и по приказанию царицы был убит на границе области Языр¹².

⁷ О нем см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 81 и сл.; ч. II, стр. 37; <наст. изд., т. I, стр. 83. Более подробные сведения об этом сочинении — во введении к факсимильному изданию текста: Бекран, *Джахън-наме*, изд. Борщевского. — Ю. Б.>

⁸ О нем Бартольд, *Орошение*, стр. 40 (1 фарсах, т. е. 6—8 км, к северу от Неса, недалеко от Ашхабада).

⁹ Ныне Кызыл-Арват (см. там же). <Как установлено археологическими исследованиями, средневековая Феравя соответствует городищу Параву в 20 км к северо-западу от современного Кызыл-Арвата; см. Литвинский, *Отчет о работе V отряда ЮТАКЭ в 1947 г.* — Ю. Б.>

¹⁰ Текст и перевод даны Туманским, ЗВОРАО, т. IX, стр. 303. <См. также МИТТ, I, 349.>

¹¹ <Правильное чтение — Теркен; ср. наст. изд., т. I, стр. 400, прим. 4. — Ю. Б.>

¹² Несеве, *Сйрат Джеддаль ад-дйн*, I, 39.

Местность, где поселились языры, указывается и у Абулгази; по его словам, языры пришли в Хорасан и много лет жили около Дуруна; по этой причине Дурун называют языровым юртом. Некоторые языры поселились в горах близ Дуруна и занялись земледелием; в настоящее время их называют караташлы¹³. По новейшим сведениям, карадашлы (обычное южно-турецкое произношение *д* вместо *т*) — «значительное туркменское племя, живущее в Ильялинском районе»¹⁴; кроме того, упоминаются карадашлы на Аму-Дарье ниже Чарджуя, в районе Денау¹⁵. Карадашлы были вытеснены из Ахала текинцами в конце XVIII и в начале XIX в.¹⁶

К словам Абулгази надо внести ту поправку, что название «Дурун» в географии этой местности (ныне развалины недалеко от железнодорожной станции Бахарден) появляется позже, чем название Языр: о Дуруне, по-видимому, впервые говорится в рассказе о походе Тимура в 1384 г.¹⁷ Языры нашли в занятой ими местности только крепость Так. Историк Джувейни называет в одном месте эту крепость «Таким язырским»¹⁸; впоследствии название «Так» исчезает, и остается только название Языр. Автор XIV в. Хамдаллах Казвини называет Языр городом средней величины, округ которого был богат хлебом¹⁹.

В связи с рассказами о передвижениях языров приходится жалеть о скудости известий о жизни полуострова Мангышлак. Выше были приведены слова Истахри о захвате Мангышлака турками и о захвате ими груза судов, терпевших крушение у берегов полуострова. В XII в. здесь была другая жизнь; возникло особое мусульманское владение, считавшееся, вместе с Джендом на Сыр-Дарье, одной из пограничных обла-

¹³ Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 58; Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 302; ср. об язырах еще Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 38: «Из языров также был царь и около языров сгруппировались мелкие племена». По-видимому, это известие было у Рашид ад-дина, но слово «языр» пропущено в рукописях (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 39). <См. также Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 1, 90.>

¹⁴ «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 2, стр. 104.

¹⁵ Там же, стр. 237.

¹⁶ Абд ас-Саттар-кази, 091. <О переселении карадашлы в Хорезм и районе их расселения там см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 31. — Ю. Б.>

¹⁷ Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 382; Бартольд, *Орошение*, стр. 41. <Судя по археологическим материалам, поселение на месте Дуруна существовало по крайней мере с IX в.; см. Литвинский — Мошкова, *Изучение Така-Языра*, стр. 296. — Ю. Б.>

¹⁸ Джувейни, изд. Казвини, I, 120 и 122; издателем принято неверное чтение.

¹⁹ Хамдаллах Казвини, *Та'рих-и гузйде*, изд. Броуна, текст, 159; пер., 155 (также неверное чтение). <Языр упоминается еще в начале XVI в. у Хондемира (см. МИИТ, II, 47). Как установлено археологическими исследованиями, город Так-Языр находился на месте современного городища Шехр-Ислам в 20 км к северо-западу от Бахардена. Об истории городов Языр и Дурун и об их археологическом изучении см. Литвинский — Мошкова, *Изучение Така-Языра*. — Ю. Б.>

стей мусульманского мира и одним из опорных пунктов в войне с кафирами. Недалеко от моря, вероятно на берегу его, была сильная крепость «между Хорезмом, Саксином и областями русских». Из этих слов Якута²⁰ видно, что тогда уже существовал не упоминаемый в X в. торговый путь из России через устье Волги и полуостров Мангышлак в Хорезм, путь, в XVII в. и после использованный Московским царством. Вопрос о местоположении Саксина остается спорным; но слова²¹ единственного бывшего в Саксине мусульманского автора, Гарнати (XII в.), заставляют полагать, что этот город находился близ устья Волги и имел для торговли такое же значение, как в X в. Итиль и с XIV в. Астрахань. В XII в. единственным государством, которое могло думать о захвате главных пунктов этого торгового пути, был Хорезм; хорезмшаху Атсызу удалось завоевать Мангышлак, где он, по-видимому, встретил упорное сопротивление; живший в Хорезме арабский поэт говорит, обращаясь к Атсызу: «Ты послал с небес для испытания Мангышлака молнию, от которой погибли его жители»²². В 1138 г. султану Санджару удалось временно победить Атсыза и завоевать Хорезм; в документе, написанном по случаю этой победы²³, говорится, что султан упрекал хорезмшаха за пролитие в Мангышлаке и Дженде, без разрешения султана, крови мусульман и газиев; на эти упреки хорезмшах ответил открытым восстанием. Однако в письме, написанном в 1133 г., тоже от имени султана Санджара, багдадскому везиру, с полным одобрением говорится о походе хорезмшаха из Дженда (очевидно, уже находившегося в его власти) в глубь Туркестана²⁴. После своего поражения Атсыз на время лишился Дженда и впоследствии (в 1152 г.) должен был завоевывать его вновь²⁵; была ли его власть поколеблена на Мангышлаке, об этом известий нет. В документах хорезмшахов Мангышлак потом несколько раз упоминается как принадлежавшая им область²⁶. Когда хорезмшах Мухаммед, бежавший от монголов, в конце 1220 г. умер на острове близ Абескуна, сыновья его прибыли оттуда на Мангышлак, где местные жители доставили им лошадей²⁷; о том, была ли тогда на полуострове крепость, не говорится.

По словам Гарнати²⁸, хорезмшах Ала ад-дауля (вероятно, имеется

²⁰ Якут, *Му'джам*, IV, 670, 11.

²¹ Текст: Гарнати, изд. Феррана, в особенности стр. 115. Ср. также мнения Вестберга (*Beiträge*, S. 291) и Маркварта (*Komanen*, S. 56). <Возможно, что Саксин — это только сокращение названия Сяйг-тин, в устье Волги, которое упоминает Ибн Хордадбех. — В. М.> <См. также ниже, стр. 706, прим. 11.>

²² Якут, *Му'джам*, IV, 670.

²³ Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 44.

²⁴ Там же, стр. 37.

²⁵ Там же, стр. 41 и сл.; ч. II, стр. 351 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 392>.

²⁶ Там же, ч. I, стр. 34 и 79.

²⁷ Там же, ч. II, стр. 466; <наст. изд., т. I, стр. 499>.

²⁸ Изд. Феррана, 88.

в виду Атсыз) в течение 40 лет (столько лет не правил ни один из хорезмшахов) старался завоевать Саксин — очевидно, безуспешно; Саксин был завоеван только монголами, в 1229 г.; так можно заключить из слов русской летописи²⁹, где говорится о бегстве уцелевших «саксинов и половцев» к болгарам. Саксины здесь, следовательно, названы особым народом; Вестберг³⁰ полагает, что это те же хазары под другим названием; Маркварт³¹ ссылается на слова Гарнати, приведенные у Закарии Казвини³², что город Саксин находился во власти 40 племен гузов; но в изданном теперь тексте Гарнати этих слов нет. Вопрос об этнографическом происхождении населения города Саксина остается поэтому неразрешенным.

Туркмены упоминаются и в рассказах о действиях монголов около Мерва в 1220 г.³³ Назначенный незадолго перед тем везиром города Мерва Беха ал-мульк при приближении монголов ушел в Языр, в крепость Так, откуда отправился в Мазандеран, там подчинился монголам и получил от них помощь для овладения Мервом. В его отсутствие Мервом овладел сначала туркмен Бука, бывший раньше проводником султана и опиравшийся как на «туркмен тех пределов», так и на других бежавших от монголов воинов, потом, уже в 1221 г., — бывший мервский везир Муджир ал-мульк; Бука был вынужден ему подчиниться, хотя «туркмен и воинов города» было больше 70 000. Когда Муджир ал-мульк ждал нападения монголов, в Мерв прибыл из Амуе (Чарджуя) прежний владетель этого города, в то время взятого монголами, Ихтияр ад-дин; в Мерве он присоединился к «другим туркменам», и они избрали его своим начальником. Кроме того, из Хорасана прибыл отряд в 2000 человек, за которыми следовали «туркмены и султанские турки». Между Муджир ал-мульком и Ихтияр ад-дином произошёл разрыв; туркмены хотели овладеть городом, но благодаря мермам, принятым Муджир ал-мульком, это им не удалось. Туркмены ушли к берегу реки (вероятно, Аму-Дарьи) и оттуда совершали набеги на окрестности Мерва. Во время одного из таких набегов двенадцатитысячный туркменский отряд встретили и устроили ему засаду монголы; та же участь постигла потом главные силы туркмен, которых было больше 70 000³⁴. Во время смут, происходивших в Мерве и его окрестностях в 1222 г.³⁵, в Мерве на короткое время

²⁹ Лаврентьевская летопись, 430.

³⁰ Westberg, *Beiträge*, S. 291.

³¹ Marquart, *Komanen*, S. 56, 102, 111 (Апп. 3).

³² Закария Казвини, II, 402, внизу.

³³ Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 48 и сл. Главный источник — Джувейни (изд. Казвини, I, 119 и сл.).

³⁴ Джувейни, изд. Казвини, I, 125.

³⁵ Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 485; <наст. изд., т. I, стр. 516>; Джувейни, изд. Казвини, I, 131 и сл.

захватил власть некий Арслан. Когда слух о происходивших в Мерве событиях дошел до Неса, оттуда выступил туркмен Тадж ад-дин Омар ибн Мас'уд, собрал толпу своих соплеменников и пришел в Мерв, где жители добровольно подчинились ему; он собрал 10 000 человек войска и правил 6 месяцев, владея, кроме Мерва, Абивердом и Хараканом³⁶, и посылал отряды к верхнему Мургабу для нападения на стоявший там монгольский обоз. Тадж ад-дин решил захватить также Неса, где правил один из потомков местной династии, Нусрет ад-дин Хамза ибн Мухаммед. Во время осады на помощь к осажденным прибыл из Языра Пехлеван (может быть, имеется в виду Куш-тегин Пехлеван, владевший некоторое время Мервом и потом бежавший на Гюрген); в то же время осажденные сделали вылазку, и в сражении Тадж ад-дин был убит. После этого область по Мургабу окончательно перешла во власть монголов, которыми и было довершено дело разрушения Мерва.

О Языре и языровских туркменах говорится также и в рассказах о событиях царствования хорезмшаха Мухаммеда³⁷. Когда участники восстания нишапурского наместника Кезли в 1208 г. убедились в безнадежности своего дела, среди них происходили совещания, как им выйти из такого положения; среди них был «туркмен из Языра», предложивший им идти в сторону Языра, овладеть крепостями этой местности и там защищаться; он вызвался отправиться туда раньше других и хитростью захватить одну из крепостей. Хитрость не удалась; жители Языра поняли его намерение, задержали его и в оковах отправили к султану. Из этого рассказа видно, что в районе Языра было несколько крепостей; тем не менее при описании походов и передвижений Языр обыкновенно упоминается как местность, через которую проходили, не останавливаясь, на пути в другую область. Когда мать хорезмшаха Мухаммеда, Туркан-хатун, покинула Хорезм во время монгольского нашествия, она отправилась через Языр и Дихистан³⁸ в Мазандеран. Когда младшему сыну Чингиз-хана, Тулую, было поручено завоевать Хорасан, он во главе своего войска взял Мерв, Нишапур и Герат; взятие остальных хорасанских городов, в том числе Языра³⁹, было поручено отдельным монгольским отрядам. Когда монголы, временно вытесненные из Персии успехами хорезмшаха Джелаль ад-дина, около 1230 г. снова вернулись в Хорасан, то среди городов, сдавшихся им частью добровольно, частью вынужденно, упоминается и Языр⁴⁰.

³⁶ Недалеко от Мерва; ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 60 и сл.

³⁷ Джувеини, изд. Казвини, II, стр. 71 и сл.; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 388; <наст. изд., т. I, стр. 425>.

³⁸ У Джувеини (изд. Казвини, II, 199) назван только Дихистан; Языр у Несеви, *Сйрат Джелаль ад-дин*, I, 39. Ср. выше, стр. 586.

³⁹ Джувеини, изд. Казвини, I, 118.

⁴⁰ Там же, II, 219.

В эпоху монгольского владычества отдельные части туркменского народа, помимо ушедших на запад, в Переднюю Азию, были распределены между всеми тремя главными государствами, которые были образованы монголами в мусульманских странах: Золотой Ордой, или государством потомков старшего сына Чингиз-хана, Джучи, Персией, или государством потомков Хулагу (сына Тулуя), и Средней Азией, где в XIV в. верховная власть перешла к потомкам второго сына Чингиз-хана, Чагатая. Единственным источником, где, по-видимому, довольно точно отмечены границы между этими государствами, является китайская карта 1331 г.⁴¹ По этой карте Дихистан и Мерв принадлежали Персии, северная часть Хорезма с Ургенчем (ныне Куня-Ургенч) и берег Сыр-Дарьи от устья до Саурана — Золотой Орде, южная часть Хорезма — чагатайскому государству. О Персии монгольской эпохи мы знаем сравнительно много; есть даже подробное географическое описание Персии, относящееся к 1339 г. — сочинение Хамдаллаха Казвини⁴²; но и в этом сочинении ничего не говорится о туркменах, и самое слово «туркмен» встречается только в одном месте⁴³, где говорится о «туркменской деревне» (Дих-и Туркмен, или Туркмен-кенди, ныне Туркманчай) в Азербайджане, на пути из Султании в Тебриз. Вообще о туркменах, живших тогда западнее нынешней Туркмении, в источниках говорится чаще; из этих известий значение для истории туркменского народа в целом имеют слова арабского географа XIII в. Ибн Са'ида⁴⁴ о малоазиатских туркменах, что «у них выделяются туркменские ковры, вывозимые в [различные] страны». По-видимому, это первое по времени упоминание восточного автора о туркменских коврах⁴⁵; надо думать, что малоазиатские туркмены принесли это искусство с собой из Средней Азии.

Из слов среднеазиатского автора Джемаля Карши, бывшего в Барчкенде (или Барчынлыгкенде) на Сыр-Дарье в 672/1273-74 г., мы знаем, что там в то время еще были туркмены⁴⁶, если только это слово в арабском множественном числе (*таркима*) тогда еще не имело, как теперь на Кавказе, значения не столько этнографического, сколько бытового; так называют беднейшие и наименее культурные элементы кочевого населения⁴⁷.

Во время распада монгольской державы в Персии в пределах нынешнего Туркестана образовалось владение племени (вероятно,

⁴¹ См. Чан-чунь, пер. Кафарова; Bretschneider, *Researches*, vol. II.

⁴² *Нузхат ал-кулуб*, изд. Ле Стрэнджа, I.

⁴³ Там же, 183.

⁴⁴ Приведены у Абу-л-Фида (*Тахвйм*, Изд. Рейно — де Слена, 379).

⁴⁵ Приблизительно к тому же времени относится известие Марко Поло (пер. Мишаева, 27).

⁴⁶ Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 151.

⁴⁷ <О судьбе сырдарьинских туркмен см. Мошкова, *Общие элементы*, стр. 142 и сл. — Ю. Б.>

туркменского) ⁴⁸ чунгурбани, во главе которого находился Аргун-шах, известный своей строительной деятельностью в крепости Келат ⁴⁹; кроме Келата, ему принадлежали города Тус, Кучан, Абиверд, Неса и Мервский оазис ⁵⁰, где, после разрушения Мерва, главным селением был Махан, на месте современного Мерва ⁵¹. После него его владения были разделены между двумя его сыновьями, Мухаммед-беком и Али-беком; первый был старше, но Али-бек получил большую известность своей борьбой с Тимуром. Около 1362 г. Тимур был взят в плен туркменами на Мургабе и 62 дня провел в заключении в Махане, у Али-бека; потом он был отпущен, но не получил никакого продовольствия; его вывел из затруднения Мубарек-шах, один из «богатых туркмен Махана», стоявший во главе племени санджари; за это Мубарек-шах и его потомки пользовались исключительным уважением в государстве Тимура ⁵². О представителях племени санджари говорится и потом как о друзьях Тимура ⁵³. Али-бек в 1382 г. был побежден Тимуром и отправлен в Фергану, где в следующем году был убит. Его войны с Тимуром оставили по себе такую память, что еще в начале XV в. северные округа Хорасана назывались «Хорасаном Али-бека» ⁵⁴. Но в туркменских исторических преданиях нет ни слова ни об Али-беке, ни о племени чунгурбани, ни о племени санджари, ни о жившем в окрестностях Бухары племени аргун, которое тоже причислялось к «туркестанским туркменам» ⁵⁵.

⁴⁸ <Это сомнительно. Имя *дж.вн-г.рб̄ан* является, по-видимому, монгольским: *джаун гурбан* 'три [подразделения] левого [крыла]'. Семья этих правителей, очевидно, находилась в родстве с ойратским правителем Хорасана Аргун-ага. См. мою статью *Tüs* в *ЕИ. — В. М.*>

⁴⁹ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 63.

⁵⁰ Там же, стр. 70.

⁵¹ Бартольд, *Орошение*, стр. 61.

⁵² Бартольд, *Улугбек*, стр. 15 и сл.

⁵³ Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 126. <В. В. Бартольд здесь (и в своей работе *Улугбек*, на которую он здесь ссылается) не вполне точно излагает этот эпизод. Столкновение с туркменами у Тимура и эмира Хусейна произошло не на Мургабе, а где-то на среднем течении Аму-Дарьи в Бухарской области, после чего Тимур и Хусейн отправились в Махан, где их схватил Хаджи-бек, хаким улуса джауни-курбани (чунгурбани) (см.: Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 65—66; 68—70; Му'ин ад-дин Натанзи, изд. Обена, 120—121; ср. МИТТ, I, 512—513). Нигде не говорится, что Мубарек-шах стоял во главе «племени санджари»; только в одном месте у Му'ин ад-дина Натанзи (изд. Обена, 121) он назван «одним из богатых туркмен Махана», в другом (там же, 213) он назван «одним из *кедхуда* Махана». Нигде не говорится также, что «санджари» было названием туркменского племени; лишь в одном месте у Шереф ад-дина Йезди (калькут. изд., I, 126) употреблено слово *санджарий-ин*. — Ю. Б.>

⁵⁴ Бартольд, *Улугбек*, стр. 58 и сл.

⁵⁵ Там же, стр. 129; Даулетшах, изд. Броуна, 364. <Племя аргун было монгольского происхождения и в состав собственно туркменских племен не входило. По-видимому, в источниках того времени термин *туркмен* мог иногда употребляться несколько расширительно. — Ю. Б.>

У Абулгази приводится несколько преданий, хотя и явно легендарного характера, о происхождении туркменских племен. Как во всех легендах, в этих рассказах есть много хронологических противоречий; на хронологическую неточность своих источников обращает внимание и сам Абулгази⁵⁶. Значительное место отводится племени салоров (или салыров), от которого производится ряд других племен. По этим легендам⁵⁷, туркменская страна, простирающаяся от Сыра до Аму и оттуда до Мургаба, некогда находилась под властью Али-хана; сам он жил в Янгикенте. Дурной нрав его сына Шах-Мелика вызвал восстание, во главе которого находился Тогрул; Шах-Мелик был убит; Алихан скоро после этого умер; среди туркменских племен начались раздоры, и большая часть их рассеялась по разным странам. Оставшиеся «при устье Сыра и на Аму-Дарье» провозгласили ханом Тогрула, после которого до выступления Сельджука было еще несколько ханов. Много туркменских племен ушло в Мангышлак; среди них названы и салоры. Часть салоров, в числе десяти тысяч кибиток, ушла в Хорасан и оттуда в Ирак и Фарс; когда эти области подчинились султану Меликшаху, люди из рода Дингли-бека пришли к султану, сказали, что их предки переселились из Туркмении, и установили родство с султаном. Часть салоров потом перешла на Мангышлак; во главе этих салоров находился Огурджик; он в Ираке имел столкновение с племенем баюндур, ушел с 1000 кибиток через Шемаху в Крым, оттуда через Волгу на Яик, где он поссорился с ханом народа канглы, Гёк-Тонлы; Гёк-Тонлы отнял у Огурджика 700 кибиток; с оставшимися 300 кибитками Огурджик ушел на Мангышлак, пробыл там три года, потом должен был бежать от своего врага еще дальше, к горам Балхан. Из двух братьев, старших сыновей Огурджика (всего сыновей у Огурджика, как и у Огуз-хана, было шесть), один был предком йомутов⁵⁸ и, по-видимому, эрсари (в генеалогии встречается имя Арсари-бей)⁵⁹, другой — предком «внутренних салоров» (ички-салор). Абулгази приводит и другую легенду⁶⁰, по которой предком салоров был Салор-Казан, живший около трехсот лет после пророка⁶¹ и воевавший с печенегами; один из печенегов изнасиловал мать Салор-Казана, и от него родился у нее сын Ирек; сын Ирека Арыклы был предком «внутренних салоров». О существовании на Мангышлаке «внутренних» и «внешних» салоров говорит и в XVI в. Джаны-Махмуд Гидждувани, автор жизнеописания шейха Кемаль ал-дина Хорезми; из его слов видно, что внутренние салоры жили на бере-

⁵⁶ *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 62 и сл.

⁵⁷ Там же, 55 и сл.

⁵⁸ Принятое у русских произношение «иомуд» не встречается нигде в восточных источниках.

⁵⁹ <В тексте — Эрсари-бек. — Ю. Б.>

⁶⁰ Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 65 и сл.

⁶¹ Там же, 63.

гу моря, внешние — к востоку от него, на пути из Хорезма⁶². Деление на «внутренних» и «внешних» было также у салоров, живших в южной части Туркмении, причем и там, судя по словам Абулгази⁶³, внутренними салорами назывались самые западные, «хорасанские»; к внешним салорам причислялись племена теке, сарыки и йомуты. О происхождении теке и сарыков в «Родословной»⁶⁴ сказано, что их предком был некий Той-Тутмаз из салоров.

В «Родословной» перечисляются еще несколько туркменских племен, не как чистые туркмены, а как «присоединившиеся к туркменам». Происхождение этих племен частью связывается с событиями царствования золотоордынского хана Джанибека (1341—1357). Им был послан к туркменам, в качестве наместника, уйгур Санклы-Син; по наущению туркмен, его убил его раб Аяз в последний год жизни Джанибека; Аяз остался среди туркмен, и от него произошел «весь люд Эски»⁶⁵. Гораздо раньше Джанибека, по Абулгази, жил Эрсари-бай, предок племени эрсари, так как эрсарийские старейшины, современники золотоордынских ханов XIV в., называли Эрсари-бая своим прадедом⁶⁶; с другой стороны, современником Эрсари-бая назван шейх Шериф-ходжа, автор книги *Му'ин ал-мурїд*⁶⁷, живший в начале того же XIV в.

Эрсари-бай имел столкновение с «государем Ирана», т. е. с ханом персидских монголов, и был убит им; его красавица-дочь Мама-бике была захвачена посланным из Ирана Кома-беком и сделалась его женой, но потом была отправлена обратно к туркменам, получив от Кома-бека раба. У этого раба были сыновья Хизр, Али, Ик-бек и Кашга; они были отпущены на волю, занялись земледелием на Узбое, где тогда протекала Аму-Дарья, и вокруг них собралось много народу. От Хизра и Али произошли племенные группы хызыр-эли, с отделением кутлар, и али-эли, с отделением могульчик; потомки Ик-бека назывались кул ('раб') и разделялись на две части, куллар и чагатай-куллар; последние происходили от поселившегося среди туркмен в эпоху Тимуридов (XV в.) беглеца из чагатайского племени арлат⁶⁸. Потомки Кашги назывались кара-ёйли ('чернодомные'); они были беднее других, и их земля была неудобна для земледелия.

В той же местности на Узбое образовалась еще племенная группа тиведжи, т. е. 'погонщики верблюдов'. По словам Абулгази⁶⁹, Джани-

⁶² Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 208.

⁶³ *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 209 и сл.; II, 223 и сл.

⁶⁴ Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 67.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, 82.

⁶⁷ Там же, 68. Рукопись этой книги имеется в Анкаре. О ней см. احمد زكى
۲۲۰—۲۱۰ ص. خوارزمده يازيلمش اثرلر، ۷۱۳ هـ. Время составления книги — рамазан 713 г., т. е. декабрь 1313 или январь 1314 г. (там же, стр. 320).

⁶⁸ О нем: Бартольд, *Улугбек*, стр. 9.

⁶⁹ *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 71 и сл.

бек-хан, которому принадлежала вся Туркмения от Ургенча до Астрабада, узнал, что Балхан — «удивительно хорошее место для выкармливания верблюдов», и послал туда для этой цели тридцать семейств. Эти люди и получили название «тиведжи». Когда в Золотой Орде после смерти Бердибека (1359 г.) начались смуты, туркмены завладели ханскими верблюдами и ограбили тиведжи, которые были вынуждены заняться рыбным промыслом и потом соединились с кара-ёйли. Обстоятельства сложились так, что кара-ёйли обеднели, тогда как тиведжи сделались многочисленны. Стоявший во главе кара-ёйли и тиведжи «удалец» Халиль заключил договор с жившими на Балхане эрсарийцами, получил от них землю, с обязательством отдавать половину урожая, и силки для ловли птиц, с обязательством доставлять известное число птиц ежегодно. Абулгази прибавляет к этому, что в его время потомки Халиля носили название таг-сакары.

В своем другом, большом сочинении Абулгази сообщает много сведений о борьбе между туркменами и хорезмийскими узбеками, ханы которых считали туркмен своими подданными. Подробные сведения о географическом распределении племен мы находим только в рассказе о жизни по Узбою в XVI в., когда по этому направлению протекала Аму-Дарья. Абулгази⁷⁰ делит пространство по обоим берегам реки от Пишгаха до моря на три части. От Пишгаха до места Кары-кичит жило племя адаклы-хызыр, от Кары-кичит до западной стороны Балханских гор — племя али-эли, оттуда до устья — племя тиведжи. Все вместе носили название уч-эль (три племени) и платили хорезмийскому хану десятую часть урожая; с тиведжи и али-эли, кроме того, взимался налог со стад; племя адаклы-хызыр давало хану нукеров (слуг или гвардию)⁷¹.

Как было выяснено мною в другом месте⁷², название Пишгах носили колодцы на расстоянии одного большого перехода от Ургенча (т. е. Куны-Ургенча), к югу от речного русла⁷³; к этим колодцам подходили направлявшиеся от колодцев Куртыш к Ургенчу; колодцы Куртыш (в переводе Гердиш)⁷⁴ упоминаются и в «Родословной» как место, где жил Хизр, от которого получило имя племя хызыр-эли. Название Кары-кичит встречается только в этом одном месте⁷⁵; племя адаклы-хызыр, очевидно, составляло часть племени хызыр-эли и жило, вероятно,

⁷⁰ *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 207; II, 221 и сл.

⁷¹ Там же, I, 210 и сл.; II, 225. <В Хивинском ханстве словом *нукер* обозначались вообще воины, в том числе и в феодальном ополчении. — Ю. Б.>

⁷² Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 93 и сл.

⁷³ <В настоящее время — колодец Пишге(или Пишке)-кую, к западу от развалин раннесредневековой крепости Зенги-баба. — Ю. Б.>

⁷⁴ Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского, 69.

⁷⁵ <Переправа Кары-кечит находится на среднем Узбое, между колодцами Яныджа и Давали; см. Кесь, *Русло Узбой*, стр. 60, 63. — Ю. Б.>

сколо крепости Адак, недалеко, по всей вероятности, от места выхода Узбоя из сарыкамышской котловины⁷⁶.

Обо всем этом говорится у Абулгази по случаю столкновения между туркменами и хорезмийским ханом Суфьяном. После Тимура и его потомков господство в Средней Азии перешло к выходцам из Золотой Орды, узбекам; узбецкий хан Шейбани, победитель Тимуридов, образовал обширное государство, в состав которого, вместе с Ташкентом, Ферганой, Бухарой и Самаркандом, входили также Хорезм и Хорасан; но в 1510 г. Шейбани погиб около Мерва в битве с шахом Исма'илом, вышедшим из среды азербайджанских турок⁷⁷ и положившим начало шиитской новоперсидской державе. Все завоевания Шейбани перешли частью к Тимуридам, как вассалам шаха Исма'ила, частью непосредственно к Персии, но только на короткое время; узбеки скоро вернули себе власть, причем на этот раз образовались два независимых друг от друга ханства, одно в Самарканде и Бухаре, другое в Хорезме. Основание хорезмийского ханства относится, по-видимому, к 1511 г.⁷⁸

Хорезм под властью узбецких завоевателей не был сплоченным государством. Власть находилась в руках всего ханского рода, члены которого назывались «султанами»; один из старших представителей рода занимал ханский престол, но его власть над султанами была крайне слабой. Значение отдельного представителя рода среди других определялось больше всего его личными качествами, и часто случалось, что лицо, не занимавшее ханского престола, фактически имело больше власти и влияния, чем современные ему ханы.

Первые подробные сведения Абулгази о распределении областей Хорезма между членами ханского рода относятся ко времени Суфьян-хана. Хронология царствований ханов, как она приводится у Абулгази, включает в себе некоторые пропуски и неясности, но, как было мною установлено в другом месте, кратковременное царствование Суфьян-хана во всяком случае началось и кончилось между 1525 и 1535 гг.⁷⁹

Суфьян-хану непосредственно принадлежал Ургенч; остальная часть Хорезма была разделена между султанами, причем, кроме области, орошенной Аму-Дарьей (Су-бою, т. е. 'сторона реки'), хорезмийским ханам принадлежала также область, тянувшаяся вдоль гор Кюрен-Даг и Копет-Даг (Таг-бою, т. е. 'сторона горы'); их подданными считались также туркмены, жившие на Мангышлаке, вдоль Аму-Дарьи

⁷⁶ Бартольд. *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 186. <С. П. Толстов отождествляет Адак с развалинами Ак-кала, расположенными у возвышенности Бутентау, к востоку от Сарыкамыша, в низовьях ирригационной системы Дарьялька; см. Толстов, *По следам*, стр. 313—314. — Ю. Б.>

⁷⁷ <Шах Исма'ил был потомком ардебильских шейхов, однако его, как и его деда и отца, поддерживали туркменские племена Азербайджана и Армении. — В. М.>

⁷⁸ Barthold, *Kh^w arizm*, S. 976.

⁷⁹ Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 92.

(по-видимому, главным образом вдоль Узбоя), в Балхане и Дихистане⁸⁰ (Мешхед-и Мисриян). У Суфьян-хана произошло столкновение с балханскими туркменами, именно с племенем эрсари; эти туркмены сначала согласились платить хану подать (зекат), но потом убили посланных ханом сборщиков, в числе 40 человек. Суфьян-хан предпринял поход против племени эрсари и союзных с ним хорасанских салоров; туркмены искали убежища в урочище Чутак, в трех днях пути к северу от Балхана. Абулгази был в Чутаке несколько раз и хорошо знал эту местность. Она представляла возвышенность (*кыр*), окруженную горами, причем туда вела только одна узкая тропа, по которой мог пройти только один навьюченный верблюд. Вероятно, осмотр местности позволил бы определить, какому месту на современной карте соответствует Чутак. По словам Абулгази, эта природная крепость страдала только одним недостатком — отсутствием воды; иначе она могла бы считаться надежной защитой против всякого врага. Из-за недостатка воды туркмены уже через несколько дней были вынуждены послать своих аксакалов для переговоров с узбеками, причем прибегли к заступничеству брата Суфьян-хана, Акатая (прадеда Абулгази). Было условлено, что туркмены дадут по 1000 баранов за каждого убитого сборщика податей; из них племя эрсари и хорасанские салоры должны были дать по 16 000, остальные 8000 доставлялись текинцами, сарыками и йомутами, которых всех вместе называли «внешними салорами». На следующий год хан послал своих сборщиков (бератдаров) и получил все условленное число баранов, но потом стал взимать то же самое число каждый год, и так продолжалось, по словам Абулгази, в течение нескольких поколений⁸¹.

По этому поводу Абулгази говорит и о дани, взимавшейся баранами с остальных туркмен. Установился обычай, по которому, сверх условленной подати баранами, взимали еще 10% в пользу ханского котла; поэтому различали баранов берата (так назывался документ о взимании подати) и баранов котла. «Внутренние салоры» давали 16 000 баранов и сверх того 1600 в пользу ханского котла; столько же было наложено на племя хасан-эли (упоминаемое у Абулгази только в этом месте), в состав которого входили роды игдыр и чавулдур⁸²; с них взимались 12 000 и 1200, остальные 4000 и 400 давались мелкими родами. Племя арабачи (также называемое у Абулгази только здесь)⁸³

⁸⁰ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 206; II, 220. Там же о дальнейшем.

⁸¹ Там же, I, 210, наверху; II, 224.

⁸² Теперь племя «чоудур» называется также эссен-эли (т. е., вероятно, хасан-эли); игдыры считаются отделом чоудуров («Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 2, стр. 103. <О племенах чоудур и игдыр и их расселении в Хорезме см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 29—31, 38. — Ю. Б.>

⁸³ О современной группе арабачи см., напр., там же, стр. 105 (на правом берегу Аму-Дарьи, в Турткульском округе). <Об арабачи см. также Г. Марков, *Очерк*, стр. 95—96. — Ю. Б.>

давало 4000 и 400, гёклены — 12 000 и 1200. О подати с туркменских земледельческих племен на Узбое см. выше⁸⁴.

Подати взимались с туркмен не только в пользу ханов, но и в пользу отдельных царевичей; в рассказе Абулгази о событиях следующих лет⁸⁵ упоминается Мухаммед-Гази-султан, владетель Дуруна, посылавший своих бератдаров (сборщиков) к туркменам, жившим на Узбое.

Смугами среди хорезмийских узбеков воспользовался бухарский хан Убейдулла (1533—1540), чтобы в 1538 г. овладеть Хорезмом. Убейдулла после занятия Ургенча увел оттуда узбеков и оставил в покое сартов и туркмен. Те и другие причисляются к райе⁸⁶, т. е. к оседлому земледельческому населению; следовательно, не только на Узбое, но и около Ургенча уже тогда были туркмены, перешедшие к земледелию. В другой местности, на Гюргене, туркмены имели дело в одно и то же время с хорезмийскими узбеками и с персидским правительством; в Персии в то время военную силу составляли другие, азербайджанские туркмены, из среды которых вышла династия Сефевидов.

В персидской истории выделяются в особую группу туркмены, жившие между Гюргеном и Атреком и называвшиеся «племенем саянхановским», т. е. золотоордынским (Саян-хан — прозвище Батыя), или йика⁸⁷-туркмен, т. е., вероятно, береговыми туркменами. По словам персидского историка Искендера Мунши⁸⁸, эти туркмены оказали помощь хорезмийскому царевичу Дин-Мухаммеду в его борьбе против Убейдуллы. По словам Абулгази⁸⁹, Дин-Мухаммед пришел к туркменам на Узбое, к племени адаклы-хызыр, и обещал им в случае победы тарханство, т. е. свободу от податей, и полное равенство с узбеками. С по-

⁸⁴ <Приводим перевод того места в сочинении Абулгази, где он говорит о податях с туркменских племен: «На [племя] хасан-или наложили [подать в] 16 000 овец берата и 1600 овец котла; из них 12 000 доставляли игдыры [и] чавуллуры и 4000 доставляли мелкие племена. На [племя] арабачи наложили [подать в] 4000 овец берата и 400 овец котла. На [племя] гёклен наложили [подать в] 12 000 овец берата и 1200 овец котла. На [племя] адаклы наложили [подать в] 12 000 овец берата и 1200 овец котла. Было [еще] три племени (*урук*) туркмен, которые жили на берегах реки Аму, занимаясь земледелием. Их называли «три племени» (*йич иль*). Адаклы из [племени] хызыр-или (*خضر ایلی نینک ادالسی*), али-или и тивечи — с их посевов брали десятину (*дех-йек*). С тивечи и али-или взимали также [подать] скотом. С племени адак (*адак-или*) брали нукеров» (текст см. Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 210—211). Таким образом, Абулгази различает скотоводческое племя адаклы и скотоводческо-земледельческое — «адаклы из хызыр-или, или «адак». Ср. также Мошкова, ОИТН, стр. 183. — Ю. Б.>

⁸⁵ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 214; II, 230.

⁸⁶ Там же, I, 223. В переводе (II, 239) этого выражения нет.

⁸⁷ <Правильнее: *йика*. — Ю. Б.>

⁸⁸ Искендер Мунши, 80. Автор сам был туркмен.

⁸⁹ *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 225; II, 241.

мощью туркмен Дин-Мухаммеду удалось прогнать бухарцев; неизвестно, было ли исполнено данное им обещание. Во всяком случае, при его брате Али-султани, умершем в 1565 г.⁹⁰, с туркмен снова взимали подать баранами. По словам Абулгази⁹¹, каждый пехотинец в войске Али-султана получал 16 баранов, причем этот расход покрывался частью из туркменской подати, частью из пятой части добычи от набегов на Хорасан.

Искендер Мунши⁹² рассказывает о восстании туркмен против астрабадских властей, происшедшем в 957/1550 г. Туркмены поднесли подарки вновь назначенному наместнику Астрабада, Шах-Верды-султану. Внимание султана обратил на себя красивый молодой туркмен Аба-бек, предводитель племени охлу, у Абулгази оклы или оклы-гёклен (очевидно, имеется в виду отделение племени гёкленов)⁹³; об этом стали говорить в оскорбительном для Аба-бека духе; Аба-бек покинул Астрабад, неожиданно пришел к своему племени и убил начальника (даругу) племени, Шатыр-бека (очевидно, это было лицо, назначенное персидским правительством); при попытке усмирить восстание Шах-Верды-султан был убит. В 962/1555 г. пришло новое шахское войско; Аба бежал в Хорезм и попросил помощи у Али-султана, который исполнил его просьбу, но потом раскаялся в том, что пришел, заключил мир с персами и вернулся в Хорезм. Что этот рассказ не вполне передает действительный ход событий, видно из того, что тут же говорится о смерти главного предводителя шахского войска, Кукче-султана каджарского; кроме того, тут же сказано, что Аба после этого стал еще более непокорным и в 965/1557-58 г. предпринял поход на Астрабад. Этим был вызван приблизительно одинаково описанный у Искендера Мунши и у Абулгази⁹⁴ поход персидского войска (по Абулгази, 12 000 человек), кончившийся большим поражением персов на берегу Гюргена в битве с узбеками и туркменами, во главе которых стояли Али-султан и Аба-бек; у первого было 3000, у второго всего 300 человек. Аба-бек много способствовал исходу битвы, хотя узбеки опасались с его стороны измены. Вскоре после этого Аба-бек был убит персидской пленницей, которую насильно взял себе в жены; его голова была отвезена к шаху Тахмаспу в Казвин⁹⁵.

Туркмены упоминаются у Абулгази еще в рассказах о событиях конца XVI в., когда Хорезм завоевал Абдулла-хан бухарский. В пер-

⁹⁰ Дата: там же, I, 246; II, 264; по циклу год быка; дата по хиджре указана Абулгази неверно (976); надо 973, как у Искендера Мунши, 84, наверху.

⁹¹ *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 243 и сл.; II, 261.

⁹² Искендер Мунши, 82 и сл.

⁹³ <Такое родовое подразделение у гёкленов неизвестно. О племени оклы (охлу) см. Брегель — Наджип, *Новое издание*, стр. 172. Ю. Б.

⁹⁴ *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 244 и сл.; II, 261 и сл.

⁹⁵ Об этом только Искендер Мунши, 83.

зый раз, в 1591 г.⁹⁶ Абдулла-хан заключил мир с султанами хорезмийских узбеков, среди которых упоминается дядя отца Абулгази, Тимур-султан, получивший еще от своего отца Акатай-хана (убитого в 1550-х годах) туркменское племя тиведжи, заключавшее в себе тогда от 5000 до 6000 семейств⁹⁷. Во время второго похода Абдуллы, в 1593 г. Тимур-султана уже не было в живых; говорится только об его сыновьях⁹⁸. Еще в молодости Акатай-хана, когда он с другими узбекскими царевичами прибыл в Ургенч, царевичи оставили в покое тех туркмен, которые согласились платить дань, и грабили тех, которые отказывались платить. Сам Акатай совершил поход против гёкленов и захватил в плен дочь одного начальника (*он-беги*)⁹⁹ из рода чакырлар; сыном Акатая от брака с ней был хан Хаджи-Мухаммед, или Хаджим, родившийся в 930 г. х., в год дракона¹⁰⁰, т. е. в 1520 г. (дата по хиджре, по обыкновению, приведена неверно).

В 1593 г. во власть Абдулла-хана перешли как Хорезм, так и узбекское владение в Хорасане, принадлежавшее Нур-Мухаммеду, или Нурум-хану; этот хан считался внуком Дин-Мухаммеда, но его ханское происхождение было сомнительно¹⁰¹; владетели Хорезма не признавали его своим родственником и часто производили набеги на его область. Нурум-хану принадлежали Мерв, Абиверд, Неса и другие города; его войско состояло частью из узбеков рода найман, частью из «туркмен саинхановских». Еще в 1589 г. он сблизился с сыном Абдуллы, Абд ал-Мумином, действовавшим в Хорасане против персов. Нурум-хан первоначально собрал свои силы (6—7 тыс. человек) для защиты от Абд ал-Мумина, но персидские воинские начальники истолковали его действия в смысле враждебных намерений против шахского правительства, не поверили его оправданиям и вступили с ним в бой, кончившийся их полным поражением; Нурум-хан известил Абд ал-Мумина о своей победе¹⁰². В 1591 г. Хаджим-хан совершил поход на Неса; в то же время в Хорасан было послано персидское войско под начальством Ферхад-хана; Хаджим-хан имел с ним свидание в Бистаме и заключил с персами союз, но был вынужден вернуться в Хорезм из-за похода Абдуллы¹⁰³. В 1592 г. Хаджим-хану удалось захватить Неса и

⁹⁶ Дата у Искендера Мунши, 301, внизу, о возвращении Хаджи-Мухаммеда из Хорасана в Хорезм; о походе Абдуллы здесь говорится только как о слухе, распущенном его сыном Абд ал-Мумином.

⁹⁷ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 253; II, 271.

⁹⁸ Там же, I, 259 и сл.; II, 277 и сл.

⁹⁹ Это слово собственно значит 'десятник' и употреблялось в значении «начальник» только у туркмен. <О значении звания *он-беги* у туркмен см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 129—131. — Ю. Б.>

¹⁰⁰ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 254; II, 271 и сл.

¹⁰¹ Он был сыном мервской куртизанки и поэтому носил прозвище Лули-бече (там же, I, 241 и сл.; II, 258 и сл.). <Лули — 'цыган'. — В. М.>

¹⁰² Искендер Мунши, 278.

¹⁰³ Там же, 301.

Дурум; Нурум-хан отправился к Абдулле в Бухару просить помощи и предложил Абдулла-хану Мерв¹⁰⁴, с тем чтобы бухарцы помогли ему вернуть Неса. Абдулла-хан занял Мерв, но не пошел дальше и отложил на год помощь Нурум-хану, ссылаясь на прибытие в Бистам персидского войска под начальством самого шаха Аббаса и на союз с персами Хаджим-хана. Нурум-хан ушел от бухарцев и прибыл в Абиверд; может быть, ему удалось вернуть себе и Мерв, так как в 1593 г., по рассказу Искендера Мунши, узбеки-найманы в Мерве изменили Нурум-хану и передались Абд ал-Мумину; Нурум-хан ушел к шаху в Исфахан¹⁰⁵. По словам Абулгази, Нурум-хан еще в 1592 г. пришел в Ургенч к Хаджим-хану и только вместе с ним в 1593 г., после завоевания бухарцами Хорезма, отправился к шаху Аббасу¹⁰⁶. Из сочинения Искендера Мунши видно только, что весной 1595 г. при дворе шаха в Казвине находились как Хаджим-хан, так и Нурум-хан¹⁰⁷.

Бухарским наместником (хакимом) Неса и Абиверда был назначен туркмен Суюнич-Мухаммед¹⁰⁸.

В 1595 г. Хаджим-хан вместе с двумя своими сыновьями, Араб-Мухаммедом и Мухаммед-Кули, воспользовался походом шаха Аббаса на Хорасан, чтобы сделать попытку вернуться в Хорезм, опираясь на туркмен. По Абулгази¹⁰⁹, они покинули шахское войско в Бистаме, по Искендеру Мунши¹¹⁰, несколько позже, в Исфераине. Шах находил, что во время могущества Абдулла-хана такая попытка будет безуспешной, не оказал поддержки хорезмийцам, но и не препятствовал им. Они прибыли в Астрабад, в то время уже не принадлежавший персам; по словам Искендера Мунши¹¹¹, там уже некоторое время тому назад утвердились туркмены племен саин-хани и эймюр; по словам Абулгази¹¹², во главе рода эймюр (теперь имрели) в Астрабаде находился Али-Яр-бек. Ни тем, ни другим автором не подтверждаются слова русского посланника Григория Васильчикова, бывшего в Персии в 1588 и 1589 гг., что виновником отторжения Астрабада от Персии был хорезмийский царевич Махмет (Мухаммед)-Кул, сын Хаджим-хана, живший в Персии заложником с 1575 г.¹¹³ Этот царевич будто бы покинул шаха во время одного из его хорасанских походов и ушел к туркменам, где к нему присоединилось много народа; «и он пришед подле моря, взял

¹⁰⁴ Там же, 306 и сл.; Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 242; II, 259. Ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 75 и сл.

¹⁰⁵ Искендер Мунши, 316.

¹⁰⁶ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 264; II, 282.

¹⁰⁷ Искендер Мунши, 345.

¹⁰⁸ Там же, 347.

¹⁰⁹ *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 266; II, 285.

¹¹⁰ Искендер Мунши, 348 и сл.

¹¹¹ Там же, 349.

¹¹² *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 266; II, 285.

¹¹³ Искендер Мунши, 84.

у шаха город Старабат, и ныне сидит в Старабате и многими места около Старабата завладел и хочет стоять на шаха ж»¹¹⁴. По Искендеру Мунши, Мухаммед-Кули ушел от шаха с его разрешения только в 1595 г., но из Бистама, а не из Исфераина, как Хаджим-хан и его другой сын, Араб-Мухаммед; по Абулгази, Араб-Мухаммед и Мухаммед-Кули покинули войско шаха вместе. Из Астрабада Хаджим-хан и его родственники отправились к Кюрен-Дагу, где к ним присоединились 50—60 человек текинцев и йомутов, бывших подданных брата Хаджим-хана, Махмуд-султана, некогда правившего в Везире. На Узбое, около колодцев Куртыш и Орта-кудук, к ним присоединились от 500 до 600 гуркмен племени эрсари, вытесненного перед тем с Мангышлака мангытами (ногайцами); Мангышлак в то время почти совершенно опустел¹¹⁵. Из рассказа о возвращении посольства Григория Васильчикова из Персии видно, что в то время туркмены еще были на Мангышлаке и Устюрте; когда буса с посольством на 10 дней была задержана в заливе Мертвый Култук, на нее в то время нападали «туркменские люди»¹¹⁶. Туркмены племени эрсари были подданными двух других братьев Хаджим-хана, Пулад-султана и Тимур-султана, и потому оказали помощь бывшему с Хаджим-ханом Баба-султану, сыну Пулад-султана. В Хорезме было так мало бухарского войска, что и с этими ничтожными силами Хаджим-хан взял Ургенч, Баба-султан — Хиву и Хазарасп, но удержаться там они не могли. Туркмены поспешили их покинуть и унести с собой добычу; с Хаджим-ханом осталось всего 5—6 человек текинцев и йомутов, у Баба-султана — три человека из его собственных нукеров и трое туркмен из племени эрсари; хорезмийские узбеки почти все были уведены Абдуллой в Бухарское ханство. При таких условиях Абдулла быстро восстановил в Хорезме бухарское господство. Хаджим-хан с Араб-Мухаммедом вернулся в Персию, Баба-султан был убит, Мухаммед-Кули ушел к мангытам (ногайцам) и оттуда к русским, где в 1598 г. принимал участие в походе Бориса Годунова на крымских татар¹¹⁷. Хаджим-хан достиг Персии через Астрабад, где ему оказали помощь «йика-туркмены саин-хановские»¹¹⁸. Из сочинения Искендера Мунши¹¹⁹ мы знаем еще, что упомянутому у Абулгази главе племени эймюр Али-Яр-беку (у Искендера Мунши — Али-Яр-хан) наследовал его сын Мухаммед-Яр; в 1597 г. он был убит туркменами из племени охлу, т. е. частью гёкленов; его младший брат Кылыч-бек бежал в Персию к шаху Аббасу, которым был милостиво принят и

¹¹⁴ ПДТС, I, 111.

¹¹⁵ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 267; II, 286.

¹¹⁶ ПДТС, I, 106.

¹¹⁷ Бартольд, *История изучения Востока*, стр. 178.

¹¹⁸ Искендер Мунши, 357.

¹¹⁹ Там же, 373. Как видно из другого места (там же, 400), Али-Яр-хан получил ханский титул и формальное утверждение от шаха Аббаса...

утвержден в звании наместника Астрабада. Как и его предшественники, Кылыч-бек не имел никакой фактической власти. Племя охлу не подчинялось ему; кроме того, беспорядки в Астрабаде производились беспокойным элементом местного населения, представителей которого называли сияхпушами ('одетыми в черную одежду'); уже Али-Яр-бек был совершенно беспомощен против них и был рад, что они приняли в Астрабад его заместителя (наиба); сам он оставался на Гюргене. Туркмены, объединявшиеся под названием саин-хани или йика-туркмен, состояли из племен охлу, гёклен, эймюр, салор¹²⁰ и других; они жили между Атреком и Гюргеном и занимались земледелием, но в то же время производили грабежи в астрабадском округе; оплотом против них была крепость Мубарекабад на берегу Гюргена, в 3 фарсах (около 15 км) от Астрабада. Во время смут в Персии в конце XVI в. туркмены усилились и разрушили Мубарекабад; Али-Яр-бек из племени эймюр сделался фактическим правителем Астрабада, и шах Аббас должен был утвердить его в этом звании, но ни ему, ни его преемникам, как мы видели, не удалось установить в Астрабаде твердую власть.

1598 г., год смерти Абдулла-хана бухарского, был годом восстановления власти Хаджим-хана в Хорезме, Нурум-хана в Мерве и Неса и самого шаха Аббаса в Хорасане и Астрабаде. Хаджим-хан снова сопровождал войско шаха до Бистама и оттуда отправился в Хорезм через Астрабад, получив от шаха грамоту к йика-туркменам саин-хани, своим прежним подданным¹²¹. По словам Абулгази¹²², Хаджим-хан остановился около Кюрен-Дага у текинцев, причем с ним и его сыном Араб-Мухаммедом было всего 15 человек; здесь он узнал о смерти Абд ал-Мумина и распадении Бухарского ханства и тотчас отправился в Хорезм, где, по-видимому, не встретил никакого сопротивления.

В том же году вернулся с помощью персов Нурум-хан, сначала в Неса, потом в Мерв, где, кроме местных жителей, ему подчинились узбекское племя джалаирав, туркмены племени али-эли и другие¹²³. По словам Абулгази, он преследовал узбеков, «которые, употребив много стараний, сделали его ханом»¹²⁴, и оказывал покровительство сартам и туркменам. В 1600 г. его власть была уничтожена Аббасом, и сам он отправлен в Шираз; во время столкновения с шахом его покинули джалаиры и (туркмены) али-эли и саин-хани, жившие в пределах Неса, Дуруна и Багабада¹²⁵. Управление бывшими владениями Нурум-хана было поручено персидским наместникам.

¹²⁰ Перечисление их у Искендера Мунши, 399.

¹²¹ Искендер Мунши, 389.

¹²² *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 272; II, 291.

¹²³ Искендер Мунши, 397, внизу.

¹²⁴ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 242. В переводе (II, 259) эти слова пропущены.

¹²⁵ Искендер Мунши, 417, наверху.

Умиротворение Астрабада было достигнуто в 1598 г. победой над главой племени охлу, Кары-ханом, который «был разбит на Атреке и бежал в пустыню»; аксакалы остальных племен сайи-хани, из эймюров, гёкленов, салоров и других¹²⁶, подчинились шаху, который велел восстановить Мубарекабад, разоружить сияхпушей и подвергнуть казни их предводителя, ходжу Шереф ад-дина Савури¹²⁷. Таким образом, XVI век закончился восстановлением хорезмийского ханства и усилением в Средней Азии власти персидского шаха.

---

¹²⁶ Там же, 402.

¹²⁷ Там же, 403. В составленном в XIX в. сочинении Риза-Кули-хана (*Раузат ас-сафā*, тегеран. литогр., VIII) прибавлено еще, что бывший туркменский владетель Кылыч-хан был увезен шахом в Персию.

V

XVII—XIX ВЕКА

Несмотря на могущество Персии при шахе Аббасе, персидские власти в Астрабаде и в это время придерживались по отношению к туркменам оборонительной политики. Мы видели, что в 1598 г. персы нанесли поражение туркменам на Атреке и восстановили крепость на Гюргене; но о преследовании туркмен в глубь их степей не было речи, и дальнейшая судьба разбитого персами Кары-хана неизвестна. В 1621 г. умер наместник Астрабада Феридун-хан, управлявший этой окраиной в течение 18 лет; он постоянно сражался с туркменами саинхани и всегда одерживал над ними победу, так что, по словам Искендера Мунши, не оставил в живых никого из них, в особенности из гёкленов и племени охлу, считавшихся самыми непокорными из всех туркмен¹. Все это, несомненно, сильно преувеличено.

Хорезмийское ханство тогда уж не разделялось на «сторону воды» и «сторону гор», так как «сторона гор» теперь принадлежала персам. Первым шаховым городом на пути из Хорезма в Хорасан был Дурун². Туркмены жили и в северной части Хорезма; в 1616 г. мятежные царевичи Хабаш и Ильбарс получили от своего отца Араб-Мухаммеда город Везир с принадлежавшими к нему туркменами³. Во время восстания против своего отца Хабаш и Ильбарс опирались не на туркмен, а на главные роды узбеков — уйгуров и найманов. У туркмен нашел убежище в 1621 г. их старший брат Исфендияр. В этом году Араб-Мухаммед был низложен и по приказу Хабаш-султана лишен зрения; Исфендияр, под предлогом паломничества в Мекку, отправился к шаху Аббасу⁴. По словам Искендера Мунши⁵, Исфендияр прибыл сначала в Астрабад и присоединился к персидскому войску, совершавшему в то время, с самим шахом во главе, поход на Кандагар. Этот поход был начат весной 1662 г.; «в среду 8 раджаба (18 мая)» войско подошло к Кандагару; во вторник 11 ша'бана (21 июня) город сдался⁶, в среду

¹ Искендер Мунши, 680 и сл.

² ПДТС, II, 280.

³ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 281, наверху; II, 301 внизу.

⁴ Там же, I, 287; II, 308.

⁵ Искендер Мунши, 688.

⁶ Там же, 685.

24 ша'бана (в дате или в дне недели, очевидно, ошибка) шах двинулся в обратный путь, прибыл, по-видимому⁷, в августе в Герат и там провел 2½ месяца⁸. «После возвращения из похода», т. е., по-видимому, из Герата, шах отпустил Исфендияра и предписал эмирам и начальникам туркмен саин-хани, астрабадскому наместнику и эмирам тех пределов оказать ему поддержку. Исфендияр собрал среди туркмен саин-хани большие силы и одержал победу над братьями, из которых Абулгази добровольно перешел на его сторону. Исфендияр сделался ханом; от него постоянно приходили послы ко двору шаха с выражением преданности.

По словам Абулгази, Исфендияр по совету шаха отправился в Дурун. Шах посоветовал ему из Дуруна и Неса отправить верных людей в Ургенч и к балханским туркменам. В одном месте⁹ говорится, что Исфендияр сам отправился к Балхану; но из сказанного в другом месте¹⁰ можно заключить, что туркмены пришли к нему из Балхана (в Дурун) сами; по одному месту, их было 80 человек (70 текинцев и сарыков и 10 йомутов), по другому — 100; у самого Исфендияра было 300 нукеров. Ургенч в то время опустел вследствие изменения течения Аму-Дарьи; главным населенным пунктом в его окрестностях была крепость Тук на Аму-Дарье, вероятно недалеко от современного Нукуза¹¹; там был Хабаш; в окрестностях Ургенча были нукеры Араб-Мухаммед-хана (убитого в том же году в Хиве своим сыном Ильбарсом), Исфендияра и двух его братьев, Абулгази и Шериф-Мухаммеда, причем, по словам Абулгази¹², число его нукеров превосходило число других. Все эти нукеры присоединились к Исфендияру после его неожиданного нападения на Тук, когда Хабаш был вынужден бежать в Хиву к Ильбарсу. Однако тотчас после этого среди узбеков произошло восстание против Исфендияра, возбужденное одним из представителей дервишского ордена Сейид-Ата; он уверял узбеков, что все они будут истреблены Исфендияром и их жены уведены в рабство балханскими и мангышлакскими туркменами. Исфендияр был вынужден удалиться на Мангышлак, откуда вернулся с более значительным туркменским войском — 3000 человек; во главе туркмен был Мухаммед-Хусейн-бек. Ильбарс был убит, Хабаш бежал к мангытам (ногайцам) на Эмбу, но был ими выдан Исфендияру и тоже предан смерти. В год свиньи (1623) Исфендияр сделался ханом всего Хорезма¹³.

⁷ Там же, 688.

⁸ Там же, 692.

⁹ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 288; II, 309.

¹⁰ Там же, I, 297; II, 318.

¹¹ <О местонахождении крепости Тук см. Гулямов, *История орошения Хорезма*, стр. 192. — Ю. Б.>

¹² *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 297; II 318.

¹³ Там же, I, 291; II, 312.

В год мыши (1624) к Исофендияр-хану направились его братья Абулгази и Шериф-Мухаммед, бежавшие перед этим в Бухару. Абулгази обратил внимание своих спутников на подозрительные действия хана: овладев Хорезмом, он не отпускал от себя туркмен, в чем Абулгази видел доказательство враждебных намерений против узбеков. По мнению Абулгази¹⁴, следовало перед въездом в Хиву, когда им на встречу выедут нукеры хана, узбеки и туркмены, напасть врасплох на туркмен и перебить их, а потом извиниться перед ханом за такой самовольный поступок и оправдаться страхом перед туркменами, «народом, у которого нет мыслей и мало ума; к тому же они — наши старые враги». Младший брат Абулгази Шериф-Мухаммед посоветовал поступить еще решительнее, убить Исофендияр-хана и вместо него возвести на престол Абулгази; обоим царевичам было сказано, чтобы они таких речей не говорили, иначе все будет рассказано хану. Абулгази и Шериф-Мухаммед прибыли в Хиву; на четвертый день после их прихода (как сказано в другом месте¹⁵, через два месяца после смерти Хабаша) был издан ханский ярлык об истреблении уйгуров и найманов, причем было запрещено трогать других узбеков, но это запрещение туркменами не вполне соблюдалось; в первый же день было истреблено до 100 уйгуров и найманов и около 10 других узбеков. Хан посадил под стражу Абулгази и привлек на свою сторону Шериф-Мухаммеда, который был отправлен в Ургенч, чтобы и там произвести избиение уйгуров и найманов; остальные узбеки, очевидно опасаясь за себя, угрожали хану, что уйдут в Бухару и уведут с собой Шериф-Мухаммеда, если к ним не будут посланы Абулгази и Мухаммед-Хусейн-бек, причем первый должен им поклясться в безопасности от имени хана, второй — от имени туркмен. Требование было исполнено, и хан отправил в Ургенч крайне незначительные силы, что, казалось бы, тоже должно было успокоить ургенчских узбеков; с Мухаммед-Хусейн-беком было всего от 60 до 70 человек¹⁶; в рассказе об его уходе из Ургенча, вследствие слухов о враждебных намерениях Абулгази и Шериф-Мухаммеда, говорится, что с ним бежало всего от 30 до 40 человек¹⁷. По-видимому, образ действий узбеков против туркмен был не столько оборонительный, сколько наступательный.

Начавшаяся еще зимой 1624/25 г. война между Ургенчем и Хивой (в ту же зиму ею воспользовались калмыки для набега на Ургенч) рассматривается Абулгази как война между узбеками и туркменами. Война не имела решительного результата, хотя туркмены получили помощь из Балхана и с Мангышлака¹⁸, и их число дошло до 5000 че-

¹⁴ Там же, I, 298 и сл.; II, 319 и сл.

¹⁵ Там же, I, 290; II, 311.

¹⁶ Там же, I, 301; II, 322.

¹⁷ Там же, I, 302; II, 324.

¹⁸ Там же, I, 303; II, 325.

ловека¹⁹. Все старания Абулгази удержать узбеков в Ургенче, однако, были тщетны; они ушли частью к ногайцам, частью к казакам, частью в бухарские владения; сам Абулгази был сначала у казаков, потом в Бухаре. Туркмены в Хиве тоже не ужились с ханом и призвали Абулгази, который, если верить его словам, принял это приглашение только с согласия находившихся с ним в Бухаре узбеков; они будто бы сказали ему, что их доверие к нему всегда останется непоколебимым²⁰. Хан ушел в Хазарасп; в Хиве стал править Абулгази, но с ним было всего 600 человек, тогда как у хана было 5000, после того как жившие около Хивы туркмены снова перешли на его сторону. О борьбе Абулгази говорит очень кратко; дело, по его словам, кончилось миром; Шериф-Мухаммед теперь был с ханом.

Через три года после событий 1624 г.²¹, т. е. в 1627 г., произошло новое узбекское движение; часть узбеков, в числе до 3000 шатров, собралась в дельте Аму-Дарьи, недалеко от места впадения реки в Аральское море; на соединение с ними шли из Бухары 800 семейств ургенчских узбеков; эта последняя партия была достигнута и разбита ханом. Утверждением узбеков в устье реки воспользовался хан, чтобы окончательно поссорить туркмен с Абулгази. По желанию самого хана, Шериф-Мухаммед бежал к узбекам; хан сделал вид, что ничего не знал об этом, и сказал туркменам, что узбеков призвал в Арал Абулгази и что он же послал к ним Шериф-Мухаммеда. По приказанию хана, Абулгази, с которым было всего 5—6 человек, был схвачен и отправлен в Персию, где прожил десять лет, по-видимому с 1629 до 1639 г.²²

Несколько иной рассказ о прибытии Абулгази в Персию мы находим у анонимного историка XVII в., автора сочинения *Хулд-и барйн* («<Вышний> рай») ²³. В год змеи (1629) Исфендияр совершил набег на Мерв, Абулгази — на Дурун и Неса; он занял эти города без сопротивления и с помощью туркмен пошел на Абиверд, при приближении персидского войска отступил, потом вступил с ним в битву и потерпел поражение. Исфендияр решил свалить всю вину за набег на Абулгази и выдать его шаху. Вместе с тем он отправил в Персию посольство и подарки и поручил послу сказать шаху, что хан отправляет к нему своего брата; на службе у шахов и прежде были хорезмийские царевичи; если шах захочет принять Абулгази на тех же основаниях, пусть примет, если захочет наказать его за набег, пусть накажет. Абулгази

¹⁹ Там же, I, 305; II, 327.

²⁰ Там же, I, 307; II, 329.

²¹ Там же, I, 290 и сл.; II, 311 и сл.

²² Там же, I, 309; II, 331 и сл.

²³ Об этом сочинении см. Horn, *Geschichte Irans*, 587; Rieu, *Suppl. Pers.*, № 34. Благодаря любезности покойного Э. Г. Броуна, я в Кембридже в 1923 г. имел возможность пользоваться рукописью, принадлежавшей этому ученому. <Автором сочинения является Мухаммед-Юсуф Фалих; см. Storey, *Persian Literature*, vol. I, section II, fasc. 1, p. 131. — В. М.>

привезли в Абиверд и оттуда дальше; только в конце года (по циклу), в месяц джумада II 1039 г. х. (январь — февраль 1630 г.), он представился шаху, находившемуся в то время в Хамадане, был принят с почетом и после этого жил в Исфахане, в крепости Табарек ²⁴.

Из этого рассказа видно, что примирение Абулгази с Исфендиярханом и туркменами было более полным, чем можно было бы заключить из его слов. В рассказе о своем бегстве из Персии ²⁵ он сам говорит о помощи, оказанной ему туркменами. Время бегства им точно не определяется; он говорит, что провел в Персии 10 лет и ушел на 11-м году; это вставляло бы отнести его бегство к 1640 г.; но дальше сказано, что он вернулся в Ургенч в год змеи (1641), прожив зиму среди эрсарийцев около Мейхене ²⁶, два года среди текинцев в Балхане и один год у калмыцкого падишаха, — очевидно, Хо-Орлока (1632—1644) ²⁷. Отдел эрсарийцев, к которому принадлежали находившиеся около Мейхене туркмены, носил название кызыл-аяк; эти туркмены жили прежде на Мангышлаке, откуда они были вытеснены калмыками; они пришли в Мейхене за три года перед тем, сначала жили в алачуках и только в год прихода Абулгази могли обзавестись юртами. Абулгази убедился, что «эти туркмены не из тех, которые могли бы выдать его персам» ²⁸, чувствовал себя совершенно безопасным и, по их предложению, провел у них зиму. Потом, после двух лет, проведенных среди балханских текинцев, он отправился на Мангышлак, где туркмены в то время были совершенно разорены; их оставалось там всего 700 семейств, и те подчинялись калмыкам. Эти данные показывают, что в 1630-х годах туркмены были вытеснены с Мангышлака калмыками, как в конце XVI в. ногайцами. Перед этим туркмены, очевидно, оттеснили ногайцев и вернулись в свои прежние кочевья; по русским сведениям, кочевья туркмен около 1613 г. доходили до Эмбы ²⁹. В 1633—1634 гг. ногайцы были оттеснены калмыками за Волгу ³⁰. Отношения между калмыками и туркменами не всегда были враждебны; в 1656 г. (год обезьяны) калмыки по наущению туркмен совершили нападение на Дурун и Астрабад ³¹.

Узбеки, к которым пришел Абулгази, жили, очевидно, не в опустев-

²⁴ *Хулд-и барин*, л. 7 б и сл.

²⁵ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 309 и сл.; II, 332 и сл.

²⁶ <Здесь и ниже у Бартольда ошибочно «Мейхене» (свер. Меана, 90 км к северо-западу от Серакса) вместо «Мехин» (селение к юго-востоку от Дуруна); ср. в изд. Демезона в тексте *مخين* (I, 314), в пер. «Méhine» (II, 337), в то время как Мейхене в тексте — *مخين* или *مخين* (I, 201, 206), в пер. «Méhinè» (II, 216, 220). — Ю. Б. >

²⁷ Пальмов, *Этюды*, ч. I, XVII и XVIII века, стр. 6 и сл.

²⁸ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 315; II, 337.

²⁹ ПДТС, II, 351.

³⁰ Пальмов, *Этюды*, ч. I, XVII и XVIII века, стр. 7.

³¹ *Хулд-и барин*, л. 149 б.

шем Ургенче, а в Арале (дельте Аму-Дарьи). Они не признавали Исфендияр-хана и приняли к себе Абулгази, хотя он был провозглашен ханом только в 1643 г. Через полгода после прибытия Абулгази, в начале года лошади (т. е. весной 1642 г.), Исфендияр умер³². Абулгази потребовал от туркмен, чтобы они признали его наследником брата; туркмены предпочли подчиниться бухарскому хану Надир-Мухаммеду, который послал им своего внука Касим-султана; фактически все должности и доходы оставались в руках туркмен. Абулгази предпринял из Арала завоевание Хивы, но не имел большого успеха; положение изменилось в 1645 г., когда в Бухаре был низложен Надир-Мухаммед и вместо него был объявлен ханом его сын Абд ал-Азиз. Все бухарские войска, находившиеся в Хиве, вернулись в Бухару; Абулгази в начале года курицы (весной 1645 г.) вступил в Хиву, по-видимому не встретив сопротивления. Туркмены без бухарского царевича не хотели продолжать войны, тем более что Абулгази объявил полную амнистию. Три туркменских начальника (из них два он-беги) послали к нему для переговоров 5—6 аксакалов и объявили, что у них нет другого государя, кроме Абулгази. Хан поспешил успокоить их и пригласил аксакалов и других туркмен в Хазарасп, где устроил им угощение; в самом начале пира узбеки, по тайному распоряжению Абулгази, напали на туркмен и убили от 1000 до 2000 человек, потом разграбили их дома и увели в рабство их детей, после чего «победоносный» хан вернулся в Хиву. Обо всем этом³³ с полной откровенностью рассказывает сын самого Абулгази, Ануша-хан, закончивший труд своего отца³⁴.

В течение следующих лет Абулгази совершил ряд набегов³⁵ против туркмен, бежавших из Хивы. В год собаки (1646), зимой (в декабре), его нападению подверглись туркмены на Теджене; и в этом случае говорится об уводе в плен детей и о победоносном возвращении в Хиву. В год мыши (1648) хан совершил поход на туркмен, собравшихся в месте Бами-Бурма (на карте Беурма)³⁶; среди них были и туркмены, бежавшие с Теджена. Туркмены отправили свои юрты в место Каракасты, а сами возвели из камня укрепление; во главе их был Кахирходжа. Во время вылазки туркмены были разбиты и погибли все до возвращения в крепость; после этого узбеки вторглись в крепость и ограбили всех, кто там оставался. Хана с ними не было; он в это время был в Каракасты, где разграбил туркменские юрты и захватил их имущество и детей.

³² Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 291 и 316; II, 312 и 338.

³³ Там же, I, 319—321; II, 342—344.

³⁴ < В одном из списков сочинения «Родословной тюрок», хранящемся в ИВАН УЗССР, говорится, что это сочинение закончил некий Махмуд б. Мулла Мухаммед-Заман Ургенчи по поручений Ануша-хана; см. СВР, т. I, № 167. — Ю. Б. >

³⁵ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 321—325; II, 345—349.

³⁶ < Селение Бами расположено в 14 км к юго-востоку от селения Беурма. — Ю. Б. >

В 1651 г., в год зайца, последовал поход против туркменского населения, жившего на берегу Атрека и Гюргена и носившего, по имени своего предводителя, название байрач. Преследуя отступивших врагов, хан попал в безводную степь; все его войско рассеялось; из 10 000 человек (трудно поверить, чтобы он привел с собой такое войско) с ханом осталось всего 400. На пути они натолкнулись на торговавших с аулом Байрача текинцев-торговцев, обратили одного из них в своего проводника и таким образом нашли аул Байрача. Отряд хана стал грабить окрестные жилища; с ханом осталось всего 30 человек; тем не менее ему удалось посредством стремительного нападения взять аул; сам Байрач был убит в самом начале битвы выстрелом из ружья³⁷. В этом рассказе интересно упоминание торговцев-текинцев, одно из немногих известий, если не единственное, о существовании торгового класса среди туркмен. Во-вторых, мы имеем здесь редкий в истории туркмен факт принятия родом или племенем названия по имени своего предводителя. Название не исчезло после смерти предводителя; среди сарыков есть и теперь ветвь байрач, только она живет теперь не на Атреке, а в бассейне Мургаба³⁸. Племя байрач, по-видимому, не имело отношения к хивинским событиям; в объяснение похода говорится только, что эти туркмены не хотели подчиниться хану.

Последний поход Абулгази на туркмен относится к 1653 г. (год змеи); о причине этого похода не говорится ничего. Нападению подверглось племя эймюр в месте Фудж³⁹; этого названия, по-видимому, нет в других источниках. Туркмены были подвергнуты разграблению и уведены в рабство. На обратном пути хан у колодца Динар (на Узбое⁴⁰) наткнулся на сарыков, у которых ему тоже удалось захватить детей и скот. В тексте (в переводе здесь пропуск) прибавлено, что хан совершал и другие набеги на туркмен, о которых рассказывать было бы слишком долго; после каждого набега он возвращался домой с добычей.

В 1649 и 1653 гг. Хорезм подвергался нашествию калмыков, причем эти нашествия были отражены ханом; по приведенным выше данным можно предположить некоторую связь между набегами хана на туркмен и походами калмыков на Хорезм. В 1653 г. с калмыками был заключен мир, причем Абулгази приписывается несколько смелое за-

³⁷ Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 324 и сл.; II, 347 и сл.

³⁸ Ср., напр., Аристов, *Этнологический состав*, стр. 141; Yate, *Northern Afghanistan*, pp. 125, 186.

³⁹ Так в тексте (Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона, I, 325), в переводе (II, 348) — Tсudj; не оговорено в списке печаток, но в указателе — Fсudj. < Как указал А. Н. Самойлович, это название можно, очевидно, отождествить с существующим и ныне селением Кодж, между Кизыл-Арватом и Бами; см. Самойлович, *Из туркменской старины*, стр. 561. — Ю. Б. >

⁴⁰ < Колодец Динар находится к югу от Узбоа, в 40 км к северо-востоку от Кизыл-Арвата. — Ю. Б. >

явление, что калмыки никогда не были врагами Хорезма⁴¹. Первое нашествие калмыков было совершено, как говорит в другом месте сам Абулгази, зимой 1603/04 г.⁴²

Походы на туркмен, судя по приведенным у Абулгази подробностям, носили характер грабительских набегов; тем не менее, говорится, что хан подчинил своей власти туркмен и после этого несколько лет, до начала войны с бухарскими узбеками в 1655 г. (год барана), правил в полном мире⁴³. Как и следовало ожидать, Абулгази во время войн с туркменами принял меры, чтобы обезопасить себя со стороны Персии; уже в 1648 г. (год мыши) он отправил посольство к шаху⁴⁴. Во время войны между Хорезмом и Бухарой бухарский хан Абд ал-Азиз обратился к шаху с просьбой отпустить из Персии находившегося там хорезмийского царевича, чтобы создать для Абулгази затруднения в Хорезме; шах не согласился ввиду долговременного пребывания Абулгази в Персии и его хорошего отношения к этой стране после возвращения в Хорезм⁴⁵.

При сыне и преемнике Абулгази, Ануше (1663—1687), туркмены, по словам жившего в начале XIX в. хорезмийского историка Муниса⁴⁶, не имели возможности оказывать сопротивление ханской власти. Жена Ануши, Тохта-ханым, происходила из туркмен, живших на южной окраине Хорезма, около Даргана; через два года после смерти Ануши, следовательно, в 1689 г., вступил на престол ее сын Эренк-хан. Молодой хан (его старший брат умер 17 лет) предавался любовным похождениям; при возвращении с одного из них он был сброшен лошадью и убит насмерть. Его мать, узнав о смерти хана, поспешила его похоронить, прежде чем известие о его смерти успело распространиться, отправилась к своему племени в Дарган и привела оттуда своего племянника, который был одних лет с ханом и походил на него наружностью. Был пущен слух, что хан навестил своих туркменских родственников и теперь возвращается домой; посредством такой хитрости молодому туркмену удалось привести в Хиву своих соплеменников и овладеть городом, после чего он стал подвергаться преследованию узбеков. Некоторые узбеки ушли в Арал, отложившийся от Хивы еще при настоящем Эренк-хане, и привели оттуда войско; самозванец был убит, Тохта-ханым казнена; из туркмен спаслась одна сотая часть. Это произошло в 1106/1694-95 г.

⁴¹ Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 327; II, 350.

⁴² Там же, I, 275; II, 296.

⁴³ Там же, I, 327; II, 351.

⁴⁴ *Хулд-и барин*, л. 117 а.

⁴⁵ Там же, л. 150 б.

⁴⁶ О нем: Saleman, *Das Asiatische Museum*, S. 278; Barthold, *Kh̄wārizm*, S. 978.

<См. также: Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*—выше, стр. 285—286; Иванов, *Хивинские хроники*, стр. 23—28; Муниров, *Мунис, Огазий*. — Ю. Б. >

В следующий раз о туркменах говорится в рассказе о царствовании Муса-хана, время которого точно не определяется; во всяком случае оно относится к началу XVIII в. Этот хан был сильнее своих предшественников и чеканил монету со своим именем; ему платили дань жители городов и крепостей от Мерва до Астрабада вдоль гор. Вражда хивинских эмиров заставила хана бежать в Мерв, где он был убит, и голова его отправлена в Хиву. Так говорит Мунис; из слов туркмена ходжи Нефеса, покинувшего Хиву в 1713 г., видно, что Муса был жив еще во время похода Бековича (1717 г.) и находился в то время в Астрабаде⁴⁷. Находившийся в Хиве в 1725 г. Флорио Беневени уже знал, что Муса-хан был убит хивинцами; опасались, что за его смерть будет мстить его сын Шах-Тимур, от имени которого действовали мятежники⁴⁸.

Время хана Ширгази (1715—1727), при котором произошел поход Бековича, вообще было временем восстановления могущества Хорезма; в самом начале этого царствования хану выразили покорность и уплатили дань персы и туркмены, жившие от Мерва до Астрабада и Балхана вдоль гор и по берегам Атрека и Гюргена. В 1716 г. (год обезьяны) туркмены принимали участие в успешном походе хана на Мешхед.

К царствованию Петра I относится переселение туркмен, в числе трех родов, чавдур (чоудур), игдыр и соинаджи⁴⁹, с Мангышлака через Астрахань на Куму. По сведениям, собранным в 1809 г. (эти сведения сохранились в астраханском калмыцком архиве и любезно сообщены мне проф. Н. Н. Пальмовым), эти туркмены «перешли к калмыцкому хану Аюке (1670—1724) сами собою добровольно, кочевали с ним тогда вместе, так как поручены были особенному его призрению». Переселение совершилось до персидского похода Петра (1722 г.); у туркмен сохранялось предание, что сам Петр во время этого похода поручил их Аюке. По некоторым сведениям, переселение началось еще при Пунцук-Мончаке, отце Аюки (1667—1670)⁵⁰. Сведения об истории этих туркмен довольно скудны. Переселение к калмыкам сделало их, наравне с самими калмыками, подданными России, и столкновения их с калмыками решались русскими властями. В 1737 г. говорится о небольшом числе туркмен близ Астрахани (133 кибитки) и Красного Яра (10 кибиток); хан Дондук-Омбо предъявил требование о выдаче ему

⁴⁷ А. Н. Попов, *Сношения России с Хивой*, стр. 321.

⁴⁸ Там же, стр. 383.

⁴⁹ Такое правописание в статье А. Н. Самойловича (*Среди ставропольских туркменов*, стр. 67). В документах «род Сунжажиев».

⁵⁰ В книге Е. Вэйтебаула, *Путеводитель по Кавказу*, стр. 126, сказано, что туркмены в 1630 г. покорены калмыками и привезены или в прикавказские степи. По А. Н. Самойловичу (Абд ас-Саттар-кази, 092), передвижение туркмен произошло «около начала XVIII века».

этих туркмен и находившихся в тех же местностях калмыков, но получил отказ. Больше значения для туркмен имела попытка калмыков в 1771 г., когда они приняли решение уйти из России в Китай, увлечь за собой и туркмен. Хан Убуши насильно увел туркмен с собой; часть туркмен, в числе 340 кибиток, убежала с дороги и вернулась в Россию; эти туркмены были поселены в местности от Колпичьева до Кумы. Другие туркмены вместе с калмыками подверглись нападению киргизов (казачков); сами туркмены в поданной в 1810 г. записке говорили, что имели удачное сражение с «киргиз-кайсаками»; однако часть их вернулась в Россию только из киргизского плена. В 1778 г. было записано «показание старшины Кубанбай муллы Карамуллина в крепости св. Петра об обстоятельствах увода туркмен наместником Убуши, о нахождении в плену Аблай султана и о бегстве от него». Аблай, глава Средней орды, в том же 1771 г. принял ханский титул; он считался русским подданным и, как другие казаки, получил предписание напасть на калмыков и заставить их вернуться в русские пределы. Освободившиеся из плена туркмены должны были кочевать около Кизлярской крепости и содержать почту между Кумой и Кизляром; просьба их, поданная в 1776 г., «о дозволении перекочевать из под Кизлярской крепости к близ находящимся калмыцким улусам» не была удовлетворена. В прошении 1810 г. туркмены писали о своем участии в обороне Кизляра против персидского шаха. По сведениям 1809 г., северокавказских, или, как их называли потом, ставропольских туркмен, было 836 кибиток: 336 из племени игдыр и по 250 из племен чавдур и соинаджи. В 1906 г. ставропольских туркмен считалось 15 990 (9368 мужчин и 6622 женщины), в 1912 г. несколько меньше — 15 534 (9086 мужчин и 6448 женщин), из чего русский исследователь вывел заключение⁵¹, что «туркмены вымирают». Теперь они живут очень далеко от Кизляра — на Калаусе, восточном Маньче и Куме⁵². В 1809 г. туркмены писали, что они «хлебопашества, за неудобностью земли и за несклонностью самих их к тому, вовсе не имеют»; теперь многие из них ведут образ жизни оседлых земледельцев, сохраняя на дворе, подобно хивинским узбекам, юрты, которые «на летнее время вывозятся за село». А. Н. Самойлович в 1912 г. отметил значительный прогресс туркмен по сравнению со сведениями, относившимися к началу XX в. По-видимому, они не прерывали сношений со своими оставшимися в Средней Азии соплеменниками; живший, насколько известно, уже после их ухода⁵³ поэт Махтум-Кули, из гёкленов, сделался национальным поэтом для туркмен, в том числе и для ставропольских.

⁵¹ Абд ас-Саттар-кази, 092.

⁵² < В современной Ставропольской области. — Ю. Б. >

⁵³ Отец Махтум-Кули, Даулет-Мачед, писал в 1733-54 г.: Самойлович, *Материалы*, II—III, стр. 146.

Оставшимися в Средней Азии туркменами русские в XVIII в. и в начале XIX мало интересовались. Были столкновения на Каспийском море между русскими промышленниками и береговыми туркменами; об одном из них (1719 г.) есть сведения в астраханском калмыцком архиве. В документе по этому поводу, исходящем от подчиненного Аюке туркменского старшины, говорится: «А те туркменцы нас не слушают также, что и етсанцы и енбулуки». В 1744 г. сами туркмены предлагали русским построить «крепость для торгу» на Мангышлаке; для той же цели указывалась другая местность — Огурчинские острова; ни то, ни другое предложение не имело последствий. Остается неопубликованным журнал штурмана Лебедева, ездившего к туркменам вместе с капитаном Копытовским в связи с просьбой туркмен принять их в русское подданство⁵⁴. По этому последнему вопросу последовала резолюция «о заслужении ими впредь милости быть принятыми в покровительство России через безобидную с пограничными купцами торговлю, через пропуск и вспоможение приезжающим с товарами в Хиву и Бухару и через всегдашнее возвращение российских пленных»⁵⁵. В 1768 г. прошел слух о намерении киргизов (т. е. казаков) «напасть на кочующих около Хивы тухменцев»; этот слух вызвал в России тревогу только вследствие опасения, «чтоб киргизы, переменя намерение, не напали на калмыков»⁵⁶. По-видимому, не имела последствий и просьба шести старшин «Чоудырова рода» с Мангышлака, посланных в Астрахань в августе 1810 г., о принятии туркмен, в числе 2300 семейств, в русское подданство; старшины рассказали, что туркмены, в числе 2500 семейств, ушли из Хивы и выдержали «упорнейшее сражение» с посланным их вернуть хивинским войском⁵⁷.

Туркменские предания связывают передвижения туркменских племен с событиями царствования Надир-шаха⁵⁸. При последних Сефевидях ослабление могущества Персии сделало возможным возобновление узбецких и туркменских набегов на Хорасан; Надир-шах не только мог отразить эти набеги, но предпринял успешное наступление на Туркестан и на некоторое время подчинил себе Бухару и Хиву, что поставило в зависимость от него и туркмен. Известно, что сам Надир-шах был туркмен из племени афшаров и родился в Дерегезе, одном из северных пограничных округов Хорасана, тяготевшем в то время к Абиверду, ко-

⁵⁴ < Капитан Копытовский ездил к востоку безъезду Каспийского моря в 1745 г. пространные выдержки из его журнала, как и из журнала капитана Тебелева, побывавшего на Мангышлаке в 1741 г., опубликованы в 1931 г. вместе с некоторыми другими архивными документами о туркменах, см. *Из истории сношения России с туркменами*, стр. 211—255. — Ю. Б. >

⁵⁵ Бартольд, *История изучения Востока*, стр. 222.

⁵⁶ Соловьев, *История России*, кн. VI, стр. 413 и сл.

⁵⁷ Астраханский калмыцкий архив, Дело 1811 г., № 987 (сообщение Н. Н. Пальмова).

⁵⁸ Абд ас-Саттар-кази, 092,

торый был тогда центром афшаров; в Абиверде жил будущий тесть Надир-шаха, Баба-Али-бек кусе-ахмедлу, постоянно воевавший с узбеками и туркменами⁵⁹. Надир-шах, подобно многим другим, выдвинулся во время смут конца эпохи Сефевидов и окружил себя шайкой приверженцев, с которой он овладел Абивердом, Дестеджердом (в Дерегезе, место его рождения) и Келатом, который оставался и потом его главным опорным пунктом. Здесь он имел столкновения как с подобными ему предводителями, захватившими другие города Хорасана, из которых главным был Махмуд сеиستانский, захвативший Мешхед, так и с узбеками и туркменами, даже со своим родным племенем, афшарами. Историк Махди-хан сообщает об этих столкновениях, не давая точных дат. Так, говорится о походе Надира, в союзе с кучанскими курдами и другими, на Неса и Дурун, где были туркмены племени али-эли, имрели, текинцы и йомуты; во главе туркмен стоял владевший Дуруном Са'ид-султан, который был вынужден подчиниться и заключить мир⁶⁰. Когда, вскоре после этого, Надир был разбит Махмудом сеистанским и с двумя спутниками бежал в Келат, дурунские туркмены оказали поддержку восставшим против Надира афшарам; Надир выступил из Келата и разбил тех и других близ Абиверда⁶¹. Потом мы снова видим туркмен Дуруна и Неса в союзе с Махмудом сеистанским против Надира; Надир быстро выступил из Абиверда, в одну ночь прошел 20 фарсахов (около 100 км), напал на туркмен в Багабаде, около Неса, и произвел среди них избиение и грабеж; этим он вернул туркмен на «правильный путь» и заставил их перейти на его сторону⁶².

Далее говорится об участии Надира в делах Мерва, где в то время не было туркмен; самый город находился в руках кадджаров, его окрестности — в руках татар⁶³ и арабов. Вследствие раздоров среди кадджаров перевес перешел к татарам, которые, кроме того, привлекли на свою сторону йомутов, переселившихся из Ургенча (т. е. из Хорезма) в Каракум. Каджары в свою очередь напали на йомутов, некоторых убили, некоторых захватили в плен; после этого татары, арабы и туркмены заняли крепость Каль, в 12 фарсахх от Мерва, у плотины Султан-бенд, откуда Мерв получал воду, и держались там три года. Жители стали терпеть нужду из-за недостатка воды и обратились с просьбой

⁵⁹ Махди-хан, *Та'рих-и Надира*, 27 (внизу).

⁶⁰ Там же, 40.

⁶¹ Там же, 47.

⁶² Там же, 50.

⁶³ < По-видимому, татары, обитавшие в это время в Мерве, были потомками тюркизированной монгольской племени кара-татар, которое Тимур в конце XIV в. переселил из Передней Азии в Мавераннахр, откуда оно после смерти Тимура перешло в Мервский оазис (с. МИГГ, I, 531). Некоторые исследователи предполагают, что мервские татары в дальнейшем вошли в качестве одного из подразделений в состав йомутов, однако это остается недоказанным. — Ю. Б. >

о помощи к Надир-шаху, который предпринял движение к Мерву, но из-за высокой воды в Теджене не дошел до него и обратился в другую сторону, к Серахсу⁶⁴. О восстановлении мервской плотины мерами Надир-шаха говорится в другом месте, в рассказе о событиях 1731 г.⁶⁵

Хорезмийские узбеки и туркмены, возобновившие в эпоху упадка династии Сефевидов набеги на Хорасан, продолжали эти набеги и в это время, при хане Ширгази (1715—1727), но не имели успеха. Отказавшись от набегов, Ширгази отправил в Хорасан послов по вопросу о пропуске торговых караванов из Хорезма; мелик Махмуд (сеистанский), еще владевший в то время Мешхедом, поручил жителям селения Чаача, принадлежавшего ему, проводить караван обратно до Теджена; но в Чаача караван был разграблен и торговцы перебиты. Ширгази отправил послов к Надиру (очевидно, разграбление каравана приписывалось ему) с просьбой о возвращении имущества и удовлетворении купцов (вероятно, их семейств); просьба была исполнена⁶⁶. В истории Хорезма об этом не говорится, но Надиру приписывается участие в вооруженных столкновениях с отрядами Ширгази. По этому источнику, Ширгази в год обезьяны (1716) после двухдневной осады взял Мешхед и пошел оттуда на Нишапур, но этого города не мог взять; НаDIR, бывший в то время в окрестностях Нишапура, узнал об отступлении узбеков и принял участие в их преследовании. Ширгази тогда очистил Мешхед, но еще раз взял его в год свиньи (1718).

В 1729 г. НаDIR взял Герат и оттуда вернулся в Мешхед; зимой он предполагал идти на туркмен и конец весны провести в Астрабаде⁶⁷. Обстоятельства заставили его посвятить этот год борьбе с шахом Ашрафом и уничтожению афганской династии. Только в сентябре 1730 г. НаDIR был в Астрабаде и хотел в один и тот же день, 28 сентября⁶⁸, нанести удар йомутам и гёкленам; враги узнали об его походе от огурчинских туркмен; йомуты успели бежать в сторону Хивы, гёклены — на Сумбар. НаDIR запретил хорасанцам всякие сношения с туркменами⁶⁹.

Весной 1732 г., по приказанию Надира, было приступлено к постройке на Чандыре крепости с трехтысячным гарнизоном, чтобы оттуда немедленно принимать меры против йомутов и гёкленов в случае

⁶⁴ Махди-хан, *Та'рих-и Надири*, 52. < О распрах между татарами и кызылбашами в Мерве и о борьбе Надира с татарами см. также Мухаммед-Казим, факс., I, 38 б—41 б, 47 а—50 б. — Ю. Б. >

⁶⁵ Махди-хан, *Та'рих-и Надири*, 193. Обо всем этом нет ничего в книге В. А. Жуковского *Развалины Старого Мерва*. < О восстановлении мервской плотины см. также: Мухаммед-Казим, факс., I, 278 а—278 б, 327 б—331 а. — Ю. Б. >

⁶⁶ Махди-хан, *Та'рих-и Надири*, 53 и сл.

⁶⁷ Там же, 101.

⁶⁸ < У Махди-хана указана дата 15 раби' I 1142 г. х., что соответствует 8 октября 1729 г.; см. МИТТ, II, 132. — Ю. Б. >

⁶⁹ Там же, 145 и сл.

какого-либо движения с их стороны; это намерение потом было оставлено, было признано, что крепость находится слишком далеко от «воды и жилья»; начатые постройки были разрушены. В начале июня к Надиру в Мешхед пришли с выражением покорности начальники (он-беги) туркмен (т. е., вероятно, йомутов) и гёкленов; им было предъявлено требование прислать 1000 молодых людей для участия в походе Надира на запад. Требование не было исполнено, что потом вызвало новые меры против туркмен; был нанесен удар йомутам, бежавшим раньше от войска персов; мужчины были перебиты, женщины проданы в рабство; йомутов преследовали до Балхана и до места Мешхед-и Мисриян⁷⁰ (едва ли не первое упоминание развалин Дихистана под этим названием).

Весной 1735 г. (год зайца)⁷¹, когда Надир был в Шемахе, пришло известие, что Ильбарс-хан хивинский послал Чиен-векиля йомутского с 3000 туркмен совершить набег на северные пограничные округа Хорасана. На обратном пути туркмены были настигнуты персидским войском; по Махди-хану, войско перебило многих туркмен, и за это его начальники были награждены шахом⁷²; по хивинской истории, персы были разбиты, и туркмены вернулись к хану с большой добычей⁷³.

В 1739 г., когда Надир-шах был в Индии, набег на Хорасан совершил сам Ильбарс-хан с войском из узбеков и туркмен, переправившись через Теджен в расстоянии пяти фарсахов (около 25 км) от Серахса; так как в Серахс в это время прибыл сын Надира-шаха, Риза-Кули, Ильбарс пошел в другую сторону и осадил крепость Кахлан между Неса и Абивердом. Начальник крепости находился в Абиверде, где собрал отряд и двинулся с ним на освобождение крепости. Ильбарс подумал, что идет с войском Риза-Кули, и поспешил вернуться в Хорезм⁷⁴.

В 1740 г. совершилось покорение Надира-шахом обоих среднеазиатских ханств, бухарского и хивинского; в обоих рядом с узбеками были туркмены. Бухарское ханство покорилось без сопротивления; все-таки Надир-шах увел оттуда военный элемент в большем количестве, чем это им обыкновенно делалось; через Чарджуй проследовали причисленные к войску Надира-шаха узбеки и туркмены в количестве 20 000⁷⁵. В Хиве Надира-шаху, напротив, было оказано упорное сопротивление; упорно сражались как сам хан Ильбарс, так и стоявший во главе туркмен Му-

⁷⁰ Там же, 197. О событиях 1732 г. в Туркмении со стр. 191.

⁷¹ В хивинской истории этот набег отнесен к году дракона (1736).

⁷² Махди-хан, *Та'рих-и Надирӣ*, 27) и сл. <У Махди-хана это описано под 1147/1734-35 г.; имя туркменского предводителя—Хусейн-векиль. См. МИТТ, II, 137.— Ю. Б.>

⁷³ <См. МИТТ, II, 333.>

⁷⁴ Махди-хан, *Та'рих-и Надирӣ*, 368 и сл.

⁷⁵ Там же, 386.

хаммед-Али-хан Ушак⁷⁶; по хивинской истории, в его войске, кроме туркмен, были и узбеки. Особенно безрассудное упорство проявили йомуты, текинцы и другие туркмены⁷⁷. За оказанное сопротивление хан и много вельмож поплатились жизнью; уведено было 4000 узбеков; об уводе туркмен ничего не говорится.

Надир-шах посадил в Хорезме местного царевича Тахира; через полгода этот царевич погиб в борьбе с узбеками из Арала и казаками, во главе которых стоял Нур-Али, к которому на короткое время перешел хивинский престол. Предположенная Надиром (который в это время был в Дагестане) карательная экспедиция в Хорезм⁷⁸ не состоялась; руководитель восстания, Артуку-инак, отправился в Мерв к управлявшему Хорасаном сыну шаха Насрулле и привлек его на свою сторону. В год собаки (1742) персы, по желанию хорезмийцев, признали хорезмийским ханом сына Ильбарса, Абу-л-Мухаммеда, который получил от шаха имя Абулгази⁷⁹. Между прочим, было предписано переселить йомутов и текинцев из Хорезма в Хорасан⁸⁰. В год свиньи (1743) некоторые из хорезмийских мятежников воспользовались этим, чтобы поднять восстание с помощью йомутов; по Махди-хану⁸¹, мятежниками был убит Артуку-инак; хивинская история называет здесь другое имя и приписывает вину убийства хану; Артуку-инак был убит, по этому источнику, только в 1747 г. (год зайца), тоже по распоряжению хана. По хивинской истории, вся область очутилась во власти йомутов, и никто из жителей не мог выходить за стены укреплений; начался голод. Жители обратились с просьбой о помощи к Надир-шаху, который послал своего племянника Али-Кули. В 1745 г. (год быка) йомуты были разбиты, разрушили сами свои жилища и бежали в Балханские горы. Али-Кули утвердил на престоле хивинского хана и вернулся к Надир-шаху, который распорядился, чтобы 1000 человек из йомутов присоединились к персидскому войску, а остальные оставались на месте, повинувшись персидской власти⁸².

Едва ли это распоряжение было исполнено; в год смерти Надир-шаха (1747) упоминается о восстании туркмен в союзе с астрабадскими каджарами⁸³. Глава каджаров, Мухаммед-Хасан-хан, бежал к главе йомутов, Бскендж-хану; к ним присоединились и гёклены. Преемник Надир-шаха, Али-Кули, принявший имя Али-шаха (или Адиль-шаха),

⁷⁶ Там же, 388. <Ушак — название одного из крупных родовых подразделений йомутов. — Ю. Б. >

⁷⁷ Там же, 391.

⁷⁸ Там же, 435 и сл.

⁷⁹ Так по хивинской истории. <См. Мунис, рук. ИНА С 571, л. 696, а также МИТТ, II, 334. >

⁸⁰ Махди-хан, *Ta'riх-i Nādirī*, 419.

⁸¹ Там же, 445.

⁸² Там же, 459.

⁸³ Ибн Мухаммед-Эмин, изд. Манна, I, 11.

неожиданно напал на мятежников и нанес им поражение, но не преследовал бежавших ⁸⁴.

Тот же предводитель йомутов упоминается и в хивинской истории, под именем Бекендж-Али-суфи; в 1759 г. он в числе других мятежников потерпел поражение от хивинских войск. Вскоре после этого Хива была приведена на край гибели трехлетним господством (1767—1770) йомутов ⁸⁵.

На событиях XIX в., о которых уже имеется некоторая литература, требующая проверки на основании туркменских записей и русских архивных документов, я не буду подробно останавливаться. Ханы правившей в Хиве от 1804 до 1920 г. кунградской династии несколько раз предъявляли притязания на господство над всей Туркменией; туркмены иногда оказывали им упорное сопротивление в своей стране, иногда сами производили опустошения в Хивинском ханстве. Меньше значения имели притязания бухарских эмиров и персидских шахов. Вследствие соперничества между собой этих трех держав, туркмены, в случае столкновения с одной из них, имели возможность искать опоры в других. Характерны такие факты, как отпадение мервских туркмен от Бухары в 1822 г. и добровольное подчинение их Хиве ⁸⁶, постройка хивинцами в 1824 г. нового (современного) Мерва, взятие этой хивинской крепости в 1843 г. туркменами (говорится о сарыках, салорах и некоторых текинцах) и отправление пленных к бухарскому эмиру ⁸⁷; победа Коушут-хана текинского над хивинским ханом при Серахсе в 1855 г. и отправление головы павшего в этой битве хана Мухаммед-Эмина (Медмина) в Персию ⁸⁸; победа того же Коушут-хана в 1860 г. над персами и отправление пятой части добычи хивинскому хану ⁸⁹. Вместе с тем происходили раздоры среди самих туркмен; наиболее характерное явление — занятие текинцами сначала Ахала, где они боролись с племенами эмрели и карадашлы, потом Мерва, где они боролись с сарыками ⁹⁰; движение текинцев на Мерв произошло в 1857 г. и увенчалось успехом в 1859 г. ⁹¹, хотя отдельные отряды текинцев, как мы видели, приходили в Мерв и раньше. Раздоры среди туркмен тоже могли быть использо-

⁸⁴ Там же, 26 и сл.

⁸⁵ Бартольд, *Орошение*, стр. 20.

⁸⁶ Там же, стр. 69 и сл.

⁸⁷ Агехи, л. 412 а; < см. также МИТТ, II, 489—490 >.

⁸⁸ Агехи, 505 а; < см. также МИТТ, II, 542—545 >.

⁸⁹ Агехи, л. 587 б. < Поход персидского войска на Мерв, закончившийся разгромом персов, состоялся не в 1863, а в 1861 г.; см. МИТТ, II, 632—604. — Ю. Б. >

⁹⁰ Абд ас-Саттар-кази, 091. В другом месте (Самойлович, *Материалы*, I, стр. 018 и сл.) А. Н. Самойловичем приводятся отрывки из турецких рукописей, по которым сарыки переселились из Чарджуя в Мервский оазис при Байрам-Али-хане, т. е. до 1785 г. Победивший Байрам-Али-хана Шах-Мурад бухарский отдал Мерв сарыкам, а Йолотан — салорам.

⁹¹ Абд ас-Саттар-кази, 0103.

ваны хивинскими ханами. В 1854 г. Медемин-ханом был предпринят поход на Мерв под предлогом необходимости прекратить споры между сарыками и текинцами из-за земли и воды⁹². В марте 1855 г. Медемин-хан пал в битве с Коушут-ханом текинским близ Серахса; 1 сентября (н. ст.) в битве с текинцами пал новый хан Абдулла⁹³. Следующему хану Кутлуг-Мураду предложили свою помощь против йомутов текинцы из Ахала, сарыки, текинцы и салоры из Теджена и Мерва⁹⁴; с другой стороны, выступивший среди кунгратских каракалпаков претендент Эр-Назар-бий заключил союз с йомутами⁹⁵. Йомуты в начале 1856 г. совершили удачный поход на Хиву и убили хана; 11 февраля везиру Мухаммед-Я'кубу (этот везир в том же году был казнен по распоряжению нового хана) удалось поднять население и устроить поголовное избивание йомутов, продолжавшееся 3½ часа⁹⁶.

В Персии тотчас после прекращения смут и установления господства каджарской династии стали предпринимать меры против туркменских набегов. Эти меры сводились к карательным экспедициям со стороны Астрабада против йомутов и гёкленов и со стороны Хорасана против текинцев и их соседей и не имели никаких прочных результатов. Такие безрезультатные экспедиции упоминаются еще и в первые годы XIX в.⁹⁷, но персы продолжали считать йомутов и гёкленов своими подданными. В 1819 г. хивинский хан Мухаммед-Рахим на предложение русского посла Муравьева заменить торговый путь через Мангышлак путем из «Красноводской пристани» ответил: «Хотя справедливо, что Мангышлакская дорога гораздо долее Красноводской; но народ Мангышлакской мне предан и поддан; прибрежные же Йомуды (йомуты.— В. Б.)⁹⁸, живущие к Астрабаду, по большей части служат Каджарам»⁹⁹. Йомутами, помимо набегов на Персию, совершались также набеги на Хиву; в 1800 г. одно из узбекских племен, мангыты, из-за грабежей йомутов переселились на берег Аму-Дарьи, где ими был основан город (соб-

⁹² < Походы Мухаммед-Эмин-хана на Мерв, в котором в то время обитали сарыки, начались с 1846 г. и происходили ежегодно до 1855 г. — Ю. Б. >

⁹³ Агехи, л. 511 б. < На самом деле хан Абдулла пал в битве не с текинцами, а с восставшими хорезмскими йомутами, на сторону которых перешли также имрели, чоудуры и другие племена хорезмских туркмен; сражение произошло в районе города Ильялы в Хивинском ханстве. См. МИТТ, II, 549—551. — Ю. Б. >

⁹⁴ Агехи, л. 514 а и сл.

⁹⁵ Там же, л. 516 а.

⁹⁶ Там же, л. 521 а. < Восстание хорезмских туркмен, в котором участвовали как йомуты, так и некоторые другие племена, продолжалось, с небольшими перерывами, с 1855 по 1867 г. О нем см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 197—225. >

⁹⁷ Сведения в *Раузат ас-сафа'* Риза-Кули-хана, IX. < Ср. также МИТТ, II, 205 и сл. — Ю. Б. >

⁹⁸ Как во многих случаях (яб в ял и т. п.) русские при передаче местного названия заменили конечный глухой звук звонким.

⁹⁹ Муравьев, *Путешествие*, ч. I, стр. 134.

ственно, базарный пункт) Мангыт¹⁰⁰, существующий до сих пор. Хивинские ханы много раз совершали вместе с туркменами набеги на пограничные области Персии и вмешивались в столкновения туркмен с персами. В 1834 г. гёклены совершили успешное вторжение на Гюрген; им угрожала месть со стороны прибывшего многочисленного персидского войска; хан Алла-Кул в 1835 г. переселил их частью в Кызыл-Арват, частью в Хорезм¹⁰¹. В 1837 г. хан восстановил крепость у Мейхене и оставил там часть гёкленов; другим гёкленам были отведены земли около Куня-Ургенча¹⁰². Этот поход хана был ответом на поход (в 1836 г.) персидского шаха Мухаммеда на Гюрген и Атрек, причем персидский автор говорит об оттеснении туркмен в сторону Хивы и Ургенча¹⁰³.

При том же Мухаммед-шахе (1834—1848) произошел поход мазандеранского наместника на остров Челекен, которым завладел туркмен Кыят-хан из племени джафар-бай (одного из отделов йомутов). Захватив остров, Кыят-хан тем самым захватил путь между восточным и западным берегом моря; при столкновении с персидскими властями он называл себя русским подданным и наоборот¹⁰⁴. Персидскому наместнику удалось победить туркмен, часть их истребить, часть увести в плен; Мухаммед-шах получил известие об этом во время похода на Герат (1837 г.).

В конце царствования Мухаммед-шаха живший в Серахсе отставной наместник Хорасана Мухаммед-Хасан-хан поднял восстание против правительства, опираясь на туркмен — текинцев, йомутов, гёкленов, салоров и сарыков, живших в Серахсе, Ахале, Теджене, Кары-ябе¹⁰⁵ и Хиве; с ним всегда было 3000 туркмен; когда уходили одни, приходили другие. Восстание было подавлено с большим трудом.

Во время персидского похода 1860 г. салоры ушли из Пенджде в Меручак, откуда были потом вытеснены сарыками. Раньше в Пенджде жило племя эрсари¹⁰⁶. На Мургабе был положен конец политической независимости туркменского народа, когда в одном и том же году (1884) русские вступили в Мерв, афганцы — в Пенджде, откуда им в 1885 г. пришлось уйти.

¹⁰⁰ Мунис, < рук. ИНА Е 6 >, лл. 75 б, 133 б и 144 б.

¹⁰¹ Агехи, л. 351 б и сл. < Переселение значительной части гёкленов в Хорезм, согласно хронике Агехи, произошло в начале 1837 г.; см. МИТТ, II, 467—468. — Ю. Б. >

¹⁰² Там же, л. 357 б и сл. < Алла-Кули-хан поселил род кай из племени гёкленов в Мейхене, а в крепости Мехин — между Геок-Тепе и Бахарденом; ср. МИТТ, II, 469. — Ю. Б. >

¹⁰³ Об этом и дальнейшем *Раузат ас-сафа*³, X.

¹⁰⁴ < Как установлено в следствии на основании изучения русских архивных документов, Кыят-хан и его сыновья придерживались в основном русской ориентации. См. *История Туркменской СР*, т. I, кн. 2, стр. 95—98. — В. Р. >

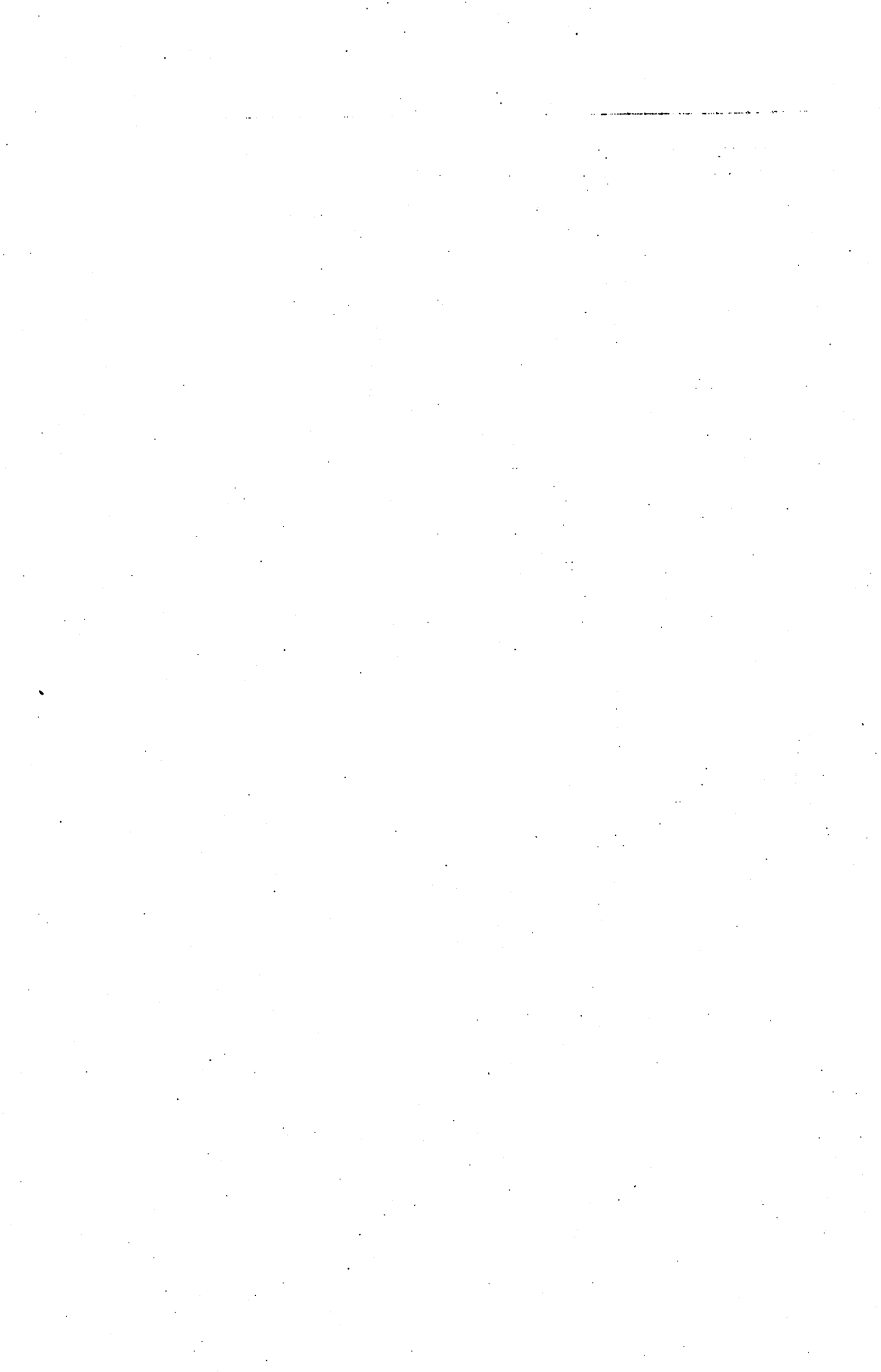
¹⁰⁵ < Правильно — Кара-яб; это — крепость на канале того же названия, ок. 18 км от Мерва. — Ю. Б. >

¹⁰⁶ Yate, *Northern Afghanistan*, p. 189.

Военными действиями и соглашениями 1880-х годов земли туркменского народа были поделены между Россией (с вассальными ханствами Бухарским и Хивинским), Персией и Афганистаном. Как подданные самой сильной державы, русские туркмены находились в наиболее благоприятном положении, особенно на границе с Персией, где по договору ни одна из речек, протекавших из пределов Персии в пределы России, не могла быть использована для искусственного орошения до вступления на русскую территорию. Этой привилегии туркмены после революции лишились; зато на советской территории впервые был выдвинут принцип политического объединения туркменского народа, и среди самих туркмен вызвано чувство национального единства, до тех пор сознававшегося ими, по-видимому, только в области языка и литературы. О внимательном изучении туркменской жизни свидетельствуют следующие слова русской книги о результатах районирования Средней Азии: «Каждый туркмен твердо знает свою родословную и почти не отделяет своих личных интересов от интересов своего рода. Отдельные роды, даже принадлежащие к одному и тому же племени, часто враждуют между собой. Солидарно они выступают только против представителей другого племени или других народов... Национальное самосознание очень слабо; только в последние, особенно послереволюционные годы отдельные племена начинают привыкать к взгляду, что они являются только частью одного национального целого — туркменского народа»¹⁰⁷. Надо надеяться, что росту этого сознания будет способствовать успех культурной работы¹⁰⁸.

¹⁰⁷ «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 2, стр. 102 и сл.

¹⁰⁸ < Об истории туркменского народа после Великой Октябрьской революции см *История Туркменской ССР*, т. II. — Ю. Б. >

РЕЦЕНЗИИ

**F. H. Skrine and E. D. Ross, The Heart of Asia.
A History of Russian Turkestan and the Central Asian
Khanates from the Earliest Times**

London, 1899, XI+444 pp. 8°.

Книга гг. Скрайна и Росса разделяется на две части; первая включает в себе очерк истории края с древнейших времен до русского завоевания, вторая — очерк поступательного движения русских и описание положения края под русским владычеством. Из предисловия мы узнаем, что оба автора лично посетили Туркестан и что каждому из них «изучение интересовавших его вопросов было облегчено исключительно благоприятными условиями». Проф. Росс принимает на себя ответственность за большую часть сообщаемого в книге исторического материала; он мог воспользоваться многими «персидскими, арабскими и русскими источниками, которые до сих пор были недоступны для лиц, незнакомых с этими языками», и постарался дать «последовательный очерк событий среднеазиатской истории с древнейших времен, какого до сих пор не было ни на одном языке». Конечно, автор не задавался целью исчерпать свой предмет и признает неизбежность пропусков; при изложении событий, хорошо известных по другим сочинениям, он счел возможным ограничиться несколькими словами, но зато подробно останавливается на деталях, до сих пор не оцененных по достоинству, например на Кутейбе ибн Муслиме. Г-н Скрайн взял на себя описание «механизма управления, развития железных дорог, торговли и общественной жизни в больших городах»; при этом он пользовался содействием нескольких русских должностных лиц.

Для читателей «Записок Восточного отделения» главный интерес представляет первая часть, являющаяся, по справедливому замечанию авторов, первым опытом очерка истории Туркестана. Составление подобных работ всегда соединено со значительными трудностями; как бы добросовестно автор ни относился к своей задаче, его работа всегда дает достаточно материала для поправок как ему самому, при дальнейших исследованиях, так и его критикам. Мы желали бы, чтобы лица, интересующиеся историей Средней Азии, не приступали к чтению труда проф. Росса со слишком большими ожиданиями и не поверили отзыву фран-

кузского рецензента¹, будто автор «воспользовался всеми восточными сочинениями, уже изданными или еще находящимися в рукописи». Каждый, кто сколько-нибудь знаком с источниками по истории Средней Азии, знает, что подобную работу в настоящее время не мог бы произвести никто. Составитель краткого очерка внешней истории Средней Азии вполне выполнил бы свою задачу, если бы для каждого периода ограничился одним основным источником, дополняя и исправляя его только в тех случаях, когда эти дополнения и поправки уже были сделаны в частных монографиях. Такого метода держался, например, покойный А. Мюллер в своей истории ислама и дал нам ценное руководство, соответствующее современному состоянию науки и вполне определенно отмечающее важнейшие desiderata. Та же самое можно сказать о некоторых главах работы проф. Росса, к сожалению не о всех.

Истории домусульманского периода посвящены первые четыре главы; в общем эта часть книги соответствует современному состоянию науки; автор воспользовался новейшими нумизматическими трудами и превосходными работами проф. Нёльдеке². Главным недостатком этой части является смешение Митридата II парфянского с Митридатом понтийским³ (стр. 13).

В следующих восьми главах излагается история мусульманского завоевания и арабского владычества. Эта часть книги бесспорно является самой ценной в научном отношении. Автор воспользовался лучшими источниками, сочинениями Табари и Нершахи, и отмечает все места, где персидский переводчик Табари отстает от арабского подлинника; в первый раз известия Табари о среднеазиатских событиях подвергаются такому основательному исследованию. Отдельные недостатки, конечно, можно отметить и в этих главах. Неизвестно, на каком основании автор (стр. 72) утверждает, будто Ашрас ибн Абдаллах задался целью обратить в ислам именно «христиан» Средней Азии. В рассказе об Абу Муслиме (стр. 82) приводится анекдот о причине выбора им черного знамени и совершенно не отмечается факт, что этот цвет еще до Абу Муслима выбрал Харис ибн Суейдж⁴. О восстании Хариса вообще говорится очень кратко (стр. 75), причем автор не упоминает о том, что и тогда лозунгом восстания были «книга божия и предписания его пророка»⁵. Без поправки приводится (стр. 85—86) во всяком случае ошибочное мнение Вамбери, будто «исторические сочинения ясно показывают, что природное иранское население страны, именно таджи-

¹ E. D., RCHL, t. XLVII, <p. 121>.

² Nöldeke, *Aufsätze*; Табари, пер. Нёльдеке.

³ Считаю долгом упомянуть о том, что на эту ошибку обратил мое внимание сам автор

⁴ Табари, II, 1570, 1575.

⁵ Там же, 1567.

ки⁶, сражались под знаменем Насра и долго сохраняли верность Омейядам», и будто Абу Муслим привлек на свою сторону только тюркские элементы. В рассказе о наместнике Али ибн Исе основательно, но не во вполне точных выражениях (стр. 96), отмечается ошибка А. Мюллера: убитый в 191/807 г. Иса ибн Али действительно существовал, но был сыном Али ибн Исы, а не наоборот, и никогда не был наместником Хорасана⁷.

Если бы автор продолжал так, как начал, и после Табари взял себе в руководители Ибн ал-Асира, то и следующие восемь глав, посвященные истории самостоятельных династий домонгольского периода, удовлетворяли бы всем разумным требованиям. Между тем он не только не сделал этого, но, насколько можно судить по его работе, совершенно не пользовался Ибн ал-Асиром⁸, что, на наш взгляд, является главным недостатком книги. Главы о Тахиридах, Саффаридах и Саманидах отличаются по крайней мере фактической точностью⁹; автор мог пользоваться таким ценным источником, как Нершахи, и таким превосходным исследованием, как статья проф. Нёльдеке о Саффаридах (стр. 103); его можно упрекнуть только за чрезмерную краткость сообщаемых им сведений (династия Саманидов после Исма'ила посвящена только одна страница). Зато глава о «Караханидах или уйгурах» составляет самую слабую часть книги. Уже в заглавии принята теория, которая теперь, после замены токуз-уйгуров токуз-огузами¹⁰, едва ли может устоять против «the light of modern research». Авторитет д-ра Бретшнейдера, на который ссылается автор (стр. 114), безусловно должен быть признан относительно китайских источников, но едва ли относительно династии, которую мы знаем почти исключительно по мусульманским источникам. Автор в тексте и примечаниях продолжает ссылаться на «Нершахи», несколько не оговариваясь, что речь идет не о сочинении этого историка, а о приложенном Шефером к его изданию *Ta'riḫ-i Neršahi* отрывке

⁶ Ср., напр., рассказ Табари (II, 1952) о том, как к Абу Муслиму в один день присоединились жители 60 деревень, и приведенное Розеном (ЗВОРАО, т. III, стр. 155—156) известие о диканах.

⁷ Ср. Табари, III, 708, 712.

⁸ Только на стр. 116 мы имеем очень неопределенную ссылку на Ибн ал-Асира, без указания страницы. Ибн ал-Асир цитируется также на стр. 142, но через посредство книги В. А. Жуковского о Мерве <Развалины Старого Мерва>.

⁹ Отметим небольшую хронологическую неточность (стр. 102): Мухаммед б. Тахир был низложен в 873, а не в 872 г. Вообще автор, подобно Лэн-Пулю (ср. его *Мусульманские династии* в моем переводе, предисловие, стр. VIII), при сравнении годов мусульманской эры с годами христианской не принимает во внимание более точных дат (с указанием месяца и дня). Другая неточность касается области географии; автор (стр. 109) определяет местоположение Тараза по моей статье *О христианстве в Туркестане* (стр. 16), а не по более точным данным, приведенным в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию* (стр.: 16).

¹⁰ Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 33.

из компиляции конца XVI в.¹¹; во время своих занятий в Берлинской королевской библиотеке (в 1898 г.) я убедился, что этот отрывок составляет часть *Ta'rīx-i Ḥayderī*, сочинения Хайдера Рази. Последний вообще может быть причислен к добросовестным компиляторам, но отдельные ошибки у него, конечно, встречаются, и пользоваться исключительно им, когда до нас дошел его главный источник, Ибн ал-Асир, не было никакого основания. Автор (стр. 121) повторяет за Хайдером Рази, что Ибрахим ибн Богра-хан был «последним владельцем из дома Богра-хана», и вообще не сознает разницы между двумя ветвями Караханидов, из которых одна продолжала господствовать в Восточном Туркестане и в Семиречье, другая утвердила свою власть в Мавераннахре¹². При изложении истории самаркандской ветви автор даже своим единственным источником пользуется не всегда внимательно. Хайдер Рази ясно говорит¹³, что Ибрахим ибн Наср умер в 460/1068 г. от паралича, что ему наследовал его сын Шемс ал-мульк Наср, что в царствование последнего Алп-Арслан сельджукский предпринял поход на Мавераннахр, но был убит на берегу Аму-Дарьи, и что Шемс ал-мульк умер в месяце зу-л-ка'да 472/<апрель — май> 1080 г. Между тем проф. Росс утверждает (стр. 121), будто, по словам «Нершахи», Ибрахим «был убит в сражении с Алп-Арсланом¹⁴ сельджукским в 472 (1079 г.) и ему наследовал его брат Хизр-хан»; о Шемс ал-мульке говорится только в примечании, со слов Лэн-Пуля. В дальнейших ошибках автора виноват выбранный им источник; так, пропущен (стр. 121) упомянутый у Ибн ал-Асира¹⁵ Махмуд-хан, один из преемников¹⁶ Мас'уд-хана, и неверно изложена история Арслан-хана Мухаммеда¹⁷ б. Сулеймана. По словам Хайдера Рази, у Мухаммеда был сын Наср, у того — сын Мухаммед; на самом деле Мухаммед б. Наср никогда не существовал; Наср короткое время правил в Самарканде при жизни отца¹⁸, после чего престол опять перешел к последнему. Руки ад-дин Махмуд, сражавшийся с кара-китаями, был сыном Арслан-хана Мухаммеда.

¹¹ Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. IX, стр. 314—315.

¹² Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 211—213.

¹³ Нершахи, изд. Шефера, 235—236.

¹⁴ Ниже (стр. 131) сам автор основательно относит смерть Алп-Арслана к 465 г. х. (при указании года христианской эры здесь опечатка).

¹⁵ Изд. Торнберга, IX, 213.

¹⁶ После Мас'уд-хана управляли один за другим Сулейман-тегин, Махмуд-тегин (Махмуд-хан) и Харун-тегин (Бундари, изд. Хаутсма, 258—259).

¹⁷ По справедливому замечанию автора (стр. 121), Лэн-Пуль ошибочно называет его Махмудом; эта ошибка также исправлена мною (Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 111); но в списке ханов и в подлиннике, и в моем переводе по ошибке опущен Мас'уд. Проф. Россу, на мой взгляд, следовало бы упомянуть о строительной деятельности Арслан-хана, о которой так подробно говорит Нершахи (изд. Шефера, 17, 23, 28, 33, 49—50).

¹⁸ О его царствовании мы у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, X, 465; XI, 54) находим две версии,

Крупные ошибки приходится отметить также в главах, посвященных сельджукам, Газневидам, кара-китаям и хорезмшахам. Кроме Ибн ал-Асира, автору, на наш взгляд, следовало воспользоваться трудом Бейхаки, по крайней мере в изложении Биберштейна-Казимирского¹⁹. Он убедился бы, что, вопреки его мнению (стр. 125), Тогрул и Чахыр²⁰ перешли из Мавераннахра в Хорасан не при Махмуде, а при Мас'уде (весной 1035 г.). Махмуд во время своего похода в Мавераннахр (1025 г.) взял в плен сына Сельджука, но перешедшие в следующие годы в Хорасан туркмены находились под начальством других, менее сильных предводителей²¹, и государственные деятели того времени вполне сознавали эту разницу между «пастухами» и «эмирами-завоевателями»²². Неверно также утверждение (стр. 127), будто Мас'уд «держался за Хорасан со всей энергией отчаяния»; из рассказа Бейхаки²³ ясно видно, что отъезд Мас'уда из Газны в Индию был малодушным бегством, которому советники султана тщетно старались помешать. В рассказе о борьбе Меликшаха с «Алтегином, тюркским ханом Самарканда» (стр. 131—132), не отмечается тождество этого лица с Шемс ал-мульком²⁴. История нашествия кара-китаев (стр. 137—139) рассказана по Дегиню, которого желание примирить хронологию китайских источников с хронологией мусульманских заставило предположить два похода кара-китаев на Самарканд, причем в первый раз они будто бы сражались с хорезмшахом Кутб ад-дином²⁵, во второй — с султаном Синджаром сельджукским. Мусульманские источники говорят, однако, только о следующих трех битвах между кара-китаями и мусульманами: 1) победа Ахмед-хана кашгарского над кара-китаями в 522/1128 г.²⁶; 2) победа кара-китаев над Махмуд-ханом самаркандским в рамазане 531/ <май — июнь> 1137 г. на берегу Сыр-Дарьи; 3) победа кара-китаев над султаном Синджаром 5 сафара 536/9 сентября 1141 г. в Катванской степи²⁷. О столкновении хорезмшаха Кутб ад-дина с кара-китаями нет никаких известий, и кара-китай в его время, по-видимому, еще не дошли до границ Мавераннахра.

¹⁹ Менучехри, 17—131

²⁰ <Так у Росса; = Чагры. — Ю. Б.>

²¹ Их имена у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 267) и у Бейхаки (изд. Морлея, 294).

²² Бейхаки, изд. Морлея, 584.

²³ Там же, 829—830.

²⁴ Отметим также на стр. 132 lapsus calami: Alptagin вместо Alp-Arslan.

²⁵ Deguignes, *Histoire générale des Huns*, t. III, pt. II, p. 253. Название Хорезма Дегинь, вероятно, видел в слове Ху-эр-сань, которое Опперт (*Presbyter Johannes*, S. 128) отождествляет с названием Хорасана: О хронологическом разногласии см. также Опперт, *Presbyter Johannes*, S. 132—133.

²⁶ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 55. Ср. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 221.

²⁷ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 56—57.

В главе о Чингиз-хане автор пользуется моей статьей²⁸, но все-таки в вопросе о годе рождения монгольского завоевателя отдает преимущество китайским источникам перед мусульманскими (стр. 151), не замечая, что с последними вполне сходится древнейший из китайских источников, Мэн Хун²⁹. Современное состояние науки не должно бы позволить автору повторить (стр. 153) теорию о происхождении легенды о священнике Иоанне от титула Ван-хан, полученного кераитским ханом только в самом конце XII в., тогда как «священник Иоанн» появляется уже в 1145 г.³⁰ Автор (стр. 150) с большим одобрением, которое едва ли разделят русские читатели, отзывается о книге Иванина³¹, посвященной походам Чингиз-хана и Тамерлана. Завоевание Бухары и Самарканда по всем источникам произошло не в 1219 г. (стр. 158—159), а в 1220³².

В главе о чагатайской династии автор (стр. 161) справедливо замечает, что лучший очерк истории этой ветви Чингизидов принадлежит Оливеру³³, и все-таки в начале следующей главы (стр. 165) относит восшествие на престол Казан-хана к 733 г. х., вопреки приведенным у Оливера монетным данным³⁴ и вопреки известиям путешественников того времени — Ибн Баттуты и европейских миссионеров³⁵. Незнакомство с Ибн ал-Асиром помешало автору (стр. 163) исправить ошибку Вамбери, который относит к периоду монгольского владычества возвышение бухарских садров, тогда как они занимали такое же положение еще при кара-китаях³⁶.

В главе о Тимуре мы находим (стр. 168) ссылку на рукописный источник (единственную во всей книге), именно на *Зафар-наме* Низам ад-дина Шами, предшественника Шереф ад-дина; это сочинение сохранилось только в одной рукописи, до сих пор никем не исследованной³⁷. Тем более удивительно, что автор (стр. 170, 172), пользовавшийся первоисточниками, выписывает характеристику Тимура из сочинения совершенно некомпетентного писателя, путешественника Вольфа. Едва ли последний мог бы привести какие-нибудь доказательства в пользу своего

²⁸ Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 105 и сл.

²⁹ Там же, стр. 108. <Чжао Хун; см. наст. изд., т. I, стр. 84, прим. 5. — Ю. Б.>

³⁰ Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 25—26.

³¹ *О военном искусстве*.

³² Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 239—241; Джузджани, пер. Раверти, 976—980; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 228—237.

³³ Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 217.

³⁴ Oliver, *Chaghatāi Mughals*, p. 117.

³⁵ *Москвейм*, прилож. № LXXVIII, LXXX, LXXXXII (о Дженкши, одном из предшественников Казана).

³⁶ Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 170. <См. наст. изд., т. I, стр. 418 и сл.>

³⁷ Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 170—172. <Кроме рукописи Брит. муз., в настоящее время известна еще одна рукопись Шами, хранящаяся в Стамбуле (б-ка Нур-и Османе). Текст *Зафар-наме* включен также в *Маджмӯ'а* Хафиз-и Абру (имеется в трех рукописях — в Стамбуле и Париже). Критический текст *Зафар-наме* издан в 1937—1956 гг. Ф. Тауэром. — Ю. Б.>

взгляда, будто «Тимуру стоило бы только приказать, и его провозгласили бы не только императором, но и пророком татар». Как известно, краеугольным камнем политики Тимура и Тимуридов было уважение к религии и ее представителям; рассуждать о том, что произошло бы, если бы Тимур следовал обратной политике и объявил себя основателем новой веры, представляется нам по меньшей мере излишним.

Новейшая история Туркестана (XV—XIX вв.) до сих пор мало исследована; даже сделанная Ховорсом попытка краткого изложения этой истории, по мнению Тейфеля³⁸, была преждевременной. Автор пользуется трудами Ховорса, Вамбери, В. В. Вельяминова-Зернова и других и приблизительно дает то, что можно было дать при современном состоянии науки. Можно, однако, упрекнуть его за то, что он (стр. 199) приводит дату смерти Джанида Убейдуллы I со слов Вамбери, который мог ссылаться только на «устные предания»³⁹, и совершенно не пользуется статьей Тейфеля⁴⁰, подробно разобравшего сочинения современника Убейдуллы. Приводимая автором (стр. 192) дата основания Хивинского ханства основана только на предположении Ховорса⁴¹. Наконец, автор из трех узбекских ханств останавливается почти исключительно на Бухарском; о Хорезме и Коканде не сообщается почти ничего, и не указываются сочинения, где читатели могли бы найти сведения о них.

Мы постарались отметить как достоинства работы проф. Росса, так и важнейшие недостатки ее, причем совершенно не касались тех ошибок, которые могли бы быть исправлены только на основании неизданных источников. Некоторые из указанных недочетов, вероятно, покажутся читателям очень существенными; но правило *l'art est difficile, la critique est aisée* особенно приложимо к подобным работам, где автор не может опираться на труды предшественников и где для него самого вопрос о том, как следовало написать книгу, обыкновенно выясняется уже после окончания работы. Мы нисколько не сомневаемся в том, что значительная часть наших критических замечаний теперь для самого проф. Росса не представляет ничего нового. За автором всегда останется заслуга составления первого очерка истории Туркестана, на что ему пришлось потратить значительное количество труда. Книга читается с интересом и, вероятно, будет способствовать увеличению числа интересующихся историей Средней Азии и появлению новых исследований, в которых несомненно примет участие сам автор, обещающий (стр. 168)

³⁸ Teufel, *Quellenstudien*, S. 236.

³⁹ Vámbéry, *History of Bokhara*, p. 338 («oral traditions»).

⁴⁰ Teufel, *Quellenstudien*, S. 342.

⁴¹ Howorth, *History of the Mongols*, pt II, p. 879 (в цитате проф. Росса опечатка). Г-н Ховорс предлагает читать 921 вместо приведенной у Абулгази невозможной даты 911, но у Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 212) приведена также дата по животному циклу (год барана), указывающая на 1511 или начало 1512 г., в чем нет ничего невозможного.

дать нам издание одного из важнейших памятников, *Зафар-нāме* Низам ад-дина⁴².

Во второй части книги мы находим краткую историю русского завоевания⁴³ и очерк современного положения края⁴⁴. Очерк написан с большим беспристрастием и большим уважением к культурным успехам края под русским владычеством. Если авторам приходится отмечать не-симпатичные для них явления, то почти всегда приводятся параллели из истории английского владычества в Индии, показывающие, что и там происходило или еще происходит то же самое. Неприятное впечатление на русского читателя производит только замечание (стр. 393) о генералах Кауфмане и Абрамове, будто они, «если бы их попросили ассигновать деньги для археологических целей, дали бы без сомнения такой же ответ, какой дал Вильям Питт Венъямину Хэдону, предлагавшему основать национальную картинную галерею: „все деньги, которые мы можем собрать, нужны нам для покупки и употребления пороха“». Относительно Кауфмана, устроителя Туркестанского края, основателя Туркестанской публичной библиотеки, заключавшей при нем почти все сочинения по Средней Азии, это замечание во всяком случае является грубой несправедливостью.

Книга украшена рисунками Верещагина и несколькими хорошими фотографиями; приложены две карты, карта Средней Азии и историческая карта, показывающая ход занятия края русскими. Наведение справок облегчается указателем собственных имен.

---

⁴² <Ср. выше, прим. 37.>

⁴³ Странно, что на стр. 259 неверно приводится общеизвестная дата завоевания Хивы (24 марта вместо 29 мая = 10 июня).

⁴⁴ На стр. 373 о бухарской цитадели почему-то говорится, что она «относится к эпохе Саманидов». Между тем из рассказа Нершахи (изд. Шефера, 21—23) ясно видно, что цитадель на этом месте существовала гораздо раньше, а нынешняя цитадель выстроена гораздо позже.

**Князь В. И. Масальский, Туркестанский край.
С 206 политипажами, более 20 диаграмм, картограмм
и схематических профилей, с 1 большой картой Туркестана,
1 Памира, 1 Тянь-Шаня и 8 малыми картами**

СПб., 1913. Издание А. Ф. Девриена. X+861 стр. 8°. (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П. П. Семенова Тянь-Шанского и акад. В. И. Ламанского. Том XIX). Цена 5 р. 50 к.

После выхода в свет труда Л. Ф. Костенко¹, давно уже составляющего библиографическую редкость, в русской литературе, за исключением некоторых популярных статей² и железнодорожных путеводителей, не было попытки дать полное и всестороннее описание Туркестана. Как и следовало ожидать, цели автора разбираемой книги совершенно иные, чем цели его предшественника. «Туркестанский край» Костенко был прежде всего «опытом военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа»; в настоящее время более четверти века отделяет нас от последних событий военной истории края; на очереди стоят другие вопросы, преимущественно тот, которому отведено главное место в «Туркестанском крае» кн. Масальского, — вопрос о значении этой окраины «для нашей экономической жизни».

Взгляд самого автора на этот вопрос — более чем оптимистический. Автор не только знает, но и любит описываемую им страну, жалеет о том, что «Туркестан, давший славу многим русским ученым и исследователям, почти не вдохновлял наших поэтов и художников», кроме Верещагина (стр. VI). В противоположность осторожному скептицизму ученых-ориенталистов³, в противоположность мнению представителей «теории высыхания», отрицающих за краем всякую экономическую бу-

---

¹ *Туркестанский край*.

² Среди них почетное место принадлежит статьям самого кн. Масальского в книге «Окраины России», изданной, под редакцией П. П. Семенова, для парижской всемирной выставки 1900 г. (о Туркестане — стр. 129—210) и в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXXIV, 1902).

³ Кроме мнения Н. И. Веселовского (ЗВОРАО, т. II, стр. 279), ср. также вполне согласное с ним мнение В. В. Радлова (*Aus Sibirien*, Bd II, S. 418).

душность⁴, автор говорит о прошлом, настоящем и будущем Туркестана в таких выражениях, которые, вероятно, многим читателям покажутся чрезмерными. «История Туркестана представляет глубокий, захватывающий интерес» (стр. 273), несмотря на то, что в этой истории мало «более или менее светлых страниц» (стр. 284). При «одном упоминании о Средней Азии» перед автором встает «грандиозный и яркий образ» (стр. VI). Орошение новых земель и развитие хлопководства будут иметь последствием «создание огромной отрасли сельскохозяйственной промышленности, колоссальное приращение народного богатства» (стр. VII). Через Туркестан «рано или поздно», но «неизбежно» пройдет «грандиозный европейско-индийский железнодорожный путь» (стр. 585). В Туркестане «необходима самая спешная, самая интенсивная работа» (стр. 559); автор «ни на одну минуту» не сомневается в том, что для выполнения «грандиозной задачи» в России найдется «достаточно сил, средств, энергии и талантов» (стр. VII). Возможно, что автор не все свои положения мог бы подкрепить доводами, убедительными и для скептиков⁵; возможно даже, что рекомендуемая им спешность будет иметь не одни только положительные результаты⁶; но трудно было бы отказать в симпатии такому оптимизму, не скрывающему ошибок прошлого⁷ и призывающему не к самодовольству и успокоению, но к энергичной работе. Без горячей веры автора в свое дело мы, вероятно, не получили бы такой книги о Туркестане, какой до настоящего времени не было не только на русском, но и ни на одном из европейских языков.

Книга заключает в себе подробный очерк природы края (отд. I), обзор исторических судеб населения, сведения о его современном этнографическом составе, бытовых условиях, промыслах и занятиях, о путях сообщения (отд. II). Третий и последний отдел книги имеет характер подробного путеводителя для приезжающих в край: после некоторых общих руководящих указаний для туристов (о лучшем времени для путешествия, о способах передвижения, о снаряжении и т. п.) автор вво-

⁴ Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV, стр. 054 и сл.; его же, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 092.

⁵ Так, события последних лет, к сожалению, сделали довольно вероятным, что европейско-индийский железнодорожный путь пройдет через Балканский полуостров, Турцию и Персию, минуя Россию, Туркестан и Афганистан.

⁶ Так, мы узнаём из книги, что «проект туркестанского водного закона» уже составлен отделом земельных улучшений и внесен в законодательные учреждения (стр. VII, 426 и 559), хотя «установившиеся в Средней Азии правила водопользования» еще до сих пор «не разработаны и даже не собраны воедино» (стр. 425 и сл.). Казалось бы, что подробное изучение действующего в крае обычного права должно бы было предшествовать составлению подобного законопроекта, тем более что в Государственной думе в настоящее время нет представителей от Туркестана.

⁷ Особенно характерен опыт с Аральской флотилией, упраздненной в 1882 г., причем «одним из результатов» этого опыта было «почти совершенное истребление по берегам Сыр-Дарьи» такого полезного растения, как саксаул (стр. 569).

дит своих читателей в страну по главным железнодорожным (дороги Ташкентская и Среднеазиатская с Андижанской ветвью) и водным (пароходство на Аму-Дарье) путям и по почтовому тракту от станции Кабул-сай до Верного, отсюда на восток до Джаркента и на север до Сергиополя; мелким шрифтом сообщаются сведения о местностях, расположенных в стороне от железной дороги, пароходства и главного почтового тракта. Приложены подробный библиографический указатель, указатели имен географических, имен личных и предметов; в «дополнениях» помещены некоторые статистические таблицы, относящиеся преимущественно к 1911 г., иногда и к более ранним годам⁸.

Очерк природы края, составленный, по-видимому, на основании тщательного изучения литературы предмета и личного знакомства автора со многими местностями Туркестана, вероятно, будет оценен по достоинству специалистами. Для читателей «Записок Восточного отделения», может быть, будет интересен вывод, который если не сделан автором, то мог бы быть сделан из его слов: что Туркестан в настоящее время представляет еще более благодарное поприще для ориенталиста (лингвиста, историка, археолога и т. п.), чем для натуралиста и географа. «Предварительное общегеографическое изучение этой страны уже закончено» (стр. 9); растительность «в общем уже изучена хорошо и выяснен ее своеобразный характер» (стр. 210); «изучение животного царства Средней Азии следует признать в общих чертах законченным» (стр. 255); между тем «изучение памятников старины в Туркестане едва только начинается» (стр. 318); «внутренний мир туземного мусульманского населения и все стороны его духовной жизни, вытекающие из векового господства ислама, нам до сих пор мало известны» (стр. 560)⁹. Едва ли нужно доказывать, что для того «приобщения туземного мусульманского населения к русской культуре», о котором говорит автор (стр. VIII), необходимо прежде всего знать это население, его современный быт и его прошлое. Даже для разрешения единственного политического вопроса, поднятого в книге кн. Масальского — для «введения двух обломков прежнего среднеазиатского строя» (ханств Бухарского и Хивинского) «в русло нашей государственной жизни и культуры» (стр. VIII и 560) — было бы прежде всего необходимо подробно изучить современную жизнь обоих ханств; чтобы эта работа имела характер исследования по первоисточникам, она должна быть

---

⁸ Об оборотах торговли автор располагал сведениями только за 1910 г., об эксплуатации железных дорог — только за 1909 г. О сборе хлопка приводятся сведения за 1912 г. (11 354 тыс. пудов), но автор оговаривается, что эти сведения были «предварительными» и что «в действительности сбор оказался ниже, около 10 милл. пудов».

⁹ Правда, в другом месте (стр. 9) сказано, что нам «в общих чертах» известны «не только характер Средней Азии и особенности ее природы, но и состав ее обитателей, условия их существования и отчасти и духовная их жизнь».

выполнена людьми, знающими местные языки и имеющими хотя бы некоторое понятие об историческом происхождении современного государственного строя¹⁰. Такие же исследования были бы необходимы по ряду вопросов, касающихся других сторон жизни края: дервишизма; действия туземных судов; водного хозяйства, его прошлого и его современной терминологии. К сожалению, число русских людей, сколько-нибудь знакомых с языком и письменностью туземцев, в настоящее время еще крайне незначительно. Автор при описании Ташкента (стр. 610) говорит о двух частях города, русской и туземной (азиатской), «которые настолько резко отличаются одна от другой, что представляют как бы два особых мира, расположенных рядом», но не прибавляет, что еще в недавнее время в «русском» Ташкенте (за немногими исключениями) столь же мало думали об «азиатском», как в европейских кварталах Шанхая и Кантона — о китайском населении тех же городов¹¹.

Кн. Масальскому литература по этнографии и истории края знакома, по-видимому, не в той же степени, как литература по общей географии, ботанике, зоологии и т. п. В книге сообщаются сведения, хотя и краткие, по истории изучения природы края, его растительности и животного царства (стр. 4 и сл., 208 и сл., 254 и сл.); по этнографии, истории и археологии дается только (стр. 9) перечень, крайне неполный, имен исследователей, к тому же расположенных в несколько странном порядке (Наливкин, Бартольд, Веселовский, гр. Бобринский, Жуковский, Остроумов). В библиографическом указателе отделы «Археология и история» и «Распределение населения» и т. д. (стр. 794—799) отличаются несколько меньшей полнотой и точностью, чем другие¹². Все же автором и в этом отношении сделано больше, чем можно было ожи-

¹⁰ Ни тому, ни другому условию не удовлетворяет книга Д. Н. Логофета *Бухарское Ханство* — наиболее подробное, после вышедшей еще в 1843 г. книги Н. В. Ханькова, описание Бухарского ханства.

¹¹ Характерны в этом отношении печатавшиеся в «Историческом вестнике» 1913 г. воспоминания одного из деятелей недавнего прошлого края, Г. П. Федорова. Рассказывая о слабости власти при одном из генерал-губернаторов, автор воспоминаний находит, что беспечность начальства не имела вредных последствий, так как Ташкент в то время жил несложной жизнью захолустного города (Федоров, *Моя служба*, стр. 453). Что жизнь Туркестана не исчерпывается жизнью русского Ташкента, это, по-видимому, не сознается им и теперь.

¹² Несмотря на то, что библиография в некоторых местах доведена до 1913 г. (изданный в этом году переселенческим управлением «Атлас Азиатской России» назван даже в трех местах: стр. 781, 785 и 803), не упомянута статья А. А. Семенова *Из области религиозных верований*. Упомянута работа А. Шишова о сартах, и не упомянута работа того же автора о таджиках (Шишов, *Таджики*). О «Предварительных заметках» Д. А. Хвольсона по поводу семиреченских надписей не сказано, что эта статья появилась в ЗВОРАО, т. I. Название издававшегося в Ташкенте в 1898 г. сборника — «Сборник материалов по мусульманству», а не «Материалы по мусульманству». Статья А. Калмыкова о Хиве напечатана в ПТКЖА, год 12-й, а не год 9-й. Перед заглавием статьи Вельяминова-Зернова (*Монеты*) по какому-то корректурному недосмотру поставлено слово «архив».

дать от неориенталиста. История края изложена, в общем, вполне удовлетворительно; можно отметить только несколько неточностей, не имеющих большого значения. Название Искандер-куль не встречается ни в одном средневековом источнике и потому едва ли может быть признано отголоском преданий об Александре Македонском (стр. 277 и 685); вероятно, оно было дано озеру в позднейшее время каким-нибудь книжником, как название Афрасиаб — городищу близ Самарканда. Еще меньше значения имеет предание, будто город Ширабад, возникший только в XVIII в.¹³, «видел под своими стенами воинов Александра» (стр. 277). На стр. 282 автор присоединяется к мнению Вамбери, будто при Саманидах «были раздuty в благотворный свет едва глевшие в Балхе и Мавераннагре после арабского нашествия искры иранской культуры»; приблизительно таково же было мнение противника Вамбери, проф. Григорьева¹⁴, объяснявшего развитие культуры при Саманидах существованием в стране «старой научной закваски»; тем не менее все факты указывают на то, что страна была обязана своими культурными успехами не столько местным традициям, сколько усилившемуся при Саманидах культурному влиянию Передней Азии. Там же к числу географов, описывавших «с восхищением великолепие Саманидов и процветание их государства», причисляется Ибн Русте, не говорящий ни слова о Саманидах. На стр. 293 сказано, что Тимур в 1379 г. овладел не только Хорезмом, но также Грузией и Арменией; в действительности войска Тимура впервые появились в этих областях в 1386 г. Едва ли верно, что Надир-шахом «был нанесен окончательный удар» могуществу Бухары (стр. 298); Бухара при Мухаммед-Рахимхане (1756—1759) была гораздо могущественнее, чем в первой половине XVIII в. Есть также ошибки против истории и хронологии в маршрутных справках. Монеты, найденные в развалинах Джанкента, относятся не к XV (стр. 596), а к XIV в.¹⁵; Хадждадж был не халифом (стр. 642, 655 и 656), а наместником восточных областей халифата; «мечеть» (в действительности медресе) Улугбека построена не в 1434 (стр. 676), а в 1420 г.¹⁶; надписи в Джиланутинском ущелье не арабские (стр. 686), а персидские; Кир умер не в 560 (стр. 690), а в 529 г. до н. э.¹⁷; «царь» и «пророк» Соломон (стр. 712) — одно и то же лицо, тождественное также с «легендарным мусульманским царем Сулейманом» (стр. 753). Современный Куня-Ургенч возник не «лет около пятидесяти тому назад» (стр. 756), но еще в 1831 г.¹⁸

¹³ Основателем его был Шир-Али, мятежный наместник Термеза (Teufel, *Quellenstudien*, S. 42).

¹⁴ Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 13.

¹⁵ Автор, очевидно, был введен в заблуждение недосмотром в книге Лерха (*Археологическая поездка*): VIII в. хиджры соответствует не XV, а XIV в. н. э.

¹⁶ Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0125.

¹⁷ Правильная дата приведена самим автором на стр. 275.

¹⁸ Подробности об этом, заимствованные из официальной хивинской истории, будут

Несколько слабее этнографическая часть книги. О взаимоотношениях двух главных этнических (иранцы и турки) и бытовых (оседлые жители и кочевники) групп населения даются, в общем, правильные сведения, хотя автор несколько преувеличивает разрушительные наклонности кочевников. По его мнению, «для кочевника непонятна и не нужна вся оседлая культура. Если бы кочевники могли, они весь мир обратили бы в пастбище» (стр. 351). В действительности кочевники всегда умели ценить предметы, которые они могли получать только от своих культурных соседей¹⁹; походы кочевников на культурные земли предпринимались с целью овладеть богатствами этих земель, но отнюдь не для обращения их в пастбища. Все, что говорится об отдельных народностях каждой группы, нуждается в существенных поправках и оговорках. Слово *таджик*, вопреки мнению многих ученых²⁰, едва ли может быть произведено «от персидского тадж — корона» (стр. 405); правописание и произношение *таджик*, по крайней мере в персидской литературе²¹, появляются сравнительно поздно; вплоть до XIV в. персидские авторы пишут обыкновенно *тазик*. О языке таджиков сказано только (стр. 408), что они «говорят на различных наречиях персидского языка, более или менее значительно отличающихся от последнего»; не сказано, какие из этих наречий понятны и какие непонятны для знающих литературный персидский язык (только о наречии ягнобцев говорится, что оно непонятно для соседей ягнобцев); между тем по этому вопросу в литературе есть некоторые сведения²². О численности турецких народностей говорится по данным переписи 1897 г., хотя и отмечаются несовершенства этой переписи²³ (стр. 361 и 391). Сарты, по мнению автора (стр. 393), «говорят на джагатайском наречии, отличающемся от узбекского»; между тем чагатайский поэт Неваи, живший до завоевания края узбеками, называется «узбекским поэтом» (стр. 382)²⁴. Без оговорок приводятся цифры переписи, по которым сарты в Самар-

сообщены в моей статье *К истории орошения Туркестана*, печатающейся в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство». <См. Бартольд, *Орошение*, стр. 99.>

¹⁹ Ср. хотя бы слова орхонских надписей о китайских товарах (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Neue Folge, S. 151). Из товаров, получаемых от культурных соседей, для кочевников особенно важны предметы одежды. В 50-х годах XVI в. ногайский князь Исма'ил писал своему брату Юсуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить» (Соловьев, *История России*, кн. II, стр. 92).

²⁰ Ту же этимологию поддерживает еще Justi, *Geschichte Irans*, S. 402.

²¹ В турецкой литературе мы находим форму *tâdjik* уже в памятнике XI в. *Кытад-гу билик* (Радлов, *Словарь*, III, 1096). Возможно, что у орхонских турков было слово *tâzik*, тогда служившее для обозначения арабов (Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 14).

²² Geiger, *Kleinere Dialekte*, S. 290.

²³ Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0190 и сл.

²⁴ На самом деле наречие сартов гораздо ближе к наречию узбеков, чем к литературному чагатайскому языку.

кандской области составляют только 2% населения, в Ферганской — 50%, узбеки в Самаркандской области — 59%, в Ферганской — 10% (стр. 360); в действительности это объясняется тем, что, как было отмечено в печати еще до переписи²⁵, самаркандская статистика признавала только узбеков, а не сартов, ферганская — только сартов, а не узбеков. В Хивинском ханстве, по словам автора, «сартов нет» (стр. 392), между тем А. Н. Самойлович «только для Хивинского ханства» отстаивает этническое значение слова *сарт*²⁶. У туркмен, по мнению кн. Масальского (стр. 386), «самостоятельного наречия нет; одни из них, живущие на границе Персии, говорят на несколько измененном азербейджанском наречии; другие, обитающие в Хиве, Бухаре и на границах афганского Туркестана, употребляют наречие, близкое к джагатайскому или узбекскому, третьи, наконец, живущие по соседству с киргизами, говорят на языке, близком к киргизскому». Из того, что туркмены подвергаются лингвистическому влиянию своих более культурных или более многочисленных соседей, еще не следует, что туркменского наречия не существует; в частности, азербайджанцы, как и османцы, — выходцы из туркменского народа, так что скорее можно было бы назвать азербайджанское наречие «измененным туркменским», чем наоборот.

Сведения об исламе и его влиянии на жизнь его последователей несколько односторонни и не всегда точны. Коран назван «сборником изречений и поучений Магомета» (стр. 354). По мнению автора (стр. 334), мусульманскую культуру убили «книжники», под влиянием которых «умственный кругозор мусульманских народов замкнулся в тесный круг идей и понятий, основанных на толковании корана... После того, как под влиянием этого направления светоч науки погас в Багдаде, центром умственной жизни мусульманства сделалась Персия... Значительно позже появился новый очаг мусульманской культуры в Бухаре и Самарканде». В действительности, культурная работа происходила в Персии приблизительно в то же самое время, как в Багдаде, и к этому же, а не более позднему времени относится возникновение «очагов мусульманской культуры» в Средней Азии. Неправильно переводятся некоторые восточные слова: *хуа* значит (по-арабски) 'он', а не «вездесущий» (стр. 356); *хафиз* как нарицательное имя значит не «певец» (стр. 403), а 'знаток и декламатор Корана'; *Искандер-салис* значит 'Александр Третий', а не «солнце Александра» (стр. 652):

Указатели не вызывают никаких существенных замечаний²⁷, и ими,

²⁵ Бартольд, ЗВОРАО, т. XI, стр. 354.

²⁶ Самойлович, *К вопросу о сартах*, стр. 269.

²⁷ Разумеется, встречаются опечатки в цифрах; о Хаджжадже говорится на стр. 280, а не 380. В тех случаях, где в тексте книги по ошибке упоминается одно и то же лицо под различными именами, эти ошибки перешли, конечно, и в указатель; кроме Соломона и Сулеймана (ср. выше, стр. 639), сюда относятся также Ибн Даста и Ибн Руста. Путешественник Ефремов в указателе по недосмотру назван Ефимовым (в тексте верно).

конечно, с благодарностью будут пользоваться все читатели. Несколько менее удовлетворительно составлено оглавление; порядок в оглавлении не всегда соответствует порядку изложения в самой книге²⁸; в значительной степени этот недостаток возмещается заголовками наверху каждой страницы, благодаря которым читателю нетрудно отыскать интересующую его часть каждой главы. Недостаёт перечня иллюстраций, который был бы очень полезен, так как иллюстрации, относящиеся к одним и тем же местностям, помещены иногда в различных местах книги (ср., например, изображение развалин Мерва на стр. 286 и 645).

По своему внешнему виду книга производит такое же выгодное впечатление, как все издания А. Ф. Девриена, хотя, конечно, не все фотографические снимки одинаково отчетливы. Фотографии самого кн. Масальского большею частью превосходны.

В заключение можно только выразить как автору, так и редакторам издания²⁹ искреннюю признательность за книгу, которой, несмотря на ее большой объем и не совсем удобный формат, суждено, по-видимому, надолго остаться «настойной и дорожной книгой» для путешественников и начинающих туркестанских деятелей.

---

²⁸ В гл. I в оглавлении перечислены сначала моря и озера, потом реки; в книге об Аральском море говорится после Аму-Дарьи, о Балхаше после Или. В гл. V порядок народностей в оглавлении иной, чем в тексте книги.

²⁹ Кроме редактора всей серии, В. П. Семенова-Тян-Шанского, предисловие от редакции к XIX тому подписал также Л. Берг.

**Азиатская Россия. Издание Переселенческого Управления
Главного Управления Землеустройства и Земледелия**

СПб., 1914. Том I. Люди и порядки за Уралом. VIII+576+II стр. Том II. Земля и хозяйство. 638+II стр. Том III. Приложения. CLV стр. 4^о.

«По мысли и по непосредственным указаниям Главнoуправляющeго Землеустройством и Земледелием, статс-секретаря А. В. Кривошеина» Переселенческим управлением издана «своего рода энциклопедия» сведений об Азиатской России (кроме Кавказа); цель издания — «ответить пробудившемуся интересу к азиатским окраинам». В первый том вошли статьи содержания историко-юридического и этнографического, во второй — естественно-исторического и экономического. К участию в составлении энциклопедии были привлечены авторитетные ученые; достаточно сказать, что «Исторический очерк завоевания Азиатской России» составлен покойным С. М. Середонинным, которому эта работа, по словам авторов его некролога², была предложена как «лучшему знатоку русской исторической географии»; часть статьи о землях Кабинета Его Величества принадлежит проф. В. В. Сапожникову; среди других статей есть статьи проф. А. И. Воейкова (о климате), проф. К. Д. Глинки (о почвах), Л. С. Берга (об устройстве поверхности), Б. А. Федченко (о растительности). Статьи, подписанные менее известными именами или совершенно не подписанные, большею частью составлены, насколько может судить неспециалист, с таким же знанием дела³. Книга издана великолепно, со множеством превосходных фотографий, рисунков, диаграмм, карт и т. п. Как собранные в двух томах⁴ данные о культурных успехах присоединенных к России стран, так и самый факт появления в свет подобного издания наглядно свидетельствуют о культурном росте России за последние десятилетия.

---

¹ Все издание составляет одно целое с вышедшим еще в 1913 г. «Атласом Азиатской России» (см. ЗВОРАО, т. XXII, стр. 201, прим. 3).

² Платонов — Чечулин, С. М. *Середонин*, стр. 44.

³ Обращаем особое внимание ориенталистов, интересующихся культурной историей Туркестана, на превосходную статью Е. Е. Скорнякова об искусственном орошении (т. II, стр. 219—255).

⁴ В третий том вошли указатели, перечень портретов, рисунков, карт и т. п. и список опечаток.

Тем не менее издатели справедливо указывают на неизбежность несовершенства «первой попытки» составления такого сборника. Рецензент не может не выразить сожаления, что к участию в составлении и редактировании книги, где, между прочим, собраны сведения о такой древней культурной стране Востока, как Туркестан, не был привлечен ни один из русских ориенталистов. Вследствие этого те места, где говорится об этнографическом составе, духовном быте и прошлом народов Туркестана, не всегда, к сожалению, удовлетворяют даже требованиям элементарной грамотности. Даже в статье С. М. Середонина мы встречаем характерное замечание, что «киргизы, как раньше калмыки (курс. рец.), находились под сильным влиянием ханств Кокана, Хивы и Бухары» (I, 32). Автору, по-видимому, осталось неизвестным, что калмыки не были мусульманами и потому под влиянием ханств находиться не могли. Большое число недоразумений заключает в себе этнографический очерк, составленный И. П. Поддубным (I, 93—178). С сохранением старого термина «урало-алтайцы» и старого деления этой семьи языков на пять групп можно было бы еще примириться; хуже, что автор смешивает «монголов» как расу с «монголами» как лингвистической группой, вследствие чего дунгане оказываются одновременно «китайцами-мусульманами» и «представителями монгольской группы в Туркестане» (стр. 143). Таджики разделяются на горцев (гальча) и жителей долин; «первые (т. е. горцы. — В. Б.) говорят на языке, родственном персам (sic.— В. Б.), а вторые забыли родное наречие» (стр. 176 и сл.). В действительности именно равнинные таджики говорят на языке, близком к персидскому, тогда как наречия горцев персам непонятны. Хезарейцы почему-то названы «хозарами» (стр. 178), вследствие чего читатель-неспециалист может смешать их со средневековыми хазарами на Волге. Афганцы-сунниты названы шиитами (стр. 177). Очень неточны сведения об исламе и шариате; источниками шариата, кроме Корана, названы «хасиды (чит. «хадисы». — В. Б.) и фатвы (юридические решения) — толкования преемниками пророка (sic. — В. Б.) разных неясных мест корана по разным вопросам жизни» (стр. 169, прим.). О мусульманской географии говорится, что «земля представляется как плоскость, со всех сторон окруженная горами *кап*, где обитают *полулюди* и *полуптицы* — *куг*» (курс. автора, стр. 172)⁵.

Исламу вообще не особенно посчастливилось. В статье П. П. Любимова о «религиях и вероисповедном составе населения» неверно указано даже столетие возникновения ислама: VI в. вместо VII в. (I, 232). В статье Н. В. Турчанинова о школьном деле, между прочим, сообщается, будто «в старомодных мектабах» (sic), кроме Корана, преподаются также «история и география Туркестана» (I, 258). Столь же скудны и неточны сведения о других сторонах культурной жизни Тур-

⁵ Очевидно, автор неправильно понял выражение *кух-и Каф* ('гора Каф').

кестана в прошлом и настоящем. И. П. Поддубный ошибочно полагает, что Маргиана «привлекала внимание еще Александра Македонского» (I, 93)⁶. Об истории городов Туркестана сообщается только (в статье Н. В. Турчанинова), что «древние туркестанские города хранят следы былых исторических событий; каждый имеет свою историю (? — В. Б.), передаваемую из рода в род в красочных формах восточных сказаний, связанных с именами Александра Македонского, Тамерлана и других легендарных героев» (I, 318). В той же статье (стр. 327) упоминается «Коканд, или по-местному „Лятиж“, что в переводе означает „Прелестный“» (имеется в виду слово *лятиф* — эпитет, присоединяемый к названию города Коканда, но не заменяющий его). Изображение главного бухарского минарета (I, 338) снабжено непонятной подписью: «Башня Зин-Занд (? — В. Б.) в Бухаре». Надписи на персидском языке, сохранившиеся в Джизакском ущелье, ошибочно названы «турецко-татарскими» (II, 548)⁷. Само собою разумеется, что на собранных в книге статистических данных о населении Туркестана отразились те же недостатки переписи 1897 г. и те же противоречия местной статистики, которые уже не раз отмечались на страницах «Записок»⁸.

Незнакомство с трудами ориенталистов отразилось, хотя и в меньшей степени, также на сведениях о других областях Азиатской России. Так, в очерке И. П. Поддубного встречается не совсем понятная ссылка на какую-то «летопись конца XII в.», по которой бурятский правитель поднес Чингиз-хану ястреба-утколова (I, 133). Очевидно, автор смешал время события с временем сочинения «летописи»; в XII в. никаких летописей ни у бурят, ни у монголов не было⁹. По статистической таблице, приведенной в статье Н. В. Турчанинова (I, 80), со времени переписи 1897 г. несколько увеличилось, между прочим, число енисейских остяков (1021 чел. вместо 988); в действительности эта народность, как вновь установлено работами В. И. Анучина, произведенными на средства Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии¹⁰, принадлежит к числу быстро вымирающих (так правильно сказано и в статье И. П. Поддубного, I, 106).

Исправление погрешностей, без которых книга, по признанию самих составителей, не могла обойтись, несколько затрудняется отсутствием точных сведений о литературе предмета. В заключительной

⁶ Об этом Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 6 и сл.

⁷ Ср. о противоположной ошибке кн. В. И. Масальского: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 203; <см. выше, стр. 639>.

⁸ Бартольд, ЗВОРАО, т. XI, стр. 354; его же, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0190 и сл.; его же, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 204; <см. выше, стр. 640—641>.

⁹ Известие, приведенное автором, находится в монгольской летописи XVII в. *Алтан-Тобчи*, 133.

¹⁰ ИРКСА, № 5, 1905, стр. 10 и сл.

(анонимной) статье «История изучения Азиатской России» (II, 617—638) приводятся только имена исследователей, но не заглавия их трудов. Среди указателей, вошедших в т. III, есть «указатель главнейших источников и пособий по Азиатской России» (стр. LXXI—CXLI); но этот библиографический обзор составлен не вполне удачно. Из сочинений, касающихся Средней Азии, опущены многие, по своему значению отнюдь не уступающие книгам и статьям, вошедшим в указатель; в распределении материала не всегда соблюдена система; так, труд Гаури, в переводе Хомутова, упомянут в отделе «Население» и т. д. (стр. LXXIII), остальные труды об исламе — в отделе «Религия и вероисповедания» (стр. LXXVI). Только в немногих статьях (в I томе анонимные статьи о «крестьянском переселении» и о «земельных порядках за Уралом», во II томе статья С. В. Востротина о северном морском пути) есть ссылки в подстрочных примечаниях.

В заключение остается только присоединиться к «горячему желанию» главного управления, чтобы изданная им книга послужила «почином» и чтобы «в ближайшем будущем появились другие, более совершенные труды, посвященные Азиатской России» (т. I, стр. VIII). Осуществление этого желания, конечно, будет зависеть от общих условий культурной жизни России. Рецензент не видел бы основания присоединиться к сетованиям покойного С. М. Середонина, что у Ермака, Пояркова и других не было «больше знания, больше чувства меры» (I, 14). Деятели прошлого приходится брать такими, какими они были; иными они и не могли бы выполнить свое историческое назначение; Ермака и Атласова с «чувством меры» так же трудно себе представить, как профессора наших дней в роли сибирского землеискателя XVI—XVII вв. Но времена изменились, и теперь, по справедливому замечанию неизвестного автора заключительной статьи, работа должна происходить при свете «современных научных знаний и указаний истории и научного опыта» (II, 638). Надо надеяться, что эта точка зрения когда-нибудь будет распространена и на ту отрасль русской науки, с которой до настоящего времени едва ли не меньше всего считались представители русского правительства и общества: на русское востоковедение.

РАЗДЕЛ II

**РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ КАВКАЗА
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

МЕСТО
ПРИКАСПИЙСКИХ ОБЛАСТЕЙ
В ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

ПРЕДИСЛОВИЕ
ОТ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
ОБЩЕСТВА ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Издавая курс лекций, читанных глубокоуважаемым академиком Василием Владимировичем Бартольдом на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета в ноябре и декабре 1924 г. (всего 20 лекций), на тему: «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», Историко-этнографическая секция О-ва считает необходимым предпослать несколько слов.

Издавая настоящий курс лекций (по стенографическим записям), Секция имела в виду чисто практическую цель: во-первых, прийти на помощь студенчеству АГУ, согласно его просьбе, дать в письменном виде этот курс; во-вторых, дать слушателям историко-этнографического отделения вновь открываемых Курсов азербайджановедения, а также членам Историко-этнографической секции Общества пособие по истории Азербайджана и сопредельных прикаспийских стран¹.

Историко-этнографическая секция Общества обследования и изучения Азербайджана выражает глубокую благодарность академику В. В. Бартольду за его любезное разрешение на издание этих лекций.

1924 г.

г. Баку.

---

¹ <После выхода в свет этой работы опубликовано большое число статей и обобщающих трудов по вопросам, которые рассматривались в лекциях В. В. Бартольда. Наиболее важные из них: *История Азербайджана*, т. 1 (библиография — стр. 402—419); И. Дьяконов, *История Мидии*; М. Дьяконов, *Очерк*; Тревер, *Кавказская Албания*; Minorsky, *Studies* (добавление: Minorsky, *Caucasica IV*); idem, *Sharvān*; Rabino, *Māzandarān*; idem, *Les dynasties alaouides*; idem, *Les dynasties du Māzandarān*; idem, *L'histoire du Māzandarān*; idem, *Les dynasties locales*; Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана*; Петрушевский, *Земледелие*; его же, *Очерки*. Некоторые другие работы указаны ниже, в последующих примечаниях. — Б. С.>

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

Настоящие лекции, читанные в Азербайджанском государственном университете в ноябре и декабре 1924 г., издаются по желанию студентов университета и Общества обследования и изучения Азербайджана.

Мне были даны на просмотр стенографические записи; при просмотре их я только старался исправлять фактические ошибки, не касаясь формы изложения, за которую я поэтому не принимаю на себя ответственности¹.

В. Бартольд

1924 г.

г. Баку.

---

¹ <В «Исправлениях и дополнениях», помещенных в конце первого издания этой работы, В. В. Бартольд дал следующее примечание: «По условиям печатания оказалось невозможным пересылать корректуры в Ленинград, и потому книга выходит без авторской корректуры. Автор имел возможность просмотреть перед выпуском уже готовые листы и внести свои поправки и дополнения лишь в список опечаток, который и печатается ниже. Относительно недостатков в слого и часто в расстановке знаков препинания остается в силе оговорка, сделанная автором в предисловии».

В настоящем издании работа публикуется без каких-либо стилистических исправлений. — Б. С.>

ЛЕКЦИЯ I (1—2)

Приступая к чтению объявленного курса, я должен сказать несколько слов о его характере и цели. В основу изучения истории народа могут быть положены древнейшие следы его культурной жизни, извлекаемые из языка народа или древнейших археологических памятников. В этом случае в основу исторического обзора кладется взгляд, что история есть результат взаимодействия человека и окружающей его внешней природы. В этом случае необходимо, конечно, изучить язык древнейшего населения данной области и древнейшие археологические памятники. Такова и была задача Дагестанской экспедиции прошлого года, но, как известно, для большинства прикаспийских областей эта работа не исполнена. В своих работах я руководствовался другим взглядом: тем взглядом, что основным содержанием истории какой-нибудь страны является степень ее участия в мировом культурном общении. Этнографическое происхождение народа и даже богатство природы имеют в этом случае только второстепенное значение, а первостепенное значение имеют для этого вопроса главным образом географическое положение страны, степень ее доступности и расположение ее на торговых путях¹. Таким образом, главная цель моего курса.— дать посильный ответ на вопрос относительно прикаспийских областей: когда и как эти области входили в этот круг мирового культурного общения и как изменялось сравнительное значение отдельных городов и областей до установившегося в настоящее время положения, когда Баку принадлежит культурное первенство в прикаспийских областях. Теперь в этом отношении историю Азии, и особенно Передней Азии, приходится начинать с постепенного передвижения культуры вверх по реке Евфрату. В этом культурном движении, как нам известно, играли, кроме мирного культурного влияния, большую роль завоевательные походы. Покорение одного народа другим, несмотря на все ужасы, которыми сопровождались завоевательные походы вообще и ассирийские походы в особенности, имело большое образовательное значение. Главное значение придают двум исходным пунктам народного переселения: одним считается арабский полуостров,

---

¹ <О взглядах Бартольда на исторический процесс и преувеличении им роли культурных влияний см. Якубовский, *Проблема*. — Б. С.>

родина семитских народов, другим и притом наиболее важным пунктом движения считается Средняя Азия, откуда происходили нашествия народов арийских и впоследствии турецких. Эти две переселенческие волны сталкивались в Западной Персии. Историки указывают на Хузистан как на область, в которой эти две переселенческие волны сталкивались. В этой области мы можем ясно проследить антропологические следы существования 3 главных типов: первоначального населения страны, затем типа семитического, завоевательного, и затем 3-го типа — арийского. Несмотря на то что первоначальное население страны давно исчезло (в последний раз мы встречаемся с известиями о нем в X в.), все-таки в антропологических типах населения есть следы происхождения его от более древнего, существовавшего в Хузистане. То же самое можно сказать и относительно других областей Западной Персии и некоторых областей Кавказа. Вот эти два движения и создали империи: мидо-персидскую и ассиро-вавилонскую.

Вполне установлено, что, кроме этих движений, происходили другие движения через Переднюю Азию. В связи с этим ставился вопрос о более древних движениях с Балканского полуострова и в Среднюю Азию через Кавказский перешеек. Что касается первого движения, то это имеет так мало отношения к прикаспийским областям, что, я думаю, нет необходимости касаться его, что же касается кавказского движения, то, несмотря на то что мы имеем некоторые известия и даже вполне определенные, например греческого историка Геродота, у которого есть вполне определенные известия о народах, которым приписывается переселение через Кавказский перешеек в Северную Персию и в Малую Азию, в этом приходится сомневаться, потому что никаких этнографических следов это движение не оставило, так как неиндоевропейское население по склонам гор Кавказа существует и до сих пор.

Народ, который жил на берегу Каспийского моря, греками назывался каспиями; эти каспии жили на юго-западной стороне Каспийского моря. Мы имеем сведения, что область с городом Байлаканом, в месте впадения реки Аракса в Куру, называлась Каспианой. Это заставляет искать место жительства каспиев главным образом в этой области. Известия о каспиях мы находим уже у греческих авторов. Между прочим, говорится, что они жили также у верховьев Инда. На это обращает свое внимание специалист по истории Ирана, проф. Маркварт², который совершенно независимо от яфетической теории Н. Я. Марра сближает этих каспиев с бурушасками, живущими по южному склону Гиндукуша, в области Канджун, которых язык стоит совершенно отдельно от соседних языков. Он не имеет ничего общего ни с иранскими языками, ни с индийскими, ни с языком турецким.

² <См. Marquart, *Untersuchungen*, II, S. 141, Anm. 5.>

Его сближают с кавказскими языками³. Академик Марр⁴ говорит, что этот язык принадлежит к тем, которые он объединяет под названием яфетических. Население по южному склону Гиндукуша говорит на этом языке. Это совпадает с известием Геродота о каспиях, живших около Кавказа и у верховьев Инда. Что касается яфетической теории, то она обнимает огромное число народов, языки которых в настоящее время причисляются к яфетическим, — от народа, живущего в области Канджут, на южном склоне Гиндукушских гор, на востоке, до, с другой стороны, живущего на западе, в Пиринейских горах, народа басков. Что касается того, какое число народов на этих языках говорило, то здесь, мне кажется, что лингвистическая теория Николая Яковлевича Марра совпадает с теми выводами, которые нам дают археологические данные: еще Стасов предполагал, по археологическим данным, существование третьего элемента, не семитического и не индоевропейского. Существование этого третьего элемента находит все более и более доказательств, и его считают первоначальным населением. В одной из моих последних работ, напечатанных в «Известиях Академии истории материальной культуры»⁵, мною приведен спор между учеными, причем обе стороны приходят к одному и тому же выводу, что в древности было однородное население в Европе и в Передней Азии, это именно и есть то население, которое называется, по теории Н. Я. Марра, яфетическим. В труде Тураева «История древнего Востока», в новом издании, под названием «Классический Восток», появилось дополнение учеников Тураева⁶, которые излагают теорию Марра о том, что яфетический язык есть древнейшая стадия развития языка вообще, что языки индоевропейские и семито-хамитские представляют позднейшие стадии. Я не буду вдаваться в обсуждение лингвистических теорий вообще, а особенно Н. Я. Марра, но для историков эта теория более привлекательна в прежнем виде, когда предполагалось существование коренного туземного населения Передней Азии и древней Европы, которое постепенно подчинялось с одной стороны — семитическим, а с другой — индоевропейским народам. Теперь относительно двух империй, вавилоно-ассирийской и мидо-пер-

³ <Во времена В. В. Бартольда некоторыми лингвистами, в частности Н. Я. Марром, на которого он далее ссылается, преувеличивалась степень близости языка населения области Канджут (Хунзы и Нагара) с кавказскими языками. Как отмечает В. Ф. Минорский, язык бурушаски, распространенный в Хунзе и Нагаре, «может быть сопоставлен с кавказскими языками только по некоторым синтаксическим конструкциям»; см. выше, стр. 110, прим. 2. — Б. С.>

⁴ <Говоря о взглядах Н. Я. Марра на язык бурушасков (иначе буришков или вершиков), В. В. Бартольд мог опираться на следующие его работы: *Выступление от 23.X.1918; Яфетический Кавказ* (Избр. работы, т. I, стр. 113—114); *Яфетиды* (Избр. работы, т. I, стр. 130); *Об яфетической теории* (Избр. работы, т. III, стр. 4). — Б. С.>

⁵ <См. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*, стр. 364—365.>

⁶ <См. Тураев, *Классический Восток*, стр. 82—84.>

сидской; их история начинается с собой историю Передней Азии до Александра Великого, и для нас прежде всего ставится вопрос: каково было отношение этих двух империй к прикаспийским областям. Мне известно, что на последнем краеведческом съезде в Баку был доклад проф. Байбакова, который указывал на большое значение прикаспийских областей в истории вавилоно-ассирийской монархии. Я думаю, что это может быть основано на местных находках, так как если мы обратимся к Тураеву, то увидим, что у него Каспийское море упоминается всего в двух местах: в первом, где говорится о скифах, и во втором, где рассказывается об Александре Македонском; кроме того, передается о победе одного из ассирийских царей XIV в. до н. э. над народом каспиев. Больше никаких подробностей нам не сообщается. Известно, кроме того, что в глазах ассирийцев Каспийское море считалось пределом мира, который был известен ассирийцам на Востоке. Что касается образования второй монархии, мидо-персидской, то несомненно, что движение арийцев с востока на запад происходило к югу от прикаспийских областей. Главный торговый путь шел не через прикаспийские области, а к югу от них. Прикаспийская область, благодаря высоким горам и густым прибрежным лесам Каспийского побережья, оставалась вне этого главного пути движения народов, и поэтому понятно, что прикаспийские страны играли очень второстепенную роль в мидо-персидской монархии. Каспийское море не упоминается в надписях Дария, которые находятся на Бехистунской скале. Из закавказских областей, только одна упоминается среди провинций империи Дария — Армения. Народ каспии упоминается также в известиях у Геродота, причем трудно сделать определенный вывод, о которых каспиях там говорится, потому что каспии называются в двух сатрапиях Дария и трудно определить, какие каспии в данном случае имеются в виду, так как каспии жили также и в местах по верхнему Инду. Таким же образом неизвестно, какие каспии принимали участие в походах Ксеркса. Народ каспиев, несмотря на то что был многочислен, исчез довольно скоро, так что уже в эпоху Рима нет о них сведений; даже в IV в. до н. э. каспии как народ не упоминаются, и только отдельные географические местности сохранили имя этого народа. Самое позднее название относится к Каспийскому проходу, который был к востоку от Тегерана и составлял границу между Мидией и Парфией. Это название встречается и у мусульманских географов. Кроме того, обращалось внимание греками на область, занимавшую выдающееся место в прикаспийских областях с юго-востока, Гирканию; ее название сохранилось в названии реки Гюрген, по современному турецкому произношению, которая течет с юго-востока в Каспийское море. Эта часть была более доступна и, кроме того, находилась ближе к другим народностям, например к парфянам, и к такой культурной стране, как Хорезм. Эта область достигла боль-

шего культурного развития, чем другие области, и поэтому ее имя было дано Каспийскому морю, и название Гирканского моря встречается часто. Иногда авторы ошибались, думая, что тут два моря, когда в действительности тут было лишь одно. Имеется также известие Геродота о том, сколько дней нужно, чтобы переплыть Каспийское море: с юга на север 15 дней и с востока на запад, в самом широком месте, 8 дней. Разумеется, последняя цифра слишком велика и показывает, что тут имелось в виду плавание с восточного берега на западный не по одной и той же географической широте (тогда можно было бы этот путь сделать гораздо скорее). Это происходит потому, что на восточном берегу никаких культурных областей, кроме Гиркании, не было. Южная часть западного берега была пустынной. Это известие Геродота совпадает с известием арабского географа Истахри. Последний говорит, что в одну неделю совершали плавание по ширине Каспийского моря, от Табаристана до Дербента. Можно предполагать, что Дербент являлся тем древним пунктом на западном берегу Каспийского моря, куда совершались плавания, и что тут имеется в виду путь от южного берега до Дербента. Это плавание действительно совершали в 8 дней. Теперь, что касается влияния персидского⁷ владычества на прибрежные страны, то здесь есть известие Геродота, что власть персов распространялась до Кавказского хребта, но это известие вызывает большое сомнение: если когда-нибудь персы доходили до Кавказского хребта, то во всяком случае владычество их здесь не являлось очень прочным. Сохранились позднейшие известия, что власть Ахеменидов до Кавказа не доходила; в частности, об Иверии (теперешней Грузии) говорится вполне определенно, что иверийцы никогда, до нашествия римлян, не подчинялись другим завоевателям и даже персам. Вместе с тем, в описании похода Александра сообщается о народе мардов, или амардов, о том, что их страна была независима, так как не могла привлекать завоевателей вследствие своей бедности и оставалась вне персидского завоевания. Является очень сомнительным, имело ли персидское владычество какое-нибудь влияние в прикаспийских областях, кроме Гиркании. Что Гиркания тогда входила в круг влияния персов, это установлено, но входили ли все прикаспийские области в сферу этого влияния, достоверно не известно.

Теперь относительно рассказов о походе Александра Великого. Упоминается, что в 331 г., в битве при Гавгамеле, когда персидские войска были разбиты македонцами, в войсках мидийского сатрапа находился отряд албанцев. Здесь албанцы упоминаются как жители Албании, области по берегу Каспийского моря, в состав которой входил и тот город, где мы сейчас находимся. Для того чтобы сделать вывод, подчинялись ли вообще албанцы Мидии, материала еще недо-

⁷ <В первом издании — «прежнего» (явная опечатка). — Ю. Б.>

статочно; мне кажется, что нет, так как очень часто бывает, что соседние народности принимают участие в походе лишь в качестве наемников, и это вовсе не значит, что народ постоянно подчинялся персидскому владычеству. Вполне возможно, что здесь так и было. Албанцы больше не упоминаются, и Александр коснулся прикаспийских областей в своих походах лишь с восточной стороны. Он вторгся в Гирканию, причем был оставлен общий сатрап для Парфии и Гиркании. После того Александр вторгся в соседние страны, где жил народ тапуров и где был свой сатрап. Затем, дальше к западу, находилась область мардов, или амардов, которые не подчинялись персам. Эта область была очень бедна, почему и не привлекала завоевателей. Что касается названия амардов, то в этих странах сохранилось название города Амуля. Это один из городов в области, лежащей по южному берегу Каспийского моря. Это название интересно в том смысле, что оно свидетельствует о существовании там яфетидов, пришедших сюда с востока, несомненно принадлежавших к прежнему населению прикаспийских областей. Город Амуль существовал и на реке Аму-Дарье приблизительно там, где сейчас находится город Чарджуй. Город этот получил название от реки Аму, или Амуль (или наоборот); таким образом, Аму есть яфетическое название реки, тогда как арийское есть Вахш, греческое Окс (Оксос). Область мардов была подчинена сатрапу тапуров.

Александр хотел образовать экспедицию для исследования Каспийского моря. Но экспедиция при жизни Александра не состоялась и была осуществлена только через 40 лет после его смерти. Эта экспедиция, под предводительством Патрокла, привела к тому выводу, что Каспийское море не является внутренним морем, а заливом северного океана, причем океан греки представляли себе гораздо южнее, чем он находится на самом деле. Этот взгляд был господствующим, и еще историк Александра Македонского Арриан был убежден, что Каспийское море является заливом северного океана, несмотря на то что греки могли бы убедиться в своей ошибке. К Александру пришел владетель Хорезма и предложил, что если Александр хочет двинуться на запад, то он даст ему проводников, потому что области эти ему хорошо известны, и он уверял даже, что вся земля до Черного моря находится в зависимости от него. В этом предполагавшемся походе никаких указаний на море и переправу через него не было. Это известие передано Аррианом, и самое предложение похода могло бы убедить его в ошибочности взглядов Патрокла на то, что Каспийское море является заливом северного океана; греки на это не обратили внимания, и такое противоречие встречается не только у греческих авторов, но и у ученых западноевропейских. Известно, что спутник Александра, Аристокл, рассказывает о сплошном водном пути из Индии в Черное море через Каспийское море, через реку Аму-Дарью,

причем путь идет по Аму-Дарье до впадения ее в Каспийское море, затем к Черному морю по Куре и Риону. О существовании этого пути говорили как Аристокбул, так и другие авторы, в том числе Варрон, которому принадлежит описание похода Помпея, составленное, как предполагалось, со слов его спутника, и вот на основании этого западноевропейский ученый Херман⁸ пришел к выводу, что действительно был такой путь. Это мнение возникло также в связи с моей работой, где говорится о том, что река Аму-Дарья во второй половине средних веков впадала в Каспийское море⁹. Что касается греков, то их мнение о том, что Аму-Дарья впадает в Каспийское море, было основано не на действительных фактах; это видно из того, что предполагалось, что Аму-Дарья и Сыр-Дарья каждая имеет отдельное устье, причем расстояние между ними представляли себе равным расстоянию между средними течениями этих рек. Но это невозможно, так как в этой области каспийской территории находится возвышенность Устюрт. Тут мы видим, как критически должен относиться историк к сведениям источников. Казалось, что если Варрон и Аристокбул, независимо друг от друга, сообщают о таком пути, то, значит, мы находим подтверждение, что такой путь действительно был. Такого мнения придерживаются Херман и другие в своих статьях, напечатанных в энциклопедии Pauly — Wissowa, о прибрежных областях Каспийского моря. Но нужно отметить, что Варрон был книжный человек, который описывал события не так, как они были в действительности, а так, какими он себе представлял их по книгам. Он хорошо знал историю Александра. Историк Аристокбул представлял себе дело таким образом: река Кура впадает в Каспийское море и товары переправляются вверх по Куре, опровержение чему мы находим у Феофана Митиленского, который дает подробное описание Албании и говорит, что албанцы совершенно не интересуются морем, что река Кура все больше засоряет свое устье, но что албанцы не предпринимают никаких мер против этого, потому что море их не интересует. Он говорит также, что по этому морю нет плавания и оно не приносит никакой пользы. Таким образом, мы имеем вполне определенные известия о западных берегах, вполне опровергающие мнение Аристокбула, несмотря на то, что им увлекались западноевропейские ученые, о том, что там существовал сплошной водный путь по Аму-Дарье и к Черному морю. Вообще, все известия, которые мы находим, крайне смутны и подчас ошибочны: говорится, например, относительно народа тапуров, что он помещается к юго-востоку от Гиркании, вместо того чтобы поместить его к западу.

Затем, грекам было известно, что народности, жившие по Каспийскому морю, кроме гирканцев, очень бедны, и они считали даже, что

⁸ <Kaspisches Meer, S. 2285.>

⁹ <См. Бартольд, *Сведения об Аральском море* (особенно стр. 47 и 120). — Б. С.>

все те народности, которые покоряли Гирканию, — мидийцы, персы и парфяне — уступали в культурном отношении гирканцам и потому их владычество не могло принести никакой пользы; македонское владычество, очень краткое, также осталось без пользы для прикаспийских областей.

Далее мы перейдем к образованию парфянского государства, мировой державы, которая вела борьбу с римлянами, и к вопросу об отношении парфян к прикаспийским областям, а потом к образованию, при Сасанидах, персидской монархии, когда Албания вошла в ее состав.

Теперь, ввиду того что аудитория мне не знакома и я, может быть, выразался не вполне понятным языком, предлагаю задавать мне вопросы в письменной или устной форме; ответам на них я посвящу следующий час. Если же останется время, то буду продолжать чтение. Может быть также, у аудитории найдутся какие-нибудь предложения или поправки.

Вопрос

К какой эпохе нужно отнести название реки Аму-Дарьи—Джейхун?

Ответ

Это название Аму-Дарьи библейское. Как известно, христиане были на Аму-Дарье до мусульман и употребляли это слово. Но известий о том, чтобы это название было местным, нет. Во всяком случае, оно принесено христианами или мусульманами.

Вопрос

Я хотел спросить вас вот что: наш учитель, профессор Лопатинский, в лекциях по кавказоведению указывал, что в древности Гирканское море и Каспийское разделялись перешейком на два отдельных бассейна и остатками этого перешейка являются ныне с одной стороны Апшеронский полуостров, с другой стороны нынешний Красноводск, и что будто теперь в этом месте имеется возвышенность. Может быть, поэтому хорезмиец и указывал Александру на то, что можно перейти сухим путем?

Ответ

Все описания времен Александра показывают, что такого перешейка не было и что перейти там сухим путем нельзя было.

Вопрос

Тут некоторые товарищи интересуются происхождением слов Туран и Кузун.

Ответ

Что касается Турана, то это название встречается в Авесте, и предполагают, что это другая ветвь арийского народа, менее культурная. Между этими двумя народами, ариями и турами, была вражда и затем, когда Туркестан подпал к VI в. под владычество турок, то эти два слова сблизились и название Туран стало относиться к туркам, к которым оно не относилось первоначально.

Вопрос

Каково происхождение названия Каспийского моря: Кузундениси?

Ответ

Это, очевидно, турецкое название, но мне оно не встречалось, и о нем ничего не знаю.

Вопрос

Это название хищной птицы¹⁰. В какое время оно встречалось, я не знаю, но теперь это название стараются ввести искусственным образом.

Нет ли исторической связи между албанцами прикаспийскими и балканскими?

Ответ

Это вопрос, на который очень трудно ответить. Связь предполагается, и проф. Марр об этом довольно много писал. Стараются установить первоначальное происхождение этого названия, но положительно сказать, что связь существовала, нельзя, также и нельзя сказать, что ее нет. Во всяком случае, албанцы, которые жили у Каспийского

¹⁰ <Кузун — 'ворон'. — Ю. Б.>

моря,— народ того же происхождения, что и грузины, и кавказские горцы, которые все входят в число народностей, известных под названием яфетических; как мы увидим в дальнейшем, язык албанцев исчез, несмотря на то, что у них была своя письменность и Библия — священное писание — была переведена на албанский язык. Тем не менее от этой письменности и языка ничего не осталось¹¹. Теперь у Дагестанской экспедиции имеется предположение, что некоторые из надписей, найденных ею, относятся к древнеалбанскому языку.

Вопрос

Как можно объяснить название народа каспиев и его происхождение?

Ответ

Во всяком случае, народ каспиев принадлежит к числу яфетических. Что касается объяснения, то я думаю, что слово *касп* есть образование множественного числа от *кас*, как иногда называли и Кавказ.

Вопрос

Не связано ли это слово с персидским словом *асп*?

Ответ

Нет, связи никакой нет.

Вопрос

Не отождествляют ли албанцев с армянами? Ведь трудно допустить, чтобы народ, имевший письменность, имевший на своем родном языке Библию, вдруг потерял свой язык и совершенно исчез. Мы этих примеров видим очень мало.

Ответ

Нет, целый ряд подобных примеров мы находим. Также и хорезмийский язык исчез совершенно, несмотря на то, что на нем также

¹¹ <Ныне об албанском языке и памятниках письменности см. Тревер, *Кавказская Албания*, стр. 306—312, 334—339. — Б. С.>

были письменные документы еще в XI в. н. э. Но отдельные хорезмийские слова сохранились, и я думаю, что некоторые албанские слова также сохранились у современного населения и, может быть, встречаются даже в бывшей Бакинской губернии, но этот вопрос подлежит исследованию.

Вопрос

Насколько можно доверять сведениям греческих писателей, которые, как известно, в большинстве случаев не были здесь?

Ответ

Да, совершенно верно, я уже привел пример, как некоторые известия противоречат действительности: например, у Страбона есть известия, что албанцы на устье Куры не обращали внимания и по Каспийскому морю не было плавания, а, с другой стороны, у него же приводится рассказ Аристубула о пути по Каспийскому морю. Тут явное противоречие. Беда в том, что греческие известия мы имеем в очень позднем виде, после того как они подверглись обработке; они представляют из себя часто просто компиляцию без всякой критики сопоставляемых известий, поэтому ко всем им приходится относиться с большой осторожностью.

Вопрос

Относительно письменных памятников у албанцев. Допускаете ли вы возможность существования письменных памятников в Баку, и какого происхождения их алфавит?

Ответ

Албанский алфавит был близок к армянскому, но это не одно и то же. У албанцев были некоторые звуки, которых не было у армян, но оба эти алфавита составлены одним лицом при распространении христианства.

ЛЕКЦИЯ II (3—4)

Я последний раз остановился на том, что самым важным, как мне кажется, последствием завоеваний и походов Александра Македонского можно признать то последствие, которое, конечно, не имел в виду Александр Македонский, именно то, что после этого мы имеем не одну мировую империю с остающимися вне ее некоторыми свободными народами, а две мировых империи, претендующих каждая на мировое владычество,— западную и восточную.

Преемникам Александра Македонского, Селевкидам, не удалось объединить все азиатские владения Александра Македонского. В III в. до н. э. мы видим национальное иранское движение, которое привело к созданию новой иранской монархии, сначала парфянской под властью Аршакидов, а потом персидской под властью династии Сасанидов. Но опять-таки иранская монархия не могла подчинить своей власти все прежние иранские владения до Александра Македонского, и часть бывшей персидской монархии осталась под властью Селевкидов, а затем под властью римлян.

Следовательно, здесь мы видим, вплоть до завоевания Византии турками, существование двух империй, западной и восточной, которые между собой ведут борьбу и из которых каждая претендует на мировое господство и каждая считает себя единственной монархией, которая должна господствовать над всем миром.

Теперь главная разница в исторических традициях европейской и мусульманской в том и заключается, что у нас историография придерживается той традиции, по которой Римская империя была империей мировой, и которая господствовала над всем миром; тогда как для арабских историков персидская империя является мировой и персы, а не римляне,— тот народ, которому принадлежало мировое господство. Насколько в этом случае правилен европейский взгляд или мусульманский, на этот счет могут быть различные мнения, но несомненно, что в этом случае у восточной монархии постепенно увеличивались преимущества, которые давали ей, может быть, большее право на то, чтобы считать себя мировой монархией, а не западную.

Главное преимущество восточной империи заключалось в том, что к ней перешла торговля с Индией и Дальним Востоком. Эта мировая торговля не находилась в руках западной империи и все больше

переходила в руки восточной. Этим объясняется, почему из этих двух мировых государств восточное все более и более приобретало первенствующее значение в культурном отношении. Этот процесс происходил чрезвычайно медленно. Еще во время Римской империи мог быть спор, какая из двух империй по своей культуре находится на первом месте; но окончательно этот вопрос решился в пользу восточной империи при исламе. Не подлежит никакому сомнению, что начиная с IX в. н. э. халифат стоял в культурном отношении выше Византийской империи. Здесь еще большую роль играла торговля с Дальним Востоком, которая была сосредоточена в персидском государстве. Это и было преимуществом перед западным Римским государством. В торговле с китайцами здесь были установлены торговые пути, и во II в. <до н. э.> китайцы отправили посольство в Среднюю Азию для того, чтобы найти себе союзника в борьбе против соседей кочевников, которые совершали набеги на Китай. Естественными союзниками Китая казались те кочевники, которые ушли на запад под давлением тех же восточных кочевников. Поэтому Китай мог смотреть на западных кочевников как на своих естественных союзников, и эту политическую цель имел в виду Китай, когда отправлял посольство в Среднюю Азию.

Но здесь последствия получились совершенно другие, чем та цель, которая имелась в виду, как это часто бывает. Политический союз не состоялся, но зато постепенно открылись торговые пути, открылся вывоз на запад китайских товаров, из которых через некоторое время вывоз шелка получил главное значение. Таким образом открылась торговля с Китаем, которая тоже оказалась в руках парфянской монархии, а потом сасанидского государства. Китайский шелк проникал в Римскую империю через посредство парфян. Движение парфян мало касалось прикаспийских областей и шло больше к югу, их интересовала больше Месопотамия, область, которая граничит с Сирией, чем область, прилегающая к берегам Каспийского моря. Более важными для истории прикаспийской области были другие движения против Селевкидов, возникавшие, по мере ослабления этой династии, в Малой Азии и Армении.

Здесь в I в. до н. э., кажется в первый и в последний раз в истории, образовалась великая держава — Армения. С этой державой римляне вели борьбу, и были приведены в эту страну римские войска. Сведения, которые говорят об этом, относятся к знаменитому походу Помпея. Здесь мы имеем несколько рассказов. Очевидно, рассказы о событиях не совсем ясно передают данные первоисточников. Мы имеем рассказы Плутарха, Аппиана и Страбона. Но есть в этих рассказах некоторые разногласия, например в цифрах тех отрядов, которые встречали римлян.

Вообще описывается так, что Помпей пошел из Армении в Албанию, заключил договор с Албанией, получил пропуск в Иверию, и за-

тем уже после этого албанцы подняли восстание. После этого он пошел к Черному морю, затем вернулся в Албанию и усмирил восстание албанцев. Затем есть известия о том, что Помпей был в 3 днях пути от Каспийского моря, но вследствие множества змей отказался от похода к самым берегам Каспийского моря. Кроме того, мы еще имеем рассказы о быте местных жителей, главным образом встречающиеся у географа Страбона, заимствованные у Феофана Митиленского, спутника Помпея. В этом отношении трудно объяснить, почему это произошло, но замечается огромная разница между рассказами об албанцах и рассказами об иверийцах — жителях Грузии; последние рисуют подробную и очень во всех отношениях ясную и отчетливую картину общественного строя. Этой картиной воспользовался профессор Джавахов в своей книге о грузинском государственном строе¹.

Что касается Албании, то об этой области, которая непосредственно лежала около Каспийского моря, мы имеем очень шаткие и противоречивые известия². С одной стороны, этот народ рисуется диким народом, у которого нет счета дальше ста и который главным образом занимается охотой. Характерно то, что упоминается о том, что этот народ одет в звериные шкуры, в то время как, по другим сведениям, упоминается о тяжелом вооружении, которое имеется у этого народа. Затем говорится о том, что албанцы живут в плодороднейшей области, где условия орошения лучше, чем в Египте и Вавилонии, но не умеют извлекать из земледелия всех плодов. Из этого ясно, что у албанцев все-таки было искусственное орошение, что трудно было бы себе представить, если бы народ был такой дикий. Конечно, городов в Албании, при таких условиях, при том быте, какой рисуется в рассказах о походе Помпея, как будто не было и не могло быть, но затем очень скоро после этого называется несколько городов. У Плиния и у некоторых других авторов (Птолемей) упоминаются города, и в частности город Гангара. Многие ученые высказываются за то, что он мог находиться на месте Баку, мнение других ученых таково, что он находился несколько южнее, на месте Алят, там, где железная дорога из Тифлиса подходит к Каспийскому морю. Потом еще в других источниках упоминается город Кабала, или Кабалака, который был главным городом Албании до VI в. н. э.

Трудно сказать, могла ли культура через несколько веков после похода Помпея настолько усилиться, что в I и II вв. н. э. здесь могли быть города. Затем, здесь еще имеется странное известие, что как будто бы Помпей хотел идти к Каспийскому морю, но испугался большого количества змей, которые там находились: характерно то, что римляне не делали никаких попыток пройти к Каспийскому морю, несмотр-

¹ <См. Джавахов, *Государственный строй*.>

² <Ныне об Албании см. Тревер, *Кавказская Албания*. — Б. С.>

ря на то, что к этому были поводы. Когда в I в. н. э., около 59 г., отпала от Персии Гирканская область, это новое Гирканское владение вступило в переговоры с римлянами; казалось, что у римлян есть прямой повод войти с ним в сношения и пройти до Каспийского моря. Это им было доступно. Однако римляне этого не сделали³, и Домиций Корбулон, который был в Армении, отпустил гирканских послов кружным путем, для того чтобы они не подверглись пленению парфян. Они поехали к Индийскому океану и затем проехали к себе, к Каспийскому морю, не коснувшись владений парфян. Отсюда видно, что Аршакиды лишились в то время восточной части своих владений. Мы знаем, что римляне в делах Албании принимали участие, парфяне также имели притязания на эту область. Но ни тот, ни другой народ не сделал Албанию своей провинцией. Князья же назначались то римлянами, то парфянами. Говорится о том, что такой правитель от римлян был отправлен в Албанию еще во II в. н. э. императором Траяном, в 113 г., как раз перед походом Траяна против парфянской империи в Месопотамию. Насколько известно, это было последней попыткой римлян вмешаться в дела Албании. Мы видим в I в. н. э. такую картину: с одной стороны, соперничество между римлянами и парфянами: то римляне, то парфяне господствуют в этой области до западных берегов Каспийского моря; с другой — мы видим затем набеги кочевников с севера, о чем до сих пор, по крайней мере, не было известно.

В это время начиная от устья Сыр-Дарьи до Волги и Дона жили аланы, к которым привозились товары из Средней Азии и к которым начали открываться торговые пути по северную сторону Каспийского моря. Эти аланы несколько раз совершали набеги через Кавказ, то через Дарьяльское ущелье, то через Дербентский проход. Их иногда призывало местное население против парфян, иногда они были в союзе с римлянами, иногда наоборот.

Вот таково было общее положение, которое изменилось, когда династия Аршакидов сменилась персидской династией Сасанидов, в III в. н. э. Главное различие между ними заключалось в том, что Сасаниды ввели более централизованный строй. Вассальные владения остались и при них, но постепенно вассальные княжества обращались в провинции. Кроме того, здесь образовалось более сложное государственное управление, на основе национальной религии и освященного ею сословного строя. Основателем этого сословного строя считается

---

³ <О том, что римляне в конце I в. н. э. доходили до берегов Каспийского моря, свидетельствует наскальная надпись с упоминанием XII легиона императора Домициана. Эта надпись открыта в 1948 г. у подножия горы Беюкдаш в 4 км от Каспийского моря (недалеко от Баку). См.: Джафарзаде, *Древне-латинская надпись*; Тумбиль, *Римская надпись*; Пахомов, *Римская надпись*; Ямпольский, *К римской надписи*; Хачикян, *Несколько замечаний*; Ельницкий, *Римляне у Каспийских ворот*; Тревер, *Кавказская Албания*, стр. 342—345. — Б. С.>

Зороастр. Было три почетных сословия: духовенство — жрецы, военная аристократия и земледельческий класс. Эти три почетные сословия основаны самим же Зороастром, у которого, по преданию, было три сына. Один сын был жрецом, другого он поставил во главе сословия военной аристократии и третьего — во главе свободного земледельческого сословия. Рядом с этими сословиями существует и четвертое сословие, городское и промышленное, но оно не равноправно с прочими, так как ремесленники и торговцы не имеют такого обеспечения, какое имеет свободный крестьянин. В этом и состоит его разница от трех других сословий. Разумеется, этот сословный строй устарел, так как в то время городская жизнь в государстве Сасанидов развилась еще больше благодаря тому, что у них сосредоточились пути мировой торговли. Сасаниды владели торговлей с Индией и Китаем не только на суше, но и на море. При таком первенстве Сасанидов в мировой торговле постепенно происходило развитие городской жизни, и затем переселялись сюда многие иностранцы. Обыкновенно государства, проводившие религиозную и сословную реакцию, всячески препятствовали иностранцам приходить в их страну, но в государстве Сасанидов видим обратное. Здесь не препятствуют иностранцам приходить в Персию и иногда даже насильно переселяют их из городов Римской империи, для того чтобы насаждать в Персии определенные отрасли промышленности. Во время победоносных походов, когда удавалось брать некоторые города Римской империи, особенно Антиохию, насильно переселяли ремесленников в Персию. При таких условиях сословный строй постепенно должен был разлагаться, несмотря на то, что государство ему покровительствовало, и таким образом та религия, зороастризм, которая поддерживала этот устаревший сословный строй, должна была тоже разлагаться. Мы здесь в III в. имеем религиозное движение — манихейское, которое задалось целью сблизить зороастризм с христианством и буддизмом. Сам Мани называл себя преемником Будды, Зороастра и Христа. Здесь, в этом религиозном движении, сословному строю противопоставляется аскетизм, отказ от имущества, но все-таки это движение было подавлено, манихейцы изгнаны, и сам Мани был казнен. В некоторых источниках указывается, что в V в. н. э. этот сословный строй еще поддерживался. В это время упоминается министр Михр Нарсе, о котором говорится, что он, подобно Зороастру, одного своего сына поставил во главе духовенства, другого — во главе военной аристократии, а третьего — во главе земледельческого сословия. Итак, значит, в V в. сословный строй в таком виде еще был сохранен и нашел себе резкое выражение. Но затем видим, что в конце V в. и в начале VI из среды манихейцев выходит другое религиозное движение, во главе которого стоит Маздак, который, не довольствуясь идеалом аскетизма, требует насильственного отнятия имущества, затем требует равенства имуществ и общности женщин;

признавалась связь между частной собственностью и семейным бытом. В этом случае замечательно, что сам царь Кавад персидский, очевидно ведя борьбу с духовенством и военной аристократией, присоединился к движению, которое было поднято Маздаком. Здесь мы имеем единственное в истории явление, когда мы видим коммунистическое движение⁴, к которому присоединяется монарх, носитель власти, но это было на короткое время. Еще в V в. царь Кавад был низложен, потом был снова восстановлен, но в конце своей жизни он разрешил своему сыну Хосрою Ануширвану уничтожить коммунистическое движение и восстановить частную собственность. Вместе с этим был восстановлен и сословный строй, но в другом виде. Здесь мы не видим почетного крестьянского сословия. Во главе государства стоят три сановника: глава духовенства — жрецов, глава военной аристократии и глава светских чиновников. Светское чиновничество создано как новое третье почетное сословие наряду с духовенством и военной аристократией, что указывает на возвышение городского сословия.

Таким образом, в связи с этим движением больше всего выиграло городское сословие, и здесь установился совершенно иной строй. Вместо свободного крестьянства мы видим теперь не только в Персии, но и в Средней Азии полную власть помещика над крестьянами. Например, слово *дихкан*, которое ранее означало свободного земледельца, теперь стало означать помещика. И дихканы над земледельцами-крестьянами стали иметь полное господство. Насколько эти события в Персии отразились на отдельных провинциях, в частности на прикаспийских областях и Албании, трудно сказать.

Мы знаем, что в Албании было отдельное государство до половины V в., но в 461 г. албанская династия прекратилась и Албания вошла в персидское государство в качестве отдельной провинции, и персидский наместник (марзбан) упоминается в качестве главы этой провинции. Дальше мы видим, что в Албании совершаются восстания, которые имеют тесную связь с Римской империей. Иногда во время восстаний албанцы призывали кочевников с севера, и здесь мы видим уже хуннов вместо аланов. Это, конечно, в связи с известным хуннским государством, которое образовалось в Европе. Мы видим здесь движение хуннов через Кавказ, причем иногда албанцы призывают их против персов, иногда, наоборот, персы усмиряют восстания и пользуются помощью хуннов.

Но для защиты с севера вообще старались построить преграду с этой стороны, построить какое-нибудь укрепление, в частности в том месте, где находится Дербентский проход, который оставался дольше всего во власти персов. Есть известия о том, что первые укрепления были построены персидским царем Йездигердом II, правившим с 438

⁴ <См. выше, стр. 217, прим. 32.>

по 457 г. Затем мы имеем сообщения более позднего армянского автора Гевонда о том, что это укрепление было построено с помощью римских мастеров, причем была сделана надпись с именем императора Маркиана, который царствовал с 450 по 457 г. Конечно, этой надписи уже не сохранилось, но если этот рассказ Гевонда правилен, то тогда к последнему времени царствования Йездигерда II относится укрепление берегов Каспийского моря. Это есть период, когда такие валы против нашествия варваров строились везде, например известен китайский вал, затем известны многие валы, которые были построены в Римской империи. Вы знаете, например, что римляне защищали таким валом Англию со стороны Шотландии.

Существовали и другие валы, которые были построены в V в. к северу от Гиркании, но эти валы были не каменные, как в Дербенте, а кирпичные, следы которых сохранились и теперь. Но там этот вал потом был взят нападающими с севера турками, и персам от этой передовой линии укреплений пришлось отказаться и отойти дальше к западу, между Астрабадом и Мазандераном. Здесь был сделан в VI в. вал, следы которого также сохранились. Мы видим, что эти валы потом несколько раз переходили в руки народов, нападавших с севера, и несколько раз эти валы восстанавливались. Это происходило при персах, затем и при арабах.

Теперь насчет Дербентского укрепления. Значит, та постройка укрепления, которая была произведена в V в., имела в виду нападения, производившиеся хуннами, и эти стены переходили из рук в руки.

Самая большая опасность для персов, надвигавшаяся с севера, была во второй половине VI в. н. э., когда образовалась огромная турецкая империя, которая тянулась от границ Китая до Восточной Европы, причем эта империя не была сплоченным государством, но находилась под властью правителей, происходивших из одной династии.

Это была очень грозная сила. Турки вступали в сношения с персами ради торговых интересов среднеазиатских иранцев, которые торговали с персами, может быть, китайским шелком или, может быть, шелком, который выделявали сами. После неудач в этом отношении турки обратились к Византии и послали туда посольство в 568 г. Византия хорошо приняла это посольство, хотя там тоже была шелковая промышленность, но, с другой стороны, это время было временем величайшего могущества династии Сасанидов; Византия подвергалась опасности со стороны персов, и поэтому для Византии была заманчива мысль о союзе с турками против персов. Мы видим несколько посольств византийцев к туркам. Когда в 569 г. византийский посол Земарх возвращался от турок к себе, то аланы еще не были подчинены туркам. Через несколько лет, в 576 г., турецкий хан мог уже объявить, что аланы подвластны ему. Таким образом, турецкие владения доходили в то время до Кавказа, и вот против этой турецкой империи, к самому кон-

цу царствования Ануширвана, относится устройство нового вала, причем опасность здесь была, по-видимому, более сильной, чем та, которая была в V в., когда несколько мелких народностей, подчиненных хуннам, совершали набеги и через Кавказ возвращались обратно. Мы имеем рассказы о народе сабирах, впоследствии называвшемся хазарами⁵. Хунны совершали набеги на Персию и один раз возвратились другим путем, мимо огней, которые поднимаются с подводных скал. Это первое хронологическое указание на огни, которые находятся около Баку. Все предположения о том, что эти огни для религии Зороастра имели какое-нибудь значение, что будто бы имелся здесь храм огнепоклонников, являются ни на чем не основанными. Упоминаний о том, что имеется эксплуатация нефтяных источников около Баку, нет вплоть до арабских времен.

Что касается постройки Дербентской стены, то мы имеем рассказ о том, что эта стена была построена Хосроем Ануширваном. Имеются различные легендарные подробности о том, как она строилась. Вероятно, этот рассказ есть представление позднейших поколений о том, как воздвигалась эта стена. Дальше, есть указания одного автора, Захир ад-дина Мар'аши, о том, что это сооружение было построено на самом деле родственником Хосроя, его двоюродным братом, который управлял этой областью.

В VII в., в конце династии Сасанидов, мы видим, что этот Дербентский вал был взят хазарами и очень сильно поврежден, но после этого он был арабами вновь отстроен. Говорят, что при Сасанидах был построен и мол, но вполне определенно говорится только, что при арабах был построен тот конец вала, который выходит в море на довольно большое расстояние. В самом старом⁶, дошедшем до сего времени, рассказе говорится о том, что он входил в море на расстояние 600 арабских локтей. Это было то расстояние, на которое вал выходил в море и которое было достаточным для того, чтобы укрепить Дербентскую гавань. Арабский локоть, как теперь выяснилось, несколько больше половины метра. Таким образом, эти стены входили в море на расстояние несколько больше 300 метров. Рассказы о постройке этих стен отличаются от того мнения, которое составилось на основании внешнего осмотра Дербентских стен. Говорится, что они сложены особым способом: два ряда камней без употребления цемента или чего бы то ни было, что могло бы заменять цемент. Между тем самые разнообразные источники сообщают о том, что применялся другой способ: в этих камнях делались отверстия, которые заполнялись железными палочками,

⁵ <О сабирах (савирах) см. Артамонов, *История хазар*, стр. 69—78. Как доказывает Артамонов, савиры и хазары — не одно и то же; хазары, скорее всего, были лишь одним из племен, входивших в состав возглавленного савирами объединения степных племен VI в. в Предкавказье. — Б. С.>

⁶ <В первом издании — «скромном» (явная опечатка). — Ю. Б.>

облитыми свинцом, и этот свинец, в этих отверстиях, служил цементом. Возможно ли это предположение? Мне кажется, что возможно. Возможно, что здесь употреблялся свинец, но так как он менее прочен, в особенности внутри камня, чем сам камень, то и мог со временем исчезнуть. Я не могу правильно ответить на этот вопрос, так как я мало сведущ в технике, но здесь есть противоречие результатов личного осмотра этих развалин с тем фактом, о котором в категорической форме говорят источники⁷. Дербент назывался у армян Чор⁸; здесь был центр христианства и даже некоторое время жил христианский патриарх, т. е. в этом городе был патриарший престол, который потом был перенесен в Партав, главный город Албании. Но все-таки патриарший двор оставался здесь в то время, когда арабы вновь отстроили Дербент, т. е. в 733 г. н. э. Что касается христианства, то распространение его здесь относится ко времени Йездигерда I, это 399—420 гг., и ко времени императора Феодосия, который правил с 408 до 450 г. Армянскими проповедниками был изобретен албанский алфавит, так как были звуки, которых у армян не было, и затем был сделан перевод на албанский язык священного писания. Независимо от перенесения в Партав патриаршего престола, город Партав сделался вместо Кабалы главным городом Албании и такое значение сохранил вплоть до X в., и у арабских авторов Берда'а, т. е. Партав, упоминается как самый большой город во всей этой местности. Христианство, которое обращалось, как известно, к низшему городскому классу, как бы к нему ни относились теперь, было огромной культурной мировой силой, которое одерживало победы там, где римское оружие было бессильно. Мы знаем, что в борьбе Византии с персами сила находилась на стороне персов, а между тем христианство одерживало победу, и в самой Персии основало христианскую церковь, а затем, когда арабы заняли пограничные области Персии, в этих областях упоминается о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается. В западных областях Персии христианство одержало победу в виде несторианства, особого христианского учения, которое преследовалось в Римской империи. Так как здесь не было такого гонения, то в самой Персии несторианство господствовало, а затем несториане и другие христиане воспользовались для проведения христианства теми торговыми путями, которые находились в руках Персии, и таким образом христианство проникло в Среднюю Азию, Китай и Индию. Характерно, что в Армении образовалась другая христианская секта. Эта армянская церковь была в Албании, но несто-

⁷ <О Дербенте и его стенах см. сообщения о докладах В. В. Бартольда *К истории Дербента* (см. ниже, стр. 786—787) и *Новое известие о стенах Дербента* (см. ниже, стр. 788) и его статью *Derbend* (EI, I). См. также: Артамонов, *Древний Дербент*; Тревер, *Кавказская Албания*, стр. 274—284. — Б. С.>

⁸ <Чол; ср. Barthold, *Derbend*, S. 981. — Ю. Б.>

рианство в Албании также развивалось; на несторианских соборах, которые устраивались в Персии, упоминается, между прочим, два раза, в 544 и 553 гг., епископ города Байлакана, у впадения Аракса в Куру, который принадлежал к Албании.

Мы знаем, что в самом конце VI и в начале VII в. в Албании вновь восстанавливается албанская национальная династия, но персидского происхождения. Здесь говорится о персидской династии Михракан; предок ее, Михр, принимал участие в беспорядках, происходивших в Персии около 590 г., и хотел уйти к хазарам, но его уговорили остаться в Албании. Он и стал князем этой области. Замечательно, что албанский князь из этой сасанидской династии принял христианство, несмотря на свое сасанидское происхождение.

После этого, через некоторое время, начинается упадок сасанидского государства, и власть переходит к арабским завоевателям. В истории сасанидской династии не было постепенного упадка. Мы видим здесь то, что видим в истории Германской империи в последнее время, т. е. что высший расцвет и военные победы непосредственно идут перед катастрофой. То же происходило и в Персии в начале 620-х годов. Персидские войска осаждают Константинополь, в их руках находятся Сирия, Египет и все азиатские владения Византии. После этого следует победа византийцев, упадок персидского государства и затем арабское завоевание.

Эти последние годы византийско-персидской войны отразились и на кавказских областях. Несмотря на распространенное здесь христианство, христианские области подверглись нашествию врагов — христиан-византийцев, но в союзе с хазарским каганом. Византийцы вступают в союз с хазарами, и с запада и с востока враг идет на Персию. Тифлис подвергается осаде со стороны византийского императора и хазарского кагана, которые лично приходят сюда и встречают насмешливое и враждебное отношение жителей Тифлиса. Таким же образом Албания подвергается нашествию хазар и ими предается опустошению. После этого о дальнейших событиях говорит только Моисей Каганкатвацци (здесь арабские и византийские источники недостаточно подробны), о том, что после князя Вараз Григора, который принял христианство, его сын Джеваншир господствует в течение некоторого времени и вступает в самостоятельные сношения, в переговоры с тремя главными врагами и главными претендентами на власть: греками, хазарами и арабами. Со всеми ими князь Джеваншир вступает в переговоры и от арабского халифа получает в подарок индийского слона. После смерти Джеваншира его брат, Вараз Трдат, платит дань, подать всем трем: хазарам, арабам и грекам; для того чтобы расположить их в свою пользу, он к хазарам отправляет христианскую миссию. Этот рассказ интересен тем, что границы Албании в это время, по-видимому, уменьшились. Раньше приходилось переправляться

через Куру, затем долго ехать для того, чтобы попасть в соседнее государство, а теперь переехали Куру и очень скоро после переправы оказались за границами Албании.

Албания в то время кончалась гораздо ближе на юг, чем прежде. На севере, проехав Дербент, эти послы приходят к хазарскому великому городу, который называется Варачан (Баланджар). Есть различные предположения о том, где находился этот город. Одни говорят, что он стоял в северной части Дагестана, при устье реки Сулака, а другие, наоборот, предполагают его у истоков Сулака. Маркварт основывается на том, что в походе Мервана, будущего халифа, говорится, что город Семендер находится к востоку от этого Баланджара, т. е. указывает, что последний находился внутри страны⁹.

Таким образом, князь вступает в соглашение с хазарами. Греки также притесняют князя Вараз Трдата, который был в Константинополе, потом уехал оттуда, оставив заложниками своих сыновей, пробывших там 12 лет и отпущенных после смерти Юстиниана II (711 г.). Это была последняя попытка войти в сношения с греками, которую и надо было ожидать от христианской страны, перед тем как окончательно подчиниться арабам. Но здесь впоследствии под влиянием некоторых причин, несмотря на то что страна является христианской, она отказывается от переговоров с Византией и платит дань стране таджиков (арабов). Вместо того порядка, когда она платила дань трем державам: хазарской, арабской и греческой, — теперь платит дань только одной. Главный город Албании, Партав, был занят мусульманами. Вообще получается такая картина, что при Абд ал-Мелике, к концу VII в., арабская держава получает большую упорядоченность в устройстве, арабский язык вводится в управление и здесь устанавливается бессменное господство арабов. Так, например, мусульманские монеты с надписью арабского названия этой области (Арран) встречаются только с 708—709 г. н. э., когда правил халиф Валид I (705—715), и это считается самым блестящим временем в истории халифата вообще. Определяются границы мусульманского государства, причем на севере границей является тот же Дербент, который был сасанидским укреплением до тех пор, пока не был взят хазарами. Здесь арабы вновь выстроили крепость, которую назвали Баб ал-Абвab, с 733 г. Здесь все время был сильный арабский гарнизон. Есть источники, говорящие о том, что здесь было 24 000 арабского войска, причем оно делилось на четыре части, смотря по тому, из какой местности пришло. С этого времени Дербент становится арабским городом и остается им на долгое время. Часть войска была из Дамаска, главного города Сирии, часть из Химса, часть из Куфы, главного города южной части Месопотамии.

⁹ <См. Marquart, *Streifzüge*, S. 12, 16 sq., 490 sq. Ныне Баланджар помещают на месте совр. города Буйнакск; см. Артамонов, *История хазар*, стр. 392—393, 399. — Б. С.>

тамии, и затем часть войска была из северной части Месопотамии (Джезиры). Затем говорится об устройстве казарм и складов для сружия и ячменя. Здесь установились совершенно своеобразные отношения к мусульманскому центру, Багдаду, который, после того как власть перешла к другой династии, стал столицей всего мусульманского мира. В отношении к Багдаду устанавливается такой порядок: от Багдада назначается наместник, но в городе есть потомки Аглаба Сулами, которые имеют право управлять городом, когда нет наместника, назначенного халифом, или когда он умер, а другой еще не приехал. Здесь есть местная история, немного похожая на басню, которая возбуждает большие сомнения, но в которой указывается, что за местным населением признавалось право восстания против наместника халифа; если он обнаруживает небрежность по отношению к священной войне или если вообще он управляет несправедливо, тогда военный гарнизон, стоящий в Дербенте, имеет право его низложить и заменить другим, т. е. опять-таки одним из Сулами. Насколько это правда, это другой вопрос. Но во всяком случае несомненно, что очень часто в качестве правителей Дербента упоминаются представители рода Сулами вплоть до XII в.

Таким образом, Дербент оставался до XII в. арабским городом, несмотря на то что арабский элемент впоследствии исчез. Что касается современных преданий мусульманских, то мы видим, что здесь слишком стараются изобразить дело так, что будто бы Дагестан еще в первые века ислама сделался мусульманским. Если возьмем более точные известия, то Дагестан тогда был мусульманской областью в значительно меньшей территории. В X в. граница мусульманского мира проходила в 3 арабских милях, т. е. в 6 верстах от Дербента, а дальше управляли Дагестаном князья, из которых ближайший был в родстве с дербентским князем; его сосед уже подчинялся хазарам. Эти князья старались соблюдать известную политику, так же как в свое время албанцы, т. е. они не подчинялись окончательно арабам, входили в сношения с хазарами и с византийцами. То же самое происходило и здесь. Местные князья старались быть в хороших отношениях с арабами, но это были только местные князья, которые не переходили в мусульманство, и дальше мусульманство не распространялось. Ниже мы увидим, что мусульманство распространилось в стране хазар и камских болгар из Средней Азии и Хорезма, а не из Дагестана, где мусульманское господство устанавливается гораздо позже. Итак, мы сегодня остановимся на Дербенте как на пограничном пункте мусульманского мира.

ЛЕКЦИЯ III (5—6)

Мы закончили прошлую лекцию установлением факта, что Дербент был пограничным пунктом арабского халифата и что вообще ислам в Дагестане распространялся гораздо медленнее, чем можно было бы думать по современным дагестанским преданиям. Еще в X в. н. э. непосредственные арабские владения кончались в трех арабских милях от Дербента, т. е. в каких-нибудь 6 верстах. Мусульманский владетель был только в ближайшей к Дербенту области, Табасаране, где был правителем племянник (сын сестры) дербентского князя. Что касается ближайшей, кайтакской области, то она находилась под властью хазар. Мы видим здесь резкое противоречие между тем, что следовало ожидать по первоначальным успехам мусульманского оружия, и тем, что фактически установилось. Сначала арабы в северной части Дагестана имели успех, и этим успехом арабов объясняется то, что хазары покинули тот город Баланджар, который был их столицей, и основали новый город, который был потом известен под названием Итиль. Этот город находился тоже некоторое время в руках арабов, во время одного из арабских походов. Но, несмотря на эти успехи арабского оружия, все-таки ислам установился только в ближайших местностях к Дербенту. Это наблюдается не только в X в., но и гораздо позже: в конце XIV в., во время похода Тимура, кайтаки, которые жили близко к Дербенту, не были еще мусульманами. Кроме того, можно еще установить другой факт, именно тот, что если христианство и еврейство распространились до Волги, и это распространение происходило со стороны Кавказа, то относительно распространения мусульманской культуры мы можем скорее утверждать, что оно происходило другим путем; из Средней Азии. В Средней Азии культурная область (низовья Аму-Дарьи), Хорезм, была исходным пунктом распространения мусульманской культуры в бассейне Волги. Это происходило несмотря на то, что в пределах Кавказа мусульманская культура была очень сильной и в это время <там> были гораздо более крупные города, чем в домусульманский период. Несмотря на это, не из Кавказа, а из Хорезма шло распространение мусульманства и мусульманской культуры в приволжских областях. Мы видим, что даже еще до утверждения ислама в Хорезме хорезмийцы оказывали влияние на хазар. В одном случае упоминается хорезмиец, который

был начальником хазарского войска, совершившего набег на Кавказ. Впоследствии мы видим у хазар гвардию из мусульман-хорезмийцев. Затем, когда ислам распространился по среднему течению Волги, там, где Кама впадает в Волгу, у камских, или волжских, болгар мы видим, что это распространение ислама происходило из Хорезма. Характерно, что когда отправилось из Багдада посольство, в состав которого вошел путешественник Ибн Фадлан, в 921 г., то это посольство отправилось на Волгу не по ближайшему пути, т. е. через Кавказ, а круглым путем, в Среднюю Азию, прибыло ко двору Саманидов и из Хорезма отправилось к камским болгарам, т. е. сначала посольство отправилось на восток, а потом на северо-запад. Здесь ясно, насколько большей в то время была связь жителей приволжских местностей с мусульманскими областями Средней Азии, чем с Кавказом, хотя они географически к кавказским областям были, конечно, ближе. Кроме того, замечательно еще то, что, хотя связь хорезмийцев с хазарами установилась тесная, все-таки области хазарские и хорезмийские не граничили непосредственно, и в описании пути из Хорезма к берегам Волги, к хазарам, указывается, что между хазарами и хорезмийцами жили независимые от хазар и хорезмийцев турецкие народы, между тем как в Дагестане между хазарским и мусульманским миром никаких промежуточных областей не было и здесь непосредственно хазарские области граничили с мусульманскими. Главным городом хазар в Дагестане был Семендер, причем правитель этого города исповедовал еврейскую религию, так же как хазарский каган, начиная с времен Харуна ар-Рашида, хотя хазары в целом не приняли иудейства, которое приняли только господствующие сословия. Что касается города Семендера, то о нем говорится, что он находился в 4 днях пути от Дербента и 8 днях от Итиля. Я думаю, что он находился приблизительно в той местности, где всегда был главный порт, где потом возник город Тарки, а затем город Петровск, или Махачкала. Между тем положение Семендера считается у нас не установленным. Из книг, с которыми я здесь ознакомился, я узнал, что здесь считают, что Семендер находился на месте Буйнакск. Существуют ли там ясные остатки города, это неизвестно, и, по-моему, это утверждение кажется недостаточным. Лично мне кажется, что расстояние слишком близко от Буйнакск для тех 4 дней пути, которые упоминаются в источниках как расстояние между Семендером и Дербентом¹.

Затем, что касается прикаспийских областей в X в. и в последующее время, то здесь в мусульманское время мы видим очень большую

¹ <О Семендере ср. Minorsky, *Sharvān*, pp. 106—107. М. И. Артамонов локализирует на месте Буйнакск Баланджар (см. выше, стр. 674, прим. 9). Семендер же он помещает на Тереке, отмечая, однако, что и сейчас его местонахождение «точно не установлено»; см. Артамонов, *История хазар*, стр. 391—393, 412. — Б. С.>

перемену². В первые века ислама здесь развилась большая культура в связи с распространением мусульманства, а также развилась очень большая городская жизнь. Это находим везде в мусульманских областях. В этом отношении, подобно христианству, ислам являлся проводником культуры. Но разница была та, что христианству в Персии приходилось считаться со сложным государственным устройством, которое там было, и с тем сословным строем, который поддерживался религией Зороастра, между тем как мусульманским завоеванием персидской монархии совершенно уничтожается поддержка этого устарелого сословного строя, который после этого должен был исчезать гораздо быстрее, чем в прежнее время. Что касается, теперь, борьбы с сословным строем, то она различно выражалась в различных частях прикаспийских областей: сильнее всего в Табаристане (Мазандеране), где жизнь была более отсталой, чем в частях Западной Персии. Здесь господство аристократии военной и землевладельческой—помещиков—приняло более резкую форму и, может быть, больше удержалось, чем в остальной Персии. Здесь при исламе мы видим ярко выраженную форму сословного строя и аграрную борьбу, которая происходила от Гиркании до Гиляна. Здесь утвердилась шиитская форма ислама, причем шиитские движения были в Персии народными движениями по преимуществу. Об этих движениях, которые часто принимали аграрный характер, мы имеем очень скудные известия, и только об одном мы имеем более подробные; о нем была написана моя статья о крестьянском движении, помещенная в сборнике в честь проф. Кареева³, но кроме него были еще и другие движения, о которых нам было бы интересно иметь более подробные данные; к сожалению, источников нет. В Гургане (Гиркании) происходило в 162/778-79 г. движение, где символом было красное знамя и участники назывались *сурх-алам*, т. е. людьми красного знамени. Это не первое ли движение, которое происходило под этим знаменем? Что касается юго-западного берега, албанского, то здесь, как видно, резких аграрных движений не было. Здесь не утвердилась шиитская форма ислама и господствовал правоверный суннитский ислам, шиитский же появился гораздо позже, при владычестве Персии, и даже когда происходила борьба между Персией и Турцией, то жители Ширвана обратились к последней за помощью против шиитской Персии. Связь между идеями Ширвана и движением в западноприкаспийских областях и по южным берегам Каспийского моря выразилась в том, что впоследствии в Ширване, как и на южном берегу, мы видим правителей, которые носят древнеперсидские имена. В южных областях Персии имеется странное совмещение таких двух явлений: с одной стороны, движения народные,

² <Об истории Прикаспия в IX—XII вв. см. работы В. Ф. Мидорского: *Sharōbn; Studies; Caucasica IV.—Б. С.*>

³ <См. Бартольд, *К истории крестьянских движений.*>

аграрные, против землевладельческой аристократии, а с другой — поддержка идеи сасанидского престола. С южного берега Каспийского моря вышли династии Зияридов и Буидов, которым принадлежит попытка восстановить сасанидский престол и титул правителей Персии — шаханшахов. Что совмещение идеи персидского престола с идеей народного движения было иногда возможно, мы видели пример очень резкий в прошлый раз, когда царь персидский Кавад стоял некоторое время на стороне коммунистического движения. Таким образом, иногда и государи, и князья, местные представители монархической власти в стране, сближались с народными элементами против аристократии. Таким образом, народное движение, направленное против аристократии, не было направлено этим самым против монархической власти, потому что народным массам могло казаться по традиции, что монархическая власть находится на стороне народа.

Что касается быта прикаспийских областей и западного и южного берегов Каспийского моря, <то> мы больше всего сведений находим у арабских географов, сочинения которых изданы голландским ориенталистом де Гуге в сборнике *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Кроме этого, довольно много сообщает персидский географ, имя которого неизвестно, сочинение которого было найдено в 1892 г., который писал в конце X в. в пределах теперешнего Афганистана⁴. Этот географ сообщает известия, отсутствующие в других источниках; так, о древней Албании и области юго-западного берега Каспийского моря мы находим у него интересные сведения. Но надо иметь в виду, что арабская культура и литература были книжными по преимуществу. Арабские авторы считали возможным переписывать часто слова предшественников; это большею частью были кабинетные работники, как в средние века <все> компиляторы, они не считали нужным ссылаться на источники и даже не указывали, что то или другое, взятое ими из другого автора, относится к иному времени. Часто мы находим у автора XV века известие, которое он выписывает у автора X века, не оговариваясь, и такие факты нередко вводили в заблуждение европейских ученых. Автор говорит, что такой-то город находится в цветущем состоянии, не оговариваясь, что это относится к другому веку, а по проверке оказывается, что он выписывает слова автора, который писал за несколько столетий до него. Такие факты встречаются постоянно, и поэтому к арабским известиям с этой стороны приходится относиться осторожно. Что касается прикаспийских областей, то здесь, как везде, подробные сведения арабских географов начинаются с географа Истахри. Хотя были географы и до него, но это был первый из авторов, дошедший до нас, который дал нам более или менее полное описание мусульманского мира. Он говорит о прикаспийских областях в трех

⁴ <См. *Худуд ал-Алам*.>

главах, отдельно — об областях, которые расположены по южному берегу Каспийского моря, затем о трех областях — Армении, Арране и Азербайджане и, наконец, о Хазарском, или Каспийском, море. Несмотря на то что у хазар, которые жили по северной стороне Каспийского моря, не было флота и они не имели на море никакого влияния, все-таки море получило свое имя от хазар и оно остается в мусульманской литературе наиболее употребительным и до сих пор.

Что касается отдельных областей около Каспийского моря, то здесь надо указать на Табаристан, или Мазандеран; последнее название встречается большей частью у персов в XI в. У арабов эта область называется Табаристан: здесь название искажено, и, по-видимому, тут исчезли исторические предания. Эта область получила название от народа тапуров, так что правильнее было бы сказать *Тапуристан*, подобно названиям Афганистан, Белуджистан и т. д. Эта форма употребляется еще в VIII в. на монетах, но в IX и X вв. уже произносили Табаристан и не знали его этнографического происхождения, производя его от диалектического *табар*, что значит 'гора', и называли область «горной страной». Таким образом, этнографическое происхождение этого названия от народа тапуров было забыто мусульманами очень скоро. Главным городом на южном берегу Каспийского моря был в то время Амуль. Он был менее Джурджана, главного города Гиркании, причем и Амуль, и Джурджан превосходили каждый по величине город Казвин, который находился к югу от гор. Что касается экономической жизни, то это была область, где шелководство получило высшее развитие в мусульманском мире. Амуль был главным средоточием производства шелка; там выделялись бархатные и шерстяные ткани. Кроме производства шелка, там была кустарная промышленность, выделялись деревянные сосуды и блюда. Джурджан был известен вывозом преимущественно грены, рыбы и риса. Что касается Армении, Аррана и Азербайджана, то с X в. все три считались одним целым; это особенно видно у персидского географа X в., который говорит, что эти три области соединены друг с другом и их культурная полоса составляет одно целое. Главным городом Армении, Аррана и Азербайджана была Барда, или Партав, как он назывался в сасанидское время, или Берда'а, как его называли при арабах⁵. После Рея и Исфахана это был самый большой город во всей местности между Месопотамией и Хорасаном. Говорится, что сам город в том виде, как он существовал в доисламское время, был разрушен, а новый, мусульманский город был выстроен халифом Абд ал-Меликом в конце VII и в начале VIII в. и еще больше развился при Аббасидах и халифе Мансуре. После Берда'а вторым городом был Дербент, а на третьем месте находился Тифлис. Кроме того, замечательно, что и большой город

⁵ <См. об этом городе новую работу: Ташчян, *Средневековая Барда*. — Б. С.>

Южного Азербайджана — Ардебиль — по величине уступал и Берда'а и Дербенту. Эти местности славились выделкой красок, а также тканей шелковых и хлопчатобумажных. О Дербенте говорится, что здесь изготовлялись особые полотняные ткани, которые не выделывались ни в одном другом городе из этих областей. О Берда'а есть еще известие, что город занимал пространство около фарсаха (6 верст) в длину и ширину и был построен из жженого кирпича; в соборной мечети столбы были частью из этого материала, частью из дерева. Берда'а был центром, через который проходили пути: с одной стороны в Тифлис, через город Гянджу, возникший при арабах, но затмивший, как увидим потом, Берда'а и сделавшийся очень большим городом; затем, через Шемаху, шел путь в Дербент, который был портом на Каспийском море и в который привозились рабы из всех немусульманских стран; во все эти области привозились рабы греческие, печенежские, хазарские и т. д. Кроме того, был еще путь в Трапезунд, причем сначала этот путь шел через Двин, а потом вместо Двина на Ани, владельцы которого построили мост на Арпачае; тогда путь через Ани в Трапезунд сделался более удобным, чем более длинный путь через Двин. На дороге в Дербент тоже был мост, на реке Самуре. Здесь поддерживались торговые сношения с византийцами и с хазарами на Каспийском море. Как говорит персидский автор, географ конца X в., эти области были самыми богатыми в мусульманском мире. Интересно, что упоминается о богатом городе Итиле, по нижнему течению Волги; он играл большую роль в морской торговле, несмотря на то что область хазар сама ничего не производила: арабские авторы говорят об этом вполне определенно. Страна русских давала для этой торговли продукты пчеловодства (мед, воск), давала рабов, меха пушных зверей — особенно ценный товар. Область хазар не давала ни одного из этих товаров, она жила торговлей с двух сторон, со стороны мусульманской и с севера, и таким образом, не производя ничего сама, могла жить торговлей; благодаря этому образовался такой большой город, как Итиль, состоявший из двух частей, из которых в западной жили главным образом иноземные купцы.

Что касается политического строя, то здесь он был менее устойчив, чем в Средней Азии, и этим, может быть, объясняется то, что Кавказ меньше оказал влияния, чем от него, благодаря его культурному развитию; можно было ожидать, и что хорезмийцы были главными распространителями культуры в Приволжье. Географ конца X в. Макдиси говорит, что христиане составляли большинство в Шекки, т. е. там, где теперь Нуха, и в Шаберане. Кроме того, мы знаем, что еще в Албании в начале IX в. был правитель армянского происхождения, судя по имени, христианин, который сохранял тесную связь с христианской культурой, и само мусульманское правительство наградило его византийским титулом; это был Сахль ибн Сумбат. Когда в Азербайджане

происходило коммунистическое восстание Бабека, которое продолжалось 20 лет и которое с большим трудом было подавлено войсками халифа, Сахль выдал Бабека и в 223 г. мусульманской эры (837 г. н. э.) получил титул батрика (патриция) от мусульманского правительства. Затем, в 852 г., армяне, притесняемые арабами, обратились за помощью к греческому императору, казарскому кагану и славянскому царю, под которым, вероятно, надо понимать владельца волжских болгар (славянским царем называет его и Ибн Фадлан в рассказе о посольстве 921 года). Наконец, еще третье сведение, которое указывает на старую христианскую культуру, это Моисей Каганкатвацци, который говорит о том, что некий Хамам возобновил царство албанское в то время, когда Ашот возобновил царство армянское — это произошло в конце IX в., именно в 887 г. Ашот, князь князей Армении и Грузии, был утвержден халифом; его сын Сумбат был убит азербайджанским правителем Юсуфом ибн Абу-с-Саджем, но потом сын Сумбата Ашот Железный вновь восстановил свою власть в борьбе против своего другого соперника — Ашота, сына Шапуха, который тоже получил титул шаханшаха. В Азербайджане господствовала династия Саджидов, называемая так по имени отца Юсуфа. Мы теперь имеем известие, что в конце VIII и начале IX в. возникла другая династия, именно та, которая известна под именем Мазьядидов. Первым представителем ее был Йезид ибн Мазьяд аш-Шейбани, который жил и умер в городе Берда'а в самом начале IX в. Известно, что власть Саджидов распространялась и на берега Каспийского моря, в частности на Дербент. У историка Хилала ас-Саби есть рассказ о том, что часть дербентских стен благодаря напору волн была разрушена и для нее потребовалась поправка, стоимость которой была определена в 60 000 динаров (300 000 рублей). Юсуф ибн Абу-с-Садж (следовательно, его власть распространялась на Дербент) обратился к везиру халифа с просьбой дать эти деньги; везир указал ему, что имеется запас камня и свинца, приготовленный и зарытый в таком-то месте на случай, если стена будет разрушена. Юсуфу удалось найти этот запас, и расходы были меньше, чем ожидалось⁶. В рассказе о первом грабительском набеге русских на Каспийском море говорится, что с одной стороны они имели дело с ширваншахом, правителем Ширвана, Али ибн Хейсамом, с другой — с военачальником Юсуфа, а во втором походе — с Марзбаном ибн Мухаммедом, основателем династии Саларидов. Последний называется как руководящее лицо во время нападения русских, и ему же принадлежала власть над Дербентом; до него жители Дербента не выплачивали никакой подати, так как считалось, что они являются защитниками пограничных земель, что это избавляет их от уплаты подати, но Марзбан наложил на них подать, и это вызвало в Дербенте восстание, которое Марзбан ибн Мухаммед усмирил. Кроме этой ди-

⁶ <Ср. ниже, стр. 788. — Б. С.>

настии, была династия ширваншахов, вышедшая из Аррана, отчего местный владетель первоначально носил титул арраншаха; он причислял себя к потомкам сасанидских царей и упоминается у Мас'уди с титулом ираншаха и под именем Мухаммеда ибн Йезида.

Здесь, по-видимому, уничтожилась династия Мазьяидов, но есть исторические известия о том, что будто бы эта династия просуществовала до второй половины XI в. Кроме того, упоминаются отдельные правители, которые то входили в состав Ширвана, то отделялись от него.

У персидских и арабских географов имеем сведения о городе Баку, который упоминается с того времени. У арабских авторов X в. мы находим первое известие о нефтяных источниках в Баку. Арабский географ X в. Мас'уди говорит о добывании нефти в Баку; о том же сообщает Якут, писавший в XIII в. У неизвестного по имени персидского географа, писавшего в конце X в., есть известие, что вся нефть, которая употребляется в стране дейлемитов, вывозится из Баку (в X в. во всей Западной Персии господствовала династия Буидов, происходившая из Дейлема; она до некоторой степени восстановила сасанидский престол, и опять при ней появляется титул шаханшаха). Вся нефть, которая употреблялась в государстве Буидов, была из Баку. Что касается нефтяных источников, то, по Мас'уди, главных было два: из одного добывалась желтая и белая, а из другого — черная и синяя нефть. О первом говорится, что эта нефть добывается только в Баку. Доходы с каждого из источников составляли тысячу дирхемов, т. е. около 250 руб. в день (на динар считалось около 20 дирхемов; стоимость их хотя менялась, но в общем можно считать дирхем равным 25 коп.⁷). В истории Дербента упоминается, что эти доходы были назначены в пользу дербентского гарнизона; затем существовала надпись 1003 г. х. (1594-95 г.), где говорилось, что эти суммы составляли доход потомков пророка Мухаммеда. Замечательно, что перед приходом русских нефть имела ограниченное употребление, и если бы то же было при арабах, то разработка ее не могла бы доставить тех доходов, о которых упоминают восточные авторы. В книге Масальского «Туркестанский край» говорится о нефтяных месторождениях Туркестана и указывается, что добыча ограничивалась вычерпыванием из ям сырой нефти в качестве лекарства против чесотки и ревматизма, а отчасти для сапожного дела⁸. Такое ограниченное употребление нефти не могло бы доставить сколько-нибудь большого дохода, но доход, показываемый восточными авторами, объясняется, мне кажется, только тем, что в то время нефть имела очень широкое применение в военной технике. Возможно, что она раньше употреблялась для военных целей в византийском государстве, на что указывает предание о греческом огне. О нефти постоянно говорится в рассказах о мусульманских ар-

⁷ <О весе серебряного дирхема см. Hinz, *Masse und Gewichte*, S. 2, 5—7. — Ю. Б.>

⁸ <См. Масальский, *Туркестанский край*, стр. 540.>

миях, которые действуют против Византии: отряды, которые пользовались нефтью, были своего рода артиллерийскими частями и они постоянно встречаются. Этим широким применением нефти в военной технике нужно всецело объяснить доход, который получался от нефти. Что касается политических условий, то к этому времени относится образование династии ширваншахов в Шемахе. Мы имеем известие Мас'уди, что Мухаммед ибн Йезид вышел из Аррана и носил титул ираншаха. В рукописи персидского географа, которая была открыта Туманским в Бухаре, говорится о трех владениях, которые были под властью одного человека: об Иране, Хурсане и Ширване, причем под Хурсаном понималась область, которая граничила с Дербентом, Ширваном и Кавказом. Здесь выделялись ковры, которые, под названием армянских, пользовались в восточном мире большой известностью. Владетель носил титул ширваншаха, хурсаншаха и ираншаха, но впоследствии титул ширваншаха получил перевес. Его военный лагерь был в 1 фарсахе (около 6 верст) от Шемахи. Кроме того, упоминается еще гора в местности Курдуван, которая ему принадлежала и которая занимала 4 фарсаха (25 верст) в длину и ширину. Эта гора считалась совершенно недоступной; там находились сокровища ширваншаха, и там же помещалась его гвардия.

Теперь я упомяну о походах русских⁹. Они странно совпадали с походами на Византию. В X в. против Византии были походы Олега, затем Игоря и Святослава. После этих походов совершались походы на восток, на прикаспийские области. Мы знаем, что русские еще раньше мирным образом, в IX в., совершали свои путешествия в прикаспийские страны, именно по реке Дону, на Волгу, оттуда в Каспийское море и затем в Джурджан, откуда иногда на верблюдах отправляли свои товары в Багдад. Русским приходилось проезжать через хазарское царство, и хазарский владетель брал с них дань, т. е. они должны были платить пошлины со своих кораблей. Хазарское царство, находясь на этом пути, подвергалось опасности не только со стороны русских, но и со стороны кочевников, среднеазиатских турок. Хазары решили укрепить эти места, и в 833 г. они послали посольство к византийскому императору Феофилу, чтобы он прислал мастеров. После этого там, где Дон подходит ближе всего к Волге, была построена крепость Саркел. В X в. Олег заключил договор с греками. Относительно этого князя мы имеем рассказ в еврейской рукописи, найденной в новейшее время; о ней писал академик Коковцов. Этот рассказ вызывает большие сомнения: во-первых, Олег называется в ней норманнским именем — Халгу, во-вторых, по русским летописям, он умер в 911 г., а по рассказу имеет отношение к византийскому императору Роману Лакапину, который вступил на престол только в 920 г. Там говорится, что император был врагом евреев, и по наущению этого Рома-

⁹ <См. ниже работу Бартольда *Арабские известия о руссах*. — Б. С.>

на Олег пошел в поход против хазар. Кроме того, упоминается хазарский царь Иосиф, называемый также в другом документе, тоже вызывающем сомнения, и говорится, что Олег погиб во время похода против Персии. Первое достоверное известие мы имеем у автора X в. Мас'уди, который говорит вполне определенно о первом походе русских в прикаспийские области. По этим сведениям можно сказать, что этот поход был совершен после 300 г. х., т. е. 912-13 г. В более поздних источниках, именно у Захир ад-дина Мар'аши, говорится о том, что правитель из династии Саманидов употреблял все усилия, чтобы прогнать русских, что это ему удалось, причем русские были совершенно будто бы уничтожены. Из слов Захир ад-дина Мар'аши, автора XV в., следовало бы, что этот поход относится ко времени очень скоро после 300 г. х., потому что Саманиды утратили власть над прикаспийскими областями в самом начале 914 г.; Саманид Ахмед, сын Исма'ила, накануне смерти получил известие о восстании, которое произошло в Табаристане. Отсюда делается вывод, что поход русских должен был произойти в это время; Захир ад-дин Мар'аши говорит определенно о том, что будто бы Саманиды отбили русских, а Мас'уди, который более близок по времени к этому походу и который был, по-видимому, очень хорошо знаком с ним, говорит о том, что русские поражения не потерпели и просто добровольно ушли из этих областей, после того как достаточно собрали добычи. У Мас'уди говорится, что русские приехали на Волгу и там заключили договор с хазарами, которые пропустили их для грабительского набега на мусульманские прикаспийские области, обязав их дать им половину добычи, которая будет собрана. На этом основании русскими через владения хазар были совершаемы набеги на незащищенные прикаспийские области. Вполне естественно, что Дербент, единственный укрепленный город на Каспийском море, не был подвергнут ни этому нашествию, ни другим нашествиям русских на Каспийское море. Русские высаживались в разных местностях гораздо южнее и главным образом собрали добычу на Апшеронском полуострове. Тогда тут поднялся вопль жителей, потому что это было явление необычное: до сих пор на Каспийском море, которое служило только для торговли, военных судов не плавало. Мас'уди указывает, что хазары никогда не совершали морских набегов и что у них не было флота. Но, в то же время, в прошлой лекции я говорил, что автор Хилаль ас-Саби сообщает о постройке дербентского мола, который именно был построен против набегов хазар; таким образом, набеги хазар со стороны моря оказывались возможными, но, может быть, это были набеги не самих хазар, а русских, которые могли находиться временно на службе у хазар. Во всяком случае, поход этот окончился в пользу русских, но затем они подверглись нападению со стороны хазарского кагана, который изменил им; хорезмийская гвардия, которая была на службе у хазарского кагана, обратилась к нему с прось-

бой позволить ей расправиться с русскими в отмщение за те грабежи, которые были совершены в мусульманских областях. Хазарский каган не мог воспрепятствовать ей в этом и только уведомил русских. В нападении приняли участие жители Итиля и замечательно, что не только мусульмане, но и христиане. Странно, что Мас'уди говорит о плавании русских вниз по Волге и о том, что здесь они подверглись нападению; в действительности, русские должны были отправиться вверх по Волге. До 30 000 русских было убито, и только 5000 удалось спастись, и они пришли в страну бургасов (мордвин) и камских болгар, были еще частью истреблены, и только очень небольшому остатку удалось вернуться в Россию. Очевидно, русские хотели вернуться тем же путем, каким пришли, т. е. на Дон. У некоторых арабских писателей-географов о Доне упоминается как о чисто русской реке по преимуществу. Академик Шахматов в своей книге «Введение в изучение русского языка» пришел к заключению, что Дон должен был играть крупную роль в истории России, но скоро был забыт¹⁰. Если вы возьмете летопись, то заметите, что там его имени не встречается; там встречаются Днепр и Волга, а Дона как будто бы не существовало; это объясняется тем, что русские были вытеснены кочевниками и Дон потерял прежнее значение.

Итак, русские хотели вернуться с Волги на Дон, но нападение, которое хорезмийцы произвели на них, благодаря измене хазарского кагана, позволившего своей гвардии напасть на них, заставило их повернуть вверх по Волге, что им было невыгодно, в страну камских болгар, где они были истреблены. Вот что нам известно о первом походе. Второй поход относится к 40-м годам — опять совпадение с походом на Византию. В 941 г., немедленно после похода Игоря на Византию, по возвращении с миром (он собрал против Византии поход, а потом заключил договор, и его дружина и часть наемных войск остались без дела), он часть печенегов направил против дунайских болгар, а флот — против прикаспийских областей; самого Игоря в этом походе не было, потому что в рассказе говорится, что русский предводитель был убит. Мы знаем только то, что войска прибыли к морю, а как они туда дошли, об этом нет сведений. Они плыли по морю, потом вверх по Куре до местности Берда'а. Берда'а находится на реке Тертере, которая впадает в Куру на расстоянии 2—3 фарсахов (12—18 верст) от Берда'а, как определяют расстояние мусульманские авторы. У персидского географа есть известие, что место, где стоял русский флот и где находился русский лагерь, называлось Мубареки. Им удалось очень легко захватить город, так как там были небольшие вооруженные силы и правитель Марзбан только недавно перед этим стал им и не успел укрепить свою власть. Небольшой гарнизон был

¹⁰ <См. Шахматов, *Введение*, стр. 31, 51—52, 93.>

истреблен, и город русскими был взят; об этом мы имеем два рассказа: один — мусульманский, который дошел до нас у Ибн ал-Асира и который, вероятно, заимствован у Сабита ибн Синана; он указывает дату 332 г. х. (943-44 г.), к которой относится этот поход; кроме того, мы имеем рассказ армянского автора Моисея Каганкатваци. Замечательно, что мусульманский рассказ гораздо более беспристрастен в отношении русских, чем армянский. В армянском говорится о нападении русских на население и об истреблении ими этого населения с жестокостью. В мусульманском же сообщается, что русские, заняв город, заявили населению, что каждый должен оставаться у себя дома, т. е. они стремились восстановить порядок в занятом городе, а это для языческих войск, какими являлись русские, есть замечательное явление. Известно, что в Западной Европе норманнские войска, которые в это время совершали набеги, были дикими ордами, огнем и мечом уничтожавшими все. Здесь же было наоборот. Большая разница между первым и вторым походом. Она свидетельствует о культурном развитии в России. Первый поход был беспорядочно-грабительским, а во втором нападение было рассчитано на главный город, самый богатый; это, конечно, свидетельствует о том, что русские знали местность, знали условия, знали, где можно захватить самую большую добычу, и стремились использовать завоевание, стремились захватить город, пользоваться его доходами, но не уничтожать его. Местное население не хотело слушать никаких уговоров русских и продолжало нападения на них; русским, после постоянных восстаний, ничего не оставалось делать, как употребить меч и истребить все население. Еще говорится, что во время этого избиения часть жителей забилась в мечети и нашелся христианин, которым было предложено, чтобы жители дали выкуп с тем, чтобы быть отпущенными, и русский предводитель согласился на это, но только немногие из бывших в мечети согласились уплатить выкуп, остальные были истреблены. Затем говорится о Марзбане ибн Мухаммеде, главном правителе области, который теперь пришел с большим войском и осадил русских в городе. Осада продолжалась очень долгое время. Моисей Каганкатваци утверждает, что русские пробыли в городе полгода, но, по-видимому, времени прошло больше. Говорится, что постоянно русские делали вылазки и мусульмане терпели поражения.

Затем приводится рассказ, который, вероятно, идет от современника, и этот случай очень замечателен: однажды перед битвой Марзбан поставил в засаду отряд, который должен был напасть на русских по определенному знаку. Когда началась битва и войска Марзбана обратились в притворное бегство и прошли мимо этого отряда, то страх был так велик, что они никакого знака не подали, и отряд, находившийся в засаде, не выступил в битву. Тогда Марзбан решил, что ему надо хотя бы пожертвовать своею жизнью, но выступить про-

тив русских. С оружием в руках он бросился на врага и увлек за собой часть своего войска, которое до некоторой степени одумалось; тогда они подали знак отряду, бывшему в засаде, тот тоже двинулся, и русские потерпели неудачу, а их предводитель был убит, но все-таки потом осада продолжалась долгое время. Затем произошли другие события: в южную часть Азербайджана вторгся мосульский князь, и Марзбану пришлось пойти против него. Здесь есть еще одно известие, которое показывает, что тогда политические события заставили Марзбана уйти на юг и увести свои войска, оставив только некоторую часть, которая осаждала русских. Войско это было настолько слабым, что не могло помешать русским уйти из Берда'а, причем они явились к реке Куры, сели на свои корабли и уехали. В этом рассказе особенно интересна последняя подробность. Думается, что если бы русские были отрезаны от реки, то корабли, находившиеся в довольно большом расстоянии от города, были бы захвачены мусульманами, и вообще невероятно, чтобы они могли потом вернуться к кораблям и найти их в настолько исправном виде, чтобы сесть и уехать. Это показывает, что не только город Берда'а, но и лагерь около Куры был в руках русских и что они действовали очень осторожно. Вероятно, они оставили отряд для охраны судов, на которых приехали, и поэтому впоследствии могли отправиться на них домой. Таким образом, мы видим из этого рассказа, что русские действовали совсем иначе, чем в первый поход, и с гораздо большей осторожностью. Есть еще третий поход, о котором скажем только несколько слов: это — завоевание хазарского царства Святославом, и здесь арабские источники определенно говорят о размере того погрома, которому подверглось хазарское царство. Русские летописи только в нескольких словах описывают этот поход, но мусульманские авторы рассказывают подробнее, и вот, благодаря этим мусульманским известиям, мы получаем действительное представление о том завоевании в хазарском царстве, которое было совершено Святославом по определенному плану. Мы видим, что Святослав остается в хазарском царстве и местные жители уже подумывают о том, чтобы вернуться в свою страну, чтобы жить под русской властью. Но затем Святослав отсюда уехал; может быть, на это повлияло давление со стороны мусульман, а затем, может быть, и то, что Святослав увлекся обещанием, которое получил от византийского императора, призывавшего его против дунайских болгар. Святослав ушел на Балканский полуостров, отказавшись от завоеванных хазарских областей, но там он не достиг той цели, о которой думал. Ему удалось на короткое время остаться в Болгарии, но потом, под давлением греческих войск, русским пришлось уйти и возвратиться в Киев; таким образом, он потерял и волжские области, которые завоевал, и потерял дунайские области. К результатам этого похода нам еще придется вернуться в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ IV (7—8) ¹

Поход 944—945 гг., направленный против самого богатого города мусульманского Кавказа, причем русские тотчас после взятия города старались восстановить в нем порядок и спокойную жизнь, свидетельствует об успехах русской культуры и государственности после первого, беспорядочно-грабительского набега. Еще яснее сказываются успехи русской государственности в походе Святослава на хазар. Разгрому хазарского царства арабский современник, Ибн Хаукаль, придает гораздо большее значение, чем русская летопись. Из слов Ибн Хаукаля видно, что русские захватили все хазарские владения, до Семендера включительно, но не трогали других областей и не тревожили беглецов из хазарского царства, нашедших убежище на полуостровах Апшеронском и Мангышлакском. Эти беглецы намеревались вернуться на родину и вступить в переговоры с русскими, чтобы жить под их властью; очевидно, завоевание русскими нижнего Поволжья считалось окончательным.

Согласование известий Ибн Хаукаля с известиями русской летописи представляет некоторые затруднения, вследствие хронологических противоречий. Летопись относит поход Святослава к 965 г., Ибн Хаукаль — к 358 г. х. (968-69 г.). Казалось бы, что дата Ибн Хаукаля, как современника, заслуживает предпочтения, но в 969 г. Святослав уже действовал на Балканском полуострове; кроме того, у самих мусульман есть известие о нападении на хазар в 354/965 г. каких-то «турок», причем хазары получили помощь от хорезмийцев; к туркам арабы часто причисляли и русских. Вследствие этого возникло мнение, что известие о походе 354 г. относится к походу Святослава, а известие о походе 358 г. — к другим русским или норманнам. В действительности более тщательное рассмотрение текста Ибн Хаукаля показывает, что его дата (358 г.) относится не к времени разгрома, а к тому времени, когда Ибн Хаукаль, находившийся в то время в Джурджане (Гиркании), узнал о разгроме, и только по небрежности в других местах отнесена им к самому событию.

Вполне возможно, что Святослав хотел остаться в Итиле, как

---

¹ <Эта лекция печатается в виде конспекта, данного автором. — Прим. ред. к 1-му изд.>

впоследствии — в столице дунайских болгар, и изменил свое решение под влиянием приглашения из Византии, отчасти, может быть, под влиянием действий хорезмийцев. Для русской истории это имело большое значение: если бы русские тогда остались в нижнем Поволжье, они, конечно, подчинились бы влиянию мусульманской, а не византийской культуры².

Покинув Поволжье, Святослав не удержался и на Балканском полуострове и не извлек выгод ни из того, ни из другого похода. Значение хазар на Волге перешло к волжским болгарам (Ибн Хаукаль приписывает русским разгром волжских болгар, но, вероятно, тут смешивает их с дунайскими; гораздо вероятнее, что Святослав шел по Дону); место хазар на нижней Волге и в Дагестане заняли аланы, отчасти, может быть, турки-огузы, которым в XII в. принадлежал город Саксин (местоположение его остается спорным; обыкновенно его помещают около устья Урала)³. Русские в XI в. были отрезаны не только от Каспийского, но и от Черного моря; южнорусские степи были заняты кипчаками, или половцами, которые находились под некоторым влиянием мусульманской культуры (у их ханов были мусульманские военные инструкторы), но вместе с грузинами принимали участие в набегах на мусульманские области.

Берда'а уже не могла оправиться от разгрома, произведенного русскими; главным городом мусульманского Кавказа сделалась Гянджа. Приблизительно с 340/951-52 г. здесь правила курдская династия Шеддадидов; Шеддадиды были устранены сельджукским султаном Меликшахом (1072—1092), назначившим правителем Гянджи своего сына Мухаммеда; впоследствии городом управляли сельджукские эмиры⁴.

При эмире Кара-Сонкоре, в 533/1138-39 г., город был постигнут землетрясением, при котором, по одному известию, погибло 300 000, по другому — 230 000 человек. Этим несчастьем воспользовался грузинский царь Димитрий, чтобы разгромить Гянджу и увезти в качестве трофея ворота. Мусульманский историк Имад ад-дин уверяет, что Кара-Сонкор совершил поход на Грузию и привез ворота обратно в Гянджу, но это неверно: ворота остались в Гелатском монастыре, близ Кутаиса, где в XIX в. русскими учеными на них были разобраны две надписи: грузинская, о торжестве царя Димитрия, и более старая, арабская, 455/1063 г. Арабская надпись XI в. (от раджаба 435, т. е. февраля 1044 г.) сохранилась также на южных воротах (Орта-Капы) Дербента; к более ранней эпохе относится изваяние львов на северных воротах (Кырклар), упоминаемое уже у Ибн ал-Факиха (в начале X в.) и сохранившееся до сих пор.

Образование сельджукской империи связано с движением на му-

² <Ср. также ниже, стр. 851 и сл.>

³ <Об этом см. ниже, стр. 706.>

⁴ <О Шеддадидах см. Minorsky, *Studies.* — Б. С.>

сульманскую Переднюю Азию, в X и XI вв., принявших ислам турок.

В отличие от христианства, ислам первоначально не знал индивидуального миссионерства и распространялся только путем завоеваний; границы мусульманских завоеваний совпадали с границами распространения ислама. Миссионерство, как внутри мусульманского государства, так и вне его, было создано дервишскими орденами; дервиши же распространяли ислам среди турок в степи, и уже в X в. мы видим примеры принятия ислама целыми народами без покорения их мусульманским оружием. Принятие ислама не помешало этим туркам направлять свои завоевательные походы преимущественно на мусульманские области, где они могли найти больше всего материальных богатств. Был придуман даже религиозный предлог для таких походов. По своему культурному уровню турки легче могли подчинить всю свою духовную жизнь религиозной идее, тогда как в культурных странах постепенно устанавливался нечестивый, с точки зрения религии, образ жизни; турки являлись в качестве восстановителей правоверия, орудия справедливого гнева божьего. Уже Махмуд Кашгарский, сам турок по происхождению, составивший в XI в. в Багдаде обширный труд о турецком языке, приводит изречение, приписанное пророку, где Аллаху приписываются слова: «У меня на востоке есть войско, которое называют турками; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю на него это войско». В Передней Азии турки всецело подчинились влиянию иранской культуры и почти совершенно забыли свое собственное культурное достояние, хотя, как показывает сочинение того же Махмуда Кашгарского, у них в то время уже была значительная поэзия на своем языке, не только народная, но и искусственная.

Занятие Багдада султаном Тогрул-беком (1055 г.) установило преобладание сельджуков в мусульманской Передней Азии; Алп-Арсланом (1063—1072) была одержана победа над Византией; при Меликшахе (1072—1092) сельджукская династия достигла высшей степени могущества. Сельджукскими султанами были устранены многие из местных династий, но некоторые были приняты ими под свое покровительство; мазандеранского князя Хусам ад-дауля Шахрияра Меликшах называл отцом. В Арране Меликшаха встретил владетель Ширвана (*ал-малик с̄ихиб-Шарвāн*: титул ширваншаха в этом случае, как и на монетах, не употребляется) Ферибурз <и> обязался платить 70 000 динаров; потом различными уступками эта сумма была уменьшена до 40 000. Тем не менее, по рассказу Несеви, впоследствии, при хорезмшахе Джелаль ад-дине (см. стр. 708), утверждали, что ширваншах обязался платить Меликшаху 100 000 динаров. Джелаль ад-дин требовал такой же дани для себя от современного ширваншаха Афридуна ибн Ферибурза (этого имени нет на монетах); тот ответил, что с того времени часть Ширвана завоевана грузинами. После переговоров сошлись на 50 000; впоследствии из этой суммы было обавлено 20 000.

В известиях о дальнейшей судьбе Ширвана мы находим некоторые противоречия между мусульманскими и грузинскими источниками. По более точным хронологическим данным мусульманских источников, столкновение между грузинами и сельджуками из-за Ширвана произошло в 1123 г. Действия сельджукского султана Махмуда (1118—1131) изображены в различном освещении у Имад ад-дина и у Ибн ал-Асира. По Имад ад-дину, султана призвал один из его эмиров, завоевавший Ширван; когда султан пришел, владетель Ширвана (*ал-малик шарвāн-шāх*; имя его не называется ни грузинскими, ни мусульманскими историками) явился к нему, надеясь, что будет восстановлен в своих правах, но был уведен в плен; Ширван подвергся опустошению (*тахрīb*); тогда же султан одержал победу над кафирами. Все это произошло в единственный год управления везира Шемс ал-мулька, казненного султаном в Байлакане (очевидно, на обратном пути из Ширвана), в месяц раби' I 517 г. х. (29 апреля—28 мая 1123 г.). По Ибн ал-Асиру, султана призвали жители пограничных областей, особенно жители Дербента, больше всего страдавшие от набегов грузин. Султан прибыл в Шемаху; сюда же пришло многочисленное войско врагов; султан находился в страхе; в это время произошли раздоры между грузинами и их союзниками — кипчаками, вследствие чего враги ушли «наподобие обращенных в бегство». Султан еще некоторое время оставался в Ширване и вернулся в Хамадан в месяц джумада II 517 г. х. (27 июля—24 августа 1123 г.). Грузинским царем в это время был Давид II Строитель (1089—1125), положивший начало могуществу грузинских Багратидов, полновластно распоряжавшийся на Кавказе, мало считаясь с властью сельджукских султанов и потом местной династии атабеков Азербайджана, которых называют также Пехлеванидами или Ильдегизидами (1136—1225). В то же время грузины, по словам мусульманского современника, в Тифлисе были покровителями ислама и мусульманской культуры и «не делали различия между грузином и мусульманином». Ширваншахи фактически были подчинены им; дочь Давида Тамара была выдана за ширваншаха Менучехра II; сами грузинские цари тоже называли себя ширваншахами. Грузины и ширваншахи вместе оттеснили северных врагов, занявших в это время некоторые мусульманские области. Говорится о морской победе ширваншаха Ахситана, около 1175 г., над русским флотом из 70 кораблей около Баку и о взятии Шаберана и Дербента, очевидно, незадолго перед этим захваченных врагами (в 1123 г. Дербент, как мы видели, еще был мусульманским городом). Тем не менее ширваншахи на своих монетах признавали себя вассалами сельджукских султанов Арслан-шаха (1161—1177) и Тогрула (1177—1194). С атабеками отношения иногда были враждебные; слова некоторых записей, что атабек Кызыл-Арслан Осман (1186—1191) украсил Шемаху, а ширваншах Ахситан — Баку, понимаются в том смысле, что Ахситан на некоторое время должен был

перенести свое местопребывание в Баку вследствие занятия Шемахи Кызыл-Арсланом и вернулся в Шемаху только после смерти Кызыл-Арслана.

В конце XII и в начале XIII в. произошло единственное в истории явление: образование сильного мусульманского государства владетелями Хорезма, хорезмшахами. Хорезм обыкновенно пользовался политической самостоятельностью, но только один раз в истории сделался ядром великой державы, заявлявшей притязание на верховенство во всей мусульманской Азии, в том числе и в Багдаде, чем было вызвано столкновение между хорезмшахами и халифом. Завоевательные стремления хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220) простирались и на Восточную Азию, что было причиной войны между ним и Чингиз-ханом и установления монгольского владычества над мусульманской Азией, кроме Сирии, Аравии и Индии.

ЛЕКЦИЯ V (9—10)

В этой лекции я остановлюсь на двух событиях, которые имели большое значение для всего мусульманского мира и которые касались прикаспийских областей. Прежде всего — на образовании новой великой державы, ядро которой было в Хорезме¹. Хорезм почти всегда был отдельной областью и пользовался самостоятельностью, но образование из него великой державы произошло только один раз: в XII—XIII веках. Владетели Хорезма были наместниками сельджукских султанов и воспользовались их ослаблением, чтобы стать на их место и сделаться владетелями всей Персии и западной части мусульманского мира. Что касается прикаспийских областей, то по географическим причинам страны по восточному и южному берегам Каспийского моря должны были быть завоеваны раньше, чем области по западному берегу того же моря, как это и случилось в истории Хорезма в XIII в., при последнем шахе, который Хорезмом уже не управлял, а находился только во главе хорезмийских военных сил. Ими он воспользовался, чтобы образовать себе новое государство, после того как государство его отца было завоевано монголами. Что касается областей по восточному и южному берегам, то они еще в XII в. были завоеваны хорезмийцами. Хорезмийцы старались распространить свое влияние на восток, до низовьев реки Сыр-Дарьи, а на запад — на Мангышлакский полуостров, куда приставали суда с товарами, которые оттуда отправлялись потом в Хорезм. Разница между временем, о котором идет речь, и более поздним, XIX веком, заключается в том, что тогда эти местности были пограничными окраинами мусульманского мира и по нижнему течению Сыр-Дарьи были области владетелей, не принявших ислама. Владетели Дженда, у низовьев Сыр-Дарьи, а также правители Мангышлакского полуострова считались защитниками границы ислама, и хорезмшахов упрекали в том, что они уничтожили области владетелей, которые имели большое значение как защитники мусульманского мира от его врагов. На юге Каспийского моря впадает река Атрек, которая имеет для культуры меньшее значение, чем более южная река Гюрген (отсюда название области Гир-

¹ <Более подробно о вопросах, которым посвящена эта лекция, см. Бартольд, *Туркестан*, гл. III—IV — наст. изд., т. I, стр. 386—530. — Ю. Б.>

кании). Атрек упоминается только в XIV в. у Хамдаллаха Казвини; его водой орошался небольшой пограничный пункт, который значение города получил впоследствии, но упоминается с самого начала,— Дихистан, сначала называвшийся работом. Это слово имеет разное значение: оно означает пограничный военный пункт, но часто употребляется и для обозначения караван-сарая. Дихистан был первоначально пограничным военным пунктом, который был построен против турок, когда за пределами халифата оканчивался ислам и когда ближайшими соседями халифата были немусульмане. Развалины рабата сохранились и до сих пор: это небольшой город, окруженный кирпичной стеной, который теперь носит название Мешхед-и Мисриян, т. е. 'Место мученичества египтян', вследствие легенды, по которой египетский отряд погиб в борьбе с неверными. Эта легенда ни на чем не основана, никакого египетского отряда не было; название это позднейшее, часто искажается в «Месториян» и в таком виде упоминается на картах. Что касается самого места, то подробное описание мы имеем в статье Коншина, посвященной вопросу о старом и новом течении Аму-Дарьи²; кроме того, мы имеем еще изображение мечети с надписью в статье А. А. Семенова, известного туркестановеда, напечатанной в XVIII томе «Записок Восточного отделения <Русского> археологического общества»³. Из надписи видно, что развалины Дихистана относятся к последнему времени домонгольского периода, а сама надпись связана с последним владельцем, при котором Хорезм был завоеван монголами, хорезмшахом Мухаммедом (1200—1220). Дихистан имел политическое значение; здесь управляли отдельные князья из династии хорезмшахов. Следующей областью был Мазандеран, лежавший по южному берегу Каспийского моря; там тоже были тогда особые правители.

Первоначально владелец Мазандерана хотел мирно жить с хорезмийцами и даже вступить в родню с хорезмшахом, чтобы удалить от себя опасность. Когда брак его с дочерью хорезмшаха был заключен, то западные владельцы, князь Рустемдара и другие, испугались опасности, которая стала им угрожать со стороны хорезмшаха; они составили совещание между собой, причем имеются сведения об участии в нем «Эмира Ширваншаха», но указывается ли здесь правитель Ширвана или это случайное совпадение имени — неизвестно. Попытка мазандеранского владельца сохранить дружбу <с хорезмшахом> ему не удалась, и когда хорезмшах <Текеш> одержал победу над сельджукскими султанами, то все их притязания принял на себя и захватил часть Мазандерана. По его смерти, воспользовавшись смутой и слабостью его сына, владелец Мазандерана вернул было отнятые области, но через короткое время Мазандеран был окончательно покорен

² <А. Коншин, *Разъяснение*, стр. 152—154.>

³ <Семенов, *Надписи на портале*.>

цией хорезмийского государства. Что касается борьбы между мазан- и в 1210 г. убит последний владетель его, а область сделалась провиндеранским и хорезмийским владетелями, то интересно, что здесь сказывается этнографическая противоположность населения: у хорезмийцев процесс отуречения если не был закончен, то сильно подвинулся вперед, и сами владетели происходили из турецкой династии, тогда как по южному берегу Каспийского моря, в Мазандеране, турецкого элемента не было и особенно упорно сохранялись персидские традиции; жители считали себя таджиками, представителями персидского, иранского элемента, и когда говорится о неудаче при заключении дружбы между Хорезмом и Мазандераном, то указывается, что настоящей дружбы между турком и таджиком быть не может. Области, которые лежат к западу от Мазандерана, также должны были покориться Хорезму; даже сам правитель Рустемдара приезжал в Хорезм. Хорезмийский шах сделался первым и единственным владетелем Персии и Средней Азии; там, где местные династии сохранились, они стали в вассальную зависимость от него. Одного ему не удалось достигнуть, именно — добиться того, чтобы в самом Багдаде признали его власть и чтобы молитва в мечети читалась с его именем. В Западной Европе XII и XIII века были временем ожесточенной войны между императором и папой, между представителями светской и духовной власти; то же происходит в XII и XIII веках в мусульманском мире⁴. Перед этим халиф в течение некоторого времени не обладал светской властью. Еще до сельджуков Багдад сделался одним из городов, принадлежащих султанам, и халиф имел только призрачную духовную власть. Разница между папой и халифом та, что рукоположенного духовенства и иерархии в мусульманском мире нет; если папа лишался светской власти, то как глава некоторой определенной иерархии, строго дисциплинированной, он сохранял известное значение, тогда как у халифа такого значения не было. Монахи также поддерживали папу. Также в мусульманском мире дервиши, казалось, могли бы быть орудием, на которое мог бы опереться халиф, но здесь этого не случилось; в этом разница между тем, что происходило в Западной Европе и в мусульманском мире. В XII в. происходит восстановление светской власти халифа: он воспользовался ослаблением могущества сельджукских султанов и захватил светскую власть в Багдаде и его области в свои руки. Часто это событие освещалось неправильно, и даже в книге, которая наиболее доступна и потому пользуется наибольшей известностью, в «Истории ислама» Мюллера, сказано, что халиф получил Багдад и прилегающую к нему область от сельджукских султанов⁵. Если бы это было так, то еще больше увеличилось бы сходство между событиями в Западной Европе и в мусульманском

⁴ <См. Бартольд, *Халиф и султан.*>

⁵ <A. Müller, *Der Islam*, Bd I, S. 639—641; Bd II, S. 126 sq.>

мире, но в действительности дело произошло иначе; халиф получил Багдад не от сельджукских султанов, а завоевал его сам после смерти султана Мас'уда (1152 г.). Он воспользовался его смертью, захватил власть в свои руки в Багдаде и образовал небольшую область, в состав которой вошли потом Хузистан и Ирак — южная часть Месопотамии, или древняя Вавилония. Таким образом появилась область, где халиф, духовный и официальный глава всего мусульманского мира, был действительно светским владетелем, и, конечно, с этим султаны и представители идеи султанской власти не хотели мириться, и на этой почве все время происходил спор. С одной стороны, халиф и даже правительство халифа, его везир, настаивали на том, что все мусульманские владетели являются вассалами халифа, как бы ни было велико их могущество, и требовали от султанов знаков почтения не только халифу, но и везиру. Султаны, разумеется, протестовали и настаивали на том, чтобы халиф отказался от светской власти и чтобы в Багдаде правитель был лично назначаем султаном, несмотря на то что в мусульманском праве такого различия между светской и духовной властью нет: глава мусульманской общины, имам, является представителем и светской власти. В это время открыто проводится взгляд, по которому должно существовать разделение властей светской и духовной, о том, что халиф есть имам, что его занятием должна быть молитва и он должен всецело заниматься лишь религиозными вопросами; его власть есть власть незыблемая, вечная и действительная, тогда как власть земная, власть владетелей, призрачна, и принятие ее только унижает достоинство халифа. Эту земную власть надо всецело предоставить султану. Таким образом, идея, которая кажется часто несовместимой с мусульманским мировоззрением, идея разделения власти светской и духовной, вполне определенно проводилась в мусульманском мире. Эта борьба служит иллюстрацией споров, часто происходивших даже между европейскими учеными. Некоторые из них, как Снук-Хургронье и Хартман, справедливо заявляли, что между идеями халифства и папства нет, собственно, ничего общего, так как в мусульманском мире нет рукоположения духовенства и халиф не есть папа, а есть духовный и светский глава мусульманского мира и светский элемент во власти халифа, конечно, преобладает. Это, по идее, совершенно верно, но, с другой стороны, между идеей и действительностью всегда бывает некоторая разница, и события XII—XIII вв. были таковы, что папы были поставлены в такое же положение, как и халифы, и такая же, приблизительно, упорная борьба, какая происходит между папой и императором в Западной Европе, шла между халифами и султанами в мусульманском мире. Если, по идее, ничего общего нет, то в действительной судьбе этой идеи и ее носителей имеется сходство: и тут, и там происходит приблизительно одно и то же. Борьба осталась незаконченной вследствие того, что появилась

новая сила — монгольские завоеватели, которые уничтожали и халифов и султанов. Естественно, что в мусульманском мире явилось предположение, введшее в заблуждение европейских ученых, отразившееся и в книге Мюллера: что халиф, враждуя с султаном, призвал монголов Чингиз-хана. В мусульманском мире происходило то же, что и в Европе, где приверженцы папы утверждали, что монголов призвал Фридрих, а приверженцы императора — обратное, и мне кажется, что здесь было то же самое. О том, что халиф Насир ад-дин обратился к монголам, мы имеем известие, в виде легенды, у историка XV в.⁶, а до тех пор были слухи, которые должны были появиться с выступлением на сцену такой силы, как монголы; теперь мы знаем, однако, что отправил посольство к Чингиз-хану не халиф, а султан, который узнал, что Чингиз-хан завоевал Пекин, главный город Китая. Хорезмшах Мухаммед после своих побед в Передней Азии принял титул «Второго Александра». Это показывает, что он являлся представителем идеи мировой империи. Принимая подобный титул, хорезмшах выражал, что его стремления не ограничиваются завоеваниями в мусульманском мире, а что он думает о завоевании всего Востока, в частности Китая. Посольство было отправлено к Чингиз-хану, чтобы проверить известие о завоевании страны, которую мечтал завоевать сам Мухаммед; вместе с тем говорится об отправлении каравана в область Чингиз-хана, который ответил отправкой посольства и тоже торгового каравана. Тут произошло с самого начала столкновение, потому что послы, после того как выразили хорезмшаху от имени Чингиз-хана чувство дружбы и просьбу, чтобы торговля происходила свободно между обеими империями, чтобы купцы могли безопасно ездить из одной из них в другую, сказали, что Чингиз-хан смотрит на султана, как на своего возлюбленного сына. Это оскорбило хорезмшаха, потому что такое выражение считается символом вассальных отношений. По обычаям между государями, если они признают друг друга равными себе, то обращаются, называясь братьями, а если один зовет другого сыном, то этим самым он признает его ниже себя, как бы своим вассалом. Один из послов, присланных ко двору хорезмшахов, был родом из Хорезма, но долгое время торговал в Восточной Азии. Сулган, рассказывает историк, ничего не ответил послам, ночью же призвал этого хорезмийца к себе и сказал: «Могущество мое велико; как может Чингиз-хан называть меня своим сыном, когда у меня такие многочисленные военные силы?»; затем, обратясь к этому хорезмийцу, добавил, что он как человек хорезмийского происхождения является естественным подданным хорезмийского владетеля и должен послужить шпионом для него при дворе Чингиз-хана. Хорезмиец так

⁶ <У Мирхонда; см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 430 (наст. изд., т. I, стр. 467). — Б. С.>

испугался этого разговора, что притворно изъявил согласие исполнить это требование.

Ему удалось настолько успокоить гнев султана, что тот отпустил посольство к Чингиз-хану с благоприятным ответом. Если на какой-нибудь почве разрыв был бы естественен, то именно на этой, но указанным поводом султан не воспользовался, отпустил посольство с мирным ответом, а в то же время караван, посланный Чингиз-ханом, был разграблен в пограничном городе Отраре, причем были убиты все торговцы, за исключением одного, отправленного обратно к монголам. Все они были мусульманами; это указывает на обширность мусульманской торговли, о которой мы имеем другие известия о том, что при дворе Чингиз-хана имелись мусульманские купцы тогда, когда он еще находился в Восточной Монголии. Для обозначения мусульманских купцов в турецком и монгольском языках употреблялось слово, которое первоначально значило «купец», а затем сделалось этнографическим термином. Это слово *сарт*⁷. Оно, как теперь доказано, индийского происхождения и имело значение 'купец'; это слово у турок появилось вместе с распространением буддизма, причем с миссионерами приезжали купцы, и слово *сарт* сделалось у турок обозначением торговца вообще. В этом только значении оно встречается у автора известного словаря — Махмуда Кашгарского, а также в турецком произведении *Кутадгу билик*. Эти купцы были в монгольском государстве не только купцами, но и культуртрегерами, в частности учили монголов оросительным работам. Указание на это мы имеем в монгольских легендах. Слово *сарт* встречается у монголов с монгольским окончанием, в формах *сартак* и *сартаул*; слово *сартак* принимает еще форму *сартактай*, причем последний слог прибавляется для обозначения индивидуума мужского пола. В монгольском эпосе рассказываются предания о богатыре Сартактае. Это одна из фигур, которые известны своими сооружениями, главным образом плотинами, что является указанием на то, что через сартов, представителей иранской культуры, монголы впервые ознакомились с оросительными работами. Во всяком случае, монголы ознакомились с мусульманской культурой раньше, чем напали на мусульманские области, и интересы мусульманских купцов имели для них большое значение. Действия хорезмшаха, который истребил караван, состоявший из мусульманских купцов, в числе 450 человек, больше всего вреда нанесли мусульманским торговцам; с этого времени мусульманские купцы перешли на сторону Чингиз-хана и помогали ему в походах на мусульманские страны; они же извлекли больше всего пользы из этих завоеваний: во всех странах, завоеванных монголами, они заняли самые выгодные долж-

⁷ <О слове *сарт* см. подробнее Barthold, *Sart* (EI, IV), а также выше, стр. 196--197 и 460--461. — Ю. Б.>

ности; в частности, в руках купцов находилось финансовое управление, а также должности сборщиков податей, баскаков. Мы должны исправить существенную ошибку, которая часто делается при сравнении мусульманской культуры с соответствующими явлениями в новой истории Европы. Основная разница заключается в том, что в истории Европы новейшего времени государственный принцип выражен резче, чем в мусульманском мире. Мусульманские царства разваливались довольно быстро, образовывались особые династии, которые господствовали в данной области, но которые исчезали иногда довольно скоро и не могли подействовать на сознание народа. Население принимало государственную власть как нечто существующее, но в народное сознание это не входило в том смысле, что необходимо поддержать эту власть. Представители материальной культуры, торговцы не связывали своих интересов с интересами той или другой власти, и в этом разница между Западной Европой и мусульманским миром. Мы не можем представить французскую или английскую торговлю без политического господства Англии или Франции: одно тесно связано с другим. В мусульманском же мире торговцы не имеют ничего общего с государственной властью. Таким образом — полная связь государства с торговлей в первом случае и полное отсутствие связи во втором. Мусульманские купцы имели свою организацию и, как указывает историк Абу Шуджа, настолько крепкую, что ассигновки, которые выдавались ими на отдаленные города, охотнее принимались и деньги по ним легче было получить, чем по ассигновкам, которые выдавала государственная власть. Термин для обозначения купца, ввиду тесной сплоченности их общества, был *ортак*, что по-турецки значит 'товарищ'. Это слово лучше выражает идею товарищества, чем употребляемое теперь *йолдаш*. *Йолдаш* означает человека, который идет по тому же пути, товарища по дороге, а не товарища в одном и том же деле, а *ортак* есть арабское *шарик* — участник определенной компании, определенного дела, и это слово, обозначающее собственно 'товарищ', стало обозначать купца, что показывает, насколько организации купцов были тесно сплочены и какую стройную организацию купцы получили. Теперь, что касается завоеваний монголов, то видно, что они совершали их с помощью культурных людей, иначе завоевания кочевников никогда не совершались. Монголы, вследствие того распространения и той огромной силы, которую имели мусульманские организации, смогли достигнуть больших успехов, чем какие-нибудь кочевники до них. Никогда в истории не было того, чтобы под властью одного народа были объединены культурные страны Восточной Азии, как Китай, и Передняя Азия. Обыкновенно кочевые государства ограничивались Восточной Азией, и только когда кочевники вытеснялись другим народом, они достигали успеха в западной части Средней Азии. Самая большая империя после монгольской — кочевое государство турецкого хана в

VI в.—распространялось от границы Китая до Византии, но заключало только степи и пограничные культурные области; ему не удалось завоевать ни Китая, ни Персии, между тем как монголы подчинили все эти культурные державы, и только со стороны египетских султанов встретили сопротивление, которое не смогли преодолеть. Интересна и характерна статья о кочевых завоеваниях покойного проф. Григорьева, помещенная в «Журнале Министерства народного просвещения» 1875 года, март (стр. 1—27)⁸. Главная ошибка этого автора заключается в том, что он представляет нападения кочевников на культурные земли как победу физической и нравственной силы одних кочевников; это совершенно немыслимо: так же как и все завоевательные движения — германцев в Европе, арабов в Азии — они совершались тогда, когда выступающие народы, хотя бы и варварские, все-таки ознакамливались с культурой. До арабского завоевания можно проследить, как арабский полуостров постепенно втягивался в сферу влияния культур Византии и Персии. Без знакомства с культурой победы над народом, владеющим большой военной силой, не могло, конечно, быть. Но ознакомление с этой культурой легко, потому что всегда находятся, как это мы видим в Европе, инструкторы, всегда находятся торговцы оружием, которые доставляют усовершенствованные винтовки. То же видим и в средние века: все секреты, все тайны культурной военной техники, употребление нефти и т. п., — все это сделалось известным кочевникам через таких же инструкторов, и такие военные отряды действовали и у половцев, и в Китае. С этой военной техникой ознакомились и монголы, и так образовалась та сила, с которой выступил Чингиз-хан. Григорьеву принадлежит фраза, что кочевники признают одно скотоводство и что если бы они могли, то все земли обратили бы в пастбища. Это неправильно, они никогда не желали делать этого. На самом деле, когда завоевания совершаются кочевниками, то во главе их находятся люди, которые если не создали культуры, то знакомы с ней или могут сообразить и соображают в действительности, что для государства прямо невыгодно было бы обратить все земли в пастбища, потому что от культурных народов, от возделывания полей и от огородов, от тех ремесел, которые находятся в городах, эти владельцы получают гораздо больше подати, чем могут платить кочевники. Если иногда расширялись пастбища на счет культурных земель и делали городскую жизнь невозможной, то это случалось там, где кочевники не находились под влиянием могущественной власти. Так, например, туркмены в новейшее время совершали свои набеги вдоль окраин Персии без всякого руководства, без всякой сильной власти, заботясь только о том, чтобы захватить возможно больше, а думать о том, чтобы устроить порядок, который обеспечил

⁸ <Григорьев, *Об отношениях.*>

бы постоянный доход казне, они, конечно, не могли. Так как монголы находились под властью сильной династии, то там такие соображения были, и при первой возможности восстанавливались города, разрушенные во время военных событий, а культурное население призывалось к возделыванию полей. Чингиз-хан понимал, что доход от кочевников меньше, чем от культурных стран.

На этом мы пока остановимся. После небольшого перерыва я отвечаю на вопросы, а после этого буду продолжать чтение.

Вопрос

Не было ли причиной движения тюрко-монгольской волны явление чисто термическое — высыхание Средней Азии?

Ответ

По-моему, эта теория совершенно неправильна: все больше и больше доказывается фактами, что никакого высыхания за историческое время в Средней Азии не было, а процесс высыхания, который был, это есть процесс, касающийся натуралистов, а не нас, потому что для них период в тысячу лет никакого значения не имеет. Если сравнить описания Средней Азии, чрезвычайно подробные, которые дают арабские географы, то видно, что и тогда распределение земель и воды было приблизительно то же, что и теперь, так что этот процесс мог оказать влияние на геологические, а не исторические периоды.

Вопрос

Какие еще области, кроме Мазандерана и Хорезма, сохраняли свою независимость перед монгольским завоеванием?

Ответ

Одну область я упомянул: Рустемдар, входивший в состав Гиляна и имевший собственную династию. Что касается Гиляна, то большей частью здесь были отдельные князья, которые пользовались своею недоступностью и сохраняли самостоятельность. Монголы образовали империю в Персии, но Гилян завоевали гораздо позже и нашли его под властью нескольких князей. Это единственная страна, которая

осталась в стороне от первого нашествия монголов вследствие недоступности своей. Когда монгольские отряды проходили, то шли через Мазандеран и по юго-западному берегу Каспийского моря, и когда географы описывают пути вдоль берегов Каспийского моря, то прямого пути, который шел бы вдоль побережья, не отмечают, а всегда указывают окружной путь.

Вопрос

Под Азербайджаном часто подразумевают персидский Азербайджан, по ту сторону Аракса, с главным городом Тебризом. Имеем ли мы право называть себя Азербайджаном в этом отношении, были ли мы Азербайджаном или это есть Ширван?

Ответ

Ширван никогда не употреблялся в том смысле, чтобы он охватывал территорию теперешней Азербайджанской республики. Ширван — это небольшая часть с главным городом Шемахой, а такие города, как Гянджа и др., никогда в состав Ширвана не входили, и если нужно было бы придумать термин для всех областей, которые объединяет сейчас Азербайджанская республика, то скорее всего можно было бы принять название Арран, но термин Азербайджан избран потому, что, когда устанавливалась Азербайджанская республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое, так как по составу населения они имеют очень большое сходство. На этом основании было принято название Азербайджан, но, конечно, теперь, когда слово Азербайджан употребляется в двух смыслах — в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду: Азербайджан персидский или этот Азербайджан; общие судьбы их сложились в средние века, в частности в то время, когда пришли монголы и когда Азербайджан персидский и этот находились под одной и той же турецкой властью.

Вопрос

У какого историка говорится о легенде о моражении египтян в районе Мешхед-и Мисриян и какую историческую подкладку эта легенда имеет?

Ответ

Насколько я знаю, ни у одного историка об этом не говорится, и ни одного источника я не встречал. Это рассказ самого населения, и откуда он взялся, трудно сказать. Вероятно, в связи с той борьбой мусульман с неверными, которая велась на границе мусульманского мира; среди арабских отрядов могли находиться и египетские, и есть рассказ, в котором говорится об отряде мусульманском, погибшем в священной войне, и указывается место гибели. Название Рабат Джи-стан встречается в надписях мечети, которая там находится; они относятся к XIII в., ко времени хорезмшаха Мухаммеда, и в надписи названо его имя как строителя этого здания.

Вопрос

Я хотел бы узнать, разделяете ли вы ту точку зрения, что действительно историю делают герои, личности, или, может быть, имеет значение экономическая почва. Я хотел бы узнать, как вы это объясняете?

Ответ

Вообще трудно дать объяснение для всех случаев: причины бывают различные. Как мы знаем по современным войнам, довольно часто они велись ради интересов населения, но с другой стороны бывало часто, что велись и в интересах небольшой группы, как мы говорим теперь, капиталистов. Часто говорится о движении монголов, а мы знаем, что Чингиз-хан был представителем аристократической партии, и знаем, что перед этим движением происходила борьба между народной и аристократической партиями. Теперь, если мы возьмем последствия монгольского нашествия, то увидим, что монголы не нуждались в новых землях, потому что подавляющее большинство монгольского народа после завоеваний осталось в Монголии. Есть существенная разница между завоеванием и переселением. Такое движение, как нашествие германцев на Римскую империю, есть переселение, когда народные массы переселяются в другие страны, а бывают такие случаи, как в Персии. Известно, что хотя древние персы завоевали много стран, но масса народа осталась в Персии в тесном смысле, т. е. в Фарсе, и иранская национальность, несмотря на то, что она покорила Египет и другие страны, не распространилась на них. То же самое с монголами. Этнографическая граница монгольского государства осталась такой же, какой была до завоевания Чингиз-хана, и сам

он после завоеваний вернулся в Монголию⁹. От завоеваний выгоды получил не столько монгольский народ, сколько мусульманские купцы, которые были при дворе Чингиз-хана: они заняли все главные должности, в частности по финансовому управлению. Кроме стихийных движений народных масс, есть и интересы влиятельного слоя, влиятельного и по знатности и по богатству.

Ведь и в новейшее время большие войны ведутся ради интересов небольшого по количеству, но сильного по влиянию слоя; то же самое происходило и в средние века: в монгольском нашествии, кажется, мне впервые удалось указать на преследование интересов в первую очередь мусульманских купцов, которые извлекли наибольшие выгоды из монгольских завоеваний¹⁰.

Вопрос

Какой элемент — турецкий или иранский — играл главную роль при переходе прикаспийцев к оседлости?

Ответ

В Средней Азии, в Туркестане, в то время, мне кажется, представителями оседлых элементов были иранцы.

Продолжаю лекцию. Мы видим, что главное отличие от обычных представлений о завоеваниях кочевников заключается в том, что монгольские завоевания происходят при очень сложных движениях дисциплинированных армий. Мы почти не находим рассказов о каких-нибудь индивидуальных подвигах, которые совершали монгольские воины, но зато все монгольские военачальники были умелыми исполнителями воли Чингиз-хана, знавшего, благодаря помощи мусульманских купцов, географию областей, в которые он вторгся. Все было правильно рассчитано, но могли быть и неожиданные движения. Когда Туркестан был завоеван монголами и султан оттуда бежал, то Чингиз-

⁹ <Ср. выше, прим. 5 к стр. 150.>

¹⁰ <О причинах и движущих силах монгольского завоевания ныне см.: Греков — Якубовский, *Золотая Орда*, стр. 35 и сл.; Якубовский, *Из истории изучения монголов: История МНР*, стр. 79—104. — Б. С.>

хан хотел захватить его в свои руки и отправил за ним отряд в 20 000 человек. Султан бежал на один из островов около южного берега Каспийского моря, и говорится, что монголы дошли до этого острова, но когда увидели его, то прекратили преследование и отправились в другую сторону. Это маловероятно, потому что берег от этого острова был недалеко, и есть известия, что султан получал с берега пищу, следовательно там были лодки, и, если бы монголы дошли до этого места, они добрались бы и до острова; очевидно, они потеряли след хорезмшаха и не знали, в конце концов, куда он бежал. Этим и объясняются довольно беспорядочные движения монгольского отряда. Впервые прикаспийские области были затронуты движениями этого отряда монголов, который шел через эти области, чтобы вернуться обратно к Чингиз-хану, и, таким, образом, обошел кругом Каспийское море. Этот отряд был в Мазандеране, затем в Азербайджане, потом через Закавказье и Дербентский проход прошел на север. Здесь замечательно то, что говорится относительно Гянджи. Этот город откупился от монголов тканями. Жители представляли такую силу, что монголы не решились напасть на Гянджу, а удовольствовались тем, что получили известное количество тканей. Что касается Дербентского прохода, то Дербент монголами в первый раз взят не был, но ширваншах указал путь, по которому они смогли обойти Дербент. Когда они прошли через Дербентский проход, то встретили отряд кипчаков, или половцев, а потом встретились с русскими князьями, и известно, что в битве при Калке русские князья были разбиты, но дальше монголы не пошли, а повернули на восток и прошли через Волгу. Как далеко по Волге к северу они шли, трудно сказать, потому что говорится о их столкновении с болгарами, которые распространялись далеко на юг, по крайней мере до теперешнего Саратова, а может быть, и дальше; здесь отряд в 20 000 человек потерпел первое поражение. Он был окружен войсками волжских болгар и их союзников, и только немногие спаслись и вернулись к Чингиз-хану. О их пути подробно не говорится, но упоминается, что из страны болгар они отправились через город Саксин; этот город упоминается еще несколько раз, но до сих пор спорен вопрос, где он находился. Саксин сопоставляется с городом Итилем; Вестберг доказывает, что Саксин и Итиль одно и то же, что хазары были здесь в другое время и что город носил разные имена; другие показывали иное место, при устье Урала, которое находилось в 40 днях пути от болгар. Сложность этого вопроса еще более усилилась после находки сведений Махмуда Кашгарского, который говорит в XI в., что Саксин и Сувар — одно и то же, а известно, что Сувар — город в 3 днях пути от столицы камских болгар, но, очевидно, это другой Саксин¹¹. Затем Кавказу пришлось пережить набег кипчаков,

¹¹ <Ныне см. Якубовский, *К вопросу о топографии*, стр. 255—257. Ср. *Худуд ал-‘алам*, пер. Минорского, 453 (комментарий). — Б. С.>

или половцев, отряд которых, разбитый монголами, подошел к Дербенту и вступил в сношения с владельцем Дербента, прося помощи, а когда тот отказал, кипчаки захватили Дербент силой, но удержаться не могли. По этому поводу несколько позднее говорится у историка Несеви, что Дербент был такой сильной крепостью, что считалось, что взять его силой совершенно невозможно и что завладеть им можно только при помощи измены. Затем упоминается о набегах, которые грузины делали на мусульманские области Азербайджана в обширном смысле этого слова, причем вообще набеги носили такой характер: грузинские войска подходили к стенам города и жители уплачивали известную сумму или посылали подарки, грузины довольствовались этим и уходили. Тем более был тяжел удар, который нанесли грузины Байлакану, взяв его в 1222 г.; он стоял недалеко от впадения Аракса в Куру¹². Жители Байлакана не приняли никаких мер, потому что были убеждены, что дело окончится так, как всегда кончалось, что грузины возьмут выкуп и уйдут, но на этот раз последние напали на город и истребили его население. Что касается общего положения страны в это время, то династия, которая управляла Азербайджаном, была турецкого происхождения, это атабеки Азербайджана, которых называют также Пехлеванидами или Ильдегизидами. Ей был подчинен персидский Азербайджан и области, находившиеся к северу, до самого Дербента. Столицей этой династии был город Тебриз, но из этого не следует, что Тебриз был самым большим городом в государстве и что вообще южные части Азербайджана были более богаты и более многолюдны, чем северные. Мы знаем, что Тебриз заключал всего шесть тысяч шагов в окружности. Это был город небольшой, размеры которого гораздо меньше, чем размеры, которые имел Берда'а в X в., до русского нашествия. Вообще в X в. есть вполне определенное известие, что большие города располагались в северной части, а не на юге; главным городом в теперешнем персидском Азербайджане был Ардебиль, причем говорится, что Берда'а и Дербент превосходили Ардебиль по величине; для XIII в. мы не имеем определенных известий, как и подробных географических описаний, но о богатстве в Гяндже и о значении этого города говорится в таких выражениях, что надо думать, что он был главным городом всего края и что такого города в персидском Азербайджане в то время не было. Есть географический труд на персидском языке, который был написан для Мухаммеда хорезмшаха в XIII в., сохранился в очень небольшом числе рукописей и остается не изданным до настоящего времени. В этом сочинении, *Джахън-нâме*¹³, описываются, между прочим, огни, кото-

¹² <О Байлакане и его раскопках см. Пахомов, *Пайтакаран — Байлакан*. — Б. С.>

¹³ <*Джахън-нâме* Мухаммеда Бекрана сохранилось в двух рукописях — ленинградской и парижской; факсимиле ленинградской рукописи с разночтениями по парижской в 1960 г. издано Ю. Е. Борщевским. — Ю. Б.>

рые находятся около Баку. Говорится, что в пределах Ширвана и Баку на поверхности земли есть такие места, где постоянно горит огонь, и они составляют два места: одно большое, а другое меньшее. Большое имеет тысячу локтей арабских, т. е. больше 500 метров (арабский локоть немного больше полуметра) в длину и ширину, а другое только сто локтей в длину и ширину; эти места постоянно горят, днем виден дым, а ночью огонь. Эти огни находятся близко друг от друга, между ними расстояние в 200 локтей, немного больше ста метров; затем говорится, что в промежутке между ними растет трава, кормится скот и что этот огонь летом достигает высоты человеческого роста, а в зимнее время — только высоты копья и что никогда огонь не перестает гореть. Описание само по себе интересно, хотя и непонятно, говорит ли автор о том, что он сам видел, или о том, что слышал. Азербайджан был завоеван сыном хорезмшаха Джелаль ад-дином, который бежал от Чингиз-хана в Индию и явился теперь после ухода его. Планов Чингиз-хана мы не можем знать, но, по-видимому, он решил сделать границей Аму-Дарью, в области которой, к северу от реки, были приняты меры к восстановлению Бухары и Самарканда, а что касается городов, которые находились к югу, то эти города были преданы разрушению, как Мерв, Балх и другие, и никаких мер не принималось для их восстановления. Из этого можно заключить, что Чингиз-хан принял за границу Аму-Дарью, потому что монголы придерживались политики создавать пустыни около границ государства, чтобы враг, извне приходящий, не мог найти опорного пункта близ границ, чем затруднялось его нашествие. Джелаль ад-дин завоевал Азербайджан, затем области к северу, причем представитель атабекской династии Узбек бежал в Гянджу, а когда Джелаль ад-дин явился и сюда, он должен был удалиться и оттуда. После этого хорезмшах в 1226 г. взял Тифлис, но его попытка взять Карс и Ани окончилась неудачей: они остались в руках грузин, и в 1227 г. грузины могли из этих городов¹⁴ предпринять набег обратно на Тифлис против хорезмшаха, взять Тифлис и истребить все мусульманское население его. После того султану Джелаль ад-дину приходилось еще бороться за Азербайджан, но он сохранил власть в этой стране до 1231 г. В 1231 г. произошло в Гяндже восстание, и хорезмийские войска все были истреблены, но после сдачи Гянджи султан удовольствовался тем, что казнил 30 человек, на которых жители указали как на зачинщиков восстания. Таким образом, видно, что как во время нашествия монголов, так и во время Джелаль ад-дина Гянджа была городом, который имел наибольшее значение, но затем он был взят следующим монгольским отрядом, пришедшим сюда в 1235 г., после чего Гянджа утратила значение, хотя осталась главным городом Аррана, но уже не имела такой

¹⁴ <В первом изд.: «из этого города».>

важности, как в XI и XII вв.¹⁵. То же самое относится к Дербенту, который 4 года спустя был взят монголами. В 30-х годах последними были завоеваны области к северу от Каспийского моря, болгарское царство, Россия, и образовалось новое монгольское государство, под названием Золотой Орды. Об этом государстве придется говорить в следующий раз.

---

¹⁵ <О Гяндже см.: Джафарзаде, *Историко-археологический очерк*; Альтман, *Исторический очерк*. — Б. С.>

ЛЕКЦИЯ VI (11—12)

Мы остановились на событиях монгольского завоевания и выяснили, что в 1235 г. Гянджа была взята; но в то время как монголы в первый раз удовлетворялись тем, что получили выкуп в виде тканей, на этот раз Гянджа была ими разрушена, и хотя осталась значительным городом, главным в области Аррана, но таким, каким была до монголов, уже никогда, по-видимому, не становилась. Затем, в 1239 г., Дербент был взят монголами, и к этому же времени, приблизительно к 30-м годам XIII в., относится завоевание ими в Восточной Европе бассейна Волги, основание государства Золотой Орды и покорение России. Как известно, монголы пошли далеко на запад, были в Польше и в Венгрии и даже доходили до Адриатического моря, но эти походы имели характер только набегов, и из этих областей монголы вернулись обратно, только в России утвердив свою власть, которая продолжалась больше двух веков¹. С самого начала центром жизни монголов был бассейн Волги, причем Болгар был первым городом Восточной Европы, в котором монголы чеканили свою монету. Торговый Болгар был разрушен монголами при завоевании царства волжских, или камских, болгар, но скоро был восстановлен и сделался более значительным городом, чем до завоевания, судя по тем развалинам, которые дошли до нас; там имеются надписи не только мусульманские, но и армянские, свидетельствующие о торговом значении города, о том, что там были армянские купцы и что их значение было так велико, что могли появиться армянские надписи. Развалины Болгара, которые дошли до нас, все относятся к периоду монгольского государства. При монголах возникли на Волге и другие города. Возник Укек, развалины которого находятся близ Саратова; есть известия, что это была русская колония, образованная монголами при переправе через Волгу, хотя это вопрос спорный. Затем монголы построили столицу, получившую название Сарая. Оно очень часто встречается в монгольский период и указывает на происхождение этого города. Сарай значит 'дворец', и, несмотря на то что монголы вели кочевую жизнь, все

¹ <О роли монгольского завоевания см. Греков — Якубовский, *Золотая Орда*. стр. 9 и сл., 35 и сл., 247 и сл. Ср. также наст. изд., т. I, стр. 32—33 и 530, прим. 1.— Б. С.>

же их ханы не могли не увлечься планом построения царских дворцов. И в других странах архитекторы из культурных народов строили дворцы для монгольских ханов, и поэтому название Сарая встречается во многих местах. Таким же образом объясняется и происхождение города Бахчисарая в Крыму. Это тоже первоначально был ханский дворец, а потом постепенно вокруг него возник большой город. Что касается Сарая на Волге, то мы имеем свидетельство путешественника Рубрука, который проехал <там> очень скоро после его основания, и только из его слов мы знаем, что этот город был основан Батыем; расстояние от Каспийского моря, которое указывает Рубрук, заставляет думать, что им имеется в виду южный из двух городов, по-видимому носивших название Сарая. О местоположении Сарая в разные времена были большие споры. Развалины находятся, во-первых, у Царева, выше по течению, на Ахтубе, рукаве Волги, а во-вторых, дальше к югу, около Селитренного городка, где впоследствии добывалась селитра, как это часто делается в развалинах городов. Об этих двух городах существует большая литература. На месте Царева в 40-х годах <XIX в.> были произведены большие раскопки, которые показали, что здесь стоял обширный город, развалины же, находящиеся у Селитренного городка, не производят такого величественного впечатления своими остатками. Поэтому в настоящее время господствует мнение, что на месте Царева — остатки настоящего Сарая, тогда как прежде полагали, что это развалины нового Сарая, а что старый Сарай находился у Селитренного городка. Новый Сарай упоминается, но как должны старый и новый Сарай относиться друг к другу, это вопрос спорный; существует мнение, что новый Сарай, при Цареве, был построен при Узбеке, а при его сыне, Джанибеке, получил значение главного города, но это мнение не подтверждается восточными авторами, из которых следует, что город Беркая (брата Батыя), город Узбека и Джанибека — это один и тот же Сарай.

Теория двух Сараев, хотя и не совсем последовательно, выражена также в трудах проф. Баллода, которые появились только в 1923—1924 гг. Мне кажется, что развалины у Селитренного городка могут быть тем Сараем, который построил Батый и который в виде развалин сохранился здесь, но это был только небольшой сравнительно город, а столичный Сарай времени Беркая находился на месте Царева. Сарай был обследован еще в 40-х годах раскопками Терещенко, причем здесь были найдены остатки дворцов, мечетей, и вообще видно, что это был большой культурный город. Этими раскопками такое положение было вполне доказано, и нового доказательства не требуется, но тем не менее проф. Баллод на этом настаивает в своей работе «О старом и новом Сарае»², а еще раньше в книжке под

² <См. Баллод, Старый и Новый Сарай.>

несколько кричащим названием «Приволжские „Помпеи“». Это заглавие дано неудачно: автор объясняет его тем, что будто бы развалины Сарая свидетельствуют о такой высокой культуре, которая напоминает культуру Помпей. Но значение Помпей заключается не в том, что это остатки высокой культуры: они были небольшим городом, который особенно культурного значения в истории Италии не имел. Значение Помпей в том, что развалины их сохранились великолепно, благодаря засыпке продуктами извержения Везувия, тогда как из книги самого же проф. Баллода видно, что на Волге таких крупных развалин нет, тем более что, пока их научное значение было понято, они долгое время плохо охранялись. До Петра Великого охраны совершенно не было, а поэтому развалины Сарая и вообще приволжских городов расхищались. В этой книге о Сараяе мы видим такую же тенденцию, как и в некоторых русских работах новейшего времени, как, например, в работе Худякова «История Казанского царства»³. Здесь мы видим крайность, которой несколько содействовали работы проф. Покровского в Москве⁴, крайность, противоположную проявлявшейся раньше. Прежде, как известно, к татарам относились безусловно враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только, как о варварстве и об иге варваров; у проф. Баллода же мы видим обратное: он старается доказать, что татары обладали необычайно высокой культурой даже раньше, чем вышли из Монголии и победили другие народы. Но это опровергается всеми свидетельствами, это такая же ошибка, как и прежний взгляд, и, как всякая крайность, это мнение так же мало содействует научному знанию, как и первое. Что татары принесли с собой высокую культуру, это опровергается всеми данными, которые мы имеем о татарах, но несомненно, что такой город, как Сарай, должен был быть средоточием жизни купцов и мусульманских ремесленников, тем более что в это время через него проходил главный торговый путь⁵.

Западная Европа до монгольского нашествия Дальним Востоком не интересовалась, после же нашествия монголов европейские путешественники и купцы стали ездить через Россию и Золотую Орду в Китай, и образовался торговый путь через Сарай, Сарайчик, Хорезм, а из Хорезма через Отрар и Алмалык (около Кульджи). Это был единственный период, когда под властью одного народа и одной династии объединились все земли от России до Китая. Это было временем развития караванной торговли, что должно было способствовать развитию культуры. Города, расположенные на этом пути, должны были развиваться, и в них должна была появиться довольно высокая культура. Самой древней культурной областью был Хорезм, и его культурное

³ <См. Худяков, *Очерки*.>

⁴ <См. М. Покровский, *Русская история*, т. I, стр. 105.>

⁵ <О Сараяе см. Якубовский, *К вопросу о промышленности*. — Б. С.>

влияние распространялось на всю Волгу. Впоследствии Тимур вывез хорезмских мастеров в Самарканд, и они построили ему в Шахрисябзе дворец, развалины которого сохранились до настоящего времени. В пределах Хорезма мы имеем величественные памятники, относящиеся к XIV в., точно определенные по времени, как, например, существующую доныне могилу жены наместника Хорезма, Тюрябек-ханым⁶.

Ургенч был тогда главным городом Хорезма и, как описывает его Ибн Баттута, был великолепным городом, средоточием торговли; западноевропейские путешественники отзываются о нем таким же образом, говоря, что он был самым богатым городом на этом пути, что все товары можно было в нем сбыть и что здесь можно было запастись серебром в любом количестве, какое нужно было для дальнейшего путешествия.

Здесь встречаемся с великолепной мозаикой в потолках, что представляет редкое явление в мусульманских постройках. Мы знаем, что в мусульманском искусстве мозаика была заимствована от византийцев, работавшими по ней были главным образом иноземные мастера, а между тем ее мы находим здесь, в глуши Средней Азии, в теперешнем Хорезме, в развалинах Ургенча.

Кроме этой материальной культуры, мы встречаем здесь также и высокую духовную культуру. Мы видим сохранение школы мусульманских рационалистов, мутазилитов. Мутазилитское движение, как известно, было учением, где в основу клался разум, которому придавалось даже больше значения, чем преданию. Эта школа перешла в Хорезм еще в XI в., и имеется свидетельство, что еще в XII в. мутазилиты существовали, но вели более умеренную полемику, чем вообще в богословии, а в особенности в мусульманском, принято: здесь культурное развитие было настолько высоко, что считалось неприличным спорить очень резко, и спор велся с известным тактом, который предписывался обычаем. Это свидетельствует об очень высокой культуре. Несмотря на то что весь город был разрушен при взятии его монголами и восстановлен на новом месте, школа пережила монгольское нашествие и упоминается при их господстве. Этот факт свидетельствует о жизненности духовной культуры. Естественно, что Хорезм оказывал влияние на другие области, находившиеся под властью монголов, и мы знаем одного поэта хорезмийского происхождения, который жил в XIV в. в Золотой Орде и написал единственное составленное на турецком языке в этом государстве поэтическое произведение⁷. Было много архитектурных сооружений; в Хорезме сохранились развалины построек, о которых упоминают источники, с точным указанием времени основания. То же происходило в Болгаре и в Крыму. Постройки Ста-

⁶ <Принадлежность этого мавзолея Тюрябек-ханым теперь оспаривается М. Е. Массоном (О датировке, стр. 86—87). — Б. С.>

⁷ <Имеется в виду *Муҳаббат-наме* Хорезми. — Ю. Б.>

рого Крыма — мусульманские, и сохранилась мечеть с надписью времени Узбека. Чтобы определить культурное состояние Золотой Орды не пустыми фразами, как у проф. Баллода, а более реальными фактами, нужно было бы сравнить эти постройки и выяснить, свидетельствуют ли они вообще о какой-нибудь общей культуре. Вопрос надо поставить так потому, что мы имеем явление, которое указывает на обособленность этих культурных центров и позволяет сомневаться, можно ли говорить об общей культуре: это чеканка монеты. В отдельных городах, в Болгаре, Хорезме, Сарае, Крыму, устанавливаются типы, которые проходят через много лет, и монета в каждом месте чеканится по одному и тому же образцу, но монеты, чеканенные в одном году, но в разных местах, отличаются друг от друга; мы видим на них различные шрифты, надписи и т. п. Следовательно, единство культуры сказывается меньше. Это особенно характерно, если сравнить с монетой при халифах. При Аббасидах на монетах, чеканенных в одном и том же году, скажем в Самарканде и в Багдаде, несмотря на то, что между ними было колоссальное расстояние, и на то, что на Самарканд власть халифа мало распространялась и фактически он управлялся другой династией, шрифт и самые буквы совершенно сходны. Здесь же, в Золотой Орде, мы видим различные типы монет, украшений, формата и т. д. одновременно в разных городах. Во всяком случае, культурность Золотой Орды опровергает мнение, которое теперь должно быть оставлено, что будто бы культурная отсталость России зависит от монгольского ига, что без него Россия находилась бы на той же степени культуры, как Западная Европа. Теперь можно сказать, что именно в период монгольского ига, когда караванные пути проходили через Россию, Россия вступила в более тесную связь и с Востоком и с Западной Европой и вступление Новгорода и других городов в ганзейский союз раньше не было бы возможным. Культура при монгольском иге придвигается к России, и если сравнить жизнь московскую с жизнью предшествующих периодов, например киевского, то увидим большее развитие по сравнению с прежним временем. Отсталость России от Западной Европы объясняется тем, что она не принимала участия в крестовых походах и т. д. На Западе арабские сочинения переводились на европейские языки, а в России православие, заимствованное из Византии, было настолько сильно, что, несмотря на непосредственные сношения с Золотой Ордой и Хорезмом, не было ни одного случая прямого заимствования какого-нибудь восточного литературного памятника и перевода его на русский язык. Мы знаем, что были переводы на русский язык некоторых восточных произведений, как, например, «Золотых врат», приписываемых Аристотелю, или «Логики Авиасафа», которая в действительности есть сочинение арабского философа XI—XII вв. Газзали, но эти сочинения появились в России в XIV в. кружным путем, через Западную Европу и, те же евреи,

которые на Западе были главными переводчиками с восточных языков на европейские и главными посредниками между восточной и европейской культурами, переносили эти произведения в Россию. Так, кружным путем, через Западную Европу, проникали в Россию мусульманские сочинения⁸.

Золотая Орда, по своему расположению на главных торговых путях, была культурным государством; то же относится к государству, несколько позднее образованному монголами в Персии⁹. Они проникли туда довольно рано, но прочное завоевание совершилось Хулагу-ханом, который был послан туда для завоевания в 50-х годах XIII в. и который в 1258 г. взял Багдад, положив конец халифату. Образовалось государство, простиравшееся почти до Средиземного моря и заключавшее часть Малой Азии. Монголы старались распространить свое влияние на Сирию, что, однако, не удалось, и они потерпели поражение от египетских султанов. В этом государстве местность персидского Азербайджана с самого начала получила главное значение. Монгольские ханы облюбовали ее, особенно ту часть, которая составляет бассейн Урмии. На этом озере, на острове, были гробницы монгольских ханов до принятия ими ислама. Около города Мераги была построена астрономическая обсерватория для ученого Насир ад-дина Туси, бывшая несомненно первой обсерваторией своего времени. Впоследствии, в конце XIII в., Газан-хан (1295—1304), считающийся реформатором государственного строя в Персии, ввел порядок, особенно в области финансовой, и при нем значительно увеличивается доходность отдельных областей. При нем Тебриз был сделан столицей и перестроен в качестве большого города. Тебриз существовал с IX в., был главным городом Азербайджана, но при правителях домонгольского периода был небольшим городом, так что его окружность определялась в 6000 шагов. Несмотря на свое столичное значение, он в то время уступал Гяндже и, может быть, некоторым другим большим городам. Теперь же Газан-хан увеличивает его в пять раз, воздвигает великолепные постройки: гробницу, мечеть и т. п. Деятельность Газан-хана не могла не коснуться местностей, которые находятся к северу и называются теперь кавказским Азербайджаном: как известно, это название на них в прежнее время не распространялось. Западный путешественник, монах Рубрук, посетил Дербент в 1254 г., всего через 15 лет после взятия его монголами; его описание есть первое, сделан-

⁸ <Исторические факты, в первую очередь высокий уровень городской жизни и ремесленного производства на Руси в домонгольский период (ср. Рыбаков, *Ремесло*) и упадок, наблюдаемый в большинстве районов Руси в последующее время, свидетельствуют о том, что В. В. Бартольд был неправ, отрицая влияние монгольского ига на отставание России в культурном отношении от Западной Европы. — Б. С.>

⁹ <Об истории Азербайджана при Хулагидах см. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана* (там же библиография). Ср. также Петрушевский, *Земледелие*. — Б. С.>

ное очевидцем, несмотря на то что город существовал так долго. При Рубруке в нем еще были остатки разрушений, произведенных монголами, разрушены были башни и зубцы стен. Он первый говорит о несоответствии между длиной и шириной города, о том, что длина равняется одной французской миле (больше 3 верст), а ширина — расстоянию, на которое можно бросить камень. Впоследствии это несоответствие между длиной и шириной Дербента подтверждается сведениями авторов того же XIII в. Арабский географ Казвини в своем сочинении *'Аджайб ал-махлукат* тоже говорит о несоответствии между шириной и длиной Дербента, сообщая, что Дербент в длину представляет $\frac{2}{3}$ фарсаха, а ширина его равняется полету стрелы, так что описание его сходится с описанием Рубрука. В прежнее время, в X в., арабские авторы говорят определенно, что Дербент занимал в длину и ширину одно и то же пространство. Это показывает, что нынешние стены представляли собственно крепость Дербента, а сам город занимал большее пространство, занимая местность к югу от стен. Теперь город заключается только в пространстве между двумя стенами, и потому здесь впоследствии говорится о цитадели на горе, где она находится и теперь. Об этом совершенно не упоминается в домонгольский период. Эта гора носила название Зиб ('Волк') и служила сторожевым пунктом. Когда получалось известие о вторжении с севера, то там зажигался огонь, так чтобы его можно было видеть на большое расстояние. Это обычный первобытный способ телеграфирования; когда требовалось известить о каком-нибудь событии, то зажигался огонь; там, где его замечали, зажигался другой, и таким образом весть от маяка к маяку передавалась на большое расстояние. На этой горе, в нескольких верстах от моря, и была построена цитадель. В XV в. Дербент потерял значение приморского пункта и имел такое же положение, как и в настоящее время, т. е. занимал только пространство, которое примыкает к цитадели; остальное пространство между стенами было пустынным. Золотоордынские ханы впоследствии предъявляли притязание на эти местности, и из-за этого происходили столкновения между Золотой Ордой и монгольским государством в Персии. Об экономическом положении последнего мы имеем подробные сведения, которые позволяют до некоторой степени критически относиться к известиям относительно страшных разрушений, произведенных монголами, следы которых не могли быть исправлены. Эти взгляды иногда были восприимчивы и западноевропейскими учеными. Так, например, у одного из крупных западноевропейских историков, Линднера¹⁰, мы находим мнение, что многие города совершенно не возникли больше из развалин, а те, которые возникли, все были несравненно меньше по числу населения и т. п., чем до разрушения. Это ошибочно: Тебриз новый был построен в виде такого большого города, который превос-

¹⁰ <См. Lindner, *Weltgeschichte*, Bd II, S. 97—99.>

ходил Тебриз домонгольского периода. То же относится и к другим городам. В XIV в. был основан город Султания, столица хана Улджэйтю. Свое столичное значение он скоро утратил, но местоположение его было настолько удачно выбрано, что он долгое время после того был центральным торговым пунктом Персии.

Постройки монгольского периода XIV в. свидетельствуют о том, что архитектурные достижения в это время дошли до своего высшего развития. Сооружения XIV—XV вв. превосходят в этом отношении все постройки, которые были на почве Персии раньше. При монголах мы видим упадок богословских наук, которыми они до принятия ислама не интересовались, а затем упадок литературы, потому что персидской литературой интересовались лишь владельцы Фарса и других вассальных областей, но сами монголы к персидской литературе, конечно, особого интереса питать не могли. Один из авторов монгольского периода видит разницу между монгольским временем и предшествующим в том, что монголы богословием и литературой не интересовались, но зато при них достигли высшего развития те науки, которые имели практическое значение: медицина, счетоводство, математика. И если можно сказать, что Персия когда-нибудь занимала первое место по культурной важности и стояла во главе всех стран в культурном отношении, то это был именно монгольский период. Это видно по постройкам и по получавшимся при монгольских ханах доходам, о которых вы узнаете в следующий час; мы имеем также свидетельства, что Персия, завоеванная монголами, оказывала влияние на мусульманские страны, в том числе на Египет, султаны которого были единственными, удачно оказавшими сопротивление монголам, и часто заслугу египетских султанов видят именно в том, что Египет и Сирия были избавлены от завоевания и представляли единственные страны, в которых государственное и культурное развитие не прерывалось. Казалось бы, Египет и Сирия должны были влиять на Персию, а мы видим наоборот: влияние Персии, сказывающееся, например, на государственном устройстве Египта. В этот же период персидские астрономические сочинения переводятся в Византии на греческий язык, тогда как раньше переводились только арабские. Таким образом, мы видим, что в XV в.¹¹ Персия достигает такого развития как раз в монгольский период.

На этом мы остановимся, а после небольшого перерыва я отвечу на вопросы и мы продолжим лекцию.

Вопрос

Монголы разрушили персидские города, большинство их осталось в развалинах, но тем не менее Вы считаете, что это время расцвета?

¹¹ <Здесь, по-видимому, опечатка, так как речь идет о времени расцвета государства Хулагидов, т. е. о первой половине XIV, а не о XV веке. — Б. С.>

Ответ

Эти разрушенные во время войны города восстанавливались очень скоро: мы видим постоянно, что, как только устанавливался мир, принимались меры для восстановления городов. Некоторые провинции, например Бухара и Самарканд, были завоеваны только один раз, а города Персии завоевывались по нескольку раз, и поэтому некоторые из них не восстанавливались совсем, например Мерв, зато другие восстанавливались скоро, и даже возникали новые, как, например, Султания. Постройки и экономическое положение свидетельствуют о громадном развитии по сравнению с предыдущим, и этот период является лучшим временем в истории персидской архитектуры. Это факт, который нельзя отрицать¹².

Вопрос

Во-первых, почему Россия, находящаяся в непосредственных сношениях с Востоком, не могла получать его литературные произведения прямо от него, а получала их через Западную Европу? А во-вторых, почему культура Персии при монголах поднялась на высокую ступень своего развития; объясняется ли это сознательностью персидского народа или влиянием монголов?

Ответ

Что касается первого вопроса, тут, как часто бывает, приходится устанавливать факт, а объяснить его ясно невозможно. Мы это находим в России почти до настоящего времени: Россия имеет сношение с мусульманским миром постоянно, а если возьмем литературу об исламе, то оригинальных русских произведений почти не найдем. Русские ученые следуют большею частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе, которые долгое время держатся у нас, иногда даже после того, как они были оставлены там. По отношению к буддизму обратное: он изучался в России хорошо и русские работы по этому вопросу были впереди западных. Это факты, а почему так, это объяснить трудно. Что касается второго вопроса, то здесь, мне кажется, главное заключается

---

¹² <Как показывает большой фактический материал, собранный, в частности, И. П. Петрушевским (*Земледелие*), монгольское нашествие нанесло экономике Ирана сильный удар, и, несмотря на некоторые успехи в развитии архитектуры, нельзя говорить, как это делает здесь В. В. Бартольд, о «громадном развитии» Ирана в целом в этот период. — Б. С.>

в том, что при монголах караванная торговля достигает такого развития, какого никогда не достигала в прежнее время. Следовательно, сношения между Персией, Дальним Востоком и другими странами значительно расширяются, и, кроме того, Персия и Китай попадают под власть одной и той же ветви династии. Таким образом между Персией и Китаем установились тесные отношения, а это содействовало развитию и морской торговли; поэтому мне кажется, что здесь имеет значение не сознательность персидского и тем более монгольского народа, а то культурное общение, которое было принесено монголами и которое в значительной степени объясняет развитие персидской культуры того времени.

Вопрос

Развивались ли персидская культура и литература благодаря тому, что этому способствовали монголы или сам персидский народ?

Ответ

Это зависело не от монгольского народа и не от персидского, а от более благоприятных условий для международного общения, которыми Персия воспользовалась; кроме того, монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, и она оказала сильное влияние во всех областях, вошедших в состав монгольской империи. Везде вы видите после монголов большую политическую устойчивость, чем до монголов. Этой стройной политической организацией сами монголы воспользовались меньше других. Подобно этому организация первоначального ислама при халифах принесла гораздо больше пользы завоеванным странам, чем Аравийскому полуострову, который остался в примитивных условиях. То же самое вы видите и здесь. Мы знаем по России, что Московского царства не могло появиться без монгольского ига¹³. Это давно доказано. То же самое относится и к другим странам, как к Персии, которая сложилась под влиянием традиций монгольских¹⁴. То же самое произошло в Китае, несмотря на его ста-

¹³ <Это утверждение В. В. Бартольда неверно. В действительности Московское государство возникло не благодаря принесенной монголами «очень сильной государственной организации» и не на монгольских традициях, а в ходе борьбы русского народа за свержение монгольского ига. — Б. С.>

¹⁴ <В. В. Бартольд имеет в виду персидскую государственность; и в данном случае, как и в отношении Московской Руси, он преувеличивал значение «монгольских традиций». — Б. С.>

рые традиции. До монголов китайское государство часто распадалось на отдельные части и даже в момент завоевания монголами было разделено на два государства. Но после монголов, вплоть до новейшего времени, Китай составлял одно целое. Вообще в странах от России до Китая мы видим больше политической устойчивости после монголов, чем до них, на что, конечно, оказала влияние их система управления.

Теперь вернемся к государству, которое монголами было основано в Персии. Постройки монгольского периода до некоторой степени коснулись и кавказского Азербайджана, где главным городом некогда был Берда'а, который при монголах опять сделался значительным городом, хотя в начале XIII в. представлял собою только деревню. В Берда'а сохранились постройки, относящиеся к XIII в. Мы имеем надписи монгольского хана в Армении, в городе Ани и в других местах.

Караванная торговля должна была оказать влияние на развитие мореплавания, и мы видим единственный факт, что только в этот период народ, который имел суда на Черном море, перенес их на Каспийское. Это известная попытка генуэзцев, которые завели суда на Каспийском море и торговали здесь в течение некоторого времени. Благодаря этому мы имеем действительно подробные сведения и карты Каспийского моря. Что касается гилянского шелка, которым они торговали, то он только теперь сделался предметом международной торговли, каким и был в XVII, XVIII, XIX вв., после чего торговля им в течение некоторого времени совершенно упала из-за болезни шелковичного червя. Еще в первой половине XIII в. Якут, известный географ, говорит определенно, что гилянский шелк низкого качества, следовательно улучшение качества гилянского шелка настолько, что он мог сделаться предметом международной торговли, относится именно к периоду монгольского завоевания.

Столица Золотой Орды, Сарай, находившийся на этом торговом пути, должен был иметь особое значение. Баку тоже должен был получить значение, как наиболее безопасная гавань на Каспийском море, и действительно, Каспийское море иногда называется Сарайским, а иногда Бакинским. Мы имеем два главных описания Баку: одно относится к XIV, другое к XV в. Между ними есть некоторое разногласие. Описание XIV в. принадлежит Хамдаллаху Казвини, который дает наиболее полное описание монгольского государства в Персии в этот период и сведения о доходности, о чем мы будем го-

ворить ниже. Он отличается тем, что не только выписывает известия авторов, скажем, X века, но иногда делает свои замечания и дополнения; так, он отмечает, что те или другие данные не относятся к тому времени, о котором автор пишет. Он говорит о Баку как о деревне, которая была расположена около моря, а крепость находилась значительно выше. Кроме того, он замечает, что в Баку находился христианский епископ; это, по-видимому, остатки старой армянской церкви, которая здесь была¹⁵. Другое описание принадлежит Абд ар-Рашиду Бакуви, который писал уже в XV в. и который является, кажется, единственным географом, происходившим из Баку. Сочинение Бакуви переведено на французский язык и напечатано в «*Notices et extraits*», во II томе. Он говорит о двух крепостях в Баку, причем одна находилась на высокой горе и была почти развалиной, а другая — на самом берегу моря и была настолько сильна, что монголы не могли ее взять. Из рассказов Бакуви видно, что в это время уровень моря был выше, чем раньше, и многие здания находились в воде. Затем говорится, что окрестности города пустынные, а сады жителей находятся на большом расстоянии от города и съестные припасы привозятся из Ширвана. Что касается вывоза, то предметами его были шелк, соль и нефть. Известно, что в Баку сохранилась мечеть, которая была построена в XI в., несколько мечетей XIV в., затем дворец ширваншаха, построенный в XV в.¹⁶ Замечательно явление, что по сведениям, которые имеются, область, составляющая теперь кавказский Азербайджан, давала гораздо меньше дохода, чем Грузия. Эти сведения были мною разобраны в статье о персидской надписи на мечети Мануче; эта работа составляет 5-й номер «Анийской серии», которую издал акад. Марр¹⁷. Денежная система, которая имеется в подробностях у Казвини, до сих пор не была правильно истолкована, потому что у него термин *динар*, который вообще означает золотую монету, употребляется в другом значении, как и у других авторов монгольского периода. В это время, в противоположность предшествующему периоду, мы видим восстановление серебряной валюты, причем чеканились серебряные монеты двух родов; главными были динар и дирхем; в динаре было 6 дирхемов. Динар, самая большая серебряная монета, которая чеканилась, заключала в себе три золотника серебра; следовательно, дирхем содержал ползолотника серебра. Потом, под влиянием Золотой Орды, вес этих мелких монет был уменьшен до $\frac{1}{3}$ золотника, так что динар стал заключать 2 золотника. Если принимать вес динара равным 3 золотникам, то

¹⁵ <Об этом источнике см. Петрушевский, *Хамдаллах Казвини*. Приводимое здесь Бартольдом сообщение Казвини относится не к Баку, а к Маку; см. там же, стр. 910, прим. 4. — Б. С.>

¹⁶ <Ср. Дадашев — Усейнов, *Архитектурные памятники Баку*. — Б. С.>

¹⁷ <См. Бартольд, *Персидская надпись*.>

получится, что он стоит 75 копеек на наши деньги, считая золотник по 25 копеек, но, разумеется, относительная стоимость на золото была больше, так как отношение золота к серебру было иное, чем в настоящее время. Кроме того, употребляется в качестве счетной единицы слово *туман*, которое теперь обозначает определенную золотую монету в Персии, а в то время было названием счетной единицы, причем основное значение слова *туман* сохранялось. Оно, как известно, значит '10 000', и потому туман был суммой в 10 000 динаров, т. е. 7500 руб. Исходя из этого, я старался определить величину тех цифр, которые указываются. Для Грузии указывается доход в 120 туманов и 2000 динаров, т. е. 901 500 руб. на наши деньги, тогда как область Арран, где главным городом была Гянджа, давала в 4 раза меньше: 30 туманов и 3000 динаров, т. е. 227 250 руб., но надо иметь в виду, что Грузия была очень большой провинцией и заключала в себе все области, которые входили в состав грузинского царства до нашествия монголов. От Ширвана монгольская казна получала 11 туманов и 3000 динаров, т. е. 84 750 руб. на наши деньги. Это очень мало, но, может быть, объясняется тем, что ширваншах мог иметь свой денежный счет, так что только часть вносилась в государственную казну, а остальная часть шла на ширваншаха. Хорасан имел свой особый счет, а остальные области монгольского государства Персии давали 1700 туманов, т. е. 12 750 тыс. руб., а потом вследствие справедливости Газан-хана, как говорится у Хамдаллаха Казвини, и вследствие реформ, которые он ввел, эта сумма была увеличена до 2100 туманов, т. е. до 15 750 тыс. руб., сумма для тогдашнего времени чрезвычайно большая, и я в своей статье об анийской надписи сравнивал ее с доходами самых богатых европейских государств того времени: французского и др.; для них получаются ничтожные размеры по отношению к доходам, которые собирали монгольские ханы. Таким образом, надо иметь в виду, что завоеванная монголами Персия по материальной культуре и экономическому состоянию, судя по доходам, которые получали владельцы ее, несравненно превосходила западноевропейские государства. Вот разница, которая была между Востоком и Западом в то время.

В Персии правила династия ильханов, затем другая, тоже монгольского происхождения, хотя отуреченная, джалаиров. Затем была попытка Золотой Орды захватить власть в Азербайджане; попытка эта удалась на некоторое время, и даже чеканились здесь золотоордынские монеты. Один раз владелец Южной Персии сделал попытку захватить Азербайджан в свои руки и имел успех, но потом был вытеснен¹⁸. Что касается Дербента, то к 1475 г. он упал и лишился

¹⁸ <См. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана*, стр. 300—330. Ср. также Али-заде, *Борьба*, стр. 57—94. — Б. С.>

значения как приморский порт, и мне кажется, что объяснение этого явления лежит в возвышении Баку и в том, что последний сделался главной гаванью Каспийского моря. Еще в 1428 г. в Дербенте упоминается свой князь, который занимался морским разбоем и грабил корабли, шедшие из Астрабада к северу. Корабль ему построил итальянец Джованни делла Валле, который в это время был в Дербенте. Затем мы видим, что в 1475—1476 гг. город находится в таком же положении, как и в настоящее время, занимая одну шестую пространства между стенами около цитадели, и, таким образом, утрачивает значение для моря.

При монголах мы встречаем сооружения, которые, видимо, делались самими правителями. Сюда относится дербентская соборная мечеть, на которой была надпись; эта постройка обрушилась, а впоследствии, в XIX в., была сделана новая надпись, которая видна теперь и говорит, что мечеть упала в 770 г. <х.> и что, с помощью божиею, эту мечеть восстановил Африруз. Это имя не встречается среди известных владельцев Дербента. Теперь является вопрос, насколько вся мечеть была перестроена в это время и не сохранились ли остатки более раннего периода? Мы видим некоторую разницу между центральной частью дербентской мечети и двумя боковыми колоннадами. Центральная часть с двумя совершенно безвкусными куполами не производит впечатления старой постройки, тогда как колонны, их столбы и арки, которые их соединяют, производят впечатление старины. Таким образом, вопрос, все ли здание было построено сразу, надписью и осмотром здания ясно не решается. Во всяком случае, это здание в XVIII даже веке, при Надир-шахе, служило для складов провiantа и для богослужения не употреблялось.

Возникают и другие вопросы: насколько верно известие, которое мы находим у Хамдаллаха Казвини, а потом и у других авторов, о том, что в это время Аму-Дарья впадала в Каспийское море. Там говорится о больших водопадах, следы которых мы и теперь находим и в этом видим подтверждение известия. Река протекала через озеро Сарькамьш; теперь там только часть котловины наполнена водой, в самой глубокой части, которая лежит ниже уровня Каспийского моря, и, таким образом, приходится наполнить котловину значительным количеством воды, чтобы река могла дойти до Каспийского моря. Нижним течением реки для орошения не пользовались, может быть по тем же причинам, вследствие которых не может теперь быть использована вода Атрека, который имеет соленый вкус в нижнем своем течении. Это делает Атрек совершенно негодным в этой части для сельского хозяйства и для орошения, но он, может быть, приобрел это свойство только в позднейшее время. Те развалины, о которых я говорил, именно Мешхед-и Мисриян, по замечанию русского

исследователя Пославского¹⁹, свидетельствуют о том, что здесь, в Атреке, было больше воды, чем теперь, и что он не имел такого противного горького вкуса, как ныне. Причины изменения заключаются не в процессе высыхания, а в другом <процессе>, который в Средней Азии происходит вследствие мягкости почвы. Река глубоко уходит в землю, благодаря этому затрудняется орошение и исходный пункт канала приходится брать все выше и выше, но это зависит не от процесса высыхания, не потому, что абсолютное количество воды уменьшается, а потому, что она размывает ложе, понижает свой уровень, и с течением времени не могут быть орошены те участки, которые орошались раньше. В разное время предлагались различные теории относительно Аму-Дарьи, но мне кажется, что на основании данных, правильность которых никакому сомнению не подлежит, надо принять, что Аму-Дарья в монгольский период впадала в Каспийское море.

---

¹⁹ <ПТКЛА, год XI, стр. 26.>

ЛЕКЦИЯ VII (13—14)

В последний раз мы остановились на известиях о впадении реки Аму-Дарьи в Каспийское море, причем я старался доказать, что факт этот может быть вполне установлен и что после монгольского нашествия и до XVI в. Аму-Дарья впадала в Каспийское море. Этот вопрос представляет интерес не только сам по себе, но и в методологическом отношении вообще.

Здесь мы имеем случай, когда источники как будто противоречат друг другу и только при помощи критики их мы можем прийти к определенному выводу. Кроме того, здесь мы можем сравнить то, что говорят письменные документы, с источниками вещественными, которые до сих пор сохранились и указывают на прошлое. В подобных случаях часто возникает вопрос, что важнее в истории: выводы, основанные на совпадении независимых друг от друга письменных источников, или выводы, опирающиеся на свидетельские показания, в связи с теми вещественными следами, которые мы можем наблюдать в настоящее время. Часто утверждали, что, если, кроме выводов, сделанных на основании исторических источников, имеются еще выводы, сделанные на основании естествознания, то этим последним нужно оказать предпочтение, так как естествознание, вследствие большего совершенства своих методов, имеет большее преимущество. Это выражено довольно определенно в руководстве по исторической методологии двух французских ученых Ланглуа и Сеньобоса (это сочинение есть и в русском переводе)¹. Там говорится, что, с точки зрения историка, существование дьявола доказано гораздо больше, чем существование Пизистрата, потому что мы имеем много свидетельств людей, которые видели дьявола, и ни одного свидетельства тех, которые бы видели Пизистрата, но все же, несмотря на это, мы признаем существование Пизистрата и отвергаем существование дьявола, хотя свидетельские показания доказывают, что дьявол существует, так как люди его видели. В действительности не было случая, чтобы люди видели дьявола в спокойном состоянии: несомненно, что здесь были галлюцинации и что можно утверждать только, что люди видели дьявола, а не то, что виденное ими существовало на самом деле.

¹ <См. Ланглуа — Сеньобос, *Введение*.>

Переходя к Аму-Дарье, мы видим, что несколько раз устанавливается как будто согласие вещественных следов с письменными показаниями, но это согласие оказывается призрачным, и приходится изменять взгляд в соответствии с более тщательным рассмотрением источников. С одной стороны, при Петре I мы имеем сведения, что в первое время Аму-Дарья впадала в Каспийское море и что только недавно стала впадать в Аральское. Вскоре после этого было открыто сочинение хивинского хана XVII в. Абулгази, который говорит, что за 30 лет до него произошел поворот реки. Таким образом, оказалось, что река Аму-Дарья впадала в Каспийское море до XVI в. и только позднее стала течь в Аральское и что здесь нет никакого противоречия между известиями и фактом. Впоследствии, однако, некоторыми учеными, в особенности в монографии де Гюе о старом русле Аму-Дарьи (1875)², были приведены свидетельства авторов о том, что Аму-Дарья впадала в Аральское море и что уже тогда существовало сухое русло, на котором, как полагали, был «старый Хорезм». Кроме того, де Гюе пошел дальше: он говорит, что от XIII, XIV и XV вв. есть свидетельства, которые ясно говорят о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, но рядом с ними есть и другие, говорящие о впадении реки в Аральское море. Отсюда вывод, что Аму-Дарья в исторический период в Каспийское море не впадала, а впадала только в Аральское и что только в мифические времена эта река могла впадать в Каспийское море.

Этим вопросом занимались геологи, и особенно немецкий геолог Вальтер, который доказывал, что никогда этого впадения не было, что здесь нет никаких остатков речной фауны, что нет речных раковин и что Узбой (сухое русло) образовался другим путем³. Этот же взгляд защищал и русский геолог Мушкетов⁴; после чего геологи были склонны сдать вопрос об Аму-Дарье в архив как решенный. Когда Мушкетов умер, Богданович, писавший его некролог, указывал на то, что одной из его заслуг является окончательное решение вопроса об Аму-Дарье⁵. Потом, однако, я вернулся к этому вопросу с точки зрения историка⁶. При рассмотрении источников XIII—XV вв., говорящих о впадении Аму-Дарьи в Аральское море, оказывается, что те авторы, которые об этом сообщают, повторяют свидетельства авторов X в., причем не считаются со своим временем, а пишут буквально то, что вычитывают из старых книг. Поэтому, с точки зрения

² <De Goeje, *Das alte Bett des Oxus.*>

³ <См.: Вальтер, *Законы образования пустынь*, стр. 44; Walther *Das Oxusproblem.*>

⁴ <См., напр., Мушкетов, *Туркестан*, т. I, стр. 607.>

⁵ <См. Богданович, *Влияние трудов И. В. Мушкетова*, стр. 639.>

⁶ <См.: Бартольд, *Сведения об Аральском море*; его же, *К вопросу о впадении Аму-дарьи.*>

историка, вывод совершенно ясен: только компиляторы могли в это время рассказывать о впадении Аму-Дарьи в Аральское море, а те, кто писал независимо от старых источников, те заставляют впадать ее в Каспийское море. В данном случае свидетельства авторов, указывающих на то или иное впадение реки, имеют меньшее значение, чем свидетельства, говорящие о военных действиях и переправах войск через реку. В одном источнике говорится, что владетели Мазандерана после поражения были посажены на корабли и отвезены в местность, которая называется Агрыча, где Аму-Дарья впадает в Каспийское море, а затем отправлены вверх по реке на некоторое расстояние. Затем, есть другое еще свидетельство компилятора XVI в., Хондемира, где говорится, что Султан-Хусейн в 1460 г. отправился через Астрабад на север и переправился через реку. Этот же компилятор сообщает о другом походе, в 1464 г., говоря, что тот же Султан-Хусейн пошел сперва на Астрабад, оттуда на север, и войско его страдало вследствие близости моря, вследствие топкого берега; затем оно пришло к Аму-Дарье, в местности Адак, и по ее протоку Асаф дошло до города Везира, ниже Ургенча, который только что был основан. Здесь особенно интересно свидетельство историка, который противоречит самому себе: к своему сочинению Хондемир дает географическое приложение и в нем выписывает свидетельства X в., в которых говорится о впадении Аму-Дарьи в Аральское море; одновременно он сам рассказывает о событии, которое ясно указывает на впадение Аму-Дарьи в Каспийское море в это же время. С исторической точки зрения не может быть сомнений в том, что Аму-Дарья после монгольского периода действительно впадала в Каспийское море.

Таким образом, мы здесь видим пример, что вопрос, который интересует представителей естествознания и истории, был решен на основании методов исторической науки, в данном случае ближе подходящих к истине, чем методы естествознания, которым часто приписывается исключительное значение⁷.

По поводу вопроса об Аму-Дарье можно еще указать на теорию Чайковского⁸, к которой возвращается теперь Ковалевский в журнале «Азербайджанское нефтяное хозяйство»⁹, где приводится фантастическая теория о том, что некогда родиной арийцев была местность, которая вследствие природной катастрофы погибла, расположенная по реке, вытекавшей из озера Иссык-Куль и впадавшей в Каспийское море, и что Узбой был только частью этой реки, а Аму-Дарья и Сыр-

⁷ <Работы В. В. Бартольда не решили окончательно вопроса об Аму-Дарье и русле Узбоя. См. выше, стр. 156, прим. 9. — Б. С.>

⁸ <См. книги Чайковского: *Туркестан; Далекое прошлое; Родина народов*. Бартольд неоднократно указывал на явную ненаучность и фантастичность «теорий» Чайковского. См., напр., ЗВОРАО, т. XX, стр. 067—068. — Б. С.>

⁹ <См. Ковалевский, *Вулкан Бухты*.>

Дарья были ее притоками. Данное мнение должно быть безусловно отвергнуто, так как это относится к реке Инду и его притокам. Свидетельства, имеющиеся в Ведах, говорят о быте арийцев не на первоначальной их родине, но несомненно только об индийском быте.

Кроме того, по теории Чайковского выходит, что там, где озеро Иссык-Куль находится, произошел когда-то большой провал и что он относится к очень отдаленному времени, но это не доказано. Правда, сейчас озеро Иссык-Куль выбрасывает кирпичи, но кирпичи эти очень нового образца, поэтому ясно, что они вовсе не являются остатками древнейшего быта, а относятся к более позднему времени. Катастрофа произошла действительно, но она была не ранее XV в., так как об озере Иссык-Куль упоминается, что там был остров с крепостью, но теперь такого острова там нет. Этот остров мог исчезнуть не раньше XVI в.: авторы этого времени еще упоминают о нем. Таким образом, если катастрофа произошла в последние века, то тогда вполне объяснимо, почему озеро выбрасывает остатки кирпича нового типа. Теория Чайковского о том, что там похоронены различные города арийцев, падает. Что же касается впадения реки Аму-Дарья в Каспийское море в XIII—XV вв., то, может быть, в связи с этим было повышение уровня моря. Во-первых, единственный арабский географ, происходящий из города Баку и писавший в XV в., говорит о том, что в это время были покрыты водой некоторые здания, которые ранее стояли на суше; во-вторых, можно привести свидетельство Хамдаллаха Казвини, где описывается остров на Каспийском море и говорится, что он от Астрабада находится на расстоянии 3 фарсахов. Теперь от Астрабада до берега 30 верст и еще 10 верст до острова Ашур-Адэ; между тем арабский фарсах равняется 6—7 верстам, т. е. всего имеется в виду расстояние в 18—20 верст. Таким образом, уровень в то время, когда это писалось, должен был быть иным.

Что же касается других событий монгольского периода, то здесь замечательны те, которые происходили по южному берегу Каспийского моря, в области Мазандеран, где мы видим вместо светской власти утверждение духовных вождей. Мы знаем, что в Мазандеране шиитство преобладало с самого начала, в отличие от областей западного берега, где оно утвердилось позднее. Правители Мазандерана были шиитами, и об одном из них, Шах-Гази Рустеме, говорится, что в XII в. ему был уступлен город Рей (большой город, развалины которого находятся к востоку от Тегерана). Там было построено шиитское медресе, где преподавал один из известных ученых из секты имамитов-шиитов. О шиитской учености в качестве доказательства процветания города говорится еще, что когда мазандеранская местная династия восстановила свою власть в Амале, то там было до 70 мулл, преподавателей высшей шиитской школы. Здесь выдвинулось духовное движение, дервишские ордена, во главе которых стояли шейхи. В мон-

гольский период обостряются отношения между шиитами и суннитами. Тут мы видим пример совпадения (без возможности указать причинную связь) того, что делалось в данное время в Западной Европе и в Передней Азии: известно, что в Западной Европе религиозные споры тоже усилились в XIV—XV вв., а в XVI в. привели к реформации и к окончательному отделению от церкви известных групп людей, которые раньше принадлежали к ней. В мусульманском мире религиозная разнь тоже увеличивается в это время, чего раньше не было. Сунниты признавали священными имена четырех правоверных халифов: Абу Бекра, Омара, Османа и Али, тогда как шииты признавали таковыми имена 12 имамов. На Западе религиозные споры привели к разрыву между реформацией и прежним католичеством, а на Востоке шииты и сунниты объявили друг друга кафирами и перестали признавать друг друга мусульманами вообще, что явилось противоречием по отношению к взглядам прежних мусульманских ученых. Прежний ислам придерживался того взгляда, что все те, кто при молитве обращается по направлению к кибле, т. е. к Мекке, образуют одно целое и никого из них называть кафирами нельзя, но теперь, вследствие непризнания суннитами потомков Али, шииты и сунниты перестают признавать друг друга за единое целое. В военных действиях это выразилось в том, что теперь стало возможным одной стороне обращать в рабство представителей другой стороны, взятых в плен, в то время как раньше это считалось недопустимым и возможно было только по отношению к неверным. В это время в Западной Европе мы наблюдаем господство духовенства и монашества, а на Востоке — преобладание дервишества. Историк Захир ад-дин Мар'аши говорит об этом периоде, что в это время в этих областях шейхство и мюридство получили большое значение и власть находилась в руках шейхов, но это проводилось не вполне откровенно, так как, по взгляду духовенства, считалось, что власть все еще находится в руках людей нечестивых, что это факт неизбежный и поэтому люди благочестивые должны уклоняться от власти. Считалось поэтому недопустимым для ученого, чтобы он принял от правительства какую-либо должность, например должность казны. Вследствие этого и шейхи, которые потом захватили всю власть, говорили, что им до светских вопросов нет дела и они не хотят в них вмешиваться, но на самом деле было обратное. Иногда правительство, когда чувствовало свою слабость, шло навстречу народу и присоединялось к народным движениям. Кроме того, бывало довольно часто, что правитель со своими родственниками не ладил и искал против них опоры в народе. В данном случае произошло то же самое: один из династии Бавендидов был убит военачальником Афрасиабом, и последний захватил власть, но так как она не была прочна в его руках, то он обратился к дервишам, а чтобы их привлечь на свою сторону, сам принял дервишество, устав их и образ жизни, отказавшись от всей

пышности, которая связана с государственной властью. Но вскоре дервиши стали злоупотреблять своим влиянием и раз, когда Афрасиаб пришел в баню, то они стали отнимать у него одежду и оружие, говоря, что у него есть средства и он может себе приобрести другое, а у них нет одежды, нет средств, и поэтому они могут взять это платье у него: примитивный коммунизм, по которому бедный может взять у богатого то, что ему необходимо. Этот рассказ показывает, какую простую жизнь вел правитель, раз он ходил в общественные бани. Когда дервиши стали пользоваться слишком большой силой и Афрасиаб начал бояться падения своего авторитета, то обратился к представителям официального мусульманского права, факихам, и стал у них искать поддержки против дервишей. При их помощи ему удалось объявить еретиком и заточить в тюрьму главу дервишей Кавам ад-дина и таким образом избавиться от дервишей. Автор Захир ад-дин утверждает, что будто бы Афрасиаб впал теперь в противоположную крайность: стал пить вино и есть свиное мясо, но это кажется невероятным, особенно последнее. Своей власти он долго удержать не мог, потому что как раз в то время, когда сейид, глава религиозного движения дервишей, был отведен в тюрьму, умер его сын, и народная масса это событие приняла за знамение, подняла восстание, шейх был освобожден и торжествовал. Афрасиаб потребовал, чтобы он явился к нему, но шейх дал грубый ответ и не явился, после чего Афрасиаб хотел взять его силой, но дервиши оказали ему вооруженное сопротивление, и он был убит с тремя из своих сыновей. Дервиши вступили в столицу Мазандерана Амуль, и власть шейхов установилась; таким образом, в Мазандеране произошло соединение духовной и светской власти в одних руках. Шейх Кавам ад-дин вскоре должен был передать власть фактически одному из своих сыновей, Кемаль ад-дину. Кроме этого, он передал власть в городе Амуле другому сыну, Риза ад-дину. После этого описывается борьба, которую пришлось вести с родственниками Афрасиаба. В конце концов руководители дервишества одержали верх и восстановили некоторые города, пришедшие перед этим в упадок, особенно город Сари, в котором разрослись леса и даже происходила охота на антилоп, настолько здесь перед этим прекратилась жизнь. В короткое время, всего в течение нескольких лет (1371—1375 гг.), в этих городах были построены крупные здания. Затем говорится о союзе шейхов мазандеранских с шейхами гилянскими, ведшими борьбу против представителей светской власти. Когда гилянские шейхи были изгнаны, они обратились за помощью к шейхам мазандеранским. Об этом событии даже говорится, что тут сошлись два солнца: шейхи гилянские с запада, шейхи мазандеранские с востока. Ведется борьба и между правителями Астрабада и правителями Рустемдара (западная, горная область Гиляна); в этой борьбе шейхам приписываются такие выражения, которые указывают на то, что не одни они дей-

ствуют, но и дервиши; например, когда Кавам ад-дин говорит, что они не виноваты в войне с Рустемдаром, то выражается: «Мы и дервиши не виноваты в этой войне». Таким образом, дервиши считаются носителями власти и стараются свою власть распространить на местности к югу от Эльбурса. В Казвине, в Персии, происходит упадок власти, и жители его обращаются к шейхам, чтобы они там взяли власть в свои руки, но из последующих данных видно, что это было не совсем так. Оказывается, что Риза ад-дин нападает на Казвин и собирает дань за пощаду города. Это показывает, что свидетельство о том, что будто бы жители Казвина призвали дервишей, неточно.

Затем мы видим, что в Средней Азии образовывается могущественное государство Тимура, который идет на завоевание мусульманских культурных областей. Он уже завоевал Хорезм и идет на завоевание Персии. Тут шейхи чувствуют непрочность своей власти и стараются примириться со светской властью, которой в целях примирения возвращают отнятые ранее города, чтобы вместе с нею оказать сопротивление Тимуру. Это они делают, когда слышат, что Тимур переправился через Аму-Дарью, которая рассматривалась как граница Персии. Что же касается Тимура, то он получил государство, образованное монголами в Средней Азии. Это государство носило имя сына Чингиз-хана Чагатая¹⁰. Оно отличалось тем, что здесь трудно было прийти к примирению интересов кочевников с интересами оседлых жителей, потому что силы их были приблизительно равны. Кочевники довольно часто нападали на оседлые земли. Ввиду того что земля в этих областях не везде плодородна, теперь обнаруживается стремление к переселению в культурные области Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Это переселение происходило в XIV в., после того как в Средней Азии образовалось государство с центральной ханской властью. Прежде эта власть мало ощущалась, так как хотя и был главный хан, но в то же время владельцы отдельных местностей имели достаточную независимость, чеканили монету в своих областях, и мы не видим одной общегосударственной монеты. В XIV в., при Кебек-хане, мы видим установление общегосударственной серебряной монеты по образцу тех, которые встречались в Золотой Орде и в Персии. Это редкий пример, что одна и та же монетная система господствует в Восточной Европе, Персии и Средней Азии. Теперь я перейду к вопросу о переезде ханов к городской жизни.

Когда мы говорили о Золотой Орде, то я упоминал название главного города — Сарая. То же значение имеет слово *карши*, которое означает на языке уйгуров 'дворец'. В том же значении в Средней Азии употребляется слово *сарай*. Например, мы знаем это название еще за одной деревней на Аму-Дарье, возле города Термеза, где была

¹⁰ <Об этом государстве см.: Бартольд, *Очерк истории Семиречья* — выше, стр. 69 и сл.; его же, *Улугбек*, стр. 3—12; его же, *Caghatai Khān* (EI, I). — Ю. Б.>

зимовка ханов, которая сохранилась и до сих пор. Таким образом, на пути своего завоевательного движения ханы образовывали города и сами перешли к оседлому образу жизни, но этот их переход к другому образу жизни вызвал столкновение с их подданными. Подданные восстали против хана Тармаширина, и хан Дженкши снова вернулся на восток, но это было только временно, так как вскоре возобновилось движение на запад. Затем хан был свергнут, вся власть перешла в руки главных эмиров, которыми возводятся на престол подставные ханы. Все эти эмиры поделили между собой области, причем роду барлас, из которого произошел Тимур, досталась долина Кашка-Дарьи с городами Шахрисябзом и Карши.

Теперь при создавшемся положении считается непозволительным для хана или эмира строить укрепленные города, так как это означает разрыв с подданными-кочевниками. Поэтому мы видим, что каждая такая постройка вызывает восстание, причем каждый из победивших в таком восстании впоследствии возобновляет попытку своего предшественника.

Таким образом, когда предшественник Тимура Хусейн решил восстановить Балх, то Тимур уговаривал его не делать этого, так как это вызовет восстание. Но Хусейн все-таки построил город, и восстание произошло. Тимур, принимавший участие в нем, одержал победу, тоже окружил стеной свою столицу, Самарканд, и таким образом установил свою власть. Это вызвало некоторые смуты, но они были подавлены, и Тимур окончательно укрепил свою власть в Средней Азии. Объединив чагатайское население, он задумал объединить и соседние области: его привлекали богатые области Хорезма и Персии. Между прочим, ему приписывается очень распространенное в истории изречение, что весь мир не стоит того, чтоб в нем было два царя. Это чрезвычайно высокое мнение о царской власти и привело к завоевательным походам Тимура. Кроме того, в его войнах играли немалую роль и экономические интересы. Государственных средств для содержания армии не было, и эти завоевательные походы были единственным средством для содержания его многочисленной армии. Слухи о его завоеваниях распространились повсюду, и когда проникли в Персию, то для обороны своих владений шейхи решили примириться с владельцами Астрабада и Рустемдара.

Что же касается Хорезма, то там установилась династия Суфи, которая образовалась особо от Золотой Орды и чагатайских ханов, и там чеканилась монета без имени государя. Власть монголов как языческая противопоставлялась власти ислама как религии вообще. По мусульманскому учению, власть принадлежит только богу, и эта надпись C ; без имени государя, ставилась на монетах.

C <Т. е. «власть принадлежит богу». — Ю. Б.>

Тимур в 1383 или 1384 г. приходит в Астрабад, причем движение совершается очень медленно вследствие густых лесов, которые защищают Мазандеран с востока и были тогда настолько густы, что армии Тимура приходилось топорами прокладывать дорогу. Поэтому войска проходили всего только около 3 верст в день. Предводитель, глава дервишей Кемаль ад-дин, послал к Тимуру своего сына Гияс ад-дина, но Тимур ожидал, чтоб к нему пришел сам шейх, и потому остался недоволен. Покорение Мазандерана произошло, однако, только несколько лет спустя.

ЛЕКЦИЯ VIII (15—16)

В последний раз я говорил о походах Тимура в прикаспийские области. Походы Тимура имеют, как известно, большое значение в истории мусульманского мира¹. Мы коснемся части их, которая затронула прикаспийские области. Для характеристики значения этих походов вообще достаточно сказать, что их сравнивали с походами Чингиз-хана и сравнивали также завоевательную карьеру Чингиз-хана с завоевательной карьерой Тимура. Это объясняется отчасти тем, что сам Тимур примыкал к традициям монгольской империи и в его войске господствовали монгольские порядки, которых потомки его тоже во всем старались придерживаться. Некоторые богословские авторитеты говорят о том, что Тимур выше шариата, духовного мусульманского права, ставил военные традиции и государственное управление Чингиз-хана. Религией он часто, как мы увидим дальше, пользовался в качестве предлога для своих жестокостей, для наказания жителей за нечестие, проявленное ими с точки зрения ислама, как, например, в прикаспийских областях. Но это было внешним предлогом для его действий, а не истинной причиной. Одна из причин разницы между Тимуром и Чингиз-ханом та, что исходные пункты завоевания различны. Тимур выступил из мусульманского Туркестана, а Чингиз-хан из Монголии. Тимур был вообще менее счастлив, и его деятельность носила менее планомерный характер. Если мы возьмем завоевания Чингиз-хана, то увидим, что во всех завоеванных им областях была установлена монгольская власть. Здесь же замечаем огромную разницу между владениями, в которых установлено было управление Тимура, и теми, на которые он только произвел нашествие. Область походов Тимура обнимает огромный район, на севере до Иртыша, на юго-востоке до главного города Индии — Дели, на западе до Средиземного моря; войска Тимура были в Сирии и доходили до границ Египта; здесь и кончается сходство между завоеваниями Тимура и Чингиз-хана: Тимур присоединил к Туркестану только прикаспийские области, Персию, Афганистан и Месопотамию, другие же местности не были присоединены к его государству. Своим потомкам он еще при

---

¹ <О Тимуре и его походах см.: Бартольд, *Улугбек*, стр. 12—36; Греков — Якубовский, *Золотая Орда*, стр. 336—384; Якубовский, *Тимур*. — Б. С.>

жизни раздавал уделы, но и тут Тимур был менее счастлив, чем Чингиз-хан. Империя Чингиз-хана при его потомках не только сохранилась, но даже расширилась и окрепла. У Тимура видим противоположное. Очень скоро после его смерти отпадают отдельные области государства, а при следующих поколениях оно сокращается все больше и больше.

Что касается хода завоеваний Тимура, то мы видели, что он появился в Мазандеране в 1384 г., но на этот раз ничего существенного не произошло. Мазандеран изъявил покорность, и затем Тимур действовал в других областях. Затем он должен был вернуться обратно в местности, расположенные к северо-западу от Каспийского моря, вследствие того что здесь имелся соперник из Золотой Орды. Сам Тимур посадил там ханом Тохтамыша, который оказался очень предприимчивым и очень скоро, хотя и был поставлен Тимуром, вступил в соперничество с ним, особенно стараясь отнять у Тимура и покорить себе северо-западные области Персии, примыкающие к Кавказу. Тохтамыш совершил туда нашествие в 1385 г., когда Тимур был в Самарканде. Этим объясняется, что в следующие годы мы видим Тимура в Азербайджане. Тимур идет в Тифлис, затем отправляется в Карс и зимует в Карабаге, где он вообще зимовал довольно часто, а затем занимается устройством покоренных им Грузии и Ширвана. Им был утвержден правителем тот ширваншах, который фактически за 4 года перед этим захватил власть и образовал новую, так называемую дербентскую династию: этот ширваншах, Ибрахим, происходил из Дербента.

В 1387 г. Тохтамыш повторил вторжение в эти области. Тогда Тимур вернулся обратно и занялся обеспечением своих владений от набегов Тохтамыша, который пользовался помощью Хорезма. Тимур окончательно покорил Хорезм, а город Ургенч, находившийся на месте теперешнего Куны-Ургенча, был окончательно им уничтожен, разрушен и только через 3 года Тимур дал разрешение восстановить этот город, но в гораздо более тесных пределах: был восстановлен только один квартал. Между тем, раньше это был один из самых больших торговых городов, как о нем рассказывают путешественники. Это довольно редкий случай из завоеваний Тимура. Тимур совершил большие жестокости, но сознательное разрушение города с тем, чтобы не восстанавливать его после,— это пример довольно редкий. Тимур при взятии городов ограничивался жестокостями против населения, дабы испугать его, убедить в невозможности дальнейшего сопротивления, а затем город восстанавливался и продолжал существовать, как и раньше. Ургенч явился исключением, так как Тимур сознательно стремился его уничтожить. Это объясняется тем упорным противодействием, которое он встретил в Хорезме, и тем, что хорезмийцы во время этой борьбы продолжали присоединяться к Тохтамышу. Как по истории Хорезма,

так и по истории перехода власти от Тохтамыша к Тимуру и обратно, кроме письменных известий, нам дают много сведений и монеты, чеканенные Тимуром и Тохтамышем. По этим монетам мы можем проследить переход власти от одного к другому там, где письменные источники недостаточно ясно и подробно об этом говорят. В 1391 г. Тимур предпринимает поход на золотоордынское государство, но он прошел не мимо Каспийского моря, а шел более к северу, по течению Волги, и, не доходя до Болгара, нанес Тохтамышу поражение, посадил другого хана и вернулся обратно. Вскоре после этого Тохтамыш снова сел на престол, и поход Тимура не достиг той цели, которую он имел в виду; таких примеров в истории Тимура мы видим несколько, именно, что города, им взятые, после ухода его и его войска, когда он там оставлял только гарнизон, опять захватывались врагами и там устанавливалась прежняя власть. Борьба Тимура с Тохтамышем интересна также с точки зрения критики исторических документов. Здесь мы имеем случай, показывающий, как нужно осторожно относиться к источникам.

Мы имеем о событиях рассказ Ибн Арабшаха, довольно близкий по времени, написанный в XV в. на арабском языке, и в нем играет большую роль богатырь, известный в России под именем Едигея, по-турецки, собственно, Идику. Этот Едигей перешел от Тохтамыша к Тимуру вследствие раздора между ними, и Ибн Арабшах рассказывает романтическую историю, как Едигей находился на пиру у Тохтамыша, убедился в том, что Тохтамыш замышляет против него, и бежал к Тимуру. То же самое рассказывается об Едигее в народном сказании, которое получило широкое распространение в степях ногайцев, из среды которых вышел Едигей; там мы находим это сказание в первоначальном виде, а затем оно встречается у различных народов Средней Азии. Так как мы имеем сказание не только у народа, но и у автора, близкого по времени к данному событию, то естественно было бы заключить, как это и было сделано, что народное предание сохранило действительный факт. Возможно, однако, толкование, что Едигей был такой личностью, что легенды о нем сложились при его жизни и получили распространение вскоре после его смерти. В данном случае это и случилось, несмотря на сходство рассказа Ибн Арабшаха с народным. На самом деле ничего этого не было. Мы имеем другой источник, близкий по времени, — ярлык, написанный в 1393 г., через два года после события, и там указывается совершенно иное: произошло восстание золотоордынских царевичей против Тохтамыша, и Едигей был ими послан к Тимуру, так что он играл более скромную роль, чем ему приписывают народное предание и Ибн Арабшах. Этот документ позволяет установить истинное событие и показывает, как скоро иногда образуются легенды и как приходится осторожно относиться к источникам, даже близким по времени к описываемым событиям.

С 1392 г., когда Тимуру показалось, что Золотой Орде нанесен

достаточно сильный удар, он возобновил действия в Иране, и прежде всего в Мазандеране. К нему приходит сын Кемаль ад-дина, Гияс ад-дин, и от имени мазандеранских шейхов говорит, что владельцы Мазандерана — люди, живущие в лесах, в бедной местности; они заботятся о том, чтобы дать справедливость своим людям, и к могущественным государям не питают враждебных намерений, они молятся за них и надеются, что ничего от них не потребуют, кроме молитв и подарков, соответствующих величине их государства. Роль ему не удалось сыграть, потому что в войске Тимура был сын Афрасиаба Искендер; заявивший, что эти речи неверны и что владельцы Мазандерана принадлежат к числу самых богатых. Слова Искендера подтвердились, потому что Тимур захватил в Мазандеране огромную добычу и перед смертью говорил, что он там нашел такие богатства, каких не находил ни в какой другой области. Он не дал себя обмануть, начал военные действия, выступил в поход против Мазандерана и поступил так же, как и в первый раз: он проложил путь, поставив впереди рабочих, которые вырубали лес и прокладывали просеку для войска, следовавшего за ними. Правители Мазандерана, духовные лица, сейиды, старались примирить теперь с собой тех правителей, которых они свергли перед этим, но неудачно. Так, правитель Рустемдара, горной области, который вступил с ними в переговоры, на самом деле действовал скорее в союзе с Тимуром. Так же поступали соседи и на востоке. Правитель Астрабада, происходивший из монгольских владельцев Персии, вступил с сейидами в родство, но на самом деле действовал заодно с Тимуром. Сейиды перенесли свои сокровища в крепость Махане-сер, которая находилась на берегу моря, и ее Тимур осаждал в течение некоторого времени. То, что эта крепость могла оказать сопротивление, свидетельствует о том, какая скудная техника была в это время, так как говорится, что она была построена в значительной степени из дерева, но находилась среди болот, чем затруднялся доступ к ней. Стены, башни и ворота были из дерева. Что касается сокровищ, то они частью были зарыты в землю, и даже была употреблена такая хитрость: над ними были зарыты медные сосуды, а внизу уже более драгоценные вещи. Эта хитрость удалась: когда войска копали землю при искании сокровищ, то наткнулись на медные сосуды и прекратили дальнейшие поиски. Таким образом сокровища остались.

Войска мазандеранские встретили Тимура и потерпели поражение. В отношении этой битвы историк Захир ад-дин Мар'аши, который сам происходил из династии сейидов, считает большой ошибкой это выступление войска против Тимура и полагает, что только партизанская война в лесах могла бы дать успех сейидам. После битвы крепость была осаждена и через два месяца взята, причем здесь указывается, что корабельщики, владельцы судов на Аму-Дарье, в этой осаде также принимали участие. Это тоже указывает на факт, что река Аму-

Дарья в то время впадала в Каспийское море. С этих судов на крепость бросалась нефть, которая вообще в военной технике того времени играла большую роль. С другой стороны, жители осажденной крепости пускали стрелы в эти суда, для того чтобы преградить доступ к крепости. Это показывает, что действие нефти не было значительным, иначе деревянные сооружения крепости должны были бы загореться, а между тем осада продолжалась целых 2 месяца, после чего сейиды вынуждены были сдаться. Тимур принял их стоя, это считается знаком немилости и на Востоке, и стал упрекать за нечестие в религиозном отношении: жители Мазандерана были шиитами. В этом отношении можно видеть, как легко впасть в ошибку при сравнении известий из разных источников: арабский историк, на которого я уже ссылался, Ибн Арабшах, указывает на то, что Тимур был ревностным шиитом, он вынес это убеждение по действиям Тимура в Сирии, тогда как Тимур в прикаспийских областях упрекал шиитов за неуважение по отношению к спутникам пророка.

Если взять эти два случая действий Тимура — в прикаспийских областях и в Сирии, то станет ясно, что в каждом из них религиозные упреки были только предлогом для тех жестокостей, которым подвергались жители со стороны Тимура за их будто бы нечестие. Кемаль ад-дину приписывается смелый ответ, что он потомок Али и потому не может питать любви к его врагам, но, с другой стороны, он удивляется, как Тимур, который совершает такие жестокости, который льет кровь мусульман и грабит их имущество, выступает в качестве проповедника веры и наставника. Разумеется, это не могло настроить Тимура более благосклонно по отношению к жителям Мазандерана, и сейиды были низложены, но из них никто не был убит. Они были взяты в плен и отправлены во владения Тимура. Для характеристики господства мусульманской идеи в государстве Тимура очень важно, что и во всех других случаях если сейиды, потомки пророка, совершали враждебные действия по отношению к нему, то не подвергались смертной казни, но только изгнанию: как жизнь потомков и родичей Тимура, так и жизнь потомков пророка не подвергалась опасности, хотя бы они с оружием в руках и выступали против Тимура. Был случай, что во время осады Дамаска внук самого Тимура, Хусейн, перешел к осажденным и вместе с ними сражался против своего деда. Несмотря на это, после того как город был взят, он не подвергся казни. Кроме потомков Тимура, сейиды были единственными людьми, которые пользовались неприкосновенностью жизни в его государстве. Несмотря на все жестокости, совершаемые по отношению к жителям, он с сейидами поступал иначе.

Тимуру досталась громадная добыча: приводятся цифры, сколько он взял золота, серебра и т. д. Я их приводить не буду, потому что они не представляют особого значения, тем более, что Захир ад-дин

рассказывает об этом со слов своего отца, которому было тогда 12 лет. После того Тимур пошел в восточную часть Мазандерана, и затем на кораблях сейиды были отправлены в Туркестан. Здесь говорится о том, что они были доставлены к устью Аму-Дарьи, к местности Агрыча, которая находилась при впадении Аму-Дарьи в Каспийское море, а потом их развезли по разным областям, в том числе и в Хорезм. Это является доказательством того, что сплошного судоходного пути по реке Аму-Дарье в то время, когда она впадала в Каспийское море, не было. Говорится о том, что сначала их везли по реке до тех пор, пока было возможно, а потом по суше. Это, очевидно, то место, где начинались водопады. Захир ад-дин говорит о разгроме Мазандерана, что будто бы не осталось ни одного петуха для того, чтобы кричать, и ни одной курицы для того, чтобы положить яйцо. Это, конечно, одно из тех выражений, которые употребляет Захир ад-дин Мар'аши для того, чтобы сделать эффектнее картину разрушения. Так, например, когда он говорит о событиях XII в., когда тогдашний правитель Хорасана напал на Сари и произвел опустошение, то сообщает, что в Сари не осталось ни одной тени для того, чтобы человек мог там отдохнуть. Конечно, маловероятно, чтобы были уничтожены все деревья до такой степени, чтобы не осталось и тени, и также невероятно, чтобы произошло такое уничтожение всего живого, чтобы не осталось ни одной курицы. Но это показывает, как велик был разгром, который произвел Тимур. После этого он посадил правителем Искендера, сына Афрасиаба, но только в западной части с городом Амудем, а что касается восточной с городом Сари, то здесь был другой правитель — Джемшид Карен Гури, и говорится, что жители Мазандерана (это утверждает Захир ад-дин Мар'аши, который происходил из сейидов и который не мог быть беспристрастным) настолько враждебно относились к Искендеру, что не хотели жить в Амуде и уезжали в восточную часть, в Сари, и последний был восстановлен скоро, а Амудь остался в опустошенном состоянии еще в течение некоторого времени. Вражду к сейидам Искендер проявил тем, что велел разрушить могилу основателя государства, Кавам ад-дина, которая находилась в Амуде, причем рассказывается раньше о постройке гробницы, что когда тело было привезено в Амудь, то там построили высокий купол, а там, где проносили носилки, возникли места, куда население приходило поклоняться. Эту гробницу жители не хотели разрушать, но, когда факих Кутб ад-дин, представитель сословия законоведов, которое к дервишам относилось отрицательно, сказал, что здесь ничего страшного нет, что гробницы гораздо более святых людей разрушались и ничего опасного не происходило, тогда жители приняли участие в ее разрушении. Эта гробница была восстановлена в XVII в.

Несмотря на изгнание сейидов, двое из сыновей Кемаль ад-дина находились в войсках Тимура и принимали участие в походах; они

первые получили часть своего владения, когда Тимур разорвал с Искендером, вследствие восстания его.

Перед этим часть войск Тимура прошла в Гилян, затем в Южную Персию. В 1394 г. он является в Армению и в Грузию. После этого происходит нашествие Тохтамыша на закавказские области, но он здесь терпит поражение от Тимура, и в 1395 г. Тимур идет вдоль Каспийского моря на Дербент и дальше, с помощью ширваншаха. Интересны действия Тимура в Дагестане, показывающие, как мало ислам был распространен там. Главное отличие от того, что было в X в., это что кумуки теперь были мусульманами; их называют кази-кумуками. *Кази*, собственно *гази*, — слово арабское и значит 'борец за веру'; это название объясняется тем, что они считались борцами за ислам против неверных. Их близкие соседи в южной части Дагестана, кайтаки и акушинцы, не были мусульманами; когда кази-кумуки становятся врагами Тимура, то он упрекает их в поддержке язычников-акушинцев, чем они разрушают свое собственное прозвание «гази», борцов за веру. Что касается кайтаков², то еще позднее, в XV в., итальянский путешественник Барбаро говорит, что среди них много христиан разных вероисповеданий: григорианского, армянского и католического, но при путешествии в 1466 г. Афанасия Никитина правителем их уже упоминается человек с мусульманским именем. Это характерно для предания, распространенного на Кавказе, по которому кайтаки и другие племена хотят быть мусульманами с I века мусульманства и хотят быть обращенными в мусульманство с возникновением ислама, в действительности же, как мы видим, в первой половине XV в. они еще были христианами.

Тимур взял Астрахань и разрушил ее. Это надо иметь в виду в связи со статьей Ковалевского, в которой он говорит, что Астрахань основана только в XIV в.³; на самом деле она была большим городом в XIV в., была разрушена Тимуром и после этого перенесена на новое место, где и находится теперь. Первоначальное место называется Жареный Бугор. В настоящее время здесь существует спор: являются ли эти развалины только остатками той Астрахани, которую разрушил Тимур в конце XIV в., или это также остатки Итиля хазарского. Имеется несколько мнений. Есть предположение, что Волга изменила свое русло и стала протекать через Итиль, следовательно, никаких остатков Итиля нет и Астрахань является городом, который был построен в монгольскую эпоху, и есть другое мнение, что Астрахань была построена на том месте, где находился Итиль; это старался доказать покойный Тизенгаузен⁴. Во всяком случае, разрушив Астрахань, Ти-

² <См. Бартольд, *К вопросу о кайтаках*.>

³ <См. Ковалевский, *Вулкан Бухты*, стр. 66.>

⁴ См. Тизенгаузен, *Заметка*. <Ныне см. Артамонов, *История хазар*, стр. 385—399 и 412. — Б. С.>

мур пошел дальше на север и разрушил город Сарай, под которым нужно понимать те развалины, которые находятся у Царева. Мы видели, что имеется спор о Сарае, что две группы развалин считаются остатками этого города, причем развалины у Царева гораздо значительнее по размерам. В развалинах у Селитренного городка не заметно никаких следов разгрома, тогда как в Цареве были найдены трупы, у которых были отрублены головы и т. д.; это все служит указанием на те жестокости, которые совершались Тимуром при его завоеваниях, в том числе и при взятии Сарая. Таким образом, Тимур опять совершил нашествие на Золотую Орду. Оно также не имело решительных последствий, и Тимур потом готовился к новому походу. Он вернулся тем же путем, которым пришел, в 1396 г. через Дагестан и Дербент, где правил ширваншах Ибрахим. Затем Тимур поручил все эти области своему старшему (из бывших тогда в живых) сыну Мираншаху. О государстве Мираншаха говорится, что оно простиралось от Дербента до Багдада и от Хамадана до восточной границы Малой Азии. Образовав государство для своего сына, Тимур удалился, но, как сейчас увидим, он вскоре должен был вернуться обратно вследствие действий своего сына, которого там оставил.

Вопрос

Меня интересует происхождение Тимура, а также, верно ли рисуют его появление на исторической арене в качестве искателя приключений, крупного разбойника, которому потом, в силу стечения благоприятных обстоятельств, удалось захватить власть?

Ответ

По-видимому, это так. Об этом история совершенно умалчивает, он является в ней как-то сразу, во время прихода монгольского хана из восточной части бывшего чагатайского государства. О том, что было с Тимуром раньше, ничего не говорится. Клавихо, который был испанским послом и проезжал еще при жизни Тимура через место его рождения, слышал рассказ, что Тимур выдвинулся сначала как разбойник, и это довольно правдоподобно, потому что самая область Шахрисябз Тимуру не принадлежала. Здесь был другой правитель, который находился с ним в отдаленном родстве. Тимур воспользовался нашествием монголов для того, чтобы захватить власть, а впоследствии была придумана совершенно фантастическая легенда о том, что будто бы предком Тимура был Карачар, когда-то назначенный правителем всего государства, и что даже между ним и Чингиз-ханом

был заключен договор, по которому потомки Чингиз-хана будут ханами, а потомки Карачара — военачальниками. Это, конечно, легенда, придуманная для того, чтобы оправдать власть Тимура, и на самом деле этого, конечно, не было. Точно таким же путем образовалась власть Чингиз-хана. Он тоже вначале находился во главе шайки и затем постепенно увеличивал количество своих приверженцев.

Вопрос

Меня интересует устройство армии Тимура. Мы видим его то здесь, то там; как он мог делать такие быстрые передвижения огромных масс?

Ответ

Войско Тимура состояло почти исключительно из конницы, как вообще среднеазиатские войска, и он был, несомненно, великим полководцем. Когда говорится о снаряжении войска, то видно, что он предусматривает все, до иголки и нитки у воина, и вообще войско снабжено всем необходимым. Об этом история нам дает сведения, которых нет в автобиографии Тимура; к сожалению, автобиография его появилась в XVII в. в Индии, и нет никаких оснований думать, что она была написана действительно Тимуром. Мы имеем свидетельство Шереф ад-дина Йезди, автора официальной истории Тимура, и Ибн Арабшаха, враждебно относившегося к Тимуром, о военном искусстве его, о том шпионстве, которое у него было, о том, что он собрал все сведения заранее и благодаря караванной торговле, которая тогда господствовала, мог иметь подробные сведения о странах.

Вопрос

Сохранился ли при Тимуре курултай, который имелся при Чингиз-хане?

Ответ

Обычно мнение, что при Чингиз-хане курултай был как бы представительным учреждением, которое пользовалось правами. Этого не было: курултай — это то же самое, что германский рейхстаг средних веков. Даже избрания, в нашем смысле, нового хана на курултае не происходило.

Как и в средневековом германском рейхстаге, там не было решения вопросов голосованием, по большинству голосов. Кандидаты на престол намечались заранее, а на курултае происходил не акт избрания, но акт торжественного провозглашения: кто не хотел подчиниться, тот вообще не являлся на курултай. В качестве такого же народного учреждения оставался курултай и при Тимуре, но никакого ограничения власти монарха эти курултаи не представляли и с самого начала, и во время Тимура.

Вопрос

Какова была политическая картина Закавказья в эпоху нашествия Тимура?

Ответ

На юге было государство монгольско-персидское, которое находилось в руках джалаирской династии; главным городом был Тебриз. На севере были ордынские ханы, старавшиеся подчинить себе прикаспийские области, и начиная со второй половины XIV в. было с их стороны несколько удачных попыток. Затем существовало владение ширванское, которое оставалось под правлением ширваншахов до образования новой дербентской династии. В Дагестане были независимые мелкие владения. Вот, в общем, картина того строя, который застал Тимур. После того как распалось монгольское царство, он считал себя восстановителем нарушенного порядка и этим оправдывал свои завоевания.

Вопрос

Насколько правильны описания путешественников, Марко Поло и других, кто из них более точно описывает?

Ответ

Каждому известно, как много они дают в смысле освещения монгольского быта. Из путешественников XIII в. самым образованным был Рубрук, ссылающийся на Virgiliya, приводящий интересные сведения об употреблении письмен и пр. Марко Поло был купец, человек малообразованный; он рассказывает добросовестно о том, что видел,

но не всегда ясно различает виденное от того, о чем писал по слуху. Безусловно, когда Марко Поло сообщает о том, что сам видел, он заслуживает доверия, и описания его путешествий несомненно представляют большой интерес.

Вопрос

Чем объясняется снисхождение, которое Тимур проявлял по отношению к сейидам, даже когда их действия были направлены против существующих органов власти?

Ответ

Сейиды не были исключительно шиитами; они были потомками пророка, и здесь сказывается уважение к дому пророка. Так, мы видим, что ходжи пользуются большим уважением Тимура. Он, с одной стороны, был воин и военный строй Чингиз-хана использовал для возбуждения военного патриотизма, делая это с большим искусством; с другой стороны, он является представителем идей мусульманства, а духовные лица, особенно потомки пророка — сейиды, считаются главными представителями религиозных идей мусульманства, и этим объясняется, что сейиды у Тимура высоко ставятся. Затем, при Тимуре высоко ставится также династический принцип, им объясняется неприкосновенность жизни членов его рода. Таким образом, действия Тимура объясняются, во-первых, династическим принципом, во-вторых, военным принципом, а в-третьих, — уважением к дому пророка.

Продолжаю свою лекцию. То, что я говорил, что Тимур был менее счастлив в своих потомках, чем Чингиз-хан, это можно проследить на действиях его сына Мираншаха, который был поставлен в государстве от Багдада до Дербента и от Хамадана до Малой Азии. Разрушительные тенденции, которые были у самого Тимура, приняли у сына болезненный характер, и он уничтожает выдающиеся постройки только для того, чтобы обратить на себя внимание. Клавиho, испанский посол, рассказывает в том же духе, что Мираншах хотел, чтобы о нем говорили: он ничего не создал, не завоевал, как отец, но разрушил гораздо больше. Во всяком случае, Тимур вынужден был объявить его душевнобольным и предпринять поход против него в 1399 г. Этот

эпизод в истории Тимура скрыт в той редакции его официальной летописи, которая была написана Низам ад-дином Шами еще при жизни Тимура. В ней говорится о событиях 1399 г. без упоминания о действиях Мираншаха. Из этого видно, что сам Тимур не хотел, чтобы эта история получила огласку. Во всяком случае, ему пришлось низложить своего сына. Путешественник Клавихо видел Мираншаха, разговаривал с ним, Мираншах совершенно разумно спрашивал о здоровье испанского короля и задавал вопросы, так что впечатления сумасшедшего он не производил. Насколько верны рассказы о сумасшествии, неизвестно; причина была другая; был ли тут враждебный замысел против самого Тимура, это другой вопрос, но, во всяком случае, Мираншаха пришлось низложить. Это было в 1399 г. В 1400 г. Тимур предпринял поход в Грузию, но потом возвратился в Тебриз и охотился около озера Гокчи. Затем хотел предпринять снова поход на Золотую Орду, так как не считал свои предыдущие действия достаточными, несмотря на поход 1395 г., когда были разрушены Сарай и Астрахань, но его сумели убедить и поход был отменен. Любопытно внимание, которое Тимур уделяет прикаспийским областям. Он заботится о том, чтобы восстановить жизнь; возобновляются каналы, производится поливка. Весною 1402 г. Тимур из Карабага, обычного места своей зимовки, предпринимает поход против султана Баязида и разбивает его при Анкаре. По возвращении в Грузию Тимур заключает с нею мир. Он восстанавливает город Байлакан, упоминавшийся уже несколько раз. Затем Тимур образует государство для сына Мираншаха, Халиль-Султана, включая в него Грузию, Армению и Арран, но Халиль-Султан этим не воспользовался, так как принял участие в последнем походе Тимура (на Китай), а после его смерти захватил Самарканд. Он был популярен среди войска и поэтому мог продержаться там несколько лет. Потом он был низложен сыном Тимура Шахрухом, который упрекал Халиль-Султана в том, что он захватил Самарканд, тогда как Тимур не завещал ему других областей, кроме Грузии, Армении и Аррана, и, несмотря на богатство этих областей, находившихся в цветущем состоянии — это подчеркивается, — он эти области бросил и сел в столице; Самарканде, вопреки распоряжениям Тимура.

Мы имеем еще эпизод, который касается прикаспийских областей; именно, в Мазандеране происходит восстание Искендера. Его сын, Хусейн-Кия, упорно защищался против Тимура в крепости, которая находится несколько южнее Эльбурса, Фирузкухе, и только тогда сдался, когда ему показали голову отца, убитого в партизанской войне в лесах; она так и называется по-персидски «лесной войной» — *дженг-и дженгели*. Начальник монгольского отряда, который в конце концов усмирил это восстание и взял в плен Искендера, рассказывал Захир ад-дину трагические подробности. Когда Искендер был огрещен в

лес и малолетние его дети подняли крик при приближении врага, он их задушил; потом, когда подняла крик мать Искендера, она тоже была убита, а затем он был настигнут войсками Тимура и в свою очередь убит. Несмотря на то что сейиды были низложены и развезены в разные области, двое из них, Гияс ад-дин и Али, пользовались милостями Тимура и принимали участие в его походах, а потом им был возвращен Амуль. В городе Сари был другой правитель, находившийся во вражде с сейидами. То, что Тимур в Амуре восстанавливает правителей из династии, которую сам низложил, и то, что он несколько раз предпринимает походы против Золотой Орды, когда казалось бы, что после того похода, который он совершил, власть его должна была быть там установлена, характеризует непрочность его завоеваний. Даже постройка больших зданий и проведение грандиозных каналов указывают на болезненную психику. Он отличался от Чингиз-хана своими зверствами. Чингиз-хан мог истребить население города, когда находил это нужным, но стремления к особенно зверским казням мы у него не видим, тогда как в действиях Тимура мы находим утонченное, болезненно извращенное зверство, которое проявляется в массовых казнях. Таким образом, разрушительные действия Тимура, несомненно, носили болезненный характер. В его созидательной деятельности мы также видим болезненное стремление к эффекту, стремление во что бы то ни стало построить здание, чтобы оно своей высотой могло затмить все другие, и видим, что эти грандиозные здания по технике сооружения стоят гораздо ниже, чем в художественном отношении. Художественный замысел был велик, и историки говорят, что в художественной части сам Тимур принимал участие, но зато техника постройки была настолько слаба, что эти здания быстро разрушались, и даже при жизни Тимура считалось опасным совершать пятничную молитву в построенной им мечети, так как падали камни уже в то время, тотчас же после постройки.

Тимур, так же как и Чингиз-хан, не остановился в своей завоевательной деятельности; он задумал еще поход на Китай. В самом начале этого похода, в городе Отраре, он скончался. Как передает Клавихо, Тимур был дряхлым стариком, и тем не менее, несмотря на крайнюю дряхлость, все-таки он решился на этот поход, который должен был затмить все его прежние походы. Тотчас после его смерти государство его стало распадаться; если в некоторых областях его сыновья и потомки продолжают управлять, то в других, как, например, в Тебризе, быстро восстанавливается прежняя власть, в Тебризе — джалаирской династии; затем происходит борьба преимущественно между джалаирской и туркменской династиями. Ширваншах становится независимым с согласия сына Тимура. Идет также борьба с Золотой Ордой из-за обладания Хорезмом и прикаспийскими областями. В прикаспийской области Шемаха становится крупным торговым центром и там,

как и в Баку, воздвигаются большие постройки. В Мазандеране сейиды возвращаются обратно, но вступают между собой в междоусобия, и вследствие этого династия постепенно ослабевает⁵.

Московского царя или великого князя называют великим беком, белым ханом. Это приводится в XVI в.; такие титулы, по-видимому, показывают, насколько велико становится влияние московского великого князя. Еще до XVI в. московские князья старались войти в сношения с ширваншахами и воспользоваться их влиянием, чтобы отправлять дальше своих купцов. Таким образом, в торговле на Каспийском море и на его берегах русские князья принимают участие. Русские послы ездят к ширваншаху. Мы видим затем купца Афанасия Никитина, который отправился в Персию и оттуда в Индию, но это не привело ни к какой цели, так как Никитин попал в Индию совершенно случайно. Собственно, целью его была Шемаха, но, когда его ограбили, он принужден был ехать в другие области. Он был среди тех купцов, которые не могли уплатить свои долги и поэтому вынуждены были отправиться дальше с надеждой на какую-нибудь прибыль, и вот таким образом, без всякого плана путешествия, без всяких знаний географии, он попадает в южную гавань Персии Ормуз, а затем в Индию. По возвращении обратно в Россию он сообщает, что в отношении торговли сношения с Индией никакой пользы принести не могут, что товары Индии имеют сбыт только на Востоке и что они не годятся для России⁶. Это указывает на низкую культуру в России, потому что позже, начиная с XVII в., русские стремились именно к торговле с Индией, старались найти пути туда, а теперь русский купец был в Индии и нашел, что торговля с нею для русских никакой пользы принести не может. Русские послы упоминаются в Тебризе и Герате.

Возвышение мазандеранских шейхов показывает, что в прикаспийских областях сила духовных мусульманских орденов сохранилась, и, когда там утвердились эти владетели, они продолжают действовать от имени дервишей. Большое значение для политической истории имел другой шейх, история которого и его потомков еще не вполне выяснена. Это шейх Сафи ад-дин из города Ардебилля. Его потомок сделался основателем шиитской династии в Персии. Любопытно, что Сафи ад-дин называется не шиитом, а суннитом, одним из приверженцев шафиитского толка; это, как известно, правоверный суннитский толк, который распространен в настоящее время в Египте. Есть и другие о том же известия, которые разобраны в моей статье о халифе и султани⁷.

⁵ <Сведения о политической истории прикаспийских областей в XV в. см. Петрушевский, *Государства Азербайджана*. — Б. С.>

⁶ <Здесь В. В. Бартольд касается путешествия Афанасия Никитина только с точки зрения истории торговли России с Востоком; более подробно о нем см. Бартольд, *История изучения Востока*, стр. 173—174. См. также новые работы: Никитин, *Хождение за три моря*; Осипов и др., *Афанасий Никитин*. — Б. С.>

⁷ <См. Бартольд, *Халиф и султан*, стр. 369—370.>

Но потомок его не только принял шиитство, но и приписал шиитство своим предкам, и Сафи ад-дин упоминается как предок шиитской династии, между тем как современники называют его приверженцем шафиитского толка. Эти ардебильские дервиши, несомненно, не персидского, а тюркского происхождения⁸. Азербайджан был в это время уже тюркским по составу населения. Тюркские племена все больше спланивались вокруг шейхов. Шейх Джунейд погиб в Ширване; его сын, шейх Хайдер, осаждал Дербент; ширваншах Фаррух-Ясар призвал на помощь Узун-Хасана туркменского, и в борьбе с туркменами Хайдер погиб. За его смерть отомстил его сын Исма'ил, которому в 1501 г. удалось победить ширваншаха, погибшего в битве. Исма'ил осадил Дербент, который ему удалось взять. Эта осада Дербента подробно описывается у венецианских историков и у персидского историка Хондемира; там говорится, что Исма'ил находился во главе войска в 40.000 человек, что город был сдан, зато цитадель оказала некоторое сопротивление, но после долгой осады была тоже взята.

Таким образом, была образована в Персии шиитская держава и притом — тюрками. Это надо помнить, потому что часто борьбу между Турцией и Персией изображают в качестве национальной. Национальных признаков эта борьба не носила вовсе, и национальный принцип здесь не играл никакой роли. Главным городом был вначале Тебриз, и лишь постепенно центр государства перешел на юг. Что касается отношения суннитов к шиитам, то при Османской империи были сунниты в Персии, которые сочувствовали османскому султану и неохотно признавали власть шиитов; с другой стороны, были шииты под властью османского султана. Из этих шиитов, живших в империи султана, последний образовал войско янычар, которое составляло главную опору османского султана. Как янычары относились к персам, видно из того, что когда султан Селим после завоевания Египта хотел обратиться против Персии, то должен был отложить этот поход вследствие того, что янычары высказались против него. Таким образом, желание шиитского войска считалось силой и с этим желанием приходилось считаться и османскому султану. Что касается Персии, то и здесь сохранялась некоторое время внутренняя рознь между суннитами и шиитами. Здесь шиитская держава была основана персами⁹. В Месопотамии были города Неджсф с гробницей Али и Кербела с гробницей Хусейна, которые затем перешли в собственность Турции; тогда могила Али-Ризы в Мешхеде сделалась национальной святыней Персии и главной шиитской святыней. Кроме того, по всему пространству Персии в настоящее время рассеяны могилы родствен-

⁸ <Ныне приводятся данные о том, что ардебильские шейхи были курдского происхождения. См. Togan, *Sur l'origine*. — Б. С.>

⁹ <Так в первом изд.; очевидно, следует читать «тюрками» (ср. выше, первую фразу этого же абзаца). — Ю. Б.>

ников этого шиитского имама. Один английский путешественник замечает, что Али-Риза очень разумно рассыпал родственников, братьев и сестер, чтобы везде создавать культы, что выгодно шиитскому духовенству. Место, связанное с этой идеей, есть и у нас в Баку, именно могила Хакиме-хатун, которая считается сестрой Али-Ризы,— Биби-Эйбат. Это одна из тех святых, которые едва ли существовали когда-нибудь и которые были, как и все родственники Али-Ризы, придуманы, чтобы иметь место культа. При Исма'иле производилось разрушение могил всех людей, которых обвиняли во враждебном отношении к потомкам пророка и шиитству вообще, уничтожались даже могилы поэтов, если существовало предание, что они относились враждебно к шиитам, и Исма'илу удалось сделать шиитство государственной религией Персии. Подробно о том, как сложилась Персия, придется говорить в следующий раз.

ЛЕКЦИЯ IX (17—18)

В начале XVI в. образовалось большое государство в Персии, причем отличие этого государства от Турции на западе и от узбекских ханств на востоке заключалось в том, что в Персии шиитство считалось государственной религией. Турецкий историк Джевдет-паша утверждает, что шах Исма'ил, основатель персидского государства, нарочно сделал шиитство официальной религией Персии, так как понимал, что рядом с таким суннитским государством, как Турция, другое суннитское государство существовать не может.

В новой истории мусульманства мы видим характерные отличия от истории ислама в средние века. В противоположность очень быстрой смене династий в средние века и вообще политической неустойчивости власти, небольшим размерам государства и потому отсутствию какого бы то ни было патриотизма, теперь мы встречаем единство государств, которые там образуются. Мы видим мусульманскую державу «Великих Моголов» в Индии, затем Турцию и Персию. Из этих трех держав Турция и Персия имеют важнейшее значение в истории прикаспийских областей¹. Различие между новой историей и историей ислама в средние века заключается именно в образовании этих трех больших мусульманских держав.

Ориенталисты Запада отмечают только внешние причины их образования; по мнению одного из западных ученых, Э. Захау, главная причина большей политической устойчивости на Востоке в новое время связана с тем, что отразилось и в Западной Европе, а именно с улучшением военной техники, изобретением огнестрельного оружия, которое появилось в Западной Европе и скоро распространилось на Востоке. Благодаря тому что государство располагало военной техникой, огнестрельным оружием, в нем труднее было устраивать восстания и оно было более устойчивым. Эти внешние причины едва ли объясняют то, что происходило на Востоке. Кроме того, здесь и другой факт мог играть роль, а именно то, что мы повсюду, в тех государствах, которые ранее входили в состав монгольской империи, видим большую устойчивость, чем в домонгольский период. Это объясняется организацией, которая оказалась настолько прочной, что даже после смерти Чингиз-хана его империя не только не сократилась, но даже

---

¹ <О событиях XVI—XVIII вв. в прикаспийских областях см.: Петрушевский, *Очерки; его же, Азербайджан в XVI—XVII веках.* — Б. С.>

увеличилась. Даже после распада империи монгольское господство еще в течение долгих лет могло продержаться в завоеванных монголами странах. Не только в мусульманском мире наблюдается такое явление, но даже и в Китае, где, несмотря на очень древнюю политическую организацию, мы видим, что до монголов Китай часто распадался на два и больше государств, а после монголов распада Китая больше не происходит.

Замечательна противоположность мусульманского мира Западной Европе в отношении культуры. В Римской империи вслед за политическим упадком следует упадок духовный и культурный. Мы читаем жалобы писателей того времени на то, что создается очень тяжелое положение, что население перестает размножаться и т. п. Римские подданные, для которых не могло быть другой империи, кроме Римской, представляли себе ее падение в виде конца мира. На Востоке же происходило обратное: культурный упадок предшествует политическому. Замечателен факт, что в мусульманском мире к тому периоду, когда в нем начинается культурный упадок, когда он перестает прогрессировать и уступает культурное первенство Западной Европе, именно к этому времени относятся наибольшие политические успехи, как, например, завоевание Константинополя в XV столетии.

Еще при халифате мусульмане стремились к этому завоеванию, но не имели успеха, а теперь они этот успех одерживают. Факт образования трех великих держав свидетельствует о том, что здесь не было политического упадка, а, наоборот, был период политического развития.

Образование Персии как шиитской державы рядом с такой сильной суннитской державой, как Турция, объясняется тем, что в то время в Турции правил сравнительно миролюбивый султан Баязид II. Были гонения против шиитов внутри Турции, но уже при Селиме I, при котором был совершен поход против Исма'ила. Султан Селим одержал победу над войсками Исма'ила, занял Тебриз, но быстро вывел оттуда свои войска. Эта борьба окончилась присоединением Курдистана с главным городом Диярбекром к Османской империи в 1515 г., после того как шах Исма'ил одержал блестящие успехи (1510 г.) на востоке, в сражениях с узбеком Шейбани. Последний был основательно разбит при Мерве, и в Средней Азии на некоторое время даже было введено шиитское богослужение в самаркандской мечети; но уже в следующем году султан Убейдулла, племянник Шейбани, одержал успехи и опять восстановил суннитское богослужение.

Итак, вскоре после 1510 г., к которому относится высшее могущество шаха Исма'ила, начинаются его поражения, и шиитское государство в Персии ограничивается более тесными пределами². Военные

² <О государстве Сефевидов и политической истории начала XVI в. см. Эфендиев, *Образование государства Сефевидов.* — Б. С.>

действия между Турцией и Персией осложняются тем, что в Персии была сильная суннитская партия, которая обращалась к султану Селиму, а с другой стороны и к узбекам с просьбой о помощи против шиитских правителей Персии; были беженцы, которые уходили на восток к узбекам и на запад к османскому султану, убеждая его сделать поход на Персию, чтобы установить там свою власть. К числу этих беженцев принадлежали беглец из Курдистана Идрис Битлиси и его сын Абу-л-Фазл, которые на персидском языке писали исторические сочинения о событиях этого периода. Вообще, несмотря на фактическое прекращение военных действий, все-таки военное положение между Турцией и Персией оставалось непрерывно, вплоть до 1555 г., когда впервые был заключен мир. После этого мы видим со стороны султана Селима II вторую попытку военного похода, которая более касалась северной части прикаспийских областей. В середине XVI в., когда на берегах Черного моря ислам одержал величайшие успехи, когда все берега его вошли в состав османских владений, к Каспийскому морю подошли русские, которыми в 1552 г. была завоевана Казань, а через 2 года должна была подчиниться и Астрахань; затем они совершили поход на Сибирь. Эти успехи не могли не обратить на себя внимания султанов, которые считались главными носителями мусульманской идеи и мусульманского могущества, и мы видим при Селиме II в 1569 г. попытку воспрепятствовать этому и занять Астрахань, но она успеха не имела, и турки должны были уйти. Султану Селиму приписывают план проведения канала между Доном и Волгой, не столько для торговых, сколько для стратегических целей, но османские историки уверяют, что сам султан отказался от этого, потому что его убедили в том, что по устройству поверхности в данной местности вода из Волги пойдет в Дон, а через Азовское море будет направляться в Черное и может произойти такой подъем воды в Черном море, который будет опасен для столицы. Я не касаюсь вопроса, действительно ли эти мотивы играли роль³.

Главной причиной того, что турки не захватили первенства в мире, было в значительной степени то, что им, несмотря на отдельные очень успешные попытки, не удалось образовать сильного флота, который мог бы оказать сопротивление европейцам и подавить господство последних на морях. Одним из первых признаков перехода культурного первенства к Европе было, во-первых, то, что европейцы раньше мусульман дошли до огнестрельного оружия, и затем то, что в морской технике, технике мореплавания и судоходства, европейцы опередили мусульман. Этим и объясняется открытие европейцами пути в Индию и развитие индийской торговли. Со стороны турок в 1538 г. мы видим попытку султана Сулеймана восстановить морские сношения с

³ <Ср. Н. Смирнов, *Россия и Турция*, т. I, стр. 100—115. — Б. С.>

Индией и изгнать европейцев оттуда, но его поход ограничился только осадой города Диу, не имевшей успеха, и португальцы после его похода сохранили свое господство на море. Они заняли пункты при выходах в Индийский океан из Персидского залива и Красного моря, и таким образом господство на море утвердилось за европейцами, к ним же перешло господство в мировой торговле; поэтому должно было установиться первенство европейцев и в культурном отношении.

В 70-х годах, после смерти второго шаха, Тахмаспа I, наступили смуты; султан Мурад III, воспользовавшись этим ослаблением Персии, в 1578 г. предпринял поход через северные области Персии, которые входят в состав Армении и кавказского Азербайджана, и в том же году турецкие владения распространились до самого Каспийского моря, причем везде турки выступают как восстановители суннитства. Когда Шекки, теперешняя Нуха, была занята турками, то говорится о восстановлении суннитского богослужения и о чтении молитвы с именем султана Мурада в мечети, где не было суннитского богослужения в течение 50 лет. Затем турки утвердили свою власть на Куре, в местности, где был укреплен город Ареш, а в Ширване было учреждено турецкое наместничество. Кроме политического значения, Ширван имел значение местности, доставлявшей нефть, шелк, соль и рис. Турки разделили ширванское наместничество на 14 санджаков, а дербентское — на семь.

В том же 1578 г. мы видим военные действия турок в Дагестанской области, причем турецкие войска были поддерживаемы крымскими. В это время Крымское ханство находилось в вассальной зависимости от Турции. Этот поход турок в Дагестан сравнительно хорошо известен, потому что был описан на османском языке известным историком Али Челеби, сочинение которого носит название *Нусрат-наме*. Из того, что он говорит, можно заключить, что тогда еще ислам недостаточно прочно утвердился в Дагестане; по крайней мере, нравы местных жителей, даже таких, как кази-кумуки, не походили на нравы мусульман вообще, и он обвиняет их в разных нечестивых поступках, в том числе даже в общности женщин. К тому времени, когда турки распространяли свою власть, относится будто бы происхождение названия селения Кафир-кумук, которое сохранилось до сих пор и находится недалеко от Темир-Хан-Шуры (Буйнакск). Слово *кафир*, иначе *гяур*, означает немусульманина, нечестивого. Такое название дано жителям этого селения будто бы за то, что они ограбили мать одного из крымских царевичей, Адиль-Гирея, который был взят в плен в Персии и умер в плену. Мать его прибыла с подарками для того, чтобы добиться освобождения сына, но приехала слишком поздно: сын ее уже умер, и эти подарки не были доставлены шаху; жители селения соблазнились и захватили их. За этот поступок селение было будто бы названо Кафир-кумук.

Результаты похода 1578 г. не были прочными; после этого мы ви-

дим, что на время Персия снова одерживает верх в Ширване, в Баку и в Дербенте. Туркам приходится снова завоевывать Ширван и Баку, и в 1583 г. ими одержана победа в этой местности; еще позднее, в 1585 г., был взят Тебриз и только в 1588 — Гянджа. В 1590 г. был заключен мир, по которому у турок остались все завоевания. Таким образом, не только кавказский Азербайджан, но и персидский перешли под власть турок и оставались в таком положении более 10 лет; это было в начале царствования Аббаса Великого. В то время в Персии происходили смуты, она находилась в тяжелом положении и должна была делать уступки не только на западе, но и на востоке, где ханство узбекское тогда процветало, и хану Абдулле удалось объединить под своей властью всех узбеков. Тому же хану, а затем его сыну Абд ал-Мумину удалось завоевать Хорасан с главной шиитской святыней Персии, могилой имама Али-Ризы. Хорасан оставался под властью узбеков вплоть до смерти Абдулла-хана, который умер в начале 1598 г. Таким образом, на западе и на востоке Персия лишилась части своих владений, уступив их с одной стороны туркам, с другой — узбекам.

К этому времени турецкого владычества относятся те известия, которые мы находим о Дербенте и о других пунктах. Главное турецкое географическое сочинение принадлежит Хаджи Халифе, автору XVII в., написано на турецком языке и заключает в себе довольно подробное описание турецких областей. Хаджи Халифа говорит о Дербенте, что длина его стен занимала пространство в 10 500 локтей, а ширина — 500, что на них было до 70 башен, а высота стен соответствовала высоте стен Константинополя.

Значение турецкого господства в этих областях заключалось в том, что теперь был центр для непосредственных сношений между суннитами-турками Передней Азии и суннитами-узбеками. Узбеки могли теперь предпринимать паломничество в Мекку из Туркестана непосредственно через турецкие владения, не проходя через шиитскую Персию. Областью турок на Каспийском море был Ширван, а у узбеков — Мангышлакский полуостров, который имел значение места, куда суда приставали и откуда начинался караванный путь в Хиву и Бухару. Таким образом, происходили сношения между Мангышлаком и Ширваном. Это был главный путь, по которому совершалось плавание по Каспийскому морю в то время, по направлению с северо-востока на юго-запад, в противоположность пути греков и арабов, при которых сношения происходили с юго-востока на северо-запад, когда на юго-восточном берегу Абескун был главным портом. Теперь Мангышлакский полуостров играл главную роль на восточном берегу, а Баку на западном.

В то время, когда турки утверждают на Каспийском море, была произведена первая русская попытка утвердиться в Дагестане, сделанная небольшим отрядом под начальством Хворостинина в 1594 г., при-

чем был захвачен город Тарки в северной части Дагестана, а на реке Сулаке построена русская крепость. Эта попытка была, однако, сделана с такими слабыми силами, что не только не имела успеха, но для отражения ее оказались достаточными местные силы; не пришлось даже прибегать к войскам великих держав. Ни Турция, ни Персия в этом отражении попытки русских утвердиться в Дагестане не принимали участия⁴.

В XVI в. в Дагестане мы уже видим то политическое устройство, которое сохранилось потом в течение некоторого периода. Самым могущественным правителем Дагестана был шамхал кази-кумукский, затем шел кайтакский правитель, носивший титул уцмий, и правитель области Табасаран, поблизости от Дербента, носивший титул ма'сума; князь аварский также признал себя вассалом османского султана. Титул *шамхал* является в форме *шавкал* уже в эпоху Тимура. Титулы эти были произведены из арабского языка книжным путем; так, слово *уцмий* было выведено из арабского слова *исм* ('имя') и было понято в смысле нашего 'именитый'. Первый известный уцмий был правителем времени турецкого владычества; это Султан-Ахмед-хан, который правил до 1587-88 г. Ему приписывается реформа, и его народ получил при нем определенное устройство; было установлено селение, где должны были происходить народные собрания; это селение находится недалеко от Дербента и носит название Маджалис: арабское слово, множественное число от слова *меджлис*, которым означаются народные собрания, как, например, в настоящее время в Персии. Султан-Ахмед-хану приписывается еще другая мера, которая имела еще большее значение: кодификация народного права, издание законов в виде письменного свода. Эта попытка шла вразрез с нравами мусульманскими, где хотя фактически законы были не религиозного происхождения, где фактически государи не отказывались от права издавать определенные постановления, тем не менее теоретически в мусульманском государстве никакой законодательной власти быть не может, потому что законы записаны в Коране и сунне, и эти законы теоретически единственные, которые господствуют в мусульманском государстве. Турецкие султаны при столкновении с европейскими государствами, когда европейцы требовали реформ в османском государстве, указывали на то, что их законы установлены самим богом и даны были в Коране его пророку, дальнейшее развитие их происходило путем действий религиозных вождей, а потому они не могут подвергаться никаким изменениям. Теоретическим положением о религиозном происхождении законодательства, на самом деле нарушавшимся постоянно, объясняется, почему дагестанский историк мирза Хасан-эфенди Алкадари

⁴ <О дипломатических переговорах между Россией, Турцией и Ираном и политической обстановке того времени см. Н. Смирнов, *Россия и Турция*, т. I, стр. 138—159. — Б. С.>

смотрит на это действие уцмия Султан-Ахмед-хана как на большую дерзость.

Турецкое владычество продолжалось в течение очень недолгого времени. Шах Аббас вынужден был вначале покориться туркам, но, после того как <ре>организовал свою армию под руководством двух братьев, англичан Ширли, ему удалось в начале XVII в. отнять у турок их завоевания, восстановить здесь персидское государство и поднять его на большую степень могущества. О шахе Аббасе⁵ мы будем говорить в следующий час.

Мы остановились на действиях шаха Аббаса Великого в XVII в., когда он реорганизовал, под руководством братьев Ширли, армию и возобновил военные действия с турками в 1603 г. Главные успехи его относятся к 1606 г., когда была восстановлена персидская власть в Гяндже, Дербенте, Дагестане и Баку. Еще несколько лет продолжалась война, и только в 1612 г., и то на малое время, был заключен мирный договор с Турцией, но затем война, все еще при шахе Аббасе, возобновилась. К 1604 г. относится новая попытка русских утвердить свою власть в северной части Закавказья, когда незначительный отряд Бутурлина и Плещеева сделал эту попытку, но никакого, однако, успеха не имел.

Таким образом, вновь утвердилась персидская власть; и во всех завоеванных городах, в Гяндже, в Дербенте, в Баку, шах Аббас оставил постройки. Что касается Гянджи, то этот город был перенесен на новое место, на один фарсах, 6—7 верст, выше по течению речки Гянджинки. Остатками этого времени являются крепостные сооружения в Гяндже, старая мечеть, которая называется татарской; вообще западная часть города, населенная тюрками и персами, была построена при шахе Аббасе, а восточная часть, где в настоящее время преимущественно живут армяне и русские,— новая. К востоку от города сохранилась могила поэта Низами; надгробный памятник ее постепенно разрушался, а в последнее время было затронуто и самое погребение⁶. В Баку были восстановлены крепостные стены, и об этом свидетельствует надпись 1608-09 г. В Дербенте тоже были восстановлены стены, которые были удлинены в сторону моря, а в самом море построена была каменная башня. Об этом подробно рассказывает Искендер Мунши, историк царствования Аббаса Великого. Башня в море была соединена со стенами, которые находились на суше, на берегу, и при этих

⁵ <О шахе Аббасе см.: زندگانی شاه عباس; Bellan, *Chah 'Abbas I.* — Б. С.>

⁶ <Ср. Бартольд, *Могила поэта Низами* (см. ниже, стр. 784—785. — Б. С.)>

работах были найдены камни от прежних, более старых построек того же рода. Эта башня в море существовала в течение очень короткого времени, ее видел еще Федот Котов, русский путешественник, который был здесь в 1623 г.; когда же через 15 лет, в 1638 г., проезжал участник немецкого посольства Олеарий, то этой башни уже не было и вообще стены в море не выходили: он говорит только, что стены доходят до самой воды и что волны иногда ударяются о них. Известие о восстановлении при шахе Аббасе новых стен, которых не было раньше, нужно иметь в виду, в противоположность тем ученым, которые предполагают, что будто бы были одни и те же дербентские стены, никогда не разрушавшиеся и никогда не восстанавливавшиеся. Из того, что размеры указываются различно в разных источниках и упоминается, что они на такое-то пространство входили в море и столько-то было башен в той части стен, которая была построена в воде, делается вывод, что если стены теперь находятся на суше, то, следовательно, уровень Каспийского моря изменился с того времени. Даже в работах Ханькова⁷ делалась попытка такого рода, именно на основании сопоставления, например, свидетельства арабского автора Истахри (X в.) с более поздними свидетельствами определить, насколько повышался или понижался уровень Каспийского моря в разные периоды. Этот прием несостоятелен потому, что дербентские стены, особенно в части, которая входила в море, разрушались и человеком и морем, восстанавливались несколько раз в другом виде, и пользование данными об этих стенах, чтобы определить повышение или понижение Каспийского моря, — прием неправильный⁸. Кроме этих построек, говорится о постройке центральных поперечных стен, между крепостью и городом с одной стороны и между городом и пустынным пространством, доходившим до моря, — с другой. Мы видели, что в конце XV в. только 1/6 часть того пространства, которое находится между южной и северной стенами, прилегающая к цитадели, была населена, а вся остальная часть была пустынной. Эта часть пространства называется «греческим городом» (Шехр-и юнан). Было высказано по этому поводу предположение, что будто бы здесь жили когда-то греки и будто бы здесь находился греческий город. Это маловероятно, скорее всего это название произошло вследствие предания об Александре Македонском, который считался греческим царем, и очень возможно, что этот город, который принимался за остатки прежнего времени, считался городом Александра Македонского и потому получил название Шехр-и юнан, а в действительности греческого города здесь, по всей вероятности, не было. Поперечные стены существовали до утверждения русской власти в Дербенте, и только в 1824 г. были уничтожены.

⁷ <См. Ханьков, *О перемежающихся изменениях.*>

⁸ <См. Бартольд, *К истории Дербента* (ниже, стр. 786—787); его же, *Новое известие о стенах Дербента* (ниже, стр. 788).>

С завоеванием Дербента и Дагестана, где установилась было верховная власть турок, теперь вновь была восстановлена верховная власть персов. Говорится, что на сторону персов перешел кайтакский уцмий, тогда как шамхал оставался союзником турок, и поэтому, когда турки заключили мир с Персией, то выговорили условие, чтобы шамхал не подвергся преследованию за свою приверженность к туркам. Это положение изменилось после некоторого времени, именно в 1638 г., когда, наоборот, при столкновении Персии с Турцией кайтакский уцмий был на стороне турок, а шамхал кази-кумукский — на стороне персов, и потому последний был утвержден в своей власти Персией, хотя раньше получил такое же утверждение от русского царя Михаила Федоровича. В этом сказывается соперничество трех держав: России, Турции и Персии, которое происходило в XVII и XVIII вв. Отношение шаха Аббаса к прикаспийским областям не ограничилось только отвоеванием этих областей у турок. Им была проведена шоссейная дорога через гору Эльбурс, которая отделяет Мазандеран от центральных областей Персии и от Иранского плоскогорья. Эта дорога через горы проходила в города Амуль и Сари и оттуда дальше на Астрабад. Таким образом, прикаспийские области сделались доступными во всякое время года; этим объясняется, что, в противоположность всей предшествующей истории их, когда мы видели в них особых наследственных правителей, особые династии, последние исчезают со времени шаха Аббаса; несмотря на то что дорога, построенная им, вскоре пришла в упадок, все-таки объединение им этих областей сохранилось, и мы с тех пор не видим здесь особых династий. Эти области составили провинции, непосредственно подчиненные Персии. Шах Аббас воздвиг несколько дворцов в городах по южному берегу Каспийского моря, из чего видно, что он этим областям придавал большое значение. Эти дворцы находились в Астрабаде, затем Ашрафе, в 7 верстах от моря и 60 верстах к западу от Астрабада. Эти дворцы, так же как и дорога, находятся в настоящее время в разрушенном состоянии. Эти действия шаха Аббаса связаны с другими его трудами для поднятия культуры и блеска государства и престола. Им был создан город Исфахан, который и раньше существовал, но как большой столичный город был перестроен при шахе Аббасе; хотя его размеры были не больше, чем город имел в монгольский период, но величественная центральная площадь, построенные им дворцы, мечети, — все это производило даже на европейских путешественников того времени сильное впечатление, и в энциклопедии д'Эрбело⁹ говорится, что Исфахан лучший город Азии вообще; кроме китайских. Утверждение это, по всей вероятности, преувеличено, потому что в то время Дели и Агра в Индии вряд ли уступали Исфахану, но самые слова европейцев показывают, какое впечатление

⁹ См. d'Herbelot, *Bibliothèque orientale*, p. 323 (s. v. Esfahan). >

производило персидское государство на путешественников в то время. Кроме того, мы видим, что возвращен был южный берег Персии по Индийскому океану, находившийся прежде в руках португальцев, а также каменная крепость на острове Ормузе, построенная ими же, — самое лучшее сооружение в Персии вообще, кроме персепольских развалин, относящихся к эпохе Ахеменидов. Эта крепость была взята персами с помощью английского флота, и сношения с иностранными державами получили в это время значительное развитие. Не только со многими европейскими государями сносился шах Аббас, но и с такими восточными владениями, как с сиаемским, и сиаемское посольство бывало в Персии. Несмотря на все это, в мировой торговле Персия могла играть только второстепенную роль, потому что караванная торговля не занимала главного места, а морская торговля с Персией была для европейцев только дополнением торговли с Индией, дававшей наибольшие выгоды. На Персию они обращали внимание, особенно при шахе Аббасе, для политических целей, чтобы найти союзника в борьбе с Турцией, которая была опасна для европейских держав, а уже затем с экономической стороны, чтобы пользоваться выгодами торговли. Политическими целями объясняется путешествие римлянина по происхождению Пьетро делла Валле, который старался убедить шаха Аббаса заключить союз с испанским королем против Турции, но так как испанцы владели Португалией, то интересы испанцев и персов были противоположны и взятие персами гавани Ормуза было актом войны против испанцев, так что делла Валле не достиг своей цели, и, наоборот, произошло сближение персов с врагами испанцев — англичанами.

Главные успехи торговли Персии эпохи Сефевидов относятся к XVII в., когда получила развитие французская колониальная политика и когда мы видим целый ряд путешествий в Персию. Кроме купцов, ездивших в Персию и остававшихся там недолго, мы встречаем и миссионеров, которые, однако, не имеют большого успеха в деле распространения христианства и свою главную деятельность направляют в сторону обращения в католичество христиан армянских и других. Они иногда в течение долгого времени оставались в Персии, не подвергаясь ни преследованию персидских властей, ни ненависти персидского населения. К таким миссионерам принадлежал Рафаэль дю Ман, который почти полвека прожил в Персии и написал книгу, посвященную Кольберу, о состоянии Персии. Она была издана Шефером с обширным введением, и его введение представляет большой интерес, потому что в нем собрано все, что касается торговли с Персией, и дается подробная библиография всех путешествий, сделанных европейцами в XVI и XVII вв.¹⁰ Книга дю Мана замечательна тем, что в ней проводится

¹⁰ <См. Рафаэль дю Ман, изд. Шефера, стр. I—CXV. Ср. Бартольд, *История изучения Востока*, где дан обзор путешествий и исследований по Востоку, начиная с древности до XX в. См. также: Подиевктов, *Европейские путешественники*. — Б. С.>

резко отрицательное отношение к Востоку. В средние века не могло быть и речи о том, чтобы европейские путешественники, когда они приходили на Восток, чувствовали себя более культурными людьми по сравнению с населением тех стран, куда они приезжали, так как в средние века культура в Европе стояла ниже, чем в Азии. Только путешественник Иосафат Барбаро, бывший на Востоке в XV в. и долго там проживший, пишет, что когда он вернулся в Европу, то попал в более культурные условия. Это первый случай, когда европеец, вернувшись с Востока, почувствовал себя на Западе в более культурной среде¹¹. Рафаэль дю Ман дает персам, правда, некоторое преимущество, но это выражено в такой форме: если все народы Востока признать слепыми, то персов можно будет признать одноглазыми. Интересны сведения, которые дает французский путешественник Шарден; несмотря на отрицательное отношение к персидской государственной системе, он все-таки в то же время говорит о красоте построек не только домусульманской, но и мусульманской Персии. Он говорит, что Персия — страна, где строятся самые смелые купола, и нигде нельзя найти большего количества купольных сооружений, чем в Персии.

Более интересны описания у немецкого ученого Олеария, который прибыл из Гольштинии как участник посольства, отправленного специально с целью устроить вывоз из Персии гиланского шелка. Олеарий проезжал через Россию, Северную Персию, Дербент, Азербайджан — кавказский и персидский — и дает очень интересные известия.

Особенно любопытно, что в персидском и кавказском Азербайджане тогда еще сохранялись турецкие этнические предания. Турецкое национальное предание, забытое потом, еще локализовалось в этих областях. Олеарию показывали в Дербенте могилу известного патриарха Коркута, хранителя народной мудрости, с которым связан целый эпический цикл. Теперь преданий о нем в Азербайджане персидском и кавказском нет. В этом цикле преданий главным героем является Казан-бек; упоминается и его жена Бюрле-хатун. Впоследствии эти имена не упоминаются нигде, кроме сочинения *Китāб-и Деде Коркут*, которое сохранилось в одной рукописи в Дрездене и теперь издано в Турции¹². Только в этом сочинении и у Олеария мы встречаем имя Бюрле-хатун; Олеарий помещает ее могилу в Урмии. О том, что могила Коркута была в Дербенте, кроме Олеария, говорит и османский путешественник Эвлия Челеби¹³.

¹¹ <О причинах, обусловивших отставание Востока в экономическом и культурном отношении от Европы в период позднего средневековья, см. Рейснер, *К вопросу об отставании*. — Б. С.>

¹² <Ныне, кроме дрезденской рукописи, известна еще одна — ватиканская (неподная). Об изданиях текста и переводах см. *Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2-е, стр. 6—8 (предисл. В. М. Жирмунского и А. Н. Кононова). — Ю. Б.>

¹³ <См. Бартольд, *Еще известие о Коркуде*.>

К торговым сношениям с Персией стремятся, кроме европейцев, и русские, которые старались проложить торговый путь в Индию и ездили для этого через Среднюю Азию и через Персию. Из этих путешественников обращает на себя внимание русский купец XVII в. Семен Маленький, единственный, которому удалось добраться до Индии; он там умер, и только его слуга доехал обратно до России и рассказал об этом путешествии. Семен Маленький проник в Индию не через Среднюю Азию, а через Персию. Вообще, однако, персидские шахи старались препятствовать этим непосредственным сношениям русских с Индией и затрудняли для русских пользование путем туда через Кандагар. Только при Петре Великом, в противоположность неудачным попыткам конца XVI и начала XVII в., начинаются более определенные и умелые действия для завоевания русскими прикаспийских областей. Насколько Петр Великий одинаково обращал внимание на задачи России, как он их понимал, на западе и на востоке,— это видно из того, что в один и тот же день были подписаны указы о вызове иностранцев-европейцев в Россию, чем началось насаждение в России западноевропейской культуры, и об обучении русских в столице японскому языку, благодаря случайному приезду в Россию одного японца.

В это время в Персии происходил упадок династии Сефевидов, и при шахе Хусейне она была завоевана афганцами; столица, Исфахан, была взята в 1722 г. Петр Великий еще до окончания войны со шведами принял соответствующие меры, а после заключения мира, пользуясь, как предлогом, ущербом, причиненным русским купцам в Шемахе во время смут, предпринял поход на Персию и сам дошел до Дербента. Дальнейшие области, как города Гиляна, были покорены русскими войсками независимо от личных действий Петра, который вернулся из Дербента обратно. Для России этот поход¹⁴ имеет большое значение, потому что с него идет начало русской науки востоковедения и археологии. При Петре впервые были приняты меры для охраны восточных памятников древних городов на Волге, а в Дербенте он собрал восточные рукописи, в том числе первый экземпляр истории Дербента. После этого похода был заключен в 1723 г. Петербургский договор, подписанный персидским представителем, но не приведенный в исполнение, по которому русским уступались все земли не только по западному, но и по южному берегу Каспийского моря, вплоть до города Астрабада. Это — очень большая уступка, но никогда она не была фактически приведена в исполнение. Русские владения дальше Гиляна не распространялись, причем, несмотря на договор, даже восточная часть Гиляна с городом Ляхиджаном должна была быть взята силой, так как Персия не считалась с договором. Петр не отказывался

¹⁴ <О нем см. Лысов, *Персидский поход*. О событиях того времени см. также: Арутюнян, *Борьба*; Зевакин, *Прикаспийские провинции*; Полиевктов, *Проект*; Левинтов, *Очерки*. — Б. С.>

от надежды подчинить все эти области, но встретил препятствие со стороны турок, которые имели притязание, воспользовавшись упадком персидской державы, захватить ряд областей и вновь распространить на них, как в XVI в., свою власть. Русским пришлось уступить, и в их власти осталась только береговая полоса. При этом Петр Великий отказался от грузинского царства, за интересы которого он раньше стоял и которое хотел освободить от мусульманского владычества. К русским перешла береговая полоса настолько узкая, что главный город Ширвана — Шемаха — отошел к Турции и только приморская часть с городом Баку вошла в состав русских владений. Очень широкие уступки были сделаны Турции по договору 1724 г.: все земли от впадения Аракса в Куру до линии, идущей через Ардебиль, Хамадан и Керманшах, со включением этих городов, должны были отойти к Турции. Кроме того, Россия и Турция обязывались взаимно поддерживать притязания и заодно вести военные действия против Персии, если та откажется уступить эти области. Таким образом, империалистические стремления России и Турции были связаны, и они должны были поддерживать друг друга, но, несмотря на такой союз этих двух держав, все-таки этот договор не был приведен в исполнение, потому что в Персии появилась такая сильная личность, как Надир-шах, которому удалось на короткое время восстановить политическое могущество Персии и ее прежние границы в прикаспийских областях. Россия добровольно отказалась от них, потому что она не получила от них тех выгод, на которые рассчитывала: обладание этими областями приносило России огромные материальные расходы, и, кроме того, она несла большие потери людьми вследствие вредного климата Гиляна и других прикаспийских областей, а у Турции ее завоевания были отняты силой. После этого с Турцией был заключен Надир-шахом мир в 1736 г., но военные действия возобновились в 1743 г., а в Дагестане происходила упорная борьба вследствие того, что жители Дагестана оказывали Надир-шаху упорное сопротивление¹⁵; Ибрахим, брат Надир-шаха, пал в этой борьбе.

После смерти Надир-шаха снова возобновилась смута в Персии, но только в конце XVIII в. русское правительство снова начало предпринимать шаги для восстановления своей власти в прикаспийских областях, которые перед этим были уступлены Надир-шаху. Это началось при Екатерине II и закончилось при Николае I, когда по Туркманчайскому договору 1828 г. была установлена та граница между Россией и Персией, которая существовала до настоящего времени. Вместе с тем, однако, русские установили свое господство на Каспийском море, и персидское государство было лишено возможности иметь

¹⁵ <Подробное описание борьбы народов Дагестана против этого завоевателя, основанное главным образом на русских архивных документах, см. Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха*, стр. 187—204. — В. Р.>

на нем военный флот. Отношение местного населения к этой борьбе между Персией и Россией было неопределенное; нельзя даже сказать, чтобы христианские владетели и христианское население Кавказа все время были на стороне России. Известно, что когда Ираклий, грузинский царь, который был раньше подчинен Персии, передал России Грузию под условием, что она сохранит свою автономию, то это условие было Россией вскоре нарушено, вследствие чего сын Ираклия Александр-мирза снова перешел на сторону персов и призывал их к освобождению Грузии от русского завоевания¹⁶. Это происходило в первые годы XIX в. В Дагестане суннитский ислам имел полное господство, и потому там часто возникали религиозные движения, которые поддерживались Турцией; эти движения шейхов и мюридов были связаны с религиозным дервишским орденом среднеазиатского происхождения, но в то время как этот орден в Средней Азии не имел воинственного характера, на кавказской почве он получил его, и руководителю ордена Шамилю удалось создать довольно сильную власть, с которой России пришлось выдержать упорную борьбу. Не только в это время представители этой борьбы находились в союзе с Турцией и постоянно прибегали к турецкой помощи: то же случилось в последний раз в 1877 г., когда началась война между Россией и Турцией и когда дагестанцы подняли восстание, надеясь на победу турок и на помощь с их стороны. В это время крепость Кумук была взята восставшими, в Дагестане была даже уничтожена власть русских и смогла быть восстановлена на некоторое время власть местных князей — кайтакского уцмия и табасаранского ма'сума, но дальнейшего успеха это восстание не могло иметь вследствие того, что война, особенно в Азии, между русскими и турками скоро приняла неблагоприятный оборот для турок и поэтому нельзя было ожидать от Турции военной помощи; восстание в Дагестане было подавлено довольно скоро.

Вообще говоря, мы можем проследить, какую цель имели русские завоевания. Мы видим стремление обратить Каспийское море во внутреннее русское море, и эта цель была достигнута. Несмотря на то что Каспийское море не имеет сообщения с океаном и поэтому не могло иметь большого значения, англичане все же считали, что Россия должна довольствоваться этой целью и не стремиться дальше. Характерны в этом случае слова Керзона, выразившегося, что ни один английский

---

¹⁶ <Говоря об отношении населения Кавказа к России, В. В. Бартольд фактически подменяет отношение народных масс позицией отдельных представителей местной знати. Присоединение прикаспийских областей к России спасало их и от порабощения отсталыми государствами — Турцией и Ираном, и от внутренних междоусобиц. Поэтому передовые слои общества в Азербайджане, трезво оценивавшие политическую обстановку, выступали за присоединение к России. См. об этом: «Присоединение Азербайджана к России»; Абдуллаев, *К вопросу о присоединении*; Гулиев, *Из истории*. См. также *История Азербайджана*, т. 1, стр. 343 и сл. — Б. С.>

министр не может допустить утверждения русских на Индийском океане точно так же, как ни один русский царь не допустит утверждения англичан на Каспийском море. Это сопоставление Каспийского моря с Индийским океаном очень характерно. Некоторое время этому обладанию придавалось большое значение, когда рассчитывали вновь восстановить через Каспийское море торговый водный путь, который будто бы был прежде. Эта цель, как известно, руководила Петром Великим, который хотел сначала подчинить себе области к востоку от Каспийского моря. Во время неудачного похода в Хиву Бековича (1717 г.) ставилась прямая задача восстановить то течение Аму-Дарьи в Каспийское море, которое было раньше: предполагалось, что будто бы была построена плотина для того, чтобы отвести воду Аму-Дарьи в Аральское море вместо Каспийского. На самом деле этого не было, никогда туземная техника не достигала такой высоты, чтобы могла это сделать, и все перемены, которые происходили в течении Аму-Дарьи, описываются как явления неожиданные, принимавшиеся местным населением как стихийные, а вовсе не как такие, которых они желали и которые были ими вызваны. Регулирование воды Аму-Дарьи — это цель, к которой до сих пор стремятся и которой не достигла русская техника и в настоящее время. Известно, что Аму-Дарья направляет свое течение то в один рукав, то в другой, без того, чтобы это можно было урегулировать человеческими действиями. Еще в XIX в. считалось возможным устроить это, и в связи с этим находился тот факт, что железнодорожное сообщение с Туркестаном было устроено первоначально по западному берегу Каспийского моря, сначала до Петровска, потом до Баку, откуда совершалось плавание по Каспийскому морю к Узун-ада, потом к Красноводску, от которого возобновлялась железная дорога в сторону Средней Азии. Этот перерыв железнодорожного сообщения Каспийским морем, которое бывает довольно бурным в некоторые времена года, был, естественно, неудобен. Устроено было непосредственное железнодорожное сообщение из России через Оренбург, Ташкент и Самарканд в Среднюю Азию, и вследствие этого Закаспийская область, где был главным городом Асхабад, лишилась прежнего значения. Некоторое же время здесь проходила вся транзитная торговля с Туркестаном. Вопрос о дальнейшем зависит от того, как разрешится задача, которая была поставлена еще в XVII в. Мы видим, что тогда русские старались найти торговый путь в Индию. Здесь возможны две дороги: одна через Персию, причем не только Баку, но и такие города, как Шемаха, имели значение как пункты на торговом пути через Персию и Кандагар; другой путь возможен был через области Средней Азии. Эти два пути существуют и в настоящее время; только по одному из них мыслимо установление рельсового пути, который соединил бы Европу через Россию с Индией. Этот вопрос о сухопутном сообщении между Европой и Индией посредством

рельсового пути не разрешен и в настоящее время; от того, как он будет решен, в пользу ли Кавказа и Персии или в пользу Туркестана и Афганистана, зависит в дальнейшем благосостояние соответствующих областей. Несмотря на то что прикаспийские области, в частности благодаря нефти, имеют известное торговое значение и в настоящее время, все же от рельсового пути в Индию они могут получить гораздо большее развитие.

На этом мы остановимся пока, а в следующий, последний день я постараюсь дать краткий очерк литературы — источников и пособий, которыми преимущественно приходится пользоваться тем, кто хочет изучить более подробно историю прикаспийских областей.

ЛЕКЦИЯ X (19—20)

Источники и литература о прикаспийских областях¹

Источниками по доисторическому периоду являются, конечно, только вещественные памятники. К числу их принадлежат в Азербайджане вырубленные в скалах гробницы, барельефы и т. п. Об этих и других памятниках особенно J. Morgan, *Mission scientifique en Perse* и <F. Sargе und> E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*. В русской литературе, кроме изданного М. Никольским сборника ванских надписей², имеются статьи в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества», особенно Н. Я. Марра и В. Ф. Минорского. «Записки Восточного отделения <Русского> археологического общества» (вышло 25 томов) вообще являются необходимым пособием для каждого русского ориенталиста.

Зороастрийские предания подробнее всего в книге Джексона: Jackson, *Zoroaster*. По современному (недостовверному) преданию персов, Зороастр родился на берегу Дарья-и руд, одного из южных притоков Аракса, в персидском Азербайджане.

Греческие и римские известия о Кавказе собраны и переведены В. В. Латышевым³.

В Персии даже в эпоху Сасанидов вместо официальной истории был только официальный эпос (кроме официальной версии были и другие); характерная черта его — отсутствие исторической перспективы: по эпосу, цари мифической древности живут и действуют в той же обстановке, как сасанидские цари, и наоборот. Об этом см. В. Бартольд, *К истории персидского эпоса* (ЗВОРАО, т. XXII). Иранский эпос известен нам преимущественно в мусульманской обработке. По времени ближе к событиям источники армянские (особенно Фауст Византийский) и сирийские. О христианской культуре этой и последующих эпох много сведений в жур-

¹ <Печатается по резюме, данному автором. — Прим. ред. 1-го изд.> <О новых исследованиях и источниках по истории прикаспийских областей см. работы, указанные в прим. 1 к стр. 651. См. также: *Обзор источников по истории АзССР*, вып. I—II; Пигулевская и др., *История Ирана* (обзор источников — по главам, библиография — стр. 373—385); М. Дьяконов, *Очерк*, стр. 5—24. — Б. С.>

² <Никольский, *Клинообразные надписи*.>

³ <Латышев, *Известия*.>

нале «Христианский Восток», издававшемся Академией наук с 1912 г. Главный труд о царствовании императора Ираклия — Pernice на итальянском языке⁴. Главное пособие по истории Сасанидов: Th. Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber etc.* — перевод отрывка о Сасанидах из всеобщей истории Табари с подробными примечаниями. О государственном строе еще — A. Christensen, *L'Empire des Sassanides*.

Достоверные известия по истории первых веков ислама, в том числе и по истории Персии, имеются преимущественно на арабском языке; труды на персидском языке появились позже и не сохранили достоверных сведений о первых временах политического и литературного возрождения персидского народа. Так, мы только из арабских сочинений (Табари) знаем, что в Азербайджане, в Мераре, еще в середине IX в. был персидский поэт Ибн Ба'ис, стихи которого имели успех. Об этом статья В. Бартольда в «Bulletin» английской Школы востоковедения⁵.

Из больших арабских компиляций⁶ (летописных) в Европе раньше всего сделалась известной самая поздняя — сочинение Абу-л-Фида, переведенное еще в XVIII в. на латинский язык (Рейске). От Абу-л-Фида перешли к более ранней компиляции (XIII в.) Ибн ал-Асира (издания Торнберга, без перевода, и египетское). От Ибн ал-Асира перешли к главному источнику, к большой компиляции Табари (X в.), главному труду арабской историографии, изданному (без перевода) международными силами. Из предшественников Табари важнее всего Балазури (*Liber expugnacionis regionum*, изданное де Гье) и Я'куби (издание Хаутсма); в этих трудах изложение не летописное; вопреки часто высказывавшемуся мнению, у арабов и у многих других народов произведения повествовательной истории появляются раньше, чем летописные своды. Из продолжателей Табари, которыми пользовался Ибн ал-Асир, изданы и переведены (на английский язык) труды Ибн Мискавейха и Абу Шуджа'. Очень много ценных известий, в особенности по культурной истории, в арабской географической литературе; главные памятники ее собраны де Гье (de Goeje) в издании «Bibliotheca geographorum arabicorum» в 8 томах, из которых только в 6-м к арабскому тексту приложен французский перевод. Отрывки из сочинений, утраченных в арабском подлиннике, сохранились в произведениях персидской литературы; из них издана и переведена (В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*) глава о Средней Азии из труда Гардизи (XI в.)⁷; предполагается к изданию

⁴ <Pernice, *L'imperatore Eraclio.*>

⁵ <См. Barthold, *Early Persian poetry.*>

⁶ <Нижеследующий обзор источников в основном сделан по «Введению» к работе В. В. Бартольда *Туркестан*, где изложены более подробные сведения об упоминаемых здесь авторах; см. наст. изд., т. I, стр. 46 и сл. — Ю. Б.>

⁷ <Сочинение Гардизи издавалось трижды: Мухаммедом Назимом (1928 г.), Мухаммедом Кавзини (1937 г.) и Са'идом Нафиси (1954 г.); см. библиографию в наст. изд., т. I, стр. 623. — Ю. Б.>

труд персидского географа конца X в., известный под названием «рукописи Туманского» (статья А. Г. Туманского об этом сочинении в ЗВОРАО, т. X) ⁸. Самый подробный труд по истории арабской литературы — С. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*. На русском языке — пособия А. Е. Крымского (им же составлены пособия по истории Сасанидов и мусульманской Персии) ⁹ и краткое пособие В. Бартольда *Мусульманский мир* (продолжение этой книги, под заглавием *Иран*, сдано в печать, но еще не напечатано) ¹⁰.

В истории, как и в других науках, арабский язык в Персии употреблялся преимущественно в строго научных трудах, персидский — в популярных сокращениях.

Арабский язык употреблялся историками и в сельджукский период. На персидском языке везир Ануширван ибн Халид Кашани написал в XII в. свои записки, под характерным заглавием: «Упадок времени министров и министры времени упадка», но этот труд дошел до нас только в арабском изложении Имад ад-дина Исфакхани, труд которого, в несколько сокращенной редакции Бундари, вошел в издание Хаутсма (Houtsma). «Recueil de textes relatifs à l'histoire des Sel'djoucides», т. II; остальные тома этого издания не имеют отношения к истории прикаспийских областей. Сочинения по местной истории писались, по-видимому, только на южном побережье Каспийского моря; из этих сочинений до нас дошла и переведена (на английский язык) только «История Табаристана» Ибн Исфендияра (начало XIII в.) ¹¹.

Персидская историческая литература получила значительное развитие в монгольскую эпоху, причем теперь на персидском языке писались и строго научные сочинения. Значение главного труда по истории монголов по мусульманским источникам сохраняет до сих пор *Histoire des Mongols* д'Оссона (1834 г.), несмотря на его несколько одностороннюю тенденцию: автор обращает внимание преимущественно на произведения монголами опустошения, совершенно не касаясь расцвета персидской культуры под влиянием установившихся при монголах более оживленных сношений на суше и на море с другими культурными странами. О монгольском государстве в Персии и его культуре статья В. Бартольда *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче* (Анийская серия, № 5) и рецензия его же («Мир ислама», 1912) на введение Блоше (E. Blochet) к предпринятому им изданию труда Рашид ад-дина. Боль-

⁸ <См. Туманский, *Новооткрытый персидский географ*. Факсимиле *Худуд ал-а'лам* издано В. В. Бартольдом в 1930 г., английский перевод В. Ф. Минорского с обширными комментариями — в 1937 г. — Ю. Б.>

⁹ <Арабская литература; История арабов; История Сасанидов; История Персии.>

¹⁰ <Работа вышла в свет в 1926 г. — Ю. Б.>

¹¹ <См. Ибн Исфендияр, пер. Броуна. Персидский текст издан Аббасом Икбалем в 1941 г. — Ю. Б.>

шой труд Рашид ад-дина по всемирной истории (начала XIV в.) представляет последнее слово персидской историографии. Автор задался целью изложить историческое предание монголов и всех народов, покоренных монголами или имевших сношения с ними, в сотрудничестве с учеными из среды этих народов; среди его сотрудников были два ученых китайца, кашмирский буддийский отшельник, знаток монгольских преданий, и, вероятно, французский монах. Такая попытка изложить всемирную историю, при участии ученых разных стран от Атлантического до Великого океана, впоследствии ни разу не повторялась и теперь была бы невозможна вследствие слишком больших различий в культурных традициях этих стран.

Еще при жизни Рашид ад-дина было сделано сокращение его труда для популярных целей Бенакети. Как мало до сих пор известен труд Рашид ад-дина, видно из того, что даже в специальной истории персидской литературы (на английском языке) Э. Броуна изложение истории Европы, с перечислением имен всех пап, приписано Бенакети, а между тем оно буквально заимствовано у Рашид ад-дина. К первой половине XIV в. относятся также труды Хамдаллаха Казвини — исторический и географический: оба изданы и переведены, первый — в сокращенном виде, в Англии¹², как и большая часть приведенных выше английских изданий в серии, посвященной памяти Гибба (*Gibb's Oriental Series*)¹³. Исторический труд излагает события вкратце и является, по отзыву издателя, Э. Броуна, превосходным учебником; издание Броуна представляет факсимиле одной рукописи, между тем рукописей довольно много, и некоторые из них дают лучший текст, чем текст рукописи, воспроизведенной Броуном. Географический труд Хамдаллаха Казвини¹⁴, в отличие от большинства географических трудов этого периода, является не только компиляцией, но дает ряд ценных географических и культурно-исторических сведений для своего времени, в том числе сведения о доходности отдельных провинций монгольского государства в Персии. В противоположность этому, географы XV в. Бакуви и Джурджани воспроизводят только сведения своих предшественников, за исключением нескольких слов Бакуви о Баку. Подобно авторам X в., Бакуви говорит о хазарах и Итиле, не упоминая ни о Золотой Орде, ни о Сарае. Французское изложение труда Бакуви находится во II томе «*Notices et extraits*» парижской библиотеки.

Об источниках по истории Тимура говорится в статье В. Бартольда о народном движении в Самарканде в 1365 г. (ЗВОРАО, т. XVII) и в предисловиях Л. Зимина и В. Бартольда к изданному Л. Зиминим «Дневнику похода Тимура в Индию» — древнейшей редакции официаль-

¹² <См. Хамдаллах Казвини, *Та'рих-и гузиде*, изд. и пер. Броуна — Ю. Б.>

¹³ <Так в первом изд.; правильно — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. — Ю. Б.>

¹⁴ <См. Хамадаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, изд. Ле Стрэнджа. — Ю. Б.>

ной истории Тимура¹⁵. Официальная история в окончательной редакции, принадлежащей Шереф ад-дину Йезди (*Зафар-наме*), до сих пор не имеется ни в критическом издании (калькуттское издание не удовлетворяет этому требованию), ни в удовлетворительном переводе (перевод Petit de la Croix, сделанный еще в XVIII в., давно устарел). Для истории действий Тимура на южном побережье Каспийского моря особенно важен труд мазандеранского историка Захир ад-дина Мар'аши, изданный академиком Дорном, труды которого¹⁶, вместе с трудами Ханыкова¹⁷ и Мельгунова¹⁸, являются главным пособием при изучении истории прикаспийских стран¹⁹. Дорн собирал, издавал и переводил (на немецкий язык) тексты, относящиеся к прошлому этих областей²⁰; о некоторых областях, как о Гиляне и Мазандеране, в его руках были специальные труды по местной истории; о некоторых других областях, как о Ширване, он мог собрать только отрывки, относящиеся к этим областям, из более обширных исторических трудов.

О туркменской династии Ак-Коюнлу, правившей в XV в. в Азербайджане и Западной Персии, имеется на персидском языке специальный труд в Лондоне, в библиотеке India Office, до сих пор не только не изданный, но никем не использованный²¹.

Образование великих держав в Персии и Турции вызвало в обоих государствах появление официальной историографии; возникает должность «описывателя событий» (*вақйий-навīs*). Но, в отличие от китайской официальной историографии, история писалась не по архивным документам, и вообще систематических забот об архивном деле в мусульманских государствах не было. Изложение большею частью носило характер панегирика. Самой подробной историей Турции, написанной по турецким источникам, остается до сих пор труд Хаммера (*Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches*), все еще незаменимый, несмотря на крайне неудачное расположение и изложение материала²². Подробные библиографические сведения по новой истории Персии даются в издании «Grundriss der iranischen Philologie», цель которого — дать свод всех до-

¹⁵ <См. также более новые обзоры источников по истории Тимура и Тимуридов: Hinz, *Quellenstudien*; Roemer, *Neuere Veröffentlichungen*. — Ю. Б.>

¹⁶ <Каспий; *Caspia; Beiträge; Geographica caucasica; Разбор сочинения Казембега; Die Geschichte Tabaristans; Отчет; Bericht; Reise.*>

¹⁷ <О некоторых арабских надписях; *Mémoire sur l'ethnographie.*>

¹⁸ <О южном берегу; *Das südliche Ufer; Исторические извлечения.*>

¹⁹ <Следует указать также (безусловно известные В. В. Бартольду) работы Рабино (*Rabino*): *Le provinces caspiennes; Rulers of Lahijan and Fuman; Rulers of Gilan*. Работы этого же исследователя о прикаспийских областях, вышедшие в свет после опубликования этого труда Бартольда, см. выше, стр. 651, прим. 1. — Б. С.>

²⁰ <См. Dorn, *Muhammedanische Quellen.*>

²¹ <Пересказ этого сочинения (*Ta'riḫ-i Amīnī*) см. Minor sky, *Persia in A. D. 1478—1490*. — Б. С.>

²² <Ныне см. на турецком языке: *Osmanlı tarihi*, с. I—VII. — Б. С.>

стижений европейской науки по иранской филологии, понимая под этим изучение языков, литературы и истории Ирана. История Ирана в мусульманский период излагается, однако, гораздо короче и гораздо менее удовлетворительно, чем история Ирана домусульманского. В последнем случае привлечен весь материал, бывший известным в то время (в конце XIX в.); только критика этого материала и освещение событий иногда оставляют желать лучшего. С другой стороны, история мусульманского Ирана излагается очень кратко, с использованием только небольшой части материала; так, автор (П. Хорн) дает подробные библиографические сведения, представляющие самую ценную часть его очерка, но и в этом отношении встречаются пробелы и неточности. Для истории прикаспийских областей важнее всего царствование Аббаса Великого, о котором имеется подробный труд современника, Иокендера Мунши, литографированный в Персии.

Главным общим трудом по истории Персии считался в XIX в. труд Малькольма²³, вышедший в 1815 г., частью имеющийся и в русском переводе. В 1915 г. путешественник Сайкс сделал попытку заменить этот устарелый труд новым²⁴, но труд Сайкса, хотя и вышел в 1921 г. вторым изданием, безусловно неудачен (рецензия на него была помещена В. Бартольдом в «Известиях Русского географического общества»)²⁵; ценны в нем только некоторые сведения о надписях, постройках и даже о некоторых неизвестных в Европе письменных источниках.

Из прикаспийских областей, присоединенных к России, только для Дагестана была составлена Е. И. Козубским подробная библиография, доведенная до начала XX в. (в «Памятной книжке Дагестанской области», 1898 г., и в «Дагестанском сборнике», 1900 и 1901 гг.)²⁶; такой библиографии до сих пор нет ни для Баку, ни вообще для кавказского Азербайджана²⁷. В начале 1840-х годов Аббас-Кули-ага Бакиханов составил на персидском языке и перевел на русский исторический труд о мусульманском Кавказе — «Райский цветник» (*Гулистāн-и ирам*); ни подлинник, ни перевод до сих пор не изданы. Трудом Аббас-Кули-аги воспользовался в 1307/1889-90 г. дагестанский историк мирза Хасан-эфенди Алкадари, написавший на азербайджанско-турецком языке исторический труд «Следы [прошлого] Дагестана» (*Āsār-и Dāgestān*), изданный на средства миллионера Зейн ал-Абидина Тагиева, давшего средства также на издание некоторых других трудов, связанных с азербайджан-

²³ <Malcolm, *History of Persia*, vol. I—II.>

²⁴ <Sykes, *A history of Persia*, vol. I—II.>

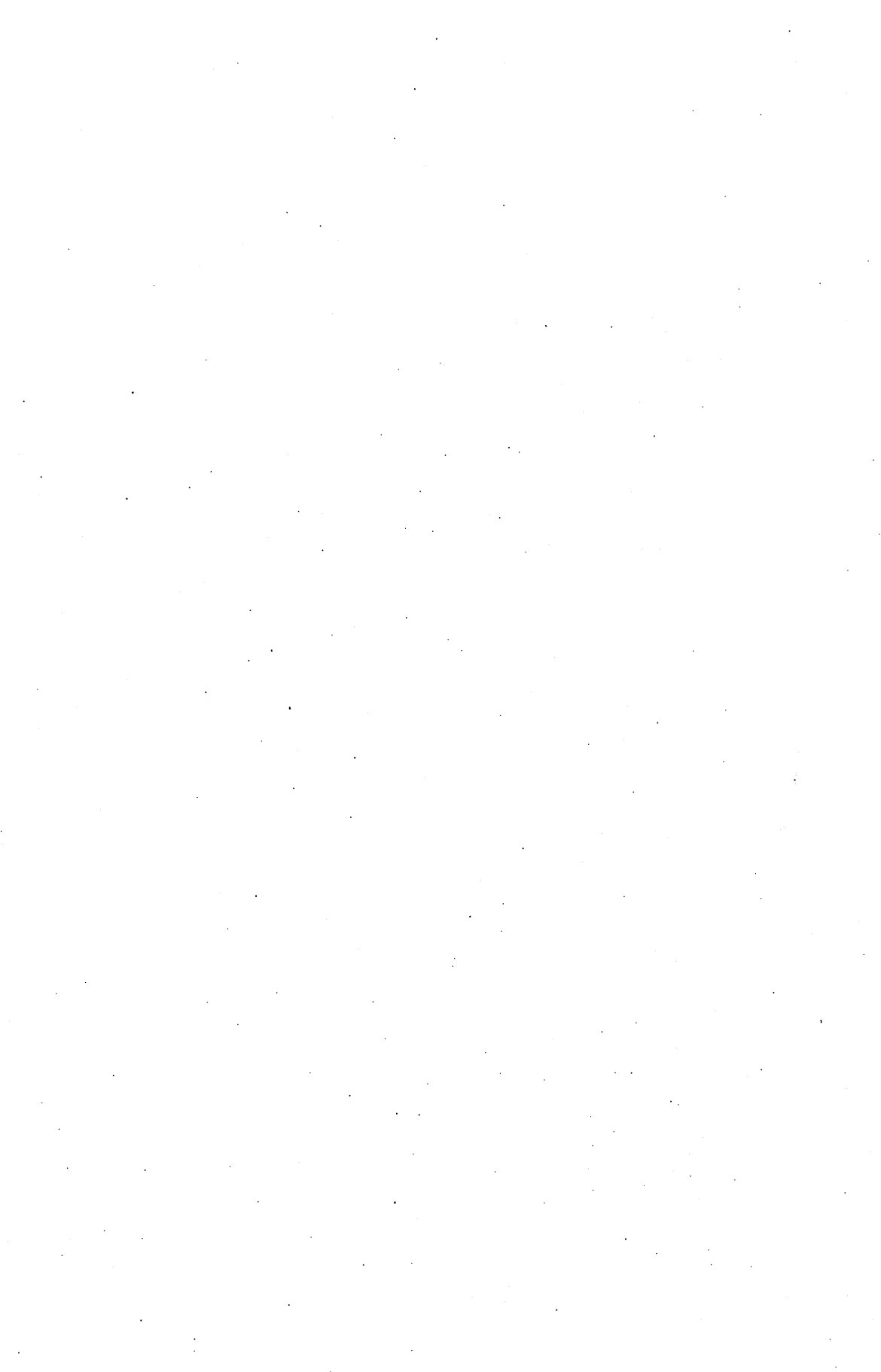
²⁵ <См. Бартольд, ИИРГО, т. LIII, стр. 182—186.>

²⁶ <Работы Козубского опубликованы в ПКДО 1895 г. и «Дагестанском сборнике», 1902 и 1904 гг. См. Козубский, *Опыт библиографий*, I—II; его же, *Материалы*. — Б. С.>

²⁷ Такая библиография ныне печатается под ред. проф. А. В. Багрия. <Напечатана не была. — Б. С.>

ским литературным возрождением: «Полной грамматики азербайджанского языка» и дивана ширванского поэта Сейид-Азима. Не изданы и не переведены труды по истории Карабага мирзы Джемаля, мирзы Ади-Гюзаль бека и Мир Махди Хизани. Газетой «Коммунист» было издано, в качестве приложения, под общим заглавием «Забывшие листы» (*Уну-дулмуш япраклар*) около 30 стихотворений политического характера. Систематически на мусульманском Кавказе еще не ставилась задача, поставленная в Туркестане покойным проф. Н. И. Веселовским и его учеником В. Бартольдом, — собрать и издать рассказы современников-туземцев о русском завоевании и господстве.

СТАТЪИ

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА¹

Если в настоящее время название «Азербайджан» одинаково прилагается к северо-западной провинции Персии и к юго-восточной кавказской республике, то это объясняется одинаковым составом населения обеих областей.

Название «кавказский Азербайджан» вошло в употребление только после революции, но гораздо раньше язык, на котором говорит население кавказского Азербайджана, назывался «азербайджанско-турецким» (или тюркским), причем это название употреблялось как в науке, так и в жизни. Границы распространения этого языка как на севере, так и на западе выходят за пределы Азербайджанской республики. Историк Дагестана мирза Хасан-эфенди ал-Алкадари различает среди турецких наречий этой области азербайджанско-турецкое (*азербайджан тюрки*) в Дербенте и в соседней местности и чагатайско-турецкое (*чагатай тюрки*) кумыков и ногайцев; второе название не совсем удачно (чагатайским, как известно, называется литературный язык Средней Азии, тогда как язык кумыков и ногайцев ближе стоит к киргизскому и другим, т. е., по терминологии Радлова, к западной группе турецких наречий), но правильно установлен факт, что среди турок Дагестана, кроме пришельцев с севера, имеются пришельцы с юга — азербайджанцы.

На западе на азербайджанско-турецком наречии говорит в Армянской республике хотя и меньшинство населения, но очень значительное; граница между районами распространения азербайджанско-турецкого и османского наречий приблизительно совпадает с нынешней политической границей Турции.

Такое этнографическое единство установилось, однако, только со времени тюркизации края. В прежние исторические периоды река Аракс, отделяющая теперь кавказский Азербайджан от персидского, была резкой этнографической границей, отделявшей иранскую Мидию от яфетической, по терминологии Н. Я. Марра, Албании. Нынешний персидский Азербайджан до Александра Македонского составлял нераздельную часть Мидии и не имел особого управления. Во время битвы

¹ <Указания на новую литературу см. выше, в примечаниях к работе *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. — Б. С.*>

при Гавгамеле (331 г.) сатрапом всей Мидии был Атропат; в его войске были и албанцы, может быть в качестве наемников. После Александра Атропату была оставлена, теперь уже в качестве наследственного владения, часть его бывшей провинции, так называемая «малая Мидия», получившая по имени Атропата новое название, передаваемое греками в форме Атропатена, армянами — в форме Атрпатакан, отсюда — Азербайджан. Искать иного объяснения этого слова нет никаких оснований. В частности, нет никаких известий о каком-либо значении Азербайджана, персидского и кавказского, в древности в истории культа огня и религии Зороастра.

Мидия имела большое значение в истории зороастризма, но с преданиями о Зороастре первоначально связывали не западную, а восточную часть Мидии, именно город Рей (к востоку от Тегерана). Азербайджан получил в этом отношении значение только со времени Атропата, как первая иранская область, где произошла политическая и религиозная реакция против греческого завоевания. Храм в тогдашнем главном городе Азербайджана, к юго-востоку от озера Урмии, ныне развалины Тахт-и Сулейман, оставался главной официальной святыней Ирана до конца эпохи Сасанидов. Как часто бывало в Иране, вследствие отсутствия достаточной письменной истории и вследствие широкого развития эпического творчества, исторические события оказали влияние на предания о мифическом прошлом; к Азербайджану, именно к местности около озера Урмии, были приурочены предания о жизни Зороастра. Эта несомненная фальсификация истории вводила в заблуждение и европейских ученых. Еще меньше значения для зороастризма, несмотря на бакинские огни, имела местность около Баку. Даже у мусульманских авторов нет никаких известий о культе огня в этой местности; храм в Сураханах, как известно, был построен только в XVIII в.

Некоторых европейских ученых вводили в заблуждение также известия греков (спутник Александра — Аристобул) и римлян (Плиний, со слов Варрона) о почти сплошном водном торговом пути из Индии до Черного моря, причем товары будто бы перевозились из устья Аму-Дарьи (предполагалось, что она впадает в Каспийское море) в устье Куры и вверх по Куре, оттуда в Рион. Эти известия опровергаются словами спутника Помпея, Феофана Митиленского, переданными у Страбона, что албанцы несколько не заботились о засорении устья Куры, так как им до моря не было дела, и вообще никакого плаванья на Каспийском море не было. Еще более фантастична теория А. П. Чайковского, в последний раз выраженная им в книге «Родина народов арийской расы» (Москва, 1914), о доисторической реке, будто бы протекавшей из Иссык-Куля в Каспийское море и принимавшей в качестве притоков Аму-Дарью и Сыр-Дарью, и о катастрофе на Иссык-Куле как причине гибели Арий. Древние индийские и иранские изве-

стия о «семи реках» относятся к Пенджабу; вообще никаких известий о доиндийском прошлом арийцев веда не сохранили.

В Иссык-Куле подводных развалин, по-видимому, вообще нет; выбрасываемые волнами куски кирпича и т. п. отнюдь не носят на себе следов глубокой древности и являются, вероятно, следами катастрофы гораздо более поздней. Еще в XV, вероятно и в XVI в. на Иссык-Куле был остров и на нем крепость; с тех пор этот остров исчез. Мнение Чайковского не имело никакого успеха в науке; упоминаю о нем только потому, что ему следует С. А. Ковалевский в статье, напечатанной в «Азербайджанском нефтяном хозяйстве» за февраль 1924 г.

Албания до Сасанидов была предметом спора между Ираном и Римом; при Сасанидах она окончательно подчинилась Ирану и вошла вместе с персидским Азербайджаном в состав северного наместничества. Этнографическое различие не было устранено; еще при исламе иранское наречие Азербайджана (*āzerī*) отличалось от арранского языка (*arrānī*), вероятно яфетического. Еще важнее было религиозное различие между зороастрийским Азербайджаном и Албанией, где, как в некоторых других пограничных областях Персии, установилось господство христианства. Христианами были и албанские князья, как князья национальной династии, устраненной в 460-х годах, так и с VII в. представители династии сасанидского происхождения, правившей с конца VI в.

На северной границе Албании Сасанидами во второй половине VI в. были построены укрепления Дербента против турок, образовавших в то время обширную империю, от границ Китая до Персии и Византии. Тем не менее хазары, к которым перешло наследие турецких ханов в Восточной Европе, в 627 г. взяли Дербент и совершили вторжение в Албанию как союзники византийского императора Ираклия в его борьбе с Сасанидами.

В истории этой борьбы, особенно в истории последних действий, области Азербайджана, кавказского и персидского, вообще имели большое значение.

Разрушение сасанидского государства арабами не сразу привело к прочному установлению мусульманской власти. Некоторое время албанские князья платили дань в одно и то же время арабам, византийцам и хазарам; только в начале VIII в. спор за Албанию (у мусульман — Арран) окончательно был решен в пользу ислама. Как религия, христианство еще некоторое время сохраняло господство; еще в конце X в. христиане составляли большинство в Шаберане и в Шекки (Нухе). Подобно Сасанидам, арабы распространили свою власть до Дербента; при халифе Хишаме (724—743) брат халифа Маслама возобновил дербентские укрепления. Насильственного распространения ислама не было, и ни христиане, ни зороастрийцы не подвергались преследованию.

Местопребыванием арабских наместников Армении и Аррана была Берда'а, у Сасанидов Parthav, сделавшаяся главным городом Албанин уже в VI в. вместо прежней столицы албанских князей Кабалы. По отношению к сельскому хозяйству и материальной культуре уже тогда Азербайджан, Армению и Арран объединяли в одну область; когда появились наследственные мусульманские правители, установилось и политическое единство. Это единство относится к арабской династии Саджидов (IX—X вв.) и персидской (происходившей из Гиляна) династии Саларидов (X—XI вв.). Известия арабских географов X в. заставляют полагать, что более значительные города находились в северных областях. Берда'а и Дербент (Тифлис в то время среди городов Кавказа занимал только третье место) были больше Ардебилля, главного города Азербайджана. Процветание северных городов было связано с развитием мореплавания на Каспийском море (Дербент в то время, когда его стены входили в море, имел гавань, защищенную как против бурь, так и против нашествий врага); кроме того, в Берда'а вел торговый путь из Трапезунда сначала через Двин, потом через Ани.

Процветание Берда'а было уничтожено набегом русских в 944 г., от которого город уже не оправлялся; его значение перешло к городу, возникшему только при арабах, — к Гяндже. В X и XI вв. здесь правила курдская династия Шеддаидов, устраненная после сельджукского завоевания султаном Меликшахом (1072—1092), посадившим в Гяндже своего сына Мухаммеда. Впоследствии в Гяндже правили сельджукские эмиры; при одном из них, Кара-Сонкоре, в 533/1138-39 г. произошло землетрясение, при котором, по одному известию, погибло 230 000 человек, по другому — до 300 000; эти цифры, хотя бы они были преувеличены, свидетельствуют о большом значении города. Катастрофой воспользовался грузинский царь Димитрий для разграбления остатков Гянджи, причем им были увезены ворота. По рассказу мусульманского историка, Кара-Сонкор совершил поход на Грузию и привез ворота обратно, но это известие неверно; ворота остались в Гелатском монастыре близ Кутаиса, где на них в XIX в. были разобраны надписи: грузинская, о торжестве царя Димитрия, и более ранняя арабская 455/1063 г. Самый город, по словам того же историка (Имад ад-дина), был восстановлен «во всем своем блеске» уже при Кара-Сонкоре, умершем в 535/1140-41 г.

После распада сельджукской империи, при которой было положено начало тюркизации края, господство в Азербайджане, персидском и кавказском, перешло к турецкой династии атабеков Азербайджана, или Пехлеванидов (по имени первого представителя этой династии ее называют также Ильдегизидами). Столицей их был Тебриз, но этот город, по-видимому, был меньше Гянджи, так как занимал пространство всего в 6000 шагов в окружности.

Отдельное владение составлял Ширван, восточная часть прежней

Албании, под властью ширваншахов, живших в Шемахе. Попытка сельджукских султанов непосредственно подчинить себе Ширван вызвала столкновение с грузинами.

Во второй половине XII в. мы видим союз между ширваншахами и грузинами: грузины оказывали помощь ширваншахам в борьбе с северными врагами. Около 1175 г. ширваншах Ахситан разбил около Баку русский флот из 70 кораблей; потом ширванцы, с помощью грузин, отняли у врагов города Шаберан и Дербент, очевидно перед тем отнятые у мусульман; еще в 1123 г. Дербент был мусульманским городом. Впоследствии он то принадлежал ширваншахам, то имел особого князя. Военное преобладание было безусловно на стороне грузин; грузинские войска свободно подходили к мусульманским городам и брали с них выкуп. Это настолько вошло в привычку населения, что, когда грузины в 1222 г. подошли к городу Байлакану, жители не приняли никаких мер предосторожности, предполагая, что все ограничится уплатой выкупа; но на этот раз грузины напали на город с оружием в руках и истребили его население.

Династия атабеков Азербайджана была устранена в 1225 г. последним представителем династии владетелей Хорезма, хорезмшахов, Желаль ад-дином, бежавшим при завоевании его государства монголами сначала в Индию, потом, после ухода монголов, прибывшим с войском в Персию. В последний год своего господства, в 1231 г., Желаль ад-дин должен был усмирить восстание в Гяндже, где были перебиты все хорезмийцы; тем не менее Желаль ад-дин настолько дорожил богатым городом, что после взятия его ограничился убиением 30 человек, на которых жители указали ему, как на зачинщиков восстания. Больше пострадала Гянджа в 1235 г. при взятии ее монголами; в 1239 г. был взят также Дербент; ни тот, ни другой город уже не вернули себе своего прежнего блеска, хотя Гянджа оставалась главным городом Аррана, как провинции государства, образованного в Персии монголами после взятия Багдада (1258 г.) внуком Чингизхана, Хулагу.

Монгольские ханы облюбовали западную часть персидского Азербайджана. Особенно прославляются постройки в Тебризе Газан-хана (1295—1304), при котором монголы окончательно подчинились влиянию ислама и мусульманской культуры. Тебриз при нем сделался огромным городом, до 25 000 шагов в окружности; им же был построен город Махмудабад (Махмуд — мусульманское имя Газана). В XIV в. воздвигались постройки в Берда'а, Баку и Дербенте; столицей ширваншахов оставалась Шемаха.

Благодаря автору XIV в. Хамдаллаху Казвини мы располагаем подробными сведениями о доходности отдельных провинций; из кавказских областей больше всего поступало от Грузии — 120 туманов, или около 900 000 руб. (туман — 10 000 динаров, динар — серебряная монета

в 3 золотника и потому может быть приравнен к 75 коп.); от Аррана поступало почти в четыре раза меньше (немногим более 30 туманов), от Ширвана — почти втрое меньше, чем от Аррана (11 туманов с небольшим).

Грузия была обширной областью, в состав которой, как прежде в состав грузинского царства, входила и часть Армении с городом Ани. Замечается упадок Дербента, потерявшего в это время всякое значение как морской порт; в XIII в. в состав города входило только пространство между стенами (в X в. он простирался на юг гораздо дальше и занимал такое же пространство в ширину, как в длину); во второй половине XV в. была населена только верхняя часть города, прилегавшая к цитадели и составлявшая всего $\frac{1}{6}$ пространства между стенами. Упадок Дербента, может быть, находился в связи с возвышением Баку как лучшей гавани на Каспийском море, на котором в это время развивается мореплавание; море в это время иногда называется Бакинским. Еще в XIII в. генуэзцы, ради вывоза гилынского шелка, перевели свои суда из Черного моря в Каспийское — единственный пример в истории.

Описание Баку мы впервые находим в XIV в. у Хамдаллаха Казвини¹ и в XV в. у Абд ар-Рашида Бакуви, единственного из мусульманских географов, происходившего из Баку. Хамдаллах Казвини упоминает только о крепости на горе, высоко над городом; по Бакуви, были две крепости, одна на горе, почти совершенно разрушенная, другая на берегу моря, считавшаяся настолько сильной, что даже монголы не могли ее взять. Баку входил в состав Ширвана, достигшего величайшего благосостояния при ширваншахах Халилаллахе (1417—1462) и Фаррух-Ясаре (1462—1501); Халилаллаху принадлежит дворец ширваншахов в Баку и ряд других построек.

Тебриз оставался политическим центром при династиях, сменивших монгольских ханов: джалаирах, туркменах Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу.

На Азербайджан и кавказские области обратил также внимание среднеазиатский завоеватель Тимур. В 1396 г. он образовал для своего сына Мираншаха государство, простиравшееся от Дербента и Баку до Багдада и от Хамадана до Рума (Малой Азии). В 1401 г. им был прорыт канал Барлас (ныне Гяур архи), в 1403 г. восстановлен город Байлакан; в это время из кавказских областей был образован удел для сына Мираншаха (впавшего в немилость), Халиль-Султана, которому не было суждено им воспользоваться, так как он сопровождал Тимура во время его похода на Китай и после его смерти овладел Самаркандом.

Из азербайджанских турок происходили ардебильские шейхи, создатели новой, шиитской Персии, и их военная сила. Шейхи стремились

¹ <Ср. Петрушевский, *Хамдаллах Казвини*, стр. 906, прим. 1, а также выше, стр. 721 прим. 15. — Ю. Б.>

подчинить себе северные области: шейх Джунейд пал в борьбе с призванными ширваншахом туркменами Ак-Коюнлу; только сыну Хайдера Йома'илу, создателю новоперсидского государства, удалось завоевать Ширван и Дербент.

Новая история мусульманского мира отличается от средневековой образованием нескольких мусульманских великих держав, тогда как в средние века государства, большей частью небольшие, возникали и падали вместе с той или другой династией.

Азербайджан и кавказские области несколько раз были предметами борьбы между двумя великими державами, суннитской Турцией и шиитской Персией.

Временем наибольших успехов турок была вторая половина XVI в. Смутами, наступившими в Персии после смерти шаха Тахмаспа, воспользовался султан Мурад III для завоевания, с 1578 г., ряда городов, сперва на севере, потом на юге, в персидском Азербайджане. Перечисляются 8 городов, взятых турками в 1578 г.: Ареш, Шемаха, Кабала, Баку, Шаберан, Дербент, Махмудабад, Сальян; из этого, между прочим, видно, что Шаберан тогда еще не уступил своего значения Кубе.

Ширванское наместничество было разделено турками на 14 санджаков, дербентское — на 7. Завоеванные турками области Кавказа и персидский Азербайджан были формально уступлены им персами по мирному договору 1590 г. Обладание берегом Каспийского моря было важно для турок, между прочим, потому, что таким образом устанавливались непосредственные, помимо Персии, сношения с ханами Туркестана; туркестанцы могли совершать паломничество в Мекку через Мангышлак и Ширван, не проезжая через персидские владения. Но господство турок здесь продолжалось недолго; в 1603 г. шах Аббас возобновил военные действия и постепенно отнял у турок все их завоевания: главные его успехи (взятие Гянджи, Баку и Дербента) относятся к 1606 г. Везде им воздвигались постройки, Гянджа была перенесена им на новое место, несколько выше по течению речки; в Баку им в последний раз были отстроены стены; в Дербенте также были возобновлены стены; среди моря была построена высокая каменная башня и соединена со стенами, построенными на суше, не для цели судоходства, но для фискальных целей, чтобы караваны не могли обходить город по мелководному, в данном месте, морю и уклоняться от уплаты пошлин. Ни этой башни, ни стен, входивших в море, уже не было во время путешествия Олеария (1638 г.). Из рассказа Олеария видно, что в это время к отдельным кавказским и азербайджанским городам еще приурочивались туркменские национальные предания, впоследствии забытые. Около Дербента показывали могилу «имама» Коркута (кроме Олеария, об этом говорит также османский путешественник Эвлия Челеби), патриарха, хранителя народной мудрости, с именем которого связан цикл преданий, известных под названием *Китāб-и Деде Коркут*,

сохранившийся только в одной (дрезденской) рукописи и недавно изданный в Турции. В Урмии показывали могилу жены Казан-бека, главного героя того же цикла, Бюрле-хатун, имя которой нигде, кроме Олеария и *Китāб-и Деде Коркут*, не встречается.

К концу XVI и началу XVII в. относятся первые русские попытки утвердиться в Дагестане, настолько слабые, что они могли быть отражены местными силами, без участия войск великих держав. Иной результат имел поход Петра Великого в 1722 г., во время смут в Персии; по Петербургскому договору 1723 г. России было уступлено все побережье Каспийского моря, как западное, так и южное до Астрабада включительно. Договор не был приведен в исполнение, и дальше Гиляна русские владения фактически не простирались, хотя русские притязания были признаны Турцией; со своей стороны, Петр, ради сохранения береговой полосы, отказался в пользу турок от всех других областей Кавказа, и в Ширване Шемаха была присоединена к Турции, Баку — к России. По договору между Россией и Турцией каждая из двух держав обязалась помогать другой осуществить все свои притязания. Тем не менее новому властителю Персии, Надир-шаху, удалось вернуть Персии все ее прежние владения, причем Россия уступила ему свои завоевания добровольно, а у Турции ее завоевания были отняты силой.

Надир-шах оставил след на Кавказе оросительными работами в Муганской степи; с другой стороны, ему приписывается окончательное разрушение Берда'а.

В конце XVIII и начале XIX в. возобновилось русское наступление, закончившееся Туркманчайским договором 1828 г. Больше всего русские стремились к установлению своего господства на Каспийском море; на этом основывались и доводы о необходимости бакинской гавани для российского купеческого мореходства. Никаких более широких завоевательных планов, в духе апокрифического завещания Петра Великого, не было.

О жизни Кавказа под русским владычеством мне не хотелось бы говорить, чтобы не вдаваться в область политики.

Неблагоприятным для нынешнего кавказского Азербайджана был факт исключительного значения Тифлиса как единственного центра умственной жизни на Кавказе, тогда как, например, в Туркестане культурные учреждения (особенно музеи) кроме Ташкента возникали также в Асхабаде (Полторацке) и Самарканде. Учреждение университета в Тифлисе было предрешено уже в 1917 г., об учреждении университетов в других городах не было речи; высказывалось даже мнение, что учреждение университета в Ташкенте должно быть отложено; так как в Тифлисе университет более необходим, а на два таких университета русских научных сил не хватит.

Торговое значение прикаспийского района сильно увеличилось в то время, когда сношения со Средней Азией поддерживались только

через Каспийское море; открытие железной дороги Оренбург—Ташкент дало этим сношениям другое направление. В настоящее время остается еще не разрешенным вопрос о рельсовом пути из Европы в Индию. Еще в XVIII в. русская торговля стремилась проложить себе путь в Индию как через Кавказ и Персию, так и через Туркестан. Вопрос о том, какое направление будет дано европейско-индийскому рельсовому пути, будет иметь большое значение для благосостояния соответствующих областей; но при современных условиях этот вопрос едва ли будет разрешен в близком будущем.

МОГИЛА ПОЭТА НИЗАМИ

В дополнение к статье В. А. Жуковского о могиле Фирдоуси (ЗВОРАО, т. VI, стр. 308—314) мне хотелось обратить внимание на могилу другого персидского поэта, умершего в начале XIII в. н. э., Низами, которого знаток персидской поэзии Эте¹, может быть с некоторым преувеличением, называет «вторым по значению классиком» персидской литературы. Низами жил и был похоронен в местности, которая со времени Гюлистанского договора 1813 г. пользуется всеми благами русского управления, но могила его, как видно по прилагаемым изображениям, находится почти в таком же жалком состоянии, как могила певца Рустема.

Первое изображение воспроизводит фотографию, любезно доставленную мне директором Кавказского музея в Тифлисе А. Н. Казнаковым². По сообщению А. Н. Казнакова, эти развалины носят название Ших-Низами и находятся в 4 верстах от города Елисаветполя³, у старой почтовой дороги, ведущей к станции Даль-Маметлы.

Второе изображение заимствовано из брошюры (20 стр., 16°) на азербайджанском языке (شيخ نظامی), также полученной мною от А. Н. Казнакова. Автор брошюры — Мирза Мухаммед Ахундов; брошюра составлена по европейским пособиям (автор ссылается на «Историю ислама» А. Мюллера, вышедшую в русском переводе под редакцией Н. А. Медникова, и на «Всеобщую историю литературы» Шерра) и издана в Гяндже (Елисаветполе) в 1909 г.

По этой брошюре, здание находится «в старом городе, в 7 верстах от современного города». По поводу жалкого состояния могилы автор противопоставляет Европе, где так высоко ценятся заслуги ученых людей, мусульманские страны; по его словам, «могилы поэтов ислама, как Са'ди, Хафиз⁴, Фузули, Хакани, Каани и друг., разрушены, поправлять их никому даже в голову не приходит». Весь доход

¹ Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 241.

² <Фотографии, о которых идет речь (см. ЗВОРАО, т. XXI, стр. 034 и 035), не воспроизводятся здесь ввиду их плохого качества.>

³ <Ранее — Гянджа, ныне город Кировабад Азербайджанской ССР.>

⁴ Автору, очевидно, ничего не известно о действительном состоянии могил Са'ди и Хафиза в Ширазе (ср. Жуковский, *Могила Фирдоуси*, стр. 313).

от продажи брошюры предназначен на восстановление мавзолея Низами.

В персидской литературе говорится только в общих словах о погребении Низами в Гяндже⁵; сведений о том, каков был внешний вид мавзолея, кем он был выстроен и т. п., мне не приходилось встречать. Мне известны только следующие сочинения, где упоминается о мавзолее:

1) Искендер Мунши, автор *Та'рих-и 'аламāр-и 'Аббāsī*⁶, говорит, что войско шаха Аббаса в феврале 1606 г. подошло к Гяндже; лагерь шаха был раскинут у мавзолея (*نرت*) шейха Низами; здесь же в субботу 15 зу-л-ка'да 1014 г. х. (25 марта 1606 г.) произошло празднование науруза.

2) Шах Насир ад-дин после своего первого путешествия в Европу (1873 г.) видел на пути из Елисаветполя на родину мавзолеей шейха Низами, выстроенный из жженого кирпича, но находившийся уже тогда в очень жалком состоянии⁷.

⁵ Напр., у Даулетшаха, изд. Броуна, 131.

⁶ Искендер Мунши, 498 и сл.

⁷ Насир ад-дин-шах Каджар, 167. <Могилы Низами была обследована в 1925 г. Дж. Александровичем, который пришел к выводу, что существовавший в это время мавзолеей — позднего происхождения, а от первоначального памятника не осталось следа. К 1932 г. от этого позднего мавзолея оставались уже только фундамент и несколько рядов кирпичной кладки стен. В 1940 г. в связи с предполагавшейся постройкой нового памятника на месте мавзолея были произведены раскопки, подтвердившие мнение Александровича о позднем происхождении мавзолея, о котором писал В. В. Бартольд. См.: Александрович, *Ганджа* (приложен план и разрез мавзолея); Щерблякин, *К истории*; его же, *Памятники*, стр. 49—50; Алескер-заде, *Надписи*, стр. 380 и табл. 97, рис. 2. — Ю. Б.>

К ИСТОРИИ ДЕРБЕНТА

В. В. Бартольд прочитал сообщение «К истории Дербента»¹

Докладчик представил краткий исторический обзор тех длинных стен и валов, которыми культурные народы на всем пространстве от Великого до Атлантического океана хотели защитить себя от нашествия северных варваров, начиная с так называемой мидийской стены в Вавилонии, описанной Ксенофонтом и приписываемой Навуходоносору (VI в. до н. э.), до возобновления китайской стены при династии Мин (1368—1644 гг. н. э.). При исследовании остатков этих сооружений и при оценке их влияния на ход исторических событий, как и при оценке других вещественных следов крупных культурно-исторических фактов, историки нередко приходили к ошибочным выводам вследствие недостаточного знакомства с письменными источниками или вследствие недостаточно критического отношения к ним. Столь же ошибочные мнения высказывались о дербентских укреплениях, воздвигнутых Сасанидами в V и в VI вв. н. э., может быть не без влияния римской техники. В 1842 г. И. Н. Березин² на том основании, что купавшимися в море ошупывалось продолжение стен, оканчивавшихся на берегу, пришел к выводу, что море занимает теперь более значительное пространство, чем в прежние века. К противоположному выводу пришел в 1853 г. Н. В. Ханыков³, сопоставляя свидетельство персидского переводчика Истахри, по которому стены входили в море на шесть выступов (бурджей), с изображением Дербента у Олеария, где в воде находятся только три выступа, с официальным планом 1847 г., на котором стены еще изображены входящими в море, и с состоянием стен в его время, когда они оканчивались уже на берегу. Из этих данных им был сделан вывод, что море с X в. до 1638 г. отошло от берега на 214½ сажен, с 1638 до 1847 г. — на 15½ сажен, с 1847 до 1852 г. — на 29½ сажен,

---

¹ <См. также: Бартольд, *Новое известие о стенах Дербента* (ниже, стр. 788); его же, *Место прикаспийских областей* (выше, стр. 756—757); Barthold, *Derbend*. Ныне о Дербенте и его стенах см.: Артамонов, *Древний Дербент*; Тревер, *Кавказская Албания*, стр. 274—287. — Б. С.>

² <Путешествие, стр. 20.>

³ <О перемежающихся изменениях, стр. 499 и сл.>

причем уровень моря по вертикальной мере понизился за эти пять лет почти на четыре фута. Несмотря на крайнюю невероятность этих выводов, особенно последнего, они до настоящего времени не вызвали возражений даже со стороны натуралистов. Взгляды Ханыкова могли бы быть приняты только в том случае, если бы ему удалось доказать, что Олеарий в 1638 г. видел те же стены, о которых говорил в X в. Истахри, и что составители плана 1847 г. вносили на свой план только то, что могли видеть сами, не пользуясь рассказами о подводных остатках сооружения. Между тем то и другое безусловно опровергается свидетельством письменных источников. Рассказ Искендера Мунши⁴ о сооружениях, воздвигнутых в Дербенте шахом Аббасом Великим после восстановления персидского владычества, т. е. после 1606 г., показывает, что стены, вдававшиеся в море при Олеарии, были построены только в начале XVII в. и что только при возведении их наткнулись на подводные остатки более древних стен, давно разрушенных, по всей вероятности, волнами. Стены XVII в. также были скоро разрушены морем: Казем-Бек, покинувший Дербент в 1821 г., свидетельствует, что уже в начале XIX в. в море можно было проследить только развалины стен до расстояния в 50 ярдов (более 20 сажен) от берега; на его памяти еще виднелись некоторые камни над поверхностью моря, но потом эти камни были взяты жителями для своих построек⁵; уже при Эйхвальде⁶ между стенами и морем оставался свободный проход. Докладчик закончил свое сообщение указанием на необходимость, в связи с подробным осмотром местности, подвергнуть критическому исследованию арабские известия о стенах, вдававшихся в море и окружавших гавань. Судя по словам арабских географов, эти стены представляли другой тип постройки, чем стены, сохранившиеся теперь на берегу; последние возведены из плит тесаного камня, сложенных без всякого цемента и державшихся только своею тяжестью, тогда как арабы говорят о стенах, построенных из камня и свинца; по словам Макдиси⁷, свинец служил вместо цемента. Дербент был при арабах главным торговым пунктом на Каспийском море и по числу населения превосходил Тифлис; из всех городов на Каспийском море только Дербент обладал гаванью, одинаково безопасной от морских бурь и от нападений внешнего врага; этим объясняется, что опустошительные набеги, произведенные в X в. русскими, совершенно не коснулись Дербента. Сами арабы отмечают сходство дербентских сооружений с сооружениями финикийских гаваней, особенно Тира.

⁴ Искендер Мунши, 516.

⁵ *Дербенд-наме*, 96.

⁶ Eichwald, *Reise*, S. 123.

⁷ Макдиси, 380, 12.

НОВОЕ ИЗВЕСТИЕ О СТЕНАХ ДЕРБЕНТА

В. В. Бартольд прочитал сообщение: «Новое известие о стенах Дербента»¹

Докладчик обратил внимание на рассказ историка V в. х. (XI в. н. э.) Хилала ас-Саби о событии, совершившемся в Дербенте в начале IV в. х. (в первой половине X в. н. э.) при везире Абу-л-Хасане Ибн ал-Фурате и азербайджанском наместнике Юсуфе ибн Дивдаде². Рассказ передается со слов чиновника Ибн Хамдуна, находившегося в то время при Юсуфе. По этому рассказу, в то время обрушился мол, составлявший продолжение стен города, вдававшийся в море на 600 локтей и защищавший гавань от нападений хазар; при этом характер постройки стен описывается в следующих словах: «Ворота из железа, стена из симметрично расположенных камней, в каждом камне два отверстия по железной палке, облитой свинцом. Таким образом построен и мол, вдающийся в море». Когда Юсуф прибыл в Дербент и осмотрел место катастрофы, стоимость восстановления мола была определена в 60 000 динаров. Везир Ибн ал-Фурат сообщил Юсуфу рассказ, вычитанный им из книг, по которому Хосрой Ануширван при постройке мола заготовил также, на случай несчастья, материал для его возобновления; этот материал, действительно, был найден в земле недалеко от мола и состоял из «тесаных камней с отверстиями, вполне обделанных железных палок, свинца и всего остального, что было нужно». Вследствие этого постройка не потребовала никаких издержек, кроме платы рабочим.

Не придавая большого значения фактической стороне рассказа о разрушении и возобновлении мола, докладчик указал на интерес, который представляют слова историка о способе постройки. Все арабские источники, бывшие известными до сих пор, упоминают только о постройке стен Дербента из «камня и свинца», причем характер распределения этих материалов указан только у Макдиси, по словам которого стена «была построена из камня, причем вместо цемента служил свинец»³.

---

¹ <См. также выше, стр. 786 и сл.>

² Хилаль ас-Саби, *Вузари*, 217 и сл.

³ Макдиси, 390, 12.

КАВКАЗ, ТУРКЕСТАН, ВОЛГА¹

Заглавие настоящей статьи может вызвать предположение, что она посвящена вопросам о древнейших культурных связях и о передвижениях народов из Европы в Азию или из Азии в Европу. Эти вопросы, однако, не входят в круг компетенции автора, их решению скорее могут способствовать труды натуралиста и лингвиста, чем труды историка; только косвенно, при условии осторожного применения метода суждений по аналогии, изучение периодов, освещенных светом истории, может способствовать изучению вопросов, связанных с доисторической жизнью тех же стран.

Содержание истории преимущественно определяется международным культурным общением, перенесением начал культуры из одной страны в другую. История Передней Азии в древности и в средние века есть по преимуществу история постепенного подчинения различных стран влиянию древнейшего культурного центра, Месопотамии, и только во вторую половину средних веков в Сирии к западу, в Иране к востоку появляются города, превосходившие по величине и богатству города Месопотамии².

Распространению культуры, помимо мирных торговых сношений, содействовало политическое могущество некоторых держав, из которых персидская держава Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) была первой мировой империей. В состав этой империи вошли страны, населенные иранцами, до современного Туркестана включительно; есть известие, что на севере границей империи Ахеменидов был Кавказский хребет; но ясных известий о покорении персами прикавказских народностей нет; об иверях в I в. до н. э. говорится даже, что они до тех пор не подчинялись никаким иноземным завоевателям, не исключая персов. Восточные соседи иверов, албанцы, принимали участие в битве при Гавгамеле (331 г. до н. э.) в войске мидийского сатрапа, но, может быть, только в качестве союзников или наемников, а не в качестве

¹ <Ряд вопросов, затронутых в этой статье, подробнее разбирается в работе *Место прикаспийских областей* (см. выше, стр. 649 и сл. — Б. С.)>

² <В этом месте, как и в ряде других работ, В. В. Бартольд дает ошибочное определение содержания истории как науки и преувеличивает значение культурных влияний и торговли для развития той или иной страны. Критику этого положения Бартольда см. Якубовский, *Проблема*. — Б. С.>

подданных персидского царя. Аракс, отделявший Албанию от Мидии, был в то время и еще долго спустя резкой этнографической границей; к югу жили иранцы-мидяне, к северу — яфетиды-албанцы. Очень вероятно, что Мидия до прибытия иранцев была населена теми же яфетидами, и тогда между областями к югу и к северу от Аракса было такое же этнографическое единство, как теперь, после отуречения Азербайджана и областей к северу от него; но при Ахеменидах такого единства не было³. Существовало также различие по уровню культурного развития между черноморским Кавказом, с его греческими колониями, и прикаспийскими областями, на которые персы не обращали никакого внимания; даже южное побережье Каспия не было тогда иранским по языку населения, частью даже, как видно из рассказов о действиях Александра, не подчинялось персидской власти. Несомненно, что в то время Туркестан, несмотря на большее географическое расстояние, теснее примыкал к переднеазиатской культуре, чем восточные области Кавказа, хотя еще при Александре бактрийцы и согдийцы в культурном отношении значительно уступали персам и мидянам.

Дальнейшим культурным успехам Туркестана содействовали походы Александра, после которых значительно усилились торговые сношения с Индией. С III в. до н. э. надолго прекратилась политическая связь Туркестана с западными областями Ирана, но культурные связи, конечно, остались, хотя, может быть, временно ослабели. Со II в. до н. э. через Среднюю Азию проходил караванный путь из Китая на запад, служивший потом преимущественно для торговли шелком, до насаждения шелководства в Персии и Византии, и оставшийся и впоследствии одним из главных путей мировой торговли, до установления господства европейцев над морями.

Области Восточного Кавказа были прочно присоединены к культурному миру только благодаря Римской империи (в I в. до н. э.) и христианству. Географу Римской империи мы обязаны первым ясным известием (во II в. н. э.) о Волге; очевидно, тогда получил большую известность существовавший, несомненно, гораздо раньше караванный путь из Южной России на восток. Что помимо путей торговли шелком, упоминаемых китайцами, был еще другой путь, оканчивавшийся в пределах России; доказывается славянским словом *шелк*, которое не может происходить от греческого *σινδών*, хотя возможно, что и греческое и славянское слово происходят от одного и того же восточного слова. Но исходным пунктом торгового пути в Поволжье и дальше к востоку в то время было, по всей вероятности, северное побережье Черного моря, особенно города Крыма, а не западный берег Каспия.

³ <Новое толкование палеоэтнографии этих территорий см. *История Азербайджана*, т. 1, стр. 27 и сл. См. также И. Дьяконов, *История Мидии*, стр. 82 и сл. — Б. С.>

Восточный Кавказ принадлежал к числу областей, где Рим не мог удержать свою власть и должен был уступить место своим восточным соперникам, властителям Ирана, могущество которого было вполне восстановлено при династии Сасанидов (III—VII вв.). Подобно Риму, Сасаниды считали себя владыками мира; пути мировой торговли в гораздо большей степени были в их руках, чем в руках римлян; ими велась вся торговля с Индией и Китаем, на суше и на море. При Сасанидах было подготовлено совершившееся уже в эпоху ислама возвращение восточным народностям культурного первенства, перед этим в течение нескольких веков принадлежавшего грекам. Таким же образом был подготовлен экономический и культурный расцвет Восточного Кавказа, также характерный для мусульманского периода. Кавказская граница имела для Сасанидов большое военное значение и была предметом напряженного внимания, в особенности со времени образования в VI в. обширной турецкой империи⁴ от границ Китая до Южной России, остатком которой было с VII в. хазарское царство с центром в то время в северной части Дагестана. О значении этой границы для сасанидской Персии свидетельствует до сих пор такая постройка, как дербентские стены. Однако и в это время мы не видим ни этнографического, ни культурного объединения восточнокавказских областей с Ираном. Азербайджан был одним из очагов персидской национальной религии, зороастризма; в нем находилась главная государственная святыня Северной Персии; с другой стороны, в Албании отделение от Рима не помешало утвердиться христианству, вообще оказавшемуся в это время более могущественным культурным фактором, чем политическое могущество Римской империи. Несмотря на неудачи Рима в борьбе с Персией, христианство удержало свои позиции в государстве Сасанидов, приобрело новые и пользовалось для своих целей находившимися в руках персов путями мировой торговли; по этим путям христианские миссионеры проникли в глубь Средней Азии и в Китай⁵.

Так продолжалось и в первые века ислама, и в это время с успехом распространяли свою религию за пределами халифата не столько мусульманские, сколько христианские и еврейские подданные халифов. На берег Волги христианство и еврейство (известно, что хазарский каган принял еврейскую веру), несомненно, было принесено из областей Восточного Кавказа⁶. Несмотря на первоначальные военные успехи арабов в северной части Дагестана, заставившие хазарских каганов перенести свое местопребывание к устью Волги, пограничным местом

⁴ <Т. е. древнетюркского каганата. — Б. С.>

⁵ <Ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане.*>

⁶ <С. П. Толстов высказал предположение, что христианство и иудейство проникли к хазарам не с Кавказа, а из Хорезма (см. Толстов, *Новогодний праздник; его же, Хорезмийская генеалогия*). Эта гипотеза, однако, вызвала резкую критику со стороны М. И. Артамонова (см. Артамонов, *История хазар*, стр. 283—287). — Б. С.>

халифата, как прежде сасанидской империи, оставался Дербент, имевший в то время безопасную гавань, защищенную каменным молом, и превосходивший по величине Тифлис. Арабские географы X в. говорят об Азербайджане, Армении (с Тифлисом, в то время мусульманским городом) и Арране (древней Албании) как о трех областях, составлявших в экономическом (большею частью и в политическом) отношении одно целое и представлявших одну из самых цветущих частей мусульманского мира; притом главные города находились не на юге, а на севере; Берда'а и Дербент были больше Ардебиля, в то время главного города Азербайджана. Упоминается и об эксплуатации нефтяных богатств Баку (для домусульманской эпохи об этом известий нет). Вообще в то время, в противоположность древности, прикаспийская часть Кавказа в культурном отношении стояла гораздо выше черноморской.

Тем более удивительно, что культурная жизнь Поволжья находилась в то время в гораздо большей степени под влиянием Туркестана, чем под влиянием Кавказа, хотя расстояние до Дербента было ближе и хотя у Дербента хазарское царство непосредственно граничило с халифатом, тогда как на пути из пограничной культурной области Туркестана, Хорезма, в хазарское царство надо было проходить через владения кочевников, не подчинявшихся ни хазарским, ни мусульманским властителям. Тем не менее хорезмийцы принимали участие в жизни хазарского царства еще до окончательного утверждения в Хорезме ислама; в VIII в. один из хорезмийцев был предводителем хазарского войска во время опустошительного набега на Дербент и кавказские области. Впоследствии хорезмийцы-мусульмане составляли гвардию хазарского кагана. В то же время хазары сохраняли сношения с Византией, с которой их владения граничили в Крыму, и в IX в. византийские мастера построили для них крепость на Дону, там, где он ближе всего подходит к Волге. В X в. с такой же просьбой о постройке крепости обратились к халифу болгары на среднем течении Волги, куда ислам был принесен хорезмийцами. Сношения между халифом и болгарам велись через Хорезм, и посольство халифа проехало к болгарам кружным путем на восток до Бухары и Хорезма и оттуда на северо-запад к берегам Волги, хотя гораздо ближе было бы ехать через Кавказ.

Несмотря на присутствие в стране хазар хорезмийской гвардии, обеспечившей за собой право во время войн с мусульманами сохранять нейтралитет, между хазарами и мусульманами большею частью были враждебные отношения. Мусульмане располагали на Кавказе, особенно в Дербенте, большими военными силами; тем не менее, политика на кавказской границе оставалась и при мусульманах, как при Сасанидах, исключительно оборонительной. По словам арабского автора Мас'уди, у хазар не было флота и их набеги совершались исключительно на суше; но есть другое известие, что дербентский мол, защищавший гавань,

предназначался и против хазарских судов, под которыми надо понимать, вероятно, суда русских, в союзе с хазарами или, по крайней мере, с их согласия совершавших набеги на прикаспийские области халифата. Впечатление от русских набегов было тем сильнее, что это был первый случай появления на Каспийском море военных судов. Самый тяжелый удар был нанесен мусульманам около 945 г., когда русскими был совершенно разрушен главный город мусульманского Кавказа, Берда'а⁷. При таких условиях трудно сказать, насколько кавказские мусульмане принимали участие в тех мирных торговых сношениях, благодаря которым хазарская столица при устье Волги, Итиль, сделалась большим торговым центром, где постоянно жило много мусульманских купцов. Какое значение имел в то время торговый путь через Волгу, видно из самого факта возникновения большого торгового центра в стране, которая, по словам арабов, сама ничего не производила.

В 965 г. русским показалось более выгодным, вместо того чтобы пользоваться путем через государство хазар для набегов на мусульманские области, нанести удар самому хазарскому царству и завоевать Итиль. Известно, что походу Святослава в русской летописи посвящено всего несколько строк, не дающих представления о действительных размерах разгрома. Только благодаря арабскому современнику похода, Ибн Хаукалю, мы знаем, что русскими было завоевано все хазарское царство, до северных областей Дагестана включительно; население бежало в мусульманские пределы, причем русские их не преследовали и на этот раз не трогали мусульманских областей. Сами беглецы не ожидали и не просили помощи у кавказских мусульман; когда казалось, что русская власть в нижнем Поволжье утверждена прочно, они начали вести переговоры, чтобы получить возможность вернуться на родину и жить там под властью русских.

Очень вероятно, что Святослав действительно был намерен покинуть Киев и остаться в Итиле, как он впоследствии, после завоевания дунайской Болгарии, хотел остаться в Переяславце на Дунае. Известно, что Святослав отправился на Балканский полуостров по желанию византийцев, приславших к нему посла с просьбой о помощи против болгар, когда он еще был в хазарском государстве. Потерпел ли он там какую-либо неудачу, не видно ни из русской летописи, ни из слов Ибн Хаукаля. По другому мусульманскому источнику, близкому по времени, но отдаленному географически, — по багдадской летописи, хазары просили в то время помощи у хорезмийцев; те согласились, но поставили условием, чтобы хазары приняли ислам; хазары, за исключением только царя, сделались мусульманами и с помощью хорезмийцев избавились от своих врагов. Подробности этого рассказа возбуждают боль-

⁷ <Ср. Бартольд, *Арабские известия о русах* (ниже, стр. 844 и сл.) и Якубовский, *Ибн-Мискавейх*. — Б. С.>

шие сомнения; известие о принятии хазарами ислама не подтверждается никакими другими источниками; государственной религией хазар оставалось и впоследствии иудейство; ревнителями иудейства выступают хазары и в русской легенде об испытании веры при Владимире. Все-таки не невозможно, что Святослав покинул Поволжье не только под влиянием приглашения, полученного из Византии, но и под влиянием некоторого военного давления со стороны Хорезма.

После разгрома Святославом хазарского царства при устье Волги уже не было такого значительного торгового города, каким прежде был Итиль. Падение хазарского царства принесло больше всего выгоды волжским болгарам, но их власть не распространялась до устья Волги. В XII в. и в начале XIII в. упоминается город Саксин, может быть на месте прежнего Итиля (вопрос о точном местоположении Саксина еще остается спорным)⁸, но он не имел такого торгового значения; во время нашествия монголов Саксин был разрушен и после этого больше не восстанавливался. Местность к юго-западу от устья Волги находилась в руках нескольких народностей — алан, кипчаков и других; они продолжали совершать набеги на мусульманские области, причем эти набеги иногда принимали характер завоевательных походов; в XII в. мусульмане на некоторое время лишились Дербента и даже некоторых областей к югу от него. В этих войнах принимали участие и русские; около 1175 г. говорится о поражении русского флота близ Баку. С другой стороны, Хорезм по-прежнему не подвергался никаким нападениям с запада и достиг в XII в. и в начале XIII в. высшей степени политического могущества и экономического благосостояния. Владения хорезмшахов доходили на Мангышлаке до Каспийского моря; в столицу Хорезма, Гургандж (потом Ургенч, ныне Куны-Ургенч), приезжали купцы из различных стран, в том числе русские.

После монгольского нашествия низовья Волги сделались центром Золотоордынского ханства, в состав которого вошли и Хорезм, и области Кавказа к северу от Дербентского прохода, причем ханам Золотой Орды несколько раз удавалось распространить свою власть дальше к югу, до персидского Азербайджана включительно. Из-за этих областей часто происходили войны между Золотой Ордой и монгольским государством, образовавшимся в Персии; может быть, потому Дербентский проход в то время не имел большого торгового значения и упоминается сравнительно редко. Гораздо больше говорится в источниках о торговом пути из Южной России в Китай, пути, которым в то время пользовались и западные европейцы. Вместе со столицей Золотой Орды, Сараем на Ахтубе, столица Хорезма, Ургенч, была одним из главных торговых городов на этом пути. Можно ли говорить об общей культуре Золотоордынского ханства, остается спорным; по-видимому, в каждом

⁸ <См. выше, стр. 706.>

крупном городе, от Ургенча до Старого Крыма, была своя жизнь и свои культурные традиции, отражавшиеся на типе монет, на типе построек и т. п. Больше всего влияния на другие области мог оказывать Хорезм, как область с наиболее древней культурой. Торговому значению Хорезма мог содействовать также факт, что Аму-Дарья в XIII и XIV вв. вновь проложила себе путь к Каспийскому морю⁹. Торговые сношения на Каспийском море в то время были гораздо оживленнее, чем прежде; этим воспользовались и города южного побережья, и Баку, и построенная в XIV в., первоначально может быть на месте Итиля, Астрахань (перенесенная на нынешнее место только после разрушения старой Астрахани Тимуром). Вследствие перемещения главных торговых путей Астрахань не могла иметь для мировой торговли такого значения, какое имел Итиль, но все-таки здесь после завоевания Поволжья русскими долгое время сосредоточивались сношения России как с Кавказом и Персией, так и с Туркестаном.

События конца XIV в. и последующего времени были благоприятны для Кавказа и неблагоприятны для Поволжья и Хорезма. Вследствие упорных войн между Тимуром и золотоордынским ханом Тохтамышем Поволжье и Хорезм испытали только разрушительную силу нашествий Тимура, от которых уже не могли оправиться, тогда как в восточнокавказских областях Тимур явился освободителем от владычества ханов Золотой Орды и после окончания военных действий принял меры для восстановления благосостояния; им, между прочим, был проведен большой канал в Муганской степи. После окончательного падения Золотой Орды выходцы из нее, узбеки¹⁰, двинулись на Туркестан и Хорезм; под владычеством узбеков значительно понизились экономическое благосостояние и культурный уровень Средней Азии; особенно пострадал Хорезм, где долгое время не было никакой центральной власти и поборы отдельных членов ханского рода исключали всякую возможность правильной торговли. Туркестан при узбеках сделался почти недоступным для европейцев, тогда как Персия в ту же эпоху, при династии Сефевидов, привлекала к себе европейцев еще в большей степени, чем прежде. Для русских купцов торговля с Персией через Шемаху также имела больше значения, чем торговля с Туркестаном, несмотря на отдельные попытки проложить через Туркестан торговый путь в Индию. К завоевательным целям Россия после занятия северного берега Каспия сначала не стремилась; разграбление Ургенча яицкими казаками в 1603 г. было исключительным фактом, не имевшим никаких последствий. Когда при Петре Великом было положено начало более широкой завоевательной программе, то обстоятель-

⁹ <См. об этом выше, стр. 155—156 и прим. 9, 725—727.>

¹⁰ <Узбекские племена, завоевавшие Среднюю Азию в конце XV — начале XVI в., перед этим обитали, очевидно, главным образом в Ак-Орде (улусе сына Джучи Шибана), а не в Золотой Орде. — Ю. Б.>

ства показали, что в сторону Кавказа завоевания могут быть осуществлены легче, чем в сторону Туркестана. На западном берегу Каспия завоевательные цели России были окончательно достигнуты уже в 1813 г., тогда как на восточной стороне, в Туркмении, военные действия прекратились только в 1881 г. Но и в XIX в. Поволжье в своей культурной жизни было теснее связано с Туркестаном, чем с Кавказом. Еще в первой половине XIX в., отчасти и позднее, на жизнь поволжских мусульман оказывал влияние такой центр мусульманской учености, как Бухара; со второй половины XIX в. поволжские мусульмане, по мере принятия русской и европейской культуры, все более выступали в роли просветителей своих туркестанских единоверцев.

Кавказ в своей культурной жизни в то время более примыкал к бассейну Черного моря, чем к Поволжью; кавказские мусульмане, азербайджанцы, в культурном отношении отстали от грузин и армян, но опередили туркестанцев¹¹.

Замена идеи России идеей СССР до сих пор, в связи с лозунгом национального размежевания, не способствовала развитию международных культурных связей; в жизни каждой области имеют значение только местные особенности и отношение к общему центру Союза¹². Разумеется, это по существу — временное явление; но едва ли жизнь скоро позволит поставить на очередь вопрос о развитии международных путей сообщения как внутри Союза, так и вне его, в том числе вопрос о проведении индо-европейского рельсового пути, или, по примеру индо-европейского телеграфа, через Персию и Кавказ, или через Афганистан и Туркестан.

¹¹ <Данная оценка культурного развития разных народов носит субъективный характер. — Б. С.>

¹² <В. В. Бартольд здесь явно не прав. Национальное (национально-государственное) размежевание не было простым лозунгом. Оно практически привело к созданию национальных государств — союзных и автономных советских социалистических республик, причем консолидация в них наций отнюдь не препятствовала развитию межнациональных культурных связей: именно на 20-е — 30-е годы приходятся всевозможные межреспубликанские съезды и совещания, бурный рост национальных кадров и обмен ими, а также поиски путей к более действенному восприятию культурных достижений других народов, чему немало способствовала реформа письменности и введение в обиход латинского алфавита (сначала в Азербайджане, затем в республиках Средней Азии), а потом алфавитов, основанных на русской графике. — Б. С.>

ОТЕЦ ЕДИГЕЯ

Историческая личность Едигея, темника Золотой Орды, полно-властно распоряжавшегося ханским престолом, победителя литовцев (1399 г.) и русских (1408 г.), достаточно известна; существует также обширная литература об Едигее как герое ногайского эпоса, имевшего влияние на несколько других турецких народностей¹. Рассматривался и вопрос об отношении легенды к истории, и по этому вопросу высказывались противоречивые мнения. По мнению покойного проф. П. М. Мелиоранского², «сказание правильно передает нам в общем и ход исторических событий»; оно, например, «сохранило нам даже подробность, что Едигей бежал во время пира» (об этом говорит арабский историк Ибн Арабшах³, писавший в 1436 или 1437 г.). По мнению покойного Г. Н. Потанина⁴, сказочный Едигей существовал независимо от исторического и до него; уже потом «народ до такой степени отождествлял генерала Золотой Орды со сказочным Идыгеем, что имя Идыге (Едигей русских памятников) в мусульманскую летопись вошло с чертами из сказки».

Последнее мнение, конечно, явно несостоятельно; но вполне вероятно, что сказочные подробности встречаются и в рассказах об историческом Едигее. Несколько ниже сам Мелиоранский⁵ высказал предположение, что песни о Тохтамыше и Едигее слагались «еще во время их жизни». При таких условиях из того, что рассказ с явно эпическими подробностями приводится уже Ибн Арабшахом, еще не следует, что этот рассказ соответствует исторической действительности.

---

¹ *Сказание об Едигее*, изд. Мелиоранского; о литературе см. стр. 17. Существует, как мне известно, обширное исследование о ногайском эпосе покойного П. А. Фалева, которое, надо надеяться, будет издано в 1927 г. <Работа Фалева издана не была. Позднее исследованием сюжетов, связанных с Едигеем в ногайском эпосе и в эпосе других тюркоязычных народов, занимался В. М. Жирмунский. Результаты этих исследований в обобщенной форме см. Жирмунский, *Народный героический эпос*, стр. 198—199, 221—231; там же (в примечаниях) см. библиографию основных изданий материалов и литературы вопроса. — В. Р.>

² *Сказание об Едигее*, изд. Мелиоранского, 11.

³ Ср. перевод Тизенгаузена: СМИЗО, I, 458.

⁴ *Сага*, стр. 95. Ср. мою рецензию: ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0151.

⁵ *Сказание об Едигее*, изд. Мелиоранского, 13.

По словам Мелиоранского, во многих версиях сказания, особенно ногайских, отец Едигея носит имя «Кутлу-Кая». Это же самое имя приводит историк Абулгази, писавший в год своей смерти (1663). По Абулгази, Кутлук-Кая⁶ происходил из племени ак-мангыт (белых мангытов); кроме сына Едигея (правильное турецкое произношение, по-видимому, Идюкю), у него была дочь, вышедшая замуж за хана Тимур-бека (этот хан в более ранних источниках большею частью называется Тимур-Меликом); от этого брака родился хан Тимур-Кутлук⁷. Едигей сделался нукером (приближенным воином) другого царевича, Тохтамыша; когда Тохтамыш подвергся преследованию и бежал в Туркестан к эмиру Тимуру (Тамерлану), за ним через некоторое время последовал и Едигей⁸.

Рассказ Абулгази об этом последнем событии находится в полном согласии с рассказом более раннего источника — официальной истории Тимура *Зафар-наме*, последняя редакция которой принадлежит, как известно, Шереф ад-дину Али Йезди и была составлена в 1425 г.⁹ Там же сказано, что Едигей был из мангытов; но нет упоминания о белых мангытах, нет имени отца Едигея, не говорится также о браке сестры Едигея с будущим ханом. Если имя отца Едигея могло быть заимствовано Абулгази из некоторых версий эпического сказания, то имен Тимур-Мелика и Тимур-Кутлука эпос, по-видимому, не знает.

Другое имя отца Едигея названо анонимным историком, писавшим, по исследованию Рье (Rieu), в 815 и 816 гг. мусульманской эры, т. е. между 1412 и 1414 гг.¹⁰, еще при жизни Едигея. Этот автор писал для одного из внуков Тимура, Искендера, правившего в то время в Фарсе, и потому для обозначения его мною был предложен термин «аноним Искендера». Труд анонима Искендера известен только в двух экземплярах, из которых один находится в Британском музее, другой — в Азиатском музее Академии наук¹¹. Автор называет Едигея сыном Бал-

⁶ Известно, что Кутлу и Кутлук — диалектические разновидности одного и того же слова.

⁷ Пишется также Тимур-Кутлук.

⁸ Абулгази. *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 162. Текст совершенно ясен; несмотря на это, он был неправильно истолкован переводчиком (там же, II, 171), вследствие чего Едигей сделался сыном хана Тимур-Кутлука, который, как мы увидим, был значительно моложе Едигея. Ту же ошибку, по случайному недосмотру, повторил и Мелиоранский, *Сказание об Едигее*, 11 и в особенности 7, прим. 2 («отец бабушки Едигея»).

⁹ О постепенном составлении истории Тимура см. Гияс ад-дин Али, изд. Зимины, предисловия издателя и редактора.

¹⁰ Rieu, *Pers. MSS*, vol. III, p. 1062 sq.

¹¹ Рук. 566 bc <С 381>; ср. Гияс ад-дин Али, изд. Зимины, стр. IV, прим. 3 (дата рукописи — 10 рамазана 902 г. х., т. е. 12 мая 1497 г.). <В 1927 г. В. В. Бартольд доказал, что автором этого сочинения является Муин ад-дин Натанзи (см. Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*); позднее В. В. Бартольд установил, что существуют две разные редакции этого сочинения (см. Бартольд, *Еще об «анониме» Искен-*

тычака (*балтычак* в некоторых турецких наречиях значит 'топор'). Передается известный и по другим источникам (как по *Зафар-нйме*, так и по Ибн Арабшаху) рассказ о том, как Тимур-Кутлук-хан и Едигей после разгрома Тохтамыша Тимуром в 1391 г. удалились от Тимура и овладели Золотой Ордой, после чего «султанство перешло к Тимур-Кутлуку, эмиратство — к Едигею»¹². Об участии Едигея в более ранних событиях ничего не говорится; зато в рассказе о победе Тохтамыша над Тимуром-Меликом (автор, подобно Абулгази, везде пишет Тимур-бек) в 1378 г. приводятся подробности о Балтычаке, ясно показывающие, что если не сам Едигей, то его отец в то время уже успел сделаться легендарным богатырем. Тимур-Мелик в самом начале битвы был взят в плен и убит; к Тохтамышу привели в оковах главного эмира («эмира эмиров») Балтычака; Тохтамыш, до которого дошла слава о верности и доблести Балтычака, сказал ему: «Если ты признаешь меня как своего царя, я окажу тебе всякий почет и вручу твоим заботам управление царством и имуществом». Балтычак загрязня и ответил: «Если бы мои руки не были связаны, я дал бы тебе ответ; да ослепнет глаз, который в состоянии видеть тебя на месте своего государя; если в твоих руках власть, то прикажи, чтобы и меня казнили, чтобы голову царя положили на мою голову, его тело — на мое тело, чтобы я, если не умер раньше его, по крайней мере раньше его сошел в землю». Тохтамыш исполнил желание Балтычака¹³.

Эта легенда настолько понравилась современникам, что мы находим ее еще в другой редакции у автора, писавшего в Герате, Хафиз-и Абру¹⁴. Его труд по всемирной истории был начат в 1423 и прерван смертью автора в 1430 г.; отрывок, относящийся к царствованию Тимура, не дошел до нас¹⁵, но использован в труде Абд ар-Раззак Са-марканди, законченном в 1475 г. Имя действующего лица здесь пишется несколько иначе: в одной рукописи Бальнмак¹⁶, а в других¹⁷ — Бальнак. Он был из приближенных Тимур-Мелика; когда он был взят в плен, его описали (Тохтамышу) как верного богатыря; поэтому Тохтамыш оставил его на свободе, и он был принят в число эмиров. Тотчас он преклонил колени и доложил: «Во время жизни Тимур-Мелика я

дера). Ныне известно 4 рукописи; большая часть «прошахруховской» редакции, по парижской рукописи, издана Ж. Обеном в 1957 г. — Ю. Б. >

¹² Аноним Искендера, рук. Аз. муз., л. 243 б.

¹³ Там же, л. 243 а.

¹⁴ О всемирной истории Хафиз-и Абру см. мои статьи: *Хафиз-и Абру; О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0138 и сл.; *Hāfiz-i Abū*. <См. также Tauer, *Vorbericht*. — Ю. Б. >

¹⁵ Ср. о рукописях *Zubdat at-tawārīḫ*; Хафиз-и Абру, *Маджмӯ'a*, извлеч. в изд. Тауэра, предисл., стр. XI—XII. — Ю. Б. >

¹⁶ Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 71 б.

¹⁷ В моих руках были 4 рукописи Аз. муз. (574 <С 442>, л. 145 а; 574а <С 443>, л. 111 б; 574аа <С 446>, л. 88 а; 574ааа <С 449>, л. 115 б).

вел лучшую жизнь, как эмир и правитель; я хотел бы вырвать тот глаз, который на его престоле видит тебя. Если ты хочешь оказать мне милость, тотчас прикажи отрубить мне голову, положить голову Тимур-Мелика на мою голову, бросить его тело на мое тело, чтобы его нежная благородная особа не лежала на земле унижения»¹⁸.

Едва ли есть основание думать, что у Хафиз-и Абру был еще другой источник, кроме анонима Искендера. Хафиз-и Абру только подверг рассказ своего источника некоторой переделке, в угоду более утонченным вкусам гератского двора. Аноним Искендера, хотя и писал в Ширазе на персидском языке, обнаруживает больше симпатии к степным нравам и традициям.

В переделке Хафиз-и Абру рассказ о поступке отца Едигея становится еще менее правдоподобным. Богатырь едва ли мог придавать такое значение пережитому им «во время жизни Тимура-Мелика» — уже потому, что Тимур-Мелик жил и царствовал очень недолго.

В истории Тимура Едигей в первый раз упоминается в 1376 г. (год дракона), когда к помощи Тимура прибег Тохтамыш и несколько раз при поддержке Тимура возобновлял борьбу со своими врагами, пока не одержал над ними победы. Во главе восточной части улуса Джучи тогда находился Урус-хан; кроме того, в качестве первого победителя Тохтамыша, заставившего его бежать в Самарканд, у Абд ар-Раззака (т. е. у Хафиз-и Абру) упоминается Бек-Пулад¹⁹. С помощью Тимура Тохтамыш возобновил борьбу. На этот раз против него выступил сын Урус-хана, Кутлук-Буга; в сражении Кутлук-Буга был убит, но Тохтамыш потерпел поражение и снова бежал к Тимуру. Тимур снова оказал ему помощь; Тохтамыша, однако, теперь разбил другой сын Уруса, Токта-Кая; во время преследования Тохтамыш был ранен и с трудом спасся благодаря помощи одного из главных сподвижников Тимура, принадлежавшего к тому же роду барлас, из которого происходил Тимур, — Едигея²⁰, в то время бывшего наместником Сайрама; благодаря ему Тохтамыш прибыл в Бухару. В это время прибыл Едигей, из рода мангыт (по Абд ар-Раззаку: Едигей — монгол), один из эмиров улуса Джучи, бежавший от Урус-хана; он принес известие о приближении Урус-хана с войском. Вслед за ним прибыли послы Урус-хана, Мангыт Кебек и Тулуджан, с требованием выдачи Тохтамыша, как убийцы сына Уруса. Началась война, но из-за больших холодов все дело ограничилось стычкой небольших отрядов, в которой был ранен царевич Тимур-Мелик, «столп» войска врагов. В это время умер Урус-хан; ему наследовал его старший сын Токта-Кая, правивший только

¹⁸ Этот рассказ был приведен мною в книге *Улугбек* (стр. 25) без указания, что он относится к отцу Едигея.

¹⁹ Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 70 б.

²⁰ Существование двух Едигеев, с которыми к тому же в одном и том же году имел дело Тохтамыш, ввело в заблуждение, напр., Валиханова (*Сочинения*, стр. 229).

три месяца; после его смерти ханом сделался Тимур-Мелик, который, по *Зафар-нйме*, был тоже сыном Урус-хана; у Абулгази приводится другая генеалогия; у анонима Искендера отцом «Тимур-бека» тоже названо другое лицо (Мухаммед). Когда Тимур ушел в Самарканд (в начале года змеи, т. е. в 1377 г.), Тохтамыш был разбит Тимур-Меликом; Тимур помог ему вернуться в Сугнак (ныне развалины Сунак-курган) и возобновить войну; Тимур-Мелик в это время предавался пьянству, что увеличило расположение народа к его сопернику. Когда Тимур-Мелик проводил зиму на Каратале, на него напал Тохтамыш и нанес ему решительное поражение.

Источники не говорят, принимал ли участие во всех этих боях Едигей как приверженец Тохтамыша. Во всяком случае, его интересы были противоположны интересам его отца, если последний действительно отдал свою жизнь за Тимур-Мелика, хотя бы при менее торжественной обстановке, чем по рассказу анонима Искендера. Едигей в это время был уже не первой молодости, хотя прожил потом еще около 45 лет. В 1399 г., перед битвой при Ворскле, он, по польским источникам, требовал для себя такого же подчинения от Витовта, как Витовт от Тимур-Кутлука: «Наш хан молод, а ты стар, но я еще старше тебя»²¹. Витовт, по Карамзину, был отроком в 1363 г., во время взятия литовцами Ржева; молодым человеком в 1377 г., в год смерти Ольгерда²²; в 1390 г.²³ дочь Витовта София вышла замуж за великого князя Василия Дмитриевича. Следовательно, Витовт родился, вероятно, не раньше 1350 г., Едигей же еще в 1340-х годах.

По-видимому, в основу легенды об отце Едигея положен эпический мотив, встречающийся у всех народов, — о непоколебимой верности богатыря государю. Тот же мотив, с его естественным дополнением (государь платит богатырю черной неблагодарностью), отразился и на легенде о самом Едигее; по замечанию покойного П. А. Фалева²⁴, «образы Тохтамыша и Едигея не представляют ничего особенного. Богатырь, верой и правдой служащий государю, и государь, несправедливо его преследующий, — довольно обычные эпические персонажи у всех народов». Труднее было бы решить, насколько к таким легендам давала повод личность самого Едигея. Покинув Урус-хана и порвав с отцом ради Тохтамыша (был ли он нукером, как уверяет Абулгази, из рассказа истории Тимура не видно), Едигей потом изменил самому Тохтамышу и снова прибыл к Тимуру в 1391 г. Красивому рассказу Ибн Арабшаха о бегстве Едигея с пира Тохтамыша можно противопоставить прозаические слова самого Тохтамыша в ярлыке на имя Ягайла, написанном в год курицы, в мае 1393 г., всего через два

²¹ Соловьев, *История России*, кн. I, стр. 1033.

²² Карамзин, *История государства Российского*, т. V, стр. 9 (и прим. 12), 29.

²³ Соловьев, *История России*, кн. I, стр. 1030.

²⁴ *Введение*, стр. 33.

года после бегства изменников: «Третьего года послали некоторые огланы (царевичи), во главе которых стояли Бекбулат и Коджамедин, и беки, во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-берди и Давуд, человека, по имени Эдугу, к Темиру (Тимуру), чтобы призвать его тайным образом»²⁵. Едигей изображен даже не вельможей, а только посланцем царевичей и вельмож, хотя обстановка, в которой он находился в войске Тимура, напоминала обстановку вельможи. Теперь уже не он был нукером, но у него были нукеры, в свою очередь изменившие ему ради хана; два нукера Едигея ушли во время похода к Тохтамышу и предупредили его об угрожавшей ему опасности²⁶. С Тохтамышем оставался и старший брат Едигея Иса-бек²⁷; тем не менее в *Зафар-наме* говорится о «старой вражде» между Едигеем и Тохтамышем²⁸. По Абулгази, Едигей только ждал совершеннолетия Тимур-Кутлука, чтобы восстать против Тохтамыша; когда Тимур-Кутлук обнаружил притязания на ханство, Тохтамыш хотел его убить; Тимур-Кутлуку удалось бежать к Тимуру; Едигей прибыл туда же только полгода спустя. Из истории Тимура известно, что проводниками его войска во время похода 1391 г. были, кроме Едигея, который теперь называется узбеком²⁹, и Тимур-Кутлука, еще царевич Кюндже; после удачного окончания похода все трое просили у Тимура позволения на время уйти от него, чтобы собрать и привести к Тимуру свои войска; только один Кюндже исполнил свое обещание, двое других остались в улусе Джучи и захватили там власть, причем к Тимур-Кутлуку перешло «султанство», к Едигею — «эмирство»³⁰.

Известно, что Тохтамышу скоро удалось вернуть себе власть и даже снова воевать с Тимуром, вследствие чего улус Джучи подвергся в 1395 г. новому, более решительному опустошению. Несмотря на все победы Тимура, пользу из них извлек все-таки Едигей. В начале похода на Индию в августе 1398 г. Тимур принял послов царевича Тимур-Кутлука и эмира Едигея; послы от имени своих государей выразили раскаяние во всем, что было сделано в нарушение воли Тимура, и были отпущены с благоприятным ответом³¹, но мирные отношения не были

²⁵ Радлов, *Ярлыки Тохтамыша*, стр. 6.

²⁶ Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 503.

²⁷ Там же, 535.

²⁸ Там же, 547.

²⁹ Там же, 499 и сл. По-видимому, в то время термин «узбеки» относили только к западной части улуса Джучи; говоря о победе Тимур-Кутлука над Тохтамышем, аноним Искендера (рук. Аз. муз., л. 243 б) замечает, что большая часть войска Уруса была перебита руками «узбеков».

³⁰ Выражения анонима Искендера (там же). Ни аноним Искендера, ни *Зафар-наме* не упоминают о Бекбулате, которому ярлык Тохтамыша приписывает главную роль и который, действительно, чеканил в Золотой Орде монету со своим именем.

³¹ Об этом говорится в обеих первых редакциях *Зафар-наме* (Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 54 и сл.). В тексте Шереф ад-дина Йезди (калькут. изд., II, 33) говорится о «послѣ» царевича и «человеке» эмира Едигея.

вполне восстановлены. За месяц до своей смерти, в январе 1405 г., Тимур принял в Отраре послов Тохтамыша, который после битвы при Ворскле вел жизнь беглеца, и обещал им после окончания предпринятого им в то время похода на Китай совершить новый поход на улус Джучи и вернуть престол Тохтамышу³².

Смерть Тимура не дала осуществиться этим планам; в конце того же 1405 г. Едигей в первый раз совершил вторжение в государство Тимура и захватил принадлежавший к этому государству Хорезм, оставив здесь своего наместника.

Когда смуты в Золотой Орде в 1410 г. заставили Едигея бежать, он нашел убежище в Хорезме, удачно защищался там сначала против войск Тимур-хана, сына Тимур-Кутлука, потом против войска хана Джелаль ад-дина, сына Тохтамыша; в Хорезме остался сын Едигея Мубарек-шах, только в 1413 г. вытесненный оттуда войском Шахруха³³.

О характере правления Едигея и о его заслугах перед страной больше всего говорится у современника Едигея, анонима Искендера³⁴. При Тимур-Кутлуке Едигей правил шесть лет (по-видимому, имеются в виду годы 1396—1402) и в короткое время привел в порядок государство, расстроенное смутами и двумя опустошительными нашествиями Тимура. Тимур-Кутлук, подобно своему отцу, предавался пьянству, отчего он и умер. Снова начались смуты: так как узбеки желали сохранения власти в доме Чингиз-хана, Едигей возвел на престол известного в улусе своими достоинствами царевича Шади-бека и оставался при нем «эмиром эмиров»³⁵. Едигей положил начало в улусе «тонким правилам (*тюре*) и великим законам (*ясак*)», оттого его рука тяжело чувствовалась как ханом, так и населением; хан замышлял козни против Едигея, который заблаговременно узнал об этом, и хан был вынужден бежать на Кавказ. Власть перешла сначала к Пуладу³⁶, потом к Тимуру, сыну Тимур-Кутлука, причем и этот хан был возведен на престол Едигеем «по необходимости»; Едигей рассчитывал на свои давнишние связи с отцом хана; кроме того, он выдал за Тимура свою дочь. Тем не менее молодой хан вступил в борьбу с Едигеем, притом с большим успехом, чем Шади. Едигей бежал в Хорезм, куда, однако, за ним скоро последовал и хан, в свою очередь прогнанный сыном Тохтамыша

³² Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., II, 647 и сл.

³³ Об этих событиях см. Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 73. Там же ссылки на рукописи Хафиз-и Абру (эта часть его труда дошла до нас и вполне подтверждает факт полной зависимости Абд ар-Раззака от этого труда) и Абд ар-Раззака.

³⁴ Аноним Искендера, рук. Аз. муз., л. 243 б и сл.

³⁵ Выражение Абд ар-Раззака. По Ибн Арабшаху, Шади-бек был братом, Пулад, подобно Тимуру, — сыном Тимур-Кутлука (у Ибн Арабшаха Кутлук-Тимур).

³⁶ Не упоминается у анонима Искендера. У Абд ар-Раззака (вероятно, также у Хафиз-и Абру) ошибочно сказано, что Пулад сделался ханом после смерти Шади-бека в 811/1408-09 г. Смерть Пулада отнесена к 813 г. х. (1410-11 г.).

Джелаль ад-дином. О дальнейшей судьбе Едигея аноним Искендера не говорит; известно, что Едигей потом погиб в войне с сыновьями Тохтамыша. По Хафиз-и Абру, Джелаль ад-дин некоторое время предлагал Едигею мир с тем, чтобы Едигей признал его своим государем (чеканил монету с его именем и ввел его имя в хутбу) и прислал к нему своего сына Султан-Махмуда, или Сейид-Махмуда, женатого на сестре Джелаль ад-дина, т. е. на дочери Тохтамыша; вероятно, этот брак состоялся еще до 1391 г. Едигей согласился, и договор не состоялся только потому, что в это время другой полководец Джелаль ад-дина произвел на Едигея нападение, окончившееся неудачей.

Таким образом, тот же аноним Искендера, который оставил нам рассказ об отце Едигея как богатыре, непоколебимо преданном своему хану и запечатлевшем эту преданность смертью, рисует совершенно другой, по-видимому согласный с действительностью, образ самого Едигея — вельможи, полновластно распоряжавшегося государством, возводившего на престол царевичей ханского рода только для того, чтобы прикрывать ими свою власть³⁷, и в конце концов павшего жертвой собственного самовластия, несмотря на его заслуги перед своей страной. В подтверждение последнего достаточно вспомнить приведенные Тизенгаузеном³⁸ слова Макризи (в XV в.) о Едигее: «он тот, который запретил татарам продавать детей своих, вследствие чего уменьшился привоз их в Сирию и Египет». Исторический Едигей столь же мало походил на своего отца, как на Едигея легенды, знающей рядом с Едигеем только Тохтамыша и эмира Тимура, совершенно не упоминающей об отношениях между Едигеем и другими ханами и рассматривающей все события с точки зрения личных отношений между Едигеем и Тохтамышем.

³⁷ Известно, что Едигей только в конце своей жизни чеканил на монетах (в Крыму) свое имя рядом с именем возведенного им на престол Дервиш-хана (Веселовский, *Хан из темников*, стр. 53 и сл.).

³⁸ СМИЗО, I, 474.

НОВОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О РУССКИХ

Предлагаемое известие взято из сочинения персидского писателя Мухаммеда ал-Ауфи «Сборник анекдотов и собрание блестящих рассказов» (جامع الحكايات ولامع الروايات)¹, написанного в Индии в VII в. х. для Низам ал-мулька² Мухаммеда б. Абу Са'да ал-Джунейди, везира султана Шемс ад-дина Абу-л-Музаффара Ильтутмиша (умершего в 633 г. х. в ша'бана/ <апрель — май> 1236 г. н. э.)³. Книга Ауфи, разделенная на четыре отдела (قسم), включает в себе главным образом собрание исторических анекдотов, служащих для пояснения различных нравственных сентенций; кроме того, автор в первом отделе дает краткий очерк истории персидских царей до ислама и истории ха-

¹ При установлении текста я пользовался тремя рукописями: рук. СПб. ун-та № 648 (U) и двумя рукописями ГПБ: IV, 2, 33(P) и V, 4, 31 (P₁). Рук. U несравненно лучше и древнее других, но, к сожалению, далеко не полна (недостает всего первого отдела); кроме того, во многих местах страницы повреждены. Рук. P не датирована; рук. P₁ относится к 1032/1622-23 г. Рук. P, как и рук. Венской б-ки № 422 (по каталогу Флюгеля), озаглавлена: جوامع الحكايات وامايع الروايات. Уже после окончания статьи я получил возможность сверить текст с рукописью Брит. муз. Ог. 2676 (не вошедшей в каталог Rieu), написанной в 732 г. х. <1331-32 г.> (L). <Сведения Ауфи, легшие в основу этой работы В. В. Бартольда, позднее были детально разобраны И. Марквартом (см. Marquart, *Ein arabischer Bericht*). См. ниже, стр. 810 прим. 1. — Б. С.>

² В каталоге Флюгеля (Flügel, *Handschriften*, Bd I, S. 410) по ошибке сказано, что сочинение Ауфи написано для Низам ал-мулька, везира сельджукского султана Меликшаха. Флюгель ссылается на Хаджи Халифу (II, 510, № 3899), который, однако, говорит только, что книга написана لوزير نظام المالك شمس الدين. Ошибка Флюгеля произошла потому, что в венской рукописи недостает первых листов, где подробно рассказывается история возникновения книги. Автор служил раньше одному из пенджабских владетелей, Насир ад-дину Кабадже — قاجه [такое чтение принято Эллиотом (*The History of India*, vol. II, p. 302) и Раверти (Джужджани, пер. Раверти, 531)] и по его поручению начал составлять свой сборник; но еще до окончания его произошла война между Насир ад-дином и султаном Ильтутмишем, кончившаяся поражением и самоубийством первого (19 джумада II 625/26 мая 1228 г.). Окончить свое сочинение Ауфи удалось уже потом, благодаря покровительству везира Джунейди.

³ Джужджани, пер. Раверти, I, 623. <Об этом султана см. Barthold, *Itutmyš*; В. В. Бартольд здесь доказал, что имя султана читается именно Ильтутмиш, а не Ильтмиш, как было в первом издании данной статьи, и не Алтамыш, как предлагал М. Хартман. — Ю. Б.>

лифов, а в четвертом отделе помещает несколько глав географического и космографического содержания. Приведенный ниже отрывок составляет часть главы «О путях и государствах» (در بیان مسالک و ممالک), отд. IV, гл. 16.

روس⁴ در جزیره ساکنند در دریائی که طول⁵ و عرض آن جزیره سه روزه در سه روزه راهست و در آن جزیره درختان ویشهاست و کرد بر کرد او دریاست و اینان پیوسته دزدی کنند و زندگانی و کسب خود در شمشیر دانند و اگر یکی از ایشان وفات کند و از وی پسری و دختری بماند مال تمامت بدختر دهند و پسر را یک شمشیر بیش ندهند و گویند پدر تو مال بشمشیر کسب کرده بود تا در سال نهمایه از هجرت مصطفی علیه الصلوة والسلام والتحیه ترما شدند و کیش تروائی قبول کردند و آن شمشیرها در نیام کردند و چون کسبی دیگر ندانستند⁶ و در⁷ کسب بر⁸ ایشان بسته شد مضطرب شدند و عیش بر ایشان تنک شد بدین سبب بدین⁹ اسلام رغبت کردند و مسلمان شدند و باعث مر ایشانرا بر اسلام آن بود کی تا در¹⁰ غزو و جهاد بر ایشان حلال می شود و رسولان فرستادند بخدمت خوارزمشاه و آن رسولان چهار تن بودند از خویشان¹¹ پادشاه که مستقل بود¹² بنفس خود و او را بولادمیر¹³ لقب بود چاک ملک ترکستانرا خاقان و ملک بلغاررا بطاطو¹⁴ چون رسولان بخوارزمشاه رسیدند خوشدل شد بسبب آنک باسلام زاغب شدند و ایشانرا تشریفها داد و کسی فرستاد از ایما تا ایشانرا شرایع الاسلام اموزد پس جمله مسلمان شدند و ایشان بزمنینهای دوردست روند بغزو و پیوسته در دریا سفر کنند در کشتیها و هر کشتی را که ببینید بزنند و مال ببرند و ایشان بقوت از همه اقوام زیادت باشند الا آنک ایشانرا اسب نیست که اگر ایشانرا اسب بودی¹⁵ عظیم بر خق استیلا یانندی¹⁶

«Русы живут на одном острове среди моря¹⁷; как в длину, так и в ширину остров простирается на три дня пути¹⁸. На том острове есь деревья и леса¹⁹; он со всех сторон окружен морем. Они постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добывать себе про-

⁴ Соответствующее место: U, лл. 158—159; P, л. 408; P₁, л. 396; L, лл. 67—78.

⁵ طول او U. ⁶ ندانستند P.

⁷ P и P₁ без w. ⁸ Слога br нет в U, но он есть в L.

⁹ UL только بدین; P: بدین; P₁: بدین سبب.

¹⁰ P и P₁ опускают تا در.

¹¹ Из следующей фразы в P только: بولاد پادشاه ایشان.

¹² Так U; L (без که); P₁: بودند. ¹³ Так U; P₁: بولادمیر.

¹⁴ Так UL; P₁: بطاطون и еще خوانند; Якут (Му'джам, I, 723—724): بلطار.

¹⁵ U еще ایشانرا.

¹⁶ P₁ داشته دی; в U страница повреждена; L: عظیم استیلا بودی.

¹⁷ Это известие из Ибн Русте, изд. Хвольсона, 34; изд. де Гье, 145.

¹⁸ Ибн Русте говорит только, что остров простирается на три дня пути; но уже персидский писатель Гардизи (443-444/1051-1053 гг.), заимствовавший почти все свои известия у Ибн Русте, говорит о размерах острова в тех же словах, как Ауфи (см. Гардизи, рук. Б. (для ясней б-ки в Оксфорде, по каталогу Ethé № 15; я пользуюсь выписками, сделанными для акад. А. А. Куника и напечатанными в типографии Академии наук. Экземпляр любезно предоставлен мне баюном В. Р. Розеном).

¹⁹ По Ибн Русте — леса и болота; у Гардизи — как у Ауфи.

питание — меч. Если кто-нибудь из них умрет и после него останутся сын и дочь, то все имущество отдают дочери, а сыну не дают ничего, кроме одного меча, и говорят ему: „Твой отец добыл себе имущество мечом“²⁰. [Так было до тех пор], пока они не сделались христианами в 300 г. х.; приняв христианство, они вложили те мечи в ножны. Так как они не знали другого способа добывать себе пропитание, а прежний был [теперь] для них закрыт, то их дела пришли в расстройство, и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами; их побуждало к этому желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезмшаху; послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул Буладмира, как туркестанский царь носит титул хакана, болгарский — титул владаваца²¹. Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почетные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого они все сделались мусульманами²². Они совершают походы на отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое встречное судно и грабят его²³. Могуществом они превосходят все народы, только что у них нет лошадей; если бы у них были лошади, то они приобрели бы господство над многими народами».

Рассказ Ауфи любопытен, во-первых, как единственное до сих пор найденное известие, в котором упоминается имя Владимира Святого²⁴, во-вторых, как косвенное подтверждение рассказа Несторовой летописи об отправлении Владимиром посольства для испытания вер. Посольство к мусульманам легко могло быть истолковано мусульмана-

²⁰ Об этом рассказывается и у Ибн Русте, но несколько иначе: по его словам, отец кладет перед новорожденным сыном обнаженный меч и говорит ему: «Я не оставлю тебе имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что ты приобретешь этим мечом» (Ибн Русте, изд. Хвельсона, 35; изд. де Гье, 145). Гардизи здесь буквально следует Ибн Русте.

²¹ Чтение بطواз 'владавац' было предложено Сенковским (для текста Ибн Фадлана) и принято позднейшими учеными. См.: Гаржави, *Сказания*, стр. 106; Григорьев, *Россия и Азия*, стр. 93, 96. Френ хотел сначала читать بطاران 'Владмир' (Ибн Фадлан, изд. Фелена, стр. LVI, прим.).

²² Любопытно, что автор книги *Хафт икдм*, написанной в конце XVI в., говоря о русских, замечает, что даже те из них, которые «украсили себя одеждой ислама» (که مزین بلباس اسلام گردیده اند), сохранили страсть к свиному мясу (Нершахи, изд. Шефера, 287).

²³ Об этих набегах Ибн Русте и Гардизи говорят только, что русские на судах постоянно нападают на славян, увозят их в плен и продают хазарам и болгарам.

²⁴ Транскрипция بولادمیر передает это имя довольно точно, особенно в форме Володимир. Барон В. Р. Розен сообщил мне, что имя Владимира не встречается ни в одном из известных ему мусульманских сочинений. <Это упоминание имени Владимира вызывает некоторые сомнения. Не исключено, что здесь отразилась всего лишь ирано-тюркская гаудная этимология от ирано-арабского или ирано-тюркского булад 'сталь' и амір, мір 'князь' (или демір 'железо'). Ср. ниже, стр. 857, прим. 71. — Б. С.>

ми в смысле желания русских принять ислам. Новейшие русские историки считают это летописное известие легендой²⁵; но в самом факте отправления посольства нет ничего невозможного. По справедливому замечанию Соловьева, русским не было надобности искать в чужих землях представителей различных религий, которые уже давно распространяли свои учения в самой России; но, с другой стороны, вполне естественно желание, прежде чем остановить свой выбор на одной из этих религий, познакомиться с их действием там, где они уже получили господство.

Как русское, так и мусульманское известия относятся к сравнительно позднему времени; оттого не удивительно, что в них встречаются противоречия. По рассказу летописца²⁶, послов было 10 человек; притом они были отправлены не в Хорезм, а к волжским болгарам. Вполне возможно, что болгары направили приехавших к ним послов в Хорезм, куда они сами обращались за разрешением своих религиозных сомнений²⁷.

В примечаниях к переводу Ауфи мы привели некоторые источники, из которых он, по-видимому, заимствовал свои сведения; но о том, как дошло до него известие о посольстве Владимира, мы ничего не можем сказать. Заметим только, что Ауфи, судя по одному месту в его книге, в молодости был в Хорезме²⁸.

В заглавии этой заметки сведения Ауфи названы «новым» мусульманским свидетельством. А. А. Кунику я обязан указанием на книгу барона Хаммера «*Sur les origines russes*», St.-Pbg., 1827, где из Шукруллахова *Бахджат ат-тавйрйх* и из *Джъми ат-тавйрйх* турецкого автора Мухаммеда Кятиба приводятся сведения, несомненно заимствованные из приведенного нами отрывка Ауфи.

Но у этих авторов текст Ауфи до такой степени исковеркан и испорчен в важнейших местах²⁹, что эпитет «новый» все-таки может быть сохранен появляющемуся теперь впервые свидетельству Ауфи о русах. Чтобы это не показалось голословным утверждением, я позволю себе привести здесь в подлиннике слова Хаммера:

²⁵ Соловьев, *История России*, кн. I, стр. 165; Голубинский, *История русской церкви*, т. I, 1, стр. 98—102.

²⁶ *Лаврентьевская летопись*, стр. 174.

²⁷ Григорьев, *Россия и Азия*, стр. 92. «Об испытании вер» см. также Толстов, *По следам*, стр. 257—262. Ср. Мервези, 23, 36 и 118—119.—Б. С.»

²⁸ В отд. I, гл. 13 говорится о хитрости, посредством которой Турган-хатун, мать хорезмшаха Мухаммеда, отразила нашествие гурийцев на Хорезм; Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 121—122) относит это нашествие к концу 610 г. х. (к лету 1204 г.). Рассказ Ауфи начинается словами: *چنين كويده مؤلف اين كتاب كه در سال كه دعاكوي بخوارزم بود الخ* (Р, л. 186; в рук. P₁ этого анекдота нет).

²⁹ Любопытно, однако, разногласие трех редакций относительно года отправления русского посольства. Во всех рукописях Ауфи, которыми мы пользовались, стоит только *شمايه*.

P. 48. Les Russes... L'an de l'Hégire 303 on les *craignit*, et cette peur (des autres) les fit Musulmans. Leur but en se convertissant étoit de légitimer le butin. Lorsqu'ils étoient devenus Musulmans, ils envoyèrent quatre ambassadeurs au Sultan de Khowaresm en lui donnant la nouvelle de leur conversion, qui fit un plaisir infini au Sultan. Il leur envoya des présents. Ils sont actuellement toujours en guerre, mais fort éloignés; tout le monde n'en entend pas parler; ils guerroyent beaucoup sur mer et n'ont point de chevaux.

P. 65—66. Les Russes... L'an de l'Hégire 333 ce peuple fut éclairé par le rayon de la direction divine et se convertit à l'Islam pour jouir à juste titre de son butin. Ils envoyèrent un Ambassadeur à Sultan Khowaresmchah et lui annoncèrent leur conversion...

Тексты:

P. 109:

ایشانرا ترسانیدند بسبب ترس مسلمان شدند اما غرض از مسلمانى ایشان آن بود
عنیمت بر ایشان حلال باشد. . . اما دوزند همه کس نمی شنود

P. 124:

... و هجرت نبوتیه تک سنه^۳ ثلث و ثلثین و ثلثمایه تاریخنده بو طایفه یه هادی هدایت
ایدوب غنیمتلى کندولره حلال اولمق ایچون دین اسلامه کالدیلر اول زمانارده اول
سمتده اسلام پادشاهارندن سلطان خوارزمشاه جانبنه ایچی کولدروب دین اسلامه مشرف
ولدقلرین عرض ایلدیلر الخ

АРАБСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О РУСАХ

<ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ>

Постоящая статья, написанная акад. В. В. Бартольдом в 1918 г., не была напечатана. Она представляет собою весьма интересную попытку дать на основании, главным образом, арабских источников общий обзор одной из важнейших областей истории народов СССР. В. В. Бартольд продолжал работу в том же направлении и далее и 29 ноября 1926 г. прочитал в Русско-византийской комиссии Академии наук (см. «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г.», стр. 36) доклад на ту же тему («Арабские известия о Руси IX—X вв.»), также сохранившийся в его архиве. В этом докладе он еще раз дает обзор того же круга вопросов, что и в более ранней статье, но при этом привлекает новейшую, вышедшую за протекшее время литературу. Как он сам отмечает в начале доклада, сюда относятся следующие сочинения: 1) акад. А. Шахматов, *Древнейшие судьбы русского племени*, Пг., 1919; 2) статья акад. А. Е. Крымского *Деятели русско-слов'янські слова та ймення в арабських істориків і географів IX—X в.* в книге: акад. Ол. Шахматов — Аг. Крымський, *Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників старо-письменської українщини XI—XVIII вв.*, Київ, вид. «Друкар», 1922, стор. 131—134; 3) предварительное сообщение <А. З. Валидова> о рукописи подлинного сочинения Ибн Фадлана, до тех пор известного только в извлечениях Якута (автора XIII в.) в ИРАН, 1924, № I—II (VI серия, 15 января — 15 июня), стр. 237—248; 4) статья J. Marquart, *Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert* («Ungarische Jahrbücher», 1924, Bd IV, H. 3/4, S. 261—334) об известиях, сохранных в персидской антологии Ауфи (начало XIII в.), но, несомненно, восходящих к гораздо более раннему арабскому оригиналу¹. Впрочем, этот персидский текст еще до этого был использован В. В. Бартольдом по рукописям (см. его статью «Новое мусульманское известие о русских», ЗВОРАО, т. IX, 1895, стр. 262—267)².

Несмотря на то, что доклад В. В. Бартольда написан почти на десять лет позднее статьи, опубликование его в целом не представляется целесообразным, так как в значительной своей части он представляет собою сокращенное изложение статьи, в которой по большей части те же выводы обоснованы более полно. Чтобы, однако, сохранить то новое, что В. В. Бартольд внес в эту вторую свою работу, соответствующие ее части даются в примечаниях.

Статья 1918 г. сохранилась в виде черновика, окончательно к печати автором не

¹ <См. новые работы: Мервези (изд. Минорского); Minorsky, *Studies*, pp. 76—78; idem, *Sharvān*, pp. 108—116; Заходер, *Еще одно известие; его же, Среднеазиатско-Хорасанская география*; его же. *Каспийский свод*; Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях*; Рыбаков, *Русские земли*; Семенов, *Таджикские ученые*; Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956); Артамонов, *История хазар*. — Б. С.>

² <См. выше, стр. 805—809.>

подготовленного; в частности, В. В. Бартольд не были оформлены примечания и ссылки на источники, и имеются только краткие заметки на полях рукописи статьи. Редакция сочла возможным без особых оговорок заменить сокращенные ссылки в таких примечаниях более полными, а также внести несколько мелких стилистических поправок в текст статьи. Кроме того, примечания редакции дают некоторые, главным образом более точные, указания на тексты и сочинения, приводимые автором. Отчасти отмечаются более новые исследования, появившиеся уже после того, как писал В. В. Бартольд. Кроме того, в отношении Ибн Фадлана приводятся некоторые данные по полному тексту его записки, в настоящее время изданному: *Путешествие Ибн Фадлана на Волгу*. Перевод и комментарий [А. П. Ковалевского] под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.

События IX и X вв.—выступление скандинавских мореплавателей, открытие пути «из варяг в греки», образование русского государства и принятие русским государем христианства от греков—совершенно изменили ход истории Восточной Европы. Восточноевропейская равнина перед этим подвергалась культурным влияниям с различных сторон, но никогда еще не объединялась для общей государственной и культурной жизни. В IX—X вв. вопрос о будущем Руси тоже оформился не сразу; некоторое время могло казаться, что русский народ подчинится влиянию иной государственности—среднеазиатской, и иной культуры—мусульманской. Отголоски этих колебаний сохранились даже в русских летописях, несмотря на то, что ко времени составления летописей вопрос уже был решен и под влиянием современных им условий жизни летописцы представляли себе события прошлого несколько иначе, чем они происходили на самом деле. Более ясное и отчетливое представление об общем ходе событий, несмотря на скудость фактических данных, дают нам рассказы представителей этих культурных народов, влиянию которых в IX—X вв. подвергалась Восточная Европа, в том числе и мусульманских. До IX в. бассейны Черного и Балтийского морей подвергались, каждый в отдельности, влиянию с одной стороны—с юга и запада—средиземноморской культуры, с другой стороны—с востока—культуры Средней Азии. Но, несмотря на близкое расстояние между истоками рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, оба бассейна жили каждый своей особой жизнью. Геродот, давший в V в. н. э. подробные сведения о жизни северного побережья Черного моря, не знал ничего достоверного о народах, живших дальше к северу; вопрос об истоках Днепра на севере считался в его время столь же темным, как вопрос об истоках Нила на юге. С конца II в. н. э. мы можем проследить движение народа, направившегося от Балтийского моря к Черному, именно готов; готами было создано на Днепре государство, разрушенное в IV в. пришельцами из Средней Азии—

хуннами; после распада в V в. хуннского государства готам, как известно, удалось восстановить свое могущество и выступить в роли завоевателей на трех южных европейских полуостровах; небольшая часть готского народа до конца средних веков оставалась в Южной России, на Крымском полуострове, где, по выражению русских ученых, ждет охраны и исследования «величественная столица готского крымского царства Мангуп-калэ, памятник единственного в мировой истории сочетания бедного культурой северного германского племени, воспринявшего восточную культуру сарматов, с пышным блеском византийской государственности и культуры»³. Но ушедшие на юг готы не сохранили связи с германскими народами, оставшимися на севере. Археологические находки в балтийских районах показывают, что этот район с VII в. имеет также культурные сношения с бассейном Волги и Востоком, и в то же время не дают нам никаких доказательств в пользу сношений с Византией и черноморским побережьем. По-видимому, разобщенность между Балтийским и Черным морями отразилась как на сношениях со средиземноморским миром, так и на сношениях с Востоком; произведения Востока приносились как к берегу Черного, так и к берегу Балтийского морей, но не установили связи между обоими бассейнами. По географическим условиям надо ожидать, что влиянию Востока, как и влиянию средиземноморской культуры, черноморское побережье подвергалось раньше, чем балтийское, но данных для установления точной хронологии мы не имеем. В VI в. до н. э. в состав одной и той же персидской державы входили области Средней Азии, до нынешнего Туркестана включительно, и побережье Средиземного моря. Но есть указания на то, что уже тогда были известны получившие впоследствии такое значение торговые пути от берегов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи к берегам Волги и дальше. В греко-персидских войнах принимали участие согдийцы и хорезмийцы, но эти войска, вместе с другими силами персидских царей, шли через Малую Азию; даже в страну европейских скифов на северном берегу Черного моря войско Дария проникло с запада, с Балканского полуострова. Рассказы Геродота об этой стране показывают, что пути оттуда в ближайшую культурную страну Средней Азии — Хорезм — были ему столь же мало известны, как пути в бассейн Балтийского моря⁴.

О существовании пути из Хорезма к Черному морю греки впервые узнали во время походов Александра. Хорезм в это время уже не был, как при Ксерксе, провинцией персидской державы; в Хорезме был свой царь Фарасман, прибывший к Александру весной 328 г. <до н. э.> в Бактры (Балх) со свитой из 1500 всадников. Фарасман уверял Алек-

³ <Самое имя Мангуп, правда, известно не ранее 1374 г. Более раннее название Dory-Doros — Theodoropolis. См. Bănescu, *Seigneurie de Théodor-Mangoupr*. — А. К.>

⁴ <О походах Дария I на скифов и саков и связи этих походов с завоеваниями в Средней Азии см.: Струве, *Поход Дария*; Толстов, *По следам*, стр. 105—108. — Б. С.>

сандра, что его владения простираются до Колхиды, и предложил дать македонскому завоевателю проводников и все необходимое для похода к Черному морю, если бы такой поход входил в его намерения. Александр этим предложением не воспользовался, и после этого мы не находим в греческой литературе никаких известий ни о хорезмийском государстве, ни о торговых сношениях между ним и берегами Черного моря. Даже спутник Александра Аристобул представлял себе эти сношения в виде плавания по Аму-Дарье от местности близ Балха до устья этой реки, которую считали притоком Каспийского моря, оттуда по Каспийскому морю к устью Куры и вверх по Куре до места вблизи Риона и по Риону до Черного моря. Из рассказа римского ученого Варрона некоторыми европейскими учеными был сделан ошибочный вывод, будто существование такого водного пути подтвердилось в I в. до н. э., во время похода Помпея; но из сопоставления слов Варрона со словами спутника Помпея Феофана Митиленского об устье Куры, где местное население «совершенно не нуждалось в море», ясно видно, что Варрон не нашел этого рассказа в известиях о войнах Помпея, но внес в известие об этих войнах свои географические представления, заимствованные из книг.

Более определенные известия о торговых путях к северному побережью Каспия относятся к I в. до н. э.; в это время к жившим там аорсам привозились на верблюдах товары индийские и вавилонские, последние через посредство мидян и армян. Это известие свидетельствует о существовании торговых путей к Каспийскому морю по суше с юго-запада через Кавказ и с юго-востока из Туркестана; по-видимому, эта торговля успешно соперничала с торговлей порта Танаиса при устье Дона, куда, по словам того же автора, с юга привозились на судах предметы одежды, вино и другие товары культурных народов для обмена на товары кочевников — кожи и рабов. Часть аорсов в это время доходила на запад до Дона, где их царь Спадин стоял во главе войска из 200 000 всадников.

Средняя Азия в это время уже находилась в торговых сношениях не только с Индией, но и с Китаем, и постепенно товары Дальнего Востока также должны были найти дорогу в Южную Россию. «Открытие» китайцами «западного края» относится, как известно, ко II в. до н. э.; китайцами упоминаются, между прочим, народ кангюй⁵, занимавший большую часть нынешнего Туркестана, и народ яньцай, живший к северо-западу от китайцев у какого-то «северного моря». Яньцай есть, несомненно, китайская транскрипция народного названия аорсов; в I в. н. э. китайцы говорят о «переименовании» владения «Яньцай» в «Аланья», и с того же времени у классических писателей вместо названия «аорсы» для обозначения того же народа появляется название

⁵ <Совр. транскрипция — канцзюй.>

«аланы». Судя по китайским известиям, военное могущество аорсов-алан к этому времени несколько ослабело. В эпоху китайской династии старших Хань (206 г. до н. э.— 25 г. н. э.) яньцайцы были сильнее кангюйцев, в эпоху династии младших Хань (25—220 гг. н. э.) кангюйцы подчинили себе владение Яньцай. Китайскими источниками не подтверждаются ни известие Арриана о политическом объединении Хорезма с черноморским побережьем, ни предположение некоторых современных иранистов, что Хорезм принадлежал аланам. Хорезм упоминается в «Истории старших Хань» под названием Юегянь⁶ и причисляется к «малым владениям», находившимся в вассальной зависимости от кангюйцев. Юегянь есть китайская транскрипция названия города Гурганджа, «Орнача» русских летописей, нынешнего Куны-Ургенча, откуда в средние века, как мы увидим, шел подробно описываемый мусульманскими авторами торговый путь к берегам Волги. Очень вероятно, что этот торговый путь существовал уже во II в. до н. э., хотя вплоть до арабского завоевания мы имеем об этой торговле только крайне скудные сведения. Классические авторы, писавшие около времени начала нашей эры, не знали даже о существовании Волги и считали Каспийское море заливом северного океана. Только во II в. н. э. Волга упоминается под ее финским названием Ра; тот же автор (Клавдий Птолемей) знает реку Урал под ее турецким названием Яик; им приблизительно определяются границы распространения обоих племен в бассейне Каспия во II в. н. э. Двигавшийся в то время на запад турецкий народ принадлежал к числу составных частей окончательно распавшейся в конце I в. н. э. среднеазиатской кочевой империи хуннов (гуннов); при своем движении он смешивался с финскими народностями и, по-видимому, положил начало тому турецкому, но непонятному для прочих турок языку, на котором говорят в настоящее время чуваша. В IV в. н. э., около 375 г., те же хунны произвели нападение на алан, живших около Дона, передвинулись оттуда к берегам Дуная и в V в. навели ужас на Западную Европу, но после смерти Аттилы снова были оттеснены на Восток, в пределы Южной России. Только из китайских известий мы знаем, что преемники Аттилы из страны алан поддерживали торговые связи со своими соплеменниками, оставшимися в Китае, и что из страны алан приходили купцы в китайский город Ланьчжоу. В китайском рассказе об этих сношениях страна алан, раньше называвшаяся Яньцай и Аланья, упоминается под третьим названием — Судэ⁷, как показывает это слово, к земле или народу алан было применено как название или эпитет то же самое иранское прилагательное *Сугда*, более известное как название бассейна Зеравшана. Название этого аланского «Согда» до сих пор сохранилось в названии крымского

⁶ <Совр. транскрипция — Юецзянь.>

⁷ <Сутэ. Новую трактовку этого сообщения китайских хроник см. Enoki, *Sogdiana*. — Б. С.>

города Судака (собств. Сугдака), основанного, по церковному преданию, в 212 г. н. э. и в средние века бывшего одним из важнейших портов на Черном море.

Движение кочевых народов из Средней Азии в Европу, таким образом, не только не прекратило торговых сношений южнорусского края с Востоком, но даже содействовало их развитию. То же самое мы видим в истории последующих кочевых империй, до монгольской включительно. В VI в. выступили турки, представители той ветви турецкого племени, к которой относятся все существующие ныне или известные по литературным памятникам турецкие диалекты, кроме чувашского и якутского. Из византийских известий мы знаем, что в состав турецкой империи входили и южнорусские земли; из византийских источников известно, что турки в 70-х годах VI в. покорили алан, живших тогда по северную сторону Кавказа, и осаждали Боспор Киммерийский (Керчь). В рассказах о поездках византийских послов в турецкую орду Волга впервые упоминается под ее чувашским названием «Итиль», сохраненным турками и потом татарами. Несомненно, что река получила такое название не позже IV в. н. э.

Источники не говорят, когда прекратилось турецкое господство в Южной России; распадение турецкой державы произошло еще в VI в., и в VII в. мы видим в Южной России державу, в которой сохранились традиции турецкой империи, но господство принадлежало народу, говорившему на другом языке. По вполне определенному известию арабских географов, народы, жившие в IX—X вв. по Волге, — хазары и болгары — говорили на языке, непонятном ни для турок, ни для финнов, что вполне соответствует характеру чувашского языка. Очевидно, процесс распада турецкой империи VI в. во многом походил на процесс распада монгольской империи XIII в.; в XIII в. мы после распада монгольской империи видим в Южной России государей, происшедших из рода Чингиз-хана и продолжавших его традиции, но не говоривших по-монгольски. В VII в. хазарские «каганы» были такими же продолжателями традиций каганов турецких, но по языку их государство было не турецким, но «хуннским», т. е. чувашским. Мы не знаем, когда произошло отделение болгар, — главный город которых находился несколько южнее места впадения Камы в Волгу, — от хазар, столицей которых сперва был город Баланджар в северной части Дагестана, потом, после разрушения этого города арабами в 722 или 723 г., город Итиль на Волге, недалеко от ее устья⁸. В VI в. болгары, как и хазары, жили в местности по северную сторону Кавказских гор. Болгарское государство не было связано, подобно хазарскому, с традициями турец-

⁸ Столкновение между Дарием и Александром; Табари, I, 699, *بناحية خراسان* «в округе Хорасана, прилежащем к хазарам»; I, 2876, *بناحية الخزر* «царю хазар». Иезидгерда о помощи из Мерва к *ملك الخزر*.

кой кочевой империи; болгарский владетель не называл себя каганом, и при его дворе не было турецких обычаев. По-видимому, оттесненные на север потомки общих предков болгар и хазар более находились под славянским, чем под турецким влиянием, и арабы иногда называли царя волжских болгар «царем славян». Вполне возможно, что к волжским болгарам относится известие о «государе славян», к которому, наравне с государями греков и хазар, обратились с просьбой о помощи в 852 г. бежавшие от арабов армяне.

Вообще все военные действия между арабами и хазарами, о которых говорят арабские источники, происходили на кавказских границах халифата. На востоке хазарское государство, по-видимому, не граничило непосредственно с владениями арабов, и с этой стороны в бассейне Волги проникали только купцы, ремесленники и послы преимущественно из пограничной области культурного иранского, а потом мусульманского мира, Хорезма. В китайской «Истории династии Тан», по переводам и толкованиям европейских синологов, один и тот же народ, в котором видят хазар, назван соседом Византии, Персии и Хорезма, но в китайском подлиннике названия соседей Византии и Персии (*кэ-са*) написаны несколько иначе, чем название соседа Хорезма (*хэ-са*); возможно, что в первом случае имеются в виду хазары, во втором — турки-огузы.

Мы не знаем в точности, когда к издавна существовавшему торговому пути из Средней Азии на запад, к Черному морю, присоединился новый торговый путь на северо-запад по средней Волге, Каме и оттуда к Балтийскому морю; но, вероятно, этот факт находится в связи с широким развитием караванной и морской торговли персидской сасанидской державы (III—VII вв.) в последние века ее существования. В Пермской губернии, в местностях по Каме, были найдены клады из сасанидских монет VI—VII вв., из чего делают выводы, что торговые сношения этой местности с Востоком начались еще в домусульманский период. Этот вывод подтверждается находимыми в Северо-Восточной России серебряными блюдами и другими сосудами, из которых древнейшие относятся к сасанидскому периоду; наконец, в китайской истории «Северных дворов» (*Бэй-ши*, VII в.) среди предметов, вывозившихся из Хорезма, упоминается янтарь, несомненно привозившийся в Хорезм с берегов Балтийского моря⁹. Всем этим объясняется, что предметом стремлений скандинавских мореплавателей VIII—X вв. были не только берега западноевропейских морей и рек, но также берега морей и рек русского Севера. Морские экспедиции мимо северного берега Норвегии в Белое море и дальше начались только со времени путешествия Оте-

⁹ <О связях между Средней Азией и Восточной Европой и «волжском пути» см. Захoder. *Из истории восточно-каспийских связей*; ср. Ставиский, *О международных связях*. — Б. С.>

ра¹⁰, относящегося, как полагают, ко времени между 870 и 890 гг.; значительно раньше скандинавские лодки проникли из Балтийского моря в реки восточноевропейской равнины, причем без особого труда скандинавы переносили свои лодки из рек бассейна Балтийского моря в реки бассейна Черного и Каспийского.

Русский летописец, как известно, называет этих скандинавских мореплавателей «варягами» и «русью», причем первому термину придается более широкое значение, чем второму; «варягами» называли и «русь», были также «свеи» (шведы), «урмане» (норвежцы) и другие¹¹. По вопросу о происхождении обоих слов было высказано много предположений; автор последнего научного труда о происхождении русского языка, акад. Шахматов, присоединяется к мнению, по которому слово *русь* служило названием, употреблявшимся для обозначения скандинавов прибалтийскими финнами (А. А. Шахматов приводит финское *ruotsi*, эстонское *rots*, вотское *rotsi*)¹². Что касается слова *варяги*, то акад. Шахматов считает его отражением имени франков, фрагов, как называли на Балканском полуострове и на Востоке всех вообще западноевропейцев, хотя «пути, приведшие к изменению франки в варяки, варяги, остаются неопределенными». Таким образом, термин *русь* постепенно распространяется с севера на юг, термин *варяг* — с юга на север; тем не менее первый термин утвердился только на юге, где Черное море стали называть «русским», и для арабов Дон из «реки славян» сделался «рекой русов»; термин *варяги* — только на севере, где Балтийское море стали называть «варяжским».

Мусульманские авторы IX—X вв. знали только «русов» и приписывали «русам» же набеги, производившиеся скандинавами на берега Атлантического океана, причем уже древнейшие источники говорят о торговцах «русах», приходивших по Дону в страну хазар и, вероятно, более северными путями в страну болгар. Слово *рус*, однако, не могло быть заимствовано арабами от болгар, так как чувашский язык разделяет особенность турецких наречий, не допускающих звука *р* в начале слова (оттого «русские» у чуваш — *вырас*, у других турок — *урус*). По странному стечению обстоятельств и западноевропейский и мусульманский мир в одно и то же время узнали о русах от греков, хотя русы

¹⁰ <Ottar [Оттар. — В. Р.], или по-англосаксонски Ohlere, — норвежский предводитель викингов, проживавший в крайней северной области Норвегии (Halogaland), вероятно на острове Сенья, совершил около 870—890 гг. первое известное нам путешествие вокруг Нордкапа и к берегам Биармии. Впоследствии он был на службе у английского короля Альфреда Великого, и его рассказ был переведен по-англосаксонски. — А. К.>

¹¹ Ср. слова Амартола у Шахматова, *Введение*, стр. 91.

¹² <Там же, стр. 67.> Marquart, *Streifzüge*, S. 353 — тоже ливское. <У Маркварта приведена еще ливская форма: *ruotsi — ruotsli*. — А. К.> <О термине *русь* ныне см. также Рыбаков, *Древние русы*, стр. 27—42, 60, 68, 98—104. — Б. С.>

лишь незадолго перед тем впервые появились в греческой столице и хотя в этом же раннем сообщении говорится о русском «кагане», что свидетельствует о более ранних связях между русами и Востоком.

В мае 839 г. в город Ингельхейм (у Рейна, несколько ниже Майнца), где тогда находился император Людовик Благочестивый, прибыло посольство византийского императора Феофила и с ним несколько человек из народа, называвшего себя «рос». По сообщению византийца, царь этих росов, по имени «Хакан», отправил в Константинополь послов с изъявлением дружбы; путь из Константинополя на родину был им отрезан «варварскими и свирепыми народами», поэтому Феофил просил Людовика разрешить им проехать через его владения. Расследование, произведенное в Ингельхейме, выяснило, что эти «росы» в действительности были шведами.

Из этого рассказа франкской летописи видно, что к этому времени переселившиеся в Россию шведы уже присвоили себе название, которым называли шведов северные финны, а своему царю — турецкий титул. Из последнего факта делается вывод, что владение этих росов находилось в Южной России; против этого, однако, говорит факт, что сами греки, как видно из подробностей рассказа, до посольства росов в Константинополь не имели сношений с этим народом и не знали о его существовании. Франкская летопись не дает никаких сведений о стране росов; мы находим эти сведения только в арабской литературе, причем тот арабский автор, к которому они, по всей вероятности, восходят, мог находиться в Константинополе во время прибытия туда русских послов, хотя в его рассказе говорится только о торговых сношениях росов с волжскими болгарами и о набегах их на славян, но не о политических сношениях с Византией¹³.

¹³ <В докладе 1926 г. В. В. Бартольд в связи с этим говорит:> Пользование трудами арабских географов и историков затрудняется крайне книжным характером арабской культуры. Если мы знаем в точности время, когда писал данный автор, это еще не дает нам ответа на вопрос, к какому времени относятся данные известия; большей частью они заимствуются из книг, без ссылки на источник и без оговорки, что они относятся не к времени данного автора, а к гораздо более раннему времени. Так, напр., автор XIV в. Абу-л-Фида берет описание Мерва из сочинения X в., и это ввело в заблуждение Риттера, сделавшего из описания Мерва у Абу-л-Фиды вывод, что город быстро оправился после монгольского нашествия.

Шахматов постарался доказать, что для областей к востоку от Балтийского моря экономические связи установились гораздо раньше с Каспийским морем и культурными странами Востока, чем с Черным морем и Византией. Как ни убедительны его доводы, остается одна невыясненная подробность: почему переселенческое движение, обыкновенно находящееся в связи с направлением культурного влияния, всегда шло, как признает сам Шахматов, из Балтийского бассейна в Черноморский?

Балтийско-каспийский путь сохранял значение и в первые века ислама, тем не менее первые сведения о русских, тогда еще норманнах, проникли в арабскую литературу, по-видимому, не от торговавших со славянами и русскими хазарских и болгарских купцов, но книжным путем из Византии, как и слово для обозначения «славян», **سلاو** (сахлаб), было заимствовано арабами от греков. На заимствование от греков,

В 845 г. состоялся обмен пленными между арабами и греками; среди освобожденных мусульман был Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми, собравший во время своего плена подробные сведения о греках и их земле и написавший потом несколько сочинений, где, по словам автора X в. Мас'уди, говорилось «об истории греков, об их царях, должностных лицах, областях, о путях к ним, о времени производства набегов на них, о соседних с ними владениях бурджанов (дунайских болгар), аваров, болгаров (волжских болгар), славян, хазар и других». Сочинения этого автора не дошли до нас; прямая ссылка на него имеется только в географическом труде Ибн Хордадбеха (дошедшем до нас только в позднейших извлечениях), законченном около 885 г.; Ибн Хордадбех перечисляет, по Муслиму, провинции (фемы) Византийской империи¹⁴. Но очень вероятно, что на трудах Муслима основаны и те сведения о народах, живших между Хорезмом и Византией, которые мы находим у арабских писателей и которые явно относятся к IX в., хотя дошли до нас в некоторых случаях только в сочинениях XI и последующих веков¹⁵. Ближайшими соседями Хорезма на торговом пути

а не от хазар и болгар указывает и слово *روس* (*ruṣ*), вполне соответствующее греческому *Ρῶς; язык хазар и болгар, непонятный для турок и финнов, соответствовал, по-видимому, языку современных чувашей и разделял с турецкими языками недопущение звука *p* в начале слова; оттого «русские» теперь по-чувашски *вырас*, как по-турецки *урус*. По замечательному совпадению, с именем *рус* ознакомились в одно и то же время через греков арабы и западные европейцы. Шахматовым и многими другими дится из анналов Пруденция рассказ о приеме Людовиком I в Ингельхейме 18 мая 839 г. послов византийского императора Феофила, с которыми были люди народа *Rhos*, прибывшие в Константинополь от своего «кагана», причем это посольство каганов русов в Византию было первым; послы не могли вернуться из Константинополя прямо к себе на родину вследствие закрытия этих путей «варварскими и весьма жестокими народами» и потому отправились вместе с византийскими послами в Германию. В Ингельхейме выяснилось, что эти русы были по языку шведами.

В 1916 г. Шахматов писал: «Едва ли можно усомниться в том, что эта Русь прибыла в Константинополь из Южной России». Мне это мнение тогда же показалось ошибочным; я был убежден, что имеется в виду то же русское каганство на острове, о котором говорят арабы и которое можно искать только на севере. Известно, что к этому мнению пришел и сам Шахматов в своей работе 1919 г.; там сказано, что послы русского кагана возвращались к себе «на родину, т. е. на северо-запад России», потому что по политическим обстоятельствам того времени не надеялись на свободный пропуск через Днепр. Факт, что до этого русских посольств в Константинополе не было, ясно показывает, что русское завоевательное движение на юг России в то время еще не началось; оно было уже закончено к 860 г., когда русские появились под стенами Константинополя. В противоположность Шахматову, Крымский и в 1922 г. искал тот остров русских, о котором говорят арабы, на юге, в Тмутаракани.

¹⁴ <Ибн Хордадбех, 105; Джарми см.: Мас'уди, *Табѣх*, 190—191. Эти тексты в переводе см. Гаркави, *Сказания*, 29—34. — А. К.>

¹⁵ <В докладе 1926 г. В. В. Бартольд говорит:> Вместе с Муслимом были освобождены арабы, взятые в плен в 837 г. при взятии греками Заметры; из слов Мас'уди не видно, принадлежал ли Муслим к их числу, что было бы важно для решения вопроса, сколько времени он пробыл в Византии и мог ли он находиться в Константинополе во время прибытия туда русского посольства.

в Южную Россию в этих сведениях являются печенеги, в Южной России к западу от хазар и к востоку от византийских владений еще живут мадьяры; между тем мы знаем из сочинения Константина Багрянородного (944—959) «Об управлении империей», что за 50 лет до него произошло нападение печенегов на мадьяр, вследствие чего прежние владения мадьяр в Южной России были заняты печенегами, а мадьяры заняли нынешнюю Венгрию. Переселение печенегов произошло, следовательно, еще в конце IX в.

Исходным пунктом торгового пути из Средней Азии на запад оставался и в то время город Гургандж (ныне Куня-Ургенч) в Хорезме. В 12 фарсах (80—90 км) от этого города находилась «хорезмийская гора», на вершине которой стояла башня, у подножия были пашни переселенцев из Гурганджа. Оттуда шли 9 дней по пустыне, оставляя «Хорезмийское озеро» (Аральское море) по правую руку; каждый день или каждые два дня приходили к колодцу, из которого посредством канатов доставали воду для животных. На девятый день достигали местности, где были колодцы, трава, дичь и птицы; по этой местности шли 16 дней и на 17-й день достигали шатров печенегов. Страна печенегов простиралась на 30 дней пути; их соседями были: на северо-востоке — кипчаки, на юго-западе — хазары, на востоке — гузы, на западе — славяне. Печенеги были кочевниками — владели многочисленными стадами баранов, но в то же время у них были предметы, приобретенные, очевидно, посредством набегов или торговых сношений у культурных народов: золотые и серебряные сосуды, серебряные пояса.

Речь идет, очевидно, о пути через Устюрт к Уралу; в X в. считали 10 дней пути между Куня-Ургенчем и Устюртом. Кочевья печенегов начинались, вероятно, несколько севернее Эмбы. Замечательно, что одинаковое расстояние — 10 дней пути — отделяло землю печенегов от земли хазар и от земли славян; из этого можно заключить, что кочевья печенегов находились в местности на Урале ниже Уральска, откуда почти одинаково далеко до низовьев Волги у Астрахани и до среднего течения той же реки близ Саратова¹⁶. Мы видим, что уже в то время

Маркварт полагает, что к Муслиму восходит арабский рассказ о русских и нескольких других народах, подробности которого указывают на первую половину IX в. Этот рассказ был потом использован целым рядом мусульманских авторов без ссылки на источник на протяжении нескольких веков, по крайней мере до XIII в., и почти на всем пространстве мусульманского мира от Испании до Афганистана. Прямая ссылка на Муслима есть, кажется, только у писавшего еще в IX в. Ибн Хордадбега, в рассказе о делении Византии на фемы. Из этого рассказа, между прочим, видно, что Муслим называл Хазарским морем Черное море и знал славян как западных соседей Македонии, отличая от них бурджанов, или дунайских болгар, как западных соседей Фракии и северных соседей Македонии.

¹⁶ <В примечании В. В. Бартольд отмечает мнение И. Маркварта (*Streifzüge*, S. 467), где этот последний, сопоставив разные варианты приведенного сообщения у Ибн Русте и Гардиэи, приходит к выводу, что первоначально (предположительно

должно было происходить смешение между славянами и волжскими болгарами. Арабские маршруты не описывают, однако, пути из страны печенегов непосредственно в страну болгар; говорится только о пути в страну болгар из страны хазар, причем в 15 днях пути от хазар жили буртасы (мордва), в 3 днях от буртасов — болгары, к которым для торговли приходили хазары (очевидно, с юга) и русы (очевидно, с севера). Болгарский народ разделялся на три ветви; одна ветвь была отделена от своих соплеменников кочевьями мадьяр, с другой стороны доходившими до Румского (Черного) моря. Мадьяры нападали на славян и русов и привозили пленных для продажи в Византию. Таким же образом русы привозили для продажи славянских рабов в страны болгар и хазар.

Расстояние между землей русов и другими странами не указывается; говорится только, что «они живут на острове среди озера, причем остров занимает пространство в три дня пути в длину и в ширину и покрыт лесами и болотами; он отличается нездоровым климатом и сыростью¹⁷, когда кто-нибудь ступит на землю, земля начинает трястись от сырости. У них есть царь, которого называют „каганом русов“; они производят набеги на славян, причем садятся на корабли, отправляются к славянам, захватывают их в плен, увозят их к хазарам и болгарам и продают. Пашен у них нет, они питаются только тем, что увозят из земли славян. Когда у кого-нибудь из них родится сын, отец приносит к ребенку обнаженный меч, бросает его перед ним и говорит: „Я не оставлю тебе в наследство имущества, и не будет у тебя ничего, кроме того, что ты приобретешь для себя этим мечом“. У них нет ни поместий, ни деревень, ни пашен; их единственное занятие — торговля соболями, белками и другими мехами; они продают их желающим, получают плату и завязывают в пояс¹⁸. Одеваются они чисто; мужчины носят золотые браслеты. Они хорошо обращаются с рабами и относятся внимательно к их одежде ради целей торговли. У них много городов; они живут богато, оказывают почет гостям и [благоденствие тем] иностранцам, кто ищет у них убежища, и всем, кто часто к ним приходит; они не позволяют никому из своей среды грабить и обижать таких

у Муслима ал-Джарми) тут говорилось о расстоянии в 10 дней между мадьярами и славянами, а не печенегами и славянами. — А. К. >

¹⁷ Ср. еще Якут, <Му'джам>, II, 834 со ссылкой на: Макдиси о 100 000 людей. <В данном месте у Якута сказано: «Сказал ал-Макдиси: Они (русы) находятся на нездоровом острове, окруженном озером (или «маленьким морем»), которое является защитой (крепостью) для них от тех, кто на них посягнет. Общее их количество исчисляется в сто тысяч человек». Ср. ниже; прим. 19. Это известие заимствовано Якутом не у географа Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Макдиси (ал-Мукаддаси), как полагал В. В. Бартольд, а у историка X в. Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси, см. Мутаххар ал-Макдиси, IV, текст, 66; пер., 62. — А. К. >

¹⁸ Ср. слова Гардизи (98) о болгарях и торговле их со славянами и румами на дирхемы. <Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 98 и сл. — А. К. >

пришельцев; если кто-нибудь из пришельцев жалуется им на причиненный ему вред или обиду, они оказывают ему помощь и защищают его. Мечи у них соломоновы. Если какая-нибудь часть их взывает о помощи, они выступают все вместе, не расходятся и образуют сплоченную силу против своего врага, пока не одержат над ними победу. Если кто-нибудь возбудит тяжбу против другого, он зовет его к суду царя, и там они спорят. Если царю удастся решить спор, то совершается по его желанию; если тяжущиеся не приходят к соглашению по слову царя, он велит им состязаться своими мечами; чей меч окажется острее, за тем признается победа. Родственники обеих сторон выходят и становятся с оружием; соперники начинают драться мечами; кто одержит верх над своим противником, в пользу того решается спор. У них есть врачи, как бы господа для них, имеющие власть даже над их царем; они приказывают народу приносить в жертву своему создателю женщин, мужчин и лошадей; когда врачи произнесли решение, народ не находит возможным не исполнять их приказа. Врач берет [обреченного] человека или животное, набрасывает на его шею веревку, прикрепляет его к дереву, пока жертва не испустит дух, и говорит: „Это — жертвоприношение богу“. Они отличаются мужеством и храбростью. Высадившись в стране какого-нибудь народа, они не уходят, пока не истребят своих противников, не изнасилуют их жен и не обратят их (оставшихся) в рабство. Они люди рослые, видные и смелые; смелость их проявляется не на коне, все свои набеги и подвиги они совершают на лодках. Они носят шаровары, причем на отдельные шаровары идет до 100 аршин материи; надевая их, они собирают и связывают их у колен. Никто из них не идет удовлетворить свою нужду один, но всегда с ним идут трое из его товарищей, и они охраняют друг друга; при каждом меч, потому что среди них мало безопасности и распространено вероломство. Если у кого-нибудь из них есть хоть немного денег, его брат или товарищ старается его убить или ограбить. Когда умирает у них знатный человек, они роют ему могилу, наподобие обширного дома, опускают его туда, кладут с ним одежду его тела, золотые браслеты, которые он носил, много пищи, кувшины с вином и даже чеканенную монету. С ним помещают в могилу его жену, которую он любил; она оставляется в живых; потом над ней закрывается дверь могилы, и она там умирает».

Таков рассказ о русах IX в., как его дает Ибн Русте. Думают, что им были опущены некоторые подробности; так, Гардизи, по-видимому на основании того же источника, говорит, что русы совершают свои походы на славян в числе 100 или 200 человек и что многие славяне приходят к русам служить им, чтобы этой службой приобрести для себя безопасность¹⁹.

¹⁹ <В докладе 1926 г. предыдущий вопрос изложен в следующем виде:> Рассказ о русах и других народах издавался в русском переводе несколько раз, прежде

Наиболее правдоподобно предположение, что автор IX в. имел в виду область русов у Ильменя. Новгород носил и у скандинавов название Хольмгардр, 'островной город'. Древнейшее поселение в этом ме-

всего по арабским авторам Ибн Русте и ал-Бекри. Некоторые подробности, которых нет в арабском тексте, находятся у персидского автора Гардизи; рассказ которого явно представляет перевод с арабского. Так, Гардизи говорит, что русы совершают свои набеги на славян в числе от 100 до 200 человек, что многие славяне приходят к русам служить им, чтобы этой службой приобрести для себя безопасность, и что орудием торговли болгар со славянами и русами уже тогда были дирхемы, т. е. арабские серебряные монеты. Об острове русов еще говорится у Якута, по автору конца X в. Мукаддаси, или Макдиси, что население острова доходило до 100 000 человек; в вошедшем в издание «*Bibliotheca geographica arabicorum*» тексте Мукаддаси этого известия нет <ср. выше, прим. 17>. Наиболее правдоподобное мнение о местоположении острова высказано Шахматовым в статье «Древнейшие судьбы русского племени»: имеется в виду Старая Русса и прилегающий к ней район. Известие о трех днях пути в длину и ширину и о 100 000 населения, вопреки арабскому тексту, должно быть отнесено, конечно, не к острову, а ко всей территории русов.

В пользу мнения, что весь рассказ в том виде, как его сохранил нам Ибн Русте и другие авторы, относится к IX в., чаще всего приводили известия о печенегах. Текст этих известий можно восстановить только путем сличения текстов Гардизи и Бекри; у каждого из этих авторов есть подробности, опущенные у другого. По Гардизи, к шатрам печенегов приходили на 17-й день после выхода из Гурганджа, или нынешнего Куя-Ургенча. Область печенегов простиралась на 30 дней пути; она граничила на севере с кипчаками, на юге или, точнее, на юго-западе (так у Гардизи) — с хазарами, на западе — со славянами.

С этим маршрутом мы теперь имеем возможность сопоставить маршрут Ибн Фадлана в марте 922 г. Ибн Фадлан на 15-й день пути прибыл к Чинку, спуску с Устюрта, пришел к гузам, прошел после этого еще большое расстояние, переехал через реку, где встретил передовые части башкир, оттуда через Эмбу и еще через несколько рек и только там встретил печенегов, расположившихся на большой, подобной морю, непроточной воде; надо думать, что имеется в виду Яман-Сор в Уральской области <теперь в Западно-Казахстанской области>. Эти печенеги, по словам Ибн Фадлана, были гораздо беднее тузов; по мнению Валидова, это были бедняки, оставшиеся в стране после ухода главной массы своего народа; по Мас'уди, эти печенеги в 912—913 гг. переправились через Волгу и в 915 г. имели с русскими столкновение, о котором говорится в русской летописи, кончившееся миром, хотя в 920 г. Игорь снова начал с печенегами войну. В 932 г. обе группы печенегов вместе осаждали Константинополь.

В Уральской области печенеги были и в то время, к которому относится первый арабский маршрут; на это указывают слова об одинаковом расстоянии (10 дней пути) от земли печенегов до земли хазар и до земли славян. Берег Урала, ниже Уральска, находится приблизительно в одинаковом расстоянии от нижнего течения Волги близ Астрахани и от среднего течения той же реки близ Саратова.

Труднее всего было примирить с отнесением к IX в. слова о распространении ислама среди волжских болгар, причем говорится, что у них есть мечети, школы, муэззины и имамы. На этом основании Маркварт пришел к убеждению, что рассказ в том виде, как он дошел до нас, написан после посольства Ибн Фадлана, которое связывается с принятием болгарами ислама, т. е. после 922—923 гг., тем более что болгарский царь упоминается в рассказе под тем же именем, как у Ибн Фадлана (الش). Составителем этого рассказа Маркварт считает Джейхани, везира саманид-

сте — Городище при выходе Волхова из Ильменя, в местности, окруженной со всех сторон болотами и речными протоками. Слова о «трех днях пути» объясняются, конечно, только ошибкой арабского автора; таково было, вероятно, пространство не острова, но всей области русов. Русы совершали в то время набеги только на славян; в более отда-

ского эмира Насра ибн Ахмеда (914—943) и автора обширной географической компиляции, не дошедшей до нас. Это же мнение Маркварта принято Шахматовым, которым оно сначала было неверно понято; в брошюре «Древнейшие судьбы русского племени» в одном месте (стр. 18) сказано, что Джейхани писал «в первой половине IX стол.», в другом (стр. 55) — что труд Джейхани «составлен, по-видимому, после 922—923 гг., и в нем также использованы некоторые известия, восходящие к первой половине IX ст.».

Но, во-первых, сомнительно, мог ли Джейхани писать после 922 г.; Джейхани был везиром Саманида Насра именно в первые годы его царствования, во время его малолетства (он вступил на престол восьми лет), и в эти же годы, по словам Гардизи, написал свой труд; единственная точная дата, относящаяся к его везирству, — рассказ бухарского историка Нершахи о постройке везиром Джейхани минарета в Бухаре в 306 г. х., т. е. в 918-19 г.; еще более сомнительно, мог ли писать после 922 г. и уже пользоваться трудами Ибн Фадлана и Джейхани Ибн Русте. Из его сочинения видно только, что он писал после 903 г., когда он совершил паломничество в Мекку. Издатель Ибн Русте — де Гье — утверждал, что Ибн Русте говорит о халифе Му'тадиде, умершем в апреле 902 г., как о живом лице; из этого можно было бы заключить, как я и сделал в одной из своих статей, что Ибн Русте писал очень скоро после 903 г. В действительности в цитированном у де Гье месте приводятся не слова самого Ибн Русте, но слова надписи, виденной им в 903 г. в Медине и относящейся к 282 г. х., т. е. к 895-96 г. н. э. Более важно замечание де Гье, до сих пор не опровергнутое, что Ибн Русте не называет ни одного автора, который бы жил после III в. х., не упоминает ни об одном событии, которое бы совершилось после 903 г. н. э. На основании того, что у него сказано о волжских болгарях, Вестберг пришел к совершенно правильному заключению, что запиской Ибн Фадлана он не пользовался; тем не менее Вестберг убежден, что не только труд Ибн Русте, но и общий источник Ибн Русте, Бекри и Гардизи написан после путешествия Ибн Фадлана, так как болгары названы мусульманами и даже говорится о существовании у них мечетей и школ, муэззинов и имамов. Другой автор X в., Мас'уди, определенно говорит о принятии болгарями ислама после 310 г. х., т. е. связывает это событие с посольством Ибн Фадлана. Такое мнение могло возникнуть под влиянием самого Ибн Фадлана, явно преувеличивающего результаты своей деятельности, хотя из его же рассказа видно, что болгары были уже мусульманами до него и что ему принадлежало только ближайшее ознакомление их с предписаниями ислама. Упоминание о школах в источнике Ибн Русте, Бекри и Гардизи свидетельствует только о преувеличенных слухах о мусульманстве болгар, проникавших в X в. в мусульманские страны. Возможно, что болгары еще до принятия ислама ради облегчения торговых сношений выдавали себя за мусульман, как русские для той же цели задолго до принятия христианства выдавали себя за христиан. В общем этот рассказ показывает, какие скудные и противоречивые известия о болгарях были у арабов до посольства Ибн Фадлана. Говорится о мечетях и школах, но ничего не сказано о городах; народ живет в лесах и занимается земледелием.

Более всего говорило бы в пользу зависимости рассказа, если не от записки Ибн Фадлана, то от факта его путешествия, совпадение имени болгарского государя Алмуш (المش; произношение, конечно, не вполне установлено). Вестберг не придает этому факту решающего значения и, по-видимому, полагает, что имя Алмуша,

денные страны они приходили в то время только для торговли, причем пользовались торговыми путями, проложенными до них славянами. Ибн Русте говорит только о путешествиях русов для торговли в страну болгар; о путешествии русских купцов в Византию говорится в рассказе Ибн Хордадбеха, заимствованном, может быть, из того же источника²⁰. «Что же касается русских купцов, а они (русы) — племя из славян, то они привозят меха бобров, меха черных лисиц и мечи из самых отдаленных [частей] страны славян к Румскому (Черному) морю, и взимает с них десятину царь румийцев²¹. Если же они плывут по Танаису, реке славян, то они высаживаются в городе хазар, и взимает с них десятину его владетель, потом они идут в Джурджанское (Каспийское) море и высаживаются на его берегах, где хотят; диаметр этого моря — 500 фарсахов. Иногда они привозят свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад, причем переводчиками им служат славянские евнухи [халифа]; они выдают себя за христиан и уплачивают джизью (подушную подать)»²².

благодаря его обращению в ислам и сношениям с халифом, и без записки Ибн Фадлана могло стать известным мусульманскому миру; но этот довод имеет значение только в том случае, если Ибн Русте и его источник писали после 922 г. Однако есть доводы против того, что имя Алмуш вообще стояло в первоначальном тексте Ибн Фадлана, хотя оно находится в такой форме не только у Якута, но и в рукописи, открытой Валидовым. На монете болгарского царя, чеканенной в Суваре еще при халифе Муктадире, т. е. до 932 г., где болгарский правитель носит титул «эмир», принятый им под влиянием беседы с Ибн Фадланом и потом на болгарских монетах не встречающийся, мы находим другое имя, вероятно بارمان (Барман) или تارمان (Тарман). Вследствие этого мною было высказано предположение, что имя المش (Алмуш) было вставлено одним из переписчиков отчета Ибн Фадлана и более раннего труда вместо названного самим Ибн Фадланом имени بارمان (Барман) по сходству начертания.

Более всего говорило бы против предположения о Джейхани как общем источнике Ибн Русте, Бекри и Гардизи существование цитаты из Джейхани (собственно, из персидского сочинения *Ашкāl al-‘ālam*, выдающего себя за перевод сочинения Джейхани, хотя Джейхани там назван Абу-л-Касим вместо Абу Абдаллах), где, как у авторов X в., говорится о разделении русов на три племени. В этом наиболее существенное различие между первоначальным рассказом, знающим только единую Русь на острове под властью кагана, и позднейшими. Ясно, что если уже Джейхани говорил о трех русских владениях, то не к нему восходит рассказ, где говорится только о единой Руси, хотя этот рассказ мог бы быть использован им; так, анонимный персидский географ конца X в. говорит о трех русских городах и в то же время заимствует из первоначального рассказа известие о русском кагане вместе с некоторыми другими.

²⁰ <Из которого заимствовал и Ибн Русте, а не из этого последнего, который писал после Ибн Хордадбеха. — А. К.>

²¹ У Гардизи о царе русов دهيك ستانده از بازركانان «Их царь взимает десятину с купцов». См. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 101, 124. — А. К.>

²² <Ибн Хордадбех, 154. Или: Seippel, *Fontes arabici*, p. 49. — А. К.>

В тексте дошедшего до нас сокращения Ибн Хордадбеха рассказ о русах производит впечатление какой-то странной вставки; перед ним и после него одинаково говорится о путешествиях еврейских купцов из Европы в мусульманские страны. Рассказ о купцах был, однако, и в полном тексте Ибн Хордадбеха, откуда его извлек писавший в начале X в. Ибн ал-Факих, сочинение которого дошло до нас также только в позднейшем сокращении. В дошедшем до нас списке Ибн ал-Факиха говорится не о русах, а только о славянских купцах. Сказано, что они «привозят меха черных лисиц и меха бобров из самых отдаленных частей страны славян и приходят к Румскому морю, и взимает с них десятину государь румов; потом они приходят по морю в еврейский [город] Самкарич (Тмутаракань)²³, потом возвращаются в страны славян. Или они идут из славянского моря по той реке, которая называется „рекой славян“, приходят в город хазар, и взимает с них десятину хазарский государь, потом они отправляются к Хорасанскому морю (вероятно надо: Джурджанскому). Иногда они высаживаются в Джурджане и распродают там все свои товары, и все это попадает в Рей»²⁴.

²³ <В издании де Гье (Ибн ал-Факих, 271,1) سمكوش (Самкуш), причем издатель замечает, что буква *vāw* по рукописи может читаться и как *p* и как *d*, а конечное *shīn* — как *shīn*. «Город, по-видимому, лежал на полуострове Тамани». Чтение سمكارس 'Самкарс', по мнению де Гье, может быть поддержано тем, что есть соответствующая еврейская параллель в письме хазарского царя, найденном Фирковичем в 1869 г., где в конце стоит *ц*. Ссылка на Nagkavy, *Altjüdische Denkmäler*, S. 184 ad. 140, App. 2. Именно этому еврейскому чтению и следует В. В. Бартольд (заменяя *ц* на *ч*; которого, конечно, ни в еврейском, ни в арабском нет). В докладе 1926 г. это имя передано уже как «Самкус или Самкарс». В. В. Бартольд пишет: «По-видимому, все исследователи теперь согласны в том, что Самкус, или Самкарс, соответствует Тмутаракани; город тогда был еврейским и принадлежал хазарам; появление русской Тмутаракани было, вероятно, одним из последствий похода Святослава. Славяне или русы, следовательно, в то время торговали с греками только на северном берегу Черного моря, не отправляясь в Византию; потом они ехали морем в Тмутаракань, принадлежавшую хазарам, отсюда по Азовскому морю и вверх по Дону, иногда перетаскивали свои лодки из Дона в Волгу и дальше плыли по Волге к Каспийскому морю. Первая подробность показывает, что рассказ может относиться и ко времени до прибытия первого русского посольства в Константинополь, хотя русские и потом избирали тот же кружной путь в страну хазар: морем, из устья Днепра или другого места, к Таманскому полуострову, отсюда по Азовскому морю и вверх по Дону до влока, оттуда вниз по Волге в Итиль и в Каспийское море. Известно, что таким способом был совершен и тот набег на прикаспийские области, о котором рассказывает Мас'уди». — А. К.>

²⁴ <Этот абзац из Ибн ал-Факиха см. в упомянутом выше издании, стр. 270—271. О сообщении Ибн Хордадбеха В. Бартольд в докладе 1926 г. пишет: > Часто обсуждавшийся в печати вопрос, когда писал Ибн Хордадбех, не имеет большого значения ввиду невозможности доказать, был ли рассказ о русах в первоначальном тексте Ибн Хордадбеха. Известно, что де Гье предполагал две редакции сочинения Ибн Хордадбеха; из которых первая была составлена около 232 г. х., или 846-47 г., другая — сорок лет спустя, не ранее 272 г. х., или 885-86 г.; де Гье настаивал на том, что рассказ о русских купцах находился уже в первой редакции; против воз-

Замечательно, что, по Ибн Хордадбеку, купцы-русы не только доходили до Каспийского моря, но и переплывали через него; между тем не говорится о плавании из гаваней северного берега Черного моря в Константинополь. Муслим мог быть свидетелем прибытия в Византию тех купцов русов, о которых говорит франкский летописец, но правильных торговых сношений с Константинополем русы в то время еще не вели. Из греческих источников мы знаем, что около 30 лет спустя, в 860 г., уже произошло первое вооруженное нападение русов на Константинополь. Мусульманские источники об этом походе не упоминают, хотя в том же году, незадолго до нападения русов, в Константинополе был арабский посол.

Движение русов на юг и утверждение их на Днестре было, как видно из русских летописей, враждебным действием против хазар, которым раньше платили дань жившие на Днестре славяне. До этих пор хазарские владения подвергались в России, при императоре Феофиле; опасности только со стороны мадьяр; этот враг, вероятно, имелся в виду, когда хазарское правительство около 833 г. обратилось к византийскому императору Феофилу (829—842) с просьбой построить ему крепость для защиты от нападений кочевников. Греческими мастерами была выстроена крепость Саркел на Дону, в месте, где река ближе всего подходит к Волге. Восточные известия о столкновении русов с хазарами и о действиях их в бассейне Каспийского моря все относятся уже к X в. По своей хронологической определенности на первом месте стоит недавно открытый еврейский документ X в., сохранившийся в рукописи XI—XII в.²⁵ где упоминается «Халевгу», «царь русов», т. е. Олег русских летописей. Император Роман Лакапин (920—944) убедил Халевгу

возможности такого известия в такое раннее время возражали специалисты по русской истории. Не касаясь этого вопроса, ограничусь указанием на совершенно неосновательность довода Маркварта, которым был введен в заблуждение Вестберг, против мнения де Гюе. По мнению Маркварта, решающее значение имеет упоминание уже в той редакции, которую де Гюе считал первой, турок-тугузгузов, как арабы называли уйгуров, в области нынешнего Турфана, между тем эта область была завоевана уйгурами только в 866 г. Несомненно, что арабы перенесли название *тугузгуз* на завоевавших область Турфана уйгуров, но первоначально оно относилось к прежним, тоже турецким владетелям той же области; это ясно видно из приведенного самим Марквартом, но неправильно истолкованного им рассказа умершего в 869 г. Джахиза, где говорится о долгих войнах между тугузгузами и их западными соседями — карлуками; сперва тугузгузы одерживали верх, хотя по численности значительно уступали своим врагам, потом, когда они приняли манихейство, они стали терпеть поражения. Из этого ясно видно, что, по Джахизу, тугузгузы (в названии этого народа находится не название уйгур, а название другого турецкого народа, огузов) были соседями карлуков, т. е. владели восточной частью нынешнего Китайского Туркестана задолго до 866 г.

²⁵ Имеется в виду письмо анонима, опубликованное С. Шехтером (*Schechter, An unknown Khazar document*), а также акад. П. А. Коковцовым (*Новый еврейский документ*). См. также Коковцов, *Еврейско-хазарская переписка*. На подложность всей этой переписки, в том числе и данного письма анонима, указывает Н. Grégoire

напасть на хазар (перед этим говорится о нападении на хазар, тоже по подстрекательству греческого царя, царя аланского); Халевгу взял «воровским способом», потому что «не было там начальника», город Самбарай (вероятно, Тмутаракань), но хазарский владетель, собрав свои силы, отомстил врагам, взяв три греческих города (вероятно в Крыму), причем избил и мужчин и женщин, пошел на Халевгу и заставил его идти на греков. Халевгу четыре месяца «воевал против Константинополя на море», потерпел поражение от греческого огня. «И битым он постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (по другому толкованию во Фракию), и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар».

Автор вновь открытого еврейского документа называет своим государем хазарского «царя Иосифа». Известна переписка этого царя с испанским раввином Хисдаем, находившимся на службе кордовского халифа Абд ар-Рахмана (912—961); Хисдай написал Иосифу два письма, и на второе получил от царя ответ с подробным изложением истории принятия хазарами иудейства. Подлинность этого письма возбуждает большие сомнения; один из современных ученых считает его подделкой XII в. Наш документ тоже выдает себя за письмо, полученное из страны хазар, хотя и не от такого высокого корреспондента, каким-то знатным испанским евреем. Если в XII в. вообще была сочинена такая переписка в Испании, то возможно, что и эти документы принадлежат к той же литературе; но все-таки любопытно появление имени «Олега» именно в той версии, какую предполагали норманисты; любопытны также сведения об этом, которые опровергаются хронологией русской летописи. Вопрос о степени достоверности этих сведений связан также с вопросом о времени составления письма. Из одного места, где говорится о гонении на евреев при императоре Романе Лакапине: «Когда было гонение [на иудеев] в дни злодея Романа», можно заключить, что автор не выдает себя за современника императора и, следовательно, писал, во всяком случае, после 944 г. Если письмо вообще составлено только в XII в., то вопрос о том, насколько можно положиться на точность приведенных в нем фактических сведений, становится еще более спорным. Возможно, что автор приписал Олегу поход на Константинополь, совершенный в 941 г., причем Игорь после неудачи отступал через Фракию. Рассказ еврейского автора о гибели Олега в отдаленной стране трудно примирить с фактом, что в эпоху составления русской летописи могилу Олега показывали на горе Щековице, близ Киева.

Если Олег вообще воевал с хазарами по наущению византийского императора, то это скорее всего могло произойти после 911 г., когда между русами и преками был заключен договор о дружбе и мирных

(Le «Glozel» khazare). — А. К. ><Ныне см. Артамонов, *История хазар*, стр. 8—12. Там же дан сжатый разбор литературы по этому вопросу. — Б. С.>

торговых сношениях. В 40-х годах X в. действия русов на Каспийском море также имели место тотчас после примирения с греками; в 60-х годах русы отказались от своих завоеваний в бассейне Каспийского моря ради движения на Балканский полуостров. Ввиду этого можно предполагать некоторую связь между русо-греческим договором 911 г. и тем набегом русов на прикаспийские страны, о котором подробно рассказывает только автор X в., Мас'уди.

Мас'уди, писавший в 40-х годах X в., не помнил точной даты похода, но знал только, что он произошёл после 300 г. х., т. е. после 912-13 г. По его словам, русы совершили этот набег на 500 судах, причем на каждом было до 100 человек. Суда вошли в залив Черного моря, откуда было сообщение с рекой хазар; там они вступили в переговоры с гарнизоном хазар и их князем и получили разрешение совершить набег на прикаспийские области с тем, что уступят хазарам половину добычи. «После этого они вошли в канал, достигли устья реки и плыли вверх по этому рукаву реки, пока не прибыли к хазарской реке, потом вниз по хазарской реке до города Итиля, — а река эта большая, — мимо этого города к устью реки к месту ее впадения в Каспийское море. От этого места до города Итиля это могучая, обильная водой река. После этого суда русов рассеялись по морю, и их отряды отправившись в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан, потому что главный город Азербайджана отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли [дома]. Тогда поднялся крик среди живших вокруг этого моря народов, потому что они издревле не слышали ни о каких нападениях врагов на этом море, где плавали только торговые и рыбацкие суда²⁶. Русы после этого сражались с гилянцами, дейлемцами и с одним из военачальников Ибн Абу-с-Саджа²⁷ и дошли до берега около нефтяных колодцев ширванского царства, известных под названием „Баку“. При возвращении из

²⁶ С другой стороны, слова Хилаля ас-Саби, *Вузаръ*, 217, о восстановлении Юсуфом дербентских стен, о моле в 600 аршин (ذراع), который препятствовал вторжению хазарских судов (مراكب الخزر). О хазарских судах на реке буртасов см. Maggart, *Streifzüge*, S. 836 (по Мас'уди). О третьем походе русов: Dorn, *Caspia*, S. 3 sq.: первый поход при Хасане ибн Зейде (864—884), второй — в 909-10 г. Первый отнесен Куником (*Caspia*, S. 17) к 880 г. Ср. Ибн Исфендияр, пер. Броуна, 199, по которому и третий поход до 913 г.

²⁷ <Прим. В. Б. на полях:> Юсуф ибн Абу-с-Садж, по Лэн-Пулю (*Мусульманские династии*, стр. 103), с 288 (911) г. по 307 (919) г. заключен в тюрьму халифом, но в 310 (922) г. восстановлен в своей должности. По Григорьеву, *Россия и Азия*, стр. 19, Юсуф назначен правителем в 296 (908-09) г. О событии 288 г. Табари, III, 2204 и сл. Война с Юсуфом в 295 г. — там же, 2280; [вновь назначен правителем] Юсуф в 296 г. — там же, 2284. <В скобках слова неразборчивы и вставлены в соответствии с текстом Табари. — А. К.>

набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда. Царем Ширвана был тогда Али ибн ал-Хейсам. Люди вооружились, сели на барки и торговые суда и отправились к тем островам, но русы обратились против них; тысячи мусульман были убиты или потонули. Русы остались на этом море несколько месяцев, и никто ничего не мог с ними сделать, хотя люди вооружались против них и принимали меры предосторожности; местность вокруг моря была густо населена. Когда они достаточно награбили и когда им это надоело, они отправились к устьям хазарской реки, вступили в переговоры с хазарским князем и принесли ему сокровища и добычу, как было обещано,— у хазарского государя нет судов, и его люди не привыкли к мореплаванию, иначе мусульмане потерпели бы с этой стороны много ущерба. Арсийцы (хазарская гвардия, состоявшая большей частью из мусульман²⁸) и жившие в хазарской стране мусульмане тогда обратили внимание на положение русов и сказали: „Предоставь нам расправиться с этими врагами, потому что они совершили нападение на области наших братьев мусульман, пролили их кровь и увели в плен их жен и детей“. Он не мог помешать им и предупредил русов, что мусульмане решили сражаться с ними. Мусульмане собрались и стали их преследовать, когда они плыли вниз по реке²⁹. Когда враги увидели друг друга, русы покинули свои суда и выстроились против мусульман в боевой порядок. На стороне мусульман было множество живших в Итиле христиан; мусульман было около 15 000, с конями и вооружением. Битва между ними продолжалась три дня, и бог даровал мусульманам победу; из русов одни были убиты, другие потонули. Всего убитых мусульманами на берегу хазарской реки, насколько можно было пересчитать, было около 30 000, спаслось около 5000. Они отплыли на судах к другой стороне реки поблизости страны буртасов, там покинули свои суда и вышли на сушу; некоторые из них были убиты буртасами, другие попали в страну болгар-мусульман, которые их перебили. С этого года русы больше не совершали таких дел, как те, о которых мы рассказали».

Кроме Мас'уди, о тех же событиях говорит табаристанский исто-

²⁸ Мас'уди, *Мурудж*, II, 10—12.

²⁹ <В этом месте В. В. Бартольд карандашом написал какой-то вариант текста арабского оригинала: *منحدرين من الماء*. Очевидно, его собственный перевод показался ему сомнительным, так как ведь русы поднимались вверх по Волге. В действительности эта фраза относится, несомненно, не к русам, а к самим хазарским мусульманам. В тексте ал-Мас'уди (*Мурудж*, II, 23; Seipfel, *Fontes arabici*, fasc. I, p. 63) стоит *ومنهدرين مع الماء*, т. е. «[мусульмане выехали], спускаясь влесте с водой (по течению воды)». У Зейпеля (fasc. II, p. XXIX) указан лишь один вариант в лейденской рукописи, где стоит предлог *على* 'на', что, конечно, не меняет дела, но лишь указывает на то, что в остальных всех рукописях, использованных Зейпелем, стоит предлог *مع*. — А. К.>

рик XV в. Захир ад-дин Мар'аши³⁰; по его словам, «толпы русов прибыли на кораблях в Табаристан, сделали там высадку и произвели большие опустошения. Саманиды употребили все усилия к их истреблению и успели совершенно уничтожить этого неприятеля». Из этой подробности заключали, что набег русов произошел еще в 301/913-14 г.; в 302/914-15 г. Табаристан уже был отнят у Саманидов алидским имамом Хасаном Утрушем; саманидский эмир Ахмед получил известие о восстании Хасана в 914 г. накануне своей смерти (он был убит в ночь на 23 января 914 г.).

Из подробностей рассказа Мас'уди видно, что русы прибыли из Черного моря в Азовское. Переговоры с хазарами происходили, вероятно, в Тмутаракани; очень возможно, что переговорам предшествовали враждебные действия; русы сначала посредством неожиданного нападения овладели Тмутараканью, потом были вынуждены возвратить ее хазарам. Дальнейшее плавание происходило вверх по Дону до волока и вниз по Волге до устья; на берегу Каспия русы на этот раз довольствовались набегами на незащищенные места; о взятии и разграблении городов не говорится. Складочным местом добычи был Апшеронский полуостров (арабское слово *джазйра* означает и остров, и полуостров) и соседние острова. Нападением мусульман, возможно допущенным хазарами (хотя они и предупредили русов о намерениях их врагов), русы были отрезаны от Дона; остатки их были принуждены отправиться вверх по Волге, где и были истреблены буртасами и болгарями³¹.

³⁰ <Ср.> Григорьев, *Россия и Азия*, стр. 19.

³¹ <По поводу этого набега русов, рассказанного у ал-Мас'уди, в докладе 1926 г. В. В. Бартольд говорит:> Известно, что нападение русского флота на Константинополь относится к 860 г., тогда как рассказанный у Мас'уди набег на прикаспийские области совершился, по его словам, после 300 г. х., т. е. после 912-13 г., причем Мас'уди категорически настаивает на том, что это было первое появление русских и вообще каких бы то ни было военных судов на Каспийском море; до тех пор там никаких судов, кроме торговых, не видали. Казалось, что эти слова опровергаются словами прикаспийского историка XIII в. Ибн Исфендияра, подтвержденными рассказами еще более позднего историка той же местности Захир ад-дина Мар'аши (XV в.); по этим известиям, первый набег русских совершился еще при Хасане ибн Зейде, правившем с 864 до 884 г. (Куник относил этот набег к 880 г.), второй — в 207 г. х., т. е. 909-10 г. н. э. Но пока свидетельства этих поздних авторов не находят себе подтверждения в более ранних источниках, мне казалось бы невозможным противопоставлять их категорическим словам Мас'уди, знавшего историю прикаспийских областей, особенно кавказских, лучше других авторов X в.

Современный ему набег описывается им очень подробно; только точной даты он не мог сообщить. Была попытка установить эту дату на основании сообщений тех же прикаспийских историков; заслуга отражения русских приписывается ими династии Саманидов, господство которой над южным берегом Каспия прекратилось уже в 301 г. х., т. е. в 913-14 г.; саманидский эмир Ахмед ибн Исма'ил, убитый 23 января 914 г., получил известие о восстании в Мазандеране накануне своей смерти. Из слов Мас'уди «после 300 г.» и слов прикаспийских авторов о Саманидах,

После этого вооруженные отряды русов лет 30 не показывались в бассейне Каспийского моря. Торговые сношения русов с приволжскими народами, однако, продолжались; мусульмане, приезжавшие в страну хазар и болгар, могли собирать там сведения, между прочим, о русах, чем и воспользовался Ибн Фадлан, участник посольства, отправленно-

власть которых прекратилась в 301 г., был сделан вывод, что набег произошел именно в 301 г., т. е. в 913 г. н. э. Этот довод имел бы значение, если бы можно было признать достоверным известие о заслугах Саманидов; но Мас'уди прямо говорит, что русы не потерпели никакого поражения, а прекратили свои набеги только потому, что достаточно награбили и что это им надоело. Большое значение для датировки имеют, как понял Вестберг, слова Мас'уди, что против русских действовал полководец Юсуф ибн Абу-с-Саджа. Юсуф еще в 288/901 г. имел столкновение со своим племянником в Азербайджане и тогда же, по-видимому, овладел этой областью, куда против него выслал войско халиф в марте 908 г.; столкновение кончилось миром, и в марте 909 г. Юсуф был утвержден наместником Азербайджана. В 306/918 г. он сделал нашествие на Рей, потерпел поражение и был заключен в тюрьму халифом, но в 310/922 г. освобожден и восстановлен в своей должности; в 315/927 г. он был взят в плен и убит в войне с карматами. Вестберг на основании совершенно неубедительного довода (в Армении русские, во всяком случае, не были, Армения упоминается среди областей Юсуфа только в рассказе о его первом наместничестве) склонен отнести набег русских ко второму наместничеству Юсуфа, а именно ко времени около 925 г. Мало правдоподобно, чтобы Мас'уди в таком случае ограничился неопределенной датой: «после 300 г.». Вестберг указывает на неопределенность даты Мас'уди «до 300 г.» в рассказе о набеге норманнов на Испанию в 844 г.; но одно дело — датировка событий IX в., другое дело — датировка событий X в., совершившихся при жизни Мас'уди.

О действиях Юсуфа против северных врагов говорит еще писавший в XI в. Хилаль ас-Саби. По его словам, Юсуф восстановил входившие в море дербентские стены, препятствовавшие вторжению в гавань хазарских судов, причем получил указания от багдадского везира Ибн ал-Фурата Абу-л-Хасана Али. Подробности рассказа несколько легендарны. Историк не говорит, к которому из трех везирств Ибн ал-Фурата (в 296—299, 304—306 и 311—312 гг.) относится это событие. Конечно, принятие мер для защиты Дербента могло и не иметь отношения к набегу русов.

Слова Хилала о хазарских судах находятся в противоречии со словами Мас'уди, что у хазар никаких судов не было. Как замечает Маркварт, Мас'уди в этом случае противоречит и сам себе; в другом месте он говорит о хазарских судах на р. Буртасе, под которой, вероятно, надо понимать р. Самару. Возможно, что эти суда, и в особенности морские, в действительности принадлежали местным славянам или русам, на которых хазарский каган мог смотреть как на своих подданных.

Подробности рассказа Мас'уди о несчастном отступлении русов после набега достаточно известны, о них почти не говорит ни один из других источников. Хазарский каган, вероятно, допустил нападение мусульман на русских, хотя они, насколько можно видеть из рассказа Мас'уди, не нарушили своего обещания предоставить хазарам половину добычи. Как заметил Маркварт, русов, по Мас'уди, на обратном пути, несмотря на неизбежные потери во время набега, оказывается гораздо больше, чем было в начале похода; сначала говорится о 500 судах по 100 человек на каждом, потом о войске около 35 000 человек, из которых спаслось около 5000. Любопытно известие, что в нападении на русов, кроме мусульман, в числе 15 000, мстивших за своих единоверцев, приняли участие и христиане Итиля; очевидно также заинтересованные в безопасности торговли на Каспийском море.

по к волжским болгарам из Багдада в 921 г. Записка Ибн Фадлана известна нам только в извлечениях, сделанных в начале XIII в. Якутом, автором известного географического словаря, хотя, по словам Якута, в его время труд Ибн Фадлана был распространен в большом числе экземпляров.

Посольство халифа было ответом на посольство «царя славян» — так называется здесь болгарский царь; царь просил халифа прислать ему, во-первых, людей, которые бы научили его правилам ислама и построили в его стране мечеть, во-вторых, мастеров для постройки крепости для защиты от врагов; к сожалению, не сказано, от каких и где³². Болгарский царь обратился, следовательно, к главе ислама с такой же просьбой, как 90 лет раньше хазарский царь к византийскому императору. Халиф выразил согласие и отправил ответное посольство; послом «от правительства»³³ был Сусан ар-Расси, на которого, очевидно, были возложены переговоры политического характера, между прочим и по вопросу о постройке крепости³⁴. Ибн Фадлан, судя по тому, что он рассказывает о своей деятельности в стране болгар, выполнял обязанности вероучителя. Этим объясняется, что из его записки мы ничего не узнаём о результатах дипломатических сношений; не говорится даже, была ли выстроена крепость³⁵. В записке был приведен маршрут посольства, опущенный Якутом; известно только, что послы ездил из Багдада к Волге не ближайшим путем, через Кавказ, но круглым, через Хорезм, очевидно потому, что в этом направлении происходили вообще сношения волжского бассейна с халифатом³⁶. Покинув Багдад 21 июня 921 г., послы только 12 мая 922 г. прибыли в столицу болгар; на путешествие от Гурганджа до болгарской столицы ушли последние 70 дней, следовательно с марта 922 г.³⁷ Продолжительность путешествия заставляет полагать, что путь посольства шел

³² <В полном тексте Ибн Фадлана говорится подробно о том, что этими врагами были хазары, которые «поработили» болгар. — А. К.>

³³ <В оригинале: من السلطان 'от султана'. Из различных мест полного текста Ибн Фадлана с очевидностью явствует, что этим термином автор обозначает просто халифа. — А. К.>

³⁴ <Из рассказа Ибн Фадлана, даже в полном тексте, этого совершенно не видно. В Болгаре этот посол ничем себя не проявляет. Однако Ибн Фадлан мог, конечно, сознательно затушевать его роль. — А. К.>

³⁵ <Крепость не была выстроена, по крайней мере на средства, обещанные халифом, так как предназначенная на это сумма в 4000 динаров, вследствие интриг саманидских властей и хорезмшаха, так и не была доставлена в Болгар. — А. К.>

³⁶ <Конечно, между Бухарой и средней Волгой существовала такая проторенная дорога, но в данном случае маршрут, по-видимому, определили две причины. Во-первых, так как халиф оказывал помощь болгарам против хазар, то нельзя было ехать через Хазарию. Во-вторых, в Средней Азии имелось в виду собрать некоторые средства для оплаты всего этого предприятия. — А. К.>

³⁷ <Точнее — 4 марта 922 г. — А. К.>

из Хорезма к низовьям Волги и оттуда вверх по реке³⁸. По словам Ибн Фадлана, от столицы хазар до столицы болгар был месяц пути по степи или два месяца вверх по реке; путь вниз по реке совершали в 20 дней. Очень вероятно, что Ибн Фадлан был в стране хазар и на обратном пути, о котором в дошедших до нас отрывках ничего не говорится; на это указывает рассказ о происшествии 310 г. х. (начался 1 мая 922 г.): хазарский царь, узнав о разрушении какими-то мусульманскими властями синагоги, велел разрушить минареты и перебить муэззинов и при этом сказал: «Если бы я не боялся, что в мусульманских областях тогда разрушат все синагоги, я разрушил бы и мечеть»³⁹.

Среди мусульманских болгар Ибн Фадлан пробыл, однако, дольше, чем среди хазар, и собрал в их стране подробные расспросные сведения о соседних народах. Исходным пунктом всех путей, о которых говорится в записке, является страна болгар. Летом 922 г. Ибн Фадлан обратил внимание на краткость ночей, затруднявшую выполнение предписываемых исламом пяти ежедневных молитв; болгарский царь рассказал ему, что в трех месяцах от него живет народ вису («весь» русских летописей, около Белого озера), где ночь продолжается меньше часа. Вместе с народом вису упоминаются у Якута⁴⁰ варанги (варяги) и югры, вероятно западные и восточные соседи веси. О юграх в отрывках из Ибн Фадлана ничего не сообщается, но очень вероятно, что к Ибн Фадлану восходит подробный и интересный рассказ Ауфи, свидетельствующий о подробном знакомстве болгар с далеким севером⁴¹. От страны болгар до страны югров считали всего 20 дней пути; у них был город Илаб или Амлаб (?); югры описываются как «дикий народ, не общающийся с людьми и боящийся их. Жители Болгара отправляются в их земли и привозят туда свои товары — одежду, соль и другое; для перевозки товаров они готовят нечто вроде небольших тележек, в которые впрягаются собаки, так как вследствие большого количества снега никакое другое животное не могло бы пройти через ту страну. Люди прикрепляют себе к пяткам бычачьи кости»⁴²,

³⁸ <В действительности посольство ехало по степи от Хорезма на северо-запад через Башкирию, минуя Хазарию. — А. К.>

³⁹ <Хотя конец сочинения Ибн Фадлана, содержащий описание возвращения посольства в Багдад, не сохранился даже и в мешхедской рукописи, однако из различных косвенных данных обстоятельств дела видно, что посольство возвращалось тем же путем, так что Ибн Фадлан в Хазарии так и не был. — А. К.>

⁴⁰ <У Якута (*Му'джам*, I, 34₂₁) в обзоре седьмого климата говорится, что сейчас же за ним севернее имеются народы ису (=вису), варанг, юра и подобные им *ايسو و ورنك و يوره و امثالها*. — А. К.>

⁴¹ <В действительности Ибн Фадлан о югре ничего не сообщает. — А. К.> Ср. теперь Mauguart, *Ein arabischer Bericht*. Предположение о Джейхани как источнике — S. 303.

⁴² Лыжи.

каждый берет в руки две палки с копьем, ударяет ими по снегу позади себя, скачет по поверхности снега, и они несутся, как ветер, так что проходят в день большие расстояния. С югами они ведут куплю и продажу знаками и вывозят из их земли больших и красивых соболей. По ту сторону югров на берегу моря живет народ, отличающийся крайним неразумием⁴³. Они постоянно выходят в море; один из их дурных обычаев заключается в том, что, когда в море сходятся два корабля, они привязывают один корабль к другому и начинают биться мечами, хотя бы люди обоих кораблей происходили из одного города и одного квартала и хотя бы между ними раньше не было никакой вражды; таков уже у них обычай. В том море добывается рыба, из зубов которой делаются рукоятки ножей и мечей⁴⁴. Когда в том море корабль плывет на север, он достигает места, где летом ночи нет совсем, так что в году бывает одна ночь и один день»⁴⁵.

⁴³ Об этом народе еще Якут, <Му'джам>, I, 113. <На этой странице передается рассказ Ибн Фадлана о великане, прибывшем некогда в Болгар, и о северном народе великанов. Отрывок переведен полностью В. Розеном в статье *Пролегомена*, стр. 54—58. — А. К.>

⁴⁴ Рыбьи зубы — моржовые клыки. Мнение Marquart'a (Bartenwal, *Ein arabischer Bericht*, S. 312). «Das Walross, an das man sonst auch denken könnte, hätte man wohl schwerlich als Fisch bezeichne!».

⁴⁵ <В докладе 1926 г., уже имея перед собою новую работу Маркварта, В. В. Бартольд говорит о сообщениях, переданных Ауфи, следующее:> К числу рассказов, сообщенных или Ибн Фадланом, или другими арабами после него о стране волжских болгар, принадлежит и рассказ Ауфи о странах далекого севера, разобранный Марквартом. По Якуту, Ибн Фаллан слышал от болгарского царя рассказы о стране Вису, которая будто бы находилась на расстоянии трех месяцев пути от Болгара; там самая краткая ночь продолжалась меньше часа, самая долгая была так длинна, что света совсем не было видно. По Ауфи, расстояние между Болгаром и Вису было всего 20 дней, из чего Маркварт делает вывод, что Ауфи тут не находится в зависимости от Ибн Фадлана. Страна называется у Ауфи Ису; ту же форму употребляет Якут в другом месте, независимо от Ибн Фадлана, где рядом ставятся им страны крайнего севера: Ису, Варанг и Юра. Форма Ису есть и у путешественника XII в. Абу Хамида Андалуси. А автор XIII в., Закария Казвини, пользуясь рассказом Абу Хамида, заменяет слово *Ису* известным ему по Ибн Фадлану словом *Вису* (так у Маркварта; лучше было бы сказано: «из Якута», так как непосредственное знакомство Казвини с Ибн Фадланом отвергалось Розеном, по-видимому, основательно). Слово *يور* — *юра*, в такой же форме, как у Якута, находится у Ауфи, который только говорит, что эта страна находилась по ту сторону страны Вису; расстояние не указывается. Было ли слово *юра* у Ибн Фадлана — из выписок Якута не видно. По Ауфи, *юра* — дикий народ, не общающийся с людьми и боящийся их, но болгары приезжают в их земли, привозят одежду, соль и другие предметы, которыми торгуют; для перевозки товаров употребляются повозки, запряженные собаками, — снега так много, что никакое другое животное не может прорезать эту землю. Люди прикрепляют к пяткам своих ног бычьи кости, каждый берет в руки две палки с копьем (т. е. железным наконечником), и толкают их в снег за собой и бегут по снегу, как ветер (у Маркварта здесь ошибочное разделение слов и ошибочный перевод: wie mit eisern Ruder). С людьми *юра* [болгары] ведут торговлю, объясняясь посредством знаков; они привозят из их земли больших и красивых соболей (очевидно, меха).

От Болгара считали 10 дней пути до начала византийских владений (вероятно, у Черного моря) и 20 дней до «Куябы, города русского». Русы теперь уже не описываются, как небольшое племя, живущее на острове; они разделяются на три ветви, из которых одной, жившей ближе к болгарам, управлял царь, живший в Куябе, городе, который больше Болгара. «Выше их живут салавии, царь которых живет в городе Сала; третье племя называется артаниями, и царь их живет в городе Арта. Люди приезжают для торговли в Куябу; что касается Арты, то нет известий о том, чтобы туда пришел какой-нибудь иностранец, так как они убивают каждого иностранца, вступающего в их землю. Они только спускаются вниз по реке для торговли, но не сообщают ничего о своих делах и о своих товарах и не позволяют никому следовать за ними и вступать в их область. Из Арты вывозят черных соболей, черных лисиц и свинец. Тела умерших у русов сжигаются; с ними сжигаются также невольницы задушенные. Некоторые русы бреют бороду, другие закручивают и заплетают ее, подобно лошади-

Слово *يور* — *юра* в несколько иной форме (*يور*) находится у Казвини, ссылающегося на Абу Хамида Андалуси; Маркварт посредством сопоставления текста обоих авторов доказывает, что Казвини вставил слово *يور* в рассказ Абу Хамида, где его не было. Абу Хамид говорит, что в страну Ису или Вису привозятся мечи, выделяемые в Азербайджане и продаваемые там за 4 динара каждый; с этими мечами жители Вису идут в страну мрака у Черного или Ледовитого моря, бросают их в море, и тогда выходит огромная рыба. Казвини заставляет Абу Хамида говорить, что эти мечи привозятся из страны Вису в страну Юра и уже оттуда к морю, где бросаются в воду с таким результатом. По мнению Маркварта, сведения о Юре и самое название *يور* получены Казвини благодаря монгольским походам, но у автора XIV в. Ибн Фадлаллаха Омари мы находим это название в более полной и, вероятно, более близкой к туземному произношению форме *يورغره* — *югра*, вполне соответствующей русскому *югра* и прилагательному *югорский*. Порядок слов у Якута (чего Маркварт не отмечает) *يور و ويسورنك*, по-видимому, указывает, что югра жили к востоку, варяги к западу от Вису. <Как раз у Якута (*Муджам*, I, 34) порядок иной: «Ису, Варанг, Юра». См. выше, прим. 40. — А. К.> Балтийское море называется «варяжским» (*بحرا ورنك*) и у автора XI в. Бируни (в дошедших до нас сочинениях IX в. этого названия, по-видимому, нет), который, несомненно, как отмечает и Маркварт, был источником Якута. Общим источником Бируни и Ауфи автор считает все то же не дошедшее до нас сочинение Джейхани. За страной юра, опять-таки без указания расстояния, по берегу моря Ауфи помещает другой народ (название его тоже не приводится), у которого был такой дурной обычай: когда сходились между собой два корабля, они тотчас вступали между собой в бой мечами, хотя бы люди обоих кораблей происходили из одного города или даже из одного квартала и хотя бы между ними прежде не было никакой вражды. В том море добывалась рыба, из зубов которой выделялись рукоятки ножей и мечей. Очевидно, это те «рыбьи зубы», о которых часто говорится в русских источниках и о которых существует обширная литература. По рассказу Ауфи, в том море корабль по мере приближения к полюсу достигал места, где летом солнца не было совсем, а зимой солнце совершенно не появлялось над головами людей и вертелось на горизонте, подобно мельничному жернову, так что весь год состоял из одной ночи и одного дня. Текст в этом месте, как полагает Маркварт, несколько искажен, так как приведенная у Ауфи картина относится к летнему, а не к зимнему времени.

ным гривам. Их одежда — небольшие куртки; одежда хазар и болгар — также куртки. Русы постоянно ведут торговлю с болгарами и румами».

У Мас'уди находится еще известие, может быть тоже заимствованное у Ибн Фадлана, о том, что в стране русов есть серебряный рудник, подобный самому обильному руднику мусульманских стран, находившемуся в долине Пенджхира (в Афганистане)⁴⁶. Ибн Фадлан не составил сам по расспросным сведениям ясного представления о географических условиях, особенно о течении рек. Дон, сделавшийся теперь из «реки славян» «рекою русов», по-прежнему рассматривался как залив или приток Волги; персидский компилятор конца X в. помещает в бассейне Дона все три главные города русов: Уртоба (Арта), Салаб (Сала) и Куяту (Куябу)⁴⁷. В действительности имеются в виду, по всей вероятности, Киев, Новгород и страна вятичей, которые и для русских летописцев были самыми отсталыми из славян⁴⁸.

⁴⁶ <См. Мас'уди, *Мур'удж*, II, 15; Seippel, *Fontes arabici*, 61,13. Сведения о серебряном руднике у русов взяты не у Ибн Фадлана. — А. К.>

⁴⁷ <Имеется в виду *Худуд ал-'алам*. Место, о котором говорит В. Бартольд, см. л. 376 и сл. оригинала, в переводе Туманского (*Новооткрытый персидский географ*), стр. 136; пер. Минорского, 159; ср. введение В. В. Бартольда к факс. изданию, стр. 28—29. — А. К.>

⁴⁸ <Относительно этих позднейших сообщений X в. в сравнении с более ранними, в частности и Ибн Фадланом, В. В. Бартольд в докладе 1926 г. говорит следующее: > Ибн Фадлан — единственный очевидец, рассказ которого дошел до нас, бывший в стране болгар, видевший там русов и, кроме того, слышавший рассказы о них и о других соседних с ними народах. Из этого, конечно, не следует, чтобы все сведения этого характера, встречающиеся у авторов X в., писавших после Ибн Фадлана, восходили к нему; из слов Мас'уди видно, что еще при халифе Муктадире, т. е. до 932 г., сын болгарского царя совершил паломничество в Мекку и по этому случаю посетил Багдад и халифа. <У Мас'уди (*Мур'удж*, II, 16) сказано: «Он (царь болгар) принял ислам в дни [правления] ал-Муктадира би-ллаха после 310 года вследствие виденного им сна». 310 г. х. начался 1 мая 922 г., т. е. как раз во время пребывания Ибн Фадлана в Болгаре. 932 г. — время смерти халифа ал-Муктадира. — А. К.> Еще теснее, чем с Багдадом, как и следовало ожидать, была в X в. связь с государством Саманидов; когда Саманиды не признали возведенного на престол Буидами в 946 г. халифа Мути' и продолжали чеканить монеты с именем низложенного халифа Мустаффи, монеты с именем Мустаффи чеканились и в Болгаре. Но, во всяком случае, полученные во время посольства Ибн Фадлана более ясные и отчетливые сведения о народах Восточной Европы являются главной причиной превосходства сведений авторов X в. над сведениями их предшественников, хотя едва ли кто из арабских компиляторов сумел вполне разобраться в письменных источниках разного периода и не соединять в один рассказ известий, относящихся к совершенно различному времени.

Главное различие между рассказами X в. и более ранними заключается, во-первых, в том, что Дон теперь у писавшего во второй половине X в. Ибн Хаукаля называется рекой русов, а не рекой славян, как у Ибн ал-Факиха; во-вторых, еще со времен Истахри, сведения которого относятся к первой половине X в., вместо одного острова под властью русского кагана говорится о трех племенах или, буквально о трех родах или категориях (*اصناف*) русов. Ибн Хаукаль говорит, что река русов называется Итилем, что три ветви ее впадают в море у земли Константинополя и оттуда в океан.

Рассказ о погребении русов основан, несомненно, на рассказе Ибн Фадлана, который сам видел это погребение на берегах Волги и описывает его в следующих словах: «Я видел русов, когда они прибыли со своими товарами и остановились на реке Итиле. Я не видал людей более совершенного телосложения, они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но каждый мужчина надевает плащ, которым он обвивает один из боков своих и из-под которого выпускает одну из своих рук. При каждом меч, нож и секира, с которыми он не расстается; мечи у них широкие, волнообразные, франкской работы⁴⁹. У каждого из них от края [ногтя] почти до шеи изображения зеленых деревьев, фигур и другие⁵⁰; у каждой женщины около груди привязана коробка из железа, меди, серебра или золота, смотря по достатку ее мужа; в каждой коробке есть кольцо — в нем нож, причем нож также носится привязанным у груди. На шее у них золотые и серебряные ожерелья; каждый мужчина, когда у него соберется 10 000 дирхемов, покупает своей жене ожерелье, когда соберется 20 000 дирхемов, он покупает ей два ожерелья, и каждый раз, как прибавляется 10 000 дирхемов, он прибавляет ей еще ожерелье; бывает, что у отдельной женщины на шее много ожерелий. Славнейшим укра-

Очевидно, как и у некоторых других географов, низовье Дона рассматривается как рукав Волги. Писавший в пределах Афганистана в 372 г. х., т. е. в 982-83 г., анонимный персидский географ, напротив, рассматривает реку русов, т. е., вероятно, часть Дона, как приток Волги и говорит, что эта река «проходит среди славян, направляясь к востоку до самой границы русов, потом протекает мимо трех русских городов, проходит через пределы кипчаков, меняет направление, поворачивает к югу, к пределам печенегов, и впадает в реку Итиль». Посредством неудачной комбинации автор соединяет в одно целое известие о реке русов и о трех городах и помещает все три города на одной и той же реке. Из более раннего рассказа им, вместе с некоторыми другими подробностями, приводится известие о русском кагане, причем, по-видимому, он не сгавил себе вопроса, в котором из трех городов живет каган. Из предшествующих в литературе попыток объяснить известие о трех городах русов мне представляется наиболее правдоподобным мнение о Киеве, Новгороде и стране вятичей. Арабская транскрипция названия Киев (كويابه) близко подходит к греческой *Киова* Багрянородного (Κιόβα). С этим согласно и мнение Шахматова об образовании трех ветвей русов — южной, северной и восточной — и о Руси на Дону, откуда она постепенно была вытеснена кочевниками. Как велика была перемена между тем временем, когда Дон считался «рекой русов», и последующим периодом, когда Русь окончательно обратилась лицом к Византии, видно из того факта, что в «Повести временных лет» говорится о Днепре и Волге и совершенно умалчивается о Доне, как будто бы его не было совсем. <О трех центрах Руси ср. Рыбаков, *Русские земли*, стр. 3—4, 32—41. — Б. С.>

⁴⁹ <Отметка В. Бартольда: «Струнный отлив клинков». Выражение взято из статьи В. Тизенгаузена *В защиту Ибн-Фадлана*. — А. К.>

⁵⁰ Ср. Тизенгаузен, <*В защиту Ибн-Фадлана*>, стр. 032: «зеленые деревья» появились вследствие того, что переводчик вместо *مخضر* (изображающий) прочел

مخضر (зеленый). В издании Розена *مخضر*. <«Издание Розена», — очевидно, «Арабская хрестоматия» В. Гиргаса и В. Розена (1875), где помещен текст описания русов Ибн Фадлана (данное слово в т. I, стр. 317). — А. К.>

шением у них считаются зеленые бусы из глины, какая бывает на кораблях; они придают им большую цену и покупают одну бусу за дирхем и нанизывают их, как ожерелье, для своих жен. Они прязнейшие из созданий Аллаха, не очищаются после испражнений и не моются после сношений, подобно диким ослам. Они приезжают из своего города и становятся на якорь в Итиле, а это — большая река; и строят они на берегах ее большие деревянные дома; в каждом доме собирается человек десять — двадцать, меньше или больше; у каждого из них есть стул, на котором он сидит, и с ним его красивые невольницы, привезенные для торговли; сочетается каждый из них со своей невольницей, и его товарищи на него смотрят. Иногда они собираются таким образом целою толпой, один против другого; иногда к ним входит торговец, чтобы купить у кого-нибудь из них его невольницу, и застает его за сношением с ней... Каждый день утром непременно приходит невольница, а с ней большая лохань с водой; и подносит она лохань своему господину, и тот в ней моет свое лицо, руки и волосы на голове; и моет он голову и чешет ее гребнем в лохани, потом сморкается и выплевывает в нее и делает в этой воде всякое грязное дело. Когда он покончит с тем, что ему было нужно, невольница приносит лохань следующему, и тот делает то же самое, что делал его предшественник; и невольница переходит от одного к другому, пока не обойдет всех, кто находится в доме, и каждый из них сморкается, выплевывает в лохань, моет в ней свое лицо и волосы.

Тотчас после прибытия их кораблей к этой стоянке каждый из них выходит, берет с собой хлеб, мясо, молоко, лук и питье и приходит к длинному деревянному воткнутому в землю столбу с лицом, похожим на лицо человека; вокруг него — небольшие изображения, за этими изображениями — высокие деревянные столбы, воткнутые в землю. Он подходит к большому изваянию, совершает перед ним поклон и говорит: „О господи, я прибыл издалека, со мной столько-то человек невольниц, столько-то мехов соболей“, — и перечисляет он все привезенные им товары; потом говорит: „И принес я тебе эти дары“. Затем он оставляет перед деревянным столбом принесенное им и говорит: „Я хочу, чтобы ты доставил мне купца с золотыми и серебряными монетами, чтобы он купил у меня все, что я хочу, и не противоречил мне ни в чем, что я скажу“. Потом он уходит. Если он в своих торговых делах встречает затруднения и проходит много времени, то он возвращается с другими дарами во второй и в третий раз; если [все-таки] его желания медлят исполниться, он приносит дары одному из этих малых изваяний и просит его заступничества; он говорит: „Это жены и дочери нашего господина“, он подходит к каждому изваянию, умоляет его, просит его заступничества и униженно кланяется ему. Иногда торговля удается ему легко; когда он продаст [все], он говорит: „Господь мой исполнил мое желание, и я должен его вознаградить“. С таким намере-

нием он берет некоторое число коров и баранов, убивает их, часть мяса раздает как милостыню, остальное приносит, бросает перед тем большим деревянным столбом и перед малыми, находящимися вокруг него, и развешивает головы коров и баранов по тем деревянным столбам, воткнутым в землю. Когда наступает ночь, приходят собаки и съедают это, и тот, кто это сделал, говорит: „Господь мой доволен мною, съел мои дары“. Когда кто у них заболит, они разбивают для него шатер в стороне от себя, бросают его там, оставляют ему немного хлеба и воды, не подходят к нему и не заговаривают с ним, даже не навещают его все это время, особенно если это человек бедный или невольник. Если он выздоравливает и встает, он возвращается к ним; если он умирает, его сжигают; если он был рабом, его оставляют лежать, чтобы его съели собаки и хищные птицы. Если они поймают вора или разбойника, они приводят его к высокому, толстому дереву, привязывают к его шее крепкую веревку и вешают его на дереве; и остается он висеть, пока не разложится от времени, ветров или дождей.

Мне говорили, что они со своими начальниками делают после смерти разные вещи, из которых сожжение есть самое ничтожное; мне хотелось узнать это, когда до меня дошло известие о смерти одного знатного человека из них. Они положили его в могилу, закрыли крышкой на десять дней, чтобы за это время закончить кройку и шитье его одежды. Дело в том, что для бедного человека из своей среды они делают небольшую лодку, кладут его в нее и сжигают ее, а после богатого человека они собирают его имущество и делят его на три части; одна треть остается его семье, на одну треть они выкраивают для него одежду, на последнюю треть покупают питья и выпивают его в тот день, когда убивает себя его невольница и сжигается со своим господином. Они преданы вину и выпивают его ночью и днем; бывает, что кто-нибудь из них умирает с чашей в руке. Когда умрет у них начальник, его семья говорит его невольницам и невольникам: „Кто из вас умрет с ним?“ И кто-нибудь из них отвечает: „Я“. Когда он это сказал, это для него обязательно, и ему никак нельзя взять свое решение обратно; а если бы он захотел это сделать, ему не позволяют. Большею частью это делают невольницы.

Когда умер этот человек, о котором я упомянул, они сказали его невольницам: „Кто умрет с ним?“ Одна из них сказала: „Я“. Они поставили над ней двух невольниц, чтобы охранять ее и быть с ней, куда бы она ни пошла, так что они даже иногда мыли ее ноги своими руками. И они занялись делом умершего, кройкой его одежды и приготовлением того, что было нужно для него; а невольница каждый день пила и ела, радостная, веселая. Когда наступил день сожжения мертвого и невольницы, я прибыл к реке, где стояла его лодка; оказалось, что она была вытащена на берег, и сделали для нее четыре подпорки из дерева халандж и другого; кругом нее также стояли деревянные

изваяния больших людей. Потом лодка была притянута и прислонена к тем деревянным столбам, — и начали они ходить взад и вперед, говоря на непонятном мне языке; а мертвец все еще лежал в своей могиле, и они его не вытаскивали. Потом они принесли стул, поставили его на лодку и покрыли его одеялами стегаными из греческой шелковой материи и подушками из греческой шелковой материи; потом пришла женщина-старуха, которую они называют ангелом смерти, и разостлала на стуле все вышеупомянутое. Ей поручено шить и приготовить материю, она же убивает невольниц; она показалась мне ведьмой, толстой, хмурой. Когда они подошли к его могиле, они удалили землю с куска дерева, удалили самый кусок дерева и вытащили мертвеца в плаще, в котором он умер; я увидел его почерневшим от холода этой страны. Перед этим они положили с ним в его могилу питье, плоды и балалайку; все это они вытащили. Оказалось, что мертвец, кроме цвета лица, ни в чем не изменился. Они надели на него шаровары, сандалии, башмаки, куртку и кафтан из шелковой материи с золотыми пуговицами, надели ему на голову высокую шапку из шелковой материи, надбитой соболем, внесли его в палатку, поставленную на лодке, посадили его на одеяло, прислонили к подушкам, принесли питья, плодов и благоволий, положили это с ним, привели собаку, разрубили ее пополам и бросили в лодку. Потом принесли все его оружие и поставили рядом с ним; потом взяли его двух лошадей и гоняли их, пока они не вспотели, потом разрубили их мечами и бросили их мясо в лодку. Потом они привели двух коров, также разрубили их и бросили в лодку. Потом принесли петуха и курицу, убили их и бросили туда же. Невольница, которая должна была убить себя, расхаживала взад и вперед, входила в каждую палатку; каждый сочетался с ней и каждый говорил ей: „Скажи своему господину: я сделал это только из любви к тебе“.

Когда наступило послеполуденное время, невольницу подвели к сделанному ими предмету, походившему на дверную притолку; она поставила ногу на ладони мужчин, поднялась на эту притолку и сказала что-то на своем языке, ее спустили, потом снова подняли, и она сделала то же самое, что в первый раз. Потом ее спустили и подняли в третий раз; она сделала то же самое, что в оба предшествующих раза. Потом ей подали курицу; она отрубила ей голову и бросила ее; они взяли курицу и бросили ее в лодку. Я спросил переводчика о том, что она сделала; он сказал: „Она сказала в первый раз: вот я вижу моего отца и мою мать. И сказала она во второй раз: вот я вижу всех моих умерших родственников, как они сидят. И сказала она в третий раз: вот я вижу своего господина, как он сидит в раю, и рай прекрасный, зеленый; с ним мужчины и мальчики; он зовет меня; ведите меня к нему“. И пошли они с ней на лодку; и сняла она два запястья, бывшие на ней, и отдала их старухе, которая называется ангелом смерти; а это та, которая должна была ее убить. И сняла она ножные брасле-

ты, бывшие на ней, и отдала их двум невольницам, перед тем прислуживавшим ей; а они — дочери известной под названием ангел смерти. Потом ее подняли на лодку, но не ввели в шатер; и пришли мужчины со щитами и кусками дерева и подали ей чашу с питьем. Она запела над ней и выпила ее. И сказал мне переводчик: „Она прощается этим со своими подругами“. Потом ей была подана другая чаша; она взяла ее и запела длинную песнь, а старуха торопила ее выпить чашу и войти в палатку, где лежал ее господин. Я видел, как она растерялась и хотела войти в палатку; она всунула свою голову между палаткой и лодкой; и взяла старуха ее за голову и ввела ее в палатку; и вошла старуха вместе с ней. И начали мужчины ударять кусками дерева по щитам, чтобы не были слышны звуки ее крика, чтобы не испугались другие невольницы и не отказались умереть со своими господами. Потом вошли в палатку шестеро мужчин и все сочетались с невольницей, потом положили ее набок рядом с ее мертвым господином, двое взяли ее за ноги, двое за руки; а старуха, которую называют ангелом смерти, обвила вокруг ее шеи веревку и подала концы двум остальным мужчинам, чтобы они тянули их; а старуха, при которой был большой кинжал с широким лезвием, начала втыкать его между ребрами невольницы и вынимать; а те двое мужчин душили ее веревкой, пока она не умерла. Потом пришел ближайший родственник того покойника, взял кусок дерева и зажег его огнем; потом он пошел, пятась задом, к лодке, держа в одной руке зажженный им кусок дерева, а другой держа позади, будучи голым, пока не зажег тех дров, которые они приготовили под лодкой, после того как положили убитую ими невольницу около ее господина. Потом пришли люди с кусками дерева и дровами; при каждом был кусок дерева с зажженным концом, и эти куски они бросали в дрова; огнем воспламенились дрова, потом лодка, потом палатка с [мертвым] мужчиной, невольницей и всем, что в ней было. Потом поднялся большой страшный ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось оно. Рядом со мной был мужчина из русов; я слышал, как он заговорил с бывшим со мной переводчиком. И спросил я его о том, что он сказал; он ответил: „Он говорит: вы, арабские люди, глупцы; вы берете человека, которого любили и уважали больше всех, и бросаете его в землю, где его съедают насекомые и черви. А мы сжигаем его огнем в одно мгновение, и он входит в рай тотчас же“. Потом засмеялся он долгим смехом и сказал: „Признаки любви к нему (покойнику) его господина в том, что он послал ветер, унесший его в один час“. И действительно, не прошло ни часа, как лодка, дрова, мертвый мужчина и невольница обратились в мелкий пепел. Потом они на месте лодки, которую вытащили на берег из реки, соорудили нечто вроде круглого холма, воткнули в середину его большой кусок белого топо-

ля⁵¹, написали на нем имя того мужчины и имя царя русов и удалились.

К обычаям царя русов принадлежит то, что с царем в его замке сидят 400 человек из храбрейших и виднейших его приверженцев; они умирают при его смерти и подвергаются убиению за него. С каждым из них невольница, которая служит ему, моет ему голову, приготовляет ему пищу и питье, и другая невольница, с которой он сожительствует. Те 400 сидят под престолом царя, а престол его большой, усыпанный драгоценными камнями. С ним на престоле сидят 40 невольниц, обязанных стлать ему постель, иногда он сочетается с одной из них в присутствии упомянутых своих приверженцев, не сходя с престола. Когда он захочет удовлетворить свою нужду, он делает это в таз; когда он захочет сесть на коня, ему подводят коня к престолу, и он садится с него; когда он захочет сойти с коня, его лошадь подводят так, чтобы он сошел на престол. У него есть заместитель, который предводительствует войсками, сражается с войсками и заступает его место в сношениях с его подданными».

Несомненно, что в собранных Ибн Фадланом расспросных сведениях много фантастического; возможно, что и там, где он говорит как очевидец, он не все сумел правильно понять, запомнить и передать, но все-таки в его рассказе, особенно в рассказе о погребении знатного руса, виден внимательный и добросовестный наблюдатель. Можно только пожалеть о том, что до нас не дошел полный текст его труда и что многочисленные списки, существовавшие в эпоху Якута, по-видимому, все исчезли бесследно.

О русах заговорили в мусульманском мире после их второго похода на прикаспийские области. Поход имел место в 332 г. мусульманской эры, начавшемся 4 сентября 943 г.; источники, рассказывающие о походе, не приводят более точных дат (с указанием месяцев и чисел). Это было бы интересно для решения вопроса, произошел ли этот поход до или после второго похода Игоря на греков в 944 г. Как известно, флот Игоря в мае или июне 941 г. потерпел жестокое поражение у Босфора и в сентябре удалился во Фракию, где снова был разбит греками; и, упоминая Игоря в следующие годы, летопись сообщает только, что Игорь для нового похода на греков обратился за помощью к варягам. Этот новый поход состоялся в 944 г., причем силы русов состояли из войска и конницы; кроме славян и варягов, в походе принимали участие нанятые Игорем печенег. Греки получили известия о

⁵¹ <Над словами «белого тополя» рукой В. В. Бартольда написано: **خزانج**, а на полях примечание: «Тизенгаузен, Зап. В. О., 030 **خزانج** — береза, может быть плакучая ива». Речь идет о названии дерева *хаданг*, *халандж*, значение которого и сейчас еще нельзя считать окончательно установленным. В тексте В. В. Бартольд дает обычное значение персидских словарей. — А. К.>

походе от корсунцев и болгар; на Дунае войско Игоря встретило послов императора с подарками для русов и печенегов. По совету своей дружины, Игорь велел печенегам напасть на болгарскую землю, а сам взял греческие подарки и вернулся в Киев. В следующем, 945 г. греческие послы прибыли к Игорю (вероятно, в Киев) и заключили с ним договор, текст которого вошел в летопись; в отличие от договора Олега, точная дата договора не приводится.

Источники не говорят, предшествовали ли на этот раз появлению русов на Каспийском море враждебные действия между русами и хазарами или, как в 913 г., соглашение между обоими народами. Единственный дошедший до нас подробный рассказ об этом событии принадлежит историку XIII в. Ибн ал-Асиру и извлечен из какого-то сочинения X в., так как автор ссылается на рассказ самого воевавшего с русами владетеля области Азербайджана Марзбана. Рассказ прямо начинается с прихода судов русов в устье Куры. Против них выступил правивший в городе Берда'а, тогдашнем главном городе всего Кавказа, наместник владетеля Марзбана, происходившего из Гиляна и овладевшего Азербайджаном всего несколько лет перед этим, в 330/941-42 г. С наместником было 5000 человек из дейлемцев и добровольцев (борцов за веру). «И не прошло больше часа, как мусульмане были обращены русами в бегство, и были перебиты дейлемцы все до последнего. Русы последовали за бежавшими до города; и убежали все, у кого было верховое животное, и покинули город. Русы поселились в нем, объявили там о пощаде и вели себя хорошо. И прибыли мусульманские войска со всех сторон; и русы сражались с ними, и не выдерживали боя с ними мусульмане. Жители города из простонародья выходили, бросали в русов камнями и кричали на них; русы удерживали их от этого, но воздерживались только благоразумные — они сдерживали себя. Остальные люди из простонародья и черни не сдерживали себя. Так это продолжалось некоторое время. Глашатай русов объявил жителям приказание выйти из города и не оставаться там более трех дней. И вышли все, у кого было на чем уехать, а большая часть осталась после назначенного срока. И наложили русы на них свои мечи, перебили из них много народа и после резни взяли в плен около 10 000 душ; и собрали они оставшихся в соборной мечети и сказали: „Заплатите за себя выкуп, не то мы перебьем вас“. За них постарался человек-христианин и определил с каждого мужчины выкуп в 20 дирхемов, но приняли это только благоразумные из них. Когда русы увидели, что с них им ничего не собрать, они произвели среди них общее избиение, и спаслись только те, кому удалось убежать. И взяли они в добычу имущество жителей, обратили в рабство пленных и выбрали женщин, которые им понравились.

Когда сделали русы с жителями Берда'а то, что мы рассказали, мусульмане признали это большим бедствием и стали призывать друг

друга к выступлению. Марзбан ибн Мухаммед собрал людей и призвал их к оружию; число бывших с ним дошло до 30 000. Он отправился с ними, но не был в состоянии вступить в борьбу с русами; Марзбан решил сражаться с ними по утрам и вечерам, но каждый раз возвращался, потерпев неудачу. Так продолжалось много дней; перед тем русы совершили набег на Мерагу, поели много плодов, среди них распространилась эпидемия, многие заболели и умерли. Наконец, Марзбан прибег к хитрости. Он решил поместить часть своих воинов в засаде, потом пойти на русов со всем войском и сделать вид, что бежит от них, потом, когда выйдет засада, возобновить битву. Он дал соответствующие приказания, поместил отряд в засаде, пока встретил русов. Они сразились. Марзбан и его спутники сделали вид, что бегут; русы преследовали их и прошли место засады, но мусульмане продолжали бежать, не обращая никакого внимания друг на друга. И рассказал Марзбан: „Я кричал своим, чтобы они обернулись; они не слушались, так велик был страх, внушенный им русами. Я понял, что, если люди будут продолжать бежать, русы перебьют большую часть их, потом обратятся против засады, легко справятся с нею и всех перебьют. Я вернулся один, и последовал за мной мой брат с еще одним спутником, и приготовился я умереть за веру; и тогда, устыдившись, вернулась большая часть дейлемцев. И вступили мы в битву с русами и обратились условленным между нами звуком с призывом к стоявшим в засаде; и те показались в тылу русов. И сражались мы с ними хорошо и перебили из них много народа, в том числе их предводителя; а остальные искали убежища в крепости города, которую называют Шахристаном. Они перед тем перенесли туда много припасов и поместили там с собой пленных и имущество“. И осадил их Марзбан и терпеливо воевал с ними. И пришло к нему известие, что Абу Абдаллах Хусейн ибн Са'ид ибн Хамдан отправился в Азербайджан и дошел до Сельмаса; его послал двоюродный брат Насир ад-дауля, чтобы овладеть Азербайджаном. Когда это известие дошло до Марзбана, он оставил отряд для осады русов и пошел за Ибн Хамданом, и сразились они; потом выпал снег, и рассеялись люди Ибн Хамдана, так как они большею частью были бедуинами. Потом пришло к нему письмо Насир ад-дауля с известием о смерти Тузуна и о намерении Насир ад-дауля отправиться в Багдад и приказом вернуться к нему; и тот вернулся. Что касается людей Марзбана, то они продолжали сражаться с русами; и усилилась эпидемия среди русов; когда они хоронили кого-нибудь, они зарывали с ним его оружие; мусульмане извлекали из земли многое из этого после ухода русов. Потом они вышли из крепости ночью и унесли на спинах своих сколько хотели из имущества и другого, ушли к Куре и сели на свои суда и удалились. Люди Марзбана были слишком слабы для того, чтобы преследовать их и отнять у них то, что было с ними, и оставили их. И очистил бог землю от них».

Источником Ибн ал-Асира было, по-видимому, или утраченное сочинение Сабита ибн Синана ас-Саби, доведенное до 363/973-74 г., или сохранившееся, но еще не изданное сочинение Ибн Мискавейха, доведенное до 369/979-80 г.⁵² Кроме Ибн ал-Асира, остальные мусульманские писатели говорят о нашествии русов только в кратких словах; из этих кратких известий дополнение в рассказ Ибн ал-Асира вносит только рассказ другого автора XIII в., Григория Бар-Эбрея⁵³, по которому число убитых русами жителей города доходило до 20 000. Из неарабских известий можно привести только слова современника события, армянина Моисея Каганкатваца⁵⁴. Как житель разоренного русами края, Моисей проникнут еще большей враждой к пришельцам, чем автор-мусульманин. Источник Ибн ал-Асира, как мы видели, признает, что русы при занятии города приняли меры для сохранения порядка и безопасности и подвергли город разграблению только после того, как эти меры, по вине самих жителей, оказались тщетными. Моисей совершенно не упоминает о сдержанности русов в первое время после занятия города и говорит только, что они «предали город лезвию меча и завладели всем имуществом жителей». Вместо рассказа об эпидемии, Моисей говорит об отравлении русов городскими женщинами, вследствие чего русы, «узнав об этой измене, безжалостно перебили женщин и детей их». О действиях Марзбана говорится, что он осаждал занятый русами город, но безуспешно, «ибо они были непобедимы силой». Русы, по словам Моисея, пробыли в городе шесть месяцев, совершенно опустошили его, потом, «подобно трусам (?), отправились в страну свою с несметною добычею».

Появление русов на Каспийском море в 944 г. вполне правдоподобно объяснено еще А. А. Куником⁵⁵; после примирения с Византией Игорь должен был найти дело для приведенного им варяжского и русского флота, подобно тому как печенежская конница была отправлена в страну болгар. Игорь сам не принимал участия в походе, что видно и из рассказа арабского автора о гибели русского предводителя в битве с Марзбаном, но вернулся в Киев, куда в конце того же года прибыли греческие послы; договор был заключен от имени трех императоров:

⁵² <Вернее, уже в 1871 г. де Гье издал часть сочинения этого автора (*Fragments*, II). Сочинение доведено автором до указанного В. В. Бартольдом гола, хотя автор умер в 421/1030 г. Теперь изданы Каэтэни (GMS) т. I, V, VI сочинения Ибн Мискавейха и Амедрозом и Марголиусом (*The Eclipse*) т. V и VI с переводом. Сообщение Ибн Мискавейха использовано в указанной в прим. 65 статье А. Ю. Якубовского. — А. К.>

⁵³ Бар Эбрей вместо русов называет алан, славян и лезгин. <Речь идет о сирийском тексте истории Абу-л-Фараджа Бар-Эбрея (ум. в 1286 г.), на который ссылался еще Дорн (*Каспий*, стр. 515). В арабском тексте этого сообщения нет. — А. К.>

⁵⁴ <История Агван, 275—276. — А. К.>

⁵⁵ Dorn, *Caspia*, S. 302.

Романа, Константина и Стефана, из которых Роман был низложен 19 декабря 944 г., Стефан — 27 января 945 г.⁵⁶

332 г. хиджры, к которому источник Ибн ал-Асира относит поход русов, начался в сентябре 943 г. и окончился 23 августа 944 г.; прибытие русов к устью Куры относится, вероятно, к самому концу этого периода. Тем не менее, русы пробыли в Берда'а дольше, чем 6 месяцев. Набег на Мерагу, эпидемия, вызванная неумеренным потреблением плодов, и осада города Берда'а Марзбаном относятся, несомненно, к лету 945 г. Смерть Тузуна последовала в мухарреме 334 г., т. е. в августе или сентябре 945 г.; известие об этом побудило мосульского князя задумать поход на Багдад и приказать своему двоюродному брату покинуть берега озера Урмии, где он находился. Письма об этом дошли до предводителя мосульского опряда, вероятно, поздней осенью 945 г.; незадолго перед этим должны были иметь место те военные действия, о которых говорит Ибн ал-Асир, упоминающий о выпадении снега и о впечатлении, произведенном этим на бедуинов. Из слов арабского текста можно вывести заключение, что русы покинули Берда'а еще до возвращения Марзбана из похода против хамданидского отряда. Из всего этого видно, что очищение русами Берда'а произошло не раньше лета и не позже осени 945 г.

Русы теперь, по-видимому, были знакомы с берегами Каспийского моря лучше, чем 30 годами раньше, и потому направились прямо против главного города мусульманского Кавказа. Расстояние от Берда'а до Куры определяют в два или три фарсаха (15—20 км); замечательно, что осаждавшее Берда'а мусульманское войско, тем не менее, не захватило оставленных на Куре русских лодок, и русы, очистив город, могли беспрепятственно вернуться на свои суда и отплыть на них. Подробности рассказа показывают, что взятие Берда'а было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем набеги норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны обыкновенно изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на своем пути; едва ли в Европе был случай, чтобы языческие норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества.

Вернувшись к концу 945 г. на родину, русы, вероятно, уже не застали в живых Игоря; 6453 г. византийской эры, к которому летопись относит его гибель в борьбе с древлянами, оканчивался 31 августа 945 г. Двадцать лет спустя хазарское царство было разгромлено сыном Игоря Святославом, причем летописец сообщает об этом событии

⁵⁶ Гельцер, *Очерк*, стр. 90: 16 декабря 944 и 27 января 945 г. Ср. Яхья Антиохийский, 101, конец, — 16 декабря 944 г., воскресенье 23 شباط (февраля); пребывание Стефана и Константина у власти после измены Романа — 41 день.

голько краткие сведения; Святослав в 965 г. разбил хазар, выступивших против него «с князем своим каганом», взял их город Белую Вежу, победил также ясов и косогов. Из этих подробностей можно заключить, что говорится о военных действиях на Дону и у Черного моря; на косогов (черкесов) в XI в. несколько раз налагали дань русские князья Тмутаракани. К этому же 965 г. (354 г. х./7 января — 27 декабря 965 г.) мусульманская историография относит нападение на хазар какого-то турецкого народа. Ибн ал-Асир⁵⁷, единственный историк, сохранивший нам это известие, говорит, что хазары просили помощи у хорезмийцев. Те ответили, что помогут им только в том случае, если они примут ислам; хазары, за исключением своего князя, сделались мусульманами. Хорезмийцы выступили на защиту их и отразили турок, после чего хазарский князь также принял ислам.

Совсем иной рассказ о судьбе хазарского царства в 60-х годах X в. мы находим у современника этих событий, географа Ибн Хаукаля. О перемене веры хазарами в этом рассказе ничего не говорится, чем безусловно опровергается это известие; оподобном событии автор-мусульманин не мог бы умолчать. Ибн Хаукаль приписывает нашествие на хазар русам и говорит о полном разгроме русами не только всего хазарского царства, но и хазарских владений на западном берегу Каспия.

О торговле русов на Волге и Каспийском море говорится в нескольких местах труда Ибн Хаукаля. В общем введении, при описании северных стран, встречаются следующие слова: «Болгар — город небольшой, без многочисленных административных округов. Он пользовался известностью, потому что был складочным местом товаров для этих государств; разорили его русы, как и города Хазаран, Итиль и Семендер, в 358 г. (25 ноября 968 — 13 ноября 969 г.). И отправились они тотчас же в области Рум и Андалус». В главе, специально посвященной прикаспийским областям, в справке о торговле хазар и их соседях сказано: «Большая часть этих мехов, даже лучшие из них, добываются в стране русов, а некоторые дорогие меха привозятся из страны народов Гог и Магог; [эти меха] доходят до русов вследствие их соседства с народами Гог и Магог и торговли с ними; и они продавали их (меха) в Болгаре, пока не разорили его в 358 г. Часть этих товаров доходила до Хорезма, вследствие того, что хорезмийцы часто вторгаются в земли болгар и славян, совершая на них походы и набеги, и захватывают их в плен. Таким образом не прекращался приток товаров русов к городу Хазарану. Хазаран — восточная половина города, известного под названием Итиль⁵⁸; там преимущественно живут купцы и

⁵⁷ Изд. Торнберга, VIII, 418. <Это же известие имеется у Ибн Мискавейха, изд. Амедроза — Марголиуса, II, 209. — А. К.>

⁵⁸ <О Хазаране см. Заходер, *Каспийский свод*, стр. 185, 188, 197, 200—201. — Б. С.>

мусульмане и находятся товары; а западная половина принадлежит исключительно царю, его свите и его войску»⁵⁹. В той же главе несколько ниже говорится о городе Семендере, находившемся в нынешней Дагестанской области, недалеко от Петровска⁶⁰, на месте города Тарки, в восьми днях пути от Итиля и в четырех — от Дербента⁶¹: «У хазар есть еще город, под названием Семендер; он расположен между страной хазар и Дербентом; в нем было много садов; говорят, что число наполнивших его виноградников доходило до 40 000. Я спросил об этом в Джурджане в 358 г., вследствие того, что там с этим городом были близко знакомы. Мне ответили: „Если там был виноградник, то плоды его сделались милостыней для бедных, разве что бог там позволил снова расцвести [голому] стволу“. Он хотел этим сказать, что все это погибло вместе с породом, большая часть которого была занята виноградниками; и жили в нем мусульмане и другие, у них были там мечети, у христиан церкви, у евреев синагоги. И произвели нашествие на все это русы, и погубили все, что принадлежало на реке Итиле всем созданиям Божиим из хазар, болгар и буртасов, и овладели ими. И искало убежища население Итиля на острове [близ] Дербента и укрепились там, а некоторые живут в страхе на острове Сиях-кух⁶². Их жилищем были шатры и деревянные постройки, причем бревна скреплены между собой и крыши сделаны в виде сводов. Их (семендерский) царь был из евреев, из родственников хазарского царя».

В конце той же главы сказано: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от буртасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть их (русов); кто спасся от их руки, те расселились по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними (русами) договор и вернуться под их владычество».

Из сопоставления этих отрывков видно, что 358 г. х., который в некоторых местах неточно указывается как год нашествия русов, в действительности только был годом, когда Ибн Хаукалю, находившемуся в то время в Джурджане, рассказали об этом нашествии и его результатах. Вполне возможно, что между самым событием и рассказом о нем джурджанцев прошло несколько лет; беглецы из Итиля и Семендера, по-видимому, уже некоторое время жили на Мангышлаке и на Апшеронском полуострове и предполагали, что бывшие хазарские владения останутся во власти русов, и хотели заключить с ними договор,

⁵⁹ <Ибн Хаукаль, 14, 21—23 и 281, 9—16.— А. К.>

⁶⁰ <Теперь Махачкала в Дагестанской АССР.>

⁶¹ <Прим. В. Б. на полях: «На стр. 278 наверху 7 дней через степь». Дальнейший отрывок взят со стр. 282.— А. К.> <Ныне о локализации Семендера см. Артамонов. История хазар, стр. 388—393, 398—399, 412.— Б. С.>

⁶² <Полуостров Мангышлак.— А. К.>

чтобы вернуться на родину и жить там хотя бы под чужеземным владычеством. Таким образом, хронологическое противоречие между русским и арабским рассказом, по-видимому, устраняется. Труднее примирить между собой оба рассказа в другом отношении. По русскому летописцу, Святослав шел от Оки по Дону к Черному морю; Ибн Хаукаль утверждает, что русы шли по Волге к Каспийскому морю и до разгрома хазар разгромили буртасов и болгар. Для решения вопроса было бы важно знать, посетил ли Ибн Хаукаль сам бассейн Волги, притом после 969 г., или вплоть до издания своего труда (в 367/977-78 г.) знал о походе русов только по рассказам джурджанцев. По-видимому, более правдоподобно второе. Неизвестно, откуда А. А. Куником⁶³ заимствовано известие, что Ибн Хаукаль четыре года спустя, т. е. в 973 г., лично видел развалины Итиля; в тексте Ибн Хаукаля об этом ничего нет. Только из одного места Ибн Хаукаля можно заключить, что он был в Болгаре; говорится о словах некоего «хатиба» (вероятно, это относится к Ибн Фадлану) о краткости летних ночей; автор замечает по этому поводу: «Я был свидетелем того, что указывает на правдивость такой вещи, когда я прибыл к ним зимой; день тогда был таков, что мы совершили четыре салата (молитвы), один салат за другим с небольшим числом ракатов (поклонов) между азаном и икамой»⁶⁴. Но, во-первых, в сочинении Ибн Хаукаля встречаются места, где из книжных источников выписываются рассказы в первом лице без указания, что говорит не автор, а его источник; во-вторых, неизвестно, было ли это путешествие, если оно действительно имело место, до или после 969 г. Слова о том, что русы после разгрома хазарского царства отплыли в Андалус, объясняются только тем, что Ибн Хаукаль произвольно связал между собой такие события, как поход русов на Итиль и Семендер и поход норманнов к берегам Испании, причем весной 970 г. ими был разграблен в христианской Испании город Сан-Ягоде-Компостелла, а летом 971 г. в мусульманской столице Кордове было получено известие о приближении норманнов и стоящему в Альмерии флоту было приказано отправиться в Севилью. Очень вероятно, что таким же образом Ибн Хаукаль слышал потом о разгроме русами дунай-

⁶³ Dorn, *Caspia*, S. 303.

⁶⁴ <Ибн Хаукаль, 285, 14-16. В другой редакции сочинения Ибн Хаукаля (изд. Крамерса, 397, 4-3) вместо слов «когда я прибыл к ним зимой» — «когда я был поблизости от их страны». Здесь на полях большая заметка В. В. Бартольда о путешествиях Ибн Хаукаля: «Начало путешествия Ибн Хаукаля [5] в рамадане 331 г. (май — июнь 943 г.). Современники [341] Абу Салих Мансур (961—976); Хамданид Гаданфар (967—979) [77, 142]. В 358 г. [142] Ибн Хаукаль был в Нисибине, в том же году в последний раз в Мосуле [146]. Ал-Му'изз (953—975) [58]; [170] о нем как об умершем. Упоминается 359 г. в сообщении об ал-Му'иззе [108]. Упоминаются [22] 358 и 361 гг. в рассказе о карматах. В 361 г. в Сицилии». Цифры, поставленные в квадратных скобках, написаны у В. Бартольда над строкой и обозначают страницы арабского текста издания Ибн Хаукаля в BGA, II, 1872. — А. К.>

ских болгар, смешал этих болгар с волжскими и свою догадку о том, как русы могли дойти по Волге до хазар, выдал за действительный факт. Против известия о разгроме болгар говорят последующие события. Хазарское царство не могло уже оправиться от удара, нанесенного ему Святославом, и после 60-х годов X в. уже не являлось крупным политическим фактором, но его разгромом воспользовались не столько русы, сколько болгары, производившие с XI в. нападения на русские пограничные города на Оке. К болгарам перешло, если не всей восточно-европейской равнине, то в бассейне Волги наследие хазар; поступательное движение русских в бассейн Оки происходило очень медленно и только в XIII в., незадолго до монгольского нашествия, достигло места впадения Оки в Волгу, где был построен Нижний Новгород.

Войны Святослава предпринимались уже не для грабежа, как некогда войны норманнов и первые походы русов за Каспий, но для завоеваний. Заняв Итиль и Семендер, русы не совершали никаких набегов на прибрежные пункты мусульманских областей; Апшеронский полуостров, куда русы в 913 г. свозили свою добычу, теперь служил убежищем для беглецов, которых там, по-видимому, никто не тревожил. Сами беглецы были убеждены, что завоевание русами устья Волги есть окончательный факт, с которым приходится мириться, и путем переговоров хотели получить разрешение вернуться на родину и жить там под русским владычеством. Неожиданно русы покинули завоеванный край, пожертвовав уже достигнутыми результатами, ради несбыточной, как потом оказалось, мечты о завоеваниях на Балканском полуострове. Для дальнейшего хода русской истории это событие имело решающее значение. Утвердившись в бассейне Волги, русы, несомненно, подчинились бы влиянию мусульманской культуры; отказ от этого завоевания и движение на Балканский полуостров способствовали усилению византийского влияния, сила которого проявилась еще раньше в таком факте, как крещение Ольги. Через 20 лет после очищения Святославом берега Волги представители греческого духовенства присоединили к христианству его сына Владимира со всем его народом⁶⁵.

⁶⁵ <В своем докладе 1926 г. В. В. Бартольд по поводу последних походов русов на Берда'а и Хазарию говорит:> Остается еще сказать несколько слов о двух главных походах русов на мусульманские страны. О походе на Берда'а в 944-45 г. уже имеется некоторая литература, и об этом, как мне известно, должна выйти в скором времени новая работа А. Ю. Якубовского <Ибн-Мискавейх>. К прежним известиям мне в одной из своих работ удалось прибавить известие уже упомянутого, анонимного персидского географа, где приводится название места на Куре, Мубареки, где остановился русский флот. Более спорен вопрос о походе, о котором из мусульманских источников говорит только Ибн Хаукаль, относящий его к 358 г. х., т. е. к 969 г. На основании этой даты и на основании слов Ибн Хаукаля, что русы тотчас после этого ушли в область Рум и Андалус, Маркварт и Вестберг решили, что этот поход не имел никакого отношения к русам Святослава и был одним из набегов норманнских викин-

Для русского летописца крещение Руси — только последствие религиозной пропаганды, которой будто бы подвергалась тогда Русь с разных сторон. Летописец относит к 986 г. прибытие в Киев миссионе-

гов. В нескольких работах я решительно высказался против этого мнения. 358 г. хиджры, как видно из Ибн Хаукаля, по небрежности назван у него датой самого события; из его же слов видно, что в этом году Ибн Хаукаль только узнал в Джурджане, где он тогда находился, о произведенных русами опустошениях. Что со времени нашего шествия прошло уже несколько лет, видно из слов Ибн Хаукаля, что бежавшие из страны хазар на остров близ Дербента (т. е. на Апшеронский полуостров) и на полуостров Сиях-кух (Мангышлак) жители надеялись заключить с русскими договор и вернуться под их владычество. Эти же слова показывают, что на шествие русов смотрели не как на набег, вроде грабежей, производившихся норманнами в IX и X вв. в Испании, а как на завоевательный поход. Святослав, очевидно, хотел сначала остаться в Итиле, как он потом не хотел возвращаться в Киев из дунайской Болгарии. Слова о плавании тех же русов в Рум и Андалус появились, вероятно, только вследствие неудачной попытки Ибн Хаукаля связать события в стране хазар с событиями, происходившими в 970 и 971 гг. в Испании, когда весной 970 г. был разграблен христианский город Сан-Яго-де-Компостелла, а летом 971 г. в мусульманской столице Кордове было получено известие о приближении норманнов, и стоявшему в Альмерии флоту было приказано отправиться в Севилью. По рассказу Ибн Хаукаля, опустошению области хазар предшествовало опустошение стран болгар и буртасов; это известие не находится в согласии с русской летописью и явилось плодом таких же неудачных комбинаций. Ибн Хаукаль мог слышать о разгроме русами дунайских болгар, смешать их с волжскими и таким образом объяснить появление русов в стране хазар. Что страна болгар не была опустошена, доказывается, как замечает справедливо Маркварт, существованием монет, чеканенных в Суваре в 366 г. х., т. е. в 976-77 г. Для решения этого вопроса было бы важно знать, посетил ли Ибн Хаукаль после 969 г. сам бассейн Волги или вплоть до издания своего труда в 367/977-78 г. знал о походе русов только по рассказам, слышанным им в Джурджане. Куник уверял, что Ибн Хаукаль четыре года спустя, т. е. в 973 г., видел развалины Итиля собственными глазами; но Ибн Хаукаль этого не говорит. Из одного места в его сочинении заключают (это повторил и Маркварт в статье об Ауфи), что Ибн Хаукаль был лично в Болгаре, притом зимой; там говорится о краткости дня, причем автор говорит о себе в первом лице и ссылается на свой собственный опыт. Казалось бы, что там, где автор говорит о себе в первом лице, нельзя предполагать, что он выписывает чужие слова, но в арабской книжной литературе такие примеры бывают, в том числе и в сочинении самого Ибн Хаукаля. В рассказе Ибн Хаукаля о Самарканде он говорит, что видел железную плиту с надписью на воротах города, потом исчезнувшую во время восстания; эти слова представляют повторение слов говорящего в первом лице Истахри. В XIV в. то же самое повторил, тоже от своего имени в первом лице и тоже без ссылки на источник, Абу-л-Фида; члены французской Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, составлявшие инструкцию для экспедиции Нибура, были убеждены, что Абу-л-Фида говорит о надписи, существовавшей в его время и уничтоженной во время его пребывания в Самарканде, где он вообще никогда не был.

Сопоставление источников показывает, что каспийские походы русов теснее, чем обыкновенно думают, связаны с укладом русской государственности. Поход, о котором рассказывал Масуди, был таким же грабительским набегом, как набеги норманнов; никакая другая цель, кроме захвата добычи, не было; грабили селения и не трогали городов, на осады которых, очевидно, не располагали средствами. Поход на Берда'а был лучше подготовлен; нападение было произведено, без остановки в промежуточных пунктах, на самый большой и богатый город Кавказа, причем сначала русы не производили никаких грабежей и уговаривали население вернуться к своим обычным занятиям,

ров сначала от волжских болгар-мусульман, потом от «немцев», причем миссионеры объявили, что их прислал папа. Услышав об этих посольствах, исповедовавшие иудейство хазары также прислали людей, чтобы предложить Владимиру принять веру в бога Авраама, Исаака и Иакова; наконец, прибыл греческий философ и своими рассказами о православном учении произвел на Владимира сильное впечатление. В 987 г. Владимир будто бы отправил 10 человек для испытания веры, кроме, однако, еврейской; по словам летописца, Владимир еще в 986 г. решительно отказался принять еврейский закон, когда узнал от самых носителей этого закона, что бог за грехи изгнал их из их земли и рассеял по всем странам. Испытание вер в 987 г. летописец представляет себе в таком же порядке, как миссионерские посольства 986 г., — русские послы отправляются сначала к болгарам, потом к «немцам», наконец, к грекам, где патриарх устраивает для них торжественное богослужение и где их принимают сами императоры Василий и Константин (о приеме государями болгар и «немцев» ничего не говорится). Вернувшись в Киев, послы с увлечением рассказали князю о красоте греческого богослужения; бояре прибавили к этому, что, если бы греческий закон был дурен, его бы не приняла бабка Владимира, Ольга, которая была «мудрее всех людей». Владимир спросил у бояр совета о принятии христианства; они предоставили ему самому решить. В следующем, 988 г. Владимир совершил поход на главный греческий город в Крыму, Корсунь (Херсонес), и после осады заставил его сдаться. После этого он отправил послов к императорам Василию и Константину, требуя, чтобы они выдали за него свою сестру Анну, угрожая сделать с Константинополем то же, что с Корсунем. Императоры согласились на брак, но с тем, чтобы Владимир принял крещение; Владимир дал обещание и просил прислать священников вместе с царевной, что и было сделано. Обряд крещения был совершен в Корсунь; еще во время летописца в Корсунь показывали церковь св. Василия, где русский князь принял крещение, «палату» Владимира «с краю церкви» и «палату» царевны за алтарем. Владимир возвратил Корсунь грекам и вернулся в Киев, где крестил свой народ. В следующем, 989 г. из Ви-

---

и только восстание жителей имело последствием избиение. Поход 960-х годов был сознательным завоевательным походом; были захвачены все области хазарского царства, до хазарских владений в Дагестане включительно, но никаких других земель не трогали, и даже беглецы, искавшие спасения на Апшеронском полуострове и на Мангышлаке, не подвергались преследованию. По всей вероятности, это тот же поход 354 г. х., или 965 г. н. э., где говорится о походе «турок» на хазарское царство и об отражении их хорезмийцами. Походы против хазар, болгар и славян вообще предпринимались из Хорезма, в том числе и в конце X в., когда в Гургандже правил умерший в 997 г. Мамун ибн Мухаммед. Русы тогда не остались на Волге, но отголоском бывших походов осталось название «Хвалынское» или «Хвалимское море» и предположение о тесном родстве между волжскими болгарами и хвалисами, т. е. хорезмийцами. В действительности близость была только культурная.

зангии были присланы мастера для постройки церкви в Киеве; к церкви были приставлены «корсунские попы», там же были помещены вывезенные из Корсуни иконы, сосуды и кресты.

Летописец, очевидно, соединил в своем рассказе церковные легенды, связанные с принятием русскими христианства, и предания о таком несомненном историческом факте, как взятие русскими Корсуни. Поставленный вне связи с прочими событиями политической жизни этот поход остается необъясненным; едва ли возможно, что поход на Корсунь, как, по-видимому, полагали летописцы, был для Владимира решением вопроса — где принять греческую веру и как получить необходимых для совершения обряда крещения священников. Почва для крещения Руси, как известно, была давно подготовлена; еще при Игоре была в Киеве христианская церковь св. Ильи, где при заключении договора между Игорем и греками принесла клятву соблюдать договор христианская часть дружины русского князя. Едва ли константинопольскому патриарху того времени, Николаю Хрисовергу (979—991), было нужно посылать миссионеров для ознакомления русских с христианством, давно уже имевшим приверженцев в самом Киеве; едва ли и сами русские отправляли с этой целью посольство в Константинополь.

Чтобы получить понятие о действительном ходе событий, приходится обратиться к византийским и арабским источникам; из последних самые подробные сведения дает христианский автор Яхья Антиохийский. По его словам, против императора Василия поднял восстание и 14 сентября 987 г.⁶⁶ принял императорский титул Варда Фока, племянник прежнего императора Никифора Фоки (963—969); он «овладел странною грехов до Дорилей и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя»⁶⁷. И стало опасным дело его и был им озабочен царь Василий по причине силы его войска и победы его над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем положении. И согласился он на это. И заключили они между собою договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того как они поставили ему условие, чтобы и он крестился и весь народ его страны, а народ этот великий. И русы тогда не причисляли себя ни к какому закону и не исповедовали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и

⁶⁶ По византийским известиям, 25 августа. <Дальнейший перевод отрывка из Яхьи дан по работе: Розен, *Василий Болгаробойца*, стр. 23 и сл., однако с некоторыми изменениями. — А. К.>

⁶⁷ Розен, *Василий Болгаробойца*, стр. 21, 194; Яхья Антиохийский, 168. Дорилей на месте Эскишехира в северной Фригии; Хрисополь — Скутари, напротив Константинополя; провозглашение Фоки императором в Каппадокии в феме Харсианы во дворце Евстафия Малейна (Гельцер, *Очерк*, стр. 100). Фема Харсианы — к северо-востоку от фемы Каппадокии, в местности к северу от Кайсарии и к западу от Сиваса.

все население его земель; и отправил он к нему сестру свою, и она построила много церквей в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли также войска русов и присоединились к войскам греков, бывших у царя Василия, и отправились все вместе для встречи с Вардой Фокой на суше и на море в Хрисополь. И одержали они победу над Фокой, и овладел царь Василий приморской областью, и захватили все суда, бывшие в руках Фоки». Дальше рассказывается, как в это самое время грузины, призванные на помощь Фокой, разбили отряд, несколько раньше посланный императором в Трапезунд, и как сын Варды, Лев Фока, занимавший должность наместника Антиохии, по желанию отца, выпроводил из этого города патриарха Агапия, что произошло в субботу 9 марта (у Яхьи 8-го) 989 г. После этого говорится о новой битве между императором и мятежниками: «И выступили царь Василий и брат его Константин со своими войсками и войском русов и встретили Варду Фоку в Абидосе, а это близко от берега константинопольского, — и одержали победу над Фокой; и был он убит в субботу, 13 апреля того же года, и была принесена голова его в Константинополь и там выставлена (или обнесена вокруг города). И было время его мятежа год и семь месяцев».

О крещении Руси мы имеем еще известие, заимствованное из неизвестного источника, у историка XIII в. Ибн ал-Асира; к тому, что сказано у Яхьи, Ибн ал-Асир прибавляет, что сама греческая царевна «отказалась отдать себя человеку неодинаковой с ней религии», чем и было вызвано принятие русским князем христианства. Ни Яхья, ни Ибн ал-Асир не упоминают о военных действиях в Крыму; но о них, кроме русских источников, говорят византийские. Современник этих событий, историк Лев Диакон, упоминает об «огненных столбах», предвещавших взятие Херсонеса «тавроскифами» и взятие Веррии «мисьянами»⁶⁸. Под этими книжными названиями скрываются русские и болгары, также воевавшие в то время с Византией. В том же году Лев Диакон отмечает другое зловещее явление — комету, показавшуюся 27 июля и предвещавшую опустошительное землетрясение 25 октября. Оба небесные явления упомянуты Яхьей, который видел огненные столбы в Каире в ночь на субботу 6 апреля 989 г. Отсюда делают вывод, что взятие Корсуни, как и взятие Веррии, произошло в 989 г. после апреля и до июля, т. е., по-видимому, уже после усмирения при помощи русов восстания Варды Фоки. Что заставило русского князя в это время выступить против греков, неизвестно. Очень правдоподобные соображения были высказаны русским переводчиком-исследователем показаний Яхьи, В. Р. Розеном, опиравшимся на слова Яхьи, что царь Василий только впоследствии отправил к русам, вместе с иерархами для кре-

⁶⁸ Веррия — вероятно, Триадика или Средец, т. е. София. См. Васильевский, *Русско-византийские отрывки*, <стр. 141>.

шения князя и народа, свою сестру. Розен полагает, что византийский император во время опасного восстания обратился к русскому князю с просьбой о помощи и принял все его условия; им в том же году был заключен невыгодный для Византии мир с Елиптом, но после усмирения восстания он медлил исполнить свое обещание и, может быть, надеялся, что ему удастся избавить свою сестру от брака с государем варварского народа. Только взятие Корсуни, в связи с неудачей в войне с болгарами, заставило императора выполнить условия договора, заключенного в трудную для империи минуту.

Других неблагоприятных последствий для Византии вероломство императора не имело, хотя в то же время русские, как и другие народы, присоединенные к церкви Византией, не сделались друзьями греков и их правительства. В XI в. Византия вела упорные войны с христианскими народами на Балканском полуострове и в Азии; в 1043 г. Константинополь подвергся также нападению христиан-русских под начальством внука Владимира, носившего то же самое имя. Военное счастье, вообще сопровождавшее византийское оружие в первой половине XI в., не изменило ему и в данном случае; русский флот потерпел полное поражение, чем и закончились предприятия русских против греческой столицы. Общность религии не мешала грекам крайне жестоко расправляться с пленными врагами; многие из взятых в плен русских, как в 1016 г. и пленные болгары, были подвергнуты ослеплению. По рассказу арабского автора, пленным русским отрубали правую руку и в таком виде водили их по городу. Распадением Руси на уделы воспользовались не только кочевники южнорусских степей, но и греки. Не утвердившись на Каспийском море, русские в то же время были оттеснены кочевниками и греками от Черного⁶⁹.

Походом 1043 г., может быть, объясняется странный рассказ персидского автора XIII в. Ауфи о принятии русскими ислама. Ауфи — единственный из мусульманских писателей, которому было известно имя Владимира Святого, хотя это имя по ошибке было принято им за титул. Ауфи представлял себе русских таким же разбойничьим народом, каким были в IX в. варяги, пришедшие в Новгород; без всякой оговорки он повторяет слова книжных источников об острове, где жили русы и откуда ими совершались набеги, и об отцах, оставлявших в наследство своим сыновьям только мечи. Затем он говорит о принятии русами христианства и продолжает: «И те мечи они вложили в ножны. Так как они не знали другого способа добыть себе пропитание, а [прежний] способ был для них [теперь] закрыт, то их дела пришли в расстройство и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами; их побуждало к этому

⁶⁹ <Ср. еще: Кезма Товфік, *Оповідання*; Бахрушин, *К вопросу о крещении*. — А. К.>

желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезмшаху; послов было четверо из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул „Буладмира“. Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почетные дары и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого они все сделались мусульманами. Они совершают походы на отдельные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое судно и грабят его. Силой они превосходят все народы, только что у них нет лошадей; если бы у них были лошади, то они приобрели бы господство над многими народами»⁷⁰.

Едва ли можно смотреть на рассказ Ауфи как на подтверждение летописного известия об испытании вер и о сношениях Владимира с мусульманскими народами⁷¹. Даже разрыв с Византией перед походом на Корсунь едва ли мог повести к сближению с мусульманским миром. Те мусульманские правительства, с которыми сносились русские, не имели отношения к борьбе с Византией; с той мусульманской державой, с которой в X в. несколько раз сближались христианские враги Византии, абхазы и болгары, именно с египетским халифатом, русский великий князь не имел сношений, хотя в действиях греческих войск в Сирии принимали участие и русские вспомогательные отряды. Яхья рассказывает о взятии в 999 г. греками города Химса в Северной Сирии, причем находившимися с ними русскими был сожжен знаменитый собор св. Константина, где искала убежища часть жителей⁷². В 1000 г. русский вспомогательный отряд принимал участие в походе императора на Грузию.

⁷⁰ <Этот отрывок из Ауфи был сообщен В. В. Бартольдом еще в 1896 г. в статье *Новое мусульманское известие о русских* <см. выше, стр. 805—809>. Перевод дан с незначительными изменениями и пропуском после слов «титул Буладмира» следующей фразы: «Как туркестанский царь носит титул хакана, болгарский — титул владавца» (стр. 265). — А. К.>

⁷¹ <По поводу самого названия предводителя русов В. В. Бартольд в докладе 1926 г. замечает:> Интересно имя русского царя — Буладмир, которое Ауфи или его источник, очевидно, считал титулом, передающее, по моему мнению, к которому теперь присоединился Крымский, имя русского князя в полногласной форме Володимер. Этому имени не знает ни один мусульманский источник, кроме Ауфи. <Имеется в виду указанная в прим. 1 работа акад. А. Крымского, стр. 133. Однако нужно сказать, что здесь А. Крымский делает подробную оговорку, именно, что эта «полногласная» форма могла возникнуть на почве персидско-турецкой народной этимологии (персидское и турецкое *булад* — ‘сталь’ и *эмир*, *мир* — ‘князь’, или *демир* — ‘железо’). — А. К.> <Упоминание «Буладмира» помимо Ауфи засвидетельствовано и у Мервези (см. Мервези, 23, 36 и 118—119). Об «испытании вер» см. также, Толстов, *По следам*, стр. 257—262. — Б. С.>

⁷² Яхья Антиохийский, 183,¹⁰ и сл. об искании спасения: *فى كنيسة مار قسططين التي فيها تحرما بها فلما علم الروس من اهل عسكره احرقوها وكانت كنيسة معجزة وحمل نحاسها و رصاصها*. См. это место у Розена, <*Василий Болгаробойца*>, арабск.

Очень возможно, что легенда о принятии русскими ислама возникла под влиянием ошибочного представления о жорсунском походе или, скорее, о походе Владимира Ярославича, как о войне за веру; совпадением имени внука и деда, может быть, объясняется и факт принятия имени за титул.

текст, стр. 38; пер., стр. 40: «(И укрепились некоторые из жителей) в находящейся там церкви св. Константина, считая себя в ней в безопасности. И когда узнали (это) русы из его войска, то они подожгли ее. Была же эта церковь удивительная. И были увезены медь ее и свинец».

СТАТЬИ
ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ
ИСЛАМА»

АБХАЗЫ

Абхазы — народность Западного Кавказа, у побережья Черного моря. Страна Абхазия занимает область от Главного Кавказского хребта до берега моря; между Гаграми на севере и устьем Ингура на юге; до присоединения к России политически она делилась на три части¹: 1) собственно Абхазия, по берегу моря от Гагр до реки Галидзги (под властью княжеского дома Шервашидзе); 2) горная область Цебельда (без единой власти)²; 3) область Самурзакан по берегу моря от Галидзги до Ингура (управлялась побочной линией дома Шервашидзе, позднее объединилась с Мингрелией). С XVII в.³ часть этого народа перешла через Главный Кавказский хребет и расселилась на южных притоках Кубани. В 30-х годах XIX в. численность населения Абхазии определялась приблизительно в 90 тыс. душ, а численность всех абхазов — в 128 800 душ. В лингвистическом отношении абхазский язык рассматривается как особая семья в системе кавказских языков⁴.

Абхазы упоминаются уже в античную эпоху как *abaskoi* (у Арриана) или *abasgi* (у Плиния)⁵; согласно Прископию (VI в. н. э.), они находились под властью лазов (*lasoi*); в те времена из Абхазии привозили в Константинополь рабов (евнухов). Покоренные Юстинианом и обращенные в христианство <VI в.>, абхазы около 800 г. с помощью хазаров обрели независимость; правитель (эристав) Леон II, вступив

---

¹ <Области Абхазии (с севера на юг): Садзны (Джигетия) — между реками Мзымтой и Бзыбью, Бзыпны (Бзыбская Абхазия) — между реками Бзыбью и Гумистой, Гума — между реками Гумистой и Кодором, Абжуа — между реками Кодор и Галидзга, Самурзакан — между реками Галидзгой и Ингуром. Горные области Абхазии: Псху, Ахчипсху, Медзавей, Дал и Цабал. Владетелю фактически принадлежала лишь Бзыбская Абхазия. — З. А.>

² <Цебельдинская область находилась под властью княжеского рода Маршания, номинально зависевшего от владетеля. — З. А.>

³ <Предки абхазов переселялись на Северный Кавказ в течение XIII — нач. XIX в. — З. А.>

⁴ <Абхазский язык вместе с адыгейским, кабардино-черкесским, абазинским и убыхским составляет абхазско-адыгейскую группу иберийско-кавказской семьи языков. — З. А.>

⁵ <Абазги впервые упоминаются у Арриана, а Плиний говорит только об апсилах. — З. А.>

в брак с хазарской принцессой⁶, принял царский титул. При наместнике Тифлиса Исхаке б. Ибрахиме (ок. 830—853) абхазы, как сообщают, платили дань арабам⁷; о настоящем покорении страны нечего было и помышлять уже хотя бы по причине ее географического положения. Эпоха наивысшего расцвета абхазского царства относится к периоду между 850 и 950 гг., когда цари абхазов распространили свою власть на Абхазию, Мингрелию, Имеретию и Картлию, вмешивались также и во внутренние дела Армении. С этого времени грузинский язык остался для абхазов языком письменной литературы и образованных слоев общества. После угасания династии (конец X в.) власть перешла к грузинской династии Багратидов (Багратионов); однако и на протяжении этого времени Абхазия не утратила своего значения для всего государства. В арабских и персидских источниках, вплоть до эпохи монголов, Багратиды постоянно именуются «царями абхазов»; византиец Кедрон называет грузинского царя ἄρχων (или ἐξουσιαστής Ἀβασγίας) <т. е. князь (или властитель) Абасгии>; даже и в употреблявшейся самими царями формуле титула на первом месте стоит титул «царь абхазов»⁸. Начало владычества Багратидов следует также искать на западе (на реках Чорохи и Риони).

Около 1325 г. Багратиды пожаловали Абхазию в качестве лена династии Шервашидзе (бывших будто бы потомками династии ширваншахов)⁹; в 1462 г. (при царе Баграте VI) последовало утверждение Шервашидзе князьями (эриставами) страны¹⁰. В тюркской героической поэме *Китāб-и Коркут* (возникла, вероятно, около 1400 г. на Армянском нагорье; единственная рукопись в Дрездене¹¹; ср. о ней *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 203 и сл.) абхазы¹², наряду с греками Трапезунда, названы врагами мусульман; один герой, обиженный своим народом, намеревается «отправиться к абхазскому народу, взять в руку золотой крест и облобызать руку человеку в священных одеждах

⁶ <Хазарская принцесса была матерью, а не женой Левана II. — З. А.>

⁷ <Мы не нашли в источниках сведений о том, что в IX в. абхазы платили дань арабам. — З. А.>

⁸ <В титуле того времени «царь абхазов» подразумеваются не собственно абхазы, а все население Западной Грузии. «Царь абхазов и картвелов» означает: «Царь западных и восточных грузин». — З. А.>

⁹ <Шервашидзе известны в качестве цхумских (сухумских) эриставов в анонимном сочинении «История и восхваление венценосцев» (нач. XIII в.). — З. А.>

¹⁰ <В XIV—XVI вв. Шервашидзе были вассалами мегрельских князей Бедиани-Даддани и лишь в начале XVII в. Абхазия во главе с Шервашидзе становится самостоятельным княжеством. — З. А.>

¹¹ <Ныне в научный обиход введена и вторая (неполная) рукопись *Китāб-и Деде Коркут*, хранящаяся в Ватикане и изданная Э. Росси в 1952 г. — В. Р.>

¹² <Под «абхазами» и «абхазским народом» здесь также имеются в виду грузины. — З. А.>

(*pilun*)»¹³. Согласно посланию трапезундского императора от 1459 г., князья абхазов еще располагали в то время войском численностью более 30 тыс. человек.

После того как османы укрепились на восточном побережье Черного моря, абхазы не могли избежать турецкого владычества и влияния ислама, хотя христианство довольно медленно поддавалось вытеснению. Доминиканец Иоанн из Лукки утверждал, что еще в его время (1637 г.) абхазы считались христианами, несмотря на то что христианские обряды ими уже не соблюдались. Со времени отделения от Грузии страна находилась под пастырством своего собственного католика¹⁴ (впрочем, упоминаемого уже в XIII в.) в Пицунде¹⁵; сообщают, что в Абхазии до наших дней сохранились развалины восьми больших и около ста малых церквей (считая часовни). Династия Шервашидзе приняла ислам лишь во второй половине XVIII в. (князь Леон)¹⁶ одновременно с признанием верховной власти турок, за что ей была уступлена крепость Сухум (осаждавшаяся абхазами уже ок. 1725—1728 гг.). После присоединения Грузии к России (1801 г.) и абхазы вынуждены были вступить в сношения с этим могущественным соседом; первая такая попытка была предпринята уже в 1803 г. князем Келеш-беком, однако уже вскоре он отказался от своего намерения. Лишь после убийства этого князя (в 1808 г.) его сын Сефер-бек вступил в более тесные сношения с Россией и воспользовался помощью русских в борьбе против своего брата, отцеубийцы Арслан-бека. В 1810 г. Сухум был взят русскими; Сефер-бек, который перешел в христианство и принял имя Георгий, был посажен князем; однако Сухум с той поры так и остался занятым русским гарнизоном. Обоим сыновьям Сефер-бека — Димитрию (1821 г.) и Михаилу (1822 г., после отравления старшего брата) — также пришлось утверждать свою власть с помощью русского оружия; к тому же эта власть оставалась ограниченной окрестностями Сухума, гарнизон которого мог связываться с остальными воинскими частями лишь морским путем. Присоединением по Адрианопольскому миру (1829 г.) всей прибрежной полосы от Анапы до Поти позиции России, естественно, укрепились; однако, по имеющимся данным, еще около 1835 г. только северо-западная часть страны — область по течению реки Бзыбь — принадлежала князю Михаилу, остальные же

¹³ <В русском переводе В. В. Бартольда: «... уйду к кровожадному народу абхазов, прижму руки к золотому кресту, поцелую руку одетого в ризу человека» (*Kitāb-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2-е, 49). — Ю. Б.>

¹⁴ <Так наз. «абхазский католикос» являлся иерархом не собственно Абхазии, а всей Западной Грузии. Резиденцией его с середины XVI в. становится Гелати (близ Кутаиси). — З. А.>

¹⁵ <Современное официальное название по-русски; по-грузински — Бичвинта. — З. А.>

¹⁶ <Леван. — З. А.>

области оставались под властью его дядей-мусульман. В последующие годы при помощи России князю удалось укрепить свою власть и стать в противоположность всем своим предшественникам почти неограниченным повелителем своих подданных¹⁷; однако и он, невзирая на свою принадлежность к христианской вере, окружил себя турками¹⁸.

После окончательного покорения Западного Кавказа Россией (1864 г.) власть династии Шервашидзе, как и других местных правителей, была ликвидирована; уже в ноябре 1864 г. князь Михаил должен был отказаться от своих прав и покинуть страну. Абхазия была присоединена к России в качестве особого Сухумского отдела, разделенного на три округа: Пицунда, Очемчири и Цебельда. Попытка новой администрации собрать более точные сведения о хозяйственной жизни абхазов, предпринятая с целью определения суммы налогообложения, привела к восстанию (1866 г.)¹⁹ и после его подавления — к эмиграции большей части абхазов в Турцию, вследствие чего численность населения, как полагали, сократилась с 79 тыс. до 65 тыс. человек. Почти совершенно обезлюдившая Цебельда была упразднена как округ и передана в ведение особого «попечителя населения». В настоящее время вся Абхазия, именуемая «округ Сухум-кале», составляет часть Кутаисской губернии²⁰. Численность населения резко сократилась вследствие новых эмиграций, особенно после участия абхазов в восстании горцев (1877 г.), вызванном высадкой турецких войск²¹; около 1881 г. численность абхазов определялась лишь приблизительно в 20 тыс. человек²².

«Общество восстановления православного христианства на Кавказе» издало на абхазском языке книгу по библейской истории (книга была составлена под руководством генерала Бартоломея, владельца известной коллекции монет, описанной Дорном²³, тремя природными

¹⁷ <Неограниченным повелителем Михаил никогда не был. Феодалы (*тавады*) на местах пользовались сенъериальными прерогативами. В последние годы его правления происходило усиление русской власти, а не владетельской. — З. А.>

¹⁸ <Михаил поддерживал отношения с турками (особенно с купцами), но нельзя сказать, что он «окружил себя турками». — З. А.>

¹⁹ <Причиной восстания было нежелание допустить в Абхазии проведение крестьянской реформы на таких же крепостнических началах, как и в Грузии. — З. А.>

²⁰ <Сейчас Абхазия в качестве автономной республики (АССР) входит в состав Грузинской ССР. — З. А.>

²¹ <Восстание было вызвано не высадкой турецкого десанта, а жестокой колониальной политикой царизма. — З. А.>

²² <В настоящее время численность населения Абхазской АССР составляет 404,7 тыс. человек, в том числе 61,2 тыс. абхазов; общее число абхазов в СССР — 65,4 тыс. человек (по переписи 1959 г.). — З. А.>

²³ <Dorn, Collection.>

абхазами: священником Гечия²⁴ и офицерами Маргания²⁵ и Курцикидзе). Попытка ввести абхазский язык как предмет преподавания в Новочеркасской гимназии закончилась неудачно.

Литература. Brosset, *Histoire de la Géorgie*; Marquart, *Streifzüge*. Основная работа на русском языке (до 1826 г.): Дубровин, *История войны на Кавказе* [см. рецензию (анонимную, но написанную, очевидно, хорошо осведомленным автором), помещенную в ССКГ, вып. VI, 1872, <стр. 1—48>]; Зубов, *Картина Кавказского края*; Erckert, *Der Kaukasus*. <Из новых работ, посвященных истории абхазов и Абхазии, см.: Гулия, *История Абхазии*; Джанашиа, *Возникновение Абхазского царства*; Антелава, *Очерки по истории Абхазии*; Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*; Инал-Ипа, *Абхазы*.—З. А.>

²⁴ <Вероятно, Гечия, так как в составленном под руководством ген. И. Бартоломея *Абхазском букваре* (Тифлис, 1865) в предисловии названы составители — «священник Иоанн Гечия, прапорщик Георгий Курцикидзе и дворянин Симеон Эшба—природные абхазцы». — Д. Б.>

²⁵ <Маргания (Дмитрий) был не офицером, а тоже священником. —З. А.>

АЛАНЫ

Аллан — название известного иранского племени аланов, которое обычно в арабских рукописях, подобно многим другим собственным именам (ср. ар-Рāн вместо Арран и др.), воспринималось как иностранное слово с арабским артиклем (ал-Лāн), а иногда (у Якута, также у Абу-л-Фида, *Тақвīm*, изд. Рейно — де Слэна, 203) писалось ал-Алāн. О ранних местах расселения этого народа и о его переселении из Средней Азии в эпоху ислама уже ничего не было известно; арабские географы знают только область Аллан на северном склоне Кавказа, близ важного горного прохода через Дарьяльское ущелье у Казбека. Едва ли можно доказать, что, как утверждает И. Маркварт (*Streifzüge*, S. 167), уже в IX в. н. э. было известно также и другое название этого народа — Ас; достоверно доказано лишь, что это название появляется только в монгольскую эпоху¹ (также писалось ал-Ас), однако употребляется оно только в восточных источниках; в сообщениях европейских миссионеров и путешественников этот народ и в позднее средневековье называется только аланами. Форма *ас* лежит в основе названия происходящих от аланов осетов (русск. осетины, образовавшееся из пружинской формы названия области — Овсетхи).

Обращенные в христианство византийскими миссионерами, аланы, по словам Мас'уди (*Мурūdж*, II, 43), в 320/932 г. отпали от христианства и изгнали своих епископов и священников; согласно Ибн Русте (изд. де Гье, 148), только правитель аланов был христианином. Все же в XIII в. н. э. аланы во всех источниках описываются как греческие христиане. Места их поселения простирались в ту пору много дальше на восток, чем в более ранние времена; к моменту первого вторжения монголов область, начинавшаяся непосредственно за Дербентом на север, и даже область в устье Волги находились во владении аланов, что, по-видимому, следует рассматривать как последствие падения хазарского царства. Разбитые и покоренные монголами, аланы были частично переселены в различные области монгольской империи; колония аланов-христиан упоминается католическими миссионерами в Ки-

¹ «Род аланов и асов», живших где-то между Аральским и Каспийским морем, упоминал Бируни, автор XI в., причем его сведения, вероятно, относятся к более раннему времени. См. выше, стр. 550, прим. 17. — В. Р.>

тае; персидским источникам этого времени асы также известны как христиане при дворе монгольских ханов. Асов в Сарае на Волге Ибн Баттута (II, 448) называет мусульманами. В настоящее время у осетин сохранились лишь следы бывшего христианства, а также и ислама.

См. арабские известия у Маркварта (*Streifzüge*, S. 164 sq.; там же указания на источники); о битвах с монголами — Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 232 и Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 84; об асах в Монголии — d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 235; об аланах в Китае — Мосхейм, прилож. <Ср. *Очерки истории СССР. III—IX вв.*, стр. 616 и сл. — Б. С.>

БУРТАСЫ

Буртас, или бурдас (у Бекри — фурдас), — языческий народ в бассейне Волги; об отношениях буртасов к их южным и северным соседям, т. е. к хазарам и болгарам, ср. Barthold, *Bulghār* (EI, I). У Мас'уди (*Мурудж*, II, 14 и *Танбих*, 62) именем Буртас обозначена также река, впадающая в Итиль (Волгу); Маркварт (*Streifzüge*, S. 336) отождествляет эту реку с Самарой. В противоположность хазарам и болгарам ни один источник не упоминает о приверженцах ислама среди этого народа; то, что об этом говорит Якут (*Му'джам*, I, 567), основано на недоразумении: то, что сказано Истахри (225) о болгарах, он ошибочно перенес на буртасов. В источнике, использованном Ибн Русте (изд. де Гье, 140 и сл.), Бекри (Куник — Розен, *Известия ал-Бекри*, ч. I, стр. 44) и Гардизи (Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 96 и сл.), о религии буртасов было сказано только, что их вера та же, что и вера (тюркских) гузов, и что часть народа сжигает своих покойников, а другая — хоронит. В развитии культуры буртасы далеко отставали от своих соседей; в их стране не существовало никакой подлинной правительственной власти, а были только старейшины племен. Для мусульманского мира торговые сношения с буртасами имели значение только из-за торговли мехом; меха (*фирā'*) буртасов упоминаются также и у Якута (*Му'джам*, I, 567).

Буртасов отождествляют с финским народом, называемым русскими «мордвой» (у Рубрука — *Merdua*)¹. Места их расселения граничили на Оке непосредственно с местами поселения славян и простирались довольно далеко на север; в их землях русские заложили в 1221 г. город Нижний Новгород. Вместе с другими народами бассейна Волги мордва вынуждена была в XVI в. покориться русским; восстания этого народа упоминаются еще в XVIII в.; тем не менее мордва оказалась

¹ <Эта точка зрения наиболее распространена, но не является единственной; ср. указанные в библиографии работы А. И. Попова, А. Е. Алиховой, А. П. Смирнова и С. А. Токарева. — Ю. Б.>

более податлива христианству и русификации, чем мусульманские народы или народы, затронутые мусульманской культурой. Значительная часть мордвы в настоящее время полностью растворилась в русском народе.

<Л и т е р а т у р а. Кроме источников, указанных в тексте, см.: А. И. Попов, *Буртасы*; Алихова, *К вопросу о буртасах*; А. Смирнов, *К вопросу о буртасах*; Токарев, *Этнография народов СССР* стр. 150; Заходер, *Каспийский свод*, стр. 230—252.>

СЛАВЯНЕ

Славяне. Арабское слово, означающее «славянин» — *сақлаб*, реже *сақлаб* (также *сақлаб*) или *сиқлаб*, мн. ч. *сақалиба*, — заимствовано, вероятно, из греческого (*Σκλάβηνοι*, *Σκλάβοι*). Славяне-наемники были расселены в VII в. в восточных пограничных провинциях Византийской империи, так что арабы познакомились со славянами уже во время своих первых сражений с византийцами. Как сообщают, Маслама во время своего похода на Константинополь (715—717 гг.), едва перейдя византийскую границу, овладел «городом славян» (*мадйнат ас-сақалиба*) (*Fragmenta*, I, 25,4). Других представителей славян арабы застали в стране хазар (между Кавказом и нижним течением Волги). В годы правления халифа Хишама (724—743) Мерван б. Мухаммед (позднее халиф Мерван II) будто бы вывел из хазарских земель 20 000 славян и поселил их в Кахетии (Хәхйт); там «они убили своего эмира и убежали, но он (Мерван) настиг их и перебил» (Балазури, 208, сверху). Однако эти славяне упоминаются еще в числе колонистов, расселенных халифом Мансуром (754—775) на византийской границе, в Киликии (там же, 166). Неизменно подчеркивается рыжий (или рыжеватый) цвет волос или красная (красноватая) окраска кожи лица у славян; например, уже в I в. х. в диване Ахтала (ср. EI, I, S. 247 sq.), изд. Сальхани, 18, 5. Несмотря на этот отличительный физический признак, славяне как потомки Яфета (арабск. Йафас) объединяются с тюрками. Сообщается, что каждый из трех сыновей Ноя имел в свою очередь по три сына; Вахб б. Мунаббих (у Табари, I, 211, 13) называет сыновьями Яфета только Тюрка, Гога и Магога, а уже Са'ид б. Мусейяб (ум. в 95/713-14 г.), напротив, называет в качестве потомков Яфета, наряду с объединенными в один народ Гогом и Магогом, тюрков и славян (Бекри: Куник — Розен, *Известия ал-Бекри*, ч. I, стр. 18), так же как Ибн Исхак (Табари, I, 211 и сл.) и Гардизи (см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 80) со ссылкой на Ибн ал-Мукаффа' (ср. EI, II, S. 430). Са'ид б. Мусейяб добавляет, что все три сына Сима (предки арабов, персов и греков) оказались удачными, зато сыновья Яфета и Хама никуда не годились. Писавший в VI/XII в. при тюркском господстве анонимный автор *Муджмал ат-таварих* (текст у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 19) делает среди сыновей Яфета исключение для

Тюрка и Хазара: они, по его мнению, были благоразумны, но в их братьях не было ничего доброго. Согласно рассказанной Ибн ал-Мукаффа' легенде, сын Яфета Саклаб был вскормлен собачьим молоком; с этим связывается персидская этимология (*сек* — 'собака', *леб* — 'губа') (Гардизи: Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 85). В этом же источнике (там же, стр. 86, вверху) киргизы за их «рыжие волосы и белую кожу» названы отпрысками славян. «Царем славян» у Ибн Фадлана (ср. EI, II, S. 398) — не только у Якута (*Му'джам*, I, 723, 11), но также, как теперь установлено, и в первоначальной *Русьла* (Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 244) — назван правитель болгар на Волге; точно так же, вероятно, следует понимать и известие о разбойничьих набегах хорезмийцев на болгар и славян, приведенное у Ибн Хаукаля (281, 13); по-видимому, и эти славяне были подданными правителя болгар. К этому же правителю относится, возможно, также и рассказ Я'куби (*Та'рих*, I, 598, внизу) о «государе» (*сāхиб*) славян, к помощи которого против арабов, одновременно с просьбой о помощи к «правителю греков» и «правителю хазар», обращался некий кавказский народ около 240/854-55 г. (иное объяснение: Marquart, *Streifzüge*, S. 200). Напротив, рассказ Табари (III, 2152) под 283/896 г. о походе «царя славян» на Константинополь относится к войне между царем дунайских болгар Симеоном (890 — 927) и императором Львом IV в 893 г. Для обозначения населения нынешней Южной России слово «славяне» было постепенно вытеснено словом «русские». Дон, рассматривавшийся в своем нижнем течении как рукав Волги, сначала (у Ибн ал-Факиха, 271, 3, и Ибн Хордадбеха, 154, 12) назывался «Река славян» (Нахр ас-сақалиба), позднее (у Ибн Хаукаля, 276, 15, также у анонимного автора персидской *Худуд ал-'алам*, ср. Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 137) — «Река русских» (Нахр ар-рус).

Первым обратил внимание на родство славян с народами Запада, кажется, Ибн ал-Кальби (Хишам б. Мухаммед, ср. EI, II, S. 737); ссылаясь на слова своего отца, он, как сообщают, назвал славян братьями армян, греков, франков и потомками Юнана б. Яфета (Якут, *Му'джам*, III, 405, 3). Более точные сведения о славянах как о соседях греков, по-видимому, содержались в сочинениях вернувшегося в 845 г. из восьмилетнего византийского плена Муслима б. Абу Муслима ал-Джарми; у Ибн Хордадбеха (105, 15), со ссылкой на Муслима, упоминается «Страна славян» (Билād ас-сақалиба), расположенная к западу от Македонии. У Мас'уди (*Мурудж*, III, 66) франки, славяне, лангобарды, испанцы, Гог, Магог, тюрки, хазары, *бурджан* (ср. EI, I, S. 820 < *Bulghār*; наст. изд., т. V >), аланы и (испанские) *джаллика* (галисийцы) предстают как потомки Яфета. В другом месте (Мас'уди, *Мурудж*, IV, 38 и сл.) рассматриваются в географической последовательности с востока на запад области, занимаемые этими народами; область ('амал) славян появляется здесь между областью бурджан и

областью греков. Красноватая окраска (*шукра*) упоминается как характерный признак славян и греков (Мас'уди, *Мурудж*, III, 133). Сообщается, что большинство болгар и славян приняло христианство и изъявило покорность владетелю (*сахиб*) Рима, столицы франков (Мас'уди, *Танбих*, 181 и сл.); в качестве места жительства значительной части этих народов указываются берега Дуная (там же, 183, внизу; ср. также еще менее отчетливые географические представления в *Худуд ал-'алам*; в рукописи вместо *Дунā* стоит *Дутā*, не *Рутā*, как у Туманского, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 133 и сл.). Сообщается, что греки, римляне, славяне, франки и соседние с ними народы Севера говорили на общем языке и образовали общее государство (Мас'уди, *Танбих*, 83,9). Наиболее подробные сведения о славянах в Европе встречаются в цитируемом Бекри (ср. EI, I, S. 631 sq.) отчете о путешествии испанского еврея Ибрахима б. Я'куба от 965 г.; там упоминаются как славяне на Адриатическом море, так и пограничная страна славян на северо-востоке — область польского князя Мешко (*Мишх*) (приблизительно между 960 и 992 гг.), соседа русских и пруссов. Напротив, Идриси упоминает страну славян (Билад ас-сақалиба) только на Балканском полуострове, в связи с Венецией (Идриси, пер. Жобера, II, 286); в описании славянских стран от Богемии до Польши (там же, II, 375 и сл.) ничего не сказано об общем славянском происхождении населения этих стран. С этого времени слова *сақлаб* и *сақалиба* постепенно исчезают из мусульманской литературы и употребляются только в цитатах из более ранних сочинений. В рассказах о европейских походах монголов у Джувейни (изд. Казвини, I, 224 и сл.) и у Рашид ад-дина (изд. Блоше, 43 и сл.) слово «славяне» также больше не встречается. Нынешнее турецкое *ислав* заимствовано из современной европейской науки, вероятно из французского языка.

Подобно тюркам, и славян иногда ввозили в мусульманские страны как рабов, особенно в качестве белых евнухов (ср. Макдиси, 242,5; Ибн ал-Факих, 84,1; Ибн Хордадбех, 92,5). Как из тюркских, так и из славянских рабов создавались особые воинские отряды, предводителям которых при благоприятных обстоятельствах удавалось становиться государями. О славянах на службе у Фатимидов в Египте см., напр., Иностранцев, *Торжественный выезд*, стр. 29 и 86; о славянах в Испании, напр., Dozy, *Recherches*, t. I, p. 227 sq. (правитель Хайран из Альмерии, ср. EI, I, S. 329), 235 sq. (о славянах как союзниках арабов против берберов).

Литература. Гаркави, *Сказания*; его же, *Дополнения*; Куник — Розен, *Известия ал-Бекри*; Westberg, *Ibrāhīm's-ibn-Ja'kūb's Reisebericht*, *idem*, *Beiträge*; Вестберг, *К анализу восточных источников*; Marquart, *Streifzüge*. <См. также: Бартольд, *Арабские известия о русах*, выше, стр. 810—858; Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956), — Б. С.>

ШАМИЛЬ

Шамиль — народный вождь в Дагестане, глава дервишского ордена накшбендиев, последний и наиболее удачливый руководитель народного движения против русского господства¹ (ср. EI, I, S. 928 sq. <Daghestan; наст. изд., т. III>). Как и его предшественники, он был из аварцев. Родившись в последние годы XVIII в. в ауле Гимры, где находилось наследственное имение его родителей, он впервые привлек к себе внимание в 1830 г. во время неудачного штурма крепости Хунзах. После убийства его предшественника Хамза-бека (1834 г.) восставшие избрали его своим вождем. Потерпев в 1837 г. поражение и будучи вынужденным изъявить покорность, он смог уже в следующем году восстановить свою власть и распространить ее на значительную часть Дагестана, а также на лежащую к западу от него область чеченцев. В основу созданных им учреждений (*низъм*) был положен религиозный закон, вследствие чего годы его власти позднее названы были в Дагестане «эпохой шариата». Его область делилась на 32 округа, во главе окружного управления стоял наиб, наряду с ним для разбора судебных дел — муфтий, с подчинявшимися муфтию и назначаемыми им четырьмя казиями. Вооруженные силы Шамиля состояли из 60 тыс. воинов. Опорным пунктом его власти были не столько горы Дагестана, сколько, скорее, еще менее доступная, покрытая лесами область чеченцев; там же находилась и крепость Ведено — резиденция Шамиля с 1845 г. вплоть до завоевания ее русскими (1/13 апреля 1859 г.).

После нескольких безуспешных попыток подавить восстание превосходящими военными силами началось (с 1845 г.) медленное проникновение в горные районы, сочетавшееся с рубкой просек в лесу. Ста-

---

¹ <В советской исторической литературе по вопросу о характере движения кавказских горцев первой половины XIX в. происходили длительные дискуссии. При этом некоторые авторы, исходя из факта прогрессивности последствий присоединения народов Кавказа к России, неправильно характеризовали все движения на Кавказе, направленные против царизма, как реакционные, не рассматривая их конкретно-исторически. Обзор работ, посвященных борьбе горцев, руководимой Шамилем, см. во введении к кн.: Н. Смирнов, *Мюридизм*, стр. 3—40; там же библиография основных изданий документов. — В. Р.>

рания Шамиля, особенно во время Крымской войны, получить помощь от турок не увенчались успехом. После падения Ведено исход борьбы можно было считать предрешенным; уже 25 августа (6 сентября) 1859 г. Шамиль вынужден был сдаться в своем последнем горном укреплении — Гунибе. После того как он был принят в Петербурге императором Александром II, ему самому, его семье и его ближайшим родственникам определен был для жительства город Калуга. Там вместе с сыновьями он в 1866 г. по собственному желанию принес присягу на верность русскому царю. В феврале 1869 г. ему было разрешено совершить паломничество в Мекку; в марте 1871 г. он умер в Медине. Перед его смертью его старший сын Гази Мухаммед (местное произношение, в русской передаче — Казы Магома) получил разрешение отправиться к своему больному отцу; позднее он поступил на турецкую службу и принимал участие в войне 1877 г., а также в попытке поднять восстание среди населения Дагестана; умер он в Мекке в 1903 г. Второй сын Шамиля, Мухаммед Шафи', поступил на русскую службу и жил позднее в чине генерал-майора в Казани.

Л и т е р а т у р а. Обзор многочисленных русских работ о Шамиле дает Миансаров, *Bibliographia caucasica*, т. I, стр. 798 и сл., № 4781—4840. К этому см. дополнения: Козубокий, *Опыт библиографии*, I—II, и особенно его же, *Материалы*, стр. 209, 213—243.— Мирза Хасан Эфенди, *Асър-и Дагестан*² (см. EI, I, S. 928 <*Daghestan*; наст. изд., т. III>), стр. 194 и сл., 202 и сл. Сочинение о Шамиле и его пленении было написано по-арабски его племянником³ Абд ар-Рахманом в Калуге; рукопись находится сейчас в Азиатском музее в Ленинграде⁴; ее русский перевод (выполненный А. Руновским) появился в Тифлисе в 1862 г. (первоначально в газете «Кавказ», № 72—76). Ср. еще Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу*, стр. 164—200. <Библиографические сведения об источниках (преимущественно восточных) о Шамиле см. Крачковский, *Избр. сочинения*, т. VI, стр. 551—573, 585—608. Из новых советских работ см. *Очерки истории Дагестана*, т. I, стр. 210—237; Н. Смирнов, *Мюридизм*. — В. Р.>

² <Очевидно, Бартольд имел в виду издание на азербайджанском языке (Баку, 1903), см. также русский перевод: Дагестани, *Книга Асари-Дагестан*. — Д. Б.>

³ <Абд ар-Рахман был не племянником, а братом жены Шамиля и мужем его старшей дочери. См. Крачковский, *Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле*, стр. 561, прим. 4. — Д. Б.>

⁴ <Шифр ИНА — А 710 (список, датированный 1281/1864-65 г.); подробное описание см. Крачковский, *Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле*. — Д. Б.>

ШИРВАНШАХ

Ширваншах — титул правителей Ширвана, должно быть еще в домусульманскую эпоху (Балазури, 196, внизу). В истории завоевания этот правитель назван лишь царем (*мелик*) или владельцем (*сахиб*) Ширвана (там же, 204 и 209). Йезид б. Усейд ас-Сулами, наместник Армении при халифе Мансуре, завладел нефтяными источниками (*наффата*) и соляными копиями (*маллахат*) Ширвана; таким образом, восточная часть страны имела в то время большее значение, чем западная (ср. сказанное выше <EI, IV, S. 412 — *Shirwān*; наст. изд., т. III > о Шабране как о важном пункте Ширвана). Позднее, как полагают, титул *ширваншах* был присвоен потомками арабского наместника Йезида б. Мазьяда аш-Шейбани. Сам Йезид умер в 185/801-02 г.; когда и почему его потомки перенесли свою резиденцию в Ширван, неизвестно; согласно более позднему источнику (ШахризADE, *Матн ат-таварих*, написано в 1173/1759 г., цит. в кн.: Dorn, *Beiträge*, S. 544; ср. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 429), один из них — Хейсам б. Халид — во время волнений после смерти халифа Мутеваккиля в 247/861 г. объявил себя независимым и принял титул ширваншаха. Его династия (обычно именуемая «Мазьядидами»), согласно тому же источнику, правила до 460/1067-68 г. В противоположность этому Мас'уди (*Мурудж*, II, 69) сообщает, что в его время, значит незадолго до 332/943-44 г., после смерти ширваншаха Али б. Хейсама, ираншах (так следует читать по Маркварту, *Ērānšahr*, S. 119, т. е. правитель «Аррана в узком смысле»; в рукописях обычно *līrānshāh*) Мухаммед б. Йезид, потомок Сасанидов, завладел страной Ширван и присвоил себе титул *ширваншах*; сообщается также, что он захватил и Дербент (Мас'уди, *Мурудж*, II, 5), вследствие чего все части древней Албании вновь были объединены политически. В противоположность сказанному выше (EI, I, S. 488 <*Arrān*; наст. изд., т. III >) о том, что сведения Мас'уди не подтверждаются никаким другим источником, ныне следует привести данные Худуд ал-'Алам (написано в 372/982-83 г.), л. 33а, согласно которому три страны — Ширван, Хурсан и Иран — находились в то время под властью одного правителя, носившего титулы *ширваншах*, *хурсаншах* (у Балазури, 196, внизу: *джурсанших* указан как царь лакзов, т. е. лезгин; ср. EI, I, S. 925 sq. <*Daghestan*; наст. изд., т. III >) и *ираншах*; резиденцией ему служил лагерь его войск (*лашкарха*), располо-

женный в одном фарсах от Шемахи. Мухаммедом б. Иезидом была, по-видимому, основана династия Кесранидов (*Бену Кесран*) и центр государства был перенесен в Шемаху, которая позднее всегда выступает как столица ширваншахов. Возможно, что правление этой династии на короткое время было прервано упомянутым у Ибн Хаукаля (250,⁸ и 254,¹²) в качестве ширваншаха Мухаммедом б. Ахмедом ал-Азди; в письменных источниках это имя обычно не называется, однако оно встречается на недатированных монетах, которые, судя по письменам на них, могут быть отнесены к IV/X в.

Следующие по времени исторические сведения о Кесранидах касаются их отношений с сельджукскими султанами (Бундари, изд. Хаутсма, 139 и сл.). При Меликшахе (465—485/1072—1092) в качестве «царя, владетеля Ширвана» (*ал-малк с̄ах̄лб Шарвāн*) упоминается Ферибурз, от времени которого у нас имеются также монеты. Когда Меликшах был в Арране, Ферибурз после некоторого сопротивления принес ему присягу на верность и обязался платить ему дань в 70 тыс. динаров; после дальнейших переговоров эта дань была уменьшена до 40 тыс. динаров (дань, которую должен был платить упомянутый выше Мухаммед б. Ахмед ал-Азди правителю Азербайджана Марзбану б. Мухаммеду б. Мусафиру, составляла один миллион дирхемов). При султани Махмуде (511—52 /1118—1131) Ширван был занят войсками султана; предводители войска пригласили султана самого прибыть туда. После его прибытия ширваншах (его имя не называется) отправился к нему, надеясь добиться у него справедливости, но был взят под стражу. Население Ширвана, которое очень любило своего правителя, стремилось добиться его освобождения, однако без успеха. Эти обстоятельства были использованы грузинами для вторжения в Ширван, которое было, однако, отбито Махмудом. В годы оккупации страны население подверглось тяжелым лишениям, вследствие чего эти события были названы «опустошением» (*тахриб*) Ширвана. Поход имел место в первый и последний год пребывания в должности везира Шемс ал-мулька, который был убит по приказу султана в месяце раба' I 517 г. х. (29 апреля — 28 мая 1123 г.) в Байлаконе (вероятно, на обратном пути из Ширвана в Персию).

В совершенно ином освещении предстает этот же поход у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, X, 433 и сл. (ср. выше, EI, I, S. 983 <*Derbend*; наст. изд., т. III >). Поход этот, по его словам, был вызван вторжениями грузин и жалобами жителей, особенно города Дербента. Вскоре после прибытия султана в Шемаху под стенами города появилось многочисленное грузинское войско, повергшее султана в ужас; однако затем между грузинами и их союзниками кипчаками возникли раздоры, вследствие чего враги вынуждены были уйти, «подобно потерпевшим поражение» (*шибха-л-мунхазимин*; на самом деле они, следовательно, не были разбиты). Султан оставался еще некоторое время в Ширване и в месяце

джумада II 517 г. х. (27 июля — 24 августа 1123 г.) вернулся в Хамадан.

Об имени соответствующего ширваншаха не дают нам надежных сведений ни мусульманские источники, ни грузинские (см. Brosset, *Histoire de la Géorgie*, pt. I, p. 368), ни также монеты. После Ферибурза, еще при халифе Мустазхире, т. е. до 512/1118 г., на монетах появляется имя его сына Менучехра; следующий правитель, Афридун, вероятно брат своего предшественника (монеты его не сохранились), согласно грузинским источникам, погиб около 1120 г. во время войны между Ширваном и Дербентом; поэт Хакани упоминает его как «мученика» (*шахид*). Его сын Менучехр II, судя по чеканенным им монетам, был современником халифа Муктафи (530—555/1136—1160) и, по Хакани (Кхануков, *Lettre*, p. 122), правил 30 лет, следовательно никак не мог быть низложен в 517/1123 г.

Правление Менучехра II и его преемников было периодом расцвета династии. Менучехр II велел именовать себя не только ширваншахом, но и «великим хаканом» (*хакан-и кабир*) — отсюда возник *тахаллуц* его панегириста Хакани (ср. EI, I, S. 938 < *Derbend*; наст. изд., т. III >). Однако на своих монетах ширваншах по-прежнему выступает лишь как вассал сельджукских правителей Ирака; только после смерти последнего из этих правителей — Тогрула б. Арслана (590/1194 г.) — на монетах и в надписях, кроме имени ширваншаха (обычно с высокопарными титулами), упоминается лишь имя халифа как верховного повелителя. На самом же деле Ширван находился тогда в полной зависимости от грузинских царей, которые сами приняли титул «ширваншах». Между Кесранидами и грузинским царским домом неоднократно заключались брачные союзы. Сын и преемник Менучехра II, Ахситан, пожалуй, должен был быть обязан своей победой над русским флотом под Баку, а также отвоеванием Ширвана и Дербента своему могущественному родственнику, союзнику и верховному повелителю — царю Георгию III (см. EI, I, S. 983 < *Derbend*; наст. изд., т. III >). Зато позднее грузины отняли у ширваншаха области Шекки, Кабала и Мукан (Несеви, *Сйрат Джелаль ад-дин*, I, 146 и 174). Политическая обстановка первой половины XIII в. не совсем ясна; ни названный Ибн ал-Асиром под 619 г. х. (изд. Торнберга, XII, 264 и сл.) ширваншах Рашид, ни упомянутый Несеви (*Сйрат Джелаль ад-дин*, I, 175) под 622 г. х. ширваншах Афридун б. Ферибурз, ни его сын Джелаль ад-дин Султан-шах не упоминаются на монетах; вместо них на монетах появляется как современник халифа Насира (575—622/1180—1225) Ферибурз б. Афридун б. Менучехр, после него, при том же халифе, еще правители Фаррухзад б. Менучехр и Гершасп б. Фаррухзад. В противоположность приведенным выше сведениям, Несеви утверждает, что ширваншах уплатил султану Меликшаху дань в размере 100 тыс. динаров и поэтому хорезмшах Джелаль ад-дин (ср. EI, I, S. 1047 sq.) после

своего появления в Азербайджане потребовал с ширваншаха ту же сумму. Согласно Несеви, ему ответили, что условия теперь уже не те, что раньше, значительная часть страны находится во владении грузин; сошлись на 50 тыс. динаров, а позднее и с этой суммы было сбавлено 20 тыс. Незадолго до этого хорезмшах прогнал чиновников ширваншаха из расположенной в устье Куры и Аракса области Гуштаспи и дал эту область на откуп за 200 тыс. динаров; зато он вернул принцу Султан-шаху Мукан, который его отец уступил грузинам (по случаю бракосочетания принца с грузинской принцессой, дочерью царицы Русуданы, 1223—1247). После покорения Ширвана монголами монеты чеканились от имени монгольского великого хана; рядом с его именем появляется также и имя ширваншаха, однако без титула. Под властью ильханов (ср. EI, II, S. 499 sq.) монеты в Ширване не чеканились; страна принадлежала то к владениям этой династии, то к государству Золотой Орды. Как провинция государства ильханов Ширван доставлял в государственную казну 11 туманов (туман равнялся 10 тыс. динаров) и 3 тыс. динаров (в то время динар был не золотой, а серебряной монетой весом в 3, позднее в 2 мискаля; ср. Бартольд, *Персидская надпись*, стр. 18 и сл.). Область Гуштаспи оставалась отделенной от Ширвана и платила 118 500 динаров. Династия Кесранидов продолжала существовать; при преемниках ильханов ширваншах Кайкубад и его сын Кавус смогли снова выступить как самостоятельные государи (их монеты, как и монеты нескольких династий того времени, чеканились без имен). Однако вскоре после этого Кавус вынужден был покориться Джалаиридам (ср. EI, I, S. 1046 < *Djalair* >) и чеканить монеты от их имени. Согласно Фасиху (Dorn, *Beiträge*, S. 560), Кавус умер в 774/1372-73 г.; его сын Хушенг после десятилетнего правления был убит своими подданными, и с ним пресеклась династия Кесранидов. Власть перешла к одному дальнему родственнику династии, Шейх-Ибрахиму (1382—1417) из Дербента; в 1386 г. он должен был покориться Тимуру, после смерти которого правил как самостоятельный государь. Долгие годы правления его преемников Халилаллаха (1417—1462) и Фаррух-Ясара (1462—1501) были для Ширвана порою мира и благоденствия; в Шемахе и Баку были сооружены большие здания. Фаррух-Ясар был побежден и убит шахом Исма'илом, основателем новоперсидского государства; после него правил в качестве вассалов персидского шаха Ибрахим II (1502—1524), Халилаллах II (1524—1536) и Шахрух (1536—1538), а затем Ширван был непосредственно присоединен к Персии. Сын Халилаллаха II Бурхан-Али-султан и его сын Абу Бекр пытались позднее с помощью турок заполучить обратно свое княжество, однако без продолжительного успеха.

Литература. Dorn, *Beiträge*; Пахомов, *Краткий курс истории Азербайджана* (из этой работы и из личных сообщений ее автора заимствованы преимущественно данные о монетах). <Сведения о новых работах см. выше, стр. 651, прим. 1. — Б. С.>

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Очерк истории Семиречья

Первое издание: В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — ПКСОСЖ за 1898 г., стр. 74—175 (отд. оттиск: Верный, 1898, 102 стр.).

Автореферат: MSOS, Jg. II, Abt. 2, 1898, S. 102—103.

Поправки и дополнения: ПКСО на 1900 г. (отд. оттиск: Верный, 1900); *резюме автора:* MSOS, Jg. IV, Abt. 2, 1900, S. 200.

Рец.: Бернштейн, «Русский Туркестан», 1898, № 4, 16.

Второе издание: В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, Фрунзе, 1943.

Английский перевод: *History of the Semirechye*, — in: V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*. Transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, vol. I, Leiden, 1956, pp. 73—171 (reprint: 1962).

Печатается по тексту первого издания с учетом «поправок и дополнений».

История Туркестана

Конспект лекций, читанных на историко-филологическом факультете Туркестанского университета в 1920 г.

Напечатано: В. В. Бартольд, *История Туркестана (Конспект лекций)*, Ташкент, 1922, 50 стр. (Труды Туркестанского Гос. ун-та, вып. 2).

Рец.: И. Бороздин, «Восток», 1922, № 3, стр. 178—179; В. Кряжин, «Печать и революция», 1923, № 6, стр. 162; В. Гурко, «Новый Восток», № 3, 1922, стр. 542—543; Н. Тюрякулов, «Жизнь национальностей», 1923, № 2, стр. 163—164; А. В., «Коммунист», Ташкент, 1922, № 7—8, стр. 169; Th. Menzel, DI, Bd XVII, 1928, S. 96.

Резюме: БВ, I, № 630; Dostojevskij, Barthold, S. 99—100.

Английский перевод: *A short history of Turkestan*, — in: V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*. Transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, vol. I, Leiden, 1956, pp. 1—68 (reprint: 1962).

История культурной жизни Туркестана

Напечатано: В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, изд. КЕПС, Л., 1927, II+256 стр. 4°.

Рец.: WI, Bd XII, 1927, S. 110—111; Ю. Спасский, «За партою», 1928, № 2 (6), стр. 101—103; В. Яновский, «Печать и революция», 1928, № 5, стр. 171—172; В. Шумилин, ИМ, 1928, № VII, стр. 302—303.

Резюме: Dostojevskij, Barthold, S. 110—111.

Печатается с учетом «поправок», приложенных к первому изданию.

Хлопководство в Средней Азии

Напечатано: «Хлопковое дело», М., 1924, № 11—12, стр. 3—13.

Таджики. Исторический очерк

Напечатано: «Таджикистан». Сб. статей под ред. Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925, стр. 93—111.

Резюме: БВ, I, № 631 А.

Таджики

Напечатано: *Tādjik*, — EI, IV, 1928, S. 647—648.

На русском языке публикуется впервые.

Киргизы. Исторический очерк

Первое издание: В. В. Бартольд, *Киргизы. (Исторический очерк)*, Фрунзе, 1927, 57 стр.

Рец.: Г. Е. Грумм-Гржимайло, ИГГО, т. LXVI, 1934, вып. 1, стр. 176—183.

Второе издание: В. В. Бартольд, *Киргизы. Исторический очерк*, Фрунзе, 1943 [текст сверен с автографом В. В. Бартольда, хранящимся в Центральном Республиканском Государственном архиве Киргизской ССР в г. Фрунзе, А. Н. Бернштамом и М. Д. Рабиновичем].

Печатается по тексту первого издания с учетом поправок, сделанных во втором издании при сличении с автографом.

Очерк истории туркменского народа

Напечатано: сб. «Туркмения», изд. Комитета по экспедиционным исследованиям Академии наук СССР, т. I, Л., 1929, стр. 1—69.

Рец.: А. Н., «Туркменоведение», 1929, № 6—7, стр. 51.

Английский перевод: *A history of the Turkman people (An outline)*, — in: V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*, transl. by V. and T. Minorsky, vol. III, Leiden, 1962, pp. 73—170.

Рецензия: F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia*, London, 1899

Напечатано: ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0130—0138.

Рецензия: В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 198—206

Рецензия: *Азиатская Россия*, т. I—III, СПб., 1914

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 337—340.

Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира

Напечатано: В. В. Бартольд, *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира* (Курс лекций, прочитанных автором на Восточном Факультете Азербайджанского Государственного Университета в 1924 г.), Баку, 1925, 8°, стр. 1—124. Лекции прочитаны в ноябре—декабре 1924 г. (20 лекций).

Резюме: Умняков, В. В., *Бартольд*, стр. 189—190; БВ, I, № 431 А.

Печатается с учетом «Исправлений и дополнений», приложенных к изданию 1925 г. (стр. 148—150).

Краткий обзор истории Азербайджана

Доклад, читанный на публичном заседании Историко-этнографической секции ООИА 12 декабря 1924 г.

Напечатано: приложение к кн.: В. В. Бартольд, *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, Баку, 1925, стр. 139—147.

Грузинский перевод: ვ. ვ. ბარტოლდი. აზერბაიჯანის ისტორიის მოკლე მიმოხილვა. ტფილისი. 1936. [В. В. Бартольд, *Краткий обзор истории Азербайджана*, Тифлис, 1936, 20 стр.]

Могилы поэта Низами

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 034—036.

К истории Дербента

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIX, 1909, стр. XI—XII (реферат сообщения, прочитанного на заседании Восточного отделения РАО 17 апреля 1908 г.).

Новое известие о стенах Дербента

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. IV—V (реферат сообщения, прочитанного на заседании Восточного отделения РАО 25 февраля 1910 г.).

Кавказ, Туркестан, Волга

Напечатано: «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. IV, 1926, стр. 1—9.

Отец Едигея

Напечатано: «Изв. ТОИАЭ», т. I (58), Симферополь, 1927, стр. 18—23; то же: отд. отт., 6 стр.

Новое мусульманское известие о русских

Напечатано: ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 262—267.

Арабские известия о русах

Напечатано: СВ, I, М.—Л., 1940, стр. 15—50 (статья подготовлена к изданию и снабжена примечаниями А. П. Ковалевским). Текст (в СВ) опубликован по рукописям В. В. Бартольда — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 164 и 169; в наст. изд. печатается по тексту СВ.

Абхазы

Напечатано: *Abkhāz*, — EI, I, S. 74—76.

Второе издание: EI², I, pp. 100—102 (с поправками и дополнениями В. Ф. Минорского).

Турецкий перевод: *Abazalar*, — IA, с. 1, ss. 6—8.

На русском языке публикуется впервые; перевод сделан по тексту первого издания.

Аланы

Напечатано: Altān, — EI, I, S. 327—328.

Второе издание: EI², I, p. 354 (с поправками и дополнениями В. Ф. Минорского).

На русском языке публикуется впервые; перевод сделан по тексту первого издания.

Бургасы

Напечатано: Burfās, — EI, I, S. 835.

Второе издание: EI², I, pp. 1337—1338 (с поправками и дополнениями Ch. Quetqaja).

На русском языке публикуется впервые; перевод сделан по тексту первого издания; библиография заимствована из второго издания.

Славяне

Напечатано: Slawen, — EI, IV, S. 505—506.

На русском языке публикуется впервые.

Шамиль

Напечатано: Shāmil, — EI, IV, S. 329—330.

На русском языке публикуется впервые.

Ширваншах

Напечатано: Shīrwānshāh — EI, IV, S. 413—415.

На русском языке публикуется впервые.

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

- Аз. муз. — Азиатский музей.
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук СССР.
«В. В. Бартольд» — «عقد الجمان». В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
БВ, I — «Библиография Востока», вып. I, История, М., 1928.
Брит. муз. — British Museum, Лондон.
ВАН — «Вестник Академии наук».
ВВ — «Византийский временник», Л., М.
ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета».
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.
ГИОА — Государственный институт опытной агрономии, Ленинград.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ДАН — «Доклады Академии наук».
ДАН-В — «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», серия В, Л.
ДВ — «Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Имп. Московского Археологического общества», М.
ЕФО — «Ежегодник Ферганской области», Скобелев.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЖМЮ — «Журнал Министерства юстиции», СПб.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», Л.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб. (1849—1917).
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗКОИРГО — «Записки Кавказского отдела ИРГО», Тифлис.
ЗКОРАО — «Записки Классического отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.
ЗРАН — «Записки Российской Академии наук», Пг.
ЗРАО — «Записки Русского археологического общества», СПб.
ЗРГО — «Записки Русского географического общества», СПб. (1845—1849).
ИА — «Исторический архив», М.

- ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
 ИАН АзССР — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», Баку.
 ИАН АрмССР — «Известия Академии наук Армянской ССР», Ереван.
 ИАН КиргССР — «Известия Академии наук Киргизской ССР», Фрунзе.
 ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
 ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР».
 ИАН ТуркмССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад.
 ИВАН — Институт востоковедения АН СССР,
 ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества», Л.
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
 ИГГО — «Известия Государственного географического общества», Л.
 ИЖ — «Исторический журнал», М.
 ИЗ — «Исторические записки», М.
 ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
 ИИЯИМК — «Известия Института языка, истории и материальной культуры».
 ИМ — «Историк-марксист», М.
 ИНА — Институт народов Азии АН СССР.
 ИОАИЭК — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете».
 ИООИА — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку.
 ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», Пб., Пг., Л.
 ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
 ИРАО — «Известия Имп. Русского археологического общества», СПб.
 ИРГО — Имп. Русское географическое общество.
 ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.
 ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества», Ташкент.
 ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
 «Кауфманский сборник» — «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го», М., 1910.
 КЕПС — Постоянная Комиссия по изучению естественных производительных сил СССР.
 КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
 КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.
 КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
 КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа.
 МАР — Материалы по археологии России.
 МГУ — Московский государственный университет.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 МИИКК — Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана.
 МИКК — «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 (ТИВАН, т. VII).
 МИТТ, I—II. — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хи-

- винские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.
- МИТУСА — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.
- МИУТТ — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., 1932.
- МОНС — «Материалы объединённой научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955.
- МПВНКВ — «Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958.
- МСТ — «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред. Н. А. Маева, вып. I—V, СПб., 1872—1879.
- «Ал-Музаффарийя» — *المظفرية*. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897, СПб., 1897.
- Нац. б-ка — *Bibliothèque nationale*, Париж.
- ОГН — Отделение гуманитарных наук.
- ОЗО — «Обзор Закаспийской области», Асхабад.
- ОИТН — А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, *Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.* Под ред. А. Ю. Якубовского, Ашхабад, 1954. (На правах рукописи. Материалы для обсуждения.)
- ОИФ — Отделение истории и филологии.
- ООИА — Общество обследования и изучения Азербайджана, Баку.
- ООН — Отделение общественных наук.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.
- ОСО — «Обзор Семиреченской области», Верный.
- ОФО — «Обзор Ферганской области», Скобелев (см. также СОФО).
- ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
- ПДТС, I—III — «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Изданы под ред. Н. И. Веселовского, т. I, Царствование Федора Иоанновича, СПб., 1890; т. II, Царствования Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича, СПб., 1892; т. III, Царствование Михаила Федоровича (продолжение), СПб., 1898 (ТВОРАО, ч. XX—XXII).
- ПЗКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», Асхабад.
- ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л.
- ПКДО — «Памятная книжка Дагестанской области», Темир-Хан-Шура.
- ПКСДО — «Памятная книжка Сыр-Дарьинской области», Ташкент.
- ПКСО — «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области», Верный.
- ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.
- ПКСПО — «Памятная книжка Семипалатинской области».
- ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.
- ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
- РАЖ — «Русский антропологический журнал», М.
- РАН — Российская Академия наук.
- РАО — (Имп.) Русское археологическое общество.
- СА — «Советская археология», М.
- САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
- СВ — «Советское востоковедение», М.—Л., I—VI (1940—1949); М. (1956—1959).

- СВР — «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». [Каталог].
Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I—V, Ташкент, 1952—1960.
- СИФ — Серия истории и философии.
- СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области».
- СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издание Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.
- СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии при Имп. Академии наук», СПб.
- СМИЗО, I — В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I, *Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1884.
- СМИЗО, II — *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, II, *Извлечения из персидских сочинений*, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, М.—Л., 1941.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- СМССДО — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент.
- Согд. сб. — «Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР», Л., 1934.
- СОИ — Серия общественных наук.
- СОФО — «Статистический обзор Ферганской области», Скобелев (см. также ОФО).
- Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
- ССИА — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949.
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
- СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
- ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
- ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.
- ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.
- ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков.
- ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.
- ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа», Л.
- ТИАИ — «Труды Историко-археологического института».
- ТИАЭА — Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР.
- ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР.
- ТИГАН — «Труды Института географии АН СССР».
- ТИИ — «Труды Института истории».
- ТИИА — «Труды Института истории и археологии».
- ТИИАЭ — «Труды Института истории, археологии и этнографии».
- ТИЭ — «Труды Института этнографии АН СССР».
- ТИЯЛ — «Труды Института языка и литературы».
- ТКАЭЭ — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М.
- ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии, Ташкент.
- ТОИАЭ — Таврическое общество истории, археологии и этнографии, Симферополь.
- ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.
- УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
- Узкомстарис — Узбекский комитет по охране памятников материальной культуры.
- ФАН — Филлал Академии наук СССР.
- ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
- ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».
- ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

- AI — «Ars Islamica».
- «'Ajab-nama» — «عجب نامه». A volume of Oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922), ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson, Cambridge, 1922.
- AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen». Philologisch-historische Klasse.
- AM — «Asia Major», Leipzig.
- AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica, (Sve-cica), Leiden.
- AOr — «Archiv Orientální», Praha.
- APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Klasse, Berlin.
- ASAW — «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der (königl.) Sächsischen Akademie der Wissenschaften», Leipzig.
- ASGW — «Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig.
- BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.
- BGA² — Bibliotheca geographorum arabicorum. Primum edidit M. J. de Goeje nunc continuata consultantibus R. Blachère, H. A. R. Gibb, P. Kahle, J. H. Kramers, H. von Mžik. C. A. Nallino, A. J. Wensinck, Lugduni Batavorum — Lipsiae.
- BI — Bibliotheca Indica: a collection of oriental works, published by the Asiatic Society of Bengal.
- BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
- BZ — «Byzantinische Zeitschrift», Leipzig (—Berlin).
- CAJ — «Central asiatic journal», The Hague—Wiesbaden.
- DI — «Der Islām», Strassburg — Berlin.
- Eclipse* — *The Eclipse of the Abbasid caliphate. Original chronicles of the fourth Islamic century.* Ed., transl., and elucidated by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Oxford, 1920—1921.
- EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden—Leipzig, (1908), 1913—1936. [Страницы везде указаны по немецкому изданию.]
- EI² — «The Encyclopaedia of Islam». New ed., vol. I—..., Leiden—London, 1960—...
- «Festschrift Nöldeke» — «Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebenzigsten Geburtstag (2. März 1906) gewidmet von Freunden und Schülern und in ihrem Auftrag hrsg. von C. Bezold», Bd I—II, Giessen, 1906.
- FHG — Fragmenta historicorum graecorum.
- GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.
- GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.
- GMS NS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. New Series.
- HOr — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von B. Spuler, Leiden.
- HS — Works issued by the Hakluyt Society.
- IA — «İslam ansiklopedisi. İslām âlemi tarih, coğrafya, etnografya ve biyografya lugati», c. 1—8..., Istanbul, 1950—1959...
- JA — «Journal asiatique», Paris.
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven.
- JASB — «The Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
- JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.

- JSFOu — «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
- MAOr — Monografie Archivu Orientálního.
- Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg».
- MIFAO — Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire.
- MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».
- Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (impériale, nationale) et autres bibliothèques, Paris.
- «Nouveaux mélanges orientaux» — «Nouveaux mélanges orientaux. Mémoires, textes et traductions publiés par les professeurs de l'École spéciale des langues orientales vivantes à l'occasion du Septième Congrès International des Orientalistes réunis à Vienne (septembre 1886)», Paris, 1886.
- OTF — Oriental Translation Fund.
- PELOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.
- Pet. Mitt. — «Dr A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt», Gotha.
- PHT — Persian historical texts.
- PSBA — «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology», London.
- PW — «Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa...», Stuttgart.
- RCHL — «Revue critique d'histoire et de littérature», Paris.
- RMM — «Revue du monde musulman», Paris.
- RO — «Rocznik orientalistyczny», Lwów, Kraków.
- RTHS — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV, Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.
- SBAW München — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der k[önigl.] b[ayerischen] Akademie der Wissenschaften zu München».
- WI — «Die Welt des Islams», Berlin.
- WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Цитированная литература)¹

- Абд ал-Азим Сами. — Мйрзэ 'Абдал'азйм Сәмй, *Та'рих-и салāтйн-и манғйтйā* (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962 (ПЛНВ, Тексты, Малая серия, XIV).
- Абд ал-Вахид Марракоши, изд. Дози. — *The history of the Almohades, preceded by a sketch of the history of Spain, from the times of the conquest till the reign of Jūsof ibn-Tēshufin, and of the history of the Almoravides*, by Abdo-'l-Wāhid al-Marrēkoshī. Ed. from a Ms. in the University Library of Leyden, the only one extant in Europe, by R. Dozy, 2d ed., rev. and corr., Leyden, 1881.
- Абд ал-Керим Бухари. — *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernières années du règne de Nadir Chāh (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I, Texte persan, [Boulaq, 1290/1873-74 (литогр.)]; t. II, Traduction française, Paris, 1876 (PÉLOV, vol. I).
- Абд ал-Маджид. — *Report of a Journey to Kokan. Letter № 83, dated 19th October 1861, from Commissioner and Superintendent, Peshawur Division, to Secretary to Government, Punjab*, — «Selections from the Records of the Government of India, Foreign Department», № XXXIX, Calcutta, 1863, pp. 1—19.
- Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. — *Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla-assaadein ou-madjma-albahrein* *مطلع السعدين ومجمع البحرين* et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Saïd, par M. Quatremère, — Notices et extraits, t. XIV, pt. 1, Paris, 1843.
- Абд ар-Раззак, рук. — Абд ар-Раззак Самарканди, *Matla' ac-sa'dain va madjma' al-bahrain*, рук. ЛГУ (ун-та) № 157; рук. ИНА С 442 (574), С 443 (574 а), С 446 (574 аа), С 449 (574 ааа).
- Абд ар-Рахман, извлеч. в пер. Руновского. — Н. Руновский, *Выдержки из записок Абдуррахмана сына Джемалэдинова, о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем*, — газ. «Кавказ», 1862, № 72 (13.IX), стр. 3—4; № 73 (16.IX), стр. 4—6; № 74 (20.IX), стр. 5—6; № 75 (23.IX), стр. 5—6; № 76 (27.IX), стр. 5—6.
- Абд ар-Рахман, рук. — Абд ар-Рахман Джемаль ад-дин ал-Хусейни, *Хулафат ат-тафсил 'an ахвāl Шамейл*, рук. ИНА А 710 (Nov. 222).
- Абд ар-Рахман Тали'. — Абдуррахман-и Тали', *История Абулфейз-хана*. Пер. с таджикского, предисловие, примечания и указатель А. А. Семенова, Ташкент, 1959.

¹ В библиографию включены только работы, упомянутые у В. В. Бартольда (в сно-
сках и тексте) и в примечаниях составителей.
Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа упоми-
нается в примечаниях.

- Абд ас-Саттар-кази. — Абду-с-Саттар казы, *Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века*. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, СПб., 1914 (Изд. Факультета восточных языков С.-Петербургского университета, № 34).
- Абдуллаев, *К вопросу о присоединении*. — Г. Абдуллаев, *К вопросу о предпосылках присоединения Азербайджана к России*, — «Труды Объединенной научной сессии Академии наук СССР и академий наук закавказских республик по общественным наукам (29 марта — 2 апреля 1954 г.)». Стенографический отчет», Баку, 1957, стр. 222—230.
- Абрамзон, *К семантике*. — С. М. Абрамзон, *К семантике киргизских этнонимов*, — СЭ, 1946, № 3, стр. 123—132.
- Абрамзон, *Киргизы КНР*. — С. М. Абрамзон, *Киргизы Китайской Народной Республики*, — ИАН КиргССР, СОН, 1961, т. III, вып. 2, стр. 119—132.
- Абрамзон, *Предварительные итоги*. — С. М. Абрамзон, *Предварительные итоги полевых этнографических исследований в Киргизской ССР в 1954 г.*, — КСИЭ, вып. XXV, 1956, стр. 19—25.
- Абрамзон, *Этнический состав*. — С. М. Абрамзон, *Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии*, — ТКАЭЭ, т. IV, 1960, стр. 3—137; то же: отд. отт.
- Абрамзон, *Этногенетические связи*. — С. М. Абрамзон, *Этногенетические связи киргизов с народами Алтая, М.*, 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина. — Абу Тахир Ходжа, *«Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*, пер. В. Л. Вяткина, — СКСО, вып. VI, 1899, стр. 153—259.
- Абу-л-Фида, *Тақайм*, изд. Рейно — де Слэна. — *Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. le Baron Mac Guckin de Slane*, Paris, 1840.
- Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова. — А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского*, М.—Л., 1958.
- Абулгази, *Родословная туркмен*, пер. Туманского. — Абуль-Гази-Бохадур-хан, *Родословная туркмен*. Перевод А. Туманского, Асхабад, 1897.
- Абулгази, *Родословная тюрков*, изд. Демезона. — *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmains*, t. I, Texte; t. II, Traduction, St.-Pbg., 1871—1874.
- Абхазский букварь*. — *Абхазский букварь*. Составлен под руководством И. Бартоломея, Тифлис, 1865.
- Аваз-Мухаммед. — Мулла Аваз-Мухаммед Аттар, *Тухфат ат-тавәйрүх-и хәни*, рук. ИНА С 468 (574 aggb).
- Агеева, *К вопросу о типах древних погребений*. — Е. И. Агеева, *К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области*, — ТИИАЭ АН КазССР, т. 12, Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана, Алма-Ата, 1961, стр. 21—40.
- Агехи. — Мухаммед-Риза-мираб (Агехи), рук. ИНА Е 6 (590 об).
- Азадаев, *Ташкент*. — Ф. Азадаев, *Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономической и политической истории*, Ташкент, 1959.
- «Азиатская Россия». — «Азиатская Россия». Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, т. I, Люди и порядки за Уралом; т. II, Земля и хозяйство; т. III, Приложения, СПб., 1914.
- Айни, *Исьёни Муқаннаъ*. — С. Айни, *Исьёни Муқаннаъ. Очерки тағрихий-тадқиқӣ*, Сталинобод, 1944.
- Акишев, *Отчет о работах*. — К. А. Акишев, *Отчет о работах Илийской археологической экспедиции 1954 года*, — ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 5—32.

- Александрович, Ганджа. — Дж. Александрович (Насыфи), *Ганджа и могила Низами*, — «Изв. Азербайджанского археол. к-та», вып. 2, Баку, 1926, стр. 20—24.
- Алескер-заде, *Надписи*. — А. А. Алескер-заде, *Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами*, — сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», Москва — Баку, 1947, стр. 369—393.
- Али-заде, *Борьба*. — А. А. Али-заде, *Борьба Золотой Орды и государства ильханов за Азербайджан*, — ССИА, стр. 57—94.
- Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана*. — А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.
- Алиханов, *Мервский оазис*. — [М. Алиханов], *Мервский оазис и дороги, ведущие к нему*. Составил поручик... Алиханов, СПб., 1883.
- Алихова, *К вопросу о буртасах*. — А. Е. Алихова, *К вопросу о буртасах*, — СЭ, 1949, № 1, стр. 48—57.
- Алтан-Тобчи. — Алтан-Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами. Перевод ламы Галсана Гомбоева, СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. VI).
- Альтман, *Исторический очерк*. — М. М. Альтман, *Исторический очерк города Ганджи*, ч. I, Баку, 1949.
- Амитин-Шапиро, *Аннотированный указатель* — см. ниже, стр. 947 («Библиографические пособия»).
- Амитин-Шапиро, *Библиографический указатель* — см. ниже, стр. 947 («Библиографические пособия»).
- Амитин-Шапиро, *Библиография* — см. ниже, стр. 947 («Библиографические пособия»).
- И. Андреев, *Описание Средней орды*. — [И. Г.] Андреев, *Описание Средней орды Киргис-Каисаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей дополнениями*, — «Новые ежемесячные сочинения», СПб., ч. CX, 1795 (август), стр. 65—91; ч. CXI (сентябрь), стр. 20—45; ч. CXII (октябрь), стр. 17—35; ч. CXIII (ноябрь), стр. 27—44; ч. CXIV (декабрь), стр. 79—85; ч. CXV, 1796 (январь), стр. 53—67; ч. CXVI (февраль), стр. 73—89; ч. CXVII (март), стр. 67—77; ч. CXVIII (апрель), стр. 61—77.
- М. Андреев, *Местности Туркестана*. — М. Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 16—28.
- М. Андреев, *По этнографии таджиков*. — М. С. Андреев, *По этнографии таджиков. Некоторые сведения*, — «Таджикистан». Сб. статей под ред. Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925, стр. 151—177.
- М. Андреев, *Таджики долины Хуф*. — М. С. Андреев, *Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*, вып. 1—2, Сталинабад, 1953—1958 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. 7, Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- Андреев — Пещерева, *Ягнобские тексты*. — М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, *Ягнобские тексты*. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957.
- Аничков, *Дворец в Хазараспе*. — И. В. Аничков, *Дворец в Хазараспе*, — ПТКЛД, год IV, 1899, стр. 9—14.
- Аничков, *Присяга*. — И. В. Аничков, *Присяга киргиз перед русским судом*, — ЖМЮ, 1898, № 9, стр. 24—50; отд. отт.: Ташкент, 1899.
- Аноним Искендера — см. Му'ин ад-дин Натанзи.
- Антелав, *Очерки по истории Абхазии*. — И. Г. Антелав, *Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII веков*, 2-е, исправл. изд., Сухуми, 1951 (Труды Абхазского ИЯЛИ).

- Анучин, *Очерк шаманства*. — В. И. Анучин, *Очерк шаманства у енисейских остяков*, СПб., 1914 (СМАЭ, т. II, 2).
- Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии*. — З. В. Анчабадзе, *Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.)*, Сухуми, 1959.
- Арандаренко, *Дарваз и Каратегин*. — Г. А. Арандаренко, *Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк)*, — «Военный сборник», т. CLIV, 1883, № 11, отд. I, стр. 140—159; № 12, отд. I, стр. 303—319.
- Аристов, *Западный Тянь-Шань*. — *Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или каракиргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии*, составленные Н. А. Аристовым, ч. I—II (Землеведение Азии К. Риттера. География стран Азии, входящих в состав России и смежных с нею. Дополнения к труду Риттера под ред. вице-председателя И. Р. Географического общества П. П. Семенова). Машинописный текст, подготовленный к печати, СПб., 1893. Архив ВГО, разряд 65, оп. I, № 11.
- Аристов, *Опыт выяснения*. — Н. Аристов, *Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований*, — «Живая старина», год IV, 1894, вып. III—IV, стр. 391—486.
- Аристов, *Этнический состав*. — Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*, — «Живая старина», год VI, 1896, вып. III—IV, стр. 277—456; то же: отд. отт., СПб., 1897.
- Артамонов, *Древний Дербент*. — М. И. Артамонов, *Древний Дербент (Предварительное сообщение)*, — СА, т. VIII, 1946, стр. 121—144.
- Артамонов, *История хазар*. — М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962.
- Арунова — Ашрафян, *Государство Надир-шаха*. — М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян, *Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века*, М., 1958.
- Арутюнян, *Борьба*. — П. Т. Арутюнян, *Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII века за присоединение к России*, — УЗИВАН, т. III, 1951, стр. 108—138.
- Археологическая карта*. — *Археологическая карта Казахской ССР*, Алма-Ата, 1960.
- Атлас Азиатской России*. — *Атлас Азиатской России*. Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, [СПб.], 1914.
- Ауфи, *Джавāми' ал-хикāйāt*. — Мухаммед Ауфи, *Джавāми' ал-хикāйāt ва лавāми' ар-ривāйāt*, рук. ГПБ IV, 2, 33 (ПНС 232); рук. ГПБ V, 4, 31 (ПНС 89); рук. ЛГУ № 648; рук. Брит. муз. Ог. 4392; рук. Брит. муз. Ог. 2676.
- Афанасий Никитин — см. Никитин.
- Ахмедов, *К изучению*. — Б. Ахмедов, *К изучению политической истории Киргизии XV века*, — «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 5, стр. 29—34.
- Ахсикенди, извлеч. в изд. Тагирджанова. — *Собрание историй Маџмӯ' ат-тавāрīх*. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов, [Л.], 1960 (ЛГУ, восточный факультет. Иранская филология, вып. II).
- Ахсикенди, рук. — Мулла Сейф ад-дин Ахсикенди, *Маџмӯ' ат-тавāрīх*, рук. ИНА В 667 (572 f).
- Ахталъ, изд. Сальхани. — *Dīwān Al-Aḥṭal*. Texte arabe publié pour la première fois d'après le manuscrit de St.-Petersbourg et annoté par le P. A. Salhani, fasc. 1—4, Beyrouth, 1891.
- Бāбур-нāме*, изд. Беверидж. — *The Bābar-nāma, being the autobiography of the Emperor Bābar, the founder of the Moghul dynasty in India, written in Chagatāy Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sālār*

- Jang of Haydarábád, and ed. with a preface and indices by A. S. Beveridge, Leyden—London, 1905 (GMS, I).
- Бабур-наме*, изд. Ильминского. — *Бабур-наме или Записки Султана Бабера*. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским], Казань, 1857.
- Бабур-наме*, пер. Беверидж. *The Bābur-nāma in English (Memoirs of Bābur)*. Transl. from the original Turki Text of Zāhiru'd-dīn Muḥammad Bābur Pādshāh Ghāzī by A. S. Beveridge, vol. I—II, London, 1922.
- Бабур-наме*, пер. Лейдена — Эрскина. — *Memoirs of Zehir-ed-din Muhammed Baber, emperor of Hindustan*, written by himself, in the Jaghatai Turki, and transl., partly by the late J. Leyden, partly by W. Erskine, with Notes and a Geographical and Historical Introduction., London, 1826.
- Бадāī' at-taḡāyīrīx*. — *Бадāī' at-taḡāyīrīx*, рук. ИНА В 2304 (Nov. 1454).
- Бакуви. — *كتاب تلخيص الآثار وعجائب الملك القهار Exposition de ce qu'il y a de plus remarquable (sur la terre) et des merveilles du Roi tout-puissant*, par Abdoraschid, fils de Saleh, fils de Nouri, surnommé Yakouti [Bakoui]; ouvrage de géographie, composé dans le XVe siècle. Manuscrit arabe n° 585. Par M. de Guignes, — Notices et extraits, t. II, 1789, pp. 386—545.
- Балазури. — *Liber expugnationis regionum*, auctore Imāmo Ahmed ibn Jahja ibn Djābir al-Belādsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.
- Балашев, *Несколько страниц*. — Н. И. Балашев, *Несколько страниц из экономической географии Туркестана*, Ташкент, 1923.
- Баллод, *Приволжские «Помпеи»*. — Ф. В. Баллод, *Приволжские «Помпеи»*. (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской полосы), М.—Пг., 1923.
- Баллод, *Старый и Новый Сарай*. — Ф. В. Баллод, *Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года*, Казань, 1923.
- Бартольд, *Автобиография*. — [В. В. Бартольд], *Автобиография проф. В. Бартольда*, — «Огонек», 1927, № 40 (236) (2.X), стр. [14].
- Бартольд, «Анналы», т. II [стр. 261—267]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] J. J. de Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. I. Theil. Übersetzt und erläutert von J. J. de Groot*, Berlin und Leipzig, 1921, — «Анналы», т. II, 1922, стр. 261—267. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, *Арабские известия о русах*. — В. В. Бартольд, *Арабские известия о русах*, — СВ, т. I, 1940, стр. 15—50. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 810—858.]
- Бартольд, *Вместо ответа г-ну Лапину*. — В. В. Бартольд, *Вместо ответа г-ну Лапину*, — ТВ, 1894, № 48 (7/19.VII). [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*. — В. В. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*, — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 361—384. [Наст. изд., т. VII.]
- Бартольд, *Европейская наука и русская школа*. — В. В. Бартольд, *Европейская наука и русская школа в будущем Туркестане*, — «Туркестанский учитель», Ташкент, 1917, № 7—8, стр. 186—191; то же: отд. отт. [Наст. изд., т. IX.]
- Бартольд, *Еще известие о Коркуде*. — В. Бартольд, *Еще известие о Коркуде*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 115—138, 0218—0219. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, *Еще о слове «сарт»*. — В. В. Бартольд, *Еще о слове «сарт»*, — ТВ, 1895, № 30 (28.IV/10.V). [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Еще об «анониме» Искендера*. — В. В. Бартольд, *Еще об «анониме» Искендера*, — ИАН СССР, ОГН, 1929, стр. 165—180. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, ЖМНП, 1914, № 3. — В. Бартольд, [рец. на:] П. Цветков. Исламизм. Том I. Мухаммед и Коран... Том II. Вера Ислама... Том III. Практические обязанности исламизма... Том IV. Ислам и его секты. Асхабад 1912—1913, — ЖМНП, н. с., ч. I, 1914, № 3, отд. 2, стр. 176—188. [Наст. изд., т. VI.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. IX [стр. 313—316]. — В. Бартольд, [рец. на:] Description topo-

- graphique et historique de Boukhara, par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer. Paris 1892..., — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 313—316. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. X [стр. 215—226]. — В. Бартольд, [рец. на:] The Tarikh-i Rashidi of Mirzá Muhammad Haidar, Dughlát... An English version... by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London 1895, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 215—226. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XI [стр. 341—356]. — В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб. 1897, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 341—356. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0122—0125]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1898... Выпуск VI. Самарканд 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0122—0125. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0130—0138]. — В. Б[артольд], [рец. на:] F. H. Skrine and E. D. Ross, The Heart of Asia... London 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0130—0138. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 627—634.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV [стр. 053—060]. — В. Бартольд, [рец. на:] Fr. von Schwarz. Turkestan. Die Wiege der indogermanischen Völker. Freiburg im Breisgau 1900, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 053—060.
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0162—0185]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par —. St.-Petersbourg 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0162—0185. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 083—097]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Explorations in Turkestan... Expedition of 1903, under the Direction of R. Pumpelly. Washington... 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 083—097. [Наст. изд., т. IV.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0181—0191]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г. ...Выпуск VIII. Самарканд 1906... Выпуск IX. Самарканд 1907, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0181—0191. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XIX [стр. 0191—0197]. — В. Б[артольд], [рец. на:] منتخب المسائل نام رساله. Опыт систематического изложения главнейших начал шариата... Ташкент 1909, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0191—0197.
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XX [стр. 067—073]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. (Год четырнадцатый). Ташкент 1910, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 067—073.
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0150—0152]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги. Томск 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0150—0152. [Наст. изд., т. IV.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0161—0169]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade... translated from the Chinese and annotated by Fr. Hirth and W. W. Rockhill. St. Petersburg 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0161—0169. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 198—206]. — В. Б[артольд], [рец. на:] В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб. 1913. (Россия. Полное географическое описание нашего отечества...), — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 198—206. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 635—642.]
- Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 337—340]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Азиатская Россия. 1914. С.-Петербург..., — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 337—340. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 643—646.]
- Бартольд, ИИРГО, т. LIII. — В. В. Бартольд, [рец. на:] P. M. Sykes. A History of Persia. 2 vol. London. 1915, — ИИРГО, т. LIII, 1917, стр. 182—186. [Наст. изд., т. VII.]
- Бартольд, *Иран*. — В. В. Бартольд, *Иран. Исторический обзор*, Ташкент, 1926.

- Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*. — В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903. [Наст. изд., т. VII.]
- Бартольд, *История изучения Востока*. — В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, изд. 2-е, Л., 1925. [Наст. изд., т. IX.]
- Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*. — В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 167—433.]
- Бартольд, *История Туркестана*. — В. В. Бартольд, *История Туркестана (Конспект лекций)*, Ташкент, 1922 (Труды Туркестанского Гос. ун-та, вып. 2). [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 107—163.]
- Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи*. — В. Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи в Каспийское море*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 024—028. [Наст. изд., т. III.]
- Бартольд, *К вопросу о кайтаках*. — В. В. Бартольд, *К вопросу о происхождении кайтаков*, — «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 37—45; № 3—4, стр. 283—284. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*. — В. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 55—76. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, *К вопросу об языках*. — В. В. Бартольд, *К вопросу об языках согдийском и тохарском*, — «Иран», т. I, 1927, стр. 29—41. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *К истории арабских завоеваний*. — В. Бартольд, *К истории арабских завоеваний в Средней Азии*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0140—0147. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *К истории Дербента*. — В. В. Бартольд, *К истории Дербента*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XI—XII. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 786—787.]
- Бартольд, *К истории крестьянских движений*. — В. В. Бартольд, *К истории крестьянских движений в Персии*, — «Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева», Пг. — М., 1923, стр. 54—62. [Наст. изд., т. VII.]
- Бартольд, *К истории персидского эпоса*. — В. Бартольд, *К истории персидского эпоса*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 257—282. [Наст. изд., т. VII.]
- Бартольд, *Кавказ, Туркестан, Волга*. — В. В. Бартольд, *Кавказ, Туркестан, Волга*, — «Изв. Кавказского историко-археологического ин-та в Тифлисе», т. IV, 1926, стр. 1—9. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 789—796.]
- Бартольд, *Киргизы*. — В. В. Бартольд, *Киргизы. (Исторический очерк)*, Фрунзе, 1927. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 471—543.]
- Бартольд, *Киргизы*, изд. 2-е. — В. В. Бартольд, *Киргизы. Исторический очерк*, [изд. 2-е, под ред. и со вступит. статьей А. Н. Бернштама], Фрунзе, 1943.
- Бартольд, *Китаби-Коркуд* — см. *Китаб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда.
- Бартольд, *Краткий обзор истории Азербайджана*. — В. В. Бартольд, *Краткий обзор истории Азербайджана*, Баку, 1925 (прилож. к кн.: В. В. Бартольд, *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, стр. 139—147). [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 775—783.]
- Бартольд, *Место прикаспийских областей*. — В. В. Бартольд, *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, Баку, 1925. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 649—772.]
- Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 56—107]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden—Londop, 1910, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 56—107. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, *Могила поэта Низами*. — В. Бартольд, *Могила поэта Низами*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 034—036. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 784—785.]
- Бартольд, *Мусульманский мир*. — В. В. Бартольд, *Мусульманский мир*, Пб., 1922 (Введение в науку. История). [Наст. изд., т. VI.]

- Бартольд, *Народное движение в Самарканде*. — В. Бартольд, *Народное движение в Самарканде в 1365 г.*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 01—019. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Новое известие о стенах Дербента*. — В. В. Бартольд, *Новое известие о стенах Дербента*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. IV—V. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 788.]
- Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских*. — В. Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских*, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 262—267. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 805—809.]
- Бартольд, *Новый труд о половцах*. — В. В. Бартольд, *Новый труд о половцах*: W. Bang и J. Marquart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914, — «Русский исторический журнал», изд. Российской Акад. наук, кн. 7, 1921, стр. 138—156. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*. — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке)*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0115—0154. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, *О погребении Тимура*. — В. Бартольд, *О погребении Тимура*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *О преподавании туземных наречий*. — В. В. Бартольд, *О преподавании туземных наречий в Самарканде*, — «Окраина», Ташкент, 1894, № 19 (12/24.III). [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *О христианстве в Туркестане*. — В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период. (По поводу семиреченских надписей)*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*. — В. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119. [Наст. изд., т. V.]
- Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*. — В. В. Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*, — ДАН-В, 1927, стр. 115—116. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, *Орошение*. — В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914; то же: журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», т. CCXLIV, 1914, № 1, стр. 5—33; № 2, стр. 211—226; № 3, стр. 405—429; № 4, стр. 595—626; т. CCXLV, № 5, стр. 5—31; № 6, стр. 189—215. [Наст. изд., т. III.]
- Бартольд, *Отец Едигея*. — В. В. Бартольд, *Отец Едигея*, — «Изв. ТОИАЭ», т. I (58), Симферополь, 1927, стр. 18—23. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 797—804.]
- Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*. — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан [лето 1902 г.]*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 173—276. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*. — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.*, СПб., 1897 (ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4). [Наст. изд., т. IV.]
- Бартольд, *Очерк истории Семиречья*. — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, Верный, 1898 (отд. отд. из ПКСОСК за 1898 г., т. II, стр. 74—175). [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 21—106.]
- Бартольд, *Счерк истории Семиречья*, изд. 2-е. — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, [изд. 2-е, под ред. и со вступит. статьей А. Н. Бернштама], Фрунзе, 1943.
- Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*. — В. В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, — сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 1—69. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 545—623.]
- Бартольд, *Персидская надпись*. — В. В. Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче*, СПб., 1911 (Анийская серия, № 5). [Наст. изд., т. IV.]
- Бартольд, *Сведения об Аральском море*. — В. Бартольд, *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII века*, Ташкент, 1902

- (ИТОРГО, т. IV. Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной Туркест. Отдел. Имп. Русск. Географическ. Общества). [Наст. изд., т. III.]
- Бартольд, *События перед хивинским походом*. — В. Бартольд, *События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка*, — «Кауфманский сборник», стр. 1—19. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Султан Синджар*. — В. Бартольд, *Султан Синджар и гузы*. (По поводу статьи К. А. Иностранцева), — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 0146—0149. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Таджики*. — В. В. Бартольд, *Таджики. Исторический очерк*, — «Таджикистан». Сб. статей под ред. Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925, стр. 93—111. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 449—468.]
- Бартольд, *Туркестан*. — В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I, *Тексты*, СПб., 1898; ч. II, *Исследование*, СПб., 1900. [Наст. изд., т. I.]
- Бартольд, *Улугбек*. — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5). [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Бартольд, *Халиф и султан*. — В. В. Бартольд, *Халиф и султан*, — «Мир ислама», т. I, СПб., 1912, стр. 203—226, 345—400. [Наст. изд., т. VI.]
- Бартольд, *Хафиз-Абру*. — В. В. Бартольд, *Хафиз-Абру и его сочинения*, — «Ал-Музафарийя», стр. 1—28. [Наст. изд., т. VIII.]
- Бартольд, *Хлопководство*. — В. В. Бартольд, *Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских*, — «Хлопковое дело», 1924, № 11—12, стр. 3—13. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 434—448.]
- Батманов, *Язык*. — И. А. Батманов, *Язык енисейских памятников древнетюркской письменности*, Фрунзе, 1959.
- Бахрушин, *Енисейские киргизы*. — С. В. Бахрушин, *Енисейские киргизы в XVII в.*, — С. В. Бахрушин, *Научные труды*, т. III, *Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв.*, ч. 2, М., 1955, стр. 176—224.
- Бахрушин, *К вопросу о крещении*. — С. Бахрушин, *К вопросу о крещении Киевской Руси*, — ИМ, 1937, № 2(60), стр. 40—77.
- Бейхаки, изд. Гани — Фейяза. — تاریخ بیهقی تصنیف خواجہ ابو الفضل محمد بن حسین بیهقی دبیر باہتمام دکتر غنی و دکتر فیاض (متن مصحح و کامل با حواشی و تعلیقات و فہرستہا)، تہران، ۱۳۲۴ ش [=1945].
- Бейхаки, изд. Морлея. — *The Tārīkh-i Baihaki containing the life of Masa'ud, son of Sul-tān Mahmūd of Ghaznīn. Being the 7th, 8th, 9th, and part of the 6th and 10th Vols. of the Tārīkh-i Al-i Saboktakeen. By Abu 'l Fazl al-Baihaqi. Ed. by the late W. H. Morley, and printed under the supervision of W. Nassau Lees, Calcutta, 1862 (BI, vol. 32).*
- Бейхаки, изд. Нафиси. — تاریخ مسعودی معروف بہ تاریخ بیهقی از ابو الفضل محمد بن حسین کاتب بیهقی با مقابلہ و تصحیح و حواشی و تعلیقات سعید نفیسی، تہران، مجلد ۱—۳، ۱۳۱۹—۱۳۲۲ ش [=1940—1953].
- Бейхаки, пер. Арендса. — Абу-л-Фазл Бейхаки, *История Мас'уда. 1030—1041*. Вступит. статья, перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, 1962.
- Бекран, *Джахън-наме*, изд. Борщевского. — Мухаммад ибн Наджиб Бакран, *Джахън-наме (Книга о мире)*. Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, X).
- Бекран, *Джахън-наме*, рук. — Мухаммед ибн Неджиб Бекран, *Джахън-наме*, рук. Нап. б-ки, Ancien fonds persan 384; рук. ИНА С 612 (605 а).
- Беленицкий — Бентович, *Из истории шелкоткачества*. — А. М. Беленицкий и И. Б. Бентович, *Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи»)*, — СА, 1961, № 2, стр. 66—78.
- Белявский, *Описание*. — Белявский, ген. шт. полк., *Описание обрелогносцированного*

- участка, заключающего на себе пройденные пути в пределах Шаар-сабиз Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности. — СМА, вып. LVII, 1894, стр. 87—153.
- Березин, Путешествие. — И. Н. Березин, Путешествие по Дагестану и Закавказью, изд. 2-е, ч. I—II, Москва — С.-Петербург — Казань, 1850.
- Бернштам, Археологический очерк. — А. Н. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941 (МИИКК, вып. IV).
- Бернштам, ВДИ, 1940, № 3—4 [стр. 221—228]. — А. Н. Бернштам, [рец. на:] W. M. Mc Geever, The Early Empires of Central Asia, New York, 1939, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 221—228.
- Бернштам, Древняя Фергана. — А. Н. Бернштам, Древняя Фергана (Научно-популярный очерк), Ташкент, 1951.
- Бернштам, Историко-археологические очерки. — А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
- Бернштам, Очерк истории гуннов. — А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951.
- Бернштам, Согдийская колонизация. — А. Н. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, — КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 34—43.
- Бессонов, Казаки. — Б. В. Бессонов, Казаки и казачьи земли в Азиатской России, — в кн.: «Азиатская Россия», т. I, стр. 361—387.
- Бируни, *Асър ал-бâқиийа*, изд. Захау. — *Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî*. Hrsg. von C. E. Sachau, Leipzig, 1878.
- Бируни, *Асър ал-бâқиийа*, пер. Захау. — *The Chronology of ancient nations. An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or "Vestiges of the Past," collected and reduced to writing by the author in A. H. 390—1, A. D. 1000. Transl. and ed., with notes and index, by Dr. C. E. Sachau, London, 1879.*
- Бичурин, Историческое обозрение. — Иакинф [Н. Я. Бичурин], Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834.
- Бичурин, История первых четырех ханов... — см. Юань-ши.
- Бичурин, Собрание сведений. — Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III, СПб., 1851.
- Бичурин, Собрание сведений, изд. 2-е. — Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступит. статьи, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.
- Бломквист, Этнографическая работа. — Е. Э. Бломквист. Этнографическая работа среди «уральцев», — КСИЭ, вып. III, 1947, стр. 49—54.
- Бобровников, Русско-туземные училища. — Н. Бобровников, Русско-туземные училища, мектебы и медресы в Средней Азии, — ЖМНП, н. с., ч. XLV, 1913, июнь, отд. 3, стр. 189—241; ч. XLVI, 1913, июль, отд. 3, стр. 49—84. То же: отд. отд., СПб., 1913.
- Богданович, Влияние трудов И. В. Мушкетова. — К. И. Богданович, Влияние научных трудов И. В. Мушкетова на развитие географических познаний об Азии, — ИИРГО, т. XXXVIII, вып. VI, 1905, стр. 629—644.
- Боголюбов — Смирнова, Согдийские документы. — Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963.
- Борисов, ВИ, 1952, № 11 [стр. 134—138]. — А. П. Борисов, Об изданиях Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова по древней истории и археологии, — ВИ, 1952, № 11, стр. 134—138.
- Боровков, Лексика. — А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тевфсира XII—XIII вв., М., 1963.
- Боровков, Филологические заметки. — А. К. Боровков, Филологические заметки, —

- «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII), стр. 49—53.
- Брегель, *Хорезмские туркмены*. — Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX веке*, М., 1961.
- Брегель — Наджип, *Новое издание*. — Ю. Э. Брегель, Э. Н. Наджип, *Новое издание важного источника по истории туркмен*, — ПВ, 1959, № 1, стр. 169—173.
- Бубнова, *Извлечение серебра*. — М. А. Бубнова, *Извлечение серебра купелированием в Средней Азии в IX—XI вв.*, — ИАН ТаджССР, ООН, 1962, № 1(28), стр. 29—36.
- Бубнова, *К истории*. — М. А. Бубнова, *К истории металлургии серебра в Средней Азии*, — ИАН ТаджССР, ООН, 1961, № 1 (24), стр. 3—10.
- Бубнова, *Средневековые мастерские*. — М. А. Бубнова, *Средневековые мастерские рабада (по материалам Орловского городища)*, — ИАН КиргССР, СОН, т. I, вып. 1, 1959, стр. 49—61.
- Будагов. — Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, т. I—II, СПб., 1869—1871.
- Булатова-Левина, *Буддийский храм*. — В. А. Булатова-Левина, *Буддийский храм в Куве*, — СА, 1961, № 3, стр. 241—250.
- Бундари, изд. Хаутсма. — *Histoire des Seljoucides de l'Iraq par al-Bondâri d'après Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahâni*. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (RTHS, vol. II).
- Бухари — см. Абд ал-Керим Бухари.
- Валидов, *Мешхедская рукопись*. — А. З. Валидов, *Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха*, — ИРАН, сер. VI, т. XVIII, 1924, стр. 237—251.
- Валидов, *Некоторые данные*. — [А.] З. Валидов, *Некоторые данные по истории Ферганы XVIII-го столетия*, — ПТКЛА, год XX, [вып. 2], 1915, стр. 68—118.
- Валидов, *О собраниях рукописей*. — А. З. Валидов, *О собраниях рукописей в Бухарском ханстве. (Отчет о командировке)*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 245—262.
- Валитова, *Юсуф Баласагунский*. — А. А. Валитова, *Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу Билиг»*, — КСИБ, вып. IV, 1952, стр. 56—62.
- Валиханов, *Сочинения*. — Ч. Ч. Валиханов, *Сочинения*. Под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXIX).
- Вальтер, *Законы образования пустынь*. — И. Вальтер, *Законы образования пустынь в настоящее и прошлое время*. Пер. с нем. А. Носкова. С добавлениями относительно русских пустынь, исполненными Г. Г. Шенбергом, Л. С. Бергом и В. А. Дубянским, СПб., 1911.
- Варзар, *Хлопчатобумажная промышленность*. — В. Е. Варзар, *Хлопчатобумажная промышленность*, — «Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]», т. XXXVII (полумоту 73), СПб., 1903, стр. 333—342.
- Василевич, *К вопросу о киданях и тунгусах*. — Г. М. Василевич, *К вопросу о киданях и тунгусах*, — СЭ, 1949, № 1, стр. 155—160.
- А. Васильев, *Готы в Крыму*. — А. Васильев, *Готы в Крыму*, — ИРАИМК (ИГАИМК), т. I, 1921, стр. 247—344; т. V, 1927, стр. 179—282.
- В. Васильев, *История и древности*. — В. П. Васильев, *История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах*, — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 1—235.
- К. Васильев, ВДИ, 1961, № 2 [стр. 120—124]. — К. Васильев, [реп. на:] Л. Н. Гумилев, Хунну. Срединная Азия в древние времена, М., 1960, — ВДИ, 1961, № 2, стр. 120—124.

- Васильевский, *Русско-византийские отрывки*. — В. Васильевский, *Русско-византийские отрывки. II. К истории 976—986 годов. (Из Ал-Мекина и Иоанна Геометра)*, — ЖМНП, ч. CLXXXIV, 1876, № 3, отд. 2, стр. 117—187.
- Васифи, изд. Болдырева. — Зайн ад-Дин Ваџифи, *Бад'ай' ал-вақай'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, V).
- Вассаф, бомбейское изд. — [=1852-53] ۱۲۴۹ بمبئی، كتاب مستطاب و صاف الحضرة،
- Вассаф, изд. Хаммера. — *Geschichte Wassaf's* Persisch hrsg. und Deutsch übers. von Hammer-Purgstall, Bd I, Wien, 1856.
- Вассаф, рук. — *Ta'riḫ-i Vassāf*, рук. ГПБ V, 3, 24 (ПНС 69).
- Вахабов, *Ташкент*. — М. Вахабов, *Ташкент в период трех революций*, Ташкент, 1957.
- Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу*. — Е. Вейденбаум, *Путеводитель по Кавказу*. Тифлис, 1888.
- Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*. — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах*, ч. 1—3, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).
- Вельяминов-Зернов, *Монеты*. — В. В. Вельяминов-Зернов, *Монеты бухарские и хивинские*, — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 328—456.
- Веселовский, *Заметка о курганах*. — Н. Веселовский, *Заметка о курганах Туркестанского края*, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 221—226.
- Веселовский, ЗВОРАО, т. I [стр. 319—320]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] В. Наливкин и М. Наливкина, *Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы*, Казань 1886, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 319—320.
- Веселовский, ЗВОРАО, т. II [стр. 279—280]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Сырдарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым. СПб. 1887, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 279—280.
- Веселовский, ЗВОРАО, т. V [стр. 115—122]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Н. И. Гродеков, *Киргизы и Каракиргизы Сырдарьинской области. Том первый. Юридический быт*. Ташкент 1889, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 115—122.
- Веселовский, *Киргизский рассказ*. — Н. Веселовский, *Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае*. Текст, перевод и приложения, СПб., 1894.
- Веселовский, *Передовые Калмыки на пути к Волге*. — Н. Веселовский, *Передовые Калмыки на пути к Волге*, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 365—370.
- Веселовский, *Хан из темников*. — Н. И. Веселовский, *Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время*, Пг., 1922 (ЗРАН, сер. VIII, т. XIII, № 6).
- Вестберг, *К анализу восточных источников*. — Ф. Вестберг, *К анализу восточных источников о восточной Европе*, — ЖМНП, н. с., ч. XIII, 1908, февраль, отд. 2, стр. 364—412; ч. XIV, 1908, март, отд. 2, стр. 1—52.
- Винников, *Арабы в СССР*. — И. Н. Винников, *Арабы в СССР*, — СЭ, т. IV, 1940, стр. 3—22.
- Вирский, *Зеравшанский округ*. — М. М. Вирский, *Сведения о Зеравшанском округе*, — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 9—122.
- Вирский, *Самаркандская область*. — М. Вирский, *Самаркандская область по переписи 1897 г.*, — СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 302—354.
- Владимиров, *Об изменении дельты Аму-Дарьи*. — К. Н. Владимиров, *Об изменении дельты р. Аму-Дарьи в течение последнего времени*, — ИИРГО, т. XLVI, 1910, стр. 381—395.
- Влангали, *Геогностические поездки*. — А. Влангали, *Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах*, ч. I—II, СПб., 1853.
- Волин, *К истории древнего Хорезма*. — С. Волин, *К истории древнего Хорезма*, — ВДИ, 1941, № 1, стр. 192—196.

- Волин, *Новый источник*. — С. Л. Волин, *Новый источник для изучения хорезмийского языка*, — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91.
- Воробьев, «Народы Азии и Африки», 1962, № 3 [стр. 199—201]. — М. В. Воробьев, [рек. на:] Л. Н. Гумилев, Хунну. Срединная Азия в древние времена, М., 1960, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 3, стр. 199—201.
- Ворожейкина, *Доисламские верования*. — З. Н. Ворожейкина, *Доисламские верования киргизов в XVI в. (по рукописи «Зия ал-Кулуб»)*, — сб. «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 182—189.
- Воронина, *Доисламские культовые сооружения*. — В. Л. Воронина, *Доисламские культовые сооружения Средней Азии*, — СА, 1960, № 2, стр. 42—55.
- Воронина, *К характеристике*. — В. Л. Воронина, *К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сборник статей, посвященных истории и культуре периода формирования таджикского народа и его государственности (IX—X вв. н. э.), Сталинабад, 1954, стр. 41—55.
- Вороновский, *Библиография*, — см. ниже, стр. 947 («Библиографические пособия»).
- Вязигин, *Оссуарии*. — С. А. Вязигин, *Оссуарии с городища Калалы Кыр I Ташаузской области Туркменской ССР*, — ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155.
- Вязигин, *Стена Антиоха Сотера*. — С. А. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260—275.
- Вяткин, *Материалы*. — В. Л. Вяткин, *Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята*, — СКСО, вып. VII, 1902, стр. 1—83.
- Вяткин, *О вакуфах*. — В. Вяткин, *О вакуфах Самаркандской области*, — СКСО, вып. X, 1912, стр. 95—107; то же: ТВ, 1912, № 256 (13/26.XI), стр. 3—4.
- Г., *О школьном образовании*. — Г., *О школьном образовании у магометан Средней Азии*, — ТВ, 1875, № 30 (29.VII); 1876, № 47 (30.XI); № 48 (7. XII).
- Галкин, *Очерк*. — Галкин, ген. шт. полк., *Краткий военно-статистический очерк района полевой поездки офицеров Генерального Штаба Туркестанского военного округа в 1889 году в Бухарском ханстве и в южной части Самаркандской области*, — СМА, вып. LVII, 1894, стр. 1—42.
- Галкин, *Сурханская долина*. — Галкин, ген. шт. полк., *Военно-статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины. 1889 г.*, — СМА, вып. LVII, 1894, стр. 364—384.
- Гардизи, рук. — Гардизи, *Зайн ал-ахбār*, кембридж. рук. (King's College Library, 213); оксфорд. рук. (Cod. Bodleian, Ouseley, 240).
- Гаркави, *Дополнения*. — А. Я. Гаркави, *Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских»*, СПб., 1871.
- Гаркави, *Сказания*. — А. Я. Гаркави, *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII века до конца X века, по Р. Х.)*, СПб., 1870.
- Гарнати, изд. Феррана. — *Le Tuhfat al-albāb de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Garnāī* édité d'après les Mss. 2167, 2168, 2170 de la Bibliothèque nationale et le Ms. d'Alger, par G. Ferrand, Paris, 1925 (Extrait du JA, t. CCVII, 1925, pp. 1—148, 193—304).
- Гафуров, *История*. — Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, изд. 3-е, исправл. и дополн., т. I, *С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.*, М., 1955.
- Гейер, *Голод и колонизация*. — И. Гейер, *Голод и колонизация Сыр-Дарьинской области в 1891 г.*, — СМССДО, т. III, 1894, отд. I, стр. 1—80.
- Гейер, *Крестьянская колонизация*. — И. Гейер, *Крестьянская колонизация в Сыр-Дарьинской области*, — СМССДО, т. II, 1892, отд. I, стр. 201—321.
- Гейер, *По русским селениям*. — И. Гейер, *По русским селениям Сыр-Дарьинской области. (Письма с дороги)*. Т. I, *Чимкентский уезд*, Ташкент, 1893.

- Гейер, *Путеводитель*. — И. И. Гейер, *Путеводитель по Туркестану*, Ташкент, 1901.
- Гейнс, *Киргизские очерки*. — А. К. Гейнс, *Киргизские очерки*, — «Военный оборник», т. XLIX, 1866, № 1, отд. II, стр. 243—272; № 6, отд. II, стр. 305—342; т. I, № 7, отд. II, стр. 99—126; № 8, отд. II, стр. 243—272.
- Гейнс, *Ташкент*. — А. К. Гейнс, *Управление Ташкентом при кокандском владычестве. (Как характеристика администрации среднеазиатских городов)*, — А. К. Гейнс, *Собрание литературных трудов*, т. II, СПб., 1898, стр. 431—536.
- Гельцер, *Очерк*. — Г. Гельцер, *Очерк политической истории Византии*, [пер. с нем.], СПб., 1912 (Очерки по истории Византии, вып. I).
- Гиргас — Розен, *Арабская хрестоматия. — Арабская хрестоматия*. Составили В. Ф. Гиргас и В. Р. Розен, вып. 1—2, СПб., 1875—1876.
- Гияс ад-дин Али, изд. Зимина. — *Дневник похода Тимура в Индию* Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафер-намэ» Низам-ад-дина Шами. Изд. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда, Пг., 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. I).
- Голубинский, *История русской церкви*. — Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. I, 1—2, М., 1880—1881; т. II, 1—2, М., 1900—1917.
- Гордлевский, *Заметка о „Турецком собрании“*. — В. А. Гордлевский, *Заметка о „Турецком собрании“ в Константинополе*. «*تورک درنگی*», — ДВ, т. IV, 1913, стр. 1—15 (разд. паг.). [То же: В. А. Гордлевский, *Избр. сочинения*, т. III, М., 1962, стр. 287—298].
- Граменицкий, *Открытый вопрос*. — С. Граменицкий, *Открытый вопрос*, — ТВ, 1909, № 10 (14/27.1); № 11 (15/28.1); № 12 (16/29.1).
- Граменицкий, *Очерк*. — С. М. Граменицкий, *Очерк развития народного образования в Туркестанском крае*, — СМССДО, т. V, 1896, отд. I, стр. 1—88.
- Грецов — Якубовский, *Золотая Орда*. — Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950.
- Григорьев, *Восточный Туркестан* — см. Риттер — Григорьев.
- Григорьев, *Караханиды*. — *Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Муннедджим-баши в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева*, — ТВОРАО, ч. XVII, 1874, стр. 189—258.
- Григорьев, *Об арабском путешественнике*. — В. В. Григорьев, *Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии*, — ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, № 9, отд. 2, стр. 1—45.
- Григорьев, *Об откошениях*. — В. Григорьев, *Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами*, — ЖМНП, ч. CLXXVIII, 1875, № 3, отд. 2, стр. 1—27.
- Григорьев, *Россия и Азия*. — [В. В. Григорьев], *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом*, СПб., 1876.
- Гродеков, *Киргизы*. — Н. И. Гродеков, *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области*. Т. I. *Юридический быт*, Ташкент, 1889.
- Грумм-Гржимайло, ИГГО, т. LXVI, вып. 1 [стр. 176—183]. — Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Киргизы* [реф.-реферат на кн.: В. В. Бартольд, *Киргизы. (Исторический очерк)*, Фрунзе, 1927], — ИГГО, т. LXVI, 1934, вып. 1, стр. 176—183.
- Гулиев, *Из истории*. — А. Н. Гулиев, *Из истории азербайджанско-русских отношений в XV—XVIII вв.*, — МПВНКВ, стр. 353—364.
- Гулия, *История Абхазии*. — Д. Гулия, *История Абхазии*, т. I, Тифлис, 1925.
- Гулямов, *История орошения Хорезма*. — Я. Г. Гулямов, *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней*, Ташкент, 1957.
- Гумилев, *Хунну*. — Л. Н. Гумилев, *Хунну. Срединная Азия в древние времена*, М., 1960.

- Давидович, Город. — Е. А. Давидович, *Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.)*, — «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября—4 ноября 1956 года. Сталинабад», М.—Л., 1959, стр. 38—46.
- Давидович, Нумизматические материалы для хронологии Караханидов. — Е. А. Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов*, — «Труды ГИМ», вып. XXVI, М., 1957 (Нумизматический сборник, ч. II), стр. 91—119.
- Дагестани, Книга Асари-Дагестан. — Книга Асари-Дагестан. (*Исторические сведения о Дагестане*). Составил Мирза Гасан-Эфенди сын Гаджи Абдулла-Эфенди Алкадари Дагестани. Пер. А. Гасанова, — СМОМПК, вып. 46, 1929, стр. 14—193.
- Дадашев — Усейнов, Архитектурные памятники Баку. — С. А. Дадашев и М. А. Усейнов, *Архитектурные памятники Баку*, М., 1946.
- Данилевский, Описание Хивинского ханства. — [Г. И.] Данилевский, *Описание Хивинского ханства*, — ЗИРГО, кн. V, 1851, стр. 62—139.
- Даулетшах, изд. Броуна. — *The Tadhkiratu 'sh-Shu'arā ("Memoirs of the Poets") of Dawlatshāh bin 'Alā'u 'd-Dawla Bakhtīshāh al-Ghāzī of Samarqand*. Ed. in the original Persian with prefaces and indices by E. G. Browne, London—Leide, 1901 (PHT, vol. I).
- Деде Коркут — см. *Kitāb-u Деде Коркут*.
- Дербенд-нāме. — *The Derbend-nāmeh, or the History of Derbend*; transl. from a select turkish version and published with the texts and with notes, illustrative of the history, geography, antiquities etc. etc. occurring throughout the work, by Mirza A. Kazem-Beg, St.-Pbg., 1851.
- Джавахов, Государственный строй. — И. Джавахов, *Государственный строй древней Грузии и древней Армении*, т. I, СПб., 1905 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VIII).
- Джамгерчинов, Киргизы в эпоху Ормон-Хана. — Б. Джамгерчинов, *Киргизы в эпоху Ормон-Хана (из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке)*, — «Труды ИЯЛИ КирФАН», вып. I (1944), Фрунзе, 1945, стр. 111—130.
- Джамгерчинов, Присоединение Киргизии к России. — Б. Джамгерчинов, *Присоединение Киргизии к России*, М., 1959.
- Джанашиа, Возникновение Абхазского царства. — С. Н. Джанашиа, *О времени и условиях возникновения Абхазского царства*, — ИИЯИМК ГрузФАН, т. VIII, Тбилиси, 1940, стр. 137—152.
- Джафарзаде, Древне-латинская надпись. — И. М. Джафарзаде, *Древне-латинская надпись у подошвы горы Беюкдаш*, — ДАН АзССР, Баку, 1948, № 7, стр. 304—311.
- Джафарзаде, Историко-археологический очерк. — И. М. Джафарзаде, *Историко-археологический очерк Старой Ганджи (Родина Низами)*, Баку, 1949.
- Джемаль Карши. — Джемаль Карши, *Мулҳақāt ас-сурӯҳ*, рук. ИНА В 514 (430 а). [См. также Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 128—152.]
- Джетбысбаев, Слово «муг». — Н. Джетбысбаев, *Слово «муг», курганы и каменная баба*, — ПТКЛИА, год V, 1901, стр. 28—34.
- Джувеини, извлеч. в изд. Дефремери. — *Histoire des khans Mongols du Turkestan et de la Transoxiane, extraite du Habib essier de Khondemir*, trad. du persan et accompagnée de notes, par C. Defrémery, — JA, sér. 4, t. XX, 1852, pp. 370—406 [=прилож. к извлеч. из Хондемира].
- Джувеини, изд. Казвини. — *The Ta'rikh-i-Jahān-gushā of 'Alā'u 'd-Dīn 'Aṭā Malik-i-Juwaynī (composed in A. H. 658=A. D. 1260)*. Ed. with an introduction, notes and

- indices from several old MSS. by Mirzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní, pt I, containing the history of Chingíz Khán and his successors, Leyden — London, 1912; pt II, containing the history of Khwárazmsháh dynasty, Leyden — London, 1916; pt III, containing the history of Mangú Qá'án, Húlágú and the Ismá'ílís, Leyden—London, 1937 (GMS, XVI, 1—3).
- Джувеини, рук. — Джувеини, *Та'рих-и джахāнгушāй*, рук. ГПБ IV, 2, 34 (ПНС 233); рук. ГПБ Ханьков 71.
- Джузджани, пер. Раверти. — *Ṭabaḳāt-i-Nāsirī: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān, from A. H. 194 [810 A. D.] to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islām*. By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881 (BI, NS, vol. 272—273); Index, Calcutta, 1897.
- Диваев, *Этнографические материалы*. — *Этнографические материалы*. Собраны и переведены А. А. Диваевым, — СМССДО, т. III, 1894, [отд. 2], стр. 1—84 (разд. паг.).
- Дмитриева, *Рукописи*. — Л. В. Дмитриева, *Рукописи старейших тюркоязычных памятников в Институте народов Азии Академии наук СССР*, — «Географическое общество СССР. Восточная комиссия. Материалы Восточной комиссии», вып. I, Л., 1962, стр. 34—46.
- Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*. — А. И. Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент*, Ташкент, 1912.
- Добросмыслов, *Ташкент*. — А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк*, Ташкент, 1912.
- Дониш, *Путешествие*. — Ахмад Дониш, *Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное*. [Пер. с таджикского М. Н. Османова и Л. Н. Демидчик], [Сталинабад], 1960.
- Дорн, *Каспий*. — Б. Дорн, *Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря*, СПб., 1875 (прилож. к ЗИАН, т. XXVI, № 1). [См. также Dorn, *Caspia*.]
- Дорн, *Отчет*. — Б. Дорн, *Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря*, — ТВОРАО, ч. VIII, 1864, стр. 245—317; то же: отд. отт.
- Дорн, *Разбор сочинения Казембега*. — [Б.] Дорн, *Разбор сочинения мирзы А. Казембега под заглавием: Derbend Nāmeḥ, or The History of Derbend, translated... and published... by mirza A. Kazembeg. St. Petersburg...*, [СПб., 1852] (Извлеч. из «Отчета о [21-м] присуждении Демидовских наград», СПб., 1852, стр. 101—107).
- Дубровин, *История войны на Кавказе*. — Н. Дубровин, *История войны и владычества русских на Кавказе*, т. I—IV, СПб., 1871—1886.
- Думан, *Аграрная политика*. — Л. И. Думан, *Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века*, М.—Л., 1936 (ТИВАН, т. XX).
- Думан, *К истории*. — Л. И. Думан, *К истории государств Тоба, Вэй и Ляо и их связей с Китаем*, — УЗИВАН, т. XI, 1955, стр. 3—36.
- Думан, «Народы Азии и Африки», 1962, № 3 [стр. 196—199]. — Л. И. Думан, [реп. на:] Л. Н. Гумилев, Хунну. Срединная Азия в древние времена, М., 1960, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 3, стр. 196—199.
- А. Дьяконов, *Типы высшей богословской школы*. — А. Дьяконов, *Типы высшей богословской школы в древней церкви III—VI вв.*, — «Христианское чтение», т. ССXXXIX, 1913, стр. 494—525; то же: отд. отт.
- И. Дьяконов, *История Мидии*. — И. М. Дьяконов, *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.*, М.—Л., 1956.
- М. Дьяконов, *Очерк*. — М. М. Дьяконов, *Очерк истории древнего Ирана*, М., 1961.

- Дьяконов — Лившиц, *Документы из Нисы*. — И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, *Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы*, М., 1960.
- Дьячков, *Урочище Кайсара*. — П. Дьячков, *Урочище Кайсара*, — ПТКЛА, год II, 1897, [прилож. к протокол. засед. ТКЛА от 29 августа 1897 г.], стр. 8—12.
- Ельницкий, *Знания древних*. — Л. А. Ельницкий, *Знания древних о северных странах*, М., 1961.
- Ельницкий, *Римляне у Каспийских ворот*. — Л. А. Ельницкий, *Северочерноморские заметки*, III. *Римляне у Каспийских ворот*, — ВДИ, 1950, № 1, стр. 193—194.
- Ершов, *Некоторые итоги*. — С. А. Ершов, *Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али*, — ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 160—234.
- Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена. — *Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645*, par Hoei-li et Yen-thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite du chinois par S. Julien, Paris, 1853.
- Жирмунский, *Народный героический эпос*. — В. Жирмунский, *Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки*, М.—Л., 1962.
- Жуковский, *Могила Фирдоуси*. — В. Жуковский, *Могила Фирдоуси. (Из поездки в Хорасан летом 1890 г.)*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 308—314.
- Жуковский, *Развалины Старого Мерва*. — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва*, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).
- Заднепровский, *Древнеземледельческая культура Ферганы*. — Ю. А. Заднепровский, *Древнеземледельческая культура Ферганы*, М.—Л., 1962 (МИА, № 118).
- Заднепровский, *Изучение котловины Иссык-Куля*. — [Ю. А. Заднепровский], *Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П. П. Иванова*, — ТИИ АН КиргССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 109—116.
- Закария Казвини. — Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie*. I. *كتاب عجائب المخلوقات Die Wunder der Schöpfung*. Aus den Handschriften der Bibliotheken zu Berlin, Gotha, Dresden und Hamburg hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; II. *كتاب آثار البلاد Die Denkmäler der Länder*. Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848.
- Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*. — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*, — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.
- Залкинд, *Кидане*. — Е. М. Залкинд, *Кидане и их этнические связи*, — СЭ, 1948, № 1, стр. 47—62.
- Заринский, *Очерки древней Казани*. — П. Заринский, *Очерки древней Казани преимущественно XVI века*, Казань, 1877.
- Захир ад-дин Мар'аши. — Schir-eddin's *Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan*. Persischer Text, hrsg. von B. Dorn, St.-Pbg., 1850 (Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn. I. T.)
- Заходер, *Еще одно известие*. — Б. Н. Заходер, *Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв.*, — ИВГО, т. LXXV, 1943, вып. 6, стр. 25—43.
- Заходер, *Из истории восточно-каспийских связей*. — Б. Н. Заходер, *Из истории восточно-каспийских связей древней Руси*, — СВ, 1955, № 3, стр. 108—118.
- Заходер, *Каспийский свод*. — Б. Н. Заходер, *Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв.*, М., 1962.
- Заходер, *Среднеазиатско-Хорасанская география*. — Б. Н. Заходер, *Среднеазиатско-*

- Хорасанская география IX—X вв. о Поволжье и Восточной Европе. Общие представления и природа, — УЗИВАН, т. XIV, 1956, стр. 6—30.
- Зевакин, Прикаспийские провинции. — Е. С. Зевакин, Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века, — ИООИА, № 5, 1927, стр. 123—133.
- Земляничин, Исторический очерк. — И. Земляничин, Исторический очерк Семипалатинска и его торговля, — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 1—85.
- Зябберштейн, Путевые замечания. — М. П. Вяткин, Путевые записки лекаря Зябберштейна, — ИА, т. I, 1936, стр. 223—258.
- Зубов, Картина Кавказского края. — П. Зубов, Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях, ч. 1—4, СПб., 1834—1835.
- Зуев, К этнической истории усуней. — Ю. А. Зуев, К этнической истории усуней, — ТИИАЭ АН КазССР, т. 8, Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана, Алма-Ата, 1960, стр. 5—25.
- Зуев, О языке усуней. — Ю. А. Зуев, К вопросу о языке древних усуней, — ВАН КазССР, Алма-Ата, 1957, № 5, стр. 61—74.
- Зяблин, Второй буддийский храм. — Л. П. Зяблин, Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища, Фрунзе, 1961.
- Ибн ал-Асир, изд. Торнберга. — *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.
- Ибн Баттута. — *Voyages d'Ibn Batoutah*, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et V. R. Sanguinetti, t. I—IV, Paris, 1853—1858 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).
- Ибн Бейтар, пер. Зонгхаймера. — *Grosse Zusammenstellung über die Kräfte der bekannten einfachen Heil- und Nahrungsmittel von Abu Mohammed Abdallah ben Ahmed aus Malaga bekannt unter dem Namen Ebn Baithar*. Aus dem Arabischen übers. von J. v. Sontheimer, Bd I—II, Stuttgart, 1840—1842.
- Ибн Исфендияр, изд. Аббаса Икбалия. — تاریخ طبرستان تألیف بها الدین محمد بن حسن بن اسفندیار کاتب که در ۶۱۳ هجری تألیف شده است، بتصحیح عباس اقبال، قسم ۱—۲، [تهران، ۱۳۲۰ ش] [1941].
- Ибн Исфендияр, пер. Броуна. — *An abridged translation of the History of Tabaristân compiled about A. H. 613 (A. D. 1216) by Muḥammad b. al-Ḥasan b. Isfandiyār*, based on the India Office Ms. compared with two Mss. in the British Museum, by E. G. Browne, Leyden—London, 1905 (GMS, II).
- Ибн Мискавейх, изд. Амелроза — Марголиуса. — *The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi*, Office-holder at the Courts of the Buwaihîd Sultans, Mu'izz al-daulah, Rukn al-daulah, and 'Adud al-daulah. Arabic text, ed. by H. F. Amedroz, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Radi*, Oxford, 1920 (*Eclipse*, vol. I); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. II). Translation from the Arabic by D. S. Margoliouth, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Razi*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. IV); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. V).
- Ибн Мискавейх, изд. Казтани. — *The Tajârib al-Umam or History of Ibn Miskawayh (Abu 'Ali Aḥmad b. Muḥammad) ob. A. H. 421*. Reproduced in facsimile from the Ms. at Constantinople in the Ayâ Şûfiyya library. With a preface and summary by L. Caetani Principe di Teano, vol. I, to A. H. 37 (=Tabari I. 3300); vol. V (with a summary and index), A. H. 284 to 326; vol. VI, A. H. 326—369, Leyden—London, 1909—1917 (GMS, VII, 1, 5, 6).
- Ибн Мухаммед-Эмин, изд. Манна. — *Das Muḥmil et-Târikh-i ba'dnâdirte des Ibn Muḥammed Emin Abu'l-Ḥasan aus Gulistâne*, [Fasc. I: *Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750*; fasc. II: *Geschichte des Aḥmed Sâh Durrâni*], nach der berliner

Handschrift hrsg. und mit einer Einleitung und mit Indices versehen von O. Mann, Leiden, 1891—1896.

- Ибн Русте, изд. де Гье. — *Kitâb al-avlâk an-nafisa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhîh al-Kâtîb al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Ибн Русте — стр. 1—229].
- Ибн Русте, изд. Хвольсона. — *Известия о Хозарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века*, по рукописи Британского Музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон, СПб., 1869.
- Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1939). — *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Перевод и комментарий [А. П. Ковалевского] под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.
- Ибн Фадлан, изд. Ковалевского (1956). — А. П. Ковалевский, *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.* Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.
- Ибн Фадлан, изд. Френа. — *Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*. Text und Übersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen; nebst drei Beilagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer, und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern, von C. M. Frähn, St.-Pbg., 1823.
- Ибн ал-Факих. — *Compendium libri Kitâb al-Boldân* auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1885 (BGA, V).
- Ибн Хаукаль. — *Viae et regna. Descriptio dittonis moslemicae* auctore Abu'l-Kâsim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).
- Ибн Хаукаль, изд. Крамерса. — *Opus geographicum* auctore Ibn Haukal (Abû'l-Kâsim Ibn Haukal al-Nasîbî). Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii № 3346 cui titulus est «Liber imaginis terrae» edidit collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers, fasc. 1—2, Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1938 (BGA², I—II).
- Ибн Хордадбех. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].
- Иванин, *О военном искусстве*. — М. И. Иванин, *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане*, СПб., 1875.
- Иванов, *К вопросу об исторической топографии*. — П. П. Иванов, *К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама*, — «В. В. Бартольд», стр. 151—164.
- Иванов, *К истории горного промысла*. — П. П. Иванов, *К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк*, Л. — М., 1932.
- Иванов, *Казахи и Кокандское ханство*. — П. П. Иванов, *Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.)*, — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 92—128.
- Иванов, *Материалы по археологии*. — П. П. Иванов, *Материалы по археологии котловины Иссык-Куля*, — ТИИ АН КиргССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 65—107.
- Иванов, *Очерки*. — П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.)*, М., 1958.
- Иванов, *Хивинские хроники*. — П. П. Иванов, *Хивинские хроники XIX в. Муниса-Агехи как источник по истории туркмен*, — МИТТ, II, стр. 23—28.

- Идриси, пер. Жобера. — *Géographie d'Edrisi* traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes, par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.
- Из истории сношения России с туркменами.* — [В. Разумовская], *Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. (Документы 1741—1778 гг.)*, — «Красный архив», 1939, № 2 (93), стр. 209—255.
- Иловайский, *Разыскания.* — Д. Иловайский, *Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю*, М., 1876.
- Инал-Ипа, *Абхазы.* — Ш. Инал-Ипа, *Абхазы. Историко-этнографические очерки*, Сухуми, 1960.
- Иностранцев, *Из истории старинных тканей.* — К. Иностранцев, *Из истории старинных тканей. Алтабас, Дороги, Зендень, Миткаль, Мухояр*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 080—085.
- Иностранцев, *Коркуд.* — К. Иностранцев, *Коркуд в истории и легенде*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 040—046.
- Иностранцев, *О до-мусульманской культуре.* — К. Иностранцев, *О до-мусульманской культуре Хивинского оазиса*, — ЖМНП, н. с., ч. XXXI, 1911, февраль, отд. 2, стр. 284—318.
- Иностранцев, *Погребальные обычаи.* — К. Иностранцев, *О древне-иранских погребальных обычаях и постройках*, — ЖМНП, н. с., ч. XX, 1909, март, отд. 2, стр. 95—121.
- Иностранцев, *Торжественный выезд.* — К. Иностранцев, *Торжественный выезд Фатимидских халифов*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 1—113.
- Иностранцев, *Хунну.* — К. Иностранцев, *Хунну и Гунны (Разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов)*, 2-е доп. изд., Л., 1926 (ЛИЖВЯ. Труды Туркологического семинария. I).
- Искендер Мунши. — کتاب مستطاب تاریخ عالم آرای عباسی که بنام نامی سلطان ماضی شاه عباس صفوی... پرداخته شده است اخبارت سلیس ودلپذیر که روزان خوانندهر نشاط افزاید ومطالعت کنندکائرا انبساط بخشد که بی تملقات مورخانه وتکلفات نیشانه نوشته از تألیفات مرحوم اسکندر بیک ترکمان دبیر مخصوص سلطان مغفور مذکور است، جلد ۱-۳، طهران، ۱۳۱۳-۱۳۱۴ [1895—1897]
- Истахри. — *Viae regnorum. Descriptio dititionis moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).
- История Азербайджана*, т. 1. — *История Азербайджана в трех томах*, т. 1, *С древнейших времен до присоединения Азербайджана к России*, Баку, 1958.
- История венценосцев.* — *История и восхваление венценосцев*. Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил К. С. Кекелидзе, Тбилиси, 1954.
- История Казахской ССР.* — *История Казахской ССР*, т. I—II, Алма-Ата, 1957—1959.
- История Киргизии.* — *История Киргизии*, т. I—II, Фрунзе, 1956.
- История МНР.* — *История Монгольской Народной Республики*, М., 1954.
- История таджикского народа*, т. I — *История таджикского народа*, т. I, *С древнейших времен до V в. н. э.*, М., 1963.
- История Туркменской ССР.* — *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 1—2; т. II, Ашхабад, 1957.
- История Узбекской ССР.* — *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1—2; т. II, Ташкент, 1955—1957.
- История Шугнана* — см. Семенов.

- Исфизари, рук. — Му'ин ад-дин Исфизари, *Kitāb rauzāt al-džannāt fī auṣāf madīnat Харāt*, рук. ИНА С 472 (574 agk); рук. ЛГУ № 588.
- Исфизари, тегеран. код. — *روضات الجنات في اوصاف مدينة هرات تأليف معين الدين محمد زمجی اسفزاری ۱۸۹۷—۱۸۹۹ هـ، با تصحيح وحواشی و تعلیقات سید محمد کاظم امام، بخش ۱—۲، تهران، ۱۳۳۸—۱۳۳۹ [1959—1960] (انتشارات دانشگاه تهران، ۱۳۳۰، ۱۳۷۴).*
- Иезди, Гияс ад-дин — см. Гияс ад-дин Али.
- Иезди, Шереф ад-дин — см. Шереф ад-дин Иезди.
- Қабиров, *Переселение*. — М. Н. Қабиров, *Переселение илийских уйгур в Семиречье*, Алма-Ата, 1951.
- Қазвини, Зақария — см. Зақария Қазвини.
- Қазвини, Хамдаллах — см. Хамдаллах Қазвини.
- Қаллаур, *Археологическая поездка*. — В. Қаллаур, *Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду*, — ПТҚЛА, год II, 1897, [прилож. к протокол. засед. ТҚЛА от 29 августа 1897 г.], стр. 1—7.
- Қалмыков, *Основные вопросы*. — А. Қалмыков, *Основные вопросы среднеазиатской археологии. Мечеть*, — ПТҚЛА, год XIV, 1910, стр. 91—109.
- Қалмыков, *Хива*. — А. Қалмыков, *Хива*, — ПТҚЛА, год XII, 1908, стр. 49—71.
- Қараваев, *Голодная степь*. — В. Ф. Қараваев, *Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк (по исследованию 1914 г.)*, Пг., 1914 (Материалы и исследования к проекту орошения Голодной и Дальверзинской степей, вып. I).
- Қарамзин, *История государства Российского*. — Н. М. Қарамзин, *История государства Российского*. Печатано под набл. проф. П. Н. Полевого, изд. Е. Евдокимова, т. I—XII, СПб., 1892.
- Қармышева, *О некоторых древних тюркских племенах*. — Б. Х. Қармышева, *О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (по этнографическим данным)*, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Қаррыев — Росляков, *Краткий очерк*. — А. Қаррыев и А. Росляков, *Краткий очерк истории Туркменистана (от присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции, 1868—1917 гг.)*, Ашхабад, 1956.
- Қарши — см. Джемаль Қарши.
- Қары-Ниязов, *Очерки*. — Т. Н. Қары-Ниязов, *Очерки истории культуры Советского Узбекистана*, М., 1955.
- Қаюмов, *Кокандская литературная среда*. — А. Қаюмов, *Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.)*. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1961.
- Қаюмов, *Қуқон адабий муҳити*. — А. Қаюмов, *Қуқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар)*, Тошкент, 1961.
- Кезма Товфік, *Оповідання*. — Кезма Товфік, *Оповідання арабського історика XI віку Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь*. З передмовою від А. Ю. Кримського, — «Українська Академія наук. Збірник історично-філологічного відділу», № 51. Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія, ч. I, Київ, 1927, стор. 383—395.
- Керенский, *Медресе*. — Ф. Керенский, *Медресе Туркестанского края*, — ЖМНП, ч. CCLXXXIV, 1892, ноябрь, отд. 4, стр. 18—52.
- Кесь, *Русло Узбой*. — А. С. Кесь, *Русло Узбой и его генезис*, М.—Л., 1939 (ТИГАН, вып. XXX).

- Кибиров, *Археологические работы*. — А. К. Кибиров, *Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг.*, — ТКАЭЭ, т. II, 1959, стр. 63—138.
- Киселев, *Древние города*. — С. В. Киселев, *Древние города Монголии*, — СА, 1957, № 2, стр. 91—101.
- Киселев, *Древняя история Южной Сибири*. — С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М.—Л., 1949; изд. 2-е: М., 1951.
- Киселев, *Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X веках*, — ИАН СССР, СИФ, т. III, 1946, № 1, стр. 69—76.
- Кисляков, *Очерки*. — Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана*, изд. 2-е, испр. и дополн., Сталинабад, 1954.
- Кисляков, *Патриархально-феодальные отношения*. — Н. А. Кисляков, *Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в.*, М.—Л., 1962 (ТИЭ, н. с., т. LXXIV).
- Кисляков, *Следы*. — Н. А. Кисляков, *Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло*, М.—Л., 1936 (ТИАЭА, т. X. Этногр. серия, № 2).
- Китаб ал-ағайн. — *كتاب الاغانى للامام ابى الفرج الاصبهاني، الجزء ١-٢١، مصر، [1905-06] ١٣٢٣*
- Китаб-и Деде Коркут, изд. Бартольда. — В. Бартольд, *Китаби-Коркуд. I*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 203—218; *II*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 175—193; *III*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 037—059; *IV*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 1—33.
- Китаб-и Деде Коркут, пер. Бартольда, изд. 2-е. — *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос*. Пер. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962 (Литературные памятники).
- Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).
- Кляшторный, *Из истории*. — С. Г. Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам)*, — ЭВ, IX, 1954, стр. 55—64.
- Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье*. — С. Г. Кляшторный, *Согдийцы в Семиречье*, — СЭ, 1959, № 1, стр. 7—11.
- Кляшторный, *Согдийцы в Центральной Азии*. — С. Г. Кляшторный, *Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам)*, — ЭВ, XIV, 1961, стр. 29—31.
- Кляшторный, *Суджинская надпись*. — С. Г. Кляшторный, *Историко-культурное значение Суджинской надписи*, — ПВ, 1959, № 5, стр. 162—169.
- Книзе — Юферев, *Хлопководство*. — А. И. Книзе и В. И. Юферев, *Хлопководство*, — в кн.: «Азиатская Россия», т. II, стр. 275—298.
- Ковалев, *Отчет*. — [Ковалев], *Афганистан. Его промышленность и торговля. Отчет управляющего Бухарскою таможеню Ковалева по командировке 1907 года*. [Машинописный текст. Рукописный отдел ГПБ, шифр 1935, № 1.]
- Ковалевский, *Вулкан Бухты*. — С. Ковалевский, *Вулкан Бухты и тектоника среднего Биби-Эйбата. II. Воуру-Каша — Каспийское море*, — «Азербайджанское нефтяное хозяйство», Баку, 1924, № 2 (26), стр. 50—67.
- Кожемайко, *Города Чуйской долины*. — П. Н. Кожемайко, *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины*, Фрунзе, 1959.
- Козубский, *Материалы*. — Е. И. Козубский, *Материалы для библиографии Дагестанской области*, — «Дагестанский сборник», вып. II, Темир-Хан-Шура, 1904, отд. II, стр. 249—257.
- Козубский, *Опыт библиографии*, I. — Е. Козубский, *Опыт библиографии Дагестанской области*, — ПКДО, 1895, стр. I—V, 1—268 (разд. паг.).

- Козубский, *Опыт библиографии*, II. — Е. И. Козубский, *Опыт библиографии Дагестанской области за 1895—1902 гг.*, — «Дагестанский сборник», вып. I, Темир-Хан-Шура, 1902, отд. II, стр. 373—415, XII—XVII.
- Козьмин, *Хакасы*. — Н. Н. Козьмин, *Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края*, Иркутск, 1925.
- Коковцов, *Еврейско-хазарская переписка*. — П. К. Коковцов, *Еврейско-хазарская переписка в X веке*, Л., 1932.
- Коковцов, *Новый еврейский документ*. — П. Коковцов, *Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-руско-византийских отношениях в X веке*, — ЖМНП, н. с., ч. XLVIII, 1913, ноябрь, отд. 2, стр. 150—172.
- Кондауров, *Некоторые материалы*. — А. Н. Кондауров, *Некоторые материалы по этнографии ягнобцев. (Из результатов поездки в 1934 г.)*, — СЭ, 1935, № 6, стр. 80—108.
- Кондауров, *Община у ягнобцев*. — А. Н. Кондауров, *Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев*, М.—Л., 1940 (ТИЭ, серия этногр., т. III, вып. I).
- Кононов, *Опыт анализа термина тюрк*. — А. Н. Кононов, *Опыт анализа термина тюрк*, — СЭ, 1949, № 1, стр. 40—47.
- А. Коншин, *Разъяснение*. — А. М. Коншин, *Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным*, СПб., 1897 (ЗИРГО по общ. геогр., т. XXXIII, № 1).
- Н. Коншин, *Каракиргизская депутация*. — Н. Коншин, *Каракиргизская депутация 1824 года. (Материалы для истории степного края, II)*, — ПКСПО на 1900 г., вып. IV, 1900, стр. 69—76.
- Н. Коншин, *Открытие*. — Н. Коншин, *Открытие Аягузского округа (Материалы для истории степного края, I)*, — ПКСПО на 1900 г., вып. IV, 1900, стр. 4—68.
- Корнилов, *Кашгария*. — Корнилов, ген. шт. полк., *Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания*. Под ред. начальника штаба Туркестанского военного округа ген.-лейт. Сахарова, Ташкент, 1903.
- Костенко, *Туркестанский край*. — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*, т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).
- Котвич, *Русские архивные документы*. — В. Л. Котвич, *Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.*, I—III, — ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919, стр. 791—822, 1071—1092, 1193—1214; то же: отд. отт., Пг., 1921.
- Крачковская — Крачковский, *Древнейший арабский документ*. — В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ из Средней Азии*, — Согд. сб., стр. 52—90; то же: И. Ю. Крачковский, *Избр. сочинения*, т. I, М. — Л., 1955, стр. 182—212.
- Крачковский, *Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле*. — И. Ю. Крачковский, *Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле*, — И. Ю. Крачковский, *Избр. сочинения*, т. VI, М.—Л., 1960, стр. 559—570.
- Крымский, *Русько-слов'янські слова*. — А. Крымский, *Декотрі русько-слов'янські слова та імення в арабських істориків і географів IX—X вв.*, — в кн.: Ол. Шахматов — Аг. Крымский, *Нариси в історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської старо-українщини XI—XVIII вв.*, Київ, 1922, стор. 131—134.
- Крымский, *Арабская литература*. — А. Е. Крымский, *Арабская литература в очерках и образцах. I. Общий очерк истории арабской литературы; II—III. Доисламская поэзия и ее корифеи*, М., 1911 (ТВЛИВЯ, вып. XXXV).
- Крымский, *История арабов*. — А. Крымский, *История арабов и арабской литературы, светской и духовной*, изд. 3-е, ч. I—III, М., 1914 (ТВЛИВЯ, вып. XV).
- Крымский, *История Персии*. — А. Крымский, *История Персии, ее литературы и др.-вишеской теософии*, т. I—III, М., 1909—1917 (ТВЛИВЯ, вып. XVI).

- Крымский, *История Сасанидов*. — А. Крымский, *История Сасанидов и завоевание Ирана арабами, с указанием главных моментов литературной истории христиан сирий и политической истории вассальных Ирану арабов. С обзором источников и чужбаний и приложением главы об Аршакидах и Парфии*, изд. 2-е, М., 1905 (ТВЛИВЯ, вып. XXI).
- Кудама. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordâdbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (ВСА, VI). [Кудама: текст — стр. 184—266; перевод — стр. 144—208.]
- Кун, *От Хивы до Кунграда*. — А. Л. Кун, *От Хивы до Кунграда*, — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 203—222.
- Куник — Розен, *Известия ал-Бекри*. — *Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах*, ч. I. (Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена), СПб., 1878 (прилож. к ЗИАН, т. XXXII, № 2); ч. 2. (Разыскания А. Куника), СПб., 1903.
- Куропаткин, *Кашгария*. — А. Н. Куропаткин, *Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля*, СПб., 1879.
- Кутадеу билек*, изд. Вамбери. — *Uigurische Sprachmünmente und das Kudatku Bilik*. Uigurischer Text mit Transcription und Übersetzung nebst einem uigurisch-deutschen Wörterbuche und lithografirten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik von H. Vámbéry, Innsbruck, 1870.
- Кутадеу билек*, изд. Радлова. — *Das Kudatku Bilik* des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasingun, hrsg. von W. Radloff, T. I. *Der Text in Transscription*, St.-Pbg., 1891; T. II. *Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo*, St.-Pbg., 1900—1910.
- Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан*. — Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, *Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения*. С 34 картами. Пер. с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под ред., с предисловием и примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1926.
- Кызласов, *Ак-Бешим*. — Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.*, — ТКАЭЭ, т. II, 1959, стр. 155—242.
- Кызласов — Мерперт, ВДИ, 1952, № I [стр. 101—109]. — Л. Р. Кызласов и Н. Я. Мерперт, [рец. на:] А. Н. Бернштам, *Очерк истории гуннов*, Л., 1951, — ВДИ, 1952, № I, стр. 101—109.
- Кюнер, *Китайские известия*. — Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*, М., 1961.
- Лаврентьевская летопись*. — *Летопись по Лаврентьевскому списку*. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1872.
- Ланглуа — Сеньобос, *Введение*. — Ланглуа и Сеньобос, *Введение в изучение истории*, пер. с франц. А. Серебряковой, СПб., 1899 [Образовательная библиотека, серия 2-я, (1898 г.). № 3—4].
- Латышев, *Известия*. — *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, т. I, *Греческие писатели*, вып. 1—3, СПб., 1890—1900 (ЗРАО, н. с., т. XI, Труды отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской, кн. 4); т. II, *Латинские писатели*, вып. 1—2, СПб., 1904—1906 (ЗКОРАО, т. II).
- Левинатов, *Очерки*. — В. Н. Левинатов, *Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке*, Баку, 1948.
- Левшин, *Описание*. — А. Левшин, *Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких Орд и степей*, ч. I. *Известия географические*; ч. II. *Исторические известия*; ч. III. *Этнографические известия*, СПб., 1832.

- Лерх, *Археологическая поездка*. — П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году*, СПб., 1870.
- Лившиц, *Два согдийских документа*. — В. А. Лившиц, *Два согдийских документа с горы Муг*, — ВДИ, 1960, № 2, стр. 76—86.
- Лившиц, *Иранские языки*. — [В. А. Лившиц], *Иранские языки народов Средней Азии*, — в кн.: *Народы Средней Азии*, I, стр. 131—158.
- Лившиц, *Согдийские документы*. — *Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица*, М., 1962.
- Лившиц, *Согдийский посол*. — В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг)*, — СЭ, 1960, № 2, стр. 92—109.
- Литвинский, *Отчет о работе V отряда ЮТАКЭ в 1947 г.* — Б. А. Литвинский, *Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. (Рекогносцировка района Безмеин — Кизыл-Арват)*, — «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 253—314.
- Литвинский — Мошкова, *Изучение Така-Языра*. — Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова, *Изучение Така-Языра, Дуруна (Итоги работ V отряда ЮТАКЭ за 1946 г.)*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 276—325.
- Логофет, *Бухарское Ханство*. — Д. Н. Логофет, *Бухарское Ханство под русским протекторатом*, т. I—II, СПб., 1911.
- Логофет, *Страна бесправия*. — Д. Н. Логофет, *Страна бесправия. Бухарское ханство в его современном состоянии*, СПб., 1909.
- Лыкошин, *Знание туземных языков*. — Н. С. Лыкошин, *Знание туземных языков*, — «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими: по военно-народному управлению Туркестанского края», Ташкент, 1905, стр. 77—92.
- Лыкошин, *Оседлые скотоводы*. — Н. С. Лыкошин, *Оседлые скотоводы*, — газ. «Самарканд», 1904, № 94 (26.VIII), стр. 2; № 95 (27.VIII), стр. 2.
- Лыкошин, *Премии*. — Н. С. Лыкошин, *Премии за знание языков*, — ТВ, 1905, № 28 (18.II); № 33 (3.III), то же, с сокращениями, — в кн.: «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края», Ташкент, 1905, стр. 15—17.
- Лыкошин, *Результаты сближения*. — Н. С. Лыкошин, *Результаты сближения русских с туземцами*, — «Туркестанский календарь на 1904 г.», стр. 1—9 (разд. паг.).
- Лыкошин, *Чапкуллукская волость*. — Н. С. Лыкошин, *Чапкуллукская волость Ходженгского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения*, — СКСО, вып. VIII, 1905, стр. 1—234.
- Лысцов, *Персидский поход*. — В. П. Лысцов, *Персидский поход Петра I 1722—1723*, М., 1951.
- Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*. — С. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.
- Лютш, *Киргизская хрестоматия*. — *Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы киргиз Туркестанского края*. Составил Я. Лютш, Ташкент, 1833.
- Ма Чан-шоу, *Бэйди юй сюнни*. — 馬長為, 北狄与 奴, 北京, 1962 [Ма Чан-шоу, *Северные племена Ди и хунны*, Пекин, 1962].
- Маджму' ат-таваййх. — см. Ахсикенли.
- Макдиси. — *Descriptio imperii mœlemici auctore Schamso'd-din Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Bannâ al-Basschâri al-Mokaddasi*. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2: 1906 (BGA, III).
- Макдиси, Мутаххар ибн Тахир — см. Мутаххар ал-Макдиси.
- Макризи, *Хитаф*, изд. Вьета. — Taqî el-Dîn Ahmad ibn 'Alî ibn 'Abd-el-Qâdir ibn

- Muhammad el-Maqrizi, *El-Mawâ'iz wa'l-P'tibâr fi dhikr el-Khitat wa'l-Âthâr*—Édité par G. Wiet, t. I—V, Le Caire, 1911—1927 (MIFAO, XXX, XXXIII, XLVI, XLIX, LIII).
- Макшеев, *Карта Рената*. — А. Макшеев, *Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, во время его плена у калмыков, с 1716 по 1733 год*, — ЗИРГО по общ. геогр., т. XI, 1888, стр. 105—145.
- Макшеев, *Материалы*. — А. И. Макшеев, *Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае*, — ЗИРГО по отд. статист., т. II, 1871, стр. 1—60.
- Макшеев, *Описание Аральского моря*. — [А. И.] Макшеев, *Описание Аральского моря*, — ЗИРГО, кн. V, 1851, стр. 30—61.
- Малов, *Древнетюркская письменность Монголии*. — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959.
- Малов, *Енисейская письменность*. — С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы*, М.—Л., 1952.
- Малов, *Памятники*. — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951.
- дю Ман — см. Рафаэль дю Ман.
- Мандельштам, *Материалы*. — А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н. э.*, Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII).
- Мар'аши — см. Захир ад-дин Мар'аши.
- Марко Поло, изд. Юла. — *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels of the East*. Newly transl. and ed., with notes, maps and other illustrations, by H. Jule, 2d ed., revised, vol. I—II, London, 1875.
- Марко Поло, пер. Минаева. — И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*. Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI).
- Марков, *Инвентарный каталог*. — А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа*, СПб., 1896.
- Г. Марков, *Очерк*. — Г. Е. Марков, *Очерк истории формирования северных туркмен*, [М.], 1961.
- Марр, *Выступление от 23.X.1918*. — Н. Я. Марр, [Выступление от 23 (10) октября 1918 г.], — ИРАН. сер. VI, т. XII, 1918, стр. 2022—2023.
- Марр, *Об яфетической теории*. — Н. Марр, *Об яфетической теории*, — «Новый Восток», № 5, 1924, стр. 303—339; то же: Н. Я. Марр, Избр. работы, т. III, М.—Л., 1934, стр. 1—34.
- Марр, *Яфетиды*. — Н. Марр, *Яфетиды*, — «Восток», кн. 1, 1922, стр. 82—92; то же: Н. Я. Марр, Избр. работы, т. I, Л., 1933, стр. 125—136.
- Марр, *Яфетический Кавказ*. — Н. Марр, *Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаии средиземноморской культуры*, Лейпциг, 1920 (Материалы по яфетическому языкознанию, XI); то же: Н. Я. Марр, Избр. работы, т. I, Л., 1933, стр. 79—124.
- Марракоши — см. Абд ал-Вахид Марракоши.
- Масальский, *Туркестан* [Брокгауз]. — В. Масальский, *Туркестан*, — «Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]», т. XXXIV (полутом 67), СПб., 1902, стр. 174—203.
- Масальский, *Туркестан* [«Окраины России»]. — В. Масальский, *Туркестан*, — в кн.: «Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России». Под ред. П. П. Семенова, СПб., 1900, стр. 129—210.
- Масальский, *Туркестанский край*. — В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX).

- Масальский, *Хлопководство*. — В. И. Масальский, *Хлопководство, орошение государственных земель и частная предприимчивость*, — ИИРГО, т. XLIV, вып. I—II, 1908, стр. 63—119.
- Масловский, *Гальча*. — С. Масловский, *Гальча. (Первобытное население Туркестана)*, М., 1901 (отд. отт. из РАЖ, 1901, № 2, стр. 17—32).
- Массон, *Городища Нисы*. — М. Е. Массон, *Городища Нисы в селении Багир и их изучение*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 16—105.
- Массон, *Из результатов поездки в долину Таласа*. — М. Е. Массон, *Из результатов поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности*, — «Бюлл. Средне-Азиатского районного геологоразведочного управления», № 2, Ташкент, 1930, стр. 35—37.
- Массон, *Исторический этюд*. — М. Е. Массон, *Исторический этюд по нумизматике джагатаидов (По поводу Таласского клада монет XIV в.)*, — «Труды САГУ», н. с., вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 41—108.
- Массон, *О датировке*. — М. Е. Массон, *О датировке так называемого мавзолея Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче*, — ИАН ТуркмССР, 1952, № 4, стр. 86—87.
- Массон, *Старый Сайрам*. — М. Массон, *Старый Сайрам*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 23—42.
- Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*. — М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, *Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке*, — «Труды САГУ», н. с., вып. LXI, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 17—97.
- Мас'уди, *Мурддж*. — Maçoudi, *Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*, t. I—IX, Paris, 1861—1877 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).
- Мас'уди, *Танбӯх*. — *Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf* auctore al-Masūdi..., [ed. M. J. de Goeje], Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII).
- Махди-хан, *Та'рих-и Нāдирӣ*, тегеран. изд. 1262/1846. — تاریخ نادری تألیف محمد مهدی خان ابن محمد نصیر استرآبادی، [تهران]، ۱۲۶۲ [литорг.]
- Махмуд Кашгарский. — *كتاب ديوان لغات الترك مؤلفی: محمود بن الحسين بن محمد الكاشغری. تاریخ تألیفی ۴۶۶ سنه هجریه، [مصصح کلیسلی معلم رفت]، جلد ۱—۲، استانبول، ۱۲۲۲—۱۲۲۵ [=1915—1917].*
- Медников, *Палестина*. — Н. А. Медников, *Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам*, т. I, *Исследование*, СПб., 1903; т. II, ч. 1—3, *Приложения*, СПб., 1897 (Православный Палестинский сборник, вып. 50, 1—2).
- Мелиоранский, *Араб филолог*. — *Араб филолог о монгольском языке*. Арабский текст издал и снабдил переводом, глоссариями, комментарием П. М. Мелиоранский, СПб., 1903 (отд. отт. из ЗВОРАО, т. XV, стр. 75—172).
- Мелиоранский, *Краткая грамматика*. — П. М. Мелиоранский, *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч. I, *Фонетика и этимология*; ч. II, *Синтаксис*, СПб., 1894—1897.
- Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*. — П. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 1—144.
- Мелиоранский, *Сказание об Едигее* — см. *Сказание об Едигее*.
- Мельгунов, *Исторические извлечения*. — «Исторические извлечения» автора Хамдуллы Казвинского с предисловием об исторических источниках и прибавлением текста с переводом Г. Мельгунова, СПб., 1873.
- Мельгунов, *О южном берегу*. — [Г. Мельгунов], *О южном берегу Каспийского моря*. Замечания Г. Мельгунова, СПб., 1863 (прилож. к ЗИАН, т. III, № 5).
- Менучехри. — *Menoutchehri. Poète persan du 11ème siècle de notre ère (du 5ème de l'hé-*

- gire). Texte, traduction, notes et Introduction historique par A. de Biberstein Kazimirski, Paris, 1886.
- Мервези. — *Sharaf al-Zamān Tāhir Marvāzi on China, the Turks and India*. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky, London, 1942 (James G. Forlong Fund, vol. XXII).
- Миансаров, *Bibliographia caucasica* — см. ниже, стр. 947 («Библиографические пособия»).
- Миддендорф. *Очерки*. — А. Миддендорф, *Очерки Ферганской долины*. С приложением «Химических исследований почв и вод» К. Шмидта. Пер. с нем. М. И. Ковалевского, СПб., 1882.
- Миллер, *Описание Сибирского царства*. — [Г. Ф. Миллер], *Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена*; сочинено Г. Ф. Миллером, СПб., 1787.
- Мир Абд ал-Керим Бухари — см. Абд ал-Керим Бухари.
- Мир Иззетулла, пер. Гендерсона. — *Travels in Central Asia by Meer Izzut-oolah in the years 1812-13*. Transl. by Captain Henderson, Calcutta, 1872.
- Мирза Хасан-эфенди Дагестани — см. Дагестани, *Книга Асари-Дагестан*.
- Мирхонд, лакнауское изд. — و ۷-۱ جلد [تصنيف محمد خاوند شاه]،
خاتمه، لکهنو، ۱۳۰۰/۱۸۸۳ هـ.
- Мирхонд, тегеран. литогр. — [تهران]، جلد ۱-۱۰،
روضه الصفائی مير خواند...،
[=1853—1857, литогр.] ۱۲۷۴—۱۲۷۰.
- Моисей Каганкатвази, *История Агван*. — *История Агван* Моисея Каганкатвази, писателя X века. Пер. с армянского [и предисл. К. Патканьяна], СПб., 1861.
- Мончадская, *О «царском городе»*. — Е. А. Мончадская, *О «царском городе» или «второй столице» Согдианы*, — ВДИ, 1959, № 2, стр. 116—121.
- Мосхейм. — Lavrentij Moshemii *Historia Tartarorum ecclesiastica. Adjecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio*, Helmstadt, 1741.
- Мошкова, *Общие элементы*. — В. Г. Мошкова, *Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен*, — ТИИА АН УзССР, т. II, Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, Ташкент, 1950, стр. 135—158.
- Муджмал ат-тавәйрӯҳ, изд. Бехара. — مجمل التواريخ والقصص تأليف سال ۵۲۰ هجرى بتصحيح ملك الشعراء بهار، طهران، ۱۳۱۸ ش [=1939].
- Муджмал ат-тавәйрӯҳ, рук. — *Муджмал ат-тавәйрӯҳ ва-л-қисас*, рук. Нац. б-ки, Ansien fonds persan 62.
- Му'изз ал-ансәб. — *Му'изз ал-ансәб фӣ шаджарат салтӯйн му'ул*, рук. Нац. б-ки, Ansien fonds persan 67.
- Мучин ад-дин Натанзи, изд. Обена. — منتخب التواريخ معینی (تأليف ۸۱۶ و ۸۱۷ هجرى قمرى) منسوب به معين الدين نظرى ومعروف به «آنونيم اسکندر» بتصحيح ژان اوين، تهران، ۱۳۳۶ خورشيدى [=1957].
- Му'ин ад-дин Натанзи, рук. — Мучин ад-дин Натанзи, рук. ИНА С 381 (566 bc); рук. Брит. муз. Ог. 1566.
- Муқаддама-йи Зафар-наме. — Шереф ад-дин Йезди, *Муқаддама-йи Зафар-наме*, рук. ИНА С 393 (с 568).
- Мукаддаси — см. Макдисн.
- Муниров, *Мунис, Огаҳий*. — К. Муниров, *Мунис, Огаҳий ва Баёнийнинг тарихий асарлари*, Тошкент, 1960.
- Мунис. — Мунис, *Фирдаус ал-иқбāl*, рук. ИНА С 571 (590 oa); рук. ИНА Е 6 (590 ob).
- Муравьев, *Путешествие*. — [Н. Муравьев], *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819*

- и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. I—II, М., 1822.
- Мусеви, *Ta'riḫ-i ḫayrāt*. — Мусеви, *Ta'riḫ-i ḫayrāt*, рук. Брит. муз., Rieu, Suppl. Pers., № 423.
- Мутаххар ал-Макдиси. — *Le livre de la création et de l'histoire de Moṭahhar ben Ṭāhir el-Maqdisi*, attribué à Abou-Zéïd Aḥmed ben Sahl el-Balkhī. Publié et traduit d'après le Manuscrit de Constantinople par Cl. Huart, t. I—VI, Paris, 1899—1919, (PELOV. IVe sér., t. XVI—XVIII, XXI—XXIII).
- Муҳамедов, *Мудофаа иншоотлари*. — Х. Муҳамедов, *Ўзбекистоннинг қадимий мудофаа иншоотлари тарихидан (Эрализдан олдинги III асрдан бошлаб эрализнинг X асригача)*, Тошкент, 1961.
- Мухаммед-Амин-и Бухари. — Мир Мухаммед Амин-и Бухари, *Убайдулла-наме*. Пер. с таджикского с примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1957.
- Мухаммед-Казим, факс. — Мухаммад-Казим, *Нāме-йи 'āламārā-йи Нāдирӣ (Мироукрашающая Надирова книга)*. Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, XIII).
- Мухаммед-Махди-хан — см. Махди-хан.
- Мухаммед-Садик Кашгари, извлеч. в пер. Салахетдиновой. — М. А. Салахетдинова, *Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и-ходжаган» как источник по истории киргизов*, — ИАН КиргССР, СОН, т. I, вып. 1 (История), 1959, стр. 93—125.
- Мухаммед-Хайдер. — *The Tariḫ-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlāt. A History of the Moghuls of Central Asia*. An English version ed., with commentary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895.
- Мухаммед-Хаким-хан. — Хаджи Мухаммед-Хаким-хан-торе, *Мунтахаб ат-тавирӯх*, рук. ИНА С 470 (574 agge).
- Мухаммед-Хаят-хан, пер. Пристли — *Afghanistan and its inhabitants*. Transl. from the *Hayat-i-Afghan* [sic! верно: Afghāni] of Muhammad Hayat Khan by H. Priestly, Lahore, 1874.
- Мухаммед Хусейни. — *Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte von dem Wesir Muḥammad b. Muḥammad b. Muḥammad b. 'Abdallah b. al-Nit,ām al-Ḥusaini al-Yazdi*. Zum ersten Male hrsg. und mit Anmerkungen, zwei Einleitungen und einem Anhang versehen von K. Süssheim, Leiden, 1909.
- Мухаммед-Юсуф Мунши. — Мухаммед Юсуф Мунши, *Муким-ханская история*. Пер. с гаджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семснова, Ташкент, 1956.
- Мушкетов, *Туркестан*. — И. В. Мушкетов, *Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г.*, т. I—II, СПб., 1886—1906; изд. 2-е: Пг., 1915.
- Мушриф. — Мирза Каландар Мушриф Исфараги, *Шāх-нāме [= Та'риḫ-и 'Омарх̄днӣ]*, рук. ИНА С 471 (574a^{bis} ggc).
- Мэн-да бэй-лу* — см. В. Васильев, *История и древности*.
- Мюллер. *История ислама*. — А. Мюллер, *История ислама с основания до новейших времен*, пер. с нем. под ред. Н. А. Медникова, т. I—IV, СПб., 1895—1896.
- Назаров, *Записки*. — [Ф. Назаров], *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах*, СПб., 1821.
- Наливкин, *История Кокандского ханства*. — В. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.
- Наливкин, *Положение вакуфного дела*. — В. П. Наливкин, *Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания*, — ЕФО, т. III, 1904, стр. 1—56.
- Наливкин, *Туземцы*. — В. П. Наливкин, *Туземцы раньше и теперь*, Ташкент, 1913.

- Наливкин и др., *Краткий обзор*. — [Наливкин, Усов, Вирский, Лапин, Вяткин], *Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области, с некоторыми указаниями на историческое прошлое*. — «Сборник материалов по мусульманству», т. I, СПб., 1899, стр. 3—47.
- Наливкин — Наливкина, *Очерк быта женщины*. — В. Наливкин и М. Наливкина, *Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы*, Казань, 1886.
- Народы Сибири*. — *Народы Сибири*, М., 1960 (Народы мира. Этнографические очерки).
- Народы Средней Азии*, I—II. — *Народы Средней Азии и Казахстана*, I—II, М., 1962—1963 (Народы мира. Этнографические очерки).
- Насир ад-дин-шах Каджар. — *سفر نامه شاهنشاه شهيد ايران ناصر* [6. г.] *لدین شاه، سفر سوم، بمبئی*.
- Негматов, *Усрушана*. — Н. Негматов, *Усрушана в древности и раннем средневековье*, Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LV).
- Нершахи, изд. Шефера. — *Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane*. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PELOV, IIIe sér., vol. XIII).
- Нершахи, пер. Лыкошина. — Мухаммад Наршахи, *История Бухары*. Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.
- Нершахи, пер. Фрая. — *The History of Bukhara*. Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954.
- Несеви, *Сйрат Джелаль ад-дйн*. — Mohammed en-Nesawi, *Histoire du sultan Djelat ed-Din Mankobirti prince du Kharezm*. [I], Texte arabe publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par O. Houdas, Paris, 1891; [II], Traduit de l'arabe par O. Houdas, Paris, 1895 (PELOV, IIIe sér., vol. IX—X).
- Низам ад-дин, Шами, изд. Тауэра. — *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnāma* par Nizāmuddīn Sāmī avec des additions empruntées au Zubdatu-t-tavārih-i Bāysunguri de Hāfiz-i Abrū. Édition critique par F. Tauer, t. I: *Texte persan du Zafarnāma*, Praha, 1937; t. II: *Introduction, commentaire, index* Praha, 1956 (MAOr, vol. V).
- Низам ал-мульк, изд. Шефера, — *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement*. Composé pour le sultan Melik-Chāh par le vizir Nizam oul-Mouk. *Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris, 1891 (PELOV, IIIe sér., vol. VII, 1e partie); *Supplément*, Paris, 1897 (PELOV, IIIe sér., vol. VII, 2e partie); *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PELOV, IIIe sér., vol. VIII).
- Низовья Аму-Дарьи. — *Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения*, М., 1960 (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3).
- Никитин, *Хождение за три моря*. — *Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг.* Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948 (Литературные памятники).
- Никольский, *Клинообразные надписи*. — М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, М., 1896 (МАК, V).
- Нияз-Мухаммед, *Та'рих-и Шахрухй*. — *Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы*. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.
- «Новые эпиграфические находки в Киргизии». — «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Сб. статей», Фрунзе, 1962.
- Нурджанов, *Таджикский народный театр*. — Н. Нурджанов, *Таджикский народный театр. По материалам Кулябской области*, М., 1956.
- Нуров, *Краткий обзор*. — Г. Нуров, *Краткий обзор основных исторических сведений о енисейских киргизах*, — ТИИ АН КиргССР, вып. I, Фрунзе, 1955, стр. 65—94.
- Нусрат-наме* — см. *Тавāрих-и гузиде-йи нусрат-наме*.

- Обзор источников по истории АзССР. — Обзор источников по истории АзССР, вып. I. Е. А. Пахомов, *Источники клинописные, греческие, римские (латино-язычные), византийские*, Баку, 1940; вып. II. Л. М. Меликсет-Бекон, *Источники грузинские*, Баку, 1939.
- Джари, извлеч. в пер. Катрмера. — Quatremère, *Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi memalek alamsar مسالك الابصار في مسالك الامصار Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. (Manuscrit arabe de la Bibliothèque du Roi, n° 583)*, — Notices et extraits, t. XIII, pt 1, 1838, pp. 151—384.
- Дранский, Введение. — И. М. Оранский, *Введение в иранскую филологию*, М., 1960.
- Дсыпов и др., *Афанасий Никитин*. — А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг, *Афанасий Никитин и его время*, М., 1951.
- Остроумов, *Воспоминания*. — [Н. Остроумов], *Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877—1811 гг.)*, Ташкент, 1899 (К истории народного образования в Туркестанском крае).
- Остроумов, *Исламоведение*. — Н. П. Остроумов, *Исламоведение. Введение в курс исламоведения*, Ташкент, 1914.
- Остроумов, *Колебания*. — Н. Остроумов, *Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. (Хронологическая справка)*, — «Кауфманский сборник», стр. 139—160.
- Остроумов, *Коран и прогресс*. — Н. П. Остроумов, *Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман*, Ташкент, 1901.
- Остроумов, *Мадрасы*. — Н. Остроумов, *Мадрасы в Туркестанском крае*, — ЖМНП, н. с., ч. VII, 1907, № 1, отд. 3, стр. 1—58.
- Остроумов, *Мусульманские мактабы*. — Н. Остроумов, *Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае*, — ЖМНП, н. с., ч. I, 1906, № 2, отд. 3, стр. 113—166.
- Остроумов, *Песня*. — Н. Остроумов, *Песня о Худояр Хане*, [текст и перевод (при участии Сатар-Хана)], — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 189—194.
- Остроумов, *Последние Шейхуль-Ислам и Қазы-Қалян*. — [Н. П. Остроумов], *Последние по времени Шейхуль-Ислам и Қазы-Қалян города Ташкента, братья Ай-Ходжа и Хаким-Ходжа* (сообщение Н. П. Остроумова), — ПТКЛА, год XX, [вып. 1], 1915, стр. 11—14.
- Остроумов, *Сарты*. — Н. П. Остроумов, *Сарты. Этнографические материалы*, Ташкент, вып. 1, 1890; вып. 2, *Народные сказки сартов*, 1892; вып. 3, *Пословицы и загадки сартов*, 1895; изд. 3-е, дополн. [= вып. 1]. Ташкент, 1908.
- Остроумов, *Sine ira et studio*. — Н. П. Остроумов, *Sine ira et studio*, — ТВ, 1909, № 15 (20.1/2.11).
- Отчет Семиреченского комитета. — *Отчет о деятельности Семиреченского областного комитета по оказанию помощи пострадавшему от землетрясения 22-го декабря 1910 года населению Семиреченской области*, Верный, 1912.
- Очерки истории Дагестана. — *Очерки истории Дагестана*, т. I—II, Махачкала, 1957.
- Очерки истории СССР. III—IX вв. — *Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.*, М., 1958.
- Ошанин, *Антропологический состав*. — Л. В. Ошанин, *Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа*, — «Труды ЮТАКЭ», т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 11—101.
- Ошанин, *Долихоцефалия у туркмен*. — Л. В. Ошанин, *Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования теории скифско-сарматского происхождения туркменского народа на краинологических и этнологических данных*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 131—182.
- Ошанин, *К гипотезе*. — Л. Ошанин, *Некоторые дополнительные данные к гипотезе*

- скифо-сарматского происхождения туркмен, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 85—97.
- Ошанин, *К проблеме*. — Л. В. Ошанин, *Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен*, — ИАН ТуркмССР, 1952, № 4, стр. 27—34.
- Пальмов, *Этюды*. — Н. Н. Пальмов, *Этюды по истории приволжских калмыков*, Астрахань, ч. I, XVII и XVIII века, 1926; ч. II, XVIII век, 1927; ч. III—IV, *Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам*, 1929; ч. V, *Дела земельные*, 1932.
- Пантусов, *Город Алмалык*. — Н. Пантусов, *Город Алмалык и Мазар Туглук-Тимурхана*, — «Кауфманский сборник», стр. 161—188.
- Пахомов, *Краткий курс истории Азербайджана*. — Е. А. Пахомов, *Краткий курс истории Азербайджана с прилож. экскурса по истории ширваншахов XI—XIV вв.* (Сокр. излож. лекций, чит. в Бак. Ин. Нар. образования в 1922/3 уч. году), Баку, 1923.
- Пахомов, *Пайтакаран — Байлакан*. — Е. А. Пахомов, *Пайтакаран — Байлакан — Орен-Кала*, — «Труды Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции», т. I. 1953—1955 (МИА, № 67), М.—Л., 1959, стр. 15—32.
- Пахомов, *Римская надпись*. — Е. А. Пахомов, *Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината*, — ИАН АзССР, 1949, № 1, стр. 79—88.
- Пашино, *Туркестанский край*. — П. И. Пашино, *Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки*. СПб., 1868.
- Пекарский, *Жизнь Рычкова*. — П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, СПб, 1867 (Сб. статей, читанных в ОРЯС, т. II, № 1).
- Петров, *К истории движения киргизов на Тянь-Шань*. — К. И. Петров, *К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.*, Фрунзе, 1961.
- Петров, *Очерки*. — К. И. Петров, *Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв.*, Фрунзе, 1961.
- Петровский, *Поездка*. — Н. Петровский, *Моя поездка в Бухару. Путевые наблюдения и заметки*, — «Вестник Европы», 1873, т. II стр. 209—248.
- Петрушевский, *Азербайджан в XVI—XVII веках*. — И. П. Петрушевский, *Азербайджан в XVI—XVII веках*, — ССИА, стр. 225—298.
- Петрушевский, *Государства Азербайджана*. — И. П. Петрушевский, *Государства Азербайджана в XV веке*, — ССИА, стр. 153—213.
- Петрушевский, *Земледелие*. — И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960.
- Петрушевский, *Очерки*. — И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.*, Л., 1949.
- Петрушевский, *Хамдаллах Казвини*. — И. П. Петрушевский, *Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья*, — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4, стр. 873—920.
- Пигулевская, *Византийская дипломатия*. — Н. В. Пигулевская, *Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.*, — ВВ, т. I (XXVI), 1947, стр. 184—214.
- Пигулевская, *Византия на путях в Индию*. — Н. Пигулевская, *Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв.*, М.—Л., 1951.
- Пигулевская и др., *История Ирана*. — Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий, *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*, Л., 1958.
- Пилявский, *Ургенч и Миздахкан*. — В. Пилявский, *Ургенч и Миздахкан*, М., 1948 (Сокровища зодчества народов СССР. Под общ. ред. В. Веснина и Д. Аркина).

- Пишель, *Будда*. — Р. Пишель, *Будда, его жизнь и учение*. Пер. с нем. под ред. Д. Н. Анучина, М., 1911.
- Плано Карпини, изд. Языкова. — *Собрание путешествий к татарам и другим восточным [sic.] народам, в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано Карпини. II. Асцелин*, изд. текста и пер. Д. Языкова, СПб., 1825.
- Платонов — Чечулин, С. М. *Середонин* — С. Платонов, Н. Чечулин, С. М. *Середонин (Некролог)*, — ЖМНП, н.с. ч. LIV, 1914, ноябрь, отд. 4, стр. 42—46.
- Позднеев, *К истории Зюнгарских Калмыков*. — А. Позднеев, *К истории Зюнгарских Калмыков*. Письмо к Н. И. Веселовскому по поводу издания «Посольства Унковского к Контайше 1722—1724 гг.», — в кн.: Унковский, *Посольство* (см.), стр. 239—264.
- Позднеев *Очерки быта*. — А. Позднеев, *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского оухоуенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу*, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. э.ногр., т. XVI).
- Покотилов, *История восточных монголов*. — Д. Покотилов, *История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам)*, СПб., 1893.
- Г. Покровский. *Преступность*. — Г. В. Покровский, *Преступность населения Ферганской области*. — СОФО, 1910 г., стр. 148—165.
- Покровский — Стогов, *Алайские аульные общества*. — Г. В. Покровский и Н. И. Стогов, *Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 году. Статистико-экономическое исследование*, Ташкент, 1913 (прилож. к СОФО за 1911 г.).
- М. Покровский, *Русская история*. — М. Н. Покровский, *Русская история с древнейших времен*, изд. 3-е, т. I—IV, М., 1920.
- Полиевктов, *Европейские путешественники*. — М. А. Полиевктов, *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис, 1935.
- Полиевктов, *Проект*. — М. А. Полиевктов, *Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа*, Тбилиси, 1937 (Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. IV).
- Поло, Марко — см. Марко Поло.
- А. И. Попов, *Буртасы*. — А. И. Попов, *Буртасы и мордва*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 105, серия востоковедческих наук, вып. 2, 1948, стр. 199—210.
- А. Н. Попов, *Сношения России с Хивой*. — А. Н. Попов, *Сношения России с Хивой и Бухарью при Петре Великом*, — ЗИРГО, кн. IX, 1853, стр. 237—424 [319—424 — приложения].
- Пославский, *О развалинах Термеза*. — И. Пославский, *О развалинах Термеза. (Путевой очерк)*, — «Средне-Азиатский вестник», 1896, декабрь, стр. 84—100.
- Поспелов, *Письма о пчеловодстве*. — Ф. Ф. Поспелов, *Письма о пчеловодстве в Катта-курганском уезде*, — СКСО, вып. IX, 1907, стр. 65—148.
- Потанин, *О караванной торговле*. — Г. Н. Потанин, *О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии*, — ЧОИДР, 1868, кн. 2 (апрель — июнь), отд. Смесь, стр. 21—113.
- Потанин, *Очерки*. — Г. Н. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению ИРГО*, вып. I—IV, СПб., 1881—1883.
- Потанин, *Сага*. — Г. Н. Потанин, *Сага о Соломоне. Восточные материалы к вопросу о происхождении саги*, Томск, 1912.
- Потапов, *Новые данные*. — Л. П. Потапов, *Новые данные о древнетюркском Ойкән*, — СВ, 1957, № 1, стр. 106—117.
- Потапов, *Очерки*. — Л. П. Потапов, *Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVIII—XIX вв.)*, Абакан, 1952.
- Потапов, *Происхождение*. — Л. П. Потапов, *Происхождение и формирование хакасской народности*, Абакан, 1957.

- Поярков, *Последний эпизод*. — Ф. Поярков, *Последний эпизод дунганского восстания*. (Маленькая страница из прошлой жизни Семиречья), — ПКСО, 1901, стр. 1—76 (разд. пар.).
- «Присоединение Азербайджана к России». — «Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры», сб. статей, Баку, 1955.
- Пугаченкова, *Мавзолей Араб-ата*. — Г. А. Пугаченкова, *Мавзолей Араб-ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX—X вв.)*, Ташкент, 1963 (Искусство зодчих Узбекистана, II).
- Равенди, извлеч. в изд. Шефера. — *Tableau du règne de Moïzz eddîn Aboul Harith, Sultan Sindjar*, par Mohammed ibn Aly Ravendy. Texte persan publié pour la première fois avec la traduction française, par. Ch. Schefer, — «Nouveaux mélanges orientaux», pp. 1—47.
- Равенди, изд. Икбалия. — *The Râhat-uş-Şudûr wa Ayat-us-Surûr, being a history of the Saljûqs* by Muḥammad Ibn 'Alî ibn Sulaymân ar-Râwandî. Ed. with notes, glossary and indices by Muḥammad Iqbâl, Leyden—London, 1921 (GMS NS, II).
- Равенди, турецк. пер. — *Тавâрих-и Âл-и Сельджук*, рук. ИНА D 166 (590 ба).
- Радлов, *А вопросу об уйгурах*. — В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах*. (Из предисловия к изданию *Кудатку-Билика*), СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII).
- Радлов, *Словарь*. — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV, СПб., 1893—1911.
- Радлов, *Ярлыки Токтамыша*. — В. Радлов, *Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга*, — ЭВРАО, т. III, 1889, стр. 1—40.
- Радлов — Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники*. — В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме*, СПб., 1897 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. IV).
- Рапопорт, *Об изображении*. — Ю. А. Рапопорт, *Об изображении на Бартытском блюде, найденном в 1951 г.*, — СА, 1962, № 2, стр. 50—60.
- Рафаэль дю Ман, изд. Шефера. — Raphaël du Mans, *Estat de la Perse en 1660*, publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, Paris, 1890 (PELOV, IIe sér., vol. XX).
- Рашид ад-дин, изд. Али-заде. — Фазлуллах Рашид-ад-дин, *Джами-ат-таварих (Сборник летописей)*; т. III. Составитель научно-критического текста на персидском языке А. А. Али-заде. Перевод с персидского языка А. К. Арендса, Баку, 1957.
- Рашид ад-дин, изд. Березина. — *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид-Эддина. [I]. Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского, с введением и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО, т. V; [то же] персидский текст, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); [II]. *История Чингиз-хана до восшествия его на престол*. Персидский текст, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); [III]. *История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины*. Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).
- Рашид ад-дин, изд. Блоше. — *Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fa'âl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par F. Blochet, t. II. *Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tehinkkiz Khaghan*, Leyden—London, 1911 (GMS, XVIII, 2).
- Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. I, пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. II, пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и

- Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960; т. III, пер. с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1946.
- Рашид ад-дин, рук. — Фазлаллах Рашид ад-дин, *Джами' ат-таварих*, рук. ИНА D 66 (а 566).
- Рейснер, *К вопросу об отставании*. — И. Рейснер, *К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени*. — ВИ, 1951, № 6, стр. 75—89.
- Ремпель. *Архитектурный орнамент*. — Л. И. Ремпель, *Архитектурный орнамент Узбекистана*, Ташкент, 1961.
- Ремпель, *Некрополь*. — Л. И. Ремпель, *Некрополь древнего Тараза*. — КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 102—110.
- Ренат, *Карта*. — *Carte de la Dzungarie dressée par le Suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733*. Édition de la Société Impériale Russe de Géographie, St.-Pbg., 1881.
- Риза-Кули-хан, *Раузаг ас-сафй'* — см. Мирхонд.
- Риттер — Григорьев. *Восточный Туркестан*. — К. Риттер, *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан*. Перевел, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, вып. I, Перевод и примечания; вып. II, Дополнения. Отдел I — историко-географический, СПб., 1869—1873.
- Рожановский, *Природа растительных остатков*. — С. Ю. Рожановский, *Природа растительных остатков из погребальных сооружений Ферганы первых веков нашей эры*. — «Труды Музея истории УзССР», вып. III, Ташкент, 1956, стр. 75—80.
- Рожевиц, *Поездка*. — Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.*, — ИИРГО, т. XLIV, 1909, стр. 593—652.
- Розен, *Василий Болгаробойца*. — Император *Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского*. Издал, перевел и объяснил В. В. Розен, СПб., 1883 (прилож. к ЗИАН, т. XLIV, № 1).
- Розен, ЗВОРАО, т. III [стр. 146—162]. — В. [Розен], [рец. на:] Alberuni's India... Edited in the Arabic original by Dr. E. Sachau. London 1887, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 146—162.
- Розен, *Образчик*. — В. [Розен], *Образчик персидского канцелярского слога 6-го века гиджры* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 153—194.
- Розен, *Пролегомена*. — В. Розен, *Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 39—73.
- Розен — Куник — см. Куник — Розен.
- Романовский, *Заметки*. — Д. И. Романовский, *Заметки по средне-азиатскому вопросу. С приложениями и картою Туркестанского генерал-губернаторства*, СПб., 1868.
- Ромодин, *Некоторые источники*. — В. А. Ромодин, *Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда*, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
- Ромодин — Кондратьев, *Опыт сопоставления сведений*. — В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев, *Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов*, — СВ, 1958, № 4, стр. 125—136.
- Росляков, *Краткий очерк*. — А. А. Росляков, *Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России)*, Ашхабад, 1956.
- Росляков, *Туркмены и огузы*. — А. А. Росляков, *Туркмены и огузы*, — «Уч. зап. Туркменского гос. ун-та», вып. 3, Баку, 1956, стр. 73—105.
- Ростиславов, *Очерк*. — М. Н. Ростиславов, *Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае*, — «Труды третьего междуна-

- ного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876», т. I, СПб., 1879—1880, стр. 327—359.
- Рубрук, изд. Мишеля — Райта. — *Itinerarium Willelmi de Rubruk*, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 213—396.
- Рудановский, *Сообщение в заседании ТКЛА*. — К. А. Рудановский, [Сообщение о циклопических постройках в Фергане], — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 233—235.
- Рудов, *Кидани*. — Л. Н. Рудов, *Кидани*, — «Дальний Восток. Сб. статей по филологии, истории, философии», М., 1961, стр. 158—172.
- Русско-киргизский словарь*. — *Русско-киргизский словарь*, изд. 2-е, Оренбург, 1899.
- Рыбаков, *Древние русы*. — Б. А. Рыбаков, *Древние русы*, — СА, т. XVII, 1953, стр. 23—104.
- Рыбаков, *Ремесло*. — Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, М., 1948.
- Рыбаков, *Русские земли*. — Б. А. Рыбаков, *Русские земли по карте Идриси 1154 года*, — ҚСИИМҚ, вып. XLIII, 1952, стр. 3—44.
- Са'алиби, *Иатйма*, извлеч. в пер. Барбье де Менара. — С. Barbier de Meynard, *Tableau littéraire du Khorassan et de la Transoxiane au IVe siècle de l'hégire*, — JA, sér. 5, t. I, pp. 169—239; t. III, pp. 291—361.
- Саввантов, *Описание*. — П. Саввантов, *Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской оружейной палаты*, СПб., 1865.
- Сам'ани, изд. Мар-олиуса. — *The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23,355 with an introduction by D. S. Margoliouth*, Leyden—London, 1912 (GMS, XX).
- Саами — см. Аб1 гл-Азим Саами.
- Самойлович, *Два отрывка*. — А. Самойлович, *Два отрывка из «Хорезм-намэ»*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 078—083.
- Самойлович, *Драматическая литература*. — А. Самойлович, *Драматическая литература сартов*, — «Вестн. Имп. Об-ва востоковедения», № 5, 1916, стр. 72—84.
- Самойлович, *Из туркменской старины*. — А. Н. Самойлович *Из туркменской старины*, — «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина», СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV), стр. 559—564.
- Самойлович, *К вопросу о сартах*. — А. Самойлович, *К вопросу о сартах* [по поводу кн.: Н. П. Остроумов, *Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк*, изд. 3, Ташкент, 1908], — «Живая старина», год XIX, 1910, вып. III, стр. 265—269.
- Самойлович *Материалы*, I, II—III. — А. Самойлович, *Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе*. I, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 01—030; II—III, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 127—154.
- Самойлович, *Мервские воспоминания*. — А. Н. Самойлович, *Из туркменской старины. II. Мервские воспоминания*, — «Живая старина», год XVIII, 1909, стр. 78—85; то же: отд. отт.
- Самойлович, *Один из списков*. — А. Самойлович, *Один из списков «Родословного древа туркменского» Абуль-гази-хана*, — ДАН-В, 1927, № 2, стр. 37—42.
- Самойлович, *Среди ставропольских туркменов*. — [А. Н. Самойлович], *Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар*. (Отчет о командировке в 1912 г. прив.-доц. А. Н. Самойловича), — ИРКСА, сер. II, № 2, 1913, стр. 54—74.
- Самойлович, *Три туркменских сказки*. — А. Самойлович, *Три туркменских сказки*. (В русском переводе), — «Кауфманский сборник», стр. 118—128.
- Санг-Мухаммед — см. *Та'рих-и Бадахшан*.
- Сейфи. — Сейфи, лейденская рук. № 917.

- Сейфи ал-Хереви. — *The Ta'rikh Nāma-i-Harāt (The History of Harāt)* of Sayf ibn Muḥammad ibn Ya'qūb al-Harawī. Ed. with introduction by Moḥammad Zubayr aṣ Ṣiddīqī, Calcutta, 1944.
- Семенов, *Из области религиозных верований*. — А. Семенов, *Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 523—561.
- Семенов, *История Шугнана*. — *История Шугнана*. С персидского перевел и примечаниями снабдил А. А. Семенов, — ПТКЛИА, год XXI, 1917, стр. 1—23.
- Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*. — А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сборник статей, посвященных истории и культуре периода формирования таджикского народа и его государственности (IX—X вв. н. э.), Сталинабад, 1954, стр. 3—11.
- Семенов, *Кауфман*. — А. Семенов, *Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман 1-й. (Материалы для биографического очерка)*, — «Кауфманский сборник», стр. III—LXXXIV.
- Семенов, *Мусульманский мистик*. — А. А. Семенов, *Мусульманский мистик и искатель Бога X—XI в. по Р. Х. (Страничка из великого прошлого Закаспийского края)*, Асхабад, 1905.
- Семенов, *Надписи на портале*. — А. Семенов, *Надписи на портале мечети в Мешед-и-Мисриан*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0154—0157.
- Семенов, *О происхождении и составе узбеков*. — А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII (МИТУСА, вып. I), Сталинабад, 1954, стр. 3—37.
- Семенов, *Очерк устройства*. — А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, Сталинабад, 1954 [ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXV (МИТУСА, вып. II)].
- Семенов, *Очерки*. — А. А. Семенов, *Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885 гг.) По архивным данным*, Ташкент, 1909 (отд. отт. из ТВ, 1909, № 83—168).
- Семенов, *Таджикские ученые*. — А. А. Семенов, *Таджикские ученые XI века н. э. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах*, — ДАН ТаджССР, Сталинабад, 1953, вып. VII, стр. 17—21.
- Семенов, *Шейбани-хан*. — А. А. Семенов, *Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII (МИТУСА, вып. I), Сталинабад, 1954, стр. 39—83.
- Семенов, *Шейх-Антаур*. — А. А. Семенов, *Ташкентский Шейх Хаванд-Тахур («Шейх-Антаур») и приписываемый ему «кулях»*, — ПТКЛИА, год XX, [вып. I], 1915, стр. 25—31.
- Сказание об Едигее*, изд. Мелиоранского. — *Сказание об Едигее и Токтамыше*. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, издал П. М. Мелиоранский, СПб, 1905 (ЗИРГО по отд. этногр., прилож. к г. XXIX).
- Скорняков, *Искусственное орошение*. — Е. Е. Скорняков, *Искусственное орошение в Азиатской России*, — в кн.: «Азиатская Россия», т. II, стр. 219—255.
- Слуцкий, *К вопросу*. — И. Слуцкий, *К вопросу об обложении податями населения Памира*, — «Средняя Азия», Ташкент, 1910 кн. II (февраль), стр. 95—98.
- А. Смирнов, *К вопросу о буртасах*. — А. П. Смирнов, *К вопросу о буртасах*, — ҚСИИМҚ, вып. XL, 1951, стр. 45—50.
- Е. Смирнов, *Дервишизм*. — Е. Т. Смирнов, *Дервишизм в Туркестане*, Ташкент, 1898 [отд. отт. из ТВ, 1898, № 55(26.VII/7.VIII), 56(30.VII/11.VIII), 57(2/14.VIII), 58(6/18.VIII)] то же: «Сборник материалов по мусульманству», под ред. В. И. Ярового-Равского, СПб., 1899, стр. 49—71.
- Н. Смирнов, *Мюридизм*. — Н. Смирнов, *Мюридизм на Кавказе*, М., 1963.
- Н. Смирнов, *Россия и Турция*. — Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I—II, М., 1946 (Уч. зап. МГУ, вып. 94).

- Л. Смирнова, *Язык „Та’рих-и Систан“*. — Л. П. Смирнова, *Язык „Та’рих-и Систан“ (грамматическое описание)*, Сталинабад, 1959 (ТИЯЛ АН ТаджССР, т. СХ, Исследования по исторической грамматике таджикского языка, вып. I).
- О. Смирнова, *К истории самаркандского договора*. — О. И. Смирнова, *К истории самаркандского договора 712 г.*, — КСИБ, вып. XXXVIII, 1960, стр. 69—79.
- «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» — см. СВР (выше, стр. 888).
- Советская археологическая литература* — см. ниже, стр. 947 («Библиографические пособия», Винберг).
- Соловьев, *История России*. — С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. I—VI (т. I—XXIX), изд. тов. «Обществ. польза», СПб., [б. г.].
- Спафарий, *Путешествие*. — *Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году*. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева, СПб., 1882 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 1).
- Спришевский, *Некоторые находки*. — В. И. Спришевский, *Некоторые находки из мухона в собрании Музея истории*, — «Труды Музея истории УзССР», вып. III, Ташкент, 1956, стр. 53—74.
- Ставиский, *Исторические сведения*. — Б. Я. Ставиский, *Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины. (До арабского завоевания)*, — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 79—93.
- Ставиский, *О международных связях*. — Б. Я. Ставиский, *О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. (в свете данных советской археологии)*, — ПВ, 1960, № 5, стр. 108—118.
- Ставиский, *О северных границах*. — Б. Я. Ставиский, *О северных границах Кушанского государства*, — ВДИ, 1961, № 1, стр. 108—114.
- Ставиский, *Основные этапы*. — Б. Я. Ставиский, *Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана)*, — «Материалы по отделению этнографии [Географич. об-ва СССР]», ч. I, Доклады за 1958—1961 гг., Л., 1961, стр. 38—49.
- Ставиский, *Оссуарии*. — Б. Я. Ставиский, *Оссуарии из Биз-Наймана*, — ТГЭ, т. V, Л., 1961, стр. 162—176.
- Ставиский и др., *Пянджикентский некрополь*. — Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мовчадская, *Пянджикентский некрополь*, — «Труды ТАЭ», т. II, 1948—1950 (МИА, № 37), М.—Л., 1953, стр. 64—98.
- Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати*. — Л. В. Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в.*, — «Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Сборник статей», Л., 1958, стр. 206—220.
- Струве, *Поход Дария*. — В. В. Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*, — ИАН СССР, СИФ, т. III, 1946, № 3, стр. 231—250.
- Сурхафсар — см. *Та’рих-и Бадахшан*.
- Сюань Цзан, пер. Жюльена. — *Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l’an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages des pèlerins bouddhistes. II—III)*.

Табақāt-и Нāсирī — см. Джузджани.

Табари. — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; Introductio, glossarium, addenda et emendanda, 1901; Indices, 1901.*

Табари, пер. Нельдеке. — *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus*

der arabischen Chronik des Tabari übers. und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

Тавәрих-и гузиде-йи нусрат-нәме. — *Тавәрих-и гузиде-йи нусрат-нәме*, рук. ИНА В 475 (590); рук. Брит. муз. Ог. 3222.

Талызин, *Пишпекский уезд.* — А. Талызин, *Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.)*, — ПКСО на 1898 г., т. II, стр. 25—41.

Та'рих-и арба' улус. — см. *Шаджарат ал-атрәк.*

Та'рих-и Бадахшән. — *Та'рих-и Бадахшән.* «История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев, Л., 1959 (ЛГУ, восточный факультет. Иранская филология, вып. I).

Та'рих-и Рашидӣ — см. Мухаммед-Хайдер.

Ташчян, *Средневековая Барда.* — Л. П. Ташчян, *Средневековая Барда в период расцвета.* — ИАН АзССР, 1946, № 9, стр. 52—61.

Терентьев, *История завоевания Средней Азии.* — М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I—III, СПб., 1906.

Терентьев, *Россия и Англия.* — М. А. Терентьев, *Россия и Англия в Средней Азии*, СПб., 1875.

И. Терентьев, *Сведения о Пишпекке.* — И. Терентьев, *Сведения о городе Пишпекке*, — ПКСО на 1898 г., т. II, стр. 21—24.

«Территория и население Бухары и Хорезма». — Сб. «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. 1, Бухара; ч. 2, Хорезм, Ташкент, 1926 (Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1—2).

Тизенгаузен, *В защиту Ибн-Фадлана.* — В. Тизенгаузен, *В защиту Ибн-Фадлана.* — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 024—032.

Тизенгаузен, *Заметка.* — В. Г. Тизенгаузен, [Заметка о следах древнего Итиля], — «Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869», т. I, М., 1871, стр. СXXXIX—CXL.

Тихомиров, *Присоединение Мерва.* — М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России*, М., 1960.

Товфік Кезма, *Оповідання* — см. Кезма Товфік.

Токарев, *Этнография народов СССР.* — С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958.

Толстов, *Города гузов.* — С. П. Толстов, *Города гузов (Историко-этнографические этюды)*, — СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102.

Толстов, *Древний Хорезм.* — С. П. Толстов, *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*, М., 1948.

Толстов, *Новогодний праздник.* — С. П. Толстов, *Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века. (В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни.* — СЭ, 1946, № 2, стр. 87—108.

Толстов, *Пережитки тотемизма.* — С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.* — ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 3—41.

Толстов, *По следам.* — С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М. — Л., 1948.

Толстов, *Работы ХАЭЭ 1949—1953 гг.* — С. П. Толстов, *Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.*, — «Труды ХАЭЭ», т. II, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1949—1953, М., 1958, стр. 7—258.

Толстов, *Хорезмийская генеалогия.* — С. П. Толстов, *Хорезмийская генеалогия Самуила Абы. (Еще раз к вопросу о каварах-хорезмийцах)*, — СЭ, 1947, № 1, стр. 104—107.

- «Тохарские языки». — «Тохарские языки». Сб. статей. Под ред. и с вступит. статьей В. В. Иванова, М., 1959.
- Тревер, *Кавказская Албания*. — К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э.*, М. — Л., 1959.
- Тревер, *Кушаны*. — К. В. Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. (К истории народов Средней Азии)*, — СА, т. XXI, 1954, стр. 131—147.
- Троицкая, *Из истории народного театра*. — А. Л. Троицкая, *Из истории народного театра и цирка в Узбекистане*, — СЭ, 1948, № 3, стр. 71—89.
- Троицкая, *Народный театр*. — А. Л. Троицкая, *Народный театр в Узбекистане* (докт. дисс.), Л., 1947.
- Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 300—303]. — А. Туманский, [рец. на:] Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского... С.-Петербург, 1894, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303.
- Туманский, *Новооткрытый персидский географ*. — А. Г. Туманский, *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 121—137.
- Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»*. — А. Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»*, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 269—272.
- Тумбиль, *Римская надпись*. — П. Х. Тумбиль, *Римская надпись I века н. э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кабристан)*, — ДАН АзССР, Баку, 1948, № 7, стр. 312—314.
- Тураев, *Классический Восток*. — Б. А. Тураев, *Классический Восток*. Посмертный труд под ред. и с прим. В. В. Струве и Н. Д. Флитгнер, I. *Введение*. Вавилон, Л., 1924.
- «Туркестанский календарь на 1904 г.» — «Туркестанский календарь на 1904 год». Под ред. В. В. Стратонова, Ташкент, 1904.
- Турчанинов, *Города*. — Н. В. Турчанинов, *Города Азиатской России*, — в кн.: «Азиатская Россия», т. I, стр. 285—360.
- ‘Убайдулла-нәме — см. Мухаммед-Амин-и Бухари.
- Удальцова, *Против идеализации*. — З. Удальцова, *Против идеализации гуннских завоеваний* [рец. на: А. Н. Бернштам, *Очерк истории гуннов*, Л., 1951], — журн. «Большевик», 1952, № 11, стр. 68—72.
- Умняков, В. В. *Бартольд*. — И. И. Умняков, В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности), — «Бюлл. САГУ», вып. 14, Ташкент, 1926, стр. 175—202.
- Унковский, *Посольство*. — *Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы*. Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 2).
- Усенбаев, *Общественно-экономические отношения*. — К. У. Усенбаев, *Общественно-экономические отношения киргизов в период Кокандского ханства (XIX век — до присоединения Киргизии к России)*, Фрунзе, 1961.
- Утби, рук. — Абу Наср ал-Утби, *Та’рих ал-Йаминий*, рук. ИНА С 342 (510).
- Утби — Манини. — شرح اليمينى المسمى بالفتح الوهيبى على تاريخ أبى نصر العتبى [القاهرة، 1268] [1869].
- Фазл-бек-хаджи Сурхафсар — см. *Та’рих-и Бадахшан*.
- Фалев, *Введение*. — [П. А. Фалев], *Введение в изучение тюркских литератур и наречий*. Лекции, читанные проф. П. А. Фалевым в 1921 г. в Туркестанском Восточном Институте, Ташкент, 1922.

- Федоров, *Моя служба*. — Г. П. Федоров, *Моя служба в Туркестанском крае*, — «Исторический вестник», т. СXXXIII, 1913, сентябрь, стр. 786—812; т. СXXXIV, 1913, октябрь, стр. 33—55; ноябрь, стр. 437—467; декабрь, стр. 860—893.
- Федченко, *Путешествие в Туркестан*. — *Путешествие в Туркестан* А. П. Федченко, совершенное от Имп. Общества Любителей Естественного знания по поручению Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана, СПб. — М., т. I, ч. II, *В Коканском ханстве*, 1875; т. II, *Зоогеографические исследования*, ч. I—VI, 1874—1887; т. III, *Ботанические исследования*, ч. I—II, 1876—1882; т. IV, *Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев*, 1888.
- Фрейман, *Датированные согдийские документы*. — А. А. Фрейман, *Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане*, — «Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г.» (ТИБАН, т. XVII), 1936, стр. 137—165.
- Фрейман, *Тохарский вопрос*. — А. А. Фрейман, *Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, 1952, стр. 123—135.
- Фрейман, *Хорезмийский язык*. — А. А. Фрейман, *Хорезмийский язык. Материалы и исследования*, I, М. — Л., 1951.
- Хаджи Халифа. — *كشف الظنون عن اسامي الكتب والفنون* *Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa Ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Ad codicum Vindobonensium, Parisiensium et Bero'inensis fidem primum edidit, latine vertit et commentario indicibusque instruxit G. Fluegel, t. I—VII, Leipzig—London, 1835—1858 (OTF).*
- Хайдер Рази, *Та'рих-и Хайдарӣ*. — Хайдер Рази, *Та'рих-и Хайдарӣ (Маджма' ат-тавйрӣ)*, рук. Берлинской б-ки № 418; рук. Брит. муз. Ор. 4508.
- Халиль аз-Захири. — *Khalil eḏ-Dāhiry, Zoubdat Kachf el-Mamālik. Tableau politique et administratif de l'Égypte, de la Syrie et du Hidjāz sous la domination des sultans Mamlūks du XIIIe au XVe siècle. Texte arabe, publié par P. Ravaisse, Paris, 1894 (PELOV, IIIe sér., vol. XVI).*
- Халфин, *Провал британской агрессии*. — Н. А. Халфин, *Провал британской агрессии в Афганистане*, М., 1959.
- Хамадани — см. Ибн ал-Факих.
- Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, изд. Ле Стрэнджа, I—II. — *The geographical part of the Nurhal-al-қulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mutawīf of Qazwīn in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange, Leyden—London, 1915; transl. by G. Le Strange, Leyden—London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).
- Хамдаллах Казвини, *Та'рих-и гузиде*, изд. Броуна. — *The Ta'rikkh-i-Guzida or "Select History" of Ḥamdu'llāh Mustawfi-i-Qazwīnī compiled in A. H. 730 (A. D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453) with an introduction by E. G. Browne. Vol. I, containing the text, Leyden—London, 1910 (GMS, XIV, 1).*
- Хамдаллах Казвини, *Та'рих-и гузиде*, пер. Броуна. — *The Ta'rikkh-i-Guzida or "Select History" of Ḥamdu'llāh Mustawfi-i-Qazwīnī compiled in A. H. 730 (A. D. 1330) and now abridged in English from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453) by E. G. Browne. with indices of the fac-simile text by R. A. Nicholson. Part [sic] II, containing the abridged translation and indices, Leyden—London, 1913 (GMS, XIV, 2).*
- Ханыков, *О некоторых арабских надписях*. — Н. Ханыков, *О некоторых арабских надписях в Дербенде и Баку*, — ЗРАО, т. IX, 1857, стр. 41—49; то же: ТВОРАО, ч. II, стр. 168—176.
- Ханыков, *О перемежающихся изменениях*. — Н. Х[аныков]. *О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря*, — ЗКОИРГО, кн. II, 1853, стр. 66—152.

- Ханыков, *Описание Бухарского ханства*. — Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.
- Хасан ал-Алкадари — см. Дагестани.
- Хафиз-и Абру, *Маджмӯ'а*, извлеч. в изд. Тауэра. — *Cinq opuscules de Hāfiz-i Abrū concernant l'histoire de l'Iran au temps de Tamerlan*. Édition critique par F. Tauer, Prague, 1959 [АОг, Supplementa, V (1959)].
- Хафиз-и Абру, рук. — Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290; оксфорд. рукописи Fraser 115, Elliot 422.
- Хачикян, *Несколько замечаний*. — Է. Հաչիկյան, գրողություն Մ. Խորենացու Հայոց պատմության երկրորդ գրքի Մ ք գլխի մասին. (Աղբրեղանով գտնված հին-լատինական արձանագրության անշուքյալը). [Л. Хачикян, *Несколько замечаний по поводу 54 главы второй книги «Истории Армении» М. Хоренского. (В связи с найденной в Азербайджане древнелатинской надписью)*], — ИАН АрмССР, обществ. науки, 1948, № 11, стр. 91—97.
- Хашаб, *Экономическое положение*. — А. Хашаб, *Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 153—184.
- Хвольсон, *Дополнения и поправки*. — Д. Хвольсон, *Дополнения и поправки к статьям «Несторианские надписи из Семиречья»*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 303—308.
- Хвольсон, *Предварительные заметки*. — [Д. Хвольсон], *Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 84—87.
- Хвостов, *История восточной торговли*. — М. Хвостов, *История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.)*, Казань, 1907 (Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи).
- Хвостов, *Очерки*. — М. Хвостов, *Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте*. Очерк I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте, — «Уч. зап. Имп. Казан. ун-та», 1912, кн. I, стр. 1—16; кн. II, стр. 17—32; кн. X, стр. 33—80; 1913, кн. VIII, стр. 81—112; кн. XI, стр. 113—160; 1914, кн. II, стр. 161—176; кн. III, стр. 177—208; кн. V, стр. 209—239; кн. VIII, стр. I—X, 241—264.
- Хивинское посольство*. — *Хивинское посольство в Индию в 1872 г.*, — ТВ, 1896, № 72 (26.IX/8.X).
- Хилаль ас-Саби, *Бузарә'*. — *The historical remains of Hilāl al-Sābi. First part of his Kitāb al-Wuzara (Gotha Ms. 1756) and fragments of his History 389—393 A. H. (B. M. Ms. add. 19360)*. Ed. with notes and glossary by H. F. Amedroz, Leyden, 1904.
- Хлопководство и хлопкоторговля*. — W., *Хлопководство и хлопкоторговля. (К хлопковому вопросу)*, — ТВ, 1897, № 6 (23.I); № 9 (2.II); № 11 (9.II); № 16 (2.III); № 17 (6.III).
- Ходжиев, *Ташкент*. — Э. Ходжиев, *Роль города Ташкента в развитии экономических и политических связей Средней Азии с Россией (конец XVIII — начало XIX века)*. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1962.
- Хорезми, *Китāб сӯрат ал-ард*. — *Das Kitāb sūrat al-ard des Abū Ga'far Muḥammad Ibn Mūsā al-Ḥuwārizmī*. Hrsg. nach dem handschriftlichen Unikum der Bibliothéque de l'Université et régionale in Strassburg (cod. 4247) von H. v. Mžik, Leipzig, 1926 (Bibliothek arabischer Historiker und Geographen hrsg. von H. v. Mžik, Bd III).
- Худӯд ал-'āлам*. — *Худӯд ал-'āлем. Рукопись Туманского*. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
- Худӯд ал-'āлам*, пер. Минорского. — *Ḥudūd al-Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography circa 372 A. H. — 982 A. D.* Transl. and explained by V. Mi-

- norsky. With the preface by V. V. Barthold (+ 1930) transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).
- Худяков, *Очерки*. — М. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923.
- Хулд-и барйн. — Хулд-и барйн, рук. собр. Броуна [Browne Coll. G. 14(15): см. Storey, *Persian Literature*, vol. I, section II, fasc. 1, p. 131].
- Хусейни — см. Абд ар-Рахман.
- Цветков, *Исламизм*. — П. Цветков, *Исламизм*, т. I. *Мухаммед и Коран*; т. II. *Вера ислама*; т. III. *Практические обязанности исламизма*; т. IV. *Ислам и его секты*, Асхабад, 1912—1913.
- Цибузгин — Шмаков, *Заметка*. — В. Цибузгин и А. Шмаков, *Заметка о жизни дунган селения Каракунз, Пишпекского уезда, Семиреченской области*, — «Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. ИРГО», вып. IV, 1909, стр. 1—23 (разд. паг.).
- Чайковский, *Далекое прошлое*. — [А. Чайковский], *Далекое прошлое Туркестана*, СПб., 1896.
- Чайковский, *Родина народов*. — А. Чайковский, *Родина народов арийской расы, где она была и отчего покинута. (Материалы к историко-географическому исследованию арийской проблемы)*, М., 1914.
- Чайковский, *Туркестан*. — [А. Чайковский], *Туркестан и его река по Библии и Геродоту. (По поводу Аму-Дарьинского вопроса)*, Владимир, 1884.
- Чан-чунь, пер. Кафарова. — *Си ю цзи, или описание путешествия на запад*. [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 259—436.
- Чжао Юй-гуа, пер. Хирта — Рокхилла. — *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arabe Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chu-fan-chi*, transl. from the Chinese and annotated by F. Hirth and W. W. Rockhill, St.-Pbg., 1911.
- Чжу Кэ-чжэн, *Вклад китайских ученых*. — Чжу Кэ-чжэн, *Вклад китайских ученых в астрономию в древние и средние века*, — «Природа», 1953, № 10, стр. 66—75.
- Чуйская долина. — *Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». 1938—1941*. Сост. под руков. А. Н. Бернштама, М.—Л., 1950 (МИА, № 14).
- Шаджарат ал-атра́к, пер. Майлса. — *The Shajrat ul-Atrak, or genealogical tree of the Turks and Tatars*; transl. and abridged by Col. Miles, London, 1838.
- Шаджарат ал-атра́к, рук. — Шаджарат ал-атра́к, рук. Брит. муз. Or. 8106; рук. Брит. муз. Add. 26190.
- Шаниязов, *Из истории*. — К. Шаниязов, *Из истории расселения племени карлуков*, — «Сб. работ аспирантов Отделения обществ. наук Академии наук УзССР», вып. II, Ташкент, 1958, стр. 223—259.
- Шахматов, *Введение*. — А. А. Шахматов, *Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий*, Пг., 1916.
- Шахматов, *Древнейшие судьбы*. — А. А. Шахматов, *Древнейшие судьбы русского племени*, Пг., 1919.
- Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд. — *The Zafarnámah by Mauláná Sharfuddín [sic] 'Ali of Jazd. Ed... by Maulawí Muḥammad Iahdád*, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888.
- Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа. — *Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols et Tartares. Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Jezd, Auteur contemporain. Traduite en François par feu M. Petis de la Croix... Avec des Notes Historiques, & des Cartes Géographiques*, t. I—IV, Delf, 1723.

- Шериф ад-дин Йезди, рук. — см. *Мукаддама-йи Зафар-наме*.
- Шерр, *Всеобщая история литературы*. — И. Шерр, *Всеобщая история литературы*, пер. с нем. под ред. Пыпина, т. I—II, СПб., 1863.
- Шерстобитов и др., *Очерк*. — В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник, *Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг.)*, Фрунзе, 1961.
- Шишов, *Таджики*. — А. Шишов, *Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование*, — «Средняя Азия», 1910, кн. XI, стр. 39—69; кн. XII, стр. 47—63; 1911, кн. I, стр. 5—30; кн. II, стр. 5—45; кн. III, стр. 37—60; кн. IV, стр. 5—36; кн. V, стр. 5—46; кн. VI, стр. 16—45; кн. VIII, стр. 51—80; кн. XI, стр. 43—63; кн. XII, стр. 91—121.
- Шкапский, *Аму-дарьинские очерки*. — О. Шкапский, *Аму-дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-дарье*, Ташкент, 1900.
- Щеблыкин, *К истории*. — И. П. Щеблыкин, *К истории мавзолея на могиле Низами*, — Изв. АзФАН, Баку, 1942, № 5, стр. 29—34.
- Щеблыкин, *Памятники*. — И. П. Щеблыкин, *Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами (Материалы)*, Баку, 1943.
- Щербак, *Огуз-наме*. — А. М. Щербак, *Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнейгузурской и староузбекской письменности*, М., 1959.
- Эфендиев, *Образование государства Сефевидов*. — О. А. Эфендиев, *Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века*, Баку, 1961.
- Юань-ши, пер. Бичурина. — *История перых четырех ханов из дома Чингисова*, переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829.
- Юсуф Баласагунский — см. *Кутаду билик*.
- Яворский, *Путешествие*. — [И. Л. Яворский], *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.* Из дневников члена посольства д-ра И. Л. Яворского, т. I—II, СПб., 1882—1883.
- Я'куби, *Kitāb al-buldān*. — *Kitāb al-a'lāk an-nafisa VII* auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitāb al-boldān* auctore Ahmed ibn abī Jakūb ibn Wādhih al-Kātib al-Jakūbī, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Я'куби — стр. 231—373].
- Я'куби, *Ta'rīḫ*. — Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī, *Historiae*. Ed. M. Th. Houtsma, pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883.
- Якубовский, *Вопросы этногенеза туркмен*. — А. Ю. Якубовский, *Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв.*, — СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54.
- Якубовский, *Восстание Муканны*. — А. Ю. Якубовский, *Восстание Муканны — движение людей в «белых одеждах»*, — СВ, т. V, 1948, стр. 35—54.
- Якубовский, *Ибн-Мискавейх*. — А. Якубовский, *Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.=943/4 г.*, — ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 63—92.
- Якубовский, *Из истории изучения монголов*. — А. Ю. Якубовский, *Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.*, — «Очерки по истории русского востоковедения», [вып. I], М., 1953, стр. 31—95.
- Якубовский, *К вопросу о промышленности*. — А. Ю. Якубовский, *К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке*, Л., 1931 (ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3).
- Якубовский, *К вопросу о топографии*. — А. Ю. Якубовский, *К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках*, — СА, т. X, 1948, стр. 255—270.

- Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях*. — А. Ю. Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.*, — ИАН СССР, СИФ, т. III, 1946, № 5, стр. 461—472.
- Якубовский, Павел Петрович Иванов. — А. Ю. Якубовский, *Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии*, — СВ, т. V, 1948, стр. 313—320.
- Якубовский, *Проблема*. — А. Ю. Якубовский, *Проблема социальной истории Востока в трудах академика В. В. Бартольда*, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.
- Якубовский, *Развалины Ургенча*. — А. Ю. Якубовский, *Развалины Ургенча*, Л., 1930 (ИГАИМК, т. VI, вып. 2).
- Якубовский, *Тимур*. — А. Якубовский, *Тимур (Опыт краткой характеристики)*, — ВИ, 1946, № 8—9, стр. 42—74.
- Якут, *Му'джам*. — *Yacut's geographisches Wörterbuch*, aus den Handschriften zu Berlin. St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.
- Ямпольский, *К римской надписи*. — З. И. Ямпольский, *К римской надписи в Азербайджане*, — ИАН АзССР, 1949, № 1, стр. 89.
- Янковский, *Обзор торговли*. — И. Янковский, *Общий обзор торговли в Наманганском уезде*, — СОФО, 1911 г., стр. 62—72.
- Яхья Антиохийский. — Eutychii patriarchae Alexandrini *Annales*. Pars posterior, accedunt *Annales* Jahia Ibn Saïd Antiochensis. Conjuncta opera ediderunt L. Cheikhov, B. Carra de Vaux, H. Zayyat, Beryti — Parisiis, 1909 (Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores arabici, series III, t. VII).
- Arendt, *Synchronistische Regententabellen*, I—III. — C. Arendt, *Synchronistische Regententabellen zur Geschichte der chinesischen Dynastien*, — MSOS, Abt. 1, Jg. II, 1899, S. 152—250; Jg. III, 1900, S. 1—164; Jg. IV, 1901, S. 114—170.
- Babinger, *Die Geschichtsschreiber*. — F. Babinger, *Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke*. Mit einem Anhang: *Osmanische Zeitrechnungen* von J. Mayr, Leipzig, 1927.
- Bailey, *Languages of the Saka*. — H. W. Bailey, *Languages of the Saka*, — HOR, Abt. 1, Bd IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik, Leiden — Köln, 1958, S. 131—154.
- Bănescu, *Seigneurie de Théodoro-Mangoup*. — N. Bănescu, *Contribution à l'histoire de la seigneurie de Théodoro-Mangoup en Crimée*, — BZ, Bd XXXV, 1935, S. 20—37.
- Barbier de Meynard, *Tableau littéraire* — см. Са'алиби, *Яа'ума*.
- Barthold, *Alkhāz*. — W. Barthold, *Atkhāz*, — EI, I, S. 74—76. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 861—865].
- Barthold, *Allān*. — W. Barthold, *Allān*, — EI, I, S. 327—328. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 866—867.]
- Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*. — W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—29 (разд. пар.). [Наст. изд. т. V.]
- Barthold, *Amū-Daryā*. — W. Barthold, *Amū-Daryā*, — EI, I, S. 356—359. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Arrān*. — W. Barthold, *Arrān*, — EI, I, S. 478—479. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Bughra Khan*. — [W.] Barthold, *The Bughra Khan mentioned in the Qudatqu Bilik*, — BSOS, vol. III, pt 1, 1923, pp. 151—158. [Наст. изд., т. V.]
- Barthold, *Bulghār*. — W. Barthold, *Bulghār*, — EI, I, S. 819—825. [Наст. изд., т. V.]
- Barthold, *Burjās*. — W. Barthold, *Burjās*, — EI, I, S. 835. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 868—869.]
- Barthold, *Čaghatai Khān*. — W. Barthold, *Čaghatai Khān*, — EI, I, S. 846—849. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]

- Barthold, *Daghestan*. — W. Barthold, *Daghestan*, — EI, I, S. 924—929. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Derbend*. — W. Barthold, *Derbend*, — EI, I, S. 979—985. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Early Persian poetry*. — W. Barthold, *To the question of early Persian poetry*, — BSOS, vol. II, pt 4, 1922, pp. 836—838. [Наст. изд. т. VII.]
- Barthold, *Ein Denkmal*. — W. Barthold, *Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien*, — AM, vol. XI, 1925, pp. 125—129. [Наст. изд., т. V.]
- Barthold, *Four studies*. — V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*. Transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, vol. I [A short history of Turkestan History of the Semirechye], Leiden, 1956; vol. II, *Ulugh-beg*, Leiden, 1958; vol. III, *Mir-'Alī-Shūr. A history of the Turkman people*, Leiden, 1962.
- Barthold, *Hāfiz-i Abrū*. — W. Barthold, *Hāfiz-i Abrū*, — EI, II, S. 225—226. [Наст. изд., т. VIII.]
- Barthold, *Die historische Bedeutung*. — W. Barthold, *Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge, St.-Pbg., 1897, S. 1—36 (разд. пар.).
- Barthold, *History of the Semirechye* — см. Barthold, *Four studies*, vol. I, pp. 73—171.
- Barthold, *A history of the Turkman people* — см. Barthold, *Four studies*, vol. III, pp. 73—170.
- Barthold, *Ibn Faḍlān*. — W. Barthold, *Ibn Faḍlān*, — EI, II, S. 398. [Наст. изд., т. VIII.]
- Barthold, *Ilkhāne*. — W. Barthold, *Ilkhāne*, — EI, II, S. 499—500. [Наст. изд., т. VII.]
- Barthold, *Ilutmyš*. — W. Barthold, *Ilutmyš*, — ZDMG, Bd LXI, 1907, S. 192—193.
- Barthold, *Khaladj*. — W. Barthold, *Khaladj*, — EI, II, S. 939. [Наст. изд. т. III.]
- Barthold, *Khokand*. — W. Barthold, *Khokand*, — EI, II, S. 1035—1037. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Khwārizm*. — W. Barthold, *Khwārizm*, — EI, II, S. 974—978. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Sart*. — W. Barthold, *Sart*, — EI, IV, S. 187—188. [Наст. изд., т. II, ч. 2.]
- Barthold, *Shāmil*. — W. Barthold, *Shāmil*, — EI, IV, S. 329—330. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 873—874.]
- Barthold, *Shirwān*. — W. Barthold, *Shirwān*, — EI, IV, S. 412—413. [Наст. изд., т. III.]
- Barthold, *Shirwānshāh*. — W. Barthold, *Shirwānshāh*, — EI, IV, S. 413—415. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 875—878.]
- Barthold, *A short history of Turkestan* — см. Barthold, *Four studies*, vol. I, pp. 1—72.
- Barthold, *Slawen*. — W. Barthold, *Slawen*, — EI, IV, S. 505—506. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 870—872.]
- Barthold, *Tādjik*. — W. Barthold, *Tādjik*, — EI, IV, S. 647—648. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 469—470.]
- Barthold, *12 Vorlesungen*. — W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*. Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel, Berlin, 1935 (Beiband zu WI, Bd 14—17, 1932—1935). [Наст. изд., т. V.]
- Basiner, *Reise*. — T. F. J. Basiner, *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa*, St.-Pbg., 1848 (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens... hrsg. von K. E. v. Baer und G. v. Helmersen, Folge I, Bd XV).
- Becker, *al-Bahnasā*. — C. H. Becker, *al-Bahnasā*, — EI, I, S. 601.
- Becker, *Dabīk*. — C. H. Becker, *Dabīk*, — EI, I, S. 922.
- Becker, *Dibādīj*. — C. H. Becker, *Dibādīj*, — EI, I, S. 1008.
- Becker, *Egypten*. — C. H. Becker, *Egypten*, — EI, II, S. 4—24.
- Bellan, *Chah 'Abbas I*. — L. L. Bellan, *Chah 'Abbas I. Sa vie, son histoire*, Paris, 1932 (Les grandes figures de l'orient, t. III).
- Bellew, *General report*. — H. W. Bellew, *A general report on the Jusufzais*, in six chapters, with a map, Calcutta, 1864.
- Biberstein-Kazimirski, *Menoutchehri* — см. Менучехри.
- Blochét, *Catalogue BN*. — E. Blochét, *Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque Nationale*, t. I—IV, Paris, 1905—1912.

- Bretschneider, *Researches*. — E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d ed.: 1910.
- Brockelmann, GAL. — C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd I—II, Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942; Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.
- Brockelmann, *al-Kalbī*. — [C.] Brockelmann, *al-Kalbī*, — EI, II, S. 737—738.
- Brosset, *Histoire de la Géorgie*. — *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle*, traduit du géorgien par M. Brosset, pt. I, *Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J. C.*, St.-Pbg., 1849; pt. II, *Histoire moderne*, livr. I—II, St.-Pbg., 1856—1857; *Additions et éclaircissements*, St.-Pbg., 1851.
- Browne, *A Literary History*. — E. G. Browne, *A Literary History of Persia*, vol. I. *From the Earliest Times until Firdawsī*, Cambridge, 1902; vol. II. *From Firdawsī to Sa'dī*, Cambridge, 1906; [vol. III]. *A History of Persian Literature under Tartar Dominion (A. D. 1265—1502)*, Cambridge, 1920; [vol. IV]. *A History of Persian Literature in modern times (A. D. 1500—1924)*, Cambridge, 1924.
- Cahen, JA, t. CCXLII. — Cl. Cahen, *À propos de quelques articles du Köprülü Armağanı*, — JA, t. CCXLII, 1954, pp. 271—283.
- Chavannes, *Documents*. — *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés* par Ed. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI).
- Chavannes, *Voyageurs chinois*, pt. I—II. — E. Chavannes, *Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen*, pt. I, — JA, sér. 9, t. IX, 1897, pp. 377—442; pt. II, — JA, sér. 9, t. XI, pp. 361—439.
- Chavannes — Pelliot, *Un traité*, I—II. — *Un traité Manichéen retrouvé en Chine*, traduit et annoté par Éd. Chavannes et P. Pelliot, pt. I, — JA, sér. 10, t. XVIII, 1911, pp. 499—617; pt. II, — JA, sér. 11, t. I, 1913, pp. 99—199, 261—394; то же: отд. отт., pt. I—II, Paris, 1911—1913 [I—pp. 1—121, II—pp. 123—360].
- Christensen, *L'empire*. — A. Christensen, *L'empire des Sassanides. Le peuple, l'état, la cour*, København, 1907 (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter, 7. Række, historisk og filosofisk Afdeling, I, № 1).
- Chwolson, *Grabinschriften*. — *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*. Hrsg. und erklärt von D. Chwolson, Neue Folge, St.-Pbg., 1897.
- Conolly, *Notes*. — E. Conolly, *Notes on the Eusofzye tribes of Afghanistan*, — JASB, vol. IX, 1840, pt II, pp. 924—937.
- Corpus script. hist. Byz., pars I. — Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Editio emendatio et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii instituta, opera eiusdem Niebuhrii, Imm. Bekkeri, L. Schopeni, G. et L. Dindorfiorum aliorumque philologorum parata. Pars I. Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri historiarum, quae supersunt. E recensione Imm. Bekkeri et B. G. Niebuhrii cum versione latina per io. clasenum emendata..., Bonnae, 1829.
- Cour, *al-Bakri*. — A. Cour, *al-Bakri*, — EI, I, S. 631—632.
- Cureton, *Spicilegium Syriacum*. — *Spicilegium Syriacum: containing remains of Bardesan, Meliton, Ambrose and Mara Bar Serapion*. New first edited, with an English translation and notes, by W. Cureton, London, 1855 (OTF, № 68).
- Deguignes, *Histoire générale des Huns*. — J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux*, t. I—IV, Paris, 1756—1758.
- Diez, *Denkwürdigkeiten*. — H. F. Diez, *Denkwürdigkeiten von Asien in Künsten und Wissenschaften, Sitten, Gebräuchen, Alterthümern, Religion und Regierungsverfassung*

- aus Handschriften und eigenen Erfahrungen gesammelt, T. I—II, Berlin, 1811—1815.
- Djalair*. — *Djalair*, — EI, I, S. 1046.
- Dja.äl al-Din Manguberti*. — *Djaläl al-Din Manguberti*, — EI, I, S. 1047—1048.
- Dorn, *Beiträge*. — B. Dorn, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen. I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe*, — «Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Petersbourg», VI-e sér., sciences politiques, histoire, philologie, t. IV, livr. 6, 1841, pp. 523—602.
- Dorn, *Bericht*. — B. Dorn, *Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres*, — «Bull. de l'Acad. imp. de sciences de St.-Petersbourg», t. IV, 1862, pp. 344—393; то же: *Mél. As.*, t. IV, livr. 4, 1862, pp. 429—500.
- Dorn, *Caspia*. — B. Dorn, *Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan nebst Zugaben über andere von ihnen auf dem Kaspischen Meere und in den anliegenden Ländern ausgeführte Unternehmungen*, St.-Pbg., 1875 («Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Petersbourg», VII-e sér., t. XXIII, № 1).
- Dorn, *Collection*. — *Collection de monnaies Sassanides de feu le lieutenant-général J. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables*. Publiée par B. Dorn, St.-Pbg., 1873; 2e éd.: 1875.
- Dorn, *Geographica caucasica*. — B. Dorn, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. V. Geographica*, enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy, — «Mémoires de l'Acad. imp. de sciences de St.-Petersbourg», VI-e sér., sciences politiques, histoire, philologie, t. VII, 1848, pp. 465—569; Nachtrag — pp. 654—658.
- Dorn, *Die Geschichte Tabaristan's*. — *Die Geschichte Tabaristan's und der Serbedare nach Chondemir*. Persisch und deutsch von B. Dorn, — «Mémoires de l'Acad. imp. de sciences de St.-Petersbourg», VI-e sér., sciences politiques, histoire, philologie, t. VIII, 1855, pp. 1—182; то же: отд. отт., St.-Pbg., 1850.
- Dorn, *Muhammedanische Quellen*. — *Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres*, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn, Bd I—IV, St.-Pbg., 1850—1858.
- Dorn, *Reise*. — B. Dorn, *Bemerkungen auf Anlass einer wissenschaftlichen Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres in den Jahren 1860—1861. I. Reise nach Mazanderan im Jahre 1860*, Abschnitt I, St.-Pbg. — Aschref, 1895.
- Dostojewskij, *Barthold*. — M. Dostojewskij, *W. Barthold zum Gedächtnis. Versuch einer Charakteristik*, — WI, Bd XII, 1931, № 3, S. 89—136.
- Dozy, *Recherches*. — R. Dozy, *Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age*. 3-e éd., revue et augmentée, t. I—II, Paris—Leyde, 1881.
- E. D., RCHL, t. XLVII. — E.D., [рец. на:] F. H. Skrine et E. Denison Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times*. London. 1899, — RCHL, n. s., t. XLVII, 1899, № 33, pp. 121—122.
- Eichwald, *Reise*. — E. Eichwald, *Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826*, Bd I, Abt. 1, Stuttgart und Tübingen, 1834; Abt. 2, Stuttgart, 1837; Bd II, Berlin, 1838.
- Elliot, *The History of India*. — H. M. Elliot, *The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period*, vol. I—VIII, London, 1867—1877.
- Enoki, *Nationality*. — K. Enoki, *On the nationality of the Ephthalites*, — «Memoirs of Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library)», № 18, Tokyo, 1959, pp. 1—58.

- Enoki, *Sogdiana*. — K. Enoki, *Sogdiana and Hsiung-nu*, — CAJ, vol. I, № 1, 1955, pp. 43—62.
- Erckert, *Der Kaukasus*. — R. v. Erckert, *Der Kaukasus und seine Völker*, Leipzig, 1887.
- Ethé, *Neupersische Litteratur*. — H. Ethé, *Neupersische Litteratur*, — GIPh, Bd II, S. 212—370.
- Flügel, *Handschriften*. — G. Flügel, *Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien*, Bd I—III, Wien, 1865—1867.
- Flügel, *Mani*. — *Mani, seine Lehre und seine Schriften. Ein Beitrag zur Geschichte des Manichäismus*. Aus dem Fihrist des Abül'faradsch Muḥammad ben Išāq al-Warrāq, bekannt unter dem Namen Ibn Abi Ja'kūb an-Nadīm, im Text nebst Uebersetzung, Commentar und Index zum ersten Mal hrsg. von G. Flügel, Leipzig, 1862.
- Fragmenta*. — *Fragmenta historicorum arabicorum. T. I, continens partem tertiam operis Kitābo 'l-Oyun wa 'l-hadāik fi akhbāri 'l-hakāik*, quem ediderunt M. J. de Goeje et P. de Jong; t. II, *continens partem sextam operis Tadjārībo 'l-Omami*, auctore Ibn Maskowaih, cum indicibus et glossario, quem edidit M. J. de Goeje, Lugduni Bataworum, 1869—1871.
- Fraser, *Khorasan*. — J. B. Fraser, *Narrative of a journey into Khorasān, in the years 1821 and 1822. Including some account of the countries to the north-east of Persia; with remarks upon the national character, government, and resources of that Kingdom*, London, 1825.
- Geiger, *Kleinere Dialekte*. — W. Geiger, *Kleinere Dialekte und Dialektgruppen*, — GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 287—423.
- Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*. — R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*, Le Caire, 1948 (MIFAO, t. LXXX).
- de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*. — M. J. de Goeje, *Das alte Bett des Oxus Amū-Darja*, Leyden, 1875.
- Grégoire, *Le «Glozel» khazare*. — H. G[régoire], *Le «Glozel» khazare*, — «Byzantion», t. XII, fasc. 1 et 2, 1937, pp. 225—266.
- de Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit*. — *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*. I. T. Übers. und erläutert von J. J. M. de Groot, Berlin — Leipzig, 1921.
- Hambis, *Notes sur Kām*. — L. Hambis, *Notes sur Kām, nom de l'Yénissei supérieur*, — JA, t. CCXLIV, 1956, pp. 281—300.
- Hamilton, *Autour du manuscrit*. — J. Hamilton, *Autour du manuscrit Stäel-Holstein*, — «T'oung Pao», vol. XLVI, 1958, pp. 115—153.
- Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*. — J. v. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches, grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven*, Bd I—X, Pest, 1827—1835.
- Hammer, *Sur les origines russes*. — J. de Hammer, *Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux*, St.-Pbg., 1827.
- Hanway, *British trade*. — J. Hanway, *An historical account of the British trade over the Caspian sea: with the author's journal of travels from England through Russia into Persia; and back through Russia, Germany and Holland. To which are added, The revolutions of Persia during the present century, with the particular history of the great usurper Nadir Kouli*, 2d ed., revised and corrected, vol. I—II, London, 1754.
- Harkavy, *Altjüdische Denkmäler*. — *Altjüdische Denkmäler aus der Krim*, mitgetheilt vom A. Firkowitsch (1839—1872) und geprüft von A. Harkavy, St.-Pbg., 1877 («Mémoires de l'Acad. imp. de sciences de St.-Petersbourg», VII-e sér., t. XXIV, № 1).

- Henning, *The date*. — W. B. Henning, *The date of the Sogdian Ancient Letters*, — BSOAS, vol. XII, pt 3-4 (Oriental and African Studies presented to Lionel David Barnett by his colleagues, past and present), 1948, pp. 601—615.
- Henning, *Mitteliranisch*. — W. B. Henning, *Mitteliranisch*, — HOR, Abt. I, Bd IV, Iranistik, Abschnitt I, Linguistik, Leiden—Köln, 1958, S. 20—130.
- d'Herbelot, *Bibliothèque orientale*. — [B.] d'Herbelot, *Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement Tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient...*, Paris, 1697.
- Herrmann, *Kaspisches Meer*. — [A.] Herrmann, *Kaspisches Meer*, — PW, Bd X, Halbband II, 1919, S. 2275—2290.
- Herzfeld — см. Sarre — Herzfeld.
- Hinz, *Masse und Gewichte*. — W. Hinz, *Islamische Masse und Gewichte umgerechnet ins metrische System*, Leiden, 1955 (HOR, Ergänzungsband 1, H. 1).
- Hinz, *Quellenstudien*. — W. Hinz, *Quellenstudien zur Geschichte der Timuriden*, — ZDMG, Bd 90 (N. F., Bd 15), 1936, S. 357—398.
- Hirth, *Aus der Ethnographie*. — F. Hirth, *Aus der Ethnographie des Tschau Ju-Kua*, — SBAW München, Bd I, 1898, S. 487—516.
- Hirth, *Nachworte*. — F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—140 (разд. пар.).
- Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen*. — F. Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu*, — SBAW München, Bd II, 1899, S. 245—278.
- Histoire de la vie de Hiouen-thsang* — см. *Жизнеописание Сюань Цзана*.
- Honda — Ceadel, *A survey*. — M. Honda and E. B. Ceadel, *A survey of Japanese contributions to Manchurian studies*, — AM, n. s., vol. V, pt I, pp. 59—105.
- Horn, *Geschichte Irans*. — P. Horn, *Geschichte Irans in islamitischer Zeit*, — GIPh, Bd II, S. 551—604.
- Horn, *Neupersische Schriftsprache*. — P. Horn, *Neupersische Schriftsprache*, — GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 1—200.
- Horowitz, *Indian literature*. — E. Horowitz, *A short history of Indian literature*, London, 1907.
- Howorth, *History of the Mongols*. — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*, pt I. *The Mongols proper and the Kalmuks*; pt II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia*. Division I—II; pt III. *The Mongols of Persia*; pt IV. *Supplement*, London, 1876—1927.
- Huart, *Ibn al-Muqaffa'*. — Cl. Huart, *Ibn al-Muqaffa'*, — EI, II, S. 430.
- Huart, *Le texte turc-oriental*. — Cl. Huart, *Le texte turc-oriental de la stèle de la mosquée de Péking*, — ZDMG, Bd LVI, 1902, S. 210—222.
- Jackson, *Zoroaster*. — A. V. W. Jackson, *Zoroaster*, New York—London, 1901.
- Jacob, *Östliche Elemente*. — G. Jacob, *Hinweis auf wichtige östliche Elemente der islamischen Kunst*, — DI, Bd I, 1910, S. 64—67.
- James, *Report*. — H. R. James, *Report on the Settlement of the Peshawar district*, Lahore, 1871.
- Justi, *Geschichte Irans*. — F. Justi, *Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sāsāniden*, — GIPh, Bd II, S. 395—550.
- Kahle, *Islamische Quelle*. — P. Kahle, *Eine islamische Quelle über China um 1500. (Das Khūynāme des 'Alī Ekber.)*, — AO, vol. XII, 1934, S. 91—110.
- Karlgren, *Phonologie*. — B. Karlgren, *Études sur la phonologie chinoise*, Leyde—Stockholm, 1915—1926 (Archives d'études orientales publiée par J.-A. Lundell, vol. 15).
- Khanikoff, *Mémoire sur l'ethnographie*. — N. de Khanikoff, *Mémoire sur l'ethnographie de la Perse*, Paris, 1866.

- Khanykov, *Lettre*. — Khanykov, *Lettre à M. Dorn*, — Mèl. As., t. III, 1858, pp. 114—137.
- King, *An early mention of cotton*. — L. W. King, *An early mention of cotton: the cultivation of Gossypium arboreum, or tree-cotton, in Assyria in the seventh century B. C.*, — PSBA, vol. XXXI, 1909, pp. 339—343.
- Klaproth, *Magasin asiatique*. — *Magasin asiatique ou Revue géographique et historique de l'Asie centrale et septentrionale*; publiée par J. Klaproth, t. I—II, Paris, 1825—1826.
- Klaproth, *Tableaux historiques*. — J. Klaproth, *Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours; accompagnés de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde*, Paris—Londres—Stuttgard—Gotta, 1826.
- Klyachorniy, *Soʻyd bārčākār buqaraq ulys*. — S. G. Klyachorniy, *A propos des mots soʻyd bārčākār buqaraq ulys de l'inscription de Kul téghin*, — CAJ, vol. III, № 4, 1958, pp. 245—251.
- Kremer, *Culturgeschichte*. — A. v. Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Bd I—II, Wien, 1875—1877.
- Kühnel, *Ausstellung*. — E. Kühnel, *Ausstellung von Meisterwerken mohammedanischer Kunst in München (Mai bis Oktober 1910)*, T. I—II, — DI, Bd I, 1910, S. 183—194, 369—384.
- Lammens, *al-Akḥḥal*. — H. Lammens, *al-Akḥḥal*, — EI, I, S. 247—248.
- Lindner, *Weltgeschichte*. — T. Lindner, *Weltgeschichte seit der Völkerwanderung*, Bd I—IX, Stuttgart — Berlin, 1901—1912.
- Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten*. — Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*, Buch I, Texte; Buch II, Anmerkungen. Anhänge. Index, Wiesbaden, 1958 (Göttingische asiatische Forschungen, Bd 10).
- Machatschek, *Landeskunde*. — F. Machatschek, *Landeskunde von russisch Turkestan*, Stuttgart, 1921.
- Mahdi Ḥusain, *The rise*. — Agha Mahdi Ḥusain, *The rise and fall of Muḥammad bin Tuḡhluq*, London, 1938.
- Malcolm, *History of Persia*. — J. Malcolm, *History of Persia from the most early period to the present time; containing an account of the religion, government, usages and character of the inhabitants of that kingdom*, vol. I—II, London, 1815.
- Marquart, *Ein arabischer Bericht*. — J. Marquart, *Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert*, — «Ungarische Jahrbücher», Bd IV, 1924, H. 3—4, S. 261—334.
- Marquart, *Erānšahr*. — J. Marquart, *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacʼi*, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).
- Marquart, *Komanen*. — J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.
- Marquart, *Streifzüge*. — J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940)*, Leipzig, 1903.
- Marquart, *Untersuchungen*. — J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, H. I—II, Göttingen — Leipzig, 1896—1905 (Sonderabdr. aus dem «Philologus», Bd 54, S. 489—527; Bd 55, S. 212—240; Supplementband X, H. 1).
- McGovern, *The early empires*. — W. M. McGovern, *The early empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history, with special reference to the Chinese sources*, Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1939.

- Melgunof, *Das südliche Ufer*. — G. Melgunof, *Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres oder die Nordprovinzen Persiens*, Leipzig, 1868.
- Menges, *Der Titel*. — K. H. Menges, *Der Titel كورخسان der Qara-Qytaj*, — «Ural-Altische Jahrbücher», Bd XXIV, H. 3—4, 1952, S. 84—88.
- Minorsky, *The Alān capital*. — V. Minorsky, *The Alān capital *Magas and the Mongol campaigns (Caucasica III)*, — BSOAS, vol. XIV, pt 2, 1952, pp. 221—238.
- Minorsky, *Caucasica IV*. — V. Minorsky, *Caucasica IV*, — BSOAS, vol. XV, pt 3, 1953, pp. 504—529.
- Minorsky, *A civil and military review*. — V. Minorsky, *A civil and military review in Fārs in 881/1476*, — BSOS, vol. X, pt. 1, 1940, pp. 141—178.
- Minorsky, *A new book*. — V. Minorsky, *A new book on the Khazars*, — «Oriens», vol. 11, 1958, pp. 122—145.
- Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490*. — V. Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490. An abridged translation of Faḍlullāh b. Rūzbihān Khunjī's Tārīkh-i Ālam-ārā-yi Amīnī*, London, 1957 (Royal Asiatic Society monographs, vol. XXVI).
- Minorsky, *Sharvān*. — V. Minorsky, *A history of Sharvān and Darband in the 10th—11th centuries*, Cambridge, 1958.
- Minorsky, *Studies*. — V. Minorsky, *Studies in Caucasian history. I. New light on the Shaddādids of Ganja. II. The Shaddādids of Ani. III. Prehistory of Saladin*, London, 1953 (Cambridge Oriental Series, № 6).
- Minorsky, *Tamīm*. — V. Minorsky, *Tamīm ibn Baḥr's journey to the Uyghurs*, — BSOAS, vol. XII, pt 2, 1948, pp. 275—305.
- Minorsky, *The Turkish dialect*. — V. Minorsky, *The Turkish dialect of the Khalaj*, — BSOAS, vol. X, pt 2, 1940, pp. 417—437.
- Minorsky, *Tūs*. — V. Minorsky, *Tūs*, — EI, IV, S. 1055—1062.
- Mordtmann, *Dhu 'l-Ḳadr*. — J. H. Mordtmann, *Dhu 'l-Ḳadr*, — EI, I, S. 1000—1002.
- Morgan, *Mission*. — J. de Morgan, *Mission scientifique en Perse*, t. I—II, *Études géographiques*; t. III, pt. 1—4, *Études géologiques*; t. IV, *Recherches archéologiques*; t. V, *Études linguistiques*, Paris, 1894—1904.
- Moscatti, *Studi storici*. — S. Moscatti, *Studi storici sul califfato di al-Mahdi*, — «Orientalia», Roma, XIV, 1945, pp. 338—344.
- Müller, *Der Islam*. — A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, Bd I—II, Berlin, 1885—1887.
- Nallino, *Al-Ḥuwārizmī*. — *Al-Ḥuwārizmī e il suo rifacimento della geografia di Tolomeo*, memoria di C. A. Nallino, Roma, 1894 (Reale Accademia dei Lincei, Anno CCXCI, 1894, serie 5^a — Memorie della Classe di scienze morali, storiche e filologiche, vol. II, parte 1^a — Seduta del 15 aprile 1894).
- Narain, *The Indo-Greeks*. — A. K. Narain, *The Indo-Greeks*, Oxford, 1957.
- Nöldeke, *Aufsätze*. — Th. Nöldeke, *Aufsätze zur persischen Geschichte*, Leipzig, 1887.
- Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber...* — см. Табарн, пер. Нельдеке.
- Nöldeke, ZDMG, Bd XLIX [S. 710—721]. — Th. Nöldeke, [рус. на:] G. Jacob, *Das Leben der vorislamischen Beduinen nach den Quellen geschildert. (Studien in arabischen Dichtern. Heft III.)*, Berlin 1895, — ZDMG, Bd XLIX, 1895, S. 710—721.
- d'Ohsson, *Histoire des Mongols*. — C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchingiz-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835; éd. 2: 1852.
- Oliver, *Chaghatāi Mughals*. — E. E. Oliver, *The Chaghatāi Mughals*, — JRAS, 1888, pp. 72—128.
- Oppert, *Presbyter Johannes*. — G. Oppert, *Des Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Ein Beitrag zur Völker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalters*, Berlin, 1864; 2. Aufl.: 1870.

- Osmanlı tarihi.* — *Osmanlı tarihi*, c. I—VII, Ankara, 1947—1956 [c. I—IV — I. H. Uzunçarşılı; c. V—VII — E. Z. Karal]
- Pelliot, *A propos des Comans.* — P. Pelliot, *A propos des Comans*, — JA, sér. 11, t. XV, 1920, pp. 125—185.
- Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king».* — P. Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor*, — JA, sér. 11, t. VII, 1916, pp. 111—123.
- Pelliot, *Notes critiques.* — P. Pelliot, *Notes critiques d'histoire kalmouke*. Texte; Tableaux généalogiques, Paris, 1960 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, VI).
- Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or.* — P. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivre de Quelques nommes turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar"*, Paris, 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II).
- Pernice, *L'imperatore Eraclio.* — A. Pernice, *L'imperatore Eraclio. Saggio di storia bizantina*, Firenze, 1905 (Publicazioni del R. Istituto di Studi superiori pratici e di perfezionamento in Firenze. Sezione di filosofia e filologia, [№ 32]).
- Pritsak, *Die Karachaniden.* — O. Pritsak, *Die Karachaniden* (mit einer genealogischen Tafel), — DI, Bd 31, 1953, S. 17—68.
- Pritsak, *Karachanidische Streitfragen.* — O. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, — «Oriens», vol. 3, Leiden, 1950, № 2, S. 209—228.
- Pritsak, *Qara.* — O. Pritsak, *Qara. Studie zur türkischen Rechtssymbolik*, — «60. doğum yılı münasebetiyle Zeki Ve'idi Togan'a armağan. Symbolae in honorem Z. V. Togan», Istanbul, 1950—1955, S. 239—263.
- Pritsak, *Der Untergang.* — O. Pritsak, *Der Untergang des Reiches des oğuzischen Yabğu*, — «60. doğum münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı. Mélanges Fuad Köprülü», Istanbul, 1953, S. 397—410.
- Pritsak, *Von den Karluk.* — O. Pritsak, *Von den Karluk zu den Karachaniden*, — ZDMG, Bd 101 (N.F., Bd 26), 1951, S. 270—300.
- Pulleyblank, *A Sogdian colony.* — E. G. Pulleyblank, *A Sogdian colony in Inner Mongolia*, — «T'oung Pao», vol. XLI, 1952, № 4—5, pp. 317—356.
- Rabino, *Les dynasties alaouides.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Les dynasties alaouides du Mazandarân*, — JA, t. CCX, 1927, pp. 253—277.
- Rabino, *Les dynasties du Mâzandarân.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Les dynasties du Mâzandarân de l'an 50 avant l'hégire à l'an 1006 de l'hégire (572 à 1597—1598), d'après les chroniques locales*, — JA, t. CCXXVIII, 1936, pp. 397—474.
- Rabino, *Les dynasties locales.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Les dynasties locales du Gilân et du Daylam*, — JA, t. CCXXXVII, 1949, pp. 301—350.
- Rabino, *L'histoire du Mâzandarân.* — H. L. Rabino di Borgomale, *L'histoire du Mâzandarân*, — JA, t. CCXXXIV, 1943—1945, pp. 211—243; Note complémentaire, — JA, t. CCXXXVI, 1948, pp. 243—246.
- Rabino, *Mâzandarân.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Mâzandarân and Astarâbâd*, London, 1928 (GMS NS, VII).
- Rabino, *Les provinces caspiennes.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Les provinces caspiennes de la Perse. Le Gullân*, — RMM, t. XXXII, 1915—1916, pp. 1—499.
- Rabino, *Rulers of Gilan.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Rulers of Gilan*, — JRAS, 1920, pp. 277—296.
- Rabino, *Rulers of Lahijan and Fuman.* — H. L. Rabino di Borgomale, *Rulers of Lahijan and Fuman, in Gilan, Persia*, — JRAS, 1918, pp. 85—100.
- Radloff, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. I—III, St.-Pbg., 1894—1895; Neue Folge, St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.
- Radloff, *Aus Sibirien.* — W. Radloff, *Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche*, 2. Ausg., Bd I—II, Leipzig, 1893.

- Ramstedt, *Zwei uigurische Runeninschriften*. — *Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei*. Aufgefunden und mit Transkription, Übersetzung und Bemerkungen veröffentlicht von G. Ramstedt, — JSFOu, t. XXX, 1913—1918, pp. 1—65 (разд. пар.).
- Renan, *Peuples sémitiques*. — E. Renan, *De la part des peuples sémitiques dans l'histoire de la civilisation*. Discours d'ouverture du cours de langues hébraïque, chaldaïque et syriaque au Collège de France. Prononcé le 21 février 1882, — в кн.: E. Renan, *Mélanges d'histoire et de voyages*, Paris, 1878, pp. 1—25.
- Rickmers, *The Duab*. — W. R. Rickmers, *The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels*, Cambridge, 1913.
- Rieu, *Pers. MSS.* — Ch. Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, vol. I—III, London, 1879—1883.
- Rieu, *Suppl. Pers.* — Ch. Rieu, *Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, London, 1895.
- Roemer, *Neuere Veröffentlichungen*. — H. R. Roemer, *Neuere Veröffentlichungen zur Geschichte Timurs und seiner Nachfolger*, — CAJ, vol. II, 1956, S. 219—232.
- Ross, *The genealogies*. — E. D. Ross, *The genealogies of Fakhr-ud-Din, Mubûrak Shâh, — «'Ajab-nama», pp. 392—413.*
- Sadighi, *Les mouvements*. — Gh. H. Sadighi, *Les mouvements religieux iraniens au IIe et au IIIe siècle de l'hégire*, Paris, 1938.
- Saleman, *Das Asiatische Museum*. — C. Saleman, *Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen*, — Mèl. As., t. X, 1894, pp. 271—292.
- Sarre — Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*. — F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus alt- und mittelpersischer Zeit*, Berlin, 1910.
- Schechter, *An unknown Khazar document*. — S. Schechter, *An unknown Khazar document*, — «Jewish quarterly review», N. S., vol. 3, 1912—1913, pp. 181—219.
- Schmidt, *Über Rubruk's Reise*. — F. Schmidt, *Über Rubruk's Reise von 1253—55*, Berlin, 1885.
- Schott, *Über die ächten Kirgisen*. — W. Schott, *Über die ächten Kirgisen*, — APAW (1864), 1865, S. 429—474.
- Schrader, *Reallexicon*. — O. Schrader, *Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas*, Strassburg, 1901.
- Schuyler, *Turkistan*. — E. Schuyler, *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*, vol. I—II, 5th ed., London, 1876.
- Schwarz, *Turkestan*. — F. v. Schwarz, *Turkestan, die Wiege der indo-germanischen Völker. Nach fünfzehnjährigem Aufenthalt in Turkestan dargestellt*, Freiburg im Breisgau, 1900.
- Seippel, *Fontes arabici*. — *Rerum normannicarum fontes arabici*. E libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis Christianiensis ed. A. Seippel, fasc. I, textum continens, Christianiae, 1896.
- Seldjuken*. — *Seldjuken*, EI, IV, S. 222—228.
- Seybold, *Almeria*. — C. F. Seybold, *Almeria*, — EI, I, S. 329—330.
- Shepherd — Henning, *Zandaniji*. — D. G. Shepherd and W. B. Henning, *Zandaniji identified?* — «Aus der Welt der islamischen Kunst. Festschrift für Ernst Kühnel zum 75. Geburtstag am 26.10.1957», Berlin, 1959, S. 15—40.
- Skrine — Ross, *The Heart of Asia*. — F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times*, London, 1899.
- Spuler, *Die Mongolen in Iran*. — B. Spuler, *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220—1350*, 2. erweit. Aufl., Berlin, 1955.
- Storey, *Persian Literature*. — C. A. Storey, *Persian Literature. A bio-bibliographical sur-*

- vey. Vol. I. *Qur'ānic Literature; History and Biography*. Pt 1. *Qur'ānic Literature; History*. Section I. *Qur'ānic Literature*, London, 1927 [pp. 1—60]. Section II. [History], Fasc. 1. A. *General History*. B. *The prophets and Early Islām*, London, 1935 [pp. 61—236]; fasc. 2. C—L. *Special histories of Persia, Central Asia and the remaining parts of the world except India*, London, 1936 [pp. 237—432]; fasc. 3. M. *History of India*, London, 1939 [pp. 433—780]. Pt 2. *Biography. Additions and Corrections. Indexes*, London, 1953 [pp. 781—1444]. Vol. II. Pt 1. A. *Mathematics*. B. *Weights and Measures*. C. *Astronomy and Astrology*. D. *Geography*, London, 1958 [pp. 1—192].
- Sykes, *A history of Persia*. — P. M. Sykes, *A history of Persia*, vol. I—II, London, 1915; 2d ed.: 1921.
- Tauer, *Vorbericht*. — F. Tauer, *Vorbericht über die Edition des Zafarnāma von Nizām Sāmī und der wichtigsten Teile der Geschichtswerke Ḥāfiẓ-i Abrū's*, — AOr, vol. IV, 1932, pp. 250—256.
- Teufel, *Quellenstudien*. — F. Teufel, *Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chānate*, — ZDMG, Bd XXXVIII, 1884, S. 235—381.
- Thierry, *Histoire d'Attila*. — A. Thierry, *Histoire d'Attila et de ses successeurs jusqu'à l'établissement des Hongrois en Europe, suivie des légendes et traditions*, t. I—II, Paris, 1856.
- Thomsen, *Alltürkische Inschriften*. — V. Thomsen, *Alltürkische Inschriften der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung*, [übers. von H. H. Schaeder], — ZDMG, Bd 78 (N. F., Bd 3), 1924, S. 121—175.
- Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*. — [V. Thomsen], *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen*, Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société finno-ougrienne. V).
- Togan, *Sur l'origine*. — Z. V. Togan, *Sur l'origine des Safavides*, — «Mélanges Louis Massignon», t. III, Damas, 1957, pp. 345—357.
- Trietsch, *Levante-Handbuch*. — *Levante-Handbuch. Eine Übersicht über die wirtschaftliche Verhältnisse der europäischen und asiatischen Türkei, der christlichen Balkanstaaten, Ägyptens und Tripolitaniens*, hrsg. von D. Trietsch, 2. Aufl., Berlin, [1910].
- Vámbéry, *History of Bokhara*. — A. Vambéry, *History of Bokhara from the earliest period down to the present*. Composed for the first time after oriental known and unknown historical manuscripts, London, 1873.
- Vámbéry, *Uigurische Sprachmonumente* — см. *Кутадеу билук*, изд. Вамбери.
- Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs*. — Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs ou Ephtalites des historiens byzantins*, Paris, 1849.
- Vullers, *Lexicon*. — J. A. Vullers, *Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum...*, t. I—II, Bonnae, 1855—1864.
- Walther, *Das Oxusproblem*. — J. Walther, *Das Oxusproblem in historischer und geologischer Beleuchtung*, — Pet. Mitt., Bd 44, 1898, S. 204—214.
- Weissbach, *Die Keilinschriften*. — F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis*, Leipzig, 1911 (ASGW, Bd XXIX, № 1).
- Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, IV. — J. Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, H. IV, Berlin, 1889.
- Westberg, *Beiträge*. — F. Westberg, *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa. (Erste Hälfte des Mittelalters)*, — ИАН, сер. V, т. XI, 1899, стр. 211—245, 275—314; то же: *Mél. As.*, t. XI, 1901, pp. 291—364.
- Westberg, *Ibrāhīm's-ibn-Ja'kūb's Reisebericht*. — F. Westberg, *Ibrāhīm's-ibn-Ja'kūb's Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre 965*, St.-Pbg., 1898 (ЗИАН, сер. VIII, по историко-филологич. отделению, т. III, № 4).

- Wittfogel — Fêng Chia-shêng, *Liao*. — K. A. Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese society Liao (907—1125)*, Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, N. S., vol. 36).
- Wood, *Journey*. — J. Wood, *A Journey to the source of the river Oxus*. New edition, with an essay on the geography of the valley of the Oxus, by H. Yule, London, 1872.
- Yate, *Northern Afghanistan*. — C. E. Yate, *Northern Afghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission*, Edinburgh—London, 1888.
- Yule, *Cathay*. — H. Yule, *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape route, vol. I—II, London, 1866 (HS, [№ XXXVI—XXXVII]).
- Zarncke, *Der Priester Johannes*. — F. Zarncke, *Der Priester Johannes*. Abh. 1. (Cap. I—III), — ASGW, Bd VII, H. 8, 1879, S. 826—1028; Abh. 2. (Cap. IV—VI), — ASGW, Bd VIII, H. 1, 1883, S. 1—184; то же: отд. отт., I—II.
- احمد زکی ولیدی، اوغوزلرک خریستیانلغی. — احمد زکی ولیدی، اوغوزلرک خریستیانلغی مسئلهسنه عائد، — «تورکیات مجموعهسی»، جلد ۲، استانبول، ۱۹۲۸، ص ۶۱—۶۷.
- احمد زکی ولیدی، خوارزمده یازیلیمش اثرلر. — احمد زکی ولیدی، خوارزمده یازیلیمش اسکی تورکجه اثرلر، — «تورکیات مجموعهسی»، جلد ۲، استانبول، ۱۹۲۸، ص ۳۱۵—۳۴۵.
- شیخ نظامی. — شیخ نظامی. ترجمه حالی. اثر: میرزا محمد آخوندوف، گنجہ، ۱۹۰۹/۱۳۲۸.
- فلسفی، زندگانی شاه عباس. — زندگانی شاه عباس اول تألیف نصر الله فلسفی، جلد ۱—۲، تهران، ۱۳۳۴ ش.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

- Амитин-Шапиро З. Л., *Аннотированный указатель литературы по археологии, истории и этнографии Киргизии*, Фрунзе, 1958.
- Амитин-Шапиро З. Л., *Библиографический указатель советской литературы по археологии Киргизии (1918—1956)*, — ТИИ АН КиргССР, вып. 2, Фрунзе, 1956, стр. 109—152.
- Амитин-Шапиро З. Л., *Библиография дореволюционной русской литературы по истории и экономике Иссык-Кульской области (1768—1917)*, — «Труды Пржевальского учительского ин-та», вып. 2, 1953, стр. 111—189.
- Бек-Назарова В. Т., *История Узбекистана. Библиографический указатель книг и статей в изданиях Комитета наук при СНК УзССР, Узбекстанского филиала АН СССР и Академии наук УзССР (1933—1957 гг.)*, Ташкент, 1960.
- Биснек А. Г. и Шафрановский К. И., *Библиография библиографий Средней Азии*, М.—Л., 1936.
- Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н. и Любимова В. А., *Советская археологическая литература. Библиография 1941—1957 гг.*, М.—Л., 1959.
- Вознесенская Е. А. и Пиотровский А. Б., *Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Среднеазиатских республик*, Л., 1927 (АН СССР. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. 14).
- Вороньевский Д. Г., *Библиография научных работ А. А. Семенова*, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII), стр. 7—24.
- Дмитровский Н. В., *Каталог книг Русского отделения Туркестанской Публичной библиотеки*, СПб., [1892].
- Межов В. И., *Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам*, т. I—III, СПб., [1891—1894.
- [Межов В. И.], *Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности*, составляемый В. И. Межовым. Томы 1—150. *Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностранных языках*, СПб., 1878.
- Миансаров М., *Bibliographia caucasica et transcaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих*, т. I, отд. 1—2, 1874—1876.
- Павлова А. Е., *Библиография книг и статей по археологии, нумизматике и этнографии, изданных Таджикской базой, Таджикским филиалом АН СССР и Академией наук Таджикской ССР (1934—1956 гг.)*, Сталинабад, 1956.
- Семенов А. А., *Указатель персидской литературы по истории узбеков Средней Азии*, Ташкент, 1926 (Труды Библиографической комиссии, бывшей при СНК ТаджССР, вып. III).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- А-бао-чжи (А-бао-цзи) 253, 498
 Абба-бек 599
 Аббас, Аббас Великий, шах 601—603, 605, 754, 756—759, 771, 781, 785, 787
 Аббас Икбаль — см. Икбаль, Аббас 768*
 Аббас-Кули-ага Бакиханов — см. Бакиханов
 Аббасиды 119, 201, 222, 562, 680, 714
 Абд ал-Азиз б. Улугбек 161
 Абд ал-Азиз-хан 270, 610, 612
 Абд ал-Ахад 420*, 424, 425, 427
 Абд ал-Гаффар 406
 Абд ал-Кадир Гиляни 232, 251
 Абд ал-Касим 94
 Абд ал-Керим — см. Сатук Богра-хан
 Абд ал-Керим
 Абд ал-Керим-бек 398, 408, 409
 Абд ал-Керим Бухари 96*, 274, 280, 282, 287*
 Абд ал-Ляtif б. Абд ар-Рашид 94, 95, 516
 Абд ал-Ляtif б. Улугбек 161
 Абд ал-Ляtif-хан (Анак-хан) 518
 Абд ал-Мелик, халиф 674, 680
 Абд ал-Мелик (б. Музаффар) 407
 Абд ал-Мумин б. Абдулла 600, 601, 754
 Абд ал-Мумин б. Абу-л-Фейз 279
 Абд ар-Раззак Самарканди 79*, 81*, 84*, 85, 87*, 799, 800, 803*
 Абд ар-Рахим 466
 Абд ар-Рахман, племянник Шамиля 874
 Абд ар-Рахман, халиф 828
 Абд ар-Рахман-автобачи 397, 398
 Абд ар-Рахман-бай 415
 Абд ар-Рашид — см. Рашид-хан
 Абд ар-Рашид Бакуви — см. Бакуви
 Абд ас-Самит (Абд ас-Самад?) 291
 Абд ас-Саттар-ходжа — см. Саттар-хан
 Абдаллах б. Мубарек 204, 231
 Абдаллах б. Тахир 561
 Абдул-Азиз 400
 Абдулла, племянник Улугбека 161
 Абдулла б. Кучкунчи 92, 514
 Абдулла-бек 397
 Абдулла-хан [б. Искендер], Шейбанид 163, 164, 166, 269—271, 275, 286*, 463, 464, 467, 600—603, 754
 Абдулла-хан (Карабай) хивинский (XVIII в.) 283
 Абдулла-хан могольский 519
 Абдулла-хан хивинский (XIX в.) 621
 Абдуррахман, афганский эмир 417, 419, 466, 467
 Абель-Ремюза (Abel-Rémusat J. P.) 26, 495
 Абишка 67
 Аблай 101, 529, 531*, 614
 Абрамзон С. М. 533*, 542*
 Абрамов А. К. 299, 359, 379*, 407—409, 417, 634
 Абу-л-Аббас Сейяри 230, 231
 Абу Абд ар-Рахман Суфи 232
 Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед ал-Макдиси (ал-Мукаддиси) — см. Макдиси
 Абу Абдаллах Мухаммед б. Керрам 233
 Абу Абдаллах Хусейн б. Са'ид б. Хамдан 845
 Абу-л-Ала Са'ид б. Мухаммед (Са'ид, казий) 226, 234, 235
 Абу Али Захир б. Ахмед 236

¹ Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

- Абу Али Ибн Сина (Авиценна) 237
 Абу Бекр, дуглат 89, 91, 92, 513, 514
 Абу Бекр, халиф 729
 Абу Бекр б. Бурхан-Али-султан 878
 Абу Бекр Варрак 230
 Абу Бекр Васити 231
 Абу Бекр ал-Каффаль, мервский 237
 Абу Бекр Мухаммед б. Исхак Керрами 234, 235
 Абу Бекр Мухаммед Каффаль, гашкентский 237
 Абу Дулеф 494, 496
 Абу-л-Касим, ишан 354*, 374
 Абу-л-Касим Исхак б. Мухаммед Самарканди 194*, 204, 226, 230
 Абу-л-Касим Ка'би 225
 Абу Мансур Матуриди 204, 226, 230
 Абу Мудар Махмуд Дабби 237
 Абу Музахим — см. Сулу
 Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман — см. Богра-хан Харун б. Сулейман
 Абу Муслим 201, 217, 628, 629
 Абу-л-Мухаммед — см. Абулгази [II]
 Абу Са'ид, султан 87—89, 105, 167
 Абу Са'ид Мейхени 229, 233—237
 Абу Салих Мансур 850*
 Абу-л-Фаварис Шах-Мелик — см. Шах-Мелик
 Абу-л-Фазл (б. Идрис Битлиси) 752
 Абу-л-Фазл Сури 572
 Абу-л-Фарадж (Бар-Эбрей) 846
 Абу-л-Фейз-хан 271, 279, 281
 Абу-л-Фида 591*, 767, 818*, 852*, 866
 Абу Хамид Андалуси — см. Гарнати
 Абу Ханифа (Имам А'зам) 97, 236
 Абу-л-Харис 225
 Абу-л-Хасан Али Ибн ал-Фурат — см. Ибн ал-Фурат
 Абу-л-Хасан Мухаммед б. Суфьян Келимати — см. Келимати
 Абу-л-Хасан Са'ид б. Хатим Убаникеги — см. Убаникеги
 Абу-л-Хасан Харакани 236
 Абу Хафс 122, 228, 229
 Абу Шуджа' 700, 767
 Абу Юсуф Я'куб 581
 Абу Я'куб Исхак б. Мамшад 233
 Абу Я'куб Юсуф Сежжаки 62, 103, 148
 Абулгази, подставной хан в Хиве (1806 г.) 284
 Абулгази [I] 164, 272—274, 462, 507, 509, 567*, 584, 585, 587, 593—603, 606—612, 633*, 726, 798, 799, 801, 802
 Абулгази [II] (Абу-л-Мухаммед) 279, 619
 Абулджа-хан 579
 Абулфайзов — см. Рустем Абулфайзов
 Абулхайр, узбекский хан (XV в.) 88, 89, 161, 163, 270, 515
 Абулхайр, хан Младшего жуза (XVII в.) 293
 Аваз-бий 284
 Августин, блаженный 218
 Авиценна — см. Абу Али Ибн Сина
 Авраам 853
 Агапий 855
 Агехи (Музаммед-Риза-мираб) 285, 286*
 Аглаб Сулами 675
 Аджибай 530
 Ади-Гюзаль-бек 772
 Адилев — см. Галий Адилев
 Адиль-Гирей 753
 Адиль-шах — см. Али-Кули
 Адине 533*
 Ажэ 487*
 Азимбаев — см. Сейид-Карим Сейид-Азимбаев
 Ай-ходжа 351, 352
 Айдар-бек (Хайдер-бек?) 408
 Айтак 585, 586
 Ак-ишан — см. Мад-Умар-хальфа
 Ак-Қоюнлу 577*, 770, 781
 Ак-огул 533*
 Ак-Тимур Кипчак 518*
 Акатай 597, 600
 Акимбек 530
 Ала ад-дауля (=Атсыз?) 588
 Ала ад-дин — см. Тармаширин
 Ала ад-дин Мухаммед хотанский 139
 Ала ал-мульк Худавенд-заде термезский 78
 Алача (Алачи) — см. Тайчжи-Эсен
 Алгаза 530
 Алгуй 67—69, 103, 149
 Александр II 303, 358, 376, 383, 398, 420, 874
 Александр III 420, 641
 Александр Македонский (Александр Великий, Зу-л-карнейн, Искендер) 110, 111, 113, 118, 134, 161, 172—174, 176, 178, 188, 192, 201, 204, 205, 209, 215, 232, 439, 452, 453, 456, 463, 464, 466, 551, 578, 639, 645, 656—660, 664, 757, 775, 776, 790, 812, 813, 815*

- Александр-мирза 763
 Александров Е. А. 381, 382
 Александрович Дж. 785*
 Али, Караханид — см. Арслан-хан Али
 Али, мазандеранский сейид 746
 Али, огузский ябгу 567*, 568*; ср. Али-хан
 Али-Аскар Калинин 309
 Али б. Иса 629
 Али б. Хейсам 682, 830, 875
 Али-бахадур 515
 Али-бек 592
 Али-Кули (Али-шах, Адиль-шах) 619
 Али-Микаил 572*; ср. Хусейн б. Али б. Микаил
 Али-Риза 748, 749, 754
 Али-султан, угдэйский царевич 77
 Али-султан, хорезмийский 599
 Али-тегин 43, 44, 569, 571
 Али-хан 593; ср. Али, огузский ябгу
 Али Челеби 753
 Али-шах — см. Али-Кули
 Али-Яр-бек (Али-Яр-хан) 601—603
 Алим, мулла 389
 Алим-бек 288*
 Алим-Кул 354*, 376, 394, 537—539
 Алим-хаджи Юнусов 303*
 Алим-хан 286—289, 528
 Алимбек 530
 Алиханов М. 207*, 210*
 Алихова А. Е. 868*
 Алла-Кул (Алла-Кули-хан) 285, 286*, 622
 Алморавиды 202
 Алмохады 581
 Алмуш 823*—825*; ср. Барман
 Алп-Арслан 238, 573, 630, 691
 Алтамыш — см. Ильтутмиш
 Алтан-хан 96, 105, 521—523
 Алтунташ 571, 582
 Алтын царь — см. Алтан-хан
 Альфред Великий 817*
 Аманулла 465
 Амартол 817*
 Амасанджи-гайджи 87, 89
 Амедроз (Amedroz Н. F.) 846*
 Амин-Ахмед (Амин б. Ахмед) Рази 49*
 Амр б. Лейс 119*
 Амурсана 101, 106, 524, 527, 528*
 Анак-хан — см. Абд ал-Лятиф-хан
 Ананьин, Василий 522
 Анга-тюря 82, 83
 Ангиарм — см. Хугулун-чага
 Андреев М. С. 467
 Аничков И. В. 310, 382
 Анна, византийская царица 853
 Антиох I Сотер 111, 174
 Антиох III Великий 174
 Анучин В. И. 645
 Анучин Д. Н. 214*
 Ануша-хан 274
 Ануширван — см. Хосрой I Ануширван
 Ануширван б. Халид Кашани — см. Кашани
 Аньлими 29
 Аньси 178; см. Аршакиды
 Аппиан 665
 Араб-Мухаммед 273, 274, 601—603, 605, 606
 Арандаренко Г. А. 420, 421
 Аргун-ага 592*
 Аргун-шах 592
 Арендс А. К. 572*
 Арик-Бука 66—68, 72, 103
 Аристобул 658, 659, 663, 776, 813
 Аристов Н. А. 26, 27, 30*, 40*, 513, 514, 534, 551
 Аристотель 161, 714
 Ариф-ходжа 341, 361
 Аронс Л. 306*
 Арриан 172*, 658, 814, 861
 Арсари-бей — см. Эрсари-бай
 Арсеньев 430
 Арслан, мервский 590
 Арслан (Исраил) б. Сельджук 566, 567, 569, 570, 572*
 Арслан-бек 863
 Арслан-Джазиб 570
 Арслан-хан Али 42, 128
 Арслан-хан Ахмед кашгарский 48, 132
 Арслан-хан карлукский [I] 53, 54
 Арслан-хан карлукский [II] (Арслан-сартактай) 54, 66, 138, 142, 151, 253, 461, 550
 Арслан-хан Мухаммед б. Али 43
 Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман 129, 205, 246, 630
 Арслан-хан Сулейман (Богра-тегин) 44, 48, 102
 Арслан-шах 692
 Артабан II 178
 Артаикт 171
 Артаксеркс — см. Бесс
 Артамонов М. И. 671*, 677*, 791*
 Артук-инак 619
 Аршакиды 113, 178, 664, 667

- Арыклы 593
 Асад [б. Абдаллах] 119
 Астанакул 424
 Атабек, комендант Пишпека 354*
 Атабек Бабаджанов 374
 Атаджан 412
 Атеке («Атыка-батырь») 529*
 Атласов В. В. 646
 Атропат 776
 Атсыз 582, 588, 589
 Аттила 814
 Ауфи, Мухаммед 44*, 45*, 497, 501, 805, 806*, 807, 808, 810, 834, 835*, 836*, 852*, 856, 857
 Афрасиаб, военачальник Бавендидов 729, 730, 737, 739
 «Афрасиаба дом» — см. Караханиды
 Афридун [б. Ферибурз?] (начало XII в.) 876
 Афридун б. Ферибурз (конец XII в.) 691, 877
 Африруз 723
 Ахемениды 110, 171, 451, 453, 657, 759, 789, 790
 Ахмед, мирза кокандский 365, 366
 Ахмед, сын Кенисары Қасымова 531
 Ахмед б. Исма'ил 685, 831
 Ахмед б. Мухаммед б. Ханбаль 232
 Ахмед [б. Хизр], Караханид 129, 251
 Ахмед б. Юнус (Ахмед-хан) 89, 90, 105, 512
 Ахмед-бай 317
 Ахмед-Вефик-паша 577
 Ахмед-мирза б. Абу Са'ид 89
 Ахмед-хан — см. Ахмед б. Юнус
 Ахмед-хан кашгарский 631
 Ахмед Хизруя 230
 Ахмед Ясеви 159, 252, 256
 Ахнаф 208
 Ахрар, ходжа 161, 252, 267
 Ахситан 692, 779, 877
 Ахта-ходжа 284
 Ахталь 870
 Ахундов, Мирза Мухаммед 784
 Аш'ари 237, 238
 Ашина Синь 33
 Ашина Хуайдао 33
 Ашина Хэлу 33
 Ашот 682
 Ашот Железный 682
 Ашот сын Шапуха 682
 Ашрас б. Абдаллах 456, 628
 Ашраф, шах 617
 Аштарханиды (Джаниды) 163, 269, 271, 279, 633
 Аюка 613, 615
 Аяз 594
 Баба-Али-бек 616
 Баба-бек 356, 365, 409
 Баба-Наккаш 223
 Баба-султан, сын Пулад-султана, хорезмский 602
 Баба-султан, сын Султан-Халиля, могольский 515
 Бабаджанов — см. Атабек Бабаджанов
 Бабан 409
 Бабачак-султан 92, 94
 Бабек 682
 Бабур 79*, 80*, 85*, 87*, 88*, 89—91, 163, 164, 461, 512, 513
 Бавендиды 729
 Баграт VI 862
 Багратиды (Багратионы) 692, 862
 Багрий А. В. 771*
 Баз-каган 483, 484
 Бай-Бута Кара 518
 Байбаков 656
 Байдар 67
 Байкечер 71—74
 Байрам-Али-хан 280, 620*
 Байрач 611
 Байтак (Байтык) Конаев (Канаев) 536—538, 540
 Бакиханов, Аббас-Кули-ага 771
 Бакуви, Абд ар-Рашид 721, 769, 780
 Бакы-аталык 464
 Балазури 561*, 767
 Баллод Ф. В. 711, 712, 714
 Балтычак (Балынмак, Балынак) 798, 799
 Балхи 563*
 Бань Гу 476, 477
 Бань Чао 29, 179
 Бар-Эбрей — см. Абу-л-Фарадж
 Барак — см.: Борак; Науруз-Ахмед
 Барбаро, Иосафат 740, 760
 Баркьярук 131
 Бармак 119
 Бармакиды 119, 203, 222
 Барман (Тарман?) 825*; ср. Алмуш
 Барс-бег 483, 484*
 Барсхан 38, 579
 Бартоломей И. А. 864, 865*
 Бартольд В. В. 35*, 36*, 39*, 49*, 57*

- 72*, 79*, 80*, 86*, 94*, 109*, 111*,
117*, 121*, 134*, 135*, 150*, 156*,
159*, 164*, 166*, 170*, 173*, 175*,
177*—179*, 189*, 206*, 210*, 217*,
230*, 243*, 257*, 258*, 275*, 285*,
287*, 288*, 292*, 294*, 306*, 318*,
323*, 324*, 350*, 380*, 385*, 387*,
389*, 418*, 420*, 429*, 430*, 438*,
456*, 462*, 468*, 473*, 475*, 477*,
504*, 509*, 514*, 527*, 528*, 560*,
568*, 585*, 592*, 609*, 638, 651, 652*,
653*, 655*, 684*, 715*, 718*, 719*,
721*, 727*, 747*, 763*, 767—772,
785*, 786, 788, 789*, 796*, 798*,
805*, 810, 811, 819*—821*, 826*,
830*, 831*, 835*, 837*, 838*, 843*,
846*, 850*, 851*, 857*, 863*, 874*
- Батур 97, 98, 105, 522, 523
Батый 65, 67, 103, 148, 149, 152, 259—
261, 711
Батыршин Х. А. 349
Баурчик [Барчук] 142
Бахадур-бек 277
Бахадур-бий 406
Бахарзи — см. Сейф ад-дин Бахарзи
Баюндур-хан 581
Баязид [I] 745
Баязид II 223, 751
Баян, хан Белой Орды 70, 72, 103
Баян-ахун (Мухаммед-Аюб, Биянху)
400
Беднани-Даднани 862*
Бейхаки, [Абу-л-Фазл] 41*, 42*, 43, 44,
227, 459, 567, 569, 571*—573*, 631
Бек-Кули-бек 399, 400, 407
Бек-Пулад, аталык 284
Бек-Пулад (Бекбулат), золотоордын-
ский 800, 801
Бекендж-Али-суфи (Бекендж-хан) 619,
620
Бекиш 802
Беклярбеги 303*
Бекович-Черкасский А. (Девлет-Гирей-
Мирза Бекович, князь) 285, 613, 764
Бекран, Мухаммед 586, 707*
ал-Бекри 823*—825*, 868, 870, 872
Бекчурин 298, 338*
Белявский 426, 428
Бенакети 769
Бенбень — см. Чиньбинь
Беневени, Флорио 613
Бентинк 379
Бену Кесран — см. Кесраниды
- Берг Л. С. 169, 642*, 643
Бергбаум 407
Бердибек 595
Березин И. Н. 503, 786
Береке 158
Беркай 67, 68, 148, 149, 261, 711
Бернштам А. Н. 37*, 487*, 542*
Бесс 172, 173
Беха ад-дин Маргинани 64, 65, 148
Беха ад-дин Накшбенд 159, 216, 252,
403
Беха ал-мульк 589
Бехар, Мелик аш-шу'ара 35*
Бехрам Гур 220
Бехтений 522
Биберштейн-Казимирский А. (Biberstein
Kazimirski A.) 631
Бильге-каган (Могилань) 484, 486
Бируни 115, 183, 211, 215, 216, 219, 220,
223, 451, 452, 550*, 565, 836*, 866*
Бихуаньжи 29
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 26*, 27*, 31*,
112, 475, 486, 487*, 490, 494
Биянху — см. Баян-ахун
Блоше Э. (Blochet E.) 768
Бобринский 638
Бобровников Н. А. 304*, 310*, 311*,
314—316
Богданович К. И. 726
Боголюбов М. Н. 191*
Богра-Кара-хан — см. Богра-хан Ха-
рун б. Сулейман
Богра-тегин Сулейман — см. Арслан-
хан Сулейман
Богра-хан Ибрахим б. Наср 235, 630
Богра-хан Мухаммед (Яган-тегин) 43—
45, 102
Богра-хан Сатук — см. Сатук Богра-хан
Абд ал-Керим
Богра-хан Харун б. Муса — см. Бог-
ра-хан Харун б. Сулейман
Богра-хан Харун б. Сулейман (Абу
Муса ал-Хасан [Харун] б. Сулей-
ман) 42, 102, 566, 567
Богра-хан Харун б. Юсуф 44, 45, 102
Болдырев А. Н. 465*
Боли-Карай 542
Борак (Барак) 69, 70, 103, 149, 152,
263
Борокурган 526
Боромбай — см. Буранбай
Борщевский Ю. Е. 51*, 707*
Бостон 533*

- Ботиажо 480
 Бочкай (Бошкой) Канаев 538
 Браун Э. Г.— см. Броун
 Бретшнейдер Э. В. (Bretschneider E. V.)
 79*, 438, 444, 503, 629
 Бродовский М. И. 298
 Броун (Браун) Э. Г. (Browne E. G.)
 68*, 769
 Бу Наср 208
 Бу Садик Тебани 227
 Будагов Л. З. 438
 Будда (Будда Шакьямуни), «Будасф»
 214*, 215, 229, 668
 Будилович А. С. 309*, 314, 315
 Бузан 76, 78, 104, 153
 Бузар (Озар), Тогрул-хан 54, 55, 139
 Буиды 679, 683, 837*
 Буйдаш-хан 94, 516
 Бука 589
 Буладмир — см. Владимир
 Бумын (Буман) 481
 Бундари 768
 Буранбай (Бурамбай, Бурумбай;=Бор-
 ромбай) 532, 542
 Бурейда 232
 Бури 59*, 64, 65, 67, 74
 Бурнашев Т. С. 278
 Бурумбай — см. Буранбай
 Буруч-оглан 89
 Бурхан (род) 130, 250
 Бурхан-Али-султан 878
 Бурхан ад-дин Маргинани 386, 387
 Бурхан ад-дин Мухаммед б. Ахмед
 250
 Бурхан ад-дин-хан Кушкеки 465, 466
 Бусогуань 51, 52
 Бутаков 538
 Бутурлин И. М. 756
 Бухгольц И. Д. 100
 Быковские (купцы) 400
 Бэй Вэй — см. Юань Вэй
 Бэй Лян, династия 187
 Бюрле-хатун 760, 782
- Валид I 674
 Валидов А. З. 286*, 810, 823*, 825*
 Валиханов Ч. Ч. 96*, 371, 524, 528,
 529*, 531*, 532—534, 541*, 542,
 800*
 делла Валле, Джованни 723
 делла Валле, Пьетро 759
 Вальтер И. (Walther J.) 726
- Вамбери Г. (А.) (Vámbéry H.) 45*, 406,
 420, 628, 632, 633, 639
 Ван-хан кераитский 505, 632
 Ван Чжэн-сянь 33
 Ван Янь-дэ 501
 Вараз Григор 673
 Вараз Трдат 673, 674
 Варда Фока 854, 855
 Варрон 659, 776, 813
 Василий, византийский император 853—
 855
 Василий Дмитриевич, великий князь 801
 Васильев В. П. 48*, 475
 Васильчиков Г. Б. 601, 602
 Вассаф 62, 65, 68*, 69*, 70—74
 Вахб б. Мунабих 870
 Везир 62, 63
 Вейденбаум Е. 613*
 Вейнберг 394, 409, 418
 Вейс-хан (Вейс-оглан) 85—87
 Вейсбах Ф. (Weissbach F. H.) 110*
 Вели, эмир 91
 Великие Моголы, династия 164, 750
 Вельяминов-Зернов В. В. 79*, 97, 633,
 638*
 Велянов 99, 106
 Верещагин В. В. 634, 635
 Веселовский Н. И. 305—307, 354*, 366,
 377, 421, 526, 635*, 638, 772
 Вестберг Ф. 588*, 589, 706, 824*, 832*,
 851*
 Винников Я. Р. 533*
 Виргилий 743
 Вирский М. М. 308
 Витгенштейн 420
 Витовт 801
 Владимир (Владимир Святой) 794, 807,
 808, 851, 853, 854, 856, 857
 Владимир Ярославич 856, 858
 Влангали А. 320*
 Воейков А. И. 643
 Вознесенский 299
 Волин С. А. 561*
 Вольф И. (Wolff J.) 632
 Востротин С. В. 646
 Врангель, барон, пристав Большой ор-
 ды 531
 Вревский А. Б. 307, 339, 379, 382
 Ву-гу-сунь [У-гу-сунь] 58, 103
 Вуд Дж. (Wood J.) 465
 Вуллерс И. А. (Vullers J. A.) 443
 Вышнегорский А. Н. 306, 307, 381, 387,
 532

- Вэй, династия 477
 Вэй Цзе 190
 Вэй Юань 101*
 Вяткин В. Л. 212, 281, 297*, 347, 443
 Вяткин М. П. 530*
- Гаданфар, Хамданид 850*
 Газан-хан (Махмуд) 70, 71, 460, 715, 722, 779
 Газзали 714
 Гази Мухаммед (Казы Магома) 874
 Газневиды 130, 226, 238, 459, 570, 571, 631
 Гаиб, мулла 374
 Гаиб-хан 283
 Гайтон [Хетум] 66, 103
 Галдан-Бошокту-хан (Галдан) 98, 99, 105, 106, 523
 Галдан-Цэрэн 100, 101, 106, 526
 Галий Адилев 530
 Галин Якубов 531
 Галкин, полк. 428, 429, 432
 Гардизи 35*, 37, 41*, 42*, 43, 480, 485*, 490—494, 497, 551*, 554*, 567—570, 572*, 767, 807*, 820*, 821*, 822, 823*—825*, 868, 870, 871
 Гарнати, Абу Хамид Андалуси 588, 589, 835*, 836*
 Гаури 646
 Гевонд 670
 Гегна, Иоанн — см. Гечия
 Гейгер В. (Geiger W.) 458
 Гейден Ф. Л. 419
 Гейер И. И. 320, 327, 330, 332, 333*, 362, 364, 368, 423, 425, 427, 428
 Гейнс А. К. 278, 320*, 366—368
 Гёк-Тонлы 593
 Гельман Х. В. 427
 Георгий — см. Сефер-бек
 Георгий III, Багратид 877
 Геродот 110, 654—657, 811
 Гершасп б. Фаррухзад 877
 Гечия (Гегна?), Иоанн 865
 Гибб Э. Дж. В. (Gibb E. J. W.) 769
 Гиргас В. 833*
 Гирей 88
 Гирс Н. К. 377, 378, 422, 431
 Гияс ад-дин 733, 737, 746
 Глазенап Г. И. 529
 Глазов В. Г. 309
 Глинка К. Д. 643
 Гог 870
- Годунов, Борис 602
 Головачев Н. Н. 377
 Головкин Г. И. 526
 Гомзин 367
 Гордлевский В. А. 340, 566*
 Горчаков А. М. 393, 398
 Готьо Р. (Gauthiot R.) 183, 452, 453
 Граменицкий С. М. 300, 309, 310, 348
 Грегуар (Grégoire H.) 827*
 Григорий Бар-Эбрей — см. Абу-л-Фарадж
 Григорьев В. В. 41*, 50, 568, 639, 701, 829*
 Гродеков Н. И. 306, 307, 326, 378, 380, 381, 386, 387, 419, 532
 де Грот И. Я. М. (de Groot J. J. M.) 475—477
 Груздзь 302, 352
 Грумм-Гржимайло Г. Е. 485*, 528*
 Губар 538
 Гудулу — см. Ильтерес
 де Гье М. Я. (de Goeje M. J.) 35*, 120, 554, 679, 726, 767, 824*, 826*, 827*, 846*
 Гуз 579
 Гулям-Яхья 386
 Гуриды 134, 459, 463
 Гурхан (Гёк-хан?) 137*; ср. Джамуха
 Гуюк 63, 64, 73, 103, 148, 259, 260
 Гэлэ-хан Мояньжо 486
 Гюльзар-хан 466
 Гюньцойми 28
- Да-ши — см. Елюй Да-ши
 Давацц 527
 Давид II Строитель 692
 Давуд, золотоордынский бек 802
 Давуд Сельджукид — см. Чагры-бек Давуд
 Даль В. И. 439
 Данилевский Г. И. 284*, 286*
 Даниял-бий 279, 280, 283
 Дарий I 110, 171, 172, 451, 463, 656
 Дарий III 172
 Даулет-бий 280
 Девриен А. Ф. 642
 Дегинь Ж (Deguignes J.) 631
 Дервиш-хан 804*
 Джавахов И. А. 666
 Джагатай — см. Чагатай
 Джалаириды 878
 Джамгерчинов Б. 534*

- Джамуха 137
 Джан-Мухаммед-хан 269
 Джан-ходжа 360
 Джангарач 534, 536—538
 Джанибек, золотоордынский хан 155, 594, 595, 711
 Джанибек, правитель Ферганы 91
 Джанибек, предводитель казахов 88
 Джаниды — см. Аштарханиды
 Джантай Карабеков 531, 534—536, 540, 542
 Джаны-Махмуд Гидждувани 593
 ал-Джарми — см. Муслим б. Абу Муслим
 ал-Джаухари 41*
 Джахиз 555, 827*
 Джеваншир 673
 Джевдет-паша 750
 Джейхани, Абу Абдаллах 35*, 823*—825*, 836*
 Джексон А. (Jackson A. V. W.) 766
 Джелаль ад-дин б. Тохтамыш 804
 Джелаль ад-дин [Мангуберти] 144, 256, 459, 461, 590, 691, 708, 779, 877
 Джелаль ад-дин Султан-шах 877, 878
 Джемаль, мирза 772
 Джемаль ад-дин Ибн Муханна — см. Ибн Муханна
 Джемаль Карши 41, 43*, 49*, 54*—57*, 60, 62*, 63*, 64, 66—68, 70*, 71, 72, 591
 Джемаль-ходжа 509
 Джемшид Карен Гури 739
 Дженкинсон А. 95
 Дженкши 77, 104, 632*, 732
 Джахангир б. Тимур 81
 Джибраил — см. Кадыр-хан Джибраил
 Джолой 541*
 Джоо Кесек 533*
 Джувеини 48*, 51—53, 54*—57*, 59*, 60, 61*, 64, 65*, 66, 137, 141, 501—503, 508, 549, 587, 589*, 590*, 872
 Джулбарс 277
 Джуллаби 230
 Джунаид-хан 275*
 Джунейд, ардебильский 748, 781
 Джунейд, багдадский, 231, 234, 236
 Джунейди, Низам ал-мульк Мухаммед б. Абу Са'д 805
 Джура-бек 345, 346 356, 365, 404, 409
 Джурджани 769
 Джучи 59, 60, 64, 70, 139, 142, 143, 146—148, 258—261, 506, 507, 509, 585, 591, 795*
 Джучиды 65, 67—71, 73, 80
 Джэбэ-нойон 55, 141
 Диб-Бакуй 579
 Дильзибул (Сильзибул) 481; ср. Шэдеми
 Димитрий, грузинский царь 690, 778
 Димитрий, сын Сефер-бека 863
 Дин-Мухаммед-хан, Аштарханид 271
 Дин-Мухаммед хорезмийский 598, 600
 Дингли-бек 593
 Диоклетиян 259
 Добросмыслов А. И. 300, 304, 305*, 311, 313, 317, 355, 366, 378
 Доми 482
 Домициан 667*
 Домиций Корбулон 667
 Дондук-Омбо 613
 Дониш, Ахмад 403*
 Дöблöс 533*
 Дорн Б. А. 770, 846*, 864
 Дост-Мухаммед, афганский эмир 466
 Дост-Мухаммед б. Эсен-Бука 88
 Дува — см. Тува
 Дуду б. Дадик (Дуду б. Исхак б. Хизр, Дуду-бек) 582
 Дужак (Тукак) 566
 Дулу 481, 482
 Думан Л. И. 400*
 Дурра-Тимур 76, 104, 153
 Духар (Зукар) 525
 Духовской С. М. 358, 383
 Евкратид 111, 174
 Евстафий Малеев 854*
 Евтидем 174
 Еди-инал 506
 Едигей, барлас 800
 Едигей (Идику, Идюкю), темник 736, 797—804
 Екатерина I 762
 Елюй 502
 Елюй Да-ши 48, 49, 502, 503
 Елюй И-ле 51, 52
 Елюй Чу-цай 57, 103, 444
 Еникеев 345
 Ермак 646
 Есу-Мунжэ 63—65, 103
 Есулун 63
 Есун-Тимур 77
 Ефремов, Филипп 641*
 Жирмунский В. М. 797*
 Жуковский В. А. 443*, 617*, 629*, 636, 784

- Закария Қазвини — см. Қазвини, Закария
- Закир-джан 349
- Залеман К. Г. 41*
- Заман-хан (Заман-бек) 400
- Зарнек 534
- Зарпек (Сарпек) — см. Сарынбек
- Зарубин И. И. 430, 465
- Захау К. Э. (Sachau C. E.) 750
- Захир ад-дин Мар'аши 671, 685, 729, 730, 737—739, 745, 770, 831
- Захири 581
- Зейн ал-абидин Тагиев 771
- Зейн ад-дин Тайабади 158
- Зейпель А. (Seirpel A.) 830*
- Земарх 670
- Зибберштейн 530
- Зимин Л. А. 769
- Зингер П. 306*
- Зия ад-дин, ахун 528
- Зияд б. Салих 36
- Зияриды 679
- Зороастр 668, 671, 678, 766
- Зу-л-карнейн 204, 205, 232; см. также Александр Македонский
- Зу-л-кифль 204
- Зубейр Раги 463
- Зукар — см. Духар
- И-цзун 489
- Иакинф — см. Бичурин
- Иаков 853
- Ибн Абу Асим ан-Набиль 232
- Ибн Арабшах 736, 738, 742, 797, 799, 801, 803*
- Ибн ал-Асир 41, 42, 43*, 44, 46, 49, 50*, 51, 52, 55*, 132, 235, 245, 246, 252, 554, 557, 566, 567, 569—571, 577, 585, 629—632, 677, 692, 767, 808*, 844, 846—848, 855, 876, 877
- Ибн Ба'ис 767
- Ибн Баттута 75, 76, 78, 104, 155, 272, 632, 713, 867
- Ибн Бейтар 444*
- Ибн Джубейр 228
- Ибн Исфендияр 768, 831*
- Ибн Исхак 870
- Ибн ал-Кальби, Хишам б. Мухаммед 871
- Ибн Керрам — см. Абу Абдаллах Мухаммед б. Керрам
- Ибн Мискавейх 767, 846, 848*
- Ибн ал-Мукаффа' 480, 870, 871
- Ибн Муханна, Джемаль ад-дин 461*
- Ибн Русте 806*, 807*, 820*, 822, 823*, 824*, 825, 866, 868
- Ибн Са'д 225
- Ибн Са'ид 591
- Ибн Фадлаллах Омари — см. Омари
- Ибн Фадлан 124, 559, 563—565, 677, 682, 807*, 810, 811, 823*—825*, 832—834, 835*, 837, 838, 843, 850, 871
- Ибн ал-Факих 690, 826, 837*, 871
- Ибн ал-Фурат, Абу-л-Хасан Али 788, 832*
- Ибн Фурек 238
- Ибн Халдун 160
- Ибн Хамдун 788
- Ибн Ханбаль — см. Ахмед б. Мухаммед б. Ханбаль
- Ибн ал-Хасан Бушенджи 238
- Ибн Хаукаль 124, 201, 221, 241, 441, 443*, 496, 689, 690, 793, 837*, 848—850, 851*, 852*, 871, 876
- Ибн Хордадбех 35*, 554, 588*, 819, 820*, 825*, 826, 827, 871
- Ибрахим, брат Абдулла-хана могольского 519
- Ибрахим, брат Надир-шаха 762
- Ибрахим, самаркандский хан 133
- Ибрахим [И. б. Мухаммед], ширваншах 735, 741
- Ибрахим II, ширваншах 878
- Ибрахим б. ал-Аббас ас-Сули (б. ал-Аббас б. Сул) 556
- Ибрахим б. Адхам 229
- Ибрахим б. Ахмед, Қараханид 132
- Ибрахим б. Мухаммед, Қараханид 44, 630
- Ибрахим б. Наср, Қараханид — см. Богра-хан Ибрахим б. Наср
- Ибрахим б. Шахрух 87*
- Ибрахим б. Я'куб 872
- Ибрахим-бий, глава кенегесов 271
- Ибрахим-хан — см. Ибрахим б. Ахмед
- Ибрахим ал-Харби 232
- Ибрахим-ходжа 413
- Иванин М. И. 632
- Иванов Н. А. 360, 384, 414, 423
- Иванов П. П. 163*, 275*
- Игнатъев Н. П. 378, 379, 402, 421, 422
- Игорь 684, 686, 823*, 828, 843, 844, 846, 847, 854
- Идижу — см. Едигей
- Идрис Битлиси 752

- Идриси 558, 872
Идыгей (Идыге), Идюкю — см. Едигей
Иисус Христос 217, 565, 668
Ик-бек 594
Икбаль, Аббас 768*
Илак 579
Илек-ханы — см. Караханиды
Или-хан Тумынь 31
«Илик-хан» 549
Иль-Арслан 585
Ильбарс б. Араб-Мухаммед 605, 606
Ильбарс [II] 274, 618, 619
Ильдегизиды — см. Пехлеваниды
Ильминский Н. И. 302*, 309, 312
Ильтерес (Эльтериш, Гудулу) 483, 484, 486
Ильтузер 284, 285, 286*
Ильтутмиш, Шемс ад-дин Абу-л-Музаффар 806
Ильчигидай 76, 104
Илья, несторианский епископ 221
Илья III, несторианский патриарх 52, 103
Ильяс-ходжа 80, 81
Имад ад-дин Исфакани 690, 692, 768, 778
Имам А'зам — см. Абу Ханифа
Иманиддин-бий — см. Яемин ад-дин-бий
Инань 482
Индра 219
Иностранцев К. А. 442, 582*
Иоанн из Лукки 863
Иоанн, сын Дженкши 77
Иоанн, «царь-священник» 133, 138, 632
Иоанн XXII, папа римский 76
Иосиф, несторианский митрополит 221
Иосиф, хазарский царь 685, 828
Ипатов 430
Ираклий, византийский император 767
777
Ираклий, грузинский царь 763
Ирдана-бий 286*, 287*, 528*
Ирек 593
Иренак 523
Иса, автор сирийского словаря 221
Иса, мулла 394
Иса б. Али 629
Иса-бек 802
Исаак 853
Исам ад-дин 411, 416
Искендер 204; см. Александр Македонский
Искендер б. Афраснаб 737, 739, 740, 745, 746
Искендер б. Омар-шейх 84, 798
Искендер-бек 291
Искендер Мунши 598, 599, 601, 602, 605, 756, 771, 785, 787
«Искендер-салис» — см. Александр III
Искендер-хан 404
Ислам-ходжа 413
Исма'ил, могольский хан 511
Исма'ил, ногайский князь 640*
Исма'ил, шах 163, 596, 748—751, 781, 878
Исма'ил б. Ахмед, Саманид 120, 199, 207, 241, 246
Исраил б. Сельджук — см. Арслан б. Сельджук
Истахри 205, 208, 210, 443, 549, 559, 562, 564, 587, 657, 679, 757, 786, 787, 852*, 868
Истеми 481; см. также Шэдеми
Исфендияр б. Араб-Мухаммед 273, 605—610
Исфендияр б. Мухаммед-Рахим 412, 413
Исфизари 62*
Исхак, мулла — см. Пулат-хан
Исхак б. Ибрахим 862
Исхак-бай 361
Исхак-хан 420, 467
Ихтияр ад-дин 589
Ичими 29, 102
Ишан-Кули-дадха (Ишан-Кул) 303*
Ишей 523
Ишим 98
Ишодад 221
Йафас — см. Яфет
Йезидигерд I 220, 672
Йезидигерд II 669, 670
Йезидигерд III 815*
Йезид б. Мазьяд аш-Шейбани 682, 875
Йезид б. Усейд ас-Сулами 875
Йеке-нойон — см. Муги-нойон
Йет (Yate Ch. E.) 467
Йемин ад-дауля — см. Махмуд, Газневид
Йемин ад-дин-бий 412
Йиннал-тегин 44, 45
Йол-Булды 519
Йолбарс 519
Каани 784
Кабус 247
Кавад 217, 669, 679

- Кавам ад-дин 730, 731, 739
 Кавус б. Кайкубад 878
 Кадыр-хан Джибраил (Туган-хан) 45, 102
 Кадыр-хан Юсуф 42—44, 102, 569
 Казаган 78
 Казакбаев Рустам-бек — см. Рустам-бек Казакбаев
 Казакбаев Салих-бек — см. Салих-бек Казакбаев
 Казан-бек 760, 782
 Казан-хан 77, 78, 153, 158, 264, 632
 Казвини, Закария 565, 589, 716, 835* 836*
 Казвини, Мухаммед 767*
 Казвини, Хамдаллах 567, 582, 587, 591, 721—723, 728, 769, 779, 780
 Казем-Бек А. К. 787
 Кази-хан 387*
 Казнаков А. Н. 784
 Казы Магома — см. Газн Мухаммед
 Кайкубад 878
 Кайхусрау 157, 158
 Калинин — см. Али-Аскар Калинин
 Калмыков А. Д. 638*
 Камар ад-дин 80—84, 104
 Канаат-ша парваначи 288*
 Канаев — см. Бочкай (Бошккой) Канаев
 Кангды 533*
 Канишка 182
 Канси 99, 106
 Капаган-каган — см. Мочжо
 Кара-Коюнлу 780
 Кара-Сонкор 690, 778
 Кара-хан 579
 Кара-хан Омар 45
 Карабагыш 533*
 Карабай — см. Абдулла-хан (Карабай)
 Карабеков — см. Джантай Карабеков
 Караваев В. Ф. 326*
 Карамуллин, мулла — см. Кубан-бай
 Карамзин Н. М. 801
 Карасмон 77
 Караханиды 39—44, 46, 49—51, 64, 128—132, 134*, 135, 139, 246—251, 256, 257, 549, 553*, 568, 569, 629
 Карачар 741, 742
 Каркара 518*, 541*
 Карпини, Пляно 56*, 60, 103, 461, 508
 Каррыев Б. А. 582*
 Кары-хан 604, 605
 Касим-султан 610
 Касим-хан 91, 93, 95, 105, 515, 516
 Касимов, Кенисары — см. Кенисары Касимов
 Катенин А. А. 296, 324
 Катрмер Э. (Quatremère E.) 79*
 Каульбарс А. В. 394
 Кауфман К. П. фон 297—299, 302, 303, 310, 313, 314, 353, 356—361, 366—371, 377—380, 383, 384, 390, 391, 393—400, 402—409, 411, 412, 414, 415*, 416—422, 634
 Кафаров (Палладий) 503, 507
 Каффаль — см. Абу Бекр Мухаммед Каффаль
 Кахир-ходжа 610
 Кашани, Ануширван б. Халид 768
 Кашга 594
 Кашка 521*
 Каэтани Л. (Caetani L.) 846*
 Каюмов А. 287*
 Кебек 74—76, 104, 152, 153, 263, 264, 731
 Кебек-султан б. Дост-Мухаммед 88
 Кедрон 862
 Кезли 590
 Келеш-бек 863
 Келимати, Абу-л-Хасан Мухаммед б. Суфьян 125, 245, 246
 Кемаль ад-дин, кази-калян 356, 360, 468
 Кемаль ад-дин б. Кавам ад-дин 730, 733, 737—739
 Кемаль ад-дин Хорезми 593
 Кенисары Касимов 407, 531
 Керенский Ф. М. 306, 315, 317*
 Керзон 763
 Керим-хан 275
 Кесраниды 876—878
 Кидара 180
 Кир 173, 639
 Кичик-ханым — см. Тевекель-ага
 Клавдий Птолемей — см. Птолемей
 Клавихо Р. Г. 741, 744—746
 Клапрот Ю. М. (Klaproth J. M.) 26, 490, 499
 Кобеко Д. 432
 Ковалев 429*
 Ковалевский, инженер-путеец 423
 Ковалевский С. А. 727, 740, 777
 Коджамедин 802
 Кожевников Е. В. 378
 Козубский Е. И. 771
 Козьмин Н. Н. 480, 520, 521, 524

- Койсары 519
 Койчибек б. Ширали 529, 530
 Кожовцов П. К. 684, 827*
 Кокум 538
 Колзаков 411
 Колпаковский Г. А. 322, 359, 361, 377, 383, 397, 398, 411, 415*, 417, 421, 534—536, 540
 Кольбер 759
 Кома-бек 594
 Комка 521
 Конаев — см. Байтак Конаев
 Кононов А. Н. 547*
 Константин [сын Романа Лакапина] 847
 Константин [VII] Багрянородный 820, 838*
 Константин [VIII] 853, 855
 Коншин А. 695
 Копытовский В. 615
 Қора 521, 522
 Коркут 581, 760, 781
 Коркут б. Абд ал-Хамид 582
 Корнилов 528
 Корчу (Корча) 538, 540
 Костенко Л. Ф. 317*, 321*, 447, 635
 Котвич В. Л. 520, 524
 Котов, Федот 757
 Кошут-хан 285, 620, 621
 Кочербай 521
 Краевский 354*
 Кривошеин А. В. 388, 643
 Крыжановский Н. А. 298, 350, 352—355, 357, 366, 401, 402, 539
 Крымский А. Е. 768, 819*, 857*
 Ксенофонт 786
 Ксеркс 110, 171, 439, 656, 812
 Куан-ван (Ними) 28
 Кубад б. Юсуф-Али 467
 Кубад-бий — см. Кубат-мирза
 Кубан-бай Карамуллин 614
 Кубат-мирза (Кубад-бий) 528
 Кудама 38
 Кудси 206
 Куйлюк 70, 72
 Куче-султан 599
 Куман (Мани) 52; см. также Чжэлугу
 Кун А. Л. 298—302, 320
 Куник А. А. 806*, 808, 829*, 831*, 846, 850, 852*
 Кунджек 73, 77, 104
 Курбский, князь 470
 Куркуз 63
 Куропаткин А. Н. 390—392, 399, 400, 422
 Курсебе 74
 Курсуль 34
 Курцикидзе Г. 865
 Кусам б. Аббас 196
 Кутб ад-дин, факих 739
 Кутб ад-дин керманский 62*
 Кутб ад-дин [Мухаммед б. Ануш-тегин] 631
 Кутб ад-дин Хабаш-Амид — см. Хабаш-Амид
 Кутейба б. Муслим 118, 627
 Кутлу-Кая (Кутлук-Кая) 798
 Кутлуг-Буга 800
 Кутлуг-Мурад 621
 Кутлук-Тимур 803*; см. также Тимур-Кутлук
 Кучкунчи 514
 Кучлук 53—56, 103, 137—141, 145, 254
 Куш-тегин Пехлеван 590; ср. Пехлеван
 Кушев В. В. 485*
 Кушкеки — см. Бурхан ад-дин-хан Кушкеки
 Кыдырша 533*
 Кызыл-Арслан Осман 692, 693
 Кылыч-бек (Кылыч-хан) 602, 603, 604*
 Кылыч-хан — см. Махмуд-султан
 Кыргыз-хан — см. Шах-Кыргыз
 Кычанов Е. И. 504*, 505*
 Кыят-хан 622
 Кюль-тегин 484
 Кюндже 802
 Лаврентий из Александрии 77
 Лама-Дорчжи 101
 Ланглуа Ш.-В. (Langlois Ch.-V.) 725
 Латышев В. В. 767
 Лебедев 615
 Лев IV 871
 Лев Диакон 855
 Лев Фока 855
 Леван — см. Леон
 Ленин В. И. 306*, 318*
 Леон (Леван), Шервашидзе 863
 Леон (Леван) II, эристав 861
 Лерх П. 639*
 Лессар П. М. 421, 424, 427
 Лецзяоми 26, 28
 Лешкер-хан 44
 Ли, род 478, 489
 Ли Лин 477, 478, 489
 Лившиц В. А. 115*, 121*, 457*, 548*

- Лигети Л. 474*
 Лименталь 424
 Линднер Т. 716
 Логофет Д. Н. 425—430, 638*
 Локман 566
 Локман-Дукак — см. Дукак
 Лопатинский 660
 Лочжан 522, 523
 Лука, толмач 522
 Лули-бече 600*
 Лутфулла 516, 517
 Лыкошин Н. С. 296*, 310, 347, 382—384
 Лэн-Пуль С. 629*, 630, 829*
 Лю Хао-ли 508
 Лю Шо [Лю Цзинь-тан] 399
 Любимов П. П. 644
 Людовик I Благочестивый 818, 819*
 Людовик XIV 55, 139
 Лютш Я. Я. 301*
 Лян, династия 437
 Ляо, династия 48, 50, 131, 132, 501, 503
- Ма Дуань-линь 508
 Маверди 237
 Магог 870
 Магомет — см. Мухаммед, пророк
 Мад-Умар-хальфа (Ак-ишан) 373
 Мадали-[хан] — см. Мухаммед-Али
 Маев Н. А. 428
 Маздак 217, 668, 669
 Мазьяиды 688, 683, 875
 Майнагашев С. Д. 525
 Мақдиси (Мукаддаси), Абу Абдаллах
   Мухаммед б. Ахмед 40, 125, 203,
   226, 226, 233, 442*, 443, 548, 549,
   681, 787, 821*, 823*
 Мақдиси, Мутаххар б. Тахир 821
 Мақриз 233, 804
 Мақсимович Қ. М. 378
 Мақсудов 311*
 Мақсут-Ходжа Ата-Падша-Ходжаев 339
 Мақшеев А. И. 295*, 336*, 343, 351*
 Малицкий Н. Г. 348
 Малля-хан 288*, 535
 Малов С. Е. 495, 552*
 Малькольм Дж. (Malcolm. J.) 771
 Мама-аке 295
 Мама-бике 594
 Мамду-хан 53, 54
 Мамун, халиф 222, 329, 555
 Мамун [б. Мамун], хорезмшах 223
 Мамун б. Мухаммед, хорезмшах 853*
- Мамыр 531
 дю Ман, Рафаэль (du Mans R.) 759, 760
 Манап 531
 Манас 320*, 518*, 541
 Мангыт Кебек 800
 Мангыты, династия 297
 Мани, гурхан — см. Куман
 Мани, основатель манихейства 216, 217,
   223, 668
 Мансур, халиф 222, 680, 870, 875
 Мансур б. Нух 195*, 201, 242
 Мансур-хан 90—92, 105, 512—514
 Мар'аши — см. Захир ад-дин Мар'аши
 Маргания Д. 865
 Маргинани — см. Бурхан ад-дин Мар-
   гинани
 Марголиус Д. С. (Margoliouth D. S.)
   846*
 Марзбан б. Мухаммед б. Мусафир 682,
   686—688, 844—847, 876
 Марин тирский 185
 Маркварт И. (Marquart J.) 490, 497, 503,
   554—556, 538*, 589, 654, 820*, 821*,
   823*, 824*, 827*, 832*, 835*, 836*,
   852*, 866—868, 875
 Маркиан 670
 Марко Поло — см. Поло, Марко
 Марков А. К. 42*
 Марков Е. Л. 380
 Маркс К. 257*
 Марр Н. Я. 654, 655, 661, 721, 766, 775
 Маршания, княжеский род 861*
 Масальский В. И. 330, 332, 333, 334*,
   337, 363, 377, 388, 425, 428, 637,
   638, 641, 645*, 683
 Маслама [б. Абд ал-Малик] 777, 869
 Масловский С. Д. 458, 464, 466
 Массон М. Е. 155*, 199*, 428*, 713*
 Мас'уд. Газневид 208, 234, 235, 459,
   569—573, 631
 Мас'уд, Сельджукид 131, 697
 Мас'уд-бек 148, 149, 151, 261, 262
 Мас'уд-хан 630
 Мас'уди 554, 683—686, 792, 819, 823*,
   824*, 826*, 829—831, 832*, 837,
   852*, 866, 868, 871, 875
 Мат-Мурад [Мухаммед-Мурад] 413
 Мат-Нияз (Мухаммед-Нияз) 369, 370,
   413
 Матвеев 419, 421
 Матфей, апостол 61
 Махди, халиф 39, 216, 217, 554
 Махди-хан 616, 617*, 618, 619

- Махдум-и А'зам 276, 517*
- Махмет-Кул — см. Мухаммед-Кули
- Махмуд — см. Газан-хан
- Махмуд, Газневид 42—44, 130, 226, 227, 234, 235, 238, 569—571, 631
- Махмуд, мелик сеиستانский 616, 617
- Махмуд, мулла 348
- Махмуд, Сельджукид 692, 876
- Махмуд б. Вели 464, 512*, 517
- Махмуд б. Мулла Мухаммед-Заман Ургенчи 610*
- Махмуд б. Юнус (Махмуд-хан) 89—91, 105
- Махмуд-бай 54, 135, 254, 261; ср. Махмуд Ялавач
- Махмуд Кашгарский 454—456, 460, 469, 493, 499, 548, 549, 551, 552, 558—561, 574—578, 581, 582, 585, 691, 699, 706
- Махмуд-султан, узбекский царевич 87*
- Махмуд-султан (Кылыч-хан) 518
- Махмуд-султан б. Акатай 602
- Махмуд-хан — см. Махмуд б. Юнус
- Махмуд-хан (Махмуд-тегин) 630
- Махмуд-хан [б. Мухаммед], Руки ад-дин 50, 133, 630
- Махмуд-хан б. Мухитдин-ходжа 360
- Махмуд-хан дарвазский 466; ср. Шах-Махмуд
- Махмуд хорезмийский 261; ср. Махмуд Ялавач
- Махмуд Чурас 511, 516, 518
- Махмуд Ялавач 147, 148, 261; ср. Махмуд-бай
- Махтум-Кули 614
- Маэс (Titianus) 185
- Меджд ад-дин, врач 63
- Меджд ад-дин Багдади 141, 252
- Медников Н. А. 784
- Мейендорф Е. К. 458, 464
- Мейменди 569
- Мелик Санджар 135
- Мелик-Тимур 72, 73
- Мелик-Хусейн 78
- Меликшах 45, 246, 593, 631, 690, 691, 778, 805*, 876, 877
- Мелиоранский П. М. 797, 798
- Медьгунов Г. 770
- Меһандр Протектор 241*
- Менгу-Тимур 69
- Менде 538
- Менянг (Минг?) 579
- Менучехр, миф. 209
- Менучехр I б. Ферибурз 876
- Менучехр II б. Афридун 692, 876
- Мерван II б. Мухаммед 870
- Мервези 857*
- Мерверруди — см. Фахр ад-дин Мубарекшах
- Мерджиманов, Омар — см. Омар Мерджиманов
- Мешко 872
- Мжик Г. (Mžik H. v.) 555*
- Миддендорф А. Ф. 378, 385
- Микаил б. Сельджук 567
- Миллер Г. Ф. 443*, 520, 521, 524, 526
- Милютин Д. А. 377, 398
- Мин, династия 445, 786
- Минг — см. Менинг
- Минг, династия 165
- Минорский В. Ф. 35*, 38*, 39*, 65*, 71*, 113*, 215*, 493*, 552*, 572*, 655*, 678*, 766, 768*
- Мир Али-Шир (Неван) 162, 640
- Мир Алим 420
- Мир Вали 513
- Мир Ибрахим 88
- Мир Иззетулла 287*
- Мир Керим-Берды 87, 88
- Мир Махди Хизани 772
- Мир Мухаммед-шах 87
- Мир Хажк-Берды Бекчечек 87, 88
- Мир Хамид ад-дин 401
- Мираншах 741, 744, 745, 780
- Мирза Мухаммед Ахундов — см. Ахундов
- Мирза Хайдер — см. Мухаммед-Хайдер
- Мирза-хан 463
- Мирхонд 48*, 68*, 285*, 549*, 698*
- Митридат II парфянский 178, 628
- Митридат понтийский 628
- Михаил б. Сефер-бек 863, 864
- Михаил Николаевич, великий князь 412
- Михаил Федорович, царь 758
- Михр 673
- Михр Нарсе 668
- Михракан, династия 673
- Мищенко П. И. 422
- Могильянь (Моцзилян) — см. Бильге-каган
- Могол-хан 579
- Моголы Великие — см. Великие Моголы
- Мозер Г. 411—413, 420
- Моисей Каганкатваци 673, 682, 687, 847

- Мохэ-дагань 33
 Мочжо (Капаган-каган) 483, 484
 Мубарек-шах, сын Хара-Хулагу 68, 69, 76, 103, 149, 152, 262, 263
 Мубарек-шах б. Едигей 803
 Мубарек-шах Музаффар 463
 Мубарек-шах санджари 592
 Мубарекшах Мерверруди — см. Фахр ад-дин Мубарекшах
 Муги-нойон (Йеке-нойон) 508
 Муджир ал-мульк 589
 Музаффар (Музаффар ад-дин), эмир бухарский 291, 401, 403*, 404, 408, 416, 419, 420
 Музаффар-шах (каратегинский) 408 ал-Му'изз 850*
 Муин ад-дин Натанзи 57*, 509*, 592*, 798*
 Мукаддаси — см. Макдиси
 Муканна* 217, 218
 Муктадир 216, 825*, 837*
 Муктафи 877
 Мулла Алим — см. Алим, мулла
 Мулла Алим-Кул — см. Алим-Кул
 Мумаш-хан 93
 Мункуш 533*
 Мунис (Шир-Мухаммед) 285, 286*, 612, 613
 Мункар 233*
 Мункэ 59*, 64—66, 72, 103, 148, 149, 261, 508
 Мунтасир, Саманид 567, 568
 Муравьев Н. Н. 374, 621
 Мурад III 753, 781
 Мурад-Али 542
 Мурад-бек кундузский 465
 Мурад-бек маргеланский 396
 Муса б. Сельджук 567, 568
 Муса-бек 402, 403, 405, 406, 410
 Муса-хан 613
 Мусеви 57*, 75—77, 79*, 81, 84*
 Муслим б. Абу Муслим ал-Джарми 819, 820*, 821*, 827, 871
 Мустахир 877
 Мустафи 837*
 Мустафир 235
 Мутаид 824*
 Мутаххар б. Тахир ал-Макдиси — см. Макдиси, Мутаххар б. Тахир
 Мутеваккиль 875
 Мути* 837*
 Мухаммед, отец Тимур-бека (Тимур-Мелика) 801
 Мухаммед, предводитель киргизов 92, 93, 105, 513—515
 Мухаммед, пророк 212, 217, 225, 228, 232, 238, 407, 683
 Мухаммед, Сельджукид 131
 Мухаммед, сын гурхана 51
 Мухаммед, ученик шейха Лутфуллы 517
 Мухаммед, хорезмшах — см. Мухаммед б. Текеш
 Мухаммед-Али (Мадали-хан) 289, 291, 465
 Мухаммед-Али-хан Ушак 618, 619
 Мухаммед ал-Ауфи — см. Ауфи
 Мухаммед-Аюб — см. Баян-ахун
 Мухаммед б. Али термезский 230
 Мухаммед б. Ахмед ал-Азди 875
 Мухаммед б. Ибрахим, Саманид — см. Насир ад-дауля Абу-л-Хасан
 Мухаммед б. Йома'ил Бухари 195
 Мухаммед б. Йезид 683, 684, 875, 876
 Мухаммед б. Керрам — см. Абу Абдаллах Мухаммед б. Керрам
 Мухаммед б. Махмуд, Газневид 43, 234
 Мухаммед б. Муса ал-Хорезми — см. Хорезми
 Мухаммед б. Наср 630
 Мухаммед б. Тахир 233, 629*
 Мухаммед б. Текеш 53—55, 62, 134, 135, 138—141, 143, 247, 251, 252, 254, 461, 586, 588, 590, 693, 698, 704, 707, 808*
 Мухаммед б. Фазл 230
 Мухаммед б. Юсуф — см. Богра-хан Мухаммед
 Мухаммед-бек, могольский 85
 Мухаммед-бек б. Аргун-шах 592
 Мухаммед Бекран — см. Бекран, Мухаммед
 Мухаммед-Гази-султан 598
 Мухаммед Қазвини — см. Қазвини, Мухаммед
 Мухаммед-Кули 601, 602
 Мухаммед-Кулов 345
 Мухаммед Қятиб 808
 Мухаммед Назим 767*
 Мухаммед Насир 407
 Мухаммед-Нияз — см. Мат-Нияз
 Мухаммед-оглан — см. Мухаммед-хан
 Мухаммед Парса, бухарский посол 403
 Мухаммед-Пулад 77
 Мухаммед-Рахим-аталык (Мухаммед-

- Рахим-хан) бухарский 272, 277, 279—281, 283, 639
- Мухаммед-Рахим-бахадур — см. Мухаммед-Рахим-хан [II]
- Мухаммед-Рахим-хан [II] хивинский 284, 285, 621
- Мухаммед-Рахим-хан [III] хивинский 285, 292, 414*
- Мухаммед-Риза — см. Агехи
- Мухаммед-Садик Кашгари 528*
- Мухаммед-Хайдер Дуглат 74*, 79*—82*, 84*, 85, 86, 88—94, 511, 513, 516, 517
- Мухаммед-Хаким-бий 282
- Мухаммед-Хаким-хан 287*
- Мухаммед-хан (XVII в.) 518
- Мухаммед-хан б. Хизр 84—86, 104, 513
- Мухаммед-Хасан-хан, глава каджаров 619
- Мухаммед-Хасан-хан, заместитель Хорасана 622
- Мухаммед Хорезми — см. Хорезми, Мухаммед б. Муса
- Мухаммед-Хусейн-бек 606, 607
- Мухаммед Шафи' 874
- Мухаммед-шах 622
- Мухаммед Шайбани 89—92, 105, 1163, 164, 268, 269, 596, 751
- Мухаммед-Шериф, диван-беги 424
- Мухаммед-Шериф, шейх 516
- Мухаммед-Шериф-аталык 465
- Мухаммед-Эмин, иначе 283, 284
- Мухаммед-Эмин-хан (Медемин) 286, 620, 621*
- Мухаммед-Юсуф Валих 608*
- Мухаммед-Я'куб, хивинский везир 621
- Мухаммед-Я'куб-ахунд 289
- Мухаммед-Я'куб бухарский 279, 280, 282
- Мухаммед-Яр 602
- Мухитдин (Мухьи-д-дин) 357, 359—361, 374, 380
- Мухлис-Ата 199
- Мушкетов Д. И. 169
- Мушкетов И. В. 726
- Мушриф 287*
- Мян Хун (= Чжао Хун) 632
- Мюллер А. (Müller A.) 628, 629, 696, 698, 784
- Навои — см. Мир Али-Шир
- Навуходоносор 786
- Надир-Мухаммед 164, 610
- Надир-хан [позднее Надир-шах] 465
- Надир-шах афшар 272, 274, 275, 582, 615—619, 639, 723, 762, 782
- Назар-бий 303*
- Назаров, Филипп 447*, 458*
- Накир 233
- Накш-и Джахан 85, 104
- Наливкин В. П. 41*, 184, 286, 287*, 305, 306, 307*, 315*, 316, 317, 333*, 343*, 345, 346, 348*, 363, 365, 370—372, 373*, 374*, 377*, 381, 382*, 383, 384, 416*, 462, 467, 638
- Наливкина М. В. 372, 416*
- Наллино К. А. (Nallino C. A.) 555*
- Нань-чао, династия 437
- Нар-ходжа 352
- Нарбута-бий 286, 287
- Нарсе 220
- Насир 138, 698, 877
- Насир ад-дауля 845
- Насир ад-дауля Абу-л-Хасан Мухаммед б. Ибрахим 238
- Насир ад-дин, халиф — см. Насир
- Насир ад-дин, шах 785
- Насир ад-дин б. Хабаш-Амид 65
- Насир ад-дин б. Худояр-хан 393, 395—398
- Насир ад-дин Кабаджа 805*
- Насир ад-дин Туси 715
- Наср, Газневид 226, 234
- Наср [б. Али] илек 42, 44
- Наср [I] б. Ахмед 563
- Наср [II] б. Ахмед 122, 205, 563
- Наср б. Мухаммед, Караханид 630
- Наср [б. Сейяр] 34, 629
- Насрулла, эмир бухарский 290—292, 420, 427
- Насрулла б. Надир-шах 619
- Науруз-Ахмед (Барак) 94, 96, 105, 516
- Нафиси, Са'ид 41*, 767*
- Неван (Навои) — см. Мир Али-Шир
- Неджм ад-дин Абу-р-Радж ал-Гаэмини 459*
- Неджм ад-дин Кубра 141, 251, 252
- Неджм ад-дин-ходжа 402, 404, 406, 410
- ан-Недим 216
- Нельдеке Т. (Nöldeke Th.) 556, 628, 629
- Немек (Немей) 520—522
- Немчинов 394
- Нершахи 213, 214, 218, 228, 441, 442, 628—630, 634*, 824*
- Несеви 53, 55*, 590*, 691, 707, 877, 878

- Нефес, ходжа 613
 Нечай 293, 319
 Нибур 852*
 Низам ад-дин Шами 79*, 632, 634, 745
 Низам ал-мульк [Абу Али Хасан б. Али Туси] 131, 231, 238, 246, 580, 805*
 Низам ал-мульк Мас'уд 238
 Низам ал-мульк Мухаммед б. Абу Са'д ал-Джунейди — см. Джунейди
 Низами 756, 784, 785
 Никитин, Афанасий 740, 747
 Никифор Фока 854
 Николай, францисканец 77
 Николай I 762
 Николай II 422
 Николай Константинович, великий князь 326, 327
 Николай Хрисоверг 85
 Никольский М. В. 766
 Нимн — см. Куан-ван
 Нияз-бек 531*
 Нияз-Мухаммед 288*, 376, 394
 Ниязов, киргиз 345
 Ногай 70
 Ногой 541*
 Ной 578, 870
 Нольде А. А. 396
 Номча 521, 523
 Носович 410, 411
 Ноян 521
 Нур-Али 619
 Нур ад-дин б. Абдулла 519
 Нур ад-дин Махмуд 580, 581
 Нур-Мухаммед (Нурум-хан) 600, 601, 603
 Нусрет ад-дин Хамза б. Мухаммед 590
 Нух б. Асад 199, 241, 555
 Нух б. Мансур 567
 Нюхалов 530
 Обрай 521
 Огеи — см. Агеги
 Огуз-хан 509*, 552, 574, 576, 578, 579, 593
 Огурджик 593
 Ожо (Оджа) 480
 Озар — см. Бузар
 Олеарий А. 757, 760, 781, 782, 786, 787
 Олег (Халевгу, Халгу) 684, 685, 827, 828, 844
 Оливер Э. (Oliver E. E.) 632
 Ольга 853
 Ольгерд 801
 Омар, халиф 729
 Омар-хан кокандский («Эмир») 287, 289
 Омар-хан (Сабур-хан) язырокий 586
 Омар-шейх б. Абу Са'ид 89
 Омар-шейх б. Тимур 83, 84
 Омар Мерджиманов 365
 Омари, Ибн Фадлаллах 74*, 836*
 Омейяды 119, 201, 629
 Опперт Г. (Oppert G.) 48*, 52, 549*, 631
 Орда (Орду, Ордү) 60, 65, 70, 72
 Оркына — см. Эргэнэ
 Ормон б. Нияз-бек — см. Урман Ниязов
 Ормузд 219
 Орозбаков 541*
 Осман, бухарский военачальник 403, 404
 Осман, халиф 729
 Осман [б. Ибрахим], Караханид 54, 135, 251, 254
 Осман Рускулбек 539
 д'Оссон К. (d'Ohsson C.) 48*, 57*, 65*, 549, 768
 Остроумов Н. П. 290*, 300, 301, 303, 305*, 309*, 310*, 313—315, 317*, 345, 348, 350, 351, 353, 357, 358, 360, 361, 377, 382, 394, 398, 406, 412, 418, 421, 636
 Отер (Оттар) 816, 817*
 Отуз-огул 533*
 Ошанин Л. В. 551
 Палван-мирзабаша 412
 Пален К. И. 386, 387, 422
 Палладий (Кафаров) 503, 506
 Пальмов Н. Н. 613, 615*
 Панкратов Б. И. 477*, 517*
 Пасхалис 77
 Патрокл 658
 Пашино П. И. 278, 352, 354
 Пельо П. (Pelliot P.) 48*, 475, 476, 478, 501, 554*, 557*
 Перовский В. А. 295
 Пероз 556*
 Пети де ля Круа Ф. (Petis de la Croix F.) 57*, 81*
 Петлин, Иван 520—522

- Петр I 613, 712, 726, 761, 762, 764, 782, 791
 Петр из Прованса 77
 Петров, Иван 520, 521
 Петровский Н. Ф. 377, 378, 400, 408, 409, 411, 420, 422, 426, 431
 Петрушевский И. П. 718*
 Пехлеван 590; ср. Куш-тегин Пехлеван
 Пехлеваниды (Ильдепизиды) 692, 707, 778
 Пизистрат 725
 Пиленков Б. А. 530
 Питт В. 634
 Пищсе Тунге Гинь (Пице-дунь цзе-цэинь) 487
 Пишель Р. 214*
 ПIANO Карпини — см. Карпини, ПIANO
 Плещеев 756
 Плиний 186, 666, 776, 861*
 Плутарх 665
 Поддубный И. П. 644, 645
 Позднеев А. М. 98, 526
 Покотилов Д. Д. 86
 Покровский Г. В. 373, 528
 Покровский М. Н. 712
 Поло, Марко 61, 441, 445, 463, 591*, 743, 744
 Поло, Маттео 151
 Поло, Никколо 151
 Полторацкий 540
 Помпей 109, 659, 665, 666, 776, 813
 Попов А. И. 868*
 Попов С. 530
 Пор 174
 Пославский И. Т. 204, 420*, 421, 424—426, 724
 Поспелов Ф. 278
 Потанин Г. Н. 320*, 484, 485, 797
 Поярков В. Д. 646
 Пржевальский Н. М. 343, 400
 Приск 180
 Прицак О. (Pritsak O.) 567*, 568*
 Прокопий 861
 Прощенко 536, 537
 Пруденций 819*
 Птолемей, Клавдий 180, 185, 186, 666, 814
 Пулад, золотоордынский хан 803
 Пулад-султан 602
 Пуладчи 79, 80
 Пулат-хан, Пулат-бек (мулла Исхак) 396, 397
 Пуллейбланк Э. (Pulleblank E.) 557*
 Пунцук-Мончаг 613
 Путинцев С. Р. 378, 380, 382
 Пьетро делла Валле — см. делла Валле
 Рабио ди Боргомале Г. Л. (Pabino di Borgomall H. L.) 770*
 Рабтан 98
 Равенди 567, 569, 580
 Раверти (Raverty H. G.) 805*
 Радлов В. В. 26, 42*, 45*, 312, 324, 332*, 342, 343, 346*, 374, 402, 404, 406, 438, 468, 490, 495, 497, 499, 507, 508, 524, 525, 534, 536, 541, 577, 635*, 775
 Разгонов А. К. 418
 Раим-ходжа 394
 Раймунд Руф 77
 Рамстедт Г. И. (Ramstedt G.) 486, 491, 500, 553*
 Рафаэль дю Ман — см. дю Ман
 Рафи* б. Лейс 562
 Рахим-Кул (Рахим-Кули-хан) 285, 286*
 Рахман-Берды 291
 Рахман-Кул (Рахман-Кули)-инак 285*, 286
 Рахманов А. 581*, 582*
 Рахмат-бий (Рахматулла-бий) 406, 407
 Рахметулла, атабек 535—537
 Рашид, ширваншах 877
 Рашид ад-дин 67—73, 74*, 75*, 460, 461, 491, 497, 500, 503—506, 507*, 508*, 509, 552, 574—580, 584, 587*, 588, 768, 872
 Рашид-хан (Абд ар-Рашид) 93, 94, 105, 515, 516
 Регель 466
 Реджеб 271
 Рейнталь 394
 Рейске И. (Reiske J. J.) 767
 Ремюза Ж.-П. А. — см. Абель-Ремюза
 Ренан Э. (Renan E.) 313*
 Ренат 81*, 82, 100, 106, 527
 Риза ад-дин 730, 731
 Риза-Кули б. Надир-шах 618
 Риза-Кули-хан 604*, 618*
 Рикмерс В. Р. (Rickmers W. R.) 424, 426, 428, 429
 Риттер К. (Ritter K.) 490, 499, 508, 818*
 Ричард, епископ 77
 Рожевиц Р. Ю. 429
 Розен В. Р. 232*, 629*, 806*, 835*, 836*, 855

- Розенбах Н. О. 299*, 304, 307*, 379, 380, 382—384, 406, 407, 421, 422
 Роксана 463
 Рокхилл В. В. (Rockhill W. W.) 437, 438
 Роман Лакапин 684, 827, 828, 847
 Романовский Д. И. 343, 353—359, 384, 400, 401, 416, 433, 516
 Ромаскевич А. А. 572*
 Росс Э. Д. (Ross E. D.) 627—633
 Росси Э. (Rossi E.) 862*
 Ростиславов М. 371
 Рубрук В. (Rubruk W. de) 59*, 61, 65, 66, 103, 147, 151, 253, 509, 715, 716, 743, 868
 Рудеки 122, 457
 Руки ад-дин Махмуд — см. Махмудхан б. Мухаммед
 Руновский А. 874
 Рустам-бек Казакбаев 352
 Рузем, певец 784
 Рузем Абулфайзов 531
 Русудана 878
 Рье Ч. (Rieu Ch.) 798
- Сабит б. Синан ас-Саби 687, 846
 Саблуков Г. С. 220, 228
 Сабур-хан — см. Омар-хан
 Саввантов П. И. 442, 443
 Саджиды 682, 778
 Са'ди 784
 Садык — см. Сыддык-тюря
 Садык, кашгарский ходжа 528
 Са'ид, казий — см. Абу-л-Ала Са'ид б. Мухаммед
 Са'ид-Али 87
 Са'ид б. Ахмед (Султан-Са'ид-хан) 90—93, 105, 512—515
 Са'ид б. Мусейаб 870
 Са'ид-султан 616
 Саин-хан 598; см. Батый
 Сайкс П. М. (Sykes P. M.) 771
 Саклаб 871
 Салариды 778
 Салах ад-дин Юсуф (Саладин) 581
 Салвас-бек Булгачи 533*
 Салтур 582
 Салгуриды 582
 Салих-бек Казакбаев 352
 Салор-Казан 581*, 593
 Саман-худат 119
 Сам'ани 198, 216, 441, 442, 455, 457
 Саманиды 42*, 118, 119, 120, 122—130, 139, 193, 194, 201, 208, 210, 219, 222, 223, 226, 240—242, 245—250, 256, 276, 457, 459, 548, 555*, 559, 560, 562, 566—568, 629, 634*, 639, 677, 685, 824*, 831, 832*, 837*
- Самарканди, Абд ар-Раззак — см. Абд ар-Раззак Самарканди
 Самарканди, Абу-л-Касим — см. Абу-л-Касим Исхак б. Мухаммед Самарканди
 Самойлович А. Н. 292*, 312, 461, 581*, 611*, 613*, 614, 620*, 641*
 Самсонов А. В. 388
 Санджар, Синджар 46, 49, 129, 131—134, 247, 253, 513*, 580, 582, 583, 588, 631
 Сандык 525
 Санклы-Син 594
 Сапожников В. В. 642
 Сарамбек (Сарымбек) 542
 Сарамсак (Сарымсак), Сарымсак-дадха 538, 539, 542*
 Сарбан 71
 Сарпек — см. Сарымбек
 Сартактай 135, 253, 460, 699
 Сарымсак-дадха — см. Сарамсак
 Сарымбек, Сарымбек (Зарпек, Сарпек) 542
 Сасаниды 113, 181, 187, 198, 222, 440, 455, 457, 463, 556, 557, 660, 664, 667, 668, 670, 671, 673, 766, 767, 776—778, 786, 791, 792, 875
 Сатай 531
 Саттар-хан Абдулгафаров (Абд ас-Саттар-ходжа) 305*, 345, 348, 352, 359
 Сатук Богра-хан Абд ал-Керим 41, 42, 127, 516
 Сатук-хан 86, 87, 104
 Сатылган 538
 Саурамбай Худояров 535, 542
 Сафар 280
 Сафи ад-дин 747, 748
 Саффариды 119*, 629
 Сахль б. Ахмед Дагуни 207
 Сахль б. Сумбат 681, 682
 Святослав 684, 688—690, 793, 794, 826*, 847, 848, 850, 851, 852*
- Се (род) 482; ср. Сеянто
 Сейид Абд-ал-Ахад — см. Абд ал-Ахад
 Сейид Абдулла 404
 Сейид Абдулла Фаттах-хан 410
 Сейид-Азим, поэт 772

- Сейид-Азим-бай 303, 304, 350*, 352, 361, 394, 395, 416*
- Сейид-Али-ходжа 395
- Сейид-Ата 251, 273, 606
- Сейид-Гани 304, 341, 361
- Сейид-Карим Сейид Азимбаев 341, 361
- Сейид-Махмуд — см. Султан-Махмуд
- Сейид Мухаммед-Рахим-хан — см. Мухаммед-Рахим-хан [II] хивинский
- Сейид-Мухаммед-сулган 351
- Сейид-Расуль Сейид-Азизов 309
- Сейид-Хайдар-Шо 465
- Сейф ад-дин Бахарзи 62, 148, 149
- Сейфи 96, 517
- Сейфи (Сейф ад-дин) ал-Хереви 456*
- Сейфуллин — см. Файзулла Сейфуллин
- Сейяри — см. Абу-л-Аббас Сейяри
- Секкаки — см. Абу Я'куб Юсуф Секкаки
- Селевк I 174
- Селевкиды 111, 118, 174, 664, 665
- Селим I 748, 751, 752
- Селим II 752
- Сельджук 130, 566, 567, 568, 572, 582, 593, 631
- Сельджукиды 238, 248
- Семен Маленький 761
- Семенов А. А. 163*, 415*, 418, 420, 465, 466, 638*
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. 642*
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. 534, 635*
- Сенковский О. И. 807*
- Сеньобос III. (Seignobos Ch.) 725
- Середонин С. М. 643, 644, 646
- Серов В. Р. 354, 361
- Сефевиды 598, 615—617, 751*, 759, 795
- Сефер-бек (Георгий) 863
- Сеяньто 481, 482; ср. Се
- Сильзибул — см. Дильзибул
- Сим 870
- Симеон 871
- Синджар — см. Санджар
- Сирадж-хан 466
- Сисънъсау 28
- Скайлер Э. (Schuyler E.) 303*, 320*, 335*, 351*, 357*, 360*, 361*, 377*, 378*, 394, 403, 404, 407—409, 411, 416, 417, 420
- Скобелев М. Д. 338, 339, 361, 391, 394, 396—398, 409, 466
- Скорняков Е. Е. 326*, 329, 643
- Скрайн Ф. Г. (Skryne F. H.) 432, 627
- Слуцкий И. 430
- Смирнов А. П. 868*
- Смирнов Е. Т. 308*, 384
- Снук Хургронье К. (Snouck Hurgronje C.) 697
- Соловьев С. М. 63*, 808
- Соломон (Сулейман) 639, 641*
- София, дочь Витовта 801
- Спадин 814
- Стасов В. В. 655
- Стефан, византийский император 847
- Стогов Н. И. 373, 528
- Столетов Н. Г. 400, 718
- Страбон 663, 665, 666
- Струве 411, 418
- Суанбек 540
- Суботич Д. И. 384, 385
- Сукнак-тегин 55, 142
- Сул 556, 557
- Сулами (род) 675
- Сулейман — см. Соломон
- Сулейман-бек б. Хабаш-Амид 67
- Сулейман Бакыргани 251, 256
- Сули, Сулиды 556
- Султан-Ахмед-хан 755, 756
- Султан-Махмуд (Сейид-Махмуд) 804
- Султан-Махмуд-хан 466
- Султан-Мухаммед 463
- Султан-Са'ид-хан — см. Са'ид б. Ахмед
- Султан-Сейид-Мухаммед 402
- Султан-Халиль — см. Халиль б. Ахмед
- Султан-Хусейн 162, 163, 727
- Султан-шах — см. Джелаль ад-дин Султан-шах
- Сулу (Абу Музахим) 33, 34
- Сумбат 682
- Сун, династия 48, 50, 550, 578
- Сурхуктани 507
- Сусан ар-Расси 833
- Суфи, династия 732
- Суфьян-хан 596, 597
- Сушанло М. 400*
- Суюнич-Мухаммед 601
- Суюнчук 93
- Сыбан — см. Шейбан
- Сыдык-тюря (Сыдык) 407, 531
- Сыма Цзянь 475
- Сэдами — см. Шэдеми
- Сэнгэ 98, 105, 523
- Сөцэн-хан 98, 105
- Сюань Цзан 31, 32, 102, 114, 182, 190, 191, 214, 216, 454, 455
- Сюань-цзун 489

- Табари 195*, 196, 198, 213, 214, 220,
 225, 555, 556, 562, 628, 629, 767,
 829*, 871
 Табгач-хан Хасан 48
 Тагай-Бахадур 533*
 Тадж ад-дин Омар б. Мас'уд 590
 Таджи-Мухаммед Иса-Мухаммедов 345
 Тайнал 585
 Тайхэ 489
 Тайчжи-Эсен (Алача, Алачи) 90
 Тәкиш — см. Текеш
 Талику (Хизр) 74, 104
 Тальзин А. 531, 534, 540, 542
 Тамара, царица 692
 Тамерлан — см. Тимур
 Тан, династия 114, 131, 437, 477—479,
 481, 489, 557
 Таньшихай (Тань Ши-хуай) 29, 30,
 478
 Тардуш-Ынанчу-чур 484
 Барман — см. Барман
 Тармаширин (Ала ад-дин) 75, 76, 104,
 153, 264, 732
 Татар 579
 Тауэр Ф. (Тауег F.) 632*
 Тахир, казахский хан 93, 94, 96, 105,
 515, 516
 Тахир, хорезмийский царевич 619
 Тахир б. Абдаллах 561
 Тахмасп I 599, 753, 781
 Таянку-Тараз 54
 Тебелев 615*
 Тевекель-ага (Кичик-ханым)
 Тевекель-хан 96—98, 105
 Тейит 533*
 Текеш (Тәкиш, Түкиш) 134, 695
 Темир — см. Тимур
 Темучин — см. Чингиз-хан
 Терентьев М. А. 298, 350*, 356*, 368—
 370, 379, 384, 393, 396, 403, 404,
 407—409, 413, 431
 Терещенко А. В. 711
 Теркен-хатун — см. Туркан-хатун
 Тизенгаузен В. Г. 740, 804, 838*
 Тилеке-бий (Тилек) 518, 519
 Тимур (Тамерлан) 39*, 50, 57*, 74,
 79*, 80—86, 104, 150, 153—161, 163,
 164, 237, 252, 260, 263—267, 269,
 272, 278, 289, 366, 367, 445, 446,
 461, 463, 512, 513, 579, 584, 587,
 592, 596, 616*, 632, 633, 639, 676,
 713, 731—746, 769, 770, 780, 795,
 798—803, 878
 Тимур-бек — см. Тимур-Мелик
 Тимур-Гази-хан 283
 Тимур-Кутлук 798, 799, 801—803
 Тимур-мелик, наместник Ходженда
 142, 143
 Тимур-Мелик (Тимур-бек), золотоор-
 дынский хан 798—801
 Тимур-султан б. Акатай-хан 600, 602
 Тимур-султан могольский 518
 Тимур-хан б. Тимур-Кутлук 803
 Тимуриды 79*, 80, 81, 87, 89, 157, 267,
 289, 445, 594, 633, 770*
 Тлеукабыл 534
 Тобо 31
 Тогон 86
 Тогрул, хан (лег). 593; ср. Тогрул-бек
 Мухаммед
 Тогрул б. Арслан 134, 692, 877
 Тогрул б. Уиннал 45
 Тогрул-бек Мухаммед 567, 572, 573, 631,
 691
 Тогрул-Кара-хан Юсуф (Тогрул-хан) 44,
 45*, 102
 Тогрул-тегин 44
 Тогрул-хан — см. Бузар
 Той-Тутмаз 594
 Токарев С. А. 868*
 Токта-Кая 800
 Толстов С. П. 175*, 240*, 243*, 560*,
 567*, 596*, 791*
 Толстой Д. А. 302*
 Толстой Л. Н. 348
 Томсен В. (Thomsen V.) 115, 482, 483,
 492, 493, 552*, 553, 554*
 Тонг — см. Тутель
 Тоньюкук 483—485, 554*
 Торнберг К. И. (Tornberg K. J.) 767
 Тохта 70, 72
 Тохта-ханым 612
 Тохтамыш 735, 736, 740, 795, 797—804
 Траян 667
 Троицкая А. Л. 349*
 Тува (Дува) 70—75, 104, 77—79, 260
 Туган-хан — см. Кадыр-хан Джибраил
 Туган-хан кашгарский 42, 43, 102
 Тугум 94, 516
 Туда-Тимур 72
 Тузун 845, 847
 Тукак — см. Дукак
 Тукаши 64, 65
 Түкиш — см. Текеш
 Туклук-Тимур 79—82, 104, 157, 265
 Түлуджан 800

- Тулуй 59, 64, 143, 146, 148—150, 260,
 261, 264, 507, 508, 511, 590, 591
 Тулун 555
 Тулуниды 555
 Туманский А. Г. 35*, 581*, 584*, 586*,
 684, 768, 837*
 Тумиду (Думиду) 482
 Тумынь 480, 481
 Тураев Б. А. 655, 666
 Турдуке 537
 Турдучак-берди 802
 Турк — см. Тюрк
 Туркан-хатун (Теркен-хатун) 141, 143,
 144, 586, 590, 808*
 Тутель (Тонг?) 579
 Тухта-бики 505
 Тыкма-сердар 391
 Тэмур, каан 70, 71
 Тюкме 73, 74
 Тюменец, Василий 520—522
 Тюрегельды 540
 Тюрк (Турк), сын Яфета 35, 38, 579,
 870, 871
 Тюрябек-ханым 155, 713
- Убейдулла, Шейбанид 163, 269, 598, 751
 Убейдулла I, Джанид 277, 633
 Убейдулла [II] б. Шах-Тимур-султан 279
 Убуши 614
 Уге (Уцзе) 488, 489
 Угэ 482
 Угрюмов 101, 106
 Угэдэй 59—65, 67, 68, 73, 103, 142, 143,
 146—150, 152, 259—261
 Угэчи-Хашага 86
 Уда О. (Houdas O.) 53*
 Уз-Тимур-тайчжи 87
 Узбек 75, 104, 152, 261*, 708, 711, 714
 Узун-Хасан 748
 Уильсон 387
 Уйсунбай Шукуров 530
 Улгак 366
 Улджэй-Тэмур 86
 Улджэйту 717
 Улуг-Турук 578*
 Улугбек 57*, 76, 77, 84—87, 104, 161—
 162, 164, 207, 509, 512, 577, 639
 Ульджебай Тлеубердин 530
 Умбет-Али 531, 536—540
 Умидов — см. Хаким, мирза
 Унгуями 28, 29
 Унковский И. 98—100, 106, 526, 527..
- Урман Ниязов (Ормон-хан) 531, 534,
 536, 542
 Урман-бек б. Худояр 395
 Урус, сын Хайду 71, 72
 Урус-инал 506
 Урус-хан 800, 801
 Урюк 74
 Усбаникети, Абу-л-Хасан Са'ид б. Ха-
 тим 246
 Усенбаев К. У. 534*
 Утби 41*, 42, 43, 226, 227, 234, 567—
 569
 Уткур-бий 282
 Уцзюту 28, 29
- Фазл б. Яхья (Бармаки) 203
 Фаик 242
 Файзулла Сейфуллин 530
 Фалев П. А. 797*, 801
 Фарасман 812
 Фаррух-Ясар 748, 780, 878
 Фаррухзад б. Менучехр 877
 Фасих 878
 Фатима 234
 Фатимиды 255, 872
 Фауст Византийский 766
 Фахр ад-дин, бухарский агент 402*
 Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди
 455, 558
 Фахр ад-дин Рази 220
 Федоров Г. П. 638*
 Федченко А. П. 447*
 Федченко Б. А. 643
 Феодор, несториянский епископ 221
 Феодор, русский царь 97
 Феодосий 672
 Феофан Митиленский 659, 666, 776, 813
 Феофил 684, 818, 819*, 827
 Ферибурз [б. Салар] 691, 876
 Ферибурз б. Афридун б. Менучехр
 877
 Феридун (миф.) 209
 Феридун-хан 605
 Ферхад-хан 600
 Фирдоуси 784
 Фиркович 826*
 Фируз 556
 Флюгель Г. (Flügel G.) 805*
 Фома Мангазола 76
 Франциск, монах 77
 Фрезер Дж. (Fraser J. B.) 211*
 Фрейман А. А. 122*

- Фридрих [II Гогенштауфен] 698
 Фузайл б. Ияз 231
 Фузули 784
- Хабаш-Амид, Кутб ад-дин 62—65, 67
 103, 147—149
 Хабаш-султан 605, 606
 Хавенд-н тухур — см. Шейх-Антаур
 Хадждадж 639, 641*
 Хаджи-бек 592*
 Хаджи-Мухаммед (Хаджим-хан) 600—
 603
 Хаджи Халифа 754, 805*
 Хазар 579, 871
 Хайдер, мирза — см. Мухаммед-Хайдер
 Дуглат
 Хайдер, шейх 748, 781
 Хайдер. эмир 281—284, 292
 Хайдер-бек — см. Айдар-бек
 Хайдер Рази 49*, 630
 Хайду 67—73, 75, 103, 149—152, 260,
 262
 Хайран 872
 «Хакан», царь росов 818
 Хакани 784, 877
 Хаким, кушбеги 290
 Хаким, мирза (Умидов) 365
 Хаким-Ата 251
 Хаким-ходжа 351, 352, 354*, 359, 360
 Хакиме-хатун 749
 Хакк-Берды — см. Мир Хакк-Берды
 Бекичек
 Хакк-Назар-хан 94*, 95, 516
 Халаф 227
 Халгу — см. Олег
 Халдеев 352
 Халевгу — см. Олег
 Хали-бай 377
 Халилаллах I 780, 878
 Халилаллах II 878
 Халиль, предводитель кара-ёйли 595
 Халиль б. Ахмед (Султан-Халиль) 90,
 91, 105, 512, 515
 Халиль б. Ясавур 78, 264
 Халиль-Султан б. Мираншах 745, 780
 Хам 870
 Хамам 682
 Хамдаллах Казвини — см. Казвини,
 Хамдаллах
 Хамданиды 850*
 Хамза-бек (Гамзат-бек) 873
 Хамильтон 386
- Хаммер-Пургшталь И. (Hammer-Purg-
 stal J. von) 770, 808
 Ханьков Н. В. 446*, 757, 786, 787
 Хань, младшие 182, 184, 438, 814
 Хань, старшие 177, 184, 477, 814
 Хара-Хула 97
 Хара-Хулагу 63—65, 68, 103
 Харис б. Сурейдж 628
 Хартман И.-М. (Hartmann I.-M.) 697,
 805*
 Харун, Богра-хан — см.: Богра-хан Ха-
 рун б. Сулейман; Богра-хан Харун
 б. Юсуф
 Харун б. Алтунташ 571
 Харун ар-Рашид 203, 229, 231, 677
 Харун-тегин 630*
 Хасан б. Зейд 832*
 Хасан Утруш 832
 Хасан-эфенди ал-Алкадари 755, 771,
 775
 Хасанов 305*
 Хатим Асамм 230
 Хаутсма М. Т. (Houtsma M. Th.) 767,
 768
 Хафиз 784
 Хафиз-и Абру 72*, 79*, 632*, 799, 800,
 803*, 804
 Хаши 68
 Хвольсон Д. А. 638*
 Хворостинин 754
 Хейсам б. Халид 875
 Хели (Цзели) 482
 Хеннинг В. Б. (Henning W. B.) 122*,
 182*, 452*
 Херман А. (Herrmann A.) 659
 Хестингс 386
 Хизр — см. Талику
 Хизр, пророк 204
 Хизр, сын раба 594, 595
 Хизр-хан (=Хизр б. Ибрахим) 630
 Хизр-ходжа 82—84, 104
 Хилаль ас-Саби 682, 685, 788, 829*,
 832*
 Хинду-хан 586
 Хинц В. (Hinz W.) 548*
 Хирт Ф. (Hirth F.) 437, 438, 474, 479, 482,
 550, 551
 Хисдай 828
 Хишам, халиф 244, 777, 870
 Хишам б. Мухаммед — см. Ибн ал-
 Кальби
 Хлудов А. 394
 Хо-Орлок 609

- Ховорс Г. (Howorth Н. Н.) 633
 Ходжа Ахрар — см. Ахрар, ходжа
 Ходжа Исхак 517*
 Ходжа Нефес — см. Нефес
 Ходжа-Эмин 361
 Хоментовский 534
 Хомутов П. И. 646
 Хондемир 587*, 727, 748
 Хорезми, автор *Муҳаббат-наме* 713*
 Хорезми, Мухаммед б. Муса 222, 555
 Хорн П. (Horn P.) 771
 Хосрой I Ануширван 217, 556, 669, 671, 788
 Хошук-нойон 62
 Христос — см. Иисус Христос
 Хубилай, каан 66—70, 103, 508
 Хубилай-нойон 54
 Худавенд-заде — см. Ала ал-мульк Худавенд-заде
 Худайдад б. Пуладчи 80, 82, 85—87
 Худояр-хан 289, 291, 349, 351, 356, 370, 393—396, 398, 407, 409, 416, 535
 Худояров — см. Саурамбай Худояров
 Худяков М. 712
 Хулағиды 71, 715*, 717*
 Хулагу 66, 67, 103, 148, 591, 715, 779
 Хункиран (Хункуран) 65
 Хураз-бек 283
 Хурмуста-тенгри 219
 Хусам ад-дауля Шахрияр 691
 Хусейн, имам 748
 Хусейн, султан — см. Султан-Хусейн
 Хусейн, эмир 157, 158, 592*, 732
 Хусейн б. Али б. Микаил 572*; ср. Али-Микаил
 Хусейн-векиль — см. Чиен-векиль
 Хусейн-Қия 745
 Хусейн Суфи 155
 Хутулун-чага (Хутулун-Чаха) 71, 72
 Хушенг б. Кавус 878
 Хэдон Б. (Haydon В.) 634
- Царнке Ф. (Zarncke F.) 48*, 52
 Цзели — см. Хели
 Цзинь, династия (1125—1234) 138, 501, 503
 Цзинь, династия (265—419) 179
 Цибузгин В. 334*
 Цинь, династия 177
 Цылими 29
 Цэван-Дорчжй 101, 106
 Цэван-Рагтай 98—100, 105, 106, 526, 527
- Цэрэн-Дундук 100
- Чагатаиды 74*
 Чагатай 57*, 58—64, 67, 69, 73, 74*, 103, 142—144, 147—150, 152, 153, 163, 258—263, 264, 276, 511, 512, 591, 731
 Чагры-бек Давуд (Чакры) 567, 572, 573, 631
 Чагры-тегин Хусейн 44
 Чайбек 538
 Чайковский А. П. 727, 728, 776, 777
 Чакры 631; см. Чагры-бек Давуд
 Чан Дэ 66, 103, 151, 508
 Чан-чунь 58, 60, 103, 139, 144, 145, 146, 249, 254, 444, 504, 505, 508
 Чапар 71—74, 103, 104, 149, 260, 262
 Чарыков 421
 Чередов, Иван 99, 106
 Черкасов А. А. 430
 Черняев М. Г. 291, 303*, 314, 326, 350—354*, 357, 358, 378, 383, 391, 400, 401, 406, 411*, 412, 415, 421, 422, 536, 538, 539, 542
 Чжан Цянь 27
 Чжао Хун — см. Мэн Хун
 Чжэлугу 52; см. также Куман
 Чигиль 578, 579
 Чиен-векиль (= Хусейн-векиль) 618
 Чинбиль — см. Чиньбинь
 Чингай 505
 Чингиз-хан 53, 54, 57—60, 68, 71, 103, 136—144, 146, 147, 149, 150, 152—154, 158, 161, 181, 253, 254, 258—261, 263, 264, 266, 270, 274, 278, 279, 281, 444, 461, 477, 499, 501, 503, 505—509, 511, 532, 550, 581, 591, 632, 645, 693, 698—706, 708, 731, 734, 735, 741, 742, 746, 750, 779, 815
 Чингизиды 68, 146, 632
 Чиньбинь (Чинбиль, Бенбень) 525
 Чожан-гайфу 150
 Чолпанбай 537, 538
 Чуло 482
 Чумак-бек (Чубак-бек?) 519
 Чэнь Шоу 477*
- Шабан 581
 Шабдан 535, 536
 Шаболо Хилици 33

- Шабук (Сатук) Кара-хакан 41; см.
Сатук Богра-хан Абд ал-Керим
- Шаванн Э. (Chavannes E.) 437, 474, 476, 481, 486
- Шади-бек 803
- Шам^т-и Джахан 84, 85, 104
- Шами — см. Низам ад-дин Шами
- Шамиль 763, 873, 874
- Шамур-Табангу 53
- Шандык 523
- Шапух 682
- Шардея 760
- Шатыр-бек 599
- Шафи^и 236
- Шах 72—75
- Шах-Амир-бек 466
- Шах-Афзаль 466
- Шах-Верды-султан 599
- Шах-Гази Рустем 728
- Шах-Гариб 464
- Шах-Джахан 84, 85
- Шах-Кыргыз («Кыргыз-хан») 464
- Шах-Махмуд 466; ср. Махмуд-хан дарвазский
- Шах-Мелик (б. Али), Абу-л-Фаварис 568*, 567, 593
- Шах-Мурад 279—282, 620*
- Шах Рази ад-дин 463
- Шах-Тимур-султан 279, 613
- Шахматов А. А 686, 817, 818*, 819*, 823*, 838*
- Шахризаде 875
- Шахристани 233
- Шахрух, ширваншах 878
- Шахрух б. Тимур 84, 85, 87*, 104, 161, 162, 745, 803
- Шахрух-бий 276
- Шварц Ф. (Schwarz F.) 378, 421, 424
- Шегуй 482
- Шеддаиды 690, 778
- Шейбан (Сыбан, Шибан) 60, 795*
- Шейбани-хан — см. Мухаммед Шейбани
- Шейбаниды 163, 270, 279, 347
- Шейх-Антаур (Шейх Хавенд-и тухур) 252, 277
- Шейх-Ибрахим 878
- Шейх Хавенд-и тухур — см. Шейх-Антаур
- Шейх Балхи 229, 230, 232
- Шемс ад-дин Абу-л-Музаффар Иль-тутмиш — см. Ильтутмиш
- Шемс ад-дин Кулаль 158
- Шемс ал-мульк, везир 692, 876
- Шемс ал-мульк Наор 44, 207, 246, 630, 631
- Шерваидзе 861—864
- Шереф ад-дин Али Йезди 57*, 76, 79*, 82*, 579, 592*, 632, 742, 770, 798, 802*
- Шереф ад-дин Савури 604
- Шереф-ходжа 594
- Шериф-Мухаммед 606—608
Ш И. (Scherr J.) 784
- Шефер Ш. (Schefer Ch.) 49*, 51*, 96*, 287*, 580*, 759
- Шехтер С. (Schechter S.) 827*
- Шибан — см. Шейбан
- Шибокюй (Шибоцюй) Ачжань 483
- Шигай 96
- Шидяньми — см. Шэдеми
- Шир-Али, афганский эмир 417—419
- Шир-Али, каратегинский бек 408
- Шир-Али, наместник Термеза 639*
- Шир-Али б. Хиэр 84, 85
- Шир-Мухаммед [мираб] — см. Мунис
- Шир-Мухаммед-оглан (Шир-Мухаммед-хан) 85, 86, 104
- Ширали-бий 529
- Ширгази 285, 613, 617
- Ширли, братья 756
- Шихаб ад-дин Хиваки 238
- Шишов А. П. 638*
- Шкапский О. А. 369, 370, 407
- Шкоков 400
- Шмаков И. А. 334*
- Шотт В. (Schott W.) 490, 494, 496, 499 503
- Шоу Р. Б. (Shaw R. B.) 458
- Штейн А. (Stein A.) 182
- Шубин 530
- Шужрулла, хивинский посол 376
- Шужруллах, историк 808
- Шукуров — см. Уйсунбай Шукуров
- Шы-гу — см. Янь Ши-гу
- Шэдеми (Сэдими, Шидяньми), Истеми 480, 481; ср. Дильэибул (Сильэибул)
- Эбугэн 77
- Эвлия Челеби 760, 781
- Эдугу — см. Едигей
- Эйлер, помощник губернатора 361
- Эйхвальд Э. (Eichwald E.) 787
- Эйюбиды 581

- Элбэж 86
 Эллиот Г. (Elliot H. M.) 805 *
 Эльтериш — см. Ильтерес
 Эмиль-ходжа, сын Тувы 79
 Эмиль-ходжа б. Ахмед 92, 105
 Эмир — см. Омар-хан
 Эр-Назар-бий 621
 Эратосфен 172
 д'Эрбело Б. (d'Herbelot B.) 758
 Эргэнэ (Оркына) 65, 67, 69, 103, 148, 149
 Эренк-хан 274*, 612
 Эрсари-бай (Эрсари-бек; Арсари-бей) 593, 594
 Эсен-Бука 75, 80*, 87, 88, 104, 511, 515
 Эсен-гайчжи 86, 87
 Эсенмурадов Н. 582*
 Этэ Г. (Ethé H.) 784
 Эшба, Симеон 865*
- Юань, династия 132
 Юань Вэй (Бэй Вэй), династия 30, 187
 Юаньгуйми 29
 Юдин, Леонтий 433
 Юй Хуань 477
 Юйлюй 30
 Юлиан Отступник 220
 Юнан б. Яфег 871
 Юнус, киргиз 530
 Юнус-хан 87—89, 94, 104, 105
 Юнус-ходжа 277, 278, 371
 Юнусов — см. Алим-хаджи Юнусов
 Юстиниан [I] 861
 Юстиниан II 674
 Юсуф, ногайский 640*
- Юсуф-Али-хан 466, 467
 Юсуф б. Абу-с-Садж 682, 829, 832*
 Юсуф б. Дивдад 788
 Юсуф-бай (Юсуф-бий) 415
 Юсуф Баласагунский 127, 456, 460
 Юсуф Секкаки — см. Абу Я'куб Юсуф Секкаки
 Юсуф хамаданский 251
 Юферов В. И. 169
 Юханан 77
- Ягайло 801
 Яган-тегин Мухаммед 43, 44; см. также Богра-хан Мухаммед
 Ягмур, предводитель гузов 571
 Ягмур-хан 585
 Я'куб-бек кашгарский 394, 399, 400, 540
 Я'куб-тегин 45
 Я'куб-хан 419
 Я'куби 443*, 496, 767, 871
 Якубов — см. Галин Якубов
 Якубовский А. Ю. 846*, 852*
 Якут 197, 208*, 442, 683, 720, 810, 821*, 823*, 825*, 833, 834, 835*, 836*, 843, 866, 868, 871
 Ялантуш-бий 271
 Ян-ди 190
 Яналак (Япалак, Джапалак) Кутлин 530
 Янги 76
 Янь Ши-гу (Шы-гу) 26
 Яньто 482; ср. Сеяньто
 Яр-бек 463
 Ясавур 75, 77
 Яфег (Йафас) 578, 579, 870, 871
 Яхья Антиохийский 854, 855, 857

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абакан 497, 520, 522, 525
 Абасгия 862; см. Абхазия
 Абекун о-в 586, 587, 754, 829
 Абжуа 861*
 Абверд 231, 567, 570, 571, 590, 592,
 600, 601, 608, 609, 615, 616
 Абидос 855
 Абхазия 861—865
 Абхазия Бзыбская 861*
 Абхазская АССР 864*
 Авиньон 76
 Австралия 306
 Агра 758
 Агрыча 727, 739
 Адаж 596, 727
 Аден 496
 Адриатическое море 710, 871
 Адуган 507*
 Азербайджан 580, 591, 651, 680—682,
 688, 692, 703, 706—708, 715, 721,
 722, 735, 748, 753, 754, 760, 763,
 766, 767, 771, 775—782, 790—792,
 794, 796*, 829, 832*, 836*, 844, 845,
 876, 878
 Азербайджан кавказский 715, 720, 721,
 753, 754, 760, 775, 777, 778, 782
 Азербайджан персидский (иранский)
 703, 715, 754, 760, 775, 777—779,
 781, 794
 Азербайджанская республика (Азербайджанская ССР) 703, 784*
 Азиатская Россия — см. Россия Азиатская
 Азия 57, 58, 66, 111, 134, 164, 165, 186,
 248, 255, 319, 323, 374, 418, 432,
 433, 573, 653, 693, 701, 758, 760,
 789, 856
 Азия Восточная 558, 693, 698, 700
 Азия Западная 31, 37, 66, 76, 95, 186,
 440, 446
 Азия Малая — см. Малая Азия
 Азия Передняя — см. Передняя Азия
 Азия Средняя — см. Средняя Азия
 Азия Центральная — см. Центральная Азия
 Азовское море 752, 831
 Айгьр-Ялы равн. 82
 Ак-кала разв. 596*
 Ак-Куяш 94
 Ак-Мечеть 288*
 Ак-мулла 398
 Ак-Орда (Белая, Синяя Орда) 70, 795*
 Ак-сарай, дворец в Шахрисябзе 160
 Ак-Термель 484
 Акмолинская обл. 259, 294, 367
 Аксай р. 94, 519
 Аксу 27, 31 39, 84, 88, 90, 92, 512, 518,
 519
 Аксу обл. 513, 518
 Аксу р. (в бассейне Иссык-Куля) 100,
 343
 Аксу р. (в сев. части Семиречья) 320*
 Аксу р. (в Семиречье) 540
 Аксу р. (приток р. Чу) 85
 Аксуйское укрепл. 343
 Ал-Кошун 82
 Ала-камак 64
 Ала-куль (Ит-Ичмес) оз. 60, 83
 Алабуга р. 87
 Алай горы 288*
 Алай, Алайская дол. 26*, 186, 373; см.
 также Алай маргеланский
 Алай маргеланский 373, 528, 529; см.
 также Алай, Алайская дол.
 Алак горы 99; см. также Алатау
 Алакчин (Алафхин) 507
 Аламедин 37
 Аланья (Яньдай) 550, 814, 815
 Алатавский окр. 532, 534, 537
 Алатау горы 28, 64, 99, 100, 320*
 Алатау Таласский горы 241
 Алафхин — см. Алакчин
 Албания (кавказская) 657, 659, 660,
 665—667, 669, 672—674, 679, 681,
 775, 777—779, 875
 Александрия (в Египте) 77, 223, 232

- Александрия (на Мургабе) 174
 Александровский пос. 325
 Александровский форт 343
 Александровский хр. (совр. Киргизский хр.) 58, 230, 288, 540, 541, 548
 Алексеевский 330
 Алжир 353, 374
 Алимту 80
 Аллан обл. 866
 Алма-Ата 83*, 532; см. также Алматы, Верный
 Алмаз 333
 Алмалуу 83*
 Алмалык (в Вост. Туркестане) 55, 57, 58, 60, 66, 73, 76—78, 104, 139, 144, 150, 262, 712
 Алмалык, Алмалы — см. Алматы
 Алматинка Большая — см. Большая Алматинка
 Алматинка Малая — см. Малая Алматинка
 Алматинское оз. 341
 Алматы, Алмалык (поздн. Верный, совр. Алма-Ата) 83, 91, 105, 341; см. также Верный, Алма-Ата
 Алтай 31, 36, 59, 73, 479, 485, 504, 505, 509, 510*
 Алтун-Кюрге 84
 Алтын-Эмель р. 100
 Алтырское княжество 520
 Алтысарское княжество 520
 Альбистан 580
 Альмерия 850, 852*, 872
 Алят 666
 Америка 439
 Амлаб (Илаб) (?) 834
 Аму-Дарьинский отдел 414
 Аму-Дарья (Аму, Вахш, Окс) р. 32, 36, 42, 46, 59, 109, 110, 112, 115, 118, 120, 130, 133, 143, 144, 147, 153, 156, 164, 171—173, 175, 178—182, 186, 188, 189, 204, 205, 211*, 216, 259, 264, 270, 272, 274, 280, 291, 320*, 327, 328, 369, 390, 413, 416, 421, 423, 446, 455, 458, 459, 463—466, 487*, 552, 563, 568—571, 578, 587, 589, 592*, 593—596, 597*, 598*, 606, 608, 610, 621, 630, 637, 642*, 658—660, 695, 708, 723—728, 731, 737—739, 764, 776, 795, 812, 813
 Амуе, Амударья хорасанский (поздн. Чарджуй) 585, 589, 658
 Амударья мазандеранский 658, 680, 728, 730, 739, 746, 758
 Амур р. 385
 Анапа 863
 Ангара р. 481, 497, 504, 507
 Англия 206, 391, 404, 417—419, 425*, 433, 670, 700, 769
 Ангрэн (Ахенгеран) р. 68, 149, 160, 206, 210, 218, 241, 262, 562
 Андалузия 232
 Андалус 848, 850, 851*, 852*
 Андижан 92, 129, 151, 165, 262, 297, 312, 337, 394, 396, 397, 519
 Андижанский уезд 128, 328, 331, 333, 372, 529
 Андижанское бекство 277*
 Андреевский хутор 328
 Андукан (Андуган) — см. Андижан
 Андой 158, 189
 Ани 681, 720, 778, 780
 Анкара 594*, 754
 Аннам 185
 Ансак — см. Аньси
 Антиохия Маргианская (Селевкия) 111, 174, 185
 Антиохия на реке 185; см. Мерверруд
 Антиохия сирийская 668, 855
 Анциферова 481
 Аны р. 484, 485; ср. Енисей (?)
 Апшеронский п-ов 660, 684, 689, 831, 849, 851, 852*, 853*
 Араб-Мухаммед-хана медресе — см. медресе Араб-Мухаммед-хана
 Аравийский («арабский») п-ов 196, 565, 653, 719
 Аравия 121, 213, 228, 693
 Аракс р. 654, 673, 703, 707, 762, 766, 775, 790, 878
 Арал — см. Аральское море
 Арал (дельта Аму-Дарьи) 274, 608, 610, 612, 619
 Арал-Пейгамбер (поздн. Орта-Арал) о-в 204
 Аральск 320
 Аральское море, Арал 138*, 143, 156, 164, 176, 320, 350, 393, 548, 550, 560, 563, 608, 642*, 726, 727, 764, 820, 866*
 Аральское море станция 320
 Арбат 92
 Ардебиль 681, 707, 747, 762, 778, 792
 Арджату (Аршату) проход 83
 Ареш 753, 781

- Ария 776
 Армения 445, 570, 596*, 639, 656, 665, 667, 672, 680, 682, 720, 740, 745, 753, 775, 778, 780, 792, 832*, 862, 875
 Армянское нагорье 862
 Арпа р. 38, 73, 81, 92
 Арпачай р. 681
 Арран 674, 680, 683, 684, 691, 703, 708, 710, 722, 745, 777—780, 792, 866, 875, 876
 Арта (Уртоба) 836, 837
 Артыш 245, 516
 Аршал-Агар 81*; ор. Берке-и Гуриян
 Аршату — см. Арджату
 Арыс р. 139, 199
 Арыс ст. 548
 Арышляр 94
 Асаф 727
 Аспаринокая вол. 325
 Ассаке 337, 397
 Астрабад 470, 556, 595, 601—605, 609, 613, 617, 621, 723, 727, 728, 730, 732—734, 737, 758, 761, 762
 Астраханская губ. 446
 Астраханский 325
 Астрахань 442, 446, 588, 613, 615, 740, 745, 752, 795, 820, 823*
 Асхабад (совр. Ашхабад) 230, 343, 344, 391, 764, 782
 Асхабадский уезд 330
 Ата-Кум 81, 82
 Атбаш 45, 67, 81, 87, 93, 102
 Атбаш р. 38, 94, 105, 515, 516, 540
 Аткан-Сури (Атын-Сури) 82
 Атлантический океан 769, 786, 817
 Атрак-куль оз. (Балхаш) 84
 Атрек р. 562, 598, 603—605, 611, 613, 622
 Атропатена, Атрпатакан 776; см. Азербайджан
 Аулие-Ата (совр. Джамбул) 31, 37, 44, 115, 124, 190, 206, 241, 341, 454*, 493, 531, 538, 578; см. также Талас
 Аулиеатинский уезд 43, 322*, 323, 327, 345, 353, 366, 529, 532, 542
 Афганистан 42, 67, 71, 75, 76, 111, 112, 134, 144, 153, 164, 175, 179, 184, 197, 198, 207, 220, 233, 330, 391, 400, 403, 407, 410, 417—420, 429—433, 459, 465, 467, 552, 561*, 571, 573, 582, 623, 636, 679, 680, 734, 765, 796, 820*, 837, 838*
 Афганистан Северный 193, 429
 Афрова (Ферава; совр. Кызыл-Арват) 561
 Афрасиаб городище 117, 120, 192, 196, 201, 233, 246, 639
 Африка Северная 202, 233, 239, 581
 Ахал 587, 620, 622
 Ахенгеран 68, 562*; см. также Ангрэн
 Ахси, Ахсикет 37, 90, 277, 494
 Ахсикетский вилайет 277*
 Ахта-диктур 83
 Ахтуба 794
 Ахчисху 861*
 Ачинск 523
 Ачинский уезд 498
 Ашпара 88, 325
 Ашпара р. 160, 161, 538
 Ашраф 758
 Ашур-Адэ о-в 728
 Ашхабад 230*, 562, 580*; см. также Асхабад, Полторацк
 Аягуз р. 82, 320*
 Аягузский окр. 320*
 Баб ал-Абваб кр. 674; см. Дербент
 Багабад 603, 616
 Багдад 72, 103, 124, 131, 135, 138, 141, 194, 195, 201, 222—224, 229—231, 251, 266, 641, 675, 677, 684, 691, 693, 696, 697, 714, 715, 741, 744, 779, 780, 825, 833, 834*, 837*, 845, 847
 Багдад самаркандский 160, 266
 Баги-Шамаль — см. медресе Баги-Шамаль
 Багир 230
 Багустан 212
 Бадахшан 50*, 82, 100*, 113, 141, 143, 180, 186, 458, 462—465, 467
 Бадгис 571
 Бай 92
 Байкал оз. 48, 486, 497, 504, 506
 Байлакан 654, 673, 692, 707, 745, 779, 780, 876
 Байлук 506*
 Байсун 424, 427
 Байтак 81
 Бакинская губ. 663
 «Бакинское море» 720, 780; см. Каспийское море
 Бактриана, Бактрия 109—111, 112*, 116, 173, 174, 176, 185, 186, 463

- Бактры (поздн. Балх) 117, 185, 186, 222, 812
 Баку 432, 495, 653, 656, 667*, 671, 683, 692, 693, 708, 720, 721, 723, 728, 747, 749, 754, 757, 762, 764, 769, 771, 776, 779—782, 792, 795, 829, 878
 Бала-Мургаб 111; см. также Мерверруд
 Баладж 548, 549
 Балай-Каз 83
 Баланджар (Варачан) 674, 676, 677*, 815
 Баласагун 40, 42—46, 49—51, 54—56, 125, 132, 133, 135, 141, 245, 262, 454, 502, 549, 551, 553
 Балаурнан 507*
 Балканский п-ов 573, 636*, 654, 688—690, 793, 812, 817, 829, 852, 857, 871
 Балтийское море 811, 812, 816, 817, 818*, 836*
 Балх 76, 112, 117, 119, 130, 134, 143, 157, 164, 185, 193, 214, 216, 222, 225, 227, 229, 230, 233, 268, 464, 516, 518, 572, 639, 708, 732, 812, 813; см. также Бактры
 Балхан, Балханские горы 570, 571, 586, 593, 595, 597, 606, 607, 609
 Балхаш оз. (Кукча-тенгиз) 66, 80, 84, 100, 320*, 512, 642*
 Балхашско-Алакульская низина 320*
 Балхский окр. 582
 Бальджуан 428, 429
 Бальджуанское бекство 427
 Бами 610*, 611*
 Бами-Бурма 610*; см. Бами, Беурма
 Бангарбан-Бенке р. 81*
 Баргуджин-Токум (Баргуджин-Токум) 504, 506*
 Баргузин 504
 Барда — см. Берда'а
 Баркуль (Барс-куль) 73, 80
 Баркуль оз. 557
 Барлас кан. 780
 Барс-куль — см. Баркуль
 Барскаун р. 38, 92, 515
 Барсхан 37—39, 45, 551*, 579
 Барукана 119
 Баркенд (Барчынлыгкенд) 591
 Барчук 575*
 Василия (? Басиста) 172*
 Баскан р. 320*
 Батеневский хр. 520
 Батум 432
 Бахарден 330, 587, 622*
 Бахауддин 411
 Бахнаса 440
 Бахчесарай 711
 Башкирия 333*, 834*
 Бедель перевал 27
 Беклиг (Беклигил, Семекна) 36, 38, 44
 Беклярбег медресе — см. медресе Беклярбег
 Беклярбег
 Белая Вежа 848
 Белая (Синяя) Орда — см. Ак-Орда
 Белое море 816
 Белое озеро 834
 Бслуджистан 680
 «Белый город» 454, 548; см. Исфиджаб
 Бельгия 330
 Бенакет (поздн. Шахрухия) 327
 Бенарес 214
 Берда'а (Партав, Барда) 672, 680—682, 686, 688, 690, 707, 721, 778, 779, 782, 792, 793, 844, 847, 851*, 852*
 Берке-и Гуриян (Берке-и Кузган) 81; ср. Аршал-Атар
 Берлин 49*, 345*
 Берукет 549
 Беурма 610*
 Бехистунская окала 656
 Беш-Буйнак 519
 Бейюкдаш г. 667*
 Бзыбская Абхазия — см. Абхазия Бзыбская
 Бзыбь р. 861*, 865
 Бзыпны (Бзыбская Абхазия) 861*
 Биармия 817*
 Биби-ханым — см. мечеть Биби-ханым
 Биби-Эйбат 749
 Биень р. 320*
 Бий-Хем р. 499*
 Бинкет 252
 Бируни 155*; см. также Шейх-Аббас-вели
 Бистам 600, 601, 603
 Бичвинта — см. Пицунда
 Биш-арык (в Фергане) 397
 Бишбальж 65, 78, 86, 491, 492, 501—503, 557; см. также Бэйтин
 Благовещенск 385
 Благовещенский 331
 Боамское (Боомское) уш. 37*, 104, 536, 540; ср. Джиль-арык уш.
 Богемия 872

- Богуты горы 58
 Болгар (Булгар) 155, 255, 710, 713,
 714, 736, 833*, 834, 835*, 836, 837*,
 848, 850, 852*
 Болгария (дунайская) 688, 793, 852*
 Большая Алматинка р. 341, 342
 Большая Алматинская 321
 Большая (киргиз-казацкая) орда (Ка-
 захский Старший жуз) 30, 527,
 531, 539
 Большой Кебин (Чоңкемин) р. 100,
 341, 538
 Большой Фархар 215*
 Большой Юлдуз 83, 159
 Боомское ущ.—см. Боамское ущ.
 Борки 415
 Боротал р. 59*, 99
 Босманды-су дол. 173
 Боспор Киммерийский (Керчь) 555, 816
 Босфор прол. 843
 Бричмулла 334*
 Бузгала ущ. 216, 455; см. также Же-
 лезные ворота
 Буйнакск 674*, 677, 753; см. также Те-
 мир-Хан-Шура
 Буканские горы 407
 Булгар—см. Болгар
 Булунизир [Булунгир] р. 25, 175, 182
 Бурана 23
 Бургундия 77
 Бурибаши 73, 82
 Бургас р. 832*, 868; ср. Самара
 Бутентау возв. 596*
 Бухар-арык кан. 326
 Бухара, Бухарское ханство 35*, 43, 59,
 90, 97, 113, 114, 117, 120—124, 128,
 130, 134—137, 142, 148, 150, 151,
 155, 162—165, 175, 177, 179, 192,
 193, 195—197, 199—201, 203, 205—
 210, 211*, 213, 214, 216, 220, 228,
 231, 234, 245—251, 262, 264, 268—
 281, 283—292, 297, 326*, 354, 356,
 357, 368, 375, 377, 381, 389, 391,
 393, 395, 400—418, 420—433, 441—
 447, 454, 457, 458, 462, 464, 466—
 468, 492, 511, 548, 566, 571, 592,
 596, 601—603, 607, 608, 610, 615,
 620, 623, 632, 633, 637—639, 644,
 645, 684, 708, 718, 754, 792, 796,
 824*, 833*
 Бухария Великая 273; см. Туркестан
 Русский
 Бухария Малая 273; см. Кашгария
 Бухарская обл. 191, 199, 203, 567, 585,
 592*
 Бухарская республика 467
 Буюрлагу 82
 Бэйтин 491, 492; см. также Бишбалык
 Вавилон 216
 Вавилония 195, 441, 570, 660, 697, 786
 Варасер (поздн. Рабат-и Ходжа) 189
 Варанг 835*, 836*
 Варахша 207
 Варачан 674; см. Баланджар
 Вардана (поздн. Варданзи) 207, 442
 Ватикан 862*
 Вахан 430, 458, 459, 463, 464, 467
 Ваханская вол. 431
 Вахш р. 186, 216
 Вахш р. 658; см. Аму-Дарья
 Вашгирд, Вашджирд (поздн. Файза-
 бад) 216, 455
 Ведар 121, 195, 441
 Ведено 872
 Везир 602, 605, 727
 Везувий г. 712
 Великая Бухария—см. Бухария Ве-
 ликая
 Великий океан 31, 48, 454, 769, 786
 Велико-Алексеевский 328, 329
 Вена 45*, 345
 Венгрия 710, 820
 Венеция 872
 Верненский уезд 307*, 327, 341
 Верное укрепл. (поздн. Верный) 341,
 532
 Верный (совр. Алма-Ата) 39, 83*, 91,
 322, 341—343, 345, 377, 411, 532,
 535—538, 637; см. также Алматы
 Веррия 855; ср. Триадица, Средец
 (София)
 Верхне-Волжский 327
 Византия 114, 181, 189, 440, 481, 553,
 555, 664, 665; 670, 672—674, 684,
 686, 690, 691, 701, 714, 717, 777,
 790, 792, 794, 812, 816, 818, 819,
 820*, 821, 825, 826*, 827, 838*, 846,
 855—857
 Вису (Ису) 835*, 836*
 Владимир 268
 Волга р. 97, 124, 155, 180, 243, 255,
 325, 555, 556, 588, 593, 609, 644,
 667, 676, 677, 681, 684—686, 690,
 706, 710—713, 736, 740, 752, 761.

- 790—794, 812, 814—816, 820, 823*, 826*, 827, 830, 831, 833, 837, 838, 848, 851, 852*, 866—868, 870; см. также Итиль
- Вологодская губ. 361
- Волхов р. 825
- Воронежская губ. 322
- «Ворота евреев» в Балхе 220
- Ворота Мазарские (в Бухаре) 216; ср. ворота Наубехарские
- Мугкеде (в Оше) 212
- Наубехарские (в Самарканде и Бухаре) 216
- Орта-Капы (в Дербенте) 690
- Ворскла р. 801, 803
- Восточная Европа — см. Европа Восточная
- Восточная империя — см. Византия
- Восточный Туркестан — см. Туркестан Восточный
- Вьньсу (Вэньсу) 492
- Вятская губ. 446
- Габристан 211*, 212
- Гавгамела 172, 657, 776, 789
- Гавхорэ кан. 327, 328
- Гагры 861
- Газа (в Мавераннахре) 173; ср. Газак
- Газа (в Палестине) 581
- Газак 173; ср. Газа (в Мавераннахре)
- Газан-Дарак 173
- Газна 76, 130, 197, 226, 234, 235, 238, 569, 631
- Галидзга р. 861
- Галлия 110
- Ганг р. 214
- Гангара 666
- Гандхара 181
- Ганьсу 175, 187
- Ганьчжоу 488, 498
- Гаочан 32, 437; см. также Уйгурия
- Гарм 427
- Гарч (Гарш), Гарчистан (Гаршистан) 121, 198, 457, 458
- Гарчистан самаркандский 198, 457
- Гез р. — см. Яман-яр
- Гейдельберг 36*
- Гелати 863*
- Гелатский монастырь 690, 789
- Геок-Тепе 391, 622*
- Георгиевское 324
- Герат 62*, 78, 87, 161, 162, 197, 233, 267, 412, 456*, 458*, 582, 590, 606, 617, 622, 747, 799
- Гердиш кол. — см. Куртыш
- Герируд р. 176, 233
- Гермаб (поздн. Михайловское) 330
- Германия, Германская империя 110, 172, 374, 673, 819*
- Герчен — см. Черчен
- Ги (Цзи) 177
- Гибинь (Цзибинь) 26*
- Гилякин-Чильбурч вал 121, 201
- Гилян 702, 730, 740, 761, 762, 770, 778, 782, 829, 844
- Гимры 873
- Гиндукуш хр. 26*, 110, 113, 164, 181, 654—656
- Гиркания (Гуркан) 656—660, 670, 680, 689, 694, 695; см. также Джурджан
- Гирканская обл. 667, 678
- Гирканское море 657, 660; см. Каспийское море
- Гиссар (Хисар) 407, 428, 431, 458, 464, 467, 518
- Гиссарский (Хисарский) край 291, 423
- Гиссарское (Хисарское) бекство 427, 430
- Гихон (Джейхун) р. — см. Аму-Дарья
- Главный Кавказский хр. — см. Кавказский хр.
- Гобалык 56
- Гоби пустыня 478
- Гокча оз. 745
- Головачевка 325
- Голодная степь 122, 221, 326, 330, 358, 388, 401
- Голубевская 321
- Гольштиния 760
- Городище (на Волхове) 824
- Греция 110, 171
- Гробница Дария (у Персополя) 171
- Исма'ила Самани (в Бухаре) 246
- Кусамы б. Аббаса (в Самарканде) 196
- Гродеково 327*
- Грозное 327*
- Грузинская ССР 846*
- Грузия 255, 639, 657, 666, 682, 690, 721, 722, 735, 740, 745, 763, 778—780, 857, 862, 863*
- Гуаньду (Цзюаньду) 26*

- Гузар (Хузар) 269, 418, 423, 426, 427, 432
 Гузганан 233
 Гуйшань 176; см. также Касан
 Гума 861*
 Гумиста р. 861*
 Гуниб 874
 Гунт 288*
 Гур 197, 233, 459, 561*
 Гурган — см. Джурджан
 Гургандж (поздн. Ургенч, Куня-Ургенч) 144, 147, 177, 238, 563, 794, 814, 820, 823*, 833, 853*; см. также Юегянь
 Гурлен 283
 Гусу: (Гуши) 477
 Гучэн 260, 261, 453, 491, 557
 Гуши — см. Гусу
 Гуштаспи 878
 Гэгунь (Цзянькунь) 475
 Гюрген р. 198, 201, 247, 556, 557, 559, 586, 590, 598—603, 605, 611, 613, 622, 656, 694
 Гянджа (поздн. Елисаветполь, совр. Кировабад) 120, 681, 690, 703, 706, 708, 710, 715, 722, 754, 756, 778, 779, 781, 784, 785
 Гянджинка р. 756
 Гянь (Цзянь) р. 475, 480; ср. Кем
 Гяньгунь (Цзянькунь) 476, 477, 483, 487
 Гянь-хай (Цзянь-хай) оз. 486; см. Байкал
 Гяур архи кан. 780
 Гяур-кала (в Мерве) 120, 201, 247
 Гяур-кала (в Хорезме) 211*

 Дабусия 441*
 Давали кол. 595*
 Давань 176*, 177*; см. Фергана
 Дагестан 619; 674—677, 690, 740, 741, 743, 753—756, 758, 762, 763, 771, 775, 782, 791, 793, 814, 853, 873, 874;
 Дагестанская обл. 753, 849
 Данкс (Яик) р. 180
 Дал 861*
 Даль-Маметлы 784
 Дальверзин кан. 327
 Дальверзинская степь 326—328, 330
 Дамаск 200, 228, 266, 674
 Дамаск самаркандский 160, 266

 Дараут-Курган 186, 373
 Дарваз 186, 196, 288, 428, 431, 458, 459, 463—466, 470
 Даргам кан. 189
 Дарган 261, 568, 612
 Дарданеллы прол. 171
 Дарья-и руд р. 766
 Дарьялык проток 596*
 Дарьяльское ущ. 667, 866
 Датунфу 483
 Дахбид 276
 Дашни 185; см. Римская империя
 Двин 681, 778
 Дейлем 683, 829
 Дейнау (Денау) 587
 Дели 159, 734, 758
 Денау — см. Дейнау
 Денауское бекство 427
 Денданкан (Денданакан) 573
 Дербент 428, 556, 557*, 657, 670—677, 680—685, 690, 692, 706, 707, 709, 710, 715, 716, 722, 723, 735, 740, 741, 744, 748, 754—758, 760, 761, 775, 777—781, 786—788, 792, 794, 832*, 849, 852*, 866, 875—878
 Дербентский проход 198, 667, 669, 706, 794
 Дерезез 615, 616
 Дестеджерд 616
 Джамбул 31*, 115*, 190*, 454*, 493*
 Джан-кала 240, 560*
 Джанкент разв. 143, 240, 560, 639; см. также Янгикент
 Джар-мечеть 395
 Джаргалан р. 99, 527
 Джаркент 334, 637
 Джаркентский уезд 321
 Джасы (Ясы) перевал 38, 81
 Джаузания (Джаузаниян), мечеть или медресе (в Самарканде) 207
 Джезира 675; см. также Месопотамия
 Джейхун р. 205, 660; см. Аму-Дарья
 Дженд 240, 560, 566, 567, 573, 585, 587, 588; ср. Хишт-кала, Джан-кала
 Джендское оз. 560; см. Аральское море
 Джеты-су 320*, 511; см. Семиречье
 Джетыкент 88, 90, 105, 512
 Джетысуйская обл. 492, 578; см. также Семиреченская обл., Семиречье
 Джибаль 205
 Джигегия (Садзны) 861*

- Джизак 161, 188, 247, 288, 317, 337, 402, 555
- Джиланутинское уш. (Джизакское уш.) 161, 164, 639, 645
- Джилгыш-баши 534
- Джилъ-арык уш. 37; см. также Боамское уш.
- Джиран-Айгыр 535
- Джу-и Мулиян 208
- Джувль 37
- Джумгал р. 94, 533, 536, 539
- Джумгал укрепл. 536, 537
- Джунгария 100, 105, 106, 320*
- Джурджан (Гурган) 556, 586, 678, 680, 684, 689, 825, 826, 849, 852*; см. также Гиркания
- Джурджанское море 825, 826; см. Каспийское море
- Джуука р. 92
- Дивар-и Киямат (Кундаланг) стена 121, 201
- Динар кол. 611
- Диу 753
- Дих-и нау — см. Янгикент
- Дих-и Туркмен 591
- Дихистан 203, 247, 556, 561, 570, 572, 586, 590, 591, 596, 618, 695
- Диярбекир 581, 751
- Дмитриевка 325
- Днепр р. 686, 811, 819*, 826*, 827, 838*
- Дон р. 550, 667, 684, 686, 690, 752, 792, 813, 814, 817, 826*, 827, 832, 837, 838*, 848, 850, 871
- Дорилей (Дорилай) 854; ср. Эскишехир
- Дрезден 760, 862
- Дулатовская вол. 538
- Думань горы — см. Лаошань
- Дунай р. 573, 793, 814, 844, 872
- Дуньхуан 115, 190, 452
- Дурун 330, 587, 598, 601, 603, 605, 606, 608, 609, 616
- Духовской выселок 328
- Дюшамбе (совр. Душанбе) 428, 470
- Ебе-усу р. 500
- Европа 165, 175, 177, 179, 222, 249, 275, 347, 348, 374, 380, 432, 433, 655, 669, 698, 700, 701, 752, 760, 764, 767, 769, 771, 783—785, 789, 815, 847, 872
- Европа Восточная 109, 180*, 187, 260, 670, 710, 731, 777
- Европа Западная 134, 165, 259, 315, 447, 498, 687, 696, 697, 700, 712, 714, 715, 718, 729, 750, 751, 814
- Европейская Россия — см. Россия Европейская
- Евфрат р. 110, 195, 205, 229, 455, 653
- Египет 199, 224, 235, 266, 440, 447, 565, 580, 581, 666, 673, 704, 717, 747, 748, 804, 856, 872
- Езерское княжество 520
- Елец 159
- Елисаветполь (совр. Кировабад) 120, 784, 785; см. также Гянджа
- Енисей р. 39, 50, 67, 115, 124, 242, 243, 475—477, 480, 481, 484—486, 488, 492, 495—501, 503, 504, 506, 507*, 508, 510*, 520, 522, 524, 526; см. также Гянь, Ионеси, Кем
- Енисейск 481, 521, 523
- Енпчай 485
- Ёсун-мурэн р. 75
- Жареный Бугор 740
- Железные ворота (поздн. Бузгала) уш. 190, 216, 455
- Желтая река (Хуан-хэ) 187
- Забайкалье 137
- Зайлийский Алатау хр. 39
- Зайлийский край 320, 532, 536
- Зайсан оз. 98
- Закавказье 109, 120, 144, 344, 453, 459*, 706, 743, 756
- Закаспийская обл. 109, 117, 162, 200, 295*, 329, 330, 341, 343, 344, 391, 398*, 414, 448
- Заметра 819*
- Зандана 442
- Западная Европа — см. Европа Западная
- «Западный край» 29, 176; см. Туркестан Восточный
- Западно-Казахстанская обл. 823*
- Заргер р. 331
- «Заречье» — см. Мавераннахр
- Зарнаспа 186
- Зах кан. 326
- Зебак (Санглич) 458, 467
- Зенги-баба 595*
- Зенджир-сарай дворец 153

- Зенджирбаг 215; см. также Санджар-феган
- Зерабулак 406
- Зеравшан р. 109, 113—116, 128, 164, 171—173, 177, 178, 182, 183, 188, 189, 191, 210, 212, 250, 253, 259, 272, 280, 281, 330, 417, 423, 424, 446, 452, 457, 458, 470, 496, 550, 555, 568, 814
- Зеравшанская дол. 191
- Зеравшанский бассейн 189
- Зеравшанский окр. 299, 369, 370, 377, 379*
- Зерендж 205
- Зернук 585
- Зиб г. 716
- Зияуддин 420, 441
- Зияуддинское бекство 424
- Золотая Орда 134, 149, 151, 152, 154, 155, 584, 591, 595, 596, 709—716, 720—722, 731, 732, 735, 737, 741, 745, 746, 769, 794, 795, 797, 799, 802*, 803, 878
- Зохах-и Морон разв. 152, 263
- Зу-л-карнейн рабат 204, 205
- Зу-л-кифль рабат 201
- Иверия 657, 665; см. также Грузия
- Иду 66
- Иерусалим 133, 231, 233
- Ижим р. 485
- Икечат (Эки чат) 536
- Илаб — см. Амлаб
- Илак 210, 217, 259
- Иламиш дол. 54
- Илан-балык — см. Илибалык
- Иланьчжоу — см. Ииланьчжоу
- Или р. 33, 51, 58, 60, 66, 70, 72, 74, 81, 82*, 83, 86, 89, 98—101, 144, 147, 149—151, 161, 253, 257, 259, 260, 320, 341, 485*, 511, 523, 526, 531, 642
- Илибалык (Илан-балык) 66
- Илийская дол. 67, 103, 288
- Илийский край 80*, 321, 334*
- Иль-Аларгу 60
- Ильмень оз. 823, 824
- Ильялы 621*
- Ильялинский р-н 587
- Имеретия 862
- Ингельгейм 818, 819*
- Ингур р. 861
- Инд р. 144, 174, 180, 181, 213*, 463, 532, 654—656, 728
- Индийский океан 183, 667, 753, 759, 764
- Индия 42, 43, 77, 78, 100, 110, 111, 113, 144, 160, 163, 174—177, 179, 181, 182, 184, 185, 187, 191, 214—216, 218, 222, 271, 306, 362, 379*, 386, 387*, 393, 407, 412, 417, 425, 432, 437—439, 447, 498, 569, 618, 631, 634, 658, 664, 668, 672, 693, 708, 734, 742, 747, 750, 752, 753, 758, 759, 761, 764, 765, 776, 779, 788, 790, 791, 795, 802, 806, 813
- Индостан 442
- Ионеси р. 485; см. Енисей
- Ирак 195, 226, 441, 442, 570, 593, 684, 697, 877
- Иран 119, 120, 159, 184, 215, 217, 222, 247, 446, 565, 569, 580, 582, 584, 594, 654, 718, 737, 755*, 763*, 771, 776, 777, 789—791; см. также Персия
- Иранское плоскогорье 758
- Ирджар 355, 356, 401, 410
- Иркешгам 399
- Иртыш р. 59, 73, 75, 80, 83, 98—101, 104, 124, 140, 142, 147, 242, 243, 258, 493*, 504, 505, 512, 526, 734
- Иса-аулия кан. 337
- Искандер-арык кан. 326
- Искандер-куль оз. 204, 205, 639
- Искиджкет 205, 207, 442
- Испания 77, 162, 202, 239, 242, 581, 820*, 828, 832*, 850, 852*, 872
- Иссыгата (Иссыгаты) р. 539, 540
- Иссык-Куль, город 39
- Иссык-Куль оз. 27, 35—37, 39, 61, 75, 79, 82—84, 86, 87, 91, 93, 94, 98, 100, 105, 154, 160, 161, 264, 324, 342, 343, 350, 393, 476, 492, 511—513, 515, 516, 527, 530, 533—537, 540, 541, 551, 579, 727, 728, 776, 777
- Иссык-Кульский уезд 343, 540
- Ису — см. Вису
- Исфахан 208, 211, 237, 275, 446, 552, 570, 601, 609, 680, 758, 761
- Исфераин 601
- Исфиджаб («Белый город») 44, 128, 199, 240, 241, 245, 246, 443, 548, 549, 554, 562; ср. Сайрам
- Исфиджабская обл. 241

- Исфиджабский окр. 549
 Ит-Ичмес — см. Ала-кулъ
 Италия 712
 Итиль 588, 676, 677, 681, 689, 706, 740, 769, 793—795, 815, 829, 830, 832*, 848—851, 852*
 Итиль р. 559, 815, 837*, 838, 849; см. также Волга
 Ични-Бучни равн. 83
 Ишан-рабат 373
 Ишанкульское медресе — см. медресе Ишанкульско-
 Ишкашим 464, 467
- Иезд 470
 Йемен 225
 Йехудия 220
 Йиланьжоу (Иланьчжоу) 504, 508
 Йологан 620*
- Ка'ба 226
 Ка'ба-и Зердушт (Ка'ба Зороастра) башня 211, 247
 Кабадиан 571
 Кабала (Кабалака) 666, 672, 778, 781, 877
 Кабикалар (Кабилкакла) 93
 Кабул 26*, 91, 130, 159, 214, 412, 419, 432, 466, 467, 512
 Кабул р. 180, 181
 Кабул-сай 637
 Кабульская обл. 461
 Кабульский вилайет 461*
 Кавказ 124, 155, 312, 353, 357, 412, 424, 591, 643, 654—657, 662, 667, 669—671, 676, 677, 681, 684, 690, 692, 706, 735, 740, 763, 765, 766, 771, 772, 781—783, 790, 791*, 792, 793, 795, 796, 803, 813, 815, 833, 847, 852*, 866, 870, 873
 Кавказ Восточный 180*, 790, 791
 Кавказ Западный 861, 864
 Кавказ Северный 333, 861*
 Кавказские горы 815
 Кавказский перешеек 654
 Кавказский хр. 657, 789, 861
 Казала (поздн. Казалинск) 388
 Казалинск 240, 299, 311, 319, 320, 324, 338, 402, 403
 Казанская губ. 446
 Казань 305, 442, 446, 470, 752, 874
- Казахская ССР 31*, 83*, 115*, 190*, 229*, 454*, 493*
 Казахстан 109*, 166*, 541*
 «Казачья орда» — см. Большая (киргиз-казацкая) орда
 Казбек г. 866
 Казвин 599, 601, 680, 731
 Каир 45*, 160, 266, 440, 855
 Кайлак — см. Каялык
 Кайсария 854*
 Какма-бурджи 83
 Кала-и Зафар кр. 463
 Кала-и Хум (Кала-и Хумб) 464, 466
 Калаус 614
 Калка р. 143, 706
 Калуга 413, 874
 Каль кр. 616
 Калькутта 403
 Кама р. 559, 677, 815, 816
 Каменный мост (у Самарканда) 50
 Кампыр-дивар, Кампыр-дувал стена 199
 Камул 261, 453; см. также Хама
 Кан р. 481
 Кан-сай 242
 Канга (Kangha) 175; ср. Кангюй
 Кангюй (Канцзюй) 26*, 176*, 178*, 179*, 476*, 477
 Кандагар 184, 185, 271, 412, 605, 764
 Канджунт 110, 654, 655
 Канск 523
 Кантон 496, 638
 Канцзюй — см. Кангюй
 Каппадокия 85
 Кара-Гучур 82, 83
 Кара-Дарья р. 165, 276
 Кара-Калпакская АССР 155*
 Кара-Касмак перевал 81; см. также Кастек
 Кара-касты 610
 Кара-кишлак 541*
 Кара-коин р. 38
 Кара-Ходжа (Хара-Хочо) 83*, 491, 501, 503
 Кара-яб — см. Кары-яб
 Карабаг 735, 745, 772
 Карабалты 540
 Карабулак 37, 38
 Карабура 538, 539, 542
 Карагаты 100
 Каракара — см. Каркар, Каркара
 Каракол (поздн. Пржевальск) 39, 343

- Каракол перевал 37
 Каракол р. 343, 541
 Каракольский уезд — см. Пржевальский уезд
 Каракорум 64—66, 78, 147, 149, 253
 Каракуль 253
 Каракум пустыня 616
 Каракунуз 334*, 540
 Каракыстак р. 541*
 Карасу кан. 345
 Каратаг 429
 Каратал р. 83, 91, 100, 320*, 515, 530, 801
 Каратегин 185, 288, 407—409, 417, 427, 431, 458, 463—466, 518
 Карашар (Чалыш) 83, 91, 92, 175, 513—514
 Каркар, Каркара 101, 536, 541*; ср. Каркар-хан
 Каркар-хан (Каркара-хан) 493*; ср. Каркар
 Каркаралинск 493*
 Карс 735
 Картли 862
 Карши 75, 86, 143, 152, 153, 157, 225, 263, 264, 266, 271, 282, 407, 418, 420, 423, 425—428, 431—433, 732; см. также Нахшеб, Несеф
 Кары-кичит 595
 Кары-яб (Кара-яб) 622
 ал-Карьят ал-халиса — см. Янгикент
 Касан (Гуйшань) 176, 177, 192, 276, 331; см. также Кушания
 Каскелен р. 341
 Каскеленская 321*
 Каспиана 654
 Каспий, Каспийское море 29, 111, 143, 156, 176, 187, 198, 243, 320, 345, 391, 421, 549, 550, 554, 556, 557, 564, 572, 615, 654—661, 663—667, 670, 678—682, 684, 685, 690, 694—696, 703, 706, 709, 711, 720, 723—728, 735—739, 752—754, 757, 758, 761—764, 768, 770, 776, 778, 780—783, 787, 790, 793, 796, 813, 814, 825, 826*, 287, 829, 831, 832, 844, 846—848, 850, 851, 856, 866*
 Каспийский проход 656
 Каср ал-Ашик разв. 228
 Каср-и Хиндуван 216
 Кастек (Кара-Касмак) перевал 32, 36, 38, 39, 58, 81
 Ката (Хата) 131; см. Китай Северный
 Катван, Катванская степь 50, 103, 133, 253, 631
 Катта-Курган 113, 116, 177, 178, 191, 213, 272, 337, 404—406
 Катта-Курганский уезд 114, 211*, 330
 Катта-ходжа Ишан — см. медресе Катта-ходжа Ишан
 Кауфманский кан. 326
 Куфманское 327
 Каф г. 614*
 Кафир-кумук 753
 Кафир-Яры 92
 Кафирниган 216, 470
 Кафирниганское бекство 427
 Кахетия (Хәхит) 870
 Кахлаң 618
 Каш 94
 Кашгар 26*, 31, 38, 42—45, 52, 56*, 79, 82, 85, 87, 90, 92—95, 103, 118, 125, 126, 132, 138, 149, 150, 186, 187, 243, 245, 256, 262, 377, 394, 398, 399, 400, 403, 409, 445*, 492, 502, 513—516, 519, 528, 533, 537, 540, 553, 572
 Кашгария 56, 91, 105, 138, 141, 154, 210, 254, 264, 273, 276, 288, 291, 334, 394, 399, 400, 407, 466, 512, 516—519, 527—529, 531, 532, 535, 537, 564
 Кашгарская обл. 138, 398
 Кашгарский уезд 528
 Кашка-Дарья р. 113—115*, 152, 153, 182, 188, 189, 259, 263—265, 280, 426, 732
 Кашмир 26*
 Каялык 51, 53, 54, 61, 64, 65, 66, 191
 Каян-Казы (Кыян-Казы) 82
 Кебин Большой — см. Большой Кебин
 Кебин Малый — см. Малый Кебин
 Кеген р. 100, 101, 533
 Кегеты р. 540
 Кегмен горы 479, 484, 492; ср. Саянский хр.
 Келат 391, 592, 616
 Келиф 143, 173, 204
 Кем р. 475, 480, 485, 502, 504, 505; см. также Енисей
 Кем-Кемджиот 503—505, 508
 Кем-Кемджиот р. 506; см. также Енисей
 Кемиджет 494; ср. Микиджет
 Кемиз-арт горы 479

- Кенгю-Тарман (Кенгю-Тарбаи) горы 479
 Кенджек 151
 Кербела 748
 Керки 417, 422; 423, 427
 «Керкис» 509
 Керман 442, 580
 Керманшах 762
 Кермине 147, 403, 406, 423
 Керминкет (Кумберкет) 37
 Керчь 555, 815
 Кесек 528
 Кета (Хита) — см. Ката
 Кетмень горы 100
 Кетмень-тюбе 100*, 331
 Кеш (поздн. Шахрисябз) 213
 Кызыл-Орда 560; см. также Перовск
 Киев 688, 793, 828, 837, 838*, 844,
 852—854
 Киевская губ. 331
 Кизляр 614
 Кызыл-Арват — см. Кызыл-Арват
 Киликия 870
 Кинчаг — см. Кенджек
 Кипчак 274, 291
 Киргиз 508
 Киргизия 109*, 115*, 288*, 380, 473*,
 527, 543
 Киргизская [автои] область 473
 Киргизская ССР 37*, 38*, 128*, 151*,
 242*, 322*, 533*
 Киргизский хр. — см. Александровский
 хр.
 Кировабад 784*
 Кирополь 473*
 Китаб 199, 344, 419, 423, 426, 427
 Китай (Поднебесная империя, Средни-
 ная империя) 27—32, 37, 43, 46—48,
 50, 55, 57, 58, 66, 67, 70, 71, 76—
 78, 81, 85, 92, 95, 102, 104, 113,
 114, 123—125, 127, 131, 132, 134,
 135, 140, 142, 151, 152, 160, 166,
 174—179, 181—187, 189, 191, 196,
 213, 216, 219, 223, 242, 243, 253,
 254, 259, 260, 266, 280, 288, 294,
 321, 377, 400, 437, 445, 452, 475,
 477, 478, 481—483, 487, 489, 491,
 492, 495, 496, 498, 501, 504*, 505,
 507—509, 511, 521, 522, 531, 536,
 537, 550, 553, 555, 557, 580, 614,
 665, 668, 670, 672, 791, 794, 803,
 813, 814, 866, 867; см. также Китай-
 ская империя
 Китай Северный (Ката, Хата, Хита),
 30, 43, 48, 71*, 131, 135, 138, 253,
 483, 498, 501
 Китай Южный (Чин, Син) 131, 501
 Китайская империя 27, 243, 483
 Китайский Туркестан — см. Туркестан
 Восточный
 Ключевое 327*, 337
 Клязьма р. 268
 КНР 166*
 Кобук р. 59, 75, 83
 Кодж 611*
 Коджигер (Кочигир) 101
 Кодор р. 861*
 Кой-Мараг 82
 Кой-Суй 87
 Койбын 100
 Койсу р. 100
 Кок горы 60
 Кок-Сали 82
 Кок-тал р. 100
 Кок-тепе горы 81—83
 Кок-терек р. 100
 Коканд (Кокан, Хоканд) 165, 276—278,
 283, 286, 287, 289—291, 297, 311,
 317, 336—339, 356, 366, 377, 381,
 393—398, 402, 408, 409, 417, 465,
 528, 535—537, 633—645; см. также
 Кокандское ханство
 Кокандский вилайет 528
 Кокандский уезд 332, 337
 Кокандское бекство 277*
 Кокандское ханство 32, 165, 190, 276,
 280, 286, 288*, 290, 291, 338, 369,
 393, 394, 398, 399, 400, 401, 407,
 416, 417, 458*, 466, 467, 528, 531,
 537; см. также Коканд
 Коксу р. 320*
 Коксуйская 321
 Кокча р. 463
 Кокчетав 381
 Кокшал 540
 Колпичьев 614
 Колхида 813
 Кондуган р. 331
 Конногвардейский 327
 Константиновское 327
 Константинополь 114, 189, 256, 376, 403,
 673, 674, 751, 754, 818, 819*, 823*,
 828, 831*, 837*, 853—856, 861, 870,
 871
 Конур-Улен 93

- Копал 51, 320, 321, 342, 343; см. также
     Копальская
 Копальская (поздн. Копал) 320, 321
 Копальский уезд 321
 Копет-Даг хр. 330, 396
 Кордова 850, 852*
 Корсунь (Херсонес) 853—856
 Косогол оз. 485
 Кочигир — см. Коджигер
 Кочкар 81, 82, 93, 94, 104, 105, 515,
     539, 541
 Кош-курган укрепл. 288*
 Кошой-курган разв. 38; см. Атбаш
 Красноводск 343, 432, 621, 660, 764
 Красное море 753
 Красноярск 498, 521—523
 Красноярский уезд 520
 Красный Яр 613
 Крестовое 330
 Крым, Крымский п-ов 424, 550, 593,
     711, 713, 714, 790, 792, 804*, 812,
     828, 853, 855
 Крымское ханство 753
 Куба 781
 Кубань р. 861
 Кугартская вол. 331
 Кузнецк 522, 523
 Кузундениси 661; см. Каспийское море
 Куйлюк 341
 Кукча-тенгиз оз. 80; см. Балхаш
 Кулан-баши степь 143
 Кулан 33, 230, 243, 518*; см. также
     Тарты
 Куланчи 288*
 Кульджа 100, 139, 266, 361, 411, 712
 Кульджинский край 51, 53, 54, 58, 61,
     67, 79, 112, 139, 144, 253, 254, 259,
     261, 262, 334, 361, 444, 537, 541
 Куляб 186, 349*, 427—429, 431, 457,
     458, 465, 467
 Кулябское бекство 227, 427, 430
 Кум 120, 195
 Кума р. 613, 614
 Кумед 185, 186; ср. Цзюймито
 Кумук кр. 763
 Кунгез р. 83, 85, 94
 Кунграт 274, 275, 281
 Кундуз 465
 Куна-Ургенч 77, 124, 177, 247, 563, 591,
     622, 639, 735, 794, 817, 820, 823*;
     см. также Ургенч
 Кура р. 654, 659, 663, 673, 674, 686,
     688, 753, 762, 778, 813, 844, 845,
     847, 851*, 878
 Кураган 82
 Кураминский уезд 325, 341, 368
 Курату степь 81
 Курган-Тюбе 431
 Курган-Тюбинское бекство 430
 Курдистан 141, 570
 Курдуван 684
 Куржара-Усу окр. 98
 Курла 399
 Курмектинское уш. 342
 Курсанг (Усанг?) 215
 Куртка укрепл. 401, 536—538
 Куртыш (Гердиш) кол. 595, 602
 Куршаб р. 33
 Кутаис 690, 778
 Кутаисская губ. 864
 Кутемалды 540
 Кутлуг 60
 Куфа 455, 674
 Куча 28, 39, 79, 92, 116, 175*, 198, 455,
     492, 512, 527, 528, 554, 557*
 Кучан 592
 Кушания 114, 176*, 191; см. также Ка-
     сан
 Кушка 330
 Куяба (Куята) 837, 838*; см. Киев
 Куяш 60
 Куху-Тайга хр. 499*; ср. Утугэн
 Кызарт перевал 536
 Кызыл-Агач р. 320*
 Кызыл-Арват 203, 237, 561, 586*, 611,
     622; см. также Ферва
 Кызыл-кия перевал 39
 Кызыл-су р. 27, 528
 Кызылкум пустыня 142
 Кыргыз 503
 Кыргыз-Нор оз. 477
 Кырклар 690
 Кыян-Казы — см. Каян-Казы
 Кэргисы 500
 Кюймань (Цюймань) 479
 Кюрен-Даг хр. 596, 602, 603
 Кянь р. 504; см. также Кем
 Кянькяньчжоу (Цяньцяньчжоу) 504, 505
 Кяньчжоу (Цяньчжоу) 503, 504
 Кят 155, 261, 272

 Ланьчжоу 187
 Лаошань (Думань) горы 489

- Ледовитый океан («Ледовитое море») 486, 836*
- Ленинград 478
- Лепса р. 100, 320*
- Лепсинская 321
- Лепсинский уезд 321
- Лоб-Нор оз. 82, 114, 181, 183, 184, 190, 400, 452, 454
- Лондон 57*, 345, 404, 770
- Луговое ст. 33*, 230*; см. также Тарты
- Лукка 863
- Лукчун 261
- Ляйлякан 426
- Ляхиджан 761
- Ма-а 508
- Мавераннахр 32, 34, 36, 42, 43, 45, 46, 50, 57, 73, 75, 76, 78, 80, 85, 87—91, 94, 100, 104, 118, 119, 122, 124, 128, 129, 133, 135, 147—149, 152—154, 157, 160, 198*, 205, 219, 220, 226, 235, 246, 261, 263—266, 268, 269, 272, 273, 502, 562, 569, 579, 582, 616*, 630, 631, 639*
- Мавзолей Гюрябек-ханым (в Ургенче) 155, 713
- Магнан 418
- Магриб 233; см. также Африка Северная
- Маджалис 755
- Маджан кан. 221
- Мазандеран 59, 144, 159, 198, 460, 589, 590, 670, 678, 680, 695, 696, 702, 703, 706, 727, 728, 730, 733, 735, 737—739, 745, 747, 758, 770, 831*
- Мазар Бега ад-дина Накшбенда (в Бухаре) 216
- Ходжи-Ахрара (в Самарканде) 297
- Маймург 188, 189; ср. Ми
- Майнц 818
- Македония 820*, 871
- Маку 721*
- Малая Азия п-ов 84, 580, 581, 604, 665, 715, 741, 744, 786, 812
- Малая Алматинка р. 341
- Малая Бухария — см. Бухария Малая
- Малая орда 293
- Мало-Алматинская 321
- Малый Кебин (Кемин) р. 538
- Манбек-Лу горы 479
- Манглай-Субе 79, 512
- Мангу 507*
- Мангуп-кале 812
- Мангыт 274, 281, 622
- Мангышлак (Сиях-кух), Мангышлакский п-ов 398, 564, 586—588, 593, 596, 600, 602, 607, 609, 613, 615, 621, 689, 694, 754, 781, 849, 852*, 853*
- Мангышлакский уезд 343
- Мануче — см. мечеть Мануче
- Маныч 614
- Маньчжуря 131, 132, 508
- Мараканды 111, 113, 172, 174, 178, 186
- Марал-баши 575*
- Мар'аш 581
- Маргелан 336, 396, 397, 466
- Маргеланский уезд — см. Скобелевский уезд
- Маргеланское бекство 277*
- Маргиана 645
- Маргинан 250, 466
- Маргум 296*
- Мардин 444
- Марокко 251
- Мархамат 332
- Мары — см. Мерв
- Мас'удийе — см. медресе Мас'удийе
- Матча 458
- Маха мечеть — см. мечеть Маха
- Махан 592
- Махане-сер кр. 737
- Махачкала 677, 849*; см. также Петровск, Тарки
- Махмудабад 779, 781
- Махрам 395, 397
- Меана — см. Мейхене
- Мегрелия — см. Мингрелия
- Медзавей 861*
- Медина 225, 228, 234, 824*, 874
- Медресе Араб-Мухаммед-хана 271
- Баги-Шамаль (в Самарканде) 317
- Беклярбеги 303*
- Джаузания (в Самарканде) — см. Джаузания
- Ишан-Кула (в Туркестане) 303*
- Ишанкульское (в Ташкенте) 303
- Катта-ходжа Ишан (в Коканде) 317*
- Мас'удийе 148
- Сабуни (в Нишапуре) 227

- Ташбек-бай (в Самарканде) 317*
- Тилля-кари (в Самарканде) 271, 297
- Улугбека (в Самарканде) 161
- Фарджека (в Бухаре) 226
- Ханийе (в Бухаре) 148
- Ходжа-Ахрар (в Ташкенте) 352
- Ширдар (в Самарканде) 164, 271, 297, 348
- Меймене 220
- Мейхене (совр. Меана) 235, 609, 622
- Мекка 152, 210, 229, 231, 233, 405, 412, 419, 519, 605, 729, 754, 781, 824*, 837*, 874
- Мелик степь 246
- Мерага 715, 767, 845, 847
- Мераурик (Мераузик)-Ила 60
- Мерв 111, 117, 118, 120, 121, 129—131, 143, 174, 185, 186, 198*, 200, 201, 203, 204, 219, 221, 222, 226, 230—233, 235, 237, 238, 247, 251, 280, 284, 286, 329, 343, 344, 412, 415, 443, 446, 458, 571—573, 582—585, 589—592, 596, 600, 601, 603, 608, 613, 616—622, 629*, 642*, 708, 718, 751, 815*, 818*
- Мерверруд (совр. Бала-Мургаб) 111, 185, 197, 233
- Мервский оазис 111, 199, 295, 592, 616, 620*
- Мервский округ 448
- Мервский район 207*
- Мервский уезд 328
- Мерке 125, 242, 325, 541*, 549*
- Мертвый Култук зал. 602
- Меручак 622
- Месопотамия 130, 133, 159, 570, 665, 667, 674, 675, 680, 697, 734, 748
- Месторинан 695; см. Мешхед-и Мисриян
- Мехни 609*, 622*
- Мечеть Биби-ханым (в Самарканде) 160
- Мануче (в Ани) 721
- Маха (в Бухаре) 213
- пророка (в Медине) 228
- Ходжи-Ахрара (в Ташкенте) 380
- Мешхед 242, 274, 613, 616, 618, 748
- Мешхед-и Мисриян разв. 213, 247, 556, 561, 562, 596, 618, 695, 703, 723
- Мзымта р. 861*
- Миш (Мимо, Мимохе) 189*; ср. Маймург-Мидичжи (Мидичжита) 494; ср. Микиджкет
- Мидия 205, 607, 775, 790, 796
- Микиджкет 494; ср. Мидичжи, Кемиджкет
- Мими 189*
- Мимо, Мимохе — см. Ми
- Мин-тюбе (Минг-тюбе) 332
- Мингрелля (Мсгрелля) 861, 862
- Минджан 458
- Минтюбинская вол. 332
- Минусинск 485, 498
- Минусинский р-н 505
- Миср самаркандский 160, 266
- Михайловка 325
- Михайловское — см. Гермаб
- Мияикаль 282
- Могила Мухлис-Ата (в Сюганчи) 199
- Низами 784, 785; см. также Ших-Низами
- Моголистан 79—82, 84—93, 104, 105, 161, 265, 266, 510*, 512—515, 519
- Могольские горы — см. Тянь-Шань
- Монголия 29, 53, 69, 70, 98, 99, 105, 124, 131, 132, 135, 137, 140, 144, 146, 147, 150, 156, 181, 183, 244, 253, 254, 258—260, 453, 454, 461, 479, 482, 483, 486, 488—492, 498—500, 503, 505, 507, 509, 511, 521, 550, 552—555, 557, 559, 564, 699, 704, 705, 712, 734, 867*
- Москва 97, 105, 268, 406, 425, 522, 523, 640*, 712
- Московское царство 432, 446, 719
- Мосул 201, 444, 850*
- Мубарекабад 603, 604
- Мубареки 686, 851*
- Муг г. 115*, 118*, 189*, 548*
- Муг-курган городище 192
- Муганская степь 159, 782, 795
- Музарт ущ. 99
- Мукан 877, 878
- Мургаб р. 109, 111, 173, 174, 185, 197, 208, 210, 233, 292, 457, 590, 592, 593, 611, 622
- Мургабское государево имение 329
- Муш 444
- Навикат — см. Невакет
- Нагар 110, 655*

- Над-и Али кр. 205
 Надеждинская 321
 Найманская волость 372, 373
 Найманча 397
 Найянь — см. Няянь
 Наманган 165, 256, 274, 396, 401
 Наманганский уезд 37, 305, 331, 333,
 337, 363, 364, 372, 529
 Наманганское бекство 277*
 Нанай 305, 331
 Нань-шань хр. 25
 Нарын р. 38, 91, 165, 276, 341, 396, 401,
 492, 529, 533, 536, 537, 540
 Нарынский край 540
 Нарынское укрепл. 540
 Нау 173
 Наубехар (в Балхе) 214, 222
 Наубехарские ворота — см. ворота
 Наубехарские
 Наукетская вол. 372
 Нахшеб (Несеф) 75, 152, 225, 263; см.
 также Карши; ср. Шулдук-тепе
 Няянь (Найянь) 508
 Невакет (Невикет, Навикат) 37, 38, 52
 Неджеф 748
 Неджран 225
 Неса (Ниса) 183*, 230, 562, 570, 572,
 586*, 592, 600, 601, 603, 606, 608,
 616, 618
 Несеф (Нахшеб) 225, 263; см. также
 Карши
 Нижне-Волынский 327
 Нижнеудинск (Удинск) 523
 Нижний Новгород 851, 868
 Никаз 426
 Николаевская 321*
 Николаевский 331
 Никольское 325
 Нил р. 110, 440, 811
 Ниса — см. Неса
 Нисибин 850*
 Нишапур 208, 226, 227, 229, 233, 235,
 236, 238, 245, 542, 573, 582, 590,
 591, 617
 Новгород 714, 823, 837, 838*, 856
 «Новое поселение», «Новое селение» —
 см. Янгикент
 Новый Маргелан (поздн. Скобелев.
 совр. Фергана) 290, 300, 336
 Ногай-курган 278
 Норвегия 816
 Нордкап м. 817*
 Нукуз 274, 606
 Нур 277, 567, 568, 585
 Нур-Ата 142, 407
 Нурагичское бекство 407
 Нуха 671, 753, 775
 Обь р. 526
 Овсетхи 866
 Огурчинские о-ва 615
 Ознак — см. Орнак
 Означенная 484, 485
 Ойнагу 82
 Ойра 500
 Ока р. 850, 851, 868
 Окс (Оксос) р. 658; см. Аму-Дарья
 Оксфорд 57*
 Омск 530, 531
 Орду 549
 Оренбург 320, 344, 345, 357, 389, 394,
 401, 402, 410, 412, 446, 764, 783
 Орловка (в Чуйской дол.) 37*
 Орловка (на Таласе) 325
 Ормуз о-в 747, 759
 Орнак (Ознак, Ортак) уш. 82
 «Орнак» 8:5; см. Гургандж
 Орта-Арал о-в — см. Арал-Пейгамбер
 Орта-Капы — см. ворота Орта-Капы
 Орта-кудук кол. 602
 Ортак — см. Орнак
 Орхон р. 115, 124, 147, 253, 258, 260,
 475, 476, 479, 487, 489, 498—500
 Орь р. 293
 Османская империя 748, 751; см. также
 Турция
 Отрар 65, 140—143, 147, 149, 150, 160,
 241, 260, 261, 327, 560, 639, 712,
 746, 803; см. также Фараб
 Очемчир 864
 Ош 128, 519
 Ошская обл. 38*, 128*, 242*
 Ошский уезд 331
 Пайкенд — см. Пейкенд
 Памир 184, 213*, 466, 518*, 528
 Паратегин 563
 Парау городище 586; ср. Ферва
 Париж 345, 632*
 Партав 672, 674, 680; см. также Берда'а
 Парфия 110, 184, 185, 656, 658
 Пасаргады 211

- Патта-Гиссар 423, 432
 Пейкенд 191, 192, 203, 210
 Пекин 140, 148, 149, 261, 502, 698
 Пенджаб 777
 Пендже 622
 Пенджикент 38, 196, 211*, 212, 458
 Пенджир р. 837
 Пенза 303
 Пенчул (?) 39, 492; ср. Аксу
 Передняя Азия 110, 113, 118, 148, 151,
 174, 178, 179, 183, 189, 194, 200,
 219, 221, 223, 225, 248, 260, 266,
 432, 565, 583, 591, 616*, 639, 653—
 656, 691, 698, 700, 729, 754, 789
 Переяславец 793
 Пермская губ. 816
 Перовск (совр. Кызыл-Орда) 240, 299,
 302, 326, 338
 Перовский уезд 353*, 381
 Персеполь 171, 211, 451
 Персидский Азербайджан — см. Азербайджан персидский
 Персидский зал. 753
 Персия 42, 49*, 57*, 63, 67, 70—73, 75,
 87, 88, 104, 109, 113, 114, 116—118,
 120, 121, 130, 143, 144, 149, 152,
 154, 164, 165, 171, 180, 181, 183,
 187, 189, 191, 192, 194—196, 200,
 202, 205, 209, 211, 216, 217, 219,
 222, 223, 226, 228, 248, 250, 255,
 260, 266, 267, 274, 275, 278, 280,
 312, 330, 344, 440, 443*, 446, 447*,
 452—457, 460, 461, 481, 552, 553,
 555, 556, 570, 583, 590, 591, 596,
 598, 601—603, 605, 608, 609, 612,
 615, 620—623, 641, 694, 696, 701,
 702, 704, 715—722, 731—735, 737,
 747—755, 758—771, 775—783
 Персия Западная 446, 571, 654, 770
 Персия Северная 654, 760, 791, 794
 Персия Северо-Западная 446
 Персия Южная 722, 740, 747—749
 Петербург 291, 292, 306, 309, 345, 352,
 357, 358, 379, 381, 384, 397, 401,
 402, 404, 410—413, 415, 419, 874
 Петро-Александровск (совр. Турткуль)
 328, 338, 369, 414
 Петровск (совр. Махачкала) 677, 764,
 849
 Пешавар 407, 412, 432
 Пиренейские горы 655
 Пискон (Пскем) 468
 Пицунда (Бичвинта) 863, 864
 Пишгах (Пишге-кую) кол. 595
 Пишкек — см. Пишпек
 Пишпек (совр. Фрунзе) 23, 37, 116,
 151, 335*, 341—343, 354*, 533, 535,
 536, 538, 540, 541
 Пишпекский уезд 321, 322*, 323, 332,
 334*, 342, 529, 541
 Поволжье 124, 297, 312, 689, 690, 790—
 796
 Поднебесная империя — см. Китай
 Покровский 331
 Полтавский 330
 Полторацк 230, 782; см. также Ашх-
 абад
 Польша 710, 872
 Помпей 712
 Порсу-кала 207*
 Португалия 759
 Поти 863
 Предкавказье 671*
 Пржевальск 341; см. также Каракол
 Пржевальский уезд 321, 322*, 323, 529,
 540
 Приволжье 171, 681
 Прикаспийская обл. 656, 678*
 Припамирье 518*
 Прованс 77
 Пскем — см. Пискон
 Пскент 356, 394, 397, 399
 Псху 861*
 Пулад 59*
 Пяндж р. 186, 470
 Пянджикет 494
 Ра р. 180, 814; см. Волга
 «Рабат борцов за веру» (самарканд-
 ский) 204
 Рабат Дихистан 704; см. Дихистан
 — Зу-л-карнейна — см. Зу-л-кар-
 нейн рабат
 — Зу-л-кифля — см. Зу-л-кифль
 рабат
 Рабат-и Газиян 201
 Рабат-и Мелик 246
 Рабат-и Ходжа 189
 Ранмское укрепл. 319
 Рамиган 207, 213
 Рашт 464
 Ребинджан 213
 Рей 131, 238, 571, 680, 728, 776, 826

- Рейн р. 818
 Ржев 801
 Ривдад 188
 Ригистан (в Бухаре) 123, 148, 161, 207*, 424
 Рим, Римская империя (Дацинь) 110, 113, 178, 184—187, 191, 259, 440, 656, 664, 665, 668—670, 672, 704, 751, 777, 790, 791, 872
 Рион (Риони) р. 659, 776, 813, 862
 Риштан 250
 Ровное 327*
 Рождественский 331
 Романовский кан. 328
 Россия, Российская империя 51, 98, 109, 123, 133, 135, 149, 159, 171, 187, 240, 255, 259, 262, 291—298, 309, 311, 323*, 334, 338*, 339, 350, 351, 353, 385, 390—396, 398—402, 404, 407, 409—413, 415—417, 418*, 422, 425, 426, 427, 429, 430, 432, 433, 443, 446, 447, 466, 467, 493, 509, 521, 529—531, 535—540, 543, 588, 613—615, 623, 636, 643, 646, 686, 687, 709, 710, 712, 714, 715, 718—720, 736, 747, 755*, 758, 760—764, 771, 782, 790, 791, 795, 796, 808, 819, 827, 861, 863, 864
 Россия Азиатская 338, 376, 643, 645, 646
 Россия Европейская 240, 319, 343, 345, 386, 391, 398, 411
 Россия Северо-Восточная 816
 Россия Южная 790, 794, 812—815, 819, 820, 871
 Рошан 430, 458, 459, 467, 470
 Рошанская вол. 431
 Рум 780, 848, 851*, 852*; см. также Малая Азия
 Румское море 821, 825, 826; см. Черное море
 Русское село 332
 Рустемдар 695, 696, 702, 730—732, 737
 Русь 268, 715*, 811, 829*, 838*, 852, 854—856
 Рушан — см. Рошан
 Сабунь — см. медресе Сабунь
 Сава 552
 Саганак 252; см. Сугнак
 Сагардж 269, 277
 Садзны — см. Джигетия
 Саиг-син 588*; ср. Саксин
 Сайрам 44, 81, 87, 89—92, 98, 99, 105, 106, 199, 240, 254, 278, 514, 515, 548, 800; ср. Исфинджаб
 Сайрам оз. (Сют-куль, Сайрам-Нор) 83, 103, 144
 Саксин 588, 589, 690, 706, 794; ср. Саиг-син
 Сала (Салаб) 836, 837
 Сальян 781
 Самара р. 832*, 868; ср. Буртас
 Самарканд 31, 43, 45, 51, 59, 66, 78, 81—83, 85, 86, 90, 111—118, 120—123, 128, 129, 133, 135, 142—145, 148, 157, 159—165, 172, 178, 182, 183, 186, 188—196, 199, 201, 205—207, 213—217, 219, 220, 221, 226, 230, 240, 245—247, 249—253, 265—269, 271, 272, 280, 282, 290, 297, 299, 312, 314, 317, 330, 337, 340, 344, 345, 347, 348, 357, 360, 374, 379*, 381, 387, 390, 403—409, 417, 418, 421, 427, 433, 438*, 441, 443—445, 452, 454, 455, 466, 468, 511, 512, 514, 551, 555, 568, 596, 631, 632, 639, 641, 708, 713, 714, 718, 732, 735, 745, 764, 769, 780, 782, 800, 801, 852*
 Самаркандская обл. 119, 190, 196, 199, 212, 300, 305, 308, 316, 317, 325, 330, 336, 337, 364, 388, 425, 640, 641
 Самаркандский Гарчистан — см. Гарчистан самаркандский
 Самаркандский уезд 330, 333
 Самарра 228, 555*
 Самбарай 828; ср. Тмутаракань
 Самкарин (Самкус, Самкарс) 826; ср. Тмутаракань
 Самур р. 681
 Самурзакан 861
 Сан-таш возв. 39
 Сан-Яго-де-Компостелла 850, 852*
 Санглич — см. Зебак
 Санджарфеган (поздн. Зенджирбаг) 215
 Санджу р. 528
 Сарай 420, 710, 712, 714, 720, 731, 741, 745, 769, 794
 Сарай-Ордам 83
 Сарайское море 720; см. Каспийское море

- Сарайчик 256, 712
 Сарайчиковский пос. 128
 Саратов 706, 710, 820, 823*
 Саратовская губ. 327, 330
 Саратовское 330
 Сарджас (Сары-джас) р. 540
 Сарн 576, 730, 739, 746, 758
 Саркан р. 320*
 Сарканская 321
 Саркел 684, 827
 Сары-джас — см. Сарджас
 Сары-су р. 259
 Сарыг-Ат-Ахури перевал 92
 Сарыкамыш оз. 327, 596*, 723
 Сарыкамышская котловина 156, 327
 Сарыкол 56, 141
 Сасык-куль 410
 Сауран 124, 139, 160, 243, 559, 561, 573, 591
 Сахара пустыня 202
 Саянские горы, Саянский хр. 479, 484, 485, 501, 522, 534
 Св. Петра крепость 352, 357, 358, 381, 384, 397, 614
 Святотроцкий монастырь 342
 С.-Дени 147
 Себкун-Бала 73
 Севилья 850, 852*
 Сеистан 205, 233, 404
 Секиз-Игач 81
 Секиз-мурэн реки 500
 Секман 44
 Селевкия (поздн. Антиохия Маргианская) 174
 Селенга р. 59, 479, 482, 486, 500, 504 506*
 Селигранный городок 711, 741
 Сельмас 845
 Семекна 36, 44; см. также Беклиг
 Семсид 443
 Семендер 674, 677, 689, 848—851
 Семипалатинск 493*, 530
 Семипалатинская обл. 294, 321, 323, 367
 Семиреченская обл. 23, 56, 175, 320—323, 333, 334, 341, 343, 377, 529; см. также: Джетысуйская обл., Семиречье
 Семиреченский край 320*
 Семиречье (Джеты-су) 23—27, 29—33, 35—39, 42—44, 46, 49—54, 57, 59—61, 64—67, 70, 72—74, 77, 79, 80*, 82, 85, 86, 88—98, 100—105, 112, 114, 116—125, 126, 135—138, 140—142, 147, 151, 153, 154, 160, 165, 180, 187, 190, 245, 246, 252—254, 256, 260, 262, 264, 272, 276, 288, 320—325, 330, 332, 334*, 342, 343, 345, 357, 385, 394, 401, 461, 492, 509, 511, 630
 Сенья о-в 817*
 Серахс 237, 330, 570, 571, 573, 609*, 617, 618—622
 Сергинополь 320, 637
 Сергинопольская 320, 321
 Сеста 171
 Сиам 227
 Спальфу (Чанъань) 33
 Сибарская часть (Ташкента) 360
 Сибирь 166*, 171, 293, 319, 320, 345, 352, 365, 391, 398, 432, 520, 524, 529, 752
 Сивас 855*
 Сикуль 39
 Симда 412
 Син (Чин) — см. Китай
 Синьзиян 526*; см. Туркестан Восточный
 Сипарское 327
 Сирия 133, 159, 205, 581, 665, 673, 674, 693, 715, 717, 734, 738, 789, 804
 Сирия Северная 857
 Сицилия 221, 850*
 Сиюганчи 199
 Снях-кух 564, 849, 852*; см. Мангышлак
 Скифия 555
 Скобелев (совр. Фергана) 290, 300, 336, 337, 373
 Скобелевский 330
 Скобелевский (Маргеланский) уезд 332, 337, 372, 373
 Скутари — см. Хрисополь
 Смирна 159
 Согд, Согдпана 111, 112, 115, 117*, 119, 172*, 183*, 185, 186, 217, 221, 454, 455; ср. Сули (Сулик)
 Сон-куль оз. 534
 Сонга (Сунга) горы 484
 Софийская 321
 София (Триадница, Средец) 855*; ср. Веррия
 Спасский 331
 Спасское 328, 329
 Средец (Триадница) 855*; ср. Веррия
 Средиземное море 183, 229, 715, 734

- Средняя империя (Срединное государство) — см. Китай
- Средняя Азия 23, 25*, 30, 31, 35*, 36, 40, 43, 46, 47, 53, 61, 67—69, 71, 73, 75, 76, 96, 101, 104, 109—117, 118*, 119, 120, 121*, 125, 132, 134, 138, 139, 144, 147—152, 163*, 164, 166*, 170, 171, 174, 177, 180—186, 188, 190, 191, 196, 206, 210*, 211*, 213, 215, 217, 222, 232, 234, 239, 246*, 248, 250—255, 258, 260—262, 266, 269—271, 273, 275, 287*, 294*, 305, 306, 310*, 318*, 328, 333, 338, 343*, 348, 373, 381, 388, 389, 398, 401, 409, 413, 418*, 422, 425, 430*, 431, 433, 437, 438, 445—447, 451—453, 456, 458, 461, 463, 468, 469, 473—475, 488—491, 498, 501, 507*, 508, 511, 517, 519, 539, 548, 549, 558, 562, 576, 583—585, 591, 596, 604, 614, 615, 623, 627, 628, 631, 634, 636, 637, 641, 665, 667, 669, 672, 675—677, 681, 696, 700, 702, 705, 713, 724, 731, 732, 736, 750, 761, 763, 764, 767, 775, 782, 790, 791, 795, 796, 811—813, 815, 816, 820, 833*, 866
- Средняя орда 529
- Срегенский 326, 328
- СССР 166*, 433, 468, 543, 796*, 864*
- Ставропольская обл. 614*
- Стамбул 36*, 632*, 799*
- Старая Русса 823*
- Старый Крым 713, 714, 795
- Степное 327
- Степной край 335*, 376
- Су-бою 596
- Сувар 706, 825*, 852*
- Сугда — см. Судэ
- Сугдак (Судак) 550
- Сугнак (Сыгнак, Саганак) 139, 252, 257, 337, 338, 560, 801; ср. также Сунах
- Судан 202
- Суй, Судэ (Сутэ) 550, 814; см. также Аланья
- Суй-е р. 32; см. Чу
- Сулак 674, 755
- Сули (Сулик) 190, 454; ср. Согд
- Султан-бэнд плотина 616
- Султан-кала городище 201, 221
- Султания 266, 446, 591, 717, 718
- Султания самаркандская 160
- Сумбар р. 617
- Сунак-курган разв. 139, 252, 560, 801
- Сунах 560; ср. Сугнак
- Сунга — см. Сонга
- Сура 229
- Сураханы 776
- Сурхан р. 69, 263, 429, 432, 459
- Сусе 177, 179*
- Сутэ — см. Сун
- Сутрушана — см. Усрушана
- Сухум 863
- Сухум-кале окр. 864
- Суют 440
- Суяб 32, 33, 36—38, 102, 190
- Сыгнак — см. Сугнак
- Сыр-Дарьинская обл. 26, 33, 51, 66, 69, 74, 87, 114, 118, 143, 160, 165, 191, 230, 242, 254, 257, 264, 272, 276, 288, 302, 305—307, 309, 312, 317, 324, 334, 336—338, 341, 367, 375, 377, 384, 396, 529
- Сыр-Дарья р. 25, 32, 35, 43, 44, 55, 69, 72, 81, 87, 89, 103, 111, 115, 118, 122, 124, 125, 130, 138—140, 142, 143, 147, 155, 156, 160, 162, 165, 172—175, 176*, 177*, 188, 198, 199, 210, 211, 221, 239, 240, 242, 243, 252, 254, 257, 259—261, 264, 267, 270, 271, 288, 291, 324, 334, 336—338, 341, 350, 352, 357, 390, 393, 401, 402, 493, 509, 527, 539, 548, 551, 559—562, 564, 565, 573, 585, 587, 591, 593, 631, 636, 659, 667, 694, 727, 728, 731, 776, 812
- Сычкан-Дабан уш. 83
- Сюсюнь — см. Хюсюнь
- Сют-куль оз. 83; см. Сайрам оз.
- Сюткенд 243, 560, 585
- Табарек кр. 609
- Табаристан (Тапуристан) 657, 678, 680, 684, 829, 831; см. также Мазандеран
- Табасаран 676, 678, 755
- Табынская земля — см. Тубинское княжество
- Тававис 214
- Таг-бою 596
- Таджикистан 109*, 188*, 451*, 470
- Таджикская ССР (АССР) 468, 518*

- Так 587, 589; см. также Языр
 Талас (Тараз; поздн. Аулие-Ата, совр. Джамбул) 34, 36, 37, 39, 44, 45, 54, 58, 59*, 65, 88*, 91, 102, 103, 124, 125, 134, 135, 148, 150, 151, 190, 241, 242, 454*, 493, 515, 533, 542, 578; 629
 Талас р. 24, 50, 69, 73, 75, 103, 115, 118, 144, 151, 153, 258, 260, 327*, 529*, 541*, 542
 Таласский Алатау — см. Алатау Таласский
 Талаш, Талаша — см. Талас
 Талки перевал 98, 100, 144
 Талки г. 99
 Тамань п-ов 826*
 Тамашлык — см. Ташбалык
 Танаис 813
 Танаис р. 825; см. Дон
 Танну-Ола горы 489, 514
 Таньмань горы 479
 Тапуристан — см. Табаристан
 Тараз — см. Талас
 Таранча р. 540
 Тарбагатай хр. 59, 82, 83, 132, 147
 Тарки (поздн. Петровск, совр. Махачкала) 677, 755, 849
 Тарты 33*, 230, 243*
 Тахт-и Сулейман разв. 776
 Тахта-Карачи перевал 426
 Таш-Рабат 85, 513
 Таш-тюбе 332
 Таш-бугут плотина 327
 Ташбалык (Тамашлык) 528
 Ташбек-бай — см. медресе Ташбек-бай
 Ташкент. 73, 83, 89—92, 94—97, 99, 105, 106, 113, 123, 150, 166, 177, 188, 193, 196, 237, 239, 240, 252, 263, 268, 270, 271, 275, 277, 278, 287, 289—292, 298, 299, 302—305, 307, 309, 311, 312—313, 315, 316, 318*, 320, 325, 326, 333, 335, 338—348, 350—355, 357, 360, 365—368, 374—381, 383, 384, 389—391, 393—399, 401—407, 409, 410, 412, 416—420, 437, 443, 468, 514, 515, 517, 535, 536, 539, 548, 562, 596, 638, 764, 782, 783
 Ташкентский уезд 307*, 325, 327, 333*, 334*, 341, 418*
 Ташкентское беклярбекство 393
 Тверь 268
 Тебриз 291, 446, 591, 703, 707, 715—717, 743, 745—748, 754, 778—780
 Тегеран 134, 278, 552, 656, 728, 776
 Теджен 330, 610, 617, 618, 621, 622
 Тедженский уезд 343
 Текес р. 62, 101, 392, 529, 533, 537, 541
 Темерлик р. 101
 Темир-Хан-Шура (поздн. Буйнакск) 412, 753
 Тенгиз-бай перевал 373
 Терек р. 677*
 Термез 117, 133, 134, 143, 198, 204, 208, 230, 423, 427, 433, 571, 582, 631, 731
 Тертер р. 686
 Тибет 33, 98, 215*, 242, 245, 271, 496
 Тигр р. 133, 195, 201, 205, 228, 229
 Тилля-кари — см. медресе Тилля-кари
 Тифлис (совр. Тбилиси) 862
 Тихий океан — см. Великий океан
 Тмутаракань 819*, 826, 828, 831, 848; ср. Самкарнич, Самбарай
 Тобольск 106, 522, 524, 529
 Тогра-Отлаг 82
 Той-тюбе 289, 341, 390
 Токмак 23, 34, 39, 151, 341, 534, 535, 538, 539
 Токмакский уезд 342, 343
 Тола р. 477
 Томск 520—523
 Томский уезд 521
 Тон 37
 Тон р. 37
 Топрак-кала 459*
 Тохаристан 112, 117, 175, 198, 216, 455
 Трапезунд 681, 778, 855, 862
 Триадица (Средец) 855*; ср. Веррия
 Триполи 581
 Троицкий 326
 Троицкое 333
 Туба р. 520
 Тубинское княжество 520, 521
 Туж кр. 606
 Тумар-уткуль 240, 560
 Тункет 123
 Турайгыр 324*
 Туран 580, 661
 Тургайская обл. 138, 139, 252, 259, 294, 367
 Туркестан 36, 38, 49, 57*, 66, 67, 69, 74, 83, 87, 89, 92, 97, 109—118, 120, 121, 124, 126, 129—132, 135, 137,

- 140, 142, 144, 148, 158, 160—166, 169, 170, 172—179, 181—183, 187, 188, 192, 194—199, 202, 204—206, 209, 211, 212, 214, 216, 217, 219, 221—224, 227, 230, 234, 237—239, 240, 242, 245—252, 254—256, 257—258, 262, 263, 265—268, 270—273, 276—278, 283, 288, 290, 291, 293, 295—298, 300, 302*, 306, 311—313, 316—319, 322—324, 327—329, 333—338, 340, 342, 345, 348, 349, 353, 355, 357, 358, 362, 365—367, 370, 371, 373—375, 400, 415*, 416*, 423, 427, 429, 430, 432, 433, 437, 440, 441*, 444—447, 451—457, 459, 461, 464, 467, 468, 470, 493, 502, 511, 516, 583, 588, 591, 615, 627, 633, 635—637, 638*, 661*, 705, 734, 739, 754, 764, 765, 772, 781—783, 789, 790, 792, 795, 796, 798, 812, 813
- Туркестан Афганский 467
- Туркестан Восточный (Китайский) 26—29, 32, 35—38, 42—51, 53, 55, 57, 67, 69, 79—84, 86, 89, 92, 93, 103, 105, 112—116, 125—127, 132, 140, 166, 182, 183, 186, 187, 191, 198, 223, 242, 243, 253, 254, 260, 261, 273, 432, 444, 445, 452—455, 477, 490—492, 501, 512, 513, 528, 554, 555, 557, 630
- Туркестан Западный (Русский) 116, 261, 273, 431, 433, 445; см. также Туркестанский край, Средняя Азия
- Туркестан (Ясы), город 97, 99, 105, 106, 155, 252, 303, 310*, 311, 341, 376, 514, 562
- Туркестанская обл. 294, 321, 384, 396
- Туркестанская Республика 468
- Туркестанский край 24, 50, 192, 313, 314, 335*, 336*, 634; см. также Туркестан Западный
- Туркестанское генерал-губернаторство 321, 341, 357, 393
- Туркмен-кенди — см. Дих-и Туркмен
- Туркменистан, Туркмения 178, 211, 231, 234, 237, 247, 258, 261, 284, 292, 517, 561, 581, 585, 594, 595, 620
- Туркменская обл. 448
- Турткуль 338
- Турткульский окр. 587*
- Тургут перевал 38, 92
- Турфан 32, 46, 83*, 88, 92, 98, 124, 63*, 437, 445, 452, 453, 477, 479, 488, 491, 512—514, 554, 827*
- Турфанская обл. 190, 218
- Турция 109, 165, 223, 400, 580, 678, 748, 750—753, 755, 756, 758—760, 762, 763, 770, 775, 781, 782, 864; см. также Османская империя
- Тус 570, 592
- Тускел, Тускель оз. 527; см. Иссык-Куль
- Тынаевская вол. 542
- Тюлес 83
- Тюп р. 99, 100, 527
- Тюпелик-Карак 82
- Тюрябек-ханым мавзоль — см. мавзоль Тюрябек-ханым
- Тянь-Шань хр. 30, 39*, 48, 80, 90*, 100*, 128, 132, 133, 183, 270*, 288*, 485*, 508, 509*, 510*, 511, 513—515, 517*, 526—528, 532, 534
- Тянь-Шаньское нагорье 533
- Убсы [Убсу-Нор] оз. 520
- Удинск — см. Нижнеудинск
- Узбекистан 80
- Узбой 156, 327, 594—598, 602, 611, 726, 727
- Узгенд (совр. Узген) 38, 45, 54, 66, 69, 81, 82, 103, 128, 129, 150, 242, 246
- Узгентская вол. 331
- Узун-Агач 288, 535
- Узун-ада 764
- Уйгурия 32, 58, 59; см. также Гаочан
- Ужек 710
- Укер-Китчи равн. 83
- Улан-Чарлыг равн. 82
- Улуг-Иф (Ик) 60
- Улуг-Кул 83
- Улугбека медресе — см. медресе Улугбека
- Улугнар кан. 290
- Улугчат 399
- Ульмас Кулан 541*
- Ур-Дабан 83
- Ура-Тюбе 173, 269, 288, 317, 337, 402
- Урал р. 180, 320, 814, 820, 823*; см. также Яик
- Уральск 820, 823*
- Уральская обл. 294, 367, 823*
- Урга 526
- Ургенч 147, 155, 156, 160, 164, 261, 268, 272, 293, 319, 327, 328, 591, 595.

- 596, 598, 600—602, 606—610, 616, 735, 794; см. также: Гургандж, Кунья-Ургенч
- Ургенчское ханство 273; см. Хивинское ханство
- Ургенч новый 165, 273, 415
- Ургут 122, 221
- Урджарская 321
- Уренг-Яр 82
- Урмия 760, 782
- Урмия оз. 715, 776, 847
- Уртак-тау возв. 539
- Урлоба — см. Арта
- Урумбай 221
- Урумчи 32, 46
- Урунгу р. 260
- Ус р. 485, 504
- Усанг — см. Курсанг
- Усанское 484
- Успенский 331
- Усрушана (Сутрушана) 1188, 189*, 555
- Усть-Каменогорск 525, 526
- Устюрт 559, 602, 659, 820, 823*
- Усы 504
- Утугэн (Утүген) хр. 499; ср. Кхуху-Тайга
- Уфа 297
- Уч 518—519
- Уч-Кошой р. 541*
- Уч-Турфан 92, 243, 492
- Уч-Ферман 81
- Файзабад 216, 455, 464; см. также Баш-гирд
- Фальгар 458
- Фан-Дарья р. 457
- Фараб 205, 241, 560; см. также Отрар
- Фарджека медресе — см. медресе Фарджека
- Фарс 121, 442, 582, 593, 704, 798
- Фархар — см. Большой Фархар
- Федоровский 310
- Ферава (Афрова) рабат 203, 237, 570, 572, 586; ср. Парау, Кызыл-Арват
- Фергана 26—28, 31, 38, 45*, 80, 81, 83, 84, 87—89, 91—93, 112, 114, 117, 118, 126, 128, 129, 139, 141, 150, 151, 165, 175—177, 179, 186, 192, 193, 199, 210, 231, 233, 239, 242, 250, 266, 267, 275—277, 286, 287, 290—292, 443
- Ферганская обл. 246, 300, 305—307*, 310, 311, 316, 317, 330—333, 336, 358, 362, 363, 365, 369—373, 527*, 529, 641
- Фракия 820*, 828, 843
- Франция 700
- Фригия 854*
- Фрунзе 37*, 151*, 510*, 533*; см. также Пишпек
- Фудж — см. Кодж
- Фумо, Фуму 177; ср. Кушания (?)
- Хазаран 848
- Хазарасп 272, 283, 602, 608, 610
- Хазария 833*, 834*
- Хазарское море 680, 820*; см. Черное море
- Халаджистан 552
- Хамадан 200, 609, 692, 741, 744, 762, 780, 877
- Хами (Камул) 32, 46, 92, 99, 261, 453
- Хан-арык кан. 289
- Хан-бенд плошина 327
- Ханака Абу-Са'ида (в Нишапуре) 236
- Хангай хр. 253, 499
- Ханийе — см. медресе Ханийе
- Ханфу (Кантон) 496
- Ханым-арык кан. 327
- Хань 504*; см. Китай
- Ханьхэна 504
- Хара-Хочо — см. Кара-Ходжа
- Харажан 590
- Харкир р. 99
- Харсиана 854*
- Хартенг 195
- Харыбамыз разв. 488
- Хатын-арка (Хатын-арпа) проход 484
- Хәхит — см. Кахетия
- Хвалынское (Хвалимское) море 853*; см. Каспийское море
- Херсонес — см. Корсунь
- Хефтдих 210
- Хива 164, 165, 220, 238, 272—275, 278, 283—286, 377, 402, 403, 405, 407, 410, 412—417, 442, 443, 446, 447, 452, 467, 602, 606—608, 610, 612, 613, 615, 617, 618, 620—622, 634, 641, 644, 754, 764; см. также Хивинское ханство, Хорезм
- Хивинский кан. (кан. императора Николая I) 326, 328

- Хивинское ханство 164, 165, 272—276, 281, 283, 286, 292, 369, 374, 376, 389, 393, 411, 414, 415, 467, 595, 620, 621*, 622, 633, 637, 641; см. также Хива, Хорезм
- Хильменд р. 233
- Химс 674, 858
- Хира 455
- Хисар — см. Гиссар
- Хишт-кала разв. 240; ср. Дженд
- Ходжа-Ахрар — см. медресе Ходжа-Ахрар
- Ходжа-Исма'ил 195
- Ходжа-Нияз кр. 291
- Ходжейли 211*
- Ходженд (поздн. Ходжент) 44, 50, 103, 133, 139, 142, 147, 150, 153, 173, 188, 242, 247, 253, 261, 264, 274, 317, 337, 355, 356, 361, 396, 397, 401, 409, 417, 502, 513*, 555
- Ходжентский уезд 296*, 317, 330
- Хожанд 276; см. Кожанд
- Хольбисина 186; ср. Хульбук
- Хольмгардр 823; см. Новгород
- Хорасан 118, 119, 121, 125, 131, 133, 143, 163, 193, 195, 198*, 201, 203, 205, 209*, 215, 216, 220, 226, 229, 231, 236, 238, 267, 269, 271, 284, 286, 391, 441, 443*, 446, 457, 561, 567, 570—573, 582, 586, 587, 589, 590, 593, 596, 598, 600, 601, 605, 615—619, 621, 629, 631, 680, 722, 739, 754
- Хорасанское море 826; ср. Джурджанское море
- Хоргос р. 99, 100, 321
- Хорезм 59, 67, 81, 97, 110, 113, 117, 118, 121—124, 130, 133—135, 141, 143, 144, 147, 148, 151, 154, 155, 160, 163, 164, 165, 172, 175*, 177, 193, 206, 209—211, 215, 219, 220, 222, 237, 238, 240, 241, 248, 251—253, 256, 261, 265, 267—269, 272—274, 285, 327, 437, 443, 452, 459, 460, 462, 559—561, 569—572, 582, 585—587*, 588, 590, 591, 594, 596, 597*, 598—603, 605—607, 611—613, 617—619, 622, 631*, 632, 639, 656, 658, 659, 675—677, 693—696, 698, 702, 712—714, 731, 732, 735, 739, 746, 779, 791*, 792, 794, 795, 803, 808, 813, 815—817, 820, 821, 834, 849, 853*; см. также Хивинское ханство, Хива
- «Хорезмийское озеро» 820; см. Аральское море
- Хорогский лост 430
- Хосун-орду (Хото) 51, 58
- Хотан 44, 112, 114, 116, 175*, 181, 184, 254, 445*, 455, 502, 527, 528
- Хото — см. Хосун-орду
- Хрисополь (лювдн. Скутари) 854, 855
- Ху-эр-сань 631*; ср. Хорасан
- Хувар 269; см. также Гузар
- Хузистан 440, 654, 697
- Хульбук 186; ср. Хольбисина
- Хунза 110*, 655*
- Хунзах кр. 873
- Хурсан 684, 875
- Хутгаль, Хутгальян 186, 227, 233, 457, 464, 487*
- Хэнань 187, 557
- Хюсюнь (Сюсюнь) 26*
- Хягас 477, 481
- Цабал 861*
- Царево 711, 741
- Цебельда 861, 864
- Цебельдинская обл. 861*
- Центральная Азия 116, 475*, 507*
- Цзи — см. Ги
- Цзибинь — см. Гибинь
- Цзюаньду — см. Гуаньду
- Цзюймито 185; ср. Кумед
- Цзянь — см. Гянь
- Цзяньсунь — см. Гяньгунь, Гэгунь
- Цинь 177; см. Китай
- Цюймань — см. Кюймань
- Цяньчжоу — см. Кяньчжоу
- Цяньцяньчжоу — см. Кянькяньчжоу
- Чаача 617
- Чаганман 263
- Чандыр р. 617
- Чалдавар 325
- Чалыш — см. Карашар
- Чанъань — см. Сианьфу
- Чаткултукская вол. 296
- Чар-вилает 429; см. Туркестан Афганский
- Чарджуй (совр. Чарджоу) 179, 186, 189, 420—423, 585, 587, 589, 618, 620*, 658

- Чарын р. 58, 81, 85, 91, 99, 100
 Чарын-Чалак 91
 Чаршамбе 409
 Чаткал р. 331, 332, 541*
 Чатыр-куль оз. 85, 92, 513
 Чач (Шаш) 1150, 193, 194, 210, 217,
 237, 239, 240, 443, 562
 Челекен о-в 622
 Черное море 31, 109, 658, 659, 666,
 690, 720, 752, 780, 790, 796, 811—
 813, 815—817, 818*, 820, 821, 825,
 826*, 827, 829, 831, 836, 848, 850,
 856, 861, 863
 «Черное море» 836*; см. Ледовитый
 океан
 «Черные горы» — см. Таньмань
 Черняевское 327
 Черчен 512
 Чешы (Чэши) 477
 Чигу 27, 28
 Чилик р. 100
 Чимбай 338
 Чимбайский р-н 338
 Чимкент 44, 240, 287, 299, 341, 345,
 401, 410, 443, 548, 559
 Чимкентский уезд 43, 128, 325, 327,
 333
 Чин (Син) 131; см. Китай Южный
 Чиназ 278, 353
 Чинк (Устюрта) 559, 823*
 Чиракчи 404*
 Чирчик р. 118, 139, 192, 199, 210, 326,
 331, 390, 401, 468, 539, 562
 Читрал 463—465
 Чичеклык 83
 Чок-бальк 73
 Чол (Чор) 672; см. также Дербент
 Чонг Кемин (Чонкемин) 100*; см. Ке-
 бин Большой
 Чорох р. 862
 Чу р. 31—33, 37, 38, 58, 66, 69, 71, 72,
 82, 85, 88, 100, 105, 125, 132, 144,
 153, 196, 257, 323*, 324*, 327*, 341,
 342, 454, 485*, 487, 492, 502, 515,
 529, 548, 549, 551, 557
 Чубек 427
 Чугучак 49, 1132, 147, 502
 Чуйская дол. 32, 34, 37, 39—41, 61,
 102, 151, 153, 245, 252, 257, 288*,
 324*, 341, 539—541*
 Чуйский край 542
 Чумьшская плотина 324
 Чуст 516
 Чутак 597
 Чэши — см. Чешы
 Шаар 428*; см. Шахрисяб
 Шаар-Сабиз (Шаарсабиз) 428; см. Шах-
 рисяб
 Шаббаз — см. Шейх-Аббас-Вели
 Шаберан 681, 692, 777, 779, 781, 875
 Шабиндаба перевал 475*
 Шавгар 562
 Шамси перевал 529*, 539, 540
 Шанхай 496, 638
 Шаньси 334*, 483
 Шалуркан 571
 Шар 199; см. Шахрисяб
 Шаракция разв. 160; см. также Шахру-
 хия
 Шарг 442
 Шарихан-сай кан. 332, 337
 Шариханская вол. 363*
 Шаршауз 428; см. Шахрисяб
 Шах-Сенем разв. 211*
 Шахабад 274
 Шахимардан 466
 Шахназ 518
 Шахристан (около Неса) 586
 Шахристан (около Ура-Тюбе) 170
 Шахрисяб 113, 157, 159, 160, 177, 179,
 189, 190, 199, 213, 264—266, 265,
 271, 356, 404, 408, 417, 423, 426—
 428, 431, 454, 713, 732, 741
 Шахрухия 160, 327; см. также Бенакет
 Шаш — см. Чач
 Шейх-Аббас-Вели (поздн. Шаббаз,
 совр. Бируни) 155
 Шейхантаурская часть (Ташкента) 277,
 348
 Шейхантаурское кладб. (в Ташкенте)
 303*
 Шекки 681, 753, 777, 877
 Шельджи 241, 242
 Шемаха 593, 618, 681, 684, 692, 693,
 703, 746, 747, 761, 762, 764, 779,
 781, 782, 795, 876, 878
 Шехр-и Юнан (в Дербенте) 757
 Шехр-Ислам 587*; см. Языр
 Шехркент 143; см. также Янгикент,
 Джанкент
 Шиберту 82
 Шивлык 72

- Ширабад 272, 417, 428, 639
 Ширабад-Дарья р. 426
 Ширабадское бекство 426
 Шираз 120, 266, 446, 603, 784*, 800
 Шираз самаркандский 160
 Ширван 678, 682—684, 691, 692, 695,
 703, 708, 721, 722, 735, 748, 753,
 754, 762, 770, 778—782, 830, 875—
 878
 Ширдар — см. медресе Ширдар
 Шире 82
 Ших-Низами разв. 784
 Шихо 476
 Шотландия 670
 Шугнан 186, 430, 458, 459, 463, 465—
 467, 470
 Шугнанская вол. 430
 Шуллук-тепе разв. 152, 263; ср. Нахшеб
 Шурахан 338, 571
 Шэньси 187
- Щековница г. 828
- Ыбар перевал 484
- Эби-Нор оз. 175, 476
 Эдесса 219, 456, 469
 Эки чат — см. Икечат
 Эльбурс хр. 731, 745, 758
 Эмба р. 559, 606, 609, 820, 823*
 Эмиль 49, 59, 72, 80, 101, 132, 502, 503,
 516
 Эмиль-Гучур 83
 Эрдени-цзу монастырь 147
 Эрзилутан 445
- Эрши 170*, 177*
 Эскишехир 854*
- Юегянь (Юецзянь) 177, 814; см. Гур-
 гандж
 Юлдуз 73, 83, 85, 86, 104, 159
 Юни (Юйни) 177
 Юньнань 438
 Юра 835*, 836*
- Ягноб р. 121, 191, 457, 470
 Языр 586, 587, 589, 590; см. также
 Так
 Яик р. (поздн. Урал) 180, 593, 814
 Яман-Сор 823*
 Яман-яр (Гез) р. 528
 Янги-Арт перевал 518
 Янги-арык 332
 Янги-Хисар кр. 128, 407
 Янгикент (ал-Карьят ал-хадиса, Дих-и
 нау, «Новое поселение», Шехркент)
 240, 560; см. также Джанкент
- Яны 153
 Яны-Курган 50, 269, 402, 405
 Яныкент 426
 Яньжань 483
 Яньцай 178*, 814, 815; см. также Аланья
 Япония 385
 Яр 37
 Яр-Мазар 336
 Яркенд 28, 42, 91, 92, 184, 445*, 519,
 528
 Ясинская вол. 331
 Ясы 252; см. также Туркестан, город
 Ясы (Джасы) перевал 38, 81, 512
 Ях-су дол. 196

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абазги (abaskoi, abasgi) 861*; см. также
     абхазы
 абделы 180; см. также эфталиты
 абхазы 857, 861—865; см. также абазги
 аварцы 873
 авары 819
 авшар — см. афшар
 адаклы-хызыр 595, 598
 адгэне (адигине) 533, 534
 азербайджанцы — см. азербайджанцы
 адигине — см. адгэне
 аз (азы) 36, 474*, 484, 485, 492; ср. ас,
     ус, усы
 азербайджанцы 312, 641, 775, 796
 азийцы 36; ср. аз
 азы (ветвь торгешей) 485*
 азык 533*
 аймаки 461
 ак-мангыт 798
 акушинцы 740
 аланы (аорсы, аланья, яныцай) 176,
     186, 187, 550, 551, 667, 669, 670,
     690, 794, 814, 815, 846*, 866, 867*,
     870
 аланья 176; см. также аланы, яныцай
 албанцы (кавказские) 109, 657—659,
     661—663, 666, 669, 675, 776, 789, 790
 али-эли 594, 595, 598*, 603, 616
 алка-бюлюк (алжыр-эвли) 575
 аллан (ал-Лан, ал-Алан) 866; см. аланы
 алтайцы 332*
 алчин 271
 амарды — см. марды
 англичане 393, 417*, 419*, 421, 425, 431,
     433, 467, 756, 759, 763, 764
 аорсы 176, 550, 813, 814; см. также
     аланы
 апсилы 861*
 арабачи 597, 598*
 арабы 34—36, 39, 118, 121, 127, 131,
     162, 173, 180, 181, 195—198, 200,
     207, 208, 216, 219, 222, 224, 225,
     228, 241, 253, 263, 273, 327, 349,
     353, 441, 456, 457, 461, 469, 487,
     490—493, 545, 555, 558, 559, 562,
     563, 616, 640*, 670—676, 680—682,
     689, 701, 731, 754, 767, 777, 778,
     783, 787, 815—817, 818*, 819, 824*,
     827*, 835*, 862, 870—872
 аргун 592
 арийцы 26, 112, 654, 656, 661, 727, 728,
     777
 арлат, арлаты 153, 264, 594
 армяне 109, 386, 423, 426, 662, 663, 672,
     682, 710, 756, 776, 813, 816, 846,
     871
 артании 836; ср. вятичи (?)
 арык-тукум 530, 536
 ас (асы) 474*, 485*, 550*, 866, 867; см.
     также ясы; ср. аз
 ассирийцы 439, 656
 афганцы 275, 391, 404, 411, 417, 419,
     431, 433, 461, 463, 466, 467, 622,
     644, 645, 761
 афшар (авшар), афшары 575, 582, 615,
     616

 баарын 533*
 багыш 533*, 539
 бадахшанцы 288*, 463*, 464
 байлук, байлуки 504, 506
 байрач 611
 байтелэ 539
 бактрийцы 109, 111, 172, 790
 бараки 461*
 барпут 504, 509
 барлас 153, 157, 158, 264, 266, 732, 800
 барсханцы 579
 баски 655
 басмылы 491
 бассыз (басыз) 533

- бахарлу 581
 башкиры 332*; 559, 823*
 баюндур 575, 580, 581, 593
 баят 575, 580
 бедуины 456, 669, 845, 847
 бекрины (мекрини), 68
 бектили (бекдили) 575
 белек — см. бияляк
 берберы 239, 872
 биджне — см. печенег, род туркмен
 бияляк (белек) 530, 533
 болгары волжские (камские) 46, 124, 143, 240, 252, 556, 563, 589, 675—677, 682, 686, 690, 706, 710, 792—794, 807*, 808, 815—819, 821, 823*, 824*, 825, 830—834, 836, 837, 846, 848—851, 852*, 853, 871
 болгары дунайские (бурджаны) 686, 688, 690, 819, 820*, 844, 851, 852*, 855—857, 871, 872
 болгары камские — см. болгары волжские
 бома 480, 481
 борукчу — см. буручки
 бугу, бугинцы (буги) 529—534, 536, 537, 542
 буз-охлу 581
 бузук 578, 582
 булгары 819; см. болгары волжские
 булгачи 512*
 бурджаны 819, 820*, 871; см. болгары дунайские
 буришки (веришки) — см. бурушаски
 буртасы (бурдас, фурдас) 686, 786, 821, 829*, 830, 831, 849, 850, 852*, 868*; ср. мордва
 буручки (боружчу) 539, 540
 буруты 98, 99, 519, 524, 527, 529*; см. также киргизы (кыргызы)
 бурушаски (буришки, веришки) 110*, 654, 655*
 буряты 644
 бухарцы 1100, 1195, 273, 284, 288, 405, 406, 408, 410, 446, 466, 599, 661; см. также сарты
 бюкдюз 575
- византийцы 31*, 555, 580, 670, 673, 675, 681, 713, 774, 793, 818, 870; см. также: преки, румы
 вису (весь) 834
 вятичи 837, 838*
- галисийцы (джаләлика) 871
 гальча (гарча) 121, 1197, 457, 458, 470, 644
 гегу (цзегу) 481
 гёклены 598, 600, 602—605, 617—619, 621, 622
 генуэзцы 720, 780
 германцы 110, 171, 258, 701, 704
 гильзаи 214*
 гиляны 829
 гирканцы 659, 660
 Гог 578, 870, 871
 готы 811, 812
 греки 111, 112, 115, 176, 180, 181, 189, 439, 550, 554, 654, 656, 658, 659, 673, 674, 684, 754, 757, 776, 791, 811, 812, 817, 818*, 819, 826*, 828, 829, 843, 853—857, 862, 870—872
 греко-бактрийцы 178
 грузины 110, 580, 662, 690—692, 707, 708, 779, 796, 855, 862, 876—878
 гузы (гузэ) 205, 243, 474*, 513*, 549, 557, 569, 581—583, 585, 586, 589, 820, 823*, 868; см. также огузы
 гули — см. кури
 гулигань — см. курыканы
 гушны — см. хунну, хунны
 гурийцы, гурцы 460, 561*, 808*
 гэлолу 490; см. карлуки
 гюй (цзюй) 486
 гяньгунь (цзянькунь) 476
- дагестанцы 763
 дахань 486
 даши 196, 253, 456, 469, 490; см. также тазик
 дейлемиты, дейлемцы 683, 829, 845
 джавулдур (джувалдар) 575; см. также чоудур
 джалаиры 722, 780
 джаләлика — см. галисийцы
 джаманак 539
 джарук (чарук) 575*; ср. джаруклуг
 джаруклуг (чаруклуг) 575
- варяги 811, 817, 834, 844, 857
 вахиочи 288*
 венецианцы 151
 весь — см. вису

- джауни-курбани — см. чунгурбани
 джафар-бай 622
 джебни (чебни) 575
 джельден — см. джилдан
 джемшиды 391
 джети-кашка (жети-кашка) 517*, 518*,
 541*
 джикили — см. чигиль
 джилдан (джельден) 530
 джувалдар — см. джавулдур
 джунгары 98; см. ойраты
 динлины 476, 478, 480
 древяне 847
 дубо (туба) 485, 486
 дулаты 154, 264, 512, 513
 дудурга (тутырга) 575
 дулат 512
 дулу 33
 дунгане 333—335, 416*, 644
 дурани 214*
 дюкер (тюкер) 575
- евреи 76, 122, 216, 220, 233, 280, 310*,
 342, 374, 375, 684, 714, 828, 849
 евреи бухарские 220, 374, 375
 европейцы 131, 137, 151, 164, 273, 465,
 523, 752, 753, 759, 761, 790, 794—796
 египтяне 554, 695, 703
 еда (яда) 180; см. также эфталиты
 езеры 480
 «енбулуки» 615
 есенгул, исенкул (эсенгул) 536, 539
 «етсанцы» 615
- жедигер (йадгар) 533*
 жужань, жуань-жуань, жужаньцы 30,
 102, 180, 181, 187
- ибн-дулгадир (зу-л-кадр) 581
 иве (йиве) 575
 иверы, иверийцы 109, 657, 666, 789
 игдер (йигдер), игдыр 575, 597, 598*,
 613
 илакцы 579
 имрели (эймюр) 575, 601—604, 611, 616,
 620, 621*
 индийцы 110, 180, 216, 222, 365, 374,
 460, 554
 иомуды — см. йомуты
- иранцы 109—111, 113—116, 119, 122,
 135, 162, 171—173, 175, 181, 183,
 191, 193, 196—198, 206, 219, 224,
 239, 253, 288*, 454, 456, 457, 459,
 460, 462, 464, 469, 470, 640, 670,
 705, 789, 790; см. также персы
 исенкул — см. есенгул
 испанцы 759, 871
 ису — см. вису
 исфаханцы 242
 итальянцы 723
 «иты-кашка» — см. джети-кашка
 ички-салор 593
 ичкилик 533*
- йемек 493
 йиве — см. иве
 йигдер — см. игдер
 йика (йака)-туркмены 598, 602, 603; см.
 также туркмены сайн-хани
 йомуты 275, 283, 414, 593, 594, 597,
 602, 606, 616—622
- каджары 278, 616, 619, 621
 казак-буруты (казак-киргизы) 524; см.
 казаки (казахи)
 казаки (казахи) 80*, 88, 90, 91, 94—101,
 105, 106, 164, 197, 270, 271, 275,
 277, 278, 288*, 293*, 294*, 301*,
 319*—325*, 353*, 365*, 366*, 430*,
 462, 468*, 493, 512—517, 524, 526,
 527, 529—532, 538—541, 608, 614,
 619; см. также киргизы (ошибочное
 название казахов)
 кази-кумуки (кумуки) 740, 753
 кай (род гёкленов) 622*
 кай, кайи 497, 499
 кайтаки 150*, 676, 740
 кайыг (кайы) 575, 580
 калмаки (қалмақан) 541*; см. калмыки
 калмыки 81*, 86, 87, 89, 90, 93, 96—
 101, 105, 106, 270, 277, 493, 512*,
 514, 517, 519, 524, 607, 609, 611—
 615, 644; см. также ойраты
 канглы 26, 50, 593; ср. кангой
 кангой (канцзой), кангойцы 26, 27*, 112,
 175—180, 186, 476, 477, 813, 814;
 ср. канглы
 кара-бюлюк (кара-эвли) 575
 кара-ёйли 594, 595

- кара-киргизы 90, 270, 324*, 371, 392,
 464, 468, 529, 531, 539; см. также
 киргизы
 кара-китай, китан, кидани 43, 46, 48—
 52, 54, 55, 58, 60, 102, 103, 131—
 138, 141, 144, 145, 250, 251, 253,
 254, 290, 498, 499, 501—503, 508,
 549, 631, 632
 кара-татары (татары черные) 84, 616
 кара-эвли — см. кара-бюлюк
 карадашлы (караташлы) 587, 620
 каракалпаки 294*, 621
 каратегинцы 288*
 каркын 575
 карлуки (халлух, харлух, гэлолу) 35—
 39, 50, 102, 125, 241—243, 245, 461,
 462, 487, 490—494, 501, 549, 553,
 555, 559, 560, 582, 827*
 картвелы 862*; см. грузины
 карык 575
 каспии 654—656, 662
 катаган 465
 каучины 153, 264
 качинцы 525
 кашгарцы 45, 102, 141, 206
 келдике 533*
 кенегесы 271
 кераиты 505, 509
 кергис 508; см. черкес
 керкисы 509; см. киргизы
 кесим 494
 кидани — см. кара-китай
 килики 480
 кимаки 124, 242, 243, 493, 494, 497,
 501, 559
 кипчаки (половцы, команы) 139, 243,
 258, 260, 490, 493, 559, 589, 690,
 701, 706, 707, 794, 820, 829*, 876
 кипчаки каркаринские, Каркара Джете
 541*
 кипчаки (племя киргизов) 527, 528
 кыпчаки (племя или род узбеков) 289,
 291, 397, 517*, 531
 киргиз-казаки, киргиз-кайсаки 324, 526,
 614; см. казаки (казахи)
 киргиз-калмыки 525, 526
 киргизы (кыргызы) 30*, 39, 49, 90,
 92—99, 101, 105, 164, 242, 243, 270,
 322, 324, 335, 373, 397, 409, 464,
 473*, 474—509, 510*, 511—535, 537—
 542, 543*, 553, 555; см. также кара-
 киргизы
 киргизы (ошибочное название казахов)
 293—296, 298—303, 311*, 312, 319—
 325, 332, 333, 341, 342, 345, 371,
 377, 381, 382, 412, 418, 429, 430,
 447, 641, 644; см. также казаки
 (казахи)
 китан — см. кара-китай
 китайцы 25—29, 33, 35, 36, 51, 58, 71,
 85, 86, 98—102, 105, 106, 112—114,
 118, 121, 137, 139, 145, 150, 153,
 175—181, 184—186, 188—190, 242,
 253, 277, 320*, 334, 335*, 361, 385,
 399, 437, 438, 444, 445, 453, 474—487,
 489—494, 502, 508, 527, 528, 531,
 534, 536, 550, 563, 644, 665, 769,
 790, 813
 кодан 539
 кокандцы 278, 288, 395—397, 408, 410,
 466, 533, 535, 537—539; см. также
 сарты
 команы — см. кипчаки
 кочеды 185
 корейшиты 196
 косоги 848; см. также черкесы
 кули — см. кури
 куллар 594
 кумуки — см. кази-кумуки
 кумыки 775
 кун 497; ср. кури, фури
 кунграт 155, 265, 283
 курды 141, 581, 586, 616
 кури (кули, гули) 497; ср. кун, фури
 курлас 71*
 курыканы (гулиганы) 486
 кутлар 594
 кушаны (куши) 112, 113, 175, 180, 453;
 ср. юечжи
 кушчу (кушу) 528*
 кызыл-аяк 609
 кызылбашы 617*
 кынык 575, 576, 580
 кыпчаки — см. кипчаки
 кыргызы — см. киргизы (кыргызы)
 кырк 474*
 кэ-са 816; ср. хэ-са
 лабан 37
 лазы 861
 лакзы — см. лезгины
 лангобарды 871
 лезгины (лакзы) 846*, 875

- ливийцы 557
литовцы 797, 801
- Магог 578, 870, 871
мадьяры 820, 821, 827
македонцы 173, 457, 657
малайцы 439
мангыты — см. ногайцы
мангыты (род или племя узбеков) 271, 282, 283, 286, 621
маньчжуры 184
марды (амарды) 657, 658
мекрины — см. бекрины
мергиты 137—139, 505, 509
мидийцы, мидяне 171, 172, 660, 790, 813
милегэ 485
мин (минг) 276, 277, 474*
«мисяне» 855; см. болгары дунайские
моголы 154, 155, 157, 160, 265, 266;
см. также монголы
могульчик 594
монголдор 533*
монголы 29, 46, 55—57, 61, 63, 68, 69, 74, 80, 82*, 83, 85—91, 93, 94, 98, 103, 105, 127, 129, 131, 132, 137—152, 154, 158, 184, 197, 218, 249, 253—255, 257—259, 261, 263, 264, 269, 272, 276, 278, 346, 446, 460, 461, 463, 495, 499, 500, 503, 505, 506, 508, 511—518, 532, 533, 579, 584, 585, 588—591, 594, 644, 645, 694, 695, 698—701, 703—708, 710—723, 731, 741, 751, 768, 769, 779, 780, 794, 800, 862, 866, 872, 878;
см. также татары
мордва 821, 868, 869; ср. буртасы
мунгуш 533*
мурун 533*
- найманы 53, 55, 137, 138, 141, 254, 504, 505, 509
найманы (род или племя узбеков) 600, 601, 605, 607
немцы 327, 330, 853
ногаи 278; см. татары волжские
ногайцы (мангыты) 93, 94, 541, 542, 602, 606, 608, 609, 736, 775, 798, 800
норвежцы 817
норманны 689, 818*, 832*, 847, 850, 851, 852*
нушчи 33
- огузы (гузы) 35, 205, 243, 474*, 478, 480, 482, 483, 486, 489, 491, 498, 513*, 549—554, 557—559, 561—564, 567—571, 573, 574, 576—579, 581—583, 585, 586, 589, 820, 823*, 827*, 868
ойраты 86, 87, 96, 97, 105, 493, 499, 500, 506, 514, 519, 520, 522—524, 526, 527; см. также калмыки
ойраты (племя или род узбеков) 464
оклы (охлу) 599, 602—605
он (онг) 474*
он-уйгуры 491
«оренгаи» (уряньхайцы) 509
османы, османцы 581, 641, 863; см. также турки (османы)
оссеты (осетины) 866, 867
остяки 476, 480, 481, 645
охлу — см. оклы
- парачи 461*
парфяне 109, 178, 179, 183, 184, 656, 660, 665, 667
пашаи 461*
персы 109, 110, 113, 127, 162, 163, 171, 172, 187, 212, 213, 223, 268, 273, 291, 344, 424, 451, 456, 469, 470, 512, 554, 556, 599—601, 603, 605, 609, 613, 618, 619, 621, 622, 644, 657, 658, 660, 664, 669, 670, 672, 673, 680, 718, 719, 748, 756, 758—760, 763, 766, 789—791, 869; см. также иранцы
печенег (биджне), род туркмен 575, 580
печенеги 556, 820, 821, 823*, 843, 844
половцы — см. кипчаки
португальцы 753, 759
пруссy 872
- римляне 657—660, 664—667, 670, 872
румы, румийцы 821*, 825, 826, 837; см. также византийцы
русские 66, 100, 131, 143, 164, 171, 199, 273, 288, 290, 292—294, 296, 298, 300—303, 305, 307, 310, 313, 319, 320*, 321, 323—325, 329, 331—334, 338, 340, 341—346, 349—357, 359, 360, 366, 368—371, 374, 376, 378—382, 388, 389, 393—398, 401—408, 410, 412—421, 423, 432, 433, 447.

- 448, 465, 466, 468, 470, 493, 511, 515, 519—524, 526, 527, 529, 531, 533—542, 588, 602, 614, 615, 622, 627, 634, 681—690, 706, 719*, 747, 752, 755, 756, 761—764, 778, 779, 782, 793, 797, 807*, 808, 817, 818*—820*, 824*, 826*, 831*, 832*, 852*, 854—858, 868, 871—873; см. также русы
- усы, русь, рос 806, 808, 817, 818, 819*, 821—832, 836—838, 842—851, 852*, 854—856, 857*; см. также русские
- абиры (савиры) 671; ср. хазары
лин-хани — см. туркмены сайн-хани
аки (сэ) 25, 26*, 109, 116, 173—175, 185, 812*; см. также скифы
аклаб 818*, 870, 872; см. славяне
аксини 589
салавиин» 836
алгур (салур), салоры (салыры) 575, 577, 582, 593, 594, 597, 603, 604, 620—622
амоеды 481, 485
анджари 592
аракены, сарраины 151, 469
арматы 812
арт, сарты 66, 162, 184, 190, 196, 197, 253, 272, 277, 289, 296, 298—303, 305, 307, 310—313, 325, 330, 332, 334, 335, 339, 341—343, 345—347, 349, 355, 358, 359, 362, 378, 382, 391, 423, 460—462, 469, 470, 535, 542, 640, 641, 699; см. также: бухарцы, кокандцы
артактай, сартаул — см. сарт
сарыбагыш, сарыбагышцы 529*, 531, 533, 534, 536, 538—542
сары-юган 541
сарыки 597, 606, 611, 620—622
саяк, саяковцы 533, 534, 536, 539, 540
сельджуки, сельджукиды 572, 573, 696
серы 185, 186; см. китайцы
сирийцы 184, 219, 224, 228
скандинавы 817
скифы 26*, 109, 174, 656, 812; см. также саки
славяне (саклаб) 480, 554, 578, 807*, 816, 818—822, 823*, 824—827, 833, 837, 838*, 843, 846*, 848, 853*, 868, 870—872
солдийцы 36, 109—116, 171—176, 180, 183, 184, 188—192, 212, 213, 241, 451—455, 460, 550, 790, 812
соинаджи 613, 614
солто — см. султу
султу (солто), султинцы 517*, 533, 536—538, 541
суу 533*
сэ 25, 26*; см. саки
сяньби, сяньбийцы 29, 478
- «тавроскифы» 855; см. русы
таг-сакары 595
тагай 533
таджики 61, 121, 162, 196, 197, 206, 214*, 265, 279, 281, 283, 334*, 428, 429*, 430, 442, 451, 456, 458—462, 464, 467—470, 490, 518*, 550, 628, 644, 674, 696
тазик (гази), тажик, тачик 121, 136, 456, 469, 640; см. также даши
тай 121, 196, 455, 456, 469
тангуты 100, 145
тапуры 658, 659, 680
таранчи, таранчинцы 80*, 321*, 330, 333—335
тардуш 482
таты 196, 459, 460
татары 66, 78, 137, 499, 579, 633, 712, 804; см. также монголы
татары волжские 278, 296, 301, 302*, 303, 310—313, 333, 339, 340, 349, 359, 431, 468, 815
татары кавказские 312; см. азербайджанцы
татары крымские 602
татары мервские 616, 617*; ср. карата-тары
татары минусинские (сибирские) 481, 524; см. хакасы
татары семипалатинские 342
татары черные — см. карата-тары
татары чулымские 521
тачик — см. тазик
теджик, тежик, тезик — см. тазик
теке, текинцы 582*, 587, 594, 597, 602, 603, 606, 609, 611, 619—622
теленуты 526
телеуты 333*
темир-булат (темир-болот) 535
тибетцы (туфань) 39, 490—492, 496, 557, 558

- тиведжи (тивечи) 594, 595, 598*, 600
 токуз-огузы (тугузгузы) 35, 36, 38, 39,
 242—245, 455, 491—493, 552—555,
 557—559, 827*; ср. шато
 токуз-уйгуры 491, 629
 торпут 86
 төрт ас 485*
 тору айгыр кыпчак — см. турайгыр-
 кыпчак
 тохары 112, 175, 178, 453, 455
 тохсийцы 36
 туба — см. дубо
 тубинцы 521
 тугузгузы — см. токуз-огузы
 тукюе (туцное) — см. турки (тюрки)
 тумэты (тумат) 96, 504, 506, 509
 тунгусы 48*, 478, 481
 турайгыр-кыпчак (тору айгыр кыпчак)
 528
 турки (тюрки) 109, 113, 116, 118, 119,
 123—129, 136, 159, 162, 180—183,
 189, 190, 196—198, 205, 214, 215,
 219, 235, 239—249, 251—253, 443,
 453*, 454, 456, 459—462, 464, 475,
 478—486, 491—500, 502, 504, 505,
 533, 549, 551, 553—559, 561—564,
 576—579, 586, 587, 589, 640, 661,
 670, 684, 689—691, 695, 696, 699,
 777, 780, 814, 816, 817, 818*, 827*,
 848, 853*
 турки [анатолийские] 349, 664, 752—754,
 766, 768, 762, 763, 781, 782, 863, 864,
 874, 878
 туркмены 122, 130, 164, 196, 203, 210,
 211, 248, 273—275, 284, 285, 291, 292,
 295, 296, 300, 301, 329, 330, 344,
 346, 391, 398, 406, 407, 412, 414,
 423, 429*, 459, 468, 546—552, 558,
 559, 563, 565, 569—573, 579—603,
 605—623, 631, 641, 701
 туркмены азербайджанские 598, 780,
 781
 туркмены иракские 570
 туркмены огузчинские 617
 туркмены сайн-хани (сайнхановские)
 598, 600—604, 606; см. также
 йика (йака)-туркмены
 туркмены ставропольские 614
 турукли 539
 туры 661
 тутырга — см. дудурга
 тифань — см. тибетцы
 тухоло — см. тохары
 тухсийцы 243, 492
 тынай 535
 тынымсейит 533*
 тюкер — см. дюкер
 тюргеш 33, 36, 38, 243, 484, 485*, 487,
 492, 553
 тюрки 26, 29, 31, 32, 34—36, 38—40,
 42, 46, 58, 88, 102, 150*, 453*, 469,
 504, 748, 756, 870—872; см. также
 турки (тюрки)
 узбеки 87, 161—164, 197, 260, 261*,
 265, 267—270, 272, 273, 275, 277—
 279, 281—284, 291, 345, 410, 420,
 429, 459—470, 512, 516, 518, 584,
 595—603, 605—619, 621, 640, 641,
 751, 752, 754, 795, 802
 уйгуры 39*, 46, 47, 58, 61, 63, 80*, 116,
 137, 148, 184, 244, 263, 321*, 334*,
 454, 455, 459, 482, 483, 485—492,
 495, 498—501, 503, 505, 553, 555,
 557*, 558, 559, 594, 629, 731, 827*,
 828*
 уйгуры (род или племя узбеков) 284,
 605, 607
 уйсуны 30
 ула-йондлуг (ула-йондлы) 575
 урекир (юрекир) 575
 урянхайцы — см. «оренгаи»
 ус, усы 485*, 504*
 усунн 25—31, 102, 112, 175, 177, 179—
 181, 187, 476—478, 514
 уч-охлу 581
 уч-эль 595, 598
 учук 577, 582
 ферганцы 98, 105, 112, 176
 финикийцы 184
 финны 815, 817, 818
 фирузкухи 391
 франки (фраги) 110, 172, 554, 817, 871,
 872
 фуридас 868; см. буртас
 фури 494, 497, 499; ср. кури
 фукой 478
 хавары 124, 555*, 556, 559, 589, 644,
 671, 673, 677, 680, 681, 684, 685,
 689, 690, 777, 788, 791*, 792—794,

- 807*, 815—817, 819—821, 823*, 825—829, 831, 832, 833*, 834, 837, 844, 848—851, 852*, 853*, 868, 869, 871
- хайтал, хайталы (*хабтал) 113, 180, 198; см. также эфталиты
- хакасы 481, 485*, 524
- халаджи 55, 552, 574
- халден 554
- халлух, харлух — см. карлуки
- хасан-эли 597, 598
- хвалисы 853*; см. хорезмийцы
- хезарейцы 150*, 391, 420, 644
- хиониты 181*; см. эфталиты
- хирхиз 491; см. киргизы (кыргызы)
- хойт, койты 86, 99
- хорасанцы 119, 222, 617
- хорезмийцы 109, 110, 155, 171, 172, 178, 183, 188, 193, 206, 213, 223, 254, 443* 451, 452, 572, 585, 601, 619, 660, 676, 677, 686, 689, 690, 694—696, 698, 735, 779, 792, 793, 812, 848, 853*
- хошут 86
- хуна 180; см. хунны
- хунну, хунны (гунны) 25—29, 175, 176, 178—180, 187, 475—478, 514, 550, 551, 669—671, 812, 814
- хунны белые, хунны кидаритские — см. эфталиты
- хызыр-эли 594, 595, 598*
- кэ-са 816; ср. кэ-са
- Хягас 477, 478
- цзюй — см. гюй
- цзянькунь — см. гяньгунь
- чавдур, чавулдур — см. чоудур
- чагатаи 152, 154, 155, 157, 158, 260, 265, 266, 511
- чагатай-куулар 594
- чакырлар 600
- чарук — см. джарук
- чарукулуг — см. джарукулуг
- чебни — см. джебни
- чекир-саяк 533*
- черик (чирик) 533, 534, 537, 540
- черкесы (кергисы, косоги) 508, 848
- чеченцы 873
- чжурчжэни 48, 132, 502, 503
- чигиль, чигили (джикили) 36, 37, 39, 45, 243, 246, 492, 557*, 578, 579
- чик 485, 486
- чирик, чириковские киргизы — см. черик
- читралыты 288*
- чонбагыш 528, 529, 531, 533, 534
- чорос 86
- чоудур (чавдур, чавулдур, чоудор) 581*, 597, 598*, 613—615, 621*; см. также джавулдур
- чуваши 818
- чунгурбани (джауни-курбани) 592
- чучое 557
- шамень (шамань) 539
- шато 35, 491, 557, 558; ср. огузы
- шведы 761, 817, 818, 819*
- ширванцы 779
- шугнанцы 288*, 430, 465
- эдигена — см. адгэне
- эймюр — см. имрели
- эрсари 593—595, 597, 602, 603, 622
- эсенгул — см. есенгул
- эски 594
- эссен-эли — см. хасан-эли
- эфталиты 113, 180—183, 189, 198; см. также абделы, еда, хайтал
- эчки 485
- югры (юра) 834, 835, 836*
- юебань, юебаныцы 180, 187
- юечжи (юеши), юечжийцы 25, 112, 175, 178—182; ср. кушаны
- юз 474*
- юрекир — см. урекир
- ягма 38, 41, 243, 492, 501
- ягнобцы 191, 214*, 640
- яда — см. еда
- языр (языр) 575, 585—587
- яйырлы 575
- яньдай, яньдайцы 176, 178, 813, 814; см. также аланы (аланья)
- японцы 761
- ясы 848; см. также ас(асы)

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ¹

- ага манап 534, 542; см. также манап
аглям 355*
- адат (*'ādat*) 310, 373, 381, 382, 386
ажо 480, 487
āzerā 777
азаш (*azān*) 850
аксакал 345, 347, 350, 354, 358, 361, 367,
374, 383, 597, 604, 610
аладжа 439
алал-зякет 535
алачук 609
алоу-хона 213*
алык 281
альбигойцы—см. катары
'amal 871
амин (*amīn*) 368, 373
amīr (*mīr*)—см. эмир
амляк (*amlyak*) 369
амлякдар (*amlyakdār*) 368, 426
анда 69
араби (*'arabī*) 461*
арба (*'arāba*) 206, 427
арбакеш (*'arābakash*) 364; ср. чистаг
арзанлык 290
арка 585*
арка тараф 585
арна (*arnā*) 122
arrānī 777
арраншах (*arrānshāx*) 683
арсийцы 830
Арслан, Арслан-хан 43*, 44
арык 23, 327, 331, 368
арык-аксакал 348, 358, 368
атабек 532, 535, 580, 582, 692, 702,
778, 779
аталык 270—272, 274, 277, 279, 280, 283,
284
атешкеде (*ātashkade*) 211, 212
- атешхане (*ātashkhāne*) 211, 212, 214*
аткамнар 295, 346
аул 304
афгани (*afgānī*) 461*
ахбар (*axbār*) — см. хабр
ахун (*āxund*) 528
- баг (*bāg*) 208; ср. бустан
баг (*bāg*), фаг, фуг (*фаг, фуг*) 215; ср.
худа
багпур (*bagpur*), *фагфур, пагпур* 215
Бадан-Сангу 38
бадаулет (*бадаулат*) 399
баз (*bāz*) 441
бай 323*, 346, 365
байга 409
бальш 62
бараки 461*
бальос 376
баранта 382
баскак 700
батрик (патриций) 682
батн 577*
бегтегин 190
безз (*bazz*) 440*, 441; ср. ббз
безза (*bazza*) 440*
беззаз (*bazzāz*) 440*
бейгу, бигу — см. пейгу
бейт (*bayt*) 209; ср. хане
бейт-мидрас (*bayt-midrās*) 225
бек 97, 130, 154, 264, 266, 271, 272, 277,
279, 283, 286, 365, 366, 368, 373,
394—396, 406, 408, 409, 417—420,
425, 426, 428—431, 467, 507, 512, 517,
747, 780, 802; ср. бий
беклярбек 288
берат (*barāt*) 597, 598*

¹ Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения; когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках после транскрипции Бартольда.

- бератдар (*баратдәр*) 597, 598
бет-хам-мидраш 225
бехар (*бахәр*) 214—216; ср. бухар, вихара, фархар
бй'а 218
бигу—см. пейгу
бий 271, 339, 353*, 355, 367, 373, 379, 382, 529—532, 538, 540; ср. бек
Богра, Богра-хан 43*, 44
боде (пак-деб) 437—439; ср. пахта
бодебу 438
бодеце (бодецы) 437
ббз (безз) 441, 444
бой 577
бокаран (букерам) 445
брахман 114
будун 481
букерам — см. бокаран
бурдж (*бурдж*) 228
буса 602
бустан (*бустан*) 208; ср. баг
бут (*бут*) 208
буткеде (*буткаде*) 211; см. также бутхане
бутхане (*бутхане*) 205, 211; см. также буткеде
бухар (*бухәр*) 214; ср. бехар, вихара
бухар-худат (*бухар-худат*) 207
бухара—см. фукара
- вақайи'-навис* 770
вакуф (*вақф*) 227, 275, 304*, 314, 315, 351, 352, 370, 371, 426
вардан-худат (*вардан-худат*) 207
вархар, вахар 215; см. вихара
васика (*ваққа*) 364
вахар—см. вархар
веды 728, 777
везир (*вазир*) 78, 127, 128, 132, 142, 238, 254, 256, 273, 441, 580, 588, 589, 682, 692, 697, 768, 805, 823*, 824*, 832*
- векиль (*вакыл*) 431
вилайет (*вилаят*) 277*
вихара 214, 215, 227; ср. бехар
владавац 807, 857*
- газий (*газй*) 93, 201, 202, 740
гальча (*галча*), гарча (*гачча*) 121, 197, 457
гарем (*харам*) 207, 282, 284
гарча—см. гальча
гарчеги (*гарчагй*) 458
гебр (*габр*) 211, 455; см. также муг
гебри (*габри*) 461*
гелифа (цзелифа), сылифа 481; ср. эльтебер
губзй (цзибзй) 439
гуза (*гуза*) 444, 445; см. также кузаг; ср. *қасм*, *қасам*, цзюсюнь
гулям (*гулям*) 580
гуньмо 26, 29
гурган (*гурган*) 50, 158
гурхан (*гурхан*) 50—54, 103, 132—135, 137—139, 253, 254, 261, 501—503, 549
гяур 211, 728
- дабиристан (*дабиристан*) 222
данек (*данақ*) 548
даосы, даосизм 58
дар (*дар*) 209; ср. кед
дарис (*дарис*) 225; см. также мударрис
дарс (*дарс*) 225
дарсхане (*дарсхане*) 225
даругачи 58
дастархан (*дастархан*) 395
«датха» (*дадх'ах*) 303*
дахма (*дахма*) 212
дейр (*дайр*) 221; ср. умр
дервиш (*дарвиш*) 125, 141, 159, 161, 217, 227, 231, 232, 236, 251, 252, 264, 267, 269, 270, 273, 517, 691, 696, 728—731, 739, 747, 748, 763
дери (*дари*) 457
дех-йек (*дах-йак*) 598*
дех-нишин (*дих-нишйн*) 467
дехкане 380*
джабгу (*джабгу*)—см. ябгу
джазйра 831
джалляб (*джалляб*) 364
джасус (*джасус*) 307
джатак 294; ср. отурак
джаузак (*джаузака*) 444
джете 80, 154, 265; ср. казак
джизья (*джизйа*) 280, 825
джу-и арзйз 117
джурсаншйах — см. *хурсаншйах*
дибадж (*дибадж*) 442
диван (*дйван*) 123, 413, 414
диван-бегн (*диван-бйкй*) 413, 424

- диз (*дӱз*) 120
динар (*динар*) 50, 133, 152, 227, 254,
255, 263, 581, 683, 721, 722, 779
дирхем (*дирхам*) 135, 152, 239, 255,
263, 548, 683, 721, 823*
дих (*дих*) 210; ср. кент
дихкан (*дихқан*) 38*, 117, 122, 123, 129,
192, 196, 206, 209, 219, 242, 249,
380*, 556, 572, 573, 629*, 669
дуа (*ду'а*) 406
дулума (тулума) 444; ср. толма
- жуз 97*; ср. также орда
- завия (*завийа*) 236
зайсан 100, 525
закатчий — см. зекатчи
занг 381; ср. также адат
занданичи (*занданйчй*) 442
захиригы 232
зекат (*закат*) 356, 359, 367, 371, 389,
537; ср. также алал-зякет, тюнлюк-
зякет
зекатчи (*закӓтчй*) 350, 354
зендень 442, 443; ср. также занданичи
зиндики (*зиндйк*) 218; ср. манихеи
зякет — см. зекат
зухд (*зухд*) 227
- идикут 137, 138, 141, 142
икама (*икама*) 850
илек 42, 44, 128, 129
илик-баши 367, 368
иль 541*
'илм 227
ильхан (*илхан*) 722, 878
имам (*имам*) 225, 226, 233, 235, 250, 254,
269, 350, 697, 729, 754, 781, 823*,
824*, 831, 857
имамиты 728
имла' 225
инак (*инак*) 274, 283, 286
инал (йнал) 505, 506
инджу (*инджу*) 58, 59, 73
ираншах (*ираншах*) 683, 684, 875
искуль 224
исмаилиты 463, 466
ихшид (*ихшид*) 117, 188, 189, 196, 209,
452
ишан (*ишан*) 252, 289, 308*, 316*, 347,
354*, 373, 374, 381, 406, 420, 426
- йнал-тегин 38; ср. *Бадан-Сангу*
- каан 63—75; ср. также каган, хакан
қабйла 577*
каган 32—34, 181, 198, 240, 248, 478—484,
486—489, 492, 493, 498, 500, 505,
506, 553, 673, 677, 682, 685, 686, 791,
792, 815, 816, 818, 819*, 821, 825*,
832*, 837*, 838*, 848; ср. также ка-
ан, хакан
каганлыг будун 481
кадирии (*кадирий*) 232, 251
казак 80, 154, 265
казий (*казй*) 88, 227, 234, 279, 280, 298,
339, 345, 350, 351, 353—361, 366, 367,
373, 374, 379, 380, 382, 387, 394, 403,
404, 873
кази-калян (*казй-йи калӓн*) 298, 350—
353, 354*, 359—361, 412, 431, 468
казымык 358
кам 496
капас 439; ср. также *кирбас*
кара-хакан, кара-хан 568*
караванбаши (*караванбаши*) 389
караван-сарай (*караван-сарай*) 203, 205,
207, 695
караджу 276
караунас 154, 265
қарйа 210
карматы 832*, 850*
карошти — см. харошти
карши 152, 263, 731
кары (*карий*) 224
қасм, қасам 444; ср. цзюсюнь, гуза
каср (*қаср*) 207, 208; ср. ках, кёшк
қаср ас-савами' 228
кат 209; ср. турткуль
ката 212
катары (альбигойцы) 218
катта-тюря 407
қаттан 440
кафир (*кафир*) 97, 132, 141, 211, 230,
464, 517, 588, 692, 729, 753
ках (*каҳ*) 207, 209; ср. кёшк, каср
кашка 97, 517
кебеки 152, 263
кед, кет, кеде (*кад, каде*) 209, 210, 211;
ср. дар
кедивер (*кадйвар*) 209
кедхуда, кетхуда (*кадхуда*) 209, 210,
592*
кент (*кант*) 210; ср. дих

- керрабийцы 226, 232, 234—236
кет — см. кед
кетхуда — см. кедхуда
кёшк (*кушк*) 207—209; ср. ках, каср
кибит 371*
кибла (*кибла*) 228, 585*, 729
кирбас (*кирбас*) 439, 440; ср. *кагаса*
киргиз-хакан 493
кок-таш 86
контайша — см. хун-тайчжи
копчур 371
кошюк — см. кёшк
кубреви (*кубравй*) 141, 252
кудеркин 563
кузаг (*кузаг*), 444, 445; см. также гуза;
ср. кусань
кул (*кул*) 534
кумач (кумац, кумас, кумаш) 446
кундалан 201
кундуз (*кундуз*)—см. кухен-диз
курбаши (*курбаши*) 350, 366
курганча 199
курсуф, курсуфа 439
курук (*курук*) 29, 207
курултай 63, 64, 69, 70, 74, 98, 742,
743
кусань 445; ср. кузаг
кутегин-лабан 37
кутня (аладжа) 439; ср. *кутн*
кутун, *кутн* 439, 440; ср. кутня
кухен-диз (*кухандйз*), кундуз 120, 210
кучук-йинал 565
кушбеги (*кушбёкй*) 273, 280, 282, 290,
403, 420, 422—425, 429, 430
кыргыз 510*
кышлак 69, 210, 467
кышлак-нишин (*кышлак-нишйн*) 467
- лама 522
ламгани 461*
ланьгань 438
ли 27*, 192, 504
лйраншах—см. ираншах
- маг—см. муг, маджус
маджус (*маджус*)—см. муг
мадраше 225
мазар (*мазар*) 129, 204, 216, 297,
426
маздакиты 217, 218
- макрёян 224
маликиты 232, 237
маллахат 875
мамлюк (*мамлюк*) 581
манак 38
манап 530—542, 543*; см. также ага ма-
нап
манихей 32, 39, 50, 52, 115, 116, 124,
125, 182, 183, 191, 216—219, 221,
222, 227, 231, 244, 245, 452, 453—
455, 486, 492
марзбан (*марзбан*) 669
ма'сум (*ма'сум*) 755, 763
махалля (*махалла*) 366
меддах (*маддах*) 349
меджлис (*маджлис*) 230, 755
меджлис-тадрис (*маджлив-тадрйс*) 225
медресе (*мадраса*) 119, 148, 161, 203,
204, 225, 227, 233, 238, 262, 272,
286, 297, 298, 304, 314—317, 370,
426, 728
мектеб (*мактаб*) 310—313, 316, 542, 644
мелик (*малик*) 150, 262, 263, 573, 617,
875
мелькиты 219
месджид-хане (*масджид-хане*) 236
мехкеме (*махкама*) 353—355, 361
мехтер (*михтар*) 273
мечеть 203—205, 225, 228, 229, 236, 238,
247, 370, 426, 715, 721, 723, 756,
823*, 824*, 833, 834, 849
мидрас (*мидрайс*) 225
мидраш 225
мильк (*милк*, *мулк*) 369, 371, 425, 426
мильк-и хурри халис (*милк-и хурри-и*
халис) 369
мина 239
минарет 129, 207*, 228, 246, 247, 423,
424, 834
минбар (*минбар*) 62, 235
минбаши (*мингбашй*) 367, 368
мир—см. эмир
мираб (*мирйаб*) 285, 368
мирахур (*мирйахур*) 402, 408, 411
мирза (*мирзй*) 365, 366, 511—517, 755,
771, 772
миршаб (*миршаб*) 366
мискаль (*мисқал*) 878
митран (*митрайн*) 219
михман-хане (*михман-хане*) 214*
михраб (*михрйаб*) 212
мишна 219

- миян-сарай (*мйан-сарай*) 207, 208
 моголи 461*
 мосы 444; ср. муселин
 муг (*муг*), маджус (*маджус*) 122, 211—
 214; ср. гебр
 мугкеде (*мугкаде*) 212; ср. атешкеде
 мударрис (*мударрис*) 225, 314—316, 352
 мукри (*муқри*) 224
 мулла (*мулла*) 282, 298, 302, 304, 315,
 374, 376, 391—394, 397, 403, 431, 552,
 619, 728
 мурабит (*мурабит*) 202
 муселин [муслин] 444; ср. мосы
 мутаэилиты 155, 225, 226, 236, 237, 238,
 713
 мутеваллий (*мутаваллий*) 297, 314—316,
 350, 351, 426
 муфтий (*муфтий*) 297, 298, 345, 350, 354,
 873
 мухтасиб (*мухтасиб*) 250*
 муэззин (*му'аззин*) 823*, 824*, 834
 мюрид (*мурйид*) 232, 420, 729, 763
- наддаф* 440*
 наиб (*на'иб*) 291, 603, 873
 накшбендия (*нақшбандй*), накшбендия
 159, 252, 267, 873
 намаз (*намъз*) 218, 236
 науруз (*науруз*) 785
 наус 212, 213
наффата 875
 нахапет 556*
 несториане 41, 46, 77, 184, 219, 672
 нигошак 216, 217; ср. auditor
низъм 873
 нойон 154
 ном 219
 нукер (*нукар*) 430, 595, 598*, 606, 607,
 798, 801, 802
- оглан 801
 он-беги 600, 610, 618
 онгон 43*, 576*
 онгун (уйгун) 576; ср. тамга
 орда 32, 33, 58, 59, 63—65, 68, 69, 73,
 114, 133, 144, 150, 179, 258, 262,
 294; см. также урда
 ортак 700
 орчин 153
 отурак 294; ср. джатак
- пагпур (*пагпур*) — см. багпур
 падишах (*падишах*) 36*, 408, 609
 пак-деб — см. боде
 памбак 439; см. также пембе
 парачи 461*
 пардес 208
 пахта (*пахта*) 438, 439; ср. боде
 пашаи 461*
 пейгу (*пейгу*) 568*, 572*
 пембе (*панба*) 439, 443
 пукара — см. фукара
- рабад (*рабад*) 120, 123, 200—202
 рабат (*рибат*) 123, 125, 202—205, 225,
 241, 246, 247, 249, 373, 561, 562,
 695
 раввин 61, 220, 828
 райя (*ра'айя'*) 598
 ракат (*ракат*) 850
рәҳиб, мн. ч. *рухбән* 227; ср. терса, тер-
 сак
 реис (*ра'ис*) 234, 250, 251, 350, 354,
 425
 рибат — см. рабат
 риваят (*ривайат*) 387
 риш-и сефид (*риш-и сафид*) 367; ср. ак-
 сакал
 рустак (*рустак*) 188, 208, 209
- сабин (*саби*) 191, 216, 455
 савамин* (*савамин'*) — см. саума'а
 садр (*садр*) 130, 133—135, 150, 250, 251,
 262, 263, 266, 270*, 632
 садр-джехан (*садр-джехан*) 250
 садр-казы-мулла (*садр-қазй-мулла*) 401
 салат (*салат*) 850
 салык 281
 сангарам 215
 санджак (*санджак*) 753
 санджар (*санджар*) 215; ср. сангарам
 санджаристан (*санджаристан*) 215
 сарай (*сарай*) 206, 207, 731
 сарт (*сарт*) 196, 197, 251, 460—462, 699;
 см. также сартак
 сартак, сартактай, сартаул, сартагул 135,
 197, 253, 460—462, 699; см. также
 сарт
 сатрап 656—658, 776

- саума'а (*саума'а*, мн. ч. *савами'*) 228, 229, 236; ср. худжра, сюме
сахиб 871, 875
 сахиб-мидрас (*сахиб-мидрас*) 225
сахр 563*
 сахра (*сахра'*) 208
 сахра-нишин (*сахра-нишин*) 467
 сейид (*сайид*) 158, 264, 276, 279, 281, 284, 730, 737—739, 744, 746, 747
 сейяри (*сайяри*) 230
 семенди (*саманда*) 443
 сербедар (*сарбадар*) 265*
 сердар (*сардар*) 419
 серкер, серкар (*саркар*) 368
 синагога 834, 849
 сияхпуши (*сийахпуш*) 603, 604
 солид 255
 стадий 172, 174
 ступа 219; ср. субурган
 субурган (*супурган*) 219; ср. ступа
 султан (*султан*) 94, 129—131, 133, 134, 161, 231, 234, 238, 268, 271, 294, 400, 410, 459, 516, 518, 833*, 876
 «султан ислама» 131, 134, 138, 141, 248, 266, 531, 532, 534
 «султан султанов» 135, 248, 256
 сунна (*сунна*) 755
 сунниты 195, 280, 424, 644, 678, 729, 747, 748, 750—754, 763, 781
 супурган — см. субурган
 сура (*сура*) 220
сурх-алам 678
 сутра 181
суф 234
 суфизм 230, 232, 236, 307
 суфий (*суфий*) 62, 119, 230—232, 234—236
 сылифа (гелифа, цзелифа) 481, 483; ср. эльтебер
 сэньцзу 28
 сю-баши 566
 сюме 229; ср. саумаа
- табгач-хан (тамгач-хан) 46, 127, 248
 тавад 864*
 тадж (*тадж*) 470, 640
таджик 470
 тадрис (*тадрис*) 225; ср. меджлис-тадрис
 тайчжи 97
 гамаша (*тамаша*) 231
- тамга (*тамга, тамга*) 575, 576
 танап (*танаб*) 290, 359, 367, 369
 гардуш 482
 тарикат (*тариқат*) 236
 тархан (*тархан*) 281, 598
 тафсир (*тафсир*) 195, 244
тахаллуф 877
 тебин-барсхан 38
 тексин 37
 теленгут 530
 темпик 506, 797
 теньга (*танга*) 275, 282
 терса (*тарса*), терсак 228; ср. *рахиб*
 тилля (*тилла*) 275, 282, 283, 290, 389, 402, 404, 535
 тильмиз (*тильмиз*) 224; ср. шагирд
 тинчлик 290
 той 74, 76
 толма 444; ср. дулума (тулума)
 тувачи (товочи, товгочи), тугачи 366
 тугай 296
 туган 368
 туганчи 368
 тугачи — см. тувачи
 тугра, туграг (*тугра, туграг*) 576, 577
 туграи (*туграи*) 576
 тулума — см. дулума
 туман (*туман*) 722, 779, 780, 878
 турткуль 209; ср. кат
 тюмень (*туман*) 72, 153, 508*
 тюнлюк-зякет 535
 тюре 803
 тюрки 461*
 тюря, тюря-джан 389, 410, 411, 516
- узбек 154
 уйгун — см. онгун
 улемы ('*улама*', ед. ч. '*алим*') 279, 350, 351, 397
 улус 58, 60, 63—66, 70, 154, 158, 592*, 803
 умр ('*умр*) 221; ср. дейр
 урда 289, 373*
 урук 598*
 устад (*устад*) 224
 уцмий 755, 756, 758, 763
- фаг, фуг (*фаг, фуг*) — см. баг
 фагфур (*фагфур*) — см. багпур
 факих (*факих*) 205, 237, 730, 739

- фарсах (*фарсах*) 37, 75, 152, 188, 263, 441, 560, 586*, 603, 616, 618, 681, 684, 686, 728, 756, 847
- фарси 461*
- фархар 215, 216; ср. бехар
- фасиқ* 228
- фатва (*фатва*) 644
- фема 819, 820*, 854*
- фикх (*фикх*) 204, 205, 245
- фирра'* 868
- фирдаус (*фирдаус*) 209; ср. пардес
- фуг—см. баг
- фукара (*фукара'*, ед. ч. *фақир*), бухара, пукара 532
- хабр (*хабр*, мн. ч. *ахбър*) 219, 220, 225
ср. хабер, хабро
- хабер 219, 220; ср. хабр
- хабро 220; ср. хабр
- ҳаданг*, *ҳаландж* 843*
- хадис (*хадис*) 195, 204, 223, 224, 235
- ҳа'ит ал-'аджӯз* 199
- хакан 32*, 493, 494, 807, 857*, 877; см. также каган
- ҳақан-и кабър* 877
- хаким (*ҳаким*) 271, 272, 274, 277, 280, 291, 347, 373*, 403, 466, 592*, 601
- хакими (*ҳакимӣ*) 230
- ҳаландж*—см. *ҳаданг*
- халиф (*халифа*) 119, 123, 131, 132, 138, 140, 141, 161, 222, 235, 260, 269, 279, 280, 370, 457, 639, 673—675, 682, 693, 696—698, 714, 719, 729, 747, 791—793, 824*, 825, 828, 829*, 832*, 833, 837*, 870, 877
- хан (*ҳан*), гостиница 203
- хан (*ҳан*), титул 32, 60, 78, 128—130, 245, 248, 253—293, 297, 298, 347, 351, 366, 370, 371, 373, 393—398, 409—412, 415, 416, 420, 422, 425, 430, 452, 454, 466, 483, 486, 487, 489, 491, 497, 499, 502, 507, 511—513, 515—519, 529, 593, 596, 598, 603, 606—608, 610—613, 618—621, 711, 715—717, 720, 722, 731, 732, 742, 743, 747, 754, 777, 779—781, 798, 801, 878
- хан-заде (*ҳан-заде*) 395
- ханака (*ҳанқайх*) 148, 203, 215—217, 227, 233, 236, 238
- ханбалиты 232, 237, 238
- хане (*ҳане*) 206, 207, 209, 211, 216, 236; ср. бейт
- «ханэ-и-муг» (*ҳане-йи муг*) 212
- ханеках-и мусафирпенах (*ҳанқайх-и мусәфирпанайх*) 236
- ханифиты 122, 226, 232, 234, 236—238, 250, 387, 517
- харадж (*ҳарәдж*) 358, 367, 535
- хариджиты (*ҳавәридж*) 233
- харошти (карошти) 181
- хатиб (*ҳатиб*) 250, 850
- хатун (*ҳатун*) 487
- хафиз (*ҳафиз*) 641
- хефтьяк (*ҳафт-йак*) 302
- хисар (*ҳисар*) 207
- хисн (*ҳисн*) 207, 208
- ходжа (*ҳәаджа*) 161, 270, 276, 277, 279, 284, 370, 515, 531, 537, 613, 744
- хой-ху 58
- хорезмшах (*ҳәаразм-шах*) 54, 124, 134, 219, 252, 254, 284, 452, 459—461, 571, 582, 588, 631, 694, 695, 698, 699, 706—708, 779, 794, 807, 833*, 857, 877, 878
- хосрой (*ҳусрау*) 198, 222
- ху 26*
- хуажуйбу 445
- худа, худат (*ҳуда*, *ҳудат*) 215
- худжра (*худжра*) 214*, 228; ср. сау-ма'а
- хун-тайчжи 97—100, 106, 277, 522—524, 525, 527
- хурал 229
- ҳурсанийх* 684, 875; см. также *джурсанийх*
- хутба (*ҳутба*) 804
- хуту (*хутув*) 493, 494
- цзелифа—см. гелифа
- цзибэй—см. губэй
- цзюсюнь (*kü-sün*) 444; ср. *қасм*, *қасам* гуза
- чайдан 218; ср. чайтъя
- чайрикер 363
- чайтъя 218
- чакир (*чәкир*), шакир (*шәкир*) 208, 209
- чарбаг (*чәхәрбаг*, *чәрбаг*) 208
- чарсу (*чәхарсӯ*, *чәрсӯ*) 130, 250
- чемен 208
- чжоу 504

чилляхане (*чиллахъне*) 228; ср. саума'а
чистач 364, 365; ср. арбакеш
чокурды 345
чур 484, 557

шавкал—см. шамхал

шагирд (*шагирд*) 224; ср. тильмиз

шакир (*шакир*)—см. чакир

шаман 215, 216, 496

шамхал (шавкал) 675, 755, 758

шаньюй 28, 29

шариат (*шарй'ат*) 61, 154, 269, 279—
282, 292, 303, 310, 347, 350—351, 354,
359, 371, 373, 374, 380—382, 386, 387,
395, 644, 734, 873

шарйк 700; ср. ортак

шаристан—см. шахристан

шафиты 232, 237, 238, 747, 748

шах (*шах*) 130, 274, 285, 465, 573, 585,
586, 601—606, 608, 609, 612, 618—
620, 694, 750—753, 756, 757, 761,
785

шаханшах (*шаханшах*) 573, 679, 683

шахид 132, 202

шахристан (*шахристан*) 120, 122, 129,
200, 201, 205, 208, 210, 211

шейх (*шайх*) 125, 139, 149, 158, 159, 204,
226, 233—236, 251, 266, 269, 273, 280,
517, 596*, 728—731, 733, 737, 747,
748, 783, 785

шейх ал-ислам (*шайх ал-ислам*) 64, 158,
161, 238, 298, 351, 352, 361, 387

шииты 122, 159, 234, 235, 280, 424, 644,
678, 728, 729, 738, 744, 747—754,
781

ширваншах (*ширваншах*) 682—684, 691,
692, 721, 722, 735, 740, 741, 743,
746—748, 779, 780, 781, 862, 875—878

школ пули 207

эгинчи 538

эльтебер 481; ср. гелифа, сылифа

эльтеберлиг будун 481

эмир (*амйр*) 74, 77—81, 84—87, 119, 124,
153, 154, 157, 158, 230, 250, 265,
266, 279—282, 284, 285, 287, 290,
291, 297, 352—354, 356, 374, 395,
400—411, 415—427, 429, 430*, 441,

463, 466, 467, 580—582, 606, 613, 620,
631, 693, 692, 695, 732, 778, 799, 800,
802, 807*, 824*, 825*, 857*, 870

эмир ал-муминин (*амйр ал-му'минйн*)
279

эмир эмиров (*амйр ал-умарй'*) 803

эристав 862

эстрангело 184

эфенди 400

юзбаши 366

юрт 59, 65, 69, 73, 75, 258, 507, 587

яб (*йаб*) 122, 621*

ябгу (*йабгу*), джабгу 36, 38, 39, 487,
559, 563, 566, 568

ягноби 470

яда 97, 180, 517

яйлак 69, 86

яковиты 184, 219

ялавач 261

ялан-шах (*йалан-шах*) 38

янычары 748

ярлык 69, 70, 286, 287, 351, 537, 577,
736, 802*

ярмичи 369

Яса (ясак) 60, 61, 76, 803

auditor 217; ср. нигошак

bombukion 439; ср. памбак

byssos (byssus) 441, 445

callicoc 446

carbasus 439; ср. *кирбас*

cella 228; ср. *kellion*

çamana 215

erymata 111, 173

gossypion (gossypium) 439

gossypium arboreum 439

karpasa 439; ср. *кирбас*

kellion 228; ср. cella

korsipion 439; ср. gossypion

kü-sün — см. цзюсюнь

limes 198

marabout 202; см. мурабит

martus, martir 202; ср. *шахид*

paos 212; ср. наус

othonion (мн. ч. othonia) 439

proteuontes 173

serikon 187

с̣χολή 224

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

- Авеста 180
 'Аджл'иб ал-махлукат Закарии Казвини 716
 «Анабасис Александра» Арриана 172
 «Аноним Искендера» [Му'ин ад-дина Натанзи] 57*, 509
Асар-и Дагестан Дагестани 771
Ашкял ал-'йлам 825*
- Бабур-наме* 79*
Бадай' ат-таварйх 270*, 485*, 510*
Бахджат ат-таварйх Шукруллаха 808
Бутхйане 62*
Бэй-ши 816
- «Вышний рай»—см. *Хулд-и барйн*
Вэй-шу 438
- Генеалогическая история монголов — см. *Му'изз ал-ансйб*
 «Границы мира» — см. *Худуд ал-'алам*
Гулистан-и ирам Аббас-Кули-ага Бакиханова 771
- Джами' ат-таварйх* Мухаммеда Кятйба 808
Джами' ат-таварйх Рашид ад-дина 72*
Джами' ал-хикййат ва ламй' ар-риваййат Ауфи 806
Джахан-наме Мухаммеда Бекрана 51*, 586, 707
Диван Ахтала 870
 «Дневник похода Тимура в Индию» Гияс ад-дина Али 769
- Зафар-наме* Низам ад-дина Шами 632, 634
Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди 81*, 82*, 770, 798, 799, 801, 802
 «Золотые врата» 714
Зубдат ат-таварйх Хафиз-и Абру 799*
- «Исторические записки» — см. *Ши-цзи*
 «История династии Тан» 817; см. также *Тан-шу*
 «История династии Юань»—см. *Юань-ши*
 «История и восхваление венценосцев» 862*
 «История младших Хань» 178, 182, 185, 186, 478; см. также *Хоу-хань-шу*
 «История сельджукского дома» (турецкий перевод Равенди) 577
 «История старших Хань» («История старшего дома Хань») Бань Гу 178, 184, 186, 476, 814
 «История Табаристана» Ибн Исфендияра 768
 «История трех династий» 477*
 «История четырех улусов» Улугбека—см. *Шаджарат ал-атрак*
- Қабус-наме* 127
Китаб-и Деде Коркут 760, 781, 782, 862
Китаб-и тарджуман-и фарсй ва туркй ва мугулы Джемаль ад-дина Ибн Муханны 461*
Китаб сурат ал-'ард Мухаммеда Хорезми 555*
 Коран 157, 195, 202—204, 210, 212, 216, 220, 223, 227, 228, 232, 235, 244, 280, 302, 641, 644, 755
Кутадгу билик 45, 46, 127, 128, 256, 469, 640*, 699

«Логика» Авиасафа 714

Лян-шу 437

Ляо-ши 503

Маджму'а Хафиз-и Абру 632*

Маджму' ат-таварйх Ахсикенди 518*, 533*

«Манас» 517*

Матн ат-таварйх Шахризаде 875

Муджмал ат-таварйх 35*, 36*, 870

Му'изз [ал-ансаб 57*, 74*, 80*, 84*, 85*

Му'йн ал-мурйд Шериф-ходжи 594

Муҳаббат-наме Хорезми 713*

«Наказание в могиле по отношению к описанию господ» Мухаммеда б. Керрама 233

Нань-ши 437

Несторова летопись — см. «Повесть временных лет»

Новый завет 212, 221

Нуғрат-наме Али Челеби 87*, 753

«Об управлении империей» Константина Багрянородного 820

«Первый учитель» — см. Устад-и аввал

«Повесть временных лет» (Несторова летопись) 807, 838*

«Путеводитель по Катагану и Бадахшану» Бурхан ад-дин-хана Кушкеки 465

«Райский цветник» — см. Гулистан-и ирам

Раузат ас-сафа' Риза-Кули-хана 621*

Рисала Ибн Фадлана 871

«Родословная туркмен» Абулгази 594, 595

«Рукопись Туманского» 492, 493, 497, 499, 501, 560, 561, 563, 565, 768;

см. также Худуд ал-'алам

«Сборник анекдотов и собрание блестящих рассказов» — см. Джами' ал-хикайат

«Следы [прошлого] Дагестана» — см.

Асар-и Дагестан

«Сокровенная история монголов» — см.

Юань-чао би-ши

Талмуд 306

Тан-шу 31, 437, 479—482, 486, 487, 489, 490, 492, 494—497

Та'рйх-и 'аламра-йи 'Аббасй Искендера Мунши 785

Та'рйх-и Амйнй 770

Та'рйх-и Нершахй 629

Та'рйх-и Рашидй Мухаммед-Хайдера Дуглата 74*, 79*, 81*, 84, 511—515, 519

Та'рйх-и Хайдарй Хайдера Рази 49*, 630

Та'рйх-и хайрат Мусеви 57*

Тафсйр Табари 195*

Тун-дянь [Тун-цзянь ган-му] 550

«Упадок времени министров и министры времени упадка» Ануширвана б. Халида Кашмани 768

Устад-и аввал Сейид-Расуль Сейид-Азизова 309

Фихрист ан-Недима 216

Хафт иқлйм [Амина б. Ахмеда Рази] 807*

Хидайа Бурхан ад-дина Маргинани 386, 387

Хоу-хань-шу 438; см. также «История младших Хань»

Худуд ал-'алам 35*, 37*, 39*, 485*, 490—493, 497, 499, 679*, 768*, 872, 875; см. также «Рукопись Туманского»

Хулд-и барйн Мухаммед-Юсуфа Валиха 608

Цзинь-ши 503

Шаджарат ал-атрак Улугбека 57*

Ши-цзи Сыма Цяня 178*, 475

Юань-чао би-ши 506

Юань-ши 59*, 497, 503—506, 508

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

5

Раздел I

Работы по истории Средней Азии

Очерк истории Семиречья

<Предисловие>	23
I. Усуни	25
II. Тюрки	31
III. Карлуки	35
IV. Караханиды	41
V. Кара-китай	48
VI. Монголы до распада чагатайского государства	57
VII. Моголистан	79
VIII. Калмыки	96
Хронологический указатель	102

История Туркестана

<I. Туркестан в древности>	109
<II. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах>	118
<III. Караханиды, сельджуки, кара-китай и хорезмшахи>	127
<IV. Монгольское завоевание>	137
<V. Чингизиды>	146
<VI. Тимур и Тимуриды>	157
<VII. Узбекские ханства>	163

История культурной жизни Туркестана

Предисловие	169
I. Домусульманский период	171
II. Туркестан при исламе	194
III. Туркестан и турки	239
IV. Монгольское владычество	257
V. Узбекские ханства	268
VI. Оседлый и кочевой быт при русской власти	293
VII. Школы	297
VIII. Русское переселенческое движение	319
IX. Городская жизнь	336
X. Туземцы и русская власть	350
XI. Европейизация управления и туземцы	376
XII. Русская власть и ханства. Бухара	393

Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских	434
Таджики. Исторический очерк	449
Таджики (из «Энциклопедии ислама»)	469
Киргизы. Исторический очерк	
<Предисловие к первому изданию>	473
Глава I. Древнейшие известия	474
Глава II. Киргизы от VI до IX века	479
Глава III. IX и X века. Киргизское великодержавие	489
Глава IV. Енисейские киргизы после X века	501
Глава V. Тяньшаньские киргизы в XVI и XVII веках	511
Глава VI. Енисейские киргизы в XVII веке	520
Глава VII. Тяньшаньские киргизы в XVIII и XIX веках	526
Очерк истории туркменского народа	
Предисловие	547
I. Домусульманский период	548
II. Огузы (туркмены) до образования сельджукской империи	559
III. От конца XI века до монгольского нашествия	574
IV. XIII—XVI века	584
V. XVII—XIX века	605

Рецензии

Рецензия на книгу: F. H. Skrine and E. D. Ross, <i>The Heart of Asia</i> (1899)	627
Рецензия на книгу: В. И. Масальский, <i>Туркестанский край</i> (1913)	635
Рецензия на книгу: <i>Азиатская Россия</i> , т. I—III (1914)	643

Раздел II

Работы по истории Кавказа и Восточной Европы

Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира

Предисловие от историко-этнографической секции ООИА	651
<Предисловие>	652
Лекция I (1—2)	653
Лекция II (3—4)	664
Лекция III (5—6)	676
Лекция IV (7—8)	689
Лекция V (9—10)	694
Лекция VI (11—12)	710
Лекция VII (13—14)	725
Лекция VIII (15—16)	734
Лекция IX (17—18)	750
Лекция X (19—20). Источники и литература о прикаспийских областях	766

Статьи

Краткий обзор истории Азербайджана	775
Могилы поэта Низами	784
К истории Дербента	786
Новое известие о стенах Дербента	788
Кавказ, Туркестан, Волга	789
Отец Едигея	797
Новое мусульманское известие о русских	805
Арабские известия о русах	810

Статьи из «Энциклопедии ислама»

Абхазы	861
Аланы	866
Буртасы	868
Славяне	870
Шамиль	873
Ширваншах	875

Приложения

Библиографическая справка	881
Сокращения	885
Библиография (цитированная литература)	891
Библиографические пособия	947
Указатель имен	948
Указатель географических и топографических названий	974
Указатель этнических названий	1000
Указатель терминов	1008
Указатель названий сочинений	1016

Василий Владимирович Бартольд

СОЧИНЕНИЯ

Том II

часть I

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Художник *Б. В. Шварц*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *И. И. Исаева* и *Г. А. Невелова*

Сдано в набор 31/V 1963 г. Подписано к печати 19/X 1963 г. А10260 Формат 70×108^{1/16}
Печ. л. 63,75 Усл. печ. л. 87,33. Уч.-изд. л. 72,43 Тираж 5400 экз. Зак. 778. Цена 3 р. 50 к.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы, Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	1 снизу	стр. 948	стр. 947
27	8 снизу	III, 70	географический указатель, 100
39	2 снизу	л. 176	л. 18а
49	7 снизу	Нершахи, изд. Шефера, 234	Нершахи, изд. Шефера, 234. Переселенцы названы здесь выходцами из Тибета.
62	13 снизу	574agh	574agk
69	5 снизу	пер., 126	пер., 128
77	2 снизу	стр. 306	стр. 305
84	9 снизу	II, 421, 427	II, 421, 457
115	13 снизу	дейских	дейских
180	6 сверху	ней Азии до XV в. включительно. Прямых известий о движении юебань- <i>Tar'rix-i</i> <i>шахид</i>	китайцев название <i>юебань</i> . По своему культурному уровню юебаньцы <i>Ta'rix-i</i> <i>шахид</i>
194	1 снизу	<i>Schulvortsteher</i>	<i>Schulvorsteher</i>
202	17 снизу	словам	словом
225	18 сверху		[прим. 55 читать так:] Ныне Ашхабад. На восточной окраине сел. Багир находится городище Старая Ниса (развалины столицы древней Парфии), а на западной окраине — городище Новая Ниса, развалины средневекового города, который здесь имеет в виду В. В. Бартольд.
228	14 снизу		
230	5 снизу — —1 снизу		
287	6 снизу	<i>Ta'rix-i</i>	<i>Ta'rix-i</i>
291	2 сверху	Аб-ас-Самад	Абд ас-Самад
295	8 снизу	в 1886 г.	в 1868 г.
320	14 снизу	НИА. Влангали	А. Влангали
327	14 сверху	Шахрухи и	Шахрухи
332	2 снизу	«селеутское»	«телеутское»
333	13 снизу	ср. <i>шалгы ордак</i>	ср. <i>шалгы орак</i>
399	4 снизу	Лю-шо	Лю Шо
438	3 снизу	<i>b'vak d'ier</i>	<i>b'vk d'ier</i>
439	9 снизу	<i>кути</i>	<i>кути</i>
447	5 снизу	т. I, ч. I	т. I, ч. II
451	3 снизу	<i>Асәр</i>	<i>Асәр</i>
477	3 снизу	Бэй	Вэй
480	6 сверху	<i>Рою-та</i>	<i>Рою-та</i>
511	3 снизу	<i>Маджму' ат-таварих</i> центральный и южный Тянь-Шань	<i>Маджму' ат-таварих</i> центральный и южный Тянь-Шань
514	2 снизу	посвященная ему работа	посвященная киргизско-ойратским взаимоотношениям работа
533	24 снизу	Огуз-огула	Отуз-огула
533	14 снизу	суу, мурун	суу мурун
541	15 снизу	قره قره قرة	قره قره, قرقره
561	4 снизу	العورده	العورده
588	9 снизу	Сайг-тин	Сайг-син
598	11 снизу	ادقليسى	اداقليسى
608	2 снизу	Фалих	Валих
630	3 сверху	<i>Хайде рй</i>	<i>Хайдарй</i>
696	1—2 сверху	строки поменять местами	

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
767	14 снизу	до Гье	де Гье
785	10 сверху	تربت	تربت
806	6 сверху	وايشان	وايشان
806	8 сверху	بماند	بماند
806	10 сверху	والتحبه	والتحبه
806	20 сверху	باشند	باشند
806	21 сверху	خلق	خلق
806	9 снизу	داشتندی	داشتندی
809	7 снизу	ايشانرا	ايشانرا
809	1 снизу	ولدقلمين	اولدقلمين
815	1 снизу	الحزر	الحزر
819	19 сверху	Рѡс	Рѡс
819	24 сверху	дится из анналов	приводится из анналов
825	20 снизу	با رمان	барман
829	11 снизу	836	336
834	5 снизу	امثالها	امثالها
836	19 снизу	ويسوورنك	ويسو ورنك
862	15 сверху	(или ἐξουσιαστῆς Ἀβασγίας)	(или ἐξουσιαστῆς) Ἀβασγίας
866	7 сверху	Алан	Алан
871	8 снизу	ас-сақалиба	ас-сақалиба
876	21 сверху	511—52	511—525
889	7 снизу	Islam	Islam
890	12 снизу	Encyclopädie	Encyclopädie
891	15 снизу	маджма'	маджма'
910	22 снизу	تاريخ	تاريخ
910	21 снизу	روزان	روان
913	9 снизу	Harusi v	Harusi v
915	1 снизу	'Abd-el-Qâdir	'Abd-el-Qâdir
916	1 сверху	wa'l-I'tibâr	wa'l-I'tibâr
916	1 сверху	wa'l-Âthâr-	wa'l-Âthâr.
918	18 снизу	مَجْمَل	مَجْمَل
920	24 снизу	Zafarnāma	Zafarnāma
931	18 снизу	Nurhal	Nuzhat
948	22 сверху, слева	282, 287*	282, 284, 287*
948	14 снизу, справа	Абу-л-Аббас Сейяри 230, 231	Абтакул 71* Абу-л-Аббас Сейяри 230, 231
949	25 сверху, слева	167	161
950	8 сверху, слева	Али-Аскар Калинин 309	Али, предок али-эли 594 Али-Аскар Калинин 309
950	8 сверху, справа	274	274, 610, 612
952	16 снизу, слева	801	802
953	8 сверху, слева	68*	608*
953	19 сверху, слева	Бука 589	Бука, монгол 506 Бука, туркмен 589
954	18 снизу, справа	527	527, 528*

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
954	8 снизу, справа	Даулет-бий 280	Даулет-бий 280
955	8 сверху, справа	598, 600	Даулет-Мамед 614* 598—600
955	11 сверху, справа	311	312
957	19 сверху, слева	806	805
959	8 снизу, справа	861	861, 862*
961	3 сверху, справа	870	674, 870
962	10 сверху, справа	6. Текеш	6. Текеш
963	5 сверху, слева	Мухаммед-Рахим-хан [II]	Мухаммед-Акбар-хан 467 Мухаммед-Рахим-хан [I]
965	4—5 сверху, справа	Рабино ди Боргомале Г. Л. (Rabino di Borgo- mali H. L.) 377*	Рабино ди Боргомале Г. Л. (Rabino di Borgomale H. L.)
967	8 снизу, слева	377*	377
968	21 снизу, слева	Тевеккель-ага (Кичик- ханым)	Тевеккель-ага (Кичик-ханым) 84
970	9 сверху, справа	Hartmann I.-M.	Hartmann J.-M.
972	11 сверху, справа	Ш И. (Scherr J.)	Шерр И. (Scherr J.)
974	15 сверху, справа	92, 512, 518	92, 343, 512, 518
976	15 снизу, справа	50	56
978	21 снизу, справа	327	321
979	5 снизу, справа	846*	864*
981	20 снизу, слева	832	831
981	7 снизу, справа	Заргер р. 331	Запорожский 326 Заргер р. 331
983	5 снизу, слева	388	338
984	9 сверху, справа	Куфманское	Кауфманское
986	5 сверху, слева	396	596
986	3 снизу, слева	817	814
986	25 сверху, справа	176*, 191	176*, 177, 191
991	7 снизу, слева	829*	825*
991	5 сверху, справа	Исфинджаб	Исфиджаб
991	24 сверху, справа	438*	437*
993	14 снизу, слева	см. Судэ	см. Суи
997	5 снизу, справа	296	296*
998	24 снизу, справа	170	173

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
998	22 снизу, справа	264—266, 265	264, 266, 269
1004	14—13 снизу, слева	мунгуш 533* мурун 533*	мунгуш 533*
1004	3 сверху, справа	513*, 549—554	549—554
1005	7 сверху, справа	суу 533*	суу мурун 533*
1009	2 снизу, слева	<i>гачча</i>	<i>гарча</i>
1011	5 снизу, справа	<i>мицкал</i>	<i>мицкал</i>
1012	2 сверху, слева	моголи	моголи (<i>мугулай</i>)
1013	16 снизу, справа	тюрки	тюрки (<i>туркй</i>)
1014	18 снизу, справа	525	526
1017	19 сверху, справа	Кашмани	Кашани

Заказ 1501